

НЕ КОПИРОВАТЬ

ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

4/130
629

КРАМСКОЙ

801-13
1286

НЕ КОПИРОВАТЬ

ЕГО ЖИЗНЬ, ПЕРЕПИСКА И ХУДОЖЕСТВЕННО-КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЫ

1837—1887

41355
Центральная Рабочая
Библиотека
Тек. Губ. Сов. Дел.
Алексѣи Суворинъ

Съ факсимиле и 2 портретами.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Угледельск. д. 11—2

1888

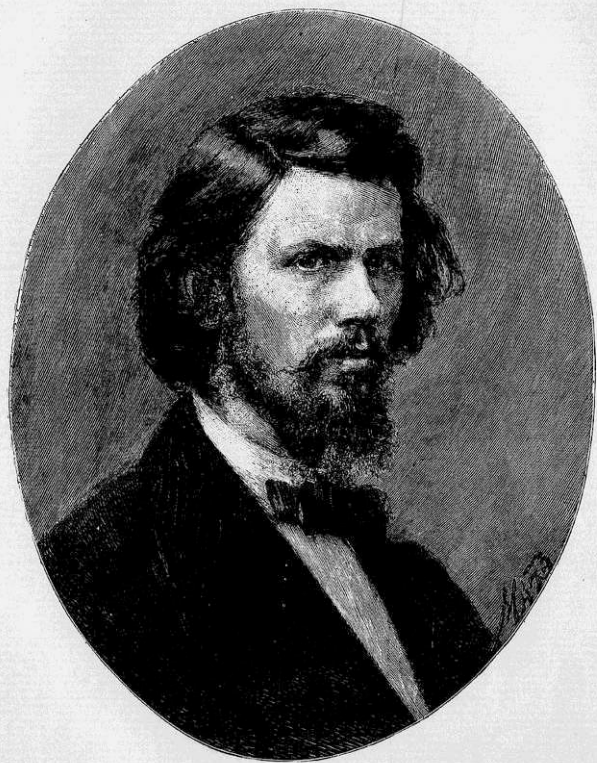

2011137831

I
АВТОБІОГРАФІИ И ДНЕВНИКЪ

—
ПРИЛОЖЕНІЯ

П. Н. КРАМСКОЙ.

Съ портрета исполнены креслами, писанинѣмъ илѣ самѣмъ въ 1867 году.

I. Автобіографія И. Н. Крамского.

(Письмо къ А. К. Шеллеру, редактору «Живописнаго Обозрѣнія»).

1880.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ, извините меня великодушно, что я такъ долго задержалъ данныя для моей біографіи.

Я родился въ 1837 году, 27 мая, въ уѣздномъ городкѣ Острогожскѣ, Воронежской губ., въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписанныхъ къ мѣстному мѣщанству. 12-ти лѣтъ отъ роду, я лишился своего отца, человека очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ; дѣдъ же мой, по разсказамъ, былъ такъ называемый войсковой житель, и, кажется, былъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украинѣ. Дальше генеалогія моя не подымается. Какъ видите, она столь же древняя, какъ и любая дворянская. Учился я вначалѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отмітками „5“ по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ свидѣтельствуетъ и аттестатъ мой. Мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ. На слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же аттестатъ, съ тѣми же отмітками, только съ переменю года. Какъ видите, уче-

I. Автобіографія И. Н. Крамского.

(Письмо къ А. К. Шеллеру, редактору «Живописнаго Обозрѣнія»).

1880.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ, извините меня великодушно, что я такъ долго задержалъ данныя для моей біографіи.

Я родился въ 1837 году, 27 мая, въ уѣздномъ городѣ Острогожскѣ, Воронежской губ., въ пригородной слободѣ Новой-Сотнѣ, отъ родителей, приписанныхъ къ мѣстному мѣщанству. 12-ти лѣтъ отъ роду, я лишился своего отца, человѣка очень суроваго, сколько помню. Отецъ мой служилъ въ городской думѣ, если не ошибаюсь, журналистомъ; дѣдъ же мой, по разсказамъ, былъ такъ называемый войсковой житель, и, кажется, былъ тоже какимъ-то писаремъ въ Украинѣ. Дальше генеалогія моя не поднимается. Какъ видите, она столь же древняя, какъ и любая дворянская. Учился я вначалѣ у одного грамотнаго сосѣда, а потомъ въ острогожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ и кончилъ курсъ съ разными отличіями, похвальными листами, съ отмѣтками „5“ по всѣмъ предметамъ, первымъ ученикомъ, какъ свидѣлствуетъ и аттестатъ мой. Мнѣ было тогда всего 12 лѣтъ, и мать моя оставила меня еще на одинъ годъ въ старшемъ классѣ, такъ какъ я былъ слишкомъ малъ. На слѣдующій годъ мнѣ выдали тотъ же аттестатъ, съ тѣми же отмѣтками, только съ переменою года. Какъ видите, уче-

ность моя очень обширна. Не имѣя средств перевести меня въ воронежскую гимназію, куда мнѣ очень хотѣлось, я остался въ родномъ городѣ и сталъ упражняться въ палитрафії въ той же городской думѣ, гдѣ мѣсто моего отца занималъ тогда старшій братъ (старше меня лѣтъ на 15). Потомъ служилъ нѣсколько времени у посредника по любовному межеванію. Какъ рано появилось у меня влеченіе къ живописи—не знаю. Помню только, что 7-ми лѣтъ я хѣпшилъ изъ глины казанокъ, а потомъ—по выходѣ изъ училища, рисовалъ все чтѣ мнѣ попадалось, но въ училищѣ не отличался по этой части—скучно было *). Когда мнѣ было уже 16 лѣтъ, мнѣ представился случай вырваться изъ уѣзднаго города съ однимъ харьковскимъ фотографомъ, приѣхавшимъ въ нашъ городъ, по случаю собравшихся войскъ и бывшихъ парадовъ, разводотъ, учений. Съ этимъ фотографомъ я обѣщалъ большую половину Россіи, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, въ качествѣ ретушера и акварелиста. Это была суровая школа—фотографъ былъ еврей. Въ это время (а

началъ и раньше) я очень много читалъ, поглощалъ все, о чемъ только могъ услышать. 20-ти лѣтъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ Академію въ 1857 году, а въ 1863 г. вышелъ изъ нея вмѣстѣ съ товарищами, въ числѣ 14-ти человекъ, отказавшись отъ конкурса на большую золотую медаль. Затѣмъ, женившись, я началъ вѣчную исторію борьбы изъ-за куска хлѣба, преслѣдуя въ то же время цѣли, нирого общаго съ рублемъ не имѣющихъ. Такъ дѣло тянется и теперь. Когда кончится мое (въ сущности каторжное) теперешнее положеніе и кто одолѣетъ въ борьбѣ—я не знаю и не предугадываю. Еще 5 лѣтъ тому назадъ я, пожалуй, отвѣтилъ бы съ несомнѣнною увѣренностью, что я буду побѣдителемъ, но теперь... не рѣшаюсь. Чѣмъ больше захватываешь поле, тѣмъ больше встрѣчается препятствій, не имѣвшихъ прежде мѣста, силы же не увеличиваются въ той же прогрессіи. Словомъ, на этомъ мѣстѣ начинается сказка про благаго бычка, и потому останавливаясь, должно быть, изъ благоразумія.

*) Въ биографіи Крамского, напечатанной въ „Жизновисномъ Обзоріи“, въ 1880 году, на основаніи „Автобиографіи“ Крамского, авторъ статьи, „Дилетантъ“, сообщаетъ нѣсколько подробностей изъ молодыхъ лѣтъ жизни Крамского, рассказанныхъ ему изустно самимъ Крамскимъ. Мы приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ: „Мальчикъ очень рано полюбилъ природу, именно съ ея, такъ сказать, художественной стороны; рѣчки, лѣсды, ровны, меропамъ свѣта, — все это охватывало ребенка канихъ-то неопонимымъ ему восторгомъ. Пробуждался, если можно такъ выразиться, поэтической лиризмъ. Къ тому же присоединились случайно и другія впечатлѣнія дѣтства, дѣйствующія въ томъ же направленіи; такъ, напр., онъ очень любилъ слушать по ночамъ пѣру на флейтѣ въ саду сосѣда Крученко. Немало также интересовала его живопись кладбищенской церкви въ Острожскѣ, еще скатеринниковаго времени. Картины эти принадлежали какому-то, нинѣ совершенно забытому, художнику Величковому. Эти художественныя ириважденія ириважденія ириважденія—не Богъ вѣсть что, но и не сурдальщина. По выходѣ изъ училища, молодой Крамской приставалъ къ роднымъ, главнымъ образомъ къ брату, чтобы его отдали къ живописцу учиться, только не къ одному изъ тѣхъ, которые были въ городѣ. Родные не соглашались, говоря, что живописцы ходятъ безъ сапоговъ, и ужасна же онъ хочетъ быть похожъ на Петра Гѣбеняча? (Петръ Гѣбенячъ былъ живописецъ въ Острожскѣ, ходившій на базаръ въ оироркахъ и халатѣ). На этогъ аргументъ мальчикъ возражалъ, что есть такіе живописцы, о благополучіи которыхъ въ Острожскѣ и не подозреваютъ! Онъ уже въ это время слы-

шалъ кое-что о Брюлловѣ. Тѣмъ не менѣе, именнъ на Брюллова не произвождалъ надлежащаго дѣйствія: родные, поирежнему, продолжали съ преиребреженіемъ относиться къ художественной карьерѣ... Старшій братъ его былъ въ то время учителемъ въ иривотонтеинымъ классѣхъ училища: онъ тогда только что притогонился и выдержалъ экзаменъ въ Воронежѣ; онъ и послѣ тѣхъ училищной бібліотеки много книгъ и журналовъ, къ чтенію которыхъ молодой Крамской очень пристрастился, но, тѣмъ не менѣе, не охладѣлъ въ своей любви къ искусству. Долго между нимъ и родными или скорн на этогъ счетъ; наконецъ, когда ему было около 15-ти лѣтъ, мать отела его нѣшкомъ въ Воронежъ и отдала къ лучшему тамъ иконописцу, на 6 лѣтъ въ учение. Иконописецъ согласился, съ тѣхъ условіемъ, что когда обнаружатся въ мальчикѣ способности къ живописи, то заключить контрактъ. У него мальчикъ пробылъ, однако же, не болѣе 3 мѣсечей, распирая краски, носилъ ему обиды на другой конецъ города, въ надбѣнскую церковь, которую онъ тогда расписывалъ. Осенью, будущій художникъ, нинѣ съ поддасстерями, долженъ былъ таскать изъ рѣки бочки для разныхъ солений и водить ихъ на высокую гору. Само собою разумеется, что молодому Крамскому такое художественное образование не особенно нравилось. Онъ, наконецъ, возмущился, и въ нисамъ къ матери иривилъ взять его отъ иконописца, такъ какъ его не учатъ. Когда мать явилась, то живописецъ требовалъ, чтобы былъ заключенъ контрактъ; но дѣло кое-какъ уладилось, живописецъ съ ругательствомъ отпустилъ мальчика. Онъ опять возвратился въ родной городъ“.

Никогда и ни отъ кого: ни отъ отца, ни отъ брата, ни отъ матери и ни отъ кого изъ благодѣтелей, я не получалъ ни копѣйки. Служилъ я за 2 рубля 50 коп. въ мѣсяцъ. Уѣхать изъ Острогжска къ фотографу въ Харьковъ—на заработанный рубль. Учился, и всегда жилъ, только на то, чтó могъ заработать. Вотъ моя исторія. Признаюсь, мнѣ было тяжело разсказывать біографическія данныя, и я охотно бы предпочелъ не дѣлать этого, но такъ какъ изъ меня очевидно вышло иѣчто въ родѣ „особы“ и такъ какъ люди очень любопытны и не могутъ отстать, пока не узнаютъ чего нибудь (это не къ намъ относится, а къ читателямъ—честное слово!), то и пусть узнаютъ голую правду.

Мои работы: еще будучи ученикомъ Академіи, въ 1863 г., я сдѣлалъ до 50-ти рисунковъ для купола въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, своему профессору Маркову, и 8 картоновъ, въ натуральную величину. Потомъ, уже по выходѣ изъ Академіи, чрезъ 1½ года, писалъ и самый куполъ. Потомъ портреты, портреты и портреты, и карандашемъ, и красками, и чѣмъ попало. Сколько ихъ и гдѣ они—не помню и не знаю, потому что я, въ качествѣ русскаго человѣка, въ этомъ отношеніи, никуда негодный человѣкъ: всегда хотѣлъ вести счетъ, записать, чтó, кому и когда сдѣлалъ, даже нѣсколько разъ давалъ искреннее слово снимать фотографіи и... должно быть обстоятельства выше наѣбрены. Знаю, что это не оправданіе!

Повѣсть моя будетъ не окончена, если я не прибавлю, что никогда и никому я такъ не завидовалъ (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова), какъ человѣку дѣйствительно образованному. Прежде у меня даже была лажейская панника передъ каждымъ студентомъ университета. Извините, негдѣ прибавить комплиментовъ, а потому просто подписываюсь

И. Крамской.

II. Орывокъ изъ автобіографіи И. Н. Крамского.

(Письмо къ А. С. Суворину).

С.-Петербургъ, 6-го марта 1896 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вы хотите имѣть мою біографію, какъ сотрудника „Новаго Времени“. Чтó-жъ, я разсказать согласенъ, и такъ какъ читателей у меня не будетъ, или, лучше, вы—единственный читатель, то я могу не стѣсняться: буду пространнѣе и даже болтливѣе, когда это нибудь въ моихъ воспоминаніяхъ меня увлечетъ; вы можете скучать, заснуть, почтитать, бросить, даже вовсе не заглядывать въ рукопись—мое автобіографическое самолюбіе отъ того не пострадаетъ ни капли. Никто критики не напишетъ и никому, кромѣ васъ, я въ тягость не буду,—ну, а обременить только одного человѣка—это сноснѣе, чѣмъ многихъ. Но все же, хотя это и для васъ и только для васъ, а я желаю быть и искреннимъ, и безпристрастнымъ къ себѣ. Конечно, желать не значить быть, и потому впередъ оговариваюсь, что пристрастіе я допускаю, невольное, конечно, но искренность отстаиваю неприкосновенно. А впрочемъ, къ чему-жъ я это говорю?! Вы отличите и настоящую искренность, и настоящее безпристрастіе. Какъ вы полагаете, не пора ли начать?

Я—человѣкъ оригинальный: таковымъ родился. Мнѣ бы очень хотѣлось начать не такъ, какъ всѣ, да какъ начнемъ не сначала? Итакъ, начнемъ сначала.

Я родился на свѣтъ Божій 27 мая 1837 г., крещенъ же 29 мая во имя Іоанна Блженнаго, стало быть черезъ день. Такой не громкій святой и конецъ мая, когда обыкновенно именинниковъ не встрѣчается, были причиною, что никто никогда не помнилъ моихъ именинъ, даже люди самые близкіе. Сначала меня это огорчало, а потомъ стало доставлять удовольствіе, именно тѣмъ, что всякій, кто у меня спрашивалъ, когда я именинникъ, очень удивлялся, узнавъ, что—мая 29. Какъ? восклицалъ обыкновенно спрашивавшій, неужели 29?—

Да.—Удивительно!? — Да что-ж тутъ удивительнаго? — Да такъ, знаете, всетаки Иванъ,—ну я и думалъ, что какойнибудь Богословъ или Креститель, а то—29 мая—очень странно!—А черезъ годъ столь основательно забывалъ опять, что, когда день проходилъ уже, то опять удивлялся. Словомъ, я, такъ сказать, никогда не былъ именинникомъ, и такъ привыкъ къ этому, что никогда не готовился принимать гостей и никогда не ошибался. Однакожъ, несмотря на столь значительное сбереженіе и экономію, которую сама судьба мнѣ уготовала, я тѣмъ своихъ обстоятельствъ не поправилъ.

Итакъ, я родился, и, конечно, зажилъ. Первое впечатлѣніе, которое моя память удержала, было слѣдующее: я сижу у кого-то на рукахъ и смотрю въ черную дымовую плетеную трубу четырехугольной формы, черезъ которую видно небо. Сколько было мнѣ лѣтъ и кто меня держалъ—не помню; держала, должно быть, мать, а лѣта... я еще не ходилъ. Помню, что я спрашивалъ, было ли чтонибудь подобное, или могло ли быть? Мать моя долго не могла сообразить—однакожъ потомъ вспомнила, что они жили на квартирѣ (во время постройки собственной хаты), гдѣ такая труба была дѣйствительно. Это, значитъ, первое мое впечатлѣніе, которое я помню. Второе, тоже довольно раннее, было слѣдующее: я вмѣстѣ съ матерью и нѣкоторыми родственниками ѣду откуда-то на санихъ очень низкихъ (дровняхъ) и вижу съ поразительной ясностью стволы тонкихъ березъ, облепленныхъ снѣгомъ, замерзшія дужицы, въ которыхъ ледъ отлихватъ перламутромъ, а отъ вечерняго солнца длинныя тѣни; путь лежалъ черезъ такъ называемую лешаду. Это впечатлѣніе сопровождалось (помню очень хорошо) грустнымъ и тоскливымъ чувствомъ, хотя и пріятнымъ. Затѣмъ рядомъ возникнуть въ памяти лѣтнее утро, теплое, свѣтлое, солнечное, росистое и пахучее, я иду съ блинами (помню хорошо, что куда-то кому-то нужно было снести завтракъ), иду по саду нашему, по дорожкѣ, и съ обѣихъ сторонъ трава очень свѣжая и пахучая, выше меня ростомъ. Очень

весело, и я горжусь важностью даннаго мнѣ порученія. Но куда я пришелъ, и выполнилъ ли данное порученіе, не знаю—не помню, а какъ иду—помню, и какъ бьетъ мокрая трава въ лицо и осмываетъ всего брызгами—помню тоже.—Еще утро, и тоже лѣтнее. Какъ общій фонъ дѣтскихъ воспоминаній, это утро было такое же, какъ всѣ: просыпаюсь, мать съ рогачемъ или кочергой около печки стряпаетъ. Это всегда и очень подолгу продолжается; сейчасъ воятъ на дворъ. Тапъ и на этотъ разъ; но вотъ странность—начинаетъ какъ-то темнѣть, все какъ будто заволакивается какимъ-то красно-краснымъ и зловѣщимъ сумракомъ. Я на крыльцѣ; тутъ же мать и еще кто-то: такъ человѣка три, четыре. Всѣ смотрятъ на небо, и я смотрю, но перила крыльца мѣшajúтъ; однако-жъ я кое-какъ увидалъ: солнца нѣтъ, а есть кольцо тонкое-тонкое, а внутренности кольца какаля-то темно-красная или темно-черно-красная. Никогда я потомъ ничего не видѣлъ правильнѣе и удивительнѣе. Стало такъ темно, какъ ночью, только, какъ будто, всюду кровавый дымъ. Коровы жалобно мычатъ и собаки воютъ: было очень страшно; особенно было страшно, что перепугались зѣбры. Еще помню: лежу я на большой кровати, а рядомъ со мною сестра, у нея лицо красное, все въ пузырькахъ, и у меня, должно быть, такое же, потому что руки мои въ такихъ же пузырькахъ и очень чешутся, а когда трону—вмѣстѣ пузырьковыя, которые лопаются, образуются ямочки красныя. Говорили потомъ, что это у меня была оспа. Сестра умерла, а я перенесъ. Еще помню: день теплый, сухой, улица полна народа, всѣ нарядные, въ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ. Всѣ куда-то идутъ, и я иду. Впередѣ поютъ и несутъ на рукахъ гробъ; говорятъ, тамъ лежитъ сестра моя старшая, 14 лѣтъ. Помню ѣдущихъ по улицѣ нашей казаковъ въ высокихъ черныхъ шапкахъ на-бокъ; тонкіе черные ремешки по щекѣ вонъ уха застегнуты подъ подбородкомъ; длинныя конья, лошади коричневныя; казаки пригибаются къ самой шее лошади и страшно скоро скачутъ. Мнѣ ужасно понравилось такъ ѣздить, и именно пригнуться и пустить лошадь во весь

опоръ, а копые впередъ на перевѣсъ, и я старался такъ ѣздить на... плетнѣ; а потомъ ѣздить себѣ очень похожаго казака изъ глины, которой у насъ было много надъ погребомъ.

Эти впечатлѣнія стоятъ въ моей памяти безъ всякой связи, отдѣльными картинками, и между ними ничего нѣтъ, даже меня нѣтъ, именно мещанство и нѣтъ: сознанія жизни и памяти объ ней не осталось, а точно изъ мрака очень отчетливо по нѣсколькимъ часамъ я видалъ картины, и именно видѣлъ я, а не кто другой. Вотъ тутъ гдѣ-то недалеко отъ вытѣшенскихъ казаковъ начинается какое-то смутное сознаніе и память о чемъ-то уже непрерывномъ, гдѣ я себя отличаю отъ окружающихъ, и помню многое. Напримѣръ, мѣсто нашего дома, сосѣдніе дома, сады, противоположный домъ, колодезь, улицу; помню очень хорошо, что мнѣ все на этой улицѣ доставляло удовольствіе. Домъ нашъ въ три окна на улицу стоялъ окнами на восточную сторону и, если стоять лицомъ къ улицѣ въ калиткѣ, то направо были сосѣди, гдѣ было много взрослыхъ мужчинъ, и тамъ часто слышно было хоровое пѣніе и музыку, скрипку, флейту, особенно флейту. Бывало, лѣтними вечерами и долго ночью въ саду, одинъ изъ братьевъ наигрывалъ на флейтѣ; какъ это было хорошо! Никогда лучшаго артиста я потомъ не слышалъ и никогда такого восторга, спирающаго дыханіе, въ моей жизни въ такой жрѣ не повторялось. На утро я, бывало, забираюсь въ свой садъ, гдѣ была одна большая, густая и старая вишня, съ раздвоившимся стволомъ, выбираюсь поближе къ верхушкѣ, усаживаюсь, и на гребенѣ, переложенной по зубцамъ бумагой, начинаю играть: звуки выходили очень похожіе на флейту, по-моему. Случалось, что я довольно долго доставлялъ себѣ это удовольствіе, но оно всегда кончалось тѣмъ, что мать моя съичетъ меня, стащить оттуда и иногда чувствительнымъ образомъ наказетъ за порчу дерева, а музыкальный инструментъ спичетъ такъ, что долго не найдешь. Одинъ изъ братьевъ сосѣдей, скрипачъ, былъ регентомъ кладбищенскаго хора; но

говорили, что всѣ эти музыканты-братья—ничто передъ самыми старшими братьями, котораго, однако-жъ, я такъ и не зналъ; онъ былъ гдѣ-то верста за сорокъ тоже регентомъ. По лѣвую сторону сосѣдомъ былъ одинъ мужичокъ съ маленькой бородкой; я его очень долго считалъ молодымъ, и очень удивился, когда услышалъ одинъ разъ, что ему больше 50 лѣтъ. Какое это было удивительное для меня открытіе! Старикъ, а борода небольшая! Я рѣшительно не могъ этого понять, и долго это обстоятельство было для меня камнемъ преткновенія; и странно, у него была дочь, довольно невзрачная особа и не очень молодая, какъ мнѣ казалось, а все-таки для меня это не было тогда убѣдительно. Домикъ у нихъ былъ меньше нашего, дворъ пустой, а вмѣсто сада огорождъ—некрасиво, да и огорождъ какой-то непривычный: тамъ никогда ничего не росло. Напротивъ насъ жили какіе-то богатые люди, домъ у нихъ былъ въ 5 оконъ, дворъ большой, съ сараями для какихъ-то экипажей, садъ тоже большой, красивый, а въ концѣ сада—рѣка. Ахъ, какая это была рѣка! Помню, однажды въ половодье, я стоялъ на берегу—было вѣтрено, много насъ тутъ стояло, и дочь хозяйская, Машенька; вода была темная, свинцово-бурая и волны огромны! Гораздо выше меня. Никогда большіхъ волнъ я не видалъ. По лѣвую сторону у этихъ сосѣдей былъ колодезь и большой дворъ, а внутри двора маленькая хатка, гдѣ жили какіе-то наши родичи. Помню, тамъ была одна старшая сестра въ падуечѣ, и я однажды видѣлъ весь припадокъ сначала до конца. Какъ это было страшно! Вправо отъ насъ, по улицѣ, было еще домовъ до 10 съ обѣихъ сторонъ, да столько же палѣво. На правомъ концѣ былъ переулокъ, спускавшійся къ рѣкѣ, а въ концѣ большая гора, гдѣ мы всѣ зимой катались на салазкахъ и на лыжахъ.

Эти лѣтныя я умѣлъ очень хорошо обдѣлывать. Сверху вырубалось сидѣнье, спереди и сзади оставались вершина въ 2 стѣночки; въ нихъ посрединѣ продѣлывались дырочки посредствомъ соли: щепотки соли было доста-

точно, чтобы продуть дырочку; соль насыпалась, и через соломенку надо было на нее дуть: соль уходила в лёд и таким образом чистая дырочка была готова; тоже и с другой стороны. Потом бралась веревка и на одном концѣ привязывалась коротенькая палочка поперекъ, свободный конецъ вводился через обѣ дырочки, палочка удерживала веревку и подъ веревку на сидѣнье влялась солома. Такимъ образомъ можно было экипажъ этотъ возить. Какъ онъ былъ быстръ и легокъ на ходу и какъ удобенъ, особенно при ѣздѣ верхомъ! Но при спускѣ съ горы на немъ нужно было имѣть большую долю хладнокровія и умѣть управлять имъ. Если кто не умѣлъ, лѣдина начинала кружиться, ѣздокъ падалъ въ снѣгъ, а экипажъ укатывалъ изъ подъ него саженой на 200! Это было очень веселое время, особенно когда спускавшихся было много; впрочемъ и въ одиночку тоже ничего.

Итакъ, на правомъ концѣ улицы жизнь сосредоточивалась больше зимой, а на лѣвомъ — лѣтомъ; на лѣвомъ концѣ была громадная площадь; надъ рѣкой жилъ богатый купецъ. Домъ и дворъ всегда на заборѣ, внутри двора злые собаки, — кругомъ двора большіе амбары съ хлѣбомъ, съ солью; къ рѣкѣ садъ, а передъ садомъ большой мыловаренный заводъ, до половины ушедшій въ землю. Кругомъ главного двухъ-этажнаго дома шла галерея и нѣсколько подъѣздовъ; всѣ подъѣзды во дворъ, а на улицѣ, возлѣ палисадника, окружающаго домъ, было сватено множество толстыхъ бревенъ. Эти бревна казались неизбѣжною принадлежностью дома и разстилавшейся предъ этимъ домомъ площади выгона. Вотъ тутъ-то мы играли, на этой площади, въ мячъ, въ дочки, свайку, пускали змѣй. Вы не знаете, интересный ли игру въ дочки? Какая интересная это игра! Не хотите ли я вамъ расскажу, въ чемъ она? Вотъ видите ли, нужно прежде всего выкопать ямочку въ землѣ, круглую, въ диаметрѣ 5—6 вершковъ, глубиною около, положимъ тоже, 4 — 5 верш. Отъ нея по радіусу аршина на 2 кругомъ еще нѣсколько ямочекъ, по числу играющихъ, и де-

ревянный шарикъ. Каждый изъ играющихъ имѣетъ дючокъ. Это палка аршина въ $1\frac{1}{2}$, которая оканчивается непременно крючкомъ. Дѣлается она обыкновенно изъ какого нибудь тонкаго дерева, у котораго въ корнѣ непременно есть крючокъ. По жребію, одному достается обязанность загнать шарикъ въ центральную ямочку, а всѣ стоящіе кругомъ отгоняютъ; но при этомъ необходимо постоянно своей дючокъ или палку держать плотно въ своей ямочкѣ; если же провожающій и ограждающій его отъ удара своимъ крючкомъ въ то время, когда вы хотите ударить шаръ и отогнать, успѣетъ занять вылу опустѣвшую ямочку раньше васъ, то вы должны помѣняться ролями: извольте сами провѣдуть шаръ въ центральную ямочку. Если игроки искусные, то провожающій шаръ можетъ промчаться весь вечеръ и цѣли не достигнуть, и никого не поставить вмѣсто себя на смѣну. Поздно, въ сумерки, когда ни ямки, ни шара уже отличить нельзя, игра прекращается и мы расходимся по домамъ при свѣтѣ мѣсяца, который, совершенно чистый, круглый и большой, подымается за рѣкою. Какіе теплые бывали тогда вечера, какое продолжительное и жаркое лѣто; рѣшительно съ тѣхъ поръ я никогда не могъ дожидаться такихъ хорошихъ вечеровъ и ночей!

Около этого времени я узналъ топографію, приблизительно конечно, города. Собственно говоря, я родился не въ городѣ, а въ пригородной слободѣ города Острожска Воронежской губерніи. Эта моя родная улица была крайняя къ рѣкѣ, тихой Соснѣ. Вся пригородная слобода отдѣлялась отъ города огромной площадью, или выгономъ, шириною саж. полтора, а въ длину, думаю, версты $1\frac{1}{2}$ — 2. Вдоль этого выгона были, конечно, яръ, или оврагъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень глубокой. Слобода находилась на западной сторонѣ города и перемычкой между городомъ и слободой служили кузницы, расположенныя по сторонамъ большой столбовой дороги изъ города на Харьковъ. Отъ центральной городской площади, гдѣ были лавки, соборъ, присутственные мѣста и еще нѣ-

сколько церквей, шла на запад Харьковская улица. Улица кончалась; через пустынный выгон тянулись кузницы, а на юг от кузниц — наша площадь и часть слободы вплоть до рѣки.

Какъ-то лѣтомъ я началъ учиться грамотѣ у одного изъ братьевъ сосѣдей-музыкантовъ. Ученика было, должно быть, человекъ 7 — 8 съ дѣвочками. На урокахъ противъ меня сидѣла сосѣдка Машенька; помню ее больше другихъ своихъ сверстниковъ, почему — не знаю, хотя она мало съ нами играла. Она была ужасно смѣшная и имѣла широкое лицо. Началъ я съ азъ, буки, вѣди и т. д., прошехъ слога и научился понимать. Сталъ читать псалтырь и часословъ: ангель, ангельскій, архангелъ, архангельскій; понять чудесно титлы и словотитлы, и первый годъ, написанный мною на печкѣ, по глѣбѣ, былъ 1844. Когда я узналъ, что наступилъ 1844 г., то я съ великимъ удовольствіемъ всюду его изображалъ. Особенное удовольствіе доставляли мнѣ двѣ цифры 4, стоящія рядомъ, и я старался ихъ написать какъ можно красивѣе.

Около этого времени я начинаю вспоминать, какъ постоянныхъ членовъ семьи, моего отца и старшаго брата. Отецъ былъ и раньше, но я его какъ-то мало видалъ и не помню, а теперь ежедневно я сталъ его слышать по утрамъ, какъ онъ журилъ мою мать, за что, про-что — не знаю, но помню, что всякое утро съ этого начиналось. Мать около печки, а отецъ все кричитъ, наконецъ уйдетъ въ должность, въ городскую думу; онъ тамъ былъ писцомъ, велѣ, какъ говорили, журналъ, и старшій братъ писалъ тамъ же. Отецъ мой получалъ большаго жалованья — 10 р. серебромъ въ мѣсяцъ и большіе доходы отъ записей въ гильдію; говорили, что онъ могъ получать иногда 60—70 р. Сколько получалъ братъ мой — не знаю. Мы были мѣщане. Былъ у меня еще братъ, и тоже старше меня. Онъ въ ту минуту, когда я изображалъ 1844 г., оканчивалъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ. Семья наша состояла, стало быть, изъ 5 чел.: отецъ, мать и 3 сына; а былъ самый младшій. Не помню хорошо, когда я поступилъ

въ уѣздное училище: въ ту же осень, или годъ спустя. Поступилъ въ приготовительный классъ и пробылъ въ немъ 2 года. Изъ этого времени осталось въ памяти частое стояніе въ углу на колѣняхъ, и въ обществѣ, иногда большомъ, и такъ, въ одиночку.

Въ первомъ классѣ уѣзднаго училища мнѣ особенно понравилось, что въ немъ начинали рисованіе. Первый оригиналъ, который мнѣ далъ старичокъ учитель, былъ какой-то профиль одного лица безъ затылка и на лбу начало чуба, и все это какъ-то было напечатано штрихами, въ клѣтку, очень мудрено. Я рисовалъ это очень долго, такъ долго, что, кажется, только одинъ этотъ рисунокъ и сдѣлалъ въ цѣлый годъ. Во второмъ классѣ намъ наложили много оригиналовъ на выборъ, и я, помню, выбралъ литографію Св. Семейства: фигуры были съ ногами. Тушевка мелкая и очень тонкая. Я началъ, да такъ и не кончилъ, и помню, что учитель обозвалъ меня за это лѣнтяемъ, зарывающимъ талантъ свой въ землю. Что это значило — для меня тогда было загадкою неразрѣшимой, но я былъ радъ, что учитель не настаивалъ на рисованіи.....

(Продолженіе не было).

III. Современныя записки *).

Начинаю жить.

Для друга.

30 іюля 1853 г. Сегодня — 30 іюля. А ты уѣхалъ, или, лучше сказать, исчезъ, потому, что я не могу до сихъ поръ опомниться, и даже почти не вѣрю, что тебя нѣтъ, въ пятый день Св. недѣли, 24 апрѣля... Ого-го! Какое пространство времени!.. Я почти тогда же сказалъ себѣ: нужно ему что нибудь написать; а, между тѣмъ, время проходило или, лучше сказать, кануло въ вѣчность (какъ вы-

*) Дневникъ, изъ котораго мы представляемъ здѣсь все, что есть въ немъ сколько нибудь значительнаго и интереснаго, писанъ Н. П. Крамскимъ въ 1853 и 1854 г., т. е. когда ему было 16 и 17 лѣтъ.

ражаются наши писатели въ „Современникѣ“), и передо мной проходили дни: сегодня — какъ вчера, и завтра — какъ сегодня, а я ничего не сдѣлалъ. Не знаю, что приискать въ оправданіе. Впрочемъ, ты самъ поймешь и извинишь меня, другъ мой! Какъ ты уѣхалъ? Ты объ этомъ не сказалъ ни слова! Сколько прошло времени, а ты ничего не написалъ, хоть ты и говорилъ, что ты первый опишешь все, что только съ тобою ни случится. Но дружба невысказательна: я прощаю. И такъ, сегодня день рѣшительный: принимаюсь за перо, плачу долгу дружбѣ и дѣлаю доброе дѣло. Я тебѣ хочу писать, но только не письмо, а цѣлый рядъ событий — дневникъ. Вслушай твоего докучливаго друга. Впрочемъ начнемъ завтра.

31 июля.

Съ чего бы начать?.. Ну хоть съ этого: служба моя идетъ все такъ же, какъ и прежде. Я только сейчасъ кончилъ вѣдомость о занятіяхъ моего Уполн. Она идетъ такъ себѣ: ни бутровато, ни ухабисто. Изрѣдка для его почтенныхъ и милыхъ для него дочерей — дѣлаю формы, или рисунки модныхъ воротничковъ, за что онъ мнѣ признателенъ, а о нихъ уже и говорить нечего — онѣ очень мило дѣлаютъ мнѣ реверансъ. Акимъ Петровичъ однажды за подобный подвигъ награждалъ, и чѣмъ бы ты думалъ? — не угадаешь никакъ, и не скажу! Въ одно прекрасное утро — часовъ въ 11 — прихожу, ну, тутъ извѣстно — входящій, исходящій, и пошло, и пошло... Кончилъ, собираюсь идти... вдругъ онъ и говоритъ: „извольте-на взять“, и съ этими словами далъ два яблочка, превосходнымъ, можно сказать. Прощай.

Черезъ часъ.

Спѣшу писать. Окончивъ слово „прощай“, я занялся чтеніемъ „Современника“ — февраль; о повѣстяхъ ничего не скажу, потому что ни одной не прочелъ. Но вотъ замѣчательныя строки, заключающія въ себѣ эпизодъ изъ жизни харьковскаго актера — оригинальную женитбу... Окончивъ чтеніе, я пошелъ къ извѣстному тебѣ Турбину*).

*) О Турбинѣ смотри ниже въ „Воспоминаніяхъ“ М. В. Туглинова.

Онъ уменъ, начитанъ, какая у него прекрасная душа! Я его недавно разгадалъ. Дай Богъ побольше такихъ друзей какъ онъ. Онъ мнѣ замѣнитъ тебя...

13 августа.

Сегодня я читалъ книгу: „Новоселье“, и тамъ есть одна довольно хорошая статья или повѣсть Гоголя: „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. О, какой удивительный человѣкъ былъ этотъ Гоголь! Тамъ же есть еще сочиненіе доктора Ястребцова, подъ названіемъ „Любовь къ ближнему“. Ахъ, другъ мой, какъ тамъ ясно, логически изображается эта святая, высокая обязанность, на которой виситъ, по слову Спасителя, другая половина законовъ мірозданія; какъ умно, какъ понятно!..

21 сентября.

Нельзя не взяться за перо, чтобы хоть сотую частицу удовольствія не передать тебѣ. Сейчасъ только проѣхали солдаты, для соединенія съ пѣльмъ полкомъ, который постоянно квартируетъ въ нашемъ городѣ, для выѣзда совершенно отсюда... Куда?.. этого твой другъ не знаетъ, да и нѣтъ надобности! Только дѣло въ томъ, что они, ѣхавши, пѣли пѣсню... Ахъ, какую они превосходную пѣсню пѣли!.. Они пѣли такую пѣсню, какую только можетъ вообразить человѣкъ русскій, вполне счастливый и любящій свою родину... Да! только они своею пѣсней навѣяли на меня какую-то меланхолію, а нельзя не восхищаться ею. Я не знаю, какъ бы тебѣ передать то ощущеніе, которое теперь въ моемъ сердцѣ. Да, однако-жъ, объ чемъ я хлопочу? Я знаю, что твое молодое сердце пойметъ меня, и знаю также, что оно еще не испорчено, и что оно доступно всему прекрасному. Хоть ты имѣешь больше и матеріальныя наклонности, однако-жъ ты еще такъ молодъ, что не можешь такъ сильно вдаться въ интересы жизни, чтобы не понять твоего задумчиваго друга, который, отъ своей къ тебѣ привязанности, всегда приставаѣтъ и пристаѣтъ къ тебѣ о твоёмъ сочувствіи...

12 октября.

Наконец насталъ для меня послѣдній вечеръ. Я долженъ завтра выѣхать изъ города въ Харьковъ*). Послѣдній вечеръ я провожу въ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ. Въ послѣдній разъ я вижу знакомые предметы: комнаты, мебель, гитару. Картины обвою грустными взорами, вотъ одна изъ нихъ, моей работы: „Смерть Ивана Сусанина“. Какъ глубоко выражена на его лицѣ послѣдняя за царя молитва, тогда какъ полусамерзшіе поляки занесли на него обнаженные сабли. Вотъ и табачница, коробочки и прочие бездѣлицы, вотъ наконецъ и любимыя мои книги: „Отечественныя Записки“ и „Современникъ“... все, все я вижу въ послѣдній разъ, и при этой мысли сердце болѣзненно сжимается... Положимъ такъ, что мнѣ будущее очень и очень льститъ, потому что я въ немъ предвижу конецъ всѣхъ моихъ стремленій; но Боже мой! Какъ сказать въ послѣдній разъ „прости“? Однако-жъ, я сказалъ уже... Скавалъ!!!

Представь себѣ! Я, кажется, не въ состояніи дѣйствовать своими умственными способностями, или цѣть, не не въ состояніи, — а боюсь, чтобы не возбудить въ воспоминаніяхъ твоихъ происшествій, которыя послѣдовали послѣ этого рокового слова. Ты уже, я думаю, другъ мой, догадываешься, какомъ я „прости“ говорю. Да, это было сказано, и что жъ? Чтобы лучше тебѣ объяснить, я приведу слова Лермонтова изъ поэмы „Бояринъ Орша“, гдѣ его героиня, когда ея отецъ засталъ у ней любовника, вскрикнула такъ, что (говоритъ Лермонтовъ) подобный звукъ изъ одной и той же груди не вылетаетъ дважды. Такъ точно случилось и съ нею, при произнесеніи рокового слова „прости“...

25 октября, въ Харьковѣ.

При выѣздѣ изъ милого родного для меня города, я былъ совершенно закиданъ словами: „счастливцевъ! ѣдетъ въ Харьковъ!“ А выходить напротивъ: я совсѣмъ не та...

*) На службу къ фотографу Данилевскому, ретушеромъ.

счастливъ, какъ предполагалъ быть. Правда, мнѣ и здѣсь такъ же почти хорошо, какъ дома, но разница здѣсь состоитъ въ томъ, что я, въ хорошо знакомомъ мнѣ городѣ, могу болтать съ пріятелями, друзьями и знакомыми все, что только ни приходило въ голову, и говоритъ все это потому только, что я былъ веселъ. А здѣсь? О! Здѣсь совершенно противное! Здѣсь я долженъ подчиняться законамъ приличія, отчасти неумѣстнымъ. Всмотрѣваясь, однако-жъ, глубже въ обстоятельства моей здѣсь жизни, я замѣчаю человѣка, съ которымъ, какъ говорятъ мнѣ чувства, я, можетъ быть, буду въ очень короткихъ отношеніяхъ, или, выражаясь иначе, въ дружбѣ. Этотъ человѣкъ, другъ мой, однихъ съ тобою лѣтъ, имѣетъ наружность нѣсколько похожую на твою, довольно свободный умъ, словомъ, человѣкъ, который смотритъ на вещи прямыми глазами, можетъ быть пріятнымъ собесѣдникомъ и, вдобавокъ — шалунъ въ высшей степени, но шалунъ, который не хочетъ сбѣснать другихъ своими шалостями. Этотъ человѣкъ — сынъ моего хозяина Данилевскаго, имя его Александръ; онъ проходитъ уже науки въ 5-мъ классѣ гимназій.

Послѣ этихъ умственныхъ разборовъ, мысль моя вдругъ остановилась на томъ времени, когда я проѣзжалъ. При этомъ воспоминаніи невольно рождается въ сердцѣ какое-то чувство, которое явно говоритъ въ пользу Малороссіи. Вотъ гдѣ, другъ мой, характеры, въ которыхъ отражается та же доброта, умъ и веселость, которые такъ поражали меня въ повѣстяхъ и романахъ знаменитаго писателя украинскихъ правовъ, Основьяненко. Здѣсь я встрѣтилъ древнія и самобытныя черты этой отрасли русскаго характера; но при всей моей наблюдательности и желаніи замѣтить что-нибудь, я только успѣлъ въ половину: — подмѣтилъ одну комическую ихъ сторону. Вотъ, напримѣръ, меня сильно разсѣлило восклицаніе одного малороссіянина довольно пожилыхъ лѣтъ, которое относилось къ другому, который въ то же время вышелъ изъ двора: „Куме, а, куме! ходимъ, катъ его батька, выпьемъ горызэки!“

— Да, выпить-то, выпить! сказать въ раздумьи кумъ.

— А що?..

— Я-къ бы для штуки!!!!..

И я ни прежде, ни послѣ не могъ узнать, чтѣ это за восклиданіе и какой въ немъ смыслъ. Извини, дружище, я ужасно усталъ; въ другое время я тебѣ еще о чемънибудь напишю.

12 ноября.

Много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ я въ Харьковѣ, а мнѣ никогда еще не было совершенно весело. Не знаю, отъ чего это происходитъ; мнѣ кажется только, впрочемъ, отъ того, что я своему пантеру, или, иначе выражаясь, хозяину, совершенно угодить не могу, относительно раздѣлки портретовъ. Но если судить совершенно по строгой справедливости, то ему никакъ невозможно угодить. Странный человекъ мой хозяинъ! И чтобы тебѣ больше о немъ имѣть понятіе, я опишу его какъ можно подробнѣе.

Онъ имѣетъ около 50 лѣтъ, судя по наружности, низенькій ростъ, крѣпкое тѣлосложение, нѣсколько сгорбленный станъ, черные и курчавые, съ просѣдью, волосы, загнутый и острый носъ, обыкновенныя губы, и ко всему этому прибавь два глаза коричнево-желтоватыя, которые принимаютъ выраженіе отъ причинъ или обстоятельствъ, сильно на него дѣйствующихъ; въ довершеніе же описанія скажу, что онъ былъ когда-то сыномъ Израиля, а теперь принялъ христіанскую религію. Біографія его темна и запутанна, повѣствуетъ между прочимъ такъ, что онъ назадь тому лѣтъ 10 пріѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ былъ прежде подмастерьемъ по часовому мастерству; наконецъ, въ послѣднее уже время, открылъ свой часовой магазинъ и въдобавокъ началъ заниматься сниманіемъ съгонимыхъ портретовъ на бумагѣ. Ты, я думаю, уже о нихъ слыхалъ: ими онъ занимается около 3-хъ лѣтъ. Въ это лѣто онъ былъ въ Острожскѣ, во время кампанента (лагеря), и здѣсь-то онъ предложилъ мнѣ пріѣзжать къ нему, въ качествѣ живописца

для раздѣлки портретовъ, по тому случаю, что прежній его живописецъ, по его словамъ, былъ страшный пьяница.

Такъ вотъ по какимъ причинамъ, другъ мой, я въ Харьковѣ. Характеръ его самъ по себѣ жидовскій; своихъ понятій въ искусствѣ онъ вовсе почти не имѣетъ, а слѣдуетъ, по большей части, сужденію постороннихъ, въ которыхъ, такъ какъ и въ моемъ героѣ, случается не слишкомъ много знанія; да къ тому-жъ онъ живетъ въ самомъ посредственномъ кругу жителей города. Въ домашней жизни онъ человекъ очень хорошій, внѣ же семейства онъ... или нѣтъ! нѣтъ! лучше я ничего не скажу. Я здѣсь живу на слѣдующемъ основаніи: отъ каждаго портрета, раздѣланнаго въ краскахъ—3 р. сер., въ туши—1½ р. сер. и, сверхъ того, онъ долженъ заплатить профессору за уроки, которые я нахожу нужнымъ взять въ рисованіи.

18 ноября.

Какъ часто дѣлаюсь задумчивымъ, взглянувъ нѣсколько разъ на какойнибудь ландшафтъ. Я преимущественно люблю ландшафты, а въ особенности, если они представляютъ ночь, вечеръ, или чтонибудь въ этомъ родѣ... О! какъ я люблю живопись! Милая живопись! Я умру, если не постигну тебя хоть столько, сколько доступно моимъ способностямъ. Какъ часто случалось мнѣ, сходясь съ какимънибудь человекомъ, испытывать чувство, говорящее не въ пользу его! Но при одномъ словѣ: „онъ рисуетъ“, или: „онъ любитъ искусство“—я совершенно терялъ это враждебное чувство, и въ душѣ, уважалъ его, я привязываюсь къ нему, и привязываюсь сильно, сильно!!.. Я привязываюсь къ нему потому только одному, что онъ любитъ живопись, я уважаю его въ душѣ за то, что онъ уважаетъ это высокое и изящное искусство, я его люблю и привязываюсь къ нему за то, что онъ не отвергаетъ его, за то, что онъ понимаетъ эту стихію живописи, безъ которой внутренняя моя жизнь не можетъ существовать. Живопись! Я готовъ это слово повторять до изнеможения, оно на меня имѣетъ сильноевліаніе; это слово—моя электрическая искра, при произнесеніи его я

весь превращаюсь въ какое-то внутреннее трясение. Въ разговорахъ о ней я воспламеняюсь до послѣдней степени. Она исключительно занимаетъ въ это время все мое внутреннее существо — всѣ мои умственные способности, однимъ словомъ, всего меня.

19 ноября.

Живопись я люблю почти до безумія, а пѣніе? — А пѣніе — какъ потребность человѣка, какъ средство для облегченія себя отъ тоски... Меня совершенно очаровалъ этотъ романсъ, какою онъ исполненъ грустью, а между прочимъ всѣ пѣсни русскія, по большей части, исполнены какой-то тоски. Какъ пѣвильными всѣ русскія пѣсни! Что же въ нихъ, въ этихъ пѣсняхъ?.. Грусть, тоска... О чемъ и какая? Не спрашивай! Я и самъ не знаю; я могу только тебѣ сказать, что въ нихъ есть что-то такое, которое каждого русскаго человѣка сильно и безотчетно влечетъ... Мнѣ кажется, впрочемъ, что эта тоска есть выраженіе сердца общаго характера Россіи, тоскующаго о какомъ-то потерянномъ блаженствѣ, о чемъ-то высокомъ и святомъ. Не знаю, съ чего это пришло мнѣ сегодня въ голову, только сердце мое встревожено какимъ-то воспоминаніемъ прошедшаго... О!.. какъ я люблю мою Россію!.. ея пѣсни... ея характеръ народности... Источникъ настоящей моей восторженности есть, безъ сомнѣнія, мой меланхолическій характеръ...

4-го февраля 1854 г.

Мнѣ непремѣнно хочется отыскать причину моей внутренней тоски и апатіи, которая съ каждымъ днемъ усиливается и разстроиваетъ мое здоровье. Или еще — голова горитъ страшно, и мысли въ ужасномъ хаосѣ. Характеръ мой постепенно все болѣе и болѣе измѣняется, въ особенности я болѣе всего дѣлаюсь раздражительнымъ. Каждая маленькая непріятность или даже и бездѣлица выводитъ меня уже изъ терпѣнія. Надобно признаться, въ то время, какъ я былъ дома, у меня его было очень достаточно для того, чтобы переносить непріятности, которыя не могутъ имѣть еще совершенно никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій. А всему

этому виновникъ — Я. Данилевскій, который своимъ жидовскимъ характеромъ и поступками, незачѣмъ также для меня, дѣлаетъ во мнѣ ужасные перевороты. Всего болѣе мучатъ меня портреты, которыми онъ восхищается и которыхъ не признаетъ хорошими ни одинъ человекъ, хоть сколько нибудь понимающій живопись. Портреты его выходятъ прелезными; какъ выразился одинъ острякъ на ихъ счетъ: „это мѣсяцъ въ полнолуны“. То есть, лицо не имѣетъ никакихъ тѣней, а только очень рѣзко выходятъ части его: глаза, носъ и ротъ, и больше ничего. Ему же все это очень нравится. Портреты эти ни въ какомъ случаѣ нельзя хорошо раздѣлать, въ особенности красками, а это главное условіе портретовъ... Ахъ, другъ мой, еслибы ты зналъ, какъ у меня на душѣ въ настоящее время тяжело!.. Подобнаго внутреннего состоянія я еще никогда не испытывалъ. Какая-то тоска, совершенно незнакомая еще мнѣ, физическое разстройство, видимо превращающееся въ формальную болѣзнь... Что-жъ это значитъ?.. „Испытаніе“, говорятъ мнѣ какой-то внутренней голосъ. Испытаніе?.. Да! да! подтверждаетъ онъ, это такое испытаніе, безъ котораго ни одинъ человѣкъ не смотритъ на мѣръ съ правильной точки зрѣнія, это испытаніе неизбежное, посылаемое провидѣніемъ Божиимъ на человѣка, для того, чтобы онъ очистился, для того, чтобы онъ научился терпѣнію, этой высокой добродѣтели, безъ которой ни одинъ человѣкъ не достигалъ конца своего назначенія... Это-то испытаніе послано теперь и на меня... Да, теперь я его понимаю! Теперь я увидѣлъ, къ чему оно ведетъ. И такъ, должно покориться этому испытанію, для того, чтобы и мнѣ застать на будущее время терпѣніемъ, котораго я прежде не имѣлъ. Гдѣ-жъ теперь искать помощи для поддержанія себя въ этомъ испытаніи, да! гдѣ же?.. О, разумѣется, се должно искать въ религіи, се должно искать тамъ, гдѣ начало этого испытанія, которое показалося для меня слишкомъ тяжелымъ. „Да будетъ воля Твоя, Боже!“ „Сердце чисто черезъ испытаніе созижди во мнѣ, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!..“

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ I-му ОТДѢЛУ.

1. Воспоминанія объ И. Н. Крамскомъ И. Б. Тулинова.

(Письмо къ В. В. Стасову).

Отецъ Крамского, Николай Оедоровичъ Крамской, былъ родомъ изъ города Бочугара, Воронежской губернии. Онъ поступилъ въ молодые года на службу въ острожскую городскую думу, писмоводителемъ, и служилъ тамъ до своей смерти. Приписавшись въ острожскіе мѣщане, онъ женился на дѣвцѣ Настасѣ Ивановнѣ Бреусовой, изъ стариннаго казацкаго рода. Послѣ Николая Оедоровича Крамского, должность писмоводителя, тоже до своей смерти, занималъ его старшій сынъ Михаилъ Николаевичъ. Второй сынъ, Оедоръ Николаевичъ, былъ учителемъ уѣзднаго училища въ Острожскѣ. Третій сынъ, Иванъ Николаевичъ, по многи старшаго брата, тоже готовился вступить на службу въ думу или магистратъ, но случай или судьба распорядились иначе, какъ я разскажу дальше.

Знакомство мое съ Крамскимъ началось тогда, когда ему было 12—13 лѣтъ, и онъ только что кончилъ ученіе въ острожскомъ уѣздномъ училищѣ. Я страстно любилъ живопись и рисовалъ самоучкой, акварелью, занимался, также самоучкой, и фотографіей. Въ концѣ 40-хъ годовъ, я познакомился съ учителемъ чистописанія и рисованія острожскаго училища, Ив. Ак. Вьюнниковымъ, и учителемъ русскаго языка тамъ же, Оедоромъ Николаевичемъ Крамскимъ. Этотъ послѣдній часто бывалъ у меня, видѣлъ нѣкоторыя мои работы и пригласилъ къ себѣ посмотрѣть, какъ братъ его Ваня рисуетъ. Въ первый мой приходъ, я Крамского такъ и не

видалъ во весь вечеръ—онъ не посмѣлъ показаться самъ и показать свои рисунки такому отборному обществу какъ я, нѣкоторые учителя ихъ училища и одинъ знакомый, Паша. Въ другой мой приходъ, мать Крамского сказала мнѣ, на мой вопросъ, что Ваня дома и сидитъ тамъ съ товарищами. Она проводила меня въ его конячку. Вхожу. Вижу маленькаго, худенькаго, серьезнаго мальчика, и съ нимъ два другихъ мальчика. Это были: Ваня Крамской и его товарищи, Гриня Турбинъ (впоследствии ретушёръ у одного фотографа въ Харьковѣ *) и Петь Вравый (впоследствии живописецъ въ Острожскомѣ).

Ваня до того былъ застѣнчивъ, что еслибъ не товарищи его, то онъ и въ этотъ разъ врядъ ли показалъ бы мнѣ свои рисунки. Но вотъ, мало-по-малу, мы разговорились, пересмотрѣли его рисунки, потомъ Гриня Турбинъ проситъ къ себѣ на квартиру, чтобы посмотреть работы его отца акварелью (отецъ его былъ прежде учителемъ рисованія). Пошли, пересмотрѣли. На возвратномъ пути, Ваня Крамской изложилъ мнѣ свое горе, что у отца Грини есть хоть маленькіе кусочки нѣкоторыхъ акварельныхъ красокъ, а у меня, говоритъ, крошечки туши и французскаго карандаша, ничего, даже кисточекъ хорошихъ нѣтъ! «Этому горю можно пособить, говорю, заходи ко мнѣ, у меня есть хорошія краски Аккермана, а также и кисти—могу съ тобой похлопотаться». Нужно было видѣть его радости! На другой день утромъ, явился ко мнѣ Ваня Крамской. «Вы не будете на меня сердиться, что я такъ рано къ вамъ, мнѣ ваши краски всю ночь не дали заснуть!» Мнѣ стало оъ работой: я оказывалъ акварелью, на большомъ листѣ Bristol, «Молящегося царя Давида», съ Величковскаго (**). И до того пришелъ въ восторгъ, что вскричалъ: «Боже мой! Еслибъ мнѣ въ половину научиться такъ работать, я бы болѣе ничего въ мірѣ не желалъ». Тутъ онъ сталъ рассказывать, что бывалъ въ соборѣ и кладбищенской церкви, онъ по цѣлымъ часамъ засматривался на живописи Величковскаго. Краски и

кисти, разумеется, получили и успѣли съ помянутъ восхищеніемъ какъ отъ меня, такъ и моей картины и моихъ красокъ.

Съ этихъ поръ рѣдкая недѣля проходила, чтобы мы не видались. У меня была маленькая своя библиотечка, изъ которой Ваня часто черпалъ—для брата Федора, а чаще для себя; не смотря на его юныя лѣта, онъ во всемъ проявлялъ такую энергію, такую любознательность и находчивость, что вы, право, не удивитесь, какъ я, взрослый мужчина 28 лѣтъ, могъ сойтись чуть не съ ребенкомъ.

Музыку и пѣніе Ваня также до страсти любилъ, хотя самъ, кажется, ни на чемъ не пытался играть, но въ хорѣ нѣвческомъ нѣкоторое время участвовалъ.

Гриня Турбинъ и Петь Вравый были почти неразлучными товарищами Вани Крамского. Всѣхъ они рисовали, всѣхъ читали, всѣхъ пѣли. Когда, бывало, мы, взрослые, собирались въ домѣ Крамскихъ, и вступали въ споровыя, то изъ-за двери попеременно появлялись два глаза то Вани, то Пети, то Грини, а у всѣхъ тронуть ушки на макушкѣ.

Но вотъ началась севастопольская война. Около Острожска собираются драгунскіе полки. Въ это время прибываетъ изъ Харькова въ Острожскъ фотографъ Яковъ Петровичъ Данилевскій, устраиваетъ ателье противъ городского сада, гдѣ постоянно разгуливаютъ военныя люди; всѣ заходятъ въ фотографію снять портретъ. Работа у г. Данилевскаго закипѣла, заказовъ бездна, но на бѣду у него не хватаетъ лишь инферналистъ, безъ котораго работа остановилась; въ аптекахъ, что было, все забрано въ одно утро. Является ко мнѣ Николай Михайловичъ Пановъ съ г. Данилевскимъ, какъ къ любителю фотографіи, и проситъ меня, не могу ли я удѣлать япсу, такъ какъ у меня всѣ почти хитинки дѣлались дома. Я отвѣтилъ, что хотя нѣбольшо, но могу сдѣлать больше; и вотъ, въ вечерѣ—фунтъ япсы готовъ. Данилевскій отъ радости чуть не цѣлуетъ меня.

Проходитъ недѣля. Данилевскій является ко мнѣ опять, съ просьбой, но съ просьбой уже великой: портретовъ снято множество, а ретушировать некому, ибо ретушёръ, привезенный имъ изъ Харькова, запыль жертвою чаемъ и скрился неизвестно куда, то не возьмусь ли я ретушировать за накупу бы то цѣну ни было. Разумеется, я не ваялся, но обѣщалъ найти ему ретушера. Веру нѣсколько пробныхъ портретовъ, отправляюсь къ Ванѣ Крамскому, въ вотъ общины силны мы добились, что портреты вышли не хуже, а лучше харьковскаго ретушера. Помню дѣло и съ акварелью по фотографіи успѣшно, Данилевскій очень доволенъ и успѣлъ уже съ братьями Крамскими переговорить, чтобы оставить у себя Ивана Николаевича на 3 года и сдѣлать контрактъ. Но мать ихъ, узнавъ, что Даниле-

* Пре Турбинъ заведенъ въ «Дневникъ» Крамского, см. выше: 31 мая 1853 г.

** Соборъ въ г. Острожскомѣ выстроенъ, въ XVIII столѣтіи, по плану знаменитаго Растрелли, на ижеденіе города, при содѣйствіи нѣкоей г-жи Савелииной. Она же вывезла изъ Харькова стараго до-издѣлческаго художника Величковскаго, ученика, на счетъ одного богатаго жана, въ Римъ; этотъ живописецъ написалъ въ соборѣ нѣсколько образковъ, частью на его стѣнахъ, частью на холстѣ. Живопись эта и по рисунку, и по колориту, и по экспрессіи, очень замѣчательна. Величковскаго же работы находятся въ острожской кладбищенской церкви: это христіанскія иконы и иконы на боковыхъ дверяхъ алтаря. Стѣны же живописи перемѣнены первыми молодыми художниками изъ академіи, подъ надзоредемъ Величковскаго. — Замѣчу, что уроженецъ Острожска былъ также знаменитый Бороновскій, который ваялъ, уже въ годы юности своего художественнаго развитія, дѣльный памятникъ въ селѣ Тиханкѣ, Воронежской губерніи, находящемся недалеко отъ Острожска.

ский—еврей, не соглашается ни за какие деньги отпустить с ним своего сына Ваяю. Являлся ко мнѣ Вая и, чуть не в слезах, рассказывает, что ему страсть какъ хочется поступить къ Данилевскому, но мама не отпускает. Что тутъ дѣлать? Собираю цѣлый арсеналъ, беру съ собой 2-хъ братьевъ Пановыхъ, отца ихъ старика, Михаила Дмитриевича, и отправляемся къ Крапскимъ. Сколько ни уговаривали Настасю Иванову—она стала на одно: «Не отпущу съ жидомъ!» Тутъ старикъ Пановъ сталъ угрожать, что г. Данилевскій хотя изъ евреевъ, но онъ крещеный, и въ церковь ходитъ, и посты соблюдаетъ, и мои дѣти живутъ же въ Харьковѣ, безъ родныхъ, чего же тутъ опасаться.—«Да я не боюсь, что живъ буду жить на чужбинѣ, а боюсь, что жидъ хоть и крещеный, а все таки жидъ». Намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ послать за г. Данилевскимъ. Явился г. Данилевскій и молчали.

Съ этихъ поръ, изъ Ваяи дѣлается уже Иванъ Николаевичъ Крамской. Ему чуть не завидуетъ вся острожская молодежь.

Когда выступили въ походъ, изъ Севастополя, послѣдніе драгуны изъ Острожска, въ скорости имъ должны были распространить и съ намиъ любезнымъ Иваномъ Николаевичемъ, такъ какъ Данилевскому было болѣе дѣлать нечего въ Острожскѣ.

Въ продолженіе тѣхъ 3-хъ лѣтъ, которыя прожилъ Иванъ Николаевичъ Крамской у Данилевскаго, объѣздивъ лучшія губерніи и уѣзды города, онъ велъ со мной и Гриней Турбинимъ постоянную переписку, (къ несчастію, письма того времени у меня спорили, во время пожара въ Москвѣ, въ моей фотографіи).

Въ 1857 году, я приглашенъ былъ на службу въ Петербургъ, помощникомъ г. Писарева, начальника фотографическаго отдѣленія при Главномъ Штабѣ. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Воронежа, гдѣ я тогда состоялъ фотографомъ при Н. И. Второвѣ, составившемъ этнографическій и статистическій альбомъ Воронежской губерніи (мнѣшій тогда большіи успѣхъ), я получалъ письмо изъ Петербурга отъ Крамскаго, который уведомлялъ меня, что въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ разошелся съ Данилевскимъ и поступаетъ регистраторъ къ фотографу Александровскому, въ Петербургъ.

Буду въ Петербургъ. Прямо съ желѣзной дороги я отправился въ Главный Штабъ. Познакомившись съ Писаревскимъ и устроившись у него въ квартирѣ, я приближалъ на Васильевскій Островъ, къ Крамскому. Квартировалъ онъ тогда въ 1-й линіи, въ домѣ Соколовой, рядомъ съ Академіей художествъ, нѣтъ дѣтъ маленькія уютныя комнаты.

Первое наше свиданіе было какимъ-то восторженнымъ сномъ. При входѣ моемъ, онъ смотритъ на меня, какъ бы гадая, не вѣря, почти съ

какимъ-то испугомъ, но вдругъ бросается ко мнѣ, обнимаемся, цѣлуемся, и расшатались оба какъ дѣти.... Мы обѣдали вѣстѣ, проговорили потомъ до 4-хъ часовъ утра. Онъ мнѣ рассказывалъ о своихъ странствованіяхъ съ Данилевскимъ по Россіи, и гдѣ, и что, и кто на него производилъ впечатлѣніе. Въ Курскѣ, одно музыкальное семейство гг. Пригожевыхъ, мать, сыновья и дочери, просто, говоритъ, очаровали меня. Потомъ передавалъ, какъ сильно поразилъ его Эрмитажъ своими картинами, Петербургъ своими грандіозными постройками, и люди—величественною своею сухостью. Я съ своей стороны передавалъ ему о его родныхъ, товарищахъ дѣтства. Мы стали выдаться чуть не каждый день: или онъ ко мнѣ приходилъ вечеромъ, или я къ нему, и всегда просиживали почти за полночь.

Въ одно изъ подобныхъ свиданій рѣчь зашла о живописи и Академіи художествъ. Я началъ настаивать, чтобы Иванъ Николаевичъ бросилъ регистратуру и поступилъ въ Академію. Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то недоумѣніемъ. «Знаете что, Михаилъ Борисовичъ»,—сказалъ онъ: «поступить въ Академію—надо уметь, съ натуры, или съ гипса хорошо рисовать, а я не только никогда не пробовалъ, но даже страшно и приняться, я уже думалъ объ этомъ. И долго думалъ! Но первое, чтобы поступить—нужно нѣтъ средства тѣмъ жить, во-вторыхъ нужно имѣть много свободного времени, чтобы выучиться хорошо рисовать съ натуры». Сколько я его ни уговаривалъ, говоря, что можно на квартирѣ подготовиться постепенно, средства можно отъ заработка откладывать, по фотографіи можно работать въ тѣ часы, когда въ Академіи не занимаются—все это онъ высказывалъ серьезно, и чуть не съ сердцемъ обратился ко мнѣ: «Вы любите живопись, Михаилъ Борисовичъ?»—«Ну что-жъ изъ этого, люблю!»—«Такъ начинайте-жъ вы! Вы постарше меня, поинтернѣе и въ семь разъ сильнѣе. Удастся вамъ, я сейчасъ же по вашему слѣду.»—«Иванъ Николаевичъ! да вѣдь нереально порядочно за тридцать лѣтъ, а вѣкъ семнадцатъ! Поэтому-то мнѣ и поздно начинать.»—«А поэтому-то и мнѣ рано начинать, что прежде нужно скопить средства!»—Но въ небольшое время средства не накопили накопить.

Иванъ Николаевичъ такъ прославился работами по фотографіи, какъ регистру, такъ и акварелью, что уже началъ работать по-штучно и зарабатывалъ отъ 100 до 300 рублей въ мѣсяцъ.

И молодые ученики Академіи художествъ начали ухаживать за Иваномъ Николаевичемъ, чтобы кой-чему по регистру выучиться и не отъ патентованнаго художника. Одинъ разъ я отправился къ Ивану Николаевичу, къ обѣду; засталъ тамъ незнакомаго молодого человѣка. Иванъ Николаевичъ знакомитъ: ученикъ натурнаго класса императорской Академіи худо-

жесты, Ал. Дм. Литовченко *). (Г. Литовченко показався мнѣ лѣтъ на пять старше Ивана Николаевича). Онъ былъ бойкій, живой, разговорчивый. Ну, думаю, кажется, этотъ тоже на счетъ ретуши! Я завольтъ рѣчи, какъ будто случайно, объ Академіи художествъ, и сталъ какъ бы совѣтоваться съ Г. Литовченко о томъ, трудно ли поступить въ Академію. Литовченко началъ увѣрять, что это пустяки: трудно только представить съ гипсовой головы порядочный рисунокъ, а остальное пойдетъ какъ по маслу. И дѣйствительно, все пошло какъ по маслу. Иванъ Николаевичъ въ это время бралъ фотографическіе портреты на дощъ работать, и уже не отъ одного Александровскаго, но и отъ другихъ: Денъбера и пр. Его даже не во силамъ стали заваливать работами. Г. Литовченко сначала сталъ какъ будто соблазнять Ивану Николаевичу въ ретуши. Потомъ, не такъ важные портреты сталъ брать могучно уже отъ Ивана Николаевича, пока впоследствии не перебрался къ тому же Александровскому. Но первая честь принадлежить именно Литовченко, какъ учителю. Иванъ Николаевичъ наконецъ согласился работать съ гипса. Литовченко досталъ гипсовую голову какой-то Венеры, но, или она показалась трудною Ивану Николаевичу, или онъ просто забралъ себѣ въ голову, что не справится съ гипсомъ — голова осталась неоконченною. Спусти нѣсколько дней, прихожу къ Ивану Николаевичу, и о чудо! На окнѣ стоитъ одна изъ самыхъ трудныхъ для рисованія гипсовъ, голова Лаокоона, а на палитѣ подъ карандашемъ Ивана Николаевича, другой Лаокоонъ лѣнится, дѣйствительно лѣнится, рельефы и бойки. Рисунокъ съ «Лаокоона» былъ представленъ въ Академію, и Ивана Николаевича приняли въ число учениковъ. Теперь дѣло быстро пошло: въ первую же треть года Крамской переходитъ въ гипсовыя фигуры, еще треть — и Иванъ Николаевичъ переведенъ въ натурный классъ, и такъ дажѣ, что пафррно вамъ извѣстно уже.

Но съ этого же времени наступила пора полной, кипучей, неусыпной почти дѣятельности Ивана Николаевича, какъ въ устѣхъ на Академіи и саморазвитіи, такъ и для добыванія средствъ къ жизни. Нужно сказать, что, поступивши въ Академію, онъ быстро переучилъ многихъ изъ своихъ товарищей.

Когда же Крамской получилъ малую серебряную медаль, за рисунокъ, то, вѣсто того, чтобы, какъ въ старое брѣзновское время, «обить новую медаль» въ «Золотомъ Якорѣ» (трактиръ козла Академіи), Иванъ

* А. Д. Литовченко былъ знакомъ съ Крамскимъ еще съ 1855 года, когда они встрѣтились и нѣсколько времени жили вмѣстѣ, въ Орлѣ.

Николаевичъ пригласилъ нѣкоторыхъ товарищей къ себѣ на вечеринку въ новую квартиру *).

Съ этой вечеринки начинается новая жизнь, какъ для Ивана Николаевича, такъ и для многихъ изъ его товарищей. Собирались почти каждыя день, послѣ вечернихъ классовъ въ Академіи, къ Ивану Николаевичу. Онъ установилъ какъ бы программу. Одинъ изъ товарищей обязанъ былъ, по очереди, читать что либо изъ лучшихъ произведеній тогдашней литературы; другіе занимались оканчивавшихъ заданныхъ въ Академіи работъ (тогда еще дозволялось брать рисунки на дощѣ); третьи — работали для добыванія средствъ, иные готовили эскизы, и проч. Но всѣ слушали читающаго.

Около этого же времени, прѣхалъ изъ Острогажска и М. М. Понавъ, занявъ мѣсто ретушера у Александровскаго, и съ помощью Ивана Николаевича поступилъ въ Академію, въ гипсовое классъ. Онъ также сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ, слушателемъ и работникомъ на вечерахъ Крамского.

На этихъ-то вечерахъ Иванъ Николаевичъ выработалъ своеобразный методъ работать портреты въ натуральную величину, поясные, и въ 3 часа оканчивалъ ихъ совершенно. Тутъ работалъ карандашъ, карандашный соусъ, растушка и гуашниа бѣлила. По его выраженію, тѣмъ бы ни работать, да вышло бы скоро и хорошо. Для портретовъ Иванъ Николаевичъ уделялъ одинъ часъ въ вечеръ, и на третій, или много на четвертый, вечеръ одинъ изъ его товарищей получалъ свой прекрасный, законченный портретъ (разумеется, безвозмездно). Скоро явились и послѣдователи этого метода: кажется, первымъ былъ его же учитель по гипсу. Да и въ Академіи появились рисунки, вѣсто прежняго Жульеновскаго штрихованія, тоже исполненные по болѣе скорому и упрощенному методу. Все это надѣялось финансировать въ садикѣ, въ 8-й линіи Васильевскаго Острова. Много въ этомъ филгелкѣ потрудился Иванъ Николаевичъ. Многие изъ его старыхъ товарищей, какъ-то: Шустовъ, Мелюхъ, Корзухинъ, Дмитріевъ — Оренбургскій, Журавлевъ и другіе, конечно, не разъ вспомнить и не разъ призадумаются о томъ счастливыхъ времени и о тогдашней жизни труженческой, полной огня, энергіи, силы, молодости и воли. Она тратилась не на ванталині въ «Золотомъ якорѣ» и другихъ ресторанахъ, а на сознательную, глубоко обдуманную, только что начинающуюся, можетъ быть, въ то время работу. Въ этомъ филгелкѣ не закипался, а уже горѣлъ тотъ огонь, который

* Незадолго передъ тѣмъ, Иванъ Николаевичъ жерѣхалъ въ 8-ю линію Васильевскаго Острова, не имѣе чей дощъ, но сзади двора, въ садѣ, во филгелкѣ о 3-хъ комнаткахъ, прелестный, уютный.

многие восламенились любовью к русской живописи. Иванъ Николаевичъ Крамской показал товарищамъ, что нужно отбросить мнѣологическихъ боговъ, Одинъ*), съ ихъ волками и воронами.

.... Да, въ этомъ маленькомъ гнѣздышкѣ, гдѣ жилъ Иванъ Николаевичъ, выработывалась какъ бы новая русская академія, тоже маленькая, которая впоследствии разрослась въ большую художественную артель.

По приѣздѣ М. М. Панова, вскорѣ пріѣхалъ и Николай Ивановичъ Второвъ въ Петербургъ, и у Ивана Николаевича явились почти въ одно время новыя два знакомства: г. Второвъ и г. Александръ Васильевичъ Никитенко, тоже нашъ острогосжскій, академикъ академіи наукъ. Какъ у Второва, такъ и у Никитенко молодому человеку многому чему можно было научиться, а Иванъ Николаевичъ не упускалъ ничего полезнаго для себя изъ виду. У Никитенко часто собирались литераторы, и Иванъ Николаевичъ, какъ почти свой человекъ у Никитенко, могъ многое поддѣлать; а къ Второву часто пріѣзжалъ изъ Москвы другъ его Александръ-Дольниковъ; тогда къ Второву являлись бывшіе коллеги его по казанскому университету, наприм. Мельниковъ и другіе. На этихъ вечерахъ Иванъ Николаевичъ всегда былъ желаннымъ гостемъ. Разъ, еще въ Острогосжскѣ, я засталъ Крамского надъ сочиненіемъ Гегеля и спросилъ: «Что ты тутъ попялъ?» Онъ разсѣялся и говоритъ: «Ровно ничего не попялъ». — Теперь же, въ Петербургѣ, послѣ одного изъ вышесказанныхъ вечеровъ, я засталъ его надъ философіей Спинозы, и сказалъ: «Ты опять за отвлеченности?» Онъ отвѣчалъ: — «Я больше теперь понимаю, и примусь опять за Гегеля».

Дѣятельность Ивана Николаевича и мою хохляцкую натуру расшевелила. Оставивъ Главный Штабъ и получивъ въ Академіи художества, за акварельную живопись — званіе некласснаго художника, я сначала работалъ въ недолго существовавшее журналь: «Сѣвѣпскіе», а потомъ перешелъ въ фотографію художника Денъера, гдѣ, изъ должноти главнаго помощника, прожилъ болѣе трехъ лѣтъ.

Иванъ Николаевичъ занимался ретушевкой только для одного Денъера, да и то лишь для царской фамиліи и для знати, потому что сталъ уже свои силы пробовать на картинахъ и на портретахъ съ натуры, для денегъ. Получивъ уже всѣ серебряныя медали за рисунки и за этюды, онъ перешелъ сдѣлать акварелью, на болѣе тонкіе листы бристоля, съ клякши Дадіанъ, а первую картину на полотнѣ — «Моисей благодаритъ Бога, послѣ перехода черезъ Черное море». У Денъера онъ уже рѣдко занимался, хотя и прозвали Ивана Николаевича его товарищи «богомъ ретуши».

*) Программа, заданная въ 1863 году императорамъ въ Академіи художества на большую золотую медаль и не принятая ими.

Здѣсь уиѣстно будетъ выяснить, почему Ивана Николаевича такъ прозвали. Когда Крамской показанъ въ Петербургѣ, въ качествѣ ретушера, фотографія была еще въ младенчествѣ. Чего не давала фотографія, приходилось кистью дополнить, а дополнить кистью — лучше Ивана Николаевича никто не могъ, даже такія въ то время знаменитости по фотографической ретуши, какъ акварелисты Алек. Соколовъ, Верстовъ, Гринеръ и проч. Пріѣхавшій изъ Парижа С. Д. Левицкій открылъ ателье дагерротипа въ Петербургѣ и пригласилъ къ себѣ въ коннину извѣстнаго нашего изобрѣтателя и любителя по части фотографіи, А. И. Шпаковского. Съ нимъ онъ открылъ фотографію, надъ выпискою: «Сѣвѣпскіе Левицкаго». Онъ скоро приобрѣлъ большую славу. Вся всія знать стала сниматься у Левицкаго. Левицкій дѣлается первымъ фотографомъ. Александровскій, нѣтъ уже у себя такого ретушера, какъ Иванъ Николаевичъ Крамской, получаетъ дозволеніе снять фотографическій портретъ съ покойнаго Государя Императора Александра II, въ Зимнемъ дворцѣ. И. И. Крамской отдѣлываетъ тщательно этотъ портретъ и провозводитъ имъ фурур. Александровскій дѣлается «фотографомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора», получаетъ орла и вся знать снимается у Александровскаго. Его фотографія дѣлается первой. Тогда Денъеръ, какъ художникъ и фотографъ, остается позади, но, какъ человекъ практическій, приглашаетъ И. И. Крамского къ себѣ, на лучшихъ условіяхъ противъ Александровскаго. Въ это время Крамской знакомитъ меня съ Денъеромъ, и вотъ у Денъера главный ретушеровъ становится Крамской, а главнымъ лаборантомъ — Тулиновъ. Когда сдѣлалось открытіе дагерротипа, а потомъ и фотографіи, профессора Академіи художества чуть не плевали на это открытіе. Но Денъеръ залучилъ какъ-то въ свою фотографію одного изъ старшихъ профессоровъ, гравера Уткина, и снялъ его портретъ — портретъ поправился. Вѣздъ за нимъ, переснимались у Денъера, кажется, всѣ профессора Академіи художества, какъ-то: Бруни, Писменовъ, Марковъ, Шамининъ и пр. Разумѣется, всѣ эти портреты проишли черезъ цензуру Ивана Николаевича, и его кисточка дозволила снявшимся профессорамъ — фотографію Денъера одобрить. Но вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ сниматься статсъ-секретарь Валуевъ, за тѣмъ и министръ двора, графъ Адлербергъ, а потомъ и покойный Государь Цесаревичъ. Наконецъ (чего прежде никогда не бывало), самъ покойный Государь Императоръ изъявилъ желаніе быть въ мастерской фотографіи Денъера и дозволить снять съ себя фотографическій портретъ, въ нѣсколькихъ видахъ, и карточкѣ. Въ скорости переснималась у Денъера почти вся царская фамилія. Ивана Николаевича зазывали работою. Ставится новая выписка: «Фотографія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Госу-

дарыни, художника Денъера». — Полное торжество! Фотографія Денъера дѣлается первой.

Но бѣдныя ны мухи — фотографы, съ своими камерами и объективами. Карабкались въ гору, мы думали: «мы тамъ», а и не зашли, что словъ одинъ тянулъ насъ всѣхъ. Впрочемъ, въ это время почти всѣ лучшіе товарищи Ивана Николаевича работали для Денъера, даже учитель по гнипу Иванъ Николаевичъ.

*) Когда привезена была въ 1857 году, изъ Рима, картина Моллера «Іоаннъ на островѣ Патмосѣ» и Тулиновъ спрашивалъ о ней живящаго своего пріятеля, Крамской (тогда только что поступившаго въ Академію) отвѣчала ему: «Академія, кажется, приняла ее хорошо, а ученикамъ... мало ли что можетъ казаться!» — «Да вѣдь я спрашиваю твоего мнѣнія». — «Нѣтъ, Михаилъ Борисовичъ, мнѣ еще надо долго и долго учиться, а я еще и не начинаю, чтобы судить о подобныхъ картинахъ». Но не такъ онъ заговорилъ черезъ годъ, въ 1858 году, когда появилась въ Академіи картина Иванова «Явленіе Мессіи народу». Въ числѣ первыхъ обозрѣвателей явился, вмѣстѣ съ публикою, и Н. Н. Крамской и потащилъ меня съ собою. Мы смотрѣли долго, подходили вплоть къ самой картинѣ, отходили дальше, такъ что и отходить было некуда; въ этомъ прошелъ почти цѣлый день. Изъ Академіи мы вернулись почти вѣтеромъ домой на квартиру Н. Н. Молча пришли, молча побѣждали: мнѣ страсть какъ хотѣлось поговорить, да думаю себя: пушай онъ первый начнетъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и говоритъ мнѣ: «Ну что, Михаилъ Борисовичъ?» — «Что, ничего, Иванъ Николаевичъ». — «Нѣтъ, не ничего. Картина-то Иванова, кажется, въ самый разъ показалась!» — «Почему такъ думаешь?» — «Вѣдь имъ вслушивались въ живые звуки! Многимъ не нравится, почему Ивановъ посадилъ чуть не на первомъ планѣ раба съ зеленымъ лицомъ и цѣлью». — «Да, говорю, это действительно многимъ бросается въ глаза». — «Многимъ, да не всѣмъ. Хотите теперь выслушать мое личное мнѣніе?» — «Съ удовольствіемъ, говорю». — «Вѣдь недурно говорили прошлый годъ нѣкоторые изъ молодыхъ художниковъ о картинѣ Моллера, что гора мышцъ родила. Да, Михаилъ Борисовичъ, вотъ Иванова — это художникъ! Вѣдь недурно: онъ писалъ, какъ говорятъ, эту картину 20 лѣтъ, былъ другомъ Гоголя. Это не картина — а слово! Главная фигура, Іоаннъ Креститель, указываетъ туда, въ даль,

на Грядущаго, глаголю: «Грядетъ креліи хене во слѣдъ мене, Бѣу же ждѣши достинѣтъ преклонѣши разрѣшѣши ремень сапогъ его», и картина какъ будто договариваетъ сама мѣсто словъ. И грядетъ, да разрушить врата адамы и раба на картинѣ какъ бы дожидается, что съ приходомъ Грядущаго и его дѣла спадутъ. Попробуйте, отнимите раба, и картина на колѣну истеряетъ»...

Знаю съ 1861 на 1862-й годъ Крамской писалъ Тулинову, что весной онъ собирается къ нему въ Москву, а можетъ быть проѣдетъ и въ Кіевъ, потому что получить право носить картину на 2-ю золотую медаль: «Олегъ переправляется черезъ дѣвировскіе пороги», и желаетъ писать свои историческія картины какъ можно ближе къ истинѣ. Поэтому, какъ мѣстность, такъ и атрибуты, а по возможности и типы, надо писать тамъ, гдѣ происхожденію дѣйствіе заданнаго сюжета. «Я знаю, прибавлялъ Крамской, что нѣкоторые изъ другихъ конкурентовъ, не выходя изъ мастерской, напишутъ какую хотите историческую картину, но вѣдь это будетъ не картина исторія, а фантазія!» Когда потомъ, въ мѣ 1862 года, Крамской пріѣхалъ въ Москву, М. В. Тулиновъ сталъ осматривать его намѣреніе, доказывалъ, что издержекъ и потери времени будетъ много, а своей цѣли Крамской въ Кіевѣ все-таки не достигнетъ («Вѣдь Олега въ Кіевѣ не найдешь, да и пороги дѣвировскіе далеко», говорилъ Тулиновъ). Наконецъ ему удалось убѣдить Крамского, что ѣздить въ Кіевъ незачѣмъ. Тогда онъ предложилъ своему пріятелю писать свою программу въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ, высоко надъ Москвою-рѣйкой. Нашли мѣсто у одного крестьянина, Илья Куликова, и выстроили тамъ въ вышнемъ садикѣ баракъ-мастерскую (стоившій болѣе 300 рублей). «И такъ Крамской принялся работать въ новой, необычайной мастерской, рассказываетъ М. В. Тулиновъ. Когда вошли поспѣли, то въ открытое большое окно глѣти набилась чуть не къ самому рту. Войдя разъ и увидѣвъ такую картину, я заплѣлъ пѣсню «подъ вышнемъ, подъ черешнемъ сидѣть»... Крамской расхотѣлся. Поставку древнихъ кольчугъ, щитовъ, мечей и всякаго оружія, а также прискакали кожаныхъ тиковъ и одѣянія я ваялъ на себя. Мы отправились въ школу живописи и каянія, я познакомилъ Крамского съ профессоромъ Равазановымъ и Зарлино. Отъ нихъ получили нѣкоторые нужные предметы, а также дозволеніе выбрать подходящихъ натурщиковъ, которые стали ходить къ Крамскому на Воробьевы горы, съ платою по 1 рублю. Крамской былъ очень доволенъ, но радость его еще болѣе увеличилась, когда я черезъ нѣсколько дней досталъ отъ антиквара Родіонова кольчугу, нишакъ, щитъ, конѣ, чутъ ли не современнаго самому Олегу. За ладьями и платоми ослановки не было. Весною Москва этимъ фотомъ прензобируетъ, такъ какъ изъ дальнихъ губерній, Костромской и Вологодской, изъ самой

*) Періодъ, описанный въ 1857—64 жизни Н. Н. Крамского, описанъ въ «Воспоминаніяхъ» М. В. Тулинова съ такими обильными подробностями, часто даже безъ разсудка мелочныхъ, что здѣсь возможно было представить отсюда лишь скіе, по возможности, извлеченіе.

глуши лесной, появляются такие расписывы, баркасы и ладьи, перемутанные веревками из лыка и освещенные лубочными парусами и трех-саженными правилами, что ежели бы встал с того света Олегъ, и онъ воскликнул бы, глядя на них: «Эка старина матушка глубокая!» — Такъ продолжалось до осени, пока холода не выгнали Крамского съ Воробьевыхъ горъ, а вместе и изъ Москвы, съ недооконченной картиною, которая по-тогда такъ и осталась навсегда недооконченою...»

Перехода потомъ къ веснѣ 1865 года, М. В. Тулиновъ рассказываетъ, какъ профессоръ А. Т. Марковъ, его близкій знакомый, расписывавшій въ то время куполъ въ храмѣ Спаса въ Москвѣ, сталъ однажды улаживать его, Тулинова, чтобы онъ уговорилъ Крамского (въ то время уже покинувшего Академію, вместе съ 13 товарищами) взять на себя выполнение работы въ куполѣ. «Да, прекрасный молодой человекъ — Крамской, говорилъ Марковъ, достойный всякихъ похвалъ! Онъ у меня былъ изъ самыхъ лучшихъ учениковъ. Изъ него выйдетъ, по моему мнѣнію, колоссальный художникъ. Одно мнѣ не нравится, какъ иначе всѣ молодые люди относятся къ намъ, старикамъ — какъ бы это сказать? (Марковъ замаялся)... Объ Иванѣ Николаевичѣ не могу этого сказать: онъ всегда ко мнѣ относился съ большимъ уваженіемъ. Но не знаю, какаа тому причина, дѣйствительно прошу, какъ я послалъ ему письмо, а отвѣта не получаю. Я васъ прошу, такъ какъ вы считаетесь его другомъ, будьте такъ добры, сдѣлайте одолженіе старику, напшите отъ себя Ивану Николаевичу, какаа тому причина, что онъ не отвѣчаетъ на мое письмо, попросите его отъ себя въ Москву прѣхать, мнѣ очень нужно съ нимъ поговорить и переговорить, всѣ расходы и за время я заплачу...» Но Крамской отъвѣчалъ Тулинову*): — «Вы не знаете, Михаилъ Борисовичъ, нашихъ отношеній съ профессоромъ Марковымъ, и мнѣ прискорбно, что вы дѣлаетесь какъ бы посредникомъ между нами, не зная, въ чемъ дѣло. Объяснюсь развѣ навсегда. Я работалъ, по порученію А. Т., болѣе года картоны для плафона въ храмѣ Спаса. Вы представите себѣ не можете эту египетскую, неблагодарную работу. Представьте же себѣ, что площади плафона — въ 2,400 аршинъ — должна быть застлана картонами, по частямъ; на этихъ картонахъ отъ центра должны быть разбиты градусы, ино этимъ градусамъ нужно было вычертить и маршировать, по эскизу Маркова, въ ту величину, какаа должна быть на вѣстѣ, въ храмѣ. А величина вотъ какаа: наприм., одна голова Бога Отца — 7 аршинъ, ноготъ на большомъ пальцѣ руки 1/2 аршина, а все кругомъ — херувимы и серафимы, и облака, состоящія изъ херувимскихъ головокъ. И вотъ, въ продолженіе

того, то ползая по полу на разгибавъ спинны, для градусовъ и вычерчиваній, то выписывая картоны, сѣбя и прѣмѣряя, и все это безъ отдыха — нуно изъ срока — я о своемъ существованіи даже забывалъ. И за весь этотъ неносильный трудъ, что я получилъ отъ профессора Маркова? Триста рублей. Въ видѣ ли награды, въ видѣ ли платы — онъ мнѣ не объяснилъ. Прошло уже два года. Я и объясниться не желаю, я доволенъ и тѣмъ, что получалъ. И зачѣмъ онъ меня приглашаетъ въ Москву — я тоже знаю. Для этого тамъ есть у него сотрудникъ, Макаровъ, онъ уже набилъ руку на дѣтскихъ и дамскихъ головкахъ, и херувимчики ему нипочемъ. Вы видѣли, въ бытность вашу у Дельера, акварельный эскизъ, по которому надо работать и съ котораго снимали тогда фотографію: можете сами судить. Прому обѣ одною, возвратитъ это письмо мнѣ обратно. Я не хотѣлъ, Михаилъ Борисовичъ, чтобы кто зналъ объ этомъ*), даже самому хочется забыть, и если высказался, то не по своей, а по вашей милости». Услыхавъ отъ М. В. Тулинова, что Крамской не хочетъ ѣхать въ Москву по какимъ-то необъясненнымъ имъ обстоятельствамъ, Марковъ даже въ лицѣ измѣнился, и сказалъ только: «Ну, что-жъ дѣлать! Если не хочетъ старика уважить, насильно не заставишь». Но потомъ, за завтракомъ въ трактирѣ, положивъ голову на задокъ, ни съ того ни съ сего онъ расплакался какъ ребенокъ. «Да, Михаилъ Борисовичъ, говорилъ онъ, — вотъ что значить не имѣть искренняго друга, кому бы можно было всю душу вылить. Завидую вамъ, а вотъ у меня накопилось столько на душѣ, что вѣну задохнуться, а высказаться некому. Видѣ я хорошо понимаю, по какимъ обстоятельствамъ И. Н. не хочетъ со мной повидаться: онъ сердится на меня, что я приглашаю работать Макарова, а не его. Теперь самъ это чувствую. Но въ то время И. Н. былъ еще ученикомъ Академіи, и отрывать его отъ Академіи мнѣ совѣтъ не хотѣлось, такъ какъ онъ мой ученикъ. А отчасти, признаюсь, и сомнѣвался: молодъ былъ еще, совѣтъ не имѣть практикы при большомъ работѣ. А мнѣ пришлось къ 70-лѣтнему, дурацкому: нуженъ чело-вѣкъ опытный. Вотъ и наскочилъ на опытнаго! — Извините за нескромный возрастъ, Алексѣй Тарасевичъ, развѣ у васъ случалось что непріятное? — Эхъ, Михаилъ Воросевичъ, непріятности я всю жизнь переносилъ, кривился въ нихъ. Не непріятности, а позоръ готовится, на старости. Долго я кривился, долго на сердцѣ таскалъ камень, но вѣдь некому же терпѣливо есть конецъ. Надо же съ кѣмъ нибудь подѣлиться, посоветоваться!..» Суть дѣла состояла въ томъ, что такъ какъ самъ Марковъ, по старости, не могъ «отъ утра до вечера оставаться на лѣсахъ, вверху, съ запрокинутою

*) Письмо болѣе не существовало и текстъ его приводится Тулиновымъ приблизительно, на память.

*) Дѣйствительно, ни въ «Автобіографіи», ни въ письмахъ, ни въ разговорахъ Крамской никогда не всѣ жизни никому не рассказывалъ этого дѣла.

головую» и работать, то нанял Макарова за 20,000 рублей; тот перебрался в 2 года больше 20,000, а когда разобрали середину льсона, то Марков «ахнул и думал, что съ ума сойдет»: это, говорил он, не живопись, а свиной карандаш! Скро, безмолвно, все сливается!» Макаров же как в воду канул и больше не показывался. «Теперь, продолжал Марков, — о Петербург! нечего и думать, там, кто мог бы, так сам готовится работать тут же, в храме Спаса, или уже заручился работами, а из молодежи, кроме Н. Н., никого не вижу. Пытался здесь в Москве — но кроме Сорокина просто не за кого взяться, а он прямо отъятый отказался, считается же по церковной живописи лучшим. Вот уже третий месяц работа остановилась. Сам не могу! Советских растерялся...» Скоро после этого разговора, Крамской поблизил в Нижний-Новгород, где он с товарищами устроил, во время ярмарки, выставку картин членов Артели и других художников: самая замечательная картина была — «Тайная Вечеря» Гб *). Зайхав, по дороге, к Тулинову, он застал там проф. Маркова, который, не ширя на все сопротивление Крамского, задержал его просьбами, даже со слезами, остаться в Москве до вечера, и, наконец, уговорил его взяться хоть за пробу: исправить часть работы в куполе храма Спаса.

Спустя две недели, М. В. Тулинов получил из Нижнего-Новгорода письмо от Крамского, который рассказывал ему, «как сочувственно отнесся к их выставке нижегородский губернатор **») и что он позволил им поместить картины в одном общественном здании (кашател — безплатно); что ярмарка началась, посетителей бывает масса, и всё относится к этому небывалому предприятию очень и очень сочувственно». Когда, после нижегородской выставки, Крамской пробыжал обратно через Москву и остановился на несколько дней у Тулинова, проф. Марков снова старался окончательно устроить свое дело с Крамским; но Крамской согласился лишь на пробу (съ платою по 500 р. за месяц), и при этом поставил немнѣннымъ условиемъ, чтобъ въ продолженіе всей работы никто ему не мешалъ, и даже самъ Марковъ обязался честнымъ словомъ (послѣ долгаго, впрочемъ, сопротивленія) не ходить вверхъ на лѣса до окончанія работы. Опытъ удался, и только тогда Крамской согласился взять на себя исполненіе живописи всего купола. Для помощи въ работѣ, Крамской рѣшилъ пригласить двухъ товарищей, хорошихъ художниковъ. «Вы

или я, говорит Крамской профессору Маркову, приглашаемъ двухъ по моему указанію художниковъ, и всѣ мы отправляемся въ храмъ Спаса. Осмотрѣвши плафонъ, мы дѣлаемъ сѣту между товарищами и объявляемъ сумму, какую вы должны заплатить за нашъ трудъ. Работать иначе я не стану, какъ на равныхъ наяхъ съ товарищами». Марковъ задумался, и, помолчавъ, какъ бы вскрикнулъ: «Нельзя Николаевича, да вѣдь главная работа должна лечь на насъ одного, за что же вы будете дѣлиться своимъ трудомъ съ остальными товарищами?» — «Я не отказываюсь отъ главной работы, отвѣчал Крамской, но остальную товарищи подѣлятъ каждый по своимъ способностямъ. Я уверяю, что каждый, зная свою треть изъ общей договорной суммы, будетъ на столько стараться, чтобъ не стыдно было вѣрить другимъ». И Крамской настоялъ на своемъ. По его приглашенію, пріѣхали изъ Петербурга его товарищи, Б. В. Веснитъ и Н. А. Кошелевъ, всѣ вѣстѣ осмотрѣли размѣры и мѣстность будущей работы, потомъ на общемъ совѣщаніи дебатировались условія, и, наконецъ, былъ заключенъ (15 октября 1863 года) формальный контрактъ, по которому Крамской взялъ на себя всю работу купола за 10,000 р., съ обязательствомъ кончить ее къ апрѣлю 1866 года *). Трое товарищей поселились всѣ вѣстѣ на одной квартирѣ, работали съ утра и до темноты, даже и по праздникамъ, а вечера проводили у себя дома, при чемъ Крамской почти все время читалъ, упершись въ столъ обѣими руками (между прочимъ и для того, чтобъ дать отдыхъ головамъ, почти въ продолженіе всего дня зыркнутой назадъ, во время работы въ куполѣ), а Веснитъ съ такою ревностью заманился игрою на фортепіано (купленную у Суздальской бани за 7 съ половиной), что иногда выводилъ даже изъ терпѣнія товарищей. Иногда вечеръ проходилъ у нихъ также въ художественныхъ разговорахъ и спорахъ. Они почти вовсе не ходили ни въ гости, ни въ театръ. Когда работа была въ полномъ уже ходу, Крамской замѣтилъ, что рисунокъ ногъ у Бога-Отца странно негнѣтенъ. Онъ долго бисалъ, какъ это исправить — и наконецъ добили: «я удивляюсь, сказалъ отъ М. В. Тулинову, какъ до сихъ поръ товарищи не замѣтили». Онъ взялъ карандашъ, листъ брыстольской бумаги, и давая чертѣтъ. Перемаралъ нѣсколько листовъ, вдругъ крикнулъ: «а знаешь что, вѣдь я нашелъ способъ, хоть не совершенъ, а поправить можно! — Чѣмъ? говорю. — А раскурсами. Одну ногу подожму, другую вытяну впередъ, серафимовъ нагну». Марковъ какъ услышалъ, такъ и ахнулъ, и опять всю вину свалилъ на Макарова, но Крамской успокоилъ его и разъяснилъ, какъ дѣло поправитъ.

«Товарищи проработали, говоритъ въ заключеніе М. В. Тулиновъ, годъ

*) Эта выставка Художественной Артели длинна, по всей справедливости, считается первымъ зародившемъ выставкою Товарищества передвижныхъ выставокъ.
Ред.

**) Генералъ-лейтенантъ А. А. Однцовъ.

*) См. въ концѣ настоящаго тома отдѣлы: «Документы».

съ чѣмъ-то, а Крамской, послѣ нихъ, еще мѣсяца два. Всю сумму они раздѣлили между собою, и за расходами пришлось на каждого что-то въ родѣ 1,500 руб. Маркову отъ 100,000 осталось немного. Больше всѣхъ получилъ Макаровъ**).

Про картину «Христосъ въ пустынѣ» М. В. Тупиновъ рассказываетъ: «Эту картину (а также и мой портретъ) И. Н. Крамской писалъ въ моемъ мѣстѣ, въ слободкѣ Выпозовой, Владимірской губ., переславль-залѣскаго уѣзда. Голову Христа онъ вылѣпилъ изъ глины еще точнѣе, но выходитъ изъ Академіи, а потомъ лѣпилъ ее также изъ воску. Задумана была цѣлая серія картинъ изъ жизни Христа. Начатая она должна была «Провѣдью», а кончиться — «Судомъ передъ Пилатомъ».

«На сюжеты изъ Гоголя Крамской также много хотѣлъ писать. Начать онъ думалъ «Вечерами на хуторѣ», а кончить «Тырасонъ Буабой». «Русалка» (или Майская ночь) вышла только первой картиной».

2. Воспоминанія объ И. Н. Крамскомъ Е. П. Михальцевой.

Когда я вторично поступила въ рисовальную школу, послѣ перерыва нѣсколькихъ лѣтъ, по старой памяти меня почему-то приняли прямо въ старшій классъ безъ экзамена. Я застала въ этомъ классѣ нѣсколько кружковъ ученицъ, работавшихъ уже масляными красками съ натуры, подъ руководствомъ Келлера. Къ одному изъ этихъ кружковъ я и присоединилась. Старшее отдѣленіе этого класса, въ которомъ принадлежалъ и нашъ кружокъ, занималось также композиціями на заданную тему, какъ жанровыя, такъ и историческія, подъ руководствомъ Вейдемана, хорошаго учителя. По перспективѣ мы служили прекрасныя лекціи Маркова. Нѣкоторые изъ насъ, считая себя уже достаточно подготовленными, выставляли свои опыты даже на выставку. Но со вступленіемъ И. Н. Крамского, намъ пришлось горько разочароваться.

Иванъ Николаевичъ поступилъ въ Рисовальную школу въ 1862 году и принялъ подъ свое руководство натурный классъ въ школѣ, гдѣ мы рисовали сперва головы съ натуры карандашемъ, акварелью и масляными красками, а потомъ и цѣлыя фигуры въ костюмахъ. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе, это было полное незнаніе нами рисунка.

** По сообщенію А. И. Корзухина, въ условленномъ началѣ 10,000 рублями, А. Т. Марковъ прибавилъ впоследствии еще 7,000 р., но причинъ увеличившейся работы Крамской, изъ этихъ 17,000 р., ввелъ въ Артель 3,000 р. Артель не хотѣла вначалѣ принимать этого «предела», но Крамской объявлялъ, что если этихъ денегъ отъ него не ирнуть, то онъ выйдетъ изъ Артели.

Ред.

Онъ напелъ ученицъ, горячо желавшихъ учиться, но не имѣвшихъ должной подготовки; мы дѣлали большія композиціи, не зная анатоміи, даже не умѣя правильно и вѣрно нарисовать нѣсть или глазъ.

Подъ его строгимъ, дѣловымъ и систематическимъ руководствомъ стали мы изучать рисунокъ. Въ пособіе намъ, онъ прочелъ краткій курсъ анатоміи, съ чертежами. Это было повтореніемъ со стороны Ивана Николаевича, и мы во-очію убѣдились въ вѣзданіи нами рисунка, и даже нѣкоторыя нѣсть, откладываемая въ сторону всякое самолюбіе, по собственному желанію, подъ вліяніемъ его строгого и честнаго отношенія къ нашимъ работамъ, возвращались обратно въ гипсовый классъ, получившій въ нашихъ глазахъ важное значеніе и въ то время переданный тоже Ивану Николаевичу.

Онъ по преимуществу слѣдилъ за правильностью рисунка. Но мы несли ему съ большою охотою всѣ наши работы, производившіяся какъ въ классѣ, такъ и дома, — и онъ оставался разсматривать ихъ съ нами долго послѣ окончанія классовъ. Онъ трудился съ нами, не жалѣя силъ и иногда утомляясь, и все-таки не отказывалъ въ своихъ совѣтахъ. При исправленіи рисунка которой нибудь изъ ученицъ, Иванъ Николаевичъ всегда бывалъ окруженъ всѣми нами, такъ какъ онъ свои исправленія сопровождалъ поясненіями, имѣвшими интересъ для всѣхъ.

Особенно онъ интересовался нашими домашними и лѣтними работами. При классныхъ занятіяхъ онъ заставлялъ насъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ каждой проведенной нами чертѣ и наглядно объяснять формы, черты съ боку рисунка отдѣльныя части и измѣненія ихъ при ракурсахъ, а также косточки и отдѣльные мускулы. Отъ времени до времени онъ заставлялъ насъ рисовать головы въ контурахъ наизусть, чтобы провѣрить, насколько мы усвоили себѣ его указанія. А училъ онъ насъ такъ, что при этихъ новѣркахъ оказывалось въ большинствѣ случаевъ, что и въ его замѣчанія и поясненія запечатлѣвались въ нашей памяти надолго, такъ что я и въ впослѣдствіи припоминала при даваніи уроковъ. Мы у него рисовали головы съ натуры карандашемъ и растушкою, а потомъ отдѣлыя фигуры съ обнаженными руками и ногами: напр., рыбака, плотника съ топоромъ, а также и фигуры въ костюмахъ. Такимъ образомъ, близко познакомясь, подъ руководствомъ Ивана Николаевича, съ рисункомъ головы, рукъ и ногъ, мы желали также близко усвоить себѣ и рисунокъ корпуса человѣчѣской фигуры; для чего просили дозволенія нѣтъ въ школѣ отдѣльные часы для рисованія обнаженной (женской) фигуры съ натуры. Къ этому сочувственно относился и Иванъ Николаевичъ, но это не было намъ разрѣшено. Тогда Иванъ Николаевичъ предлагалъ намъ даже устроить это въ ихъ Артели; но мы на это не рисковали. Въ это же время составлялись въ память кружкѣ домашніе рисовальные вечера, у каждой изъ насъ по-

очередно. На этих вечерах мы или сами позировали в различных костюмах, или приглашали позировать посторонних, взрослых и детей. Школьные учителя прѣзжали также къ намъ. У насъ бывали: Вейдеманъ, Келлеръ, Морозовъ, а потомъ Клодтъ, Корзухинъ и Крамской; эти два послѣдніе рисовали между нами. Иванъ Николаевичъ по-товарищески, очень оживленно бесѣдовалъ съ нами. Для этихъ вечеровъ мы готовили не большіе переводы изъ разныхъ статей о живописи, при чемъ возбуждались оживленные споры. Вечера эти не проходили безслѣдно, а возбуждали въ насъ энергію и желаніе заниматься.

Въ Рисовальной школѣ также, одновременно съ нами, по воскреснымъ вечерамъ, М. П. Дьяконовъ устраивалъ для насъ художественные вечера, гдѣ собирались уже всѣ преподаватели, но они протѣржались только одному. Иванъ Николаевичъ и на этихъ вечерахъ также былъ для насъ тѣмъ же добрымъ и неутомимымъ учителемъ.

И. Н. Крамской оставилъ школу, кажется, въ 1868 году, но не переставалъ до самой смерти интересоваться работами и успѣхами своихъ бывшихъ ученицъ, близко принимая къ сердцу ихъ удачу и неудачу. Онъ посѣщалъ насъ по нашей просьбѣ и въ нашихъ мастерскихъ; а въ послѣдніе годы, когда уже онъ былъ боленъ, нѣкоторымъ изъ его бывшихъ школьныхъ ученицъ приносили къ нему на домъ свои работы и онъ съ тѣмъ же живымъ интересомъ, какъ и въ бывшее время, разбиралъ ихъ и давалъ совѣты.

Глубокое уваженіе и благодарность, которыя мы питали къ нему еще въ школѣ, останутся въ насъ навсегда.

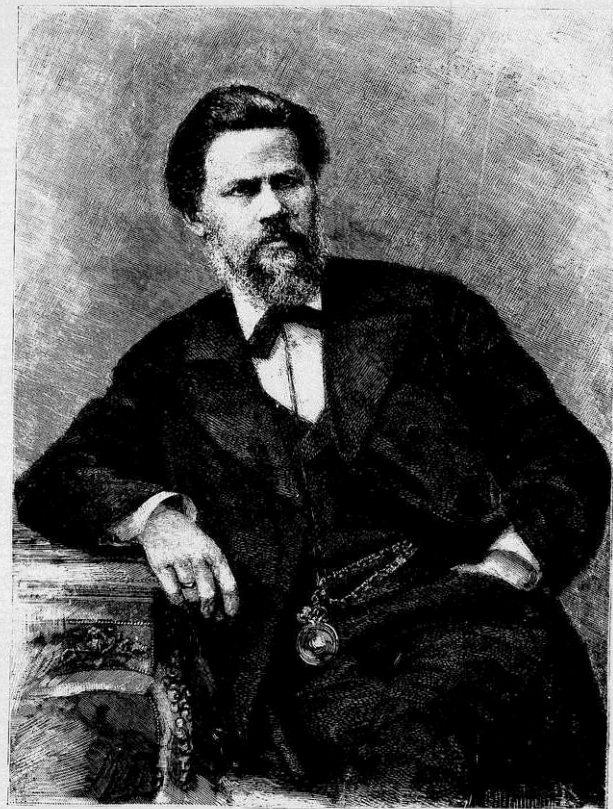
1887 года, апрѣля 12-го.

3. Воспоминанія объ И. Н. Крамскомъ Э. К. Гаутеръ.

Съ большимъ удовольствіемъ сообщу я все, что только вспоминая о томъ счастливомъ времени въ Рисовальной школѣ, когда И. Н. Крамской былъ нашимъ добрымъ учителемъ. Поступилъ онъ въ Рисовальную школу въ 1862 г. По вторникамъ и четвергамъ мы рисовали съ натуры растущую этюды головъ, а по пятницамъ цѣлыя фигуры, тѣмъ хотѣли: карандашемъ ли, или акварелью, или растущей и бѣлками, или масляными красками. Фигуры эти были: или драпированный манекенъ, или натура въ костюмѣ, или напр. фигура рыбака съ обнаженными руками и ногами. Показалъ намъ Крамской также способъ рисованія мокрымъ соусомъ, и мы приносили ему свои домашнія работы, дѣланные этимъ способомъ. Затѣмъ Ивану Николаевичу передали еще классъ гипсовыхъ головъ и фигуръ. Тутъ онъ намъ еще объяснилъ всю анатомію, и я решила съ его согласія еще разъ въ ги-

совый классъ, чтобы подъ его строгимъ и дѣльнымъ руководствомъ пройти этотъ нашъ классъ. Затѣмъ уже Иванъ Николаевичъ выразилъ, что намъ въ школѣ болѣе учиться нечему. Мы было просили у Мих. Вас. Дьяконова — устроить для насъ еще классъ рисованія съ натуры фигуръ — но намъ отказали. Въ Академіи еще не принимались женщины — поэтому Иванъ Николаевичъ и тутъ хотѣлъ намъ помочь, и думать устроить у себя подобный классъ, но, къ сожалѣнію, это ему не удалось. Но когда художники, принадлежащіе къ Артели художниковъ, устроили четверговныя собранія, то и намъ были доступны бывать тамъ; туда приносили художники худые альбомы и вмѣстѣ разбирали ихъ. Кромѣ классныхъ дней, мы еще одинъ годъ собирались въ Рисовальной школѣ по воскресеньямъ — гдѣ устраивались для насъ художественные вечера. Приглашались даровитые художники, которые рисовали при насъ, а Иванъ Николаевичъ сидѣлъ между нами и рисовалъ мокрымъ соусомъ съ красиво освѣщенной натуры. Какъ, конечно, каждая изъ насъ охотно вспоминаетъ наши художественные домашніе вечера, гдѣ мы сначала однѣ, вносилъ дѣтій и съ своими профессорами рисовали съ натуры, гдѣ Клодтъ, Корзухинъ и Иванъ Николаевичъ Крамской принимали участіе. Затѣмъ мы рисовали изъ головы, а наконецъ составляли переводы художественныхъ сочиненій на иностранномъ языкѣ, и я помню, что Крамской внимательнѣе всѣхъ прислушивался къ тому, что читалось. А когда мы просили Ивана Николаевича прѣхать посмотрѣть на наши домашнія занятія, то онъ и тутъ не отказывалъ и всегда умно и краснорѣчиво разъяснилъ наши художественныя сомнѣнія.

11-го апрѣля 1887 года.

И. Н. Крамской

И. Н. КРАМСКОЙ.

Съ фотографического портрета, снятого въ началѣ 80-хъ годовъ.

II

ПИСЬМА

И. Къ М. В. Тулинову.

С.-Петербургъ, 27 июля 1863.

Михаилъ Борисовичъ. Къ вамъ, въ Москву, прѣхалъ, можетъ быть сами-
нали, а можетъ быть нѣтъ, его превосходительство Алексѣй Тарасовичъ
Марковъ и увезъ туда все, что работалось мною, то есть рисунки и кар-
тони *)), а носену, если вы еще не вычерпнули изъ своего сердца меня, то
вы сдѣлаете мнѣ хорошую услугу, снявши со всѣхъ вещей фотографіи: онѣ
мнѣ нужны, какъ воспоминаніе; да къ тому-жъ и награжденіе я получилъ
слишкомъ низкое, чтобы объ этомъ забыть. Марковъ хотѣлъ и самъ
снять фотографіи и дать мнѣ однихъ экземпляровъ коллекціи, что хотѣлъ
сдѣлать въ «Русской фотографіи», хотя я и соблаговоляю ему зайти къ вамъ.
Но я ему не вѣрю, онъ подуетъ меня тамъ же и въ этомъ. Но Боже васъ со-
храни говорить ему что нибудь за меня; сдѣлайте это для меня, какъ вещь
очень нужную. Кромѣ этого есть еще просьба къ вамъ отъ одного худож-
ника, Понерапцова. У него есть въ Москвѣ на постоянной выставкѣ—
картина: «Подъ праздники въ острогѣ», тѣ «Мертваго дома», съ которой
ему необходимо имѣть фотографію, для помѣщенія съ нея гравюры въ одно изъ
изданій. Если можете и хотите — сдѣлайте, и сколько будетъ стоить, по-
лучите, но ему нужно 4 экземпляра. И если вы сдѣлаете это, то это нужно
немедленно, или во всякомъ случаѣ дайте отвѣтъ сейчасъ же, особенно если
не сдѣлаете... О своихъ же работахъ я вамъ ничего не напишу, потому что
еще все въ туманѣ, а когда станетъ ясно, вы и сами увидите...

За снѣгъ, слѣдуетъ, по общему правотѣрмиху, пожелать всѣхъ благъ
земныхъ и небесныхъ, но я такъ заинтересованъ, сдѣлаете ли вы что-ни-
будь, или нѣтъ, что даже, кромѣ поклона Матронѣ Цяпловой и привѣт-
ствія Софіѣ Сергѣевнѣ, больше сдѣлать ничего не могу. Вашъ

И. Краской.

*) Для иллюстраціи въ храмъ Св. Спаса, въ Москвѣ.

II. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 8 августа 1863 г.

Добрый другъ мой Михаилъ Борисовичъ. Спасибо за все, что пишется въ письмѣ вамъ; что же касается 8-ми мѣсяцевъ молчанія, то со мной еще и не то можетъ случиться... отъ радости за «Монсея»*), которому я отъ души желаю добра, гдѣ бы онъ ни былъ, въ Саратовѣ ли, или въ другомъ мѣстѣ, и такъ какъ онъ Монсей не пастоліицъ, а самозванецъ, и ему можетъ быть худо, отъ поворожденнаго «Монсея»**), то пусть онъ и выкупится скорѣе на волю, не только за 150 р., а пусть унеситъ ноги къ намъ, только съ глазъ долой. Но покалуйста серьезно отнеситесь къ просьбѣ Померанцева о святѣхъ картинахъ; ему нужно что нибудь одно знать, синиите ли вы, или нѣтъ?—и если синиите, то не откладывая. Съ деньгами же за Монсея, если продается, поступите по закону, то есть: сто рублей получите въ уплату моего долга вамъ—300 рублей, а остальные, сколько останется, пришлите мнѣ. Это будетъ недурно, и со стороны тѣхъ, которымъ пришла блажь купить его,—даже великодушно. И такъ, стало быть, если вы мнѣ еще сообщите что нибудь подробное о Пановѣ: что онъ? какъ онъ? и что изъ него будетъ? то вы сдѣлаете все, что отъ васъ требуется, кромѣ, разумѣется, лежанней на васъ обязанности свидѣтельствовать отъ меня, кому слѣдуетъ, изъясненія признательности и уваженія...

И. Крамской.

III. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21-го августа 1863 г.

Добрый мой Михаилъ Борисовичъ. Некая ли, съ полученіемъ этого письма, отправиться къ Маркову и между прочимъ узнать отъ него, будетъ ли онъ къ 27-му числу на экзаменѣ, или нѣтъ? У меня есть догадка, что я пишу въ ректорѣ Бруни большому недоброжелателю, и вотъ по какой причинѣ. Онъ не прочъ былъ самъ дѣлать купецъ и ждать, что Марковъ оборвется, и не только не будетъ работать, но что даже и изъ Петербурга не выйдеть, не сможетъ. Но это не осуществилось, и мое имя и личность стала ему известна, чѣмъ объясняется, что Бруни виновала меня 2 раза, обходя мастерскія, а въ послѣдній разъ говорилъ со мной такъ, что я въ большомъ раздумьи. И ни одного жалобнаго! Кромѣ того, Тоня противъ

*) «Малютка Монсея во переходѣ изъяснителнхъ черезъ Черное море» — картина Брамента, бывшая на выставкѣ 1861 года.

**) «Монсей источаетъ воду изъ скалы» — картина, за которую Крамской получилъ 2-ю золотую медаль въ 1862 году.

Бруни и Н., а между тѣмъ хороши ко мнѣ. Н ненавидитъ Тона и льнетъ къ Бруни (то есть, върѣе, Бруни къ нему), а между тѣмъ предложитъ мнѣ учить на Виржіѣ*). Стало быть хороши! Марковъ ничего съ Н., хороши съ Тонюмъ и холденъ къ Бруни. Судите сами, въ какую я попадаю, не думая, не гадая, нитригу. Потому у Бруни два протѣжъ изъ программистовъ, у которыхъ онъ часто бываетъ, да у Пиненова одинъ.

Такъ вотъ видите въ чѣмъ дѣло. Мнѣ хорошо знать, будетъ ли Марковъ на экзаменѣ, или нѣтъ? Къ тому же и Тоня съ петербургомъ его желаетъ видѣть, по дѣлу.

Изъ всего, что я вамъ пишу объ нитригахъ, ради Бога никому ни звука, а что я признаю, а Маркову только передайте желаніе Тона видѣть его. Мнѣ объ этомъ сказала помощникъ инспектора, да спросите, будетъ ли онъ на экзаменѣ, и только. Ради Бога, больше ни слова.

Затѣмъ жду отъ васъ извѣстій по всѣмъ предложеннымъ вопросамъ.

И. Крамской.

IV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 18-го ноября 1863 г.

Дорогой мой Михаилъ Борисовичъ! Вспомни! 9-го ноября, то есть въ прошлую субботу, въ Академіи случилось слѣдующее обстоятельство: 14 человекъ изъ учениковъ подали просьбу о выдачѣ имъ дипломовъ на званіе классныхъ художниковъ. Съ перваго взгляда тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Люди свободные, вольно-приходящіе ученики, могутъ когда хотятъ оставить занятія. Но въ томъ-то и дѣло, что эти 14 не простые ученики, а люди, нѣкоторые писавъ на 1-ю золотую медаль. Дѣло вотъ такъ было: за мѣсяцъ до сего времени, мы подавали просьбы о дозволеніи намъ свободного выбора сюжетовъ, но въ просьбѣ нашей намъ отказали. Передъ тѣмъ, какъ мы рѣшились подать вторую просьбу, мы ходили къ каждому профессору отдѣльно, урезонивали, просили, и слышали въ отвѣтъ, что просьба наша имѣетъ основаніе и вѣроятно будетъ уважена, и что онъ (профессоръ) съ своей стороны употребитъ свои старанія въ нашу пользу. Одинъ словомъ, каждый, отдѣльно взятый, оказывался хорошимъ человекомъ, а, сойдясь вмѣстѣ, опять отказали и рѣшили дать одинъ сюжетъ историкамъ и сюжетъ жанристамъ, которые несконъ выбирали свои сюжеты. Въ день конкурса, 9-го ноября, мы являемся въ контору и рѣшились войти въ вмѣстѣ въ Совѣтъ и узнать, чѣмъ рѣшилъ Совѣтъ. А потому, на вопросъ инспектора: что изъ насъ историки и кто жанристы? мы, чтобы

*) На Виржіѣ нежилась Рисувальная школа Общества воспитаніи художниковъ.

войти всякъ иждѣ въ конференцъ-залъ, отвѣчали, что мы всѣ историч. Наконецъ, зовутъ насъ передъ лицо Совѣта, для выслушанія задачи. Выходимъ. О. О. Львовъ прочелъ намъ сюжетъ: «Пиръ въ Валгаллѣ» — изъ скандинавской мифологіи, гдѣ герои рытари бѣдно сражаются, гдѣ предсѣдательствуетъ богъ Одинъ, у него на плечахъ сидятъ два ворона, а у ногъ два волка, и, наконецъ, тамъ, гдѣ-то въ небесахъ, между колоннами мѣсяца, гонимый чудовищемъ въ видѣ волка, и много другой галиматіи.

Послѣ этого Вруни встали, подходятъ къ намъ для объясненія сюжета, какъ это всегда водится. Но одинъ изъ насъ, именно Красной, отдѣляется и произноситъ слѣдующее: «Просимъ возмездія передъ лицомъ Совѣта сказать нѣсколько словъ!» (молчаніе, и взоры всѣхъ явились въ говориваго). «Мы два раза подавали прошеніе, но Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу; мы, не считая себя въ правѣ болѣе настаивать и не сѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ покорнѣйше освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на знаніе художниковъ». Нѣсколько мгновеній — молчаніе. Наконецъ Гагаринъ и Тонъ издають звуки: «всѣ!» Мы отвѣчаемъ: «всѣ», и выходимъ, а въ слѣдующей комнатѣ отдаемъ прошенія производителю дѣла. Вотъ дѣло какого рода! Теперь мы боимся, чтобы они не задержали дипломы. И въ тотъ же день Гагаринъ просилъ нѣсколько Долгорукова *), чтобы въ литературѣ ничего не появилось, безъ предварительнаго просмотра его (Гагарина). Однимъ словомъ, мы поставили въ затруднительное положеніе. И такъ, мы отрезали собственное отступленіе и не хотимъ воротиться, и пусть будетъ здоровья Академія къ своему столѣтію. Вездѣ мы встрѣчаемъ сочувствіе къ нашему поступку, такъ что одинъ посланный отъ интераторовъ просилъ меня сообщить ему слова, сказанныя мною въ Совѣтѣ, для напечатанія. Но мы пока молчимъ. И такъ какъ мы крѣпко держались за руки до сихъ поръ, то, чтобы намъ не пропасть, рѣшились держаться и дальнѣе, чтобы образованъ изъ себя художественную ассоціацію, то есть работать иждѣ и иждѣ жить. Соединяемся мы, положимъ, на 5 лѣтъ, въ которыя мы думаемъ составить капиталъ. Для сего, мы думаемъ, не лишнее пробрѣсти покупию или устройство фотографическое заведеніе, и если ты не прочь продать намъ свое заведеніе, съ разрѣшою платенія, то это намъ было бы полезно. А также прому тебя сообщить иждѣ свои совѣты и соображенія относительно практическаго устройства и общихъ нравствъ, пригодныхъ для нашего общества. Однимъ словомъ, помоги чѣмъ нибудь, какъ-нибудь побудь совѣтомъ или указаніемъ источника, иждѣ даешь какой либо доходъ. Предположенія наши, какъ ты можешь догадываться, не мо-

*) Начальникъ III-го Отдѣленія.

гутъ отличаться практичностью, хоть въ нихъ много честности и умѣнья техническаго въ искусствѣ и желанія трудиться для будущаго своего обезпеченія. И намъ кажется теперь это дѣломъ возможнымъ. Кругъ дѣйствій нашихъ иждѣ обнимать: портреты, иконостасы, копіи, картинны оригинальныя, рисунки для изданій и литографій, рисунки на деревѣ, однихъ словомъ все, относящееся къ специальности нашей. Изъ общей суммы должно быть откладываемо 30 процентовъ для составленія оборотнаго капитала; остальное иждѣ на покрытіе издержекъ нашей жизни и общій дѣлежитъ. Вотъ программа, далеко еще не ясная, какъ видишь, по снѣгу тебя извѣститъ о случившемся, и жду, что ты откликнешься и подашь своей голось.

Твой И. Красной.

Р. С. Ученики Академіи волнуются и хотѣтъ подать просьбу о допущеніи ихъ присутствовать на экзаменѣ.

В. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21-го ноября 1863 г.

Другъ мой Михаилъ Борисовичъ. Дѣло действительно важное, о которомъ я писалъ, и такъ какъ мнѣ неизвѣстно, что ты объ этомъ думаешь, судя по твоему молчанію, то я считаю нужнымъ разъяснить это еще нѣкоторыми подробностями. Дѣло въ томъ, что съ 1 декабря будетъ объявлено въ публикѣ Петербурга и Москвы, а затѣмъ и всей Россіи, слѣдующее: «Художественное коммисіонерство. Такой-то, имѣя обширный кругъ знакомыхъ между художниками, объявляетъ, что онъ принимаетъ всевозможные заказы, относящіеся къ искусству, какъ-то: портреты, копіи съ картинъ, образа, иконостасы, живопись аль-фреско, плафоны, рисунки для иллюстрированныхъ изданій и журналовъ, рисунки для золотыхъ и серебряныхъ надѣлѣй, а также и скульптурныя произведенія, барельефы, круглыя фигуры, рисунки и модели для памятниконъ, а также коммисіонерство беретъ на себя рекомендацію учителей рисованія и т. д. Самое устройство этого общества, его спеціальныя условія, распредѣленіе работъ и процентовъ для основанія капитала, въ настоящее время занимаетъ всѣ наши силы, и мы почти ежедневно сходимся для толковъ и уразумѣнія этого дѣла. Вотъ почему теперь именно твоя помощь совѣтомъ намъ и можетъ быть дорога. И притомъ еще, ты, будучи въ Петербургѣ, развиваешь одинъ глуманный планъ устройства фотографіи: вотъ оно тутъ-то и было бы на иждѣ. И, наконецъ, отчего же прямо и не сказать тебѣ свою мысль по этому поводу? И объ ней ни слова сказать, пока ты не скажешь чего нибудь. Всякое начало требуетъ, сообразно развѣржать своимъ, основнаго капитала; для основанія нашего общества онъ не будетъ превышать 1½ или 2 ты-

сая. А тамъ впереди, что Богъ дастъ. Только мы соединяемся на 5 лѣтъ, и въ теченіе этого времени предполагается собрать капиталъ, нѣбьющій выйти изъ проноса каждыиъ 30 процентовъ съ рубля, который на нервахъ порохъ и пустить въ оборотъ. Мы думаемъ, что, живя все въ вѣстѣ, за исключеніемъ немногихъ, и нѣтъ 3 общихъ большихъ мастерскихъ, намъ каждую жизнь, по самому точному и неслучайному разсчету, будетъ стоить ежемѣсячно 25 рублей серебромъ. Следовательно: соединились, мы не только не теряемъ, а положительно выигрываемъ, потому что и теперь каждый изъ насъ зарабатываетъ что нибудь, а тогда тѣмъ больше. Однимъ словомъ, хуже, на-примѣръ, прошлой нашей жизни не будетъ. Къ тому же, намъ сочувствуютъ очень многія изъ лицъ, нѣбьющихъ вліяніе.

И. Краской.

Р. С. И если ты почему нибудь не можешь принять участія въ нашемъ предпріятіи, то потрудишься отвѣчать немедленно. У насъ теперь идутъ хлопоты о добычѣ денегъ, для обезпеченія себя на годъ и для покупки фотографіи. Ради Бога, отвѣчай. На письма твои ничего не пишу, потому что они исполнены.

VI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 20-го декабря 1863 г.

Добрый мой Михаилъ Борисовичъ. Ты сегодня долженъ получить группу. Какъ она удалась, ты увидишь; отчего я такъ долго работалъ — я тебѣ и сказать ничего не могу въ свое оправданіе. Да и къ чему оно? Дѣла не поправишь. Портретъ великаго князя ты получилъ отъ одного нашего члена въ обществѣ, юскавича Леоха, который лично явится передъ тобою. Отъ него ты узнаешь много подробностей, если захочешь. Объявленіе о работахъ, которыя мы принимаемъ, здѣсь въ нѣсколькихъ газетахъ будетъ напечатано, и будутъ помѣщены адреса, куда обращаться съ заказами. Въ томъ числѣ мы желали бы, чтобы въ Москвѣ были тоже адреса, и его мы просимъ напечатать на твою имя и заведеніе. И если ты это позволишь, то мы составимъ приблизительно кѣмъ работать и приплемъ къ тебѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, ты бы могъ сказать тѣмъ, кто будетъ спрашивать, а впоследствии, если укажетъ надобность, то нѣкоторые изъ насъ не прочь переселиться въ Москву.

О многихъ бы намъ нужно поговорить въ нашихъ предпріятіяхъ, и если ты что нѣбьешь, прошу тебя — поговори съ Карломъ Леохономъ. Онъ мальчишъ умный, и человѣкъ хорошей готовности. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ разскажетъ намъ все, а быть можетъ ты найдешь возможнымъ и самому содѣйствовать авторитетомъ твоимъ въ нашемъ обществѣ; какъ ты на это посмотришь — сообщи.

Относительно твоего вопроса, съ какими мы средствами начинаемъ, я долженъ тебѣ сказать: ни съ какими. Мы просто теперь начали составлять капиталъ изъ процентовъ съ заработанныхъ денегъ, и черезъ годъ, Богъ дастъ, у насъ будутъ деньги, которыя мы и употребимъ на какое нибудь выгодное предпріятіе.

Вотъ и все. Мы готовы работать и работаемъ, что у каждого есть. Впередъ, что Богъ дастъ.

И. Краской.

Р. С. При случаѣ, скажи Раманову *), что называть погубнонъ нашу демонстрацію печатно — съ его стороны не хорошо. Онъ можетъ объ этомъ думать что ему угодно; но говорить печатно такъ, значить указывать правительству на насъ пальцемъ. И безъ того же нами смотрятъ, недоброжелательствуютъ, ненавидятъ, а мы на подобныя рѣчи не можемъ отвѣчать публично. Стыдно ему поступать такъ съ людьми безоружными! Оби- немъ мы этого не думали. Писать съ невірныхъ слуховъ — вещь не похвальная.

VII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, В. О., 21-го апрѣля 1864 г.

Христосъ Воскресъ! Михаилъ Борисовичъ. Долгое молчаніе мое произошло вслѣдствіе очень естественныхъ причинъ. Въ прежнихъ письмахъ я писалъ тебѣ объ обществѣ нашемъ и, признаюсь, вызывалъ тебя на какое нибудь участіе въ дѣлахъ нашихъ, вещественное или даже и невещественное; у тебя были на рождественскихъ праздникахъ одни изъ тринадцати, но случилось такъ, что ему было еще меньше извѣстно по пріѣздѣ обратно, чѣмъ до отъѣзда. Отвѣтъ, нѣтъ привезенный, былъ такого рода, что я увидѣлъ изъ него, насколько я тебя обидѣлъ, не сдѣлавши группы скоро. И въ настоящее время, и тогда, я сознавалъ, какъ сознаю и теперь, всю важность своей ошибки. Но что-жъ дѣлать! Видя дѣло ясное своихъ товарищей, и постарался забыть его, хоть самъ сознавалъ очень хорошо наше положеніе не хуже другихъ, и всѣми силами настаивалъ на томъ, чтобы все сдѣлать собственными силами. Если тебя интересуетъ, то я сообщу тебѣ, можетъ быть, еще что нибудь, чего не сказалъ тебѣ Песковъ **), потому, можетъ быть, что въ послѣднее время — во время болѣзни — онъ не могъ наблюдать.

Общество наше, какъ и всякое другое общество, можетъ, по природѣ вещей, держаться тогда только, когда въ этомъ есть какая нибудь прямая польза для каждого изъ членовъ въ отдѣльности. Посмотришь теперь,

*) Скулягитеръ и писатель объ искусствѣ, въ московскихъ газетахъ. Ред.

**) Живенсенъ, одинъ изъ 13-ти. Ред.

то общается наше общество каждому из нас? По первоначальной программе, предполагалось было так: составлять капитал своим средством, в течение пяти лет, взноса по 10 процентов со своих, так сказать, ежедневных доходов, или частных работ, и 25 процентов с работ общественных, или тех, которые будут добыты нами вследствие публикации. Теперь посмотрим, что вышло. Для нашей квартиры многим из нас и для объявления в газетах мы положили вносить каждому 20 рублей. Никто-то внесли даже больше, а Х. расчеркнулся на 100 р., которых и по сей пору не внес. Это все ничего, никого не удивило, мы его знаем. Но вследствие за тьм, большая половина, как и следовало ожидать, приняла вынужденное положение: то-есть, никто из них не исключенный 4 или 5 человек, не вносил 10 процентов, названных с доходов каждого, и вынуждала тогда жить в обществе, не будучи в такой работ, которая бы дала сейчас весьма много денег. Между тьм такая работа не появлялась, и тьм больше проходило времени в таком положении, тьм меньше приходило человек на наши чертёжи. И в последние время чертёжи состояли только из живущих на квартире. Между тьм, ть, которые ничего не вносили из своих работ, ведь никак же тьм نبود, ведь никак же они хот какую نبود работу: и стало быть должны же были вносить хотя гроить в общую кассу. Теперь невольно рождается вопрос: оставить ли это дьм так, или что نبود предпринять? Взвешив тут некого, все это в порядки вещей. Но, на блду, возникает еще подобное общество художников, вооруженное теми средствами, то есть напоминает квартиру в хорошей части города и ассигновало для публикации большую сумму денег. Спрашивается: отчего же их никак быть заказов, когда мы тоже публиковали? Заказы были и есть, но очень незначительные, и надобно еще удваивать, как бы есть что نبود еще и такое. Ведь мы в первый раз публиковали 3 раза в «Петербургских Ведомостях», а потом увидели, что еще надо, собрали но рублю — еще заказу. Наконец увидим, что надо было бы дьмать еще то же самое, да вот же собираемся собрать денег для этого. И всё эти публикации, всё эти вьятия, немые, тьм капля в океане, и пройдет не больше года, как и в нас, составляющих общество, останется только воспоминание, а может быть некоторые из нас будут с отчаяньем спрашивать кого نبود: отчего это у нас в России никакое общество существовать не может?! Все это, разумеется, будет мало и сбито, но неужели же в самом дьм этому помочь нельзя?

Вчера ветераны я собрал у себя лучших, и говорили, как поступить в этом случае. Говорилось, как водится, много хорошего, составили план и публикации даже, и многого другого; одна беда: осуществить

этого нельзя. Вот, если хочешь, послушай. Надобно публиковать не на Петербургъ и Москву, гдѣ и безъ того много художниковъ, а на всю Россію; публиковать до тѣхъ поръ, пока каждому миллиону людей вълѣтъ въ память существованіе общества, пока оно будетъ даже и во снѣ вѣдѣть, что мы исполняемъ всякія художественныя работы, не стѣсняясь цѣною, этого бояться нечего, потому что работы нѣкоторые мы можемъ и передавать, какъ напирѣтъ случалось намъ уже. Съ Кавказа пришлетъ къ намъ закладъ—написать образъ всѣхъ правдинокъ; на мое плуто серебряную рызу, образъ величїю изъ 6 вершковъ, можешь себѣ представить? Однѣмъ мы ему написали цѣну, что это будетъ стоить 150 рублей, совсѣмъ, съ рызою, и что же? Онъ высалдъ деньги, а мы образъ передали написать за 60 рублей, и онъ исполнилъ очень хорошо, останутся наврой довольны, и скоро посылаютъ. Слѣдовательно ничего, если мы будемъ брать и цѣны, какія они могутъ дать, и работа, какія бы ни была. Работа будетъ: надобно только, чтобы люди узнали, что есть общество художниковъ. И можно еще сдѣлать вотъ что: разослать по всѣмъ епархіямъ къ архіереямъ и настоятелямъ монастырей, по всей Россіи, письма съ предложеніемъ своихъ услугъ, а также къ полиціймейстерамъ и городничимъ въ города и губерніи, чтобы они прибили вездѣ на перекресткахъ наши объявленія, въ думъ городскія также, и тогда будетъ видно: возможно или невозможно существованіе нашего общества? Для Петербурга мы надобно переимѣнить квартиру, устроить мастерскую, и выставку также, на подобіе постоянной, только входъ безплатный. Однихъ словцомъ, звать о своемъ существованіи, да тогда уже и прозвонить приговоръ.

Теперь скажу несколько о себе. Лично я — слава Богу. Вот и все. Спасибо тебе за присылку объявления о конкурсе. Я уже об этом знал. Давно, до получения от тебя ко мне принесенного твоего объявления на квартиру. Кто-то старается об нас. Кто конкурсу я писать очень намерен, а прийти не могу, потому что на Вираж четыре урока в неделю, до конца мая, а на это и никак большое поползование прийти на Воробьевы горы работать. Иду с нетерпением услышать от тебя мнение обо всем писанном.

Любящий тебя Н. Кранской.

P.S. Прошу тебя: поручи кому нибудь выслать ящик мой съ книгами и рисунками, и этюды сюда: мнѣ ихъ нужно очень.

VIII. КЪ НОМУ ЖЕ.

С.-Петербургъ, 12-го мая 1867 г.

Михайла Борисовичъ. Придется, вѣроятно, тебѣ сообщить правду относительно денегъ, которыя ты у меня просилъ. Дѣло въ томъ, что 1,500 р.

серебром для меня такая же немалая сумма в настоящее время, как и два года тому назад. После разрыва*) у меня осталось действительно 1,500 рублей, но за уплатою всех долгов, у меня осталось 1,000 руб. Это было прошлой осенью, а потом и из этих 1,000 рублей, вследствие обстоятельств, кое-что тронулось. Одним словом, у меня теперь только несколько билетов внутреннего займа, да ссудных—вот все. Стыдно и неловко мне писать тебе это, особенно теперь, когда тебе нужна, но надо же сказать так, как оно есть. Что делать?.. Относительно картин Маркова «Коллизия» на картон, не знаю, что и сказать: я не могу взяться за это дело, разве Дмитрий нарисует; но ведь он, пожалуй, и не заплатить столько, сколько следует...

И. Крамской.

IX. Къ нему же.

С.-Петербург, 15-го января 1868 г.

Михаил Борисович. Извини меня, что я так неаккуратно исполняю твою просьбу. Но письмо твое я получил накануне праздников, и потому только что собрал нужные тебе сведения. У нас в Артели, по книгам, капитал простирается до 10,000 р., но наличных денег $\frac{1}{3}$ неприкосновенного капитала, который в билетах внутреннего займа, и не находится на сохранении в Государственном Банке. Относительно Земельного банка, мои посланцы сварили из банка в Мещанскую, оттуда в Думу, а оттуда к Полицейскому мосту, в дом Елисеева, где я и получил посылки брошюры, не уврешишь, однакоже, то ли тебе нужно. Есть еще Частный Коммерческий банк на Английской набережной, но там я не был, предполагая, что тебе надо было, гарантированное правительством.

Портрет твой стоит у меня в раме, и если ты будешь в Петербурге, то я кончу фигуру с тобой, а если нет, то весной привезу его оканчивать в Москву. Билеты вой у тебя еще, это хорошо, только и бы желала вот чего. От Хомутовой я никакого известия не имею до сих пор. Адреса ее не знаю. Хотя и был у нее, но, если ты помнишь, она была за границей; приехала ли она, не знаю. Если можно узнать в адресном столе и сообщить мне адрес, или же узнать, по крайней мере, где-нибудь ли портрет, и потом пусть мне хоть напечатают свои замечания, или вышлют мне деньги, или бы ты получила и выдала бы что следует тебе.

*) Разрыв между Крамским, И. А. Комаровым и Б. В. Венигем денег, полученных ими от проф. Маркова, за писанье купила в храмъ Св. Спаса, въ Москвѣ, по его указанию.

Хотя бы чтонибудь узнать. Жаль Рамазанова. Я буду участникомъ въ подлинкѣ на памятникъ.
Твой И. Крамской.

X. Къ нему же.

С.-Петербург, 1-го ноября 1868 г.

Добрый мой Михаил Борисович. Артель начинаетъ смекать, что для своего домашнего обихода ей недурно бы завести фотографическимъ аппаратомъ, со всеми принадлежностями. Къ этому заключению она пришла особенно послѣ вотъ тебешней выставки, на которой работы Артели занимать цѣлую стѣну, и были всеми замѣчены; а также и газетные отзывы были вообще лестные. Кромѣ того, намъ нужно бываетъ очень часто снимать копии, манеры, рисунки и такъ далѣе. И такъ, въ этомъ письмѣ и будетъ заключаться слѣдующая просьба: пришли намъ объективъ, съ камерой, со всеми принадлежностями, и вообще все, что нужно, или сообщай немедленно, что это можетъ стоить, чтобы мы къ тебѣ могли выслать деньги, если это хочешь ибудь иначе нельзя. Ты знаешь, конечно, что намъ нужно:—самое большое, на первый разъ, это полъ-пластинки, снимать въ комнату, по преимуществу копии, и, разумеется, въ случаѣ нужды, то и позитивный негативъ. Однимъ словомъ, если возможно, то чтобы расходъ не превышалъ 150 рублей серебромъ на всѣ принадлежности и материалы. Кромѣ того, если ты найдешь возможнымъ прислать къ намъ и готового коллодиума, серебра для ванны и проявленія, а также указаний: какой бумаги, какъ ее приготовить, или готовый составъ для этого, а если этого будетъ невозможно слѣдить, или просьба эта слишкомъ наивна покажется тебѣ, то укажи, какъ надо все это слѣдить? Хорошо, конечно, еслибы ты самъ намъ показалъ кое-что, если ты здѣсь будешь, разумеется. Но хотя, по крайней мѣрѣ, отвѣтъ немедленно, потому что тогда мы знать будемъ, по средствамъ ли намъ завести это удобство? Намъ опредѣлено слѣдующее: употребить на первый разъ 150 рублей для этого; затѣмъ, когда это оккупитъ (каждый изъ насъ, за всякій снимокъ для себя, будетъ платить), тогда и увеличить расходъ на это. Изъ этого ты можешь видѣть, на сколько намъ всего этого нужно, и сообразно этому, стало быть, помоги намъ своею опытностью.

Твой И. Крамской.

XI. Къ нему же.

С.-Петербург, 23-го декабря 1868 г.

Добрый мой Михаил Борисович. Приписки тебѣ всѣ, отъ mala до велика, намъ сердечный привѣтъ и спасибо. Посылки мы еще не получа-

ли—не прѣхала. Что касается до заказа, о которомъ ты пишешь, то я, какъ сожалѣю, не могу его принять, такъ какъ я рѣшился уже ихъ не принимать никакихъ, года на три: портретовъ для нужды московскаго слинкома достаточно, чтобы желать новыхъ. И я расположенъ устроиться такъ вечеромъ работать ихъ, а дни посвящать моимъ бѣднымъ спронтамъ—картинамъ. Хорошо? Но будто только я одинъ могу ихъ сдѣлать? Первый Морозовъ выволнить не хуже, а чтобы тому господину показать работу, то передай ему, пусть онъ посмотритъ въ домъ Букаловой (кажется), въ приходѣ Пимена, около Малой Дмитровки—портреты наказнаго атамана Хонутова и сына его, который находится у Андіи Васильевны Хонутовой. Цѣна 400 рублей, за два поясныхъ портрета—порядочная. Однимъ словомъ, мы не прочь, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, скоро двое изъ насъ и совсѣмъ переселятся въ Москву, для открытія и тамъ отдѣленія Сиб. Артели художниковъ и основанія мастерской. Сообщаю тебѣ, какъ человѣку намъ сочувствующему, что Корсухинъ, на конкурсъ въ Обществѣ поощренія художниковъ, получилъ, за свою картину: «Канунъ Рождества»—вторую премію. Все, значитъ, идетъ въ гору. Спокойной ночи, до свиданія.

Преданный тебѣ И. Крамской.

XII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 26-го сентября 1869 г.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Порученіе ваше, переданное мнѣ Алекс. Ант. Ридцимъ, написать портретъ Ивана Александровича Гончарова, къ моему крайнему сожалѣнію, не можетъ быть исполнено скоро, такъ какъ я уѣзжаю въ первые числа октября за границу на два мѣсяца. Однако-жъ, имѣя еще въ своемъ распоряженіи цѣлую недѣлю, а можетъ быть и десять дней, я сегодня же былъ у Гончарова, полагая начать портретъ немедленно, но Иванъ Александровичъ предпочелъ отложить до моего возвращенія, потому, какъ онъ сказалъ, что надѣется къ тому времени сдѣлаться еще лучше. Во всякомъ случаѣ, портретъ ближе января или наканунѣ новаго года быть у васъ не можетъ.

Цѣна моя за картонный портретъ въ величину портрета Писемскаго—500 руб. серебр.

Если до моего отъѣзда вы почтите меня отвѣтомъ, то сообщаю къ свѣдѣнію мой адресъ: В. О., Виржевой переулокъ, домъ братьевъ Елисеѣвыхъ (бывшій Менделѣв), кварт. № 58.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ

И. Крамской.

XIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 30-го сентября 1869 г.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Съ величайшимъ удовольствіемъ, разувѣсья, исполнилъ бы ваше желаніе—начать портретъ немедленно, еслибы не слѣдующія обстоятельства:

Великая княгиня Екатерина Михайловна, дочери которой я даю уроки, уѣзжала за границу, поручила мнѣ приготовить для нея портретъ ея старшаго сына, и такъ какъ ей было извѣстно о моемъ намѣреніи быть заграничней, то рѣшено было еще въ первыхъ числахъ августа, что я привезу ей портретъ лично. Между тѣмъ отъѣздъ мой замедлился, и я не такъ давно получилъ телеграмму съ запросомъ, почему я не ѣду? Все это сложилось раньше, чѣмъ я нигдѣ удовольствіе получить отъ васъ заказъ; иначе, разувѣсья, я расположился бы къ обобщенію удобству; но въ настоящее время я нахожусь въ положеніи человѣка, дающаго слово сдѣлать то-то и быть такъ-то. Раскрывъ передъ вами причину, почему именно я не могу сдѣлать, какъ бы вы того желали, я покорнѣе прощу потерпѣть до моего возвращенія, и обещаю, съ своей стороны, употребить все свое стараніе, чтобы портретъ дѣйствительно глубоко уважаемаго мною, какъ и многими, Ивана Александровича Гончарова, былъ достоинъ вашей галлерей, и ставлю условіемъ, что иначе онъ не будетъ принадлежать вамъ, какъ только заслуживъ исполнѣн ваше одобреніе. Быть можетъ, я много на себя беру, высказываясь такъ, но прому въ этихъ словахъ разувѣть только то, что отдастъ вамъ портретъ на другихъ условіяхъ я не соглашусь.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ

И. Крамской.

XIV. Къ С. Н. Крамской.

Берлинъ, 17-го ноября 1869 г.

Моя милая, моя добрая Соничка. Вотъ я и заграничней. Расскажу по порядку свои похождения. Во 1-хъ, на границѣ, въ Эйдукунгъ—первое приключеніе. Прѣхали ночью, у меня спрашиваютъ, куда и какъ, а я только хлоплю глазами, да твержу: «Аусть Петербургъ нахъ Штеттинъ, ойно билетъ дрите класъ!» Мойне багажъ». Однако-жъ напелся одинъ добрый человѣкъ, который кое-какъ говорилъ по-русски, онъ меня и вывелъ изъ затрудненія. Затѣмъ исторія съ багажемъ: подходитъ ко мнѣ какой-то прусскій чиновникъ таможенный и, указывая на мой чемоданъ, что-то такое проговариваетъ. Я отвѣчаю храбро: «нхъ вейс», онъ еще

нуже, а я ему в ответ: «Ничего не выйдет!» Наконец он, совсем сердитый, тыкает пальцем в чемодан и что-то все бормочет. Наконец я догадался, и говорю по-русски: «Клатзе».— «А! Клатзе, Клатзе!» Приняли. Похвально. Бхаль день, а опять в ночь приехали в Штетин. Тут новые хлопоты, но уже легче, и получил билет до Ней-Бранденбурга, куда в ту же ночь приехали в 12 часов. Тут-то настоящий казус и есть. Только что вышел из вагона и взял из багажа свои вещи, поехал понасматривать дальше, а мне отсюда нужно было ехать в почтовой каретке к великой княгини Екатерины Михайловны в Ней-Стрелиц; огни между тем на станции потухли (станция маленькая), что мне делать? Толкнул в одну дверь, огонь потух в вокзал, дверь не открылась; толкнул другую — та же история; ночь — хоть глаз выколи. Наконец идя дальше, смотрю: что-то в роду кондуктора с фонарем, возится в кладовой какой-то. Я ему кричу: «Вонхит?» (куда?). Он смотрит на меня и что-то спрашивает, а я ему опять: «Вонхит?» Наконец он запирает дверь, тушит фонарь и остановился, а я ему жалобным голосом: «Клейне киннерт». Он берет у меня чемодан и шапку, и пошел. Я за ним, вышел за станцию и пошел; он впереди, а за ним; думаю: что будет? Пройдя шагов сто, я начал различать какие-то строения; наконец, кажется, вошли в улицу, — там, по крайней мере, мне казалось, потому что неба чуть-чуть осталось над головой, а по сторонам, очень близко, справа и слева, черными стволы и какие-то шпильки. Наконец, мой вокзатный остановился, перевернул багаж из одной руки в другую, а я хотел бы ему помочь, да не зная, разумеется, как сказать. Наконец остановился у одного какого-то дома, он поступал сначала в ворота, потом в окно, потом опять в ворота, и наконец, кажется, вынул ключик и начал бросать во второй этаж и все что-то бормотал. Долго это продолжалось, наконец окно открылось и выглянула какая-то фигура, обильная изгибами словами, и окно затворилось, а спустя минуты 3 отперлись ворота и я вошел под ворота, а тот там остался; мне стал запереть, я успел спнуть провожатому мелкую монету, ворота хлопнули и мы остались в такой невообразимой тьме, что ужас. Слышу: мнецк начинает шарить около меня, а струсил не на шутку, однако-ж думаю: ну, ведь, если он меня и убьет, то ведь завтра же великая княгиня его упрямчет туда, куда он и не думает. Между тем мнецк поймал мою руку и потащил меня. Я пошел за ним, открылись какие-то двери, и мы начали подниматься по узенькой и крутой улице. Он молчит, и я молчу. Наконец повернули направо и прошли мимо какого-то окна, повернули налево, и опять стали подниматься, все держась за руки. Скрипнули двери — и мы

вошли в комнату. Та же тьма, только впереди маленькое окно, в которое на небе видны трубы и крыши. Оставил мнецк меня тут, а сам ушел куда-то. Слышу, рядом за стеною шаркает спичкой и все что-то бормочет. Наконец направо показались огни, и мнецк вынес свечу, ставит ее на стол, посмотрел на меня, а я на него. Он был в одних бельях, в колпак, лет 35, сказал: «Тут нахт», показал на кровать и исчез. Ну! что делать? Направо дверь, там кто-то еще шевелится, за синюю дверь, в которую мы вошли, передо мной окно с разбитыми стеклами, комната аршина в 3, и в ней, кроме стола, стоят три кровати. Потрогал шерстяную кровать — мягко; оказалось, что это подушка или перина, каменные ватки покрываются во время зноя. Думаю, багаж мой там где-то внизу, я на каком-то чердаке, и ни звука произнести не могу, то есть не умею, да и куда я пойду? Долго я простоял так, направо журчала вода. Делать нечего, начинаю раздеваться, золото и деньги положил под подушку и молча под перину. Холод страшный, накрылся, смотрю — и глазами не вижу: под периной меня и не видеть, точно и нет человека на кровати. А что, думаю, если и на других кроватях есть ктонибудь, ведь неважно. Однако-ж не стал свидетелем. Долго я лежал так, но наконец потухнул свечу. Как ни вертись, а почув. Был страшно уставши, но сон конечно прошел; подпался на локоть и слушаю: кругом тихо. Где-то закричал пугух, точно такое, как и в России. Стал смотреть в окно, и, точно на картинах, черноты кровли. Стало будто светлее, слышу пошевелилось что-то, я тихонько отошел к голове кой стей, основательно закрывая, что если мнецк придет меня убить, то сь размаху удар не попадет мне в голову, а я между тем закрыт. Однако-ж опять тихо. Рука у меня стала уставать, я лег так, чтобы оба уха были свободны. Чувствую, что я сорвался. Ну, думаю, закрою глаза и буду лежать, как будто сплю. Через несколько времени открываю глаза, а окна не видно, что это такое? Однако-ж ничего... Вдруг дверь сильно стукнула, я приподнимаюсь, и в изумлении замечаю, что я спал, и что уже утро. — Входит мнецк, и притворился спящим. Она взяла сапоги, потом принесла их и присосать воду в кувшин. Смотрю, стою умильнички, которого я вчера не замечал. Я встал, оделся, обрадовался, что остался цел. Входит мнецк вчерашний, в пиджак и в туфлях, веселый такой, лицо ослепное. Я ему: «Гут-морген», он тоже, а стоит. Я опять говорю: «Их выль эссен, тринкен», — «Ага! гут, конь гирь», и еще что-то такое. И пошел за ним, спустился по той же лестнице. Под воротами стоят в чистоте мои вещи. Вошел в комнату, которая оказалась и булочной, и кабачком, и гостиницей, и лавкой. Выпил я кофе, дал он мне и бу-

лоск. Потом снарядилъ въ нутъ, взявъ билетъ въ оминбусъ до Ней-Стрелица, куда я приѣхалъ въ тотъ же день, въ 4 часа передъ вечеромъ. Тутъ сначала тоже было замѣнительство, но потомъ оказалось, что меня уже тамъ ждали, комнаты мнѣ уже 3 дня какъ были готовы въ лучшемъ отелѣ. Въ тотъ же вечеръ я былъ у великой княгини. Портретомъ очень довольна. На другой день я промельгнулъ еще съ натурою, и былъ представленъ — великой герцогинѣ, матери мужа Екатерины Михайловны. Оказалось, что я нахожусь въ столицѣ герцогства Мекленбург-Стрелицкаго, былъ приглашенъ на вечерній придворный театръ, а на утро выѣхалъ въ Берлинъ, куда приѣхалъ вчера. Сегодня осматривалъ музей королевскій, но осмотрѣть еще не все. Все, что я видѣлъ, производитъ впечатлѣніе подавляющее. Завтра и послѣ-завтра буду осматривать частныя галлерей, которыхъ 3, и акваріумъ знаменитый. До завтра.

18-го ноября.

Осматривалъ галлерей Рачинскаго и Вагенера. Вагенера довольно порядочная, а Рачинскаго дрянная. И странно, все — что писали нѣмцы, вообще все сиверно; какъ только Дюссельдорфской школы, такъ и хорошо. Вечеромъ осматривалъ акваріумъ. Это что-то дѣйствительно сказочное, для одного акваріума стоитъ съѣздить въ Берлинъ. Завтрашній день окончу осмотръ новаго королевскаго музея, еще разъ пойду въ акваріумъ, и если останется время, посмотрю еврейскую синагогу, и заѣмъ вечеромъ въ 7 часовъ въ Дрезденъ.

Въ эти три-четыре дня, послѣднія, я подвинулся въ нѣмецкомъ языкѣ на столько, что уже меня понимаютъ, что я хочу сказать. Сакъ-мояжъ А. Н. я починалъ, приѣхалъ къ пелу ручки и новый законъ. А то иначе неудобно. Вотъ уже недѣля, какъ я выѣхалъ, и только то, что я уже выѣхалъ, толкается дальше; въ противномъ случаѣ, я не знаю, что бы со мной было. Не знаю, какъ дальше, но до сихъ поръ мнѣ какъ будто чего-то совѣстно: я вотъ развѣзнаю, а тамъ, дома, мои милые мальчики ничего не знаютъ, можетъ быть и говорятъ обо мнѣ, да только не подозреваютъ, что это такое заграница. А у меня тутъ, моя милая, сердце стучитъ, ужъ и не знаю, что будетъ со мной въ Парижѣ, если въ Берлинѣ женщины на меня такое произвели впечатлѣніе. Нѣтъ, какъ хочешь, а человечество идетъ къ упадку нравственности. Визитировалъ въ одномъ, оно терпѣть другое — свое счастье, и страшно мнѣ за дѣтей моихъ: когда они вырастутъ, тогда будетъ еще хуже. Впрочемъ, останься это. Я думаю (или быть можетъ мнѣ это только такъ кажется), что когда я начинаю объ этомъ съ тобою говорить, то ты какъ будто надо мной не то, что смѣешься внутренно, а какъ-то иронически относишься, и какъ будто думаешь: «и что это за нужина такой — трепка, не можешь переносить». Однимъ словомъ,

моя подозрительность увлекаетъ меня за предѣлы благоразумія, и я говорю въ это время такія вещи, которыхъ мнѣ, пошечно, говорить бы не следовало. Но, моя милая, слишкомъ грустно и страшно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обидно, что рядомъ существуютъ на свѣтѣ благородѣнія и величія произведенія человѣческія, и самыя отвратительныя, и послѣдніе отвратяютъ впечатлѣніи хорошихъ, чистыхъ, и пахаютъ ихъ.

Извини, моя добрая Соня. Да храни тебѣ Богъ, поможетъ съ дѣтми, а я вотъ прочту «Отче нашъ», какъ будто подлѣ моихъ мальчишекъ. Какія-же Дмитріевны, и передай Николаю Дмитріевичу этотъ пакетъ. Нанижи мнѣ, голубчикъ мой: Парижъ, оставь на почтѣ до востребованія. На конвертѣ попроси Николая Дмитріевича написать по-французски. Цѣлую дѣтей моихъ и обнимаю крѣпко, крѣпко тебя.

И. Крамской.

Р. S. Въ Берлинѣ я остановился въ Отель-де-Ромъ (Ринъ). Обійи стоить неподобный за 75 коп. сер. Прощай, цѣлую тебя. И. Крамской.

XV. Къ ней же.

Дрезденъ, 19-го ноября 1869 г.

Голубушка моя Соничка. Послѣ Берлина, Дрезденъ производитъ такое яркое впечатлѣніе, здѣсь такъ тихо, самый городъ сравнительно небольшой, имѣетъ синиатичную наружность. Хорошая рѣка, чудесный соборъ и, наконецъ, эта, по справедливости знаменитая, картинная галлерей. Сегодня я ее осматривалъ, но чтобы составить себѣ по возможности полное объ ней понятіе, надо быть въ день, не два, и даже не недѣлю, а больше, и гораздо больше, и при томъ быть въ ней не разъ.

Видѣлъ я и Мадонну Рафаэля, эту всесвітную знаменитость, и вотъ тебѣ мое впечатлѣніе. Я ее, разумеется, знаю по копіямъ, фотографіямъ, гравюрамъ, такъ и весь свѣтъ ее знаетъ, и, несмотря на это, я ее видѣлъ въ первый разъ, то-есть въ первый разъ въ томъ смыслѣ, что ни въ одной изъ копій нѣтъ ничего того, что есть въ подлинникѣ. Это дѣйствительно что-то почти невозможное. Но я постараюсь быть болѣе опредѣленнымъ въ выраженіяхъ. Дѣло въ томъ, что въ этой картинѣ рѣзко бросаются въ глаза двѣ разнородныя половины. Одна половина — того времени, когда жилъ Рафаэль (300 лѣтъ почти назадъ), это фигуры вокругъ Мадонны: папы Сикста, святой Екатерины и двухъ ангеловъ, внизу. Другая же половина (ее можно назвать вѣчною) — фигура самой Мадонны и Христа. Сикстъ, Екатерина и ангелы только мѣшаютъ, развѣивая вниманіе, и портятъ впечатлѣніе, именно потому, что имъ тутъ не мѣсто, имъ здѣсь совершенно нѣтъ непрѣлѣной необходимости находиться, они на картинѣ существуютъ въ качествѣ зрителей, какъ и я, напримеръ, и какъ всякій,

кто смотрит на Мадонну. Понятно, стало быть, что какъ бы это прилично случаю ни было изображено, все-таки это не будетъ имѣть внутренней необходимости, и они сдѣлали бы очень хорошо, если бы ушли съ картины. Ну, а Мадонна—другое дѣло. Была ли въ дѣйствительности Мадонна такая, какою она здѣсь изображена, этого никто никогда не знаетъ и, разумеется, не знаетъ, за исключениемъ современниковъ ея, которые, впрочемъ, ничего намъ хорошенько объ ней не говорятъ; но такую во крайней мѣрѣ создало ее религиозное чувство и вѣроваіе человечества, и въ этомъ смыслѣ она такъ похожа на свой оригиналъ, что, имѣ кажется, всякій, кто только объ этомъ думалъ, узнаетъ ее и согласится, что это единственно похожій портретъ. Христосъ хорошъ, но не дитя, а это хотя и хорошо, но странно. Впрочемъ, это тоже дѣло религиознаго представленія. А такъ какъ въ то время, да и теперь еще, такъ думали, то это опять-таки именно то, что нужно. Изъ всего того, что и сказали, слѣдуетъ, стало быть, что Мадонна Рафаэля дѣйствительно—произведение великое, и дѣйствительно вѣчное, да и тогда, когда человечество перестанетъ вѣрить, когда научная изысканія (насколько это наука сдѣлать въ силахъ) откроютъ дѣйствительныя историческія черты обоихъ этихъ лицъ. И тогда картина эта не потеряетъ цѣны, а только измѣнится ея роль. И она останется такимъ незабываемымъ памятникомъ народнаго вѣрованія, каковымъ ничто не можетъ быть, кромѣ картины. Никакая книга, ни описаніе, ни что другое не можетъ рассказать такъ цѣльно человѣческой физиономіи, какъ ея изображеніе. Тотъ же Рафаэль часто изображалъ Христа, и изображалъ его, пожалуй, недурно, но онъ Его изображалъ со стороны женеской, а потому всѣ его изображенія Христа нигде не годятся теперь, когда физиономія Христа становится человѣчеству понятна. Но вѣдь онъ и Мадонну изображалъ со сторонъ вымысла—отчего же она и теперь хороша, да и будетъ (какъ я говорю) такою? Именно потому, что сама Мадонна есть созданіе воображенія народа. Нигдѣ, ни въ евангеліи, ни въ разсказахъ апостоловъ, нѣтъ определенной характеристики этого лица. А такъ какъ она играла огромную роль въ религиозномъ вѣрованіи, то людямъ оставалось одно—дополнить воображеніемъ (даже и не дополнить, а создать вновь) черты Божіей Матери: они это и сдѣлали; Рафаэль же написалъ похожій портретъ. Совсѣмъ другое дѣло Христосъ: это уже не мифъ, это лицо, о которомъ существуетъ чрезвычайно обстоятельный разсказъ, и въ этомъ разсказѣ, чрезвычайно простомъ, наивномъ и возвышенномъ, онъ выступаетъ такъ рельефно, говоритъ и дѣйствуетъ такъ естественно, что нѣтъ никакой физической возможности не повѣрить въ его существованіе и не признавать его за личность реальную. И я удивляюсь чрезвычайно, какъ это до сихъ поръ никто изъ художниковъ, даже самыхъ великихъ, не взглянулъ

на это прямо. Правда, впрочемъ, что въ настоящее время существуютъ уже монеты въ этомъ направленіи. Это хороший признакъ.

Вандикъ и Рембрандтъ у насъ въ Эрмитажѣ, пожалуй, лучше. Но за то другихъ великихъ художниковъ здѣсь посетили сокровища. Галерея кружится, вотъ какъ! Да! Забылъ сказать о Мадоннѣ послѣднее: какъ она написана. Между произведеніями Рафаэля она по живописи лучше всего, что я видалъ изъ его картинъ; но для нашего времени въ ней есть недостатокъ колорита, и даже правильности свѣтотѣни, не въ годокахъ впрочемъ, а только въ фигурахъ Христа. Это, конечно, имѣаетъ большинству судить объ ней. Нѣкоторые ждутъ увидѣть въ ней то, что составляетъ въ живописи послѣднее—эффекты, да еще, пожалуй, эффекты Риделя.

Цѣлую тебя крѣпко, а ты поцѣлуй дѣточекъ. Твой Н. Крамской.

XVI. Къ ней же.

Парижъ, 4-го декабря 1869 г.

Голубушка ты моя Соничка. Видишь, новая бумага, съ адресомъ, гдѣ я остановился. Это Веретениковъ принесъ мнѣ, и просилъ писать письма на его бумагѣ, говоря, что это пропавшая въ своемъ родѣ, для распространенія своего имени. Я обѣщался, и вотъ пишу тебѣ на ней. Знаешь что? Твоей Ваня пьянъ! Это ужасъ! Вотъ какъ это случилось. Сегодня я отправился къ брату княжнѣ Львовой: ты помнишь, я получилъ изъ Михайловскаго дворца письмо; она хотѣла, чтобы я познакомился здѣсь съ ея братомъ, княземъ Львовымъ. Вотъ я сегодня и отправился къ нему, такъ какъ хотѣлъ отдохнуть и не смѣрилъ, потому что слишкомъ много видѣлъ вчера и третью дня, да и прежде: ну былъ, ознакомился. Такие хорошие люди. Провелъ такъ часа два. Выйдя оттуда (а они живутъ въ Елисейскихъ поляхъ), тутъ же сейчасъ арка знаменитая Наполеона I-го, триумфальная. Я пошелъ же поспѣвать, потомъ полѣлъ наверхъ, оттуда смотрѣть на Парижъ: видъ удивительный и страшный. Вообрази себѣ: ты стоишь на площадкѣ очень большой, такъ что не страшно собственно, а очень высоко, сама арка на возвышенномъ мѣстѣ, и оттуда на всѣ стороны Парижъ. Это страшнѣйше городъ, до самаго горизонта во всѣ стороны, особенно въ одну, гдѣ главный центръ, все городъ, все зданія. Уже и туманъ, уже и даль страшная, а все городъ. Тамъ гдѣ-то, далеко, очень далеко, бѣжалъ локомотивъ, въ самомъ городѣ, уже вдали, и ничего не видно, а все городъ. Однимъ словомъ, это уже чертешуръ, это уже чертъ знаетъ что такое. Вижу, по улицамъ и бульварамъ, кареты и народъ сплошной массой движется, и производятъ головокруженіе. Не то, чтобы ужъ это было что либо чрезвычайное, но громадно, и этой-то величійной производятъ ужасное впечатлѣніе. Эта тѣмъ народу, эти страшнѣйшія въ 7 и

даже въ 8 этажей зданія, эти громаднѣйшія, но нѣсколько верста, протяженія, разстояніемъ своимъ, бульвары, широкіе, какъ площади, и людные, какъ гулянья, все это наело меня на мысли не очень веселыя. Богъ, думалъ я, городъ, въ которомъ, по меньшей мѣрѣ, 1 1/2 милліона народу, городъ славный на столько же великими дѣлами, на сколько и развратомъ, и въ настоящее время не производящій ничего, по крайней мѣрѣ въ живописи, великаго. Правда, много вещей замѣчательныхъ по живописи, по колориту, но мало, почти совсѣмъ нѣтъ людей, трогających сердце. Однимъ словомъ, городъ шумный, веселый, трескучій, городъ вина и женщинъ, вотъ онъ лежитъ у ногъ моихъ. Быть можетъ (да конечно и на-вѣрное) есть и здѣсь благородныя сердца, серьезные умы, и вообще хорошіе и честные люди, но Богъ знаетъ, гдѣ они, что они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются—я не знаю, но вижу тѣмъ колесокъ, каретъ, верховныхъ кавалькадъ, и все это разряжено до послѣднихъ предѣловъ, все это красиво (по крайней мѣрѣ кажется) толпо до послѣднихъ предѣловъ, и все это нахально, тоже до послѣднихъ предѣловъ. Однимъ словомъ, я просто забился совсѣмъ, и мнѣ такъ стало грустно, такая тоска на меня напала, такъ стало жалъ мнѣ моихъ милыхъ дѣточекъ, этихъ маленькихъ крошекъ, что вридется и имъ переживать тяжелыя минуты жизни, а можетъ быть и не пережить (почемъ мы знаемъ?) въ этомъ странномъ, въ этомъ загадочномъ мірѣ. И Богъ знаетъ, чего ужъ я имъ передумалъ! Дастъ ли Богъ мальчикамъ моихъ такую же счастливую судьбу, какъ мнѣ—ихъ отцу, пошлетъ ли онъ имъ такихъ же хорошихъ женщинъ, какъ ихъ мать; да Сончикъ, моей милой Сончикъ, встрѣтитъ ли она въ жизни такого мужчину, который бы былъ хоть только не подлецъ, а если и встрѣтитъ, то узнаетъ ли они другъ друга? Однимъ словомъ, не весело мнѣ было. Но вѣдь нужно же было и сойти внизъ и отправляться домой, а дорога была не близкая. Спустился я и пошелъ. Въ сумеркахъ только пришелъ къ тому мѣсту, гдѣ я обыкновенно съ Гунюмъ, Леманомъ и Хармаповичемъ обѣдали, но мнѣ не хотѣлось тамъ обѣдать—ужъ очень не хорошо. И я отправился въ ресторанъ Kische, гдѣ обѣдаютъ, говорятъ, русскіе, но очень дорого. Но все равно, попробую. Здѣсь ужъ такъ заведено, что къ обѣду подается вино, хотите ли вы или нѣтъ, а вино намъ поставятъ, и закатятъ въ долины. И вотъ, я выпилъ, въ теченіе обѣда, дѣл довольно большія рюмки, и вотъ отчето пѣлъ. Такъ голова закружилась, такъ стало странно, такъ ноги стали не слушаться, что просто ни на что не похоже. И такъ какъ я усталъ очень, то не пошелъ уже искать ни Гуня, ни Лемана, а пришелъ домой и захотѣлось мнѣ подлѣяться съ тобою своими впечатлѣніями. Ты ужъ мнѣ не пиши письма: меня оно не застанетъ.

Цѣлую тебя крѣпко. Твой И. Крамской.

XVII. Къ П. М. Третьякову.

1869. Декабре.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Когда я воротился изъ своей поездки,—на третій день моего прѣзда, если не ошибаюсь, вы изволили быть у меня. Я тотчасъ же хотѣлъ васъ видѣть, но Дн. Вас. Григоровичъ сообщивъ мнѣ, что васъ уже нѣтъ, что вы уже уѣхали. На другой же день я отправился къ Ив. Алекс. Гончарову, съ намереніемъ немедленно приступить къ портрету; но онъ мнѣ сначала селался на нездоровье, потомъ на погоду, и когда я согласился съ тѣмъ, что дѣйствительно въ тотъ день была погода неблагоприятная, но что завтра можетъ быть будетъ лучше, онъ сталъ просить отложить до весны, или по крайней мѣрѣ до болѣе свѣтлаго времени. Тогда я просилъ его снятъ съ меня ответственность и написать къ вамъ объ этомъ, такъ какъ дѣло это откладывается не по моей винѣ, и онъ хотѣлъ написать.

Получивши отъ васъ напоминаніе, я тотчасъ поѣхалъ опять къ нему и просилъ позволенія прочитать ваше письмо. На это я узнаю, что онъ вамъ еще не писалъ, что портретъ отложимъ. Сѣдовательно, я, при всей моей готовности, къ сожалѣнію, не могу еще начать, да и не знаю, когда начну. Полагаю, однако же, что спустя недѣлю я сдѣлаю новый и уже рѣшительный приступъ, и смѣю покорнѣе просить васъ, съ своей стороны, написать нѣсколько строкъ къ Ив. Алекс. о томъ же предметѣ, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ успѣхѣ.

Ив. Нв. Шишкину я передамъ ваше порученіе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ вашимъ И. Крамской.

XVIII. Къ нему же.

12-го марта 1870.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Я сдѣлалъ съ своей стороны все, чтобы исполнить ваше заказъ, но не въ моей власти было заставить сидѣть Ивана Александровича.

Когда я передамъ ему ваше письмо, то онъ уже согласился, и былъ значительный день и часъ сеанса, но каканунъ онъ извѣщаетъ меня, что сидѣть онъ не можетъ; что, кромѣ того, что не совсѣмъ здоровъ теперь, онъ и въ будущемъ не обѣщаетъ; однимъ словомъ, отступается окончательно отъ написанія портрета. При этомъ присовокупляетъ, что онъ беретъ на себя всю ответственность передъ вами. Вѣроятно, вамъ теперь уже извѣстно то,

что я здѣсь сообщаю. Мнѣ очень жаль, что упущенъ случай для меня сдѣлать что нибудь для вашей галлерей.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою
И. Крамской.

XIX. Къ М. В. Тулинову.

6-го октября 1870 года.

Добрѣйшій Михаилъ Борисовичъ. Будь такъ исправенъ, пришли мнѣ, пожалуйста, отчетъ о томъ, сколько ты роздалъ билетовъ (квитанцій) «Автографъ»: мнѣ нужно отдавать отчетъ въ четвергъ и сдавать деньги. Мы приступаемъ къ изданію. Если ты не роздалъ ничего, то потрудишься выслать квитанціи, какъ онѣ есть, все равно. Тутъ мотчи въ роздани, только остановка за отчетомъ, а безъ тѣхъ, которые у тебя, этого сдѣлать нельзя. Надо привести все въ извѣстность.

Рекомендую тебѣ Марка Матвѣевича Антокольскаго, скульптора. Онъ къ тебѣ заѣдетъ по прїѣздѣ въ Москву. Онъ вылѣпилъ статую Ивана Грознаго, въ натуральную величину. Замѣчательная вещь! И прежде, чѣмъ ее кончитъ, онъ отправляется въ первопрестольную столицу, дабы напиться древнимъ духомъ. Поручая себя твоему благосклонному ко мнѣ расположенію, надѣюсь, что ты не забудешь выслать то, что я тебя прошу.

И. Крамской.

XX. Къ нему же.

Октября 11-го, 1870. Спб.

Любезнѣйшій Михаилъ Борисовичъ. Видѣлъ твоего посланнаго Косенкова, будущаго художника. Онъ—ничего. Хорошо, что у него есть рѣшимость, но и дока же онъ! Характеръ его мнѣ не нравится: пройдоха, пролѣзетъ наизъносъ. Ну, а впрочемъ, я вѣдь смотрю слишкомъ вранчо, онъ ничѣмъ не виноватъ. А что до меня, то, разумеется, я чѣмъ могу—радъ служить. Это все равно кому, лишь бы можно шло. Объ талантѣ пока ничего не могу сказать, пока не увижу рисунковъ съ натуры, а копируетъ—ничего, хорошо. Затѣмъ, будь такъ любезенъ, пришли пожалуйста извѣстіе, что билеты на «Автографъ» *), какъ идутъ? И если ничего нѣтъ, то и нечего канитель тянуть, пришли ихъ назадъ. Надо отчетъ сдавать.

Твой И. Крамской.

*) Автографическое изданіе академической выставки.

Ред.

XXI. Къ П. М. Третьякову.

21-го февраля 1871 г.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ! Я не отвѣчалъ такъ долго потому, что ждалъ, чѣмъ разрѣшится вопросъ о статуй «Иоанна Грознаго» въ Академіи, и теперь почти за вѣрное я могу сообщить, что статуя изъ мрамора ему *) будетъ заказана отъ Высочайшаго имени. Конференцъ-секретарь Академіи, П. О. Искель, призываетъ Антокольскаго съ тѣмъ, чтобы объявить ему, какъ онъ выразился, «почти официально», что онъ долженъ сдѣлать изъ мрамора статуя для Государя Императора, и, кажется, за 10,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы онъ уже никому не повторялъ ни изъ чего. Словомъ, хотя ему и заказываютъ, но лишаютъ права художественной собственности. Впрочемъ послѣднее распоряженіе идетъ, сколько мнѣ извѣстно, со стороны одного Искельева. Во всякомъ случаѣ, точнѣе и яснѣе свѣдѣнія по этому дѣлу вы, вѣроятно, скоро получите (если уже не получили) отъ самого Антокольскаго. Портретъ Шевченки я рѣшился сдѣлать четырехугольнымъ, какъ для того, чтобы получить болѣе солидную величину, такъ равно и серьезнѣе характеръ самаго портрета.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть глубоко уважающимъ васъ
И. Крамской.

XXII. Къ нему же.

21-го марта 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Рама доставлена и портретъ Шевченки оконченъ. Я желалъ бы, чтобы вы поручили кому нибудь его осмотрѣть, и затѣмъ просить уже у васъ инструкцій, что съ нимъ дѣлать? Отослать его немедленно въ Москву, или же вы найдете возможнымъ оставить его на вѣсколькое время на выставкѣ у Поліцейскаго моста? По доставленію мнѣ отъ Ветрова счета, на раму слѣдуетъ заплатить 35 руб. серебр. Я ожидалъ, впрочемъ, что она будетъ стоить дешевле, не смотря на то, что сработана она превосходно.

Въ ожиданіи вашихъ указаній, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою
И. Крамской.

XXIII. Къ нему же.

30-го марта 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Деньги 300 рублей за портретъ и 35 рублей за раму я имѣлъ удовольствіе получить, за что и

*) Антокольскому.

принишу мою благодарность. Кроме того, благодарю вас также и за новое предложение написать три портрета: Фонз-Визина, Грибодова и Кольцова. Къ сожалѣнiю, въ настоящее время, т. е. немедленно, я принять не могу и просилъ бы васъ отложить эту работу до осени, если вамъ возможно, потому что дѣтѣмъ я думаю поѣхать по Россiи, а по возвращенiи я буду готовъ къ вашимъ услугамъ исполнить то, что вы назначите.

Антокольскiй уѣхалъ, наконецъ, благодаря вашему внимательству и помощи. Онъ былъ въ такихъ хлопотахъ передъ отъѣздомъ, что, кажется, не успѣлъ даже написать къ вамъ, и я за него беру на себя смѣлость извиниться передъ вами. Впрочемъ, вы, вѣроятно, получите извѣстiе обо всемъ уже съ дороги.

Портретъ Шевченки я поставилъ на постоянную выставку, пользуюсь вашимъ согласiемъ, на двѣ недѣли.

Съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною преданностью нѣмоу чести быть вашимъ покорѣйшимъ слугою
И. Крамской.

XXIV. Къ нему же.

4-го мая 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Слѣзу обратилъ къ вамъ съ покорѣйшей просьбой, если возможно, выслать мнѣ въ счетъ уплаты за портретъ Кольцова (который я уже пишу) 200 рублей серебромъ. Мнѣ очень совѣстно, что я дѣлаю это, но такъ сложились обстоятельства для меня.

Съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною преданностью нѣмоу чести быть вашимъ покорѣйшимъ слугою
И. Крамской.

XXV. Къ нему же.

9-го мая 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Я полагала, что буду нѣмѣ удовольствiе лично привести вамъ мою глубокую благодарность за ваше любезное одолженiе, но у меня, къ сожалѣнiю, вотъ уже три дня, какъ настоящiй лагерь: жена и сынъ больны. Извините меня, что я позволю себѣ сообщать свои домашнiя причины, но я дѣлаю это въ тѣхъ видахъ, что, можетъ быть, при случаѣ, зная мое сожалѣнiе, что я не могу исполнить желанiя Лидiи Васильевны Пиповой (бывшей Хомутовой). Хотя я нѣмѣю сео возможности прѣхать въ Москву, и одного этого уже достаточно, но я даю слово прѣхать, а между тѣмъ не сдержала. Я

совершенно понимаю всю неумѣстность того, что я написала, давая чуть ли не порученiе, но разъ написала — я оставляю, не имѣя привычки сначала редактировать свои письма. Прощу васъ великодушно извинить меня въ этомъ.

За все вами сообщенное о Калькобѣ мнѣ приходится еще разъ благодарить васъ. Я собрался прочитать объ этомъ въ сочиненiи Тургенева, но не имѣю еще книги.

Раму Бегрову я уже заказалъ, какъ вы желали.

Съ истиннымъ почтенiемъ и совершенною преданностью нѣмоу чести быть всегда готовымъ къ услугамъ
И. Крамской.

XXVI. Къ Ѳ. А. Васильеву.

11-го iюня 1871.

Добрый мой Федоръ Александровичъ. Вотъ уже и 11 iюня, а я все въ Петербургѣ. Расскажу по порядку — и вамъ станетъ ясно. Вы уѣхали 23 или 22 мая. Софiя Николаевна, какъ вамъ извѣстно, приподымалась и послѣдъ было все лучше и лучше; но потому, ужъ Богъ знаетъ изъ чего, воротилось все старое, да такъ сильно, что я сталъ опять ко всему готовиться. Словомъ, исторiя была продѣлана сначала. Теперь опять, слава Богу, поправились и я могу вздохнуть свободно. Но такъ какъ 4 недѣли были вычеркнуты, и я не работалъ, какъ вамъ извѣстно, то работаю теперь волонъ, и завтра, самое позднее послѣ-завтра, я кончу iюклятихъ великихъ людей*). Оду-рѣлъ: по 3 портрета въ день. Потомъ перевезу семью на дачу, потомъ укладываюсь, и къ вамъ. Впрочемъ, въ Москвѣ придется пробывать дня два. Вотъ каковы дѣла. Покажите меня сурубо. Того мало, что вы написали, ибо я безъ васъ скучаю. Знаете ли вы, что у насъ дѣтѣмъ, т. е. на нашемъ полушарiи, будетъ потопъ? Это *И* предсказываю: къ берегамъ Африки приплываю льдина изъ вѣчнаго полюса, въ два раза больше Францiи. Извѣстiе это помѣщено въ одномъ ученюмъ изданiи. Вотъ что! Впрочемъ это до насъ не касается, т. е. я буду у васъ. Софiя Николаевна вамъ платитъ свой прiвѣтъ. До остроченнаго свиданiя вамъ поклонникъ
И. Крамской.

XXVII. Къ П. М. Третьякову.

19-го iюня 1871.

Милостивый государь Павелъ Михайловичъ. Не удивляйтесь, что обо мнѣ нѣтъ никакого извѣстiя: я все еще въ Петербургѣ, и неизвѣстенъ

*) Портреты знаменитыхъ русскихъ людей, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, были рисованы, для Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Крамскимъ, чернилами карандашомъ и масляной краской, въ еднѣи томъ, по 35 р. за штуку. *Ред.*

день, когда я выйду: из дому у меня еще не все благополучно. Мне очень жалко, что обстоятельства так сложились, что я не могу кончить для вас портрета до сих пор. Хотя стараюсь.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ ни́когдѣ бытъ всегда гото-
выиъ къ услугамъ
И. Кранской.

XXVIII. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Хотень (Харьковской губ.). 1-го августа 1871 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Вотъ вамъ моя Одиссея (вы-
вать впрочемъ, я дуракъ, что не писалъ о всѣхъ приключеніяхъ, но, кто-то
знаетъ будущее? мы вѣдь хотѣли ѣхать въ Крымъ въ концѣ августа). Къ
29-му іюня только понравилась Софья Николаевна настолько, что можно
было рискнуть перевезти ее на дачу. Портреты, которые я работала, чтобы
получить деньги, всѣ кончены были; оставалось немного: получить деньги.
Пишу Дашкову *) разъ, два, три, портреты уложены, ждутъ, телеграфи-
рую — ничего. Узнаю уже отъ Истѣи, что Дашковъ уѣхалъ заграничу
именно тогда, когда у меня все готово, короче надуть: тихонько чрезъ Пе-
тербургъ проѣхалъ! Разъ! Что мнѣ дѣлать? Какъ быть? Три мѣсяца ничего
другого не дѣлалъ, да какъ вы знаете, въ семьѣ было не совсѣмъ благо-
получно! Но вѣдь нужно же было какъ нибудь. Я передъ Истѣинымъ расхо-
дился, что вѣдь это чортъ знаетъ что такое! Онъ мнѣ предлагаетъ на
первый разъ, чтобы уѣхать, 400 р. Я конечно взялъ, но что такое 400 р.?
Это только временное обезпеченіе семьи, а мнѣ нужно именно столько,
сколько нужно. 11-го іюля я выѣхалъ, наконецъ, въ Москву: думаю, вѣдь
онъ можетъ быть распорядился такъ, да еще и въ Храмѣ Спаса можетъ
что нибудь состоялось. Дашковъ, разумеется, никакихъ распоряженій не
сдѣлалъ, а въ Храмѣ Спаса эскизъ мой можетъ неутвержденнымъ и другіе
тоже, потому что просвященный Леонидъ сдѣлалъ замѣчанія и не утвер-
дилъ. А денегъ нѣтъ, замѣтьте. Я начинаю вести двѣ линіи: достать пре-
зрѣнный металлъ и поймать Леонида, который то на дачѣ верстъ за 15,
то въ Москвѣ; наконецъ, поймалъ его въ городѣ, когда ему действительно
было некогда, а завтра ему нужно ѣхать въ эпархию. Я говорю: оставсе
недѣлю и жду. Онъ обѣщается выбрать время для объясненій со мною, и
дать мнѣ знать непремѣнно. А Государь долженъ утверждать эскизы въ
августѣ — сдѣловательно, въ противоположн. случай, отлагается дѣло на годъ.
Проходитъ недѣля: нѣтъ Леонида; 8—9 дней нѣтъ, наконецъ, жду: ну,
завтра будетъ. Завтра извѣстіе, что онъ остался въ монастырѣ еще на нѣ-

сколько дней, около 60 верстъ отъ Москвы. Я, не медля ни минуты, туда.
Нагрѣваю, объясняю, потоки поправилъ эскизы, еще разъ выдѣлся съ
нимъ, добылъ нѣсколько денегъ (5-го августа возвращается Дашковъ изъ
заграничьи, и нѣтъ денегъ высылать сюда въ Хотень) и 30-го изъ Москвы
телеграфировалъ сюда. Ёду. Наконецъ, милы Новоселки. Смотрю, и ду-
маю: «А вѣдь, пожалуй, и Федоръ Александровичъ здѣсь встрѣтитъ и за-
дастъ головоломку». Ну, да что было, то прошло, слава Богу. Пріѣхалъ,
остановки: выхожу. Нѣтъ его. Вечерѣтъ, багажъ мой вынулъ. Какія-то
лошади стоятъ, тройка—нѣтъ Васильева. Почувалъ я что-то недоброе. По-
ѣздъ тронулся дальше. Ну что-жъ! Сами виноваты, слишкомъ долго вѣ-
роятно тебя ждали. Спрашиваю на станціи: нѣтъ ли лошадей изъ Хотени?
Есть, говорятъ. Обрадовался: ну, слава Богу! Конечно жалко, что онъ не
встрѣтилъ, но что за нѣжности, пожалуй промахъ гдѣ нибудь на охотѣ,
и не знаетъ, что я пріѣхалъ. А можетъ быть, бѣдный, нездоровъ. Все вы-
яснѣетъ. Подходить паршова и говоритъ: «Мы васъ второй день ждемъ здѣсь
съ лошадьми». Конечно, и это вниманіе. «Вотъ, говоритъ, вамъ записка». —
«Записка?» — «Да». Читаю: «Федоръ Александровичъ Васильевъ выѣхалъ
въ Яту, нѣмніе Императрицы, 18-го іюля», и краснымъ карандашомъ при-
писка: Ивану Николаевичу Крамскому. Ручка старческая. Вотъ-те разъ!
Записка какъ бы приглашаетъ не останавливаться здѣсь, да я бы такъ и
сдѣлалъ, еслибы побѣдъ стоялъ съ 1/2 часа. Ну, надо ѣхать. Повезли меня...
Ночью пріѣхалъ. Когда садомъ подъѣзжали къ дому, все провѣрялъ вышн
разсказы: действительно, ночью дѣлаетъ впечатлѣніе сказочное. Чай гото-
въ. Опять вниманіе. Ночью ждалъ правдивый — не пришелъ. Утромъ ми-
лый Дементій говоритъ, что Федоръ Александровичъ пила молоко, а потомъ
и чай. «Ну, коли онъ такъ дѣлалъ, то и я сдѣлаю». 10 часовъ утра. Солнце,
садъ передо мною — и ни души, только шумятъ деревья. Чортъ знаетъ, что
такое! Такое чувство охватило меня: и хорошо-то здѣсь очень, и тяжело
мнѣ очень. Вотъ она, природа! Остаться здѣсь и кончать «Ночь» *) не въ
силахъ буду, настроившись извѣстными образами, работать не одному.
Ѣхать сейчасъ, сію минуту, въ Яту, значить не кончить картины, но от-
вѣтъ нашего я все-таки подожду здѣсь. А между прочимъ сейчасъ начинаю
писать одну штуку, которая мнѣ вчера приняла въ голову за часомъ, подъ
впечатлѣніемъ пріѣзда. Мнѣ кажется, сюжетъ ого-го! Если его сдѣлать
попытнѣе, можетъ страшно казаться. И такъ, жду, пока вы не напи-
шите. Чортъ знаетъ, поразительное впечатлѣніе: окно растворенное, ко-
торое вы, вѣроятно, знаете, зеркало на столѣ, и вама эта комната съ моль-
бертомъ и подражками, которую вы оставили меньше двухъ недѣль. Правда

*) Директоръ публичнаго Румянцевскаго музея, въ Москвѣ.

*) Картина Крамского «Майская ночь».

вы думаете, что я и совсѣм не приѣду (хоти, еслибы это мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, то немедленно и вамъ), а такъ какъ иланы не разстроились а только отдалались, то я и ждалъ не сегодня-завтра, не сегодня-завтра, и вотъ дождался... а деревья, подлецы, дружно, дружно жуютъ! Воображаю, что вы вынесли, ожидая меня, такъ какъ и наши планы не осуществились, особенно подъ коветъ, когда вы потеряли терпѣніе. Я даже не, извиняюсь, потому что извинение ни поправитъ, ни воротить ничего не можетъ, а о чувствіи моемъ вы, вѣроятно, и сами не сомнѣваетесь. Я не могу сдѣлать этого заочно, зная что нибудь вперёдъ. И такъ, ожидаю ответа.

И. Крамской.

XXIX. Къ нему же.

Петербургъ, 21-е октября 1871.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Вотъ наконецъ и устроилось все. Не знаю, какъ вы находите, а по моему хорошо; вотъ развѣ не окончательно устроено съ дономъ, какъ мнѣ говоритъ Нейцфаевъ, отключено на время, а у него такъ ноги и чешутся прилечь за это дѣло; говорю: ноги, потому что вѣдь онъ это въ самомъ дѣлѣ сдѣлаетъ ногами. Онъ радъ сдѣлать хоть что нибудь для насъ, какъ онъ говоритъ. Навините, что не могъ исполнить до сихъ поръ ваше порученіе относительно красокъ и книгъ, но и то и другое я высылаю, и надо молчать, что вы все это получите еще во-время, то есть успѣете еще и начитаться, и наработаться; но не думайте, однако-жъ, что я потому и не выслалъ съ вашей мамашей, что полагалъ: успеется. Нѣтъ, не потому, а потому, что на книги нужно было — ну да все равно, что нужно было; дѣло въ томъ, что виноваты, и только.

Здѣсь все обстоитъ благополучно, то есть такъ же какъ всегда: погода мерзость, винограда нѣтъ, и воды не наблюдаю, и все стараюсь въ настоящее время поймать луну. Говорить, впрочемъ, что частица лунной ночи пошла-таки въ мою картину, но — не вся. Трудная штука — луна. А «Охотникъ» произвелъ впечатлѣніе въкоторое — правится, а Софій Николаевнѣ особенно: и какъ лицо, и какъ охотникъ. Еѣ написалъ прекрасную вещь, «Петра», котораго вы видѣли начало, да я и былъ увѣренъ въ этомъ, онъ тутъ на мѣстѣ, какъ никто, пожалуи. Григоровичъ завертѣлся кубаремъ, когда узналъ, что вы обращались къ Третьякову, да что-жъ дѣлать, дѣло сдѣлано, не воротить, и можетъ быть возвращать не стоитъ. Оно хорошо такъ. Ему лучше всего Третьяковъ, вездѣ онъ суется; но когда я ему сказалъ, какъ это было, то онъ повидимому сталъ спокойнѣе. Впрочемъ онъ вамъ самъ хотѣлъ писать, да вѣроятно уже и написалъ, не такъ

какъ я. А чѣмъ же, впрочемъ, я поступилъ худо, что долго не писалъ? Но можетъ случиться, что я и еще долѣе писать не буду — это со мной случается, да и съ вами случается. Каково теперь въ Крыму? Все еще тепло? Это любезно. Здѣсь такая мерзость, что и не расскажешь, да вы и сами знаете. А вы небось продолжали позаживать къ Клеопинну добрыѣмъ, за виноградомъ и прочими сластями, а теперь небось пріучаете и Романа *)? Знаете, по правдѣ сказать, я тутъ-таки частенько вспоминаю, точно сонъ, пребываніе мое въ Крыму: Клеопина, виноградъ. Но волны, вотъ какъ живы стоятъ передо мной, валы такъ и заворачиваются, такъ и мигать, шельмцы, а Федоръ Александровичъ все ихъ чертитъ, да по законамъ физики старается уразумѣть... Я надѣюсь, дорогой мой Федоръ Александровичъ, что вы сообщите мнѣ что нибудь хоть въ нѣсколькихъ строкахъ, какъ тамъ вы устроились, и гдѣ зимовать будете: у Рылскаго ли, или въ другомъ мѣстѣ, и какъ идетъ ваше горло? Краски ей-Богу я высылаю; уже онѣ запакованы. Я знаю, какъ это вамъ неприятно, но вы утѣшайте себя слѣдующей мыслью: если мнѣ человѣкъ сдѣлать неприятности, я догадываюсь, что, значить, онъ меня любитъ. Русскіе всѣ такъ, а мы — русскіе.

Савидій, Рѣпинъ и прочіе вамъ кланяются. У нихъ хорошія программы, и конечно подучать. Макаровъ по моему далеко слабѣе ихъ; у бубого Урлаба недурно, украдено, а недурно. Господь его прости, у него въ головѣ вѣдь ничего нѣтъ, такъ вѣдь надо же. Полновѣ — корявость рѣшительный, но плохо относительно всего остального. До свиданья. Не забывайте любящаго васъ

И. Крамского.

XXX. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 8-го ноября 1871.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Письмо ваше доставило намъ истинное и чистое удовольствіе. Мы съ С. Н. сидѣли въ кабинетѣ, и такъ кое о чемъ разсуждали, вечеромъ, сейчасъ послѣ обѣда, и тутъ-то вы къ намъ прілетѣли: другого выраженія нельзя дать этому, такъ это было весело. Не дѣлайте мнѣ выговоровъ, что я, заваданный грудой портретовъ, забылъ черную точку на горизонтѣ. Этого, вы сами знаете, не можетъ быть. Вѣдь и въ то время, когда вы выводили эти строки, вы не были увѣрены, что пишете правду, зачѣмъ же это дѣлать: или ужъ чувство безъ фразъ не обходится? Ну, да это пусть такъ останется. У меня есть вещи

*) Младшій братъ Васильева.

больше интересны, чтобы сообщить вам. Здесь был Перовъ, несколько дней какъ проводили его только. Пробывъ онъ почти недѣлю, и его приѣздъ поднималъ между нами, то есть выставщиками на Передвижной выставкѣ, такую кутерьму, что мы едва еще дышимъ, и я собрался вамъ даже сообщить объ этомъ, какъ только приду въ себя. Дѣло въ томъ, что работаю я себѣ впрямь однажды, ломаю голову, какъ бы это справиться съ луной, какъ вдругъ Н. И. Шнигинъ и Перовъ! Я струсила. Ну, думаю, попался. Но онъ — ничего, расхваливалъ такъ, что я устъ и нитъ потерялъ, что нужно сдѣлать и какъ нужно сдѣлать. Словомъ, вѣрихалъ «Пана» московскій! Кисти въ сторону, позавтракали, да къ Гѣ. Ну, тамъ ужъ Перовъ прискирѣлъ, и отъ впечатлѣній не говорилъ. Н. И. тоже видѣлъ въ первый разъ его картину, и надо сказать, что кажется оба они не ожидали, что напалъ, а я только потираю отъ удовольствия руки. Чтò, думаю себѣ, каково моль! То-то! Словомъ, картина огораживающая — выраженьемъ, да и прочимъ. Тамъ-то мы прихватили еще Бессонова, гдѣ Перовъ остановился, да въ Мало-Ярославцѣ, да какъ началъ обѣдать, какъ начали, да до 2-хъ часовъ ночи и прообѣдали. И я рѣдко когда проводилъ такъ хорошо время. А на другой день, обѣдали всѣ у Гѣ, на третій у меня, а потомъ у Бессонова, а потомъ еще у Клодта, М. К., словомъ дальше уже было некуда. Но любознательные всего весь тотъ передулъ, который Академія выказала наредъ нами по поводу предстоящей выставки. И кончила тѣмъ, что сама предложила залы для нашей выставки, а раньше того общество поощренія художниковъ, такъ что мы просто выбирай любое. Боголюбовъ же такъ совсѣмъ снизошелъ со своего величія и униженно при Перовѣ упрашивалъ Гѣ сдѣлать съ тѣмъ обществомъ, которое, вы знаете, онъ устроилъ въ Академіи. Но въ бессилии, наконецъ, говорить: «Ну хорошо, такъ и быть, я пойду къ вамъ. Примете?» Гѣ и Перовъ говорятъ: «Очень рады, представляете картины, мы будемъ баллотировать!» Каково! О, ужасъ, о униженіе! И громя и молнии за нимъ не послѣдовало, и боги Олимпа не наказали дерзкихъ титановъ?

Выставка наша состоится черезъ недѣлю 1½, или 2. Изъ Москвы 23 картины, да здѣсь около 20, вотъ и все, но Перовъ и Гѣ, а особенно Гѣ, одинъ суть выставка. И такъ, вперед!

Рѣшнѣ, Зеленскій, Полѣновъ, Манаровъ и Урлаубъ получили 1-ми золотыя медали. У всѣхъ вышло настолько хорошо, что Совѣтъ не могъ никому изъ нихъ отказать. Только Манарову и Урлаубу, какъ слабѣйшимъ, съ условіемъ послыжи за границу на 3 года, а не на 6, и не сейчасъ, а когда будутъ деньги. Савицкій и Кухрявцевъ получили тоже свое, Ковалевскій тоже. И такъ, всѣ довольны, и Академія, и воспитанники живутъ — ну и Богъ съ ними!

Что касается Нейцѣтасва *), то я его видѣлъ третьяго дня, онъ отъ васъ тоже получилъ письмо, и мы тутъ говорили о разныхъ предстоящихъ ему массажахъ, но все то, чтò онъ намѣренъ сдѣлать, мнѣ кажется хорошо, и я ему только сказала, что если онъ действительно любитъ васъ, какъ онъ говоритъ, то ему предстоитъ теперь случай доказать это. И онъ это самъ понимаетъ такъ, сколько я заглянулъ. Вы знаете, что я не особенно расположенъ къ нему, и скорѣе готовъ видѣть дурное, чѣмъ хорошее. Но въ данномъ случаѣ онъ — золотой человѣкъ. Затѣмъ, прибавилъ отъ себя, что еслибъ ваши интересы потребовали, то я немедленно вамъ сообщу, какъ мнѣ кажется. Я еще ничего не знаю, что я вамъ сообщу, да и не знаю, объ чемъ именно я сочту нужнымъ написать вамъ. Но говорю на всякій случай, для вашего спокойствія. На все махните рукой, да и Господь съ вами, работайте, а главное выдерживайте. Я, впрочемъ, не могъ себя и представить, чтобы природа распорядилась въ ущербъ намъ, то есть вашему здоровью. И такъ — въ Египетъ, пожалуйте это недруго. Съ Григоровичемъ я увижусь завтра и поговорю его. Вы говорите, что онъ чудесный, и я вѣрю вамъ, даже знаю, что это такъ — съ вами. И успокойтесь поэтому, вамъ никто повредить не можетъ. Это вѣрно. Я это здѣсь отлично вижу. Въ будущемъ вамъ повредить и не прочь, можетъ быть; но одиночѣсь ни у кого силенки не хватитъ, а всѣмъ собраться для такого дѣла, вы понимаете, унижительно: это каждый понимаетъ. Успокойтесь, это ничего, это признакъ, что васъ забыть никто не можетъ, хотя и по разнымъ причинамъ.

Что касается «Охотника» **), то пока онъ отложенъ, во-1-хъ потому, что кончатъ «Ночь» ***, во-2-хъ потому, что начинаю «Христа». На обратномъ пути я былъ въ Балхисарѣ и видѣлъ все, чтò мнѣ нужно, и признаюсь, видѣлъ все, именно такія, какія мнѣ нужно. Прекрасно... Четверги начались: хотя и въ Артели, но Артель еще принялась, ее не видно и не слышно. Дѣти у меня сирамиваются, чтò Романъ, вѣтъ винограда? Кстати, когда будете писать, если будете, то черкните нѣсколько отвѣтовъ на первое мое письмо, которое теперь уже должны получить. Написать развѣ: любящій? Ахъ, ты Господи, гдѣ София Николаевна просила оставить мѣсто! Вотъ тебѣ и оставилъ!

Н. Крамской.

*) Отставленъ всеннымъ, принявшимъ дѣятельное участіе въ устройствѣ выставки Общества выставокъ.

**) Картина Крамской: «Охотникъ на тѣхъ».

***) «Мавская ночь», другая картина Крамской.

XXXI. Къ П. М. Третьякову.

19-го ноября 1871 г. Сиб.

Милостивый государь Павел Михайлович. Я очень сожалею, что положение мое заставляет начать письмо просьбою о деньгах за картину: «Майская ночь». Поступая по справедливости, мнѣ бы слѣдовало отказаться отъ покупки, пока, 1,200 рублей, оставшая 300 рублей до окончания мною портрета Кольцова, и потому предоставляю это нашему благоусмотрѣнію. Что касается нашего разговора о передвиженіи картинъ въ Россіи, то, послѣ разговора съ Николаемъ Николаевичемъ Гё, я убѣдился въ томъ, что мы едва ли на первый разъ и предпримемъ дѣло въ такія широкихъ размѣрахъ, а всего вѣроятнѣе ограничимся Москвою и Петербургомъ. Если же, сверхъ ожиданій, дѣло приметъ оборотъ въ пользу передвиженія дальнѣйшаго, то я впередъ соглашаюсь на ваше рѣшеніе, и дальнѣйшая судьба картинъ будетъ уже зависѣть отъ нашей воли — дать се или нѣтъ.

Примите мое искреннее и глубокое уваженіе. И. Крамской.

XXXII. Къ Ѡ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1871 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. 6-го декабря! Вотъ уже сколько времени мнѣновало. Боюсь я, что мы съ вами долго не увидимся, и боюсь потому, что, какъ я замѣтилъ, всѣ близкіе по мыслямъ люди, вълѣдствіе разнообразныхъ условій своей жизни и мнѣя врозь, сохраняютъ только идеальное согласіе, а на практикѣ, при ближайшемъ сравненіи прошлаго съ настоящимъ, оказываются такими же далекими, какъ и совершенно посторонніе между собой... Но что ужъ тутъ горевать, дай то Богъ, чтобы мы понравились, а тамъ пусть будетъ что будетъ, лишь бы искусство было не въ покоѣ. Передавалъ я Григорьеву все, что вы писали; онъ, по обыкновенію, замалывалъ и руками и ногами, по только ему нужно напоминать, и я ему напоминаю. Что касается вашихъ домашнихъ обстоятельствъ, то слухи есть, что молодой человѣкъ, которому оставлена по ошибкѣ довѣренность что-то тамъ натворилъ и будто бы многихъ вещей не оказывается, и, къ сожалѣнію, Нещѣтаевъ, не имѣя довѣренности, ничего предпринять не въ силахъ, а такъ и горитъ, и надо полагать, что онъ бы унывалъ. Ну, да это пока вещь поправимая, если только Нещѣтаевъ скоро вступитъ въ права управляющаго. А потому я спокоеенъ: мнѣ онъ говорить, что вы уже выслали или выслаете довѣренность.

Теперь подѣлюсь съ вами новостію. Мы открыли выставку 28-го ноября, и она имѣетъ успѣхъ, по крайней мѣрѣ Петербургъ говоритъ несь объ этомъ. Это самая крупная городская новостъ, если вѣрять газетамъ. Гё на-рѣшилъ рѣшительно. На всѣхъ его картина произвела ошеломляющее впечатлѣніе. Затѣмъ Перовъ, и даже называютъ вашего монархическаго слугу, и я радъ, что съ такимъ сюжетомъ окончателно не сложили собѣ шепъ, и если не поймать луну, то все же нѣчто фальшивое вышло *). Словомъ, кажется недурна выставка. «Охотника» Ник. Кор., нашего милого, сравниваютъ, какъ бы вы думали, съ Кѣмъ? Ни больше, ни меньше, какъ съ портретомъ Клауса «Рабенка». Лестно! Но, дорогой мой, какъ грустно, какъ грустно, если бы вы знали, что нѣтъ пейзажиста у насъ. Пейзажъ Саера-сова «Грачи прилетѣли» есть лучший, и онъ дѣйствительно прекрасный, хотя тутъ же и Боголюбовъ (приставшій), и баронъ Кюдтъ и И. И. Но все это деревья, вода, и даже воздухъ, а душа есть только въ «Грачахъ». Грустно! Это именно замѣтно особенно на такой выставкѣ, гдѣ рѣзко выражается индивидуальность, гдѣ каждая картина должна выражать нѣчто иное и искреннее. Всѣхъ въшедъ 42, и всѣ хороши, но выдѣляющихся 5, 6, а это, согласитесь, много, особенно принимая въ соображеніе выставку академическую.

Случился перерывъ, вынулъ чаю, а тамъ Софья Николаевна поетъ дѣ-тятъ, укладывая: «По синимъ волнамъ океана», «Пустынный и мрачный грантъ», «И молча въ открытые локи чуткими пушки глядятъ». Словомъ, унеситъ куда-то, мысли всѣ сгущались, и продолжалъ письмо нѣтъ никакой возможности. Голубчикъ мой, подождите... И какъ на зло, зати-нула еще греческую, ту самую, которую вы принесли къ намъ. Чортъ знаетъ, какъ жизнь распорядилась нами. Ну, затѣмъ такъ случилось, что вы заболѣли? Ну что хорошаго въ томъ, что вы сидите въ Крыму, и нигдѣ нельзя въ другомъ мѣстѣ, то есть я разумно подѣ другимъ мѣстомъ — тамъ, гдѣ я живу, напираться. И потомъ, къ чему служить то, что въ кон-то ики напихиваетъ вамъ, а отъ васъ получить и не думай. Да хоть и получишь, то это будетъ когда? А тутъ именно теперь нужно видѣть лицо, слышать го-лосъ, и хоть попочать, и то хорошо. Непріятно. Грустно, что васъ далеко завырнуло. Теперь только я чувствую, что я, кажется, привязанъ тѣмъ-то къ вамъ!

Кончу я письмо, ей-Богу кончу, допишется пожалуй до объясненія въ любви: глупо будетъ, неприлично въ мои лѣта. И такъ, до свиданія, до-рогой мой. И. Крамской.

*) Картина «Майская ночь».

XXXIII. Къ П. М. Третьякову.

6-го декабря 1871 г. Сиб.

Многочуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прошу васъ очень извинить меня, виноватаго передъ вами, что такъ долго не уведомлялъ васъ о полученіи мною тысячи рублей, и крокъ того на ваше безпокойство о картинахъ, присланныхъ изъ Москвы. Все, слава Богу, обстоитъ благополучно; выставка открыта, и публика приняла ее очень любезно.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь готовый къ услугамъ Н. Крамской.

XXXIV. Къ Ө. А. Васильеву.

Сиб., 1-го января 1872 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. И что это отъ васъ нѣтъ вѣсточки? Или вы болѣны, или вы ужь очень здоровы? Съ послѣднимъ я готовъ бы былъ помириться, еслибы и сосѣды вы забыли, что я существую, но только въ этомъ единственномъ случаѣ. Въ этотъ день поздравляють съ Новымъ годомъ, и я бы готовъ былъ васъ поздравить, еслибы возможно, сию минуту это сдѣлать. Но вѣдь это письмо придетъ, когда вы уже къ Новому году привыкнете. И такъ это можно обойти, а лучше сообщить вамъ новости изъ далекаго сѣвера и, какъ хотите, изъ умственного центра. А жалъ, что васъ нѣтъ. Вы не послѣдній человѣкъ, объ которомъ вспоминають, при всѣхъ вопросахъ интересныхъ и живыхъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Стасовъ написалъ статью, говоря о передвижной выставкѣ, задѣлъ Артель тѣмъ, что сказалъ: «Артель къ стѣнѣ своему устранилась отъ этого движенія, оно совершилось ложно иея». Артель прислала опроверженіе въ редакцію, въ которомъ говорится, что Стасовъ нанесъ ущербъ Артели своимъ отзывомъ въ «Петерб. Вѣдомостяхъ». Опроверженіе это было напечатано, но не все. Она обратилась въ «Голосъ», съ требованіемъ — напечатать все слово. Въ этомъ опроверженіи говорится, крокъ того, что она, занятая своими дѣлами, не могла принять участія; при томъ, наученная 8-ми лѣтнимъ опытомъ, считаетъ нужнымъ строго держаться того круга дѣйствій, который она себѣ избрала. Потому тутъ же болтнула, что Артель не есть замкнутое общество, а что она имѣетъ вечера, гдѣ бывають профессора Академіи, и что все новое и живое обсуждается на нихъ; дается нахлобучка Стасову, что онъ послушался наученій какой-то темной закулисной и озабоченной на Артель личности и что онъ былъ введенъ въ заблужденіе этою личностью, а что къ проекту о передвижной выставкѣ она отнеслась сочувственно». Члены четвергоныхъ ве-

черовъ сейчасъ же послѣ этой статьи Артели, видя, что она безцеремонно эксплуатируетъ четверги, возмани да на слѣдующій четвергъ и перейди всѣмъ своимъ составомъ, какъ одинъ человѣкъ, въ Общество поощренія художниковъ. Боже, какая буря! Какая злоба на всѣхъ и на все! Кажется, еслибы могли, то зарядили бы пушку вашимъ монархическимъ слугою, да и выстрѣлили бы. Хотя я тутъ меньше всѣхъ принималъ участія, лучше сказать, устранился отъ всякаго участія, но не скрою, что мнѣ пріятно, что такъ блистательно я былъ правъ. Этого я даже и не ожидалъ. И вотъ, теперь «четверги» на мостовой выставкѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ тамъ хорошо. Григорьевичъ членомъ, конечно. Недавно я видѣлся съ (Строгановымъ *), насладился поблагодарить его за гостеприимство, говорили объ васъ, и, сколько можно судить, вамъ будетъ предложена поѣздка за границу, куда вы желаете. Словомъ, все какъ будто обстоитъ хорошо. Дай Богъ, чтобы вы, дорогой мой, только окончательно поправились. А что говорятъ докторъ, и слушаетесь ли вы его? Вѣдь хотя опасность и миновала, а слушаться все-таки нужно. Но вы, пожалуй, сейчасъ козла задавать? Нѣтъ, не хочу думать, чтобы вы были настолько уже коноша, Ваши Н. Крамской.

XXXV. Къ нему же.

Сиб., 22-го февраля 1872 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Писму отвѣтъ на записочку, присланную при картинѣ, а на два передъ этимъ бывшихъ письма чувствую, что ушло время. Да и крокъ того есть еще чѣмъ сообщить. Не думайте, однако-жъ, чтобы я остался въ долгу передъ вами! Но... теперь, по крайней мѣрѣ, пишу главнымъ образомъ о картинѣ. Я ее изучилъ въ цѣлости, успокоился, и еще во-время. Краски и холстъ Григорьевичъ говоритъ, что онъ высказалъ. Расскажу по порядку. Само собой разумеется, что меня не надо было бы и вносить говорить правду. Вамъ я чувствую себя обязаннымъ говорить ее: во 1-хъ потому, что считаю васъ человѣкомъ совершенно зрѣлымъ уже въ искусствѣ, по крайней мѣрѣ понятнымъ, если не технически, и во 2-хъ, потому, что я принялъ, не протестуя, ваше довѣріе ко мнѣ, какъ относительно цѣнности картины, такъ и ея судьбы. Словомъ, такъ или иначе, а разъ я силою вещей вынужденъ въ вашу судьбу, и отъ моихъ попустунокъ и словъ будетъ зависеть многое, я долженъ говорить и дѣлать только правду, по своему крайнему разумію.

Недѣлю дѣтъ тому назадъ Н. И. Шинкинъ работаетъ, т. е. оканчиваетъ

*) Графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ.

у меня свою картину на конкурс, так как у него ему нет возможности ничего написать, вследствие тесноты, кроме переноса самовоза. Къ тому же онъ началъ большую вещь, очень большую. Вы его знаете хорошо, и можете представить себѣ, что онъ сдѣлалъ, если я скажу, что онъ написалъ вещь хорошему до такой степени, что Шинкинъ, оставаясь все-таки самимъ собою, до сихъ поръ еще не сдѣлалъ ничего равнаго настоящему. Это есть чрезвычайно характеристическое произведение нашей пейзажной живописи, — конечно, ириния во вышине, что школа наша не Богъ вѣсть что такое. Сегодня вторникъ, а въ прошлую субботу утромъ, какъ тать, являются Третьяковъ. Чортъ его знаетъ, какое чутко собачье! Ну, въ разговорѣ коснулось васъ. Я говорю, что жду нашей вещи; онъ при этомъ читалъ ваше письмо, которое вы ему писали. Я сказалъ, что вы и мнѣ то же пишете, и что, пожалуй, картина не придетъ такъ скоро, и что ему не дожидаться, такъ какъ я жду ее не раньше 24 числа. Однако-жъ вечеромъ въ тотъ же день я получилъ повѣстку; стало быть, картину я могъ только получить въ понедельник. На другой день, въ воскресенье, Третьяковъ былъ опять, и я ему сообщилъ, что повѣстка получена, и, вѣроятно, это и есть картина. Въ ночь на воскресенье Шинкинъ заболѣлъ, не успѣвъ кончить вещь, въ которой работы было дня на два. Она и теперь еще здѣсь. Конкурсъ отложенъ до 1-го марта. И вотъ, вчера я поѣхалъ за посылкой. Привезъ, и одинъ расупорилъ и открылъ, такъ какъ Софя Николаевна и дѣтей не было: отъправились на балатаны — 1-й день масленицы. Ужъ я ее открывалъ, открывалъ, долго открывалъ, но, наконецъ, открылъ, и одинъ около часу ее разсмотрѣвалъ, въ офортной мастерской, запершись, чтобы кто чужой не напиралъ меня. Первый взглядъ не въ пользу силы. Она показалась мнѣ чуть-чуть легка, и не то, чтобы акварельна, а какъ будто перекоченна. Но это былъ одинъ моментъ. Я объ немъ уююнаю съ свѣдѣніемъ, но во всемъ остальномъ она сразу до такой степени говоритъ ясно, что вы думали и чувствовали, что я думаю и самый моментъ въ природѣ не сказалъ бы ничего больше. Эта, отъ перваго плана, убѣгающая тѣнь, этотъ вѣтерокъ, побѣжавшій по водѣ, эти деревца, еще волнующая послѣдними калыпи дождя, это русло, начинающее заростать, наконецъ, небо, т. е. тучи, туда уходящія, со всею массою воды, обмытая зелень, весенняя зелень, яркая, одиночѣстная, невозможная, варварская для задачи художника, и какъ символъ, не смотря на то, что кажется буря прошла, монограммы взята все-таки безнадежная, — все это вы. Мнѣ, конечно, можетъ быть болѣе понятно, чѣмъ другому, въ этой картинѣ многое, но тамъ остается такая масса для всѣхъ другихъ смертныхъ, что присланнаго достаточно для публики, а конкурентамъ будетъ большая жонина: не прерывать, при семъ удобномъ случаѣ, ругнуть въ душѣ васъ, а другнхъ болѣе тупоумныхъ — пожалуй и грохот. Но это

предположеніе, о которомъ я напишу вамъ, если оно осуществится. Наконецъ, я ее вынесъ и поставилъ рядомъ съ Шинкинымъ; думаю, неся, что она рядомъ будетъ жидка. Но нѣтъ, этого не было. Эта картина разсказала мнѣ больше вашего дневника. Но не думайте, что дневникъ — лишний, вѣдь мы же не станете присылать картину за картиной вѣсто писемъ? Послѣ того, я ее вставилъ въ рамку, и сегодня утромъ ее видѣли Третьяковъ и Григорьевъ. Третьяковъ желаетъ ее оставить за собою, а что касается денегъ и вашего долга, то пусть онъ, т. е. вы, не размышляетъ и успокоится, я буду высылать сколько и когда нужно. Я еще ему не назначалъ цѣны, онъ вамъ объ этомъ напишетъ самъ, да я хотя и уполномоченъ отъ васъ назначить ей цѣну, но боюсь все-таки. Это трудно, голубчикъ мой, ей-Богу трудно: я было думалъ назначить 1,000 руб. въ крайнемъ случаѣ, никакъ не менѣе 800 руб. Это, по моему, самая настоящая цѣна. Ради Бога напишите, какъ вы? Третьяковъ во всякомъ случаѣ желаетъ ее имѣть. Загѣлъ Григорьевъ ничего больше и не говорилъ: «Ахъ, какой Шинкинъ!», «Ахъ, какой Васильевъ!», «Ахъ, какой Васильевъ!», «Ахъ, какой Шинкинъ!» «Дѣтъ первыхъ премій, дѣтъ первыхъ премій, дѣтъ первыхъ премій». Конечно, ничего неизвѣстно, что будетъ и какъ рѣшатъ, но мое мнѣніе, по совѣсти, если власть шари: и ты, и другая. Эти вещи до такой степени разнородны и равносильны, что нѣтъ возможности рѣшить, которая. Еслбы премій были такіе: 1-я — 1,000, а вторая — 900, и я былъ бы въ числѣ обязанныхъ ужъ непременно произнести притворно, то я бы назначилъ: Шинкинъ — 1-й, Васильевъ — 2-й; но такъ какъ расстояние между 1-й и 2-й преміями громадное, то не можетъ быть сомнѣнія, что 1-хъ премій должно быть двѣ. Вещи взаимно исключаютъ одна другую, или взаимно замигаютъ. Большую противоположность трудно себѣ вообразить. Одна — Шинкина, объективная по преимуществу; другая — ваша, субъективная. До сихъ поръ картину видѣли: Савицкій, Ге, Постниковъ и Боткинъ, которые прѣхали и сдѣлали мнѣ честь — посѣтили меня и увидели тутъ наши вещи. Всѣ они отзываются объ картинѣ хорошо рѣшительно.

Покончивши съ вѣщательными, обратимъ къ разсужденіямъ. Прошу не забывать, что мы понимаемъ задачи искусства нѣсколько больше того, чѣмъ довольствуются обыкновенно, и требуемъ, чтобы уровень поднимался, а не то, чтобы была вещь только лучшая изъ того, что всѣмъ дѣлается. И такъ ваша картина, въ томъ на землѣ — безукоризненна, только вода чуть-чуть свѣтла, и небо тоже хорошо, исключая самого верхняго облака, большаго пятна свѣта: въ немъ я не вижу той страшной округлости, которая быть здѣсь должна. По вашей же загѣть, у горизонта нѣтъ особенно небо хорошо. Прпгрокъ лѣвый тоже, деревца мокрыя, дѣйствительно и несомнѣнно мокры. Но что даже изъ ряду вонъ — это свѣтъ на первомъ планѣ.

Просто страшно. И потому эта деликатность и удивительная окончательность, мне кажется, тут именно идет, хотя она ведь идет. Но не смотря на это, желательно бы, чтобы градиция между свѣтлом и полутонами, особенно направо и лѣво от воды, была бы для глаза чувствительнѣе. Это прямое слѣдствіе условій, при которыхъ вы писали. Отодвинуть далеко, вѣроятно, было нельзя. Въ общемъ, вещь, не смотря на все мною сказанное, пожалуй лучше «Зимы»^{*)}, даже рѣшительно лучше. Это и говорили уже. Я только слушаю и не вмешиваюсь. Но чтѣ нужно непремѣнно удерживать въ будущихъ вашихъ работахъ—это окончательность, которая въ этой вещи есть, то есть та окончательность, которая безъ сухости даетъ возможность не только узнавать предметъ безошибочно, но и наслаждаться красотой предмета. Эта трапа на первомъ планѣ и эта тѣнь—такого рода, что я не знаю ни одного произведенія русскаго школы, гдѣ бы такъ обворожительно это было сработано. И потому счастливымъ, какой-то фантастическій свѣтъ, совершенно особенный, и въ то же время такой натуральный, что я не могу оторвать глазъ. Замѣчаете ли вы, какъ я стараюсь добросовѣстно исполнить вашу просьбу, опредѣлить недостатки вашей картины, и самою всякой разъ на хвалебный гимнъ. Если ужъ вамъ непремѣнно хочется отыскать въ своей картинѣ недостатки крупные, то вообразите, что вамъ объ нихъ говоритъ человѣкъ къ вамъ пристрастный и любящій. Но якрому не забывать, что настоящее сочувствіе не бываетъ слѣпо. И такъ далѣе, решение можете найти въ прописяхъ.

Теперь опишу вамъ картину Шишкина. Вотъ она какъ расположена^{**)}: величюю она вѣситъ четыре вашихъ на своей плоскости—почти. Лѣсъ глухой и ручей съ желѣзистой, темно-желтой водой, въ которомъ видно все дно, устланное камнями. На лѣвой сторонѣ—большая, упорющаяся въ руну сосна, бережка—и за ними глущь. Внизу подъ ними—жоруга, мхи и напоротники. Направо, по пригорку, соеомый лѣсъ, уходящій влѣво. Подъ соснами, на пригоркѣ, два медвѣдя, одинъ очень умилно поглядываетъ на улей, привязанный къ дереву, на благородную дистанцію, другой охаживаетъ около—это выражено. Направо на пригоркѣ—сломякое дерево, съ вывороченнымъ корнемъ. Все освѣщено солнцемъ. Правый берегъ—осыпаный сосокъ съ камнями, опутанными корнями. Голубое небо съ близкими легкими облачками. Картина имѣетъ чрезвычайно живительный видъ: здоровья, крѣпкая и даже колоритная. Всего лучше вода и вся правая сторона, и чтѣ удивительно—небо действительно свѣтлое и легкое небо. Словомъ, картина хорошая и производитъ впечатлѣніе здоровья. Но, какъ

всегда, скорѣе болѣе рисунокъ, чѣмъ живопись. Лучшей вещи онъ не писалъ. Но вотъ горе: заболѣлъ и, кажется, тифомъ. Въ субботу еще работалъ, сидѣлъ долго вечеромъ и ушелъ съ Иконниковымъ, а на утро въ воскресенье ириходятъ ко мнѣ отъ него и говорятъ: «Пожалуйте, Н. И. бредить, что-то съ нимъ нехорошее». Онъ не зналъ о томъ, что вы прислали картину, и не знаетъ еще и до сихъ поръ, все такъ лежить. Сегодня я его видѣлъ; впрочемъ, ему лучше было, но къ ночи слышалъ, что опять хуже. И такъ, вотъ вамъ отчетъ мой, отиѣчайте о цѣнѣ. Вотъ какими образомъ складываются обстоятельства. Дѣя картины, къ которымъ нельзя подходить съ критикой—вещь невозможная, и мнѣ чрезвычайно интересно, какъ жюри выпутается изъ этого.

Изъ представленныхъ другихъ картинъ недурна Волкова. Жанровъ хорошихъ нѣтъ, лучшая—Маковского Константина: «Обѣдъ во время жатвы».

Теперь вы спросите, что-жъ я сдѣлаю съ картиной вашей, которую вы приказали не ставить, если я увижу, что премію вы не возьмете, и говорите, чтобы я распорядился по своему усмотрѣнію. И я, чувствуя всю серьезность вопроса, всю ответственность, которая на мнѣ лежитъ, не смотря на вещь Шишкина, все-таки вамъ поставлю. Завтра она будетъ тамъ. И какъ себѣ Общество хочетъ, а оно должно будетъ убѣдиться, что нѣтъ другого выхода, какъ сдѣлать двѣ первыхъ преміи—иначе невозможно. Что-жъ дѣлать, если Шишкинъ, наконецъ, озлившись, выдвинулъ действительно цѣный лѣсъ, внушающихъ разбирокъ? Что-жъ дѣлать, если Васильевъ пропѣлъ действительно превосходно про непогоду, случившуюся раннеею весною? Голубчикъ мой, это не слова—я такъ думаю. Не поручали бы мнѣ. Будьте здоровы, дорогой мой, до свиданья.

И. Крамской.

Если хотите, я самъ буду вести съ Третьяковымъ о цѣнѣ переговоры, а лучше, еслибы вы меньше назначенной мною суммы ни за что не уступали. Она за это продается здѣсь.

XXXVI. Къ П. М. Третьякову.

1-го марта 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На третій день нашего отъѣзда я узналъ отъ Иконникова, что Васильевъ не думаетъ отдать свою картину дешево, и такъ какъ онъ меня самъ уполномочилъ назначить цѣну, я же могъ ошибиться жестоко, то и рѣшился ему телеграфировать, и, узнавъ цѣну, сообщить вамъ немедленно, чтобы не пропустить времени для продажи, въ случаѣ, еслибы вамъ неудобно было оставить ее во всякомъ случаѣ за собою. Одновременно съ вашимъ письмомъ о Шишкинѣ я получилъ отвѣтъ на телеграмму, въ которомъ онъ объявляетъ цѣну 1,000 р.

^{*)} Картина Васильева.

^{**)} Рисунокъ въ текстѣ.

Картина Шишкина, когда будет кончена, будет стоить 1,500 рублей. Здоровье его в настоящее время немножко лучше, и, как говорит доктор, пошло къ выздоровленію. У него сдѣлался тифъ, осложнившійся, на пятый день болѣзни, воспаленіемъ легкихъ, самой острой и злой формы; но, какъ онъ говоритъ, оно оставляетъ не такія пагубныя послѣдствія, какъ воспаленіе легкихъ болѣе медленное. Лечение и болѣзнь, сколько мнѣ кажется, идутъ правильно.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью нѣмю честь быть глубоко уважающимъ васъ
И. Крамской.

XXXVII. Къ нему же.

8-го марта 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Слѣжу увидѣнить васъ, что на выставкѣ, пока, особеннаго нѣтъ ничего. Выставка открывается только 10-го или 11-го числа, такъ что, можетъ быть, что-либо еще появится. Изъ того же, что есть теперь, замѣтны этюдъ этнографическій, русской женщины въ костюмѣ, Сѣдова, въ $\frac{1}{2}$ натуры, во весь ростъ, и потомъ три талантливѣйшія статуэтки изъ воску, Токарева, кажется, если не переслалъ фамилію (онъ московскій музыкантъ), изображающія еврея. Одинъ замѣчательный, хотя и не особенно, пейзажъ шведскаго художника, до котораго вамъ, можетъ быть, нѣтъ и дѣла. Вотъ и все пока. Здоровье Ивана Ивановича поправляется: онъ уже встаетъ. Что же касается приобритенія вами его пейзажа, то я ему читалъ присланныя вами оба письма, и онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что все это такъ и быть должно, и что вы увидите его почтеніемъ. Можно было бы, пожалуй, упомянуть о двухъ картинахъ, даже трехъ, Маковского, К. Е.: «Похороны крестьянскія», Корзухина — «Кадетъ передъ отпращиваніемъ въ корпусъ», и Журавлева — «Вѣтреная жена». Но я ими не особенно тронутъ, и потому за нихъ не стою, хотя отдаю полную справедливость достоинствамъ. Извините за невольнительно дурное письмо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью остаюсь глубоко уважающимъ васъ
И. Крамской.

XXXVIII. Къ нему же.

10-го апрѣля 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Г. Анненковъ видѣлъ портретъ Кольцова въ самомъ безобразномъ видѣ. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы

ослабить силу его замѣчаній, которыя всѣ я принимаю съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что это совпадало съ моими намѣреніями. Особенныхъ «только» я не замѣтилъ, и исправленіе ихъ не можетъ меня особенно затруднить, а только доведу до вашего свѣдѣнія, чтобы вамъ не показалось удивительнымъ такое количество замѣчаній. Прощу васъ извинить меня, что я не тотчасъ отвѣчаю вамъ — занятъ былъ упаковкою и отправкою картинъ. И. И. Шишкинъ, какъ вы увидите, сдѣлалъ въ своей картинѣ много даже перемены, — и всѣ къ лучшему, по моему мнѣнію. Впрочемъ, вы увидите сами. Сколько я могу судить, картина его — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній русской школы. Въ своей картинѣ «Найская ночь» я тоже кое-что промѣнилъ, и, кажется, не испортилъ. Напримѣръ, воду на первомъ планѣ всю сдѣлалъ темнѣе, мерный плакъ съ правой стороны промѣнилъ, бугорокъ водъ лодкой, надъ нимъ, перемѣнилъ, гору съ тополями кончилъ, деревья около дому измѣнилъ нѣсколько, и въ тонахъ и въ формѣ, и наконецъ другой берегъ облегчилъ въ тонахъ, и даже пришлось пройтись небо. Словомъ, промѣнилъ всю картину. Въ настоящее время она пожелала странно, но Гр. Гр. Мясоедовъ обидѣлся ее покрытъ бѣлкомъ основательно. Кромѣ этихъ новостей, есть еще картина интересная, — «Пашня» барона Кюдта. Портретъ Кольцова я не посылаю теперь, а только на Фопиной, потому, что на праздникахъ здѣсь будетъ Тургеневъ, котораго хотѣлъ привести Анненковъ. Замѣтъ, поручая вашему вниманію наши труды, желаю вамъ встрѣтить праздникъ радостно и счастливо.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью нѣмю честь быть всегда готовымъ къ услугамъ, уважающей васъ
И. Крамской.

XXXIX. Къ О. А. Васильеву.

С. Петерб., 15-го марта 1872 г.

Добрый мой Федоръ Александровичъ. Не знаю, какое у меня письмо выйдетъ, т. е. не то, что какое выйдетъ, а какъ мнѣ сдѣлать, чтобы вы правильно поняли. Видѣ у меня иногда чортъ знаетъ какъ языкъ замалываетъ и логика чудна: но вѣдь, кромѣ письма, нѣтъ другого средства, стало быть будетъ усиливаться: я — правильно выражаться, вы — правильно понять. И такъ, вы получили 2-ю премію, Шишкинъ — 1-ю. Впрочемъ, это нѣвѣстѣ долетитъ къ вамъ скорѣе моего письма, такъ какъ время поѣхала уже съ докторомъ Боткинскимъ, который отправился въ Крымъ съ большой Императрицей. Но не это суть, и я знаю, что и вамъ не это главное, а будущее — судьба вашихъ картинъ, и послѣдней, присланной вами. Какое она произвела впечатлѣніе вообще? Я вамъ обѣщалъ написать, что объ ней говорить, и напишу. Восторженныхъ, нормальныхъ восклицаній я не

общие не слыхалъ (вотъ вамъ!). Скорѣе на лицахъ, на которыхъ черты горюхъ жолотятъ, было какое-то недоумѣніе, какъ имъ отнестись къ явленію? Они съ комическимъ безпокойствомъ приставали ко всякому, и просили разъяснить, что дескать сіе? Ни одной стороны традиціонной въ картинѣ нѣтъ, ни одного патентованнаго эффекта, т. е. такого, о которомъ всѣ мнѣнія согласны, и что могли утверждать чего-то. Вещь хороша, конечно, если въ ней есть то-то и то-то, а тутъ—картина сѣренькая, почти туманная, что-то какъ будто скучное. Чортъ его знаетъ, поди разбирай. Нѣкоторые находили, что все-таки это не то, что «Зима», однако-жъ при этомъ такъ выходило, что Васильевъ не сдѣлалъ шага и назадъ. Словомъ, конечно съ началомъ не сходились, а тѣмъ согласиться, что такое положеніе прочности мнѣнія не способствовало. Для всѣхъ было несомнѣнно, что когда поставили немцы ваши, т. е. вашу и Шинкина, то времени опредѣлилась, и опредѣлилась до такой степени, что между этими двумя немцами и другими присланными на конкурсъ не было даже никакого перехода—точно пропасть, и точно только двѣ вещи и явилась. Только немногіе, простые и не заинтересованные въ этой полемикѣ люди, люди съ чувствомъ, умомъ и художественнымъ развитіемъ, выражали неспиритовное удовольствіе; а нѣкоторые художники только руками разводили и говорили приблизительно слѣдующее: прошлогодняя «Зима» породила уже новыхъ зимнихъ пейзажистовъ, на ту же тему, а эта вещь окончательно събьетъ ихъ съ толку. Этому ужъ и подражать нельзя, нельзя и подозрѣвать о существованіи такого пейзажа, не имѣя дара Божьяго.

Словомъ, на новой дорогѣ всегда мало пробѣжишь, хотя бы она была и кратчайшая, и пройти не мало времени, пока всѣ убѣдятся, что именно эта дорога уже давно была необходима. Это то, что говорить. Я вообще мало и неохотно объ вашей вещи говорю, потому что я не видѣлъ необходимости ее защищать: она сама за себя говоритъ, и потому была спокойна. Съ тѣхъ поръ, какъ я ее получилъ, прошло три недѣли, я ее уже знаю, и мнѣніе мое первоначальное ни на волосъ не измѣнилось, а въ томъ возрастѣ, въ которомъ я нахожусь, какъ-то мнѣнія не очень уступаютъ вышнѣмъ давлѣніямъ. Объ своей вещи еще я могу сегодня подуматъ одно, а завтра другое, но чужія для меня то же, что книга: прочелъ и понялъ или не понялъ, а ужъ заключеніе выносится въ опредѣленной формѣ. Не могу только не выразить своего сожалѣнія о той глупости, съ которою составляются жюри: 1-я—1000 руб., а 2-я осталась 200 р. Это такое невозможное разстояніе, что въ данномъ случаѣ это было настолько очевидно, что нѣкоторые, чтобы избѣжать козняка, предлагали преміи раздѣлять жюламп. Я не былъ въ числѣ жюри и не знаю подлинно, какъ это происходило, но что это происходило—это вѣрно. Я сожалѣю теперь, что не

писалъ вамъ въ прошломъ письмѣ о словахъ Григоровича, что первыхъ премій двѣ. Я ему и повѣрилъ. Еще урокъ мнѣ въ томъ, что не слѣдуетъ говорить обо всемъ, что болтаютъ, если это можетъ производить какое-либо неожиданное и несправедливое впечатлѣніе. Мнѣ бы слѣдовало воздержаться. Напрасно вы думаете, что я въ письмѣ или на словахъ способенъ вамъ золотить вилы. Вы требуете моего откровеннаго мнѣнія, и я его сказалъ бы ясно и прямо, что наша вещь сравнительно съ Шинкинымъ—слабая, если бы она была слабая. Повторю, приготовить васъ я не сталъ бы. Вамъ не то пужно. Вамъ нужно знать правду, какъ доктору, чтобы знать, что вамъ дѣлать. Я даже такъ поступилъ бы и въ томъ случаѣ, если бы вы ко мнѣ и не обратились. Мнѣ слишкомъ дорого ваше будущее, чтобы дѣлать вамъ (даже съ добрыми наміреніями) затрудненія его достигнуть. Но что касается картинъ Шинкина, то это действительно замѣчательная вещь, вещь рѣдкая во всей русской школѣ. Судите же, что это такое и кто съ вами конкурировать. Но чортъ знаетъ, выходитъ и въ самомъ дѣлѣ, что я какъ будто уступаю. Вроситъ это, дорогой мой, а поговоримъ лучше о другомъ. Третьякову я назначилъ 1000 руб. за вашу картину, и онъ согласенъ. Краски вышли немедленно, только не знаю, тѣ ли немцы, какихъ нужно вамъ. Постараюсь взять побольше.

Въ Академіи выставка, какъ всегда, заурадная. Есть и хорошія вещи, но мало, много посредственнаго, а ужъ плохого и не приведи Богъ какой урожай. Савицкій все въздыхаетъ о своемъ неукротѣствѣ, что не пишетъ вамъ. Но рѣшительно собирается. Рѣшилъ гдѣ-то и что-то, но я его не вижу. Говорятъ, женился. Макаровъ написалъ два портрета дѣтскихъ очень хорошихъ, краски прекрасныя, и что удивительно—хорошо нарисованы. Просто—благодарю, не ожидалъ! Н. Н. Гѣ писать повтореніе своей картины для Государя, а я... я... не знаю, что я дѣлаю, стыдъ и срамъ. Зима вотъ миновала, а я былъ бѣдливъ, скучно и тяжело, тяжело и скучно. Впрочемъ, началъ «Христа». Чужое дѣло, а страшно за такой сюжетъ приниматься. Не знаю, что будетъ.

Если можно, вышлите мнѣ фотографіи Чуфутъ-кале, что есть у Рильскаго, если есть Рильскій въ Ялтѣ вообще, помните, изъ той коллекціи, которую мы съ вами рассматривали. Въ ножки поклонюсь. Что касается начатыхъ вами картинъ, то съ Богомъ, впередъ! рѣшительно впередъ! Намъ нельзя и некогда оглядываться. Работы на сто человѣкъ, а рабочихъ силъ пять-шесть всего-на-всего. Вѣдь и до станціи не Богъ вѣсть какъ далеко, а тамъ насъ съѣдятъ сѣткія силы. Но пока съѣдятъ, а дѣла у насъ на плечахъ. Впрочемъ, что-жъ это я, кому говорю, точно равному... Не забудьте, у васъ будущаго больше моего на цѣлую станцію, а можетъ быть и больше, а ужъ нѣтъ больше одной упряжки не сдѣлать, это вѣрно—

а все-таки вперед! Чертежк вашей «Волны» живо наломали мои уши настоящего моря. А хорошо бы, еслибы оно зашумело и въ самом дѣлѣ, такъ хорошо и страшно, какъ то, вотъ, катится, катится... безконечно. Вы помните, въ меня Крым не произвелъ того впечатлѣнія, какое бы вы хотѣли, но полно... это хорошо, музыкально какъ-то. Нѣтъ, впрочемъ, это не совсѣмъ музыка, а какое-то чудовище, живое, ясное, да, и правда, свѣтъ отсюда изъ картины, только чудовище большое-большое, даже больше, чѣмъ всякая картина. И такъ, чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Часто, очень часто, я вижу на яву ветеръ, берегъ моря, и волны, волны, и волны...

Однако-жь, такъ писать непростительно, — не къ лицу; будемъ говорить степенно. Миѣ нравится, что вы взяли этотъ мотивъ, онъ имѣетъ въ себѣ внушительную степенность, и линия хорошая; такъ просто и хорошо, давай Богъ. Праздникъ будетъ у меня, когда свидимся. Знаете чѣмъ, кончу я письмо, лучше кончу, не могу писать, чортъ знаетъ что такое: пусть лучше останется чистая бумага, добавляйте, что вы хотите, все будетъ хорошо, нового не будетъ. Будьте здоровы! Ничего не нужно лучше этого. Прощайте.

И. Красной.

XI. Къ нему же.

Сиб. 20-го апрѣля 1872 г.

Добрый мой Федоръ Александровичъ. Вотъ какъ бынѣтъ, и я западаю съ письмами! Но случилось такъ, что, получивши ваше письмо, я долго былъ въ недоумѣніи и довольно тяжелою раздумью, что дѣлать, какъ писать, и съ которой стороны подойти къ Григоровичу, чтобы накричать его и узнать то, что есть накучаго въ его дѣйствіяхъ. Былъ у него — не засталъ, собирався снѣтъ къ нему, и вдругъ онъ является ко мнѣ самъ. Ладно, думаю. Ну, говоримъ, — думаю, зачѣмъ онъ? И уже собрался повести атаку, какъ онъ заговорилъ о своемъ удивленіи по поводу вашего письма къ нему; но въ чемъ дѣло — ходитъ вокругъ, да около, а что именно ему нужно, не говоритъ. Я знаю Григоровича съ одной стороны, съ которой вы, быть можетъ, его не знаете. Знаете ли вы, что его глубоко можно обидѣть, обидѣть до того, что онъ станетъ врагомъ, врагомъ тѣмъ болѣе опаснымъ, что все въ немъ остается то же, онъ такъ же говоритъ со слезами на глазахъ, какъ и прежде, такъ же, какъ заведенная машина, вертитъ колеса и трещитъ фразами, во время отъ времени есть фразы, окрашенныя злобными цвѣтами, и вы чувствуете только, что есть нѣчто, что крѣпко и упрugo сидитъ въ немъ и начинаетъ вылетаться во все его дѣйствія, къ вамъ относящіяся. Это нѣчто состоитъ въ томъ, что относительно насъ

онъ какъ будто долженъ еще съ кѣмъ-то совѣтоваться, на кого-то взглянуть, съ кѣмъ-то переговорить. Судьбы нашими не онъ одинъ распоряжается. Картину вашу вы прислали черезъ меня — ему обидя; Третьяковъ ее купилъ не черезъ него — ему обидя; считаете вы нужнымъ картину приберечь и не высылать изъ, до окончанія, въ Общество — ему обидя, тѣмъ горшая, что эта послѣдняя мысль, онъ подозреваетъ, какъ кѣмъ-то внушена; что не будь кого-то, вы бы сами не выдумали такой революціонной мысли, и т. д. Это вѣрно. Хорошо ли, худо я сдѣлалъ, но сдѣлалъ такъ, какъ могъ и считалъ приличнымъ. Я ему сказалъ, что получилъ отъ васъ тоже письмо и что хотѣлъ видѣться съ нимъ, чтобы посоветоваться, изъять да и прочесть изъ вашего письма странничку о вашемъ недоумѣніи: зачѣмъ это вы ему совѣтуете поговорить о своей поездкѣ за границу съ великимъ княземъ. Нужно было видѣть и слышать, какъ онъ божился и клялся, что ничего подобнаго онъ къ вамъ не писалъ и не совѣтовалъ, что, напротивъ, именно не нужно ничего брать отъ Академіи; ну, словомъ, я ничего не поинялъ во всей этой кутерьмѣ. Такъ и оставилъ это дѣло. Послѣ того, онъ повѣдалъ свое горестное положеніе, что вы не обѣщаете высылать картину въ Общество до окончанія нѣсколькихъ разгов. и хотѣлъ, что вы ему при этомъ прибавили: «Это секретъ». «Такъ — говоритъ — и подчеркнул. Что же это такое? Неужто вы не увидѣли что-то на его снѣ пороха, такъ какъ онъ говоритъ, что всѣ вещи надѣются распродать тамъ, въ Крыму, и частію въ Москвѣ; а между тѣмъ вѣдь нужно же свести счеты, все бы-таки хоть двѣ картины слѣдовало бы дать намъ, чтобы я могъ передъ Обществомъ унраться на факты. Конечно, вы себя, господа, независимо и вѣчно поставили. Что-жь, ему покажу и хорошо помѣстить свои вещи на передвижную выставку... Я подумалъ, чортъ знаетъ, кто ему это бухнулъ? И, наконецъ, не написали ли вы ему сами, что хотѣте дѣлать отдѣльную выставку и не пробуетъ ли онъ меня, чтобы я проговорился. Но такъ какъ вы мнѣ это писали подъ особымъ секретомъ и со мною совѣтовались, и при томъ Яковъ Михайловичъ^{*)}, когда прѣѣхалъ, говорилъ то же самое, и тоже по секрету, то я и удержался, не выводя изъ его изъ заблужденія, если онъ не знаетъ вашего намеренія; и, пропуская мимо ушей это, говорю ему: «Дмитрій Васильевичъ, мнѣ кажется, что дѣло это такого рода, что слѣдуетъ О. А. Васильеву поставить на видъ, ясно, что такъ какъ онъ долженъ Обществу, и такъ какъ Общество не можетъ больше ждать долговъ, то Васильевъ и обязанъ уплатить: вѣдь Федоръ Александровичъ, я думаю, удивленъ не будетъ, что кредиторы требуютъ съ него долгъ и, сколько я его знаю, онъ, разумеется, долженъ будетъ представитъ для уплаты вамъ картины. Я не допускаю

*) Иконниковъ.

мысли, чтобы онъ обидѣлся, если вы ему прямо это напишете: вѣдь это дѣло денежное...» — «Нельзя, мой другъ, нельзя, вѣдь не могу же я такъ писать, я вѣдь его знаю, я и то теперь уикъ не знаю, какъ ему писать, и когда пишу, то десять разъ каждую фразу обдумаю прежде, какъ бы смягчить, и не задѣть. Вѣдь онъ кинучий. Самолюбие, батюшка, самолюбие, я понимаю. Нѣтъ, нельзя...» — «Накрасно, говорю: по моему, надо сказать прямо, онъ не мальчикъ, — боюсь, чтобы какънибудь не вышло недоразумѣній...» Словомъ, я такъ ничего и не написалъ. Изложилъ вамъ для того все это, что такъ какъ вы писали мему и мнѣ, и знаете, что писали намъ обоимъ, то, можете быть, вамъ это будетъ яснѣе. Сколько мнѣ кажется, въ Обществѣ и въ самомъ дѣлѣ и которые думаютъ: зачѣмъ ему еще давать, когда онъ такъ блестятельно продаетъ свои вещи? Это объясненіе для меня нисѣтъ правдоподобіе, а впрочемъ, портъ ихъ такъ знаетъ. Ей-Богу, я, голубчикъ, тутъ ничего не могу и сдѣлать. Что же касается г. Трегьякова, то рекомендую вамъ послать ему вѣстку цидулочку, въ которой вы такъ и скажите, какъ и въ письмѣ ко мнѣ. Онъ долженъ знать, что цѣна картинъ не можетъ быть одна, когда вы въ Крыму, а другая, когда вы въ Петербургѣ, и что все равно, здоровы вы или больны. Съ нимъ это будетъ хорошо. Можетъ быть, ему это нужно сказать нѣсколько мягче, но что слѣдуетъ выразить несомнѣнное удивленіе къ его словамъ — это вѣрно. Видите, онъ тоже какъ будто обижень, что не то онъ вамъ помогаетъ, не то Общество. Чортъ ихъ знаетъ, что у нихъ такое. Еще Трегьяковъ, какъ частный человѣкъ, можетъ сказать: «Идразу моему не прегатстуй», но Обществу — неприлично. Эдакая гадость, съ какими вамъ казусами приходится вѣтаться въ то время, когда надо тишину и спокойствіе. Теперь о другомъ — относительно Академіи, — т. е. званія вашего и диплома, все будетъ сдѣлаемо, какъ вы говорили. 27 или 29 апрѣля будетъ совѣтъ, и тогда извѣщу. Но впередъ успокойтесь: мнѣ обѣщали сдѣлать, какъ я просилъ. Дорогой мой, письмо это такое глупое, что я не хочу здѣсь больше ничего писать, а для черезъ три напишу какое слѣдуетъ.

Вамъ весь И. Красной.

XLII. Къ О. А. Васильеву.

Сиб., 25-го апрѣля 1872 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Хвостикъ про Григоровича. Онъ васъ не понимаетъ. Вразумите его. Часто въ каинихъ письмахъ онъ видитъ совсѣмъ не то, что нужно. Ему нужно коротко, но ясно, каждую вещь своимъ именемъ — иначе онъ расползается. Онъ, наприимѣръ, понялъ, что вы сейчасъ, теперь, хотите ѣхать на Востокъ, и оттого въ ужасѣ. Я, какъ

могъ, его успокоилъ, сказалъ ему, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, поѣздка эта состоится не раньше будущей зимы, слѣдовательно подробности ея вырабатываются еще, и наконецъ вы будете сами здѣсь, и тогда онъ будетъ имѣть удовольствіе выслушать отъ васъ приказанія. «А до того времени высылайте ему по 100 руб., если можно, ежемѣсячно, и конечно дѣло». Встрѣтилъ Искена и, между прочимъ, сказалъ ему, что вы какъ будто стѣсняете начать дѣлать переѣзды въ картинѣ для великаго князя, такъ какъ онъ начало уже видѣлъ. На это онъ говоритъ, что смѣло можете творить судъ и расправу надъ небомъ и землею, и, какъ Господь Богъ, мѣнять все какъ нужно. Нужно отодвинуть гору — отодвиньте, мѣняется море — сдѣлайте стужу, словомъ можете насадить сколовницы, или теріе — все равно, лишь бы хорошо было. Краски посланы, и думаю, что человѣку, обладающему такимъ аппетитомъ, ничего не значить скушать 40 пудырыковъ бѣлильи, и черезъ недѣлю потребовать еще столько же, и хотъ я могу, подождавъ, придти въ ужасъ отъ вашей прожорливости, но, ограбивши магазинъ Сухоровскаго, можно для нашего удовольствія опустошить Ветрова, и послѣ того уже въ крайнемъ случаѣ лишнить торговлю Аванцо. И такъ, во славу Божію, ваяйте! Конечно, моихъ капиталовъ можетъ не хватить при такомъ опустошеніи, ну, тогда я буду рекомендовать вамъ обратиться къ другому болѣе меня вѣтренному человѣку. Вы знаете, что такъ у насъ какой-то удивительный воздухъ; я на это могъ бы сказать многое, но на первый разъ ограничусь пока тѣмъ, что доложу вамъ, что Петербургъ удираетъ какія-то невозможныя петуки. Наприимѣръ, передъ праздникомъ и на праздникахъ здѣсь было 15, 17 и 19° въ тѣни. Каково! Вотъ вамъ. Ну, когда это выдано? Это въ половникъ-то апрѣль! И теперь просто прелесть; но такъ какъ въ Крымъ, вѣроятно, по вашимъ извѣстіямъ будетъ еще прогрессивнѣе, то я и уложу. Желаю вамъ изжариться. На второй день праздника, въ ночь, здѣсь была покаръ, — горѣли балаганы: сгорѣлъ безстыдникъ Бергъ, звѣриные, кинопромы, карусели и прочія безобразія — не всѣ впрочемъ, чему и сокрушались очень. Мы съ Саванчикъ ходили смотреть. Жарко было, и хорошо, что было тихо — могло бы кончиться плохо. Оно и теперь мекоромо: въ прикуственныхныхъ мѣстахъ, на углу Гороховой и по другую сторону той же улицы, полопались стекла, сгорѣли рамы, и во всѣхъ этажахъ поврежденія очень существенныя. Несмотря на это, чрезъ день вложадь была уже опять застроена и публика, какъ ни въ чемъ не бывало, вкушала удовольствія — даже подло сматрѣть. Выль у меня какъ-то недавно братъ Карла Васильевича Искена — Василій Васильевичъ, принесъ поклонъ, и при сей вѣрной оказіи поняли вамъ косточки, о чемъ и довожу до вашего свѣдѣнія. Забываете ли вы, что мое письмо становится похоже на тѣ письма, въ которыхъ обыкновенно говорится: жить и здоровъ, чего

и вамъ желаю, у насъ отелилась корова, яблоки въ саду распускаются, Марія Ивановна опять принесла двойни, а дѣдушка приказалъ долго жить, и все въ этомъ родѣ. А отчего это, какъ вы думаете? Трудно угадать, но возможно, только не вамъ, конечно. Разумѣется, меня можете терзать угрызѣніе совѣсти, что я отъѣзжаю на двѣнадцать чортъ знаетъ тѣмъ, но въдѣ я вамъ въ этомъ не сознаюсь, конечно, слѣдовательно вы безъ моей помощи пропали. Потому, я могу привести въ свое оправданіе, что дѣла у насъ много, никакъ не могу собраться: третьяго дня былъ недоразумѣ, а завтра, вѣроятно, кто нибудь поѣмѣетъ, и такъ дальше до безконечности... И разгониство подлецъ пишетъ! Какъ прежде, бывало, дѣлалъ строчка на строчку, а теперь, смотри, будетъ радъ, когда докажется до конца: раньше не останавливался — это вѣрно, потому что вы можете подумать, что нѣтъ какой, дѣлится, забывается уже меня, слабымъ я вздумалъ вотъ на этомъ мѣстѣ подписать свою фамилию. Конечно, пустое мѣсто смотритъ нѣсколько укоризненно; но въдѣ, что будетъ дѣлать — весна! Петербургъ, какъ вамъ извѣстно, становится въ это время свѣтлый, и ночью лампа не зажигаютъ почти совсѣмъ. Ну, а какой порядочный человѣкъ станетъ тратить долгое время на письма, и васъ спрашиваю? А мѣсто все еще остается, но остается его такъ мало, что дѣла не выѣстипи, а бездѣлья и такъ много; взять другой листъ — значить наклеить 2 марки, а затѣмъ, снамѣте ради Бога? Оставаться въ естественныхъ границахъ, бумажнымъ фабрикантомъ отведенныхъ, только не хотѣлось бы — нарушенію принципа свободы; и такъ до конца баланспире между Сциллой и Харибдой. Какого выводу періоды, хоть въ печать. Не уступаю и вамъ въ болтовнѣ. Вотъ единственная разниа: у васъ въ письмѣхъ что-то о будущемъ искусствѣ, хорошо что-то сказано, да нѣсколько строкъ траурныхъ относительно Евгѣнія Ивановича *) (бѣдная, что съ ней?). Траурныхъ извѣстій съ моей стороны, слава Богу, нѣтъ, а объ искусствѣ мы толковали такъ много, что можно отложить до другого раза, хотя на выставкѣ показались нѣкоторые новые вещи, но... какъ бы вамъ сказать — не трогають, а потому лучше, что я могу теперь сдѣлать, — это помолвиться вашей мамашѣ, Роману **) желаю потолстѣть, а вамъ сказать спасибо за косоглазыхъ братьевъ вашихъ. Дописалъ, наконецъ.

И. Кранской.

XLIII. Къ П. М. Третьякову.

25-го апрѣля 1872 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картина Васильева, вѣроятно, уже отпавлена къ вамъ; Дмитрій Васильевичъ еще здѣсь, а Тургеневъ.

*) Мать О. А. Васильева.

**) Младшій Васильевъ.

вѣроятно, не вѣрѣхалъ еще, но крайней мѣрѣ, я не слышалъ. Портретъ Кольцова все еще работаю. Николай Николаевичъ то не поѣдетъ теперь, его удерживаетъ копия, которую нужно сдать Его Величеству чрезъ Академію. Изъ Петербурга онъ поѣдетъ уже совсѣмъ въ первыхъ числахъ іюня, вотъ почему онъ не былъ и у васъ. Что же касается моего приѣзда въ Москву, то, какъ видите, онъ все откладывается, хотя я этой идеей еще не покинулъ. Надо полагать, что это состоится въ первыхъ числахъ мая: очень ужъ хочется командъ соченновъ москвичей, до той же поры низко кланяюсь Василію Григорьевичу (Перову) и прочимъ. Очень радъ, что пейзажи Шиникина оправдываютъ мои отзывы и «Паняна» барона Клодта вамъ нравятся.

Съ истинными почтеніемъ и совершенною преданностію пишу честь быть всегда готовымъ къ услугамъ
И. Кранской.

XLIII. Къ О. А. Васильеву.

Усадьба Спарской (станція Серебрянка). 1872 5-го іюля.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Пишу къ вамъ, окончательно выпудренный вами за мою несправность, но, къ счастію, развѣ есть съ моей стороны несправность, когда я часто — всегда — только и думаю: нужно ему, моему милому мальчику, вотъ это написать, вотъ это, и то, и вотъ это, а между тѣмъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ не писалъ, дождался двухъ писемъ отъ васъ, и не писалъ, развѣ это несправность? — Это подлость! и не сантиментамъ со мной слѣдуетъ разводить вамъ, а просто потянуть къ митровому... Но шутки въ сторону: ей-Богу это гнусно, просто ни на что не похоже. Одно есть облегченіе для меня: все, что вы пишете, такое великое угрызѣніе совѣсти во мнѣ возбуждаетъ, что вы можете быть довольны. Что я не писалъ просто — это я выше называлъ, что это такое, но что не извѣстить васъ объ академическомъ присужденіи — это такая скверность, что уны я и не знаю, какъ это обозвать. Я разскажу вамъ, какъ это случилось. Когда вамъ дали класснаго художника 1-й степени — я думаю, нужно ему написать. Нецѣлѣвъ говорить: я ему пишу и поправляю, Шиникинъ говорить: надо его извѣстить, Волковскій говорить: я ему напишу. Словомъ, со всѣхъ сторонъ только и нишуть... Но никто вамъ конечно не могъ написать относительно отчества, потому что это, кромѣ меня и Исыева, никто не знаетъ. Еще раньше гораздо я вамъ писалъ, какъ я это сдѣлалъ, и Исыевъ сказалъ, что мы его назовемъ такъ, такъ онъ самъ себя называетъ, если онъ не представитъ метрическаго свидѣтельства *). Ну, и къ Волков-

*) О. А. Васильевъ былъ незаконнорожденный.

скому, говорю: так и так, скорый подавайте прошение и расказал, что и как нужно. Я думаю, что вы сдвинули ошибку, давни ему доверенность, чрез что не могло быть ничего вышательства, и он чуть-чуть не пропустил, а вамъ объ этомъ писать. Но все равно, сдвину так, что ничего не тронуть, чего трогать не слѣдуетъ, и вы названы какъ сами называете себя, а потому можете успокоиться. Когда же я изъ вашего письма увидалъ, что вы ничего не знаете, то я, признаюсь, пришелъ въ ужасъ: какъ могло случиться, что вы ничего не знаете, когда со всѣхъ сторонъ было навлечено чуть не любить васъ. Я, признаюсь вамъ, быть невозможно утѣшить и полагать: ну, пусть они ему напишутъ. Я ждоджу, тѣмъ болѣе, что я въ то время былъ немного расстроенъ—разная превращенія съ близкими знакомыми совершались, съ Гё и прочими;—ну да когда нибудь рас-скажу. Дѣло не важное... потомъ отираался на дачу семью, потомъ по-скорѣе оканчивалъ одинъ портретъ, чтобы ѣхать въ Москву. Въ это-то время я получилъ отъ васъ письмечко—экспромтъ: о черепныхъ и Черномъ морѣ, о глубокомъ горизонтѣ, и вдругъ въ замоченіе была выдана другая картина и затянулась пѣсня о Волгѣ... ну, прелесть! Я перечитывалъ его и, признаюсь, не утерпѣлъ, чтобы не прочесть это письмо Савицкому, собиравшему писать немедленно, а между тѣмъ ѣхалъ въ Москву. Возвратясь, сдѣлалъ закуски, а скорѣе на дачу—ужъ было 27 июня. И вотъ, здѣсь дѣй недѣлю уже живемъ. Я, кажется, уже писалъ вамъ о томъ, что мы будемъ жить втроемъ: Шинкинъ, Савицкий и я. Они раньше меня сюда прѣехали. Собирались писать вамъ обо всемъ длинное и спокойное письмо, и вотъ вчера вечеромъ получаю еще письмо отъ васъ, изъ котораго узнаю, что вы мнѣ писали чрезвычайно важное письмо о свиданіи съ Боткинскими, а между тѣмъ я его не получалъ. Это жалъ: письмо для меня интересное, да и не для одного меня. Словомъ, я теперь въ великомъ смущеніи, отъ долгаго промежутка, и въ безпокойствѣ за участь письма. Странно, оно не могло затеряться потому только, что меня не было въ Петербургѣ, потому что въ квартирѣ живеть Щербатовъ (ученикъ Академіи) со времени отъѣзда С. Н. на дачу; слѣдовательно, все адресованное ко мнѣ, безостановочно доходило. Это на иотѣ гдѣ нибудь случилось. Словомъ, какъ бы то ни было, а вамъ придется написать мнѣ еще разъ, какъ вы выдѣлились съ Боткинскими, и что изъ этого вышло, что такое съ вами вообще; ибъ серьезно говоря, я ни изъ одного письма обстоятельно не знаю, какъ ваше здоровье. Чего можно ждать? Я, на крайній мѣрѣ, такъ полагаю, что ни будто бы поправились совсѣмъ, т. е. не на столько, чтобы воротиться жить въ Петербургъ, а на столько, что можно быть спокойнымъ, оставаясь тамъ; но разная нотки—въ письмахъ, то въ одномъ, то въ другомъ, даютъ какое-то тревожно-смутное впечатлѣніе, точно колотят, то въ одномъ, то въ

другомъ мѣстѣ: повидиному организмъ здоровъ, а ни съ того ни съ сего схемъ. Такъ и вы въ письмахъ: нѣтъ, нѣтъ, да и протворитесь. И потому важно, что вамъ сказалъ Боткинъ? Я въ него, какъ въ Господа Бога, вѣрую.

И такъ, мы тутъ живемъ и работаемъ, Шинкинъ насъ просто изумляетъ своими познаніями, по два и по три этажа въ день катаетъ, да какихъ сложныхъ и совершенно ошачиваетъ. И когда онъ передъ натурой (и сънимъ нѣсколько разъ мытался садиться писать), то точно въ своей стихіи, тутъ онъ и събѣл, и ловокъ, не задумывается; тутъ онъ все знаетъ, какъ, что и почему. Но когда нужно нѣчто другое, то... вы знаете. Я думаю, что единственный у насъ человѣкъ, который знаетъ пейзажъ ученымъ образомъ, въ лучшемъ смыслѣ, и только знаетъ. Но у него нѣтъ тѣхъ душевныхъ первоу, которые такъ чутки къ шуму и музыкѣ въ природѣ, и которые особенно дѣятельны, не тогда, когда залиты формой, и когда глаза ее видятъ, а напротивъ, когда живой природы нѣтъ уже передъ глазами, а остался въ душѣ общій смыслъ предметовъ, ихъ разговоръ между собой, и ихъ дѣйствительное значеніе въ духовной жизни человѣка, и когда настоящій художникъ, модъ впечатлѣніями природы, обобщаетъ свои инстинкты, думаетъ пятнами и тонами, и доводитъ ихъ до того яснovidнѣ, что стѣбитъ ихъ только формулировать, чтобы его поняли. Конечно, и Шинкина понимаютъ: онъ очень ясно выражается и производитъ впечатлѣніе неотразимое, но что бы это было, еслибы у него была еще струнка, которая могла бы обращаться въ пѣсню. Ну, чего нѣтъ, того нѣтъ: Шинкинъ и такъ хорошъ. Удовольствуемся... онъ все-таки неизмѣримо выше всѣхъ, взятыхъ выхѣтъ до сихъ поръ; не болѣе, но и не менѣе. Всѣ эти Клодты, Боголюбобы и прочіе—малышны и щелки передъ нимъ, но дальне нужно другое. Что? Вы, надѣюсь, понимаете. Шинкинъ—верстовой столбъ въ развитіи русскаго пейзажа, это человѣкъ—школа. Но живая школа. Но вѣдь послѣ школы наступитъ жизнь, и хотя тоже школа, но другимъ прѣнами, тѣмъ прежде, передаваемая,—это онъ, какъ и слѣдовало ожидать, отрицаетъ: вѣчная история. Варочемъ, что-изъ это я произношу приговоры? Вѣдь Шинкинъ до сихъ поръ еще не пересталъ расти, и чортъ его знаетъ, до которыхъ поръ онъ вырастетъ, а что онъ растетъ—это несомнѣнно.

Что нишуть о лондонской выставкѣ—я не знаю; снималъ, что хвалить вообще, но болѣе подробно не знаю и узнать, къ сожалѣнію, не могу, ибо—въ деревнѣ. Я работаю «Христа», говорять—ничего, и уже успокоился, что придется окончить пейзажъ безъ фотографій, какъ (вдругъ) ваше письмо и извѣстіе, что фотографіи лежатъ запылованныя и ожидаютъ адреса, переверну вверхъ дномъ мою рѣшимость оканчивать пейзажъ безъ нихъ, и я не буду спокоенъ, пока ихъ не получу. Если можно выслать ихъ по адресу въ Петербургъ, въ д. Елксеева, то онѣ дойдутъ очень скоро, скорѣе, тѣмъ

сюда. Адресовать письма можно и сюда, но посылка — вещь великая, так как ближайшее место получения писем — 9 верст от нас. Письма посылать со станций ежедневно, но посылку пукино самому, да свидетельствовать повестку, а через Петербург я получу на другой день. И так, адресуйте в Петербург по старому адресу, на имя Мих. Лазар. Щербатова, из мою квартиру; он их привезет немедленно, а ему об этом напишу. Софья Николаевна говорит, что пусть он и не ждет писем, потому что — лето, а впрочем она напишет. Дити Роману не отъезжать, но ведь что вы будете делать, они даже и мнѣ не отъезжают, когда я их спрашиваю. Слово — лето. Авария полная. Вам до тошноты надо было работать и видеть свои картины — понимаю совершенно, и удивляюсь, что вы раньше не толкнули на мысль поехать и осматриваться. Что же касается до окончания ваших картин, то это будет действительно жалко, если уж вы советъ ничего не вышлете осенью: все-таки одну или две, я думаю, можно, хоть маленьких. Все же картины кончить, начатые вами, и приехать самому, как вы полагали сначала, я полагаю и прежде, что вы не усидите — не хватает физических сил. Я это знала, и на это не рассчитывала никогда, а вот, что свидание наше все отодвигается и отодвигается на неопредѣленное время, вот это по истинѣ неприятно. Спросите у Боткина, нельзя ли намъ, въ концѣ будущаго мая, приехать на лето къ намъ, или куда либо въ среднюю губернію: мы бы устроили и жилище и зажили чудесно. Ах, хорошо бы было, еслибы состоялось. Помните — а я обещаю быть исправнѣе. Незыбланный вашъ товарищ И. Крамской.

XLIV. Къ нему же.

Серебрянка, 30-го августа 1872 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Какъ это у васъ переплетается, золотой мой юноша: упреки въ томъ, что не отъ кого молчать длиннымъ писемъ — съ благодарностями за самыя бесполезныя услуги съ моей стороны! Темъ болѣе, что послѣдняя и самая важная для васъ я не могу сдѣлать до своего возвращенія въ Петербургъ. Я говорю у званіи, и какъ оно тамъ прописано въ самомъ протоколѣ. Поручить же кому-нибудь справиться въ петербургскихъ академическихъ книжкахъ, вы понимаете — нельзя; я думаю, и сами вы не поблагодарите, а я буду тамъ только въ концѣ сентября. Я такъ заработался, а времени такъ мало, что дай Богъ только кончить къ тому времени. Пишу «Христа», фотографіи получалъ, дождался; но вы правы — онѣ почти ничего не прибавили, и ожидать ихъ напрасно, могъ бы писать. А все-таки великое спасибо. Онѣ меня жереютъ туда

легко, какъ будто ходимъ тамъ, и это помогаетъ. Наши фонды поднимаются, прочитайте въ «Петербург. Вѣдомостяхъ», что въ Лондонѣ пишутъ. Оно, знаете, надобно немалую публику отослать; а то она все поровнитъ насъ держать въ черномъ тѣлѣ. Дудки, будетъ. Хорошо бы также немалую поприжать и Третьякова съ Солдатенковъ, я былъ бы этимъ доволенъ. Григоровичъ заграницей, и, пишу къ свидѣнію, въ первыхъ числахъ сентября онъ воротится. Я знаю, что онъ высылаетъ вамъ по 100 руб. ежемесячно, но что приостановилась высылка — этого не зная. Передъ отъѣздомъ за границу онъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Вы ему пошлите, разумеется, картину, другую, да не забудьте и Передвижнику выставку: она открывается 1-го октября. Хорошо бы это усилить насъ: въ этомъ году ничего не пишете; что она продается — это наивное. Однако-жъ какъ долго оттягивается вашъ приѣздъ! Я боюсь, что многое измѣнится. Вѣдь мой возрастъ и нашъ — не одно и то же. Я немалюко осылъ, а вы — торгъ знаете, что вы такое. Для меня вы хотя и не загадка, но тотъ укисный огонь, который падо потушить во что бы то ни стало и который есть не то болѣзнь, не то очень хорошее нравственное здоровье, какъ вы краснорѣчиво и вѣрно выражаетесь — штука рискованная. Если вы понимаете, я его иногда касался. Но у каждого своя пламида. Вы рассуждаете о важныхъ матеріяхъ самымъ невозможнымъ образомъ. Хорошо. Теперь попробуйте разсуждать наоборотъ — ругаюсь, хуже не будетъ; мнѣ даже кажется, что вы уже и безъ моего совѣта немалюко ступаете по этой дорогѣ. И такъ, очень жалко, что отъѣздъ оттягивается, но... лучше живите, чѣмъ испортить такую дорогую машину, съ такимъ трудомъ и издержками направленную. Слава Богу, что она въ порядокъ приходитъ. Я, разумеется, вѣрю Боткину, и спасибо вамъ, что вы написали объ этомъ подробно. Я спокоенъ, совсѣмъ спокоенъ, — это сказала Боткина, а если я кому вѣрю — такъ это ему. Вѣдь увидимся же мы. Да мы и видаемся, а если вы приплете еще картину, то это ужъ будетъ совсѣмъ хорошо.

Знаете ли, мнѣ сдается, что это хорошо, что такъ случилось, что мы принуждены волей или неволей сидѣть въ Ялѣ. Вы пишете, что мысль, чтобы созрѣть и оформиться, должна пройти цѣлый рядъ превращеній, механическихъ, химическихъ и всякихъ. Разумеется, это такъ, но не подослать сомнѣнію также, что и человекъ, въ известную пору, зрѣетъ и совершенствуется — въ одиночествѣ, конечно, не очень продолжительно, но въ одиночествѣ. Вѣдь странное дѣло (я вамъ кажется это говорилъ) въ галереяхъ есть работы мастеровъ, которые никогда не выставляли изъ своего гнѣзда, выставокъ не было, а стало быть и сравненія (вѣшняго), потому что только вѣщность и можно сравнивать; а между тѣмъ производили вещи, въ тренетъ приводили. Вся штука въ томъ, что у нихъ

было то ясновидѣніе, то страшное невозможное требованіе отъ себя, сдѣлать такъ, какъ я думаю; а такъ какъ они думали и чувствовали особеннымъ, исключительнымъ образомъ, и не усмекнулись до послѣдней степени, то и вещи выходили не заурядныя. Тутъ все дѣло не въ краснѣхъ и холстѣхъ, не въ скобленіи и наизгѣ,—а въ достоинствѣ идея и концепціи... Стало быть... можно остановиться и не разсуждать... потому что всякое глубокомыслие по существу своему необходимо пассивно, а всякая пассивность, доведенная до очевидности, приводитъ слушателя къ синхронизальной улыбки, сначала, потомъ и къ настоящему смѣху, такъ что и удеру не будетъ. А такъ какъ я имѣю претензію на репутацию серьезнаго человѣка, до того серьезнаго, что И. И. даже не ругается широкими словами, и вообще не сквернословитъ въ моемъ присутствіи (совѣстно, какъ онъ говоритъ), то вы понимаете все неприличіе, конечно, если я, благодаря вашимъ подстрекательствамъ, стану въ такое положеніе.

Лучше я вамъ изложу разсужденій разсказу, что мы тутъ дѣлаемъ. Во-первыхъ, Шинкинъ все молодеетъ, т. е. растетъ. Серьезно. Вы знаете, хорошій признакъ, онъ уже начинаетъ каргуну прямо съ пятны и тона. Это Шинкинъ-то! Каково—это недаромъ, ей-Богу. А ужъ этиуды, я вамъ доложу—просто хоть куда, и какъ я писалъ вамъ, совершенствуется въ колоритѣ. Савицкій же... какъ бы вамъ это сказать пошнѣе—не то, что хуже стало, а какъ-то не идетъ впередъ, остановился точно. Развѣтѣ какъ будто кончилось и это производить впечатлѣніе тяжелое, за будущее. Впрочемъ ругаться нельзя—увидимъ. А я... Впрочемъ нѣтъ, не надо силу труда, лучше разсуждать, вотъ кстати и тема для него.

Ночь, даже почти утро, я сижу и пишу къ вѣтреному и неблагодарному. А почему я такъ поздно пишу? Потому, что въ окрестностяхъ цыганскій таборъ, и сегодня нѣсколько человѣкъ забрался въ усадьбу, и ихъ насилу выпроводилъ изъ кухни; и такъ какъ ихъ присутствіе всегда и вездѣ вызываетъ озабоченіе и усиливаетъ осторожность, и, не смотря на то, все-таки сопровождается исчезновеніемъ собственности, то я, въ качествѣ храбраго сторожа, коротая время въ бесѣдѣ съ вами. А вы думали, я такое длинное письмо написалъ бы вамъ, еслибы не цыгане? Нѣтъ, это вѣрно. Мнѣ это прискорбно, не это такъ, такъ нечего.

Изъ Петербурга написалъ длиннаго письма, а отсюда—нѣтъ. Кажется—противорѣчіе, а это въ самомъ дѣлѣ такъ, и вотъ почему. Я долженъ спать рано, и рано же встаю, работаю много, да днемъ письма и не пишу, то есть такія—длинные; сдѣловательно остаются вечера, но ихъ еще нѣтъ, если вы помните петербургское лѣто. И остаются одни цыгане. Одинъ цыганенокъ поразительный, и еслибы не нужно было горючиться, я не утерпѣлъ бы. Изъ всего выше сказаннаго вы съ успѣхомъ можете видѣть, какъ

подлецъ вылезетъ, но какъ ни вылезъ, а никого не надуешь; сколько объ цыганахъ ни распространяйся, а письма можно писать и безъ нихъ, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дѣлѣ, добрый мой, мнѣ какъ будто и совѣстно получать большія письма отъ васъ, ей-Богу... Вы видите, какъ опять затянулось, только на этотъ разъ уже Лазаря, подлеца. А какъ вы полагаете, можете вы всю эту канитель распутать?—Чуть не забылъ: Антокольскій выставлялъ Петра I и выставилъ на Политехнической выставкѣ въ Москвѣ. Я еще не видалъ, даже и фотографіи. Пока даже и слуховъ не знаю. Здоровье его поправилось, женился въ Вильно на богатой... Не довольно ли? До свиданія.

И. Крамской.

XIV. Къ нему же.

Усадьба Снарской (станція Серебрянка), 29-го августа, 1874 года.

Хорошій мой Федоръ Александровичъ. Что мнѣ дѣлать, ума не приложу, я не могу сообщить вамъ о судьбѣ вашего отчества въ Академіи. А вы такъ беспокоитесь, что считаете дни прихода отъ меня писемъ. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ это горько... впрочемъ, можете представить, если вы въ такомъ состояніи. Но что-жъ дѣлать, ужъ теперь немного осталось до персѣзда въ городъ. Первое дѣло будетъ это. Я вотъ прожилъ лѣто, хорошо прожилъ, нечего говорить, и лѣто было образцовое: такая лѣта бывають не часто у насъ въ Петербургѣ. Вообразите себѣ, что съ половины апрѣля и вплоть по сей день погода прескрасная, ровная, солнечная, урожай здѣсь хорошъ, сѣво немаложко плохое, но во всемъ остальномъ—слава Богу, дождь былъ, но хорошо былъ; ну просто, лучше не надо. А все-таки понимаетесь на будущей годъ еще лучше сдѣлать. Съѣдемъ на лѣто гдѣ-либо на нейтральной почвѣ. Вы подумаетесь пошнѣе, а я спущусь съ семьей на югъ. На этотъ годъ (т. е. будущій) мнѣ ничего, волгать надо, не вожѣпнать, и моимъ же вы озабочитесь сыскать пораньше. Ивана Ивановича тоже соблазнить можно, онъ даже облизывается, слушая меня. Не облизывается ли и вы? Вотъ бы хорошо. А то, чего добраго, (т. е. самое скверное и недоброе), и около Петербурга можно будетъ устроиться, на подобіе теперешняго. Мнѣ такая перспектива чрезвычайно улыбается. Не улыбается ли она и вамъ? А ужъ поработали бы мы. Право, подумайте. Въ прошломъ числѣ я вамъ говорилъ о статьѣ въ «Петербург. Вѣдомостяхъ», теперь я навелъ справки и совѣту отыскать вамъ 201 №, вторникъ, 25-го іюля (6-го августа нов. стила). Тамъ есть фельетонъ: «Русская живопись и скульптура въ Лондонѣ»—прочтите: говорится кое-что объ васъ. Я думаю, что даже ваме немалоего честолобіе можетъ

успокоится хотя немножко, и сердце мatriота, которое и въ васъ иред-полагаю, забьется гордостью за другихъ. Вона какъ кудряво сказано. (Это должно быть оттого, что я по почтамъ пишу письма)... Глубоко сочувствую вашему положенiю — писать 4 шприма. Очень приятно. Эти люди всегда такъ, вѣдь они вкривилъствуютъ! Чортъ знаетъ что такое! Хотѣлось бы сказать; къ сожалѣнiю, пожалуй дѣйствительно нельзя. Я тѣмъ болѣе вамъ сочувствую, что самъ немножко вкусилъ творчества. Это такая штука, что мотомъ всякая другая работа — каторжная работа. Все было еще сносно, пока не начинала; все, думалось, въ будущемъ, настоящее было некрасиво, работала черезъ меня въ колоду, лишь бы сдѣла, но теперь не знаю какъ быть... просто, кажется, невозможно ужъ будетъ и приняться за заказныя работы.

А картина... не знаю впрочетъ, что выходить. Пинкингъ говоритъ, что очень что-то хорошее, Савицкiй чуть не удивляется; единственный человекъ, которому я вѣрю, жена, говоритъ: «Ты у меня не сранивай, я посмотрѣлась, — кажется хорошо». Больше нѣтъ никого. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы видѣли. Думаю, впрочемъ, что зайду омакъ коленикомъ. Это чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше я начинаю думать такъ. Вѣдь это Христосъ, да еще въ пустынь, да еще утромъ, да еще — ужъ и не знаю что. Просто больно, ей-Богу. Вѣдь эти вещи нужно дѣлать такъ, чтобы ужъ никакого сомнѣнiя не было, что это такое, а иначе — поступай въ разрядъ безнадѣнныхъ. Тутъ выбора нѣтъ. Вотъ я и думаю: гдѣ это человекъ такой правдивый, настолько уважающiй и искусство, и меня, чтобы сказать прямо? Охъ, какъ это важно! Добрый мой Федоръ Александровичъ! Я очень жалко, что не могу сдѣлать такъ, какъ вы сдѣлали — прислали мнѣ свою картину и сранивали моего мнѣнiя. Къ сожалѣнiю, это невозможно. Но какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы ее такъ сами съ собой, своимъ чувствомъ, и не относительно съ другими вещами, а сравнили бы съ задачей, съ требованiями ума и идеала, и сказали бы мнѣ: что я сдѣлалъ. И вѣрите, какъ приговоръ былъ бы для меня дѣйствительнымъ приговоромъ. И, я увѣренъ, вы бы не стали утаивать чего нибудь изъ желанiя смягчить ударъ, если его нужно нанести. Эй-Богу, я думаю закрыть его, кончить и закрыть. Не знаю, что скажутъ въ Петербургѣ, но меня самого не обидѣшь, страшно что-то. Оно лучше, когда никто не увидитъ. Извините, сорвалось. Объ себѣ заговорилъ. А вы знаете, что предметъ самый интересный для самого себя. Прощайте, до свиданiя. Крѣпко васъ, хотѣлъ сказать, обнимаю, но воздержусь.

Н. Крамской.

XLVI. Къ нему же.

С. Петербурга, 10-го октября 1872 года.

Мой дорогой другъ. До послѣднихъ чиселъ сентября я просидѣлъ на Серебрянкѣ и прѣхалъ въ Петербургъ. Но прѣхалъ такимъ образомъ, что собственно не прѣхалъ: мнѣ нельзя было показываться нигдѣ, и велѣть всѣмъ говорить, что я еще не прѣхалъ: «Христа» не кончили, и потому мнѣ трезвительно важно было, чтобы не поминали. Ваше письмо собственно вывело меня на свѣтъ Божiй. Добрый мой, вы не можете себѣ представить, какое неприятное и прискорбное для меня обстоятельство, что вамъ, Богъ знаетъ по какому поводу, Григоровичъ бухнулъ. Воображаю, что вы передумали и перестрадали. Но успокойтесь — все обстоитъ благополучно — самъ собственными глазами видѣлъ; а почему, сіе объясню. По полученiи нашего письма поздно вечеромъ третьяго дня, я былъ въ глубоконъ без-покойствѣ, и какъ только дождался утра, отправился въ контору Академiи. Къ Исѣву не хотѣлъ раньше идти. Вы знаете, въ свое время я подробно сообщалъ мой разговоръ съ Исѣвымъ. И вы помните, что онъ мнѣ сказалъ: «Будьте покойны, какъ онъ себя называетъ, такъ и мы его назовемъ; только пусть не представляетъ документовъ». Кажется, ясно. Но мною Исѣва не пройдемъ, и потому я счелъ себя въ правѣ разъяснить дѣло. Отъ него къ Волковскому, и долго внушалъ ему, что надо сдѣлать. Ну, и такъ прихожу въ контору, требую, чтобы мнѣ показали подлинное дѣло о вашемъ поступленiи въ Академiю и о признанiи васъ класснымъ художникомъ 1-й степени. Подали, и я его все внимательно пересмотрѣлъ. Будьте увѣрены, что внимательно; нигдѣ нѣтъ другой подписи и имени, кромѣ: Федоръ Васильевъ. Въ постановленiи Совѣта на званiе художника стоитъ такое опредѣленiе: «признать ученика Федора Васильева класснымъ художникомъ 1-й ст. по выдержанiи экзамена». Вотъ и все, что есть. Прощенiе Волковскiй подписалъ тоже за Федора Васильева; но довѣренности, такой-то. И я спрашиваю у Юдолова: «Скажите, пожалуйста, почему я нигдѣ не вижу отчества, а только имя и фамилія?» Онъ отвѣчаетъ, что только академики и профессора именуются по отчеству, а художниковъ мы никогда иначе и не пишемъ, даже и въ дипломахъ. Убѣдившись собственными очами, что видѣлъ — нѣтъ ничего подозрительнаго — я похалъ дать вамъ телеграмму объ этомъ, и потомъ къ Григоровичу, распутывать эту гнусную болтовню. Я назвалъ его во дворѣ Маріи Николаевны и прямо приступилъ къ дѣлу: прочелъ ему начало нашего письма, и почему онъ позволилъ въ своемъ письмѣ назвать васъ иначе, чѣмъ онъ знаетъ васъ? Онъ завертѣлся, застѣлся, на глазахъ показались слезы, и онъ сталъ какъ будто что-то припоинать и говорить, что онъ «дѣйствительно написалъ Виктору Але-

ксандрончу, но же на конверты, сколько помини, а внутри, отъ разсыяности, ей Богу отъ разсыяности! Ахъ, Иванъ Николаевичъ, вѣдь вы знаете, какъ я его люблю; я самыми осторожными образомъ всегда съ нимъ говорю; я ужъ и не знаю, какъ къ нему приступить; я не знаю что дѣлать; голубчикъ, научите, онъ вѣдь меня повергаетъ въ ужасъ. Что я скажу Обществу? Вѣдь онъ теперь пишетъ, что не хочетъ имѣть дѣло съ Обществомъ, общается не высылать картинъ къ намъ. Что-жъ это будетъ, что мнѣ дѣлать? Я и говорю: «Вотъ видите, я знаю одинъ путь къ нему. Это путь прямоты и откровенности. Писните ему прямо, и только, и онъ васъ всегда правильно пойметъ». — «Не могу, голубчикъ, не могу, я всегда самыми деликатными образомъ...» и проч. Потомъ коснулся дальнѣйшихъ обстоятельствъ. Я говорю: «Вотъ въ чемъ дѣло: какъ же ему не удивляться и не беспокоиться, когда вы два раза высылали деньги по 100 руб., а потомъ прекратили. Онъ, говорю, писалъ мнѣ съ безпокойствомъ, что не знаю ли я, почему это?» — «Послано, Нп. Ник., все послано, у меня росписки почтатомъ». — «Нолѣтомъ не посылали?» — «Все послано, и за сентябрь послано». — «Ну, вотъ пишете же ему». — «Я ужъ писалъ». — «Ну, хорошо, стало быть дѣло кончено». Однако-жъ дѣло для меня все-таки не разъяснилось: думалъ я, думалъ и пришелъ къ такому выводу, кажется вѣрному. Волковский — другъ и пріятель Борткову. Думаю, что онъ наболталъ ему что нибудь, а тотъ Григоровичу. Григоровичъ, не зная въ чемъ дѣло, перепуталъ въ головѣ и, полагая вѣрно, что вы не Оседоръ, а ужъ Викторъ, хотѣлъ деликатными образомъ показать, что онъ знаетъ, какъ васъ съидуетъ именовать и, перепутавши, промахнулся. Это бываетъ, а съ нимъ и подано. Богъ вамъ судья, что вы неокрепощились дѣло это корчить мнѣ, т. е. подать прошеніе. Конечно и теперь ничего не произошло, но не было бы толькомъ и несприятныхъ минутъ для васъ.

Теперь о дипломахъ: чтобы вамъ его выдали, вамъ нужно держать экзаменъ, а такъ какъ вы, разумеется, этого не сдѣлаете, то вамъ надо будетъ написать объ этомъ прошеніе на имя президента, и я думаю, что Григоровичъ вамъ это обрабатаетъ. Ну, словомъ, чтобы выслать вамъ дипломъ, вамъ нужно немедленно подать этотъ вопросъ посредствомъ прошенія, чтобы васъ уловили, и, какъ Юндоловъ говоритъ, вамъ это сдѣлать. Я спрашиваю еще разъ, куда собственно нужно объ этомъ подать просьбу; и такъ дѣло это кончено — успокойтесь ради Бога. Жаль, что объ этомъ знаетъ большее число лицъ, чѣмъ бы слѣдовало, какъ оказывается. Плотно дѣло, если здоровье ваше опять захромало. Я сильно сомнѣваюсь въ вашемъ благоразуміи — т. е. что вы какъ нибудь когда задавали, когда слѣдовало бы воздержаться; при томъ же товарищамъ являебся подстрекающъ на какое либо рискованное предпріятіе, въ родѣ охоты на медвѣдя. Дѣлать

нечего, а ужъ я сдѣлаюсь адвокатомъ Григоровича (я адвокатъ Григоровича!). Въ самомъ дѣлѣ, что вы съ нимъ дѣлаете? Вѣдь вы знаете, что онъ за васъ расписывается, и потому не лишайте его удовольствія получить отъ васъ картину для Общества, до этого доводить не слѣдуетъ, я думаю. Еслибы вы видѣли его убитую фигуру, малости достойно. Я за него готовъ вступиться. Мнѣ лично очень жаль, что у васъ ничего не будетъ на выставкѣ, но ему какъ нибудь устроить. Онъ получитъ крылья и работу. Вы не думайте, чтобы мнѣ ужъ не было совсѣмъ ваше состояніе попятно, относительно хандры, той, которую я знаю, и той, которую я еще не знаю: дѣло въ томъ, что тоска потому и тоска, что она бываетъ безконечная, она-то и есть безконечная; чѣмъ больше вы человекъ, тѣмъ безконечнѣе ваша тоска — это общее правило. Общими правилами вѣдь и наполняются письма. Одиночество — страшная штука. Однако же это странно: я начинаю писать слогами новѣйшихъ французскихъ писателей, отрывочными періодами. Изобразилъ мысль — точка. Изобразилъ общее мѣсто — опять точка. Сказалъ теплую — опять точка. Это чортъ знаетъ, что такое. Вы замѣтили, какой я скряга: дѣлалъ строчки такъ, какъ будто прямой томокомъ Платинки.

Да, дорогой мой, кончать или почти кончить «Христа», и потащить его на всенародный судъ, и всѣ словявыя маргитки будутъ тыкать пальцами въ него, и критику свою разводить. Вы въ самое сердце попали, говорю, что его надобно дѣлать безъ малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что думаемы и изображаемы. Это я знаю: и вотъ уже 5 дѣтъ неотступно онъ стоитъ передо мной, я долженъ былъ написать его, чтобы отдѣлаться, и я ни разу не колебался въ томъ, что онъ действительно не имѣлъ въ себѣ ничего земнаго, и это слово взято вами вѣрно, т. е. у него только и было земного, что форма. Но развѣ-жъ форма не есть доказательство присутствія августѣйшей мысли? (Вона какъ! Иногда и я вамъ не уступаю въ высокопарности). Во время работы за нимъ, много я думалъ, молчалъ и страдалъ (будете ужъ говорить высокими слогами). Бывало, вечеромъ уйдешь гулять, и долго по полямъ бродишь, до утаса дойдешь, и вотъ видишь фигуру, статую. На утрѣ, усталый, измученный, изстрадавшийся, сидишь одинъ между камнями, печальными, холодными камнями; руки судорожно и крѣико, крѣико сжаты, пальцы винились, ноги поразены, и голова опущена. Крѣико задумался, давно молчалъ, такъ думно, что губы даже какъ-будто закинулись, глаза не замѣчаютъ предметовъ, и только время отъ времени брови невелились, повинаясь законамъ мускульнаго движенія. Ничего онъ не чувствуетъ, не чувствуетъ, что холодно немножко, не чувствуетъ, что у него всѣ члены уже какъ будто окончили отъ продолжительнаго и непо-движнаго сидѣнья. Нигдѣ и ничего не движется, только у горизонта черная

облака плывутъ отъ востока, да нѣсколько волосновъ по воздуху стоятъ горизонтально отъ вѣтерка. И онъ все думаетъ, все думаетъ. Странно становится. Сколько разъ плакалъ я передъ этой фигурой. Ну что-жъ носъ этого? Разгѣ-жъ можно это написать? И вы спрашиваете себя, и справедливо спрашиваете: могу ли я написать Христа? Нѣтъ, дорогой мой, не могу, и не могу написать, а все-таки писалъ, и все писалъ до той поры, пока не вставилъ въ раму, до тѣхъ поръ писалъ, пока его и другие не увидѣли. Словомъ, совершилъ, быть можетъ, профанцію, но не могъ не писать. Долженъ былъ написать. Ужъ какъ хотѣте, а не могъ я обойтись безъ этого. Я могу сказать, что писалъ его слезами и кровью. Но вѣроятно, какъ слезы мои, такъ и кровь, должно быть, были не совсѣмъ доброкачественны, потому что мнѣ иногда то кажется, что это какъ будто и можно же да ту фигуру, которую я по воцѣмъ видѣлъ, то вдругъ низкаго сходства. Словомъ, грустное сознаніе, что мнѣ нѣтъ другого удѣла, какъ изображать самые тривіальные портреты съ самыхъ обиденныхъ личностей, — это не ложное смиреніе, а вы понимаете и, надѣюсь, ждете, какъ я это говорю. Что говорить, Рафаэль нашелъ истину и выразилъ, но съ тѣхъ поръ тѣ же истины иначе для насъ освѣтились..... Большой нудно нѣтъ рисать, чтобы браться за такіе задачи, я знаю это. Мировой человѣкъ требуетъ и мировой картины. Но развѣ онъ можетъ отъ меня требовать, чтобы я реализировалъ современное представленіе объ этомъ? Впрочемъ что-жъ, требовать можно, но нельзя меня казнить. Я по силѣ возможности назвалъ красками такое лицо, которое, быть можетъ, никто не согласится признать за схожее съ тѣмъ, какія каждый себѣ составилъ. Да это и невозможно; вѣдь и тѣ люди, которые его видѣли живого, отрицали сходство; что-жъ остается намъ, темнѣющимъ? Дѣло сдѣлано. Не могу ничего прибавить, не могу ничего убавить. Я написалъ своего собственнаго Христа, только мнѣ принадлежало, и на сколько я, единица, представляю изъ себя типъ человѣка, настолько, стало быть, тамъ и есть — ни больше, ни меньше. Много нужно докторовъ и времени, чтобы унять салонные стоны, необъятныя страданія. Да, много нужно. Думаю, что и стоны и страданія всегда останутся, нѣтъ имъ исхода. Не возьмите, добрый мой, что я такъ долго объ себѣ распространялся, вѣдь это такъ естественно человѣку. Къ вамъ вѣдь все и могу написать.

Не могу удержаться, чтобы не сказать вамъ очень серьезно: что это вы дѣлаете, къ чему такіе драгоценные подарки? Право, голубчикъ, я не могу до сихъ поръ жѣста найти отъ изумленія. Вѣдь это, какъ хотѣте, а выходитъ изъ предѣловъ благоразумія, ей Богу такъ. Что-жъ послѣ этого? Жена моя тоже была ошеломлена. Не годится такъ потрясать нервы. Мы люди простые, любимъ васъ просто и искренно, а теперь какъ будто что-то случилось, жена отъ восторга чуть не пошмыгалась, боялась, чтобы

его кто не увидалъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя было скрыть, потому что всѣ знали, ужъ почему и откуда, просто удивительно. Мы рѣшили никому не показывать, никому не говорить — нѣтъ, невозможно было. Никъ какой-то оказался у людей.

А что-же относительно будущаго лѣта? Напишите, что вы думаете о моемъ проектѣ. Скучно вамъ, дорогой мой, отъ какъ скучно, видно по всему. Но вѣдь и творить — великое наслажденіе. Дай Богъ вамъ поправиться только.

Вашъ И. Крамской.

XLVII. Къ П. М. Третьякову.

28 октября 1872 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Въ бытность вашу здѣсь, въ Петербургѣ, я забылъ просить васъ объ одномъ: когда Мясоедовъ будетъ возвращаться въ Петербургъ, то дозвольте картину «Майская ночь» переслать сюда ко мнѣ. Я ее хотѣлъ немножко переработать, лѣтѣмъ я кое-что наблюдалъ еще, и мнѣ хотѣлось бы ее поправить. Если вы не найдете къ этому препятствій съ своей стороны, то вы этимъ сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе и одолженіе. Общаюсь не задерживать ее.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

XLVIII. Къ нему же.

25 ноября 1872 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Въ бытность мою въ Петербургѣ было возможно, что я объявлю первому вамъ, что стоитъ моя картина *), но открытіи выставки. Съ тѣхъ поръ случилось обстоятельство, которое заставляетъ меня прервать молчаніе относительно этого щекотливаго вопроса. Двѣ недѣли тому назадъ я получилъ запросъ отъ Академіи, что стоитъ моя картина, такъ какъ Академіи желаетъ ее приобрести. На это я отвѣчалъ, что еще не знаю, что въ вопросъ этотъ отложенъ на неопредѣленное время, даже для меня самого. Я и успокоился. Но сегодня, 25-го ноября, у меня Академія спрашиваетъ опять (ее видѣли почти всѣ профессора) о томъ же самомъ. Въ виду такого настойчиваго заявленія, я не считаю болѣе себя въ правѣ молчать передъ вами, и волей-неволей рѣшаюсь выложить этотъ вопросъ немедленно, и повергаю его на ваше обсужденіе. Картина моя стоитъ 6,000 рублей. Напишите мнѣ, продавать ли ее Академіи?

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь извѣстный вамъ

И. Крамской.

*) Христосъ въ пустынѣ.

XLIX. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 30-го ноября 1872 г.

Мой дорогой другъ. Я думаю, что вы заждались отъ меня письма; я же до такой степени завертѣлся, что, какъ видите, становлюсь недостойнымъ того, чтобы мнѣ писать, да еще такіе письма, какъ ваши. Не думайте, чтобы я сталъ оправдываться, да между нами и не можетъ быть этого. Я сообщу вамъ только то, что есть. Дѣло въ томъ, что съ 9-го октября открылись засѣданія комисіи по повелѣнію великаго князя Владиміра Александровича для пересмотра устава Академіи художествъ — я членомъ назначенъ, вѣстѣ съ другими, а именно: Боголюбовъ, Гукъ, Г. Резановъ (архитекторъ), Чистяковъ и Юрдакъ. Не скажу, чтобы другіе ничего не дѣлали, но между художниками достаточно быть только грамотнымъ, какъ вы знаете, чтобы на него взыскали кучу бумагъ. Кромѣ того, я хотя и не жду особеннаго добра отъ всего этого дѣла, но все-таки какъ будто считаю обязанностию сдѣлать все, что мнѣ кажется нужнымъ. Нужно написать чуть не цѣлое сочиненіе по поводу нѣкоторыхъ вопросовъ, относительно которыхъ особенно много предрасудковъ. И вотъ Гѣ и я работаемъ, и много, и долго. Кромѣ того, отчетность по Передвижной выставкѣ за прошлый годъ, разборъ книгъ, проверка разныхъ дурацкихъ расходовъ и многое множество такихъ невозможныхъ и утомительныхъ шеренкалий изъ прстаго въ порожнее, что, ей-Богу, голова кругомъ пошла. Кстати, выставка дала чистаго барыша, который выдается теперь, 23% на рубль. Я получилъ 490 руб., Шинкинъ 390, Гѣ больше 700, Перовъ — тоже. Словомъ, какъ видите, дѣло такого рода, что продолжаетъ его стѣять и нѣкоторые закоренные враги теперь только облизываются. Достаточно сказать вамъ, что 1¹/₂ мѣсяца я не бралъ въ руки кистей — каково? Семья моей почти не вижу. И все-таки не резонъ, я скажу, не отвѣчать такъ долго бѣдному изгнашнику, единственному человѣку, прожимающему въ Крыму.

Въ самомъ дѣлѣ, на что это похоже? Что вы съ собою дѣлаете? Неужели нельзя найти другого выхода? Все сидѣть въ Ялтѣ? Да вѣдь можно и того — тронуться! Подумайте, развѣ нельзя теперь же поднять вопросъ о вашемъ переселеніи заграницу, въ Италію, наприимѣръ? Клянуть тотъ же, а люди другіе, т. е. есть и люди, и художники. Да климатъ-то можетъ быть и лучше? Вы какъ объ этомъ думаете? Или ужъ лучше Ялты нѣтъ ничего на свѣтѣ? Не шути, мой дорогой, мнѣ кажется, что вамъ пора бросить этотъ прелестный и уютный земной шаръ; такъ мнѣ кажется по письмамъ, т. е. по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ писемъ вашихъ, что оставаться безъ людей — воля ваша, опасно. Я понимаю, что иногда это и полезно,

какъ я когда-то писалъ, кажется, объ этомъ. Но... вотъ видите, нужно, чтобы это было поступкомъ добровольнымъ, и притомъ съ твердо-опредѣленною цѣлью. Положимъ, пѣть у васъ есть, но свободѣ выбора не было, а это цѣлесообразно нѣмало. Впрочемъ, что-жъ это я, убеждаю васъ, что ли? Хотя мнѣ можетъ многое казаться, но съ тѣхъ поръ, какъ я кромѣ писемъ не буду видѣть того, что вы дѣлаете, — я умоляю. Мнѣ, признаюсь, очень и очень хочется увидѣть картину вашу, которую вы писали великому князю Владиміру Александровичу. Гдѣ она: осталась ли въ Ливадіи, или она въ Петербургѣ, даже Григороничъ не знаетъ.

Кстати о Григороничѣ: умиротворенно, до какой степени онъ развѣивалъ, когда получилъ отъ васъ письмо — не ругательное. До такой степени обрадовался, что не утерпѣлъ; какъ только меня встрѣтилъ на четвергѣ (четвергъ начался), сейчасъ же сообщилъ, и точно ему орденъ дали, котораго онъ давно добивался. «Я, говоритъ, очень радъ, очень радъ, кажется Федоръ Александровичъ намъ совсѣмъ понравился — слава Богу здоровью, такіе милые письма началъ писать; пишетъ, что картину высылаетъ, велѣлъ раму приготовить. Я, разумеется, сейчасъ же распорядился. Только какую онъ высылаетъ — не знаете? На конюрь? Нѣтъ?» Словомъ, человѣкъ обрадовался. Это недурно, но вы послушались меня. Не обижайтесь, я написалъ: послушались, не въ томъ смыслѣ, чтобы я обольщать себя надеждою, что вы меня слушаетесь, а просто такъ. О, еслибы вы въ самомъ дѣлѣ иногда меня послушались! Я, разумеется, не думаю, что я могъ бы васъ руководить — не въ этомъ дѣлѣ, а дѣло въ томъ, чтобы я могъ хотя подвинуть на размышленія — не бросить ли Ялту для Флоренціи? А такъ бы ужъ остальное само собою вышло. Теперь, по поводу дилеммы: если вы хотѣте его получить, напишите письмо, т. е. виновать, не письмо — ирошеніе въ Совѣтъ, гдѣ изложите, что такъ, молъ, и такъ, будьте добры и прочее: что будутъ добры, я ручаюсь. Въ первомъ же Совѣтѣ вамъ рѣшавъ выдать, и попросите его выслать. Не забудьте — писать нужно не великому князю, а въ Совѣтъ. Законъ Воля и катинизма не потребуютъ. Письмо, которое вы написали Д. В. Григорьевичу по повелѣн Общества и васъ — и въ которомъ вы рѣшительно и ясно ставите вопросъ о своихъ къ нему и его къ вамъ отношеніяхъ, вамъ сдѣлало бы давно написать, очень давно, но хорошо и то, что вы наконецъ его написали. Я догадываюсь, что Григороничъ уже давно получилъ его, но что будетъ изъ этого — не знаю. Спросить, разумеется, не могу, да онъ и не скажетъ. Какъ онъ ни болтливъ, а не такой дуракъ, чтобы про себя говорить такіе вещи. Вотъ только, что мнѣ кажется: онъ письмо ваше въ Комитетъ не доложитъ; частью потому, что это загвоздка, частью и потому, можетъ быть, что въ-противъ онъ уже говорилъ что-либо несогласное съ вашимъ письмомъ чде-

намъ Комитета. Словомъ, я боюсь — дѣло останется еще на неопредѣленное время въ томъ же положеніи, а это нехорошо по всѣмъ отношеніямъ. Воля ваша, намъ придется, вѣроятно, вернуться еще разъ къ этому дѣлу и уже не вокругъ да около обходить — а въ формѣ простой официальной бумаги, съ приличными дѣлу объясненіями, поставить вопросъ уже прямо къ Обществу — тогда вы добьетесь во крайней мѣрѣ извѣстнаго: вы будете знать не то, что думаетъ Дмитрій Васильевичъ, а то, что думаетъ дѣлать Общество. Это и проще, и спокойнѣе для васъ. Что же касается до оригинальнаго устройства вашей головы, то успокойтесь: ваша голова не единственная — есть и другія въ томъ же родѣ. Столбикъ, какъ вы его называете, бываетъ у всякаго, у кого только на чердакѣ не сѣно. Правда, всякій хозяинъ-пріобрѣтатель старается прежде всего, чтобы тамъ помѣстилось сѣно, но вѣдь пріобрѣтатели людямъ неможно помѣшаннымъ и не указъ. Если вы не желаете (и совершенно похвально) заботиться о подметкахъ, то можете быть увѣрены, что найдется еще подобный вамъ чудакъ на свѣтѣ, такого же беззаботнаго характера — и стало быть вы всегда найдете себя надеждою встрѣтить такого и быть въ его обществѣ.

Съ удовольствіемъ читалъ то мѣсто въ вашемъ письмѣ, гдѣ вы рассказываете о вашемъ подвигѣ притворнаго человѣка, это во 1-хъ очень вѣрно, во 2-хъ хорошо, въ 3-хъ именно такъ, какъ нужно, и потому-то результатъ благополучный — насколько можете быть вообще результатъ благополучнымъ въ дѣлѣ, отъ котораго желаете отбѣлаться.

Возвращаю еще разъ къ Обществу. Будто непременно нужно сидѣть въ Ялтѣ до сентября 73 года? Будто непременно нужно 15 картинъ, и всѣ ихъ оставить? Не ошибаетесь ли вы? Ну, а еслибы, напримеръ, можно поѣзду совершить безъ сѣхъ геркулесовскихъ подвигонъ? что тогда? И потомъ, почему на Востокъ? Конечно, Востокъ для того и существуетъ, чтобы туда ѣздили, для полюбовія, а оттуда восходили — аки свѣтила. Положимъ. Но вѣдь ей-Богу, пока все это совершится, пока вы будете оканчивать картины, пока соберетесь путешествовать, 666 разъ солнце взойдетъ съ востока и столько же разъ оно опустится на западъ, я успѣю поспѣть, Клеопатрѣ потерять остроуіе и головныя боли, а вы пускитѣ глубокіе корни въ Ялтинскую почву — и Богъ знаетъ еще, что будетъ. Почему не попытаться приступить къ этому немедленно? Оканчивайте картины великому князю, а между тѣмъ подымайте письменно вопросъ въ Обществѣ о вашей поѣздкѣ за границу, но за границу, гдѣ есть жизнь и люди — гдѣ цѣлая арія художниковъ работаетъ и удивляетъ сонный міръ результатами своихъ усилій. Мнѣ, сидящему въ болотѣ, толпящемуся въ этой скверной мѣѣ, называемой русской интеллигенціею, право иногда

кажется: вѣдь, право, можно бы сдѣлать это. Можно тѣмъ болѣе, что достаточно 3-хъ—4-хъ картинъ вашихъ, чтобы рѣшить дѣло въ пользу свободы и сѣта. Или ужъ такъ необходимо, по вашему, огорчить общество своихъ безпріятельныхъ въ исторіи прілежаніемъ? Но вѣдь это гордость — гордость мохвальная, положимъ, но все-таки гордость лишняя. И нѣтъ сдѣлается, что именно прілежаніемъ можно огорчить только нѣмца, а не насъ. А потомъ, во-2-хъ, если ужъ и огорашивать — то неожиданностью другого рода — это дорожностью суммы — такъ-таки прямо давайте, да и конецъ. Это по крайней мѣрѣ понятно для нашего брата. Скажутъ: за что? А за то, что «вы же сами общались»; я еще, скажите, синхронизировать — долго ждалъ. Вы давно общались, но я не пользовался, а теперь нужно..... Дадутъ. Это вѣрно, и наконецъ я думаю, что если не дадутъ теперь, то гдѣ ручательство, что дадутъ тогда? 15 картинъ? Можетъ быть въ и нѣмца, но все-таки сколько прови и здоровья, сколько наконецъ времени чрезвычайно дорогого уйдетъ чортъ знаетъ куда, для чего? И добро бы это было кому нибудь нужно — т. е. вамъ заточеніе и ссылка; думаю, что ни въ интересахъ вашихъ, ни въ интересахъ Общества — этого не нужно. Да и что въ самомъ дѣлѣ, только и свѣту, что въ окнѣ, только и воздуха хромого, что въ Ялтѣ! Подумайте — можетъ тутъ есть толкъ. Разуменъся, я, можетъ быть, преувеличиваю ваше положеніе, но мнѣ сдается, что остаться одному на необитаемомъ островѣ, работать картины и посылать ихъ на людной рынокъ, гдѣ этого товару привозить еще изъ заграничьи тѣмъ, да къ этому еще поправляется здоровье! Это что-то мудрено — не пойму. Мнѣ иногда кажется, что вы не въ Ялтѣ, не въ благодатномъ климатѣ, а въ Якутскѣ, гдѣ нибудь въ юртѣ, и катаетесь на оленяхъ, право такъ. Последнюю вашему совѣту (т. е. пріѣзду), не буду писать письма знакомъ, а съ отдыхаи и промежутокми: во-1-хъ больше напишу, не станете упрекать, а во-2-хъ все-таки больше теплухи нагородится.

1-го декабря.

Дождася! Ей-Богу, добрый мой, красна бросилась въ лицо, когда сегодня получилъ 2 письма отъ насъ: одно отъ 15-го, другое отъ 24-го ноября. Итого 3 письма. Ради самого неба, не сердитесь на меня. Вы не возмѣните, разуклетесь, что меня бросило въ краску, а между тѣмъ это такъ. Вотъ видите ли, я просто простить себѣ не могу, что не написалъ вамъ двухъ строкъ, по полученіи большаго письма, потому что двѣ строки написать всегда возможно, это правда, но думалось: что-жъ я ему теперь напишу, подожду недѣльку пока отдѣлаюсь. Ахъ вотъ и дождался. Теперь — знайте, всякій разъ самымъ рѣшительнымъ образомъ буду писать хоть слово — все-таки вы будете знать, а то, Богъ вѣсть, что вы мо-

жете такъ подумать. Да уже и думаете, потому что звучитъ ибкая нота, не то горечи, не то обиды, что вотъ дескать пишешь, пишешь ему, а онъ-то молчитъ какъ рыба, и ужъ обидается писать поменьше. Какъ хотите, такъ и дѣлайте, а я скажу, что письма наши доставляютъ мнѣ большое, чѣмъ вы думаете. Я съ самымъ глубокимъ интересомъ слѣжу за всѣмъ, что происходитъ въ нашей душѣ. Вѣдь вы все-таки продолжаете быть для меня открытымъ инструментомъ; не закрывайте его, ради Бога, не закрывайте. Вы не въ дурныя руки пишете письма. Вѣдь если вамъ тяжело, и черныя мысли лѣзутъ вамъ въ голову, если для васъ открывается знамяка вещей, изнанка человѣческихъ мыслей и поступковъ, и скверныя предчувствія неотступно тревожатъ васъ, то я, мой дорогой, уже давно во всѣ глаза смотрю на мѣръ Божій. Сначала какъ будто жутко, точно могила передъ тобою, но тамъ..... котомъ привыкли, и уже ничего не ждешь. Страшно созрѣть до той высоты, на которой остаешься одинокъ. Лучше, кажется, какъ бы былъ свинья и животное только, чавкалъ бы себѣ спокойно, валялся бы въ болотѣ — тепло, да и общество бы было. Сосала бы себѣ спокойно свой кусъ, и заранѣе напѣвалъ бы себѣ, у котораго сосѣда слѣдуетъ оттягать еще кусъ, а тамъ еще и еще и, наконецъ, свершивши все земное, улегалъ бы на-бѣки; понесли бы впередъ шлангу и шлангу, прочія свиньи провожали бы какъ пугаго человѣка, — трудно, но впередъ, безъ оглядки! Были люди, которымъ еще было трудно, впередъ! Хоть пить лѣтъ еще, если хватить силы, больше едва ли, да больше, можете пить, и не нужно. Надо написать еще «Христа», непременно надо, т. е. не собственно его, а ту толпу, которая хохочетъ во все горло, всѣми силами своихъ громадныхъ животныхъ легкихъ. Въ самомъ дѣлѣ, воображаете: наелся чудакъ — я, говорите, знаю одинъ, гдѣ спасеніе. Меня послалъ Онъ, и я его Сынъ. Я знаю, что Онъ хочетъ, идите за Мною, раздайте свои сокровища и ступайте за Мною. Его схватили: «Понаси! Ара! Вотъ онъ! Постояте — гениальная мысль! Знаете, что, говорятъ солдаты, онъ царь, говорятъ? Ну хорошо, парадный его мундиръ — царемъ, неправда ли хорошо?» Сказано, сдѣлано. Нарядили, и омовѣстили со своей выдумки Синедрионъ, — весь боюндъ выспалъ на дворъ, на площадь и, увидавши такой спектакль, всѣ, сколько было народу — покатылись со смѣху. И пошла гулять по сѣту слава о бѣднѣхъ стуканыхъ, захотѣвшихъ указать дорогу въ рай. И такъ это поправилось, что вотъ до сихъ поръ все еще покатываются со смѣху, и никакъ успокоиться не могутъ. Этого хотятъ вотъ ужъ сколько лѣтъ меня преслѣдуетъ. Не то тяжело, что тяжело, а то тяжело, что смѣются.

Какъ быть, трудно вамъ, знаю; и помочь не могу — ужъ кого отгнѣтитъ Господь Богъ, кому Онъ дастъ хоть частичку самого Себя, — знаете, свер-

шитъ онъ свой путь, какъ слѣдуетъ свершить. Громовыя послѣдствія потому и рововыя, что человѣкъ долженъ нести отвѣтственность только за то, что онъ умѣе, лучше, талантливѣе. Успокойтесь, это не намери, а ничего не знаю о наиврѣннѣхъ Общества, всего меньше NN, этотъ унтеръ — прости Господи. Знаете — это такое колоссальное, непроходное чудовище, деревянное животное въ военномъ мундирѣ, что просто поразительно. Не любилъ я его никогда, но до какой степени онъ имѣетъ мало человѣческаго, признаюсь — не ожидалъ. Все, что онъ написалъ намъ — его чистый вымыселъ. Я уже выше вамъ писалъ, что Общество тутъ не при чемъ, и теперь повторяю. Пора подлить просто въ комитетъ поворота о нашей побѣдѣ. Напишите Григоровичу письмо, и ужъ какъ знаете, такъ и сдѣлайте, но не забудьте вопросъ передъ Обществомъ.

Право, мнѣ кажется, 15 картинъ не нужно для этого. Повторяю самымъ настоятельнымъ образомъ — успокойтесь. Я ничего не знаю, ничего не слышу, чтобы гроза какая либо собиралась. Можетъ быть и есть такіе храбренькіе, которые кукни въ кукнамѣ показываютъ, т. е. пишутъ, что дескать такъ и такъ. Отчего-то и не страшать, благо за это никто въ загравокъ не положитъ, да еще когда-то отвѣчать придется — а все-таки не худо напакостить. Все это вадоръ, бросьте, стыдно, или ужъ напичните что и кто пишеть. Тогда, можете быть, я буду въ состояніи указать вамъ источникъ Господи, когда подумаю, что около 2-хъ недѣль это письмо еще къ вамъ пройдетъ — просто страхъ беретъ.

О Шинкинѣ сообщу вамъ, что онъ правъ молодцомъ, т. е. пишеть хорошія картины. Конечно, чего у него нѣтъ, того и нѣтъ. Но онъ наконецъ смекнулъ, что значить писать — судите, можетъ одно мѣсто до поту лица, — токъ, токъ и токъ получалъ. Когда это было съ нимъ? Вѣдь прежде, бывало, дописалъ все, выписалъ, доработалъ, значить и хорошо. А теперь — нѣтъ: разъ двадцать помажетъ то одному, то другому, котомъ опять тѣмъ же и т. д. Проснулся. Неизажъ сдохла въ 3 ари. 1 вершокъ, внутренность (болотистая) лѣса, да еще и въ сумерки, какое-то строе чудовище, а ничего — хорошо. Другую, облачную, сайтаую поляну, подъ отбѣсными лучами солнца. Прѣхалъ Третьяковъ, покупаетъ у меня картину, торгуется — да и есть съ чего. Я его огорошилъ, можете себѣ представить: за одну фигуру вдругъ съ него требуютъ не болѣе, не менѣе какъ шесть тысячъ рублей. Какъ это вамъ кажется? А? Есть отъ чего ркнуться. Вотъ онъ и завопилъ! А все-таки не отходитъ. Друзья воиная набооротъ: дешево. Каково — это дешево! Признаюсь. Что состоится, напишу вамъ. Требуемая вами пѣль, краски и прочее не замедлю выслать, ей-Богу не замедлю. Усните спокойно. Господь съ вами.

Вамъ И. Крамской.

Л. Къ В. Г. Перову.

23-го декабря 1872 года.

Глубокоуважаемый Василий Григорьевич. Картины вѣхали въ чѣлости. Искреннее спасибо за портреты *), которые вы-таки выслали. Впрочем, долгъ благодарности вѣроятно надо отнести къ убѣжденію Павла Михайловича. Выставка, какъ она опредѣлилась теперь, вышла чуть ли не многочисленнѣе прошлагодной и, сколько могу судить, ровнѣе, т. е. нѣтъ вовсе плохихъ вещей. По крайней мѣрѣ, мнѣ кажется такъ. Пейзажный отдѣлъ и отдѣлъ портретовъ — блестящій, жанръ — средній и даже положительно хорошъ, а картина Мясоедова — прекрасная **). Ну, а тамъ, что Богъ дастъ. Что же касается вашей картинѣ «Выгужка извести на Днябрь», то выражаю вамъ мое мнѣніе, какъ вы того желаете. Картина, не смотря на неудовлетворительный рисунокъ и мѣстами даже дурной, — дѣлаетъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе, сочиненіемъ, содержаниемъ и общими тонами картинѣ. Мнѣ остается только сожалѣть, что такая страшная мысль, такое драматическое содержаніе, быть можетъ, самое серьезное изъ всѣхъ, вами взятыхъ, стоитъ по исполненію фигуръ не на томъ уровнѣ, какой я уже привыкъ у васъ видѣть. Вы требовали отъ меня отчета — я вамъ сказалъ. Пейзажъ и содержаніе дѣлаютъ, повторю, чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

Выставка для публики будетъ открыта 26-го числа, на второй день праздника. О впечатлѣніи, которое она будетъ дѣлать, я не замедлю сообщить. Теперь же ограничусь пока этимъ. Кстати, мы получили 7 ящиковъ, и въ нихъ не оказывается Каменева «Ліса», о которомъ вы писали; я не знаю, что подумать. Что же касается высылки къ вамъ денегъ, то, я полагаю, Николай Николаевичъ Гѣ, который уже пробѣжалъ чрезъ Москву, вѣроятно вамъ уже сообщилъ, что рѣшено — всякій занимающій внести 1/10 за все время по расчету времени, такъ что это все равно, лежать ли деньги въ банкѣ, или на рукахъ членовъ: они должны принести 1/10. Впрочемъ, если нужно, потребуйте — мы вышлемъ. Свидѣтельствуую мое глубокое уваженіе супругѣ вашей. Дай Богъ вамъ здоровья.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Л. Къ П. М. Третьякову.

23-го декабря 1872 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Всѣ картины, присланныя изъ Москвы, получены сегодня въ чѣлости. Я вамъ очень благодаренъ за пор-

*) На передвижной выставкѣ 1872—3 г. находились портреты: И. С. Камнина, Петрова, Достоевскаго, А. М. Майкова, Дали, Турчанинова.

**) «Земское уѣздное собраніе въ обѣдненное время».

треты Перова. Надо полагать, что онъ самъ не прислалъ бы ихъ всѣ. Только одно недоразумѣніе: В. Г. Перовъ писалъ мнѣ, что есть картина Каменева «Ліса», а между тѣмъ въ присланныхъ ящикахъ таковой не оказывается.

Руны у «Христа» я кончили. Картину «Майская ночь», полагаю, что кончу къ вашему прѣзду. Благодарю васъ, глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ, за желаніе встрѣтить мнѣ хорошо праздники; сожалѣю, что не могу въ свою очередь сказать вамъ во время того же, но примите мое искреннее поздравленіе уже съ наступающими. Уважающій васъ

И. Крамской.

Позволяю прибавить къ свѣдѣнію вашему, что у Боголюбова, на нашей выставкѣ, есть очень хорошая вещь — «Устье Невы» — онъ давно такъ не писалъ.

Л. П. Къ О. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 1-го января 1873 г.

Вотъ онъ, Новый годъ! Тяжелый годъ прошелъ, тяжелый годъ наступаетъ. Мой дорогой Федоръ Александровичъ, если бы мы знали, чего нѣтъ будетъ стоить написать это письмо! Но такъ ужъ и быть. Вы и сами не захотите ничего знать другого, кромѣ правды. Я отъѣзжаю вамъ на письмо ваше отъ 16-го декабря, которое я получилъ вчера, наканунѣ Нового года. Собственно говоря, я бы долженъ былъ написать вамъ 22-го числа, когда я видѣлъ присланную вами картину къ Григоровичу, написанную въ подарокъ императрицѣ, но я долго раздумывалъ — рука не подымалась. Отчего? Вы, разумеется, догадываетесь — рѣчь идетъ о картинѣ, которую вы и сами ругаете. Ругать я не стану — пусть это дѣлаютъ другіе, кому это доставитъ удовольствіе — мнѣ же было очень грустно. Опишу по порядку. Григоровичъ извѣстилъ меня запиской, чтобы я пришелъ посмотрѣть носкорѣе, такъ какъ онъ долженъ доставить ее во дворецъ. Картина — прежде всего, разумеется, казенная, заказная. Это снискаетъ съ меня обязанность относиться къ ней со стороны содержанія. Остается разсматривать ее со стороны исполненія. Но, принимая во вниманіе одинъ мѣсяць работы, это извѣщаетъ васъ, собственно, отъ многихъ упрековъ. Вы скажете, что же собственно остается, что еще такъ есть такое, объ чемъ слѣдуетъ вести разговоръ? кое-что остается. Во 1-хъ, та сила удара по сѣтѣ и тѣни, которая у каждого художника всегда остается, что бы онъ ни дѣлалъ, и во 2-хъ — выборъ тоновъ, или, лучше, освѣщенія и цвѣта, при которыхъ всякій предметъ, сохраняя сходство, получаетъ фیزیономію нѣсколько иную, чѣмъ бываетъ обыкновенно. Послѣдніе два положенія всегда во власти ху-

дожина. Этими правами мы не воспользовались, или не могли воспользоваться — не знаю; но вещь через это много потеряла. Сила ударов так слаба, что раздается плоскости, следствие одиночества — самого страшного врага для художника, а пятна в картине так не замысловаты, что не представляют никакого интереса. Я не говорю уже об том, что картина имеет вид чрезвычайно усталый: это понятно. Вы видите, дорогой мой, что я, может быть, беру выражения несомненно обдуманные, но к чему бы это послужило? Ничего из того, что я вам здесь пишу, я не сказала Григорьевичу. Ой, как бы мне боясь, все нахваливать и восторгаться. Но как бы то ни было, а правда и для него должно быть сказано. В одном мы сошлись — это, что так как картина — портрет, то стало быть и относиться к ней не следует иначе. Теперь я повелу рывок от себя. Вы хлопотали, чтобы картина не была закрыта сверху. Почему это, скажите? Мне кажется, что темнота меньше неба, темнота лучше. Когда вы находитесь на высоте и смотрите вниз, вы не видите неба — закон перспективы таков. Если же вы, находясь на высоте, смотрите вдаль на горизонте или горы, то не можете видеть земли под ногами, то есть ближайших предметов, составляющих первый план. У нас в картине есть место перед балконом, за которым — громадная промаша, и так, на десятиверстном расстоянии, внизу пролегает не то дорога, не то берег с едва видимыми предметами, а за ними залиты и горы. Попробуйте увидеть при этом столько неба, сколько у вас, и вам надо будет поднять голову, что рывительно нельзя позволить в одной картине, не нарушая законов зрелища и перспективы. Это относительно постройки картины. Это же относится до исполнения, то, за исключением середины, т. е. промаша и части горы, то это, не смотря на остальное, так хорошо, что я все-таки узнаю, вас. Картина, собственно, должна бы быть панорамой с птичьего полета, а при этом темнота больше будет земли и меньше неба, темнота лучше и ярче. Помните, я писала вам о картине «Болото», в которой я заметила некоторую слабость отношений между светом и тенью. В этой же последней, слабость так заметна, что дальше остается только отсутствие рельефа, и я так этого неустояла, что рывками нарисовала вам самые рывочнейшими образом, недопускающим никаких сомнений. И по нему, вам следует употребить все усилия вашего краспорядка, чтобы побить за границу во что бы то ни стало, при первой возможности, т. е. не при первой возможности, а именно литьем — в Италию, Францию, Испанию, или куда еще в другое место, и я уверяю, что мой дорогой и единственный друг, не нарушая здоровья, т. е. не разстраивая его по крайней мере, спасет себя для России. Я говорю это, несколько не увеличивая и не уменьшая значения Васильева для русского искусства. Нет у нас дей-

зависта-люта, в настоящем смысле этого слова, и если кто может и должен им быть, то это только Васильев.

Отчего, скажите, когда я думаю об вас, мне приходят в голову слова Берне, друга и приятеля Гейне, который говорит, что: «горе тому обществу, у которого оказались фарфоровые чашки». Чорт знает, в самом деле, фарфоровые чашки — это все то постороннее, что собственно должно только сопровождать и следовать за картинами, а не вмешиваться им. Не ждите от меня наставлений и морали: им нас с избытком наделяют другие, пишущие к вам. Моя роль другая. Чего мне от вас нужно? И что я вам такое? Жизнь моя не была бы такая богатая, гордость моя не была бы так основательна, если бы я не встретился с вами в жизни. Что из этого выйдет, кто кому будет обязан — разсуждать не наше дело, но уж одна возможность говорить что думаешь, честно и без прибавки замяться разсмотрением какого-нибудь действительного человеческого вопроса — такая в сущности находка для человека в жизни, что, право, одного этого достаточно, чтобы сказать иногда: слава Богу — я живу.

Но возвратимся к практике. Не страдайте от невозможности сказать все до очевидности, не мучьте себя, что многое из ваших писем не все понятно. Вы, стало быть, не знаете мысли этого, что всякий неглубокий человек всегда понимает многое между строками, что всякий неглубокий человек, живя на свете, пытался употребить человеческий язык, очень хорошо знает, что есть вещи, которые слово выразить рывительно не может. Он знает, что выражение лица именно приходит на выручку в такое время — иначе живописец не был бы мастером. Если бы все можно сказать словом, то зачем тогда искусство, зачем музыка? Теперь, когда нет возможности ни показать свое лицо другому, ни проявить, ни нарисовать картину, то остается писать письма, но написать не все возможно — слов нет. Ну, тогда остается та логика, которая видна между строками, что человек говорит мысль чего, и как он это говорит, где он остановился, в какую сторону уподобил мысль: все это, уверяю вас, в письме может быть отыскано, так же или почти так же, как бы и видеть живого человека. Словом, не сокрушайтесь. Я понимаю все, что вы пишете, или по крайней мере — главное. И что вас беспокоит? Долги? Недостаток средств устроит свою жизнь, чтобы можно было предаваться искусству? Хорошо, положим, это скверно: это даже больше темнота скверно. Но почему же, скажите ради Бога, нужно их заплатить немедленно? Вы очень ошибаетесь, чтобы иначе нельзя было бы. Конечно, часть их должна быть погашена в ближайшем будущем, то есть та, которая должна идти беднейшим; другая же с таким же удобством

можете быть отодвинута на такое же время, которое уже прошло. Это раз. Видь вы же их заплатите? Изъ чего же убиваться? Роману 10 лѣтъ? Ну что-жъ изъ того? Пусть онъ идетъ по дорогѣ всѣхъ дѣтей, — пусть воротится съ вашей матушкой въ Петербургъ и ходить въ гимназію. Если же вы думаете, что тутъ нужно сдѣлать что-то другое, то вы опять ошибаетесь. Вы не имѣете права иначе поступать относительно себя. Когда человѣкъ обязанъ что либо въ жизни дѣлать, то ему остается только сказать: «нѣтъ у меня братьевъ, нѣтъ у меня матеря», когда на то можно. Слова эти были сказаны Христомъ, когда, во время Его учения, ему доложили, что мать и братья пришли и Его срамничаютъ. Прешагните черезъ нихъ и ступайте съ Богомъ дальше. — а всенерлонная необходимость и разумность, лишь бы причины были основательны. Есть у васъ онѣ, эти причины — плюньте на все; нѣтъ ихъ у васъ, сидите въ Ялтѣ, въ Петербургѣ, въ Камчаткѣ, и дѣлайте глупости. Я такъ смотрю на это дѣло. Заказы — миромъ — это самое скверное. Но отчего же ихъ не отсылать нѣкоторымъ образомъ декоративно, — такъ на маршатажины, поскорѣе, лишь бы красиво? Я даже скажу, что если вы сдѣлаете что-нибудь другое, то полагаю, что сдѣлаете не то, что хотите и не то, что нужно. Ужь таково положеніе всякаго, кто беретъ заказы: или заказать, значитъ постараться понравиться одному кому-нибудь. Ну и поправляйся. Это подлю, вы скажете, а зачѣмъ братья? Я согласенъ, что отказаться нельзя было, ну и обработайте. Вы, я вижу, еще не имѣете ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ нужно исполнять заказы. Тутъ задумываться некогда. Разумѣется, тяжело будетъ просить за нихъ, но вы скажите мнѣ, что не тяжело? Тяжело все, что дѣлается по необходимости. Тяжело и котлеты есть два мѣсяца въ ряду, а ѣдите же? ²/10 въ жизни человѣкъ обязанъ дѣлать тяжелыя вещи — не живите, коли такъ. Конечно, есть и такіе труды, которые, запутавшись, пускаютъ себя пулю въ лобъ, но видѣ это не штука, на это хватаетъ и дурака, а вы попробуйте остаться, да сдѣлать, ну тогда я скажу — мастеръ. А то, скажите пожалуйста, колесо его немножко парануло (ну, можете такъ что-нибудь и оторвало дажно), а онъ и охаетъ. Видѣ у васъ, собственно, весь вопросъ о томъ, нельзя ли перенести свою особу, выхвѣсть съ долгами, изъ Ялты куда-нибудь въ другое мѣсто. Это не такъ хитро. Попробуйте прислать три картины въ Общество и подните вопросъ о перемѣщеніи, и вы увидите, что это больше, чѣмъ возможно. Да даже и вопроса никакого быть не можетъ, вѣдь это рублей ежемѣсячно будутъ вамъ высылать всегда, останется въ Ялтѣ, или перейдете въ Ташкентъ: ну и воспользуйтесь этимъ. 100 руб. въ Крыму — мало, а заграницей и одному — это деньги. Я думаю, беспокоиться нечего. Останется истолковательская тонкости, очень похвалу уважительная до тѣхъ поръ, пока

вы имѣете собесѣдникомъ Клеопина (человѣка, достойнаго всякаго уваженія), но чуть только увидите настоящихъ художниковъ, какъ тотчасъ же почувствуете, что и Крамской не Богъ знаетъ что, и безъ него обойтись можно чудесно. Право такъ. Просто, не говоря худого слова, дождитесь лѣта, да ни съ того, ни съ сего уйдомте Григоровича, что-моль, добрый Д. В., потрудитесь высылать мнѣ деньги върехъ по слѣдующему адресу: «Воса, юсти-рестанта», или что-нибудь подобное. Ви Богу, чудасная штука. Мнѣ весело даже стало, есть выходъ. Впрочемъ, какъ знаете. Я видѣ это болтаю, а вамъ, разумеется, не до того. Еще болѣе практическое: конкурсъ въ мартѣ. Если можете, являйтесь за лѣвную частью...

2-го января.

Конкурсъ отложенъ до марта, какъ я сказалъ выше. Я думаю, что вы усѣдете. Шинкинъ хотя и намеренъ, кажется, писать, но едва ли что сдѣлаетъ. Съ своими двумя большими пейзажами, о которыхъ я вамъ писалъ уже, онъ такъ усталъ и измучился, что, какъ онъ говоритъ, — голова юста. Одинъ изъ нихъ вышелъ очень хороши — лучше прошлогодняго конкурснаго: Академія его купуаетъ. Другой же — «Поденъ» вышелъ ординарнымъ. Но все-таки лучше его времнхъ неизвѣрнн — въ топкахъ. Но что положительно чудо — Боголюбовъ написалъ удивительную вещь: «Устье Невы» отъ Петергофа. Онъ давно не писалъ такихъ вещей, то-есть съ самаго прѣзда. По моему, превосходилъ вещь. Всѣ эти вещи находятся на Передвижной выставкѣ, которая открылась уже, впрочемъ поздно, какъ видите. Но все-таки выставка — ничего. Не смотря на то, что въ этомъ году капитальныхъ вещей на выставкѣ меньше, чѣмъ прошлый годъ, но посетители есть. Нужно вамъ сказать, что здѣсь въ Петербургѣ что-то странное въ атмосферѣ: мы ѣздимъ на дрожкахъ, до сихъ поръ нѣтъ ни свѣту, ни морозовъ; все дожди пополамъ со свѣтомъ и 5 градусова тепла. Чортъ знаетъ, что такое. Одинъ говоритъ, что мы находимся въ хвостѣ канной-то кометы. Свѣту ни агъ — около часу какъ будто посвѣтлѣетъ, а въ остальное время сумерки — ничего не видно: въ залахъ Академіи (въ античной) картинъ не видно. Другіе утѣряютъ, что пережину климата надо отвести къ веревкѣ теченія гольфъ-стрема въ Атлантическомъ океанѣ. Не знаю, что правда и что врань, но тѣмъ не менѣе въ Петербургѣ творится что-то необычайное. И не въ одномъ Петербургѣ: въ Москвѣ и другихъ городахъ то же. Четверни по-прежнему продолжаются и члены почти все тѣ же. И такъ, все идетъ, не смотря ни на что, но-старому. Пишемъ мы письма другъ другу. Терзаемъ себя разными, иной разъ неприличными, соображеніями, тоскуемъ и радуемся, а что будетъ впереди — одному Богу извѣстно.

Дорогой мой, я послѣ своей картины какой-то странный сдѣлался, старѣль. Сѣдина оказалась — рано какъ бы еще — 35 лѣтъ, а тамъ скоро и къ 40 подойдетъ, послѣ — шабашъ. Вы говорите, чтобы я не откладывалъ въ долгій ящикъ задуманной картины. Какъ бы то Богъ далъ, я и самъ бы былъ радъ. Но... слишкомъ ужъ много нужно для этого. Нужно видѣть и народъ тотъ, и мѣста, и многое другое, да нужно поѣхать и за границу еще разъ. Если не вычеркнете меня судьба изъ списка, напишу, будьте покойны. Ужъ очень хороша форма, ужъ очень хочется самому, и долженъ наконецъ, чтобы не даромъ жить. Право. Я никогда не думалъ, чтобы картинами могли поглощать человека до такой степени. Мнѣ просто не вѣрится, чтобы я, исполнившій всевозможные заказы, и тещерешней — одно и то же лицо. Я съ ужасомъ думаю, какъ это я буду въ состоянii исполнять ихъ какъ прежде, а вѣдь нельзя безъ этого. Успокойтесь, дорогой мой, я понимаю васъ отлично, что значить: заказы. Я и всегда понималъ. Еслибы вы томились такъ долго, какъ я, на работахъ, которыми вы знаете, то поняли бы и мою радость и мой ужасъ — вѣтъ другого слова.

Радость моя вамъ незнакома — а ужасъ понятенъ. А вѣдь картина моя и не особенно понравилась. Какъ будто бы это — сумасбѣдница. Впрочемъ вы отзывы узнаете объ ней: напишутъ. Но я, не смотря на это, какъ-то празднично покоюсь, и только бы работать, работать и работать, а тутъ — заказы, тѣнущія работы. Охъ! Т. е. видите ли, я отказывался отъ всѣхъ заказовъ, но для храма Христа Спасителя въ Москвѣ, какъ вы знаете, давно взято, и наступаютъ наконецъ сроки, вотъ что северно. Ну, да ужъ мнѣ не впривычку.

Напишите мнѣ между прочимъ, что вамъ будутъ писать о моей картинѣ, послѣднѣйшай, я готовъ въ ножки поклониться тому, кто мнѣ скажетъ прямо, ей-Богу такъ. Странно: одинъ, поближе, какъ-то сторонится и неохотно даже встрѣчается, слышу только стороной, что картину ругаютъ. Другіе же какъ-то странно постороненно говорятъ, по что-то глупое, и люди, кажись, глупые, но я и имъ готовъ вѣрить. Право, такъ хочется, такъ хочется узнать, что они думаютъ и говорятъ безъ меня. Впрочемъ, зачѣмъ же это я прошу васъ писать мнѣ объ этомъ, вѣдь я иконостъ, я долженъ быть покоенъ, и наконецъ не мальчишъ же я. Я знаю, что я сдѣлалъ — вперед! Все равно, что сдѣлано, должно оставаться назадъ.

Добрый мой, не взыщите, я пишу что-то несвязное. Не останавливаться ли? Изъ всей комиссіи по пересмотру устала, я вѣсть съ вами молагаю, что толку будетъ немного. Но на алтарь отечества легку положить, пусть ее уляжется въ архивъ. Такъ и есть, забылъ самое главное: прошение отъ вашего имени въ Академію. Но обидѣла вамъ написать его немедленно и прислать для подписи. Теперь поздно. Сейчасъ ушелъ Павловъ, говорили

про васъ, вспоминали и помяли немножко бома. Ну все же таки увидимся! Жена моя благословляетъ васъ, хвораетъ она все. Клянитесь Ольгѣ Емельяновнѣ, а я какъ бы, такъ и остаюсь, исключая наружности. И. Крамской.

LIII. Къ П. М. Третьякову.

11-го января 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Различныя платы, предстоящія мнѣ 17-го января, заставляютъ меня безпокоить васъ, добрый мнѣ Павелъ Михайловичъ, просьбой прислать мнѣ, если возможно, 1000 рублей. Мнѣ очень жаль, что такъ случилось, но это послѣдній разъ; надѣюсь, въ крайній мѣръ, такъ, что слѣдующіе мнѣ деньги могутъ быть уплачены уже, когда вамъ заблагорассудится.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ прошу честь быть къ услугамъ
И. Крамской.

Я очень радуюсь, что «Устье Невы» — ваша собственность. Чѣмъ больше я смотрю на нее, тѣмъ она мнѣ больше нравится.

LIV. Къ Ѳ. А. Васильеву.

15-го января 1873 г.

Глубочай мой Федоръ Александровичъ, видите, какой я исправный — обѣщался немедленно, а вотъ сколько времени прошло. Форма ирошенія въ Совѣтъ слѣдующія: Въ Совѣтъ Имя. Акад. Художника Федора Александрова Васильева Прошеніе. Удостоенный на годичномъ экзаменѣ, въ мѣсяцъ прошлаго 1872 года, званія класснаго художника 1-й степени, за представленные мною пейзажи, съ обязательствомъ выдержанія словеснаго экзамена изъ наукъ, я поставленъ въ необходимость инокорѣйше просить Совѣтъ Академіи уволить меня отъ него, въ уваженіе моего разстроеннаго здоровья, требующаго продолжительнаго пребыванія моего въ Ялтѣ, и выдать мнѣ дипломъ, не подвергая словесному испытанію. Ученикъ такой-то; вѣзду, слѣва, годъ и число, и только, ни больше ни меньше. Не надъ чѣмъ было и голову ломать. Все это такъ просто. Удвигайтесь моему безсердечію и невниманію къ вамъ — ничего больше не криваю. Не-когда. Скоро напишу побольше.

Искренно и глубоко васъ любящій, но негодный И. Крамской.

IV. Къ П. М. Третьякову.

16-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович. Деньги 1,500 рублей серебромъ я получилъ и приношу вамъ мою глубокую благодарность. Къ вашему приѣзду вы найдете, какъ въ Кольцовъ, такъ и въ картинѣ «Майская ночь», перемены. Последнюю я, разумеется, даже кончу. Картина Шинкина приобретена Академіей, другая же — «Полдень» куплена К. Т. Солдатенковымъ. Картина Якоби куплена имъ же. Это лучший исходъ, какой только можно было пожелать для этой картины. Вѣнская выставка, т. е. лучше — Академическая, собирается плохо, еще ничего нѣтъ, за исключеніемъ плачевныхъ произведеній польскихъ художниковъ.

Глубоко уважающій васъ

И. Кранской.

LVI. Къ О. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 27-го января 1878 года.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Вы опять начинаете хворать, какъ видно. Что это значитъ? Или вы не особенно благоумно себя ведете вообще, или внутренняя жизнь слишкомъ жарко и разрушительно горитъ. Подведите итоги всему, что у васъ происходитъ внутри, переберите всѣ свои страсти, всѣ влеченія своей натуры, которыя иѣшаютъ вамъ, и безжалостно (легко сказать) вытолкните ихъ въ мѣсто. Что это такое съ вами дѣлается? Нѣтъ, я пожалуй буду правъ, говоря, что слишкомъ ранній возрастъ, въ которомъ вы обрѣтаетесь, иѣшаетъ вамъ управлять всѣми своими нравственными капиталомъ, даннымъ отъ природы. Вы уже знаете, что я объ этихъ вещахъ думаю; я, кажется, вамъ говорилъ уже, что, чтобы быть художникомъ — мало таланта, мало ума, мало обстоятельствъ благоприятныхъ, мало наконецъ всего, чѣмъ обыкновенно надѣляется человѣкъ и приобретаетъ, — надо имѣть счастье обладать темпераментомъ такого рода, для котораго, кромѣ занятія искусствомъ, не существовало бы высшаго наслажденія; темпераментомъ, который легко отказывается отъ всякаго другого человѣческаго наслажденія и не сомнѣвается, выстрѣливъ, что онъ не такъ вѣчно питается, какъ люди, рвущіе куски жизненнаго пирога. Наконецъ, художникъ, кромѣ ответственности вообще, лежащей на каждомъ человѣкѣ, отвѣтственъ главнымъ образомъ въ занятіи талантомъ. Что это я пишу, Боже! Но будемъ продолжать, пока продолжается. Талантъ — штука страшная, и чортъ его знаетъ, до чего требованія его не-

уменьши. У него только одна дилемма: или *будь*, ступай впередъ, совершайся, за нимъ только и ухажиная, для него только и работай, или упрямь и отыдай передъ собою. Извѣстная штука. Что нибудь одно: или онъ, талантъ вашъ, или вы, человѣкъ. Убейте въ себѣ человѣка — получите Васильевъ художникъ; могонитесь за человѣкомъ, полагаю, что талантъ не уйдетъ, и онъ уйдетъ наизвѣрное. Отвѣченный печатью никогда ее не сможетъ. Знаете ли, впрочемъ, что я только сей моментъ догадался, что писать вамъ такіе вещи — значить оскорблять васъ; ей-Богу, только сію минуту. И къ чему это — зачѣмъ это сорвалось, и какой, наконецъ, поводъ вы дали, чтобы обращаться къ вамъ съ проповѣдью такого рода? Хорошо еще, что это не есть проповѣдь, а просто разсужденіе, которое во мнѣ совершается вслухъ. Но нельзя же замазывать все до такой степени, чтобы не было трещины, и трещина есть, пожалуй. Таковою оказывается все, что я узналъ о вашей денежной сторонѣ. Знаете ли, что я просто примель въ ужасъ отъ вашихъ дѣлъ въѣвшихъ вообще. У васъ огромные долги въ Ялтѣ? Положимъ, въ Ялтѣ дорого страшно, я имѣю нѣкоторое понятіе объ этомъ, но все-таки! Голубчикъ мой, дорогой, вы запретили мнѣ говорить о подаркѣ, сдѣланномъ моею женой, положимъ такъ, но, ради Бога, вѣдь это, вѣроятно, крушина и довольно микроскопическая, которая извѣстна мнѣ, сравнительно съ тѣмъ, что имѣ еще неизвѣстно. Неужели же нельзя всего этого вытолкать въ мѣсто? Должно быть нельзя, когда вы дѣлаете, а жалъ. Это, все вышестъ взятое, вѣроятно доставляетъ вамъ такую шутливую муку, какой и здоровый гуляка не выдержалъ бы, еслибы гуляки вообще были способны къ ощущеніямъ подобнаго рода. Однакомъ я, должно быть, нѣсколько простоватъ кажусь вамъ съ криками: «Ради Бога не сдѣлайте пожара!» въ то время, когда весь домъ въ огнѣ, а я не замѣчаю. Да я просто ума не приложу, что дѣлать, что вамъ писать и куда ступить, чтобы не оскорблять васъ нотаціями. Довольно вѣроятно, вы ихъ получаете и безъ меня. Скажите просто, не могу ли я что сдѣлать тутъ? Помните меня куда хотите, но не оставляйте этого дѣла въ томъ видѣ, въ какомъ оно уже находится. Мнѣ извѣстенъ фактъ — глѣба снѣга не увеличится, когдѣ скоро перестали ее катить; напротивъ, уменьшится и даже таетъ, въ оттепели правда, но вѣдь въ Ялтѣ нѣтъ такихъ морозовъ. Какой глупый капабуръ, однакомъ. Я всегда осуждалъ, когда человѣкъ не придерживаетъ языка во-время, а вотъ и самъ сказалъ пошлость. Итакъ, оставьте глѣбу, не увеличивайте, посмотрите, лучше будетъ. Нѣтъ, не могу, дорогой мой, чувствую, что начинаю говорить такіе ялоскіе вещи, на которыя хватается всякаго благоумнаго человѣка. Хорошо говорить благоумныя слова, когда сердце остается холодно ко всякимъ страданіямъ, удовольствіямъ. Выругайте, если хотите, но я не скажу больше ни слова объ этомъ

до тѣхъ тѣхъ поръ, пока вы не разъясните этого, если найдете нужнымъ это сдѣлать.

Что касается моей поѣздки ради картины, то она еще только въ проектѣ. Она, конечно, осуществится, если буду живъ: картина будетъ наѣрное, но не ближе двухъ лѣтъ. Въ предстоящее лѣто я поѣду въ Воронежскую губернію, буду тамъ кое-что писать: «Божьяго человека», «Осмотръ стараго дома» и «Хохоть» — потомъ. Я теперь читаю кое-что нужное, готовлюсь, обдумываю, но не приступлю къ поѣздкѣ раньше, пока не начну, такъ сказать, самой картины, то есть пока она не будетъ готова совсѣмъ въ головѣ. Хотя она уже и готова, но не на столько, чтобы сѣсть и ѣхать за мѣю. И потому поѣздка совершится по этому обстоятельству, что уже скончаловалось какъ и что, куда надо ѣхать, гдѣ остановиться. Рано еще. Если же поѣздка состоится, то она состоится прежде всего въ Италію, чтобы видѣть развалины Помпеи; словомъ, прежде рѣшить надо посмотрѣть, а тамъ Костя и въ Сирію и Палестину. Это вѣрно, т. е. я такъ думаю.

Кстати, Рѣшинъ все еще ищетъ своихъ «Вурлаковъ»: немножко долго — сегодня напишетъ одно, завтра другое, а когда нибудь еще — третье. Савицкій конкурируетъ на большую золотую медаль. Шинкинъ... Шинкинъ ютти кусаетъ, хотя намѣренъ нисать на конкуръ, но еще не начиналъ. Увижу — напишу. Затѣмъ все по-старому, и все такъ же какъ въ оставшія, ничего не передвинулось, все на своихъ мѣстахъ.

Хотѣлъ вамъ выслать, но такъ какъ вы не написали, какого рода, то я вѣлъ уже на свою отвѣтственность рѣшить, какой послать. Григорюича нигдѣ не вижу давно, не знаю, какъ онъ распорядился съ деньгами нашими, о которыхъ вы писали ему получить у вѣликаго князя... Вы говорите: я деликатничая по поводу вашей картины. Нѣтъ, не деликатничая, а я въ самомъ дѣлѣ узналъ васъ въ ней положительно, въ среднѣ — гдѣ горы и море. Это хотя и не лучшее, что вообще вы можете, но все-таки это хорошо — а остальное: деревья, земля и небо сверху — слабо, даже плохо, одождитесь. Но вѣдь я все-таки знаю, что это мучительный заказъ. Подожду, пока не увижу чего-нибудь другого, которое надѣюсь увидать на конкурѣ. Я не хочу думать, чтобы вы не написали ничего. Что же касается вашей поѣздки за границу, то я и теперь остаюсь при томъ же мнѣніи, которое уже высказалъ вамъ, и нахожу возможнымъ, не смотря на все, что я узналъ о вашихъ долгахъ и о прочемъ. Это не извинять дѣла, одной хорошей картиной довольно, чтобы рѣшить въ вашу пользу.

Н. Крамской.

LVII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 13-го февраля 1873 г.

Дорогой мой Федоръ Александровичъ. Вчера получалъ отъ васъ одно письмо, а сегодня другое. Вѣстей куча, особенно второе изобилуетъ ими — и хотя новаго, или неординарнаго, относительно петербургскихъ пріятелей, въ немъ не заключается, но извѣстные мнѣ факты осѣщаютъ съ новой точки для меня, и потому имѣютъ интересъ. Будемте бесѣдовать по порядку. Сначала я расскажу все, что до меня касается, на правахъ дружбы: вы обязаны также благосклонно (а хотя бы и неблагосклонно) принять отъ меня то, что лично касается меня, т. е. собственно картины моей. Охъ, боюсь я, что когда вы увидите ее, то вы будете, пожалуй, удивлены, какими образомъ она могла поднять всю ту бурю въ станіи воды, которую она подняла. И особенно эти комическіе 6,000 р. Да-съ, веселое время. Разумѣется, не прамоднеси я этого этого много пріятелямъ, ничего бы не было. Но я имѣлъ дерзость написать не хуже ихъ, и вотъ тебѣ за то. Но будемъ рассказывать. Не можно, писалъ ли я вамъ, какъ у насъ съ Третьяковымъ происходило дѣло? Кажется, нѣтъ; но чтобы все было для васъ ясно, я повторю. При проѣздѣ Третьякова изъ-за границы въ октябрѣ нѣсицъ, кажется 12-го числа, онъ у меня спрашивалъ, что стоятъ мои картина. (Раньше того, Солдатенковъ билъ у меня и тоже хотѣлъ купить, но ему я отиѣтилъ, что П. М. Третьяковъ заявилъ раньше желаніе, и онъ откланился). При этомъ я сказалъ, что объявлю цѣну, когда она будетъ выставлена, что я теперь еще и самъ не знаю, что я сдѣлать такое, такъ какъ это моя первая вещь, которую я работалъ серьезно. И дѣйствительно, я былъ въ такомъ состояніи, что хотя я объ ней и думалъ серьезно, но сказать опредѣленно не могъ. Потомъ, когда стали ко мнѣ являться люди мнѣ незнакомые и помелъ говорить, и увидать, что я не совсѣмъ ошамсѣ. Но вотъ является Боголюбовъ, и объявляетъ: Академія желаетъ купить вашу вещь, сколько стоитъ? Я говорю, что я теперь не продаю, что цѣну назначить не могу и, кромѣ того, я обѣщалъ Третьякову первому объявить цѣну, а затѣмъ уже, если онъ не возьмется, Академія можетъ купить. Проходитъ еще три недѣли, Боголюбовъ опять объявляетъ мнѣ что Исеѣвъ отъ имени Академіи явится къ вамъ, чтобы узнать, продаете ли вы картину, что въ Совѣтъ была рѣшъ объ этомъ, и что онъ, Боголюбовъ, высказалъ предположеніе свое личное, что картину мою, какъ онъ думаетъ, меньше 5 тысячъ нечего и думать получить, и чтобы я отиѣтилъ Академіи. «Ну, словкомъ, къ вамъ придетъ Исеѣвъ, съ тѣмъ, чтобы окончить дѣло, или узнать наѣрное». Въ виду такого настойчиваго требова-

ния, я написал Третьякову, рассказал, что Академии уже во второй раз обращается ко мнѣ, и что такъ какъ я ему далъ слово сообщить цѣну, то и объявляю ее. На это онъ телеграфировалъ, чтобы я подождать его приѣзда нѣсколько дней. И отвѣтилъ, что жду сколько будетъ ему угодно. А Академіи сказать, что я ее уже продалъ. На другой день меня поздравляютъ съ продажей, которой еще и не состоялось. Черезъ недѣлю является Третьяковъ и говоритъ: «Не будетъ ли уступочки?» Я ему отвѣчалъ: «Не будетъ, Павелъ Михайловичъ», разсказалъ, что меня уже поздравляютъ съ продажей, и что если вы находите цѣну мою невозможной, то ради Бога не безпокойтесь, и не думайте обо мнѣ. Я способенъ повернуть ее къ стѣнѣ и оставить своей семьѣ носилъ смерти, но что меньше 6-ти тысячъ я не отдаю; что я цѣну, объявленную ему теперь, мысленно уже давно назначалъ, но если не сказалъ ему ее раньше, то потому, что въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ убѣдиться, не ошибаюсь ли я, и что только настойчивое заявленіе со стороны Академіи вынудило меня раньше времени назначить цѣну, и что хотя я понимаю весь рискъ моего поступка, но ужъ такъ и быть, принимаю все на свою отвѣтственность. Затѣмъ, онъ просилъ никому не сообщать, что между нами было, и картину оставить за мнѣ. Я въ извѣстности своей признавалъ, что въ моемъ поступкѣ нѣтъ ничего особеннаго, но, какъ оказывается, ошибался: потому, что иллюстрація и комментарій до такой степени интересны, что я не знаю, какъ ужъ мнѣ и нужно поступать. Что-жъ они сказали бы, еслибы они все знали, что еще было? Напримѣръ, во время выставки, Совѣтъ въ полночь своей составъ явился покупать картину Шинкина, и тутъ же поднялась рѣчь о признаніи Шинкина и меня профессорами. Когда я узналъ объ этомъ, я написалъ письмо къ Искѣву, въ которомъ просилъ его передать гг. членамъ Совѣта, внесеннаго это предложеніе, чтобы они взяли его обратно; въ противномъ случаѣ я принужденъ буду отказаться. Говорятъ, что была буря въ Совѣтѣ, такъ какъ предложеніе вносить Гордана, письмо мое Искѣвъ показалъ... Верещагинъ, Венигъ, Шамшинъ и прочая братія очень умными этими обстоятельствами. Словомъ: Крамской, 6,000, профессоръ, сдѣлался притчею во языцехъ. Плата для слѣдствія обильная... Но это еще не все. М, будучи на выставкѣ нашей, былъ въ залахъ Академіи и Х его началъ допрашивать, какъ ему понравились мои картины (весь этотъ разговоръ слышала Z, такъ какъ онъ ходилъ съ М). М говоритъ, что въ его головѣ не возникаетъ идея о такомъ убійствѣ Христъ, какъ онъ у меня представляется. Тогда Х началъ вѣтъ, что вѣдь эта картина написана по Россіи и вѣдь она будетъ разсѣивать сѣмена ереси и т. д. въ этомъ родѣ. М ничего не сказалъ, говорить. Кромѣ этихъ фактовъ, есть множество другихъ, но мнѣ не почитательныхъ, но Богъ съ ними.

Теперь я повѣду рѣчь собственно о себѣ, то есть о картинѣ (я прежде о чемъ я говорилъ?) Въ настоящее время, я уже совершенно усокопданъ, и увидалъ ясно всѣ обстоятельства дѣла, и могу говорить почти какъ о постороннемъ предметѣ. Картина моя расколола зрителей на огромное число разпорѣчимыхъ мнѣній. По правдѣ сказать, нѣтъ трехъ человекъ, согласныхъ между собой. И странно, только теперь какъ будто даже сами зрители начинаютъ отдавать отчетъ себѣ, что это такое. Съ начала выставки, зрители какъ будто не замѣчали ее, она была сфренская; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше, и только къ концу выставки у картинъ толпа горячилась, разговаривалась, жестикулируетъ; есть зрители, которые оцѣнили рѣшительно, и знаютъ—даже до пошлостей. Въ-Богу не преувеличиваю. Что ихъ такъ тревожить—не знаю, но думаю, что лично я для нихъ предметъ особенно ненавистный. Но за то, съ другой стороны, я былъ свидетелемъ такого впечатлѣнія, которое можетъ удовлетворить самого гордаго и самолюбиваго человѣка. Однимъ словомъ—результатъ сверхъ моего ожиданія. Впередъ!..

Простите, голубчикъ мой, что такъ много занялъ мѣста такимъ предлогомъ. Видите ли, какое жестрое письмо: одна бумажка—одного цвѣта, другая—другого, и что ни листъ, то новый цвѣтъ, точно Хамелеонъ—заблѣна моей личности для другихъ. Но произошло это очень просто. У меня вся бумага почтовая вышла, а у Софьи Николаевны въ ящикѣ была эта, подарокъ Е. И. Иконниковой моей мамѣ на память: цѣлый ящикъ съ письменными принадлежностями, гдѣ есть и бумага, но все разноцвѣтная. И вотъ я, поленю или неволю, а долженъ показаться и вамъ Хамелеономъ. Ну что-жъ, пусть такъ и будетъ.

Теперь еще новость: Савицкому отказываютъ отъ конкурса, но на какомъ основаніи, какъ бы вы думали? На томъ—что онъ женатъ. Вотъ какъ! Узнавши объ этомъ, онъ пошелъ объясниться къ Искѣву, и тотъ ему сказалъ, что это правда; кромѣ того, еще и за то, что онъ не исполняетъ (удно бы всѣхъ постановленій Академіи,—не подавалъ эскизовъ въ третніе экзамены, что онъ не сдавалъ словесныхъ экзаменовъ, и что онъ не рисовалъ въ рисовальномъ классѣ и не писалъ этюдовъ. Какъ вамъ это понравится? Когда Савицкій опровергъ всѣ извѣданныя на него обвиненія, сказалъ, что женатъ онъ раньше, чѣмъ Академіи пришла идея сдать это постановленіе, что рисовать и писать онъ не обязанъ какъ конкуррентъ, и что никогда этого не было, и что экзамены онъ и не сдалъ хотя, но и въ 4-мъ курсѣ, то допустить его до конкурса должны все-таки, и допустили Рѣпина, который въ 1-мъ курсѣ по наукамъ,—то Искѣвъ заключеніе сказалъ: «Кромѣ того, вы принадлежите къ такому кружку, который критикуетъ всѣ дѣйствія Академіи». Вотъ оно куда пошло, не

сейдя быть знакомъ съ нами. Боже, какіе мы отверженные люди! Однако же, не смотря на это, Шинкина признали профессоромъ, и я очень радъ, что моя выходка не помѣшала ему, а онъ, кажется, очень недоволенъ быть, полагая, что если устранили расхождение обо мнѣ, то пожалуй устранить и объ немъ. Я очень радъ за него.

Въ настоящее время собирается въ Академіи вѣскалая выставка, прѣхала наша картина «Болото», которая у Третьякова, прошлагодня конкурсная, и я долженъ сказать, что она опять на меня произвела впечатлѣніе охватывающее—такъ много въ ней какой-то тоскующей поэзіи... не думаете ли вы, что я вамъ замазываю? Это будетъ дурно. Кромѣ того много старухъ вещей, хорошихъ и знакомыхъ уже, а новыхъ нѣтъ. Какую радость прислалъ молнии. За то финляндия просто молодцы! Одинъ изъ нихъ, кажется Томасъ—«Игру въ карты матросовъ» *)—обворожительно; другой, Индгольмъ, пейзажистъ—въ родѣ Шинкина, хуже рисующій, но превосходный за то поэзію. Однакожъ, зачѣмъ я завелъ эту цѣсьню? Видѣ вы не увидите этихъ картинъ, а слова... ну ихъ къ черту.

Вотъ что, дорогой мой, у васъ въ письмахъ стали опять попадаться вещи совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразныя, напримеръ: «Я съ необыкновенною быстротою лечу въ какую-то холдную бадну, и не знаю, что наяду на днѣ ея»... Постойте, не думайте, чтобы я желалъ отъ васъ слышать только веселые и здоровые звуки, въ то время, когда вы растерзаны и почти разбиты (последніими обстоятельствами по поводу заказа), но, Боже, зачѣмъ это вообще—вотъ въ чемъ штука? Ей-Богу я вѣбѣтъ съ вами говорю каждый разъ то же самое, и вы вѣроятно увидали изъ моихъ послѣднихъ писемъ, что я замѣтался, и все ходилъ вокругъ да около, и все-таки я думалъ, что здоровье ваше только лучше и лучше, и вотъ... т. е. не то, чтобы я полагалъ, что когда вамъ нехорошо, то здоровье поправляется, а вообще, что здоровье ваше наконецъ за чертой тревоги, и что хоть съ этой стороны можно успокоиться. Нѣтъ, воля ваша, а вы должны сдѣлать три вещи немедленно: во 1-хъ, отказаться отъ заказа—что бы тамъ ни было (холстъ вамъ послать), во 2-хъ, сдѣлать усиліе и (какъ говорить въ одномъ романѣ Диккенса его герои, не помню только въ которомъ), чтобы не раздражаться, хотя этотъ совѣтъ самый глупый, какой только я вамъ давалъ, и въ 3-хъ, немедленно заняться устройствомъ своей поѣздки въ Италію, но не такъ, какъ вы думаете, а просто, не говоря Григоровичу ни слова, извѣстятъ его о перемѣнѣ квартиры и чтобы деньги вамъ были высланы по новому адресу. По моему, это необходимо. Какъ въ самомъ дѣлѣ удобно давать совѣты: взять да и посоветывать. Сидимъ да выдумываемъ!! Хочется мнѣ заразиться вашимъ

примѣромъ относительно восклицательныхъ знаковъ, но я понимаю, что и весь тонъ письма при этомъ долженъ быть восклицательный; а такъ какъ у меня слогъ нѣсколько крѣпчоватый, то занятія—самыя приличныя оставки.

И такъ, мы другъ другу не уступаемъ: вы не выбѣгаете изъ Ялты единственно для моего удовольствія—чтобы не лишитъ меня чтенія, и я же не ѣду въ Ялту, опять-таки, по той же самой причинѣ. Знаете ли, что я въ Петербургѣ почти какъ въ деревнѣ, ни у кого не бываю, и у меня никто не бываетъ. Слѣдовательно, можете успокоиться относительно писемъ, я ихъ читаю охотно, мнѣ въ этомъ занятіи такъ же мало нѣшлютъ, какъ и вамъ. Кромѣ того, «невъимосимый» тонъ вашихъ писемъ, съ теченіемъ времени и вслѣдствіе практики, получаетъ все лучшую и лучшую литературную форму. Право такъ. Идея прислать на мое имя картину, на конкурсъ, мнѣ нравится, тѣмъ болѣе, что я никакихъ покупателей въ виду не имѣю, а наслажденіе видѣть ваши картины не прѣлось еще, такъ какъ ихъ не много (не все же вы будете писать скверныя и заказныя), и потому—снѣбѣ, не робѣя присылайте ко мнѣ. Я, обиховавши ее всю сверху до низу, по крайней мѣрѣ получу отъ того самое полное понятіе, что въ такое тѣнѣ, потому что я чувствую, какъ въ ростете и развиваетесь, какъ крѣпнеть ваша мысль, какъ, наконецъ, окончательно формируется характеръ и какъ зрѣетъ въ васъ человѣкъ. Видѣ все-таки два года ужъ скоро, какъ мы только пишемъ письма, — время для васъ большое и перемѣнъ много должно произойти, а я такой же, потому что въ моемъ возрастѣ перемѣна, подобная вашей, можетъ произойти только въ десятилѣтіе. Вы не знаете, съ какими интересомъ и сердечнымъ трепетомъ ожидаю вашихъ картинъ (вотъ я пробовался—таки). Но не думайте, ради Бога, чтобы я васъ наблюдалъ какъ зоологъ какое либо интересное явленіе, съ научными цѣлями; нѣтъ, у меня другое въ голови. Вы—точно часть меня самого, и часть очень дорогая, наше развитіе—мое развитіе, наша жизнь—отъывается въ моей; вы болѣете, и я не знаю, что мнѣ дѣлать, и хотя я старше васъ, но это не нѣмаетъ мнѣ уповать, что я, не смотря на то, могу быть вашимъ товарищемъ. И такъ, дайте мнѣ вашу картину. Не знаю, но мнѣ кажется, что никто такъ не ждетъ вашихъ картинъ какъ я... Вотъ пошла желѣзная бумага. Теченіе и дѣйствіе мыслей тоже должны перемѣниться. Въ глазахъ такъ спокойно, но неспокойно тамъ...

Вчера сдѣлалъ у меня Иконниковъ, эта добродушная простота, вспоминали и разсказывали, и такъ все далеко какъ-то стало. Вотъ Васильевъ на портретѣ, смотритъ какъ загадочно, и хотя онъ «открытый инструментъ *»), но все-таки много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ я его ви-

*) Это картина Янсона: «Узвъ трѣбъ».

*) Названіе, которое всегда давалъ Васильеву Крамской.

дѣлъ въ послѣднее время. Тысячи верстъ раздѣляютъ насъ, мы по прежнему говоримъ все, что придетъ въ голову, а между тѣмъ я чувствую ростъ этого мальчика, что-то онъ теперь? Дайте мнѣ посмотреть вашу картину. Что нибудь, — только пришлите. Я какъ будто увѣренъ, что я долженъ что-то увидѣть новое, мнѣ еще незнакомае, что выросло въ мое отсутствіе, признаки чего я ощущаю въ письмахъ, но не вижу глазами. Я какъ будто долженъ васъ найти взрослымъ человѣкомъ... Не обижайтесь, что я васъ считалъ молодымъ — молодость не есть порокъ. Я точно заглядываю въ свою собственную молодость... Это эгоизмъ, я знаю, но и эгоизмъ — человѣческое чувство — и когда онъ правильно въ человѣкѣ развитъ, онъ никому не вредитъ, а напротивъ въ этомъ эгоизмѣ лежатъ сѣмена гуманности... Куда только можетъ завести человѣка откровенность? Вѣдь въ сущности, что я написалъ? Потребуйте отчета, я и самъ не въ состояніи объяснить. А все оттого, что слово, хотя оно и всецѣльно, какъ говорятъ, но оно не образъ, только живописецъ даетъ реальность мысли. Еслибы этого не было — живописецъ не имѣла бы смысла.

Послѣзавтра, въ четвергъ 15-го, наша выставка закрывается и ѣдетъ въ Ригу! — Да-съ, къ ѣздамъ, вы какъ объ насъ понимаете? — насъ яросили. Позвольте, писалъ ли я вамъ, что Антокольскій имѣлилъ Петра I-го, и писалъ ли еще, что статуя, не смотря на огромный талантъ, не совѣстимъ удалась, и про Петра его можно сказать словами какого-то поэта: «Какое хотѣнь мнѣ дай своей козміи молудкой, Петръ длинный, Петръ большой, но только Петръ Великій ее не называй». Если не писалъ, то пусть оно этимъ и ограничится. Но если что невозможно оставить такъ, не сказавши, такъ это появленіе картины... Микѣшина?!!!!! Ась? вонъ оно куда пошло! Да еще какой, въ натуральную величину! То есть вотъ что... Ужъ если Микѣшина выступаетъ со своимъ произведеніемъ, тогда остается признати, что наше время — время передъ концомъ міра. Вообразите, мало-російская дѣвушка съ ребенкомъ на рукахъ и съ лопатой бѣжитъ въ сумерки куда-то. Сюжетъ изъ Шевченко, словотъ «Подъ вечеръ осени нечастной». И все это изображено въ натуральную величину. Ну, не правъ ли я, поставляя такимъ образомъ вопросъ?

Теперь, когда съ новостями покончено, я желаю бы знать, всѣ ли получаете письма? Я вамъ писалъ письмо вслѣдъ за формою прошенія, а между тѣмъ не видно, чтобы вы его получили, потому что вы спрашиваете о вынѣмъ плащѣ поѣздки въѣстъ на Востокъ и въ Египетъ. Я вамъ писалъ уже объ этомъ. Поѣздка молъ такъ скоро быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно перечитать массу свѣдѣній, прежде тѣмъ ѣхать, искать и работать. Одно ясно, что поѣхать сперва нужно въ Италію, къ разнама-намъ Помпен, такъ какъ самый сюжетъ, т. е. сцена, происходитъ во

дворцѣ римскаго иривителя Іуден. Предстоящее же лѣто я проведу въ Воронежской губерніи, въ май ѣду, и пробуду до половины сентября, а можетъ быть и дольше. Въ настоящее время я принялся за Спасовскія работы; кромѣ того пишу портретъ Вадуева и началъ портретъ Наслѣдника Цесаревича, съ натуры, во весь ростъ. Это потому, что я написалъ портретъ графа Вобринскаго, говоритъ — хорошій. Все это, или по крайней мѣрѣ большую часть работъ, нужно кончить до мая. Не кончить ли? Искренно и глубоко васъ любящій И. Крамской.

Постойте, надо маленькую приписочку сдѣлать: не помните ли, гдѣ тотъ альбомъ вашъ, въ которомъ есть ваши рисунки перомъ, попишите тотъ, который вы мнѣ подарили? Лѣсъ, въ гору идущій, и еще тутъ бабы, все освѣщено солнцемъ и тѣни намыслны? У У. его нѣтъ. Я помню, однажды верескитривалъ, но не видалъ. Кстати объ немъ: знаетъ конка, чѣзъ мисо сѣла, то-то онъ со мной угончено (У. угончено!) въжливъ съ нѣкоторыхъ портъ, и какой-то замескитривалъ мнѣиорній тонъ. Я все думалъ: что бы это значило? Теперь конмаю: малакостиглѣ, и какъ будто не онъ. Вы балагали, что у него должна быть логика — да вѣдь она у него и осталась — право. А впрочемъ, какое же право оно имѣетъ меня шадить, когда я его всегда съ первымъ шагомъ знакомства ипториворвалъ? Знакомство было недобровольное. Что мудренаго, что онъ наконецъ начинаеть сердиться, такъ какъ видитъ, что отъ меня онъ не поживится портретикомъ. Чу, будетъ — гнусно.

И. Крамской.

LVIII. Къ нему же.

С. Петербургъ, 25-го февраля 1873 г.

А что, пожалуй завтрашній день, или послѣ завтра, я получу отъ васъ картину? Почти нора. Письмо сие, какъ видите, «при сей вѣрной оказіи» посылается. Юноша ѣдетъ въ Крымъ, пейзажистъ, летитъ, ну самый подходящій человѣкъ, чтобы поскорѣ доставить «Самоучителя» французскаго языка, а то, пожалуй, не устѣю къ срону. Понимаете ли вы всю соль сего послѣдняго моего самобичеванія? Не понимаете? Ну, тогда пустьъ объяснѣ, когда нибудь, при еще болѣе вѣрной оказіи. Вѣтра получили ваше письмо, и долго мадъ инѣ хохотали: радонъ съ этимъ я удостоился письма и отъ Антокольскаго, и такъ какъ письма эти были получены радонъ, то какъ-жъ возможно было срашеніе... впрочемъ это послѣ... Вотъ приближается весна (что я малорочу!); у васъ тѣмъ вѣрнотю уже лѣто? — (вотъ это вѣрно пожалуй), — и сльдѣовательно пора думать, что, какъ и когда. Думаю, что въ началѣ мая я съ семей ѣду изъ Петербурга въ Воронежскую губернію, даже въ Воронежъ самый, въ 7 верстахъ отъ го-

рода; мы устроились опять колонией. Вотъ бы хорошо было, еслибы кто ил-
будъ прѣхалъ изъ Крыма, въ томъ случаѣ, конечно, если это не помѣ-
шаетъ здоровью. Я, собственно, не знаю, зачѣмъ вы поѣдете лѣтомъ въ
Петербургъ: тамъ въ это время никого не будетъ, ни Григоровича, ни изъ
вашихъ знакомыхъ въ Академіи: Рѣшнѣ уѣзжаетъ заграницу, Савицкій...
не знаю куда, только онъ уже не конкурентъ, объ этомъ я писалъ, да и
мы не будемъ. Полагаю, что лѣто проживемъ опять съ Шинкинымъ. Впро-
чемъ, наивѣрное съ ними ничего нельзя сказать впередъ.

Зачѣмъ же ли, какое письмо невозможное? Что я ни пишу, все
ставлю точку, начинаю другое. Хотѣлось бы прѣ върній оказіи сообщить
любольше, хотя я и не думаю писать письма собственно какъ слѣдуетъ, а
только носкорѣе написать хотя что либо, такъ какъ многа ждетъ; вчера
я объ этомъ узналъ и только сегодня утромъ рѣшу пишу письмо. Писали ли
вы письма въ 7 часовъ утра? И не то, что не спавши всю ночь, а утромъ
вставши, но не выславши основательно? Вотъ я и пишу теперь такъ.
Холодно утромъ въ комнатахъ — (это въ лѣту-то), еще не топили, рука
скачетъ, шкрякуютъ, въ головѣ разный хламъ, мальчишки просыпаются и
болтаютъ, прислуга нететъ пола, и я оставляю письмо — ибо нельзя.
Напишу послѣ — какъ хотѣлъ. Жалко бумаги, отдеру, ей-Богу отдеру, не
для того, чтобы сдѣлать изъ нея употребленіе, а чтобы не было чистой
бумаги: какъ-то думается, что бы еще можно было сообщить хорошаго?
Больше, ей-Богу, ничего не могу писать — озлобъ. И. Крамской.

ЛІХ. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 27-го марта 1873 года.

Мой дорогой другъ. Вотъ я какой хваленный, до сихъ поръ не написалъ,
а извѣстій куча, т. е. не то, чтобы ужъ очень большая, а все-таки есть
кое-что. О преміи я писать не буду, ибо уже это вамъ извѣстно, но кое-
что сообщу. Первую вамъ дали, но я узналъ, что было много голосовъ за
то, чтобы дать первую Орловскому. Ну, да чортъ ихъ побери — хорошо,
что не выгорѣло. Умнительнѣе всего то, что въ «Петербургскихъ Вѣдо-
мостяхъ», въ одномъ изъ фельетоновъ, было ложнѣе анонимное письмо
очень дурного тона о преміяхъ въ Обществѣ Поощренія Художниковъ и
ихъ присужденіи, и хотя была крупица истины, но такъ подло и пошло на-
писано, что всѣ узнали его автора тотчасъ же; въ-добавокъ онъ самъ себя
выдалъ: приходитъ на постоянную выставку и говорить Ворткову: — «Ска-
жете, кто у васъ получалъ премію? Небось, дали объ преміи Васильеву?» —
«Да развѣ это можно?» — «У васъ вѣдь все можно». — «Нѣтъ, получилъ
вторую НК.». Случился тутъ же Шинкинъ. Х. ему и говорить: — «Вы, Иванъ

Ивановичъ, не подумайте, что это я написалъ статью въ газетахъ. Это не
я, потому что написана очень глупо. Еслибы я захотѣлъ, я написалъ бы
лучше, а это писалъ человѣкъ, который никакъ не знаетъ». — «Ну, да я,
признаться, говоритъ Иванъ Ивановичъ, подумалъ на васъ, потому что вы
любите писать анонимныя письма». Словомъ, съ появленіемъ
этого человѣка, начинается разная штука.

Затѣмъ другое дѣло, это уже посерьезнѣе. Вы его уже знаете, потому
что Григоровичъ вамъ уже писалъ, вѣроятно. Вы помните, что я вамъ пи-
салъ о вашей поѣздкѣ заграницу. Говорилъ съ Григоровичемъ, и писалъ
вамъ, что я его устрою, если окажется необходимость, и кромѣ того писалъ,
что имѣю нѣкій планъ, относительно этого. Тогда собственно было вамъ
писать объ немъ глушостью съ моей стороны, потому что вы встревожились
и начали ломать голову, что бы это было такое, и до такой степени заня-
лись этимъ вопросомъ, что я даже удивился. Теперь, такъ какъ дѣло ко-
нчено уже (Григоровичъ потворничалъ), то я обязанъ вамъ сказать, чтобы
не мучить васъ, хотя это дѣло выдѣленного ища не стоитъ, это просто
одно изъ тѣхъ добрыхъ намереній, которыми, говорятъ, вымогнетъ адъ.
Я вамъ писалъ въ утвердительномъ тонѣ, что вы поѣдете заграницу, по-
тому что вся задача состояла въ уплатѣ долга, и я хотѣлъ въ рѣшитель-
ную минуту внести его просто, такъ какъ вѣдь все равно. Тутъ время
дорого, а они бы начали разводить бобы. Къ счастью, все сдѣлалось, какъ
я думалъ, хотя такъ скоро, что я даже приготовиться не могъ. Напри-
мѣръ, сегодня я говорилъ съ Григоровичемъ, а черезъ два дня былъ ко-
митетъ, и Григоровичъ поставилъ этотъ вопросъ, и онъ рѣшенъ въ томъ
смыслѣ, что выдавать вамъ отъ сего мѣсяца по 150 р., впродѣ на неопре-
дѣленное время, сколько нужно и сколько вы потребуете, только не без-
возвратно, какъ я думалъ, а въ видѣ безсрочной ссуды, съ одной стороны
потому, чтобы не отступать отъ принципа, а съ другой, какъ сказалъ Гри-
горовичъ, чтобы не оскорбить и васъ; и, наконецъ, эта ссуда васъ ни къ
чему не обязываетъ, — не то что на годъ, а на два, на три, на четыре,
сколько вы найдете нужнымъ воспользоваться, и затѣмъ уплатите, когда
вы захотите. Это тѣмъ болѣе мнѣ казалось нужно было сдѣлать такъ,
чтобы и художники не опрокинулись бы на Общество, и чтобы ихъ можно
было заставить замолчать, сказавъ, что вѣдь Васильеву отпускается въ
долгъ. Все это мнѣ Григоровичъ говоритъ въ первый же четвергъ, послѣ
моего съ нимъ разговора о нашей поѣздкѣ. Не знаю, какъ вамъ это пока-
жется, но моего внимательства здѣсь не было, и я нахожу, что они мало
назначили, сравнительно съ тѣмъ, что вы просили. Дорогой мой, я не знаю,
какъ теперь съ этимъ быть, дѣло кончено и подписано, — я постараюсь
узнать и прочесть подлинный протоколъ, и что узнаю, вамъ сообщу. Когда

я говорил с Григоровичем, я не знал, что вы хотите придать этому делу вид ссуды: я говорил о безвозвратной выдаче немюна; потом, когда я получил ваше письмо, я уже об этом не настаивал, и теперь играю роль собственно только вистиника. Мне бы хотелось, чтобы это не так было, но может быть вы найдете возможным, хотя это и трудно, я понимаю, ограничиться 150 рублями: 100 калк, и 50 — манаш. Извините, дорогой мой, что я считаю ваши деньги, но я не знаю, я как-то сконфузился, и потому, если вы наложите мне как-либо инструкции, то я буду знать, что мне делать. Сегодня я видел Григоровича, он мне говорил, что Штейнбокс был в Ялте, виделся с вами, и была речь о ширмах. Дорогой мой, бросьте это все, ради Бога. Чорт ли возится с этим, когда на очереди есть более важное дело. Откажитесь, и ищите. Григорович говорит, что может быть еще их и не нужно к этому сроку; да еслибы и нужно было, то пуская он провалится, лучше работайте то, что нужно, и что вам прилично. Что же касается задатка, то ведь это вы всегда успеете заглядеть, выслать картину. Право так. Я просто полагаю бы так: взять все в охапку, просто съез на пароходе, да во Флоренцию, в Рим, Неаполь, Палермо, Ниццу, Париж, Бразилию, или еще куда нибудь, ехать, ехать, ехать, бросить работу, так на полгода, посмотреть, развлечься. Ничто так не укрѣпляет нервы, как прогулки. Вы так засиделись, что я боюсь, не много ли уж вы комбинируете, как и что нужно сделать.

Относительно Воронежа я вам опишу, как стоит дело. Одна дача в 7-ми верстах от Воронежа уже совсем — была была нанята, но пришла телеграмма, чтобы задаток не высылать. В настоящее время, другая там же, рядом с прежней, в селении Ренкомъ отдается, и я послал задаток 50 рублей. Не знаю еще, какая судьба постигнет мой задаток, но кажется это верно. Через неделю буду знать. Дом, в котором 10 комнат, мы будем жить втроем: я, Шикин и Савицкий; недалеко от нас в 2-х верстах или 1 1/2 верст — Сталь. Теперь можно ли, и будет ли дом где нибудь по близости, не знаю, это надо будет так лично, на месте, узнать.

Что же касается вашей разрабатываемости и каких-то особенных условий, то меня это несколько не пугает, так как мы так долго угощаемся комментами друг друга, что разой — другой хорошей потасовки, я думаю, было бы недурно: это, говорят, укрѣпляет ум дружбы. Слово, как вы захотите, как подумаете, куда направитесь, и, наконец, что для нас полезнее, так пусть и будет. Я расчитываю из первых числах мая перевезти семью в Воронеж, и если до того времени вы надумаете, я буду готов. Наконец, время есть. Что же касается загра-

ницы, то это опять-таки: когда хотите. Я хоту так все ниже, что ведь в сущности вы сами должны решить это дело сообразно личному вкусу и необходимости. Григорович мне сообщал, что если мне угодно, то он рекомендует мне обратиться к казначею Чупину, и сказать, куда он должен высылать деньги, так как он, Григорович, скоро уезжает за границу. И так, помните, что и как, и куда, и когда, и с кем, и к кому и т. д., все в этом род. Дурно ли, хорошо ли, брамите или покладите по головке, но дело, как видите, поставлено просто и ясно, хотя и неблагоприятно. Повторяю, я самостоятельно убеждаюсь, что и как оно так написано в протокол.

Теперь об Академии. С неделю тому назад, узнаю — в Совете рассматривалось ваше прошение. Иду справиться, говорят, дали почетного члена община. «Хорошо. Затягивать же это, говорю, а художника? Ведь он держит экзамен не может, Академия известно, что он лжечит, ему нужен паспорт, а не профессорский мундир». Иду к Исеу: так и так говорю. — Да, говорит, правда... Я спрашиваю: А паспорт ему будет? — Будет, говорит. — Я подумал, подумал, что с ним подлаешь? и говорю: «Помните, Петр Федорович, что ведь это очень важно, я вам говорила, почему и как». — «Как же, говорит, отлично помню. Можете написать Васильеву, что все, что нужно, будет выслано: он может быть спонсор». Отверкают тут что-то неладно мне показалось. Наверно справки, говорят: закон. Чорт знает, что такое! Но оказывается, что протокол еще не подписан и что это не конечно, что рассмотрение еще будет об этом. Хорошо. Я сказала дело кое-кому из членов Совета и что будет решено дело по сущей справедливости, а главное, сообразно с здравым смыслом; я, во крайней мере, не теряю надежды; не знаю, какую силу убедительности это имеет для вас, но я мога спосос. Что будет дальше, не замедлю (да, поверьте мне!) известить.

Что касается ваших картин... (постойте об ширмах, можно так: выслать только то, что готово — одну, две, или три, а остальное Монигетти ухитрится заказать кому нибудь — ой-Вог! Идеи! Подумайте, может найдете пригодины), то все, что вы ниете, я совершенно уверен быть, что это так. Что надр — (быть может) исключать колорать — это и видел у многих художников, т. е. у художников настоящих: по мере того, как они поднимаются все выше и выше, они как будто бы утрачивают колоратность, но это неизбежно — тем ближе к идеалу, тем прирост, тем незаменимые краски. Да ведь это так и в натуре, и если я сказал о красках ваших из последней картины, то вы, вероятно, пропустили смысл моих замечаний. Я именно говорил об этом, как об одном из самых солидных ваших качеств.

Рѣшить картину свою кончилъ, и я вамъ долженъ сказать, что картина хорошая вполнѣ. Право, не взирая на то иѣчто, объ которыхъ мы съ вами говорили. Этого почти несравнимо. Семирадскій привезъ картину «Грѣшница» (изъ поэмъ Толстого). Таланта тѣмъ. Картина въ 9 арш., производящая впечатлѣнне ошеломляющее, долго не можешь владѣть рассудкомъ, хотя Христосъ съ Апостолами иѣсколько мизернѣе. Изъ этого вы можете заключить, что это такое. — Крупныя новости художественныя всѣ исчерпаны.

Какъ я хохоталъ, еслибы вы только знали, получилъ ваше письмо — предисловіе: «этотъ итенецъ, недоложный одолжко, иѣкій 2 р. 40 к. на комфортъ въ Ялтѣ, на дѣлѣе полгода; этотъ Максимовъ, находящійся и такой капиталъ роскошью; этотъ путешественникъ іерусалимскій, совершающій свои походы съ безразумно полнѣе» — это, я вамъ доложу, чудесно. Т. е. вотъ какъ: читалъ его Софійа Николаевна и комкалась — какъ, я не знаю какъ, давно уже не смѣялся такъ. Даже теперь вспоминаю — такъ меня раздражаетъ. Г-нѣ Х ни за что не дамъ письма, успокойтесь. Она ѣдетъ съ Келлеромъ, который тоже пробирается въ Ялту, вотъ вамъ. Вѣрныя и не это, то и въ такомъ случаѣ не сдѣлалъ бы оялности. Что же касается итенца, то иѣдъ это потому, что онъ оказался ѣдучимъ, и я самъ его просилъ передать посылку, это просто была окаязія. Программу гимназіи, которую вы у меня просили, мнѣ все обѣщается принести учитель моихъ дѣтей (вотъ какъ! Ужъ и подростающее поколѣнѣе, съ будущаго года, пожалуй, пойдеть въ гимназію, время летитъ). Недавно, т. е. иѣсяца два, какъ у меня занимается уже учитель. Самъ не могу больше — некогда, т. е. какой чортъ некогда, а дѣла, да и не знаю, какъ для того требуется, дѣло простое. Оканчиваю Валуева, работаю Наслѣдника, przygotowлю картины. Валуевъ выходитъ ничего себѣ, начинаю смекать живопись. Въ одномъ изъ писемъ вы какъ-то ходили вокругъ да около моей живописи. Дѣло просто: мнѣ было бы чрезвычайно важно поработать вмѣстѣ съ вами, это можно сказать безъ обиняковъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я вижу, что собственно о колоритѣ я не имѣлъ ни малѣйшаго посылъ. Изъ всѣхъ здѣсь живописцевъ, собственно Рѣшнѣ дѣло смекать настоящимъ образомъ, право такъ: я говорю о раскраскѣ. Вы не морщитесь, это вѣрно. Рѣшнѣа, пожалуй, вы и не знаете. Не знаю, что онъ сдѣлаетъ послѣ «Бурлаковъ», назадь идти нельзя, а впередъ — сомнительно. Опять-таки относительно живописи. Иѣтъ, рѣшнѣею русская школа становится серьезною, ни больше, ни меньше. Ну, Господь васъ хранитъ. Будьте здоровы. Писните, что и какъ, о заграничѣ. На ширимъ пишете.

Вашъ М. Крамской.

ЛХ. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 28-го марта 1873 г.

Мой дорогой Федоръ Александровичъ. Пускай это письмо будетъ на близкѣ Товарищества: бумага такая тонкая, вложить въ конвертъ удобно, купилъ бумаги, но лѣвѣе. Наконецъ картина прѣехала, сегодня молчаливъ новѣстку, и сегодня же успѣлъ сдѣлать все что нужно, а что сдѣлалъ, увидѣте ниже. Но прежде всего надо повторять: скажите, что у васъ за страсть такъ запаломъвать картины, что пока отступивши, то просто десяти разъ выругаетесь! Этихъ гвоздиковъ столько, что тернешься, зачѣмъ они попадаются даже на такія иѣста, гдѣ они никакой пользы не могутъ принести. Такъ и кажется, что вы сидите и замалчиваете ихъ съ какими-то наслажденіемъ сдѣлать скромному человѣку пріятность ожиданія не столь пріятною, чтобы всякій помнить бы и не забывалъ, что во всякомъ хорошемъ чувствіи есть доля аду. Вотъ вамъ вѣсто изступленія.

Прежде всего о картинѣ. Писать нужно много, долго, тронуть вопросы серьезные, быть можетъ болѣе серьезные, тѣмъ картина, но объ ней, всѣмъ, прежде всего. Вы уже знаете, какъ я ждалъ вашей картины, знаете, и почему я писалъ объ этомъ: какъ вѣтрѣу новое, какъ-будто мнѣ незнакомое, но что-то важное, что бы мнѣ все объяснило. Я это предсказывалъ — и не ошибся. Я очень радъ, что не ошибся, т. е. собственно за себя радъ. Я, стало быть, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ понимаю явленія, угадываю ихъ гораздо раньше, чѣмъ они обнаружатся. Я правъ, и это наконецъ сообщаетъ мнѣ предположеніямъ силу положительнаго убѣжденія, которое въ свою очередь даетъ основаніе для дѣла и поступковъ.

Картина ваша теперешняя и картина «Отшель», написанная вами здѣсь еще, раздѣлена такой страшной пропастью одна отъ другой, что и нумалюсь ихъ разстоянію. Какъ въ той, такъ и въ другой, есть и достоинства и недостатки, но эти достоинства и эти недостатки такъ различны, что мнѣ большаго труда будетъ стоять рассказать ихъ такъ, чтобы вы ясно поняли все, что я хочу сказать. Однакожъ попытаюсь. Отъ прежняго Васильева ничего не осталось, а между тѣмъ это все то же. Я его узнаю, всматривался и убѣждаюсь, что передо мною все то же человѣкъ, только до такой степени новый, измѣнившійся, что мнѣ какъ будто страшно, что нужно вновь знакомиться, а знакомиться и приближаться въ моемъ возрастѣ дѣлается все труднѣе и труднѣе. Картина «Отшель» такая горячая, сильная, держалась съ болѣеимъ мистическимъ содержаніемъ и въ то же время юная (не въ смыслѣ дѣтства) и молодая, пробудившаяся къ жизни, требующая себѣ права гражданства между другими, и хотя рѣшнѣею нова, но иѣмѣющая корни гдѣ-то далеко, на что-то похожая и, я готовъ

быть бы сказать — замислованная, если бы это была правда, но все-таки картина, которая в русском искусстве имеет вид задатка. Настоящая картина — ни на что уже не похожа, ни кому не подражается, не имеет ни малейшего, даже отдаленного, сходства ни с одним художником, ни с какой школой. Это что-то до такой степени самобытное и изолированное от всяких влияний, стоящее вне всего течения движения искусства, что я могу сказать только одно: это еще не хорошо, т. е. не вполне хорошо, даже мѣстами плохо, но это — гениально. Постойте, дайте мнѣ все сказать, выслушайте спокойно, не сѣйтесь надъ этими словами. Я знаю, что я говорю. Подумайте только, что я говорю подъ страшной ответственностью и своей и вашей совѣсти. Я могу увлечься (мнѣ скажутъ)? Нѣтъ, я уже выросъ, я уже могу себѣ отдавать отчетъ во всемъ, что я говорю, и если я что либо рѣшаюсь говорить серьезно, то я имѣю причины къ тому. Богъ знаетъ, что изъ насъ ошибается — это покажетъ время. И такъ, продолжаю. Картина теребинна есть дальѣйшее развитие тѣхъ инстинктовъ, которые зашевелились въ прошломъ году въ картинѣ, тоже присланной на мое имя и тоже на конкурсъ, но и недостатки остались тѣ же. Если вы помните, что я вамъ тогда писалъ, то стало быть мнѣ объ этихъ недостаткахъ придется сказать не много, кромѣ того, что они немножко усилились. Теперь слушайте, что я скажу: я былъ заграничей, видѣлъ не много, правда, но все-таки кое-что уже видѣлъ, и могу судить. Потомъ. Я помню одинъ разговоръ, не помню лицъ, кто тутъ былъ, но ваши слова мнѣ памятли. Говорили, разбирали и спорили о пейзажистахъ. Вы, съ свойственною вамъ дерзостью, всѣхъ русскихъ пейзажистовъ усадили въ каторгу, а объ Ахенбахѣ сказали, что только онъ одинъ еще какъ будто чего-то стоитъ, да и то, впрочемъ, ни онъ, ни кто другой изъ пейзажистовъ передъ натурою ни къ чорту не годится. Утромъ вы на другой же день послѣ того, что вы сказали, и никому бы не пришло въ голову, что мы правы. Сказали бы только: какой онъ былъ хвостунъ. О себѣ я не говорю, и вотъ почему: я слишкомъ давно васъ наблюдаю. Когда нибудь я расскажу, что я думаю, когда съ вами познакомился и даже кое-кому ронялъ слова изъ своихъ мыслей, которыми и были принимаемы съ худо скрываемой пріоней. Вы должны знать всю правду, чтобы отдать себѣ отчетъ, гдѣ вы стоите, куда зашли и въ силу этого, что сдѣлать обязаны. Картина ваша производить первое впечатлѣніе неудовлетворительное на меня, да вѣроятно будетъ его производить и на другихъ (почему — токъ слѣдуетъ ниже), но чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше зритель inevitably не знаетъ, что ему съ собой дѣлать. Ему слишкомъ непривычно то, что ему показываютъ, онъ не хочетъ идти за вами, онъ упирается, но какаютъ сила его тянетъ все дальше и дальше, и наконецъ онъ, тою очарованнымъ, терять волю со-

противляться и совершенно покорно стоитъ подъ соснами, слушаетъ какой-то шумъ въ вышнихъ надъ головою, потомъ спускается, какъ лунатикъ, за пригорокъ, ему кажется недалеко уже лѣсъ, который вотъ-вотъ передъ нимъ; приходитъ и туда, но какъ хорошо тамъ, на этой горѣ, илоской, суровой, молчаливой, такъ просторно; эти тѣни, едва обозначенныя солнцемъ свѣсомъ облака, такъ мистически дѣйствуютъ на душу, ужъ онъ усталъ, ноги едва двигаются, а онъ все дальше и дальше уходитъ, и наконецъ вступаетъ въ область облаковъ, сырыхъ, можетъ быть холодныхъ; тутъ онъ теряется, не видитъ дороги, и ему остается взбираться на небо, но это ужъ когда нибудь носкъ, и отъ всего верха картины ему остается только ахнуть. Вѣроятно не я одинъ это и сдѣлалъ. И все-таки картина не удовлетворяетъ, т. е. не то что не удовлетворяетъ, а... я не знаю что. Видите, она точно чѣмъ-то завѣшена. Первый планъ, самый первый, ближе дороги, опять пожалуй хорошъ (нѣтъ, только недуренъ), но въ немъ нечего требовать: больше грубости, силы, и не такъ гладко. Дорога въ свѣту не удалась, въ тѣни она не кончена, а быки съ телѣгой — зачѣмъ они? Право ихъ не нужно, эти быки меня преслѣдуютъ. И зачѣмъ они сѣдлые? Рѣшительно необходимо, чтобы тутъ были или рыжіе быки, или даже черные, или же выдвинуть ихъ на сѣтъ впередъ по дорогѣ, что бы отъ нихъ были тѣни. Все же остальное, это я уже сказалъ. Я понимаю, что вся картина должна быть подернута чѣмъ-то, чрезъ что проходить еще нежные лучи солнца (задача, передъ которой придется въ трепетъ самый съ рѣзнымъ художникъ). Я понимаю, что расстояние отъ ближайшаго придорожнаго обрыва до зрителя — огромное, и, стало быть, предметы не могутъ и не должны быть написаны ярко и сильно, и совсѣмъ грубо, но... все-таки немножко грубости необходимо. Весь первый пригорокъ, за дорогой нафѣво, въ картинѣ опять хорошъ; немного некончено кажется на немъ кустарникъ нафѣво къ рамѣ; но сосны, и за тѣмъ все остальное, это что-то изъ ряду вѣвъ. Проникните вы еще 100 лѣтъ, работайте неослабно, не падаю, а все идя впередъ, и тогда такое мѣсто въ картинѣ, какъ верхняя половина, будетъ достойна самаго большаго мастера. Внизу есть какія-то миниатюры, что-то опасное. Я указываю на это, подчеркивая, потому что тутъ скрывается намъ юный врагъ. Старыхъ враговъ у васъ нѣтъ, помните наши бесѣды? Но новье — очень опасно. Мнѣ очень не понравилось, когда вамъ пужно было послать намъ-мелѣ. Я почему-то смолчалъ тогда, но теперь больше не могу. Я кончаю еще и то, что главная причина вашихъ теребинныхъ недостатковъ заключается въ страшной для васъ одиночествѣ, но... кромѣ того есть что-то, что связано органически съ вашимъ теребиннымъ процессомъ работы. Я все сказалъ о картинѣ, кажется, прибавилъ только, что носкъ вашей картины, въ картинѣ — мажия и ничего больше.

Вот вы куда хватили. Понимаете ли вы теперь, какъ важно для васъ самихъ, какая страшная отвѣтственность вамъ предстоитъ только отъ того, что вы поднялись почти до невозможной, гадательной высоты? Кромѣ того, ваша темеренная картина, меня лично, раздавила окончательно. Я увидалъ, какъ надо писать. Какъ писать не надо — я давно зналъ, но еще собственно серьезно не работалъ до сихъ поръ, но какъ писать надо — вы мнѣ открыли. Это такая страшная и изумительная техника, на горахъ, въ небѣ, на соснахъ и кое-гдѣ ближе, что я стѣжусь, что мнѣ иногда нравилось. Да-съ, я теперь иначе примусь. И полагаю, что я васъ понялъ. Замѣчаете ли вы, что я ни слова не говорю о вашихъ краскахъ? Это потому, что ихъ нѣтъ въ картинѣ совсѣмъ, понимаете ли, совсѣмъ. Передо мной величественный видъ природы, я вижу лѣса, деревья, вижу облака, вижу камни, даеще не просто, а ю нимъ ходитъ поэзія свѣта, как-ка-то торжественная тишина, что-то глубокозадумчивое, таинственное — ну, кто же изъ смертныхъ можетъ видѣть какую либо краску, какой либо тонъ? При этихъ условіяхъ?

Картину беретъ Третьяковъ. Онъ признаетъ, что она лучше прошлогодней. Еще бы! Я долженъ сознаться, что это человѣкъ съ какимъ-то должно быть, дьявольскимъ чутьемъ. Ваша картина будетъ для меня теперь мѣркой людей. Вы, разумѣется, понимаете, что это не фраза. Есть вещь такого сорта, что если человѣкъ замѣчаетъ ихъ, значитъ имѣетъ право на названіе человѣка, въ противномъ случаѣ — животное и ничего больше.

1 апрѣля.

Былъ перерывъ. Сегодня «четвергъ», воротился съ него. Вслѣдъ бы были теперь на четвергъ, то вы были бы поражены тѣмъ переѣздами, которыя и туда проникли и... не къ лучшему. Судьба всѣхъ (болѣе или менѣе) кружковъ и группъ, остающихся долго безъ обновленія. Ну, да это въ сторону, а дѣло въ томъ, что вамъ картину уже надѣли и перетолкали во всѣ стороны. Я молчу, или почти молчу. Какъ будто до меня не касается. Одинъ говоритъ — «замучена», другой пронизываетъ: «Видѣли? Васильевъ-то! гик... Да-съ, это — регрессъ»... Третій: А «знаете ли, тамъ есть что-то хорошее, право, право, на горахъ»... Четвертый: «Облака хороши, очень хороши»... Пятый: — «Верхъ мнѣ нравится, а низъ антипатиченъ»!... Шестой: — «Это озография»... Седьмой: — «Мнѣ не нравится тонъ, точно шоколадъ»... Восьмой: — «Картина рутинно сочинена»... Девятый: — «Да, Васильевъ боленъ, что и въ картинѣ видно»... и т. д. и т. д. Словомъ, отзывы самые разнообразны. Но все-таки, если ихъ свести къ одному знаменателю, то получится почти то, что я сказалъ

выше, безъ тѣхъ, лично мнѣ принадлежащихъ выводовъ, которые вы тоже уже знаете.

Не знаю, что вамъ напишетъ Григоровичъ, но — онъ неадекватенъ, ахъ какъ неадекватенъ! И все-таки придется еще имѣть съ нимъ дѣло. Ужъ сколько я говорилъ объ немъ, помните? А нѣтъ, оказывается, что онъ хуже, тѣмъ я думалъ. Былъ онъ у меня третьяго дня. Картины вашей еще не было, новѣстки не получалъ. Читалъ мнѣ ваше письмо, въ которомъ вы подняли просто и прямо вопросъ о вашей побѣдѣ. Разумѣется, въ уласть... т. е. такъ по наружности, все толковалъ о нашемъ долгѣ. Мнѣ, наконецъ, надоѣло, я и говорю: «Да что ихъ тутъ, Дмитрій Васильевичъ, не понимаетъ? Васильевъ спрашиваетъ только, помнѣетъ ли Общество его границу, какъ оно обѣщало? Прежде ему не нужно было, а теперь онъ только напоминаетъ: «вы хотѣли меня послать за границу — теперь мнѣ это необходимо, и я хочу воспользоваться великодушнымъ предложеніемъ Общества» — что-жъ въ этомъ особеннаго? Онъ говоритъ: «Да вѣдь, Иванъ Николаевичъ, сколько долгу-то, вѣдь куда-жъ еще больше?» — «Позвольте, говорю, тутъ я вижу недоразумѣніе: я помню, что я былъ въ числѣ того жюри Общества, которое рѣшило, что это нужно, т. е., лучше сказать, Комитетъ Общества въ лицѣ нашего сказалъ намъ всѣмъ, что Общество намѣрено послать Васильева за границу. Что же касается долга, то вотъ будетъ картина, которая можетъ быть получить премію, удеримте ее въ уплату. Потомъ онъ еще кончитъ жирныя и пришлетъ или привезетъ самъ что нибудь, и все уплатитъ. Весь вопросъ въ томъ, намѣрено ли Общество сдерживать свое слово, и притомъ не въ видѣ ссуды, а послать такъ, какъ оно послало когда-то Брюллова, а въ новѣйшее время — Келлера». — «У насъ, говоритъ, нѣтъ этого положенія, было прежде, а теперь нѣтъ». — «Ну и чудесно — вотъ это-то, говорю, и нужно знать Васильеву; вотъ и напишите ему, что Общество не помнѣетъ его за границу. Что ему вѣхать за границу необходимо — это очевидно, и я думаю, что если Общество не сдержитъ слова въ виду того, что быть или не быть Васильеву, то это дурно. О долгѣ беспокоиться нечего. Онъ его заплатитъ». — «Ну, разумѣется, тогда другое дѣло, говоритъ, тогда можно будетъ...» Фу, какая гадость — вотъ пишу-то! На другой день получилъ картину, приходитъ Третьяковъ, и мы рѣшили, что картина за нимъ за 1,000 рублей. Когда я привезъ картину Григоровичу и объявлялъ объ этомъ, какъ онъ востроился! «Ахъ, Иванъ Николаевичъ, что же это такое? Третьяковъ пусть въ такомъ случаѣ уплатитъ деньги за нее въ Общество». Я говорю: — «Потребуйте у него, разумѣется ужъ это ваше дѣло. Вы знаете, что у Васильева съ Третьяковымъ обязательство, что всякую картину прежде долженъ видѣть Третьяковъ. Онъ объ этомъ писалъ вамъ — вы это знаете, писалъ

онъ и мнѣ: какъ же я могъ иначе сдѣлать?» Какъ странно, что о дѣлѣ я пишу самымъ безобразнымъ образомъ, замѣчаете ли? Понимъ ли что нибудь изъ всего, что я настрочилъ. Да все равно, будемъ продолжать. Теперь, когда я знаю, что надо дѣлать съ синонимымъ духомъ и безъ колебаній, я вамъ доложу слѣдующее по пунктамъ: 1-е. Если можете, успокойтесь, сидите и работайте, сначала ширма тамъ, или что другое, потомъ высчитайте сюда — къ Григоровичу. Это важно. 2-е. Заграницу вы пойдете на чужб. Общества. Если къ началу мая вы примете что нибудь, промѣ ширма, то ужъ одного этого будетъ довольно. 3-е. Въ Петербургъ вамъ ѣхать лѣтомъ въ такое время какъ вы назначаете, незачѣмъ — безполезно. 4-е. Если возможно — хорошо бы проехать хотя часть лѣта вънѣш. Гдѣ, я вамъ напишу обстоятельно въ свое время объ этомъ, это уже лично мнѣ было бы пріятно. У меня есть одинъ планъ — если вамъ будетъ знать необходимо — я сообщу пожалуй его; теперь же, пока, будемъ такъ говорить. Не смущайтесь, что я сказалъ, что вы заграницу пойдете на счетъ Общества. Это можетъ быть такъ же вѣрно, какъ и то, что всякая ночь спитъ утренняя. Если черезъ лѣсъя нужно будетъ устранить Григоровича отъ этого дѣла — я устрою. Посмотрю, что онъ будетъ имѣть завтра, послѣзавтра, чрезъ недѣлю, чрезъ дѣй, а потомъ устраню. Не беспокойтесь, мой дорогой, я не сдѣлаю ничего безъ вашего вѣдома, къ ущербу нашимъ отношеніямъ къ кому бы то ни было. Вы все будете знать. Извините за загадки, этого не слѣдовало бы, да дѣло въ томъ, что тутъ и загадокъъ почти нѣтъ. Я просто, пока, сообщалъ вамъ мое глубокое убѣжденіе, основанное на различныхъ фактахъ и наблюденіяхъ, что вы заграницу пойдете, когда сочтете это нужнымъ, — раньше ли августа, или въ августѣ — все равно; я даже скажу — если вамъ можно будетъ устроиться ѣхать въ май или июль, то напишите, и я вамъ отвѣчаю, что пойдете. Ради самого Бога, вы только не мучьтесь соображеніями по поводу этого предмета. Вы пишете, что возшка заграницу можетъ блестятельно ложнута. На чемъ основано ваше мнѣніе — я не знаю, то есть я знаю, но для меня это неубѣдительно. Конечно, мои основанія для васъ еще менѣе убѣдительны, но я сию здѣсь и вижу все, осмѣваю такъ сказать, а вы — тамъ за 2,500 верстъ, и притомъ находитесь въ положеніи, которое исключаетъ необходимое спокойствіе при обсужденіи передвигающихся обстоятельствъ. Я, по тому же самому, какъ посторонній человѣкъ, могу хладнокровнѣе обсуждать и дѣлать выводы. И наконецъ, разъ допустивши меня къ участию въ вашихъ интересахъ, теперь уже невозможно меня выбросить или устранить отъ вышнѣшности, не залутивши дѣла еще больше, а потому надо дѣло вести такимъ образомъ, какъ оно началось. Вы его начали хорошо, такъ и продолжайте, т. е. переписку съ Григоровичемъ. Григоровича что касается — вы знаете —

это Третьяковъ. По такъ какъ съ Третьяковымъ можно считать дѣло конченнымъ, т. е. почти конченнымъ: я говорю это по поводу долга, вы ему должны около 1,200 рублей, остается бездѣлица — слѣдовательно, одного уже нѣтъ, хотя этого человѣка я никогда не принималъ серьезно за помѣху впередъ Обществу. Это все Григоровичъ раздулъ. Остается, стало быть, долгъ Обществу, но... право же это мнѣ кажется даже забавнымъ. Видъ изъ сущности долгъ этотъ не такъ великъ... Однакожъ, знаете, что я, точно Нецвѣтаевъ, считаю деньги въ чужомъ карманѣ. Становится неприличнымъ. Но, чтобы кончить съ этимъ, говорю въ послѣдній разъ: — вы пойдете заграницу на счетъ Общества. Одно, въ чемъ я не убѣренъ, это въ томъ, чтобы дали все то, что вы просите; по всей вѣроятности предложить меньше; ну ужъ съ этимъ я не знаю какъ быть. Тутъ я ничего не могу сдѣлать. Что же касается остального, то повторю въ сотый разъ: это будетъ. Я убѣжденъ — и конечно. Мнѣ бы хотѣлось сообщить и вамъ ту же силу убѣжденія, слѣдствиемъ чего была бы та доля необходимого спокойствія, въ которомъ вы такъ нуждаетесь, и которое вамъ такъ настоятельно рекомендуется и докторами, и мною, и всѣми благопріятелями, и даже врагами. Неужели же въ виду такого единуднія вы останетесь непреклонны и не успокоитесь? Это съ нашей стороны будетъ равно неблагодарности и жестокости сердечной, такъ вамъ несомнѣнной, и проч. и проч. Вы имѣете слѣдующихъ конкурентовъ: Шинкинъ, — штука большѣе чѣмъ неважная, такая, какихъ у него было много во время оно; Орловскій — итальянскій пейзажъ, Средиземное море — не дурно, даже хорошо, но грубо, дерзко и налевано. Софья Николаевна говоритъ, что сюжетъ картинъ Орловскаго — на морѣ огонь горитъ. Клеверъ — скатое поле, ветеръ, подаетъ надежды, краснѣ хороми, Григоровичъ одобряетъ. Волковъ — утро въ окрестностяхъ Петербурга, понемногу выправляется, и терпѣливый пейзажъ — лучший изъ его работъ. Кушдизъ — не знаю что, Экторъ — вы знаете; Маковский, Николай — и знать неужно; Саврасовъ — будто бы зима, но не дурно. Резановъ... Ну ужъ это, батюшка, увольте... Вотъ кажется и все. Нѣтъ, еще какой-то москвичъ безнадеженъ. Если взять все въ совокупности, то конкурсъ даже людный, кому дадутъ премію и какую, сказать нельзя — т. е. я не берусь, хотя знаю, которая лучше всѣхъ. Въ числѣ присуждающихъ я не буду: кто имѣ больше понравится, предлагать трудно. Обо всѣхъ подробно, разумеется, дамъ обстоятельный отчетъ. Изъ жанристовъ никто особенно не выделяется, хотя есть и Перовъ. Онъ становится очень грубымъ и слишкомъ разнзынымъ.

Саввикумовъ совѣтъ отказали отъ конкурса, по причинамъ, уже изложеннымъ мною въ прежнемъ писмѣ; причины такого сорта, которыя можно

поставить въ вину скорѣе Академіи. Тутъ не нужно никакихъ объясненій. Послалъ я вамъ съ юною одинокъ книжку «Самоучитель». Конечно, вы ее уже получили, такъ какъ сей итенантъ мнѣ неизвѣстенъ, а вы его узнаете, и можете быть будете выдаться. Сообщите, что оу такое, если найдете что либо въ немъ другое, кромѣ толстыхъ губъ и очковъ. Въ началѣ лѣта (крымскаго лѣта) прїѣдетъ въ Ялту г-жа NN, художникъ, знаете-ли ее? Птица глупая нѣсколько, много о себѣ думающая, больше по инстинктамъ земная, чѣмъ небесная; вѣроятно, она къ намъ явится, и даже можетъ быть привезетъ отъ меня ниско, хотя я отъ этого постараюсь уклониться. А впрочемъ, зачѣмъ же? Да это еще увидитъ.

По поводу Третьякова: прошлый годъ за вашу картину я назначилъ ему 1,000 рублей, ссылаясь, какъ вы знаете, на то, что цѣна эта была назначена вами. Онъ не зналъ, что я самъ долженъ былъ назначить цѣну. Затѣмъ, онъ, кажется, писалъ вамъ еще, что ему кажется цѣна эта выше нормальной. Въ этотъ разъ, въ разговорѣ, онъ это припомнилъ, и говоритъ мнѣ, что такъ какъ въ прошломъ году та картина была вамъ заплачена дороже, то сколько эта будетъ стоить? Я ему говорю: «Если въ прошломъ году, сто, можетъ быть даже дѣйстви рублей, и можно было бы уступить, но въ виду исключительнаго положенія Васильева это было бы несправедливо. Что же касается этой, то кое мнѣнїе—нормальная цѣна ей около 900 р., и то только потому, что въ ней есть такіе недостатки. Не будь этого, цѣна ей дороже (т. е. я этого не сказала, а сказала просто, что гораздо дороже). Но я, какъ довѣренное лицо Васильева, нахожу естественнымъ продать ее дороже, и назначаю 1,000 рублей, что по моему будетъ и справедливо». Хорошо. Онъ согласился. Объ этомъ онъ и просилъ меня написать вамъ, т. е. что онъ все-таки считаетъ, что какую-то сумму, другую, онъ вамъ переплатилъ. Я обѣщался, что и исполню. Вотъ какой у васъ адвокатъ. Что касается денегъ—хлодъ, какъ видите. Но въ свою очередь и я припомнилъ. Онъ «Зину» оу купилъ ниже нормальной цѣны. На томъ и разошлись. Охъ, ей-Богу, дѣло какъ будто не совсемъ чистое. Чортъ его знаетъ, не вѣдуаетъ ли онъ на это опираться въослѣдствіи. Что-жъ, пусть опирается, а я назначалъ, какъ въ прошломъ году, такъ и теперь, по 1,000 р. за картину. Онъ ее купилъ, стало быть о чемъ тутъ еще толковать? Вы—какъ знаете, а мое мнѣнїе: ему и виду подавать не слѣдуетъ, что дѣло продажи можетъ быть перерѣшено. По крайней мѣрѣ я, съ моей стороны, такъ буду дѣйствовать, еслибы обстоятельства того потребовали. Не смотря на то, что Третьяковъ въ сущности своемъ купецъ, онъ все-таки человѣкъ ничего—дѣло съ нимъ итъ можно.

Прибавить вамъ развѣ нѣсколько сплетень? Впрочемъ, ну ихъ къ чорту! Вѣдь вотъ, когда ниско нужно кончить, оказывается, что я какъ

будто что-то не написалъ? Какой-то существенный вопросъ остался не-решеннымъ. Какой? Эй-Богу не знаю, а чувствую, что упало что-то. Что-то объ картинѣ, что-то о будущности, о моихъ и вашихъ чувствахъ, и... какая-то тоска, чортъ знаетъ, что такое? И что еще нужно? Вѣдь картину я видѣлъ, вѣдь мнѣ теперь все ясно? А между тѣмъ недостаетъ чего-то. Должно быть, какъ тамъ ни толкуй, а писано все-таки недово. Рѣшительно не могу объяснить себѣ, что еще нужно. Точно малъ отправлять письмо, точно я увидался съ вами на желѣзной дорогѣ, нечаянно, и нужно опять съѣзъ въ вагонъ и—въ разныя стороны! И въ какое же время? Когда я, я хлѣвъ къ вамъ въ Крымъ, или нѣтъ—не въ Крымъ, а въ Хотенъ, а вы выѣхали оттуда по какимъ-то своимъ дѣламъ въ Петербургъ. Вѣдь это странно? Не правда ли? Вотъ теперь, то-въ-то-чѣ такое-же чувство, какъ на станціи Новоселкахъ. А я хотѣлъ много писать, очень много. Картина ваша теперь опять для меня какъ-будто сфинксъ—смотрю долго, долго, и какъ будто начинаю, и какъ будто нѣтъ. Сначала опять, какъ и въ первый разъ, что-то туманное, почти мистическое, шаржающее, точно не картина, а во снѣ какая-то симфонія доходить до слуха оттуда, сверху, а внизу на землѣ, гдѣ предметы должны быть реальны, какой-то страдающей и большой человѣкъ. Рѣшительно никогда не могу представить себѣ, чтобы пейзажъ могъ вызывать такіе сильные оуценія. Да, дай Богъ намъ и увидаться и работать вмѣстѣ, т. е. рядомъ, въ сѣнахъ и простотѣ, и перепискою. А теперь, Господь съ вами. Успокойтесь и сните спокойной. Всегда съ васъ спасибо за картину. И. Крамской.

ЛХІ. Къ П. М. Третьякову.

3-го апрѣля 1873 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что пишу на бѣлѣ, бумаги другой подъ руками нѣтъ. Портретъ Кольцова на Святой медѣлѣ кончу. Портретъ Грибодова началъ только что. Каратыгинъ нѣтъ сообщилъ кое-что; дунаю, что онъ мнѣ будетъ полезенъ собѣтами; у него оказалось матеріаловъ немного, но кое-что есть:—его, Каратыгина собственноручный рисунокъ акварельныхъ на кости, которыми онъ меня любезно снабдилъ. Картины Гё и Перова дохали какъ сюда, такъ и въ Ригу, благополучно совершенно, и нѣмки въ большомъ удовольствіи. Последнее нѣвѣстѣ болѣе нѣдѣль тому назадъ оутишительно—по 500 чело-вѣкъ бываетъ въ день. Изъ Риги выставка прїѣдетъ въ Вильно непре-мѣнно. Мы уже нѣтъмъ такъ помѣщеніе и городъ знаетъ, что выставка прїѣдетъ. «Майская ночь» тамъ же.

Теперь о Васильевѣ: третьяго дня я получилъ отъ него ниско, въ ко-
10

торомъ онъ выражаетъ намѣреніе просить у васъ денегъ, такъ что я это знаю и письмо для меня не было новостью. Но около недѣли или болѣе того, я узналъ новость собственною очень грустною. Недавно прѣѣхалъ изъ Крыма Штейнбоксъ-Фермюрт, который заходилъ къ Васильеву и видѣлъ его, видѣлъ въ такомъ положеніи, что Васильевъ едва ли проживетъ это лѣто. Уже поздно. Я думаю, что и заграницу ему ѣхать уже поздно. Не смотря на то, онъ, едва держа кисть, все-таки работалъ ширми. Штейнбоксъ, видя такое положеніе, нисовѣтовала оставить, на томъ будто бы основаніи, что великій князь заграницей, и едва ли будетъ въ Петербургѣ въ то время, къ которому заказъ долженъ быть конченъ. Васильевъ послѣ отъѣзда Штейнбокса телеграфировалъ Григороничу: можно ли отложить ширму? А между тѣмъ Штейнбоксъ былъ уже здѣсь. Ему отвѣчали, разумеется, что можно, что великаго князя нѣтъ и неизвестно, когда будетъ. Кроме того, Общество, частью по моей просьбѣ, рѣшило послать его немедленно за границу, не дожидаясь уплаты долга вполне. Но я ужъ и не знаю, что изъ этого будетъ. Васильевъ умираетъ, долго ли онъ протянетъ. Въѣтъ, конечно, но я думаю, что не очень. Слѣдовательно, если вы ему пошлете деньги, то ужъ это будетъ безвозвратно, на уплату и работу съ его стороны рассчитывать теперь уже нельзя. Два послѣднихъ письма, которыя я отъ него имѣю, такого безпорядочнаго тона и содержанія, что не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно разстройства его умственныхъ способностей, что всегда бывало съ чахоточными. Такая горячка, такая лихорадочная разбросанность, такое страшное порываніе куда-то уйти, что-то сдѣлать и отъ чего-то освободиться, что теперь съ нимъ нужно только осторожно обходиться всякіе вопросы и дожидаться, когда онъ закроетъ глаза.

Вы видите, Павелъ Михайловичъ, что я даже и нисовѣтовать ничего не могу. Говоря по совѣсти, деньги нисыпать не слѣдуетъ. Долги его въ Ялтѣ, вѣроятно, могутъ быть покрыты оставшимися работами, и, не смотря на то, все-таки еще останутся. Ей-Богу не знаю, какъ тутъ быть. Что же касается его перѣзда въ Воронежъ, то это было давно въ предположеніи, теперь, разумеется, нѣтъ объ этомъ и рѣчи. Онъ хотѣ и говорить, но докторъ его не впустилъ, и ему остается только бросить работу, что онъ кажется и сдѣлаетъ, судя по его письму.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь Н. Крамской.

ЛХП. Къ Ѳ. А. Васильеву.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1873 г.

Въ этомъ письмѣ не будетъ ни одного раза употребленъ знитетъ: дорогой мой Федоръ Александровичъ, кроме уже написаннаго. Чтѣ съ вами?

Чтѣ такое вамъ дѣлаетъ въ голову? Какъ это «дорогой по чтѣи»? Чтѣ это значить, и въ толкъ не возьму, и что такое «уже начинается»? Если говорить, такъ все говорить, или ужъ и начинать не надо. Признаюсь, нѣтъ такого рода туманныя яттва не понятны. Не разъясните ли? Письма дѣйствительно не писалъ къ вамъ около трехъ недѣль, но давно уже какъ послано — вы должны были его получить, и если не получили, то... признаюсь! Въ вѣтъ я писалъ вамъ и о Григороничѣ, и о нашей поездкѣ за границу, о Воронежѣ, словомъ, дѣла всѣ текуція были на-лицо, и какъ могъ — обстоятельно. Вотъ будетъ шутка, если и въ самомъ дѣлѣ письмо не дошло, между тѣмъ какъ вамъ, посланное 3-го апрѣля, я получилъ, какъ видите, 10-го, это чрезвычайно исправно, даже удивительно. А между тѣмъ такъ, у васъ въ Ялтѣ, кажется, нитѣ такой не живетъ, для котораго ускоряется почта. Прежде бывало не такъ: хорошо, если на 11-й или 12-й день получишь. Ну, да это въ сторону: хорошая или дурная, а все же почта, спасибо и за эту. Впрочемъ, не особенно спасибо, если вы письма не получали, такъ какъ ясылъ въ другой разъ — не знаю какъ. Вы напишите, Христа ради: если не получите, я повторю. Григороничъ убѣжалъ уже за границу — чортъ этакой, исчезъ. Надо розыскать Чушнина, что за шутка такая, не знаю. Воронежская губернія не упала-таки. Мы ѣдемъ, когда, объ этомъ напишу. Только чортъ его знаетъ, какъ все складается. Пелагали, что поѣдемъ всѣ вмѣстѣ, а между тѣмъ, Шинкинъ неизвестно когда выберется; говорить, дай Богъ въ іюнь, Савицкій тоже не рано, одинъ я, полагаю, выѣду раньше другихъ. Дача нанята заглаза, разумеется, и кажется не хватаетъ мебели и посуды; нужно будетъ все это изъ Воронежа перетасать. Правда, недалеко, въ 7-ми верстахъ, а все-таки. Дача Глаголевой, въ Рѣиномѣ (селеніе), около Воронежа, домъ помѣщичій. Пишите, какъ и чтѣ докторъ, пускаетъ ли васъ; тогда я, по прѣѣздѣ туда, уже лично найду, что нужно для васъ. Заживемъ. А птенецъ, о которомъ вы пишете, нѣтъ не казался плохимъ, онъ даже и не кашлялъ, когда я его видѣлъ у Рѣинна, какъ же это онъ такъ? Что-то ужъ очень скоро. Не удивляйтесь, мой хорошій, если къ вамъ прѣѣдетъ все-таки NN; въ послѣдній разъ, на четвергъ, она объявляетъ, что ѣдетъ на Озимной, то чтобы я приготовилъ письмо къ вамъ, за которымъ обѣщались явиться.

Теперь надо вамъ сообщить о самой свѣжей новости Петербурга — картинѣ Семирадскаго: «Грѣшница», изъ поэмы А. Толстого. Помните, что я уже упоминалъ объ ней, и если не особенно распространялся, то впрочемъ, значить не предугадать ея значенія для нашей публики. Дѣло въ томъ, что со времени Брюллова, говорить, не было такой картины. Между тѣмъ, Христосъ такая ничтожная личность, что для него ни одна грѣшница не раскрасея, да и сама грѣшница не пѣтъ тѣхъ, которыя бросаютъ развѣ-

селую жизнь. А между тѣмъ, отъ картины сходить съ ума. Надо объяснить вамъ хотя сколько-нибудь это явленіе. Картина написана такъ дерзко и колоритно, въ смыслѣ подбора красокъ (а не органическаго колорита), такъ сильно по свѣтотѣни, и такъ много въ ней вѣшняго движенія, эффекта, что любилка просто морщена. Изъ этого видно, что картина передвижница, и вамъ покорѣйшій слуга былъ около 20 минутъ подъ впечатлѣніемъ картины. Она производитъ въ первый разъ импонирующее впечатлѣніе, и хотя вся фальшь видна съ перваго раза, но критика молчитъ, такъ велика сила таланта. Талантъ этотъ не изъ тѣхъ, которые незаметно входятъ въ интимную жизнь человѣка, сопровождаютъ ее всегда, и тѣмъ дальше, тѣмъ дѣлаются все необходимѣе; нѣтъ, этотъ налетитъ, схватитъ, заставитъ разсудокъ молчать, и потомъ вы только удивляетесь, какъ это все могло случиться. Нѣтъ, мы все еще шарлары. Намъ правится блестящая и шумная играшка больше, чѣмъ настоящее человѣческое наслажденіе.

11-е апрѣля.

Видѣлся съ Бортковимъ, и узналъ о Чупинѣ слѣдующее: что онъ касиръ, и что Общество положило выдавать съ 15-го августа, или когда вы потребуете, по 150 рублей, и за первые три мѣсяца можете получить впередъ, а также впрочемъ и всегда будетъ происходить, за каждые 3 мѣсяца вы будете получать по 450 рублей. Лучшее это, или хуже, не знаю, но иначе пожалуй нельзя, такъ какъ переводъ заграничный каждый мѣсяцъ дѣлать неудобно, пожалуй. Срокомъ поѣздки располагаетъ не Общество, а вы всецѣло, и если бы не только въ теченіе перваго года не прислали ничего на выставку, но и другой годъ, то тоже ничего. Словомъ, съ этой стороны это хорошо совсѣмъ, по-моему. Общество, говорятъ, не хотѣло отступить отъ принципа и выдавать безвозвратно. Но вѣдь чортъ его знаетъ, этотъ принципъ, хорошо это или худо? Со стороны респектабельности дисантъженонъ, засѣдающихъ въ Обществѣ, хорошо безспорно, но... нѣтъ-то оно почему-то не нравится, и я—было такъ и дѣло тронуть, когда заговорилъ съ Григоровичемъ, а тутъ получаю отъ васъ ниско, въ которомъ вы просите Общество (т. е. думаете просить) ссудить вамъ на поѣздку за границу. Я и не звалъ собственно, какъ быть, и не настаивалъ уже о безвозвратной посылкѣ, а представлялъ дѣло разсмотрѣнію просто. Но, какъ писалъ вамъ уже, никакъ не ожидалъ, чтобы все это сдѣлалось въ какихъ-нибудь два, три дня. Оказалось, что въ Обществѣ было общее собраніе. Больше писать объ этой матеріи не знаю что, такъ какъ не знаю вашихъ мыслей.

Относительно вашего званія почетнаго вольнаго общника, я совѣтую сдѣлать опять запросъ въ Академію и просить выдать вамъ званіе, ка-

кое бы то ни было, а въ почетномъ званіи вамъ нѣтъ никакой надобности (да оно и не даетъ ничего, какъ я узналъ), и потому, какъ это ни непріятно для васъ, можетъ быть, я все-таки совѣтовалъ бы вамъ написать великому князю Владиміру Александровичу, въ форѣ письма, съ просьбой войти въ ваше положеніе и дать вамъ паспортъ...

Кромѣ того, я говорилъ Н. Н. Гѣ, чтобы онъ поднималъ опять вопросъ о вашемъ званіи, такъ какъ, оказывается, журналъ еще не подписанъ, и слѣдовательно и можно еще дерзнуть. Несмотря на то, я думаю, что все-таки не лишнее будетъ написать великому князю. Какъ глубоко должно быть для васъ непріятна вся эта исторія! Вы не погрѣшите, какъ возмущаетъ Академія своими законными стремленіями, послѣ 15-ти лѣтъ незаконнаго поведенія, да что я говорю 15-ти лѣтними: вся жизнь свою она была великой грубѣйшей и вдругъ желаетъ исправиться. Послушайтесь меня, голубчикъ мой, напишите письмо великому князю, и убѣждены, что будетъ сдѣлано все, какъ вы желаете. Вы не покачайте головой, тутъ есть доля правды. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же такъ поступать наперекоръ всякому здравому смыслу.

У насъ все пока слава Богу: мальчички учатся и не слушаются, Софья Николаевна хвораетъ какъ всегда, а нитого нутнаго не дѣлаю и бью баклуши, да и чортъ его знаетъ, что со мной сдѣлалось—какъ-то, не сегодня-завтра, не завтра такъ послѣзавтра, что нибудъ сдѣлаю, и такъ дальше, все думаю, думаю, и ни за что не принимаюсь. И откуда я получаю репутацию человѣка работячаго? Я думаю, только оттого, что у насъ нѣтъ людей дѣйствительно работящихъ.

А какъ вы подаете, будемъ ли мы что нибудъ значить въ Вѣнѣ? Я думаю—не много, а если будемъ, то, значить, уровень искусства заграничній хуже нашего, потому что они уже работаютъ цѣлымъ столѣтіемъ, тогда какъ мы едва въ колыбели. Увидимъ. Путешествіе на Востокъ право состоится, и знаете когда? Вѣроятно, около будущей осени 74 года, право. Вѣдутъ еще Гунь и Громе. Этого господина мы не знаете, разувѣется, а это художникъ, и хорошій, и считается русскимъ. Ну, да хранитъ васъ Господь Богъ, не правляйтесь, и помните, что и какъ относительно Воронжа. Приблизительно мы выѣдемъ около 15-го мая. Вотъ я такъ модно пишу, едва ли разбираете.

Вамъ Н. Красной.

ЛXIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 19-го апрѣля 1873 г.

Мой родной Федоръ Александровичъ. Простите мое недостойство вообще, и относительно совѣтовъ въ частности. Вѣдь, ей-Богу, когда полу-

чины такую нудулочку, въ которой поистѣвается, что и бокъ болитъ, и грудь болитъ, и силеники-то нѣтъ, то велелъ-неволенъ начинаться совѣтовать; такъ ужъ человѣкъ устроенъ — посоветовалъ — ну какъ будто и долгъ свой исполнилъ, да и какъ удержаться? Дѣло доброе, а ничего не стоитъ, соблазнительно! Я, впрочемъ, не такъ ужъ недостаточнъ со своими совѣтами — вы пишете, что нездоровы, а между тѣмъ ширмы у васъ на сѣбѣсти, вотъ я и думаю: къ чорту ихъ, за это время можно что-нибудь другое сдѣлать, болѣе сыплатичное, и получить то же самое, можете быть. Вы говорите: нельзя вамъ безъ ширмы. Что вамъ онъ пужикъ, чѣмъ..... вижу, ясно вижу, да вѣдь обидно-жъ! Въ самомъ дѣлѣ, какъ не выручаться, и потому вотъ что, мой дорогой: принимайте все-таки мои совѣты и замѣчания заурядъ съ прочими, потому что и мои столько же въ сущности стоятъ, какъ замѣчания и совѣты другихъ. Потому, разговоры одни, дѣломъ никто вамъ не поможетъ. Ну скажите, развѣ есть какой-нибудь прокъ изъ того, что кто-то васъ любитъ, жалѣетъ, думаетъ объ васъ и мучится? Чѣмъ такой человѣкъ вамъ будетъ полезенъ, если онъ не можетъ дать всего, что нужно вамъ?

Перейдемъ ко мнѣ. Ну что въ сущности я въ состоянн для васъ сдѣлать? Я не могу сдѣлать никакого улучшения въ ассигновкѣ на заграничную поездку, я не могу въ Академіи заставить 20 словъ принять въ соображеніе, здравый разсудокъ; я, наконецъ, не докторъ, чтобы вылечить васъ. Я могу только микроскопически помочь вамъ, и на это я согласенъ, съ радостью, стремительно готовъ, я могу подѣлиться съ вами деньгами, и, если нужно, обратитесь ко мнѣ, и въ разлѣтъ не болѣе, впрочемъ, 1,000 рублей. Я готовъ, какъ уже готовъ былъ, употребить деньги на погашеніе долга въ Обществѣ, если бы они отказали мнѣму — вотъ что я могу, на это разсчитывайте, если нужно — располагайте. Не думайте, ради Бога, чтобы вы очень плохо и непонятно описывали ваше положеніе, и что я не отдаю отчета во всемъ, что съ вами происходитъ, и каковы ваши обстоятельства. Нѣтъ, писали вы уже нѣсколько разъ и довольно обстоятельно, а если же чего и не досказывали, то вѣрьте, я все-таки нѣсколько васъ знаю и кое-что могу догадаться. Наконецъ я могу читать, и дѣйствительно читаю, между строкъ, такъ что я отлично понимаю, какъ и что, и если начинаю болтать вздоръ, то это бываетъ, когда на меня находитъ ланика: человѣку нужно лечиться, и, сколько помню, еще когда я васъ оставлялъ, лично, то докторъ вамъ говорилъ, чтобы вы не работали, т. е. если бы и работали, то ужъ никакъ не болѣе 3-хъ часовъ въ сутки, а тутъ ширмы къ сроду, да еще и заболѣть опять, ну и понесъ чѣмъ-то вздоръ. Не взыскивайте строго. Помните, что все-таки я не хотѣлъ бы умышленно или легкомысленно наносить вамъ хотя тѣмъ неприят-

ности, или бы я не принималъ всего, что вы мнѣ пишете, за серьезное дѣло. Успокойтесь, если можете, я всѣ ваши письма получалъ (кажется всѣ), и обо всемъ вы мнѣ писали. Съ паспортомъ изъ Академіи я не знаю, какъ быть. Должно, по моему мнѣнію, вамъ написать опять въ Академію прошеніе еще разъ о томъ же, и великому князю наложить въ форѣтъ письма, да ужъ пожалуй за одно и Исеѣву. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что Н. Н. Гѣ, какъ членъ Совѣта, не имѣетъ такого усѣха, по весьма воинитой причинѣ — и потому все, что онъ предложитъ, или защититъ, тому считаться обязанностью они сопротивляться. Я былъ у Исеѣва и говорилъ послѣднее, что вы пишете, то есть не то, что вы пишете именно, а просто говорилъ въ письмѣ отъ 8 и 9 апрѣля, и онъ, я думаю, сдѣлаетъ, если вы ему еще напишете. Къ сожалѣнію, и какъ покорнѣйшій слуга не возымеется сниматями Академіи. Вамъ это извѣстно. Искать письма наме, въ которомъ вы писали мнѣ, что вы хотите просить Общество судить вамъ деньги на поездку за границу; тамъ такъ и стоитъ въ письмѣ, написанномъ въ февралѣ 24, 25 и 26: «Взять заграничку сразу не могу, потому что нѣтъ денегъ, нѣтъ ровно никакого вида, нѣтъ вѣры въ ссуду Общества и величину ея въ годъ», а въ другомъ мѣстѣ, ниже, въ томъ же письмѣ, рѣчь идетъ все о той же поездкѣ: «я долженъ, изъ болани потерять будущую (прибавлено для ясности) ссуду Общества, уплатить старую» и т. д. И потому, въ томъ письмѣ, въ которомъ вы назначаете сумму въ 2,200 рублей серебромъ, рѣчь идетъ тоже о ссудѣ. Я же, все время, въ разговорѣ съ Григоровичемъ, напиралъ на то, что нужно сдѣлать это, какъ было сдѣлано Брюлову и Келлеру; а Григоровичъ свое: принципъ, нельзя до уплаты, и тому подобное. И какъ я уже писалъ вамъ, дѣла черезъ 3 сутокъ разговора, былъ Комитетъ, о которомъ я не знаю, а въ слѣдующій за сими четвергъ, онъ, Григоровичъ, мнѣ сообщаетъ, что поездка наша Комитетомъ рѣшена, и выдана, т. е. ассигнована уже (цену я крайне удивился, т. е. этой скорости) по 150 рублей серебромъ. И даже онъ сообщитъ уже объ этомъ вамъ. Григоровичъ, очевидно, хотѣлъ меня обрадовать, а между тѣмъ я такъ былъ собственно сконфуженъ, что даже не вдругъ вамъ написалъ объ этомъ, и вы узнали объ этомъ не отъ меня. Это объясненіе я дѣлаю чуть ли не въ 3-й разъ, на этотъ разъ уже по поводу послѣдняго письма, въ которомъ вы пишете: «я никогда не желалъ придавать этому дѣлу видъ ссуды, какъ вы пишете, вѣроятно по словамъ Григоровича; а совсѣмъ наоборотъ, просить именно о безвозвратной помощи». Дорогой мой, ей-Богу же вы писали такъ, какъ я вамъ докладываю. Но такъ или иначе, а дѣло сдѣлалось такъ, какъ оно сдѣлалось, не потому, что вы писали, или я говорилъ, а потому, что Григоровичъ, не смотря на мои настоянія (замѣтите, я тогда еще не зналъ изъ вашихъ писемъ

того, что привел выше) въ Комитетѣ, не пожелать, а можетъ быть и не могъ поставить вопросъ иначе. Вѣдь я думаю, да и вы также, что поздня не будетъ рѣшена раньше уплаты стараго долга. Теперь объясню последнее недоразумѣіе. Вы спрашиваете у меня смыслъ фразы въ моемъ письмѣ: «Я рассчитываю въ первыхъ числахъ мая перевезти семью въ Воронежъ, и если вы до того времени надумаетесь, я буду готовъ». Фраза дѣйствительно дурацкая, но я ее понималъ совершенно (еще бы!). Дѣло, видите, въ чемъ. Она связана въ письмѣ (явно связана) съ рѣшеніемъ о вашей поездкѣ за границу и о мѣстѣ, наиболѣе благопріятномъ для нашего здоровья. А такъ какъ поездка за границу рѣшена, такъ что если вы желаете ѣхать немедленно, не дожидаясь августа (такъ сказалъ передъ отъѣздомъ Григорьевичъ и такъ сказалъ Вортковъ: требуйте, когда хотите, этой поездки), то вы можете, а потому можете быть предпостите, или нужнѣе, наконецъ, за границу на лѣто, то и надумаетесь, но знайте, что я буду въ Воронежѣ въ май, и если вы придете ко мнѣ, то извѣстите, я буду готовъ искать помѣщеніе и найду его, или найду подробно, что и какъ. Вотъ что я хотѣлъ сказать. Оказывается, что скверно-то пишу я, а не вы, совершенно надо меня, а не васъ, а еще вы нѣсколько разъ безпокоились, понимая ли я ваши письма! Теперь я собственно такъ напугалъ, что мнѣ все кажется: все еще недостаточно ясно, надо бы еще добавитъ.

Едва ли Вѣстникъ будетъ въ началѣ августа въ Петербургѣ. Онъ никогда не бываетъ здѣсь въ это время, всегда въ послѣднихъ числахъ сентября или въ октябрѣ; скорѣе его можно отыскать за границей въ это время. (Опять глупость написалъ). Ну да ужъ такъ и быть. Простите за NN, не могъ отказать, но искренно желалъ; впрочемъ выстрѣлите въ нее, я ей говорилъ объ этомъ. Сinite съ Богомъ, и я пойду спать. Вашъ

И. Крамской.

ЛXIV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 15-го мая 1873 г.

Мой родной Оеодоръ Александровичъ. Что это значить, что я не пишу отъ сама Вѣсточка? Ужъ не обидѣтъ ли я васъ чѣмъ-нибудь? Ради самого Бога, простите меня великодушно и откликнитесь. Вы не знаете, что я передумалъ за это время, мнѣ такое лѣзетъ въ голову, что я не знаю, какъ вамъ и рассказать. Но болѣе всего я вину, разумѣется, самого себя; быть можетъ ваша гордость была чѣмъ-нибудь съ моей стороны уязвлена. Если такъ, то не молчите болѣе—вѣдь это ужасъ, скажите мнѣ все, и скажите прямо все, чего я заслуживаю по вашему мнѣнію; вѣрьте, что что бы ни сказали, я въ состояніи хотя понять, если уже нельзя исправить. Мнѣ

ужъ нѣтъ силъ молчать, этакъ нельзя болѣе. Хотя одно слово, но такое, чтобы я понялъ, въ чемъ дѣло. Ради Бога напишите, неужели уже вамъ нечего мнѣ сообщать, не объ чемъ писать, и такъ-таки просто надо оставить меня въ такомъ положеніи? Я чувствую что-то недоброе, но что бы это ни было—пишите. Я потерялъ голову—что съ вами? Никогда, ни отъ кого ничего не слышно, точно вы въ Америкѣ. Но и оттуда письма доходятъ. Мой дорогой Оеодоръ Александровичъ, будьте же такъ добры, напишите мнѣ, что случилось между нами, если случилось? Вы не можете обо мнѣ худо думать, я этого не заслуживаю; вы не знаете, какъ ваша дружба для меня дорога, и вы не знаете, что я готовъ для васъ сдѣлать. Но, ради Создателя, напишите мнѣ, нельзя молчать, и еще молчать на такое письмо мое, которое, я знаю, могло пожалуй васъ огорчить, но что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Неужели мнѣ нельзя ничего отвѣтить ни на мое предложеніе, ни на мое безсильіе что-нибудь для васъ сдѣлать? Нѣтъ, добрый мой Оеодоръ Александровичъ, я не хочу думать, чтобы вы на меня серьезно разсердились, хотя я знаю, что съ вами ничего нельзя дѣлать шутя и въ полшину. Но вѣдь я и не шутилъ, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ былъ поставленъ въ такое положеніе, что долженъ былъ вамъ предложить то, что я предлагалъ. Я бы себя, ей-Богу, не позволилъ сдѣлать наоборотъ. Дѣло въ томъ, что я имѣлъ отъ Павла Михайловича Третьякова письмо, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что вы просите у него 1,000 рублей, и что онъ, къ сожалѣнію, исполнить вашу просьбу не можетъ. Судите, что я долженъ былъ почувствовать? Я знаю, какъ вамъ необходимы деньги, знаю также, что деньги вы ни откуда не получите, если вамъ не выплатятъ Третьяковъ. Словомъ, я можетъ быть и не такъ виноватъ, какъ показалось. Пишите, ради Бога, напишите.

Послѣзавтра я выѣзжаю изъ Петербурга въ Воронежъ. На датѣ я буду около 25-го мая. Нужно остановиться на 2 дня въ Москвѣ. Пишите мнѣ уже въ Воронежѣ, въ село Рѣиное, дача Глаголевой. Шинкинъ здѣсь еще остается неопредѣленное время, такъ какъ Е. А. со дня на день должна родитъ и потомъ поправится—стало быть время протянется. Говорю вамъ серьезно—я въ тревогѣ, не знаю, что думать, и жду, жду безъ конца. Или письма пропадаютъ? Вѣдь ужъ болѣе мѣсяца, какъ я вамъ послалъ свое послѣднее письмо, и, должно быть, несчастное письмо. Кромѣ того, повезла еще NN глупое письмо, но вѣдь съ нею и нельзя было послать умаго, вы это, я думаю, поняли отлично, да и вообще, положивъ, умныя письма рѣдко попадаютъ, по крайней мѣрѣ мои письма—часть меня самого, какъ и ваши, ну а NN я не могъ бы доверитъ, хотя и часть. Простѣйте меня, не оставляйте въ потемкахъ. Это очень тяжелое состояніе. Я бы не безпокоился такъ, если бы не нужно было мнѣ знать вашего взгляда

на мое последнее письмо. Видь ми пужно не было знать, согласитесь, что вы ми пишешите? Я вам писал отъ всего моего сокрушеннаго сердца. Положимъ, вы подклады знать не могли, но теперь я вам пишу объ ней. Но все-таки странно. Что бы ни было, какъ бы вы ни излагали на мое письмо, что бы вы ни подумали, а не написать, рассердиться вы не могли и не должны были, видь вы знаете же меня. Чтонибудь другое тутъ есть, что вы не пишете. Я вамъ говорю, что ми очень тяжело. Что это значить? Что ми думать? Воимъ дѣлать отвѣтъ на эти вопросы. И, до получения отъ васъ отвѣта, буду думать, что вы, мой дорогой, не измѣнились, наши отношенія не пошатнулись, допрѣ не пострадало ни съ которой стороны. Да и неприлично это. Говорю въ смысле причинъ нравственныхъ. И такъ, голубчикъ мой, ничего не прибавляю, ничего, кромѣ просьбы писать, и если возможно, обстоятельно. Вашъ И. Крапской.

ЛХV. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 21-го мая 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Въ пятницу я буду въ Москвѣ, я полагаю, и привезу вамъ портреты и Кольцова и Грибоѣдова. Кольцова я рѣшился кончить и не брать въ Воронежъ, предоставляя себѣ право поправить и, можетъ даже быть, переѣлать его, если найду что нужно въ Воронежѣ, гдѣ я сдѣлаю и рисунки и этюды. Я подумалъ, что брать самый портретъ нѣтъ надобности, и что довольно будетъ сдѣлать на листѣ рисунки. Въ портретѣ Кольцова вы встрѣтите радикальную переѣву: я сдѣлалъ блѣдный фонъ. Всѣ замѣчанія касались къ тому, чтобы сдѣлать нѣтъ лика кириллическимъ: Никитенко, бывшій у меня, знавшій Кольцова хорошо, всегда это говорилъ, и я рѣшился прибѣгнуть къ этому средству, чтобы лицо было темнѣе фона. Теперь онъ сидитъ на половникъ стула у стѣны. Но чѣмъ я недоволенъ, такъ это Грибоѣдовымъ—не то, чтобы онъ ужъ хорошо былъ написанъ, а тѣмъ, что ми удалось, съ помощью Каратыгина, сдѣлать его похожимъ. Каратыгинъ находилъ его совершенно похожимъ; кромѣ того выискивалъ провѣрна самого Каратыгина. Генералъ Одеровъ, большой старикъ, знавшій Грибоѣдова, видѣлъ его портреты, я ему показывалъ, и онъ во-первыхъ узналъ, видѣлъ его портреты, что будто этотъ портретъ похожъ на много портретовъ, которые нишусъ съ живыхъ лицъ. Принимая все, что говорится, только въ половину, мы получаемъ въ результатѣ все-таки несомнѣнное сходство. Я полагаю что въ Москвѣ тоже найдутся люди, знавшіе Грибоѣдова, да и Кольцова тоже.

Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ остаюсь И. Крапской.

Л. Къ Ѳ. А. Васильеву.

Колосовка-Засѣна, 2-го іюня 1873 г.

Мой дорогой, мой благородный другъ. Что это у насъ случилось, какой огромный, страшный перерывъ. Я ничего о васъ не знаю, не знаю даже, гдѣ вы, или еще въ Ялтѣ, или уже заграницей. Со мной же въ это время случилось столько пертурбацій, что когда вы все узнаете, вамъ будетъ ясно. Начну съ начала. Въ первыхъ числахъ мая и послѣднихъ апрѣля я писалъ вамъ два письма, на которыхъ я не получилъ отвѣта вплоть до 25-го мая, до моего выѣзда изъ Петербурга на дачу въ Воронежъ. Вотъ эта-то Воронежская губернія все и надѣлала. Я васъ извѣщалъ, наконецъ, въ адресъ, гдѣ мы будемъ жить лѣтомъ. Теперь слушайте, что случилось: 25-го мая выѣхали, т. е. я съ семьей. За дачу данъ былъ задатокъ еще на Свѣной или Осиновой—не помню; прѣзжаемъ въ Воронежъ,—дорогой забѣжалъ Толя (онъ былъ уже не хороша въ Петербургѣ), весь разгорѣлся, задрожало горло и выступила сыпь. Прежде всего, разумеется, за докторомъ, какъ только кое-какъ дотопались до Воронежа и гостиницы. Докторъ, осмотрѣвши, говоритъ—оспа! (замѣте, оспа была принята). Не успѣвъ отдѣлать немедленно другихъ дѣтей, и жуть я, устроившись въ другой гостиницы съ остальными, поѣхалъ осматривать дачу. Прикинулъ, жажда, я ужъ и не знаю, какъ бы вамъ рассказать, что это такое. Въ ней 10 комнатъ—только 7, да и тѣ—каблучки, полы прогнили, съ дырами, ни одно окно и ни одна дверь не запераются, и даже притворить нельзя; жели въ 2 пальца, стѣны покосились, балконы гнилые, потолка нету, домъ на низкомъ и тонкомъ мѣстѣ, въ одинъ этажъ, тѣни нѣтъ, садикъ только фруктовый, заперченъ до смерти, и кругомъ ни кола, ни двора, нѣтъ ни воротъ, ни оградъ, и кругомъ голое, милое мѣсто, несомнѣнно очевидно, жить нельзя. Я начинаю искать въ окрестностяхъ, нѣтъ ли чего, что послеслѣдуетъ тѣмъ, и на извозчикѣ, и по жалкой дорогѣ, пропала вся надежда ничего не находилось—и не нашлось. Вольной мальчишъ едва-едва нашлся, и, слава Богу, сталъ поправляться. Убѣдившись, что нѣтъ надежды на ничего, мы черезъ неделю выѣхали обратно въ Москву, съ тѣмъ, чтобы тамъ поискать. Извѣдывая въ 3 дня около Москвы, я поимѣлъ двухъ другихъ мальчишъ заболѣлъ—Коля, потомъ Соня, потомъ Марія, а я ничего не найду. Наконецъ, оставивши семью въ Москвѣ, я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Харьковъ, не найду ли чего, пересмотрѣвъ множество, но подходящаго нѣтъ. Не забывайте, что я уѣхалъ впередъ всѣхъ, тѣмъ, что числа 5-го іюня выѣдетъ изъ Петербурга студентъ горнаго института Ник. Павл. Константиновъ (туда въ Воронежъ)—учитель моихъ братьевъ. При выѣздѣ изъ Воронежа 1-го іюня, я телеграфировавъ въ Петер-

бугря Шинкину, чтобы он остановил Константина, но он уже уехал. Прибывает в Воронеж — меня, разумеется, нет, и около дней сидеть без денег и без всякой вѣсти обо мнѣ. Наконец, 17-го июня мнѣ удалось найти настоящее помѣщеніе, по Московско-Курской железной дорогѣ, на станціи Козловка-Засѣка (между Тулой и Ясенками), волостанія, въ 10 верстахъ отъ Тулы, усадьба Ванькина. Теперь Савицкіе вслѣдъ за мною выѣхали изъ Петербурга, сначала въ Динабургъ, изъ родины, а багажъ отправляютъ въ Воронежъ, но отъ Шинкина узнать чрезъ телеграмму о случившемся. И, порѣшивъ, наконецъ, съ дачей, возвращаюсь въ Москву — гдѣ, слава Богу, всѣ были живы, но больны. И, наконецъ, 20-го мы уже были на дачѣ. Чрезъ нѣсколько дней прибываютъ Савицкіе, но безъ багажа, разумеется, которого и по сей день нѣтъ. И, наконецъ, вчера пріѣхали Шинкины. И вотъ только когда мы собрались всѣ, испытать столько передвѣтъ и истративъ чорному тѣму денегъ. Хорошо! Вотъ какъ мы ѣдизъ на дачу. Я думаю, что еслибы мы задумали поѣхать въ Хиу, то и тогда было бы и лучше, и дешевле. Впрочемъ, за всѣ мятарства мы награждены, по крайней мѣрѣ, и хорошии помѣщеніемъ, и прекрасною мѣстностью, прекрасною относительно, разумеется. Домъ каменный, 14 комнатъ, въ 3 этажа. Кругомъ дѣсь казенныя, столѣтніе дубы и прочее; воды немного, но есть, нѣтъ ли отъ станціи желѣзной дороги въ 1 1/2 верстѣ, воздѣ самого полотна; по другую сторону усадьбы въ 1/2 верстѣ — шоссе, сообщеніе съ городомъ возможно. Мельница водяная и прудики и все такое; одно скверно — деревня близкая въ 1 1/2 верстѣ, ближе нѣтъ жилья, хотя усадьба большая, и кромя насъ здѣсь еще живутъ дачники. Комнатъ свободныхъ еще много. Весь нѣтъ свободенъ, тамъ у насъ столовая (для жилья не совсѣмъ удобно, такъ какъ немножко пахнетъ сыростью), но наверху есть еще 2 комнаты превосходныя, такъ что всѣмъ кому,желающему изъ насъ забраться, будетъ мѣсто. Работать имъ еще и чѣго не начали. Вотъ вамъ отчетъ, почему я пропалъ; думаю, что нѣтъ ли являющіяся обстоятельства, въ качествѣ подданнымъ передъ вами. Но что-жъ это такое, мой дорогой, что объ насъ никто ничего не знаетъ, даже Шинкины не привезли мнѣ никакого извѣстія? Что съ вами, голубчикъ мой, откликнитесь, напишите мнѣ строчку; вѣдь у насъ съ вами есть текущія дѣла; я у васъ кое-что спрашивалъ, кое-что предлагалъ, и не знаю, что мнѣ думать. Больше всего, что и ничего не знаю, ничего не слышу, и даже не увѣренъ, дойдетъ ли это письмо, такъ какъ я пишу на дачу Цабеля; гдѣ вы помѣщались временно до дѣла. Наконецъ, не въ Петербургѣ ли вы уже чего добраго, все передумаете. Ради Создателя, разбѣните мои недоумѣнія, написавши мнѣ, гдѣ вы, и чтѣ съ вами было, если было, а за тѣмъ, какъ и чтѣ, не будете ли вы какъ-нибудь сюда — вотъ бы было хо-

дно; вѣдь готовы же вы были въ Воронежскую губернію пріѣхать. Право. Мой дорогой, пишите, ради Бога, пишите. Вѣдь что-жъ это такое: скоро 3 мѣсяца, какъ я не пишу отъ васъ ни строчки.

Вамъ И. Кранской.

LXVIII. Къ нему же.

Козловка-Засѣка, 1-го августа 1873 г.

Мой дорогой Федоръ Александровичъ, получилъ я одновременно два вашихъ письма, одно изъ Петербурга, адресованное въ Воронежъ, а другое уже сюда, стало быть вы получили тоже и мое — гдѣ я описывалъ свои приключенія съ отысканіемъ лѣтняго помѣщенія. Вы говорите, что я понесъ жестокое пораженіе своей принципалности и строилъ разныя невозможныя предположенія относительно васъ, что вы и въ Петербургѣ-то, и заграничѣй. Что дѣлать, какъ, я желалъ это предполагать; мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были уже и въ Петербургѣ, и заграничѣй, но, признаюсь, я самъ плохо вѣрилъ въ то, что писалъ. Больше всего я боялся, что вы оицъ забываете; эту мысль я отогналъ отъ себя какъ только могъ, но отогнать ее не могъ никакими образами. И вотъ она подтвердилась собственнымъ вашимъ сознаніемъ. Вы болыны, и хотя пишете, что здоровѣе лучше, однакожъ ждете Вяткина, и многія другія неутѣшительныя вещи. Это такъ не хорошо, такъ не хорошо, что и я расказывать вамъ не въ силахъ. Хуже всего, что вы не работаете: вотъ это дѣйствительно потеря. Это было бы отлично, еслибы не работали, потому что желали отдыха, но во всему видно, что вы не работаете отъ болѣзни. Голубчикъ вы мой, дорогой мой, что я вамъ могу тутъ сдѣлать? Къ сожалѣнію, я не больше, какъ только любящій васъ и глубоко уважающій человѣкъ, а вѣдь вамъ нужно и кромя этого кое-что еще другое. Тысячу рублей вы получите, т. е. получите Клеопию, какъ вы написали. Деньги будутъ высланы на его имя отъ Третьякова, которому я уже и написалъ объ этомъ. Онъ мнѣ долженъ 2,000 р., и я просилъ, чтобы онъ выслалъ къ вамъ половину. Вы не повѣрите, какъ бы я желалъ теперь выиграть 200,000 р., я бы зналъ, какъ съ ними разпорядиться; но вы видите, что и я могу заговариваться. Развѣ это не значить закопириваться, тосковать о выигрышѣ въ то время, когда ничего не имѣешь? Впрочемъ, я лично для себя теперь ничего не желаю, я почти счастливъ, только... вотъ опять бы выиграть.

Чортъ знаетъ, что такое, что дѣлать въ голову. Не знаю, что дѣлать. Вы пишете, что несвязно излагаете свои мысли. Не знаю, кто изъ насъ въ этомъ больше повиненъ; для васъ есть оправданіе, а ужъ мнѣ никакого. Пишешь, пишешь, какъ будто что-то выходитъ нужное, а прочтешь — изволь, ну, что вы поймете изъ этого всего? Нѣтъ, плохо пишется и плохо

говорится, когда нарушена гармонія. Кѣмъ она нарушена, для чего нарушена, кому отъ этого нольза, ничего не знаю, знаю только, что нехорошо такъ—вотъ и все. Да, дорогой мой, и люди, и сѣтъ, «какъ посмотришь съ холоднымъ вниманіемъ вокругъ—такая плохая и сиверная штука *»), что надо оглядываться подозрительно, какъ только получишь 5 минутъ свободнаго, потому что спокойствіе и счастье человѣка не въ порядкѣ вещей. Но больше всего достается, какъ оказывается, вамъ отъ судьбы-матери, и для васъ она—злая матица. Всего обиднѣе за Совѣтъ Академіи, вѣдь это подло. Я ужъ и не знаю, что тутъ дѣлать. Я говорилъ съ Искеевичемъ, говорилъ съ Іорданомъ и Резановымъ, съ ректорами, но ужъ лучше и не рассказывать, желчь разливается, и больше ничего. Законность, видишь, прежде всего; за нѣмъ, говорить, поганутъ всѣ. Да кто потянется? И неужели же глазъ нѣтъ, что мизанъ всякая захочетъ ровняться. Нѣтъ, мой дорогой, тутъ не то, тутъ гораздо хуже: законность,— только глупо, а тутъ есть другое, какъ мнѣ кажется. Разумѣется, я уловить этого не могу, и доказать также, но здѣсь ненависть Z къ Григоровичу и Обществу, насолить третьему, ни въ чемъ немощному, это по-человѣчески. Гадко, подло, но такъ дѣлаютъ, а законность—не понимаю, это слишкомъ глупо, чтобы я сталъ эту вѣрять. Но отъ этого не легче, а вида у васъ все-таки нѣтъ. Конечно, я еще разъ попробую попросить, еще разъ подниму всѣ доказательства, наконецъ, очевидныя заслуги человѣка поставлю на видъ. Но вѣдь я голосъ посторонній, ни для кого обязательно даже меня выслушивать, и потому, если сбѣгаютъ—благодаря, не сбѣгаютъ—показанный видъ, что тебѣ не обидно. И чортъ его знаетъ, гдѣ этотъ Григоровичъ, тарантъ и... съ вашего позволения? Ей-Богу вѣдь это рѣшено: что ему ни говори, ничего не можешь, все мерещуется, хотя всего наоборотъ. Нѣтъ, воля ваша, а такіе люди,—плохие люди. Отъ нихъ иногда хуже, чѣмъ отъ глупыхъ: злого ужъ такъ и знаешь, его бережешься, а такіе—и не увидишь, какъ напакостятъ.

Попробовалъ бы вамъ описать всѣ прелести нашей Козловка-Засѣки, но какъ-то не до того; и потомъ вѣдь это все будетъ ни на что не похоже, такъ какъ описаніи только помогаютъ воскресать въ памяти видѣнному. А вы хотя и профѣзжали это мѣсто (мы живемъ на самой желѣзной дорогѣ), но во-первыхъ давно, а во-вторыхъ вбродило и не замѣтили, и потому это надо по боку. Иванъ Ивановичъ пишетъ эту, (Савицкий начинаетъ писать землеполю, и страдаетъ сильнѣйшей одинокію, а я... сдѣло и становлюсь пейзажистомъ, право такъ; ничего не дѣлаю, кромѣ этюдовъ пейзажей, и если я когда жалѣю, что не пейзажиста, такъ это

*) Стихи Лермонтова.

теперь. Я бы написалъ кое-что, тутъ есть одинъ дѣлъ, онъ въ сучеркахъ производитъ неотразимо-страшное впечатлѣніе. Дѣлъ липовый и дубовый, лежатъ по обѣимъ сторонамъ дороги, подбавляю Ивана Ивановича, да онъ какъ-то все уклоняется, а жалъ. Не написать ли? Право, для себя, конечно. Письмо кончаю, поздно, да и нужно написать еще 5-ть; два написано. А вы, мой дорогой, пишите только по 2 строчки; я позволю, и читать буду какъ самую длинную и понятную мнѣ повѣсть. Будуся я, что вы опять захвораете, такъ и случилось—Господь да хранить васъ, берегитесь, вы еще нужны Россіи. Жена больна, но она очень, очень вамъ кланяется.

Вашъ Н. Крамской.

LXVIII. Къ П. М. Третьякову.

Козловка-Засѣка, 1-го августа 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я, вѣсто Воронежа,— между Тулой и Ясенками, по Московско-Курской желѣзной дорогѣ на полустанціи Козловка-Засѣка, въ усадьбѣ Вавкина. Это потому, что въ Воронежѣ оказалось невозможно помѣститься: и тѣсно, и слишкомъ душно, такъ душно, что какъ видите — я не тамъ. Прожить двѣ недѣли въ Воронежѣ и не найдя ничего сколько нибудь подходящаго, я выѣхалъ оттуда, и теперь, потерявши мѣсяцъ непродуительно, остановился здѣсь. Шинкинъ и Савицкій тоже здѣсь, и работаютъ. Изъ всего, что я вамъ сообщалъ, кончить что нибудь трудно, но это потому, что исторія слишкомъ длинная, да и не интересная. Главное все-таки есть, я не въ Воронежѣ. Получилъ я отъ Васильева письмо, адресованное въ Воронежъ, откуда оно ѣздило въ Петербургъ, и уже оттуда я получаю его здѣсь; вотъ, главнымъ образомъ, причина, по которой я предпринялъ написать вамъ данное и, сознаюсь, не особенно пріятное для васъ письмо, но содержало. Онъ, какъ вамъ извѣстно, нуждается, и нуждается больше всего по собственной неосторожности, разумеется. Шесть мѣсяцевъ онъ уже не работаетъ, въ рукахъ судороги, когда пишеть, и я съ трудомъ узналъ его руку, или, лучше сказать, только благодаря подписи я вижу, что это письмо отъ него. И такъ, ему нужны деньги, около 1,000 руб. сереб. Въ бытность вашу въ Петербургѣ, мы, рассуждая о томъ, давать ли ему еще или нѣтъ, пришли къ одному заключенію — не давать. Но теперь я нѣсколько измѣнилъ свое рѣшеніе и прому васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, принять и наше личное поручительство, т. е. мое и Шинкина, въ обезпеченіе той суммы, которую мы пошлемъ. Вещи мои и Шинкина будутъ въ вашемъ распоряженіи, если деньги эти не покроются произведеніями самого Васильева, или же вы не пожелаете взять ихъ за долгъ. У него остается много это-

довь, 5 альбомовъ и нѣсколько въ половину сдѣланныхъ картинъ. Какъ видите, я говорю — будто схоронилъ уже человѣка. Оно такъ и есть, я его уже дѣйствительно схоронилъ. На выздоровленіе нѣтъ надежды, а когда мы услышимъ о его смерти — это вопросъ времени, и я думаю, не долго. Грустно нѣтъ очень, и русская школа теряетъ въ немъ гениальнаго мальчика, а такъ думаю: не знаю, много ли будетъ у меня единомышленниковъ, но я въ этомъ убѣжденъ.

Если вы, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, не извините моего мнѣнія, относительно мучительства, какъ вы однажды упомянули, то я буду значительно облегченъ относительно заботъ моихъ о Васильевѣ. Не знаю, что я приготовлю вамъ въ уплату этого долга, но употреблю все старанія, чтобы нарисовать портретъ графа Толстого, который оказывается моимъ соседомъ — въ 5 верстахъ отъ насъ его мнѣіе, въ селѣ Ясманъ Поляна. Я уже былъ тамъ, но графъ въ настоящее время въ Самарѣ, и воротится въ мнѣіе въ концѣ августа, гдѣ и останется на зиму. Постояю, я употреблю все отъ меня зависящее, чтобы нарисовать съ него портретъ.

Въ бытность мою въ Воронежѣ, я наводилъ справки о Кольцовѣ, и узналъ, что его родная сестра жила, но ее не было въ Воронежѣ. Мнѣ удалось видѣть фотографію съ портрета, который находится, говорятъ, у ней — рисованный карандашомъ съ натуры. Съ трудомъ можно отыскать сходство съ вашимъ анварельнымъ. Онъ изображаетъ идеальнѣе, завитой, свертукъ, кажется, съ бархатнымъ воротникомъ, и смотритъ Байрономъ: словомъ, никакого сходства съ описаніемъ Тургенева. Очевидно, портретъ нарисованъ съ знаменитости, но, какъ говорятъ, сестра находитъ въ немъ большое сходство! Глубоко уважавшій васъ И. Крамской.

Вполнѣ раздѣлю мнѣіе Ивана Николаевича, что ночью Васильеву необходимо. Я прошу васъ прислать и мое поручительство въ уплатѣ долга Федора Александровича Васильева. Мнѣю честь быть вашимъ покорнымъ слугою

Иванъ Пинкинъ.

LXIX. Къ нему же.

11-го августа 1873 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письма, силою и рядомъ, не попадаютъ во время. Не знаю, отчего могло случиться, что письму 1-го августа шло до Москвы 5 дней, но я очень часто получаю несправно. Здѣсь, на станціи, объясняютъ это почтовымъ временемъ, когда поѣздъ проходитъ, и останавливается на 2 минуты. Оно вѣроятно. Деньги Васильеву, если можно, надо носить 700 рублей, и одновременно, по адресу, кото-

рый я вамъ и сообщилъ: Плат. Алекс. Клеопину. Когда онъ мнѣ объ этомъ написалъ, чтобы деньги и изъ Общества, и изъ другихъ мѣстъ, какъ онъ выразился, были посланы по этому адресу, я нѣсколько удивился, но потомъ, думая объ этомъ обстоятельстве, пришелъ къ такому заключенію, что Васильевъ вѣроятно кредитовался у этого г. Клеопина. Я его немножко знаю, онъ управляющимъ у Мордвинова, бывший гусаръ, любитель живописи, и пишетъ самъ, но, сколько можно судить, человѣкъ порядочный. Онъ очень любилъ Васильева, и вѣроятно помогалъ. Слѣдовательно, 700 рублей, съ прежними 300 р., и будутъ составлять 1,000 рублей, которые дѣлкомъ и пойдутъ на погашеніе долговъ. 100 рублей, какъ посланные вами раньше полученія моего письма, я не считаю. Изъ письма его видно, что онъ долженъ болѣе 1,000 рублей, сколько именно — не обозначено, но вѣроятно немного, такъ какъ онъ мнѣ писалъ передъ тѣмъ, что долгъ его въ Ялтѣ простирается до 900 рублей. Клеопину я написалъ, какъ немножко знакомому человѣку, чтобы онъ мнѣ сообщилъ: во-1-хъ, какъ будутъ употреблены эти деньги, и во-2-хъ, что остается у Васильева, какіе рисунки, этюды, картины, и чтобы онъ, въ виду объявленной докторомъ близкой катастрофы, не допустилъ бы до расхищенія и помогъ бы матери его, если можно, собрать все заранѣе и выслать въ Петербургъ.

Я работаю, т. е. начинаю работать, картину «Осмотръ стараго дома», о которой я уже упоминалъ, пишу кое-какіе этюды и ничего путнаго до сихъ поръ еще не сдѣлалъ. И. И. Пинкинъ, какъ всегда, работаетъ много съ натуры этюды, картины же писалкой не затѣиваетъ. Силницкій работаетъ картину «Землекопы на желѣзной дорогѣ». Эскизы хороши, что выдѣтъ — сказать нельзя.

Меня теперь озабочиваетъ розысканіе старой барской усадьбы. Все, что до сихъ поръ есть у меня, не удовлетворяетъ. Такъ какъ я рѣшилъ дѣлать этотъ сюжетъ въ комнатѣ, т. е. внутри, а не снаружи, то и нужны такіе детали, которыя только и могутъ быть въ домѣ, гдѣ не жили около 20 лѣтъ, а гдѣ стану я штуку сыщешь? Ну, что будетъ.

Благодарю васъ очень, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, что вы не оставили мою просьбу, а вдоволь и за память о сестрѣ. У меня пока до сихъ поръ слава Богу, хотя переболѣли всѣ дѣти въ Воронежѣ.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

О портретѣ А. Толстого, разумеется, употреблю все стараніе.

LXX. Ей Ѳ. А. Васильеву.

Козловка-Засѣка, 16-го августа 1873 г.

Мой дорогой другъ Федоръ Александровичъ, пишу къ вамъ коротенькую записочку и дѣловую. Сейчасъ получилъ отъ Третьякова письмо о томъ, что онъ деньги посылаетъ къ вамъ. По полученіи нашего послѣдняго

письма, где вы съ разными предосторожностями согласны, чтобы я выслала вамъ 1,000 рублей, я написала Третьякову, чтобы онъ послалъ ихъ изъ слѣдующихъ мѣ денегъ. Черезъ недѣлю получаю извѣстие, что онъ послалъ только 300 руб., и спрашиваетъ, какъ нужно послать: всё ли немедленно, или по частямъ? Я тотчасъ же послала еще письмо съ разъясненіемъ, и подтвердилъ, чтобы все было исполнено, какъ вы желали, т. е. деньги высланы на имя Плат. Алекс. Клеонина, и вотъ теперь получаю удивленіе, что остальные 700 рублей уже посланы. И глубоко печальна, что не могу вамъ доставить все, что нужно, а нужно вамъ и много и мало, смотря кому, отъ кого и для кого.

Мой дорогой, вотъ ужъ нѣтъ отъ васъ давно извѣстія, хотя я собственно и не жду, такъ какъ вы писать можете только съ трудомъ, да по правдѣ сказать, и не желаю, чтобы вы, ради моего удовольствія, подвергались какимъ-нибудь непріятнымъ ощущеніямъ. Но что дѣлать — такъ хорошо, когда получаешь отъ васъ письма, что думаешь: вотъ онъ уже получилъ мое письмо, и вѣроятно скоро будетъ отвѣтъ. Но печальная дѣйствительность заставляетъ перестать напрасно волноваться. Третьяковъ у меня спрашиваетъ, почему деньги нужно послать не на ваше имя, а на имя Клеонина? Но такъ какъ я и самъ собственно не зналъ хорошенько, то и написалъ что-то въ томъ родѣ, что адресъ вашъ около этого времени, вѣроятно, будетъ измѣненъ, а гдѣ — неизвѣстно, то, чтобы не прошло много времени напрасно съ отыскиваніемъ по почтамту, вы и назначили человека, который всегда будетъ знать, гдѣ вы. Такъ ли это? Да это и неважно, впрочемъ. Важно то, получили ли вы ихъ? Поручите написать объ этомъ хотя Роману, который я надѣюсь, на это время можетъ получить должность вашего секретаря.

Началъ я новую картину, о которой, кажется, вамъ писалъ уже. Сюжетъ заключается въ томъ, что старый породистый баринъ, холостякъ, крикаться въ свое родовое имѣіе, послѣ долгаго, очень долгаго времени, и находить усадьбу въ развалинахъ: колоколь обвалился въ одномъ мѣстѣ, вездѣ паутина и плѣсь, по стѣнамъ рядъ портретовъ предковъ. Водитъ его подъ руки двѣ личности женскаго пола, — иностранки сомнительнаго вида. За ними покупатель — толстый купецъ, которому развалина — дворецкій — сообщаетъ, что вотъ-воль это дѣдушка его сѣятельства, вотъ это бабушка, а это такой-то и т. д., а тотъ его и не слушаетъ, и занятъ, напротивъ, разсмотрѣніемъ потолка, зрѣлища, гораздо болѣе интереснаго. Вся процессія остановилась, потому что сельскій староста никакъ не можетъ отпереть слѣдующую комнату. Приблизженные доброжелатели говорятъ, что это интересно. Что выйдетъ — еще не знаю, хотя и знаю, какая картина должна быть.

Н. Крамской.

ЛХХІ. Къ П. М. Третьякову.

1873 г. 5-го сентября, Козловка-Засѣка.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. До сихъ поръ я еще не имѣю никакихъ извѣстій изъ Ялты, кромѣ письма Клеонина, въ которомъ онъ меня извѣщаетъ, что приметъ всѣ мѣры къ сохраненію вещей Олгды Александровны отъ расхищенія: писано было писано отъ 14-го августа, съдѣлательно до полученія денегъ.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой прѣхалъ, я съ нимъ видѣлся сегодня, и завтра начну портретъ. Описывать вамъ мое съ нимъ свиданіе я не стану — слѣшкомъ долго: разговоръ продолжался слѣшкомъ 2 часа, четыре раза я возвращался къ портрету, и все безуспѣшно. Никакіе просьбы и аргументы на него не дѣйствовали. Наконецъ я началъ дѣлать уступки всевозможныя и дошелъ въ этомъ до крайнихъ предѣловъ. Одинъ изъ послѣднихъ аргументовъ съ моей стороны былъ слѣдующій: «Я слѣшкомъ уважаю причины, по которымъ ваше сѣятельство отказываете въ сенсатѣ, чтобы дальнѣе настаивать, и, разувѣясь, долженъ буду навсегда отказаться отъ надежды написать портретъ. Но нѣтъ портрета ваше должно быть и будетъ въ галлерей» — «Какъ такъ?» — «Очень просто: я, разувѣясь, его не напишу, и никто изъ моихъ современниковъ, но нѣтъ черезъ 30, 40, 50, онъ будетъ написанъ, и тогда останется только помалѣй, что портретъ не будетъ сдѣланъ современно». Онъ задумался, но все-таки отказалъ, хотя нерѣшительно. Чтобы наконецъ кончить, я началъ ему дѣлать уступки, и дошелъ до слѣдующихъ условій, на которыя онъ и согласился: во 1-хъ, портретъ будетъ написанъ, и если почему-нибудь онъ ему не понравится, будетъ уничтоженъ. Затѣмъ, время поступленія его въ галлерей вашу будетъ зависѣть отъ воли графа, хотя и считается собственностью вашею. Послѣднее обстоятельство было настолько уже безобидно для него, что онъ какъ бы сконфузился даже, и долженъ былъ согласиться, а затѣмъ оказалось изъ дальнѣйшаго разговора, что онъ бы хотѣлъ имѣть портретъ и для своихъ дѣтей, только не зналъ, какъ это сдѣлать, и спрашивалъ о копіи и о согласіи, наконецъ, впоследствии сдѣлать ее, то есть копію, которую и отдать вамъ. Чтобы не дать ему сдѣлать отступленіе, я воспользовался ему доказатъ, что копія точной нечего и думать получить, хотя бы и отъ автора, а что единственный исходъ изъ этого — это написать съ натуры два раза совершенно самостоятельно, и уже отъ него будетъ зависѣть, который оставитъ ему у себя и который поступитъ къ вамъ. На этомъ мы расстались и корѣнни начать сеансы завтра, т. е. въ четвергъ. Объ исходѣ дѣла я и тороплѣе сообщитъ вамъ, а затѣмъ надѣюсь, что портретъ его хотя и будетъ имъ задержанъ, но нена-

долго — так как не будет причины ему удерживать его у себя. Не знаю, что выйдет, но постараюсь. Написать его мне хочется. Уважающий вас
И. Крапской.

ЛХХII Къ Ѳ. А. Васильеву.

Козлова-Засѣка, 10 сентября 1873 г.

Голубчик мой Федоръ Александровичъ, простите меня, многогрѣшнаго, что я такъ давно не писалъ вамъ, но у меня случилось слѣдующее: съ 14 августа Софья Николаевна слегла въ постель—родился на свѣтъ Божій новый человѣкъ—Сергій. Разъ. А потомъ скорѣй захворала, и очень серьезно мать Софья Николаевна, если помните, Феодора Романовна, и была вотъ уже 10 дней между жизнью и смертю—неудрено, ей 76 лѣтъ; но, слава Богу, отошла и теперь поправляется. Думали, что придется оставить ее тутъ; нѣсколько ночей я дежурилъ и усталъ страшно. Два. А третью—поджидалъ отъ васъ строчечку. Знаю, мой дорогой, что ожиданіе съ моей стороны—есть преступленіе, но все дулоско—авось. Вотъ оно русское—авось. Шиникши уѣхали 2-го сентября въ Петербургъ. Евгения Александровна несовсѣмъ здорова,—и я, осиротѣлый,—въ лазаветъ, немножко потерять голову. Грустно, что приходится накоплять письма перечнемъ человѣческихъ страданій и болѣзни. Дурно прошло лѣто, такъ дурно, что и разсказать не умѣю, да вдобавокъ была все время погода отвратительная.

Какъ вы молагаете, о чемъ я теперь поведу рѣчь? Видите, вамъ извѣстно, что все поддерживается питаніемъ, даже содержаніе письма отъ этого зависитъ. Какова истина! Мы говорили—и для каждаго письма была масса матеріаловъ, все было такъ дорого, такъ интересно, такъ живо трогало, и все такъ было нужно, что всякій разъ я чувствовалъ, что еще чего-то сказать не успѣлъ, или забылъ. Теперь же, я нахожусь въ положеніи человѣка, который никакъ не можетъ собрать свои ненослушныя мысли. Чтѣ я скажу, когда сердце болѣзненно сжимается, объ чемъ я буду сообщать, когда всѣ событія потеряли свой интересъ? И наконецъ, говорю, и нѣтъ отвѣта. Что же это такое? Или вы въ самомъ дѣлѣ заболѣли, и это правда, и хотѣ бы отъ кого-нибудь узнать что-нибудь объ этой правдѣ. Вы писали, что ждете Вяткина—теперь Вяткинъ долженъ быть тамъ, что онъ сказалъ? И кто мнѣ скажетъ? А между тѣмъ, спокойствіе духа отъ этого зависитъ! Надѣюсь, мой дорогой, мой благородный другъ, вы меня совершенно неиниаете, и письмо мое не будетъ въ состояніи прибавить ни одной черты, которой бы вы не чувствовали гораздо раньше, чѣмъ я заговорилъ объ этомъ. Чѣмъ больше я думаю о нашемъ сближеніи, о странности нашихъ встрѣчъ,

о ихъ краткосрочности, о силѣ впечатлѣнія, мною испытываемой, и наконецъ о глубокой чертѣ, которую вы успѣли провести въ моей жизни, тѣмъ болѣе я удивляюсь и тѣмъ меньше я могу говорить объ этомъ. Прому какъ, добрый мой, дорогой, это письмо, но его прочтеніи—уничтожить, сжечь. Странное желаніе и страшная просьба, но мнѣ кажется, вы угадаете истинную причину и смыслъ. Вѣда не болшая, елиби и не догадался, но есть вещь, есть чувства, есть состоянія, которыя могутъ быть и должны быть извѣстны и понятны только тѣмъ, кому они дороги, и потому сожгите. Вамъ я все могу сказать, не унимаю ни себя, ни васъ. Мы недаромъ встрѣтились съ вами... и что это я говорю—я, сѣдой и взрослый человѣкъ, отецъ семейства и счастливый въ семьѣ, предаюсь такой чувствительности. Но все равно, вы живы: доказательство моей мысли, что за личной жизнью человѣка, какъ бы она ни была счастлива, начинается необозримое, безбрежное пространство жизни общечеловѣческой въ ея идеѣ, и что такъ есть интересы, способные волновать сердце, кровъ семейныхъ радостей и печалей, нечеловѣческихъ радостями, гораздо болѣе глубокими, нежели обыкновенно думаютъ. Вы, вѣроятно, легко догадаете, что я, не смотря на мое личное счастье, какого дай Богъ всякому, остаюсь въ то же время какъ будто чѣмъ-то подавленъ, чѣмъ-то озабоченъ и какъ-будто несчастливъ. Вы представляете для меня частичку этого необозримаго пространства, на насъ отдыхалъ мой мозгъ, когда я мысленно вырвался за черту личной жизни; въ нашемъ умѣ, въ нашемъ сердцѣ, въ нашемъ талантѣ я видѣлъ присутствіе яаоса высокаго поэта, и, не смотря на молодость—встрѣчался съ зачатками нравснаго рѣшенія всѣхъ, или, по крайней мѣрѣ, многихъ вопросовъ общечеловѣческаго интереса. Какъ мнѣ выразить печаль свою о судьбѣ нашихъ жизней, и чего бы я не далъ, чтобы быть всемогущимъ? Какое глупое слово, и какъ часто человѣкъ принужденъ его употреблять!

Добрый мой Федоръ Александровичъ, вы видите, вы знаете, я не могу писать такъ, какъ вы хотите и какъ хочу я. Никаныхъ другихъ словъ, кровъ боли и стонновъ, я не могу издавать въ настоящую минуту, а минута продолжительна, я не могу написать, не могу коснуться ни одного событія, ни одной мысли посторонней, не имѣющей связи съ важнымъ состояніемъ, и до тѣхъ поръ, пока я не узнаю достоверно, что съ нами, въ какомъ положеніи ваше здоровье, до тѣхъ поръ не идите отъ меня другихъ писемъ. Ихъ нѣтъ у меня, какъ нѣтъ ихъ и у васъ; мы оба страдаемъ, не одинаково, конечно, но результаты одинаковы, я глубоко несчастливъ. Скажите хоть Клеопинну что-нибудь, пусть онъ напишетъ, а то онъ извѣщаетъ только, что деньги получили, или извѣстите Роману. И то, продиктуйте, если можете, если хотите, если считаете нужнымъ меня

известить. До конца сентября я остаюсь в Козловкѣ-Засѣкѣ, а можетъ быть захвачу и октября, что очень вѣроятно. Вашъ Н. Крамской.

LXXIII. Е. П. М. Третьякову.

Козловка-Засѣка, 15-го сентября 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень хорошо понималъ, что сдѣлать одинъ портретъ графа Толстого, съ тѣмъ, чтобы копію для васъ, или оставить оригиналъ у графа на неопредѣленное время, значитъ сдѣлать дѣло въ половину. Я знаю, что вамъ копій не нужно, и до этого я бы не допустилъ. Самое несправедливое, хотя еще и возможное—это сдѣлать портретъ и оставить его у графа, съ тѣмъ, чтобы онъ считался вашею собственностью, и что мостушить онъ къ вамъ въ галерею, когда заблагоураздится Толстой, какъ я вамъ и писалъ. Но прошу васъ успокоиться: даже и этого не будетъ, такъ какъ я пишу разомъ два: одинъ побольше, другой поменьше. Я постараюсь, разумеется, никого не обидѣть, и если нѣтъ удачи уже сдѣлать оба портрета одинаковаго достоинства, то ручаюсь вамъ за то, что лучший будетъ вамъ. Если же, сверхъ ожиданій, выборъ будетъ затруднителенъ, или я встрѣчу со стороны графа какое-либо посягательство, то постараюсь выговорить условія такого рода, чтобы выборъ былъ предоставленъ вамъ лично.

Не удивляйтесь, что я пишу такъ увѣренно. Это происходитъ отъ того, что я, начавши работать и болѣе ознакомившись съ графомъ, вижу, что и онъ чувствуетъ себя какъ-бы обязаннымъ не стѣснять меня выборомъ. Все это было видно изъ разговоровъ. Такъ, напримеръ, послѣ третьяго сеанса, онъ и жена его были довольны портретомъ; на слѣдующій разъ я привожу другой холстъ и начинаю новый, болѣе, а тому даю время сохнуть. Когда и этотъ портретъ былъ поставленъ на ноги, графиня говоритъ мнѣ: «Лучше этого второго сдѣлать нельзя!» То же говоритъ и графъ, прибавляя, что ему будетъ совѣстно оставить этотъ лучший у себя. Я молчу, предоставляя себѣ говорить впоследствии, а на этотъ разъ ограничиваюсь замѣчаніемъ, что надо оба портрета сдѣлать такъ, чтобы выборъ былъ затруднителенъ, и принимаюсь за прежній. Графъ извѣщаетъ сомнѣніе, чтобы его можно сдѣлать такъ же, но я продолжаю работать, и вчера, наконецъ, нѣтъ удалось и первый поправить настолько, что онъ, во общему ихъ отзыву, сталъ лучше второго. Не знаю, который изъ нихъ будетъ лучшимъ, но, какъ видите, я не преувеличиваю своихъ ожиданій.

Оба портрета далеко, очень далеко не кончены ни въ сходствѣ, ни въ живописи, они только рѣшительно подмалеваны, и относительно тѣни, т. е.

общаго сходства, я обезпеченъ въ обоихъ. Вотъ и все, что мною сдѣлано, въ чемъ и даю вамъ отчетъ. Теперь идетъ перерывъ на недѣлю, такъ какъ графъ уѣхалъ на охоту.

Письмо изъ Ямты отъ Клеонина я получилъ, наконецъ, третьяго дня, гдѣ онъ извѣщаетъ, что деньги 1,000 рублей имъ всѣ получены, и что онъ надѣется расплатиться такъ, чтобы рублей 250 или 300 оставалось бы для возвращенія матери въ Петербургъ послѣ катастрофы. Между прочимъ, онъ обѣщается снести все, что Васильевъ тамъ сдѣлалъ, и прислать въ Петербургъ. По его мнѣнію, произведеній у Васильева на нѣсколько тысячъ, но я полагаю, что онъ преувеличиваетъ. Высланныхъ денегъ не хватитъ на покрытие всѣхъ долговъ, и потому Клеонинъ распорядится уплатить только денежныя обязательства, до 600 рублей, а остальные долги, въ магазинахъ, уплатитъ тѣми же вещами, какъ-то: коврами, казанами и прочимъ, которые торговцы такъ нахально называли, какъ онъ пишетъ, доктору Васильеву. И потому онъ проситъ не беспокоиться. Я написалъ Клеонину, чтобы онъ постарался всѣ счета привести въ ясность, и чтобы были приложены росписки, гдѣ это нужно.

Уважающій васъ

И. Крамской.

LXXIV. Е. В. В. Стасову.

29-го сентября 1873 г. Козловка-Засѣка.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, быть можетъ вы найдете уместнымъ сообщить публикѣ, при случаѣ, объ одномъ печальномъ обстоятельстве, по поводу котораго я рѣшаюсь написать вамъ нѣсколько строкъ. 24 сентября, утромъ, умеръ отъ чахотки, въ Ялтѣ, 23 лѣтъ отъ роду, пейзажистъ Федоръ Александровичъ Васильевъ. Я познакомился съ нимъ въ исходѣ 1868 г., когда онъ только что начиналъ заниматься искусствомъ: съ первыхъ же дней нашего знакомства, я убѣдился, что имѣю дѣло съ чело-вѣкомъ крупнаго таланта. Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ онъ успѣлъ, на поихъ глазахъ, развиться до той высоты, на которой онъ не только соперничалъ, но и превосходилъ многихъ опытныхъ художниковъ. Въ началѣ 71 года была написана имъ извѣстная картина «Отшельникъ»; къ этому же времени относится и появленіе первыхъ признаковъ болѣзни. Въ мѣ-сяцъ того же года, онъ уѣхалъ изъ Петербурга на югъ, а въ сентябрѣ я съ нимъ встрѣтился уже въ Крыму; по, по обстоятельствамъ, я долженъ былъ вернуться скорѣе въ Петербургъ, и оставилъ Васильева въ другомъ положеніи, относительно здоровья. Съ тѣхъ поръ мы уже не видались. Не знаю, много-ли будетъ у меня единомышленниковъ, но я полагаю, что рус-

ская школа потеряла въ немъ гениальнаго художника. Я не стану распространяться о его первыхъ произведеніяхъ, не скажу ничего и о его «Отъездахъ», какъ о картинахъ уже офціенныхъ, замѣчу только, что, не смотря на всю поэзію и талантъ, которые онъ здѣсь выказалъ, въ нихъ, пожалуй, можно отыскать слѣды, хотя и отдаленные, чего-то заимствованнаго, или по крайней мѣрѣ, знакомаго. Но его двѣ картины, присланныя изъ Ялты — «Болото» и «Крымскій видъ», представляютъ черты уже совершенно самобытнаго и оригинальнаго взгляда на природу. Последняя картина, не смотря на признаки болѣзни (въ первыхъ планахъ картины), полна такой высокой поэзіи и совершенства техники въ среднихъ и дальнихъ планахъ, и въ небѣ, что нельзя указать на другое произведеніе въ русской живописи за послѣднее время, которое бы его превосходило. Хотя я его слишкомъ любилъ и уважалъ, и потому могу быть пристрастнымъ, но мнѣ кажется, что я не очень далекъ отъ истины, говоря такими словами.

Не могу умолчать объ одномъ обстоятельстве, которое много причинило ему хлопотъ и безпокойства и, разумеется, вредно дѣйствовало на большую организмъ.

Вамъ извѣстно, что онъ не былъ ученикомъ Академіи и не ей обязанъ своимъ развитіемъ, а Шиншину. Все въ томъ же 71 году, онъ оказался на рекрутской очереди и его потребовали. Чтобы не быть втянутъ въ солдаты, онъ сдѣлался вольноприходящимъ ученикомъ Академіи, за мѣсяцъ до своего отъѣзда въ Крымъ, и подаль нѣсколько своихъ прежнихъ произведеній на знаніе художника.

Совѣтъ Академіи присуждаетъ ему знаніе класснаго художника 1-й степени, съ обязательствомъ выдерживать экзаменъ. Васильевъ не можетъ выѣхать изъ Ялты и проситъ, въ уваженіе его болѣзни, освободить его отъ экзамена и дать видъ на жительство. (Примѣры снисхожденія со стороны Академіи, въ подобныхъ случаяхъ, были не только нѣсколькихъ мѣсяцевъ). Академія отклоняетъ первое свое постановленіе и даетъ ему почетнаго вольнаго обшника, знаніе, кромѣ академическихъ стѣтъ, не имѣющее значенія, а въ свидѣтельствѣ и въ видѣ отказываетъ. Между тѣмъ, картины его выставлятъ на всемірныя выставки и въ Лондонѣ, и въ Вѣнѣ, а въ печатномъ отчетѣ за 1872 г. называетъ его художникомъ первой степени. Такъ онъ и умеръ безъ паспорта, проживши въ Ялтѣ 2 года. Съ истиннымъ и глубокимъ уваженіемъ

И. Крамской.

ЛХХV. Къ И. Е. Рѣшнину.

Козловка-Засѣка, 1873 г. 8-го октября.

Вы пишете ко мнѣ письмо 8-го октября, добрый мой Илья Ефимовичъ, и я пишу вамъ 8-го октября же — разнишка въ стиляхъ. Казанбуръ. Вы че-

довѣкъ лѣтний, и я тоже; и потому будете писать, пока пишется, и когда кончитесь. Письма тогда и интересны, когда они не вынуждены — вотъ какую я вамъ классическую истину сообщаю, и дышу себя надеждой, что вы узнаете отъ меня первого такую драгоценность. И такъ, бѣды большой не будетъ, если... если, напримеръ, вы не напишете ничего больше, какъ: будьте здоровы! Вы меня этимъ не сконфузите, а есть-ли въ немъ (въ письмѣ) какія либо объясненія, а еще (чего Боже сохрани) и оправданія, то это право не прибавитъ къ моему письму ни камельки, только развѣ увидѣтъ нѣсколько содержимаго въ письмѣ, потому что, какъ хотите, а для того и другого все-таки нужно мѣсто. И потому лучше совсѣмъ не нужно объясненій, а ужъ отъ оправданій да удержитъ васъ Аллахъ!

Вѣроятно, я что-нибудь неладное изобразилъ въ своемъ письмѣ послѣднемъ, что вы упоминаете объ этомъ. Со мной всегда такъ. А вѣдь я былъ только просто откровененъ, ничего больша, и меньше всего я желалъ отъ васъ объясненій въ томъ смыслѣ, какъ вы полагаете. Бросить — цѣлая страница пропала за даромъ.

Федоръ Александровичъ Васильевъ умеръ 24 сентября. Миръ его праху, и да будетъ память его свѣтла, какъ онъ того и заслуживается. Милый мальчикъ, хорошій, мы не только узнали, что онъ носилъ въ себѣ, и въ-которомъ хорошія пѣсни онъ унесъ съ собою, вѣроятно.

Вы какъ будто стосковались до русской осени, но вѣтерку и не дожидку, а я вотъ тѣмъ и другимъ наслаждаюсь, — получаю кашли и насморки, и съ завистью думаю: какой счастливый Илья Ефимовичъ, ему свѣтитъ солнце до скуки, надъ нимъ голубое небо безъ облачка! Да, вы правы: вездѣ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ!

Какъ устроить свою жизнь такъ, чтобы впечатлѣнія не отыскивались болѣзненно? Судите сами. Я получаю ваше письмо рано, еще въ востелѣ — 7 часовъ утра, небо хмурое, день обидается скучный, вѣтеръ и дождь чувствуются въ воздухѣ, и вчера было то же — да и завтра перемѣнъ ждать нечего; день за день — недѣля, другая, мѣсяцъ, годъ. Господи, все-то я впередъ знаю, кто что скажетъ и что сдѣлаетъ, впечатлѣнія блѣдныя, прѣвѣсившія до тонкости. И вдругъ, письмо изъ прекраснаго далека! Читаю: на каждой страницѣ, въ каждой строкѣ бьетъ новость, интересъ, интересная жизнь, интересныя впечатлѣнія, и потому любопытныя мысли, обмѣненія, параллели; время богато наполнено, сердце сильнее бьется, голова залита небывалыми вопросами, а онъ, этотъ счастливецъ, скучаетъ — внизи осени жалко, дождика захотѣла! А мнѣ онъ надѣлся на горло, радъ съ вами подѣлиться, возьмите же!

Въ этомъ письмѣ много будетъ дождя, дождя осенняго, мелкаго, холоднаго, несущаго съ собою хандру и болѣзнь! И вотъ практическая польза

нашей возникающей переписки. Я вам буду посылать сѣрныя, туманныя и дождливыя до нищенской бѣдности, по содержанію, письма, а вы мнѣ да-
вайте то, чего у васъ въ избытѣ: солнца, свѣта, разнообразія и, какъ
подкладку—нашу социальную жилку, которая, я чувствую, просвѣчивается
во всѣхъ сюжетахъ, о которыхъ вы упоминаете. Не хочу быть пророкомъ,
но полагаю, что вы, покинувъ границу, нѣсколько утратите эту чувстви-
тельность. Въ Парижѣ особенно легко ее утратить—это ужъ городъ такой.
Впрочемъ, я и въ Парижѣ кое на что наталкивался въ томъ же родѣ; но
тамъ всегда такая ярмарка, такой праздничный пиръ, что впечатлѣнія
ярмарки, гнетущія, скоро изглаживаются. Если же вы и затѣли остано-
виться все тѣмъ же, чѣмъ до сихъ поръ, то признаюсь... вы гораздо упор-
нѣе, чѣмъ даже и полагали. Хотѣлъ-было написать нѣчто другое, то есть
то же самое, если хотите, только другими словами, да раздумалъ, нисти-
цизмомъ заняло бы, а это, согласитесь, и для осенняго письма было бы
слишкомъ. Я о Парижѣ немногого мнѣнія (впрочемъ, о чѣмъ же я вы-
сокаго мнѣнія?) Но все-таки привѣтствую васъ въ Парижѣ: это городъ
самый живой изъ художественныхъ центровъ. Буду ждать письма отъ васъ
изъ Парижа съ особыми интересомъ и нетерпѣніемъ, и я думаю, что чѣмъ
дольше и больше вы будете въ немъ находиться, тѣмъ письма ваши для
меня все будутъ интереснѣе и интереснѣе, если, впрочемъ, только они бу-
дутъ. Простите, ради Бога, эту дьявольскую осторожность—я не знаю,
какъ она подъ перо пошла.

И въ Парижѣ, какъ вездѣ за границей, художникъ прежде все смор-
титъ, гдѣ торчитъ рубль, и на такую удочку его можно поймать; и такъ
та же погоня за богатыми развратниками и наглая жотачка и подкапываніе
ихъ наклонностямъ, соревнованіе между художниками самое откровенное
на этотъ счетъ, но тамъ есть нѣчто такое, что намъ нужно наматать на
ушъ самымъ усерднымъ образомъ—это дрожаніе, неопредѣленность, что-то
нематериальное въ техникѣ, эта неуловимая подвижность натуры, кото-
рая, когда смотришь пристально на нее—материальна, грубо опредѣлена
и рѣзко ограничена, а когда не думаешь объ этомъ и неостановишься хоть на
минутку чувствовать себя спеціалистомъ, видишь и чувствуешь все пере-
ливающимися, и шевелящимися, и живущими. Контроль нѣтъ, свѣта и тѣни
не замѣчаешь, а есть что-то ласкающее и теплое, какъ музыка. То воз-
духъ охватитъ тебя тепломъ, то вѣтеръ проберется даже подъ платье,
только человеческой головы, съ ея ледянымъ страданіемъ и вопросительною
миной, или глубокихъ и загадочныхъ спокойствіемъ, французы сдѣлать
не могли и, кажется, не могутъ, по крайней мѣрѣ, я не видалъ. Проверьте
меня, и скажите ваше мнѣніе. До слѣдующаго письма. Черезъ недѣлю буду
въ Петербургѣ.

Вашъ И. Крамской.

LXXXVI. Къ П. М. Третьякову.

26-го октября 1873 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Петръ Андреевичъ Караты-
гинъ, перехъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, еще весной, просилъ сдѣ-
лать для него фотографію съ портрета Грибоѣдова, такъ какъ онъ уча-
ствовалъ въ исполненіи его, какъ онъ говорилъ,—и, по моему, чуть-ли не
на половину. Я ему обѣщалъ въ то время, надѣясь, что вы будете такъ
любезны и согласитесь съ своей стороны. Но при свиданіяхъ моихъ съ
вами, я забывалъ спросить васъ объ этомъ. Въ настоящее время, Семеновскій,
издатель «Русской Старины», пишетъ ко мнѣ о томъ, что ему разказывалъ
Каратыгинъ по этому поводу, и проситъ позволенія приложить снимокъ
съ моего портрета при изданіи и статьяхъ своихъ о Грибоѣдовѣ, нѣко-
нѣхъ быть поощренными въ ближайшемъ будущемъ. Если вы ничего не
найдете съ своей стороны препятствующаго снятію фотографій и высылкѣ
ко мнѣ ихъ въ числѣ 3-хъ экземпляровъ, то прилагаю разрѣзъ головы для
фотографіи. Семеновскому я долженъ буду отгнать, когда я получу отъ
васъ разрѣшеніе.

Глубокоуважающій васъ Н. Крамской.

LXXXVII. Къ И. Е. Рѣшнину.

С.-Петербургъ, 15—27-го ноября 1873.

Сомнѣвался я порядочно, получалъ ли вы мое послѣднее письмо отъ
8-го октября, добрый ли Илья Ефимовичъ, и не застряло-ли оно гдѣ-ни-
будь. Меня уже пугали тѣмъ, что франкированныя письма пропадаютъ
будто бы потому, что они франкированныя, и что этого дѣлать никогда
не слѣдуетъ. Но я успокоился, получивши отъ васъ извѣстіе, вы какъ
будто получили его.

И такъ, вы въ Парижѣ. Воиъ оно что! На другой день ужъ и бѣжать
оттуда—это хотя вамъ и свойственно, пожалуй, но все-таки, какъ будто
хватитъ черезъ край. Видъ тамъ что-нибудь да есть же, что увлекаетъ жа
собой всю Европу, какъ вы говорите, и говорите совершенно справедливо,
то-есть пока справедливо. Но изъ то же время мнѣ очень понравилась наше
желаніе унести въ много вѣковъ впередъ, когда Франція кончитъ свое
существованіе. Это такъ хорошо, итѣси и, главное, нужно даже это сдѣ-
лать, что я готовъ слѣдовать за вами. Только вотъ что: такъ-ли это все бу-

деть сказано об Франции в истории — другой вопрос. Одно несомненно: громадный поток жизни из Парижа не все уносит и не всех, по крайней мере являются желающие сопротивляться; число таковых ежедневно увеличивается. Это очень важно помнить. Все, что вы говорите о нервных впечатлениях ваших в Париже, точь-в-точь совпадает с моими личными впечатлениями, но полагаю, что, кроме голода, который в Париже не подлежит сомнению, есть еще другой фактор, — это национальный темперамент. Французу подавай успех, во что бы то ни стало, и чужд бы он ни был оплечен.

Впрочем это все похоже на общия কথা с моей стороны. Мне бы специально хотелось, напечатать, услышать от вас кое-что о Венере Милосской (она до Коммуны стояла в Дувре, вынута). Видь вот как странно выходит: тут шепчут сердце от разных проклятых современных вопросов, от самых сибирских жизненных волнений сегодняшнего дня, а он — о Венере Милосской! Но так как вы ее видели уже, вероятно, и стало быть ильете определившийся взгляд, то, говоря об ней, я не рискую забегать вперед. Дело в том, что нить сдается, будто особа эта есть нечто такое, чему равного я указать не могу ни на что. Ей все позволено, и она все себя позволяет, но, в то же время, она ничего не сдвигает такого, что было бы недостойно существа высшего порядка. Словом, это богиня настоящая, и в то же время реальнейшая женщина. Не знаю, что вы скажете, и так ли это, но впечатление этой статуи лежит у меня так глубоко, так покойно, так успокоительно свѣтит через все томительная и безотрадная наклония моей жизни, что всякий раз, как образ ее встает передо мной, я начинаю опять юношески вбрызгивать в счастливый исход судьбы человечества. Вот какой высокий слог! А ведь я, право, старался сказать, что душаю и чувствую. Не муть, ни одно пронаведение так высоко на меня не действовало, а оно, как вам известно, только «красота», и ничего больше, да еще женская красота, а ведь у меня относительно этого кровь рыба. Чорт знает что такое. Что так сидит, да еще сидит ли полно, быть может это все критики нафли; это все когда-то, кому-то показалось, и всё пошло, как бараны за вожакон, твердить и восхищаться. Но нѣтъ, что бы там ни было, как бы вы ни думали, как бы ее новое и грядущее время ни развивало, а я не могу отделиться от этого образа. Я многое почти забыл уже, что видел, а эта — как теперь стоит предо мною живая, и я смотрю на нее, вижу всю до мельчайших подробностей, вижу даже, как она дышит. Впечатление не потускло и не ослабло. Любопытно.

Быль тут у меня Полковник, он, вероятно, теперь уже в Париже.

Как же он извѣнился во всѣх отношениях к лучшему, начиная с головы! А нѣтъ не мало любования.

Вот вам и общество. Вы говорите — скучновато. Это точно, особенно Пожалостинъ. Ленамъ — это собственно одинъ симононъ животь, но ничего, не злобный, если не дразнитъ. Ну, а Харламовъ — и того лучше. Ему дорожка расчищена авторитетами, самому думать не зачѣмъ, все въ жизни пойдет хорошо; нишеть прекрасно, илгитъ не особенно твердо, да это и не важно по-ихнему, а мысль... мысль... зачѣмъ она въ искусствѣ? Видь обходится же безъ нея, и даже еще лучше такъ. А малый онъ былъ смиренный, пріятный гортанный голосъ, чуть-чуть картавившій, что къ нему идетъ, а лицо нѣбось (то есть нѣтъ) непантолическое. Ну, скажите, чего-жъ еще вамъ пужно? Я даже нахожу ту маленькую скуку, которую вы чувствуете, очень выгоднымъ условіемъ. Ничто не помѣшаетъ смотрѣть и наблюдать, не въливаясь въ тотъ онуть жизни, то есть скорѣе анхорадки жизни, которую такъ богать Парижъ. Въ этомъ отношеніи, я полагаю, Лондонъ не лучший городъ. Тамъ есть что-то строгое и холодное (но знаю, не бывалъ, но такъ кажется). Рѣшительно продолжаю васъ пріиществовать въ Парижѣ. А ведь не правда ли, что тамъ какъ-то работаетъ, не смотря на шумъ, гвалтъ, праздноштаніе и другія французскія качества. Это ужъ городъ такой: нобывать въ немъ современному человѣку надлежитъ, и жить, пока сможется, не мѣшая. Почему — не знаю, объяснить не берусь, а нужно, да и конечно.

Скоро, быть можетъ, еще сотоварищъ къ вамъ прибудетъ — Коист. Аполл. Савачкинъ. Кажись на то идетъ дѣло. Слабъ онъ здоровьемъ, а ведь онъ не боится, какъ вамъ известно; ему на рынкѣ трудно найти работу. Саникомъ много и посылать его, да и тѣ не особенно усѣиваютъ, такъ что ему нужно до поры до времени еще пополнить спокойно свой арсеналъ. Мнѣ очень жаль съ нимъ расстаться — сердце у него честное, и талантъ есть, но... нусть идетъ, такъ лучше, я его уговариваю.

Прѣхала мать Васильева, привезены вещи. Сколько онъ работалъ — страхъ! Какіе рисунки, сепія, акварели, какіе альбомы, и что за мотивы! Рѣшительно мы лишились музыканта. Велибы вы видѣли, какъ онъ сталъ созрѣвать! Что было въ рукахъ этого человѣка, что онъ дѣлалъ съ карандашемъ — это удивительно и странно. Съ одной стороны — одиночество, болѣнь и работа за деньги ему вредила, къ нему прилипли нѣкоторые новые недостатки, а съ другой — полетъ фантазіи, ужъ, и самая техника принимали такой оригинальный характеръ, такое благородство, такую уѣренность, что просто изъ раку выпл, да и только. Когда еще не было матери и братишки, онъ умеръ, я это знаю, былъ готовъ къ этому давно; когда меня коснулось впечатлѣніе непосредственно, когда я, такъ сказать,

самъ присутствую на фактѣ, я прощаю имъ не могу. Ужъ очень онъ мнѣ нравился. Хотя я не былъ съ нимъ и изъ его недостаткамъ.

Что вамъ сказать изъ петербургскихъ новостей? Видѣ вамъ легко такъ сидѣть, да думать: что-то подблуживаетъ вотъ тотъ, какъ идуть дѣла такого-то, и это совершенно естественно, и я бы такъ разсуждалъ. Но видѣ, примите же во вниманіе, что у насъ въ Россіи ничего не мѣняется, что мы тихонечко колышемся, каждый въ своей раковинѣ. Вы, вѣроятно, видѣли разныя водоросли въ столѣть, то есть два проточной, водѣ. Онѣ, своими верхушками, какъ улитка усиками, едва новодятъ, то въправо, то влѣво, и такъ долго-долго, и сколько ни смотрите — ни одного энергичнаго движенія, нѣрѣдка только раздастся плескъ хитрой щупки, при преслѣдованіи простоватаго караса (скаждаль) — это лѣзетъ въ полдень, ну, а къ вечеру скаддаемъ чаще, и водоросли своими нахрами тоже начинаютъ дѣлать, какъ будто быстрее — но видѣ это мѣражъ, видѣ это не самостоятельныя животныя, это водоросли, крѣпко ирроченныя корнями къ одному мѣсту, но что онѣ растутъ — это несомнѣнно. Такъ и мы. И потому я, напримѣру, крѣпко пустившій корни, рѣшительно недоумѣваю, что вамъ сообщать. И какъ будто вы не знаете сами, что случится ничего не могло. Ваше безпокойство относительно этого мнѣ понятно, и происходитъ только отъ той качки, которая бываетъ при путешествіи. Пролетимъ 5,000 верстъ въ 3 дня, а покажется годомъ. Ну, думаешь, вотъ-то новостей и переимѣнъ — ничуть не бывало, видѣ мы въ путешествіи всего третій день, а у насъ еще не успѣла перевариться нища вчерашняго обѣда, еще мы только второму другу и ирѣтлю принялись попить косточки, а вы молаете, что ужъ тутъ и Богъ вѣсть что случилось. Но, чтобы не нести урѣка въ лѣви, я вамъ сообщаю, что Нв. Нв. Шинкинъ 3 мѣсяца уже кусаетъ ногти и только, жена его хвораетъ по-старому. Гѣ продолжаетъ писать картину, которой я не видалъ, не показываешь никому. Масловъ пишетъ (и, пожалуй, хорошо) «Чтеніе положенія, въ ригѣ, мужичкажъ, про воду». Про Перова ничего не знаю, проѣздомъ чрезъ Москву его не видалъ, онъ былъ заграницей, но говорить, что пишетъ: «Расправа Пугачева». Ызидилъ на Уралъ за этюдами. А жрецы Академіи, юные и ветхые, все въ томъ же недоумѣвающимъ положеніи съ обѣихъ сторонъ, какъ имъ и быть надлежитъ. Впрочемъ пріятная новость, — учениковъ въ Академіи становится очень много, а программы, я думаю, что вы ихъ безъ труда можете во снѣ увидать, если... если знаете Плюссина. Прекрасно! Впрочемъ, Зазинъ, какъ бы это вамъ выразить, сотворилъ такое непріятное съ программой, что всѣ старцы пришли въ ужасъ: написавъ безъ рисунка, безъ драпировокъ, какъ-хъ-то двухъ дыкарей (Саулъ и Давидъ съ гусями), въ пустомъ чуланѣ, не доказавъ холста, обр. опрятности и помину итъ, а между тѣмъ — даже

драма. Ну, разунѣтся, его въ шею, какъ сѣвѣнь грубить, — все старая исторія.

Передвижная выставка въ Кіевѣ, новая — готовится... готовится... ги, то есть, ооло, вотъ видите ли, мы полагаемъ, что быть можетъ; по крайней мѣрѣ, мы желали бы, но это будетъ зависть; прощайте, никакъ не позже того срока, который назначенъ. И. Крамской.

LXXVIII. Къ П. М. Третьякову.

15-го ноября 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня великодушно, что я замедляю отвѣтомъ, — со дня на день ждалъ вѣщей Васильева изъ Крыма. Теперь онѣ пріѣхали. Мы втроемъ: Шинкинъ, Григороничъ и я, разбирали ихъ. Думаю, что найдется кое-что такое, что, по совѣсти, полагаю, вы могли бы выбрать въ уладу. Цѣны надо будетъ поставить сколько возможно умеренныя. Но что у него есть дѣйствительно капитальнаго, то это альбомы. Ихъ много, около 10; изъ нихъ Императрица выбрала 2, еще въ Ялтѣ, правда хорошіе, но нельзя даже сказать, чтобы лучшіе, потому что всѣ альбомы — лучшіе. Альбомы до такой степени хороши, что я не знаю ничего лучше въ этомъ родѣ. Кромѣ того, не считая этюдовъ, числомъ до 100 (между которыми есть прекрасныя десятица два), есть 4 картины очень хорошихъ: 2 маленькихъ и 2 побольше, одна изъ нихъ побольше, кажется, нашего «Волота», къ сожалѣнію неважно неоконченная, а другая, вѣроятно вамъ извѣстная, съ тополями и фигурами. Вы ее видѣли въ Крыму. Картина для К. Т. Солдатенкова тоже привезена, но она все также неокончена, какъ была.

Что касается портрета графа Льва Николаевича Толстого, то и я, разунѣтся, жду того дня, когда вы его увидите, что вы скажете, и что вы найдете, а понравится ли онъ намъ — не знаю. Я самъ слишкомъ хорошо его знаю, чтобы судить; чувствую, что онъ какой-то странный. Еслибы это была не моя вещь, еслибы я могъ его видѣть въ первый разъ, какъ другіе, то разунѣтся, что я не затруднился бы приговоромъ, но теперь просто не могу ясно дать себѣ отчетъ.

О портретѣ Ив. Алекс. Гончарова я больше подымать вопроса не беру. Это не Толстой, я его знаю давно, и пустить аргументацію для его убѣжденія будетъ бесполезно, тѣмъ болѣе, что вотъ ужъ теперь, по пріѣздѣ и бывши у него, я сказалъ, что я очень сожалѣю, что его портрета нѣтъ, и онъ, съ дрожью въ голосѣ, обожненнымъ тономъ сказалъ мнѣ: «Видѣ ужъ мы рѣшили никогда не подымать этого вопроса, Иванъ Николаевичъ, и я признаюсь, что, не смотря на наше знакомство и на то, что

я радъ васъ видѣть, я не могу быть увѣренъ, чтобы всякое ваше носжаніе не было бы пошлитою завестію о неважнѣйшемъ нѣтъ портретѣ». Что тутъ на это скажете? Кромѣ всего этого, есть еще причина, удерживающая и его, а частью и меня, отъ разговоровъ по этому поводу: это то, что я уже его портретъ сдѣлалъ, правда, черный, но все-таки портретъ и даже недурной. Правда, онъ собственность С. А. Никитенко, но я не думаю, чтобы въ крайнемъ случаѣ нѣтъ никогда нельзя бы было воспользо-ваться. Приношу вамъ мою благодарность за обещанія фотографіи съ портрета Грибодова.

Между распоряженія относительно вещей Васильева, хотя, признаюсь, нѣтъ будетъ несомнѣнно ловко говорить что либо рѣшительное въ пользу нѣтъ, но извѣстной вамъ причинѣ. Лучше, еслибы вы сами могли ихъ видѣть. Выставка всѣхъ его произведеній будетъ около Рождества. Глубоко уважающій васъ.

И. Крамской.

LXXIX. Къ И. Е. Рѣшнцу.

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1873 г.

Прежде всего я отвѣчаю, разумеется, о Пожалостинѣ*). Поинимю тѣхъ сторонъ этого вопроса, которыми вы знаете, но не высказываете и потому не коснусь и я, по той же самой причинѣ, добрый мой Илья Ефимовичъ, есть не подразумеваемые только, а дѣйствительныя причины, почему Пожалостинъ къ намъ койдѣтъ не можетъ. Вопросъ въ томъ, какъ считать гравюру при выдачѣ дивиденда? Что она такое? Самостоятельное ли художественное произведеніе? Видѣ мѣдная или стальная доска можетъ стоить тысячи рублей, ну, а экземпляръ оттиска съ нея что стоитъ? Подожмите, портретъ Бродлова въ продажѣ стоитъ 5 рублей (я не знаю, сколько дѣйствительно), дивиденда съ нея, слѣдуетъ ли выдавать съ 1,000 рублей, или съ 5 рублей? Если съ 1,000 рублей, то Пожалостинъ, въ такомъ случаѣ, долженъ дать намъ новую гравюру, никому неизвѣстную, и нигдѣ, кромѣ того, единственнаго экземпляра, который онъ дастъ намъ, не выставлять и не продавать. Если же дивиденда долженъ быть выдаваемъ съ 5 рублей, то это противорѣчитъ принципу Товарищества и не приноситъ никакой выгоды автору, и едвали Пожалостинъ согласенъ для себя удобнымъ вступить въ Товарищество, на послѣднемъ условіи, да и на первомъ, надо молгать, тоже. Видѣ мы уже нѣтъ оныты недобного рода съ скульпторами. Если скульпторъ дастъ намъ вещь, напри-

*) Гравюры.

мѣръ, въ мраморѣ или глинѣ, и притомъ единственный экземпляръ, то, разумеется, и дивиденда ему будетъ слѣдовать, какъ съ художественнаго произведенія. Но если, какъ у Каменскаго—оттиски изъ гнѣса, и рядомъ онъ будетъ продавать десятками одинаковые слѣпки за 15 рублей, то естественно возникнетъ вопросъ о процентномъ вознагражденіи, и не будетъ ничего удивительнаго, если встрѣтятся толкованіе въ пользу выдачи дивиденда только съ 15 рублей. Такъ и съ Пожалостинимъ! Если же ему угодно продавать просто свои гравюры при выставкѣ, то это другое дѣло, это онъ можетъ сдѣлать всегда, и имъ съ удовольствіемъ примемъ на продажу, съ условіемъ выкупа 5% о съ каждаго проданнаго экземпляра, и затѣмъ всѣ счеты кончатся. Шинклинъ за офортъ получалъ, какъ за экземпляръ. А что касается до универсальности, то она сохраняется и при послѣднемъ моемъ предложеніи, какъ разъ настолько, насколько вы сами придаете эту значеніе.

Я вамъ собираюсь послать увѣренъ по поводу Антокольскаго. У него готова новая статуя, а вы, зная объ этомъ и видя ее, ни однимъ словомъ не обмолвились. Я говорю о «Христѣ». Быть можетъ, она не была тогда кончена, но все-таки Антокольскій не такого рода человѣкъ, чтобы у него не вышло чего-нибудь явилось оригинальнаго. Ну, да ужъ Богъ вамъ судья. На первый разъ, я васъ прощаю, и знайте, что слухи объ ней—очень хорошіе.

Сегодня я пишу, воротившись съ четверга*), которые еще влечать свое существованіе. Тамъ былъ Праховъ, младшій; онъ читалъ намъ выдержки изъ своей статьи о вѣсной выставкѣ: есть много любопытныхъ соображеній и жѣткихъ замѣчаній. Но такъ ли это дѣйствительно, я судить, разумеется, не могу, не выдвинувъ вещей, о которыхъ идетъ рѣчь. Между прочимъ, у него я встрѣтилъ мнѣніе, встрѣченное мною въ первый разъ, и вѣроятно, ему лично принадлежащее, что будто бы у французовъ многія идеи и отраженія умственной жизни общества были сначала тронуты пластическими искусствами, прежде, чѣмъ появиться въ поэзіи и литературѣ. Я сказалъ, что это чрезвычайно ново и интересно, еслибы только это было доказано. И онъ говоритъ, что на это онъ употребилъ все вниманіе въ своемъ новомъ учебномъ трудѣ и постарается доказать фактами такое заключеніе. Любопытно. Съ французами, стало быть, происходитъ какъ разъ обратное тому, что мы замѣчаемъ въ расахъ германской и славянской.

У меня былъ чрезвычайно интересный сосѣдь:—Куниджи. Онъ жилъ въявь противъ моей квартиры, и имъ съ нимъ нѣсколько разъ подолгу бесѣдовали. Къ сожалѣнію, онъ какъ-то внезапно исчезъ съ квартиры. Еще

*) Четверги—дни собраній въ Артели художниковъ.

наканунѣ мы мирно толковали о разныхъ матеріяхъ, и ничего не было такого, что бы указывало на его переѣздъ, тѣмъ болѣе, что онъ не больше 3-хъ недѣль, какъ сталъ мнѣ съсѣдомъ, и вдругъ на другой день, то есть вчера—его уже нѣтъ, выѣхалъ—куда, еще не знаю. Вы знаете, что онъ успѣлъ побывать за границей и много объѣхалъ, много видѣлъ и много любопытнаго рассказывалъ, но всего любопытнѣе — онъ самъ. Вы, разумеется, помните, что я объ немъ когда-то говорилъ. Я его не зналъ, но и узнавши, не думаю, чтобы я очень былъ ошибочно объ немъ иніял. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, онъ все еще около чего-то ходитъ, что-то такое въ немъ сидитъ, но все это еще не опредѣленно; но одна сторона въ немъ открылась и... моралиста: онъ политикъ, и политическія способности у него не дешвинныя; но онъ политикъ не въ томъ смыслѣ, какъ вообще это принято разумѣть, а въ другомъ родѣ. Рѣчь шла объ Академіи, о нашей роли относительно ея, о будущемъ Академіи, о будущемъ того кружка, который сторонится отъ Академіи, и о иніюженъ совершиться, въ ближайшемъ будущемъ, распредѣленіи группъ и партій (беру эту кличку напрокатъ изъ другой области), ихъ борьбѣ, вѣроятныхъ побѣдахъ и не менѣе вѣроятныхъ пораженійхъ. Я слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ, интересомъ и... и изумленіемъ, не потому, чтобы то, что онъ мнѣ говорилъ, было для меня ново или незнакомо, а главнымъ образомъ потому, что, во-1-хъ, это говоритъ Куинджи, а во-2-хъ, предметъ такого рода, что объ немъ хотя и некоторые и догадываются, но никогда, нигдѣ еще не говорятъ. И вдругъ — вопросъ! Да какой! Прямо въ уноръ, за нимъ другой, да третий, безъ конца, и очевидно, онъ стоитъ твердо на ногахъ. Я долженъ былъ признаться, что прозорливость у него большая, если только она его. Когда онъ кончилъ, для меня стало ясно кое-что въ молодомъ поколѣніи, и я тутъ убѣдился, что намъ, собственно говоря, приговоръ уже произнесенъ. (Я говорю: намъ, то-есть, людямъ зрѣлаго возраста). Разумеется, онъ можетъ еще измѣниться, но ужъ это будетъ зависетьъ отъ личныхъ силъ каждаго, и облегченіе будетъ допущено только въ силу какихъ-либо новыхъ, еще нелинившихся подвиговъ, но въ общенъ онъ правъ. То, что онъ говорилъ, я лѣтъ пять тому назадъ переворачивалъ въ мозгахъ и рѣшилъ пойти по той дорожкѣ, по которой пошелъ, не закрывая глазъ и не обманывая себя на счетъ исхода. Ну что-жъ — борьба такъ борьба, а это знаю, я жду ее, наконецъ, впередъ! оиля-таки повторяю. Сворачивать въ сторону, по-моему, нельзя; по крайней мѣрѣ, я не могу свернуть, потому что не умѣю, для меня лично было бы хуже, да и для дѣла искусства этого не нужно. Для дѣла искусства! Какія великія слова, подумаеи! Но если мы возьмемъ наше любезное отечество и тамъ не всѣмъ любимое и не всѣмъ признаваемое искусство, то слова мои простительны, и я думаю,

что не все же молодое поколѣніе осудитъ насъ и пошлетъ одни упреки за то, что мы, имѣя возможность захватить въ свои руки власть для торжества иныхъ порядковъ, не захватили ее и... устранились. Впрочемъ, желающихъ много, но... вы знаете, что это значить. Онъ играетъ Семрадскинъ, и это точно, что правда: удары, которые они будутъ наноситьъ, будутъ чувствительнѣе, тѣмъ удары Шаммина, Маркова и даже Вруни. Но будто ужъ въ томъ же молодомъ поколѣніи не появится ни одного на нашей сторонѣ? Вопросъ, не смотря на свою серьезность, еще не рѣшенъ въ чью-либо сторону рѣшительно. Пожизнѣмъ — увидимъ. Жаль, что я вамъ такъ изложилъ этотъ разговоръ, что вы, собственно говоря, едва-ли и поймете, въ чемъ тутъ былъ самый интересъ. Но онъ былъ такой длинный, такой разнообразный и такой живой, что я могъ только ограничиться указаніемъ плава и сущности, но не самаго разговора. И то письмо выходитъ съ длиннымъ хвостикомъ; но мнѣ кажется, что вамъ будетъ достаточно и этого, чтобы понять, въ которую сторону онъ клонился, и, зная обобщъ, опредѣлить, кто и что именно говорилъ. Вѣроятно, вы неоднократно трогали эту тему.

Перейду къ французамъ, и скажу вамъ, что мнѣ кажется, у насъ не совсѣмъ выжестъ въ опредѣленіи. Опредѣлила народъ, вы говорите въ заключеніи: «Да, они могутъ быть (какъ бы имѣть право быть) республиканцами». Этотъ безподобный народъ — почти идеалъ, по-вашему, не имѣетъ собственно евангельской снисходительности къ недостаткамъ ближняго. У нихъ терпимости и снисходительности дѣйствительно безграничны, но въ это-жъ потому, что всѣ, говоря серьезно, поддевать каторжной работѣ, какъ Вазень. Всѣ перепачканы до такой степени, что высказывать осужденіе будетъ ужъ очень смѣшно. Ну, а французы больше всего болѣны бытъ смѣшными — у нихъ эта болѣзнь доходитъ до... преступленія. Ну, что они дѣлаютъ съ своей республикой? И на что это похоже? Всѣ лгутъ и притворяются, и, за исключеніемъ двухъ-трехъ человекъ, остальныхъ все равно. Кто дѣйствительно еще остается относительно здоровымъ, или, по крайней мѣрѣ, даетъ надежду къ выздоровленію — это масса мелкой буржуазіи и рабочихъ, достаточно грамотныхъ, чтобы имѣть неиспорченные инстинкты, и для которыхъ невозможна активная роль законодателей, по ихъ многочисленности. Эта часть народа могла бы сказать свое мнѣніе, которое слѣдовало бы уважить, но въдѣ его не спросятъ, и болѣе спросить, и монархисты, и республиканцы. Значить, тутъ что-то не ладно. Когда я былъ въ Парижѣ, я, не смотря на то, что Гюизъ каждый день читалъ и переводилъ мнѣ газеты, я мало могъ составить общее понятіе, де тѣхъ моръ, пока не удалился на приличное расстояние, съ котораго видно только общее. И это мнѣ кажется натуральнымъ. Для того, чтобы и тамъ на мѣстѣ моръ

судить, я должен был бы проводить 72 часа въ сутки только въ томъ, чтобы успѣть прочитать главные органы печати, да прожить во меньшей мѣрѣ года три во Франціи, чтобы основательно, путемъ самостоятельнаго мышления, прийти къ какому либо прочному выводу. Нѣтъ, мой дорогой Илья Ефимовичъ, не быть французамъ республиканцами. Я убѣжденъ въ одномъ, что для васъ теперь—наша сѣрая и флегматичная Русь расстается съ настоящей точки зрѣнія. Вы не видите деталей, васъ не развлекаютъ пестрые явленія единицы, вы можете теперь спокойно суммировать всѣ впечатлѣнія вашего дѣтства, отрочества и юности, и наконецъ беззастѣнливо подвести итоги въ себѣ, передъ дверями зрѣлаго возраста, говоря высокими слогами. И ваши заключенія, бесспорно, будутъ самая близкая къ правдѣ, для нашего времени, и если вы теперь же на что-нибудь рѣшитесь—ошибокъ будетъ сдѣлано самое малое количество. Я такъ думаю. А что французамъ нельзя судить съ нашей точки зрѣнія — это вѣрно безусловно.

Выставка Васильева будетъ только еще въ январѣ мѣсяцѣ (1874), раньше не успѣетъ привести въ порядокъ всю эту массу.

Что Савицкому съ вами повидаться слѣдуетъ и хочется — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я даже думаю, что это его спасеніе, и именно за границей, почему—я писалъ уже. А что онъ какъ будто удалялся отъ васъ въ послѣднее время, то я этого не знаю и не знаю, но полагаю, что съ его стороны намѣреннаго не было ничего. Вы разъясните себѣ это послѣдствіе, когда онъ къ вамъ прѣдетъ. У него были кані-то симпатіи съ кружкомъ Семирадскаго, но такъ какъ Семирадскій только теперь сбрасываетъ маску, то... а впрочемъ, кто его знаетъ? Вамъ глубоко Н. Крамской.

ЛХХХ. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 25-го декабря 1873 г.

Сильно меня поразило ваше письмо, добрый мой Илья Ефимовичъ, то есть произвело впечатлѣніе, и отвѣчать на него не легко, то есть надо долго и много писать. Оно возбуждаетъ такіе вопросы, указываетъ на нѣкоторые пункты разногласія и вызываетъ тѣмъ мыслей. Не знаю, какъ справиться. Одно могу сказать, спасибо вамъ большое за него. Въ самомъ дѣлѣ, какъ хотѣте, а обмѣнъ мыслей, настоящихъ обмѣнъ, имѣетъ всегда хорошій результатъ. Долго я былъ въ раздумьѣ, перечиталъ ваше письмо еще, и еще разъ, и почувствовалъ себя какъ будто выброшеннымъ на берегъ, мимо теченія, или, еще лучше—выблѣненнымъ изъ строя. Не смотря на то, у меня еще что-то протестуетъ. Отделивши вопросъ совершенно, ставъ его грубо и просто, я невольно говорю самъ себѣ и спрашиваю у васъ: что

вы скажете о смыслѣ моей дѣятельности? Не только ли я воду, воображая, что занимаюсь дѣломъ? Что ни говорите, а въ концѣ концовъ, говоря о движеніи, мы разубѣдемъ атомы, единицы, личности, и одну и много, всѣхъ имѣетъ и каждого порознь. Словомъ, какъ только мы подойдемъ къ вѣтлѣ, намъ надо кого-нибудь схватить непременно: или кажется, что это такъ. Вы не думайте, что я хочу свернуть на личности, этого я не желаю, да и вы тоже, я увѣренъ; но у личности есть общія видовыя свойства, совершенно гомогенныя съ таковыми же другихъ личностей. Вотъ объ этихъ-то видовыхъ свойствахъ мы и можемъ рассуждать, непереворачивать ихъ на всѣ стороны, насколько не смущаясь, что личность вноситъ въ общественную дѣятельность свою собственную манеру, которую также возможно оставить съ сторонѣ, а потому и можно говорить вообще. Ваши мысли о партіяхъ вѣрны съ формальной стороны; партіямъ вы произносите безпожидный приговоръ, тѣмъ однимъ, что просите Господа Бога избавить васъ отъ борьбы съ ними. Здѣсь и мой собственный приговоръ. Я, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, всегда старался найти тѣхъ, быть можетъ немногихъ, съ которыми всякое дѣло, какъ общее, будетъ легче и прочнее сдѣлано. Часто я оставался одиночкой, да и теперь же скажу, чтобы была счастливая, но внутри продолжалъ всякій разъ шевелиться надежда на лучшее будущее. Очень можетъ быть, что вы болѣе трезво видите действительность, и съ этимъ соглашаюсь такъ только, довѣряя вашей логикѣ, но собственное мое, индивидуальное «я» съ этимъ помириться не желаетъ, и я не понимаю, какъ можно желать такой изолированности. Очень возможно пройти всю жизнь, не прикнувъ ни къ какому движенію, не идя ни съ кѣмъ въ ногу, но только потому, что или не встрѣтишь товарища, или нѣтъ еще достаточно опредѣлившихся цѣлей. Но когда цѣли видны, когда инстинктъ развивается до сознанія, нельзя желать остаться одному. Это, какъ религія, требуетъ адептовъ, сотрудниковъ. Это, по-моему—законо. Вы скажете, какое краснорѣчіе и лиризмъ изъ-за идеи, и какой же?... Передвижной выставки! Если такъ, я все-таки, не смущаясь, пойду дальше, и говорю: партія, даже каждый человѣкъ—партія, нѣсколько партій въ одномъ человѣкѣ, все это уже нѣчто, уже движеніе, уже пробужденіе къ жизни. Изъ чего же, наконецъ, и выходить какіе-нибудь результаты и частная инициатива, и тѣмъ же она начинается? Вы говорите, что у насъ ее нѣтъ — согласенъ. Но, Боже мой, что же это за сфинксъ, эта частная инициатива, и откуда она возьмется, если не будетъ сначала всеразлагающаго анализа, мытья, потомъ группировки, а потомъ и неяснѣйшихъ вамъ партій? Человѣкъ, какъ животное, все способенъ ошмыслить, а стаю быть и борьбу партій привести на стѣнѣ крестоваго грабежа и мошенничества. Но развѣ оттого самый законъ подлежитъ осужденію, и люди, цѣлко хватающиеся за вся

кую социальную задачу, суть не больше, как даром тратить свое время на пустяки? Вы, конечно, чувствуете, что во мнѣ сидит секанта, фанатик? Ничто нетерпимое, отъ чего надо скорѣй отдѣлаться? Очень больно мнѣ, если вы правы, а не я. Это значитъ прожить до сдѣлки ошибаясь, это значитъ, что вся жизнь моя не болѣе, какъ ошибка! Но я чувствую, что я неисправимъ, я не рисуюсь, и если все будущее, молодое, сильное и талантливое осудитъ меня, и останусь калѣкой, правда, но упрямю, продолжая отстаивать свои положенія. Вы говорите: «да и никогда не будетъ, слишкомъ много дѣла съ своими собственными дѣлами — искусствомъ, его техникой, выраженьемъ...» Можете себѣ представить — не понимаю! Какъ будто вы что-то сказали на незвѣстномъ мнѣ языкѣ. Звуки знакомые, а содержание непонятно. То есть, сочетаніе словъ такое удивительное, что я готовъ замолчать. Вѣроятно правду говорить, что у всякаго поколѣнія, какъ при новомъ климатическомъ смѣненіи, появляется новое тѣло, не похожее ни на одно изъ предыдущихъ. Какъ «времени не будетъ»? Да вѣдь быть убѣжденнымъ въ чемъ-нибудь разъ, не нужно начинать сначала: остается все время именно на проведеніе его въ действительность. Куда же еще нужно тратить время? На борьбу съ партіями? Да вѣдь именно такая специальность, мое дѣло настоящее, и есть борьба съ партіей, мнѣ врожденная. Чѣмъ же мнѣ еще бороться? Чѣмъ больше я улучшаю себя и совершенствую, тѣмъ большія нахожу пораженія — это-то и есть борьба партій. Но таковой борьбы еще нѣтъ, вотъ что горе. Но она скоро будетъ. Это вѣрно. То есть, какъ однако-же скоро? Пять дней тому назадъ, я полагалъ, что очень скоро, а сегодня я себя хорошо и хороню многое мнѣ близкое и дорогое. До новаго же ула, до новой вспышки борьбы мнѣ не дожить, она наступитъ не скоро, приблизительно нѣтъ чертъ 25, а можетъ быть и больше. Мы здѣсь находимся наканунѣ полной реставраціи Академіи, и торжества, можетъ быть, нашей стороны. Академію починаютъ долго. Ее мы подобрали собственными тѣлами, какъ иллойхъ потолокъ новыми и здоровыми бревнами. Но это все-таки не болѣе какъ отсрочка, не продолжительная для исторіи, но слишкомъ продолжительная для жизни одного человѣка. Наканунѣ торжества мнѣ грустно. Немного прішлося пожить на волѣ, а такая полная жизнь хотѣла быть. Сбылось многое, что говорилъ Кундижа.

Вотъ въ чемъ дѣло: къ пейзажисту Клодгу, для подписи, принесли бумагу, подписанную почти всѣми профессорами, въ которой говорится: «Признаю, что Передвижная выставка, сосредоточивая художественныя силы, отвлекаетъ ихъ отъ Академіи и даже соблазняетъ молодежь, тѣмъ дѣлаетъ выставки Академіи менѣе интересными, а стало быть, наноситъ ущербъ», и прочая и прочая, и проч., очень долго и много на эту тему, «а по-

тому, нижеподписавшіеся полагаютъ полезнымъ слѣдующія мѣры: чтобы профессора Академіи, а тѣмъ же несконверти, не сѣли бы выставлять своихъ произведеній нигдѣ, кромѣ академическихъ выставокъ». Клодга не подписалъ. Это было въ четвергъ 20 числа, а въ пятницу долженъ былъ быть Совѣтъ. Къ Боголюбому, Гуну и Гѣ бумага этой уже не пришла. Затѣмъ было рѣшено, что Гѣ редактируетъ новый проектъ, и послѣ уже внести его на обсужденіе общаго собранія Товарищества. Понятно, что Товарищество, сохраняя главный характеръ своей выставки, войдетъ, какъ особая фракція, въ академическую выставку, выговаривая только право распоряженія ею самимъ художниками, съ тѣмъ, чтобы сборъ поступилъ въ пользу всѣхъ экспонентовъ — на это согласны будутъ уже. Затѣмъ, въ виду дальнѣйшаго движенія устава, нами составленнаго, послѣдуютъ вѣроятно и личныя нерѣшныя. Благодарюте требуетъ отъ насъ согласиться на это, и сдѣлать на встрѣчу тѣ жаги, о которыхъ я говорю, потому что иначе Товарищество едва-ли останется живо. Вѣдь, кому дорожитъ больше комфорту и положенію, отпадутъ отъ него, да и упустятъ эту роль изъ рукъ были бы ошибкой, когда какъ ея сами предлагаютъ, и жаждутъ договариваться, какъ съ равной стороной. Судите, не правъ ли я былъ выше, говоря, что мы собственными тѣлами будемъ подпирать разваливающееся заведеніе. Мнѣ это очень больно, я точно присутствую на похоронахъ Товарищества, а между тѣмъ не могу не согласиться, что это не дурно..... Теперь, вы пожалуй спросите, что же мнѣ собственно мѣшаетъ принять къ общей радости? Очень простое соображеніе: хотя Академія, передѣланная по новому уставу, будетъ неизмѣримо либеральнѣе того, что теперь есть, но это не будетъ то, что должно быть, какъ мы воображаемъ школу и какъ ее понимаютъ заграничцы. Это все-таки будетъ казенное зданіе, съ штатомъ чиновниковъ, на радикальную мѣру не согласится, потому что это будетъ противорѣчить общимъ государственнымъ положеніямъ, а между тѣмъ искусство ничего не вѣщаетъ, да и не должно имѣть общаго съ застѣянными формами. Оно — живое, вѣчно мѣняющееся и требующее себѣ такой свободы, которая не можетъ быть допущена у насъ. Было бы лучше, еслибы рядомъ съ официальнымъ и законнымъ искусствомъ было бы, такъ сказать, незаконное, партикулярное, или нѣтъ — демократическое. Разумѣется, чрезъ нѣкѣйшій промежутокъ времени, образуется опять осадокъ и гилья; форма, сегодня либеральная, завтра будетъ узка и неудобна живому организму искусства, опять появятся глухое неудовольствіе и гонимое искусство. Но до той поры мнѣ не дожить. Грустно.

Люди устали отъ постоянной тряски и движенія, много накопилось элементовъ, жаждущихъ покоя и чистоты: дѣлать нечего — пропоемъ мохоронную. И такъ, что вы мнѣ скажете, мой добрый Ілья Ефимовичъ?

Кстати, ужь еще одну подробность между текущими дѣлами. Въ Совѣтъ были читаны отчеты пенсионеровъ, и въ томъ числѣ важнѣ; правда ли только то, что я вамъ былъ тутъ же? Но дѣло въ томъ, что когда читались эти отчеты, въ которыхъ были будто бы выражены задумчивыя мысли, намѣренія, сужденія, словожъ, такого рода интимности, которыхъ можно заполнить себѣ въ писаніи къ лицу близкому и, пожалуй, передъ многими людьми, у которыхъ не испорчено нравственное чувство и умъ, то, говоря, одинъ изъ присутствовавшихъ, во время чтенія одного отчета пенсионера, такъ приторически улыбался, а за нимъ осклаблялись и прочіе, что было зрѣлище попятное: зачѣмъ молодые люди бросаютъ на поруганіе свои чувства... А именно: одинъ говоритъ: «Господа, тутъ вотъ начинаются разсужденія и разныя чувства, санниконы личныя, скучныя и никому не интересныя, и не лучше ли, если я промолчу, а просто прочту только одно дѣло: что онъ думаетъ дѣлать, и чѣмъ онъ занятъ?» — Это одобряется улыбками.

Ваша правда, объ Антокольскомъ вы упоминали мнѣ, но такъ, что не будь того, что я узналъ другимъ путемъ, я такъ бы и не обратилъ вниманія. Вы сказали искоса, не выражая, что это такое.

Что касается Прахова, то, простите меня (онъ вамъ хорошій знакомый), а онъ, того, распространять нехорошо атмосферу. Ужъ очень онъ мнѣ не нравится, да и я ему, кажется, тоже, хотя мы съ нимъ не сказали 2-хъ словъ, кромѣ того, о чемъ я вамъ писалъ. Но что ты будешь дѣлать? Я выразилъ желаніе услышать доказательства такого оригинальнаго взгляда, но получилъ въ отвѣтъ, что это онъ доказаетъ въ своемъ мѣстѣ. Ну, и чудесно. Я думаю, что и глубокимъ предшествовали легенды и сказки, словожъ, живое слово, а ужъ онъ пусть доказываетъ противное — его дѣло.

Чудесный парень Куинджи! Позвольте, я и не думалъ считать его развитемъ молодого поколѣнія. Значитъ, я невѣрно выразился: я хотѣлъ сказать, что такъ какъ онъ принадлежитъ, во времени и по связямъ, къ молодежи, то, стало быть, и на немъ есть эта окраска, и даже, можетъ, цѣлая серия идей этого поколѣнія.

Милѣйшія Васнецовъ пишите очень хорошую картину *), очень. Савицкій тоже кончилъ недурно, даже хорошо **), во Масловъ, по-моему, нарисовалъ наконецъ вещь, которая займетъ очень видное мѣсто, право такъ ***). Передать Пожалоистину, чтобы онъ выслалъ на имя Гѣ, а сколько — отъ него зависить. Я думаю, на первый разъ довольно во 50 экземпляровъ.

Вашъ всѣмъ Н. Крамской.

Вона какое длинное вышло — не ожидалъ!

*) «За чашею».

**) «Ремонтъ желѣзной дороги».

***) «Чтеніе Пожалоиста 19-го февраля 1861 г.».

LXXXI. Къ А. Д. Чиркену.

Сиб. 27-го декабря 1873 г.

Милостивый государь Александръ Динтріевичъ. Экземпляръ статья о моеи картинѣ, присланный вами, съ любезной надписью автора *), тронулъ меня чрезвычайно. Въ этой статьѣ картина моя поставлена такъ высоко, и разборъ ея такъ благосклоненъ для меня, что отвѣчать на предложенные вами вопросы будетъ не особенно легко. Конечно, человѣкъ очень охотно о себѣ распространяется, и я, подкупленный такимъ образомъ, могу сдѣлаться особенно разговорчивымъ, по, полагая, что въ данномъ случаѣ занимать болѣе вопросъ психологіи, какъ науки, я расказую, какъ увидю. Прежде же всего мнѣ необходимо поблагодарить васъ и г. Шкляревскаго за то вниманіе, съ которымъ вы отнеслись къ моему умственному процессу и его слѣдствію.

Сумма впечатлѣній, полученныхъ мною отъ жизни, расколожила меня смотрѣть не особенно весело на окружающее. Исторія умственнаго развитія человѣческихъ обществъ представляетъ также не мало приключеній, какія глубоки и потрясающія драмы совершаются и въ сердцѣ одного лица и въ жизни народовъ. Между многими расказами подобнаго рода, нѣтъ расказа болѣе близкаго и интимнаго для каждого, какъ евангельскій. Какова бы ни была его историческая достоверность, онъ навсегда останется однимъ изъ самыхъ справедливыхъ и натуральныхъ, не смотря на его недостижимую чистоту, и возвышенность нравственныхъ интересовъ, и кажущуюся невозможность усвоенія людскою порокою такого образа дѣйствій. До сихъ поръ, къ сожалѣнію, христіанство, не говоря объ исключеніяхъ очень малочисленныхъ, никогда не было не только усвоено человѣчествомъ органически, но даже не было правильно и понято. Фигура Христа мнѣ уже давно записана. Всѣ сюжетъ изъ евангельскаго расказа останавливались на формальной сторонѣ событій. Когда мнѣ пришла въ первый разъ идея написать его, я, проработавши уже годъ, отправился за границу въ 69 году, чтобы видѣть все, что сдѣлано въ этомъ родѣ, и чтобы раздвинуть рамки сюжета, обогатившись знакомствомъ съ галлереей. Къ моему удовольствію, я нигдѣ не новстрѣчалъ той же самой мысли, потому что изображенія его съ дьяволомъ я отношу къ изображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ духомъ Евангелія. Возвратившись изъ своей поездки, я принялся съ энергіей за работу, но очень скоро почув-

*) Статья А. Шкляревскаго: «По поводу картины г. Крамского «Спаситель въ мушкетѣ», напечатанная въ «Киевлянинѣ» 1873 г., № 147, во время Передвижной выставки въ Киевѣ.

ствовавший, что мне недостает знакомства с теми чувствами, которое человек испытывает, находясь на высотах горных возвышенностей, и вот я опять отложил работу, и в 71 году съездила в Крым, и бродила по всем окрестностям Вахитсарая и Чуфут-Кале, местности которых, говорят, напоминают палестинские пустыни; наблюдать утро, то есть рассвет, и только уже после этой поездки я окончательно остановилась и оканчивала в том виде, как оно есть. Собственно иметь картины, положение фигуры до подробностей и общий смысл выражения остались первоначальные, самые первые; я только старалась реализировать идею наиболее соответственными формами. Это витальный процесс. Внутренний же рассказ мне невозможен. Чтобы, однако же, исполнить обещание, я коснусь совсем другого — моего взгляда вообще и на Евангелие, и на Христа....

Пусть бы Христос делал чудеса, воскрешал мертвых.... Его оставили бы в покое, и никто из власти никемых, никто из заурядных смертных, особенно в такое смутное и богатое предчувствиями время, не стал бы ни нападать на Него, ни преследовать.... Совсем другой разговор, когда человек будит заснувшую совесть, рекомендует поступать так, как написано в природе и в человеческом сердце.... Когда же мы попытаемся уверить его, что только в Бог совершенство, а он нам на это собственным личным опытом докажет наше лицемерие, то, морализируя, будет вечно упорствовать. Порождая свою совесть, мы знаем, что никакое оправдание не будет уважено, каждый принимая на себя всю тяжесть последствий своих поступков, тогда другое дело, — снести этого нельзя, положение невыносимое, вся невинность наша должна на него обрушиться.... Впрочем, я говорю слишком азбучные истины и обща всем, а собственно не то хотел сказать. В то время, время нравственного разложения, неволя, отчаяния за будущее, в виду трагического конца, Он один почувствовал, где выход.... Но прежде чем начать свое дело, прежде чем сказать громко правду в глаза... надо быть одному, уйти куданибудь подальше, и вот Он за городом, дальше, дальше.... Одиночество. Сколько времени Он провел так, это все равно....

Я видел эту странную фигуру, следила за нею, видел, как живую, и, однажды, я вдруг почти наткнулась на нее: она именно так сидела, сложив руки, опустив голову. Он меня не замечал, и я не мог зайти к нему, на цыпочках удалась, чтобы не мешать, и затая уж и я тихою, не видя, что я стала об нем думать. Он меня не видел. Он и ничего не видит, хотя глаза раскрыты. Он так долго просидит! Он сядет усталый вечером, инстинктивно к заходящему солнцу, но и солнце замло, уж и ночь... и так до утра. И я должен был попытаться его изобрать.

Я почувствовал: вот как именно происходит в действительности драма, всякий из нас переживает в своей жизни такие критические моменты, разница в размах интереса. После таких ночей, люди недюжинные — или герои, или подлые. Мне некоторые говорили: это не Христос, почему вы знаете, что Он был такой? Н, можете себя представить, я никак не дерзая отвечать, что бы и настоящего, живого Христа не узнали. Да и наконец, пусть это не Христос, это есть изображение, представление (определил, как хотите) той скорби человечества, которая была так знакома. Я хотел нарисовать глубоко думающего человека, но не о потерях, состояниях, или какой-нибудь жизненной неудаче, а... все равно, не могу определить, но вы понимаете, что я хотел сказать.... Итальянцы Его уже нарисовали, и нарисовали сообразно задаче. Да, это правда, итальянский Христос прекрасен, и даже, так сказать, божествен, но потому-то Он мне и чужой, то есть нашему времени чужой... и странно сказать.... моему, Он профанирован.... Лучший Христос — Тициана в Дрездене, с динарием, и все-таки это итальянский аристократ, необходимо тонкий политик, и человек несколько сухой сердцем; этого умный, проницательный и несколько хитрый взгляд не мог принадлежать человеку любви всеобъемлющей. Мне кажется, еще наступит время для искусства, когда необходимо надо будет пересмотреть прежние решения и переписать их.... Христос перенес пентр божества извне в самое средоточие человеческого духа и в этот с тем доказал возможность человеческого счастья; Он делал невозможным оправдание нашими низкими мотивами, грозно присвоившим в своей руке: «Мне бы уми слышать, да слышать».

Все, что я сказала, только доказывает, что автор статьи действительно угадал все, что я думал, по той бледной книге, которую я дал; но, кроме того, он назвал на след будущего. Я еще раз думаю вернуться к Христу, это — завязка. Один из самых интересных и лучших русских художников, Верещагин (ташкентский), когда был у меня в мастерской, при окончании этой вещи сказал: «Он у вас так страдает, что у вас не будет ноты выразить еще большее страдание, которое Он перенес в истинности». Я ответил ему, что, во 1-х, большого личного страдания у Него и не было уже, кроме момента в саду, в сущности сходного с этим; но, что вы скажете, например, о слезоносной сцене: когда Его судили. Воины во двор, пускунить бездельников, вселенские издвигались над Ним, и вдруг им пришла счастливая мысль — нарядить этого сивирного человека царем; сейчас весь шутковский костюм был готов; эта выдумка понравилась, и вот доказывают господам, чтобы они удостоили взглянуть; все, что было во двор, в

домѣ, на балконахъ и галереяхъ покатилось громкий хохотомъ, а ищю-
торме вельжожи благосклонно хлопаютъ въ ладоши. А Онъ, между тѣмъ,
стоитъ смюкнеть, итѣмъ, блѣденъ какъ полотно, и только кровавая илтерия
горитъ на щекѣ отъ кокетчины. Костры, едва начинающій зарождаться
день, все, какъ сказано. Здѣсь Онъ можетъ судорожно сжимать руки, ону-
скасть голову подъ тяжестью собственныхъ мыслей, но такъ уже все кон-
чено, рѣшено заранѣе, и Онъ сгбѣло, во всѣ глаза, такъ сказать (умственные),
смотреть на итѣющее совершиться. Да, именно всѣ сбѣются. Пока мы не
въ серьезъ болтаемъ о добротѣ, о честности, мы въ ладу со всѣми; но про-
буете серьезно проводить ваши иден въ жизнь—посмотрите, какой хохотъ
подымется кругомъ. Я вездю слышу хохотъ этотъ, куда яи пойду. До сихъ
норъ еще продолжаютъ сбѣяться надъ Нимъ, строя въ то же время алтари.
Глубоко безправственъ и лицемеренъ человекѣтъ. Вотъ я и кончить, а
все-таки не сказать того, что было мнѣмъ.

Получили ли вы фотографіи съ моихъ картинъ и офорты?

Примите мое благодарность еще разъ.

Н. Крамской.

LXXXII. Къ П. М. Третьякову.

30-го декабря 1873 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Выставка Васильева устанавлена,
цѣны окончательно опредѣлены, и она будетъ открыта для публики съ
3-го числа, послѣ Нового года. Только сегодня все кончено, всѣ ирзидники
возникли.

Цѣны поднялись нижеслѣдующимъ образомъ: «Товоля»—700 рублей,
«Волжская лагуна» — 500 руб., «Крымскій видъ» съ бѣлыми горами —
250 руб., «Улья» — 125 руб., «Аллея» — 75 руб. Не помню болѣе, какия
вами были отнѣчены еще изъ масляныхъ картинъ — списокъ забыть въ
Обществѣ. Что же касается рисунковъ, акварелей и севей, то они остались
въ прежней цѣнѣ.

Во время установи и возни, третьяго дня было много членовъ Обще-
ства иощренія художниковъ, жалующихъ пріобрѣтать вещи Васильева.
Съ однимъ изъ нихъ я итѣлъ довольно продолжительный разговоръ,
именно съ Женчужниковымъ*). Онъ жалеть пріобрѣсти: «Волжскую ла-
гуну», «Улья» и еще что-то, не помню, изъ другихъ, вами не отнѣченныхъ.
Я ему сказалъ, что до тѣхъ поръ, пока вы не выразите своего мнѣнія,

*) Владимиръ Михайловичъ Женчужниковъ, итѣнный небольшое собраніе кар-
тинъ, преимущественно русскихъ.

вещи эти номинально считаются на вами, и что мы обязаны извѣстить
васъ, когда будутъ произведены расцѣпки. Кажется, ему это не особенно
понравилось.

Картинны всѣ въ рамахъ, и покрыты лакомъ, что до такой степени
измѣнило ихъ, что въ новой оцѣнкѣ (если вы лично осмотрите) вы не най-
дете преувеличенія. Еслибы немедленно мы отдавали желающимъ купить—
то болѣея половины уже не было бы.

18 картинъ небольшой величины требуются въ Англію, для подарка
великой княжнѣ Маріи Александровнѣ отъ англичанъ—всѣ эти вещи бу-
дутъ вѣданы въ огромныя ширини, это заявили Монеттты. Она очень ѣн-
дла Васильева и желала бы итѣть немъ память въ Лондонѣ.

Прому васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, взглянуть благо-
склонно на тѣ мотивы, которые мною, да и другими тоже, руководили въ
этомъ дѣлѣ, и на все, что я позволилъ себѣ въ послѣднемъ нашемъ разго-
ворѣ по этому поводу. Въ виду обстоятельствъ дѣла, быть можетъ вы позво-
лите въ самомъ дѣлѣ доплатить намъ недостающую часть долга Ва-
сильева деньгами. Признаюсь вамъ, что участіе мое во всемъ, что относится
къ покойному, итѣтъ стоитъ не дешево во многихъ отношеніяхъ, и потому
надѣюсь, что вы поймете меня правильно и не осудите меня. Его итѣтъ
болѣе, котораго очень велика; и хотя ему уже ничего никогда отъ насъ
будетъ не нужно, но та живая связь, которая была дорога для меня лично,
странно выпадаетъ во всѣхъ моп теперешняи мысли и дѣйствіи. То, что итѣтъ
сдѣлано, измѣляетъ меня своею гражданностью, особенно, когда это все влѣтѣтъ
собрано. Вы чрезвычайно обязаны бы всѣмъ насъ, есломъ рѣшили
прислать его послѣднюю вещь конкуренту; «Волото» жееще не пришло.....

Вѣстѣ съ этимъ письмомъ, я отправляю письмо Козьмѣ Терентьевнуу
Солдатенкову. Уважающій васъ

Н. Крамской.

Продажа начнется тоже съ 3-го января.

LXXXIII. Къ К. Т. Солдатенкову*).

Январь 1874 г.

Милостивый государь Козьма Терентьевичъ. Получивъ ваше любезное
письмо отъ 3-го января, я не нашеть въ немъ вашего расиоризенія отно-
сительно картинъ, заказанной вами покойному Васильеву. Полагая, что
недостаточныя выраженія съ моей стороны могли ввести васъ какъ-нибудь
въ заблужденіе, я прому позволенія сдѣлать итѣкоторыя поясненія къ сво-
ему первому письму, и извиниться, что беспокою васъ наново о томъ же.

*) Печатается съ черноваго наброска.

На мнѣ, вѣстѣ съ И. И. Шинкинымъ и Д. В. Григоровичемъ, лежитъ тяжелая обязанность ликвидаціи дѣлъ покойнаго Васильева. Картина, приобретенная М. П. Вотикинымъ по вашему порученію, для вашей галлерей, заказанная за 1,200 рублей, такъ и осталась, къ сожалѣнію, неконченною. Мнѣ извѣстно, что покойный состоялъ долженъ вамъ 400 рублей сер. Уплата этого долга можетъ состояться выдачею вамъ этой картины, тѣмъ болѣе, что хотя она и не кончена, но имѣетъ такой пріятный видъ, такъ рѣшительно уравновѣшена въ общемъ, находится въ томъ же видѣ, въ какомъ ее видѣлъ М. П. Воткинъ, что я съ своею личною совѣстью могу рекомендовать ее вамъ въ уплату, думая, что она въ этомъ видѣ скорѣе стоитъ болѣе 400 р., чѣмъ меньше, особенно принимая во вниманіе значеніе такой потери для искусства, какъ смерть этого молодого человѣка. Производя оцѣнку всѣмъ вещамъ Васильева, я даже стѣлъ себя въ правѣ входить въ оцѣнку вашей.

Что касается моей собственной картины — «Старикъ на пчельникѣ», то, какъ вы сами изволили выразить желаніе оставить ее за собою, съ моей стороны было бы неразумительно поступить иначе. Я бы никакъ не посмѣлъ предлагать что-либо отъ себя, не имѣя на то заявленія съ вашей стороны. Правда, все это было болѣе года тому назадъ — срокъ, слишкомъ достаточный, чтобы забыть объ этомъ, но и наоборотъ: вы могли и помнить — что въ такомъ случаѣ я могъ бы представить въ оправданіе своего поступка продажу картины кому-либо другому, безъ вашего вѣдома? Вы могли, увидавши, вспомнить. Мнѣ очень прискорбно, и даже совѣстно, что вышло, какъ будто, хотя въ этомъ и нѣтъ ничего дурного, но такъ какъ мнѣ приходится быть въ этомъ положеніи въ первый разъ, то мнѣ было бы легче, еслибы вы изволили спросить В. И. Яковія, бывшаго съ нами и представившаго меня вамъ.

Кромѣ того, я считаю своимъ долгомъ увѣдомить васъ, что картина моя должна быть на выставкѣ Товарищества передвижныхъ выставокъ, съ 15 января, и потому сдѣлать извиненія. Хотя обстоятельство это, какъ я знаю, и не можетъ повліять на ваше рѣшеніе, но я считаю себя обязаннымъ упомянуть о немъ.

Прошу васъ, многоуважаемый Козьма Терентьевичъ, извинить меня за длинноту письма, такъ какъ самъ же я и виноватъ во всемъ, написавши неясно первое.

И. Крамской.

LXXXIV. Къ В. В. Стасову.

5-го января 1874 г.

Милостивый государь Владиміръ Васильевичъ. Гр. Гр. Мясоедовъ не предавалъ общему собранію Товарищества ваше сообщеніе отъ имени И. Е. Рѣпина, о желаніи Рѣпина поставить 4 своихъ произведенія на Передвижную выставку. Заявленіе это было принято съ большинствомъ сочувствіемъ; но есть одно обстоятельство, которое Рѣпину знать не мѣшаетъ, прежде чѣмъ онъ выставитъ у насъ. Въ Академіи смотрятъ не особенно дружелюбно на Товарищество, и недавно было желаніе Совѣта сдѣлать постановленіе, чтобы профессора и адъюнкты, штатные и нештатные, а также и пенсіонеры, не имѣли бы право имѣть выставку, кромѣ академическихъ выставокъ. Относительно профессорамъ, сдѣлать это нѣсколько рискованно; что же касается пенсіонеровъ, то тутъ, пожалуй, они въ силахъ. Дѣй недѣли тому назадъ, я писалъ въ одномъ изъ писемъ Ильѣ Ефимовичу объ этомъ, не зная о его намѣреніи поставить у насъ свои произведенія, и писалъ это, какъ свѣжую новость; а потому, я думаю, подождать до его распоряженія. Если же вамъ извѣстны, лучше моего, его взгляды на свои отношенія къ Академіи, и вы рѣшите иначе, то я свидѣтельствую, что Товарищество будетъ очень радо видѣть его произведенія на своей выставкѣ, имѣющей открыться до 20-го января, а съ 15-го числа начнется пріемъ картинъ и установка ихъ въ залахъ Академіи. Принимте увѣреніе въ моемъ совершенномъ къ вамъ уваженіи.

И. Крамской.

LXXXV. Къ П. М. Третьякову.

6-го января 1874 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Яковій присылалъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я спросилъ у Саврасова позволенія скопировать его пейзажъ «Печерскій монастырь». Саврасовъ позволилъ, но съ оговоркою, что такъ какъ эта картина принадлежитъ вамъ, то нужно еще ваше дозволеніе. Получилъ напечатанію на молученіе картины, вѣроятно Васильевой. Уважающій васъ глубоко

И. Крамской.

LXXXVI. Къ И. Е. Рѣпину.

Сиб., 6-го января 1874 г.

Съ Новымъ годомъ, такъ съ Новымъ годомъ! Что дѣлать, эти новые года — старая вѣснь, что же касается «новаго счастья», то... гдѣ оно, новое счастье? И для кого оно наступитъ? Оно не для меня, вотъ что вѣрно.

Академия, эта гидра камдаловъ и ярма, какъ въ рѣзко и вѣрно выражается, еще очень крѣпкое зданіе. Камдалы слишкомъ крѣпко закованы, и уже большую половину своей жизни помю ихъ, чтобы не пошатъ всей ихъ прелести. Ноги, руки, все изранено, главное же — это голова моя, моя бѣдная голова! Помню я мечты юности объ Академіи, о художникахъ, какъ все это было хорошо! Мальчишка и щенокъ, я инстинктомъ чувствовалъ, какъ бы слѣдовало учиться, и какъ слѣдуетъ учить... Но действительность, грубая, пошлая, форменная, не дала возможности развиваться правильно, и я, увядая, росъ и учился. Чему? Вы знаете: дѣлать что-то съ просьбой, оную. И вдругъ, толчокъ... проснулся... 63-й годъ, 9-е ноября, когда 14 человекъ отказались отъ программы. Единственный хороший день въ моей жизни, честно и хорошо прожитый! Это единственный день, о которомъ я вспоминаю съ чистою и искреннею радостью. Проснувшись, надо было встать за искусство! Видѣи я люблю его, да какъ еще люблю, еслибы вы знали! Большие партіи, больше своего прихода, больше братьевъ и сестеръ! Что дѣлать — всякому свое. И вотъ, потонули долгие годы, трудные, неурожайные. Все, что и ни сѣялъ, ничего не уродилось. Я ничего не зналъ и ничего не знаю... Чему я учился? Бѣда уѣздное училище досталось на мою долю, а съ этимъ далеко не уѣзднѣ... Всякій сюжетъ, всякая мысль, всякая картина разлагалась безъ остатка отъ безпощаднаго анализа. Какъ кислота всерастворяющая, такъ анализъ проснувагося ума все во мнѣ растворялъ... и растворялъ, кажется, совсѣмъ... Больно трогать груду... годъ за годъ, я все готовился, все изтупалъ, все что-то хотѣлъ начать, что-то жило во мнѣ, къ чему-то стремились. Я себя знаю — хорошо знаю. Вамъ видна одна вышняя сторона, и вамъ кажется, что я не понимаю и не признаю трудностей искусства... Я не признаю!!!! Да кто-жъ послѣ этого признаетъ? Вотъ гдѣ она сидитъ у меня, эта трудность искусства! Я не даю значенія?... Вы очень вѣрно опредѣлили мою дѣятельность, говоря, что она болѣе политическая. Я никогда объ этомъ не думалъ, что есть, въ этой формѣ не думать, и когда вы сказали, я просто удивился, до чего это въ сущности вѣрно. Ну, что-жъ, такъ, такъ, это все равно, лишь бы что-нибудь да было. Я не вызывалъ васъ на то, чтобы вы мнѣ сказали какое-нибудь утѣшеніе лично; вамъ писемъ о партіяхъ такъ расшвыривало меня, въ немъ мнѣ послышался голосъ исторіи, и я невольно началъ оправдываться, и дошелъ до абсурда: «улучшать себя значить вызывать борьбу партій...» Теперь мнѣ удивительно, что оно такъ вышло... Я собственно что пѣлъ въ виду? Я хотѣлъ сказать, наирѣзѣ: картина «Бурлаки»... (не дугайтесь, какъ я не трону, но крайней мѣрѣ немного, къ слову пришлось, да, «Бурлаки» тутъ только потому, что это единственный случай, и охотно бы возлъ что-нибудь другое, да нѣту).

Ну, такъ «Бурлаки» картина недурная, только что же? Вруни говорить, что это есть величайшая профанация искусства! Да, и вы какъ полагали? Вы небось думаете, что Вруни, это Федотъ Антонычъ, старецъ? Какъ бы не такъ, онъ изъ вѣтъ щелей выдѣзаетъ, онъ превращается въ ребенка, въ юнцу, въ Семипалатскаго... ему ими легіонъ! Что нужно дѣлать? Его еще нужно молотомъ! Онъ омятъ за спосе... Еще нужно картину, только еще болѣе глубокой профанацией... И такъ безъ конца, борьба! Какъ хотите, а это такъ. Вотъ что я думаю. Другой борьбы я не подозревалъ и не подозреваю. Что же касается какой-то моей дѣятельности, будто бы похожей на эту, то это мое личное несчастье, ничего этого нѣтъ, это все я самъ съ собой воюю и въ самомъ себѣ вижу противника. Оттого и кажется, что я воюю съ партіями. И я бы хотѣлъ медъ ложкой черпать, а тоже августъ, да только не знаю, удастся ли? Вотъ почему я все кричу: впередъ! Вы небось думаете, что я кого-то другого къ этому приглашаю... Ошибка, добрый мой Илья Ефимовичъ, и ошибка большая. Я самъ себя ободряю крикомъ, потому, еслибы я не говорилъ этого себѣ, то другіи у меня духу бы не достало. Я вижу, что другіе и безъ моего приглашенія идутъ куда нужно. И зачѣмъ это вы упоминаете о Тицианѣ? Видѣи было чело-вѣкъ свободный и здоровый, главное — здоровый. Развѣ они такъ учились? Вотъ когда люди доживутъ до той поры, когда, кромѣ сиренныхъ школъ рисованія, да мастерскихъ художниковъ, больше ничего не будетъ, тогда другое дѣло. Тогда и изъ такихъ, какъ я, будутъ люди и художники. А это долгъ вѣсны! А все-таки не хочется складывать руки, все еще думается, что будетъ же когда-нибудь день, когда и я что-нибудь сдѣлаю. По крайней мѣрѣ, буду биться до послѣдней капли крови. И потому, Тицианъ, хорошо, что онъ такое въ сущности? Развѣ позволительно въ наше время, развѣ возможно, быть Тицианомъ? Я тоже смеялся, что онъ не сдѣлалъ какъ никто, да только теперь одного этого мало. Вотъ Деларомъ, видѣи куда хуже живописецъ, а посмотрите, какъ они далеко другъ отъ друга. Трудное время, какъ неизвѣрно трудное... Видѣи ей-Богу же эти итальянцы были пренаивный народъ. Написалъ итальянскаго дипломата, тонкаго, хитраго, проникательнаго и сухаго эгоиста — такихъ много въ натурѣ — поставилъ возлѣ него тѣмъ изъ простаго народа, и тоже изъ продвинутыхъ, далъ ему въ руки динарій, превосходно передалъ тѣло, необыкновенно тонко кончилъ, и сказалъ: «Этотъ Христосъ» (въ Дрезденѣ!) — всѣ и похвалили. Но это неудивительно, что похвалили тогда — до сихъ поръ вѣрятъ! Вотъ что странно, до сихъ поръ говорятъ: только такъ и надо дѣлать! Не знаю, можетъ быть и такъ, можетъ я неправъ. Я не признаю трудностей: да видѣи это несдѣланное дѣло, это должно быть неизбежно. У кого есть талантъ, способность, тотъ и напишетъ, это такъ естественно, что и удив-

латься нечему. Но чему можно удивляться, так это мысли, концепции, страсти и маосу, этой струнѣ, звучащей ноту, за душу хватающую. Это — сѣху и слезамъ, которые вырываются наружу. Нѣтъ этого у Тикіана. Онъ спокоенъ, изященъ, богатъ, но... король и Богъ! Простые смертные не такъ живутъ... Мой богъ — Христосъ, который возбѣдилъ Бога въ самый центръ человѣческаго духа и идетъ умирать спокойно за это. Я много потратилъ времени на рисунокъ, я лишился аппетита, когда носъ оказывался не на своемъ мѣстѣ, или глаза сидятъ недостаточно глубоко; это было сущее несчастье. Но, наконецъ, я овладѣлъ матеріаломъ, я достигъ до известной степени согласія между внутреннимъ образомъ, который тамъ клокочетъ, и рукою, хладнокровно и спокойно, какъ будто нѣтъ никакой лихорадки, работающей. Вотъ это состояние, это самообладание было и должно было быть у великихъ мастеровъ, какъ у Веласкеса, напримеръ, когда они работали — только тамъ матеріалъ другой, и я вотъ только теперь догадываюсь, что когда я буду съ красками хозяйничать, какъ съ соусомъ *), когда мнѣ удастся мѣсить ихъ, зачеркивая во всю ночь, и схвативши умомъ, чувствомъ, глазами голову все за-разъ, заставить руку ходить тихо, но рѣшительно, и какъ бы не думая, тогда... легко сказать! Хорошо рассуждать! Не вѣдь я не рассуждаю, это не логика, это что-то чрезвычайно упругое и натянутое внутри, въ самомъ сердцѣ... и все-таки это возможно и несколько удивительно; это природа, ужъ такъ Богу угодно! Вѣдь прежніе художники какую практику имѣли! Небось, вы не знаете? И вы мнѣ говорите, что я не цѣню, не понимаю трудностей? Богъ вамъ судья!

Странно, какъ иногда простымы, да посмотрѣвъ угрюмъ, что начинаешь вечеромъ, такъ собою сдѣлаешься; и потому я уже сегодня кончу, и заечаю. Мнѣ случалось иногда читать свое письмо послѣ, на другой день, такъ даже несправляю. Хотя собственно стыдиться нечему бы, кажется. Всякій человѣкъ и гордъ, и самолюбивъ, и много объ себѣ думаетъ. Стало быть и вамъ тутъ достается; но ничего, будемъ писать другъ другу, пока живемъ.

Хочется мнѣ повѣдать вамъ о своихъ настрѣненіяхъ и планахъ, авось-либо и вы съ своей стороны сообщите. Говорятъ: когда скажешь впередъ — не сдѣлаешь. Оно, пожалуй, и такъ, да все какъ-то хочется, чтобы укрѣпили въ мысляхъ. Вѣдь я долженъ еще разъ вернуться къ Христу, прежде чѣмъ перейти къ болѣе близкому времени, а затѣмъ и къ современности. Какъ видите, я разговариваю, точно у меня 50 лѣтъ вперед! Это всегда такъ, большие частотой молятся, что вотъ завтра они будутъ

*) «Соусъ» — техническое названіе состава, которымъ Крамской любилъ рисовать нѣкоторые свои портреты.

здоровы. Дѣло въ томъ, что Антокольскій взялъ *) почти то же, что и я, то есть, сходный сюжетъ, хотя, какъ вы увидите, содержаніе другое, совсемъ другое. Когда я писалъ свою картину, на первомъ холстѣ **), тогда же я имѣлъ въ виду продолженіе, и только теперь надо кривляться, а то же совсѣмъ будетъ ноншю. Тамъ останки нелзя. Ночь, передъ разсвѣтомъ, дворъ, то есть, внутренность двора, потухающіе костры. Римскіе солдаты, всѣчески надругавшіеся надъ Христомъ, думаютъ, какъ бы еще убить время, судьи долго что-то совѣщаются. Какъ вдругъ... гениальная мысль. Вѣдь онъ называлъ себя царемъ, такъ надо нарядить его шутомъ гороховымъ! Чудесно! сейчасъ все готово, и господамъ доказываютъ. И вотъ, все высунуло на крыльцо, на дворъ, и все что есть, покатывается со сѣху. На важныхъ лицахъ благосклонная улыбка, сдержанная, легкая; тихонько хлопаютъ въ ладоши; чѣмъ дальше отъ интеллигенціи, тѣмъ шумнѣе веселость, и на низменныхъ ступеняхъ развитія — гомерическій хохотъ. Христосъ блѣденъ какъ полотно, прямъ и спокоенъ, только кровавая платерія отъ пощечины горитъ на щекѣ. Не знаю, какъ вы, а я вотъ уже который годъ слышу всюду этотъ хохотъ. Куда ни пойду, непременно его услышу. Я долженъ это сдѣлать, не могу перейти къ тому, что стоитъ на очереди, не развязавшись съ этимъ. А много, много, охъ какъ много дѣла! Еслибы Богъ далъ лѣтъ десятковъ еще, можетъ, что-нибудь можно еще успѣть. Сколько времени потрачено. Но, добрый мой Илья Ефимовичъ, вѣдь не могъ же я! Я ужъ очень трудно и медленно развиваюсь. Надо опять бы заграничку вѣхать, да не знаю, удастся ли. Думаю на будущій годъ — посмотрѣть развалины Помпеи, проѣхать и на Востокъ. У меня есть къ вамъ просьба: не найдется ли въ Парижѣ фотографій, пока, съ древнихъ римскихъ построекъ. Вѣдь дѣло происходило у римскаго Итеюна, такъ оно какъ разъ кстати. Я кое-что читаю, да оно безъ языковъ приходится довольствоваться только русской грамотой.

Ворочусь, еще разъ, къ Васильеву: устроена его выставка, собрали все что можно было собрать, и... это невѣроятно, что онъ успѣлъ сдѣлать въ 5—6 лѣтъ! Вчера былъ тамъ, еще выставка не открыта для публики, а уже все продано, почти на 7,000 рублей. А еще говорятъ, русская публика равнодушна! Нѣтъ, пусть кто хочетъ это говоритъ, а я не могу. Богъ доказательство, что у нея есть нюхъ. Когда появляется талантъ не фальшивый, когда художникъ отвѣчаетъ тому, что уже готово въ публикѣ, тогда она безапелляционно произноситъ свой приговоръ. Казалось бы, всѣ мѣста заняты, каждая отрасль имѣетъ своего представителя, да иногда

*) Статуя «Христосъ передъ Пилатомъ».

**) «Христосъ въ пустынѣ», 1872 г.

и не одного; но искусство безпредельно, приходит новый незнакомец, и спокойно занимает свое место, никого не тревожа, ни у кого не отнимая званія, и, если ему есть что сказать, онъ найдетъ слушателей.

Савицкій непремѣнно ѣдетъ, все еще работая свою картину. Передвижная выставка открывается около 20-го января; я слышала, что вы поручили Стасову поставить ваши вещи къ намъ; очень радъ, да и всѣ будутъ рады, если, не смотря на то, что хотѣли сдѣлать Академія, вы все-таки рѣшитесь.

Вашъ Н. Крамской.

LXXXVII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 8-го января 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картину Васильева получилъ въ цѣлости; при ней вымыли, покрыли лакомъ. Надписи, кому принадлежить, не будетъ. Картину изъ Вѣны я видѣлъ и задержалъ. На постоянной выставкѣ былъ тотчасъ послѣ васъ и долженъ былъ сорвать билетикъ съ цѣною — на картинѣ Солдатенкова. Странные люди! Не смотря на нѣсколько заявленій, оставалось по старому. Телеграмму получилъ вчера въ 11 часу ночи и сегодня въ 10-мъ часу былъ тамъ, хотя я и слышала отъ Боголюбова, что она приобретена уже Академіей, но хотѣлъ удостовѣриться. И оказалось, что уже третій день какъ продана, такъ что, къ сожалѣнію, «Барки» принадлежать вамъ не могутъ; тоже самое и относительно «Внутренности дѣса», кулонной Монигетти. Не знаю, какъ это сдѣлать теперь. Когда мы кончили установку въ воскресенье 30-го декабря, то я говорилъ вамъ (Григоровичу и Ворткову), какия именно ваши отиѣчены, но прибавилъ при томъ, что такъ какъ цѣны измѣнились и, въ виду этого, вы оставили за собой свободу дѣйствій въ будущемъ, принять или не принять оцѣнку нашу, то я ограничился только тѣмъ, что спросилъ у Григоровича: когда, онъ полагаетъ, откроется выставка и начнется продажа? Онъ мнѣ сказалъ — не раньше 3-го числа; и я въ тотъ же день написалъ вамъ. Между тѣмъ, покупатели стали отиѣчать и раньше назначеннаго срока. Я не былъ на выставкѣ съ 30-го числа до нашего приѣзда и во всѣ дни, когда вы были въ Петербургѣ, о чемъ теперь сожалѣю. Когда я былъ на выставкѣ, въ день нашего отъѣзда и сейчасъ же послѣ васъ, то Григоровичъ говоритъ мнѣ: «Теперь уже нельзя, Иванъ Николаевичъ; картина «Внутренность дѣса» продана, да кроме того, Павелъ Михайловичъ не оставилъ за собой нѣкоторый изъ вещей, которыя, я думаю, онъ отиѣтилъ, наиримѣръ «Пчельникъ», а вотъ она и осталась; вѣдь ждать нельзя, являются покупатели, и всѣ обижаются, а я не могу иначе». Сегодня,

когда я былъ на выставкѣ, то и «Пчельникъ» уже проданъ, остаются альбома, да нѣсколько рисунковъ. Но и тѣ, кажется, беретъ Строгановъ, а одинъ изъ альбомовъ пойдетъ въ Академію. Словомъ, всѣ вещи распроданы. Сколько я ни убѣждалъ Григоровича относительно «Дѣса», онъ стоитъ на своемъ и твердитъ: «Вѣдь это же не было кончено, вѣдь вы же видите, что Павелъ Михайловичъ перемѣнилъ мнѣніе; могло же быть, что онъ, имѣя «Пчельника», оставилъ бы продавать эту картину». Оказалось, что я-же и виноватъ. И дѣйствительно, оно какъ будто такъ выходило. Еслибы, наиримѣръ, на всѣхъ вещахъ, ваши отиѣченныхъ, я бы поставилъ ярлычки, что онѣ принадлежатъ вамъ и не продаются (что по собѣсти я взялъ на себя не могъ, помни нашу разговоръ), то я могъ бы быть еще болѣе виноватымъ, только уже не передъ вами. Словомъ, Васильевъ и послѣ смерти доставилъ намъ много хлопотъ, какъ доставлялъ при жизни. И такъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, повторяю: я не знаю, какъ это сдѣлать теперь? Если уже «Внутренность дѣса» такъ необходима, то, если вамъ угодно, я поѣду къ Монигетти и переговорю съ нимъ: можетъ быть дѣло устроится иначе. Я это дѣлаю потому, что хотя я и не виноватъ, но такъ какъ нѣсколько прикосновененъ, то, чтобы снять даже тѣнь виновности, я готовъ комитаться, въ виду именно вашихъ цѣлей.

Глубокоуважающій васъ и готовый къ услугамъ Н. Крамской.

LXXXVIII. Къ нему же.

11-го января 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Съ третьяго дня я захворалъ и слегъ, и потому не могу исполнить вамъ просьбу, посмотрѣть, по адресу, продающихся: Брюллова и Ворониковскаго; какъ только подмечусь, сейчасъ же исполню.

Если возможно, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, выслать мнѣ чекъ на пятьсотъ рублей, за Толстого, и тридцать рублей за раму, всего 530 руб., то много обяжете. Уважающій васъ Н. Крамской.

LXXXIX. Къ В. В. Стасову.

Воскресенье 20-го января 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ я узналъ изъ вашего письма о рѣшеніи, которое принялъ Илья Ефимовичъ Рѣпинъ. Я этому тѣмъ болѣе радъ, что все это случилось безъ малѣйшей натяжки и давленія посторонняго, а напротивъ. Это мнѣ теперь

особенно приятно, такъ какъ я всегда возлагалъ на него надежды (иногда смутныя), — не какъ на художника (это всегда для меня было несомнѣнно), а какъ на человѣка, который нанесетъ Академіи удара самые молновѣсные, и что, стало быть, успѣла моей жизни нѣжить историческое оправданіе.

Присылайте картины въ Академію, выставка почти устроена, и въ недѣльничъ откроется. Уважающій васъ
И. Крамской.

XC. Къ П. М. Третьякову.

26-го января 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Деньги 530 рублей я получилъ, за которые приношу вамъ мою благодарность. Въ настоящее время я уже считаю себя поправившимся, и потому выхожу. Былъ въ приложенному вамъ адресу и видѣлъ Брюллова и Боровиковскаго. Боровиковскій изображаетъ: Іоанна Богослова, евангелиста (образъ). Можно признать за несомнѣнный оригиналъ, но я остался совершенно равнодушнымъ. Брюллова же (и тоже оригиналъ) относитъ къ тому времени, когда онъ только что, вѣроятно, убѣжалъ за границу носивъ своихъ «Трехъ странниковъ», на большую золотую медаль, и тамъ писалъ. Изображаетъ: какого-то древняго героя, голаго натурщика, съ разными классическими принадлежностями, лукомъ и стрѣлами, и даже пѣляни, нѣчто въ родѣ Прометея. Все это изъ натуральную величину, и въ стилѣ Егорова, Угрюмова, или, еще лучше, Лосенки, но, конечно, неизмѣрно лучше ихъ всѣхъ. Вещь очень хорошая, для галлерей — гдѣ былъ бы собранъ весь Брюлловъ; тогда вещь эта могла бы нѣтъ интересъ, какъ моментъ развитія, хотя она и не имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшими Брюловыми. Вотъ только теперь я увидалъ свою оплошность, не спросилъ, за что каждая продается, но такъ какъ онѣ нѣтъ показались неинтересными, то я и не интересовался, хотя, для отчета вамъ, обязанъ былъ бы это сдѣлать. Уважающій васъ

И. Крамской.

Выставка ваша открыта и возбуждаетъ, кажется, интересъ

XCІ. Къ И. Е. Рѣзину.

Спб. 30-го января 1874 г.

Добрый мой Ілья Евфимовичъ, я хворалъ, и потому не тотчасъ отвѣчаю вамъ, но теперь — ничего. Наша выставка открыта и... привлекаетъ много. Вещи ваши выставлены. Два слова объ нихъ: «Монахъ»*) — хороши,

*) Монахъ въ пустынь, черезъ городокъ.

Стасовъ — очень хороши, Варяны — масляными красками нѣтъ нѣсколько черныя тѣни, но акварель — безподобная. Это такая символическая штука, что оказывается чуть ли не лучшимъ портретомъ на всей выставкѣ. Вы — реалистъ, одинъ изъ самыхъ неуловимыхъ, почти граничащій съ материализмомъ. И вдругъ оказываетесь способнымъ брать ноты такія изъныя, что нѣтъ, принимающему по своимъ свойствамъ къ породѣ тихострунныхъ, остается только удивляться. Да я уже и удивлялся, какъ вы помните, въ лавшей мастерской, когда видѣлъ портретъ этого въ работѣ...

...Посмотрите — въ исторіи человечества, у величайшихъ умовъ, есть неудержимое стремленіе сдѣлаться, стать богатыми, но все какъ-то выходило какъ-будто не совсѣмъ натурально, были отступленія, колебанія, и только много о «Прометѣе» ясно выдѣляется на этомъ фонѣ; но и тутъ нѣтъ побѣды и торжества, тогда какъ для Христа нѣтъ сомнѣнія — что онъ Богъ. Это огромная разниа. Вы скажете — онъ молчалъ! Емъ бы — это и необходимо. Его молитва — стихійное состояніе человеческого духа въ трагическіе моменты. Это самоуглубленіе, бесѣда Бога съ Самиимъ Собой. Недаромъ хорошіе люди говорили, что молитва творитъ чудеса. Молитвенное состояніе — это одна изъ самыхъ таинственныхъ лабораторій въ человѣкѣ. Когда горы несправедливостей, эгоизма, тупости и злѣйства людскаго опровергаются на благороднѣйшія побужденія наши, человѣческій духъ какъ бы стихаетъ, не противорѣчитъ, и только ищетъ мѣста, гдѣ-бы спокойно можно было занепасть, чтобы никто не выдалъ этого. И 2—3 часа такого состоянія достаточно для того, чтобы все, что еще химически не соединилось, приняло ту новую, до страшной упругости, силу, которая способна заставить задремать окружающее. До этого момента, постороннее, вѣншее, беззвучно, ранитъ меня, а еще подъ влияніемъ вѣншихъ впечатлѣній, они на меня дѣйствуютъ. После — я творецъ и активный дѣятель. И если молитвенное состояніе было дѣйствительно, иричины были къ нему уважительны, тогда мое вліяніе на дѣйствительность будетъ несокрушимо, а послѣдствія необятны, качественно и количественно.

Мудрено что-то выходить, — иицы на этотъ счетъ молодыя, а такъ какъ я не нѣмецъ, то остававшаяся на ноль-дорогѣ, пока еще есть время.

Благо вы одобряете идею картины. Это все, что нужно. Разумѣется, мнѣ придется новозиться съ этимъ годика два, а то и побольше, если не хватитъ средствъ. Вѣчная нѣсія про блага бычка!

Странно, вы дѣлаете шагъ — вслушиваетесь члвкомъ на Передвижную выставку (тѣмъ это отзовется на васъ въ будущемъ, я не знаю). Я, хотя этого всегда желалъ всѣмъ сердцемъ, но не надѣялся видѣть васъ радостно, въ крайней мѣрѣ говорить и думать объ этомъ боялся громко; теперь же,

когда вы так поступили, я не удивляюсь, нахожу натуральным, и даже мне начинает казаться, что так и быть следовало. Постановка ваших вещей у нас на выставкѣ произвела сенсацию. Н. восторгался, удивился, и въ концѣ концов смутился даже какъ будто. Говорилъ съ нимъ Мясоедовъ, потъ сущность происходившаго: Н., увидя ваши вещи, начинаетъ выказывать величайшее изумление: «Какъ это сюда попало?» — Мясоедовъ: «Стасовъ поставилъ». — Н.: «Какъ Стасовъ? Я полагаю, что нужно имѣть согласіе художника?» — Мясоедовъ: «Не знаю, это до насъ не касается». — Н.: «Какъ не касается? Вы можете ему поспорить». — Мясоедовъ: «Чѣмъ же? Мы говорили Стасову, что есть бумага...» — Н.: «Никакой нѣтъ бумаги!» — Мясоедовъ: «Все равно, мы предупредили Стасова, что это, можетъ быть, будетъ для Рѣпина сопряжено съ неудобствами, но онъ намъ сказалъ, что имѣетъ отъ Рѣпина положительное распоряженіе, такъ что вы насъ упрекать не можете». — Н.: «Да я не упрекаю, я совсѣмъ не объ томъ говорю, а я хотѣлъ сказать, что Рѣпинъ пенсионеръ, его работы должны видѣть Академія, прежде чѣмъ развѣшивать, стоятъ ли онѣ того, чтобы ставить на выставку». — Мясоедовъ: «О! Товарищество руководствуется въ данномъ случаѣ своими правилами, и намъ нѣтъ надобности спрашивать другихъ, что стоить намъ принять и чего не стоить». — Н.: «Да я не къ вамъ говорю, а говорю, что если работы пенсионера не удовлетворяютъ ожиданія Академіи, то его могутъ вызвать обратно изъ заграничія». — Мясоедовъ: «Что же вы грозите, Н., и что же это значитъ, чего вы этимъ достигнете? То, что совсѣмъ ничего и присылать пенсионеры не будутъ». — Н.: «Впрочемъ, это до Рѣпина не относится, такъ какъ еще ему инструкціи отъ Академіи послано не было». — Вы знаете: Мясоедовъ не совсѣмъ остороженъ; стало быть, онъ говорилъ именно такъ, какъ я привелъ выше. Довольно до вашего сѣдѣнія. Впрочемъ, мы это и ожидать могли. Что же касается до нашего устава, то теперь онъ скоро будетъ напечатанъ на-ново, старый весь вышелъ. Ставить въ Академію членъ можетъ сколько хочетъ, только не въ то же время, когда открыта выставка Товарищества. Но до экспонентовъ это не относится: это правило обязательно только для членовъ. Чтобы сдѣлаться членомъ «по всѣмъ правиламъ», какъ вы выражаетесь, нужно написать вещь нарочито для Передвижной выставки, и только. Уставъ я вамъ прислала, какъ только онъ будетъ готовъ.

Гравюрь Пожалоestina мы еще не получили, ихъ нѣтъ еще, хотя квитанція уже пришла.

Прияшниконъ написалъ хорошую вещь: «Плѣнные французы въ 12-й годъ», картина, равная его «Чиконнику». Мясоедова вещь хорошая и лучшая на выставкѣ. Савицкій тоже выдѣлился очень выгодно. Выставка

вообще имѣетъ очень милый и интимный характеръ. Куинджи поставилъ хорошую картину: «Забитая деревня». Къ вамъ ѣдетъ надиктовъ Боголюбовъ и проситъ меня, чтобы я написалъ вамъ о томъ, чтобы вы его хорошо приняли. Вотъ какъ! Рекомендую его вамъ, точно будто вы его и не знаете. Я хотѣлъ написать его портрета, но онъ сказалъ, что вы не могли написать. Охотно уступаю. Савицкій, наконецъ, скоро ѣдетъ.

Вашъ И. Крамской.

ХСII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 23-го февраля 1874.

Добрый мой и снисходительный Илья Ефимовичъ, какъ вы радуете и ободряете меня своими письмами. Я иду ихъ и считаю время, когда долженъ волннуться отвѣтъ. Постойте, вы говорите, что до васъ доходятъ слухи, что мои вещи на выставкѣ—первыя по достоинству. Видѣ, однако жъ, мы съ вами понимаемъ вещи, и потому будемъ говорить такъ: лучшія, гдѣ? у насъ, въ Россіи, что ли? На этой выставкѣ Товарищества? Ну, это еще не Богъ знаетъ что, потому во 1-хъ, что, къ сожалѣнію, въ настоящемъ году нѣтъ вещей выдающихся. Общій уровень поднялся что ли, или ужъ я становлюсь все требовательнѣе—не знаю, только ходить по выставкѣ, смотришь на все и думаешь: нѣтъ, не то! Давно ужъ я не увлекаюсь, давно ужъ я знаю впередъ, какая картина на выставкѣ какъ будетъ, лучше ли, хуже ли. Словомъ, если я вижу вещь въ мастерской, я отлично понимаю, что съ нею сдѣлается на выставкѣ. Теперь я, когда пишу, или вижу, какъ другіе пишутъ, я ни на минуту не утрачиваю впечатлѣнія натуры, и вижу, какая все это блѣдная копія, какая сплошная живопись, какое дѣтское состояніе искусства! Какъ далеко намъ еще до настоящаго дѣла, когда должны, по образцу евангельскому выражешю: «камни заговорить». Когда это случится? Мы очень молоды, въ самомъ дѣлѣ такъ, и мы не думайте, пожалуйста, что у насъ въ 30 лѣтъ пора быть взрослымъ: это такъ следовало бы, но это не такъ еще у насъ, и долго, очень долго еще такъ будетъ. Не знаю, къ чему предназначается русскій народъ, будетъ ли и съ нимъ то же, что съ нациями болѣе зрѣлыми, которыя, какъ вы говорите (и совершенно вѣрно), что для нихъ не человѣкъ важенъ, а краски, эффекты и вѣжливость, то, что имено и есть живопись, и только живопись,—или онъ удержитъ теперешнія родовыя черты свои. Повторяю, я не знаю, что будетъ въ зрѣломъ возрастѣ, но очевидно, что такъ оставаться нельзя: все это только хорошии наряды, а или, какъ извѣстно, адъ выходящій! Намъ неумѣнно нужно двинуться къ свѣту, краскамъ и воздуху, но... какъ сдѣлать, чтобы не растерять по дорогѣ драгоценнѣйшее качество ху-

дожинки — сердце? Мудрый Эднэ — разбери! Правда, русская мысль, на сколько она проявилась в литературе и поэзии, держалась больше содержания, совершенствуясь в то же время язык, и дошла наконец до той степени, когда и наших писателей переводят: французы, немцы, англичане, американцы. Все это так, но вот что худо: нового писателя с талантом нет ни одного. Тишина невозмутимая. Язык понижился, мысль обидела. Точно я прав в самом деле, что мысль, и одна мысль, создает технику и возмывает ее. Оскудевает содержание, понижается и достоинство исполнения. Однако-ж, что это значит? Забьт на Запад дело идет как будто на выворот?

Видеть я недавно картину Харламова «Урок музыки» — ту салу, что была на вьской выставк, и, о ужас! не понравилась. А какое я право мнѣ говорить так, когда она написана превосходно, по-европейски? Странно, мнѣ показалось, что в ней нет ни капли натуры. То же должен сказать и о его «Мордонск». Когда Боголюбов мнѣ съ особым шиком указал на нее, то, грбный человек, минут пять я даже любовался, потом, осмотревшись и переходя от одного куска живописи к другому, я должен был сознаться, что все это выдуманно, фальшиво, неверно, и, в концѣ концов — забраковал... Конечно, говоря с точки зрѣнія возвышенной, на которой я, быть может, не мнѣ права находиться: и, тѣм не мене, забраковал.

Говоря по справедливости, вы меня сильно поддерживаете, теперь, какъ и всегда; вы удивляетесь? — а это верно. Съ тѣх пор, какъ вы начали писать «Юна», вы мнѣ много добра сдѣлали. Живопись важна до такой степени существенно разнится отъ моего взгляда на природу, что я только съ тѣх пор понимал, куда мнѣ надо идти. Долго объяснять, да и безполезно, вы это отлично понимаете. Особенно интересно для меня смотреть и сравнивать вашу логику съ своею и со всѣми остальными. Надо смотреть вперед, а не назад, въ молодому, а не старящемуся. Гѣ погибъ, то есть, ему поздно, оказывается, учиться — (да онъ и не учился никогда). Миссидов неисправенъ (хотя картина его лучше на выставк) *). Оба Клода такъ и останутся маленькими, съ тою разницею, что жанристъ — добродушный человекъ, а пейзажистъ — сдѣланъ..... Перовъ, кажется, почувствовалъ себя великимъ человекомъ. Удивительное дело — эта казенная квартира! Принициповъ — московскій человекъ, и, въ качествѣ такового, мѣшаетъ Божій даръ съ янчиной. Маковский Владимиръ — тоже, Боголюбова и Гуна вычеркивая... И такъ, кто же? На кого обратить надежды? Разумѣется, на молодое, свѣжее, начинающее.

Савицкій, — это проблема и большая проблема; то, что есть до сихъ пор, не общаетъ хорошаго, хотя недурно — даже хорошо, только пристально разсматривать не нужно... Купиджи — интересенъ, новъ, оригиналенъ, до того оригиналенъ, что пейзажисты не понимаютъ, но публика за то отбѣгла; но... опасно, ужъ очень мало знаетъ натуру, и, кажется, ему трудненько писать. Остается намъ ясное солнышко — Викт. Мих. Васнецовъ. За него я готовъ поручиться, если вообще позволительна порука. Въ немъ бьется особая струнка; жаль, что иженъ очень характеронокъ, ухода и поливки требуетъ. Вы замѣчаете, что я обо многихъ не упоминаю, но это потому, что они не прикинули къ нашему делу, не участвуютъ активно, да и никакъ не участвуютъ *).

Какое странное обстоятельство, однако-ж! Мы остались съ вами бесѣдовать только вдвоемъ. Ну что-жъ, будемъ бесѣдовать, хвалить другъ друга и унывать собственными утѣхами. Канал, подумавъ, сатанинская гордость и самолюбие, но... до тѣхъ поръ, пока я не потерялъ сознания, я смѣло, съ своею совѣстью, буду атакать другихъ, извлекаю, какъ мнѣ, уроки для себя, и дай Богъ, чтобы это оставалось при мнѣ полезнымъ. И я увѣренъ, что заискуснымъ не стану, и способенъ буду отдать всякому должное. Откровенность имѣетъ страшныя послѣдствія, она можетъ человека изломать совершенно. Но вѣдь какъ иначе? Другимъ путемъ не придетъ къ истинѣ. Въ самомъ деле — развѣ вы мнѣ не говорите вещей очень жесткихъ?

О моемъ сюжетѣ вы такого мнѣнія, что дала чистое дѣтство встало передъ вами, точно подарокъ. Ну какъ же мнѣ не послать вамъ самое искреннее, сердечное спасибо? Несомненно одно, что картину свою я буду считать дѣйствительно слезами и кровью, и если будетъ не то, что нужно, то ужъ тутъ, значитъ, слезы и кровь будутъ недоброкачественны. Картина вся готова, и давно готова, поливание ей — вопросъ времени. Мнѣять, перефидывать нечего, то есть не буду, да я и не уйду: она давно передо мной стоитъ готовая...

Что же касается до того, чтобы сдѣлать картину прежде однимъ тономъ, то я не понимаю, для чего это мнѣ послужитъ? Вы, вѣроятно, забыли во мнѣ неспособность вознестись съ эскизами? И почему? Не знаю, какъ вы, а я не могу дѣлать ихъ, потому что это меня связываетъ. Чтобы что-нибудь сдѣлать, я долженъ быть свободенъ во всякую минуту своего труда. Всякая черта, сдѣланная предварительно, особенно, если она удачна,

*) Читатель вспомнитъ, конечно, что всѣ истинныя отзывы относятся къ художникамъ, которые въ 1874 году далеко еще не достигали того развитія, какого достигли впоследствии.
Ред.

*) «Чтение манифеста».

связывает меня по рукам и по ногам, и я становлюсь трусом. Не могу. Если я испортил то, что уже было хорошо, и упрёка на-лино не существует, я способен рассердиться и пощипать; но когда рядом будут вично торчать этот укор, я его уберу — уничтожу. Словом, для меня другого пути, как этого, не существует. Это исключительно, и может быть странно, но я иначе не могу. Я уже пробоовал. Я пишу картину как портрет — мерзко мною, в меру, ясна сцена со всеми своими аксессуарами и освещением, и я должен скопировать. Картина млеет, значить я не могу ее сделать, и только. Испать ошибки не тот, что прежде не было сделано эскиза, мнѣ не послужить ни к чему. Много дела на очереди!

Вы говорите, что бросили что-то, надъ чѣмъ работали уже. Жаль. Мнѣ Стасовъ кое-что говорилъ, только въ общихъ чертахъ, не говоря, что именно, такъ какъ это пока еще не должно быть известно. Кстати о Стасовѣ. Я видѣлъ его нѣсколько разъ у насъ на выставкѣ, чуть не каждый день, такъ какъ онъ устраивалъ выставку Гартмана. Онъ на меня про...водилъ всегда нѣсколько странное впечатлѣніе, но теперь объяснилось, благодаря одному разговору. Между прочимъ, я спрашиваю его, что онъ думаетъ о картинѣ Мясоедова. Онъ говоритъ: «Правду вамъ сказать?» — «Разумѣется». — «Видите ли, эта сцена такъ представлена, какъ-будто имъ читали письмо отъ Антона». — «А, вотъ что! Вотъ вы чего захотѣли?» — «А то какъ же?» — «Да, но въ такомъ случаѣ, я вамъ вотъ что долженъ сказать: вы противорѣчите себѣ, — я помню, что были картины (Корзукина, Демокла, Журавлева), отъ которыхъ вы были въ такомъ восторгѣ, такъ хвалили, что можно было подумать, что онѣ суть вершина художественная, а вѣдь эта вещь неизвѣстно, по моему, лучше тѣхъ». — «Иванъ Николаевичъ, нужно поднимать уровень, нужно поднимать, теперь совсѣмъ не то, что было тогда». — «Хорошо, такъ стало быть и наши взгляды такъ скоро измѣнились, и вы теперь думаете иначе, чѣмъ тогда?» — «По всей вѣроятности, разумѣется». — «Ну, тогда очень жаль одно, что во всѣхъ вашихъ статьяхъ нѣтъ той нормы, критерія, чтобы читатель, при всѣхъ похвалахъ вамъ кому-нибудь, чувствовалъ мѣсто, занимаемое художникомъ въ ряду искусства вообще, какъ, напримеръ, у Вилискаго, у котораго всегда я чувствую, что критикъ прилагаетъ мѣрку известнаго рода, даже часто и не упоминаетъ о ней. У насъ же Корзукинъ и Мясоедовъ, Перовъ и другіе, по очереди, на верху». — Разговоръ былъ продолжителенъ, и изъ него я убѣдился, что этотъ человѣкъ въ 50 лѣтъ сохраняетъ въ то же время темпераментъ ребенка, и потому онъ производитъ странное впечатлѣніе. Завтра онъ забудетъ, что говорилъ вчера, и такимъ образомъ останется въ тупикѣ. Но все-таки онъ живой человѣкъ и чуткій.

Теперь о Гартманѣ. Мнѣ всегда казалось, что Гартманъ не архитекторъ собственно, въ тѣсномъ смыслѣ, а просто художникъ, да еще и фантастическій. Теперь это особенно ярко видно на его выставкѣ. Между тѣмъ Стасовъ, въ своей рѣчи, читанной въ Архитектурномъ Обществѣ и послѣ намечатанной, не сдѣлалъ этого различія достаточно рѣзко, что было бы необходимо, тѣмъ и произвелъ нехорошее впечатлѣніе даже на архитекторовъ, благоосновно расположенныхъ къ Гартману. Гартманъ былъ человѣкъ не заурядный. Онъ бы такъ и остался, отвергаемый всѣми, если бы время не выдвинуло задачу грандіозную въ архитектурѣ — всемірная выставка. Когда нужно построить обыкновенныя вещи, будничныя, Гартманъ млеетъ, ему нужны постройки сказочныя, волшебныя замки, ему подавай дворцы, сооружения, изъ которыхъ нѣтъ и не могло быть образовъ. Тутъ онъ создаетъ изумительныя вещи. Если бы различіе Гартмана, его особенность, и именно въ этомъ смыслѣ, была настойчиво развита Стасовымъ, онъ заставилъ бы молчать, во крайней мѣрѣ (если не согласиться) педантовъ и филистеровъ. У него же вышло оно такъ, какъ будто Гартманъ былъ величайшій архитекторъ даже въ смыслѣ архитекторской, практиковъ, и это его ошибка. Но пусть онъ ошибается, его ошибки извинительны и даже симпатичны, потому что онъ дѣйствительно во впечатлѣніи.

Иное дѣло новый художественный бичъ — Праховъ. Хотя онъ и нашъ бывшій хорошій пріятель, но, извините, я долженъ сказать, что онъ распространяетъ нездоровую атмосферу. Единственное спасеніе будетъ въ томъ случаѣ, если онъ окажется не талантливымъ, а иначе — бѣда. Пошмады никакой отъ него ждать нельзя. Это величіе Олимпа, эти непререкаемыя положенія, эти глубокомысленныя вѣщныя мысли... у меня кровь стынетъ зарыве... Завтра буду слушать его лекціи, которыя онъ будетъ читать въ Академіи о новомъ искусствѣ, по поводу вѣнской выставки. Кусочекъ я слышалъ на четвергахъ, пойду все слушать, такъ какъ взялъ билетъ и заплатилъ деньги, и деньги не маленькія за 8 лекцій. Абонементъ 12, 8 и 6 рублей — вотъ какъ! До завтра, услышу и вамъ сообщу.

Перерывъ вышелъ въ 4 дня — всегда такъ бываетъ. Слушалъ двѣ лекціи — въ понедѣльникъ и сегодня. Дѣло въ томъ, что онъ, Праховъ, что-то такое говоритъ, какъ будто хорошее, умное, но только... ничего новаго. Новато? Удивительное дѣло, всякую минуту подавай намъ новаго! Всѣ его мысли вытекаютъ (видны ясно) съ одной стороны, вотъ откуда-то, — и что это есть дѣлая система, цѣлая группа умныхъ, которые держатся известнаго толка. Тутъ онъ говоритъ и о политикѣ Наполеона въ томъ же родѣ, который, наконецъ, становится уже пошатъ, даже въ фельетонѣ какой-нибудь газетѣ; тутъ и искусство грековъ, опять-таки, какъ 15-ти лѣтній гимназистъ знаетъ; тутъ и средневѣковое христіанство,

и его отражение въ искусствѣ; и все это приводится съ цѣлью, разумѣется, показать источники различныхъ историческихъ теченій въ искусствѣ (новѣйшій методъ). Словомъ, все обстоитъ благополучно,—и, нужно сказать, слогомъ хорошимъ, стильнымъ, университетскимъ... сужденія о картинахъ опять-таки какъ будто вышшія. Словомъ, хоть куда. Но, странное дѣло! Въ двухъ, трехъ мѣстахъ, было пѣсכולко нотъ, которыя звучали, какъ давно забытое преданіе: стиль, рѣзкость, строгость... короче, какъ будто чѣмъ-то пахнетъ очень знакомымъ, что давно считалъ уже обезсилѣвшимъ и умершимъ, и... вдругъ, протираешь глаза, ушами не вѣришь!.. Передъ нами молодой человекъ — профессоръ, сильный, только что начинающій проповѣдь... что-то очень осторожное въ то же время въ рѣчахъ у него, не спугнуть бы! Не знаю, что дальше будетъ, а до сихъ поръ, все, что и слышать отъ него, мнѣ уже даже оскомину набило. И такъ, давая новое? Да, давая новое. Вѣдь всякій человекъ, который лѣсбигъ что-либо, изучаетъ,—а который готовится другихъ учить—приобрѣтаетъ (или, по крайней мѣрѣ, долженъ приобрести) извѣстный рядъ выводовъ, сдѣланныхъ самостоятельно, съ тѣмъ, чтобы быть нумизмамъ, въ противномъ случаѣ, все, что онъ можетъ сказать, есть въ учебникахъ, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣдней книжкѣ журнала, и стало быть... Впрочемъ, какое мнѣ дѣло? Хотя по совѣсти, мнѣ большое дѣло,—вѣдь это передовой тѣхъ рыцарей, о которыхъ (вы помните) я писалъ вамъ и которые, какъ мнѣ доводилось извѣстно, безпощадно будутъ преслѣдованы нами, которой я былъ ревностнымъ защитникомъ, и всегда готовъ былъ быть. Но грустно, очень грустно. Партія будетъ проиграна. Нѣтъ исхода! Работать! Работать, работать!.. О, да! Разумѣется такъ. Единственное, благонадежное средство и оружіе борьбы! Но, добрый мой Ілья Ефимовичъ, обманывать себя не къ чему, что я могу сдѣлать? Не смотря ни на что, «сами не заговаряютъ». Это вѣрно. Но нусть будетъ, что будетъ, меня всегда найдутъ на сторонѣ свободы, воздуха и свѣта! Буду работать, какъ умно, а тамъ, что Богъ дастъ! Впередъ... Но знаете ли, мнѣ становится въ Петербургѣ что-то жутко! Страшно какъ-то, отъ того ли, что дѣлаемся на виду, или отъ чего другого, только прежде этого не было. Дѣхъ, еслибы человѣчка три, четыре настоящихъ... веселое бы дѣло было, жаркое... А вѣдь будетъ, не правда ли? Вѣдь Товарищество скленилось случайно, не всѣ узнали по законамъ тайги, а есть и гнилушки. Ну, да вѣдь вельзя же было. Зная внутренний бытъ хорошо, то есть, членомъ лично, и когда-нибудь вамъ сообщу—вамъ же и нужно знать.

Вамъ акварельный портретъ, за который вы «въ душѣ красѣете», имѣетъ одно колоссальное достоинство, которое дай вамъ Богъ сохранить навсегда. Это выраженіе, но не то выраженіе, которое многие художники

умѣютъ давать лицамъ, которое даже иногда достигаетъ того, что становится главнымъ смысломъ картины цѣлой (субъективное); нѣтъ, у васъ другое. Передо мной характеръ женщины, полный, открытый до послѣдней степени. Этотъ ротъ, особенно верхняя губа, одна ея сторона еще изгибается какъ змѣя, эти умные (то есть смысловые) глаза, какъ будто ласковые, но въ сущности только страстные, чтобы не сказать что-либо другое,—эта вся кокетливая голова, какъ будто встряхивающая волосами, чрезвычайно роскошными... Словомъ, еслибы я былъ па ея мѣстѣ, я бы такимъ портретомъ былъ убитъ окончательно, какъ самымъ безпощаднымъ обличеніемъ. Женщина эта мнѣ кажется самой крайней материалисткой, съ самыми порочными наклонностями; изъ-за такихъ вѣшаются, стрѣляются, воруютъ, грабятъ даже, и въ концѣ концовъ не получаютъ ни одной высокой и торжественно счастливой минуты въ жизни... Фу, чортъ возьми, какъ я возвышенно выражаюсь!

Однако-жъ, позвольте, вѣдь конецъ нисѣма скоро, а я дѣла сказалъ немного. Прежде всего, чтобы не забыть, сегодня былъ у меня П. М. Третьковъ и просилъ у меня вашу адресъ. Онъ хочетъ просить васъ написать ему портретъ графа Алексѣя Толстого, который теперь живетъ гдѣ-то на югѣ Франціи. Я, разумѣется, сообщилъ ему, и сказалъ, что вы напишете (не знаю, правъ ли я была, отвѣчалъ за васъ). Какъ знаете, а то можно было бы стянуть съ него 600 или 800 р., если только дадите на это дѣло ведѣль полторы. Впрочемъ, вы получите отъ него письмо сами. Савицкій ѣдетъ завтра въ 5 часовъ вечера заграницу. Наконецъ! Картина ваша «Бурлаки» цѣла, успокойтесь. Память русскій Поналостинъ прислалъ гравюры, хорошія гравюры. Ну, мы ихъ и продаемъ, то есть, носталия продавать, но до сихъ поръ продали только двѣ. Россія такая страна еке, что эти вещи, особенно теперь, не идутъ никакъ.

Графъ Толстой, котораго я писалъ*),—интересный человекъ, даже удивительный. Я провелъ съ нимъ нѣсколько дней и, признаюсь, былъ все время въ возбужденномъ состояніи даже. На генія смѣшивается.

Валѣй И. Крамской.

ХСІІІ. Къ П. М. Третьякову.

23-го февраля 1874 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ графа А. Н. Толстого послалъ уже къ вамъ, вмѣстѣ съ рамами: новое—для «Христа» и Шинкина.

*) Портретъ графа Льва Николаевича Толстого написанъ Крамскимъ въ 1873 г.

для картины Салдатенкова. Я очень извиняюсь, что въ ящикѣ, который привезутъ къ вамъ во дворъ, будетъ находиться чужая вещь, да еще такая громогласная, но я прошу распорядиться относительно ея В. Г. Перова, о чемъ и написалъ ему. Мою картину «Христосъ въ пустыни» нужно выставить въ раму такимъ образомъ, чтобы снизу подложить двѣ пробки, или что-нибудь подобное—рама нѣсколько просторна.

Къ свѣтлому празднику, т. е. къ открытію выставки въ Москвѣ, я приѣду, чтобы покрыть лакомъ картину и поставить ее. Довожу до вашего свѣдѣнія, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, что портретъ Нв. Алекс. Гончарова нѣтъ большого вѣроятіе быть написаннымъ мною.

Вѣнцанію желѣзной дороги при семь прилагаю.

Уважающій васъ

И. Крамской.

XCIV. Къ В. В. Стасову.

54-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Посылаю вамъ содержаніе двухъ лекцій А. Прахова и начало 3-й*; говорю начало, потому что ея не состоялось. Съ лекторами случился обморокъ, послѣ 15-ти минутнаго затишья. Говорятъ, онъ больной уже приѣхалъ на лекцію. На бѣду электрическая машина дурно себя вела, а между тѣмъ лекцію ностили Нго Высочество Владиміръ Александровичъ. Уважающій васъ И. Крамской.

XCV. Къ М. В. Тулинову.

5-го марта 1874.

Добрѣйшій мой Михаилъ Борисовичъ. Хотя мы, дѣйствительно, никуда другъ другу не особенно ретиво, но мы, сколько понимается, не сговаривались.

Г-жа NN, о которой ты мнѣ писалъ (письмо я получилъ), у меня не была. Я думаю, что ты нѣсколько увлекаться, полагая, что пѣвцы и театральныя артистки нуждаются въ теплотѣ сердечной. Когда я получилъ отъ тебя посланіе объ ней, гдѣ ты съ такой заботливостью просишь оказать ей, бѣдной сиротѣ, радушій пріемъ, я тогда же усомнился въ томъ, чтобы такая г-жа нуждалась въ этомъ. Пока онъ ничего

*) По просьбѣ В. В. Стасова, И. Н. Крамской сообщалъ ему подробное содержаніе лекцій А. В. Прахова; но этотъ текстъ здѣсь не печатается, потому что Крамской нигдѣ не назвала здѣсь собственного своего мнѣнія и мысли о лекціяхъ.

Ред.

не значать, онъ готовъ дѣлать все, что угодно, знакомиться со всякимъ человѣкомъ, даже безъ разбора; но чуть только онъ получаетъ патентъ за границей—всякія интимности становятся для нихъ и дилеммы, и ненужныя, обременительныя.

И. Крамской.

На Страстной недѣлѣ буду въ Москвѣ, чтобы выставить картину *).

XCVI. Къ П. М. Третьякову.

6-го марта 1874 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письмо ваше Савицкаго уже не застало, я ему его переписалъ завтра.

Вы, вѣроятно, уже получили отъ него согласіе. Передъ отъѣздомъ онъ былъ у меня и совѣтовался объ этомъ; тутъ же написалъ свой вамъ отлѣтъ, и затѣмъ прямо отъ меня на желѣзную дорогу, такъ что я долженъ былъ написать адресъ: онъ въ хлопотахъ забылъ это сдѣлать.

Адресъ Ал. Толстого я получилъ и пошлю его Рѣшину. Портретъ Нв. Алекс. Гончарова мною уже начатъ, работаемъ каждый день. Сидитъ онъ хорошо, и совсѣмъ сталъ ручнымъ. Полагаю, что я его привезу къ вамъ на Страстной недѣлѣ, такъ какъ въ это время постараюсь быть въ Москвѣ. Уважающій васъ И. Крамской.

XCVII. Къ нему же.

12-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не знаю почему, но я хотѣлъ писать къ вамъ и безъ телеграммы. Сегодня я былъ опять на выставкѣ**), оставаясь долго, переходя отъ одного предмета къ другому, противярялъ себя, и вотъ опять прихожу къ тому же заключенію, что и въ первый разъ, не больше, но и не меньше. Жена моя была крайне вооружена противъ моего мнѣнія послѣ перваго посѣщенія выставки мною, и сегодня она была со мною вѣрнѣе, настроенная враждебно. Но, какъ видно было съ первыхъ же шаговъ—присмирѣла. Когда кончился осмотръ, я отправился къ Гончарову, не дѣлалъ никакихъ вопросовъ, и, уже воротясь вечеромъ, узнаю ея мнѣніе. Это, конечно, не важно; ея мнѣніе не ничѣмъ, наконецъ, ни для кого значенія, но для меня оно важно. Если она говоритъ мнѣ что-либо относительно моихъ работъ, я безпрерывно подчиняюсь. Одиннадцатилѣтній онгтъ меня сдѣлалъ такимъ. Она согласилась признать, что

*) «Христосъ въ пустыни».

**) Выставка сѣдмь-лѣтнихъ картинъ В. В. Верещагина.

Ред.

14

картины эти значительны, но говорить: русский солдат всюду по всем картинам нише азиата, вот и все. Кроме того, ей, как и мнѣ (да ка-лины», гдѣ, какъ она выражается, ситцевая вода. Но теперь вотъ вопро-въ правъ ли я дѣлать какія либо рекомендаціи? Вопросъ такъ важенъ, что я передъ его развязкою какъ бы отступаю: и не потому, чтобы колебался думать, можетъ быть, даже опомнись, и, хотя я убѣжденъ въ серьезности значенія выставки, но, какъ вы знаете, ограниченную время признаю за мою справедливости слишкомъ большимъ промежутокъ времени (50-ти дней). Чтобы, однакоже, быть правильно мыслящимъ, формулируя свое мнѣніе въ преувеличеніи. Верецагинъ не изъ тѣхъ художниковъ (во край-ней мѣрѣ до сихъ поръ, за будущее не поручусь), которые раскрываютъ глубокія драмы человѣческаго сердца (тѣ и есть дѣйствительное искусство въ его настоящемъ значеніи и высшій его родъ). Онъ человѣкъ, въ этой мнѣніе къ нему, пошло). Лучшее сказать, онъ объективенъ гораздо больше, чѣмъ человѣкъ свойственно вообще. Та идея, которая пронизываетъ все его произведенія, выходитъ изъ головы гораздо больше, чѣмъ изъ сердца. И въ этомъ отношеніи онъ принадлежитъ Россіи не вполнѣ, хотя, какъ я уже вамъ говорилъ, ни одинъ иностранецъ не былъ бы способенъ на то, что дѣлалъ Верецагинъ. Дальше: его идеи, откуда бы онѣ ни выходили, одинаково талого сорта, что отказать имъ въ сочувствіи нельзя; его форма такъ объективна, сочиненіе такъ бесстыдственно и не выдуманно, что ка-жется фотографическими снимками съ дѣйствительно происходившихъ сочиненій и композицій его картинъ утешивать, стало быть, талантъ и рою стоитъ въ уровень съ тѣмъ, что мы знаемъ въ Европѣ. Его колоритъ, очень хорошъ, а внутренний, то, что иногда называютъ дѣлкой, слабѣе его другихъ способностей, и онъ-то, этотъ рисунокъ, главный образъ вы-раженіе внутреннихъ, глубокихъ сердечныхъ движеній. Все это я уви-далъ съ перваго же раза; но уровень его художественныхъ достоинствъ, его энергіи, постоянно находился на страшной высотѣ и напряженіи, не ослабляя ни на минуту (исключая «Съ горъ на долину»), наконецъ вся

коллекція, гдѣ Средняя Азія дѣйствительно передъ нами со всѣхъ, мало-мальски доступныхъ европейцу, сторонъ, производить такое впечатлѣніе, что хочется удержать ее, во что бы то ни стало, въ полнотѣ ея составѣ. Какъ вы видите, все картинъ его не производитъ глубокого, охватываю-щего собственно мѣръ нашей души, впечатлѣнія, и это потому, разумеется, что халаты, и чалмы, и бронзово-неподвижныя азіатскія физиономіи—слиш-комъ чужды нашему внутреннему міру, нашимъ идеаламъ, нашимъ стра-даніямъ и надеждамъ; и въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, сказать, что главный ихъ интересъ и значеніе, есть этнографическій,—будетъ пожалуй вѣрно. Нужно знать впередъ, что пріобрѣтается коллекція, которая раздвинетъ очень да-леко наши понятія и свѣдѣнія, относительно нашего настоящаго (т. е. его) некоторыхъ сторонъ, и именно великорусскихъ особенностей), еще более нашего прошлаго. Но коллекція эта ничѣмъ не затронетъ нашего сердеч-наго, психологическаго и умственнаго міра. Исключая политическаго, она не раздвинетъ нашу теменѣйшую горизонтъ и не откроетъ новаго. Словомъ, мы все будемъ ходить въ эту галлерею для того, чтобы что-нибудь узнать, но не для того, чтобы интимнѣйшимъ образомъ побесѣдовать и вывести усво-еніе и крѣвостъ для продолженія того, что называется жизнью. Ни одной черты родной намъ по духу, исключая патристической, нѣтъ въ этой ко-лекціи, да и быть не могло. И все-таки это—колоссальное явленіе, и все-таки эта коллекція драгоценна, она слишкомъ серьезна. Я все сказалъ, что считаю обязаннымъ. Утверждаю, что ничего не преувеличиваю, и ду-маю, что я не ошибаюсь. Все эти особенности я видѣлъ съ перваго раза, но не особенно на нихъ указывалъ, потому что имѣю привычку говорить о главномъ. Главное же, въ данномъ случаѣ, есть Средняя Азія и ее обита-тели. Что я былъ возмущенъ—это поистинѣ: явленіе слишкомъ крупное; но чтобы я потерялъ голову—или, что вы усмотрите здѣсь нѣчто другое чѣмъ я вамъ третьяго дня говорилъ—я не согласенъ, и отрицаю. Мнѣніе мое какъ сложилось, такъ и осталось.

Вашакошій вѣстъ Н. Крамской.

ХСVIII. Къ П. М. Третьякову.

14-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Еще о Верецагинѣ. Я опять былъ и опять смотрѣлъ. Думаю, сравниваю и глаза не вѣрны; или я ни-чего не кончаю ровно, или я рѣшительно правъ. Но какіе слухи разно-бѣжные и неожиданные! Говорятъ, что правительство беретъ всю вы-ставку, предлагая 6,000 рублей пожизненнаго пенсіона, но авторъ же-

ласть получить разомъ, т. е. не соглашается на пенсiю, говори, что онъ можетъ умереть черезъ годъ, два, завтра, сегодня, а между тѣмъ онъ обязанъ семействомъ, и, стало быть, ему необходимо трудъ свой реализировать. Не знаю, гдѣ узнать вѣрно. Полагаю похитить къ Гейнсу*). Но зачѣмъ? Оно непонятно странно, являться имъ съ того, ни съ сего, и зачѣмъ же: правда ли вотъ то, или это?.. и только. Подождите, въ этомъ бѣды нѣтъ, но вѣдь и съестіеся тоже нѣтъ основанія, но крайней мѣрѣ для меня. Разумѣется, если я и найду, то я ничего не знаю ни о вѣнчѣмъ нагребеніи, ни о другомъ чемъ-либо, все это до меня не касается. Я написалъ записку Вережанину и оставилъ на выставкѣ, къ которой говорилъ о желаніи познакомиться съ нимъ, и онъ мнѣ откликнул, что передъ отъѣздомъ постарается помыслить у меня, но до сихъ поръ еще не былъ. Все, что я написалъ вамъ третьяго дня о выставкѣ, остается въ силѣ, прибавить ничего не уищу.

Портретъ Нв. Алекс. Гончарова двгается, и, кажется, удачно, хотя боюсь говорить впередъ. Думаю, что на Страстной привезу. Глубоко уважающій васъ
Н. Крамской.

XCIX. Къ В. В. Стасову.

15-го марта 1874 г.

Милостивый государь Владиміръ Васильевичъ. Ради Бога извините меня, что я два раза не сдержалъ своего обѣщанія передъ вами, но во-1-хъ, это потому, что всѣ эти лекціи**) состояли изъ самаго сухаго перечня картинъ и именъ художниковъ, описанія композицій и проч., часто даже безъ туманнаго поображенія. Судите сами, насколько все это интересно и поучительно, а во-2-хъ, въ это время совершилось событіе: выставка Вережанина. Но чтобы все-таки не прерывать сообщенія, я только трону общій мотивъ лекцій***).

Теперь о Вережанинѣ: предварю, я не могу говорить хладнокровно.

По моему мнѣнію это: событіе. Это завоеваніе Россіи, гораздо большее, чѣмъ завоеваніе Кауфмана. Теперь вопросъ, будетъ ли правительство и общество на высотѣ задачи? Я слышаю, что будто бы Вережанинъ принужденъ коллекцію распродавать въ разныя руки желающимъ. Мнѣ кажется, что этого допустить не слѣдовало бы; ужъ если суждено намъ не понять и не оцѣнить явленія, то пусть лучше оны увезутъ въ Лондонъ и продадутъ

*) Генералъ Ал. Кошет. Гейнсъ, крѣпитель и довершенье лица В. В. Вережанина.

**) А. В. Прахова, въ Академіи художествъ.

***) Дать и деть краткое изложенье лекцій А. В. Прахова, безъ великихъ замѣчаній самого Крамского.

Ред.

тамъ. Что-жъ, въ свое время, когда русскіе художники поймутъ важность картинъ изъ русской исторіи, тогда по крайней мѣрѣ они будутъ ѣздить въ Англію и видѣть все вѣстѣ, только чтобы не допустить раздробленія. Когда я раньше видѣлъ фотографіи съ его коллекціи и слышаю, напримѣръ, сообщеніе, что вотъ такая-то картина написана въ натуральную величину, я думалъ: странно, чѣмъ меньше сюжетъ, содержаніе, тѣмъ большіе форматы; но, когда я увидалъ «У дверей мечети» — я почилъ въ чистую дѣло. Будь эта картина исполнена (написана) на одну ступень ниже, и исторической картинѣ нѣтъ. По моему, это нѣчто неистощимое. Эта идея, призывающая невѣднню (но обязательно для ума и чувства) всю выставку, эта неослабная энергія, этотъ высочайшій уровень исполненія (исключая «Съ горъ на долину» — самая большая и самая слабая), этотъ, наконецъ, пріемъ, неистощимый новый и художественный въ исполненіи вторыхъ и послѣднихъ плановъ въ картинѣ — заставляетъ биться мое сердце гордостью, что Вережанинъ русскій, вродѣ русскій*). Жаль, нѣтъ вѣста. Уважающій васъ
Н. Крамской.

C. Къ П. М. Третьякову.

20-го марта 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прилагаю вамъ листки изъ каталога Вережанина, съ примѣрными обозначеніемъ цѣнъ, для толченія воды, какъ вы выразились. Я старался поставить цѣны, сравнительно съ другими картинами, какія у насъ вообще существуютъ. Цѣны, казалось бы, не очень дороги, принимая въ расчетъ путешествія автора; но, не копнѣя дѣла, бросаю — переуважалъ. Сумма уже вышла огромная, а между тѣмъ между пейзажами и отдѣльными фигурами есть вещи, кажется, необходимы. Словомъ, я не могу заниматься этимъ, и прошу васъ меня великодушно извинить. Я бы вовсе отказался отъ оцѣнки съ удовольствіемъ, но такъ какъ вы просили, то я рѣшился дать образчикъ.

Деньги 1,000 руб. серебромъ я получилъ и по полученіи письменнаго увѣдомленія отъ Савицкаго, куда ему выслать ихъ (которое скоро получу), я отправлю немедленно, и буду просить его выслать вамъ рисунку. Портретъ Нв. Алекс. Гончарова въ воскресенье будетъ совсѣмъ копченъ.

Полагалъ я выхвѣть въ вторникъ на страстной, но Цесаревичъ при-
слалъ за мной сегодня, чтобы дать мнѣ нѣсколько семисовъ до праздника,

*) Весь этотъ отзывъ Н. Н. Крамского былъ тогда же помѣщенъ В. В. Стасовымъ въ его статьѣ о Вережанинѣ, явленнаго имъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1874 г. № 77.

Ред.

такъ какъ у него это время будетъ свободно. А пелону я буду въ состояніи выехать только въ пятницу, чего я не сдѣлаю, такъ какъ встрѣтить праздникъ я общаюсь дѣтями въстѣ. Стало быть, я выѣду только въ 1-ю день праздника и въ понедѣльникъ буду въ Москвѣ. Картину мою я самъ покраю ланомъ. Поставить же, все равно, товарищи, я полагаю, служить.

Картины укладываются, и послѣзавтра, т. е. въ пятницу, будутъ отправлены въ Москву.

Глубоко уважающій васъ

И. Крамской.

СІ. Къ В. В. Стасову.

23-го марта 1874.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Къ тому, что я сообщилъ вамъ изъ лекціи Прахова о Реньо, много прибавить не могу. Перечисляя его картины, въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія, о каждой почти изъ нихъ онъ ставитъ вопросъ, по поводу содержанія картины, входящаго сюжета нѣсколько двусмысленными, относительно внутренней, такъ сказать, добродѣтели сюжета. Отдавая справедливость силѣ и энергіи таланта, онъ находилъ задачи его нѣсколько романтическими, сродни Делакруа, какъ по отсутствію трезваго отношенія къ действительности, такъ и по кинувости и богатству колорита. Въ Италіи Реньо особенно поразилъ Микель-Анджело, и рядомъ съ этимъ—его современникъ Фортуні. Какъ свидѣтельство того и другого, лекторъ привелъ выдержки изъ писемъ Въ Испаніи, увлекался Веласкесомъ, у Реньо родилось желаніе органически соединить достоинства обоихъ художниковъ; у него было страстное желаніе создать что-либо могучее, колоссальное (выдержки изъ писемъ). Говоря объ этой порѣ развитія Реньо, Праховъ дѣлаетъ предположеніе, на какомъ образѣ возникла идея объ историческомъ портретѣ Прима. Личности толпы народа, возмущенное состояніе задраннаго общества, связи его съ республиканцами, все группировалось счастливо къ тому, чтобы, при первой встрѣчѣ съ генераломъ въ какомъ-нибудь салонѣ, картина вся цѣлкомъ могла отчетливо нарисоваться въ мозгу художника. Встрѣча состоялась, Реньо сдѣлалъ предложеніе, Примъ его принялъ, и вотъ явилось удивительное, героическое произведеніе, которое однако-жъ Приму не понравилось. Затѣмъ слѣдовали разсужденія о томъ, что историческій родъ въ Франціи, послѣ Деларома, понижался и мельчалъ, требовалъ появленія особаго новаго таланта, и Реньо, казалось, могъ бы поднять его до требуемаго уровня. Въ заключеніе былъ поставленъ вопросъ прямо о томъ, почему такая богатирская сила потрагилась на такіе двусмысленныя задачи? Я ожидалъ отвѣта, но его почему-то не послѣдовало. Однако-жъ изъ

всего, что сдѣлалъ Реньо, Праховъ исключаетъ отъ упрековъ портретъ Прима.

Послѣдняя лекція замыкала въ себѣ сначала сравненіе романскихъ элементовъ съ германскими въ области искусства. Романскія племена одарены особою чуткостью къ красотѣ внѣшней формы и въ то же время пониманіемъ внутренняго міра; отсюда: картинность и колоритъ. Германцамъ сродни по преимуществу внутренніе, сердечныя движенія и очень малая доля пониманія, и чуть-ли не полное отсутствіе чувства пластики въ смыслѣ древне-греческомъ; отсюда: колоритъ по преимуществу при натурализмѣ формы во всѣхъ ея уродливостяхъ и недостаткахъ. Затѣмъ, сравнивая живопись съ скульптурой, онъ приводитъ примѣры, что именно доступнѣе тому или другому роду искусства. Примѣровъ величественныхъ для сравненія онъ брать не хотѣлъ и указалъ на слѣдующіе, напирѣвъ: горящіе уголья уродливы будутъ въ скульптурѣ, тогда какъ живопись двумя-тремя ударами кисти достигаетъ идиализма; то же можно сказать и о лицѣ сморщенной старухи; напротивъ, молодые и красивое лицо какъ-бы просится въ скульптуру. Живопись, въ обширномъ смыслѣ, есть собственно *исторія* жизни человѣка, индивидуума; область скульптуры—одна только *пластика*. Вотъ почему греки, опровергающіе силы видной природы, искали формы, и вотъ почему Рембрандтъ такъ любилъ человѣческое лицо, ниспославъ слѣды прожитаго времени. Лекторъ предлагаетъ проверить это положеніе. Послѣ того, опять послѣдовали разсужденія о греческомъ искусствѣ и о новой струѣ христіанской религіи. Внутренняя сила идеаловъ сопровождалась сильною искусствомъ. У романскихъ народовъ связь съ прошлымъ міромъ никогда не прекращалась; германцы же, какъ свободные отъ этой связи, представляютъ народъ будущаго. Изъ сравненія того, какъ народъ выражаетъ свою похвалу о художественномъ произведеніи, можно опредѣлить и его особенности. Итальянецъ въ этомъ случаѣ говоритъ—*carino*, французъ—*superbe*, а нѣмецъ—*Character*. Въ настоящее время въ Италіи господствуетъ приторный натурализмъ, но самая техника, неисчерпаемая сторона скульптуры стоитъ на огромной высотѣ, и если Италіи суждено возродиться, то въ ихъ рукахъ будущее пластики; въ настоящее время есть пошлости уже водворяющія надъ пошлостью. Монтеверде въ скульптурѣ то же, что Морелли въ живописи. Совѣтъ иная причина скульптуры во Франціи: она родилась подъ вліяніемъ идеи революціи. Грандіозность и мужественный стиль лежатъ на ваяніи французовъ, но нельзя же не имѣть скульптуры и германцамъ, и вотъ они просто подражаютъ классическимъ произведеніямъ. Есть два способа подражанія скульптурѣ грековъ. Одинъ—самостоятельный, при которомъ крупныя явленія действительности, отблекаемыя художникомъ отъ примѣсей, идеализируясь, олицетворяются,

другой — простое копирование. Французы идут переманывать, нѣмцы вторятъ; но какъ французы часто впадаютъ въ излишества и превеличешя, желая создать грандиозное, дѣлаютъ ходячее, такъ нѣмцы, изображая грековъ и боговъ, придаютъ имъ натуралистическія формы, впадая въ тривиальность. Послѣ того пошли картины, картины, картины. Лекція началась поздно. Миѣ нужно было уѣхать въ 1/2 десятого, а это и сдѣлать.

Въ томъ, что вы привели конъ слова, въ вашей статьѣ о Верещагинѣ, бѣды нѣтъ, разумеется, а я какъ благодаренъ за такое расхожденіе, но, къ сожалѣнію, это было слишкомъ неожиданно для меня, и потому такое указаніе и ссылка вызвали, какъ я и ожидалъ, порицаніе меня со стороны художниковъ. А вѣдь я живу между ними и осужденъ жить. Отъ этого нуга быть неудобна, и большія, лично для меня. Хотя я, конечно, не думаю брать ни одного слова назадъ, и готовъ отвѣчать гдѣ угодно за свои слова и поступки.

На послѣднюю замѣтку вашу я не знаю, что сказать. Если и въ самомъ дѣлѣ нравственность откажетъ, то что-жъ тутъ дѣлать? Но я знаю одно, что въ настоящее время въ Петербургѣ находится Z (московскій), который является компаніономъ Третьякова, по покупке всей коллекціи для Москвы, гдѣ они полагаютъ выстроить особое зданіе, музей, въ центрѣ города, куда и думать помѣстить всю выставку, чтобы она была открыта постоянно для публики. Но это пока никому не должно быть извѣстно, по крайней мѣрѣ меня объ этомъ просилъ Третьяковъ, который явился въ первый день открытія выставки, и на другой день заявилъ Гейнсѣ, что онъ покупаетъ всю коллекцію, если не купитъ нравственность. Можетъ быть, дѣло не такъ дурно. Что касается обѣда или вообще ѣды *), то я не знаю, какъ это сдѣлать. Я приму, разумеется, участіе, но содѣлать этому, говорить объ этомъ, поднимать, словенъ, этотъ вопросъ я не могу, и не могу, не потому, чтобы я не сочувствовалъ и не хотѣлъ, а потому, что меня не послушаютъ, внимательство мое повредитъ дѣлу. Художники слишкомъ часто были мною оскорбляемы, и что бы я ни издвигалъ сдѣлать, миѣ особенно это трудно. Главнымъ образомъ этотъ вечеръ сдѣлало бы (мое мнѣніе) устроить не отъ имени художниковъ даже (хотя и это хорошо), а отъ имени представителей науки и литературы, художники же будутъ, разумеется, рады принять участіе.

Вашъ Н. Крамской.

Сейчасъ узнали, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и нѣкоторая лида, и не одно, а много, возмущены тѣмъ, что вы назвали мое имя въ статьѣ. Еслибы еще, говорятъ, онъ привелъ бы только слова изъ письма, ну, это бы еще

*) Обѣдъ въ честь Верещагина.

ничего; а то вѣдь, смотрите пожалуйста, это говорить онъ, а его вынѣ можно слушать... и проч., и проч., и проч. Словомъ, положеніе нехорошее; но я вамъ пишу это не съ тѣмъ, чтобы жаловаться и упрекать васъ — зачѣмъ вы меня не спросили объ этомъ, хотя это было бы и лучше, а за тѣмъ, чтобы показать, что я и въ самомъ дѣлѣ не могу принять участіе въ устройствѣ вечера. Какъ я догадывался, такъ оно и есть въ дѣйствительности. Одно для меня вопросъ: сколько я знаю (разумеется, по слухамъ), литература не особенно сочувственно и отнесется пожалуй къ тому, чтобы поднимать шумъ изъ-за искусства.

Впрочемъ, какъ знаете, вамъ это видѣть. Я только полагаю бы, что такъ какъ Верещагинъ не просто только художникъ, а нѣчто больше — онъ производитъ впечатлѣніе не одними сторонами искусства своего, но и свойствами своихъ идей, къ чему равнодушнымъ нельзя оставаться самому отзывчивому интеллигенту, то на этотъ только основаніи я и полагаю бы приличнымъ взять инициативу устройства вечера представителями печати. И это была бы дѣйствительно для него честь достойная, но одно — приметь ли еще Верещагинъ? Говорятъ, онъ способенъ устроить иногда и нѣчто неожиданное. Извините за беззвучность.

Уважающій васъ Н. Крамской.

СП. Къ П. М. Третьякову.

8-го апрѣля 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Успокойтесь. Дѣла обстоятъ благополучно. Вотъ вамъ отчетъ моего объясненія съ Гейнсомъ. Я сказалъ ему прежде всего слѣдующее: «Я воротился только что изъ Москвы, и меня просилъ Пав. Мих. Третьяковъ просить васъ сообщить ему условія, на которыхъ приобретена коллекція Верещагина; я видѣлся съ нимъ вчера. Перехъ праздниками же, я получилъ отъ Павла Михайловича уведомленіе, что Z ѣдетъ въ Петербургъ отъ имени образовавшейся компаніи въ Москвѣ для приобретенія всей коллекціи, съ тѣмъ, чтобы устроить особое помященіе, куда помѣстить, не раздробляя ее, и чтобы галлерея была постоянно открыта для публики». На это Гейнсъ сказалъ: «Мнѣ собственно все равно, кто приобретаетъ коллекцію, условій еще не было заключено, но были словесныя условія при третействѣ лицъ, при Жемчужниковѣ, который всѣ заключался въ томъ только, что «коллекція не можетъ быть дѣлана, продаваема, и должна быть открыта постоянно». Вотъ и все. На Огонной я жду Z, чтобы заключить нотаріальнымъ порядкомъ эти условія». Тогда я просилъ позволенія сообщить ему нѣсколько подробностей, нѣтъ ли извѣстныхъ, можетъ быть болѣе, чѣмъ ему, и разсказать, что слышалъ

отъ васъ въ общихъ чертахъ, и о письмѣ къ вамъ отъ Верещагина, и въ заключеніе спросилъ, что онъ думаетъ? Тогда онъ сказалъ: «Ну хорошо же. На Огненной недѣлѣ Z будетъ, мы заключимъ условіе, какъ я вамъ уже сказалъ, что коллекція не должна быть раздробляема, и постоянно открыта, и тогда я сообщу копію П. М. Третьякову». Я говорю: «Вы позволите мнѣ сообщить Павлу Михайловичу нашъ темеренскій разговоръ, ваше превосходительство?» — «Хорошо, сообщите!» На этомъ мы разстались. Я только что воротился отъ Гейнса, и вижу къ вамъ. Дѣло, какъ видите, поставлено правильно, и тревожиться вамъ нѣтъ никакого повода. Надо спокойно выждать развязки. Не принимать никакого предложенія о дѣленіи коллекціи. Мнѣ сдается, что Z неосторожно самъ себя поставилъ въ затруднительное положеніе. Гейнсъ предупреденъ. Условія словесныя совершенно согласны съ тѣми, которыми вамъ сообщаетъ Верещагинъ, только онъ прибавляетъ статью и о наследникахъ еще. Но вѣдь это согласуется съ вашими наміреніями; стало быть, мнѣ остается только радоваться такому хорошему кону, и, сообщая вамъ все это, я считаю себя счастливымъ, что обстоятельства поставили и меня нѣсколько прикосновеннымъ къ этой исторіи.

Извиняюсь очень передъ вашею супругою, что уѣхалъ изъ Москвы, не засвидѣтельствовавъ ей лично своего уваженія. Глубоко уважающій васъ
И. Крамской.

СIII. Къ нему же.

13-го апрѣля 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пишу къ вамъ въ большихъ торопяхъ. Сейчас былъ у Гейнса: онъ просилъ записку придти къ нему. Дѣло въ томъ, что онъ не написалъ вамъ до сихъ поръ ничего, потому что былъ введенъ въ заблужденіе, и ждалъ, когда прійдетъ Z, и тогда уже васъ навѣститъ. Въ этомъ онъ теперь кается передъ нами. Но Z, вѣроятно, вели дѣло въ самомъ дѣлѣ такъ, какъ будто не они покупаютъ, и потому ваше письмо послѣднее къ Гейнсу открыло ему глаза, и онъ меня просилъ вамъ телеграфировать (что я уже сдѣлалъ), что Z по разнымъ недоразумѣніямъ (о которыхъ мы съ вами говорили уже) ѣдутъ въ Москву и будутъ предлагать вамъ то, что вы уже раньше имъ предлагали, послѣ письма Верещагина. Дѣла повернулись хорошо. Только Гейнсъ просилъ меня и васъ не знать, что вы и я знаемъ все это отъ него (то есть пока не знать), до тѣхъ поръ, пока Z не явится къ вамъ съ письмомъ отъ Гейнса, и что вы узнаете отъ Z все это въ первый разъ.

Во всей этой, дурно построенной махинаціи, не смотря на то, что эту махинацію устроилъ ученикъ Лойоли, больше всего некрасиво положеніе самого Z. Я говорилъ, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло: съ Верещагинымъ шутить нельзя. Гейнсъ все время думалъ, что Z — упономоженный и только, но такъ какъ дѣло оказалось иначе, то онъ и возвращается къ своему главному хозяину. Я полагалъ бы, что сдѣлалъ бы темеръ уже не допускать Z даже въ участіе; впрочемъ, виновать, я уверенъ, что вы сдѣлаете все отлично и безъ чужихъ совѣтовъ.

Не знаю, что найдете вы изъ всего этого марафа, но ужасно горю, чтобы свезти на желѣзную дорогу письмо и чтобы вы возможно своевременно получили.

Уважающій васъ

И. Крамской.

СIV. Къ А. Д. Чиркину.

Суб., 28-го апрѣля 1874 г.

Милостивый государь Александръ Дмитриевичъ. Ради самого Бога извините великодушно за все, что случилось по моей винѣ. 11-го апрѣля я отправилъ съ натурщикомъ вамъ мошбертъ въ Москву. Квантію онъ, по возвращеніи, отдалъ моей женѣ — меня не было дома. Потомъ оказалось, что квантія потеряна, и сколько мы ни искали, ея не оказывалось. Я не зналъ, что мнѣ и дѣлать, но, къ счастью, сегодня она отыскалась. Спѣшу вамъ ее послать. На ней, какъ вы увидите, стоитъ имя получателя, Мясоедова: это произошло по ошибкѣ натурщика, но я полагаю, что это не помѣшаетъ вамъ получить свою вещь. Вамъ придется уплачивать полежалое (за храненіе) на желѣзной дорогѣ, и все благодаря моей несправности. Я не знаю, какъ мнѣ съ этимъ быть и какъ это поправить. Но ужъ будьте великодушны, при случаѣ взмните съ меня. Черкните словечко, какъ все это устроится, да не забудьте и харьковской исторіи о ватинъ и графа съ Передвижной выстави за неправильную торговлю. Искренно уважающій васъ
И. Крамской.

Вчера я послалъ картину Саврасова съ тѣмъ же натурщикомъ Ипаномъ и онъ ухитрился потерять квантію совсѣмъ. Съ желѣзной дороги выдали только №, за которымъ кладъ отправлена — не знаю, что и дѣлать

CV. Къ П. М. Третьякову.

4-го мая 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Со Стасовымъ я видѣлся въ день вашего отъѣзда — встрѣтилъ его на Невскомъ. Сообщилъ ему резу-

татъ всего, что касается до коллекцій Вережанина, просить его усюнобиться, ничего не писать, и все дѣло продать волѣ Божией, и онъ согласился. Послѣ этого онъ обратился ко мнѣ съ просьбой написать кѣмъ о томъ, нельзя ли помѣстятъ, при выставкѣ Вережанина въ Москвѣ, выставку произведеній покойнаго Гартмана, архитектора. Онъ очень хлопочетъ для вдовы, и не столько впрочемъ для нея, какъ вообще для памяти Гартмана. Мѣста ему, какъ онъ говоритъ, нужно немного. Его просьба, стало быть, заключается въ томъ: чтобы ему позволили распорядители выставки Вережанина поставить гдѣ-нибудь возлѣ—рисунки и фотографіи Гартмана. Расходы онъ беретъ на себя, онъ только проситъ указать, къ кому обращаться, если вообще изглянуть на это благосклонно. Ему важно то, что народу будетъ много на выставкѣ, а стало быть имя Гартмана и его заслуги будутъ при этомъ оценены большинствомъ людей.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CVI. Къ И. Е. Рѣшину.

Спб., май 7-го 1874 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ, каково я зарекомендовалъ себя! Больше мѣсяца не отиѣчалъ. Письмо ваше я получилъ въ первыхъ числахъ апрѣля, а теперь—май. Но дѣло сдѣлалось и не воротились. Последнее ваше письмо такое интересное, большое и хорошее, что особенно было непростительно для меня не собраться до сихъ поръ. Одно, что можетъ ослабить наши упреки—это то, что когда вы узнаете, что, кромя васъ, еще три человѣка претендуютъ на меня за то же самое, а именно: Антокольскій, Савицкій и Мясоедовъ, то, быть можетъ, вы скажете... не происхождение (нѣтъ), а подѣлкатичнасте нападать на меня вмѣстѣ съ другими въ одно время. Быть можетъ, вы скажете: «Вотъ съ нимъ, довольно съ него трехъ, и его собственнаго сознанія». И такъ, безстрашно продолжаю. Дѣло въ томъ, что мнѣ бы хотѣлось на ваше послѣднее письмо отиѣчать на всѣ ваши пункты, но... во 1-хъ, вы могли и сами забыть о чемъ писалъ, то есть, забыть интересныя подробности, а во 2-хъ, случилось съ того времени такъ много интереснаго, что мнѣ приходится, никуда все, заняться прежде всего по-стоящими Петербурга.

Хотѣлъ начать съ выставки Вережанина (тажикентскаго), но она тоже составляетъ прошлое. Къ тому же, вамъ вѣроятно многое извѣстно уже изъ писемъ В. В. Стасова. Отъ себя прибавлю: что вещи Вережанина—вещи дѣйствительно оригинальныя и удивительныя, во многихъ отношеніяхъ. Вы знаете, что говорить въ живописи о такихъ вещахъ, которыя намъ обоня знакомы и которыя вы оба видѣли, чрезвычайно интересно

и даже бываетъ поучительно; но когда одинъ изъ насъ не выдастъ, то описаній ни къ чему не послужатъ. Единственное, что еще возможно: это обоній смыслъ произведеній, то есть, та сторона искусства, которая и въ наукѣ, и въ литературѣ одинакова, и которая, влѣдствіе этого, можетъ быть вызвана въ нашъ умъ, какъ безформенное представленіе. Но, хотя эта сторона въ Вережанинѣ чрезвычайно сильна, однако-жъ онъ такъ художникъ, что его надо видѣть непремѣнно. Какъ доказательство своего мнѣнія приведу примѣръ. Годъ тому назадъ, у Гуня въ мастерской я видѣлъ фотографіи со многихъ картинъ, которыми теперь были выставлены. Указывая на нѣкоторыя фотографіи, Гунь говорилъ, что вотъ такая-то картина въ натуральную величину, а вотъ эта въ полъ-натурѣ, а эти маленькія, и я удивлялся тому, что многа вещи мнѣ казались лишенными содержанія, и чѣмъ больше картина, тѣмъ меньше его (то есть содержанія). Между тѣмъ, когда картины были на лицо, многое стало ясно. Напримѣръ «Двери Тамерлана», или еще лучше «У дверей мечети»: въ натуральную величину, рѣзныя деревянныя двери въ каменной стѣнѣ, и по бокамъ двѣ фигуры, стража, тоже въ натуральную величину, и только. Никакого содержанія, по крайней мѣрѣ видимого, но это—историческая картина. Это одинъ изъ тѣхъ рискованныхъ сюжетовъ, гдѣ живописецъ, и только она одна, можетъ что нибудь сдѣлать. Написана она поразительно, въ полномъ смыслѣ слова, и будь она только на волость ниже въ техническомъ отношеніи—и исторической картины не существуетъ. Эти тяжелыя, странно старыя двери съ удивительною орнаментациею, эти фигуры, сонныя, неподвижныя, какъ пуговки къ дворлѣ, какъ мебель какая-нибудь, какъ тотъ же орнаментъ, такъ переносятъ въ Среднюю Азію, въ эту отжившую и неподвижную цивилизацію, что напишите книгъ, сколько хотите, не вызовете такого впечатлѣнія, какъ одна такая картина. Вережанинъ—явленіе высоко поднимающее духъ русскаго человѣка. Это человѣкъ оригинальный и вполне самобытный, не смотря на то, что онъ много времени провелъ за границей, и усвоилъ себѣ всѣ техническіе приемы западнаго искусства, только съ нѣкоторой поправкой, ему одному принадлежащей. Черезъ это, видѣть его—истинное наслажденіе, и какая разница съ Харламовымъ! Какъ вы вѣрно охарактеризовали и его, и то неудовольствіе, которое должно охватить родителей, при видѣ такой премудрой латыни у ихъ дѣтница, съ примѣсомъ впрочемъ большой доли благоговѣнія (благоговѣніе относится къ родителямъ, а не къ дѣтницѣ), все это теперь воочію совершается, юта въ югу. Очень вѣрно. По моему, его «Итальянка», въ ростѣ, сдѣлавшая впечатлѣніе въ Парижѣ, чуть ли не самая невозможная изъ всѣхъ его вещей. И опять, какъ при полвленіи Самарскаго, и долженъ молчать, пока не пройдетъ горячка. Говорить что-либо, за-

чить—завидовать, по общему мнѣнію. Убѣдить нельзя, и такъ какъ это живопись, то тутъ слова ни къ чему не послужатъ: надобно дѣло. А Харламова предоставить собственной судьбѣ. По возвращеніи въ Россію годика черезъ три, онъ самъ постарается это сдѣлать, какъ одинъ подобный ему уже и постарался. Понимаетъ, увидимъ.

Выставка академическая вѣчто очень любопытное, это такая невозможная выставка, что не много было такихъ даже у насъ. Тутъ все есть: и промѣловидныя вещи, и отъ Беттгофа, и отъ Фельтена, и изъ настоянной выставки, и изъ частныхъ галлерей, работы иностранныхъ художниковъ, и хотя это не Богъ вѣсть что, но все есть хоть что-нибудь. Но то, что можно отнести къ продуктамъ новымъ, неизданнымъ, то все это можетъ быть раздѣлено на двѣ категории. Одна категория — В. П. Верещагина: «Поединокъ Алешки-Поповича съ Тугариномъ Знѣвичемъ» (сказка), другая — Аллери, помните? Промежуточное нѣтъ ничего. Вѣроятно виноваты, есть: Чижовъ! Но такъ какъ вы его вѣроятно видѣли въ Вѣнѣ, то и распространяться нечего. Вы знаете, что это такое, а вѣдь многимъ нравится! Объ статутѣ Антокольскаго*) и получимъ подробный отчетъ и даже съ чертѣжкомъ Мясоедова (который теперь заграницей). Ему вещь его, Антокольскаго, очень нравится—это пріятно. Жаль только, что мы ее, пожалуй, не увидимъ.

12-е мая. Опять перерывъ. Дѣло въ томъ, что у меня скопилось громадное количество дѣла, ничтожныхъ въ сущности, но отнимающихъ время ужасно. На праздникахъ я вѣдѣлъ въ Москву. По возвращеніи участвовалъ въ разныхъ комиссіяхъ и комитетахъ (о Волжѣ!) по памятнику Пушкина, во 2-хъ, по чтенію народныхъ лекцій въ Соляномъ городѣ, потомъ по составленію отчета нашего Товарищества, потомъ свои собственные дѣла, потомъ кто-нибудь придетъ, потомъ минію короткія сѣверныя ночи; не успѣешь оглянуться, какъ 12 часовъ ночи, потомъ необходимость вставать дѣломъ рано, стало быть надо раньше ложиться, и т. д., и т. д., словомъ, не успѣешь никакъ ухватить часа, чтобы отвести душу побесѣдовать. Не изыщите, мой добрый Илья Ефимовичъ, что я такъ долго не писалъ; вѣдь вотъ вы не помните же, дожидаетесь на свое письмо отвѣта—это натурально, и я бы такъ же поступилъ. Полагаю, что въ будущемъ стану опять исправнымъ. Вотъ недѣлю черезъ 1½ переѣдемъ на дачу около Петербурга, и если побѣду внутри Россіи, то въ концѣ іюня или въ іюлѣ, на мѣсяцъ, на полтора — иначе нельзя: дѣти должны поступить въ гимназію въ августѣ... вотъ какъ, уже дѣти въ гимназію... Господи, что-жъ это такое! Прозѣвалъ жизнь. Не успѣешь оглянуться, какъ помереть

*) «Христость».

и подъ гору... Ну, да объ этомъ лучше не думать. Все кажется, что молодѣть, что способенъ учиться, идти впередъ, а Богъ знаетъ, такъ ли это? Дорого бы я далъ, чтобы хоть недѣлю сдѣлаться другимъ человѣкомъ и посмотреть на себя со стороны, чтобы нѣтъ возможности судить себя, какъ другого. Ну, да объ этомъ заговаривать тоже не особенно пріятно. Это значить ставить другого въ положеніе непріятное,—и продолжать-то въ томъ же тонѣ разговоръ не хорошо—тяжело, да и деликатность какъ-то заставляетъ сказать что-нибудь пріятное человѣку. Это-то я понималъ, и только разболтался на эту тему, потому только, что вы, я знаю, и бровью не пошевеливаете, не дадите мнѣ замѣтить, что скланила мое сужденіе.

Получилъ я письмо отъ Савинскаго—второе. На первое—я не отвѣчалъ, а на это нужно, потому, что я сдѣлать переводъ къ нему денегъ, чрезъ контору Випекена. Завтра пошлю къ нему вѣсель.

На этомъ останавливаюсь, чтобы послать наконецъ письмо къ вамъ, а то это Богъ знаетъ что будетъ. Хотѣлось бы помянуть кисти близкому — Боголюбову. Ну, да это до другого раза. Клянется моя жена вашей — усердно, и я тоже. Письма пишите на городской адресъ.

Глубоко уважающій и преданный вамъ Н. Крамской.

СВІІ. Къ П. М. Третьякову.

21-го мая 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ я писалъ вамъ о желаніи В. В. Стасова показать публикѣ вещи покойнаго Гартмана, и, чтобы ихъ видѣло возможно большее число посѣтителей, выставить ихъ при коллѣкціи Верещагина. Не зная, какъ это сдѣлать и къ кому обратиться, я писалъ вамъ, какъ члену Общества любителей, и просилъ написать уже прямо В. В. Стасову, для чего прилагалъ и адресъ. Время выставки Верещагина приближается, а между тѣмъ В. В. Стасову еще неизвестно. Будьте такъ добры, если можно устроить что бы то ни было въ пользу нанятія Гартмана, то извѣстите, чтобы нѣтъ время Стасову распорядиться послать людей закупающихъ и все устроить на мѣстѣ. Ни Обществу, ни вамъ хлопотъ не будетъ никакихъ. Нужно только знать, когда открывается Верещагинская выставка. Мѣста для вещей Гартмана немного нужно, компани дѣтъ маленькихъ, или одну большую.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CVIII. Къ нему же.

9-го июня 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Бить можетъ письмо это вѣрить вамъ лично Ник. Алекс. Александровъ, мой хороший знакомый, котораго вамъ позволите рекомендовать. Онъ писатель, заявившій уже себя давно, но въ последнее время особенно обратившій на себя вниманіе своими сочиненіями по этнографіи Россіи и книжками для юношескаго возраста: «Народы Россіи» и «Волга». Кромѣ того онъ художественный критикъ; въ последнее время, послѣ изгнанія Пашуткина изъ редакціи «Голоса», онъ помѣщаетъ свои статьи тамъ, и всѣ пишущіе и читающіе этогъ отдѣла замѣтили ихъ. Въ Москвѣ онъ жалуется, между прочимъ, осматривать галлереи, и потому будите такъ любезны, способствуйте чѣмъ можете.

Пользуясь случаемъ пераать просьбу Ив. Алекс. Гончарова: сдѣлать съ моего портрета фотографію: онъ нуждается въ 2-хъ—3-хъ экземплярахъ синьковъ, величиною—голова немножко меньше серебрянаго рубля; да за одно ужъ и карточки (если можно, прибавляеть). Фотографію онъ общалъ г. Полевану, издателю «Исторіи русской литературы». Туда уже далъ портретъ и Тургенева. Последнее письмо мое было написано въ Публичнѣйшій библіотекѣ у Стасова—вотъ почему оно такое, если вы замѣтили, негнѣливое, или, лучше, похожее на отомщеніе. Глубоко уважающій васъ

Н. Кранской.

CIX. Къ нему же.

26-го июня 1874.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Фотографію съ усѣхъомъ можете сдѣлать Дьягаченко, я думаю; все, что я видѣлъ его съ картинъ—очень хорошо. Тулиновъ, лигъ кажется, не годится для этого; впрочемъ, я не указываю непремѣнно на кого-нибудь, вамъ это знать лучше. Я, наконецъ, и не всѣхъ фотографовъ знаю въ Москвѣ, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. При этомъ я передаю вамъ просьбу А. К. Гейнса: онъ вамъ далъ письмо В. В. Верещагина, въ которомъ самъ Верещагинъ говоритъ о своихъ будущихъ критикахъ, по поводу его произведеній. Гейнсъ проситъ васъ возвратить это письмо, списавъ съ него копию для себя. У него какъ-то зашла рѣчь со Стасовымъ о Верещагинѣ, и Гейнсъ сказалъ, что самъ Верещагинъ впередъ скажетъ все, какъ случится.

Жарко. Въ голодѣ ни одной мысли, и я все еще пребываю въ городѣ, вожусъ съ портретомъ Наслѣдника, и только разъ въ недѣлю бываю у

семьи на дачѣ. Изъ Петербурга не уйдю раньше конца августа, пока дѣти не поступятъ въ гимназію.

Картину подвину до своего выѣзда здѣсь.

Глубоко уважающій васъ

Н. Кранской.

CX. Къ А. Д. Чиркину.

Августа 1874.

Многоуважаемый Александръ Дмитриевичъ. Только сейчасъ я получилъ ваши три письма, можете себя представить? Теперь вамъ ясно, почему вы отъ меня не могли получить никакого отвѣта. Я еще не въ городѣ, а въ деревнѣ. Въ Петербургѣ буду около 15-го сентября. Въ довершеніе несчастія, я уѣзжалъ на нѣсколько дней на этюды, и только что вернулся. Однако-жъ, я не до послѣдней степени безпеченъ: я писалъ Н. Н. Гѣ, чтобы онъ все сдѣлалъ, что нужно въ Москвѣ; въ Петербургѣ онъ долженъ былъ воротиться около 20 августа, но, къ удивленію моему, не пріѣхалъ отвѣта до сихъ поръ. О деньгахъ, которыя вы писали высылать въ Москву С. П. Тихомирову, я тотчасъ же написалъ въ Петербургъ, и полагаю—все будетъ сдѣлано. Сяиска и цѣны картинамъ у меня нѣтъ, все это у Н. Н. Гѣ, которому я написалъ немедленно. Сколько помню, продаются: Клодта пейзажъ «Утро» съ барашковыми облаками—за 500 руб., Мясоедова — за 3,000 руб., и Маковского «Охотникъ»—500 руб., а остальные по 200 р.; Прянишниковъ «12-й годъ» — 1,000 руб., а другая—700 руб. Ради сего Создателя, извините за тѣ непріятности, которыя я вамъ причинилъ неволью. Вспомнилъ: Боголюбова «Ледоходъ» — 3,000 руб., «Петровский юбилей» не продается, а маленькія его—по 100 руб., исключая той, которая побольше: та—200 руб. Этюдъ Мясоедова—150 руб., Максимовъ «Мальчики у ручья» — 400 руб., а «Дѣвочки» — 350, кажется; Васнецова—700 руб.; Маковского Константина (профессора) «Урокъ пражки» — 1,000 руб. и, кажется, только. Остальные не продаются. О Воронежѣ я напишу, когда увижусъ съ Н. Н. Гѣ. Уважающій васъ Н. Кранской. Богъ судья Перову—обойдемся и безъ него *).

CXI. Къ П. М. Третьякову.

12-го августа 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. И портретъ, и карточка съ портрета Ивана Александровича вышли, извиняте, неудовлетворительно

*) См. ниже, стр. 233.

такъ что я не отправлялъ ихъ къ Ивану Александровичу. Портретъ надо было бы ретушировать, и никому другому какъ мнѣ, но безъ оригинала я этого не могу сдѣлать. Что касается самаго оригинала, мною написаннаго, то вы напрасно осторожно отзываетесь о томъ, что фигура кажется длинна. Она безобразна. Я это видѣлъ еще здѣсь, но какъ тогда рѣшился привезти его къ вамъ, то такъ и оставилъ, имѣя намѣреніе поправить его, когда получу отъ васъ обратно на выставку (Иванъ Александровичъ согласенъ). Я глубоко раскаявался, что привезъ вамъ его въ Москву, и дать себѣ слово—никогда въ другой разъ этого не дѣлать. Меня собственно тогда заставилъ сдѣлать это ложный стыдъ. О томъ, что портретъ будетъ въ Москвѣ, я и вамъ писалъ, и Гончарову сказалъ, и хотя видѣлъ подъ конецъ, въ чемъ дѣло, но повестъ, имѣвъ въ мысляхъ передѣлать, но вы меня изобличили, и я наказанъ. Что касается портрета Ив. Серг. Тургенева, то признаюсь, хотя мнѣ было бы и очень лестно написать его, но ностъ всѣхъ какъ-то неловко, особенно послѣ Рѣнина, котораго я очень уважаю. И извините, мнѣ не вѣрится, чтобы онъ написалъ не совсемъ удовлетворительно. Не повѣрю, пока не увижу. Извините, ради Бога, я такъ привыкъ вамъ вѣрить, что мнѣ не слѣдовало бы сомнѣваться, но все кажется, что Рѣнинъ, да еще въ Парижѣ, долженъ бы былъ написать. Я слышалъ отъ Стасова, мѣсяца полтора тому назадъ, что Тургенева будетъ писать еще Харламовъ, котораго самъ Тургеневъ чрезвычайно высоко ставитъ, и именно, какъ портретиста. Судите же, какъ рискованно приниматься ностъ всѣхъ. И все-таки сознаюсь, что попробовать и мнѣ хотѣлось бы, только едва ли это состоится когда-нибудь. Теперь онъ ухаживъ надолго. Ваше письмо объ этомъ я получилъ числа 28 или 29 іюля, пока оно дошло до Сибирской станціи (а написано оно было 22-го). Я тотчасъ похажъ въ Петербургъ, и пока разыскалъ его, много побѣгалъ. Въ магазинѣ Вазунова уже мнѣ указали, что онъ остановился у Демута, но оказалось, что Иванъ Сергѣевичъ 20-го іюля выхажъ за границу и я его, стало быть, не могъ увидать ни подъ какииъ видами. Что за странность съ этимъ лицомъ? И отчего оно не дается? Видѣ, кажется, и черты крупныя, и характерное сочетание красокъ, и, наконецъ, человекъ молодой? Общій смыслъ лица его мнѣ извѣстенъ, наконецъ фотографіи тоже дѣлаютъ свое дѣло, знакомить съ лицомъ, но близко мнѣ никогда не удавалось его видѣть; быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ правы всѣ художники, которые съ него писали, что въ этомъ лицѣ нѣтъ ничего выдающагося, ничего облачающаго скрътъ въ немъ талантъ. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ вблизи, кромѣ расплывающагося жиру и сентиментальной, искусственной задучности, ничего не оказывается. Но откуда же впечатлѣніе у меня чего-то львиного? Издали? Наконецъ, если и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего, и все въ сумъ-

ности ordinarily, ну и пусть будетъ эта смѣсь такъ, какъ она находится въ натурѣ. Впрочемъ все это гораздо легче сказать, чѣмъ увидать дѣйствительно и еще нуднѣе сдѣлать.

Искренно и глубоко уважающій васъ

Н. Крамской.

СХІІ. Къ И. Е. Рѣнину.

С.-Петербургъ, 26-го августа 1874 года.

Дорогой мой Илья Евфимовичъ, лѣто у насъ въ Петербургѣ было убійственное: вообразите, въ концѣ мая, я читалъ въ одномъ изъ фельетоннѣ «Сиб. Вѣдомостей», что какой-то календарь предсказывалъ погоду събдучицииъ образоиъ: іюнь (нужно какъ сказать, что весна была невозможно холодна) начнется вѣтрами и дождями, будетъ продолжаться холодами, дождями и вѣтрами, а окончится вѣтрами, дождемъ и холодами; іюль начнется бурями, дождемъ съ градомъ, будетъ продолжаться дождемъ, холодами и вѣтрами, а окончится еще похлѣднѣе; августъ начнется, будетъ продолжаться и кончится такъ же, какъ іюль; сентябрь начнется... но не довольно ли? Я вѣрю теперь предсказаніямъ, такъ какъ все сбылось въ точности, и въ настоящее время дождь стучитъ въ окна, вѣтеръ немилосердно завываетъ, и дача топится постоянно, на дворѣ почти не было вовсе лѣта. Работалъ мало и плохо, то есть не то, чтобы мало, но только выпило не много; изучалъ пейзажи, и велья сказать, чтобы очень успѣшно.

Вы пишете, что работали много, до одурѣнія, что надо и пора работать, такъ какъ 30 лѣтъ стукнуло, а вы еще немного сдѣлали. Что же сказать мнѣ, которому поменьше уже 38-й. Ой-ой, ей-Богу, подумаете, жизньъ какъ-будто къ-то украдена, или я ее самъ проспалъ. Не выдавать я ее, право не выдавать! Станные мы, русскіе люди! Все у насъ какъ-то «успѣшемъ», да «еще сдѣлаю», а смотришь, время и ушло, и ушло безвозвратно. Я теперь начинаю, точно передъ смертью, дорожить днями. Самъ на себя двуюсь, немножко поздно только; но лучше поздно, чѣмъ никогда. Подумайте только, не сегодня-завтра, человѣку 40 лѣтъ, а онъ еще въ нелѣнака. Такъ ли нужно работать? Перео мной открываются горизонты, я начинаю кое-что понимать, и даже овладѣлъ бы, еслибы еще имѣть вѣрныхъ лѣтъ 15. А! Какъ вы полагаете? Тинетъ меня вонъ изъ Петербурга, такъ тинетъ, что и рассказать вамъ не могу. Посмотрѣлъ я въ прошломъ году на Льва Николаевича Толстого, живеть себѣ безмятежно въ деревнѣ, и ничего, не тонетъ человѣкъ, а какъ вы думаете? Въ самомъ дѣлѣ, человекъ погибъ, если не будетъ толкаться по Петербургу, или это только такъ дугаютъ? Сдается мнѣ, что пугаютъ. Можетъ быть, для художника стужествуютъ большія опасости, чѣмъ для всякаго другого, но несомнѣнно, что,

сида въ центрѣ, такъ сказать, начинаешь терять нервъ широкой вольной жизни; слишкомъ далеко окранны, а народъ-то, что можешь дать! Боже мой, какой громадный родникъ! Нѣтъ только уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть; да потомъ и климатъ что нибудь да значить. Видѣть это по-жорь! Ни одного дня, чтобы можно было работать на воздухѣ, въ рубанкѣ; а вечера, надѣвая теплое пальто, лѣдѣть, да бѣгать, а не ходи, чтобы не замерзнуть. Тяжело меня вонъ, вотъ какъ тягнетъ! У васъ такъ хорошая компанія, работаете, а я тутъ въ одиночку. Скажите Савицкому: пусть помянетъ меня, бѣднаго. Низко кланяюсь, послѣдъ наиниу больше. — Видѣть статуя, то-есть фотографію Антокольскаго *).

И. Крапской.

СХІІІ. Къ П. М. Третьякову.

6-го сентября, 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я еще не въ городѣ, почтовая бумага вся вышла, и я, какъ видите, пробавляюсь, какая есть. Это, конечно неважно, но ужъ, извините, не могу не извиниться.

Съ глубокимъ и искреннимъ прискорбѣмъ узнавъ я, что разныя невеселыя мысли и чувства продолжаютъ возникать, какъ необходимаго послѣдствія огромнаго патріотическаго поступка, относительно картинъ Верещагина. Еслибы вы сдѣлали такое дѣло, за которое обыкновенно раздаютъ въ высшій Олимпа награды и винчанія, тогда всѣмъ бы было это понятно, а огромная, обыкновенно молчаливая въ этихъ случаяхъ (да и во всякихъ впрочемъ) толпа людей, составляющихъ такъ называемое общество, усиленно молчала бы; но за то всѣ, кто лично знакомъ съ вами и съ кѣмъ вы живете, постарались бы забывать къ вамъ, поздравить васъ, пожать вамъ руку и потомъ полетѣли бы на площади и стогамъ благодарить о вашемъ поступкѣ и, какъ о господнемъ покровительствѣ, наградахъ, которая всегда и неизбѣжно постигаетъ настоящаго гражданина. А то вы изъ несчастно тронуты тѣмъ, что называется идеей, и за то, роковымъ образомъ, вмѣсто награды, должны быть наказаны. Зачѣмъ такъ міръ устроенъ?

Я очень тронутъ тѣмъ, что вы не оставляете и меня въ покоѣ, и сообщате объ этомъ. Я считаю себя частью виноватымъ въ томъ, что случилось, и потому благодарю васъ за вниманіе — я горжусь этимъ. Портретъ Нв. Алекс. Гончарова, не смотря на перефразъ, разужется, останется въ тѣхъ же раздѣлахъ. Стасову напишу.

Уважающій васъ И. Крапской.

*) Статуя «Христосъ», съ которой фотографія была прислана М. М. Антокольскимъ В. В. Стасову.

СХІV. Къ И. Б. Рѣшину.

Сиб. 28-го сентября 1874 г.

Радуюсь я за васъ, дорогой Ілья Ефимовичъ, и за французскія радуюсь, что у нихъ есть Парижъ и «счастливая» Нормандія, и за климатъ таяношій радуюсь; только не радуюсь, что все покоряется художественной гиппоантиности Парижа. Это угнетаетъ нутъ художниковъ, правда, это даетъ блескъ, роскошь и ликованіе, положимъ, да только есть для человечества вопросы наиболѣе важныя, и если преобладаетъ въ жизни жила художественная — плохо, до конца нехалко. Всюду — такъ было, всюду — такъ будетъ. Вспомните Грецію, Римъ, Италію (вренеть Возрожденія). Сначала начинается потеря политической самостоятельности, экономическая неурядица, потомъ раздробленіе территоріи, потомъ всплываетъ на поверхность личный интересъ, предпочтительно порядъ интересами общественными, всѣ стали люди просвѣщенные, даже и свиньи по натурѣ, и въ качествѣ просвѣщенныхъ, полагающіе, что мнѣніе ихъ не обыкновенно глубокоумно, и принять его всѣ обязаны, уступить нельзя, такъ какъ и я знаю все то, что другіе. Понятно, что при этомъ будетъ раздвигаться всего громче голосъ золотой середины, и потому всякаго несогласнаго можно и принудить. Какъ вы видите, я самъ усерднымъ образомъ стараюсь оправдать вашу мысль, что климатъ петербургскій убиваетъ русское искусство и художниковъ, и я, находящій этотъ воздухъ, уже тронуть чухоткой, и потому, въ качествѣ такового, нѣмъ пессимистическій взглядъ на міръ Божій. А какой же взглядъ, по-вашему, нужно имѣть зрителю человѣку (художникъ видѣ тоже человѣкъ), который видѣтъ вещи, какъ онѣ есть, чувствуетъ подкладку всего совершающагося? И неужели же вы полагаете, что художнику хорошо имѣть наглядъ, такъ сказать, темная невнятная? Простите за иронію. Или вы думаете, что во Франціи нѣтъ глухихъ водежныхъ раскатовъ, которыхъ бы люди не чувствовали? Вотъ въ такія-то времена, подлое искусство и заманиваетъ шепелъ, ублаживаетъ стадо, отвращаетъ вниманіе и приглушаетъ зрѣлость, присущую человѣку! И что въ сущности ужаснаго въ положеніи художника въ Россіи, а васъ сарому? Что онъ не блистаетъ, что недостаточно цѣнятся, что наконецъ его голосъ не выслушивается съ особымъ почетомъ и благоговѣніемъ? Это не большая бѣда. Искусство въ общій экономическій общечеловѣческой, и особенно государственной жизни народа (пока все человечество не догадается устроить иной порядокъ), и не должно занимать очень видное мѣсто. Я скажу такъ: хорошо бы было, еслибы человечество, совершивши роковыя образцы свой переходный періодъ, пришло бы въ концѣ къ такому устройству, какое когда-то было, го-

ворять, на землѣ, во времена доисторическія, гдѣ художники и поэты были люди, какъ птицы небесныя, поюшія задаромъ. «Даромъ получили, даромъ и давайте»: только при этихъ нормальныхъ условіяхъ искусство будетъ настоящимъ, истиннымъ искусствомъ. Только при такомъ порядкѣ возможно появленіе тѣхъ созданий, которыя народными преданіями приписываются богамъ, такъ хороши они, такъ чисты и такъ безупречны во формахъ. Ни одной ноты фальшивой, ни одного слова лишняго. Оно и понятно: нѣтъ причинъ писать пять томовъ вмѣсто десяти страницъ — все равно не платятъ. За что же, скажете ради Бога, я буду разводить бобы, да еще не получать одобренія? Иное дѣло теперь. Я развожу бобы, и чѣмъ больше я ихъ развожу, тѣмъ болѣеую претензію пишу получить награды. а до того, что я не получаю одобренія за свои вирши, нѣтъ какое дѣло?

Господи, какой глубокомысленный и непонятный вздоръ! Нѣтъ, рѣшительно клинать тутъ не безсрѣшнѣ! Ахъ, какъ нарочно, самый петербургскій: туманъ, мороситъ, не то холодно, не то тепло, въ 11 часовъ голова болитъ и еще не совсѣмъ свѣтло, а въ два темно, и все-таки голова болитъ. А все же я буду продолжать въ томъ же самомъ глубокомысленномъ тонѣ, только съ другого боку. Тянетъ меня вонъ изъ Петербурга, тошнѣ мнѣ! Куда же тянеть, отчего тошнѣ? Оттого, что сталъ «особа»: всякій, прости Господи, пляшетъ глаза, подслушивать, комментируетъ, запускать шупъ по самое дно, коюка нѣтъ. Гдѣ же коюка? Да и это бы еще ничего, еслибы не лежалъ богатый и невообразимо громадный матеріалъ за предѣлами городовъ, тамъ, въ глубинѣ болотъ, лѣсовъ и непроходимыхъ дорогъ. Чтѣ за лица, чтѣ за фигуры! Да, никому помогать води Вадень-Вадена, другому Парижъ и Франція, а третьему..... суна, да свобода! Вонъ оно куда хватилъ! Ну, какъ вы полагаете, давно это у человека? Сегодня, вчера, или послѣ вашего отъѣзда? Очень давно, такъ давно, что и не помню, должно быть съ пеленокъ. Вотъ тутъ и ноги, извращались. Москва — вы думаете, что въ Москвѣ жить можно? Попробуйте! Я не думаю. Я понимаю, что жить иногда надобно гдѣ-нибудь, это понятно, но можно ли — это другой вопросъ. Впрочемъ, и въ Москвѣ живутъ.

Случилось обстоятельство. Чтѣ такое Антокольскій? Знаете ли вы его, или не знаете? Видѣлъ я его статую, то есть фотографію. Онъ прислалъ ее Стасову и уполномочилъ показывать только мнѣ. Ну, посмотрѣлъ, разсуждаю, и даже соглашаемся, и тотъ и другой рѣшаемся сообщить свои впечатлѣнія, да онъ и проситъ объ этомъ. Хорошо. Вы писали мнѣ, что это самое полное изображеніе нашего, въ XIX вѣкѣ, представленія о Немъ..... Соглаемся. Хотя между нами еще не рѣшено даже вопросъ о томъ, чтѣ такое Христосъ XIX столѣтія?... Задуманному представленію статуя, въ громадной степени, отвѣчаетъ, исключая глазъ, нѣсколько традиціонныхъ,

да слѣдковъ, рѣшительно каменныхъ, напоминающихъ Германика. Все остальное — живая, трагическая фигура. Подойдя близко, рассматривая отношенія деталей, оказывается: ротъ живой, характерный, нѣсколько какъ будто чувственный и съ малюю дозою свирѣпости, но рѣшительно мугунѣй принадлежитъ этой фигурѣ. Но онъ находится въ противорѣчіи съ глазами. Эти части лица просто соединены между собой, а не выросли на лицѣ органически, неизбежно. Если усмирить ротъ и согласить съ традиціонными глазами, будетъ конечно хуже. Затѣмъ, концевъ носа чуть-чуть более опущенный, чѣмъ нужно, и мяснотный кончикъ, конечно, натуральнѣе, и принадлежитъ иудею; а совершенно буду съ нимъ согласенъ, если найду доказательства, что носъ такого монора можетъ принадлежать чужеземцу высокой нравственности, хотя и тутъ нѣтъ собственно противорѣчія съ выше понѣженнымъ опредѣленіемъ Христа XIX вѣка. Остаются, стало быть, глаза, которые напоминаютъ извѣстныя, ходячія формы, признавая за малучшія. (Прому не забывать, что мнѣ, лично, особенно трудно дѣлать какія-либо замѣчанія на фигуру Христа). Но, подаяая, что въ нешуточномъ дѣлѣ было бы непохально сказать не то, что дурачить, и что не сказать — значитъ не уважать, я это все просто, смирно и откровенно сказалъ, конечно нѣсколько пространно. На это получаю въ отвѣтъ опроверженіе, такое странное, что, очевидно, Антокольскій или не прочелъ мое письмо, или не понималъ его. Искаженіе моихъ мыслей значительное. Я, относя это къ тому, что каждый художникъ, окончивши серьезное произведеніе, бывающъ не совсѣмъ покоенъ, и особенно чувствительнѣе къ замѣчаніямъ, которыми онъ, разумѣется, еще раньше критиковъ всѣхъ перебралъ въ своемъ умѣ и отвергъ ихъ чувствомъ, — я, какъ ни въ чемъ не бывало, пишу новое письмо, съ поясненіемъ, какъ надо понимать, что я писалъ, и чтѣ я разумѣю подъ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Отвѣта еще нѣтъ... но между тѣмъ къ Стасову онъ писалъ о моемъ письмѣ и пришелъ въ концынахъ, будто бы мною написанныя слова, что я «не оставлю намина на камнѣ». Стасовъ удивился, а я еще больше, тѣмъ болѣе, что ничего даже отдаленно похожаго на это я не писалъ, потому, что иначе думаю. Мнѣ было очень совѣстно, чтѣ подумаетъ Стасовъ, съ которымъ я, наконецъ, и не знакомъ коротко! И вотъ, я долженъ былъ написать Антокольскому, чтобы онъ исправилъ свою ошибку изъ Стасову; въ противномъ случаѣ, искаженія въ моихъ письмахъ я долженъ буду отнести къ другой какой-либо причинѣ, а не къ той, о которой я сказалъ выше. Очень жалъ и грустно. А я былъ наивнѣе, до того наивнѣе, что писалъ откровенно и просто. Извините, что пишу объ этомъ, но такъ случилось, что все вышло, въ одно время.

Какъ вы полагаете относительно нашего участія на Передвижной вы-

ставитъ въ этомъ году? Будете ли нѣтъ, можно вамъ или нѣтъ? Выставка состоится, только неизвѣстно когда: или въ январѣ (если Академія откажетъ на наше предложеніе), или въ мартѣ (если приметъ его). Что касается Кунинджи и Васнецова, то пока много сообщить не могу. Я ихъ за лѣность и перадѣлю укорялъ пространно и внушительно, и Васнецовъ уже, кажется, написалъ вамъ, а Кунинджи отшучивался покорно, хотя нивалиями головы какъ-будто и выражалъ раскаяніе. Оба работаютъ, то есть Кунинджи началъ уже (дѣло ничего не дѣлалъ!), а Васнецовъ начнетъ, и тоже говоритъ, что ничего не дѣлалъ, чему я не вѣрю. Ну-съ, а затѣмъ какія еще новости? Верещагинъ отказался отъ профессора, а Тютрюмовъ (Тютрюмовъ!) пропечаталъ въ газетахъ (въ «Русскомъ Мірѣ»), что все это Верещагинъ дѣлалъ не самъ, а компанія художниковъ въ Монкентѣ. Какое? Стасовъ написалъ требованіе, чтобы Тютрюмовъ подтвердилъ доказательствами свои извѣстія и указалъ бы тѣхъ или того художника, кто это дѣлалъ—въ противномъ случаѣ ему, рабу Божію, придется отвѣчать передъ судомъ. Любопытно. Такая непроходная тина, болото и помоя, такая поднялась каша, что просто страхъ. Что будетъ новаго — сообщу. Что такое Бодри? Изъ-за чего кричатъ французы? Вамъ

И. Крамской.

СХV. Къ В. В. Стасову.

5-го октября 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Я не могу приписывать себѣ во свойствѣ того, что случилось заявленіе отъ имени художниковъ*). Многие уже были готовы сдѣлать и безъ того. Кромѣ того, вы, вѣроятно, замѣтили существующую разницу между редакціями: того, что я читалъ вамъ, и того, что напечатано. Последнюю составилъ молодецъ Мясоедовъ, и на ней-то можно было возмнить многихъ. Хотя нашісь все-таки и такіе, которые были бы согласны подписать только въ томъ случаѣ, еслибы было выражено вмѣстѣ съ тѣмъ порицаніе поступка Верещагина. Хороши!!

Я совершенно нечаянно попалъ на источникъ статьи Тютрюмова. Она раньше печати читалась одному официальному лицу Академіи (Гордану). Все это, и многое другое, я слышалъ отъ самого участника во всей этой продѣлкѣ, слышалъ отъ сконфуженнаго и растеряннаго въ концѣ, и въ то время, когда я предлагалъ ему подписаться. Не оставляйте, ради Бога, этого дѣла ни въ какомъ случаѣ. Уважающій васъ И. Крамской.

*) Заявленіе противъ Тютрюмова, «Голосъ», № 275.

Ред.

Заявленіе попало въ «Голосъ», потому что наканунѣ было поздно, и меня не пустили къ Коршу*), а утромъ я не засталъ васъ дома.

СХVI. Къ П. М. Третьякову.

5-го октября 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Что картины Кунинджи и Савицкаго остались у васъ, я узналъ недавно; случилось это такимъ образомъ. Чиркинъ, передъ отправленіемъ въ путешествіе, обращаясь къ В. Г. Перову за распоряженіями и указаніями, по тому, къ сожалѣнію, на всѣ вопросы отвѣчалъ: не мое дѣло, дѣлайте какъ знаете. Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось, и вотъ Чиркинъ, поставленный въ необходимость поступать по обстоятельствамъ, не смѣлъ ничего ни спрашивать, ни брать; взялъ только, что было въ конференцъ-залѣ, и, имея еще съ весны довѣренность и другія бумаги, поѣхалъ.

Еслибы для васъ, глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ, не составило особаго хлопотъ, то было бы хорошо отправить картины въ Саратовъ, гдѣ теперь выставка. Впрочемъ, объ этомъ я теперь же, вмѣстѣ съ этимъ писемомъ, напишу В. Е. Мамонскому. Адресовать и письмо, и картины въ Саратовъ, на передвижную выставку картинъ, Чиркину.

Меня очень занимаетъ, во все время знакомства съ вами, одинъ вопросъ: какимъ образомъ могъ образоваться въ васъ такой истинный любитель искусства? Я очень хорошо знаю, что любить что-нибудь настоящимъ образомъ, любить разумно—очень трудно, скажу больше: опасно. Всѣ люди, сколько я ихъ знаю, притворяются, т. е. соблюдаютъ такъ называемыя приличія, и потому, встрѣли что-либо неподдающееся, они чувствуютъ себя тѣмъ самымъ осужденнымъ; ну, посядьте сами, есть ли для нихъ возможность оставаться спокойными? Видѣть что въ сущности сдѣлалъ Верещагинъ, отказавшись отъ профессора—только то, что имъ всѣмъ знаемъ, думаемъ я даже, можемъ, быть желаемъ, но у насъ не хватаетъ смѣлости, характера, а иногда и честности поступать такъ же. А между тѣмъ всякій, нѣмнѣйшій крестъ, отличіе, кокарду или иное вещественное доказательство своихъ, часто мнимыхъ, заслугъ, чувствуетъ себя уничтоженнымъ и обвиненнымъ. Какъ же ему отдать справедливость: гдѣ это значитъ осудить себя, публично признаться, что вся жизнь моя есть одна сплошная ложь.

Трудно, очень трудно жить на свѣтѣ. Одно, чего я отъ всего моего сердца желалъ бы, это принять хоть какое-либо участіе и долю въ несправедливости по поводу Верещагина, но все никуда. Впрочемъ, есть одна

*) Редакторъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей».

Ред.

ошибка и с вашей стороны, которую я и пишу перед вами, когда уединился.

Портрет Нв. Алекс. Гончарова я бы желал иметь у себя через 2 или 3 недели. Если для вас это удобно, то будьте так добры, пришлите.

Глубоко уважающий вас И. Крамской.

СХVII. Къ А. Д. Чиркину.

5-го октября 1874 г.

Милостивый государь Александръ Димитриевичъ. Результатъ казанскій дуренъ не до такой степени, чтобы сокрушаться и сожалѣть. Можно быть и хуже. Въ Воронежѣ наимену выйдѣть съ этими письмами. Тамъ есть мой товарищъ по Академіи, Мх. Нв. Пономаревъ, фотографъ, во Большой дворянской улицѣ, близъ части, домъ забылъ. Вы не совѣсь хорошо вѣроюто поминте, — какъ я вамъ говорилъ о Воронежѣ. Я самъ не изъ Воронежа, а изъ Острогоска, уѣзданаго города, въ 96 верстахъ отъ Воронежа, а хотя я его знаю, но знаю какъ горюдь, но виѣшности. Я тамъ не жилъ никогда нодолгу, и никого, особенно изъ лицъ вліятельныхъ, не знаю. Указываемый мною Пономаревъ — тапешій, онъ всѣхъ тамъ знаетъ. Полагаю, что онъ прѣготовитъ даже поѣзденье, то есть подготопитъ, и оюбѣститъ воронезцевъ чересъ газетъ. Вотъ и все, на что можно разсчитывать.

Корресканденціи присылайте, печатать ихъ хорошо. Что же касается до казанской, то ввиду того, что мы будемъ скоро у министра, мы рѣшились, какъ вамъ ни больно было, вынустить. Циркулярчикъ мы отъ него достанемъ, а также и казенной палатѣ харьковской это даренъ не пройдетъ. Пошлите.

Въ Саратовѣ вы должимъ получить двѣ картины отъ Третьякова: Савицкаго — «Рабочіе» и Кундижи — «Забытая деревня», и потому подождите ихъ тамъ во всякомъ случаѣ. Онѣ должимъ выѣхать изъ Москвы 8-го или самое большое 10-го октября.

Уважающій васъ И. Крамской.

СХVIII. Къ В. В. Стасову.

7-го октября 1874 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Въ среду утромъ, если можно, въ 9-ть часу даже, я буду у васъ, такъ какъ въ 10 часовъ я уже долженъ быть у Строганова, а потому я буду у васъ пораньше, чтобы имѣть въ свое время явиться.

Вы, конечно, непадете, при разговорѣ съ Иорданомъ, въ самое настоящее

вѣздо. Вѣдь никто другой, а именно онъ читалъ статью Тютрюмова всѣмъ профессорамъ на мѣсячномъ экзаменѣ, на другой день съ напечатанія, и предлагалъ ее прочесть въ Совѣтѣ, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ Совѣтъ долженъ согласиться и даже ему это должно поправиться. Но чего добраго, онъ теперь, пожалуй, готовъ будетъ отпираться! Отъ него и это стается! Теперь остается только ждать, что скажетъ Вережанинъ. Буду въ среду утромъ. Мнѣ все равно надо выйти изъ дому. Уважающій васъ

И. Крамской.

СХIX. Къ А. Д. Чиркину.

20-го октября 1874 г.

Милостивый государь Александръ Димитриевичъ. Я писалъ уже вамъ, что изъ Москвы будутъ посланы 2 картины въ Саратовъ, должнствующія быть на выставкѣ во все время ея путешествія; это — Савицкаго «Рабочіе на желѣзной дорогѣ» и Кундижи — «Забытая деревня». Получены ли онѣ вами? Если не получили, то надо подождать.

Въ правленія желѣзныхъ дорогъ бумаги отправлены давно, но до сихъ поръ нѣтъ еще отбѣта; какъ только получимъ, немедленно къ вамъ препроводимъ. Намъ посланы просьбы во всѣ правленія, о которыхъ вы упоминали, а отбѣтъ (удовлетворительный) полученъ только отъ ландарово-ромской.

Сообщаю, между прочимъ, что, по прѣдаѣ вамъ въ Воронежъ, васъ будутъ ждать двѣ картины — пейзажиста барона Клодта, для продажи, по 150 р. за каждую, то есть 300 р. за обѣ. Еслибы намъелся попутатель, то уѣзжа, если и будетъ, то самая малая: около 25 р. на обѣ.

Къ министру народнаго просвѣщенія мы ходили, и онъ обѣщалъ намъ свое содѣйствіе; относительно же Харьковца и чиновниковъ мы еще ничего не могли сдѣлать, такъ какъ министра внутреннихъ дѣлъ не было въ Петербургѣ. Онъ воротился только дня 2 назадъ. Давъ ему время отдохнуть, мы отправимся. Въ дворцовомъ вѣдомствѣ (относительно Одессы) мы еще не были, такъ какъ не знаемъ, куда собственно нужно за этимъ обратиться.

Впрочемъ, мы все исполнимъ, такъ какъ время еще имѣется.

Не забудьте въ Воронежѣ Михаила Ивановича Пономарева, на Дворянской улицѣ, близъ части, фотографъ. У него же и двѣ картины Клодта.

Кажется, всѣ вами порученія нами исполнены. Не забыть бы чего?

Вы слишкомъ мрачно смотрите на дѣло: говорите, что дѣла идутъ плохо. Когда же они шли лучше? По моему, если нѣтъ убытка, дѣло идетъ прекрасно. Искренно уважающій васъ и преданный

И. Крамской.

СХХ. Къ И. Е. Рѣшину.

С.-Петербургъ, 29-го октября 1874 г.

Не смущайтесь, дорогой Илья Ефимовичъ, что я на такой официальной бумагѣ пишу*): когда нѣтъ собственной—крадутъ въ казны, укъ это дѣло извѣстное. Вѣдь это Россія и климатъ! Я думаю, что мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Я очень скромно (ну, не совсѣмъ скромно! вы скажете) сказалъ въ прошломъ письмѣ, что «плохо дѣло, если все повинунется художественной импозантности Парина». Но вѣдь это вы написали «все повинунется». Если, все то плохо, повторю опять, и пусть лучше я буду выброшенъ будущимъ поколѣніемъ за борты, чѣмъ думать иначе. Вѣдь если все покоряется, такъ значитъ животъ выросъ непонѣрно, въ ущербъ остальнымъ частямъ тѣла, въ ущербъ инымъ интересамъ, и, само думать, болѣе серьезнымъ, чѣмъ искусство. (Опять-таки это требуетъ нѣкоторой оговорки, ну, да и ее не сдѣлаю, вы и сами это знаете). Я, конечно, тогда потропился и принялъ въ серьезъ. Факты говорятъ противное: во Франціи еще не все повинунется художественной импозантности Парина, далеко не все; не повинунется наиримѣрь: рабочий вопросъ, не повинунется религія, не повинунется философія, не повинунется естественныя науки, и даже не всегда повинунется промышленность (пушки, митральезы, ядра и нныя милыя вещи); въ болышинствѣ случаевъ преслѣдуется цѣлесообразность, а потомъ уже, пожалуй, и красота. И такъ, вы видите: можно сидѣть въ Россіи, и въ то же время не думать наизыворотъ. Но есть у васъ въ письмѣ одна штука, которую я, по свойственной мнѣ манерѣ, не могу обойти молчаніемъ, впередъ сообщая, впрочемъ, что я извѣю мрачнейшій взглядъ на вещи, и, стало быть, мы, быть можетъ, не согласимся. Вы говорите, что теперь «погибель не такъ страшна, какъ въ варварскія времена—времена всевозможныхъ нашествій, порабоженій и проч.»... Вѣрно, теперь трудно ждать нашествій варваровъ (хотя это еще и не гарантировано пося), но появляется, растетъ и зрѣетъ нѣчто болѣе опасное, чѣмъ варвары внѣшніе, растутъ и млодятся варвары внутренніе. Думаю, что по моему мнѣнію нѣтъ ничего парадоксальнаго: развѣ не варварство—поголовное лицемеріе, преобладаніе животныхъ страстей, ослабленіе энергіи въ борьбѣ съ жизненными псеудобствами, желаніе поскорѣ добыть все путемъ мошенничества, прокуливаніе общественнаго (народнаго) богатства, лѣсовъ, земли, народнаго труда, за чѣмъ будучи поколѣнія... Попро-буйте узнать, что стоитъ галерей, франкъ, рубль какаго-либо правитель-

ства, попробуйте погасить долги, колоссально разрастающіеся во всякомъ государствѣ, попробуйте уплатить долги отъ всяческихъ компаній, акціонерныхъ и иныхъ обществъ, фабрикъ, заводовъ, и вы увидите, что эта милая цивилизація, для того, чтобы не объявить себя банкротомъ, должна забираться въ Среднюю Азію, Африку, къ дикимъ племенамъ далекихъ прострствъ, и обирать, норабощать, убивать, или, еще лучше, развращать всѣхъ этихъ наивныхъ животныхъ, которыхъ численность еще превосходитъ въ 10 разъ цивилизованнаго общества. Вотъ почему еще есть ресурсы и для правителей, есть ресурсы и для буржуазіи на цѣлыя десятины, а можетъ и сотни лѣтъ, жуировать и усаждать себя вселески. А что будетъ потомъ? Намъ какое дѣло! На насъ нѣтъ хвалитъ! Если попадетъ изъ этой громадной ватаги какой-нибудь хурастъ, или просто оплошаетъ—исходъ легкій: приставилъ хула къ любому мѣсту, да и такъ. Чудесно: и легко, и скоро, и восхитительно! Вы скажете: «Наивный человѣкъ, когда-жъ этого не было? Всегда были мошенники, и всегда человѣкъ былъ скотинка!» Вѣрно, а что-жъ я говорю? Я то самое и допываю: всегда было скверно, чуть-чуть получше, чуть-чуть похуже, а потомъ плохо и... конецъ, да, конецъ. Сколько ужъ было концовъ? Много! Не мновать его и цивилизаціи, только для нея исторія, конечно, будетъ не такъ глупа, чтобы взять знакомую развязку. — скучно стало было, да и догадываются... эффектъ пропадетъ... А впрочемъ, къ чему это? Вы уже наделались отъ всеразлагающаго анализа... я завидую вамъ... ой-Богу завидую... Это очень тяжелая штука, тѣмъ болѣе, что, какъ вы говорите, далеко отсюда до поэзіи... Это вѣрно... Очень далеко отъ поэзіи здоровья, счастья и силы, но очень недалеко отъ... трагическаго, и, само думать, всякому своя поэзія, только чувствуй, а не притворяйся... А такъ не наше дѣло говорить: вотъ это поэзія, а это нѣтъ. Ничего, чему быть—того не мновать! Если же вы разуваете просто глушость ману баранью сидѣть, пимжиться, морщитъ лобъ и что-то хотѣть сдѣлать умное, да съ содержаніемъ, да съ направленіемъ, да еще ужъ и не знаю съ чѣмъ, то право же объ этомъ и упоминать не стоить. Я говорю только художнику: «Ради Бога, чувствуй! Коли ты умный человѣкъ, тѣмъ лучше; коли чего не знаешь, не видншь, брось... Пой, какъ птица небесная! только ради Бога своимъ голосомъ!» Неужто это такая дурная теорія? Конечно, когда это теорія, то въ ее составленіи участвуетъ голова. Но вѣдь что-жъ тутъ худого? Вѣдь Господь Богъ ее сотворилъ! И голова, когда она на мѣстѣ, не въпадаетъ, и думаю, что чѣмъ болѣе она будетъ на мѣстѣ, тѣмъ охотнѣе признастъ новыя вещи, и талко. Такъ что, собственно говоря, бѣды болышой я не вижу. Ну, а укъ тѣ, что возвращаю, да недостатки отыскиваютъ, извѣнните, они не у дѣла, послѣ освобожденія крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ еще проживутъ долго, ннне

*) Письмо писано на бланкѣ Товарищества неординарныхъ выставокъ. Ред.

оставить и яйца, но всё, к тому времени, думаю, поослаблится. Давайте только новые вещи, Россия их ждёт! Это вѣрно.

Кто изъ насъ знаетъ Антокольскаго лучше — не знаю. Выговорите, что я! Пусть такъ, но все-таки и вы его достаточно знаете. Но вотъ что жалко: что вы не будете участвовать на Передвижной выставкѣ. Я, конечно, слишкомъ уважаю причины, почему вы не можете, и скажу больше: я бы даже не упоминалъ объ этомъ, если бы вы не такъ рѣшительно писали и Стасову, и мнѣ; а жаль, я сказалъ, что вы рѣшительно нѣте намѣреніе сдѣлаться членомъ, и потому въ недавнемъ напечатанномъ отчетѣ написалъ: вамъ нмъ стоитъ въ числѣ яроныхъ. Теперь боюсь, чтобы это вамъ не повредило. Но клянусь вамъ, это вышло, какъ вы видите, независимо ни отъ кого изъ насъ.

Фельетонъ въ «Голосѣ» былъ Александрова^{*)}. По моему, онъ ничего особеннаго не заключаетъ, просто только безъ грубыхъ пронаховъ, какъ это часто у писателей. Разумѣется, онъ неизвѣстно лучше многихъ по этой части. Въ «Русскомъ Мирѣ» — фельетонъ тоже мнѣ извѣстенъ, но автора не знаю, хотя склоненъ съ вами вмѣстѣ заключать одинаково. Но что некомплю Нкса — это отвѣтъ Гейнсу и Стасову^{**)}.

О Тургеневѣ, спасибо ему — благодарю, даже восхищенъ, только одно обстоятельство мѣшаетъ мнѣ считать себя достойнымъ похвалъ его. Говорятъ, онъ сказалъ такъ: «Я вѣрно въ русское искусство (то есть будущность) на основаніи того, какъ вы написали его руки на портретѣ, и по тому, какъ пишетъ Харлаковъ». Оно, можетъ быть, и правда. Портрета вашего я не видалъ. Только, все-таки, какъ-то странно говорить о будущности искусства по живописи рукъ. Или ужъ я не понимаю. Только, мнѣ кажется, онъ не совсѣмъ знаетъ Россію, судя по предисловію къ своей повѣсти, помѣщенной въ «Складчникѣ».

И скучно, и грустно, и пушки стрѣляютъ, вода поднялась на Невѣ, и вѣтеръ тоскливо въ трубы завываетъ, картины не нмнутся въ сѣверной мглѣ. Рѣкома не совсѣмъ звучная, но мысль правдивая — русское искусство.

Вамъ И. Крамской.

СХХІ. Къ П. М. Третьякову.

9-го ноября 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ И. А. Гончарова полученъ мною въ совершенной исправности. Не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же потому, что ожидалъ вашего приѣзда, полагая васъ видѣть на этой недѣлѣ.

^{*)} Фельетонъ о В. В. Верещагинѣ и Тютрюмовѣ, «Голосъ» 1874 г., № 275. Ред.

^{**)} «Русскій Миръ» 1874 г. № 274. Ред.

Письмо Чиркина получено также; оно насъ удивило именно тѣмъ, что Чиркинъ распоряжается, чего ему дѣлать ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы. Такъ какъ картины Савицкаго и Кундиджи составляютъ несомнѣнный интересъ, то ихъ придется, вѣроятно, отправить въ Харьковъ. Выставка въ настоящее время находится въ Воронежѣ. Въ Казани и Саратовѣ было недурно, особенно въ Саратовѣ. Такъ какъ вы останетесь еще въ Москвѣ, то картины Савицкаго и Кундиджи извольте уложить и отправить В. Е. Маковскому, который здѣсь теперь, но надѣюсь уѣзжаетъ обратно. Мнѣ будетъ просить его замяться этимъ.

Присланная вами статья^{*)} отличается такими глубокими внутренними нераспорядками, побужденіями автора такъ мало нравственными, что и Москвѣ нѣчего завидовать Петербургу, въ которой отыскался свой Тютрюмовъ. Какой это Брызгаловъ? Неужели это тотъ самый, что часто бывалъ у Перова? Если тотъ, то дѣло для Перова очень худо. Статье я сообщилъ Стасову, онъ собирается писать что-то, и просилъ ему оставить. Вотъ что значитъ отсутствіе здоровой и свѣдущей критики! Сколько было восклицательныхъ знаковъ по поводу Верещагина, а между тѣмъ ни одинъ не сталъ выше художника, что необходимо для критики. Когда русское искусство дождется своего Бѣлинскаго? А какъ трудно, какъ трудно художнику у насъ, это неизвѣстно! Всюду номинально въ средѣ художниковъ, нѣтъ голоса, достаточно авторитетнаго, чтобы вывести изъ мрака всѣхъ потерявшихся и потерянныхъ. Съ одной стороны чиновники, напортившіе и жгущіе будущее искусство, съ другой адальность голыхъ и слабыхъ натуръ дѣлаетъ и жизнь, и трудъ почти невозможными. Все такъ грубо кругомъ, такъ мало нужды въ интересахъ нѣсколько высшаго порядка, тѣмъ интересъ желудка, чина, улыбки особы, что бѣжалъ бы вонъ, далеко и безъ оглядки... Но куда? вотъ вопросъ.

Трудно становится въ Петербургѣ, гдѣ же молучше? Вѣроятно тамъ, гдѣ насъ нѣтъ.

Я пишу къ вамъ большую просьбу: нельзя ли сдѣлать фотографію съ головы «Христа» въ моей картинѣ, величиною около зеркала, мнѣ она очень нужна. Что будетъ стоить, а съ удовольствіемъ приму на себя. Только одну голову. Глубоко и искренно уважающій васъ И. Крамской.

СХХІІ. Къ нему же.

16-го ноября 1874 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Быть можетъ, письмомъ это займетъ васъ въ Москвѣ еще, и потому тороплюсь написать вамъ отвѣтъ

^{*)} Статья Брызгалова о Верещагинѣ, напечатанная въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» 28 октября 1874. Статье эту приписывали самому Перову. Ред.

на последнее. Относительно фотографии я решился так поступить: вышлѣть съ этими письмомъ я пишу съ фотографу Дягловченко, чтобы онъ сдѣлалъ фотографию у насъ въ галлереѣ, на мѣстѣ, не трогая картины. Быть можетъ, даже, онъ явится къ намъ немедленно, а быть можетъ послѣ какихъ хлопотъ, а всего менѣе безпокойствъ. Если угадаете это дѣло такъ, какъ я полагаю, — хорошо; а итъ — дѣлать нѣчего, придется оставить неудовлетвореннымъ мое желаніе.

Что касается ящиковъ, то я пишу В. Е. Маковскому, который уже убѣдѣлъ обратно, не повидаясь, впрочемъ, съ нами; а потому приходится переписываться. Вся разница между ящиками обыкновенными и нашими, приспособленными къ путешествію, заключается только въ томъ, что крышка и дно нашихъ ящиковъ не прикрѣпляются наглухо, какъ обыкновенно, а прикрѣпляются вшитыми, и ящики, какъ снаружи, такъ внутри, выкрашены черной масляной краской, такъ что картины во все время путешествія не снимаются, а остаются на доскахъ, такъ и выставляются. Стоимость каждаго такого ящика не превышаетъ 15 рублей, и весь расходъ по отправки картинъ Товариществу, разумеется, принимается на себя. Во всякомъ случаѣ, и это обстоятельство не должно быть лично для васъ сколько-нибудь затруднительно, а должно цѣлкомъ лежать на отвѣтственности кого-либо изъ московскихъ художниковъ, и вѣроятно всего на Маковскомъ, какъ членѣ правленія; и потому, я думаю, что онъ явится къ вамъ по этому поводу. Глубоко уважающій васъ

N. Крамской.

СХХІІІ. Къ Е. И. Рѣвину.

16-го ноября 1874 г. Сиб.

Новости, и очень крупная, дорогой мой Ілья Ефимовичъ! Академія отзывается отъ выставокъ и уступаетъ устройство ихъ вновь образовавшемуся Обществу (при Академіи), «Обществу выставокъ». Я читалъ уставъ; на дѣлахъ Совѣтъ будетъ обсуждать его, такъ, для формы, потому что онъ уже почти утвержденъ. Я, къ сожалѣнію, не могу сообщить его вамъ цѣлкомъ, хотя стоило бы, бужетъ итъ немъ есть чудесный, но я полагаю, что вышлѣть съ нимъ, какъ говорится, уставъ будетъ въ Парижѣ у Боголюбова, какъ члена Совѣта, то-есть должнъ быть, если только онъ объ немъ не знаетъ годъ тому назадъ. Теперь и мы, грѣшные, уже знаемъ его. Вотъ въ чемъ дѣло: подѣлать покровительствомъ Академіи составилось, какъ я скажалъ, Обществу выставокъ, съ цѣлью «сблизившей художниковъ на одномъ общемъ конкурсѣ». Оборотъ съ выставки уже не дадутъ министер-

ству двора, а будутъ распределять художники сами по нижеслѣдующей программѣ: жалованье распорядителю и писцамъ (сколько ихъ потребуется), отчисленіе (неизвѣстно впрочемъ какого %) на образованіе капитала издольго, сиротскаго и ирестарѣлымъ художникамъ; на выдачу суду, тоже неизвѣстно какого %, тѣмъ художникамъ, которые будутъ нуждаться окончить картину или задуманное исполнить (а кто въ этомъ не нуждается?); затѣмъ, если останутся средства, то и раздавать преміи, и, уже послѣ всего, если обстоятельства позволятъ, то... и передвигать — не капиталы, а выставки. Чтобы еще болѣе получить благополучія, то будутъ устраивать ежегодно лоттерей на 10,000 рублей серебромъ, и, кромѣ того, аукционы. Словомъ, публика будетъ уже не въ состояніи уклониться отъ пріобрѣтенія художественныхъ произведеній тѣмъ или другимъ способомъ; и я увѣренъ, что всякаго равнодушнаго къ искусству человѣка вышеописанныя мѣры непремѣнно настигнутъ и... покараютъ, то есть украсятъ его жизнь художествомъ. Чтобы дѣло шло неуклонно правильно и совершенно начертанной программѣ, избирается 5 членовъ комитета и 10 депутатовъ, въ числѣ которыхъ «непремѣнный членъ конференціи-секретарь». Комитетъ исполняетъ постановленія, депутаты (состоящіе изъ почетныхъ членовъ, а члены Совѣта суть въ то же время и депутаты, то есть они могутъ или быть невозбранно) наблюдаютъ. А чтобы и тутъ не могло быть упущенія, то общія собранія уже рѣшаютъ, какъ чему быть надлежитъ. Словомъ, все до такой степени предусмотрено, что ни ошибокъ, ни неудовольствій не будетъ и быть не можетъ; если же что и можетъ быть, то только одно ликованіе, и ничего кромѣ ликованія. Сочинили это... Н и... NN! Вы думаете, что я шучу, право такъ. Н, по крайней мѣрѣ, думая всего. Что-жъ это я, однако-жъ, точно все это дѣло, кромѣ фельетоннаго отношенія, ничего не заслуживаетъ! Итъ, я очень хорошо вижу, что дѣло это, если и не имѣетъ какой-либо завидной будущности (вопросъ: можетъ ли оно ошибаться!), то все-таки надо сознаться, что оно будетъ вліять кое-что на Товарищество, и, почему знать, быть можетъ оно серьезно, тѣмъ я полагаю. Несомнѣнно одно, что все это есть слѣдствіе Товарищества и его несомнѣнной заслуги: передачи выставки Академіей въ завѣдываніе самихъ художниковъ. Это своего рода освобожденіе крестьянъ. Худо ли, хорошо ли, но уже воротиться назадъ къ прежней сметѣй будетъ невозможно. Академія собственно тутъ ничуть не поступилась: деньги отбразило министерство, которое, разумеется, никогда бы не согласилось отдать ихъ Академіи, и такъ какъ ей пользоваться было все равно не пришлось бы, то и пусть пользуются художники — все оно какъ будто либерально выходитъ. Уставъ подписали 23 человѣкъ, первымъ Х, и много другихъ. Они, вѣждо прочитъ, просятъ Академію разрѣшить пенсионерамъ быть членами этого

Общества, съ тѣмъ, разузнется, чтобы имъ не быть членами какого-либо другого. Я не знаю, можетъ ли Академія простираетъ такъ далеко свою власть? Впрочемъ, если просить, стало быть можетъ; и мнѣ собственно очень жаль, что оно такъ. Ну, да дѣлать нечего.

Справное дѣло: вѣдь вотъ случись что-либо подобное 5 лѣтъ тому назадъ, быть можетъ я намеря бы все это хорошими (исключая одного или нѣсколькихъ пунктовъ), а теперь — не нравятся. Почему? Мудрый Эдмундъ, разрѣши! Правъ ли я? Не становлюсь ли я сектантомъ и слишкомъ узкимъ партизаномъ? Невольно задаешь себѣ этотъ вопросъ, и... какъ бы я хотѣлъ посмотреть безпристрастно на себя издали, точно на другого человѣка! Или и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ такъ влюбленъ въ свою мысль, такъ сжигается съ своимъ болотомъ, если оно становится такимъ, что не способенъ понять совершеннаго? Ужасно обидно. Обидно, что въ проиническомъ тонѣ говоришь, быть можетъ, именно тогда, когда не слѣдовало бы дѣлать этого! Словомъ, очень огорчительное состояніе. Хотя я думаю, что дороги Передвижной выставки и новаго Общества нигдѣ не перестыкаются (тамъ задачи другія), но... чортъ его знаетъ, гдѣ лучше! Если бросится всѣ на это новое, что думать надобно? Я ли ошибаюсь, или другіе? Вотъ проклятое положеніе. А между тѣмъ я чувствую, отступленіе (мнѣ по крайней мѣрѣ) сдѣлать не придется — не смогу. Объ этомъ обстоятельстве я пишу и Савицкому. Какъ-то вы тамъ взглянете изъ Парижа на все это дѣло? Ужасно это меня интересуетъ. А выставка наша всетан состоитъ и теперь! Въ ожиданіи скорого отвѣта

Искренно и глубоко преданный и любящій И. Крамской.

СХХIV. Къ нему же.

21-го ноября 1874 г. Спб.

Ваше письмо, дорогой мой Ілья Ефимовичъ, получено мною сейчасъ и немножко потревожило; это бы еще ничего, пусть ихъ сколько угодно, если имъ такъ дороги интересы искусства, и если кому-нибудь будетъ отъ этого польза, и вслѣдствіе этого прибавится одинъ, два понимающихъ, но бѣда въ томъ, что я не знаю, конечно ли ваше письмо? Оно имѣетъ одинъ листикъ и кончается тѣмъ, что «Тургеневъ глядитъ на искусство только съ сволнительной стороны, по-французски, и только ей придаетъ значеніе». Дальше ничего, подписи не имѣется, такъ что если все это было правильно, то надо допустить въ васъ въ ту минуту развѣянность — предыдущее описаніе; или, пользуясь нашимъ наемомъ... и если бы все это было такъ, я возблагодарилъ бы небо и порадовался — продолжайте на

здоровье, мнѣ все равно пріятно получать отъ васъ; но если тутъ кому-нибудь что-то, вотъ ужъ это не родится. Я буду спокоенъ, если вы мнѣ скажете, что вы ясыма не подписали, и что оно имѣетъ одинъ листъ. Тогда, значитъ, правильно. Но если?... неприятно.

Уважающій васъ И. Крамской.

СХХV. Къ П. М. Третьякову.

10-го декабря 1874 г.

Многочуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня великодушно, что я такъ долго не уведомляю васъ о полученіи денегъ, присланныхъ вами чрезъ брата нашего, Сергія Михайловича. Но все это время было такое дурное, неприятное и хлопотливое, что я какъ-то не могъ собраться. Къ тому-жъ болѣзнь дѣтей и жены тоже отчасти были причиною; но послѣднее обстоятельство, слава Богу, миновало, тогда какъ другое продолжается и по сію пору. Ну, да Богъ дастъ, все уладится.

Еще разъ прошу васъ не поставить мнѣ этого въ вину.

Фотографію получила и мнѣ кажется, хорошо.

Уважающій васъ И. Крамской.

СХХVI. Къ Н. Е. Рѣшнину.

1-го января 1875 года. Спб.

Вотъ какъ, 75-й годъ! Что-то онъ намъ принесетъ! И ни васъ, ни себя съ нимъ не подражали, обижаясь я на новые года. И давно уже обижаясь. Что-жъ это значить, дорогой Ілья Ефимовичъ, что дѣтъ отъ васъ вѣсточка? Оно и надо бы уже давно, тѣмъ болѣе, что послѣднее письмо отъ васъ получено мною не совсѣмъ въ порядкѣ, какъ я вамъ и писалъ немедленно. Полагаю, что письмо мое вы получили? То-есть собственно не письмо, а рапортъ, и очень коротенькій, о томъ, въ какомъ видѣ должно до меня ваше ясымо. Вѣдь не могло же это обстоятельство быть помыкомъ вашему отвѣту? Остается предположить, что какія-либо уважительныя причины еще не даютъ вамъ минуты покоя. Но дай Богъ, чтобы у васъ все обстояло благополучно, и чтобы я получилъ отъ васъ отвѣтъ, хотя строчку, чтобы знать.

Я написалъ бы вамъ уже и раньше, не взирая на вашу великую несправность, но ожидалъ возможности сообщить какія-либо интересныя новости, такъ какъ долженъ былъ состояться Совѣтъ для спеціального обсужденія устава новаго «Общества выставокъ», о которомъ я вамъ писалъ, и по поводу чего вы возликовали, хотя и преждевременно, какъ мнѣ

казалось. Ну, да это было все-таки прекрасно, и на вас совершенно по-хоже: увлекаться—ваше достоинство и недостаток. Советъ былъ. Раньше того, мы (правление Товарищества) собирались, для обсуждения, что и какъ намъ говорить и какъ держать себя. Рѣшено было—не вступать въ критику и противорѣчье, а, напротивъ, находить все прекраснымъ, и дать возможность рухнуть самому такъ глупо затѣянному дѣлу.

Николаемъ Николаевичемъ Гѣ, въ Советѣ былъ поставленъ только одинъ вопросъ: «Какое это Общество—частное, или официальное? Если официальное, то ему кажется, что лица, подписавшіяся подъ уставомъ, за исчисленіемъ 2-хъ—3-хъ, не имѣютъ достаточнаго нравственнаго, то есть художественнаго, авторитета, чтобы Академія должна была отказываться отъ права устройства своихъ выставокъ? И не нespѣшно ли это, не пострадаетъ ли при этомъ достоинство Академіи?»...

З:—«Конечно, частное. Какъ можно, официальное! Академія будетъ устраивать все-таки свои выставки, только года черезъ три...» —Гѣ: «Прекрасно, въ такомъ случаѣ, я могу только сказать: дай Богъ, давно пора было художникамъ это сдѣлать. Но я бы предложилъ только одну поправку: тамъ есть параграфъ, что члены Совета суть въ то же время и почетные члены этого Общества; мнѣ кажется, что какому-нибудь обществу нельзя давать права вписывать въ число своихъ членовъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ...» Остальные члены Совета поддерживаютъ его:—«разумѣется, разумѣется!...» —З: «Да, это дурная редакция, тутъ надо разумѣть такъ: что если пожелають». —Гѣ: «Въ такомъ случаѣ, это даже и не §, всѣ согласны». Послѣ того З говоритъ, что ему уже неловко оставаться несправитѣльнымъ депутатомъ, послѣ такого рѣшенія предыдущаго §, вычеркиваетъ.—Гѣ: «Что же касается лоттерей и аукциона, то пусть они сложатъ общіи законодательнымъ путемъ—объ утвержденіи этихъ §§». —З: «По моему, ихъ просто слѣдуетъ вынустить, такъ какъ это можетъ восходить только до Государственнаго Совета...» Ну, а затѣмъ, все было найдено прекраснымъ. И вотъ, корабль, разснащенный такимъ образомъ, «и безъ руля и безъ вѣтра», пусть владеетъ. Теперь на Н лежитъ обязанность собрать выставку, устроить и набрать эскизы! На здоровье.

Глубоко преданный вамъ Н. Крамской.

Подумайте, не опасно ли вамъ стоять у насъ? А ужъ какъ мы были рады! Выставка откроется въ первыхъ числахъ февраля...

Если зайдете рѣвъ у Боголюбона о новомъ Обществѣ, то сообщите ему въ общихъ чертахъ, Савицкому же прочтите это письмо.

СХХVII. Къ П. М. Третьякову.

14-го января 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я не былъ еще у Гейнса, я извѣщаю, чтобы хотъ сдѣлать вамъ это обстоятельство извѣстнымъ. Не былъ я потому, что захворалъ, быть можетъ серьезно, быть можетъ нѣтъ, это покажетъ время, завтра или послѣ-завтра. Но ваше порученіе (оно будетъ исполнено немедленно, какъ я выйду) меня въ настоящую минуту еще не тревожитъ: я видѣлся со Стасовымъ, немедленно послѣ вашего отъѣзда, и слышалъ отъ него, что требовать отчета онъ не намѣренъ, и я его, разумѣется, поддержалъ въ этомъ рѣшеніи. Въ самомъ дѣлѣ: Вережницину вздуется еще какое-либо порученіе вывалить, а тутъ купайся. Видѣ дѣло разъяснилось: касселя возвращены, 25,000 несомнѣнно израсходованы, остается 15,000, ну и пусть въ свое время два пріятели объяснятся. Затѣмъ жельмовать человѣка, когда нѣтъ еще никакихъ фактовъ, которые объясняли бы всякаго, хотя бы и посторонняго, ударить въ набатъ? Итакъ, первый выходъ мой будетъ къ Гейнсу и о результатахъ я сообщу вамъ немедленно. Глубоко уважающій васъ

Н. Крамской.

СХХVIII. Къ Е. М. Вѣмъ.

9-го марта 1875.

Милостивая государыня Елизавета Меркурьевна. Правленіе Товарищества не находитъ никакого препятствія къ тому, чтобы ваше изданіе *) было предъявлено при выставкѣ Товарищества; напротивъ того, оно поручило написать вамъ, что ему очень пріятно дать мѣсто такому талантливому исполненію (подлиннымъ выраженіи Гѣ и Брюллова). Прините увѣреніе въ моемъ къ вамъ уваженіи.

Н. Крамской.

СХХIX. Къ П. М. Третьякову.

12-го марта 1875.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картину «Чумачій трактъ» Кунинди поставилъ почти такую же, какъ она и была: вы знаете его медленность—ему нужно долго раскачиваться, пока кисть попадетъ на полотно. Впрочемъ, онъ бы ее кончилъ, да мы всѣ просили ее поставить къ открытію, и по приходѣ великаго князя, послѣ же выставки, онъ ее кончитъ. Однако-жъ, такъ какъ она теперь есть, она не хуже, чѣмъ была, и мы

*) Картина въ силуэтахъ, изданная г-номъ Вѣмъ.

вѣроятно замѣтите кое-какіе перемены въ лучшему. Максимовъ рѣшился обсыпая свѣгомъ своего колдуна въ изобилии *) и отъ этого дѣло только улучшилось значительно. По моему мнѣнію, ему не нужно больше ничего трогать, исключая балазашника, да пожелайте (и то кстаи) самого хозяина, чтобы сдѣлать лицо его немножко больше выдвинуть.

Я, къ сожалѣнію, картины Шинкина не видалъ больше недѣли еще не-редъ ваи, а потому не могу судить, какъ она была тогда, но долженъ сказать, что въ настоящее время это едва ли не лучшая вещь на выставкѣ: такой силы, рельефа, красокъ и гармоніи у Шинкина было мало, да пока-луй и совсѣмъ не было; и не смотря на это, поэзіи все-таки нѣтъ. Да онъ впрочемъ о ней и не заботится. Немного неравное исполненіе: именно вто-рой ялакъ налѣво больше выписанъ, чѣмъ ему быть слѣдуетъ, особенно по сравненію съ землей на верховъ плавъ, но и только, больше я ничего сказать не могу.

Иванъ Александровичъ не проигралъ на выставкѣ, и, какъ мнѣ ка-жется, лучше Строганова. Штаны и руки не кончены немного. Когда буду въ Москвѣ, приведу въ порядок. У меня лазаретъ колимй. Къ боль-ному присоединились еще двое: Толя и Маркъ, да скоро, вѣроятно, и Сомя; не знаю, всѣ ли уцѣлѣютъ. На бѣду, старуха захворала, и крѣпко. Слю-вонъ, не хорошо. Порученіе ваше передамъ Максиму и Куиндиги, а лучше еслибы вы собственнымъ глазомъ взглянули на выставку.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

СХХХ. Къ А. С. Суворину.

18-го марта 1875 г.

Глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Савицкій еще не былъ. Я по-терялъ терпѣніе его ждать, и, боясь, не случилось ли чего, написалъ на прошлой недѣлѣ въ Динабургъ; третьего дня, въ моему удовольствію, по-лучилъ записочку отъ него. Вѣроятно въ концѣ этой недѣли или въ началѣ будущей, мы его увидимъ.

Графъ Л. Н. Толстой живетъ, Тульской губерніи и уѣзда, въ деревнѣ «Ясная Поляна», въ разстояніи отъ Тулы 13—14 верстъ, по шоссе. Рѣки возлѣ и даже по близости—нѣтъ, а въ усадьбѣ правосудный и большой прудъ. Мѣстность около усадьбы хорошая, но въ окрестностяхъ есть мѣста восхитительныя; много лѣсу, возвышенностей, и огромные горы. Сло-вонъ, вовсе не дурно. Жему его зовутъ Софьей, только не Николаевна, а кажется Ивановна, а можетъ быть и Львовна; да, такъ почти—Львовна;

*) Въ картинѣ «Приходъ колдуна на свадьбу».

Ред.

однако-жъ не утверждаю. Урожденная—не знаю. Знаю только, что ея ба-тюшка былъ докторъ въ Москвѣ. Очень сожалѣю, что ничего болѣе об-стоятельнаго сообщить не могу. Уже извините меня.

Что же касается Стасова, то я и не знаю, что съ нимъ дѣлать. Это удивительно! Я видѣлъ проектъ Антокольскаго и подѣлился съ вами сво-ими мнѣніемъ. Прежде всего надо сказать, что Антокольскій сдѣлалъ вещь дѣйствительно интересную и художественную; рѣшилъ, при своей задачѣ, вопросъ блистательно. Его проектъ со всѣхъ сторонъ представляетъ очень красивыя очертанія, и вышло даже то, что всего меньше можно было ждать: Пушкинъ—настоящій человѣкъ, а остальные фигуры—фиги. Проектъ не конченъ; кое-что, что онъ сдѣлаетъ, этикъ еще болѣе усилятъ эффектъ, и совершенно удовлетворительно объяснить его мысль... Но... я все-таки не думаю, чтобы можно было исполнить именно этотъ проектъ, и вотъ по-чему. Исчезнувшія цивилизаціи, римская, и еще болѣе греческая, оставили намъ недаромъ указанія въ этомъ отношеніи. Онѣ изображали своихъ великихъ людей просто портретами, на простомъ коколя, и больше ничего. Ты-сячи лѣтъ прошли, а изъ изображенія не вышло ни одной свѣтлой стороны для насъ, тогда какъ всѣ самыя остроумныя сочиненія, позднѣйшія, для своего времени, чрезъ какія нибудь 100—200 лѣтъ оказывались часто чепухой, или по меньшей мѣрѣ, въ замыслахъ, открывались бѣдныя нити. Я не знаю, съ которой именно сторонъ мысль Антокольскаго окажется въслѣдствіи несостоятельною; не знаю, долго ли она будетъ сохранять свою свѣжесть, но уже и теперь я могъ бы представить нѣкоторые возра-женія. Такъ, напримеръ: почему первенствующее мѣсто между его героями отведено Борису Годунову? Потому ли, что это самое великое созданіе Пушкина, или потому, что Борисъ даетъ возможность Антокольскому вы-казать свой драматическій талантъ? Наконецъ, почему всѣ персонажи процессіи—эти, а не другіе? Вопросы, подобныя настоящимъ, можно много представить, и вы понимаете, что даже и теперь, спустя 40 лѣтъ послѣ смерти Пушкина, критика не установила окончательно, которое изъ созда-ній его самое пріятельное. Одно несомнѣнно, какъ вы указываете, что Пушкинъ, какъ лирикъ, гораздо выше Пушкина, какъ драматическаго пи-сателя. Все это, или въ этомъ смыслѣ, я говорилъ Антокольскому, прибав-лявъ въ заключеніе, что онъ сдѣлалъ дѣйствительно памятникъ, только не Пушкину, а Антокольскому. Какъ-нибудь, при случаѣ, я сообщу вамъ подробности, а теперь ограничусь этимъ. Нужно прибавить только, что фи-гура самого Пушкина, по моему, слабѣе остальныхъ.

Я продолжаю оставаться при томъ мнѣніи, что, какъ замыселъ, фигура Забѣло, которую онъ привезъ изъ Италіи, лучшая изъ всѣхъ. Тамъ не-удачная голова, она велика, не похожа и малообразительна, но общее по-

ложение фигуры, плащ (дурно развивающийся), шляпа, руки и даже короткая юбка в высоких сапогах, очень и очень хороши. Елибы эту мысль превосходно реализовать, то, пожалуй, и остановиться бы можно. Глубоко уважающий вас

И. Крамской.

СХХХI. Къ И. Е. Рѣшину.

Сиб. 5-го апрѣля 1875 г.

Неудивительно ни камешки для меня, что у вас пропала охота писать; еще бы! я думаю, послѣ тѣхъ тонкостей, на которыя я такъ оказываюсь способенъ, не у многихъ нервы останутся свободны. Ей-Богу правда, это «Я» говорю въ серьезъ, ибо чувствую. Дался вамъ этотъ клинчатъ! Иза что вы его преслѣдуете? Что здѣсь болѣе? Да вѣдь все свѣтъ болѣе, и всюду умираютъ, а относительно долговѣчности, такъ вѣдь это мы еще поспоримъ даже... съ французами. Чего другого, а стариковъ у насъ много: я думаю больше, чѣмъ во Франціи... Впрочемъ вѣдь это опять на полемику похоже. Что Академія дуетъ — это вѣрно! Отъ нея несетъ такую мятелью, что я сомнѣваюсь, цѣлы ли вы тамъ, ей-Богу! Хотя у васъ и есть тамъ жить, въ образъ А. П. Боголюбова, но вѣдь когда погода разыграется, то всѣ старики отправляются на пещку... вотъ только разнѣ у васъ тамъ пещей нѣтъ; одно спасеніе, въ такомъ случаѣ, волей-неволей заступится. Ашибко она разсердилась. Уже если это не удивительно, такъ я и не знаю послѣ этого, чему удивляться. Посудите сами — есть Академія, Совѣтъ (по крайней мѣрѣ полагается), а между тѣмъ, что-жъ, честь значитъ! Только вы напрасно полагаете, что несправники на васъ опрокинутся, послѣ вашего возвращенія; сѣбе увѣрить, они еще этого обстоятельства не знаютъ, да полагаю, и знать не будутъ, потому что имъ недолжно надо возмывать. Вашихъ вещей прислано изъ Москвы не было, — жаль, но для васъ это, пожалуй, хорошо. Кстати, москвичи отличились на выставкѣ — ужасъ! Просто, я вамъ доложу, одолжили. Однако-жъ подробно вы узнаете отъ К. А. Савицкаго, который въ настоящее время у меня и скоро ѣдетъ въ Парижъ. Да, бѣдняга, страшася надъ нимъ бѣда. Что касается Стасова, то вотъ ужъ человѣкъ, о которомъ можно сказать: «неисправникъ хоть брось»! И что это за удивительная наивность: удивляется, что всѣ удивляются *)! Какъ? Онъ написалъ, подписалъ, наноругилъ, и чортъ знаетъ что

*) Здѣсь говорится о письмахъ И. Е. Рѣшина къ В. В. Стасову, импозитанныхъ этимъ послѣднимъ, въ извѣщеніяхъ, въ «Пчелѣ». Эти письма вызвали тогда недвоемніе мнѣнія, за то, что въ нихъ Рѣшинъ критически относился къ Рафаэлю и другимъ классикамъ.

Ред.

надѣлалъ, и смѣяютъ удивляться? По-моему, онъ человѣкъ честный, это правда, искренній, еще справедливѣе, а ужъ добрый — такъ достовѣрѣе всего; но все-таки невозможныя, воля ваша! Хотѣ бы вы ему написали, а то онъ думаетъ, что такъ и нужно.

Изъ всей Передвижной выставки я вамъ, впрочемъ, сообщу объ одномъ: Кунджи — это человѣкъ, правда, какъ будто, будущій, но если онъ такъ начнетъ писать, какъ до сихъ поръ, въ эти два раза — признаюсь! Немного насчитаетъ такихъ, молодецъ! Онъ тутъ изобразилъ одну стѣну съ цѣпями, даже Клодтъ хвалитъ. А! Какое! Можете, стало быть, судить.

А что такое сдѣлалось съ «Пчелой», такъ я и говорить не хочу — гадость. Это чортъ знаетъ что за... издатель! Позволили редакторамъ распорядиться валотъ до выпуска 1-го № и до того времени, пока опредѣлилась подписка, а потомъ повернули по-своему; когда повернули по-своему, тутъ и началъ орудовать еще Х. Я кое-что теперь знаю, что такое... Прежде онъ для меня былъ проблема — помните? А теперь я самъ знаю, и хотѣте, я вамъ скажу...

Вашъ И. Крамской.

Выставка наша нѣмѣла успѣха рѣшительный. Думаю, что на будущее время, когда и вамъ можно принять участіе, мы имъ преподемъ!! Жена кланяется, ребятишки понемногу поправляются.

СХХХII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 5-го апрѣля 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письмо, въ которомъ заключалась какая-либо просьба, считается вообще неприятнымъ, ужъ это такъ заведено, и я принялъ этотъ слухъ на вѣру; особенно, если человѣкъ, у котораго что либо просить, недовольничаетъ. Къ счастью, здѣсь этого не случилось; я этому очень радъ, и извиняюсь.

Деньги Кунджи я передалъ, росписку взять съ него поделкатничать, а между тѣмъ уже больше недѣли, какъ онъ нѣтъ общался немедленно вамъ написать, и третьяго дня, при встрѣчѣ съ нимъ, онъ ударилъ себя въ лобъ, и опять обѣщалъ писать немедленно: онъ дѣйствительно рвется вонъ изъ Петербурга, ни о чемъ больше не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, и я сомнѣваюсь, чтобы онъ что-либо могъ сдѣлать, и былъ бы способенъ не юрчить. Впрочемъ, при первой встрѣчѣ, я у него узнаю, какъ онъ думаетъ быть съ пейзажемъ, и когда онъ его кончитъ? На постоянной выставкѣ портретъ Левинаго и видѣлъ, портретъ дѣйствительно хорошій, но чтобъ сказать больше — я его долженъ видѣть еще разъ, и специально. Этого художника я глубоко уважаю. Кстати (а можетъ быть и нѣтъ!), недавно я случайно видѣлъ въ домѣ Гущина, на Караванной, порт-

реть Державина, писанный Лампи, превосходного качества, и, как слышал, его готовы продать.

Этюд мой «Проходница» я действительно полагаю кончить до своего отъезда, но быть ему на Передвижной не придется. Он никому не называется, и навряд ли о нем кто-нибудь скажет не могу, когда его поставлю, да и поставлю ли? О портрете Кольцова я сама вам высказывала несколько раз заключение, близкое к тому, что вам и сказали, но передавать его я могу только в Москву, если вам все равно.

О картине Гуна Боголюбовича мы ни о чем из Парижа: «Гуна выставит вам картину на выставку, о которой озабочены, ибо она идет чрез Бегрова — цена ей 2,000 р., кличка «Помаленький» — она очень хороша и окончена, как сама наша Карл Федорович — до-вольна. Дали здесь сейчас за нее 1,500, но он не захотел, и потому я вчера отправил», — все это выписано буквально из письма Боголюбова, и потому я ни за что не отбываю; картины еще нет, а как только придет, то немедленно будет отправлена в Москву, вы ее там увидите прежде других, и будете судить сами. Я не пишу об ней ни малейшего представления.

Завтра выставка закрывается и отправляется в Москву. Москвичи испытывали желание выставку принять и выставить на праздники.

Дети ничего, но третий, Марс, все еще не хорош, послышания от скарлатины очень дурны. Софья Николаевна так себя. Может быть, все кончится благополучно.

Глубоко уважающий вас Н. Крамской.

ОХХХIII. Къ нему же.

19-го апреля 1876 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович. Извините меня за долгое молчание, и именно в такое время, когда всего скорей следовало бы отвечать с моей стороны на ваши просьбы, как вы их называете. Дело в том, что картина Гуна получена была в Петербург 5-го апреля только. Этого я не знал. Когда же я послѣ вашего письма (отъ 7-го апреля) отправился к Бегрову, то узнаю, что он, в виду закрытия Передвижной выставки, и не думал картину доставить к нам, а преспокойно отправил ее к Цесаревичу, никому из нас о том не сказавши. Только теперь картину мы удалось вырвать, и, как вы видите по квитанции, она уже в Москвѣ. Судите сами. Картина кажется хорошая; то есть написана прекрасно. Относительно Державина, я тоже не мог узнать раньше, и только вчера виделъ Елиз. Андр. Гулевиц (Караванная, собственный

домъ), собственнику портрета, и узнаю, что она желает получить за него 2,500 руб. серебромъ. Послѣ объявления такой цѣны, я, разумеется, и не могъ взять на себя никакой ответственности за переговоры, относительно приобретения, и сказала, что объявленную цѣну сообщу. Она мы показавшись высока. Портретъ этотъ во всякомъ случаѣ нужно будетъ видѣть вамъ лично — если вы пожелаете только пополнить коллекцію вашихъ портретовъ этихъ.

Теперь, относительно самого затруднительнаго пункта — окончанія Максимиловъ и Куняжи ихъ картинъ. Максимиловъ, по-моему, едва ли могъ бы что-нибудь еще тамъ прибавить; что касается Куняжи, то я не знаю, какъ имъ быть. Вы говорите о нравственной ответственности Тонариева — я согласна, что она есть, пожалуй, но какими образомъ этого достигнуть? Когда я, по полученіи отъ васъ письма объ этомъ (смыслъ первого), сказалъ ему — онъ промолчалъ, а по полученіи послѣднѣго, увидѣвъ его на праздникахъ, завелъ объ этомъ рѣчь, то онъ очень недовольнымъ тономъ сказалъ: «Кто же это выдумалъ, что она неокончена?» (тутъ сидѣлъ Александровъ). Я говорю, что вы же сами говорили, и при томъ, что тамъ неоконченъ небо и брызги, да, наконецъ, во время выставки была приписана записка подъ вашей картиной, что она неокончена. «Съ чего же это согласія было сдѣлано?» — «Вы сами видѣли, все время эта записка была, стало быть нѣтъ ничего мудренаго, что такъ объ ней и отзываются; во всякомъ случаѣ я прошу васъ написать Павлу Михайловичу, чтобы онъ не безпокоился». Не знаю, что онъ сдѣлаетъ и писалъ ли, не знаю, такъ какъ я его не видѣлъ больше. Просить его также и о деньгахъ сообщите.

Наконецъ, послѣднее: мой этюдъ въ прострѣленной шашкѣ, по замыслу, долженъ былъ изображать одинъ изъ тѣхъ типовъ (она есть въ русскомъ народѣ), которые многое изъ социального и политическаго строя народной жизни понимаютъ своимъ умомъ, и у которыхъ глубоко засѣло неудовольствие, граничащее съ ненавистью. Изъ такихъ людей въ трудныя минуты набираютъ свои шайки Стеньки Разина, Пугачева, а въ обыкновенное время — они дѣйствуютъ въ одиночку, гдѣ и какъ придется, но никогда не мирятся. Типъ не симпатичный, я знаю, но знаю также, что такихъ много, а ихъ видѣлъ. Назначаетъ онъ въ 400 рублей. Вы найдете, быть можетъ, это дорого, но видъ я на васъ и не рассчитывалъ, я назначилъ цѣну, что если онъ и уйдетъ куда-нибудь, такъ чтобы не было ужъ очень жалко. Всего вѣроятнѣе — онъ у меня останется, и я на это рассчитываю. Не могу кончить, не заявивъ моего глубокаго сожалѣнія по поводу Куняжи, — еще урокъ имъ; потому, что я былъ въ числѣ тѣхъ, которые просили его картину поставить, и говорившихъ, что кончить можно послѣ. Вотъ тебѣ

и послѣ! Къ несчастію, Куинджи такой субъектъ, съ которымъ мудрено сладить. Ради Бога не пеняйте на меня, или даже на Товарищество (хотя вы имѣете поводъ, я признаю это) за случившееся.

«Пріѣздъ губернатки» *) я помню очень хорошо; въ то время, когда я увидѣлъ эту картину на конкурсѣ (что было давно), я думалъ: какъ бы это было хорошо, еслибы было только двѣ фигуры, губернатка и холантъ, пожалуй еще дѣвчонка, будущая ученица, и только. Сама губернатка прелестьна, въ ней есть конфузъ, торопливость какая-то, что-то такое, что сразу заставляетъ зрителя понять личность, и даже моментъ; холантъ тоже недуренъ, хотя не новъ: — у Островскаго взятъ. Остальные лица лишнія и только дѣло потянутъ. Не знаю, какъ теперь я намечалъ бы эту картину, за это не отвѣчаю. Благодарю васъ за память о дѣтияхъ. Слава Богу, поправляются. Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

СХХХIV. Къ нему же.

13-го мая 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Меня съ двухъ сторонъ спрашиваютъ: изъ Парижа — Боголюбовъ, и изъ Ревеля — Брюлловъ, гдѣ картина Гуна, и что съ ней вообще? А такъ какъ я, ее отпавивши къ вамъ, не знаю, какъ она дошла, получили ли вы ее, и стоитъ ли она на выставкѣ, то и не знаю, что отвѣчать спрашивающимъ. Кромѣ того, Брюлловъ желаетъ знать, продана ли она?

Будьте такъ добры, сообщите мнѣ это, чтобы я могъ удовлетворить запросамъ.

Памятникъ Пушкину (вчера рѣшено) будетъ исполнять Опекушинъ. Извините, что не пишу ничего, очень тороплюсь. Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

СХХХV. Къ нему же.

16-го мая 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Мы, кажется, писали одновременно, и какъ я имѣю въ вашемъ письмѣ всѣ отвѣты на то, что мнѣ знать было нужно, то и тороплюсь отвѣчать на ваши. Портретъ Вѣры Николаевны (***) меня очень интересуетъ, и я радъ его сдѣлать; у меня уже есть представление о картинѣ; только, къ моему сожалѣнію, я не могу назна-

*) Картина Перова.

**) Третьяковъ.

Ред.

Ред.

чить времени моего пріѣзда въ Москву. — Отъ Наслѣдника я имѣлъ 15 минутъ въ прошлый понедѣльникъ — только. Общала цѣлый часъ, въ будущій понедѣльникъ, 19-го мая. Это есть единственный ресурсъ, которымъ я только могу располагать. Съ этими-то деньгами я и надѣюсь осуществить свои мечтанія. Послѣ сеанса мнѣ нужно еще 4 недѣли, чтобы кончить портретъ и сдать его. Следовательно, раньше конца іюня нечего и думать выхлѣать. Боюсь и подумать, если что либо случится — пропасть. Правда, портретъ ему нравится, такъ какъ заказалъ еще 2 повторенія грудныхъ, — по времени-то сколько уходить? Для васъ эта комбинація, быть можетъ, даже выгодна, а я рассчитывалъ лѣто работать.

«Перевозъ черезъ Самару» — Гуна едва ли будетъ лучше написана, чѣмъ настоящая, такъ какъ эта очень хорошо сработана; но сюжетъ какъ будто ближе, да вдобавокъ, съ тою картиною у него есть, кажется, обязательство графу Штейнбоку; впрочемъ наѣрное не ручаюсь; я помню разговоръ Гуна съ графомъ, который я слышалъ, будучи у Гуна, что онъ (Штейнбокъ) будетъ ждать, когда картина кончится; но, быть можетъ, это только слова и были. Гунъ скоро долженъ пріѣхать.

Я не советѣлъ понять, какъ этой мой этюдъ купленъ вашимъ братомъ для вашей коллекціи (въ подарокъ?).

На академической выставкѣ особеннаго ничего, исключая польскаго художника Герникаго — «Итальянская таверна», вещь очень талантливая, сильная, типичная, рельефная, только черна очень и тонъ фioletовый, чернильный; но этотъ художникъ — съ будущіюстью. Что касается Литовчани, то ужъ очень плохи головы, а то ничего — старательно.

Семирадскій написалъ вещь чрезвычайно блестящую, и рѣшительно не хуже «Грѣшницы», а положительнаго лучше, но странная публика русская (у нея должно быть много здоровыхъ элементовъ)! Теперь на нее Семирадскій не произвелъ впечатлѣнія: не поразила даже, а какъ-то скоро потерялъ обаяніе въ ея глазахъ, можете себѣ представить? Говорятъ — гауло. Поди-жь ты, узнай тутъ. Нѣтъ, должно быть русскаго человѣка, благодаря отсутствію въ немъ культуры, трудно удовлетворить. Бросаются на новое и блестящее съ жадностію, а отвѣдаютъ, и не понравится — рѣшительными невѣждами! То-ли дѣло заграницей, хотя тамъ и давно такое искусство практикуется, но ему не отказываютъ въ похвалахъ, а здѣсь — не понимаютъ. Кто же еще есть? Ковалевскій? Хорошо рисуетъ, хорошо пишетъ, тонко оканчиваетъ, но оставляетъ зрителя равнодушнымъ; Орловскій скученъ, Лемоха вы знаете, Чижова я не люблю, а стало быть и судить не берусь, а больше нѣтъ ничего. Впрочемъ хорошій пейзажъ Тизенгаузена: вода.

Видѣлъ у Воткинскихъ Фортуну, за котораго онъ заплатилъ 50,000 фран-

ковъ. Что-жь, для коллекцій оно, быть можетъ, и нужно; написано действительно прекрасно, но... что-жь тутъ скажемъ—Фортуни.

Уважающій васъ И. Крамской.

СХХХVI. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 16-го мая 1875 года.

До чего дожили? вы спрашиваете, добрый мой Илья Ефимовичъ — не знаю; всегда ли свѣтъ былъ такъ поглотъ и глупъ, какъ теперь — не знаю; но такъ какъ онъ теперь — скверно, думаю, что всегда былъ, по крайней мѣрѣ, судя по исторіи. Если исторія и отбѣстила нѣкоторыя лица, которая родъ человѣческой водмываетъ изъ пошлости, то тутъ же post-scriptum прибавляется — умеръ въ бѣдности, осмѣянный, или въ изгнаніи, или еще того хуже; при жизни же ничего кромѣ неименити не приобриѣтъ. Впрочемъ читаете «Опытъ біографіи Бѣлинскаго». Пылина. Слишкомъ краснорѣчиво, чтобы не понимать. Къ счастью, или нѣтъ, но мы не франкузы. Этого никогда забывать не надо. Вы теперь уже не имете смысла и значенія, а если иногда поймаете себя на этомъ, то съѣштесь. Хотя я это понимаю, какъ возможное и естественное, только не во всѣхъ и не всегда, то есть не какъ общее правило. Стараться о смыслѣ, искать значенія — значитъ насиловать себя: вѣрнѣйшая дорога не получить ни того, ни другого. Надо, чтобы это лежало натуральнымъ пластомъ въ самой натурѣ. Надо, чтобы эта пота звучала естественно, неискантно, органически. Оно такъ, и basta! Не могу иначе. Миръ для меня такъ окрашенъ; при чемъ же тутъ разсужденія? Я утверждаю, что это въ славянской натурѣ. Я утверждаю, что въ искусствѣ рускомъ черта эта проявилась гораздо раньше, чѣмъ было выдуманно «направленіе». И когда оно натурально (а оно натурально), оно всогранично, ровнымъ образомъ развивается. Хотите ли вы этого, или не хотите, а оно такъ будетъ, такъ должно быть. Хотя бы весь свѣтъ твердилъ иначе! Вамъ не безъизвѣстно то странное явленіе, что вещь, возбуждавшая хорошіе отзвѣвы тамъ, въ Парижѣ, заграничѣ, совсѣмъ не вызываетъ того же вѣстатѣнія въ Россіи. Отчего это? Вы скажете — мы ребята; и вы будете правы, но только отчасти. Напримѣръ, Савицкій удивился, когда увидалъ немца Z. здѣсь на Перендиковой выставкѣ, такъ они моназились ему фальшивымъ. Картина Погѣнова, говорилъ, была недурна даже въ Салонѣ, а тутъ она — общее мѣсто, картина, написанная по рецепту, такихъ тамъ тысячи. Послѣ Деларона есть уже шаблоны, какъ надо написать драму. И это знаете почему? Вы удивитесь, когда я скажу: вы скажете — парадоксъ! Потому,

что у насъ нѣтъ еще множества тысячъ картинъ. Натуральное чувство зрителя, нося зерно здороваго (еще не тронутаго культурой, такъ сказать) идеала, иметъ, прежде всего, полного выраженія этого идеала, не находить — и отворачивается. Вы скажете, но какому же праву? Что они знаютъ? А просто по праву нѣтъ, еще не тронутаго кингана. Кого всего труднѣе удовлетворить? Людей, стоящихъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ развитія: простого, но умнаго мужика, и человѣка высоко просвѣщеннаго. Вотъ, когда мы станемъ, вѣсто сотенъ, нѣтъ миллионы зрителей, когда эти миллионы свиней и комыляковъ вносятъ свои вкусы, понятія, желанія въ искусство, тогда, и только тогда, каждая сторона искусства найдетъ свою публику. Вы принимаете голосъ Парижа, то есть города, за голосъ всего человечества, такъ какъ кто же во всѣхъ частяхъ свѣта не читаетъ парижскихъ газетъ? Это все-таки то же самое. Помяну, слава въ Парижѣ — всеобщая слава. Но какъ же провѣрить, что именно нравится действительно, что производитъ впечатлѣніе, и какое? Вѣдь зритель не записываетъ своихъ впечатлѣній, да онъ имъ зачистую даже и не добираетъ; думаетъ: я не знаю, не понимаю. Говорятъ только газеты, но вѣдь мы уже теперь знаемъ, что такое газета, и знаемъ даже, что публику можно настроить искусственно. Заграничное это возведо въ высокую систему, да и у насъ уже пробуютъ то же — еще не успѣло, но попытки есть, и я надѣюсь, что въ этомъ-то мы не останемся, а не то помогутъ болѣе «опытные люди». Но это мы оставимъ.

Что касается до гениевъ, то, разумеется, для нихъ, какъ и для дураковъ — законъ не писанъ. Фортуни увлекъ всѣхъ естественно. Такъ какъ онъ пишетъ натурально, еще бы не увлекъ! Я видѣлъ его одну вещь, которую купилъ Виткинъ. Совершенно понимаю, что онъ нравится больше всѣхъ, онъ пишетъ наввно, натурально, и стало быть — оригинально. Только онъ не сродни намъ, а понимаетъ его я могу.

Что касается до Харламова, то я вотъ что скажу: поживетъ — увидимъ. Когда онъ придетъ въ Россію, да поживетъ здѣсь годика три, да останется на собственныхъ ногахъ, то есть, когда ему нужно будетъ нѣтъ дѣла съ русской публикой, съ нѣвѣжками, когда возлѣ не будетъ оригиналь — тогда увидимъ. Вѣдь у насъ нельзя гнать одну ноту вѣчно, нельзя Петра и Вавилу писать одними красками, намъ онъ скоро надобѣтъ. Его репутация не для насъ. У насъ еще нѣтъ, какъ я говорилъ выше, публики настолько воспитанной, чтобы давать славу за «слово» манеру, за одну специальность. Мы хотимъ, чтобы художникъ, претендующій на первенство, писалъ одного такъ, другого иначе, третьяго опять иначе, словомъ, придется публику обругать и ухлѣать оялѣ подъ благословеніи небеса. Но я думаю, что онъ не дуракъ — и останется тамъ навсегда. Съ Богомъ! У

нась—странное дѣло, даже Семирадскій уже не поражаетъ; а, между тѣмъ, его теперешняя вещь гораздо лучше написана предыдущихъ. Говорятъ—глупо. Вотъ моды-жъ ты? Нѣтъ, на насъ угодить трудно!! Очень трудно!! Вы просите, чтобы я вамъ сообщила объ картинахъ Геримскаго и другихъ, но что же я вамъ скажу, если Семирадскій уже больше не поражаетъ (а вы помните, какъ онъ привезъ «Грѣшницу?»). Х. глупъ былъ всегда, какъ вы знаете, но чтобы онъ былъ дуракомъ до такой степени, этого я даже не догадывался, а я его знаю. Ковалевскій—хорошо рисуетъ, даже сталъ лучше писать немного, но безъ пера. Подлинно рѣшительно хорошо чувствуетъ краску, хотя есть и поползновение составить свою зачтеную палитру. Не знаю, какъ дальше будетъ, но опасность есть, и, кроме того, совсѣмъ не чувствуетъ необходимости передавать каждую материю своимъ языкомъ. Камень вошелъ и въ волосы, и въ тѣло, и въ бархатъ, и въ траву... да впрочемъ, что же я вамъ рассказываю, когда вы и сами знаете!.. Вотъ Геримскій—дѣло другое. У этого человѣка рѣшительный талантъ, и крупный, только нѣтъ онъ невозможно. Напоминаетъ нашу Русь матушку, но чернотѣ и безколерности, да еще добавокъ съ какимъ-то болынымъ фиолетовымъ тономъ, даме черпалами. Но рельефъ понимается, экспрессию тоже, а ужъ сила, такъ я вамъ скажу! Вѣроятно, искалъ у кого-нибудь краски чернѣе черной. Что касается до содержания, идею... то какъ бы вамъ это сказать?...? Знаете, онъ такъ, когда человѣкъ совершенно равнодушенъ ко всему, и все равно, что бы ни писать. Отечества нѣтъ, то есть оно и есть, да по какимъ-нибудь обстоятельствамъ неудобно говорить откровенно; ну и болтается человѣкъ на нейтральной почвѣ. Это совсѣмъ не то, что Матейко. Я недавно видѣлъ фотографію съ «Стефана Ваторія». Это, я вамъ доложу, такъ и чувствуешь, что у этого человѣка кололется въ груди. Говорятъ, только сверху пишеть.

Для Прахова мѣста не осталось, какъ слѣдуетъ сообщить. Ну, хоть можно, чтобы не должать. Я къ нему давно присматриваюсь: что воно такое? Только знаете, теперь совѣстно собственной тревоги. А почему я такое вниманіе оказала? Только потому, что вы ужъ очень объ немъ отзывались. Есть люди, знающіе, внимающіе даже, пожалуй не глупые, но имъ нужно угадать больше всего направление будущаго вѣтра, чтобы зайти прежде всѣхъ. Не знаю, какъ другіе, а я его уже не боюсь. Чортъ съ нимъ совсѣмъ! Когда я прочелъ его статью въ «Пчелѣ» о передвижной выставкѣ, я почувствовалъ глубокое омерзѣніе: я говорю прямо, потому что такъ увидалъ лѣсть себѣ, и лѣсть тѣмъ болѣе опасную, что написали люди, которые находили это справедливымъ.

Но, слава Богу, я еще не совсѣмъ глупъ, я только удвоилъ осторожность и бдительность, и не раскисаюсь. Я былъ свидѣтель очень наив-

наго признанія. Ну, даѣте, впрочемъ, дѣло постороннее. Какъ бы то ни было, а Праховъ не пишеть, что называется, ни стыда, ни совѣсти, то есть, руководящей идеи. Куда онъ идетъ, что признаеть, накому Богу молится?—не разберешь. Вы видите, дорогой Илья Ефимовичъ, что я все тотъ же наивный человѣкъ, все еще о Богѣ помышляю, и признаю еще нужнымъ молиться. Я понимаю, что я очень отсталъ отъ вѣка... но... Нельзя же безъ глубокой ироніи и оскорбленія относиться къ тому, что лѣзетъ наверхъ, оретъ и паясничаетъ. Впрочеиъ—молчаніе!

Охъ, чувствую, что надо сообщить и объ Антокольскомъ. Но какъ? Надо рассказать дѣло по порядку. Иначе не понять. Вся эта исторія поучительная. Онъ привезъ проектъ изъ Москвы, и, не знаю съ чего, устроилъ обѣдъ, и тамъ, я былъ тамъ. Настъ было четверо: онъ, я, Праховъ и... Максимовъ! Ну, пообщались хорошо! Кости ближняго вымыли, и разошлись. На другой день я видѣлъ проектъ *). Дѣтская лѣпка, но присутствіе таланта большое, исключая Пушкина, фигура котораго не годится нигдѣ, что я ему и сказалъ. Онъ говоритъ, что онъ хотѣлъ его представить царю. Ну и кусть. Фигуръ героевъ поэзии Пушкина мнѣ понравились, не всѣхъ, возложитъ, но вѣдь это эскизъ. Я знаю, что онъ совсѣмъ вложитъ при омонтированіи, то есть, что онъ долженъ вложить! Ну, хорошо, говорю, положимъ, такъ! Только я, къ сожалѣнію, стою на другой точкѣ зрѣнія, и скажу, что если это будетъ исполнено, и исполнено превосходно, я не сомнѣваюсь, то это будетъ памятникъ Антокольскому, а ужъ никакъ не Пушкину. —«Это почему?» —«Да потому, что здѣсь больше всего проглядываетъ ваше личное воззрѣніе на Пушкина, которое еще подлежитъ критикѣ. И тѣмъ вы руководствовались, изображая этихъ лицъ, а не другихъ? Почему, напримеръ, Борисъ Годуновъ занимаетъ первое мѣсто? Потому ли, что онъ, по-вашему, самое великое созданіе Пушкина, или потому, что онъ вамъ даетъ возможность выказать свой драматическій талантъ? Словомъ, вопросъ бездна, и изъ тѣхъ дальнѣе будетъ—все больше и больше. А недаромъ греки и римляне оставляли намъ указанія въ извѣстномъ смыслѣ. Они своихъ великихъ людей воспроизводили въ живыхъ портретахъ, и вотъ, прошло 2,000 лѣтъ, а Софоклъ несколько не смѣшонъ и теперь. Тогда какъ самыя остроумныя комбинаціи для сегоднѣшняго дня не переживаютъ и 50 лѣтъ, и ставаются свидѣтельствомъ наивности современниковъ. Возьмите что хотите... даже гениальный «Петръ» Фальконета, и тотъ теперь возбуждаетъ сожалѣніе, почему онъ римскій императоръ, а не такой, какъ бы всѣ его видѣли въ дѣйствительности. И потому я говорю, вы на меня смотрите какъ на человѣка, для котораго невозможно ваша точка

*) Проектъ памятника Пушкину.

зрѣнія. Я понимаю, что это талантливо, чрезвычайно может быть интересно гдѣ-нибудь въ карикѣ, или фантастическомъ освѣщеніи (кажъ онъ хотѣлъ), но рѣшительно невозможно на улицѣ, на площади, гдѣ шумятъ тысячи народа, солнце во все глаза, пыль, шумъ... и вдругъ—видѣніе. И потомъ, какъ вы это сдѣлаете? Мистицизмъ и спиритизмъ въ Москвѣ, думаетъ, на Тверской площади?!> И потомъ довершили все Стасовъ. Это совершенно ужасный человѣкъ *)! Оценки нѣтъ, онъ избранъ, и уже утвержденъ комиссіею. Предстоитъ, однакожъ, большая работа съ пьедесталами. Вся исторія какъ будто жалостная. Столько шуму! Антокольскій желаетъ дѣлать проектъ: приостановиться. Комитетъ печально благодаритъ. Антокольскій сдѣлать, и Стасовъ разбалаболомъ, что будетъ изосорно, если этотъ проектъ не исполнять! И вдругъ! Какъ хотите, а не хорошо почувствовать самому себя великимъ человѣкомъ. Великій человѣкъ и дурная сродни, для толпы.

А хорошо, еслибы вы продали нашу картину тамъ. Я бы порадовался! Право. Жму кружно руку и женѣ нашей кланяюсь. Н. Крамской.

СХХХVII. Къ П. М. Третьякову.

27-го мая 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не думая, я, что случится мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбой теперь, но дѣлать нечего! Съ портретомъ Цесаревича разсчитъ наступить недѣли черезъ три, а можетъ быть и дальше, и потому, если можно, примите за эту.

Что касается портретовъ Васильева, Антокольскаго и Шишкина, то я ихъ выношу вѣстѣ съ вещами московскихъ художниковъ, которые портились изъ путешествія. Васильевъ и Антокольскій—ваши уже, да покажутъ буду считать и Шишкина, такъ какъ при ликвидаціи и устройствѣ дѣлъ моихъ передъ отъѣздомъ, мнѣ деньги понадобятся. Если я и отиѣкнвался съ портретомъ Шишкина, то только потому, что совѣстно было не можно... а чего? и самъ хорошишко не знаю.

Зимой я получилъ отъ васъ, черезъ брата нашего Сергія Михайловича, 400 руб. сер. Ихъ, я молагаю, возможнымъ засчитать за портреты Васильева и Антокольскаго, если вы согласны. За теперешній этюдъ 400 руб. (не очень вамъ кажется дорогимъ?), а за Шишкина рѣшится въ Москвѣ. Если считать такъ, то я, кажется, не буду состоять вамъ должнымъ; впрочемъ, я увѣренъ, что вы напишете мнѣ прямо, еслибы было ка-

*) Статья В. В. Стасова о проектѣ Антокольскаго, напечатанная въ «Голосѣ» 1875 г., № 70.

кое сомнѣніе. Говоря откровенно, я радъ, что этотъ мужикъ будетъ у васъ. Не знаю почему, но мнѣ этого хотѣлось.

Дѣти и жена перебрались уже на дачу, а я самъ здѣсь оканчиваю портреты, впрочемъ, почти ежедневно ѣзжу къ нимъ, такъ какъ недалеко—за Парголовыми.

Извините меня за просьбу,—я и самъ не разсчитывалъ на это, и даже просилъ Брюллова написать въ Москву, чтобы деньги за этюдъ удержали тамъ до моего пріѣзда. (Я тогда не зналъ, кто купилъ. Объ этомъ было простое извѣстіе отъ Перова).

Если я кое-что писалъ объ Кундики, то больше, какъ личныя ощущенія, а не съ тѣмъ, чтобы вызвать въ васъ усюкоительныя замѣчанія для меня. Я думаю, что не буду далеко отъ истины, если скажу: то, что вы дѣлаете, вы дѣлаете обдуманно, рѣшившись, и потому я глубоко вамъ благодаренъ за деликатное отношеніе ко мнѣ. Совершенно понимаю и цѣню его, но мнѣ мое остается то же, не смотря ни на что, и Кундики сдѣлать дурно, а Товарищество нравственно остается отвѣтственнымъ; и хотя изыскать ничего нельзя, но это скандалъ въ будущемъ.

Искренно и глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

СХХХVIII. Къ нему же.

20-го іюля 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы, быть можетъ, удивляетесь, что обо мнѣ ни слуху, ни духу, какъ говорится; и не мудрено—я самъ удивляюсь. А дѣло, между тѣмъ, въ томъ, что я все время, кромя большого портрета Цесаревича, занимался повтореніями для него же. Они были приготовлены, но такъ какъ ихъ нужно было довести до совершеннаго факсимиле, то это и потребовало большихъ усилій съ моей стороны: это раздѣ; второе, чего я боялся—то и случилось: разсчитъ съ конторой затянулся, и еще, кѣрентно, надоло затянется. Пропало дѣло! Но положимъ, чрезъ мѣсяцъ я и получу, это будетъ еще хорошо; въ настоящую минуту я все же двинуться нигуда не могу, такъ какъ около 14-го августа дѣти мои должны держать экзаменъ въ гимназію, и для того нужно достать документы и прочее тамъ, что еще нужно. Слѣдовательно, время такъ расползлось, что я быть у васъ не могу до августа, а потому, съ величайшимъ прискорбіемъ я васъ о томъ извѣщаю.

И такъ какъ, на основаніи уговора, вамъ должны принадлежать вещи: Антокольскаго портреты, Васильева и Шишкина, то я ихъ и посылаю въ три вѣстѣ. Еслибы рана Шишкина оказалась пострадавшей, то ирому

извинить и поправить ее уже на мой счет, но здесь все было из исправности.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ я получилъ отъ васъ расчетъ всего долга Васильева и его уплаты. Я и прежде это зналъ, и нельзя сказать, чтобы я забылъ объ этомъ обстоятельстве, а для очистки этого долга, нужно было сказать объ немъ матери Васильева; но, сколько мнѣ известно, ей это едва ли будетъ возможно, и теперь я тоже сказать объ этомъ не рѣшаюсь. Но, признавая себя обязаннымъ употребить усилія, чтобы всѣ долги покойнаго были очищены, тѣмъ болѣе, что у меня есть нѣкоторыя вещи отъ него, и прошу васъ, если это все равно, сдѣлать расчетъ со мной, и вычесть изъ слѣдующихъ мнѣ за портретъ Шипкина. А сколько слѣдуетъ? Затруднительный вопросъ. Вотъ видите ли, я бы хотѣлъ, чтобы вы мнѣ сказали прямо, если покажется дорого. Въ послѣднее время, мнѣ дѣлается особенно трудно назначать вамъ цѣну. Напримеръ: я считаю справедливымъ платъ за него 1,000 рублей—много? Если только это слишкомъ, то, ради Бога, пусть будетъ 800 рублей, если и это много, то ужъ слушайте сами... Вѣрите мнѣ, что мнѣ будетъ легче, если вы поступите совершенно свободно. Порѣшивъ, наконецъ, этотъ вопросъ, я буду просить васъ, многоуважаемый Павелъ Михайловичъ, не поставите мнѣ въ вину, что я попрошу васъ выслать мнѣ деньги, потому что я не знаю, когда я получу деньги за портретъ Цесаревича, быть можетъ завтра (нѣтъ, завтра не получу), а быть можетъ... Богъ знаетъ! Между тѣмъ, известный притивъ пѣсни: «нѣтъ, нѣтъ надо»—продолжаетъ существовать во всей силѣ. Что дѣлать, извините! Къ счастью на получение посланныхъ вещей прилагаю при семъ. Искренно и глубоко уважающей васъ Н. Крамской.

Свидѣтельствую свое уваженіе Вѣру Николаевнѣ и глубоко сожалѣю, что до сихъ поръ не удалось начать интересней для меня трудъ*).

Пока займусь кое-что кончить изъ завалившихся вещей, портретъ матери жены, старушки, и Софьи Николаевны съ дочкой.

СХХХІХ. Къ нему же.

10-го августа 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы ждете отвѣта, а я задерживаю, но это потому, что письмо ваше я получилъ наканунѣ экзаменовъ дѣтей въ гимназіи. 4-го и 5-го они экзаменовались во 2-й классъ, потомъ было нѣсколько дней невѣстности, въ которые мы готовились, на всякій случай, экзаменоваться въ другомъ мѣстѣ. Но, благодаря Бога, этого не

случилось—дѣти приняты, и съ хорошими отмѣтками. И такъ, большое (для меня) дѣло окончилось пока благополучно. Я исчезаю во всякомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что третьяго дня все кончено съ Цесаревичемъ. Я получилъ что слѣдовало, и теперь направляюсь къ главному дѣлу. Однакожъ, до 20-го августа (до переезда съ дачи), я пробуду въ Петербургѣ, и въ Москвѣ раньше 25-го числа не буду. Вы же уѣзжаете въ Крымъ въ началѣ сентября; какъ быть? А ужъ какъ бы мнѣ хотѣлось написать испреть Вѣры Николаевны. Но должно быть не суждено, для портрета нужно во всякомъ случаѣ нѣсколько, а взять его негдѣ, и такъ рѣшайте. Отчего мнѣ трудно стало назначать цѣну вамъ? Да кто же его знаетъ, почему трудно. Для всего, вѣроятно, нужно извѣстное разстояніе, чтобы обить предметъ со всѣхъ сторонъ. Видите ли, когда въ какомъ-нибудь дѣлѣ не все извѣстно изъ того, что за кулисами, тогда предполагается Богъ знаетъ что; но когда дѣло становится открытымъ, тогда совѣстно какъ-то надуть публику. Всякій скажетъ: Разсказывай тамъ! Знаемъ мы! Впрочемъ, это не то. Короче, вы такъ много дѣлаете (въ самомъ дѣлѣ) для русскаго искусства, что когда я объ этомъ думаю, то мнѣ все хотѣлось бы, чтобы оно выходило подобросовѣстнѣе... ей-Богу! Вѣдь свѣтло въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ тратитъ сотни тысячъ на это, а тутъ предлагается экономія въ 200 рубльяхъ!.. Какъ хотите, забавно! Я вижу, впрочемъ, что сказать откровенно, почему мнѣ трудно стало назначать вамъ цѣну, для меня невозможно! Чѣмъ болѣе я буду стараться объ этомъ, тѣмъ злутаннѣе будетъ выходить объясненіе. Если можете удовлетвориться этимъ—очень радъ; знаю, не взыщите, что отказываюсь.

Влагодарю васъ за память о семействѣ моемъ, всѣ пока хороши. Деньги 800 рублей получилъ. Искренно и глубоко уважающей васъ Н. Крамской.

СХІ. Къ нему же.

16-го августа 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я ѣду на югъ, дѣйствительно, только вотъ какъ: съ конца августа уѣзжаю изъ Петербурга чрезъ Москву, въ Тулу, къ графу Толстому, и полагаю у него остановиться, такъ какъ неподалеку есть одно мѣсто для картины («Старая барская усадьба»). Я нѣкогда адресъ отъ Мясоедова, гдѣ это именно находится. Тамъ рассчитываю пробыть сентябрь, а можетъ быть и часть октября, а затѣмъ уже, не останавливаясь, чрезъ Одессу и Константинополь, къ цѣли. Полагаю, къ будущей веснѣ подняться чрезъ Італію въ Парижъ, гдѣ и буду работать. Что будетъ дальше—точно не знаю, но видно будетъ на мѣстѣ. Это будетъ

*) Портретъ В. Н. Третьяковой.

такъ, если портретъ не состоится. Если же онъ состоится, то я работать въ Россіи, на указанномъ выше мѣстѣ, буду меньше, а можетъ быть и совсѣмъ не буду, такъ какъ октябрь мѣсяцъ, еще возможный для плаванія по Черному морю, надобно удерживать въ распоряженіи. Разумѣется, въ Крыму хорошо бы пожить и поработать, но что-жъ дѣлать? Мнѣ надо отъ этого рѣшительно отказаться. Кромѣ того, судя по важному письму, не рѣшено навѣрное, ѣдете ли вы? И такъ остается (если еще останется) конецъ августа и часть сентября. Гдѣ работать—въ городѣ ли, или на дачѣ? Мнѣ собственно это все равно. Думаю, впрочемъ, что я предпочтительнѣе сдѣлалъ бы на воздухѣ; но это вопросъ такого рода, что онъ можетъ быть рѣшенъ въ полчаса, но лично, а не теперь — гадалельно; и опятъ, это будетъ зависеть отъ того, долго ли вы останетесь на дачѣ? Одно условіе, вамъ, конечно, такъ же хорошо извѣстное, какъ и мнѣ, чтобы было окошко одно хорошее. Выходить, что рѣшить окончательно вопросъ о портретѣ все-таки придется вамъ.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамсков.

СХЛІ. Къ И. Е. Рѣшину.

Смб. 20-го августа 1876 г.

Говоря по совѣсти, дорогой Ілья Ефимовичъ, я востунилъ съ вами по-свински. Но такъ какъ всѣ русскіе люди поступаютъ часто такими же образомъ, то вамъ и неудивительно! Если это въ данномъ случаѣ правда, то я могу съ легкостью продолжать, для принципа нагородить съ три короба причинъ уважительныхъ. И такъ, вотъ онѣ, уважительныя причины: получилъ ваше письмо отъ 14-го іюня (болѣе 2-хъ мѣсяцевъ назадъ), я все собирался, собирался... и собирался до сихъ поръ—до прїѣзда въ Петербургъ Куинджи. (Каково летѣть-то!). Но вотъ видите ли: сначала собирался потому, что нужно было кончить (и начать) два повторенія для Цесаревича, и въ концѣ іюля они были кончены; потомъ—счета, объясненія съ гофъ-маршаломъ и такъ далѣе, очень трудныя и непріятныя; потомъ моступленіе дѣтей въ гимназію (ого, вотъ сколько времени!), и, наконецъ, времени такъ много ушло въ молчаніи, что нужно было какое-либо событіе, чтобы я исполнилъ что слѣдуетъ. Такими событіемъ могло быть или новое письмо отъ васъ, или что-либо экстраординарное. Письма отъ васъ, я, при всей наивности, не могъ ждать, такъ какъ очень хорошо зналъ, что получить его не заслуживаю; оставалось исключительное обстоятельство—оно и представилось въ видѣ грека*), который воротился въ

Петербургъ женатымъ, что меня несказанно радуетъ, но многія яричнаны. Сдѣлавъ это, быть можетъ, ненужное предисловіе—продолжаю.

Когда здѣсь былъ Савицкій, я рассчитывалъ вырваться на недѣлю въ Парижъ, собственно на выставку, если кончу портретъ Цесаревича скоро. Но расчеты мои разлетѣлись прахомъ, такъ какъ только въ первыхъ числахъ іюня я имѣлъ послѣдніе сеансы; затѣмъ, оставалось привести его въ порядокъ, да повторить два раза (правда ноясныхъ), какъ писалъ уже—стало быть не поѣхалъ. Итгомъ все было на привязи, и оно пропало самыми главными образомъ. Теперь, когда все кончено, я приступаю къ новой лонкѣ въ своей жизни и карьерѣ: я исчезаю изъ Питера. Не въ могути. Сначала ѣду на Востокъ, потомъ въ Италію, и къ веснѣ буду въ Парижѣ, и все это для той картины, знаете, «Хохотъ». Линевидірю дѣла здѣсь совсѣмъ; гдѣ буду, что буду дѣлать—знаю, и въ то же время не знаю, но для Петербурга я поглубже созданіе. Уже который разъ въ моей жизни проносятся мереломы! По счету моему—въ третій. Что-жъ тутъ дѣлать, судьба. А работы-то сколько въ Россіи—подумать страшно. А сколько насъ? Считите-ка. И что это такое совершается съ нами, русскими людьми? Удивительно! Устроиваемъ, разстроиваемъ, опятъ разстроиваемъ, и такъ безъ конца. Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ. И что это мы? Сидимъ дома—сидерно, тѣсно. Вырваться бы! Вырвался—тоскуешь, доной бы! Сказочка про бѣлаго бычка. Одно угѣмительно, вы ничего не понимаете во всей этой кутерьмѣ; да оно и не важно. Дѣло въ томъ, что съ октября меня въ Петербургъ уже не будетъ. Но это хотя и не секретъ, однакожъ знаютъ суть немногіе, да и знать имъ не зачѣмъ. Ну, итму и только—бѣда не велика, мѣсто очистится. Поговорили власть съ глубокомысленными грекомъ*); я покатывался со смѣху, когда онъ излагалъ свои взгляды на Барона, искусство, Фортуни, Корѣ и прочее... и только спрашивалъ:—«И вы такъ тамъ (въ Парижѣ то есть) врано и говорили?»—«И говорилъ!»—«Чудесно!»—Итму, волавама—у насъ рѣшительно есть будущность. Это несомнѣнно, какъ день. Въ самомъ дѣлѣ, что такое законодательство въ искусствѣ Франціи? Впрочемъ, ничего—молчаніе, до личныя объясненія.

Вотъ теперь чего надо коснуться, и только коснуться, а не разсуждать, потому что я вашей картины не видалъ**). Вы мнѣ не говорили о сюжетѣ своей картины, я только самшаль объ ней. Хорошо. Я одного не понимаю, какъ могло случиться, что вы это писали? Не правда ли, нахальный приступить? Ничего, чѣмъ больше уважалъ и любилъ человека, тѣмъ

*) Куинджи.

**) «Кафѣ въ Парижѣ».

*) Куинджи.

обязательнее сказать прямо. Я думал, что у вас сидит совершенно окрышное убеждение относительно главных положений искусства, его средств, и специально народная струна. Что ни говорите, а искусство не наука. Оно только тогда сильно, когда национально. Вы скажете, а общечеловеческое? Да, но ведь оно, это общечеловеческое, пробивается в искусство только сквозь национальную форму, а если и есть космополитические, международные мотивы, то они всё лежат далеко в древности, от которой всё народы одинаково далеко отстоят. Это раз. Да кроме того, они тем удобны, что их всякий обрабатывает на свой манер, не боясь быть уличенным. Что касается теперь текущей жизни, то человек, у которого течет в жилах хохляцкая кровь, наиболее способен (потому что понимает это без усилий) изобразить тяжёлый, кривой и почти дикий организм, а уж никак не кокетка. Я не скажу, чтобы это не было сюжетом. Ещё какой! Только не для нас: нужно с колыбели слушать шамсонетки, нужно, чтобы несколько мокошней раньше нашего появления на свет утрачивались из продолжения разных штук. Словом, надо быть французом. Короче, искусство до такой степени заключается в форме, что только от этой формы зависит и идея. Фортун — на Западе явление совершенно нормальное, понятное, хотя и не величественное, а потому и мало достойное подражания. Видь Фортун есть, правда, последнее слово, но чего? Наклонностей и вкусов денежной буржуазии. Какие у буржуазии идеалы? Что она любит? Къ чему стремится? О чём больше всего хлопочет? Награбив с народа денег, она хочет наслаждаться — это понятно. Ну, подавай мнѣ такую и музыку, такое искусство, такую политику и такую религию (если без нея уже нельзя) — вот откуда эти баснословные деньги за картины. Развѣ ей понятны другие инстинкты? Развѣ вы не видите, что вещи, гораздо более капитальные, оплачиваются дешевле. Оно и быть иначе не может. Развѣ Патти — сердце? Да и зачѣм ей это, когда искусство буржуазии замалчивается именно в отрицании этого колючка мяса: оно мѣшает складывать деньги; или неужто неудобно спинать рубашку с бѣдына, посредством биржевых продѣлок. Долой его, къ чорту. Давай мнѣ впритую, чтобы кисть его изгибалась как змѣя, и всегда готова была догадаться, въ каком настроении повелитель. Но что же? Развѣ это мѣшает явиться человеку, у которого вкусы будут разниться от денежных людей? Нѣтъ, не мѣшает, только буржуазия не так глупа, чтобы не распознать иностранца, у которого акцент не может быть совершенно чистым, и это ей даст право пройти мимо, не обративъ вниманія. Случись же такая ошибка, скажу больше, скандалъ, съ ихъ кровавымъ художникомъ — посудумали бы вы, чѣмъ такого художника угостила бы печать, состоящая на откуп у буржуазии.

Единственная струнка, доступная буржуазіи, относящаяся къ числу благородныхъ (и то сомнительно) — это жажда мести за победы пѣшцев. Отсюда и достоинство Невилля и модобыихъ ему. И такъ, написать плохо вы не могли, но написать такъ, какъ нужно, вы тоже не могли. Вы ироничны, попавшіи въ толпу, — вы видите, что дѣло не ладно, одно васъ оскорбляетъ, другое отрицательно, а между тѣмъ, цинически избѣжать наскокъ. Но вы еще не умѣете говорить тѣмъ языкомъ, какимъ съ горстью, и потому вы не можете обратить вниманіе французовъ на свои мысли, а только на свой языкъ, выражения и манеры. Не обижайтесь на меня, дорогой мой. Думаю, что въ моихъ словахъ ничего непріятнаго и не заключается. Если есть ошибки — поленизируйте.

Клянясь жемъ, и напишите глубоко васъ уважающему

И. Крапскому.

СХІІ. Къ нему же.

Москва, 10-го сентября 1875 г.

Письмо ваше, дорогой Илья Ефимовичъ, я получилъ въ то время, когда я выходилъ изъ квартиры своей съ чемоданомъ въ рукахъ, чтобы ѣхать въ Москву, гдѣ и пробуду еще дней пять, и потомъ назадъ.

Въ писемъ вашихъ, вѣстѣ съ обыкновенными и ясными строками, есть нѣсколько многозначительныхъ, а потому я буду отвѣчать последовательно и по пунктамъ, чтобы вы знали себѣ представили въ памяти, на что именно я отвѣчаю.

Петербургъ и я ни на что не мѣили. Я сказала, что исхожаю изъ него, это значитъ, только на некоторое..... очень, правда, неопредѣленное время. Кроме того, я что-то такое сказала еще и о карьерѣ (кажете!); но это не значитъ, однакомъ, что желаю ее начать въ Европѣ. Во 1-хъ, я не чувствую себя еще великимъ человекомъ, а, напротивъ, теперь больше чѣмъ когда-нибудь ясно понимаю, что за штука такая величіе, а во 2-хъ, я не утратилъ окончательно памяти, и потому очень хорошо свои собственные прокопѣди на этотъ счетъ; а въ томъ, что Европа во мнѣ не нуждается, я былъ убежденъ, вѣроятно, еще до своего рожденія, потому что, сколько и себя лично, убежденіе это было во мнѣ готово. А потому, въ связи съ вашими лестными для меня изглаголомъ на мою особу, какъ человека съ умомъ и энергіей, вы сугубо можете успокоиться. Относительно же слабости воображать себя народомъ, мѣшающимъ будущность, можно только сказать, что мысли подобнаго сорта не навеситъ обиды Западу. Вы скажете: но самообольщаютъ насъ. Можетъ быть, тутъ и правда есть, даже навѣрное; но что дѣлать, когда молодая особа начинаетъ сознавать въ себѣ некото-

рыя склонности, отличительная от других себя подобных. В том, что я думаю, что русские вносят некоторую долю в общее достояние, и что теперь очередь за ними, быть никакому противоречию с логикой вещей. Вы видите из этого, что я принадлежу к мартин славянофилов, блаженной памяти; но это не беда. До сих пор это не мешало еще мне смотреть в оба, и не спать. Вы смотрите на это своими глазами. Вам это кажется грехами и одуряющими гашинием — зависить от натуры: на одного — мысли эти действуют усыпляющим образом, на другого — наоборот: она становится еще внимательнее, сознание ответственности перед самим собою, еще строже она работает и думает. Но если уж сказать что-нибудь о гашинии, то, сколько мне известно из источников достоверных, во Франции именно, и частью в Англии, из классах, обладающих и образованней, и достатком, гашинии очень употребляют, не правда небось? Оно, молюсь, вы говорите об гашинии инсказательно, так сказать, но ведь и реальный гашинии штука некрасивая, и употребляется уже тогда, когда организм поврежден. Но, впрочем, все это в сущности ничего не доказывает. Что я думаю так, как думаю, беда небольшая — плохо будет, когда я оглохну и ослепну. До сих пор порт, я, слава Богу, на-строюж. Что я задумал побеседовать с вами о том, ввиду тому грек?). Он ей-Богу симпатичен, как и вы говорите; не любить его нельзя — а кого любишь, на ошибки не обрамается внимания, а случается и больше.

Вот «главные положения искусства» — статья писал. Тут нельзя сказать: люблю или не люблю, хочется или не хочется, а они, эти проклятые законы, существуют помимо моего и вашего личного вкуса и темперамента. С ними приходится впасть всю жизнь: не служил им подчиниться — погиб, а по сколько каждый из нас в состоянии их понять и свободно подчиниться им — настолько долговечнее, хотя темперамент и вкус играют роль проводников, телеграфных проводов, но только проводников — ни больше, ни меньше. Это неприятие — согласие, мешается своеобразно — больше того согласие, это, наконец, надобно, чорт побери, как старая богомольная старуха — верно, а они, законы эти, все-таки есть, были и будут. И тут быть противоречия, несмотря на то, что я в первом письме поставил смысл картины в зависимость от характера человека, и не только от характера, но и от нации. Вы говорите, что теперь уже не так велика разница между нациями. Будто? В городах это, пожалуй, верно, а если взять массу, миллионы, то..... призадумались решить. Не согласны? Жаль, а мне позволяйте остаться

* Куняки.

при своем. Однакож, несмотря и на это разногласие, я не вижу причины ни их охлаждению, ни к насильникам.

Что такое Фортун, вам с вами будет мудрено решить к обоим согласию, тем более, что вы ищите на своей стороне художников всего света, авторитета, перед которым я должен был бы смиряться, но... вы все-таки ошибаетесь, видя их из буржуазии. Они суть, за малым исключением, плоть от плоти ее, и кость от костей ее. Мое выражение, что Фортун есть высшая точка, идеал представлений о художнике буржуазии, вы приурочили к людям, специально теперь населяющему Париж и шатающемуся там. Но ведь масса буржуазии могла ни разу не слышать имени его, а он, Фортун, быть из выразителей. Я понимаю, что рискованно говорить что-либо против в то время, когда все хорошо твердят другое, и даже хотя бы не противоречит, а только выражает сомнение, что дескать действительно ли он есть гений XIX века? Достаточно, чтобы на глазу дерзкого обухнулись громи. Кроме того, я усложнил дело еще и тем обстоятельством, что отнес художников всего света к буржуазии? Но эти вещи мне уже будет совсем доказывать вам. Говорю это с истинным и глубоким уважением к вам, этого я доказывать не буду. Самое важное — это то, что я не выдаю Фортун, а служу! Но во-1-х, видать один оригинал, 2 акварели и множество офортов; кроме того огромная и превосходная фотография со всех его вещей. Охотно отдаю вам технику, но то что главного, то позволяйте думать, что он величайший из великих буржуазных художников. Мало этого вам? Неужели вам бы хотелось, чтобы я признал его еще и великим в настоящем смысле? Пусть я ничего не понимаю, пусть останусь азиатцем за это — что делать, не могу никак смотреть.

Гораздо серьезнее этого то место вашего письма, где вы говорите, что я «своими умом» дошел до того, что, не задумавшись, бросаю комком грязи в Невилла. Это уж напрасно! После этого я могу не считать роскошью, чтобы письма мои читались внимательно. Не я ли его-то именно и выдвигал из всех, а что и тут принималась та же буржуазия и прочее, то все-таки в этом не было грязи. Я убежден, что хладнокровно рассмотревши мое письмо, вы не скажете, чтобы я бросал в него грязью. Убью вас, я не святого, самолюбивое невежество мне незнакомо, и думаю, что уподобиться особ, отыскивающей только навоз да сор в всюду — время для меня не наступило. Мнѣния мои могут казаться провинциальными, и даже быть ники (относительно искусства) — это меня никак не сокрушает. Если судить по аналогии, то придется сказать, что мнѣния и суждения провинциалов рѣшительно здоровѣе и даже прогрессивнѣе столичных, во всем, что касается главных сторон народной

жизни: хозяйства, образования, суда и многого другого. Да и кто же двигает дело? Столицы? Ошибаетесь: провинциалы, монахи в столицу, потому что они хорошо знают ту жизнь, на которую надо действовать. Они носят в себе сознательные требования, что и как должно быть сделано. И только такие реальные люди, как провинциалы, и могут что-нибудь сделать путное. В столицах же, во необходимости, чувство начинает служить буржуазии, и человек привыкает смотреть через маленькое окошечко и воображать себя на вершин требований времени, и даже сердиться, что существуют другие требования там, где-то внизу, в провинции. В столицах плетутся кружева (иначе нельзя, впрочем), художественные, да и только. Скажите, у кого из современных художников есть такая страстная, историческая яружина, кроме Матеева? Его картины не выдашь тоже, во видя фотографию со «Стефана Ватория, кричающего москвитей». Подавляющее понимание истории (то есть живых лиц!). А ведь, он не больше, как провинциал, перед... Фортуну. Вели, чего доброго, он захочет писать получше, то есть, так, как теперь обязательно даже для гимназистов, то думаю, что дело не пойдешь. Не технические задачи двигают технику, а преследование олимпторения представлений. Но так как я начинаю выпадать в надоевшее достаточно красноречие, то... умолкаю.

Пронуская совершенно мимо о вашей картинке, потому что я должен был понять, что вам ничего другого не оставалось делать, как только то, что вы сделали. Прошу извинить, говорю это совершенно искренно, и с глубоким сожалением о своей глупости. А все же я могу себе представить выставку парижскую — не сбавившая с нашей петербургской. Вообразим на минуту Эрмитаж с 5,000 картин, и дело станет ясно.

Но не это я хотел вам сказать, а то, что вы еще одного дела не поняли в моем письме (или уже я его написал так безобразно, что подлежу обвинению). Это именно о скандале, будто бы произошедшем с вами. И не думал! Там стоит вот что: «Посмотрели бы вы, что за скандал произошел бы, если бы идея вашей картины была реализована чистым парижанином (если бы таковой был способен, впрочем, до этого подняться), если бы эта картина могла безосновательно, невозможно поднять в буржуазии (говорю опять это слово) представление о действительной мерзости, в которой общество начинает колоскаться... все заторопило бы: «Разбой! Это не дело искусства! Куда оно суется! Это чорт знает что такое!..» Словом, скандала благородный! Вам заключительная примечка о том, какое я принял положение при вашей какой-то неудаче (во всем письме иметь на это и намека), и что я начал кричать: «Атү его! Атү его!» может быть отнесена мною на свою голову и поста-

влена в виду только потому развѣ, что (вѣроятно) я написал письмо, окончательно неудобное для пониманія. И потому, неужели у вас не заронилось подозрѣнія: да способенъ ли я на это, сколько вы меня знаете? Я совершенно спокоенъ, что я не заслуживаю «онлаты за неумѣстный крикъ», потому собственно, что я такого не издавать. Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, что вы найдете, во вторичномъ прочтеніи, въ моемъ письмѣ, сообщите москвитѣ. Я знаю, что это скучно, по праву, въ виду впечатлѣнія, которое оно на васъ сдѣлало, мнѣ важно, что вы скажете теперь. Уважающій васъ глубоко

И. Крапской.

CXLIII. Къ П. М. Третьякову.

2-го ноября 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не удивляйтесь, что я не пишу въ Москву и даже не отвѣчалъ вамъ: у меня послѣдній сынъ (грудной) умрѣлъ, и сегодня только лучше ему, быть можетъ поправится. Кромѣ того дѣло о нечестномъ свидѣтельствѣ еще не кончено, и когда кончится — Богу извѣстно. Я былъ уже у просящего — просилъ, но... тянется, и только. Надѣюсь, однакожъ, что къ 14-му числу буду въ Москвѣ; до того же времени, прошу васъ закрыть портретъ и куда-нибудь поставить подалѣе отъ взоровъ. Глубоко уважающій

И. Крапской.

CXLIV. Къ нему же.

19-го ноября 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Державина ли это портретъ у Гугельтъ? Я, пожалуй, утверждать не возмусъ тоже, такъ какъ и у меня мелькнула эта мысль, когда я видѣлъ въ первый разъ; но скоро въ этомъ отношеніи успокоился, такъ какъ академикъ Гротъ не сомнѣвается. Относительно Сперанскаго — жалъ. По старію Григоровича вы купили портретъ Полонскаго! Я знаю этотъ портретъ и удивляюсь. Но какъ это курьезно, какъ вы сами говорите, то, вѣроятно, опасности нѣтъ, а только маленькая непріятность. Ваше положеніе таково, что приходится иногда дѣлать вещи, завѣдомо удовольствія не представляющія — чтожъ дѣлать? вполнѣ это понимаю, хотя и не знаю въ данномъ случаѣ факта. Охотно принимаю на себя ликвидацію долга Васильева, и съ Григоровичемъ покончу.

Знакъ Зауервейда я знаю — это лучше, что онъ сдѣлалъ, и хотя, быть можетъ, оно и въ самомъ дѣлѣ могло (и должно бы) стоить дешевле, но я объ этомъ узналъ уже отъ Гуна, какъ объ вещи конченной. Что же

касается Васильева картины, принадлежащей Гуну, то за нее он заплатил ровно 200 рублей. По получении нашего письма, я попробовал узнать такт Фробе, для чего он стаялши нам вонца на постоянную выставку и не продает ли их? Напрямь Васильева? Он сказал: нѣтъ! А за Васильева я теперь не возмю 500 рублей, такъ она мнѣ нравится. Изъ этого вы можете судить, что нѣмцы не прочь извлечь выгоду — ну и пусть. Надо подождать. Большую акварель Брюллова я знаю давно, еще во дворцѣ Марии Николаевны, это несомнѣнно его оригиналъ*). Мѣсяца 2 назадъ Григоровичъ мнѣ говорилъ объ ней и показывать, хваливать, и даже прямо совѣтовалъ мнѣ вамъ посоветовать ее приобрести, но я, какъ вы знаете, не сказалъ вамъ ни слова. А что онъ теперь будетъ думать, что это я вынуждалъ, что вы ее не купили, то съ этимъ дѣлать нечего. Онъ, очевидно, хотя человѣкъ и умный, но кое-чего не смываетъ, именно: окончательно не знаетъ насъ. Онъ обо всѣхъ судить такъ, что всякаго, особенно любителя, можно настроить какъ угодно; что любитель не долженъ имѣть своихъ впечатлѣній, на то онъ и любитель, а что достаточно съ него только повиноваться. Но здѣсь есть вотъ что еще. Акварель эта, какъ я узналъ, была куда-то отложена великою княгиней; Григоровичъ воспользовался, и сталъ говорить, что какъ же это такъ, Брюлловъ и проч. Положимъ, это вещь неважная, но все же это Брюлловъ... Великая княгиня и говорить: «Ну, такъ возьмите ее себѣ въ Общество, дарю». Остальное монятно. Шпаншина и Майкова не видалъ. Постараюсь, но не думаю, чтобы что-нибудь важное.

Дѣло, меня удерживающее, принимаетъ наконецъ форму; свидѣтели получили изъ консисторіи вызовъ дать показанія, стало быть скоро, а какъ? все еще нельзя сказать утвердительно, но, очевидно, не вѣчно будетъ тагуться.

Вѣрьте только, что рвусь въ Москву, и при первой возможности буду. Впрочемъ, вы будете знать впередъ.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CXLV. Къ нему же.

10-го декабря 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картины Айвазовскаго я видѣлъ, и рѣшительно ничего не могу сказать что-нибудь, такъ какъ я, вѣроятно, не понимаю ихъ достоинствъ. Одно я вынесъ изъ обзора ихъ, что Айвазовскій, вѣроятно, обладаетъ секретомъ составленія красокъ, и даже

*) «Сладкія вѣды въ Константиновѣ».

красокъ самыхъ секретныхъ; такихъ яркихъ и чистыхъ тоновъ я не видалъ даже на полкахъ москательныхъ лавокъ. Всѣ 18 картинъ (поставленныхъ подъ 18 №№) до такой степени выходятъ изъ круга моихъ понятій, что, если уже нужно брать что-нибудь изъ этой коллекціи, то надо скупать 13 билетиковъ по №№, и зажурившись, взять какой-нибудь — ошибки не произойдетъ, налѣзное вы вынете самый лучший №. Извините, ради Бога, что я такъ выражаюсь, но я въ самомъ затруднительномъ положеніи. Отъ скажу, что именно есть лучшаго въ тевереншей коллекціи Айвазовскаго, очень мудро, и я бы дорого далъ за то, чтобы видѣть подобнаго хребца, особенно если онъ докажетъ, почему выбранная имъ картина будетъ лучше, или наиболее нова. Очень бы былъ радъ служить вамъ, но въ настоящеемъ случаѣ не въ силахъ. Полоснаго портрета уже есть, заказавъ ли раму? Что же касается моего дѣла, то мнѣ приходится пить ту же пи-сенку, какія обыкновенно пѣлись блаженной памяти старымъ судамъ. Скоро кончится: свидѣтели уже спрощены, оспарива... остается кончить. Конечно, я бы могъ чудесно уже кончить портретъ, прожить 2 мѣсяца въ Москвѣ, но... чтожъ дѣлать? со дня на день жду, жду, и конца не вижу. Министръ Толстой общался наконецъ, но что будетъ и когда — не знаю.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CXLVI. Къ нему же.

17-го декабря 1875 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не удивляйтесь, если встрѣтите «Биржевыя вѣдомости» 16-го декабря, гдѣ есть статьи Александрова объ Айвазовскомъ, и прочтете на счетъ лотерейныхъ билетиковъ. Удивительно, до чего я становлюсь «особа»: мои выраженія, сказанныя какъ нибудь случайно, выходятъ въ печать. Не знаемъ, какъ и быть. Положимъ, Александровъ не зналъ, о комъ шла рѣчь — я сказалъ просто Клоду, въ то время сидѣвшему у меня; тутъ же былъ и Александровъ, сказалъ это, ни къ кому не относя, а онъ и подхватилъ. Пусть бы ужъ было стоющее выраженіе, а то и того нѣтъ. Стараюсь быть осторожнымъ, а выходятъ все такъ неосторожно. Положимъ, дѣло не важное, а вѣстки не-приятно; ужъ и такъ много желающихъ указывать нальцани, а тутъ подтвержденіе слуховъ выходитъ! Что касается Хуцидской, — стараюсь: я теперь почему-то расписался. Она часто бывала (когда прѣѣзжала) у Никитенко, съ дочерью котораго она дружна; я ее видѣлъ, познакомился, и если только она здѣсь, напишу. Скоро буду у Никитенко. Такъ какъ праздни-къ пробуду здѣсь, то и Григоровича кончу. Полоснѣй вымелъ леку-

ренъ (жена говоритъ), можетъ быть такой же, какъ Гунъ, можетъ получше, а можетъ и похуже. Увидите сами. Но такъ какъ художникъ не можетъ не попросить денегъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то такъ и я, не успѣвъ кончить, какъ — ужъ пожалуйте! Дѣло въ томъ, что я свои капиталы (капиталы!!) перевелъ на нихъ женою на двухъ-лѣтний бюджетъ, то и захожусь отъ нея въ зависимости, что свободному художнику нѣсколько неприлично, а тутъ надвигается зима, то... и т. д., и т. д. Словомъ, если за Положскаго (еще ничего не вида), будетъ недорого 300 рублей, то я буду очень благодаренъ вамъ за этотъ подарокъ къ празднику.

Что касается жѣта лица вашей супруги, бывшаго и теперешняго, то вы не повѣрите, какъ это мнѣ прискорбѣло; ужъ разумѣется, я могъ бы написать по приѣздѣ намекъ, и можетъ быть кончилъ бы, если бы я былъ пророкъ, и зналъ бы, что со мной будетъ поступлено такими невѣроятно скверными образами.

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

СXLVII. Къ И. Е. Рѣшину.

С.Петербургъ, 26-го марта 1876 г.

Вы правы, дорогой Илья Ефимовичъ, ожидалъ отъ меня кое-чего; я помню, что я даже обѣщаль... но все равно, если бы и не обѣщаль, то и въ такомъ случаѣ я долженъ бы былъ догадываться, что вамъ это не будетъ скучно; а стало быть... но вотъ, подите-жъ, не написали! Впрочемъ, въ первый моментъ, когда я нѣчто обыкновенно отбѣгать на письма, я не могъ — заболѣлъ, а теперь поправился въ тѣ уже дня четыре, и все не собрался, пока не получалъ отъ васъ наминашки.

Выставка! Гмъ, да, выставка! Говорить, хорошая. Вонъ Стасовъ говоритъ, что по значенію — она первая. Можетъ и правда. Даже действительно правда. Только либо я выросъ, либо выставка ниже того желаннаго уровня, о которомъ я подразумеваю. Одна, дѣйствительно прекрасная выставка не составлять, и чортъ его знаетъ, отчего это? А между тѣмъ, выставте только одну эту вещь, или эти двѣ, и скажете публикѣ: вотъ показываются двѣ картины, пожалуйста! Она пойдетъ, и скажетъ: хорошо! Дайте сто, и между ними эти же двѣ, поморщится, давай ей картины, которые бы производили сенсацию. Разумѣется, со стороны публики — это глупо, даже подло! Потому что... ну, да что тутъ толковать. Вы знаете сами, что подло требовать отъ человѣка, художника, того, чего я ему не даю. Развѣ художникъ не зябнетъ у насъ отъ холоду? Да еще русскій художникъ? (Вы поймете, въ какомъ смыслѣ я говорю русскій). Кому до него настоящее дѣло, кромя малой толки Третьякова? Впрочемъ, позволяете,

я хотѣлъ вамъ писать о выставкѣ, и потому пишу. Я буду говорить въ томъ порядкѣ, въ которомъ (по моему) вещи по внутреннему своему достоинству расматриваются на выставкѣ. Первое жѣсто занимаетъ Шишкина «Рокъ». Уже изъ одного этого вы можете судить, что такое выставка, потому что всѣ мы знаемъ, что отъ Шишкина требовать нельзя поэзіи и того захватывающаго душу настроенія, которое озаряетъ пути для художниковъ и производитъ сенсацию въ публикѣ (оговорюсь впрочемъ: всѣ мнѣнія, здѣсь высказанныя, суть моя личная точка зрѣнія, несколько не обязательная, къ счастью, ни для кого). Потомъ 2-е мѣсто — Рѣшинъ и Ярошенко, съ двумя этюдами: «Дьякономъ» и «Кочегаромъ». Затѣмъ, онъ же, Ярошенко — карандашный портретъ Мартина, — это вещи, выходящая за уровень вообще. Послѣ того, идетъ вся выставка ровно, гладко, хорошо, то есть, такъ хорошо, что совершенно плохой вещи почти нѣтъ. (Пува я исключая вовсе). Ноты, которая бы звучала, какъ призывный колоколъ, на выставкѣ нѣтъ, а безъ такой ноты на публику не подѣствуешь. Виновать, публика ходитъ, публика хвалитъ, публика покупаетъ (даже), во я толку и мрачно про себя думаю: «И кого это мы морочимъ?! Все зависитъ отъ точки зрѣнія. Посмотришь просто, и все дѣйствительно окажется хорошо, посмотришь серьезно — такъ себѣ». Вотъ мое откровенное мнѣніе.

Теперь займемся подробностями. Шишкина «Рокъ» — одна изъ удачнѣйшихъ вещей Шишкина вообще. Я думаю, даже, что если бы она стояла какинь нибудь чудомъ въ Салонѣ, то... (а впрочемъ, чортъ его знаетъ). «Кочегаръ» и «Дьяконъ» — балансируютъ: не знаемъ, который лучше? Разумѣется «Кочегаръ» въ живописи уступаетъ «Дьякону», по впечатлѣнію, типичности — равны; оба вѣсятъ здорово. Затѣмъ, волею-неволею, надо сказать объ Кундики, — но порядку такъ выходить. Его «Лѣсъ» — нѣтъ много сказочнаго, даже какую-то поэзію, хотя многого и не понимаю, или не могу вынести, что-то въ его принципахъ о колоритѣ есть для меня совершенно недоступное: быть можетъ это совершенно новый живописный принципъ, быть можетъ эти краски суть наиболѣе вѣрныя, съ научной точки зрѣнія, потому что, когда читаешь ученый трактатъ о цвѣтѣ, спектрѣ, то нѣтъ дѣла съ чѣмъ-то совершенно незнакомымъ для человѣка, съ чѣмъ-то никогда не встрѣчающимся между вѣстательными, полученными нашими глазами отъ дѣйствительности. Такъ и тутъ. Какъ его «Лѣсъ» я могу понять, и даже восхищаться, какъ чѣмъ-то горячимъ, какинъ-то страшнымъ спомъ, но его заходящее солнце на изумкахъ рѣшительно выше моего пониманія. Я совершенный дуракъ передъ этой картиной. Я вижу, что самый свѣтъ на бѣлой избѣ такъ вѣрнѣй, такъ вѣрнѣй, что моему глазу такъ же уютнѣе на него смотрѣть, какъ на живую дѣйствительность: чрезъ лѣтъ минутъ, у меня въ глазу больно, я отворачиваю-

налось, закрываю глаза, и не хочу больше смотреть. Неужели это творчество? Неужели это художественное впечатление? Что хорошего в самом солище, как солище? Сбить его на предметах — да, это наслаждение, это поэзия, но само по себе оно сапун — и только. Что хорошего в луче — этой тафелче? Номерование природы поднятыми лучами — цфлая симфония, могучая, высокая, настраивающая меня, бедного муравья, на высокий душевный строй: я могу сблаться на это время лучше, добрее, здоровее, словот, предмет для искусства достойный. Короче, я не совсѣмъ попишу Кундича. Прибавьте къ этому суконная деревья, наивность и примитивность рисунка исключительныя, и вы будете имѣть понятіе о моемъ понятіи. Послѣ сего слѣдуетъ Мясоедова «Засуха». Совершенно извѣстная картина, безъ малѣйшаго нерва. Единственный ея недостатокъ — это величина. Будь она меньше, весь этотъ недостатокъ нервозности былъ бы простителенъ и искупался бы добросовѣстностію и ярличіемъ нѣста дѣйствія и исполненія. Размѣръ же обявляеъ ее быть нервозною. Этого нѣтъ, картина не трогаеъ, не захватываетъ. У Савицкаго уже больше, у него все это даже есть, но эта невозможная манера письма, эти черви, пробѣвше всю картину, землю, небо, людей, дѣлають невозможнымъ разсматривать картину больше 2-хъ минутъ; а это также мало, какъ для иллюстраціи. Немосредственно за этиа слѣдуютъ 3 вещи, въ равной степени интересныя и достойныя. Клодта «Прощанье передъ отъѣздомъ»: офицеръ уѣзжаетъ, должно быть, въ Болгарію, и сидитъ на диванѣ съ матерью. Очень мило. Маковского «Съ ангеломъ!» — бездна юморъ, добродушія, жизни, но работа напоминаетъ русскаго ремесленника: все кое-какъ, поскорѣй, авось не замѣтятъ! Васнецова «Чтеніе телеграммъ» — очень типично и живанію. Мнѣ эта картина очень нравится; но за то все остальное, Боже мой! Нѣтъ, не хорошо, этакъ, онъ никогда ничего не продастъ, будетъ вѣчно бѣгать и мочать: нѣтъ ли гдѣ деревляшки? *) Очень жалъ, и тысячу разъ жалъ, но ему сказать ничего нельзя. А какой онъ мотивъ некоритъ! «Витязь!» — На полѣ, усьиномъ костями, передъ камнемъ, гдѣ написано про три дороги. Какой удивительный мотивъ! Его «Акробаты» — маринская картина, очень неудачна. Она стала хуже, чѣмъ я ее оставилъ (а можетъ быть и нѣтъ!) Затѣмъ, затѣмъ, что же остается еще? Масинъ-мъ? Но объ этомъ я ничего сказать не могу, потому что, во-1-хъ, мала ужъ картина, а во-2-хъ, сюжетъ безъ малѣйшаго юмора: «Принѣрка ризы». Вы знаете, можетъ быть? Три женщины шьютъ поновскую ризу и прикрѣпляютъ на одной изъ нихъ. Могло бы быть съѣмно; но вы знаете, что для Масинова невозможно такъ разсказать что-нибудь, чтобы слуша-

тель разсѣлся: въ этихъ случаяхъ всякій, чтобы не обидѣть, растянетъ просто ротъ и кончено. Можно, для полноты отчета, сказать слова два о Брайловѣ. Онъ написалъ портретъ «Кавелина» и «Сѣверную ночь». Портретъ написанъ очень примитивно, безъискусственно, совсѣмъ наивно, но мохоже и очень хорошо; если онъ пойдетъ дальше въ этомъ направленіи, онъ уйдетъ далеко. «Сѣверная ночь» — очень интересная картина. Очень ужъ тонкій сюжетъ, а онъ, между тѣмъ, еще далеко не мастеръ, и потому не совсѣмъ удовлетворяетъ. Но столько туда пошло тишины. Такъ все печально, задумчиво, что картину всѣ замигаютъ.

Кончивши всѣхъ такимъ образомъ, слѣдовало бы себя проречить тоже, но гдѣ-же такіе безразвратные люди, которые бы бичевали публично себя? А если и есть, то они производятъ вехорошее впечатлѣніе, а потому, если вы допустите, что я самъ себя суну въ выставкѣ, то вы будете близки къ истинѣ, то есть, къ пониманію моего пониманія.

Теперь специально о васъ. Этоудъ «Изъ робкихъ» мнѣ очень нравится; а портретъ Мамонтовой — нѣтъ, хотя она похожа, я ее видѣлъ.

Не нравятся мнѣ особенно чеки, а лобъ и глаза — хорошо. Но если что у васъ вышло поразительно, такъ это тотъ этюдъ, который былъ на выставкѣ въ Академіи. Это, наконецъ, дѣйствительная живопись. Въ портретѣ Кундича есть какъ бы предѣстники этого, а тутъ полное осужествленіе. Объ «Дьяковѣ» же я, кажется, писалъ уже вамъ, и осталось при томъ же и теперь. Вотъ вамъ подробное изложеніе всего, что я думаю.

Что касается Товарищества, то вамъ нечего думать: общее собраніе было уже, и теперь ни мнѣй, ни голосовъ не потребуется до будущаго общаго собранія, которое будетъ, вѣроятно, въ концѣ года, а впрочемъ, слабымъ что — вы узнаете.

О многихъ вещахъ я не писалъ потому, что не стоить; да, наконецъ, вы и сами все это увидите, выставка будетъ въ Москвѣ, и тогда еще больше будете имѣть понятія о моемъ понятіи. Я это подчеркиваю нарочно, чтобы не нести отвѣтственности.

Глубокоуважающій васъ Н. Гранской.

Протоколы общихъ собраній я вамъ вышлю, когда skoпрую. За 6 лѣтъ набралось достаточно.

СХLVIII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 7-го апрѣля 1876.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. По измѣнившимся обстоятельствамъ я чрезъ Москву не войду. Изъ достовѣрныхъ источниковъ я

*) Для гравировъ, Васнецовъ много рисовалъ въ тѣ годы для гравировъ. Ред.

узнали, что на Востоке теперь такое напряженное время, что ехать туда не совсем безопасно, и быть может чрез какой-нибудь мѣсяц вспомнят пожаръ; а потому я еду, чрез Вѣну, прямо въ Неаполь.

Мнѣ крайне прискорбю, что не придется самому покрыть портретъ, но въ виду извѣстнаго маршута, простите мнѣ невольную несправность, и прому васъ поручить кому-либо благонадежному человѣку исполнить эту обязанность. 2-хъ флаконовъ коналового лаку, съ прибавленіемъ $\frac{1}{2}$ синипидару, или немного болѣе (только не доводя до $\frac{1}{2}$, а то будетъ жидко), будетъ достаточно. Если вы пропустите еще два 3—4, бѣды не будетъ; чѣмъ неторопливѣе покроете, тѣмъ лучше; и прибавлю еще одно замѣчаніе: покрывать надобно стараться сразу, чтобы не проводить по одному мѣсту нѣсколько разъ.

Я уѣхалъ бы уже сегодня (въ среду), но нужно же, чтобы меня преслѣдовало несчастье такъ настойчиво — на другой день моего приѣзда Маркъ захворалъ: у него послѣдствіе снахлатини — опять отдѣленіе бѣлки! Сегодня узнаю, есть ли опасность или нѣтъ; если нѣтъ, то еду завтра! Если же она есть, то, вѣроятно, останусь. Видѣть это ужасно! Что вы на это скажете? Не правда ли, что меня преслѣдуетъ злой рокъ, какъ выражались древніе трагики.

Глубоко уважающей васъ И. Крамной.

СХLIX. Къ нему же.

Римъ, 23-го апрѣля 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пишу къ вамъ изъ Рима, чтобы не было никакого сомнѣнія, что я действительно уѣхалъ. Здѣсь я уже 4 дня какъ живу, и даже успѣлъ составить заключенія, быть можетъ, далекія отъ истины, но безъ которыхъ я никогда не обхожусь. Во 1-хъ, Италия (а Римъ въ особенности) не произвела на меня никакого впечатлѣнія, за исключеніемъ переѣзда черезъ Аппенины. Венецію и проѣзжалъ ночью, да и къ Риму я тоже ночью подъѣзжалъ, но сколько, я слышалъ, его окрестности (т. е. я наизмашу на разстояніи 50 верстъ) непривлекательны. Я не говорю объ извѣстныхъ Альбано и другихъ, гдѣ я еще не былъ, а вообще. Самый Римъ мнѣ не понравился, за исключеніемъ нѣкоторыхъ древностей, и художники, остающиеся здѣсь для жизни (а не по необходимости, попадающіе изъ утѣшеннаго центра, говоря относительно, въ трущобу, даже не на рынокъ. Хотя тутъ много иностранцевъ, правда, собранія разныхъ мастеровъ въ разныхъ палаткахъ, какъ Боргезе, Колонна, Варбернини — удивительны, но основы искусства теперешняго, особенно у большинства находящихся здѣсь художниковъ, до того различны, что рѣ-

шительно все равно, есть ли здѣсь эти образцы или нѣтъ. Мимо Аполлона въ Ватиканѣ и бюсты древняго Рима проходить равнодушно нельзя, и если подумать только, когда все это было, то становится грустно. Говорить же о административныхъ художественныхъ я не могу, такъ какъ видѣлъ немного (въ мастерскихъ), и исключая двухъ-трехъ русскихъ, ни у кого не былъ. Видѣлъ картину Семпраскаго «Христіанскіе святыни», объ которой судить не угаю, а слабымъ и валелъ, но, вѣроятно, былъ бы пристрастнымъ и несправедливымъ. Скажу только, что картина эта представляетъ наибольшую сумму его достоинствъ, и наименьшую — недостатковъ, а стало быть картина должно быть хороша. Что касается Антокольскаго, то я тутъ нѣтъ, вѣроятно, понимаю что-нибудь: его «Христосъ» меня не совсѣмъ удовлетворяетъ, скажу больше — онъ не согласованъ въ формѣ относительно его (Антокольскаго) идеи, а самая идея для меня несимпатична. Но за то я моральнодово, такъ это за новую его статуя «Смерть Сократа». Эта вещь производитъ глубокое и серьезное впечатлѣніе; а исполненіе ея оставляетъ за собой все мнѣ до сихъ поръ сдѣланное. Можно сказать даже, что во всей Европѣ до такой высоты подымались немногіе за послѣднія десятилѣтія. Выходитъ, стало быть, что дѣло вовсе не такъ плохо, какъ я отзывался въ началѣ. Но, не смотря на это — Римъ смотритъ все-таки мертвецомъ; самые же итальянцы мнѣ крайне не нравятся. Прочіе русскіе художники, живущіе здѣсь постоянно, свои разговорами объ искусствѣ навели такое на меня умное, что я думаю съ удовольствіемъ о томъ времени, когда покину и Римъ, и Италию.

Прѣзидиумъ, въ Вѣнѣ и видѣлъ двѣ выставки, нѣчто вроде постоянныхъ, и тѣ на меня не произвели хорошаго впечатлѣнія, главнымъ образомъ отсутствіемъ какого-нибудь сильнаго или хотя бы и не сильнаго напряженнаго чувства или мысли. Есть много живописи, но мало вѣскихъ внутреннихъ качествъ. Словомъ, какъ видите, я разыгрываю роль русскаго человѣка, понапавшаго загранику и оцѣнивающаго всѣ явленія со своей провинціальной точки зрѣнія. Худо ли это, или хорошо, я не разсуждаю теперь, а собою общія впечатлѣнія.

Между прочимъ, по дорогѣ, вспоминая встрѣчи, не могу умолчать о М. П. Вогкинѣ, который интересовался узнать: заказали ли вы мнѣ портретъ Алексѣя Толстого, и буду ли я его дѣлать? Я сказалъ, что тверѣе отказался, а за будущее не поручусь. Вѣроятно, разсчитываетъ сдѣлать на васъ надежду. Онъ завтра выѣзжаетъ въ Россію черезъ Парижъ.

Надняхъ, т. е. дней черезъ 3, еду въ Неаполь и Помпею, гдѣ что-нибудь подѣлаю. Писать ко мнѣ — не знаю куда, но, вѣроятно, воротюсь къ Неаполю, найду всѣ письма, которыя ко мнѣ будутъ адресованы (оставить до востребованія на почтѣ). Адреса не имѣю, а, какъ птица небесная,

живу советамъ странно, день—всюду, прихожу въ отель только на ночь заснуть. Поглядѣвъ изъ Россіи нахожусь, кроме того, въ какомъ-то смутномъ состояніи, точно я сдѣлала что-то дурное, въ чемъ-то передъ кѣмъ-то виновата, и не знаю, скоро ли минуетъ это состояніе; но оно нехорошее. Вотъ пока отчетъ всего мною видимаго; что дальше будетъ—узнаете, сообщать буду отъ времени до времени.

Искренно и глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

СЛ. Къ В. В. Стасову.

Римъ, 4-го мая 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Мнѣ хотѣлось вамъ написать нѣсколько строкъ по поводу вашихъ статей объ архитектурѣ*). Деканъ вашихъ мнѣ слушать не пришлось, такъ какъ меня уже не было въ Петербургѣ въ то время. Я думаю, что каждый изъ насъ, художниковъ, дорого бы далъ, чтобы знать, какую сумму впечатлѣній зритель выноситъ, смотря на произведение живописи, положимъ; но съ условіемъ, чтобы знать именно тѣ чувства, которыя непосредственно возникаютъ при первомъ знакомствѣ съ вещью, когда человѣкъ не успѣлъ еще сказать ни съ кѣмъ двухъ словъ, еще не услышалъ и не извѣсилъ чужихъ мнѣній, словомъ, когда впечатлѣніе еще натурально, если можно такъ выразиться. По крайней мѣрѣ для меня это самое драгоценное; а въ этомъ случаѣ не очень даже разборчивъ и на людей—вѣдь всѣхъ Господь Богъ одарилъ чувствами (положимъ, въ разной степени), и самая малая крупца чувства, когда оно натурально, можетъ осязаться до нѣкоторой степени тотъ трудный путь, по которому художнику приходится пробираться къ уразумѣнію того, что такое въ самомъ дѣлѣ составляетъ тотъ нервъ искусства, который притягиваетъ къ себѣ симпатіи и просвѣщеннаго человѣка и честнаго пѣвца. Не правда ли, предисловіе длинное? Но вы извините, если я скажу, что именно тѣ непосредственныя впечатлѣнія, которыя возникли у меня, при чтеніи вашихъ статей, мнѣ и хотѣлось вамъ сообщить. Мнѣ показалось, что и для васъ, относительно вашихъ работъ, это можетъ быть такъ же интересно, какъ и для меня относительно моихъ. Нужно вамъ сказать, что я въ архитектурѣ не смыслу ничего, какъ и въ музыкѣ, то есть, не смыслу специально; но чувства ни къ тону, ни къ другому природою меня не лишала, и меня очень трогаетъ масса, пропорція, форма, какъ звуки и мелодическій узоръ. Я не могу, разумеется, взять на себя храбрость

вступить въ споръ, напирѣвъ, съ учеными архитекторами, или музыкантами, но меня нисколько не убѣждаетъ ихъ аргументація, и я укорно протестую, во имя того впечатлѣнія, которое я получаю отъ предмета. Дорожка, какъ видите, скользкая; но ее приходится держаться всякому, кто знаетъ менно. Такъ и въ архитектурѣ. Будучи заграничѣ, въ 1869 г., въ первый разъ, я вынесъ извѣстные впечатлѣнія и составилъ себѣ даже конятыя о Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ. О нѣкоторыхъ зданіяхъ мнѣ потомъ приходилось самому говорить и слышать чужія мнѣнія, а потому это нѣсколько забылось. Но вотъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я встрѣчаю статьи. читаю первую о Берлинѣ, и мнѣ стало просто смѣшно, до чего каждое наше мнѣніе какъ-будто подстроено воспроизводить въ моей памяти тѣ впечатлѣнія, которыя и когда-то испытывалъ, до мелочей! Напримѣръ, Берлинъ. Иду по одной улицѣ—скупа, странно, не нужно... И вдругъ, около Таръ-Гартена, направо и лѣво, вижу что-то интересное, какой-то новый мотивъ, что-то будто новое... но... при внимательномъ разсмотрѣніи, это нѣчто живое остановилось на первой фразѣ, на одномъ узорѣ, и дальше не могло. Потомъ, читаю дальше, удивляюсь еще больше... да что же это значить? Неужели я начинаю архитектуру? Вѣдь вотъ человѣкъ, специально развитой и авторитетный, говорить точь-въ-точь, какъ я—нѣтъ! Мнѣ стало до крайности интересно знать, что же вы скажете о новой парижской Оперѣ, о которой такъ много говорили когда-то. Когда я былъ въ Парижѣ (зданіе въ то время было только что открыто отъ льсовъ, но не конечно внутри), то мнѣ самому приходилось спорить и говорить, и получить на свою долю нѣсколько снисходительныхъ улыбокъ, къ моему невѣжеству. Наконецъ, читаю о Парижѣ, и, о ужасъ! Точь-въ-точь. Даже именно я спорилъ тогда, что если отсюда это зданіе нѣтъ что-то оригинальное и интересное—то съ боковъ, если посмотрѣть нѣсколько сзади. А почему? Архитекторъ вынужденъ былъ принять въ своихъ расчетахъ законъ необходимости, и отсюда, независимо отъ его воли, можетъ быть, вышло зданіе, имѣющее характеръ и красоту. Что-нибудь одно изъ двухъ, или вы правы до бездѣлки, или вы и я ничего не понимаемъ. Для меня это не будетъ составлять даже безпокойства, такъ какъ я не претендую на авторитетъ, даже самый маленюкій, въ архитектурѣ. Но чтобы не были правы вы, съ этимъ я согласусь съ трудомъ, и большинствъ, даже вовсе не согласусь, по существу мнѣ упрямству, аналитировать на недаттизмъ къ тѣмъ натуральнымъ впечатлѣніямъ, которыя совершаются по самымъ глубокимъ и сильнымъ законамъ извѣснаго, положеннаго Господомъ Богомъ въ природу человѣка. Будемъ такъ говорить, пока новая терминологія не выработана еще. И такъ, я считаю эти, еще не найденные и необъясненные, законы извѣснаго живыми и крѣпкими, и единственно возможный путь

*) «Статьи Барона и ихъ архитектура», статья, напечатанная въ «Вѣстникѣ Европы», а прежде прочитанная авторомъ въ «Обществѣ архитекторовъ». Ред.

ознакомиться с ними—это наблюдать (если возможно), какое впечатление и на кого действует художественное произведение? (Извините, пожалуйста, язык — написал, и сам пришел в ужас от построения послѣдней фразы. Вышло, однакожъ, такъ, что я письмо написалъ только потому, что мнѣ понравилось совпаденіе взглядовъ; обѣщался сказать о впечатлѣніи отъ статей, а заговорилъ о постороннемъ. Оно и такъ и не такъ. Надѣюсь, вы поймете и извините).

Теперь нѣсколько словъ о Римѣ. Это мертвецъ. Все, что оставилъ древній народъ — величественно, и полно интереса. Чтѣ оставило время Возрожденія — не всегда доброкачественно. Но тоже не лишено интереса, иногда глубокаго, и во всякомъ случаѣ самобытна; но что творится теперь — позоръ и нищество. Изъ нашихъ здѣсь отличаются — Семрадскій и Антокольскій. Семрадскій написалъ колоссальную (по размаху) картину — «Христіанскіе свѣточи», ярко, пестро, талантливо, нелогично, будитъ большую часть инстинкты низменные и не трогаютъ сердца, а Антокольскій вывѣсилъ «Смерть Сократа» и поднялъ до величія настоящаго. Чудесная вещь! Просто, и страшно. Христосъ его во особенно на меня подѣйствовалъ, и новаго противъ фотографіи ничего; но Сократъ — далеко за уровнемъ Молодежь. Спасибо ему.

Извините, если прибавлю на кончикъ: не печатайте изъ этого письма отзывовъ, особенно о Семрадскомъ. Я трусь, и потому не хотѣлся бы увеличивать число своихъ враговъ. Ради Бога извините и за это, и за все о чемъ разболтался.

Уважающій васъ Н. Крамской.

Завтра ѣду въ Неаполь, адреса не пишу, но черезъ мѣсяцъ буду въ Парижѣ.

СЛІ. Къ С. Н. Крамской.

Неаполь, 7-го мая 1876 г.

Моя милая, я уѣхалъ изъ Рима и все еще безъ письма. Въ самую же слѣдную минуту я справился — вѣтъ! Поручилъ Буткевичу переслать, какъ только письма придутъ. Евангелие Бога дано, за долгое ожиданіе все бы тамъ было хорошо у васъ, кажется, занимали бы смойкингъ. Чувство какого-то ужаса не покидаетъ меня до сихъ поръ.

Заѣхалъ въ Неаполь. Вѣдь это страхъ! Да вдобавокъ Неаполь есть, вѣроятно, красивѣйшій уголокъ въ Европѣ. Какъ только въѣхалъ, сейчасъ почувствовалъ, что это уже не Римъ. И вотъ, думаю, какъ хорошо! Боже, какъ хорошо! а одинъ! всѣ ѣздятъ заграницу и съ семьей, и съ дорогими, — положимъ, я не катаюсь, но выходить такъ, какъ будто и катаюсь. Вчера пріѣхалъ, сегодня былъ въ Национальномъ музеѣ, и слышу много

русскихъ голосовъ; потомъ вечеромъ въ кафѣ я обѣдаю, а рядомъ разговариваютъ человѣкъ шесть русскихъ, и съ ними дама тоже русская, — вѣроятно, катаются. Сонечка милая, не весело мнѣ, не хорошо мнѣ. Дѣтчи мои милыя, какъ бы я хотѣлъ показать вамъ Везувій, вотъ онъ дышитъ! Меня принимаютъ всѣ за англичанина (вѣроятно). Малюки ли у меня такъ сложились, но это мнѣ помогаетъ, что я не похожъ на русскаго; больше молчу, да ширѣдка французскую фразу, а больше ниваніемъ головы объясняю, если что нужно. Но, разумѣется, прежде нужно быть утѣреннымъ, что мнѣ именно это надобно рассмотреть или взять.

Дорога изъ Рима уже очень скоро начинается интересно, и тѣмъ дальше — тѣмъ лучше, и вплоть до Неаполя превосходная! И горы, и море, и лѣса, и живописные города, — словомъ очаровательно. Но Неаполь — вѣчно невѣроятное. Въ немъ и около него соединилось все въостѣ, чтобы заставить человѣка почувствовать, что недаромъ достигается всеобщая слава и восторги. Самый городъ — одинъ изъ оригинальнѣйшихъ городовъ, и ужъ если гдѣ жить художнику (то есть художнику космополиту), то именно въ Неаполѣ — это я понимаю. Пока я былъ въ Римѣ, мнѣ было очень удобно, меня всѣ встрѣтили радушно, сопровождали меня, въ Неаполѣ же — никого. Долженъ быть Гунъ, но я его не нашелъ, да и не знаю — найду ли, а если и найду, то онъ мнѣ не поможетъ — очень боленъ, бѣднѣя. А такъ какъ мнѣ именно Неаполь-то и Помпеи нужны, то, по незнанію итальянскаго языка, нужно будетъ взять проводника и свѣдущаго человѣка. Мнѣ въ Римѣ дали адресъ русскаго человѣка, Бѣляева, живущаго въ Неаполѣ съ того года, какъ я родился. Оказывается, что у него можно и остановиться. Вотъ я и переехалъ, и пишу теперь. Самъ Бѣляевъ, старикъ, еще говоритъ по-русски, хотя языкъ-то засканивается, а дѣти его — ни слова. Торгуется онъ кораллами. Я какъ увидалъ ихъ, такъ сердце и забилося. Думаю: мошью милой моей Сонечкѣ что-нибудь: ожерелье, брошки, серьги, что-нибудь. Дешево это здѣсь! Извини, моя милая, быть можетъ, ты коралловъ не любишь. Ну, въ такомъ случаѣ, продай ихъ — тамъ это дѣлу пойдетъ. Тебѣ привесутъ ихъ на домъ; когда — не знаю, но недѣлю черезъ дѣй, вѣроятно, по полученіи этого письма. Платить тебѣ ничего не придется. Все заплачено: и пересылка, и доставка. Ну, такъ этотъ Бѣляевъ обѣщался найти человѣка, который бы зналъ еще и русскій языкъ. При занятіяхъ въ Помпеѣ, и въ музеѣ и въ библіотекѣ, это нужно необходимо. А что тутъ есть въ музеѣ, это страхъ! Вся жизнь древнихъ какъ на ладони, вотъ она! Вчера вечеромъ пріѣхалъ, сегодня видѣлъ, а теперь спать идъ. Милая, прощай, обними меня. Господь съ тобой. Дѣтчки мои милыя, Господь васъ хранитъ!

Вашъ папа Н. Крамской.

СЛП. Къ П. М. Третьякову.

Неаполь, 7-го мая 1876 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович. Я въ Неаполѣ, на большой станции. Завтра ѣду въ Помпею. То, что я намелъ здѣсь въ музеѣ из древностей, чрезвычайно интересно и представляетъ жизни древнихъ съ удивительною наглядностью. Уже дорога изъ Рима мнѣ стала нравиться, а чѣмъ ближе къ Неаполю, тѣмъ интереснѣе. Самъ же Неаполь съ окрестностями и бухтой — вѣроятно, одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ земного шара. По крайней мѣрѣ мнѣ очень понравился, и городъ чрезвычайно оригинальный, именно оригинальный, и будъ же космополитомъ, я бы для жизни выбралъ Неаполь. Но какіе воры — народъ! Не думайте, что у меня что-нибудь вытащили! Нѣтъ, пока ничего, и потому я веду себя такъ, что меня принимаютъ скорѣе за англичанина, нежели за русскаго. Но это все не идетъ къ дѣлу.

Передъ выѣздомъ изъ Рима я еще былъ въ студіи Антокольскаго, и еще разъ порадовался на «Сократа». Очень хорошо! Кромѣ того видѣлъ изъ мрамора и «Грознаго», и «Христа», вещи конченныя. «Грозный» мнѣ показался даже лучше гипсового, «Христосъ» же напротивъ. Впрочемъ, я и не особенно останавливался, вижу — кончено! Ну и нусть ихъ. А «Сократъ» хороше, и не столько голова (хоти и голова хороша), сколько весь. Мы въ одинъ день выѣхали изъ Рима (5-го мая), онъ — на сѣверъ, я — на югъ.

Встрѣтилъ я здѣсь въ Неаполѣ выѣску на via S-ta Lucia: «Вѣлень», затоку — кораллы. Я отчасти обрадовался и вспомнилъ своихъ, думаю: вотъ я шлюсь (такъ сказать) ко Неаполю, монираю тысячелѣтнюю почву, въ виду моемъ чудеса природы, а мои дороги — тамъ, далеко на сѣверъ; дай сдѣлаю хоть какую-нибудь память, куплю коралловъ. И купилъ, и послалъ! Здѣсь должны быть Гупы; онъ водмается, бѣдный, куда-нибудь на лѣто, изъ Сициліи, едва дышетъ. Постараюсь отыскать. Семирадскій выставилъ свою картину въ Академіи Сам-Лука, но итальянцы готовы хвалить такъ, даромъ, а за франкъ смотрѣть ее не желаютъ. По 10—20 человѣкъ бы-ваетъ, небольшое.

Оказывается, что я наполнилъ письмо чѣмъ попало. По крайней мѣрѣ хотъ прибавлю свое пріѣзденіе Вѣры Николаевны и благодарность за туфли — очень хорошо служатъ, жать перестали.

Уважающій васъ Н. Крамской.

СЛП. Къ С. Н. Крамской.

Неаполь, 15-го мая 1876 г.

Моя дорогая Сонечка. Я въ страшной безпокойствѣ о писемъ, вѣдь уже должны бы быть во всякомъ случаѣ; что это значить? 5 дней тому назадъ, отправляясь въ Помпею работать, я былъ увѣренъ, что найду отъ тебя какое-нибудь извѣстіе, но вотъ воротился, чтобы узнать, что и какъ, а между тѣмъ ничего не знаю. Я былъ увѣренъ, что Вуткевичъ исправный, но, вѣроятно, онъ на почтѣ со времени моего отъѣзда и не былъ. Во всякомъ случаѣ, если я еще завтрашній день не получу, то буду телеграфировать въ Римъ, потому что въ другое мѣсто не могу, такъ какъ завтра или послѣ-завтра (когда пароходъ уйдетъ) я оставляю Неаполь. — Я сдѣлалъ, сверхъ ожиданія, все и довольно скоро. Въ Римѣ много времени было взято на осмотръ художественныхъ собраний, которая такъ разбросаны всѣ; здѣсь же все вывѣсти: музей — и кончено. Тутъ все, и скульптура, и живопись, и памятники помпейскіе, какъ-то: небеля, бронза и разная домашняя утварь. Есть только одно мѣсто, которое надобно было видѣть — это монастырь (броженный уже) San-Martino, гдѣ есть удивительный и чрезвычайный Рибейра: «Положеніе во гробъ». Ты, быть можетъ, поминишь въ Академіи есть: темный фонъ, совершенно темный, снѣгъ Христосъ и Богородица надъ ними на колѣняхъ, прислушивается, что поютъ мальчуганы въ небесахъ, Марія цѣлуетъ ногу, словомъ, картина свѣлая и темная. Такъ это копія съ нея, и копія отвратительная; но что это въ оригиналѣ — не разскажемъ! Весь монастырь, впрочемъ, нѣчто чрезвычайно замѣчательное, и мостройка очень древняя. Кромѣ того, былъ у Морелли, — европейская знаменитость. Какъ тебѣ сказать? Разумѣется, тебѣ можно — мы тоже кое-что можемъ... (особенно и видѣлъ его портрета). Но, впрочемъ, хорошо дѣйствиельно.

Что касается Помпей, то заниматься такъ долго, какъ я полагаю сначала, мнѣ нужнымъ не оказалось. На мѣстѣ, я увидалъ, что я могу только взять планы, да такъ общій характеръ; но что важно, такъ это то, что я теперь дѣйствиельно знаю, какъ это все надобно сдѣлать. Что я не намелъ въ Помпей готового къ монимъ услугамъ, такъ это къ лучшему, потому что сокращается время и расходи. Пять дней, проведенныхъ мною въ этомъ городѣ, скончавшемся 2,000 лѣтъ тому назадъ, странно и удивительно на меня водѣствовали. Здѣсь я убѣдился, что мы — люди, и тогда были такіе же въ главныхъ чертахъ, какъ и теперь, и та разница во внешности, которая такъ пугаетъ сначала, ровно ничего не значить и дѣла не измѣняетъ. Многія учрежденія теперешнія, наши, тянутся безъ перерыва съ тѣхъ поръ: привычка, обычай тѣ же. Словомъ, я понялъ наконецъ, чего

недоставало. Теперь я знаю — вперед, съ Богом! Ъду въ Парижъ и принимаюсь за работу. Теперь я если напишу, то только изъ Парижа (туда и письма ники, оставить на почтѣ *poste-restante*). Туда письма ъдуть и скорѣе и лучше. Дай Господи, чтобы я не нѣмѣлъ отъ васъ извѣстій дурныхъ, сохрани и помилуй васъ Богъ! А я завтра вѣтряюсь волнамъ коварней стихій, какъ говорили когда-то поэты. Отправляюсь моремъ въ Марсель, во Франціи. Спроси у дѣточекъ, они тебѣ покажутъ на картѣ мой путь. По Средиземному морю, мимо острововъ Сардиніи и Корсики. Море чудесное, спокойное и чистое.

Передъ отъѣздомъ, нельзя не упомянуть добрымъ словомъ Неаполь. Во 1-хъ, въ самомъ дѣлѣ хорошъ, а во 2-хъ, что за климатъ! Сидя въ Помпей, я былъ пораженъ нѣмѣломъ крестьянъ-работниковъ и работниковъ (убирающихъ хлѣбъ созрѣвшій): совершенно наша русская нѣсія! Тѣ же приѣхавъ, то же совершенно пониженіе голоса. Но именно наши деревенскія нѣси — новое доказательство того, какая глубокая древность у насъ тоже, только мы какъ-то ее не замечаемъ, или лучше — не думаемъ объ этомъ. Рядомъ же съ этимъ всюду слышимъ постоянно арии, точно изъ оперы, и это тоже у крестьянъ. Очевидно, что тѣ нѣси, которыя ложатъ на наши, гораздо болѣе древней формации. Но что за почва! Я ребенкомъ помню малороссійскія ночи, о которыхъ я вздыхалъ все — вотъ онѣ, только... только еще лучше. Стало быть, впечатлѣнія дѣтства насъ не обманываютъ, и ребенокъ природу хорошо замечиваетъ. Переѣхавъ мѣсто, я все что-то какъ будто не доверялъ самому себѣ. Все думалось — это такъ казалось въ дѣтствѣ, а это такъ и не было... Но нѣтъ, какъ лицо матери, дороже и доброе, узнаешь съ перваго момента, такъ и это. Въ юловнѣ 9-го часа уже темно. Тишина и тепло поразительныя, звѣздъ безъ числа, только какія-то нѣси! Но самыя итальянцы... лучше объ нихъ не разсказывать! Кругомъ и Кастелламаре, и Сорренто, и островъ Капри, и Искія, тоже островъ — все мѣста, гдѣ надобно бытъ каждому путешественнику... Но что дѣлать, я не путешественникъ, я правя не нѣмѣю этимъ воспользоваться, и то, что, такъ сказать, лежитъ на дорогѣ, чего не минуешь, дѣлаетъ точно мнѣ упрекъ. Все слышится твои слова: «ты будешь ѣздить, не будешь скучать, новые и разнообразныя предметы будутъ только доставлять удовольствіе» и прочее... Милая моя, дорогая Сонечка, истинно, истинно говорю тебѣ, какъ трудно мнѣ быть одному! Все высочайшее наслажденіе природою и искусствомъ оказывается горькимъ, измороженнымъ, и я не знаю, что бы я далъ, чтобы дѣточки мои милыя побѣгали бы здѣсь и посмотрѣли бы, чтобы ты могла вдыхать полной грудью покой и взять хотя часть удовольствія. Не думай, чтобы мужъ твой оказался ниже тебя и во уму, и во сердцу. Когда вспоминаю моихъ мальчиковъ за книж-

ками, тебя въ вѣчныхъ огорченіяхъ и хлопотахъ, то... но ты скажешь: нельзя развѣ было иначе? Можно, моя милая, только я бы жить не могъ, то-есть я не былъ бы художникомъ. Но этого и ты не захочешь сама. Я знаю, или думаю, что знаю тебя — ты честолюбива и горда. Иметь мужа, такъ не пѣжку, а человѣка, мимо котораго нельзя проходить, не замѣчая... Но ярости, моя дорогая — это глупости.

Вещи изъ коралла, о которыхъ я писалъ, завтра будутъ отосланы, не все было готово. Можеть быть, ты найдешь, что многое не нужно — то продай. Тамъ есть: серьги, брошка, булавка для шали, булавка для волосъ, ожерелье крупное и мелкое, и гребень старой формы. Завтра еще напишу, и дѣточкамъ тоже расказку, какъ назывъ на Везувій, на самый кратеръ. Твой мужъ Н. Кранской.

CLIV. Къ П. М. Третьякову.

Неаполь, 28-го мая 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я сдѣлалъ глупость, и сгнѣму въ ней покаяться. Въ Неаполѣ мнѣ нужно было проводника. Оказался одинъ таковой, въ видѣ молодого человѣка изъ Екатеринослава, находившагося теперь въ Неаполѣ, въ затруднительномъ положеніи. Онъ былъ учителемъ у одной русской барыни, и 4 года уже въ Италіи. Теперь барыня эта ему отказывается въ путевыхъ обратныхъ издержкахъ, хотя по условію это ея обязанность. Словомъ, исторія старая. Ну, такъ сей молодой человѣкъ передъ отъѣздомъ моимъ отсюда просилъ меня оказать ему услугу: если можно, рекомендовать его кому-нибудь изъ знакомыхъ, для занятій. Я говорю, что я не знаю, можеть ли быть изъ этого какой-либо толкъ, но что я не пробую дать ему просимое — не рекомендацію, потому что на это я права не имѣю, а просто, чтобы онъ узналъ тамъ-то и тамъ-то; кромѣ того, приготовить его ко всякъ неудачѣ, сказать, что всеніи, имѣющей нужду въ людяхъ, дорожить тѣми, которые есть, какъ и обратно. Но онъ настоятельно просилъ позволенія отъ моего имени явиться. Извини, если явится, но этимъ только кончится. Парень, кажется, сиприный; нужда его сдѣлала, разумеется, не тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ, а что онъ въ самомъ дѣлѣ — я не знаю. Знаетъ онъ языки: французскій немного, итальянскій хорошо, англійскій тоже, учился въ гимназій, Петербурга и Москвы не знаетъ, смотритъ пордочнымъ, но очень черенъ волосомъ и какъ-то странно разсыянъ. Съ одной стороны, далеко не глупъ, съ другой, слишкомъ скоро соглашается со всѣмъ, что ему говорятъ. Впрочемъ, что же я объ этомъ распространяюсь, какъ-будто дѣло дѣлаю. Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что надобѣтъ вамъ не станетъ — надѣдается и уйдетъ. Еще

разъ извините, что до того себя допустил, но быть можетъ вы уважете ему, куда направиться.

Несколько на меня своєю декоративною стороною произвелъ приятное впечатлѣніе. Былъ въ Помпей, занимался и окончилъ скоро, чѣмъ полагалъ. Завтра можете ѣду въ Марсель, а потомъ въ Парижъ.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CLV. Къ нему же.

Парижъ, 6-го іюня 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что замедлил отвѣтъ на ваше письмо, которое исправно получилъ 4 дня тому назадъ. Я въ Парижѣ, успѣлъ уже нѣсколько осмотрѣться и могу кое-что изъ наблюденій своихъ даже сообщить.

Начну съ банальныхъ интересовъ—искусства. Наши ценіоверы Рѣпинъ и Полѣновъ меня не обрадовали, да и сами они не радуются въ Парижѣ. И тотъ и другой ѣзжаютъ скоро (въ іюль) въ Россію, что везуть—увидите. Что касается Рѣпина, то онъ не пропалъ—а захирѣлъ, завялъ какъ-то; ему необходимо воротиться, и тогда мы опять увидимъ иррежняго Рѣпина. Все, что онъ здѣсь сдѣлалъ, носитъ печать какой-то усталости и замученности; видно, что не было настоящего интереса въ работѣ. Полѣновъ же находится еще въ потемкахъ, и не достаточно погруженъ; при томъ, такъ какъ онъ плохо учился, а можетъ быть и не могъ лучше, то все сдѣланное имъ—почти слабо, въ колоритѣ же онъ нѣсколько успѣлъ. Саницкий не двинулся ни на волосъ, и тоже ѣзжаетъ; говорить, что Россіи ему дать теперь то, что онъ ищетъ. Всѣ гнутъ! но мало обрѣтаютъ—общая участь. Харламовъ..... впрочемъ, я завистливъ и потому несправедливъ, такъ вы и принимайте. Портретъ Тургенева въ «Салонѣ» мнѣ не понравился, можетъ быть, потому, что онъ въ Салонѣ. Мнѣ показалось, что Рѣпина портретъ не такъ уже дуренъ. Каждый въ своемъ родѣ имѣетъ и достоинства, и недостатки—и одинъ другого стоитъ. Маковский (Константинъ) дебютировалъ въ Салонѣ своимъ «Перенесеніемъ ковра» и..... обидѣлся, что его не замѣтили. Мнѣ кажется (а можетъ быть я и ошибаюсь), что никто здѣсь изъ русскихъ не догадывается о настоящей причинѣ, почему ихъ не замѣчаютъ; они даже какъ будто не понимаютъ этого: всѣ говорятъ въ одинъ голосъ, что это потому, что слишкомъ уже велика численность экспонирующихъ. Это справедливо только отчасти, настоящая же причина лежитъ въ другомъ мѣстѣ. Въ Салонѣ обращается на себя вниманіе или что-либо дерзкое до неприличія, съ какой нибудь стороны: со стороны ли сюжета, или изысканія, или абсурда (это

и замѣтятъ какъ таковое), или дѣйствительная правда, или даже понятія къ ней, какъ малъ процентъ послѣдняго—такъ это удивительно! Принаеся—не ожидаю. Мнѣ слѣдѣтъ, что всѣ принимаютъ дробь, напри- мѣръ $\frac{1}{100}$ за 100, болѣею, чѣмъ $\frac{1}{2}$, потому что такъ цифры больше; а не догадываются привести ихъ къ одному знаменателю, перевѣсь отпалъ бы не такъ великъ. Во всемъ «Салонѣ» въ числѣ почти 2,000 ММ. наберется вещей, дѣйствительно хорошихъ и пожалуй оригинальныхъ—15, много 20; остальное—хорошее, 200 ММ. будетъ все избитое, извѣстное и давнѣе полученное право гражданства, словомъ, пережованное. Это обыкновенный европейскій уровень—масса. Остальное плохо, нахально, глупо, или вычурно и прикино. Скульптура—на высокой степени техники, движеній тѣла (театральныхъ), но мерзавъ не замѣтитъ. Говорятъ, что варвары и провинціалы все ругаютъ, когда попадаютъ въ столицу. Это правда вообще, но неправда относительно меня—такъ какъ я только въ 1-й разъ еще говорю и ругаюсь, и то въ нисѣмъ къ вамъ, а здѣсь веду себя прилично, и даже сдержанно, все нахожу прекраснымъ и всѣмъ восторгаюсь—словомъ, подличаю. Встрѣтилъ Верещагина, потолковали, чайку попили, лозатракали—и разошлись довольные другъ другомъ. Онъ имѣетъ какія-то картинны огромнаго, колоссальнаго размаха, для которыхъ, какъ онъ говоритъ, нужны будутъ площади. Обѣдался сказать, когда будетъ можно видѣть. Нанишу, если увижу. Говорятъ, Бонъ нарисовалъ портретъ дочери Полякова—удивительный!.. за... за... не выговорить за—200,000 франковъ! Умилелся и завидую! Вотъ что значить Европа—т. е. Парижъ. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что портретъ превосходный..... т. е. фигура, платье, рельефъ..... колоритъ, и..... похожа? Да, конечно, похожа! Не выдаю, но завидую. Говорятъ также, что его «Воробья Іакова съ Богомъ», находящаяся въ «Салонѣ», тоже вещь..... удивительная..... Видѣлъ, но не поинялъ! т. е. не удивился. Знаете, какъ-то странно видѣть сіяющія лица и восторженные возгласы—вещая—когда только что видѣлъ Веласкеса въ Римѣ—портретъ папы, и Рибейры «Положеніе въ гробѣ»,—въ Неаполѣ, въ монастырѣ св. Мартина. Странные люди, странное время! А что тутъ говорятъ по поводу портретовъ Карлуся-Дюрана, который въ настоящее время въ Петербургѣ и выписанъ Полющеннымъ. Говорятъ, что ковенно для снѣтня портретовъ съ лицъ высокооставленныхъ. А мастерь и талантливы—говоря но собствѣ; вы, вѣроятно, его знаете, т. е. работы его. Но все же такъ онитъ немощно рисованно считать альфонъ и омегой—теперь, когда 300 лѣтъ тому назадъ было кое-что. Здѣсь, я вижу, хрипо застѣло убѣжденіе въ томъ, что въ Парижѣ теперь есть настоящее величіе. Ну, и пусть ихъ!

Хорошаго много, учиться есть чему (хотя съ разборомъ), самолюбіе и

нигда денег дѣлаютъ всѣхъ лихорадочно трудолюбивыхъ; но... нраво же не стоитъ заниматься искусствомъ, чтобы доказать, что можно кистью ворочать миллионы—слишкомъ дорожалъ игрушка! Никому нѣтъ дѣла до идей и задачъ искусства.... да и гдѣ онѣ, эти идеи и задачи? Не вѣрить имъ больше. Такъ лучше! Господствующія взгляды и тенденціи, т. е. отсутствіе ихъ, возведено авторитетами въ принципъ..... несть свѣтъ вторить этому, и какъ же свихнуться, когда всѣ въ одинъ голосъ орутъ одно и то же. Голова не вытѣкаетъ всего; пушко имѣть, я не знаю, какую голову, чтобы она не закружилась. Говорить: покиньте—втянется, и вы сами перестанете наши взгляды. Мало ли чего не бываетъ, но вѣдь и первыя впечатлѣнія по какимъ-нибудь законамъ, Господомъ Богомъ установленнымъ, получаютъ? Вѣдь имѣютъ же они какое нибудь основаніе? И еслибы это у одного, а то у множества, первое впечатлѣніе известнаго оттѣнка..... и никто на это вниманія не обращаетъ!.. Впрочемъ, извините, все это старо и мало интересно. Довольно объ этомъ.

Автовольскаго—«Смерть Сократа»—вещь хорошая; а Семпрадскаго—«Христіанскіе святочи»—это и есть «Червякъ».

Адресъ мой: Paris—Rue de Rome, № 95, въ мастерской Боголюбова. Онъ убѣждаетъ надѣяться, на дѣло, то я взялъ нока его мастерскую и комнату и работаю офортъ Наслѣдника. До осени буду здѣсь, а послѣ переберусь за-городъ работать.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CLVI. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Парижъ, 9-го іюня (новаго стиля) 1876 г.

Многоуважаемый Федоръ Омичъ. На этотъ разъ я не обманулъ вашихъ предположеній. Я дѣйствительно въ Парижѣ, куда, можно сказать, только что прѣхалъ, и нацѣль на почтѣ ваше любезное письмо. Елибы не скорое закрытіе Салона (выставки), то я еще просидѣлъ бы въ Неаполѣ, не съѣздивъ въ Помпей. Изъ Петербурга я направились на Вѣну, Триестъ, въ Римъ, гдѣ и пробылъ больше, чѣмъ предполагалъ; оттуда въ Неаполь, для записки въ Помпей. Какъ вамъ извѣстно, я не копалъ на Востокъ, и главнѣйшій образокъ, благодаря письму консула о напряженности состоянія на Востокъ вообще. Я поѣхалъ бы, не смотря на жару, потому что я не путешественникъ, избирающій наиболѣе пріятныя мѣсяцы въ году, а чело-вѣкъ работы; и потому, и съ крайнимъ сожалѣніемъ долженъ былъ отка-заться отъ Востока—нока. Другая часть матеріала лежитъ въ Помпѣяхъ въ національномъ Неаполитанскомъ музеѣ. Мнѣ удалось кое-что собрать

довольно скоро, такъ что я даже могъ поторопиться застать выставку въ Парижѣ, которая закрывается 15-го іюня. Судя по картѣ, настъ раздѣ-ляется дѣйствительно небольшое пространство земли, и если приплать Еврону Петербургомъ, то ваше сравненіе выйдетъ совершенно вѣрно, относительно близости сосѣдства. А прочтатъ ваше письмо, я, одну минуточку, былъ въ раздумьи—не махнуть ли мнѣ въ Лондонъ? Болѣе удобнаго случая мнѣ не дождатся, разувѣтся; но по нѣкоторомъ размысленіи долженъ былъ остаться. Я устроился въ Парижѣ: Paris, rue de Rome, № 95, въ мастерской Боголюбова, который завтра или послѣ-завтра уѣзжаетъ на дѣльные этюды.

Если я не ошибаюсь, то здѣсь, въ Парижѣ, находится прѣзидеъ въ Америку Менделѣвъ.

Парижскія художественныя новости очень интересны, но... падать въ обморокъ не слѣдуетъ. Увидавъ Салонъ, я беру назадъ сдѣланное мною заключеніе 6 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ въ Парижѣ, что въ Парижѣ нѣтъ определенной школы живописи. Такъ сказать: нѣтъ, она есть, но не особенно симпатичная, а для насъ, русскихъ, и вовсе не подходящая. Со времени моего перваго посѣщенія, все здѣсь какъ-будто понизилось. (И говорю объ искусствѣ). Все же остальное какъ было.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLVII. Къ П. М. Третьякову.

13-го (25) іюня 1876 г. Парижъ.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Письма ваши я всѣ получалъ, и тѣ, которыя были пошлѣны poste-restante, и одно на имя Боголюбова, съ передано мнѣ, что было совершенно не нужно, такъ какъ я нахожусь здѣсь одинъ, Боголюбова же нѣтъ совсѣмъ и не скоро будетъ, а до того времени я владѣю его мастерской. Вы удивляетесь, что я занимаюсь однимъ и тѣмъ же нѣсколько разъ, портретомъ Наслѣдника; но на это есть причины довольно основательныя. Я уже, кажется, говорилъ вамъ, что куняе сдѣ-лать офортъ, вотъ теперь и дѣлаю. Почему? Да потому, что я хочу сдѣ-лать все зависящее отъ меня лично, чтобы имѣть возможно большее обезпеченіе. Портретъ Наслѣдника, изданный гравюрой, можетъ дать порядоч-ный доходъ (каковъ практикъ!) Венци подобнаго рода не даютъ убытка, а такъ какъ мнѣ предстоитъ расходы—и расходы значительныя, то... и т. д. Словомъ, подкладка некрасивая, но я рѣшился на это по многимъ сообра-женіямъ, а разъ рѣшившись, употреблю всѣ средства, допускаемыя моимъ образомъ мыслей. Кромѣ того, время моему теперь только и есть у меня,

пока я занимаюсь языком и пока дѣлается переводъ одной книги для меня съ итальянскаго (книга очень большая, въ 45 печатныхъ листовъ), и пока я найду для себя кой-что, отвѣчающее моимъ намереніямъ, что будетъ не раньше конца августа или начала сентября, годовые срони мастерскихъ; потому что здѣсь, не смотря на громадное ихъ количество, найти въ другое время года нѣсколько затруднительно. Видите, сколько причинъ дѣлать это дѣло.

Верещагинъ забываетъ уже два раза ко мнѣ, кажется такъ; а впрочемъ не знаю. Онъ мастерской еще не выстроилъ, и только что приступить къ постройкѣ, а пока работаетъ въ манитой — гдѣ? никто не знаетъ; словомъ, та же исторія. Надѣюсь узнать его нѣсколько болѣе и изъ личнаго лица превратить для себя въ реальное. До сихъ поръ я только убѣдился, что онъ во многихъ вещахъ просто заблужденный ребенокъ, однакожъ не такой, чтобы не знать цѣну денегамъ. Словомъ, его практичность совершенно особаго рода, и я теперь, болѣе чѣмъ прежде, убѣждаюсь, что это художникъ послѣдней геологической формации. Что онъ работаетъ? Этого не узнаю, или по крайней мѣрѣ я не знаю опредѣленно, что именно; онъ общается, правда, мнѣ кое-что показывать, но когда, я не знаю. Когда же я буду знать, то будете знать и вы.

Относительно всей французской живописи я не могу сказать, чтобы она мнѣ не понравилась — это будетъ слишкомъ, но только нужно условиться въ точнѣ зрѣнія. Уровень достоинствъ очень высокъ, но только это уровень традицій. Оригинальнаго же, самостоятельнаго взгляда, такъ сказать субъективнаго (что всего дороже въ художникѣ), такого, который бы не былъ старымъ блюдомъ, только разогрѣтымъ, почти нѣтъ, исключая маленькаго кружка людей (около 15 человекъ), такъ называемыхъ «импрессионистовъ». Но всѣ ихъ вещи не выходятъ пока изъ области пошлости. Несомнѣнно, что будущее за ними, только... когда оно наступитъ — я не знаю. Французъ ничего не можетъ сдѣлать просто, ему нужно непременно ломаться. Положимъ, у нихъ у всѣхъ ясно до рѣзкости намереніе дѣлать такъ, какъ кажется, но за то есть между ними болѣе прославленные такіе, которые приближаются ко мнѣности къ моему сину, въ масляныхъ краскахъ. Допустите, что я чуть-чуть преувеличиваю, чтобы сильнѣе характеризировать, и вы будете имѣть почти настоящее представление. Уже если на то пошло, то я утверждаю, что нѣтъ болѣе настоящихъ импрессионистовъ, какъ имъ русскіе, начиная съ Тропинина, вплоть до начинающаго мальчика, въ школѣ живописи, въ Москвѣ. И я не даромъ перешелъ это начало въ Москву: въ Петербургѣ еще есть традиціи, а ужъ въ Москвѣ совсѣмъ ихъ не выдать. Словомъ, на этомъ пунктѣ сходятся: старѣющееся общество — съ карьеристами, одно въ силу отрицанія изоля-

шагося искусства, другое въ силу круглагаго невѣжества. Съ одной стороны 40-лѣтніе парни, изможденные и бессильные переходъ задачамъ природы, дѣлающіе уммышленно курьезные опыты, съ другой — наивные и смѣшные мальчики. Еслибы можно было предохранить ихъ отъ разлагающаго вліянія, напримѣръ, жизни такъ называемой иностранной живописи! Я очень радъ, что я попалъ въ Парижъ теперь, когда могу наблюдать это любопытное броженіе.

Что касается Каролиса-Дюрана, то я очень хорошо знаю, что это такое; я уже много видѣлъ его произведеній и могу себѣ представить, что это такое. Но долженъ сказать, что это человѣкъ съ огромнымъ талантомъ вышнимъ и что Вонъ передъ нимъ и глупъ, и грубъ (ого! каково!). Говоря серьезно, Вонъ — человѣкъ ограниченный. Портрета его, ш-Ле Поляковой, мнѣ видѣть не удалось до зимы.

Если нѣтъ у васъ причинъ, совершенно личныхъ, къ отказу Товариществу въ его просьбѣ, то я прошу бы васъ позволить повѣстивъ нѣкоторые портреты, все равно какіе. При этомъ сообщу вамъ новость (если вы ее еще не знаете), что мой «Пасъчникъ» — собственность Солдатенкова, и не пропалъ!!! Каково! Онъ просто находился себѣ преспокойно въ кладовой, гдѣ его нашелъ тотъ же И. И. Шляпкинъ! Что касается Туренева, то... какъ бы вамъ это выразить — теперь мнѣ даже какъ-то не хочется его писать. Мнѣ кажется, что мы ужъ очень много занимаемся, и потому я вижу теперь, что его портреты всѣ одинаково хороши и что ничего новаго не сдѣлаемъ. Объ картинѣ Погѣнова (я ее еще засталъ здѣсь) скажу, что въ фотографіи она лучше, но все-таки это лучшая его картина до сихъ поръ. Это — баринъ, медленно просяпавшійся, и, вѣроятно, изъ него выйдетъ что-нибудь опредѣленное, но когда? — не берусь предпринимать.

Вполнѣ вамъ сочувствую въ той скорбной нотѣ, что вы покидаете Кунково и бесѣду съ природою и должны ѣздить въ городъ ежедневно. Знаю также, что нѣкто раскрываетъ всѣ свои поэтическія стороны только послѣ очень и очень продолжительнаго знакомства. Какъ видите, нѣста для записидѣтельствования моего уваженія Вѣръ Николаевнѣ осталось очень немного, но утѣрите, что еслибы его было и больше, оно не могло бы вѣщать болѣе значительнаго содержанія. Дѣлать и всѣмъ вамъ нѣтъ кланяюсь.

Уважающій васъ И. Краской.

СЛXIII. Къ С. Н. Крамской.

Парижъ, 14-го іюня 1876 г.

Милая моя, дорогая жена... Вотъ что я тебѣ разскажу. Верещагинъ (ташкентскій) здѣсь теперь, забѣжалъ дней 5 тому назадъ ко мнѣ, ну

то, другое, как вдруг он спрашивает: «Я слышал, у вас семья большая?» — «Да, 6 человек детей». — «Ай-ай!» и руками закрыть лицо! «Ну как же вы дёлаете? Вы в Академии?» — «Нёть!» — «Да позвольте, как же так? Что же ваша жена говорит?» Ответом: «Моя жена и 6 человек детей следуют за мной с завязанными глазами, и какие бы вы выкрутасы ни выдвигали, вёрить мне и идти за мной...» — «Послушайте, да ведь это удивительно? Вы счастливы!» — «А вы бы думали как! То-то и есть, что меня Господь Бог пощадил, за что — уж не знаю, но это так... Словом, я понимаю ту игру, из которую я играю, это-то и меня самого пугает...»

Расскажи мне, милый, как и что было с Марочной — то-же отдалённое бёлка, или что другое? и как он бдний себя держал! Видишь, он очень на меня похож, так похож, что мне хотелось бы по нем представить себя, какой я был маленьким? Я уже многое забыл, а тут точно переживаешь далекое детство свое собственное. Ведь почему мне об экзаменах детей было нужно знать? Ведь я молю живо то страшное время, когда бывало выходишь на экзамен — кровь в виски стучит, руки дрожать, язык не слушается, и то, что хорошо знаешь — точно не знаешь, а тут очки, строгие лица учителей; ну, словом, когда дёточки мои должны были экзаменоваться, я страдал, страдал больше их; должно быть, и Бог знает чего бы я не дал, чтобы нёть силу izbавить их от этой муки. А в концё концов, эти страдания выработывают характер. Помню, как бывало у меня кулачки сжимались от самолюбия, и я твердо рввался выдержать и не осрамиться.

...Я тебе писал, кажется, что я начал офорт, работаю не по вечерам, а сплошь, постоянно, по доске стариницкая, не новоротины, и мы тут вздумали с К. А. Савицкими сами ее загрузовать и закончить: нужно было видеть, как мы закончили квартиру Боголюбова (тогда еще он не уезжал), его не было дома, а когда он воротился ночью, уже ничего не было и я спал; потом дни 4 чертил контуры и протравил. Савицкий прислал не ту кислоту, ну, дёло вышло не хорошее, кислота не та, мало травит и у меня ничего не вышло. Должен был на-ново начать историю. Ты только этого ничего не говори, когда его, Савицкого, увидишь: он собирается в Россию. Рёвнив и Полёнов тоже. Если дёло умно новости, то офорт Цесаревича может кое-что дать. Я буду печатать не сь доски, а сдёлаю гальванопластикой вёсёлько клише — тогда можно хоть 10.000 экземпляров. Это знаешь чём шахмат?

Я потому принялся прежде всего за офорт, что другого пока и нельзя — занимаюсь языком, чтобы можно было рыться в библиотек, и отдавать переводить одну книгу с итальянского языка. Ея нёть на другом, а

книга нужная, будет стоить около 400 рублей, и огромная. Положим, я думаю, деньги верочу, предложу Солдатскому, так как он издаёт подобные вещи и платит за переводы, а может быть и нёть, тогда дёло невозможно. Изъ Италию прёхали Буткевич и Ковалевский, три дня тому назад, Ковалевский изъ Рима, а обь письмах — ни слуху, ни духу. И один, или еще кто-нибудь? Прёхал ли въ Петербургъ Антокольский? Он мне нужен, я хотёла кое-что написать ему обь выставк, именно то, что ему нужно. Да гдё он теперь — не знаю. Ведь он ёдет, а останавливается не надолго. Словом, если увидишь, передай ему это. Клянйся вёсьм, завтра буду писать Пиникну...

Муж твой И. Кранской.

СЛХ. Къ Ө. Ө. Петрушевскому.

Париж, 17-го июня 1876 г.

Многоуважаемый Федоръ Фомичъ. Письмо ваше доставило мне большое удовольствие и интерес, и я вамъ глубоко благодаренъ за него. Сожалёя обь одномъ, что я одинъ и не сь кёмъ было разделить удовольствие чтёния, особенно того жёста, гдё вы описываете отдёл выставки ученыхъ предметовъ — археологический. Вотъ, думаю себё, что значить знать предметъ и любить его, — посмотрите, какъ рельефно изъ строчекъ письма выглядываютъ первые: насосы, телескопы, часы, паровозы и т. д., и т. д., и ихъ великие авторы, просто прелесть! У меня у самого забилось сердце, какъ у молодого челоука, только что начинающего свой трудный научный путь; только мне не дано обстоятельствами знание — лучшее, чёмъ челоука можетъ обладать въ жизни. Я всегда, сь ранней юности, сь завистью взираю на людей науки, а теперь зависть хотя и улеглась сь дётами, но уваженё и любовь къ наукё остались, какъ сожалёние о чёмъ-то, окончательно утраченномъ. За эту часть письма я вамъ особенно благодаренъ, и скажу — не напрасно обь этомъ распространялись. Конечно, мне это знакомо, но знакомо по наслышк; передъ вещами подобного рода я просто нахожусь сь разинутымъ ртомъ, главнымъ образомъ вследствие нежесткости, но люблю это просто — инстинктивно. Въ самомъ дёл, какъ не удивительно и какъ не интересно, когда существуетъ приборъ, какъ вы говорите, единственно качественного характера, назначенный только для доказательства явления: просто голова закружится отъ ежеснутую готовую совершиться открытёя, хотя и не предусматриваемыхъ еще! Читая ваше письмо, я чувствую, что наука идётъ впередъ, захватываетъ все большее и большее пространство, но многимъ отдёламъ близка уже къ обоб-

меняем и выводим, тогда как искусство, захваченное в настоящий свой момент выставкой в Париж, не возбуждает и сотой доли того трезвого чувства удовольствия, которое способны вызвать положительные результаты. В науке есть игра, есть положение, обязательные для всякого адепта, есть цель, неоспариваемая никем из людей преданных ей — словом, там есть коллективные усилия, которые одни способны создавать волны вынужденного объема и высоты, тогда как в искусстве — все индивидуально, ничто не обязательно, и отсутствие идеалов — полное.

Я только что проехал Италию, видел древнее греческое искусство в остатках и обломках, видел искусство Возрождения в богатых собраниях, и в обоих группах — присутствие общей руководящей идеи, как будто люди сговаривались и шли в ногу по одному направлению, и потому между сотнями талантов являлись счастливицы, которым удавалось связать в узел бродившие во млоцах исторические моменты общественной жизни. Во всех родах есть вершины, способные отпугнуть охоту к бесплодному занятию, потому что теперь центр тяжести уже передвинулся, и то, что было хорошо и необходимо тогда, не годится теперь, а вследствие этого и дорожка, по которой шли те люди, окончательно заросла и все традиции утрачены за ненадобностью. Что же нужно и куда идти теперь? Кто это знает? А если кто и знает или хотя догадывается — как устоять в общем течении, гуляя и рукоприкладиях, которыми сыплются на него со всех сторон. Как же свихнуться, когда все свистит кричать: — «Подальше от или вот это, и вот тебе за это 200—300 тысяч — только ублажи, не уминтай!» В самом деле, возьмите что хотите: так называемый «высокий род» — исторический или религиозный род — есть какой-то жалкий лохмоть, подобранный в академических коридорах; портреты — позировка, туалет, шум, блеск и, заведомо для обоих сторон, самое скромное сходство; «жанры» — женщины, женщины и женщины во всех видах, исключая настоящего. Душаешь себя: что же, хотя неясно? Этот нейтральный, безобидный род, никому не пужно его искажать, и здесь должно встретиться наиболее простого отношения к делу? К сожалению, и здесь есть признаки, что растение загнивает, чего доброго, так как соседи неблагоприятны.

Скульптура — на высокой степени техники, но больше, но содержания — немного. Совсем нет, я готов сказать. При том, мосье «Монсея» — Микель-Анджело, портрета Веласкеса в баланде... кажется, Дориа... и «Положения во гроб» Рибейры, в мастерской с. Мартина, в Неаполе, неудивительно, что не встречаешь равных величин. Да и куда уж тут равных, хотя бы скромных и простых? Оказывается, что почти на 2000 лет

одних картин, исключая рисунков, акварелей и скульптур, картин 15 (а 20 много) таких, в которых бьется какое-нибудь чувство, или (реше всего) идея... Я говорю о таких, которые представляют несомненное чувство, самостоятельное впечатление, а таких, которые можно принять за неопытность за таковыя — множество. Тут на все мода. Напримёр, в этом году кто нибудь обратил на себя внимание этюдом, положив, гитаристки уличной. На будущий год весь «Салон» будет увешан гитаристками всех возможных родов, и часто исполненных хорошими художниками, и такая картина, как напримёр Сокоп (кажется), где представлен обряд сожигания рабов en masse в Египте древнем, когда их в цепях тащат слонами и потом толкают в пасть финикса, у которого внутри печка, не найдёт разумеется подражателей. Хотя идея, как идея, стояла бы того, чтобы заняться, да и сам автор еще молодой, очень молодой, человек не умел распорядиться картиной, и разумеется, когда вырастет, не будет так глуп, чтобы писать вещь, в которых есть идея.

Что касается техники живописи вообще, то в этот раз я очень рад, что застал «Салон». Он пополнил пробел в моих познаниях о французской школе, которая я вывез из-за границы еще в 60 году. Мне казалось тогда, что Франция занята исключительно исканием нового в живописи (технической) и что каждый парочкой старается во что бы то ни стало не походить ни на кого. Теперь я беру это назад и говорю: правда, во Франции эта струна есть, но настолько же, как и везде, и что, напротив, вся школа как-то окрашена одним тоном, так что попадающие картины из Мюнхена, напримёр, сейчас выделяются. А в Мюнхен больше чем где-нибудь сидит школа. И там, качество оригинальности так же редко в Париж, как и в другом месте. Не замечаете ли вы здесь противоречия у меня с самим собою? Раньше я выдвигал об отсутствии руководящих каких-то начал, а теперь, наткнувшись на них, сожалю о том, что не очень гоняются за оригинальностью? Это всеобщая участь художников: где-нибудь ничего вбрани, доказанного, так и реч сражает логику. Хотя у меня эти кажущиеся противоречия унимаются и не суть противоречия, потому что принадлежат разным сторонам искусства. Полагаю, что для вас эта оговорка была лишнею — а потому вы великодушно меня извините за все.

Теперь пора коснуться моего решения приехать в Лондон, или нет. В первом смысле я сказал, что пропуская случай — вы бы момент можете мое колебание, когда узнаете, что я с чего-то себя воображал, что вы знаете английский язык. А так как мне известно, что в Лондон нечего соваться одному без знания языка, то я и обрадовался су-

чаю воспользоваться таким превосходным гидом. Но теперь, разумеется, дело еще более усложняется, и я буду ждать okazji здесь в Париж, чтобы осмотреть Лондон, а оставаясь на зиму, я надеюсь, что судьба будет ко мне благосклонна. Из новостей административных, мне наиболее интересных, я сообщил, а что касается до наших пенсионеров, то они не сдвинули ничего особенно удивительного и оставляют Париж, в надежде поправиться в России. Впрочем, из русских художников за границей только один Антокольский выделяется: он выдвинул прекрасную фигуру «Смерть Сократа». «Христос» же его меня не особенно тронул. Полагаю, что письмо мое еще застанет вас в Лондоне.

Уважающий вас И. Крамской.

CLX. Къ В. В. Стасову.

Париж, 9-го июля 1876 г.

Многоуважаемый Владимир Васильевич. В Неаполь я не оставался долго по двум причинам. Во 1-й, все, что мне можно было взять для себя, я взял в 10 дней, для остального запаса фотографии, а во 2-й, надо былооторопиться поглядеть «Салон», который я ни разу не видал, а чтобы иметь понятие о французской школе вполне—видеть мне его непреклонно хотелось. Н видѣлъ. Пошел я туда один, нарочито. Подходя, уже чувствовала состояние, близкое къ тому, которое испытывает маленький провинциальный чиновник, вызванный по делам службы «для личных объяснений»—особо. Вздохнул скромно, чтобы не сказать смиренно. Видѣ это, думаю себя, кто, откуда вчера еще никому неизвестные люди, чрез каких-нибудь несколько недель, становятся европейскими знаменитостями. Знать имена их становится обязательно всякому мало-мальски грамотному человеку, а не знать их—значитъ встрѣтиться съ податными бровями, какъ бы говорившим: «откуда этотъ человекъ?» И такъ, я вздохнул скромно, и чтобы не заслужить названіе русскаго верхогляда, который изъ деревни придетъ, ни на что порядочно не взглянетъ и только швыряетъ, я самымъ добросовѣстнымъ образомъ сталъ рассатривать каждый №. А! каждый № изъ 2000 №! Пересмотрѣть же всѣ аллегорическія, мифологическія, библейскія, сказочныя, легендарныя, пролетскія сочиненія, вещи, мимо которыхъ обыкновенно всѣ пробѣгаютъ у насъ—если даже чашія кто-нибудь выставляютъ (не смотря ни на нѣкія достоинства рисунка и живописи), потому всѣ голыя тѣла, приваившія исевдонимъ, чтобы войти въ собраніе, головки, ни на одну живую голову не похожія, словомъ, я такъ добросовѣстно старался, что только-только прошелъ живопись въ 6-ти часахъ, когда уже выгоняютъ, и тутъ только

свохвятился: Да что-жъ это такое значить? Да какое же мнѣ, наконецъ, до этого дело было? Точно я никогда не видалъ ни выставокъ, ни собраній и ориентироваться не могу? Видѣ, наконецъ, я держалъ себя съ болѣе или менѣе достоинствомъ въ галлереяхъ Боргезе и Дорія, словомъ, всюду, мнѣя дело съ именами, пользующимися 200—300 лѣтъ извѣстностью!.. Вотъ какова сила Парижа! И мы протягиваемъ послушно свои головки, умиленно принимаемъ ласки, которыя достаются на нашу долю отъ господъ (если еще достаются!). Нужно сказать, что уровень очень высокъ, но надо условиться, что сдѣлаетъ разумѣть подъ уровнемъ. Если разумѣть подъ нимъ умные распоряжаться картиностью, массами свѣта и тѣней, гармоніей тоновъ, то дѣйствительно оно оказывается на столько распространеннымъ, что всякая посредственность владѣтъ этимъ, сравнительно, въ совершенствѣ; но если разумѣть уровнемъ передачу дѣйствительности просто, непосредственно, безъ рефлекса отъ кого-нибудь, безъ рафинирования стараго блѣда, то количество такихъ вещей, во всемъ Салонѣ, оказывается очень незначительнымъ, и процентное содержаніе здесь такъ же мало, какъ гдѣ хотите. Оговорюсь, такъ какъ это необходимо. Вся Европа признаетъ (а у насъ и подавно), что Франція самая живая страна, народъ, отъ котораго ждутъ всегда и во всемъ почину, проложники новыхъ путей и т. д., и т. д. Это все такъ... но мы, русскіе, имѣемъ какую-то странную особенность, должно быть... хорошо ли это или нѣтъ, я не рѣшаю, но намъ отдѣлаться отъ этого невозможно. Чего мы ищемъ (если ищемъ)? Положимъ, портретъ (не подумайте только, что я говорю, потому что считаю свое дело наиболее значительнымъ, дальше я дамъ и этому свое мѣсто), а такъ портреты,—самые талантливые представители у французскихъ даже не нѣтъ того, чтобы человека изобразить наиболее характерно, чтобы не напичкать данному человеку своихъ вкусовъ, своихъ привычекъ; и это не только теперь, въ настоящее время, а возьмите всѣхъ французскихъ прежнихъ и нынѣшнихъ—этой черты, ярко обозначенной, нѣтъ. Да этого нѣтъ и въ самомъ обществѣ, очевидно. Всего болѣе французъ прячетъ свою сущность. Что это? Плодъ ли долгаго историческаго существованія въ фазисѣ цивилизаціи, или коренная черта племени? Я не рѣшаю ничего, я только хочу оправдать то положеніе, что мы ищемъ (если ищемъ, принимая за доказанное) другого, не того, что здѣсь принято. Теперь другое: такъ называемый жанръ. Для насъ прежде всего (въ идеалѣ, по крайней мѣрѣ)—характеръ, личность, ставившій силу необходимости въ положеніе, при которомъ всѣ стороны внутреннія наиболее всплываютъ наружу. Здѣсь же... какъ бы это точнѣе выразиться?.. преобладаетъ анекдотическая сторона, и оныя эта особенность вообще. Мы, положимъ, еще даже жить не начинали, у насъ нѣтъ блестящаго прошлаго, драгоцѣнныхъ гра-

дий и того жея, памь можно даже извинить, а по самодовольству и неважественности (придавайте какіе хотите эпитеты) мы можем надяться, какъ славянофилы, что это все у насъ будетъ; а вѣдь они прожили довольно, и образцы должны бы быть... Брентон? хорошо... но, знаете, одного какъ будто бы и мало... да и тотъ теперь дѣлаетъ что-то такое, чего не разберешь... Опытъ-таки, взявши всю школу—этого нерва не вижу. Что касается библейскихъ и другихъ исторій, то тутъ ужъ я совсѣмъ готовъ махнуть рукой, такъ какъ этого родъ вездѣ наиболее фальшивы, и искреннихъ, убѣжденныхъ адептовъ что-то не видать.

И такъ, оказывается, нѣтъ ничего? Ну это, молочки, неправда—есть и многое: напримеръ, въ техничѣ усиліями наиболее талантливыхъ французовъ очень много сдѣлано: есть что-то нематеріальное, шевелящееся въ ихъ живописи, разъ; и потомъ, явленіе импрессионистовъ, этихъ смѣливыхъ и осмѣливаемыхъ людей, утверждающихъ, что все искусство изогла-лось, что все фальшиво, и живопись, и рисунокъ, а тѣмъ болѣе картины, сочиненіе; надо воротиться... къ дѣйствию. Знаете, это просто гениально! По моему, одна эта мысль, не какъ мысль, а какъ дѣло, даетъ всѣ права на глубокое сочувствіе и нервенствующую роль. Народъ, который способенъ надъ собою дѣлать эксперименты водобитого рода—живой народъ. Только вотъ что меня не радуетъ въ этой группѣ людей: это ихъ умисель. Они не просто, сердечно и наивно это дѣлають, а какъ-то искусственно. Вѣдь это же взрослые люди, нѣкоторые и носидѣтъ успѣли, а наивничаютъ такъ, какъ будто имъ 12 лѣтъ. Настоящіе импрессионисты—это талантливые наши деревенскіе мальчички, никогда ничего не видавшіе... только они и могутъ быть импрессионистами.

Чувствую, что я далеко зашелъ, и нѣтъ возврата нѣтъ, но извиненіемъ мнѣ можетъ служить знаете что? Тѣ старые мастера, которыхъ я только что видѣлъ. Правда, что всѣ они для меня собрались какъ будто въ одномъ, въ Веласкесѣ... То, что этого человѣка могъ, только спосособно отпихнуть охоту. Все передъ нимъ и мелко, и блѣдно, и ничтожно. Этотъ человѣкъ работалъ въ красками и кистями, а перьями. Для меня никакихъ объясненій не нужно, я слышу говорящаго Веласкеса, и самымъ краснорѣчивымъ языкомъ; это—уничтожающее, другихъ выраженій не знаю. Это перестаетъ быть возможнымъ. Давно уже, еще въ 69 году, въ бытность свою заграничней, я его особенно любилъ и выдѣлялъ изъ всѣхъ. Теперь же, чѣмъ дальше, удивленіе все возрастаетъ, именно удивленіе. Боже мой, много я знаю превосходныхъ вещей, много было художниковъ, отъ которыхъ нѣтъ только ложному—значитъ заслужить очень солидную репутацію, но это что-то совсѣмъ особенное. Смотрю на него и чувствую всѣми нервами своего существа: этого не достигнешь, это не повторяемо. Онъ не

работаетъ, онъ творитъ, такъ вотъ просто брать какую-то массу и мѣсить, и, какъ у Господа Бога—швелится, смотритъ, мѣшаетъ даже, я въ голову не приходится ни рельефы, ни рисунки, ни даже краски, ничего. Это чортъ знаетъ что такое. Любилъ я когда-то Ваньдику (да у него и есть два-три экземпляра), но всегда я могъ понять, что тутъ такое есть. О Рембрандтѣ и говоритъ нечего—его и теперь люблю... но Веласкесъ—далеко вонъ, за черту возможнаго—(для меня), потому что тамъ нечего понять, нечему научиться, нѣтъ надо быть... Однакожъ надобно остановиться, а то я никогда не кончу, а вы еще затронули въ нашемъ писмѣ, чтобы я кое-что взялъ отъ него*). Нѣтъ, Владиміръ Васильевичъ, ничего у него взять нельзя, къ сожалѣнію. Пусть берутъ другіе, если смѣлости хватается... Вѣдь вотъ Реньо, какъ будто и взялъ, и любилъ его, и восторгался имъ... да только, извините, остался французомъ. Я начинаю говорить ужасныя вещи! Лучше остановиться.

Дѣло въ томъ, что я лично дѣлаю что-то странное, до сихъ поръ все нину какъ будто вступленіе, предисловіе—я самъ знаю, что дѣлаю не то, что теперь слѣдуетъ, но не могу отдѣлаться отъ юношескихъ номинилей, и идю, какъ будто впереди у меня дѣло столѣтіе. Сначала, давно, я думалъ формою, и только одною формою, все хотѣлось понять ее, потомъ, недавно, сравнительно, началъ обращать вниманіе на краски, и теперь, только теперь, начинаю смекать неможно, что за штука такая живопись. Но и то, и другое, пока, только средства, которыми слѣдуетъ выражать ту сумну впечатлѣній, которая получается отъ жизни... Темно что-то, на философію снахиваетъ! Что дѣлать, вѣроятно, и на этомъ надобно остановиться.

Вы поручаете мнѣ написать портретъ Рѣпина—еще бы, конечно, пора! Но видите, какъ все это случилось. Я его давно наблюдаю, и давно слѣжу за его физиономіей, но она долго не формировалась, что-то было все неопредѣленное... Но передъ отъѣздомъ его за границу я уже готовъ былъ писать, и приставалъ къ нему тогда, но онъ уклонялся... да такъ и убѣжалъ, не далъ. Теперь, въ Парижѣ онъ уже совсѣмъ опредѣлился, и физиономія его настолько сложилась, что надолго останется такою: что-то тонкое, и какъ будто на первый разъ мягкое, нѣсколько задумчивое, и въ то же время серьезное. Я приставалъ опять, какъ прѣхалъ, но онъ опять уклоняется. Судя же по нѣкоторымъ признакамъ, теперь ужъ онъ не уйдетъ,

*) В. В. Стасовъ писалъ восторженными словами Веласкесу и советовалъ Крамскому близко изучить его, послѣ чего какъ видѣлъ въ Берлинѣ, въ 1885 году, одинъ изъ величайшихъ его chefs-d'oeuvre'овъ, портретъ, въ ростъ, итальянскаго генерала Александра Борро.
Ред.

по крайней мѣрѣ мнѣ медлить нельзя — Богъ знаетъ, что впереди! Вѣроятно, напишу. А ѣдетъ онъ скоро, и везетъ картину. Что какъ сказать вообще? Какъ мнѣ показалось, онъ здѣсь немножко какъ будто заявлялъ, точно расставленіе въ жаркую юру. Онъ ни на волосъ не погибъ, но и не сдѣлалъ того, что онъ можетъ и что мы въ правѣ отъ него ждать. Картина его «Садно» (а только объ ней и можно говорить, потому все остальное ниже ея) вещь очень интересная, бездна фантастическаго во всемъ водномъ царствѣ, фигуры красавицъ (исключая передней, которая, по моему, неудачна по вымыслу) чрезвычайно оригинальнымъ, нѣкоторымъ превосходнымъ. «Чернявка» понятна именно такъ, какъ слѣдуетъ, но самъ Садко еще не конченъ, и потому, вѣроятно, неудовлетворителен; онъ собирается его написать въ Россію. Одно жалъ, картина такъ сочинена, что кажется тѣсною. Но это первое, что мнѣ бросилось больше всего въ глаза, какъ прѣхалъ, теперь же я привыкъ и начинаю мириться, да и онъ какъ-то помогъ этому фактомъ. Словомъ, картина добрая. Впечатлѣнія же она не произведетъ очень большого на нашу публику — не знаю, почему мнѣ это кажется, хотя это будетъ и несправедливо, если это случится.

Что касается компаніи, нѣбующей образоваться въ Академіи изъ Прахова, Яковля и Семирадскаго *)... то я не особенно печалюсь; еще есть кое-что и на нашей сторонѣ, еще и мы не всѣ силы пускали въ ходъ, у насъ есть еще ресурсы, и быть можетъ намъ удастся достигнуть на своемъ вѣку зрѣлаго паденія авторитета Академіи. Впередъ! Дѣло наше правое! А что **» идолопоклонникъ, такъ это несомнѣнно мѣтко сказано.

Васнецовъ предложеніе рисовать съ Верещагина **») не пріялъ, но крайней мѣрѣ теперь отложилъ до своего возвращенія въ декабрь мѣсяцъ въ Россію.

Только окончивши письмо, замѣтилъ, что въ немъ ничего обстоятельно не кончено, многое затронуто, можетъ быть исполнено невѣрно, ну да ужъ до другого раза какъ-нибудь. Уважающій васъ Н. Краевскій.

СЛXІ. Къ нему же.

Парижъ, 19-го іюля 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Я получилъ ваше письмо передъ тѣмъ, какъ идти провожать Рѣпина. Онъ уѣхалъ сегодня, въ среду, въ 8 часовъ вечера, и надо полагать, въ воскресенье будетъ уже въ Пе-

*) Тогдашній слухъ.

Ред.

**) Рисунокъ для изданія, въ гранюрахъ, туркестанскихъ и другихъ картинъ В. В. Верещагина.

Ред.

тербургъ; стало быть, мое письмо даже не предупреждаетъ его. Портретъ его остался не конченъ: передъ отъѣздомъ ему было, разумеется, не до того, а потому и я не была достаточно спокойна. Портретъ Рѣпина вышелъ совсѣмъ ординаренъ — не того онъ заслуживалъ, но что-жъ дѣлать? — оборвался. Поправлюсь, если встрѣтятся. Съ этимъ дѣломъ покончено.

Теперь о вашемъ письмѣ. Знаете — вы меня смущали, вотъ какъ аттикъ пугаютъ. Сидѣлъ я себѣ смиро, смотрѣлъ, говорилъ, когда говорилъ, писалъ свои обыкновенныя мысли, касался вопросовъ, для меня оконченныя, и вдругъ: — «Говорите!» Я испугался, серьезно. Вы должны понять, чего я испугался. То, что я говорилъ вамъ въ письмѣ, я много разъ и давно уже говорилъ всѣмъ, съ кѣмъ мнѣ приходилось; много было жестокихъ ссоръ, никого, конечно, не убѣдившихъ, много воды утекло съ тѣхъ поръ, я самъ успѣлъ съ того времени поумнѣть, если можно такъ выразиться — и убѣдиться, что для всякаго дѣятеля есть своя собственная дорожка для доставленія торжества своимъ идеямъ. Вообразите только, что самопикъ сталъ бы говорить, какъ надобно мнѣ сказать, вѣсто того, чтобы ихъ дѣлать, кто ему говоритъ? Два, три человѣка на земномъ шарѣ, пожалуй, найдутся, которые откроютъ въ его словахъ нѣкоторый резонъ, если онъ былъ (да и тѣ могутъ не оказаться въ числѣ слушателей), остальные подавай настоящіе, реальныя самои! И они правы. Положимъ, я старался по мѣрѣ моихъ силъ и возможности (по обстоятельствамъ) дѣлать согласно съ словами, но въ видѣн, что разговаривать легче, тѣмъ дѣлать, и что у меня, упрямю что нибудь отстаивающаго, не Богъ знаетъ что выходитъ, и что, стало быть, и т. д. Словомъ, я замолчалъ, или по крайней мѣрѣ смалчивалъ. Что впереди — Богъ знаетъ.

Вы говорите: думающіе и понимающіе художники — рѣдкость. Къ моему искреннему сожалѣнію, я съ этимъ не согласенъ. Вотъ на какомъ основаніи. Посмотрите поближе каждаго художника, нѣбующаго хоть крупнѣйшій дѣятельнаго дарованія — вѣдь онъ непремѣнно умный, а умный попадаетъ, говоря сравнительно, довольно часто. Отчего-жъ онъ чортъ знаетъ что дѣлаетъ? По моему, оттого, что невыгодно. Я присматривался по долгу и убѣждался въ этомъ. Да это впрочемъ и не важно въ сущности, я только замкнулся отъ комплимента, и утверждаю, что конинающихъ людей найдется побольше, тѣмъ вы полагаете, иначе откуда вдругъ набирался такая пронасть сочувствующихъ и одинаково думающихъ, когда случится — наша изаля! Вѣдь многихъ я знавалъ за очень умныхъ людей дѣтъ 10, и они какъ-то сторонились только!.. Но я чувствую, что несамѣтно для себя подожму въ очень критическому выводу. Что же: я, стало быть, честнѣе — такъ, что я, говоря просто? Оставимъ это, и пройдемъ мимо. У васъ въ письмѣ не то, впрочемъ, и сѣмъ: вы говорите, что являются уже образъ

чики, где талант соединяется с головою. Дай Бог, чтобы так было, потому что этого не миновать, это на очереди, это ближайшая историческая задача искусства, и если этого химического соединения не произойдет — искусство вредно и бесполезно, пустая забава, и больше ничего. Настоящее время — строгое время. Если с одной стороны являются коллективизм, колоссальная подлость и разбой, разбой уточненный и цивилизованный, то с другой — грандиозная и величественная, захватывающая дух открытия науки, позволяющая уже почти построить философскую систему, обнимающую мир внешний и внутренний. С этим страшно шутить, и, быть может, мы стоим на пороге такого времени, когда неосторожный и застывший (как бы он значительнее ни казался) будет окружить и смять. Теперь трудно быть художником! Если бы мы знали, как трудно! Теперь даже мало таланта, как бы он ни был велик! Еще так недавно его было достаточно.

Вы говорите: я идолопоклонничая перед Веласкесом. Хорошо, коли на то пошло, будете открытыми. Я смотрю на него и думаю: Господи, какая высота! Вдаль посмотрите, что он делает; он может, просто может, как ни один самый дерзкий француз еще не махал, а между тем все, решительно все, так вот, кажется, до подробностей, дрожать и живет перед глазами, и... и уж этого мало теперь! Natura живая открывается для нас с новой точкой, нельзя уже смотреть теперь теми глазами, как смотрели эти наивные великаны. А почему же нельзя, позволите спросить? Да просто потому, что тогда — есть талант — и неслось, не думая. Сегодня вышло — а завтра и послезавтра, зорь его знает, отчего, не вытанчивается. Ну, и пришлось сочинить легенду о... вдохновении. И помню эта басня гулять по свету вплоть до наших дней. Не было еще того глубокого и обширного базиса науки, через который теперь (то есть в будущем — завтра), художнику надо перемахнуть. Однажды я сказал ужасную шутку — о вдохновении: надобно оговориться, чтобы правильно быть понятным. Вот в чем дело. Что такое вдохновение? Сердцебиение. У меня, вот, положим, от жизни образовался извистный осадок чувств, который извистным и роковым образом заставляет меня относиться к тем или другим фактам. Ну, скажите ради Бога, зачем мы дожидаться какого-то вдохновения, когда у меня постоянно бьется сердце и кипит кровь, как только я подую, и это кончается выражением и складом моего лица, не покидающим меня даже и во сон? Как можно толковать о вдохновении, когда я или живу и чувствую и, стало быть, каждую секунду вдохновлен, или обмираю, подпадаю и становлюсь животным, и мне приходится радоваться (если я не потерял еще образа), когда и чувствую себя как будто человеком.

Одно надо принять в соображение: я могу быть болен — ну, тогда я уж и знаю, когда я сделаю, и когда нет. Я заранее чувствую, управляю ли я своими способностями или нет. Ничто меня так не волновало, как эти споры о вдохновении. Теперь о Веласкесе я хочу кончить. То, что он сделал, иногда повергает меня в изумление, но рядом есть такие вещи, которые прямо указывают, что он не был застрахован на завтра. (Ну, а теперьшние застрахованы? Оно, конечно, собственно утверждать это, я говорю о том, что будет и должно быть, а не то, что есть). Словом, он был наивен и только, и я понимаю, что этого уже мало для темерного времени. Ну, а Рембрандт? Не то же самое? По моему и он тоже. Что теперь требуется, чтобы не повторять задов? Мало того, чтобы голова была рельефна, нет, она должна быть незаметно рельефна: я даже не знаю, как это и сказать. Я бы хотел удовлетворить ту кучиху, которая ни за что не хотела видеть под носом черное. Я говорю совершенно серьезно — иланусь вам. Отчего эта несчастная кучиха никогда на живом человеке не выдала черного под носом, а тут заметила? Пройдите мысленно по галлерей и скажите, нет ли черного под носом даже у Веласкеса, не говоря уже о Рембрандте? И что бдней женский делать? Вь этот глубокая правда, по моему. Очевидно, стало быть, что не вся суть того, что есть в природе, приведена в известность. И так, приходится делать теперь нечто похожее на то, что делали Голубейн. Это был человек колоссального ума, вбродию, огромного таланта. Он спукался со своим анализом почти в самую глубину человеческого лица, него произведения в искусстве — как великий открытия науки. Нигде нерв не дрогнул. Он как будто пожиривал сердце, и только в одном портрете дрогнуло что-то — в портрете Колонна, в галлерей Колонна в Риме. Только глядя на это, можно догадываться, что было у человека в сердце: было, по моему, так. Это я пока говорю об одной стороне, а теперь, надобно лицо написать так, что смотрите — оно как будто не то улыбается, не то нет, то вдруг как будто губы дрогнули, словом, зорь знает что, дымет. И это можно! По крайней мере — потребуют... Вот я и думаю, сколько времени пройдет, пока вся эта работа будет кончена, и когда придет человек, у которого внутри горит, а он как будто посторонний расприжается только материалом? То-есть, когда явится мессия? Знаю одно — не дожидаться ни, моего рта не хватит. Я всегда любил человеческую голову, всматривался, и когда не работаю, гораздо больше знать ее, и чувствую, наступать время, что я понимаю, из чего это Господь Бог складывает то, что мы называем душой, выражением, небесным взглядом, и всякой другой чепухой (с вашего позволения); я даже, кажется, понимаю страсти и характер чело-

вѣка... но вѣдь этого-жъ мало, вѣдь я знаю одинъ характеръ, одно лицо, одного человѣка, а вѣдь ихъ надобно заставить встрѣтиться, надобно, чтобы вліяніе одного отражалось на другомъ, и обратно, а когда они еще воодушевлены прочитаннымъ, тогда можетъ подняться такая драма, что присутствующіе становятся страшно. Вѣдь подумайте только, что это такое? Сколько усилій талантовъ надобно уложить, чтобы это стало ясно и обязательно для всѣхъ, именно для всѣхъ, потому что только коллективными усиліями дороги могутъ быть расчищены. Дальше. Задовъ повторять, очевидно, уже не приходится, потому что ни одна манера изъ прежнихъ мастеровъ не подходитъ къ новымъ задачамъ. Можно только съ завистью смотреть на нихъ, а самому разсказывать новыя. Съ новыми понятиями должны народиться новыя слова. Опять пунктъ величайшаго разногласія и ссоры. Говорятъ, напримеръ: — «Поѣду, поучусь техникъ». Господи твою волю! Они думаютъ, что техника виситъ гдѣ-то, у кого-то, на гвоздикъ въ шкафу, и стоитъ только подсмотреть, гдѣ ключикъ, чтобы раздобыться техникой; что се можно положить въ карманъ, и, по мѣрѣ надобности, извлечь да и вытаскивать. А того не воймуть, что великіе техники меньше всего объ этомъ думали, что мучу ихъ составляло вѣчное желаніе только (только!) передать ту сумму вѣстчатѣйшей, которая у каждаго была своя особенная. И когда это удавалось, когда на полотнѣ добивались сходства съ тѣмъ, что они видѣли умственными взглагомъ, техника выходила сама собой. Оттого-то ни одинъ действительно великій человѣкъ не былъ похожъ на другого, и оттого, часто, художникъ, не вымѣнявшій ни разу за околицу своего города, производилъ вещи, черезъ 300 лѣтъ поражающія. Тогда вѣдь не было «Салоновъ», выставокъ, онъ не сравнивалъ себя рядомъ изъ году въ годъ, что теперь считается такимъ великимъ подспорьемъ, въ чемъ я, однакожъ, сильно сомнѣваюсь.

Каково! Просто на костеръ этого человѣка! Чтось, на костеръ такъ на костеръ, а только я скажу, что выставки, особенно большія, приносятъ гораздо больше искусству вреда, чѣмъ дѣйствительной пользы. Знаю, что мнѣ много можно сказать вѣснаго противъ, но я стою на своемъ и утверждаю, и вотъ почему. Возьмемъ «Салонъ». Вообразите, 2,000 картинъ одна возлѣ другой — умъ помраченье. Входитъ толпа, 10, 20 тысячъ, кто это? Вѣдь это люди, даряще 10, 15 минутъ своего времени картинамъ, всѣ они тутъ зашли, потому что — почему же и не развѣдаться? По крайней мѣрѣ многие изъ нихъ, большинство — таковы, а французъ ужъ такъ должно быть созданъ, что желаетъ, чтобы объ немъ заговорилъ завтра Парижъ, и завтра непременно! Онъ дожидаться не можетъ, онъ пропадетъ мать, жену, дѣтей, только пусть завтра объ немъ заговорятъ! Въ то же время онъ смекаетъ, что для такихъ залъ и такой толпы мало обик-

новенныхъ легкихъ и престогаго человѣческаго голоса, тутъ надобно по крайней мѣрѣ мѣдныя тарелки и трубы, чтобы всѣ услышали. Онъ ихъ и утребляетъ. Онъ всѣмъ такимъ горячимъ солнцемъ огоронитъ, что не вѣрнѣе, написано ли это, или настоящее солнце? Только не останавливайтесь долго, да вамъ вѣдь и некогда: посмотрѣли 5 минутъ и дальше! Затѣмъ вышли и долго жмите имя художника. Да, вотъ это такъ, вотъ это сила. Теперь, не угодно ли эту силу и къ вамъ принести въ комнату, да заставлю васъ жить съ нею изю дня въ день, и посмотрю, что будетъ съ вами черезъ мѣсяцъ? Если вы не выбросите ее за окно, или, если нельзя будетъ выбросить, то вы повѣсите. По крайней мѣрѣ я много похожее на это испытать еще въ 69 г. въ Люксембургѣ. Худо ли это, или хорошо, правъ ли я или нѣтъ, я не знаю, я только говорю это къ тому, чтобы доказать, что истинна достается не выставками, и что сущность искусства лежить должно быть гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Присоедините къ этому еще вотъ что: пріятно, чортъ возьми, когда объ такіе этакіе заговоритъ Парижъ, да еще когда денщикъ тебѣ наладутъ, да всѣ кругомъ заорутъ! Тогда... какую голову надобно имѣть, чтобы несмихнуться? Если устоялъ, опять бѣда: тутъ очень недалеко до положенія «пепризнаннаго гения» — положенія самаго обиднаго и отчаяннаго. Однимъ словомъ — пойдѣмъ на право — утономъ, а налѣво — тоже какъ-то погибнемъ другимъ манеромъ. Вы скажете: ну, значить, низкотребный, коли провалъ. Еще бы, разумеется правда, только... не всѣ высокой пробы и на поверхности.

Однакожъ, виноватъ, писью дѣлается все болѣе да болѣе, а я все же то говорю, что хотѣлъ, и ужъ вовсе не то, что вы просили: о школахъ и художникахъ. Что сказать о школахъ, особенно старыхъ? Нового не много можно, развѣ въ видахъ зайти, что многие изъ авторитетовъ, быть можетъ самыхъ громкихъ, рѣшительно окажутся передъ судомъ новой критики никуда негодными, напримеръ: Гвидо-Рени, Долчин, Грѣвъ. Я бы смутился еще, или пожалуй поднялся бы, да не стоитъ. Ну, а о новыхъ говорить опасно: многие живы, а другіе только что кочили, и ихъ картины въ цѣнѣ, а потому похоже будетъ на зависть; какъ хотите, а странировано. Кромѣ того, я какъ-то не успѣю найтись, когда мнѣ скажутъ: «Скажите вотъ о томъ-то, или объ этомъ». Когда я встрѣчаю реально выраженное мнѣніе, я могу говорить и за и противъ, какъ думаю, а безъ этого трудно, да, впрочемъ, недурно и остановиться, а то не кончу, и завтра не пойдетъ.

Вашъ корреспондентъ И. Крапской.

ОСІV. Къ нему же.

Парижъ, 21-го іюля 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Нужно же было такъ случиться, что на другой день послѣ отправленія моего письма, я прочелъ статью Золѣ въ «Вѣстникѣ Европы», и вотъ причина появленія этого новаго посланія. Прежде всего о немъ самомъ. Что это талантъ новый и оригинальный, объ этомъ, разумеется, и смора быть не можетъ, но онъ, кромѣ того, еще и пишетъ объ искусствѣ. До сихъ поръ я знаю его только дѣлать статьи. Одна, кажется, въ прошломъ году, гдѣ онъ пережевываетъ французамъ то, что у насъ лѣтъ тридцать назадъ возникло, и тогда, я помню, я былъ только изумленъ, что онъ считаетъ все это нужнымъ говорить. И гдѣ же? Въ передовой странѣ. Хотя въ сущности, по размышленію, мнѣ удивляться бы не слѣдовало, такъ какъ все это я зачиталъ еще въ 69 году, когда былъ въ этой передовой странѣ, и что для французствъ это пожалуй новость. Но чтѣмъ дѣлать, ужъ такою сила Парижа, что тамъ воображаешь всякіе ужасы. Трудно, знаете, быть особенно храбрымъ, когда этакъ на тебя всѣ черезъ плечо смотрятъ: чтѣ, дескать, онъ такое горюдитъ? Это развѣ. Тенершія статья для меня была интереснѣе тѣмъ, что онъ рассказываетъ, чтѣ это за учрежденіе «Салонъ». Видѣ я никогда ни отъ кого не могъ добиться того, чтобы мнѣ рассказали толково. Всѣ только увѣряли, что понасть туда уже есть патентъ на таланты. Хорошо бы это было, коли это такъ, думаю себѣ; только мудрено что-то, потому... «Ну, да скажите, говорю, что это за журнъ такое? Кто его выбираетъ? И какъ выбирать?» — «Ну, этого ни не знаемъ; знаемъ, что тамъ что-то строго, и что тамъ все великіе люди, Жеромъ и прочіе...» Чортъ знаетъ, чтѣ такое — Жеромъ великій человѣкъ! Въ толкъ не возьму! А, вотъ оно чтѣ оказывается: это все нилал Академія, администрація, начальники, генералы. Слава Богу, у меня никогда не было особеннаго зуда понасть въ «Салонъ», а теперь и охота даже всякая пронала. Хорошо, что во-время узналъ. Ну, да это дѣло ни до кого не касается, кромѣ меня. Стало быть, толковать объ этомъ излишне. Скажу мимоходомъ, что Золѣ очень мѣтко сказалъ о швейцарѣ съ алебардою, до такой степени мѣтко, что я пригнѣлъ въ совершенное умніе относительно «историческихъ судебъ человѣческаго рода», говоря высконнѣмъ слогомъ. Ужъ если, думаю, знатокъ національнаго характера говорить это объ націи, искуснейшей во всякихъ революціяхъ, то что же намъ, бѣдинѣмъ? Будемъ плакать на рѣкѣхъ Василевскихъ. Давно, помню, юношей, я смотрѣлъ съ величайшимъ благоговѣніемъ на всякаго, любившаго въ университетѣ. Много воды утекло, пока я стать поумнѣе, и рабскія привычка уступила мѣсто ил-

которому скептицизму, а все-таки и теперь, нѣтъ-нѣтъ, да снѣтъ сердце, какъ встрѣтишь этакого молодого человѣка: не то сожалѣніе о потеряномъ какомъ-то, не то зависть. И странно, людей, напримѣръ, солидныхъ, хотя бы и бывшихъ въ университетѣ, я не боялся... Но это вводное предложеніе здѣсь, очевидно, ни къ селу, ни къ городу. Извините. И такъ о Золѣ. Знаете, что меня больше всего интересуетъ? Это, что здѣсь, во Франціи, такъ усердно занимаются искусствомъ. Посмотрите, какая честь: Прудонъ — явиться трактать дѣлный, этотъ человѣкъ, который никогда не занимался побрякушками. Ну, за то-жъ ему этого гдѣ-то люди пѣвческаго толка и не прощаютъ. Золѣ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ писателей, изучаетъ живопись, интересуется ея, очевидно посвященъ даже въ закулисныя тайны. Когда же у насъ было что-нибудь подобное? Да, мы не забывали... и слава Богу. Каждый день я молюсь Богу, и благодарю Его, что насъ этакъ стегаютъ легонькой алегоной... хорошо это, очень хорошо, здоровые ребята вырастутъ, не капризные! Видѣ вотъ, напримѣръ, какъ это хорошо и ободрительно дѣйствуетъ, когда писатель такого крупнаго таланта, какъ Достоевскій, въ своемъ «Дневникѣ», толкуя о дѣлахъ общественныхъ, скажетъ: «Видѣ это важно, наконецъ, видѣ это не какая-нибудь картинка Передвижной выставки!» Положитъ, дѣло общественное — важное дѣло, и какой такой идіотъ найдетъся у насъ, между художниками, который бы сталъ говорить: «Дѣло земства — вустячки, или тамъ — правосудіе, а вотъ искусство!!» Не знаю, не видалъ такихъ. Но все-таки и искусство (если оно искусство, творчество) стоить того, чтобы его хоть самогонъ-то въ носъ не были, оставили бы хотя, но крайней мѣрѣ, въ покое. Видѣ еще вопросъ: чтѣ важнѣе и чтѣ менѣе важно? Даже вопросъ: канія вещи важны вообще, и канія нѣтъ? Но оставляю. Серьезно, безъ шутокъ, хорошо это, что у насъ не выкидываютъ съ искусствомъ, до такой степени хорошо, что я скажу: плохо дѣло, когда искусство станетъ законодательемъ! Плохо тому народу, гдѣ искусство прососется во всѣ закоулки и станетъ модой, базаромъ, биржей! Не дай Богъ мнѣ дожить до того времени, когда мною станутъ заниматься, какъ важной особой. Дурно это во Франціи! Дурно потому, что какъ-то потерялось равновѣсіе. Серьезнымъ интересамъ народа надо всегда идти впередъ менѣе сущестственныхыхъ.

Все, что Золѣ толкуетъ про «свободныя выставки», по моему, несостоятельно, и не потому, чтобы этого не нужно было, а потому, что это невозможно. Вообразите только вотъ что: теперь «Салонъ» бываетъ изъ 3,500 и 4,000 жѣ всего: живописи, акварели, рисунку и скульптурѣ. Теперь, если принять все, что намъ представлятъ, то вы получите 8 тысячъ! Видѣ это ужасъ! Вы скажете: чудесно, тѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше. Разумѣется. Но видѣ это было бы хорошо, еслибы это было искусство! Изъ

5,000 художников, проживающих в Париже, сама Золд выдвигает кучку в 10 человек. А, какой процент? Если теперь обзвонять выставку, значить рисковать здоровьем и умереть от истощения слов, то тогда можно публику только привести в такой ужас, что никто не пойдет. Я, по крайней мере, отказываюсь. Ну-с, так как же? По моему, закрыть что ли двери, оставить верховный трибунал? Ни то, ни другое, ни третье. Я скажу одно, что наша цивилизация попала в заколдованный круг, из которого ей нет выхода, и она роковым образом должна будет делать одно и то же: сегодня одного художника пускать на выставку, другого — нет, а завтра наоборот, и т. д. ... словом, вертеться как белка в колесе до скончания века! А почему? Потому, что искусство не свободно. Везде, во всем мире есть академии, чины, кресты, пенсия, и тому подобное. Если искусство станет свободным, тогда число адептов его неминуемо должно будет понизиться до того процента, какими известное племя обладает. И контингент не будет перемешиваться иррипимым, чуждым элементом. Прудон в одном месте говорит: «Я хочу, страшное слово: закрытия академий и свободных школ». Если не буквально так, то смысл — это. Но «страшное слово» стоит несомненно. Я помню, что когда я это прочел, то подумал: почему «страшное»? Совсем не страшное, самое мирное. Червяк подтачивает растение, а мы будем омысаться его сиять только потому, что он уже сидит на нем двѣ недели? Но этот вопрос такой важности, что в письмах его нельзя обаять, хотя сколько-нибудь сносно. Если бы я был садовником, а не растением, я бы его сиял преспокойно, и никто бы этого не замечал. Потому что растение бы осталось, и только разрыв хозанит удивился бы: э, как же это деревцо выросло скоро, тѣм уже дает, отдохнуть можно! и только. Знаете, если бы вы знали, как некоторые наши старики профессора любят искусство. Напримѣръ, тот же самый Гюльман. Какое ужас! В пещ его! На костер! А Марксов? Боже мой, как они любят искусство! И если бы они знали, как я его люблю! Я так близок к ним в этом отношении. Если бы только они могли понять, то мы скоро бы столкнулись. Но, разумеется, они меня скорее задумают, тѣм догадуются, что я истинный приверженец искусства с 63 года. Я круто поверну на дорожку, не сойду уже с нее никогда, что бы там ни случилось. Завѣяние мое будет в двух словах: «Уничтожить институт и все его привилегии, чтобы сияло искусство». Не думайте, что можно оставить заведение, лишнее его влияния. Этого мало, надобно художников оставить на произвол общества, как саможирных и мастеровых, пусть их кормится, как знают. Если бы можно было убить кого слѣдует в этом! Но что вы будете делать? Академий видать

недовольных, как быть? Либералов столько, что страх! Некоторые недовольны, разумеется, прежде всего тѣм, что, как говорит Салтыков, не получают приращения «к общественному пирогу». Я, к сожалѣнію, не принадлежу к их числу. Я не недоволен — мне грустно и страшно за искусство. Видѣ его всюду мало, и здѣсь быть может меньше тѣм у нас. Какое нѣпріятѣ! Ого! Мы шалыми закидаем! Да это зовѣ в Москву! Не смѣйтесь: вѣрно. Отъ Назарета может ли что доброе быть? Может, и до сих пор Москва была нашим Назаретомъ. Что дальше — увидитъ.

Говорятъ, искусство всегда кѣмъ-нибудь или чѣмъ-нибудь поддерживалось. Вѣрно, только въ Греції оно поддерживалось народомъ, которому оно было нужно всего. Видѣ греки не имели традицій, переданныхъ отъ кого-то, а тѣ традицій, которыя они имели отъ Востока, оказались очень скоро узкими по росту народа. Кому имъ нужно было подражать, у кого учиться? А между тѣмъ они оставили такіе художественные вершинны, которыя до сих пор сбиваютъ съ толку современныхъ художниковъ. Чему они этимъ обязаны? Видѣ уже уже забытые вещи, стыдно даже говорить это теперь. Время Возрожденія въ Италіи, опять, что это такое? Хотя этотъ періодъ значительно помутился отъ ископаемыхъ памятниковъ греческаго и римскаго искусства, но такъ какъ въ этотъ періодъ искусство перешло на живопись, то и здѣсь мы наталкиваемся опять на чудовищныя вещи Тиціана, Веронеза и другихъ. Скульптура, очевидно, чуждая форма, и Микель-Анджело, разумеется, ниже грековъ (въ смыслѣ скульптуры), даже въ своемъ «Моисей», не смотря на то, что это одно изъ величайшихъ произведеній человѣческаго гения во силѣ и драматизмъ. Объ остальныхъ и говорить нечего. Вся скульптура итальянцевъ этого времени скучный барокко, вычурный и фальшивый, и посмотрите, какъ будто нарочно, тѣмъ дальше отъ раскопокъ древности, живопись все выше и выше; тѣмъ меньше влияния традицій, тѣмъ независимѣе группа, тѣмъ все оригинальнѣе и глубже живопись. И въ Рембрандтѣ она наконецъ доходитъ до вершинъ, равныхъ греческимъ скульптурамъ. Испания тоже. Во Франціи же романскія традицій жили немногимъ меньше, чѣмъ въ Италіи.

Говорятъ: за то, если не было тогда академій, то были меценаты. Да неинтересно, видѣ меценатъ былъ живой человѣкъ, съ нимъ можно было жить, убѣждать его, обуздывать наконецъ, и потому, меценатъ принималъ уже къ художнику и уваженіе, которымъ молотилъ оттолканный миръ, пришедъ къ человѣку, отъ котораго онъ многому научился, любя и интересуюсь умственными интересами. Во всякомъ случаѣ, они, эти меценаты, какъ отдельные живые люди, не принесли искусству и миллионной доли того вреда, какъ академій намъ. Правда, что эта игра съ меценатами дорого

обобщалась следовавшим поколѣніямъ, потому что когда народъ потерялъ политическую самостоятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали угасать и творческіе таланты, нецензурны, пониманіе и любящее искусство, въ великой горести, съ самыми благими намереніями, додумались до устройства академій, чтобы сохранить великія традиціи, и сохранили вплоть до Камучини и пресмыка. Кто отъ этого выигралъ? Несправедливо было бы, разумеется, говорить, что академіи никакой пользы не принесли совсѣмъ: нѣтъ, онѣ привнесли ее, какъ сторожъ, дожидаясь до глубокой старости при пустомъ хранилѣ, не нѣтъ къ тому же капитала на ремонтъ. Къ сожалѣнію, мы даже не обязаны ему и благодарностию за то, что уцѣлѣли самыя созданія искусства. Ихъ сохранили: народъ и государство.

И такъ, вотъ каковы дѣла. Въ высшей степени забавна болѣзнь хранителей академическихъ традицій, чтобы не понизился уровень техническихъ достоинствъ, если уничтожить академию. Я убѣжденъ, что еслибы возможно было убѣдить Юрдана, напримеръ, въ томъ, что нѣтъ благородства рисунку, ни смѣлость колорита, ни композиція отъ этого не пострадаютъ, то далъ имъ честное слово, что онъ бы сказалъ нѣтъ: «Хорошо, батинька, я согласенъ, сожалѣнье не пострадало, онъ бы согласился. Честное слово, они любятъ и понимаютъ искусство до того, что если гдѣ действительно встрѣтить настоящее, неподдѣльное чувство, то тамъ, совсѣмъ таятъ. Напримеръ, я такъ это понимаю, какъ Юрданъ передо мной все изливается, что какъ это хорошо вотъ: «Грачи прилетѣли», въ картинѣ Саврасова на 1-й передвижной выставкѣ. А Марковъ? Какъ онъ восхищался Перовымъ, «Первымъ чинишь» или «Учителемъ рисованія»: «У! какъ хорошо! У! у! прелесть. Кто это дѣлалъ? Чудесно! ха! ха! ха! Чудесно! Молодецъ!» Конечно, завтра онъ тому же Перову пропоетъ о колѣнкахъ и слѣзкахъ, но это такъ, нельзя иначе! А сердце его всякій разъ прыгаетъ, какъ только увидитъ картинку. Они любяки его и отдавали всѣмъ разъ сердцемъ то, что действительно и неподдѣльно. Еслибы это были злобные люди, не было бы у насъ ни Перова, ни Шишкина, ни другихъ. Только этой ошибкѣ мы обязаны, что кое-что проявилось. Конечно, они смыхивались, что надѣлали промашекъ увуцений не службѣ, когда дитя подростло и стало выказывать самостоятельными наклонностями свои мысля. И они увидали, что воспитали, любя и балуя, чудище, но все-таки они не могли убить этого черта, который шевелится въ нихъ самихъ, когда они италькиваются на талантливыхъ. Ахъ, еслибы поняли, что безъ Академіи искусство будетъ лучше: мы такъ далеко отъ раскопокъ и традицій, ахъ какъ далеко! какъ далеко! Какъ это было бы чудесно: одинъ носидѣлъ чуточку на Волгѣ, другой гдѣ-

то въ Ладегѣ, третій еще тамъ гдѣ-нибудь, одному ужъ очень понравился мужикъ, съ большой рыжей бородой и сверлящими глазами, другому — дорежь всѣ въ пару, подь солнцемъ, третьему... Господи! И всѣ они валаютъ, какъ Богъ на душу положитъ, только и думаетъ о томъ, какъ бы это новѣйше сдѣлать. Ну, разумеется, одинъ глиной вымажетъ лицо, а небо ужъ и не разберешь иногда; другой хочетъ написать на воздухѣ, а выйдетъ заслонка — онъ и самъ потомъ виднѣть, что заслонка; третій все думаетъ, отчего это надъ хорошими людьми все свѣтлѣетъ, все свѣтлѣетъ, такъ вотъ и покатываются со свѣту, и ему хочется реализовать эти свои ощущенія *)... Потомъ, всѣ они събѣдутся, смотрятъ другъ у друга, толкуютъ, спорятъ, хвалятъ одо, порицаютъ другое, потомъ найдутъ носотрѣть, какъ работали старички лѣтъ за 300, и что такое дѣлаютъ сосѣди, кое-что хорошее и отъ этого бываетъ. Глядясь, дѣло-то и подвинулось, даже лѣтъ этакъ черезъ 10... А тутъ.. Спасите, ради Бога спасите, задуматъ онъ этого ребенка, ей Богу задуматъ! Господи, задуматъ! Поймите, что видъ это не нать ему, а кормилца и пилька! Видъ она-жь за деньги служитъ. Посмотрите, ради Бога, развѣ-жъ эти всѣ ребятники не «импрессионалисты», развѣ они не стараются дѣлать какъ-то, по-ребячески?... Видъ тутъ въ Парижѣ, въ этомъ кратерѣ-омутѣ, самые умные и здоровые люди поднимаютъ гвалтъ изъ-за того, что 2—3 человѣка хотятъ какъ-то просто сдѣлать, какъ видятъ глазъ, и говорятъ: «Геній, дорогу генію!» (какъ будто настоящий геній не мшириетъ къ чорту всѣхъ, безъ этого крика)? А у насъ просачивается уже старая, гнилая, и здѣсь брошенная, или по крайней мѣрѣ бросаемая, манера живописи, и къ кому же это липнетъ? Къ молодежи, еще не ужюющей лететь, и молодежь начинаетъ мазать, мазать, мазать... Господи! что-жъ это такое? Академія, эта хранительница рисунка, живописи строгой, композицій величественной, начинаетъ кощунство въ слѣбю неаппетитъ брагуриность влсти у 16-ти-лѣтнихъ мальчишекъ. Роли переѣхались. Мнѣ, протестанту, приходится говорить въ защиту чистоты рисунка и добросовѣстнаго изученія... До чего мы дожили!! Говорю вамъ, они задуматъ ребенка. Они даже пеленать не убитъ!!!

Два слова о здѣшнихъ «импрессионалистахъ» еще. Я совсѣмъ не зналъ, что-жъ «импрессионалисты» здѣсь такой жгучій вопросъ, я просто полагаю, что это одна изъ тѣхъ модныхъ и эксцентричныхъ выходовъ, на которыхъ такъ тароваты французамъ, и, разумеется, оно главнымъ образомъ и есть такъ, только жгучее это стало, благодаря гениальности Франціи. Видъ здѣсь все гениально. Корбъ гениаленъ, Курбѣ гениаленъ, Манѣ тоже, сломонъ, асоду геній. Простите, если я высказалъ мое скромное и варварское мнѣ-

*) Намекъ на картину «Хочетъ», исполненную тогда самимъ Крамскимъ. Ред.

ние, что ни тот, ни другой, ни третий — не гениальны... даже... впрочем, оставив это, продолжайте. Что такое эти новые попытки уйти из душной мастерской к свету и воздуху? Во Франции так много работали в разных родах, так давно требуют забираться в закулисы, что публика пресыщена, капризна, ей наконец подавай все новое! Что хотите, только новое. Например, в пейзажи: Давай новое! Ну, и найдется чудак, который даст кусочек холста, размазанный такт, что если вы настроите себя на изысканный такт, то вы действительно откроете вещи изумительные. Лежите вы на траве, кругом тама лесная, вы лежите долго; вась, как будто, сонь клонить, и в это время ваши глаза то видят предметы, то ить, краски в глаза начинают мелькать, мжжжжжж, у вас, вьство леса, вь мозгу начинаются галлюцинации, и такая выходит радуга и фантастическая картинка, что вы уже потеряли нормальное употребление вашими чувствами. И это некоторые французские пейзажисты передавали иногда очень интересно. Публика входит в «Салон» на тошак, не сонная, бодрая, и вдруг натывается на этот курьез. Что это такое? Смотреть раз, — есть что-то, а потом — ить ничего, что за чорт! Сенсация! Сначала публика долго проходила мимо этого, пожимая плечами, некоторые художники успели прежде состариться, чьм их поняли, но теперь даже публика изловчилась это наконец понимать. А! Каково! Какой длинный путь нужно было пройти искусству, чтобы явилась возможность появления этих вещей, какое развитие, какое наконец старчество и гастрономия! Не шутя говорю, во всех тактах вездь есть бездна и поэзия и талант, только знаете, как оно немощно равно. Нам же желудок просит обывоченных блюд, свѣжих и здоровых. Хорошо роскошничать французам. Но развѣ не до очевидности ясно, что искусство ить, да и должно ить, дѣло съ людьми, во 1-х, пахощимися вь твердое уи и полной памяти, а во 2-х, съ людьми нормального зрѣнія. Есть люди близорукіе (а вь больших городах, процентъ таковыхъ особенно великъ), но ить не можеть же искусство сообразоваться съ ихъ органическими пороками. Теперь глаза новой школы во Франціи — Мавъ: вь немъ бездна силы, эжгити колорита и натуръ, но это итьнеть человекъ близорукій, у котораго на воздухъ зрѣніе не хватаетъ дальне носа. Онъ до такой степени иногда удачно передаетъ впечатлѣніе свѣта на человекѣ, только что проснувагоса, что хоть куда. И что же? Да ничего больше, что это надо принять къ свѣдѣнію, что смотря на картины его, надо моставить вь записной книжѣ НВ, и-поинить, что все это есть дѣйствительно въ природѣ, только нельзя этого дѣлать основаніемъ, принципомъ, что только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ художнику можеть потребоваться и этотъ эффектъ. Но фран-

цузъ ничего не можеть сдѣлать просто, вѣчно коверкается. Это произвело сенсацию, ну и валай все жынь всѣ картины одинаково, и если скромный варваръ осмѣлится замѣтить, что какъ-будто уиъ этого много, что Господь Богъ не всегда приводитъ человекѣ въ такое состояніе, и что это хотя и бываетъ, точно, но все же рѣдко, то съ какими глубокими сожалѣніемъ космзрять на него всѣ, кто принадлежитъ къ порядочному обществу. «У! онъ не знаетъ, что это вь модѣ! Кто это? Вѣднмъ... Кто это?..» — «Русскій...» — «А! А!!!... русскій» и т. д. и т. д. Вы скажете, что я не признаю нации, дѣлающей такіа великіа откритія. Ну вотъ тебѣ разъ! Не признаю! Я только осмѣливаюсь утверждать, что отъ этого до гениальности есть нѣкоторое растояніе, не жалаз отнимать малую первенства, но и поклоняться не жалаз толка. Я только повторю то, что сказалъ въ первомъ письмѣ. Истинный, настоящій «импрессионализмъ» — это русскій деревенскій 15-ти-лѣтній паренъ, а не французъ, которому приходится локаться весь вѣкъ, чтобы и публика и критика поняли наконецъ, что такъ есть малая толка независимости, вь концѣ концовъ означающаяся вь рабствѣ у моды и извращеннаго чувства. Если дать свободу моему деревенскому мальчику, то я полагаю, что онъ догадается, что сумерки нельзя лисать такъ, какъ полдень: утверждающіе противное не вѣрятъ вь Господа Бога, и суть язычники. Вь самомъ дѣлѣ, развѣ не язычники вь Академіи? Они имено думаютъ, что если не дуть постоянно вь ротъ, то человекъ дышать перестанетъ, совсѣмъ не соображая, что какъ же это онъ дышалъ — то до учрежденія академіи?

Еще послѣднее возраженіе. Говорятъ: все-таки надобно учить какой-то техникѣ, потому что вотъ этотъ пошелъ дальше того, и что стало быть... Признаюсь, меня туда загнали съ этими возраженіями, что я усталъ, охрипъ, еле дышу, и только повторю самымъ глупымъ образомъ: «Да скажите же мнѣ: откуда является этотъ изъяснѣе, у Рембрандта, напримеръ, сравнительно съ предшественниками, и зачѣмъ онъ замираетъ, и не передается его ученикамъ, которымъ онъ толковалъ самымъ усерднымъ образомъ, которые могли водосмотрѣть всѣ фортели?..» — «Ну, да разумеется, вы все такъ, мы не говоримъ о талантахъ, мы говоримъ о простыхъ смертныхъ...» — «А!?!» то-то. А я говорю о людяхъ, дѣйствительно любящихъ свое дѣло и итьющихъ хотя каплю таланта. Они и технику пробрѣтутъ, и новыя дороги найдутъ. То-то и есть, что много развелось скромно себя величающихъ простыми смертными, и до искусства дѣла никакого не итьющихъ, кромѣ зуда понасть вь извѣстности, по ошибкѣ, или носиться настояно съ новымъ, никогда не виданнымъ взглядомъ, подслуживаннымъ вь хорошеѣ обществѣ».

Но довольно, письмо безобразно длинное и безъ того, и все-таки тыма

вопросов осталась и незагрунтованная, и безответных. И вижу, что опять не о том поведь рѣчь. О статьѣ Золд многого еще кое-что можно сказать, да ужъ не стоитъ. Само собою разумѣется, что письма мои не для печати. Уважающій васъ И. Крамской.

CLV. Къ П. М. Третьякову.

Парижъ, 24-го июля (5-го августа) 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Долго я не обращалъ вниманія на восточныя дѣла, т. е. не то, чтобы не обращалъ, а какъ-то отмахивался; ну, думаю, что еще будетъ — посмотримъ, а теперь что-жъ такое? Хотя давно уже въ Болгаріи что-то дѣлалось нехорошее, но все это въ порядкѣ вещей. На то турки, думаю. Но вотъ сегодня прочелъ часть меренскихъ дипломатической, внесенной членами англійскаго министерства въ парламентъ и... признаюсь, потерялъ хладнокровіе. Но что же случилось? Вѣдь на Востокѣ не произошло какого-либо новаго переворота, вѣдь дѣло такъ тянется уже цѣлый мѣсяцъ? Да, правда, потому-то я и отмахивался, что думаю — турки, а что если газеты говорятъ кое-что объ Англіи, то на то онѣ газеты; но теперь даже для меня, ничего несвѣдущаго въ этихъ дѣлахъ, ясно, что это не турки, къ сожалѣнію...

Что это такое? Боже мой! Слишкомъ ясно, что самые цивилизованные и развитые люди позволили! Завѣдомо позволили. При чемъ же это наша хваленая цивилизація, если она не способна обуздать человѣка отъ желанія сохранить грошъ во что бы ни стало! Надо молчать, что министры Англіи учились не меньше кого другого, и если тамъ нельзя найти цивилизацію, то я отказываюсь понять, гдѣ она есть въ Берлинѣ? А между тѣмъ они цѣло звалили, они спускали турокъ, и, что всего ужаснѣе, что англійскіе государственные люди знали заранее всѣ послѣдствія, какія происходятъ, и все, что еще можетъ произойти. Имъ нѣтъ оправданія, они не могутъ даже притворяться удивленными. Что такое турки? Развѣ не старались англичане быть ихъ друзьями, въ теченіе цѣлаго столѣтія, развѣ имъ не известно, что стоятъ ихъ (турокъ) только спустить, чтобы были перерѣзаны всѣ глупы? И они ихъ спустили. Просто провъ у меня остановилась, когда правда для меня сдѣлалась очевидна! Это не турки вѣшаютъ, жгутъ, истребляютъ поголовно всѣхъ — не турки! Это ужасно! Какъ врагъ міру Вожій, и какъ печально будущее! Если наука и всѣ успѣхи знанія не вытравли до сихъ поръ ни одного кровожаднаго истинника дикаря изъ современнаго человѣка, то толки объ успѣхахъ гуманности, цивилизаціи и прочаго — просто шарлатанская проделка, и мы ничѣмъ не отли-

чаемся отъ первобытныхъ разбойничьихъ наскъ. Прежде — теппераментъ, теперь — расчѣтъ. Съ успѣхами знанія, человѣкъ получилъ только болѣе широкую и возможность удовлетворять своему эгоизму.

Меня теперь очень интересуетъ, что Россія? То есть не правительство, а Россія!.. Правительство наше, какъ кажется, еще довольно обмануто самыми чудесными манерами Пруссій; развѣ 5 лѣтъ тому назадъ не отъ насъ все зависѣло? Отчего же мы не обезпечили тогда себѣ свободу дѣйствій на будущее, отчего мы только удовлетворялись дружбой и телеграммой Вильгельма, что-де съ тебѣ я обязанъ всѣми моими успѣхами, спасибо тебѣ, пусть весь свѣтъ знаетъ, и этого для насъ оказалось достаточно. По истинѣ, не знаю, какъ называть такое поведеніе въ политикѣ. И такъ, я не о правительствѣ, а о народѣ, о Россіи, о Москвѣ наконецъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь узнать, какъ бьется сердце Москвы, что дѣлается и говорить въ городѣ, и вообще въ обществахъ русскихъ? Неужели народъ не увлечетъ за собой правительство? Повторяю, что я потерялъ хладнокровіе, и потому говорю, что понало! Но дѣло слишкомъ жаркое, исходъ его неизвѣстенъ, или, скорѣе, будетъ извѣстенъ слишкомъ поздно. Если до сихъ поръ во всемъ рѣшительно, во всѣхъ ужасахъ виновата Англія, то съ этихъ поръ, я чувствую, будутъ виноваты уже русскіе.

Какъ бы хорошо было, еслибы мы откинулись мнѣ специально на эти вопросы! Жгучій вопросъ! Вѣднѣ болгары! Вѣдь ихъ всѣхъ перерѣжутъ. Уважающій васъ глубоко

И. Крамской.

CLVI. Къ нему же.

Парижъ, 20-го августа 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Цѣлыхъ три недѣли я не отвѣчалъ вамъ, это уже непростительно. Я знаю и не оправдываюсь; но дѣло въ томъ, что въ это время я былъ озабоченъ прискакиемъ себѣ мастерской, какову и наметъ. Потомъ, переговоры съ хозяиномъ, заключеніе контракта и прочее заняло много времени, потому что найденная мною мастерская — единственная, которая отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ, нужнымъ для меня; но она мала немножко, и нужно было ее увеличить, на что хозяинъ и согласился, только стоитъ это мнѣ будетъ около 3,000 франковъ. Мастерскую мнѣ нужно было непремѣнно възду, на землѣ, чтобы при мастерской было что-нибудь въ родѣ сада или дворика, и чтобы я былъ изолпрованъ, и хозяинъ полный двора или сада. Разумѣется, фантазіи подобнаго рода не легко удовлетворяются, и особенно въ Парижѣ. Все, что я видѣлъ въ окрестностяхъ Парижа подходящее, принадлежало кому-нибудь изъ художниковъ и не отдается, и только послѣ многихъ поисковъ мы наткну-

лись на эту, Rue de Vaugirard, cité Talma, № 8 и № 10. Но она оказалась мала, теперь ее увеличивают на 4 метра, и недели через 3 я переїду туда. Мастерская стоит в саду, совершенно отдыльно, со всех сторон совершенно закрыта, и я один всего этого хозяин. Вчера, наконец, заключено условие на 3 года, с правом передачи. Благодаря этим хлопотам, и мой оборот не пошатнулся, но я полагаю кь переїзду совершенно отъ него отдылаться. Кто ить насъ правъ относительно практичности этого дѣла — покажетъ будущее. Разумѣется, я не желаю, чтобы вы были правы, но... все можетъ случиться! Единственное, что меня не оправдаетъ, это самый портретъ, если онъ совсѣмъ неудаченъ!

А со времени вашего письма много воды уже утекло, и политическія дѣла приняли окончательно тревожный характеръ, и еще болѣе пavorный для Россіи, если можно такъ выразиться. Переговоры о мирѣ и всякая другая мерзость, со стороны князя Милана, мнѣ кажется, не могли происходить безъ участія Россіи, а это одно уже слишкомъ ясно показываетъ, до чего мы дошли. Последняя побѣда сербовъ быть можетъ дастъ еще другой оборотъ, но... все-таки она не сможетъ нашего позора въ глазахъ славянъ, и мы же заплатимся.... Кромѣ того, теперешній моментъ есть единственный въ своемъ родѣ, несли онъ будетъ пропущенъ, то я не знаю, гдѣ будетъ предѣлъ и переговоровъ на насъ и стыду собственному. Война въ настоящее время за дѣло, поднятое славянами, я думаю, была бы неизгладимо выше многихъ нашихъ войнъ; она имала бы огромную поддержку и въ обществѣ, и въ народѣ, и, во всякомъ случаѣ, была бы въ тысячу разъ популярнѣе крымской. Во всемъ этомъ дѣлѣ меня очень занимаетъ туманная и мнотическая фигура Бисмарка. Въ какъ-будто чувствуютъ, что отъ этого человѣка зависитъ, чтобы вопросъ разрешился немедленно, а между тѣмъ, онъ гдѣ-то тамъ сидитъ молча. Самое молчаніе его есть постыдный для насъ приговоръ. Это-то и пониматъ Европа, и вотъ почему мы играемъ постыдную роль. Словомъ, я совершенно согласенъ съ вами, что время тягелое и гнетущее. А тутъ еще новый переводъ въ Константинополь, вынужденъ немощныхъ бумагъ. До очевидности ясно всякому ребенку, что Турція разложилась уже, и все-таки насъ хотять увѣрить, что мертвецъ живъ, и мы должны, по желанію англичанъ и иѣмцевъ, кушать за однихъ столотъ съ трувомъ. Пусть они остаются съ нимъ, если они потеряли всякое понятіе о нравственномъ чувствѣ, но какъ же происходитъ до сихъ поръ взрыва народнаго негодованія въ Россіи — я не понимаю! Ужасное время, страшное время, особенно послѣ общихъ знаменій тѣснотъ о благахъ цивилизаціи, о благородствѣ самого человѣка, подъ влияніемъ этой цивилизаціи. Словомъ, итъ мѣста въ человѣческомъ сердцѣ, которое бы не болѣло, итъ чувства, которое бы не было самымъ махальнымъ образомъ

осажено! Скверная штука жизнь! А какъ Франція-то богата матеріально — уму немощножимо! Городской заемъ Парижа покрываетъ самимъ Парижемъ только въ 50 разъ! Чортъ знаетъ, что такое, золота и серебра дѣвать куда, а между тѣмъ... скверно, все человѣческое до нитки скверно и гнило. Отовсюду, итъ всѣхъ человѣческихъ сторонъ, изначало и выбранено, какъ не нужное — чувство. Ничему не вѣрится, все регламентирруется, все доведено до совершенства формы, удобства, комфорта, остается только: ѣсть, пить, спать, а затѣмъ, опять сначала, медленно подниматься кь омирнѣнію, а затѣмъ кь вымиранию. Finita la comedia, человѣкъ совершилъ все ему предначиненное!

Вотъ куда завело меня разсужденіе. Воображаю, что было бы, еслибы письмо подобнаго сорта кому-нибудь показать, а тѣмъ намъ обнародовать! Какой гвалтъ поднялся бы, насмѣшки, хототъ! И дѣла всякаго очевидно стало бы, что оно писано сумасшедшимъ. Право такъ!

Вережанинъ горой за цивилизацію, машетъ руками, отнимается въ правильности моего умственнаго здоровья, и окончательно совѣтуетъ мнѣ исправить свои взгляды и понятія, затѣмъ, какъ онъ выражается, туманная послами ясими и реальными. А любопытный человѣкъ, чрезвычайно интересная натура! Но что онъ дѣлаетъ — не знаю, гордость запрещаетъ мнѣ упрямивать его и набиваться, я вѣдь тоже съ гордотомъ; пожалуй, кончу тѣмъ, что не пойду кь нему, когда всѣ пойдутъ. Говоритъ, что онъ приглашаетъ товарищей, когда кончатъ что-либо, и въ это время высказываютъ замѣчанія и софты, и просятъ ихъ...

Не извѣстно ли вамъ, гдѣ теперь Антокольскій? Я не имѣю отъ него никакого извѣстія, а мнѣ бы нужно было знать, въ Россіи ли онъ, или итъ еще? Кромѣ того, мнѣ бы интересно было знать ваше итъ-бѣе объ одной картинѣ Ковалевскаго, которую я не засталъ уже въ Ригѣ, она была отослана въ Петербургъ. Картина большая, и, какъ говорятъ, превосходно написанная — «Раскопки римскія». Правда ли это? Она должна быть въ Академіи. Кромѣ того, теперь уже и картина Рѣпина должна быть въ Петербургѣ. Онъ ее тутъ значительно поправилъ въ послѣднее время, и она стала вообще лучше, даже хороша, иѣстами же очень интересна и фантастична. Интересно знать ваше итъ-бѣе. На самый кончикъ я оставилъ самое дурное: скажите мнѣ, могу ли я разсчитывать на итъ-которую сумму (о которой мы говорили) такъ, итъ-ка черезъ два? Можетъ быть этого не потребуетъ, а можетъ быть — да.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLVII. Къ В. В. Стасову.

Парижъ, 28-го августа 1876 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Если я думаю иногда, что я долго не получаю отъ васъ отвѣта, то догадки мои вертѣлись главнымъ образомъ около того предположенія, что письма мои не дошли, и собирався уже спросить у васъ объ этомъ, но такъ какъ съ этой стороны все оказалось въ исправности, да въдобавку еще у васъ такая серьезная обстановка домашняя, то, само собою разумѣется, что вопросъ этотъ обслѣдовать со всѣхъ сторонъ, и ужъ, разумѣется, не я на васъ буду въ претензіи.

Понимаю вамъ интересныя видѣть картину Рѣнина, и жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта. Что же касается моего, то, если вы припомните, мой отвѣтъ объ ней никакъ нельзя было отнести къ благопріятнымъ или сомнительнымъ, и я ни капли изъ своей вѣры къ нему не утратилъ. Ему нужно было помататься, нужно было многое испробовать, заглянуть во всѣ закулисы, и вотомъ уже, бросивъ все, какъ ненужный хламъ, пойти своей дорогой. Я убѣжденъ, что все, что онъ теперь сдѣлаетъ, будетъ увеличивать не его, а наше богатство.

Я радуюсь, что нѣкоторые изъ моихъ мнѣній совпадаютъ съ вашими, готовъ болтать передъ вами обо всемъ, о чемъ вы спрашиваете, но писать письма покороче — очень трудно, гораздо труднѣе, чѣмъ это кажется съ перваго раза. Ваши письма, помню нашей воли, вводили во мнѣ такую массу вопросовъ, что я началъ метаться изъ одной стороны въ другую, наговорилъ вещей совершенно не идущихъ къ дѣлу, и еслибъ вы знали, какъ я раскаивался послѣ ихъ отправления, какъ жалелъ ихъ воротить и вымарать многое! И не потому, чтобы я отказался отъ своихъ взглядовъ, а потому, что эти взгляды, такъ въ письмѣ, стоятъ такъ рогомъ и неудобно, такъ мѣшаютъ конять правильно мои мысли, что человѣку, получившему ихъ, предстоитъ работа очистки волеюгла. Повторяю, все, что я такъ нагромодилъ, составляетъ части моихъ убѣжденій, и еслибъ ихъ помѣстить въ надлежащее мѣсто, то, если ихъ нельзя раздѣлять (что очень вѣроятно), помѣсть ихъ было бы можно, такъ какъ онъ тѣсно примыкаетъ къ главнымъ положеніямъ моего міросозерцанія, говоря высокимъ слогомъ. Покончивъ такимъ образомъ съ этою стороною, перехожу къ вашимъ вопросамъ.

Вы спрашиваете, раздѣляю ли я общее французское мнѣніе о «геніальности» и «величіи» Делакруа (въ прежнее время), и Корр, Руссо, Дюбиня и иныхъ въ настоящее, куюно съ Энгельсомъ? Дѣло въ томъ, что съ французами очень мудро согласиться намъ, русскимъ. Что вы сдѣлаете съ французами, когда для нихъ, должно быть, недоступны нѣкоторые психи-

ческія области. Напримѣръ, корреспонденція Суворина изъ Вѣнграда, гдѣ онъ рассказываетъ о Черняевѣ, о сербской арміи, и вообще рисуетъ живописное дѣло. Корреспонденція, не смотря на являющійся легкій тонъ, чрезвычайно серьезная, была перепечатана, въ отрывкѣ, въ газетѣ «Gaulois», и чтожъ? Французъ приводитъ ее, какъ курьезъ, какъ доказательство комическаго положенія Черяева, и вообще, какъ мотивъ смѣшной. Я уже не помню точнаго выраженія, но, во всякомъ случаѣ, это образчикъ поразительной легкости. У нихъ тутчасъ является наморщенный лобъ, когда имъ нужно изображать высокія чувства. Такъ и Энгельс. Я еще могу до нѣкоторой степени догадываться, когда они толкуютъ о величіи Делакруа, и даже Корр, но какъ только упоминается имя Энгеля, у меня опускаются руки. А въдь это дѣлаетъ Золя, и говоритъ такимъ глубоко невозмутимымъ образомъ объ его (Энгеля) величіи, что не допускаетъ никакого сомнѣнія въ истинности его убѣжденія. Словомъ, я совершенно согласенъ, что никто изъ названныхъ не великъ, а тѣмъ паче не гениаленъ; но каждый изъ нихъ имѣетъ кое-что, заслуживающее внимательнаго изученія и, пожалуй, памяти. Напримѣръ, Делакруа — это одинъ изъ оригинальнѣйшихъ колористовъ, въ смыслѣ красокъ, въ тѣсномъ смыслѣ. Корр взялъ поле еще ограниченнѣе, и у него только и есть, что стараніе самымъ неуловимымъ образомъ и бесцѣльно ввести воздухъ между предметами. Руссо нѣсколько глубже, а у Дюбиня есть вещи, положительно впечатлительныя. До гениальности еще далеко, какъ видите. О мнѣнѣ Карстена я знаю кое-что, знаю, что его соотечественники очень высокого объ немъ мнѣнія, знаю также, что для нѣмца глубокомыслие дороже всего, а такъ какъ оно встрѣчается чрезвычайно рѣдко, и часто не въ той области, въ которой желательно, а между тѣмъ нѣмецъ повѣрилъ, что ему оно (глубокомыслие) отпущено Господомъ Богомъ наиболее щедро, то чтожъ мудренаго, что онъ съ нимъ носится. До сихъ поръ это пока забавно, но если нѣмецъ задумаетъ насильно его навязывать намъ, какъ французы уже давно навязываютъ Евронѣ свою гениальность, то, сѣмю говоря, произойдетъ возмущеніе. Возмущеніе уже и началось, началось съ разныхъ сторонъ. Думаю, что недалеко уже время, когда оно станетъ совершившимся фактомъ. Упомянувъ въ прежнихъ письмахъ о Карло Дольчи, Гвидо и Грѣзѣ, я ихъ хотѣлъ привести, какъ доказательство необходимаго пересмотра старыхъ переговоровъ о величіи того или другаго. Правда, что лѣтъ 50, какъ они уже не суть авторитеты, но было время, когда они пользовались всемірною славой, стало бытъ было какое-то недоразумѣніе, что этихъ господъ такъ хвалили; и, къ сожалѣнію, разныя недоразумѣнія существуютъ относительно новыхъ репутаций, и даже паче современныхъ.

Что такое Харламовъ? вы спрашиваете. Да то, что, принявъ ирмо-

воры Золд за истинные, онъ совершенно вѣрно говоритъ объ немъ: вѣдь Энгръ—великій человекъ, ну, а у Харламова живопись солидная. Такъ говоритъ Золд, и это вѣрно, къ этому я ничего прибавить не могу и совершенно съ нимъ согласенъ.

Согласенъ ли я съ И. С. Тургеневымъ—я еще не знаю, но думаю, что ему можно многое простить, ради того, что онъ совершенно не виноватъ, и даже невиненъ, въ своихъ художественныхъ симпатіяхъ, такъ какъ онъ у него вытекаютъ изъ его иностранно-французскаго склада понятій, благоприобрѣтенныхъ имъ въ послѣдніе года жизни, и той доли оныма, которую вѣковые наши органы печати усердно стараются распространять. Послѣ его отзыва о русскомъ народѣ («Складчина», выносна изъ письма къ Я. П. Полонскому), для каждого изъ насъ должно быть ясно, чѣмъ сталъ Нв. Серг. Тургеневъ.

И такъ, что такое французское искусство? Есть ли оно выразитель художественныхъ потребностей народовъ Европы, наиболее полный и желательный? И потому, что обязательно для насъ, русскихъ, усвоить себѣ изъ того художественнаго капитала, который накопился здѣсь, принимая Парижъ за средоточіе художественной жизни? Все это вопросы, на разрѣшеніе которыхъ у насъ, въ Россіи, такая настоятельная необходимость, что мы, если желаемъ сдѣлать слѣдующіе шаги, обязаны ихъ разрѣшить самыми серьезными образами. Конечно, по дорогѣ придется коснуться пересмотра всѣхъ теорій и взглядовъ, существовавшихъ и существующихъ, а также и переоценки коллекцій и галлерей старыхъ мастеровъ.

Но... въ настоящую минуту, я, вотъ уже болѣе двухъ недѣль, ничего не могу думать, послѣ обнаруженія въ англійскомъ парламентѣ переписки по восточнымъ дѣламъ, которая до ослѣпительности ясно показывается, чего можно ждать отъ высокообразованныхъ руководителей англійской политики, и что еще неизвѣстное намъ скрывается въ сердцахъ и головахъ другихъ не менѣе образованныхъ руководителей другихъ государствъ: систематическое, заглавное и желательное истребленіе народовъ, есть фактъ.

Убѣдительно прошу васъ, Владимиръ Васильевичъ, нельзя ли мнѣ устроить получение «Новаго Времени» — здѣсь, въ Парижѣ, немедленно? Жена моя хотѣла видѣть Суворина, чтобы сдѣлать это по моей просьбѣ, но не знала, что его нѣтъ, и я обращаюсь къ вамъ, такъ какъ она уѣхала опять на дачу, а затѣмъ сообщить объ этомъ женѣ моей, она внесетъ деньги. Предлагаемую замислю, прошу васъ, если не въ трудѣ, переслать Антокольскому. Рѣшну очень кланяться, и жду отзыва вашего, если обстоятельства вамъ позволяютъ.

И. Крайской.

CLVIII. Къ П. М. Третьякову.

Тѣрпорт, 14 (2-го) сентября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сегодня утромъ у меня былъ Верещагинъ въ Парижѣ, а я собирался уѣзжать въ Трентпортъ къ Богдолову на нѣсколько дней, съ радости, что офортъ мой почти конченъ, по крайней мѣрѣ голова, и стало быть, и обезпеченъ. Мастерская готова будетъ черезъ двѣ недѣли; ну, дѣлать, такъ сказать, нечего, я и собираюсь, а Верещагинъ тутъ какъ тутъ. И что я узналъ! Многое я беру назадъ, а что именно, тому слѣдуютъ пункты.

1-е. Я, по свойству моей натуры, не доверяю, пока не ощую, полагаю, что Верещагинъ въ денежномъ отношеніи не совсѣмъ такъ простъ, какъ кажется—оказывается, что я ошибался: онъ гораздо проще того еще, чѣмъ кажется, съ одной стороны, съ другой же, остается человекомъ практическимъ высшаго пошиба, какъ въ выраженіи.

2-е. Дѣтство, чистота впечатлѣній, честность простирается до невинности новорожденнаго и дѣйствуютъ чрезвычайно обаятельно (принимте это замѣчаніе какъ излишнее, крайнее, и отнеситесь къ нему самымъ скептическимъ образомъ).

3-е. Безнадежность полная, чтобы натура эта приняла когда-нибудь культурныя формы въ сношеніяхъ своихъ съ обыкновенными смертными, (если отнесетесь къ этому заключенію еще скептически, чѣмъ ко 2-му, то не будете въ проигрышѣ).

Къ чему же тогда служить мои заключенія, если ихъ надо ограждать какими оговорками? Да просто къ тому, чтобы они не были ни для кого обязательными, а тѣмъ паче для васъ. Заключенія эти годны только для меня...

...Картинъ начата тыма, масса этюдовъ, дѣлаться нѣкуда, приходится полотно свертывать, чтобы какъ-нибудь помѣститься, а мастерская... если не извернется онъ теперь, то черезъ нѣсколько наложатъ запрещеніе на постройку, и ужъ я не знаю что будетъ! Что это такое — судите сами... Верещагинъ сказалъ, что онъ хотѣлъ ити показавъ мостроу, а я подумалъ — вотъ случай заглянуть въ мастерскую.

И такъ, Павелъ Михайловичъ, дѣла очень и очень непрятны! Какъ подумалъ все это: честность, искусство, гений и разныя другія не менѣе громкія слова — и можетъ быть не одни слова, а и самое содержаніе этихъ словъ, зависать и сводятся къ чему же? Копѣйкамъ, рублямъ, франкамъ! Знаете ли: тяжело и гадно писать все это. Письмо, какъ видите, крайне безпорядочное, мало понятное, особенно въ деталяхъ, и что и почему, но подробно, обстоятельно — не хватитъ ни времени, ни мѣста, а письмо должно быть брошено хотя сегодня непременно, а потому до другого раза,

если заинтересуетесь узнать, какъ все происходило, а я знаю, и могу кое-что добавить. Черезъ недѣлю я буду обратно въ Парижъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

ОЛХ. Къ нему же.

Парижъ, 17 (5) октября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Наконецъ-то я въ мастерской! Вчера отпущены послѣдніе рабочіе, все устроено, и я получилъ возможность писать вамъ...

Теперь, больше чѣмъ прежде, остаюсь при своемъ мнѣніи, что Веренантъ челоѣкъ именно послѣдней, новѣйшей формаціи; это типъ и порода, именно порода. У него все другое, чѣмъ у обыкновенныхъ смертныхъ: религія, философія, образъ мыслей и поступковъ, и даже чувства другія.

Лично я еще не собрался съ мыслями и ничего не началъ — а сколько времени уже ушло! Что-то страшно то, захлѣлъ далеко, потратилъ страшно, и все изъ-за какого-то идеальнаго настрѣнія! Сорокъ лѣтъ челоѣку, а онъ все возится съ чѣмъ-то, и почему, подумаетъ, не поступаетъ практично? Сидѣлъ бы себѣ, да зарабатывалъ, можетъ быть родниковъ черезъ платокъ дѣтки были бы и обезпечены... Точно мальчикъ, точно впереди въ его распоряженіи бѣдность. Знаете, я иногда думаю, что въ моей головѣ что-нибудь не въ порядкѣ. Вѣдь не видалъ я еще такого никогда. Всѣ люди, посмотрите, какъ люди! Въ свое время къ нимъ и обезпеченіе приходитъ, въ свое время и слава, въ свое время и все остальное, даже смерть. Полагаю, что гостя эта ко мнѣ пожалуетъ, какъ и все другое — не во время... Вы думаете, къ чему это я веду рѣчь? Недаромъ завилалъ твоемъ: — ничего больше намъ къ тому, чтобы попросить денегъ, не больше и не меньше. И собираюсь я у васъ просить 1,000 руб., потому что офортъ мой хотя и контентъ (почти), но выйдетъ не ближе 2-хъ мѣсяцевъ. На него уже открыта подписка, пока здѣсь въ Парижѣ, недѣлю тому назадъ, т. е. не подписка, а я объявляю, что оттисковъ avant la lettre будетъ 50, и каждый... какъ бы вы полагали, сколько я назначилъ? (т. е. не я, а Боголюбъ) ого-го! 100 р.!!! Вотъ вамъ и непрактичность! Заявленій получено уже 5. Не знаю, какъ дальше будетъ, а теперь пока недурно: всѣ, кто знаетъ портретъ, хотятъ имѣть. Если можно для васъ, но полученіи этого письма, сдѣлать ссуду немедленно — хорошо. Послѣ всего остается очень мало мѣста, даже для выраженія моего уваженія Вѣрѣ Николаевнѣ, и какъ пришелъ мой учитель языка, то и кончатъ письмо. Напишите, будете ли въ Парижѣ, или ограничитесь Италіей?

Уважающій васъ И. Крамской.

СЛХ. Къ А. С. Суворину.

Парижъ, 5-го ноября (24-го октября) 1876 г.

Многоуважаемый Алексій Сергѣевичъ. Не знаю, какъ и кто именно мнѣ сдѣлалъ услугу, что я получаю (т. е. буду получать) «Новое Время». Первый № у меня уже, во всякомъ случаѣ благодарю васъ. Я хлопоталъ, и безъ успѣха, болѣе 3-хъ мѣсяцевъ, о томъ, чтобы для меня подписались. Но только теперь я буду знать наконецъ, что у насъ дѣлается въ настоящее страшное и исторически важное время. До сихъ поръ мнѣ приходится довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, а между тѣмъ переживавшіе иногда минуты положительно ужасныя. Я никогда не подозрѣвалъ въ себѣ такого глубокаго интереса къ различнымъ политическимъ замѣшательствамъ, какой испытываю теперь. Положимъ, я всегда интересовался, что дѣлается, а во время французско-прусской войны былъ и волненіи, и положительныя симпатіи, или антипатіи, къ тому или другому народу, или событію; но теперь, кѣмъ положительно лихорадочное. Судите же, какъ я доволенъ, что буду знать, во крайней мѣрѣ, что дѣлается.

Вы помните, я убѣждалъ на Востоку; и тогда уже было мрачно на всемъ Востоку, я имѣлъ изъ достовѣрнаго источника свѣдѣнія, что за сложностью на Востокъ нельзя погнаться и за мѣсяцъ, а потому и съ сердечнымъ сокрушеніемъ взялъ на Юго-западъ, въ Италію. Дѣло разгоралось, недѣля совершенно измѣняла взгляды и мысли; наконецъ рѣзня въ Болгаріи, объявленіе сербской войны, а самое (для меня) вразумительное, обсужденіе въ англійскомъ парламентѣ переноса на восточный фронтъ. Это лишнее уже меня окончательно ослѣпляетъ. Эта знаменитая перемѣна доказала моему невѣжеству съ поразительною ясностью, что всѣ убѣжденія, что совершились и еще имѣютъ совершиться, не суть ошибки, нечаянность, неосторожность наконецъ, а совершенно сознательное и разсчитанное дѣйствіе англійскихъ джентльменовъ, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ неразвѣжести, невѣжествѣ и отсутствіи цивилизаціи. Мнѣ ясно стало, что что-то будетъ такъ, я положительно матералъ хладнопроніе, и все думалъ: что же Россія? Что же мы будемъ дѣлать въ виду этого? Что же наконецъ народъ? Какъ онъ тамъ? Съ радостію узналъ я, что движеніе началось, все зашевелилось, оставалось только, чтобы впереди было сказано громко честное и твердое слово. Но этого слова не было, долго не было, а просто горѣлъ. Да какъ же, думаю себѣ, не произойдетъ взрыва негодованія? Развѣ можно терпѣть, развѣ можно

дожидаться! Видь рѣжутъ! Поинмасте ли, рѣжутъ! днемъ, на глазахъ просвѣщенной Европы. Что тутъ разсуждать, войните, что всѣ славяне окончательно, на вѣчныя времена, возненавидятъ (я справедливо) насъ, русскихъ, что, наконецъ, еслибы этой справедливой ненависти мы не заслужили, то мы сами передъ собою будемъ подлѣзками. Чего мы только рождемъ не наболтали, и сами дали надежду и поощреніе, сербамъ и прочимъ. Не знаю, дали ли формально (потому что передъ началомъ сербской войны русское правительство сказало, что она должна вести войну на собственный страхъ). Во всякомъ случаѣ, года 1½ тому назадъ, многое было бы иначе, еслибы политика Россіи давала поводъ надѣяться славянамъ на помощь... и вдругъ теперь, когда красна стыда не сходитъ съ лица, правительство медленно, тихо, нерѣшительно.... а тамъ все рѣжутъ, рѣжутъ, рѣжутъ!.. Поинмасте ли, какъ мыѣ необходимо было знать, что дѣлается! Наконецъ, война или нѣтъ? Я уже два раза не могъ мѣнять свои деньги, не принимали: говорить, ничего не можемъ предложить, а завтра будетъ, можетъ быть, еще хуже — за 100 руб. 3 франка! Каково! Ну, думаю себѣ, слава Богу, развязывается! А тутъ такъ много вездѣ убитыхъ людей, которые разсуждаютъ: да помилуйте, Господи, это въ 22-го года! Да, говорю, поймите же: видъ позоръ, модно! Видь мы же сами виноваты въ томъ, что случилось (по крайней мѣрѣ во многомъ), виноваты уже тѣмъ, что насъ денегъ нѣтъ, мы не готовы! Толкуеть одно: не дай Богъ, мы не готовы, денегъ нѣтъ! Ахъ, я вамъ говорю, такъ бы вотъ и виѣдился въ этокого! А тутъ этотъ народный энтузіазмъ. Онъ меня положительно заставилъ треметать. Ну, какъ народу скажутъ, что — не надо! Что же это за комедія? Въ этокого-то состоимъ прому одного, другого, подписаться (васъ же было), и вотъ только теперь я буду хотѣть знать. Спасибо вамъ. Сдается мнѣ, что ни одна война XIX-го столѣтія не затрогивала такихъ чисто человѣческихъ сторонъ, и не подводила итоговъ, на сколько у просвѣщенныхъ и цивилизованныхъ народовъ осталось сердца. Жутко становится теперь въ наше время, когда и проч. Знаете, есть приписки такой у янберглоу: человѣкъ respectable-ный, въ бѣломъ галстукѣ, во фракѣ, необычайно вѣжливый и честный, спокойно сидитъ въ тихомъ и уютномъ кабинетѣ, и хладнокровно соглашается, чтобы лучше тамъ какихъ-то болгаръ, что ли, перерѣзали, нежели допустить пошатнуться цифрѣ неизбежно поступающаго дохода. Не хорошо. Еще спасибо вамъ. Не поздно ли слово-то сказано? На совѣсти много!

И. Крамской.

CLXI. Къ П. М. Третьякову.

Парижъ, 30-го октября (10-го ноября) 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень буду жалѣть, если вы не получите моего письма, посланнаго въ Римъ *poste restante*, какъ вы писали передъ выѣздомъ изъ Москвы, потому что тамъ я обстоятельно писалъ о Верещагинѣ — въ другой разъ сообщать то же будетъ уже не совсѣмъ удобно, да и я самъ кое-что могу забыть. Письмо мною послано уже очень давно, тотчасъ же какъ я получилъ отъ насъ мнѣштіе, что вы выѣзжаете; стало быть, около мѣсяца уже минуло, и надо полагать, что письмо залежится и забудется. Кроме того, я писалъ и о политикѣ, но такъ какъ въ это время событія слѣдовали одно за другимъ чрезвычайно быстро, то и эта часть письма должна потерѣть значительный уронъ. Одно, что остается во всей силѣ въ томъ письмѣ, это просьба къ намъ о переводѣ на меня 1,000 рублей; это и теперь мнѣшть для меня всѣ прелести новизны, и одно не утратило для меня интереса. Письмо это передать вамъ Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, котораго вы, вѣроятно, увидите во всякомъ случаѣ въ Римѣ. Увидите и статую «Сократа», которую я продолжаю считать лучшимъ его произведеніемъ. Мыѣ будетъ очень интересно узнать ваше мнѣніе о ней; я знаю, что можно тамъ сказать, оно не много, но важно. Но, не смотря на то, въ ней много силы и поэзии. Многие не находятъ ее таковою, какъ я, особенно Вотикинъ, а отъ него (кажется по рефлексу) и Солдатенковъ, который недавно пробѣжалъ черезъ Парижъ.

Вспоминая Италію, я вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаю и ваши слова, что Римъ интересный городъ. Со времени 69 года, должно быть, утекло много воды. Тогда я нашелъ, собственно говоря, поучительнаго не много въ Парижѣ, особенно изъ новаго, но теперь и то немного, что я намѣсть, какъ будто еще юнжился; и потому и съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю Римъ, Неаполь, и вообще все, что я видѣлъ въ Италіи. О Россіи я уже и не говорю — ибо родина, а въ ней даже безобразія нѣтъ кое-что, какъ будто не событія уже скверное. Уважающій васъ Н. Крамской.

Марочка, мой бѣдный мальчишка, умеръ 9-го октября!

CLXII. Къ нему же.

Парижъ, 10-го ноября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Выѣхъ у меня Аденко, въ ту минуту, когда и я у него былъ; затѣмъ, на другой день, я получилъ деньги во франкахъ, что я предпочелъ, такъ какъ курсъ очень падаетъ (нѣтъ, лучше, колеблется). Не знаю, что будетъ впередъ, такъ какъ было уже нѣ-

сколько раз, что русских денег совсем не принимали к размену. Получил я по 310 за сто рублей; и считал это хорошим, так как было хуже, а будет, вероятно, еще сквернее, и в недалеком будущем, так как мы должны вести войну: во всяком случае этого требует народная совесть, или (в противном случае) мы окончательно подорвем свой нравственный кредит перед славянскими народами. Что было не шуточное, и что оно теперь только разгорается — это видно из того потока ненависти, который изливается на нас западными цивилизованными государствами, а также и из того, что было России — есть дело справедливости и гуманности. Но это мимолетно, в которую вы окунетесь достаточно по возвращении в Россию, и во всяком случае теперь для вас модальнее от этого — получите.

Вы видите, что во все время путешествия вас не покидало чувство покоя. Думаю, что я вас начинаю в этом случае. Вы, не смотря ни на свое положение, ни на свои средства, трудитесь и работаете так, как не многие работники способны достигать на долю — и (не знаю, правда ли) сами эти кажущиеся громадными средства, в значительной степени заимать от того источника сил, которым вы страдаете. Покой, как испытанный, есть тот живой сон, который дает возможность организму бороться с тем, что мы называем жизнью. Никогда еще у меня не было до сих пор в моей жизни того, что я испытываю теперь: вот уже несколько недель, как мне нравится мысль умереть. В самом деле, не лучшее ли это состояние для человека? Покой, но уж абсолютный, вечный, и только шум природы над могилой, как прескромная музика, свидетельствует, что жизнь не прекращается. Но какай жизнь? И что мы видим на свете? Особенно в толпе животных, называемых людьми, ошибок человечками. Мой дорогой мальчик, быть может лучший во саду — умереть; и как мне страшно от этого, но я считал бы себя счастливым, если бы и я умер ребенком. Маленьких так жаль, они такие беспомощные, такие любимые, такие чистые и такие бедные, что сердце надвигается. И не знать подкладки жизни — лучше, чем знать и не мочь двинуть корень и землю, чтобы засыпать и раздавить это злое и кровавое племя! Состояние это пришло ко мне внезапно — оно давно уже подготавливалось и созрело, а смерть моего дорогого мальчика только осветила тот пункт на моей дороге, где я нахожусь.

Часто в последние 4 года приходил мне на память честный, гордый и гениальный мальчик Васильев. Как он рано догадался о той правде, которая разделяет две жизни: природы и животных. Что он говорил по этому поводу! В его неясной криволинейности, находящейся у Сергея Михайловича, есть эта нота — в небесах, горах, и вообще в

задних планах: там есть такая торжественность, такой торжественный шум далекого леса, и эти три сосны одиночки вызывают в памяти какие-то забытые стихи, где-то, на каком-то старом камне написанные, что я рассказать вам не могу, что я испытываю, когда вижу этот пейзаж. В то же время, в нем так много есть болезненного в первых планах, видна такая усталость руки, и такое опрачтение глаза, что самый пейзаж много от того гаснет. Но я никогда не забывал при этом, что это один из наиболее поэтических пейзажей вообще. Васильев любил природу и понимал ее — ведь это так редко дается человеку! И Васильев умер. Он ко мне часто обращался с вопросом: загляни у меня в большинство случаев такое горестное выражение, когда я счастливы? Он этого не мог понять, что личное счастье еще не удовлетворяет жизни!.

Однако же, извините, я ни к кому из города не говорил совсем о восторженности, и выпустил из виду, что в вашем письме есть пункты, на которые я должен еще отвечать, хотя бы напираться об Антокольском. «Сократа» его я увидал в глянц (это много значит), и носил двух-трех раз я писал вам о своем впечатлении. Потом, при мне его формовали, и я видел его в глянц уже: впечатлительное и несколько иное — хотя продолжал быть серьезным. Но и в глянц было кое-что, против чего я мог бы сказать. Недостатки технические (например, предилечие) меня не особенно смущали, как и вообще я к этому снисходителен, но там было нечто большее, именно: голова была хорошая, но скопированная с существующих бюстов почти слепая, а не живо и глубоко почувствованная художником. Я не могу этого высказать ясно, потому что это особенно трудно, но думаю, что вы понимаете, что я хотел сказать. Что же касается общей концепции, положения фигуры, руки, ноги, локти и головы, то, признаюсь, я немного знаю так просто и глубоко-драматично задуманных произведений. Есть в самой линии каналь-то мелочное отделение, хотя значительно меньшая, чем, например, в «Иване», но все-таки еще есть, и это может быть отнесено к недостаткам этого произведения, хотя и второстепенным. Главным же — это копирование головы. Я знаю, что защищаться мне здесь очень трудно, так как всякий скажет: да как же прикажете иначе, когда существуют бюсты и портреты? Конечно, как же иначе? Но только, когда я вспоминаю, то увидал человека, положение которого чрезвычайно глубоко почувствовалось, от конечностей до шеи и до темени, но этот человек, когда бы пошел, то не мог бы иметь такой огромный нос и такие брови. Странно, безобразно, но мне кажется так. Что касается того, что это не труп, то это верно. Но это и не есть еще труп. Трупом он станет через час, а теперь он только что вырвался чашу от вылитого яда. Но по-

вторую въ заключеніе, тотъ Сократъ, котораго я видѣлъ, безвозвратно погибъ, и я очень радъ былъ встрѣтить вамъ взглядъ на скульптуру вообще (современную). Все, что вы говорите объ этомъ, глубоко вѣрно, по моему, но я радъ не тому, что я согласенъ съ вами, а большому, тому, что существуютъ любители, одаренные такого рода чутьемъ. Что касается до спекулятивнаго направленія современнаго искусства, то взглядъ вашъ, хотя и рѣдкій, но не новый: объ этомъ уже давно догадались, и говорили нѣсколько разъ, и мнѣніе это уже можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ кружкахъ. Что же касается — скульптуры (т. е. каменого на нее взгляда), то объ этомъ догадываются не многіе, но крайней мѣрѣ изъ публики. А Микель-Анджело, разувѣтся, самъ рубилъ, еще бы! Достаточно взглянуть на любой остатокъ древности, чтобы понять, какаа бездна лежитъ между вѣкомъ вѣры и любви въ художественными произведенія — и темершнимъ, когда законы пишутся Гунилями. А неужели вы не зайдете въ Парижъ? Что касается портрета офорта, то я, какъ выдавшій видъ, скажу вамъ: во все времена царскій портретъ представляетъ кредитный билетъ, большаго или меньшаго достоинства, смотря по исполненію, но непрямою денежный знакъ.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CLXIII. Къ нему же.

Paris, 24-го ноября 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пишу къ вамъ только нѣсколько строкъ, чтобы исполнить ваше желаніе знать: нужно ли вамъ прѣхать въ Парижъ? Отвѣчаю, не нужно, какъ вотому, что у меня нѣтъ ничего, и не нужно въ томъ случаѣ, еслибы что-нибудь и было даже. Я сирочно только такъ, изъ желанія видѣть васъ, и многа предполагавшіеся вамъ маршрутъ прежде. Прѣѣздъ вашъ сюда не могъ и не долженъ состоятъ ни въ какой связи съ чѣмъ-либо частными дѣлами, а можетъ записаться только отъ потребностей лично вашихъ. Интереснаго здѣсь мало, прожѣ, разувѣтся, самого Парижа, и что собрано народомъ. Я очень радъ, что вы получили мое письмо въ Римъ, а то я былъ въ недоумѣніи, какъ бы васъ увѣдомить о скорѣй, какъ о полученіи денегъ, такъ и просто сдѣлать вамъ известнымъ, что я очень хорошо понимаю, что письма, подобнаго послѣднихъ, не могутъ быть оставлены безъ отвѣта. Что касается моего личнаго настроенія, то это не вѣшника, а давно подготовлявшійся новоротъ во взглядъ на Божій міръ.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CLXIV. Къ нему же.

Парижъ, 10-го декабря 1876.
Rue de Valenciennes, cité Talma, 12.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Работы мои, которыя я просилъ васъ выслать въ февралѣ, будутъ необходимы раньше, такъ какъ оказывается, что 1-го марта уже кончается пріемъ вещей для Салона, это первое; а второе: 1-го февраля откроется еще избранная выставка, такъ называемая «Мирлантонъ», общества художниковъ, гдѣ Боголюбовъ членомъ, и гдѣ я думаю дебютировать тоже. Въ мартѣ тамъ же будетъ другая выставка, акварелей и рисунковъ, а потомъ съ мая мѣсяца Салонъ. Ни на одну выставку отъ каждаго экспонента больше 2-хъ вещей не принимается, а потому я буду просить васъ выслать, кромѣ тѣхъ вещей, о которыхъ мы говорили, еще Васильева и Антокольскаго. Я рѣшаюся три раза о себѣ напоминать въ Парижѣ (какъ громко!), и вещи мнѣ нужны сейчасъ послѣ новаго года; слѣдовательно, если вамъ все равно, будьте такъ добры, вышлите немедленно.

Картинку Ковалевскій вышлетъ вамъ надѣясь, но не ту, о которой я упоминалъ, такъ какъ, зайдя къ нему на другой день послѣ вашего отвѣта, я нашелъ у него новую, и, по моему, лучшую, которую и просилъ выслать. Сюжеты: встрѣта 2-хъ саней на дорогѣ зимой; къ однимъ санямъ, къ задку, привязаны 2 заводскихъ лошади. Я вамъ глубоко благодаренъ, что вы не отказали въ моей просьбѣ, и рѣшились взять у него вещь, вамъ въ сущности не нужную. Но, быть можетъ, когда вы ее увидите, то жалѣть очень не будете. Какъ бы то ни было, я вамъ очень благодаренъ. Дѣло въ томъ, что хотя я и не особенно симпатизирую Ковалевскому, но онъ меня подкупаетъ страшною добросовѣстностью и любовью къ своему дѣлу; у него нѣтъ нерва, правда, но знанія и любви — тѣмъ, и потому онъ рѣшительно дѣлаетъ успѣхи въ колоритѣ.

Не забудьте приложить юбку илаты (*). Извините за неряшливость письма, но ждать еще пять минутъ. Очень много нужно писать. Будьте здоровы.

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

Если вы найдете возможнымъ присоединить Григоровича, то примлите и его, но это — какъ знаете и какъ думаете.

*) Для портрета Вѣры Николаевны Третьяковой.

CLXV. Къ нему же.

Парижъ, 25-го декабря 1876 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Видѣть Богъ, я бы не хотѣлъ обременять васъ больше, но я возвращаюсь въ Россію. Оставаться здѣсь больше—было бы преступленіемъ. У меня еще одинъ на дорогѣ къ смерти (самый маленькій) и Софья Николаевна, судя по нынѣшнему, не въ нормальномъ состояніи. И потому, все, или почти все, что, по политическимъ состояніямъ въ Европѣ, мнѣ было необходимо видѣть—я видѣлъ, стало быть работать почти одинаково, что въ Парижѣ, что въ Россіи. Придется пождать, пока я буду имѣть мастерскую, куда бы можно было везти хоть холсты, это правда, но издать мнѣ не привыкать. Обращусь къ другому, что на очереди. И такъ, теперь прошу васъ выслать мнѣ еще 1,000 рублей уже въ Петербургъ, гдѣ я буду около первыхъ чиселъ января мѣсяца новаго года. Туда же прошу прислать и портретъ Вѣры Николаевны, безъ рамы (если не случилось несчастія и вы не отравили его въ Парижѣ, о чемъ я извѣщалъ васъ телеграммой). Кроме того, я бы просилъ васъ дать мнѣ работу для начала немедленной уплаты, если таковая есть у васъ, то есть, работа. Сегодня суббота, вчера вечеромъ я узналъ о необходимости заплатить, и выѣзжаю, вѣроятно, во вторникъ. Впрочемъ, я еще напишу вамъ, какъ только возвращусь въ Петербургъ.

И. Крамской.

CLXVI. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 22-го января 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портреты я получилъ въ совершенной исправности, платье тоже. Извините, что не отвѣчалъ тотчасъ же, но я только сегодня могъ быть у Александровскаго и видѣть портретъ Тютчева, и вотъ мое впечатлѣніе: онъ производитъ впечатлѣніе пріятное, но долго нельзя догадаться, чѣмъ это сдѣлано? Ближе всего это большая и хорошая фотографія, покрытая одной охрою, и только. Кроме того я нашелъ, при сличеніи съ оригиналомъ фотографіи, съ котораго онъ дѣлалъ, кое-что въ выраженіи рта. Это я все сказала Александровскому прямо, но сказала также и вотъ что: что какъ сходство и портреты—онъ удовлетворяетъ, но я предоставляю себѣ право вынестись съ совѣтами, и попрошу какъ-нибудь выстѣть, то есть, при мнѣ, исправить его. Много въ живописи онъ не исправится, это вѣрно, хотя я, говоря вамъ откровенно, думаю, что у него есть что-то оригинальное. Это вовсе не живопись, правда, но въ немъ есть что-то, что мнѣ даже нравится, и очень, и мое

впечатлѣніе съ нимъ, съ портретомъ, надо обойтись осторожно. Мы какъ-нибудь это и сдѣлаемъ. Посъ не отвѣчать общему характеру въ линіи, и волосъ на черепѣ надъ ухомъ слишкомъ много. Все это я постараюсь, чтобы было исправлено.

Относительно цѣны, онъ сознался, что, не смотря на мое сообщеніе, онъ далъ себя уговорить своимъ знакомымъ возвысить цѣну—ну, это его дѣло, только я подтвердилъ ему, что и Перовъ, и я, не получаемъ больше.

Портретъ Вѣры Николаевны украсенъ черезъ фонъ, и главный образъ черезъ фонъ. Я въ изумленіи, какъ я могъ соединить въ такомъ маломъ пространствѣ два такихъ несомнѣнныхъ тона—это для меня чрезвычайно мучительно (немножко поздно, правда), и даю себѣ слово больше никогда не дѣлать безъ натуры такихъ вещей. Теперь же я возьму преобладающій тонъ зеленый, а лѣтѣмъ ирѣду на дѣи недѣли въ Москву, чтобы обработать въ Кунцовѣ, по натурѣ. Мнѣ даже извиняться стыдно, но, имъ, полагаю, такъ меня знаете, что терпѣливо дадите мнѣ время заглади мою ошибку. Что касается Козьмова, то Софья Николаевна даетъ идею (если вы согласны), сдѣлать его чернымъ. Не знаю, какъ вы взглянете на это, но мнѣ идея понравилась.

Рубинштейнъ возвратится въ май, тогда и писать будетъ. Салтыковъ (Щедринъ) въ среду уже будетъ у меня, начинаемъ. Некрасовъ же умираетъ, но съ нимъ хотѣли переговорить и Гончаровъ, и Щедринъ. Говорятъ, онъ никогда не былъ такъ хорошъ, какъ теперь. Не знаю, что будетъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXVII. Къ нему же.

Сиб. 16-го февраля 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Какъ я говорилъ, такъ оно почти и вышло. Я демурировалъ всю недѣлю, и даже больше, у Некрасова, работалъ по 10-ти, по 15-ти минутъ (много) въ день, и то урывками; послѣдніе 3 дня, впрочемъ, по 1 1/2 часа, такъ какъ ему, относительно, лучше. А что выводить—не знаю; дѣлаю, что могу, при этихъ условіяхъ. Сначала нарисовалъ кое-что углемъ, зафиксировалъ, и затѣмъ красками ткнемъ то тутъ, то тамъ—ну, оно вышло нѣчто. Говорятъ, похоже. Но, вѣдь это—говорятъ; самъ же я не слишкомъ доверлю. Въ настоящую минуту оставалъ портретъ на нѣсколько дней отдыхать, такъ какъ Некрасову лучше (временно), и доктора говорятъ, что ему пожалуй будетъ еще лучше; и это можетъ протянуться нѣсколько недѣль, и что я, стало быть, усѣю еще. Когда я началъ портретъ, то убѣдился сейчасъ же, что такъ сдѣ-

лать его, какъ я полагаю, на подушкахъ — нельзя. Да и всѣ окружающіе возстаютъ; говорятъ, это не мыслимо — къ нему не идетъ: что Некрасова даже въ халатѣ себѣ представить нельзя. И потому я ограничился одною головою, даже безъ рукъ. Дай Богъ справиться мало-мальски хоть съ этимъ. Задача, прямо скажу, трудная, даже, едва ли возможная для кого бы то ни было, и если мнѣ удастся сдѣлать хотя что-нибудь съносное, я право буду считать себя молодцомъ. Поручить офортъ Тулинову я бы не хотѣлъ, не потому, чтобы я въ чемъ-нибудь сомнѣвался (онъ для меня вѣтъ этого), а потому, что онъ едва ли годится: онъ хомякъ, я бы сказалъ, слабымъ не боялся его обидѣть. А кому, рѣшительно не знаю. Вѣроятнѣе всего, что тому же... Аванцо.

Что же касается «Созерцателя» *), то я приножу къ мысли, что вы правы совершенно. Положимъ, я самъ увидалъ, когда сдѣлалъ сѣтъ, что сюжетъ ужъ очень ясно выходитъ, но не обратилъ на это должнаго вниманія, тѣмъ болѣе, что сказали объ этомъ: «не душно»; и такъ какъ сѣтъ сдѣлать мѣломъ, то стереть его легко, что я и сдѣлаю, только совѣмъ не для того, чтобы вы его взяли, а право же потому, что я убѣдился доводами.

За что закрыть клубъ **)? Не знаю, да и не вступалъ того, кто знаетъ. Говорятъ — за литературные обѣды, говорятъ — за студенческій балъ, гдѣ избилъ милона, а клубъ, вѣсто того, чтобы объявить кому слѣдуетъ, сировадилъ черезъ какіе-то таковы ходы на улицу. Говорятъ, что кто-то кого-то не менѣе прибилъ, говорятъ, что студенты собирали на «казанскихъ» сиротъ; словомъ, никто ничего не знаетъ вѣрнаго, или, можетъ быть, все это вѣстѣ вѣрно, и было достаточно для того, чтобы закрыть. Положимъ, я лично радъ, что его закрыли — путнаго было мало, но жалъ, что чрезъ это онъ станетъ какимъ-то страдальцемъ, героемъ, и таинный образъ одною ложью будетъ больше, однимъ недоразумѣніемъ прибавится. Словомъ, какъ ни поверни, мы страдаемъ за правду.

Что вы познакомились съ А. въ моемъ домѣ, я тоже сожалѣю, но гдѣ, укажите, на Руси такой домъ и такое мѣсто, куда бы не заглядывали лица, съ которыми очень жалъ, что познакомились. Мнѣ лично это очень непріятно, но я не виноватъ своею беспомощностью: я не искалъ его знакомства, никогда не поощрялъ его къ сближенію; если что говорилъ или дѣлалъ, то послѣ неотступныхъ просьбъ съ его стороны (письмо къ мамѣ), и то, сколько помнится, въ осторожной формѣ. Впрочемъ, если виноватъ, то невольно, и стѣю прощенія.

Уважающій васъ Н. Крамской.

*) Картина Крамского.

**) Художественный клубъ, кончивавшійся въ Фронзонъ переулокъ, въ Петербургѣ.

Ред.
Ред.

CLXVIII. Къ нему же.

4-го марта 1877.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ глубоко за участіе, но какъ рассказать вамъ то, чего я и самъ не знаю? Лихорадка, камель, камель, камель, дали морфій — заснулъ. Сегодня хорошо — всталъ уже. Называютъ гриппъ, можетъ быть и такъ, надо повѣрить тому, что самъ невѣжа. Вотъ и вся исторія. Тревога напрасная, говорятъ, да я и самъ думаю тоже. Впрочемъ, когда вынудитъ на воздухъ докторъ, я приму мѣры и посоветуюсь съ Боткинскими. Въ деньгахъ нужды не имѣю, благодарю васъ очень.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXIX. Къ нему же.

Мартъ 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Пятый день я лежу больно, и потому буду кратокъ. Портретъ Самарина принять не могу, хотя денегъ очень нужно. За честь благодаренъ. Портретъ Салтыкова почти конченъ: 1 и 2 раза — и конченъ. Въ живописи не Богъ знаетъ что, но похожъ будетъ. Некрасовъ тоже похожъ, и всѣ находятъ, что хорошъ; но я скажу (во секрету), что прежде, чѣмъ взять его, нужно еще посмотреть. Картина Бронникова «Освященіе Гернеса», какъ все, что онъ дѣлаетъ, чисто, пріятно, даже хорошо какъ будто, но особенно въ этой картинѣ такъ чисто краски, что смотрѣть совѣстно; впрочемъ, рельефъ большой.

Уважающій васъ И. Крамской.

CLXX. Къ нему же.

29-го марта 1877 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ очень за 1,000 рублей, которые я получилъ, и извиняюсь, что не тотчасъ же написалъ объ этомъ. Портретъ Салтыкова конченъ, Некрасова завтра кончаю. Въ портретѣ Салтыкова есть большая перемена въ фигурѣ, и кажется лучше: стала вовсе не существуетъ, и обѣ руки находятся на-лицо. Портретъ Колмова работамъ, какъ старый, такъ и новый (черный), — оба къ вамъ и пошло. На этой же недѣлѣ будетъ конченъ портретъ и Вѣры Николаевны: полагаю, на финшій послать къ вамъ; Салтыкова же и Некрасова не могу, такъ какъ надобно сдѣлать копія, съ Салтыкова одну,

а съ Некрасова двѣ: для жены и сестры его. Самъ Некрасовъ проситъ очень, — я отказалась сестрѣ, когда она просила. Разумѣется, не я буду этикетъ замять. Нужно сказать еще, что портретъ Некрасова будетъ яномъ сдѣланъ, еще одинъ, и я его уже началъ: въ маломъ видѣ, вся фигура на мостехи, и нѣкоторыя интересныя детали въ аксессуарѣхъ. Это нужно, самъ Некрасовъ очень просилъ, ему оны нужны на что-то; вототъ (говорить) вы его возьмите себѣ, «но сдѣлайте, пожалуйста». Въ этомъ (маленькомъ) голова уже кончена; словомъ, я, кажется, работаю.

Что касается М. Е. Салтыкова, то, должно быть, надобно помириться съ этимъ портретомъ: онъ вышетъ действительно очень похожъ, и выражение—его (жена очень довольна), но живописи немонко, какъ бы это выразится, не обижая, вышла—пуругая, и вообразите—съ памфленіемъ. Я, видите ли, почему-то вообразилъ, что его нужно написать въ глубокомъ молотонѣ, ну и написалъ, а теперь вижу, что могъ бы не уминчать. Словомъ, въ этомъ портретѣ вы не дѣлаете никакого порядочнаго приобретения, въ смыслѣ искусства, но какъ свой товаръ нельзя же халтъ передъ покупателемъ, то и скажу вамъ, что онъ и не совсемъ же плохъ, а только темноватъ, но зато похожъ. Я хотѣлъ вамъ сказать еще, что съ Некрасовымъ чистая бѣда—вѣдь денурить приходится каждый день и весь день, а работаемъ $\frac{1}{4}$ часа, много $\frac{1}{2}$. Ну, да теперь, кажется, отдѣлался.

Уважающій васъ Н. Крамской.

Прочелъ письмо и ужаснулся—ужасная безсмыслица, переписывать же некогда. Жду фотографій, чтобы принятись, только Самарина нельзя ли побольше (числомъ), особенно ту, которую я видѣлъ у васъ. Въ «Пчелѣ» статья Прахова о Самаринѣ очень хороша. Начинаю его уважать—думалъ, что не носилѣтъ.

CLXXI. Къ нему же.

11-го апрѣля 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что не тотчасъ отвѣтилъ вамъ, но я только сегодня вечеромъ получилъ посылку. 6-го числа получилъ вамъ квантанцію (нѣтъ, кажется, 7-го), и отдалъ ее натурщику Ивану, чтобы онъ сдѣлалъ, что нужно. Однакомъ дѣло кончилось тѣмъ, что онъ проходилъ два раза и принесъ въ субботу квантанцію назадъ, такъ какъ нужно было свидѣтельствовать въ полициѣ, а какъ въ субботу уже нельзя было, то я сегодня побѣжалъ самъ. Все получено въ исправности, исключая стекла на фотографіи Аксакова, работы Вергнера (красная фотографія!). Но, кажется, вы объ ней-то и писали, что это стекло разбитое. Написать Аксакова думаю, какъ вы совѣтуете, съ ру-

ино «иче хожѣна и на воздухъ». Не дурно. Когда получили фотографіи, то Софья Николаевна, еще не зная ничего, говоритъ: «Вотъ бы этого (Аксакова) нарисовать побольше!» Хорошо бы было достать его шляпу, какую онъ носилъ. Отъ у меня будетъ сидѣть на травѣ; не худо бы въ шляпу ему вложить записную книжечку и карандашчикъ (если только было что-либо подобное въ его привычкахъ). Для Самарина буду придерживатись Тулинской фотографіи, но, кажется, я у васъ видѣлъ не эту? Портретъ Вѣры Николаевны конченъ (т. е. то, что предполагалъ сдѣлать безъ натуры), платье совершенно перешилъ, и теперь Софья Николаевна узнаетъ ея ростъ; есть хвостикъ, и порядочный, а также и зеленая вѣтка, которую, впрочемъ, сдѣлалъ мнѣ Шинкинъ. Портретъ Салтыкова конченъ совершенно. Некрасова тоже, Кольцовъ переписалъ, и черныи тоже готовъ, и все-таки оба скверные. Рѣшительно заколдованный портретъ! Вы увидите. Скажите мнѣ, оставите ли вы для себя другой портретъ Некрасова? Вся фигура на мостехи, когда онъ пишетъ стихи (а какіе стихи его послѣдніе, самая послѣдняя кѣсна 3-го марта «Васюшки баю!» Просто, рѣшительно одно изъ величайшихъ произведеній русской поэзіи!). Голова въ томъ же поворотѣ, въ рукѣ карандашъ, булавка лежатъ тутъ же, сѣвѣя—столѣкъ съ разными принадлежностями, пужными для него, надъ головою шкафъ съ оружіемъ охотничьимъ, а внизу будетъ собака. Я спрашиваю объ этомъ потому, что у меня возьмутъ его другіе. Размѣръ его въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Какъ только высохнутъ достаточно портреты Вѣры Николаевны, не замедлю выслать, вѣстѣ съ Кольцовымъ. Уважающій васъ Н. Крамской.

CLXXII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 21-го мая 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за вашу заботливость обо мнѣ и о времени, которое мнѣ остается для картины. Я послушаюсь васъ относительно Кольцова и Рубинштейна, но относительно ярочаго едва ли. Все будетъ конечно, какъ я рассчитывалъ.

Портретъ Вѣры Николаевны я рѣшился послать вамъ обратно, какъ вы его видѣли, потому что стоятъ ему у меня теперь нѣтъ причины: то, что нужно еще сдѣлать, нужно сдѣлать съ натуры. Приказано при этомъ квантанцію и приспосуюцию, что я хотѣлъ отправлять со скорымъ поѣздомъ и застраховать; но, случилось такъ, что отправившій пришелъ безъ меня, взялъ ящикъ, и отправилъ, какъ онъ неоднократно для меня уже дѣлалъ это. Словомъ, дѣло было уже непоправимо. Извините меня, ради Бога, но это вышло помимо моей воли, и дай Богъ, чтобы все обошлось благополучно.

Характеристика г. Минаева совершенно отвечает тому впечатлению, которое он производит, с одной поправкой: что если ему неудалось обдѣлывать крупных дѣлъ, то не вслѣдствіе недостатка доброй воли, а по отсутствію талантов, стало быть онъ въ этомъ не виноватъ.

Если увидите Максимова, и если онъ еще тамъ, то прошу васъ мерзедать ему мое угрызение совѣсти, что я еще не отвѣтилъ ему на его хорошее письмо, но скоро напишу. Уже очень мало времени съ 8 часовъ утра до 9 вечера, а ночей, чтобы писать, нѣтъ.

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

СЛХХІІІ. Къ нему же.

2-го іюня 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Будьте такъ добры, заказайте въ «Русской фотографіи» карточку Самарина — напечатать ее какъ только возможно чернее, — до черноты сапога. Мнѣ нужно для подробностей въ саѣту. Если они отпечатываютъ такъ, что никакихъ контуровъ нельзя будетъ разобрать, то и чудесно; съ однимъ условіемъ, чтобы чудесныя ручки ихъ художниковъ не дотрогивались вовсе до фотографіи; и затѣмъ, не наклеивая на картонъ, пришлите мнѣ въ письмецѣ. Я полагаю, что негативъ у нихъ долженъ быть чѣтъ; если же, паче чаянія, онъ утраченъ, то дѣлать нечего, придется воспользоваться Дьяговымъ: онъ снималъ также — стало быть, пусть ужъ онъ сдѣлаетъ то же самое. Князь Оболенскій прислалъ мнѣ обязательно фотографію Дьяговымъ болшую, но она такъ безобразно ретуширована, что почти безполезна, да и совсѣмъ не лучше «Русской фотографіи». Словомъ, гдѣ бы то ни было, но пусть сдѣлаетъ самый черныи отпечатокъ, какой только они въ силахъ получить, и тогда портретъ Самарина я кончу на другой же день, какъ получу фотографію.

Уважающій васъ Н. Крамской.

СЛХХІV. Къ нему же.

Спб., 17-го іюля 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Фотографіи, которыя такъ обязательно сдѣлалъ Дьяговымъ, мнѣ рѣшительно ни къ чему не послужили, да и не мудрено, такъ какъ онъ по сѣ того негатива, который былъ сдѣланъ съ натуры, а негатива, который нуженъ, не имѣется, — стало быть, придется мнѣ обойтись такъ, а жаль, можно было бы совсѣмъ познать челоуѣка. Ну, на нѣтъ и суда нѣтъ. Въ понедѣльникъ у меня будетъ братъ Сергѣй Михайловичъ, и я сдѣлалъ колоссальную ошибку:

когда онъ пришелъ ко мнѣ и посмотрѣлъ Самарина, то спрашиваетъ, не нужно ли мнѣ денегъ? Я совершенно искренно сказалъ, что не нужно, такъ какъ у меня еще было триста рублей, и долженъ былъ получить въ теченіи недѣли еще 200 рублей. Когда же братья ваши уходили, я, раздумывая, что за присланными рамками деньги надѣлать, да понаудачу затянется съ портретомъ Императрицы (такъ и случилось), я въ передней ужъ и говорю вашему брату: «Я отказался отъ вашего предложенія, а подумавши согласенъ молучить»... — «Сколько же вамъ нужно?» — «Рублей 300»... — «Хорошо, въ будущій разъ ирѣбду — привезу». Ну скажите, ради Бога, на что это похоже? Развѣ это простиительно! Кажется, пора понимать, не маленкій!.. Я просто обезумѣлъ себя мальчишкой, когда сообразилъ и всенемнилъ, что вы, присылая въ послѣдній разъ мнѣ 1,000 рублей, написали: «за портретъ Самарина», т. е. за портретъ для брата вашего. Ради Бога, Павелъ Михайловичъ, нельзя ли какъ-нибудь изгладить это обстоятельство, и вмѣстѣ съ тѣмъ выслать мнѣ 500 рублей, если возможно?

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

СЛХХV. Къ нему же.

28-го іюля 1877 г., Спб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините за коротенькое письмо, и за молчаніе. Я былъ всю недѣлю въ великихъ хлопотахъ, то по случаю болѣзни Серени, то по передѣлкамъ квартиръ, да кромѣ того рабобую.

Въ Москвѣ буду по обстоятельству моей картины только въ концѣ августа, а такъ какъ васъ не будетъ тамъ въ это время, то постараюсь принятъ такъ, чтобы быть къ 1-му сентбрю.

Тревога въ настоящее время весьма и весьма законна. Съ своей стороны скажу: что время мрачное, вездѣ — куда ни посмотри... да еще добавовонъ недостойные фарсы Ч—а! Воля ваша, а его телеграмма на Кавказъ, что если онъ необходимъ — то поѣдетъ, хотя и боленъ! На что это похоже? Потому эти встрѣчи въ Саратовѣ, въ Тамбовѣ, въ Ростовѣ, разѣзды по Европѣ съ конюшесъ... какъ это все не просто, и... не хорошо! Впрочемъ, онъ не виноватъ, — виноваты мы — мы все еще дѣти!..

Уважающій васъ Н. Крамской.

11-го августа 1877 г.

Я долженъ извиниться передъ вами, уважаемый Н. А., что отвѣчаю не тотчасъ; но... я дѣлаю маленькое переселение въ квартиру: крашу полы и моточки, оклеиваю кое-гдѣ обоями стѣны, и потому весь хламъ, и письменный столъ въ томъ числѣ, былъ сваленъ до сихъ поръ въ одну кучу. Судите сами, насколько возможно мнѣ было отвѣчать.

Мысль ваша написать книгу «Новая русская школа» сама по себѣ богата; на эту тему можно сказать бездну интересныхъ вещей; но мнѣ бы хотѣлось только, чтобы не было въ ней преувеличенія въ какую бы то ни было сторону; и я рѣшаюсь, потому, высказать вамъ свое мнѣніе.

Несомнѣнно, разумеется, что въ послѣднее двадцатипятилѣтіе появились существенныя признаки самостоятельнаго отношенія русскихъ художниковъ, епъ также, къ действительности, сравнительно съ прежними временами, когда движеніе это было только единичнымъ. Теперь мы имѣемъ все-таки группу людей, дѣйствующихъ одновременно и всновѣдающихъ, приблизительно, одни и тѣ же принципы—тогда какъ въ то время одинъ отъ другого отдѣлялся, часто, большими промежутками времени. Однакожъ, это въ сторону!.. Не знаю, какъ я исполню вамъ порученіе относительно Васильева, но я берусь исполнить его съ удовольствіемъ. Было замѣчено, что если кому желательно сдѣлать меня болтливымъ, или инымъ образомъ потѣниться надо мной, то стоило только заехать рѣчь о Васильевѣ... И это вѣрно. Этого юмора действительно моя слабость. Оговариваю это впередъ, чтобы вы знали, какъ вамъ смотрѣть на мои объ ямъ мнѣніи. Самъ я считаю ихъ, разумеется, правильными, и смотрю на свою слабость снисходительно, быть можетъ иѣшаго человѣка съ художникомъ, но... людей такъ мало.

Не буду однако же уклоняться, и начну по порядку вашихъ вопросовъ. Прежде всего о П. П. Чистяковѣ. Написалъ ли онъ что-либо кромя указаннаго вами? Да, написалъ. Во-первыхъ, въ одномъ изъ классическихъ этюдовъ — «Руку» (я не мучу: рука эта такой высокой и оригинальной живописи, что тотъ же самый П. П. никогда выне не подымался); во-вторыхъ, «Итальянскаго нищаго», и въ третьихъ, «Боярина», бывшаго на послѣдней академической выставкѣ. Все, что имъ написано въ Италіи и по возвращеніи изъ нея, носитъ печать подражанія старымъ мастерамъ, испанцамъ и Рембранду, далеко, разумеется, имъ уступаа. Говоря о Чистяковѣ, прихо-

*) Настоящее письмо было напечатано въ «Художественномъ Журналѣ» 1887 года, апрѣль, май и іюнь.

Ред.

дится говорить наимѣньшимъ образомъ о техникѣ въ тѣсномъ смыслѣ; а можетъ ли онъ принадлежать къ числу художниковъ «Новой русской школы» — не знаю. Думаю, что если правильно установить вопросъ—что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ этими «новыми» движеніемъ, то, чего зabora, придется отвѣчать отрицательно.

Относительно Корзухина, несомнѣнно оригинальнаго по дарованію (хотя и не особенно крупному), я считаю лучшимъ его вещь «Возвращеніе извозчика домой», которая у Третьякова. Она уступаетъ въ техникѣ другой его картинѣ «Проводы кадета», тамъ же, но значительно превосходить ее по замыслу и какому-то наивно тихому настроенію. Лучшее «Проводовъ кадета», по исполненію, Корзухинъ ничего не написалъ еще; но, быть можетъ, еще лучше этихъ двухъ картинъ—его первая картина: «Возвращеніе няняго отца домой», которая была на выставкѣ 1861 г. Воображеніе себѣ крестьянскую семью, состоящую изъ преждевременно составившейся матерп, 10-ти лѣтней дочери и 2-хъ маленькихъ дѣтей, собравшихся поужинать тѣмъ-то, устившихся около скамьи на полу, и положительно оцѣмѣвшихъ отъ ужаса, когда распахнулась дверь и отецъ, оборванный и пьяный, крича, силится переступить порогъ. Вещь эта была написана слабо, даже дѣтски, но неподдѣльное чувство произвело свое впечатлѣніе. Гдѣ она? Не знаю. Она была однимъ изъ выигравшихъ въ лотерей 1863 г. Здѣсь ужъ можно будетъ вспомнить, что въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ на выставкахъ было чрезвычайно много молодыхъ вскодовъ, которые и теперь порадовали бы многихъ, но... какъ-то они все по-вали носъ первыхъ побѣдъ. Побѣдъ ли ихъ морозъ, или въ самихъ сѣменахъ не было жизнеспособности, теперь рѣшать не берусь, но что выходы были, это — несомнѣнно.

Боголюбовъ заявилъ себя хорошимъ подражателемъ Айвазовскому (которому тогда все подражали), въ программѣ на большую золотую медаль, но до 61 года обрѣ немы ничего не было слышно. Въ 1861 г. онъ устроилъ большую выставку, изъ всего сдѣланнаго имъ за границей, и сразу сталъ тѣмъ Боголюбовымъ, котораго мы знаемъ: — огромная, хорошо усвоенная имъ европейская техника и нѣкоторое сочинительство пейзажа. До сихъ поръ самое капитальное его произведеніе, это: «Прибой волнъ» (кажется) въ Голландіи, привезенное имъ изъ-за границы. Это было положительно прекрасно, особенно для насъ, тогда еще мало знакомыхъ съ современными европейскими мастерами. Изъ массы же написаннаго имъ въослѣдствіи одна вещь — «Устье Невы» — приближается даже къ оригинальности. Для полноты характеристики слѣдуетъ сказать, что что больше всего доказывать въ немъ присутствіе таланта, это его этюды; въ нихъ онъ бывае даже положительно оригиналенъ.

Пейзажист Клодт занял одно из видных мест на выставкѣ 1857 г. картиною «Филладійскій видъ», за которую получилъ большую золотую медаль (находится у Лисникова въ Петербургѣ). Вся трудовая оригинальность Клодта вылилась здѣсь въполнѣ и окончательно опредѣлилась, не измѣняясь и въослѣдствіи. Холодная гармонія красокъ, удивительная окончательность и стереоскопическій рельефъ дѣлаютъ эту картину самой характерной. Одинъ разъ, впрочемъ, онъ достигъ этихъ же качествъ въ картинѣ «Малороссійскій видъ», за которую и получилъ профессора. Здѣсь былъ уже полный стереоскопъ, но полная неподвижность и мертвенность; тутъ же на выставкѣ стояла и его синеватая по настроенію, но черноватая по колориту «Грязная дорога». Въ нѣкоторыхъ воздѣйствіи его картинахъ, напримеръ «Стадо коровъ» (шесть лѣтъ назадъ), былъ усмѣхъ въ краскахъ, который стали теплѣе и мягче, но общій характеръ не обогатился ни одной новой чертой.

Много заниматься Орловскимъ я не вижу особаго повода. Лучшія его картины были на большую золотую медаль въ 68 г. («Крымскій видъ», въ Академіи). Но такъ какъ вещи эти были прописаны Боголюбовымъ, то мнѣ чрезвычайно трудно сказать, насколько это было его собственное. Чтò несомнѣнно ему принадлежитъ, это «Мельница», написанная гораздо раньше, еще на большую серебряную медаль. Эта вещь была нѣсколько грубая, но несомнѣнно самая оригинальная, потому что теперь онъ все жатается по разнымъ теченіямъ, хотя и пишетъ колоритные этюды.

Очень сожалѣю, что я такъ мало знаю о Флавицкомъ. Знаю только, что онъ современникъ Гё, ученикъ и талантливый подражатель Брюллова, и страстный его поклонникъ. «Христіанскіе мученики» Флавицкаго — картина трескучая и театральная, лишенная всякаго самостоятельнаго отношенія къ дѣйствительности, и не напичанъ онъ «Таракановой», о немъ нельзя бы было даже и упоминать, кромѣ того, что это былъ человѣкъ вообще способный. Но мимо «Княжны Таракановой» пройти нельзя. Это вещь крупная и, главное — счастливая. Я говорю такъ вотъ на какомъ основаніи. Прежде всего, въ этой картинѣ нѣтъ въ сущности ни одной черты, которая бы была въ самомъ дѣлѣ оригинальна или показывала бы въ авторѣ твердыя и сознательныя стремленія. Возьмите что хотите: сюжетъ — романтическій; письмо — тоже, что и въ «Мученикахъ»; сочиненіе... но задумана картина хорошо; и это лучше всего. Что же выдѣляетъ эту вещь за уровень? Удивительная умирѣнность и равновѣсіе во всемъ. Романтически-драматическое сочиненіе остановилось какъ-разъ на той чертѣ, за которой начинается ошечная уся для всякаго театральности. Выраженіе лица совершенно прилично случаю (хотя не больше); дѣятельность письма по необходимости умирѣется сѣровато-зеленоватымъ колоритомъ.

общаго тона; аксессуаровъ камъ: разъ столько, сколько нужно, и, наконецъ, внимательный разбиръ. Словомъ, сколько бы вы ни разбирали ее, а должны будете сознаться, что если нѣтъ въ ней ни одной глубоко-оригинальной черты, ни даже черты болѣе ограниченной оригинальности, то все-таки картина показываетъ, какой художественный инстинктъ пропалъ въ этомъ человѣкѣ. Говорю «пропалъ», потому что найти новую дорогу помѣшало ему отчасти время, въ которое онъ воспитывался, и яркость славы Брюллова, а отчасти его умственное развитіе (послѣднее говорю по слухамъ). Какъ отозвались критики тогда по лагерію? — не помню; но знаю, что всѣ хвалили, и болѣе безусловно. Это знаменательно, въ виду того, что реалисты и эстетники должны бы какъ-то расходиться въ нѣкоторыхъ пунктахъ, но этого не было (кажется).

Приступаю къ Васильеву; но до завтра.

12-го августа.

Это всегда такъ бываетъ, когда письмо откладывается. О Васильевѣ я хотѣлъ кое-что написать, и писью даже было заготовлено, но меня остановилъ Григорьевъ, говоря, что Васильевъ не есть, въ сущности, такое явленіе, чтобы стоило изъ-за него беспокоить общество. Тому, что мною сдѣлано, я не придаю никакого значенія, и очень буду радъ, если кто другой распорядится моими матеріалами по своему усмотрѣнію. Чтò бы вы ни сказали о Васильевѣ, много ли, мало ли — это рѣшительно все равно; и мнѣ будетъ просто интересно узнать, какъ его понимаютъ человѣкъ посто-ронній; мое же объ немъ мнѣніе — мнѣніе человѣка, глубоко его любившаго, а стало быть оно не свободно отъ преувеличенія и пристрастія. Все это я отдаю въ ваше распоряженіе.

Я съ нимъ ознакомился въ 68 году, когда онъ только что начиналъ. Съ перваго шагу онъ меня поразилъ, и неспроста: его манеры были самоу-мирѣнны, безцеремонны и почти нахальны; въ 17 лѣтъ онъ не отличался малочисленностью и скромностью. Это бѣда не большая, т. е. это слишкомъ часто случается, чтобы на этомъ останавливаться; но у него эти манеры и томъ лежали въ самой натурѣ. Дальше я буду еще объ этомъ говорить, а теперь замѣчу, что первое впечатлѣніе быстро изгладилося, такъ какъ все это было чрезвычайно наивно, и показывало только, что у него были замашки, хватавшія очень далеко; оставалось подождать — имѣлъ ли онъ на это право? При дальнѣйшихъ встрѣчахъ я постоянно и долго его наблюдалъ, не стараясь сблизиться; оно и не мудрено, такъ какъ разница между нами была почти на 14 лѣтъ. Такъ шло около года, если не больше, и я долженъ сознаться, что часто онъ приводилъ меня просто въ восторгъ чистотой и свѣжестью чувства, мягкостью суждений и безпредѣльною откровенностью своего умственного механизма. Однажды я не удержался и

сравнил его с открытыми музыкальными инструментами, в которых видно, как, с ударом палца по клавишам, выскакивает молоточек, ударяет по струнам, и как звук вслѣд за тѣм поражает ваше ухо. Вѣсто того, чтобы, как многие бы это сдѣлали, найти тутъ что-либо для себя неприятное (чего, разумеется, и не было), онъ, какъ будто зная за собою это качество, старался дать понять, насколько оно ему самому дорого; и я прибавлю, онъ удержалъ эту откровенность до конца. Позднѣе мнѣ напомнилъ его въ этомъ отношеніи В. В. Верещагинъ, хотя съ другими осложненіями, и только отчасти. Разнилася онъ чрезвычайно быстро, и считала въ полной гармоніи съ И. И. Шишкинымъ, который имѣлъ на него вліяніе въ это время; но уже черезъ годъ рѣзко обозначились пункты разногласія относительно взгляда на натуру. И дѣйствительно, трудно найти другъ болѣе взаимно исключая другъ друга натуры. Одинъ, трезвый до материализма художникъ, лишенный даже признака какого-либо мистицизма, музыкальности въ искусствѣ (какъ и все почти племя великорусовъ), художникъ, которому недостатъ только макового зерна, чтобы стать вполне объективнымъ; другой, весь субъективный, субъективный до того, что въ началѣ не могъ даже этуа сдѣлать безъ того, чтобы не вложить какого-либо собственного чувства въ изображеніи вещей совершенно неподвижныхъ и мертвыхъ. Понятно, что они скоро разошлись, не переставая, впрочемъ, наносить другъ другу огорченія, не материальнаго, разумеется, характера. Къ чести обоихъ надобно, однако, сказать, что дѣйствительное уваженіе другъ къ другу скоро опять восстановилось.

Изъ этого короткаго періода моего съ нимъ знакомства отчетливо выдѣляется одинъ случай. Какъ-то въ обществѣ художниковъ, болѣе или менѣе уже опытныхъ, болѣе или менѣе уже извѣстныхъ, шла рѣчь объ искусствѣ: разбирали русскія, хвалили иностранныя, а нѣкоторыхъ даже превозносили; передъ именами же Ахенбаха, Кнуса и нѣкоторыхъ другихъ чуть не всѣ складывали оружіе. Одинъ Васильевъ не унимался; видно было, что грубая его заплата, какъ совсѣмъ мензѣстнаго выскочки, висѣла на волосокъ; но это его ни капли не смущало, и онъ кончилъ тѣмъ, что обозвалъ всѣ ситила ни болѣе, ни менѣе какъ рутиной. Сенсація полная... И въ самомъ дѣлѣ, кто онъ, что смѣетъ говорить такъ? Приножу этотъ, въ сущности неважный, случай только въ доказательство того, насколько ему присуща была увѣренность въ себя. Но изъ этого вовсе нельзя было выводигъ заключенія, что заслугъ другого онъ не уважалъ, или не понималъ бы того, что именно хорошо у другого; строгость же его къ себѣ самому доходила до неслыханныхъ предѣловъ, и я могу засвидѣтельствовать, что рѣшительно все, что онъ сдѣлалъ въ своей коротенькой жизни, считалъ нигде негоднымъ. Я иду дальше, и утверждаю, что только необхо-

димость матеріальная заставляла его выпускать вещи и останавливаться въ работѣ надъ ними. Въ 70-й годъ онъ съ Рѣпиннымъ и Мамарынымъ былъ на Волгѣ; по возвращеніи я его почти не узналъ, до того въ какіе-нибудь 4 мѣсяца онъ выросъ и сложился, и лицомъ и характеромъ. Успѣхи его въ это время были громадны. Онъ привезъ много рисунковъ, этюдовъ, начатыхъ картинъ, и еще больше плановъ. Хотя ни о чемъ нельзя было сказать, что вотъ то-то нарисовано оригинально, но сама манера работы была уже оригинальна. Я думаю, впрочемъ, что оригинальность въ искусствѣ съ первыхъ шаговъ всегда нѣсколько подозрительна, и скорѣе указываетъ на узость и ограниченность, чѣмъ на широкій и разносторонній талантъ. Глубокая и чуткая натура въ началѣ не можетъ не увѣряться въ томъ, что сдѣлано хорошаго раньше; такихъ натуры подражатель, но чему?—вотъ вопросъ. Васильевъ подражалъ самому лучшему; онъ не шелъ дальше—догадывался, что должно заключаться въ томъ, чего онъ еще не видалъ. Можно сказать, что онъ подражалъ всему, и ни чему исключительному. Въ рисованіи и живописи съ натуры онъ чрезвычайно быстро ориентировался: онъ почти сразу угадывалъ, какъ надо подойти къ предмету, что не существенно и съ чего сдѣлать началъ. Учился онъ такъ, что казалось, будто онъ живетъ въ другой разъ, и что ему остается что-то давно забытое только припоминать. Работалъ онъ страстно; апатичность и разсѣянность не врывались къ нему въ то время, когда въ рукахъ былъ карандашъ, или вѣрнѣе,—механически, безъ участія сердца, онъ работать не могъ. Въ этомъ онъ инстинктивно выполнялъ то мудрое правило, которое въ настоящее время лучшіе художники въ Европѣ стараются провести на практикѣ: не работать въ то время, когда вы не знаете и не чувствуете, что именно вы хотите сдѣлать и какъ. Васильевъ безыскусственно и просто подчинился требованіямъ своей натуры. Это былъ чудесный аппаратъ—и только. И немножко долго распространяюсь объ этомъ потому, что было, да кажется и есть, нѣмнѣе, что Васильевъ ни болѣе, ни менѣе какъ подражатель: между тѣмъ, стоило бы только сравнить то, что имъ сдѣлано, съ тѣмъ, откуда это заимствовано, чтобы разница взгляда сдѣлалась очевидною. Если же отыщете въ чемъ сходство, то это только совпаденіе, такъ свойственное природѣ. Чтобы закончить съ этимъ талантомъ, прибавлю: Васильевъ умеръ на порогѣ новой фазы развитія своего таланта, очень оригинальной и самообытной. Я думаю, что ему было суждено внести въ русскій пейзажъ то, чего послѣднему не доставало и не достаетъ: поэзіи при натуральности исполненія.

Надо сказать, впрочемъ, теперь же, что со смертію Васильева русскій пейзажъ не совсѣмъ лишился этого элемента; мы имѣемъ очень оригиналь-

ную натуру—Кунджи; но, къ сожалѣнью, ему не достаетъ прочности. За Васильева можно было уже не бояться, потому что изученіе имъ натуры спустилось за послѣднее время очень глубоко, въ самую суть предметовъ; тогда какъ въ данномъ случаѣ (т. е. при разговорѣ о Кунджи), при выскокахъ наслажденій, доставляемыхъ этимъ художникомъ, тревожное чувство не возникаетъ: невольно вспоминается Айвазовскій; хотя Кунджи, — это колоссальный непосредственный талантъ, дошедшій до возбужденія физиологическаго ощущенія темноты. Но что было извѣстно 30, 40 лѣтъ тому назадъ, то немисливо теперь.

Васильевъ, какъ художникъ чистой воды (если можно такъ выразиться), былъ еще интереснѣе для наблюденія развитія намунившихъ послѣдовательностей. Положимъ, вы видите, что человѣкъ, работавшій много этюдовъ, пробуетъ въ вѣстномъ направленіи комбинировать картины. Онъ на чемъ-нибудь уже остановился, работаетъ, дѣло подвигается, вы интересуетесь... Какъ вдругъ, въ одно прекрасное утро, все падаетъ къ черту, и человѣкъ явля, совершенно неожиданно для васъ, новую ноту. Вы готовы унывать, готовы не позволить ему; но... вы не успѣете одуматься, какъ онъ вамъ доказалъ уже, что былъ правъ. Дѣло въ томъ, что начатыя имъ картины не созрѣли еще, не улеглись въ памяти, и что хотя много было сдѣлано этюдовъ, но однакожъ не все изслѣдовано: много было новыхъ предметовъ, видѣнныхъ въ первый разъ, детали не были изучены, какой-нибудь берегъ неясной формы приходилось достроить на исполненіи данныхъ. Вы видите, какъ человѣкъ нищетъ, иногда застаете художника даже обрадованнаго—ему удалось понять—и онъ сдѣлалъ; вы близки къ похвалѣ, вы убѣждаетесь, что передъ вами человѣкъ, дѣйствительно обладающій страшной способностью ясновидѣнія, что, пожалуй, не даже и конецъ... Да, на бѣду, въ это же самое время новыя впечатлѣнія. Вчерашнія и сегодняшнія идутъ своимъ чередомъ, незамѣтно накапливаются, совершаютъ въ цѣльное представленіе, вытѣсняютъ блѣдныя образы лѣтнихъ экскурсій; художникъ убѣждается понемногу, что здѣсь—надо увеличивать рамки задуманнаго, а тамъ—наполнить пустяки и туманныя пятна; и вотъ, среди широкаго разлива Волги, или надвигающейся тучи изъ-за освѣщеннаго солнцемъ пригорка съ неизвѣстнымъ нервнымъ планомъ, является «Оттенекъ», которую, вотъ уже цѣлыхъ дѣтъ не дѣли, какъ художникъ моментъ за моментомъ наблюдалъ.

Конечно, все, сказанное здѣсь бываетъ чаще съ молодыми художниками, тѣмъ съ художниками, искушенными опытомъ; но за то искушенные опытомъ художники до такой степени все обдумываютъ и извѣщаютъ, что имѣетъ сердечному одушевленію уже не будетъ. Какъ бы то ни было, однакожъ, но съ Васильевымъ не случилось ни одной рѣзкой крайности. Если

онъ не во всѣхъ деталяхъ знаетъ, что онъ сдѣлаетъ, за то всегда знаетъ отчетливо, какое именно впечатлѣніе онъ желаетъ вызвать. Такъ это и было. Послѣ «Оттенка» ему уже ничего не удалось больше написать въ Петербургѣ; приближалась весна, а простуда, схваченная имъ еще зимою, послѣ разныхъ нарксизмовъ, приняла упорный хроническій характеръ и въ апрѣлѣ появились злобные признаки.

Позвольте, однакожъ, отнѣз закончить о Васильевѣ; дальше я предоставлю слово ему самому.

12-го сентября.

Жизнь Васильева въ Ялтѣ была цѣлымъ рядомъ огорченій, непріятностей и, нужно сказать, что въ этомъ меньше всего былъ виноватъ онъ самъ. Я не говорю, что онъ не дѣлалъ ошибокъ, но то, что его преслѣдовало, какъ увидите дальше, устранить было не въ его власти. Несмотря, однакожъ, ни на что, природный юморъ не оставлялъ его никогда, смѣшное въ его письмахъ занимало всегда много мѣста, и только не за долго до смерти, когда уже и ему самому стало ясно, къ какой развязкѣ онъ приближается, замерла насмѣшка.

20-го іюля 1872 г., описывая Ялту и ея обитателей, онъ говоритъ: — «Туземцы во всѣхъ своихъ темныхъ уголкахъ составляютъ проекты наискорѣйшаго и при томъ неизбѣжнаго ободранія прибрежныхъ, полныхъ еще впечатлѣній морской болѣзни. Вѣдние болные, дорого вамъ обходятся воздухъ, вода и горы! Господь Богъ, творя Крымъ, вѣроятно, и не подумывалъ, что въ немъ будутъ драть такъ нечеловѣчно за жизнь; при томъ дерутъ именно тѣ, которые не только не выдумали этого климата, а, наоборотъ, употребляютъ всѣ средства испортить его, по крайней мѣрѣ около своихъ жилищъ; и, надо отдать справедливость, выказываютъ въ этомъ необыкновенныя, неслыханныя способности».

Въ это же время Васильевъ сойтговался о своей болѣзни съ Боткинъ (въ первый разъ), бывшимъ тогда съ Императрицею въ Крыму. Изъ письма видно, что Боткинъ угнѣнительнаго ничего не сказалъ, а относительно горда выразился: «Съ нимъ вамъ придется долго еще провозиться». Но Васильевъ, напротивъ, чувствовалъ себя очень хорошо, и все это лѣто считалъ себяправляющаго; все письмо его наполнено юморомъ. Тогда онъ только что копилъ картину, за которую долженъ былъ получить деньги; и вотъ онъ пишетъ: «Сейчасъ вернулся изъ магазина рѣдкостей, находившагося въ Ялтѣ; вернувшись удрученный персидскими коврами, вазами и прочими рѣдкостями, я сильно колебался: не прибавить ли имъ на новую картину стоимость сихъ злосчастныхъ ковриковъ и вазъ? я имѣю на это неотъемлемое право,—право! Сами посудите: ну, ищѣ ли, бѣдному человѣку, отягощенному болѣзью и семействомъ (мать и маленький братъ),

ми? ли, говорю, платить за эти вещи? Конечно, не ми! Притом и купил-то я их не настоящему требованию торговца, говорившего: купите что-нибудь, осясайте! Ну, я, как человек, несомненно холодно взирал на другого, желающего счастья, и осясать, — да-сь! И притом, čím же стали эти вещи? Вещественным доказательством вещественной помощи, оказанной мною несчастному торговцу. О, ох-хо! Сколько раз!.. Сколько ми определено судьбою вручить торговцам, жаждущих счастья в видях таких, как я, покупателей!..»

Я лично того убеждения, что судьба человека незаурядного вполне зависит от него, и что все, происходящее с ним, имеет корни в нем самом. Тут, как видите, есть противоречие с тем, что я же сказал в начале; но, подумавши, легко примирить. Вся несчастья Васильева лежали прежде всего в его характере. Нужно сказать, что самая глубокая черта в нем была — страсть игрока, я бы сказал. Он не принадлежал к числу тех спокойных натур, которые покорно переносят свое незавидное положение; ему нужны были средства принципа, чтобы он не жаловался на жизнь; но страсти его имели характер мало материальный, это были страсти духа. Он, этот «блудливый» по происхождению, держал себя всегда и всюду так, что незнающие его полагали, что он по крайней мере граф по крови. Однажды у меня в одном из кабинетов спрашивали: «Скажите, пожалуйста, как приходится Федору Александровичу (Васильеву) графу NN?» — «А что?» — «Да так, любопытно знать?» — «Да никак, он не родственник даже!..» — «Ну вот еще! Вы стало быть не знаете, что он его побочный сын?».

Я улыбнулся на это, очень хорошо понимая, что их заставило спросить на Васильева такими глазами; разувратить их я не мог. Но не только таких людей, как у меня спрашивали о Васильеве, Васильев и настоящих княгинь, полагающих, что у них голубая кровь, заставляют обходиться с собою осторожно.

Я сообщаю это только для характеристики художника. Если эти строки появятся в печати, то живые графы и графини узнают себя здесь, вследствие чего об этом можно и не распространяться, тем более, что живые графы догадываются об источнике.

Вот как он сам выражался: — «Знаете ли вы, о, знаете ли, как ми нужны деньги для моего устья? Как ми много нужно денег для того, чтобы тушить тот адский огонь, который жжет меня, постоянно увеличиваясь?! Мой рай, но мой и ад заключаются в моей природе, в моей любви к искусству. Думаю, глубже вникая в самого себя, я с ужасом вижу, что мало впереди возможности остановить этот страшный огонь, эту разрушающую силу! Как бы ми иногда нужно было подтолкнуть

вату с вами, по возможности передать то, чтобы облегчить на время эти не то ведуги, не то уж очень хорошее нравственное здоровье. Ужасно интересна духовная жизнь человека, его способность, вследствие, вероятно, наследственности, носить в себе какие-то темные, неясные зародки будущих мыслей, поступков, или даже целого характера. Ведь очень может быть, что характер человека и не складывается вследствие окружающих обстоятельств, а только проявляется в настоящем своем виде в положенный кем-то или чем-то срок. Эту мысль некоторые и допускают, принося только этот своего рода закон к исключительным личностям, составляющим в свою очередь (вероятно) тоже особый народ, имеющий свои законы рождения, развития и смерти, свою историю. Однако это слишком метафизически, если не хуже. Но так и быть еще несколько мыслей. Вот, например, мысль. Эта, ничему, кажется, неподчиняющаяся фея имеет своего рода законы, без которых ее рождение невозможно. Для получения известной оформленной мысли, необходим целый ряд комбинаций, целый порядок механических процессов, без которых невозможно обойтись, как невозможно... Как невозможно ми написать письма, не наполнив его самыми наивными рассуждениями!»

Конечно, на счет всего такого можно сказать, что Васильев открыт Америке; но вспомните, что ему 22-й год, и тогда дело несколько изменится. Многие, особенно между художниками, в эти года что-либо думали подобное.

Для того, чтобы понять все его трагическое положение в Крыму в последний год перед смертью, я должен вернуться несколько назад и рассказать одно обстоятельство, имеющее связь с тем, что будет сейчас встречаться в его письмах. Перед отъездом его из Петербурга в Крым, в январь месяц, он исчез дня на три, я его не видал; на четвертый день, рано утром, он является ко ми бледный, возбужденный, больной и рассказывает, что его три дня тому назад арестовали, и кто же? — Мещанская управа. Он подлежал рекрутской очереди, и вот, чтобы он не ушел, его засадили, держали 2-е суток, и выпустили после усиленных просьб с его стороны, и после обещания внести за себя 1,000 р., которые он не знал, где найти. Между тем он, как старший сын при двух маленьких, и не мог подложить сдать в солдаты отца матери, которую содержал; но кому же негласно, как мещанская община поступают? Куда было обратиться при таких обстоятельствах, тем более, что были праздники и Общество Шооценрия было закрыто. Григоревича найти никак нельзя, деньги же нужны были немедленно. Тогда Ге. Мисофонт, я еще не которые, собрали необходимую сумму, в ту же минуту

не даешь». Играть днем—самого себя совѣстно, да критикъ и картинн. Такии образы я остался какъ ракъ на мели. Думаю, впрочемъ, о разныхъ важныхъ матеріяхъ самыи неважныи образы».

«11-ю августа 1873 г. Окончилъ и сдать картину великому князю Владимиру Александровичу. Его Высочество остался очень доволенъ и заказалъ еще 4. Какъ разлетаются всѣ мои планы! Теперь я должень буду работать безъ увлеченій, безъ желанія даже: картини эти скорѣе фрески; онѣ назначаются для шпирля. Кончить должень къ 24 декабря. Сколько ни стараюсь, не могу отказаться отъ этой работы, потому что не могу ничего сказать въ свое оправданіе, а лгать не хотѣлось. Съ грустью смотрю на начатыи мною работы, видя невозможность кончить ихъ».

Кончить ихъ ему было и несуждено. Этотъ заказъ дорого ему обошелся.

Съ осени 72-го года начинаются страданія. Болѣзнь усиливается, обстоятельства складываются самыи невыгодныи образцы, и, вѣроятно, до смерти, Васильевъ уже не сдѣлалъ почти ничего. Въ сентябрѣ нѣсаясь онъ получилъ изъ Петербурга одно письмо отъ Григорьевича, на конвертѣ котораго стояло: Федору Викторовичу Васильеву, внутри же письмомъ начиналось правильно: Фед. Алекс. Вообразите его горе, смущеніе, негодованіе, даже ужасъ. Зачѣмъ это было сдѣлано?—Не знаю; но только я получилъ письмо отъ него чрезвычайно тревожное. Онъ полагалъ, что Анаденія что-нибудь узнала, огласила, что теперь изъ Петербурга слѣдуетъ ходить между всѣми знакомыми и незнакомыми. Словомъ, для него это былъ ударъ очень чувствительный; хотя причинъ къ этому не было никакихъ; дѣло его стояло въ томъ же положеніи, шла переписка объ экзаменахъ, и рѣшительно нигдѣ ничего не было извѣстно. Конечно, все это понятно; главная причина тревоги—его молодость. Проси меня узнать, что и какъ, онъ пишетъ: «Все это можетъ показаться глупости, пошлости, чѣмъ угодно; но не для меня, которому это такъ давно надоѣло. Конечно, если нельзя ничего сдѣлать, то пусть ужъ это канетъ въ вѣчность; но только бы узнать, наконецъ, навѣрное и не быть въ самомъ отвратительномъ положеніи человѣка, ниспавшаго между небомъ и землею, безъ ислой точки опоры. Здоровье мое, въ послѣднее время, не знаю почему, ухудшилось, даже боитъ немного болить, хотя опаснаго ничего нѣтъ». Эта фраза «опаснаго ничего нѣтъ» встрѣчается у него постоянно, до самой смерти.

Заказъ, сдѣланный ему великимъ княземъ, безпокоитъ его ужасно. Относясь серьезно къ своему дѣлу, онъ считалъ необходимымъ приготиться: нужно было изучить нѣкіе Императрицы, чтобы выбрать четыре картины, нужно было сдѣлать этюды, а время шло, онъ болѣлъ, деньги

Общество ему высылало неаккуратно, въ послѣднее же время даже и вовсе прекратило. «Этотъ новый заказъ, отъ котораго я не могъ отдѣлаться, не позволяетъ мнѣ ничего предпринять», — пишетъ онъ: «и Общество кажется считаетъ себя въ правѣ препратить высылку 100 р., безъ которыхъ моя жизнь въ Ялтѣ невозможна».

Все это, взятое вмѣстѣ, навѣрно даже его характеръ, и изъ этого, веселаго и остроумнаго мальчика, сдѣлался раздражительный и придричивый. «Осень у насъ начинается, а съ нею какое-то тошнотливое одиночество и хандра. Хандра теперешняя нисколько не похожа на ту, которую ужъ вы за мной знаете. Это что-то такое зрѣлое, что съ боизыиою — начинаешь думать о ея долгомъ продолженіи, можетъ быть безконечности». «Я начинаю спокойно смотреть и привыкать къ моему продолжительному отсутствію изъ Петербурга. Такъ долго здѣсь живу, такъ медленно плетъ починка моего организма, такъ ожесточенны противъ меня какія-то неизвѣстныи силы, что нѣтъ никакой охоты брать приступовъ, шагъ за шагомъ, свою свободу, — да и къ чему? Не подумайте, что это упадокъ духа, безхарактерность: нѣтъ, характера и силы хватить у меня навсегда, это больше всего похоже на устновное разочарованіе, которое боишьиося провѣрить, не ожидая ничего хорошаго. Странно, что я еще такъ мягокъ съ людьми, какъ и прежде, когда никакіи черныи мысли, никакіи подозрѣнія не гнѣздились во мнѣ. Можетъ быть это будетъ исходной точкой моихъ страданій. Ахъ, Н. П., много на свѣтѣ болѣзней, много нужно докторовъ и времени, чтобы унять сплюснныи стоны, необъятныи страданія! Какъ сирому еще и то, что я превращаюсь въ какой-то аппаратъ, въ которомъ, кромѣ страданій, ничего не можетъ отражаться. Можетъ быть, я дѣйствительно только неспособенъ видѣть свѣтлыи картинъ, можетъ быть онѣ и есть, да но устройству моего мозга проходить незамѣченными, не отражаются. пейзажисты бываютъ двухъ родовъ: первый родъ происходитъ изъ бездарностей, историковъ и жанристовъ, немогущихъ охватить человека, какъ сложную задачу, а потому бросающихся на болѣе легкое, какъ нѣтъ кажется: на камни, деревья, горы и т. д.; другой родъ — люди, имущіе гармоніи, чистоты, святости: — эти новольно становятся поклонниками природы, не находя ничего полнаго въ человѣкѣ, этомъ вѣдкѣ творенія».

По случаю невывсылки денегъ изъ Общества, была и переписка, и объясненіе. Привожу вамъ для характеристики одно его письмо къ Д. В. Григорьевичу. Судите сами.

«20-ю октября 1873 г. Милостивый Государь Дмитрій Васильевичъ. Я вообще усматриваю изъ нашей переписки одно очень важное обстоятельство—это полную неопредѣленность моихъ отношеній къ Обще-

ству, и наоборот. Сознывая ясно, что Общество неправильно смотрит на свои ко мнѣ обязанности и на мои къ Обществу, я не нахожу возможнымъ, безъ ущерба для моей честности, молчать долѣе, какъ бы пользуясь темнотою дѣла въ свою пользу, и потому откровенно долженъ сказать вамъ, какъ я на все смотрю. Я — это лотерейный билетъ, но которому Общество проиграть можетъ скорѣе, чѣмъ выиграть; и вотъ почему. Если я — билетъ пустой, то Общество проигрываетъ и материальному, и нравственную сторону въ этомъ дѣлѣ; если же я — билетъ съ номеромъ, то Общество выигрываетъ только въ нравственномъ отношеніи. (Нужна ли ему эта нравственная сторона?). Если вамъ, Д. В., не приходили эти мысли въ голову, то пусть придутъ. Я съ своей стороны могу сказать, что это единственная вѣрная точка зрѣнія, и Комитетъ Общества не долженъ смотрѣть на съ какой другой, потому что всякая другая — ложная. Только при такомъ взглядѣ на дѣло возможно выигрывать обѣихъ сторонъ; только при такомъ направленіи дѣятельности Общества эта помощь принесетъ благотворные результаты; всякая же другая точка зрѣнія спутаетъ дѣло, будетъ тормозить и парализовать какъ одну, такъ и другую стороны. Если жѣ разъ Общество меня отбѣгло, если разъ оно вызвалось само помогать мнѣ, то должно отнестись къ этому нелегкомысленно и не поручить дѣла разнымъ сомнительнымъ и ограниченнымъ. Мои обязанности: настоящее учение, усовершенствованіе и честное пользованіе великодушіемъ предложеннымъ. Если я не то, что Общество создало въ своемъ воображеніи, если я не возвращу десятку талантами больше — Богъ насъ разсудитъ. Никто, однако, не знаетъ конца».

«Вотъ какую кудючонку я посылалъ Д. В.! А вѣдь, въ сущности, и въ этомъ письмѣ нѣтъ ничего ужаснаго, даже совсѣмъ наоборотъ. Вѣдь же могу же я смотрѣть на все такъ, какъ смотритъ Д. В. Мнѣ нужно знать напередъ, а не жить день за днемъ, часъ за часомъ. Если я буду такъ жить и такъ думать, то чрезъ нѣсколько времени окажется, что я заботился о подметкахъ, заплаткахъ на штани, о томъ, гдѣ продается модное русскій холстъ, или о томъ, нельзя ли у кого разжиться старыми обтрепанными кистями; и окажется, въ концѣ концовъ, что я самъ обтрепанная кисть, которую надо скорѣе выкинуть и выкинуть безъ сожалѣнія. Это все разсужденія на веселую тему, т. е. мнѣ очень хочется поддержки отъ людей, чтобы ужъ не очень тяжело досталось искусство и жизнь. Но въ противоположъ случаѣ, т. е. если Общество, испугавшись моей атаки откровенностью, откажется мнѣ помогать, какъ я хочу, то я докажу мнѣ, что иногда одна личность, одна единица носить въ себѣ силы и могущества болѣе, чѣмъ тухлая сборище массы людей. Еслибы вы знали, какое нервное состояніе! Я бы готовъ все бросить, все — и искусство, и здоровье,

чтобы сейчасъ, сію минуту быть въ Петербургѣ и отвести душу!.. Но это должно пройти, это нервное состояніе, пройти, потому что нѣтъ возможности улетѣть отсюда, нѣтъ силъ, которая перенесла бы меня сейчасъ. Стараюсь подавить въ себѣ это желаніе... подавить до другого раза, а такъ еще до другого и т. д.»

Приножу еще одинъ отрывокъ изъ того же письма, въ которомъ есть интересный оцѣнъ наблюденія надъ самимъ собою въ области психологич.

«Для того, чтобы написать самое необходимое, не хватить чѣмъ жить! О чемъ же писать? Какой мысли, слову или желанію отдать предпочтеніе? Какая изъ нихъ такъ богата, такъ многозначительна, что дастъ облегченіе, веревка на бумагу? Нѣтъ ихъ! Общій грузъ такъ великъ, что не оумишишь отсутствія десятокъ мыслей, тысячу словъ! (вотъ, точно изъ Гамлета!) Вотъ вертится въ головѣ какой-то мысль... о чемъ это?... да ловлю, ловлю... о томъ, отчего на дружбу и любовь дѣйствуетъ разлука... вотъ опять туманъ, изъ котораго выглядываютъ такіе отрывки этой мысли, что невозможно составить понятіе о чѣмъ. Ну, да это не беда, придетъ, когда нужно, вся чѣмъ. У меня такъ голова устроена! Впрочемъ, я не знаю устройства другихъ головъ, а потому мнѣ моя и можетъ показаться оригинальною. Попытаюсь описать ея устройство и буду очень радъ, если вы эти строки о головѣ будете читать въ то время, когда у васъ будетъ безсонница, которая мигомъ пропадетъ, — такъ велико чѣмъ-то дѣйствіе этого описанія. Ну, засымайте! Начинаю! Я, напримѣръ, не могу читать долго и толково, про себя или вслухъ, потому что мозгъ ни на минуту не останавливаетъ своей работы, и во время занятія отбѣляетъ только половину себя для слушанія, другая же постоянно работаетъ самостоятельно. Но и этого мало: вдругъ эта самостоятельная половина хватается, ни съ того ни съ сего, другую половину — слушающую, и заставляетъ ея работать вмѣстѣ съ собой надъ чѣмъ-нибудь такимъ, что ничего не нѣтъ общаго съ книгой. (Глаза еще ничего не знаютъ и прилежно ходятъ по буквамъ; но такъ странно, что мнѣ всегда накладываютъ муку, одурявшихъ отъ мыслями, — и матаются по тому же мѣсту, гдѣ лежатъ эта злосчастная бумажка). Но всегда есть нѣсколько мгновеній борьбы, прежде, чѣмъ ласкающая сторона уступаетъ, а уступить всегда она. Или еще и такъ бываетъ: думаешь, напримѣръ, о чемъ-нибудь, хорошо знакомомъ, извѣстномъ до послѣдней возможности; все идетъ прекрасно, послѣдовательно... но вдругъ нападаетъ какой-то столбнякъ, прежней работы объ извѣстномъ и слѣдъ простылъ, сдуло куда-то, и такъ далеко, что и изъ памяти пропало; стоишь и ничего не понимаешь, но чувствуешь, что это тамъ поэты что-то затѣли. Пройдетъ нѣсколько мгновеній, и снова владѣешь разсудкомъ. Ну что тутъ, кажется, интереснаго, — писать

столяник и кончено! Нѣтъ, проходит известное время, и опять, посреди какой-нибудь мысленной работы, случается такой же переворотъ въ мысляхъ, которые начинаютъ устраивать какую-то мысль, совершенно новую, но выбѣсть съ тѣмъ какъ будто и знакомую, какъ будто когда-то давно приходившую въ голову. Начинаешь припоминать, и доходишь до того положения, когда случился со мной столяникъ.

«Дальше воспоминанія не хотѣть идти, какъ будто желая, чтобы человѣкъ хорошенько всмотрѣлся въ этотъ столяникъ. Всмотрѣвшись, вспоминаешь, и начинаешь видѣть, что столяникъ этотъ есть ничто иное, какъ колебѣль этой знакомой будто бы мысли, которую окупилъ только сегодня, только сегодня отказалась послѣдняя бузѣ, безъ которой не составлялось мысли. Тогда, во время столяника, эта только что родившаяся мысль была до того новой, что ее смысла нельзя было найти; она только на ничтожную часть мозговъ произвела тончайшее впечатлѣніе, поэтому и вышло, что, другимъ словомъ, крошъ столб.... Сигте?... просыпайтесь, довольно, больше не буду. А и въ самомъ дѣлѣ, не буду: 1/2 первого нечи, и мнѣ давно спать пора!»

И это писалъ мальчикъ 22 лѣтъ!

Заказъ, иринятый имъ отъ великаго князя, не подвигался между тѣмъ. Нужно было дѣлать этюды, обозрѣвать мѣсто, а въ Ливадіи безъ особаго разрѣшенія не всюду пускали. Пока Васильевъ добился разрѣшенія, Императорская фамилія уѣхала, и разрѣшенія стало не нужно. Времени тѣмъ не меньше осталось такъ мало, что Васильевъ долженъ былъ предложить, вѣдѣсто указаннаго, написать что-либо другое. Это другое ему было разрѣшено написать, а именно: видъ съ балкона новаго дворца Императрицы. Самое скучное и казенное. Въ ужасѣ отъ антихудожественности задачи, онъ протянулъ еще время, и хотя написалъ къ сроку, но написалъ мѣсто большое, скучное и совсѣмъ плохое. А болѣзнь между тѣмъ все развивалась да развивалась, пока онъ не слегъ. Я бы могъ привести еще много отрывковъ изъ его писемъ, но полагаю, что того, что я сдѣлалъ, уже достаточно, и потому я хоторолось дойти до конца. Вы, Николай Александровичъ, теперь имѣете все-таки поводъ объ этомъ писать. Да, наконецъ, для нашей дѣли этого и не нужно, хотя болѣе десятка писемъ остается и не цитированныхъ. Ко всему неурядицѣ, что Васильева окружало, приписывались еще какіе-то скучные намеки въ письмахъ къ нему всѣхъ знакомыхъ, которые, видѣвъ видомъ болѣзнованія, сообщали ему различныя слухи, что вотъ тотъ-то о васъ такъ выразился, такъ-то вами не доволенъ, и прочее, и прочее; и вотъ онъ пишетъ въ концѣ 72 г.:

«Влагодаря тому, что меня судьба загнала въ Ятту и дѣль узнать отъ меня самого, что я дѣлаю, всѣмъ паршивецъ подозрѣвается меня во

всѣхъ злоумышленіяхъ. Одна бѣда не свалилась съ плечъ, а ужъ стараются навалить новыя. Не могу я подозрѣвать и думать, что это изъ зависти къ моему только что возмывшемуся, только чуть-чуть, однимъ уголку, показавшемуся таланту. Если я пойду впередъ, то ужасъ беретъ за будущее. Что же будетъ, когда я сформируюсь? Вѣдь что я теперь? Ничтожность, едва замѣтная, и уже нѣтъ покоя отъ всѣхъ пакостей! Горькое беретъ раздумье! Неужели никогда не найду отдыха? Слѣбно и больно взирать на мѣръ Воші! Всподу трибуны, всюду съ одушевленнымъ взоромъ, съ раздутой истинами грудью, возмываются ораторы, — великіе люди, друзья человѣчества; всюду ликование! Прослѣбленные толпы волнами движутся отъ паровыхъ машинъ къ исполненнымъ орудіямъ, отъ мугловъ къ нитральсамъ... Хоронъ гремитъ изъ одного конца свѣта въ другой: «Да здравствуетъ XIX-й вѣкъ!» Поетъ этотъ гимнъ вчера раздавленный французъ, поетъ этотъ гимнъ раздавленный дѣльный народъ ирусскъ...»

Вообще надобно сказать, что Васильевъ былъ одной изъ тѣхъ натуръ, которыя не могутъ конаться только въ своей личности, или личности ближнихъ, а всегда, во поведѣ всякаго событія, стараются поднестись до уразумѣнія общаго причинъ. Понадаются ли или нѣтъ въ кѣль, — это вопросъ другой; я говорю о стремленіи натуры и ее свойствахъ.

Въ концѣ 72 года онъ уже почувствовалъ себя настолько худо, что пишетъ: «Я очень подхожу теперь къ Ятѣ и ее обитателямъ; думаю, что еще болѣе подходилъ бы къ Карлсбладу или чему-нибудь въ этомъ родѣ. Скверныя мысли и скверныя предчувствія! Крошъ того, я ужасно мучусь, глядя на свои картины — до такой степени онѣ мнѣ не нравятся... Крайне нуждаюсь въ совѣтахъ людей компетентныхъ, мысленно слышаю всѣхъ своихъ знакомыхъ, но увы! Это тихуха! Вѣдь я два года какъ работаю, не видя ничего, крошъ своихъ работъ!..»

Наканунѣ новаго 73-го года онъ пишетъ слѣдующее: «Скука! А вѣдь было время, когда человѣкъ, одолѣваемый скукою, пустотою, какъ Печоринъ наиримѣрь, многихъ поражалъ, вслѣдъ безъ исключенія нравился... Только бы ново было, поправится наиримѣрь, потому — мода! Какая бы глупая мода ни была, — все равно, — ее участь произвѣсти эффектъ до другой, еще бытъ можетъ болѣе глупой. Завтра праздникъ, разодрѣтся народъ во всѣ свои пестрые лоскутки, еще болѣе переполнятся кабаки, много будетъ выпито и побито за эти дни всего, что держитъ въ себѣ хмѣль, и всего, на чемъ могутъ остаться знаки. Потеряетъ человѣкъ послѣдніе жалкіе остатки способностей, и послѣдніе грони перейдутъ въ руки Мошенъ, Абрамекъ, Юсенокъ! Вы, можетъ быть, думаете, что я съ горечью это говорю? Ничуть! Такъ ведется давно и такъ приглядѣлось все это, что не производитъ уже перваго впечатлѣнія — горя и ужаса! А при-

рода кругомъ вѣчно прекрасная, вѣчно юная и... холодная! Впрочемъ, не всегда она держитъ за собою это послѣднее качество; я помню моменты, глубоко възвѣсившіе мнѣ въ память, когда я весь превращался въ молитву, въ восторгъ и въ какое-то тихое, отрадное чувство со всѣмъ и со всѣми на свѣтѣ. Я ни отъ кого и ни отъ чего не получалъ такого святаго чувства, такого полнаго удовольствія, какъ отъ этой холодной природы. Да будетъ она благословенна, хотя люди и говорятъ, что ни дурного, ни хорошаго ей приписывать нельзя. (Сатира, или нераль—смыслъ этого шего)?...»

Мы, вѣроятно, забыли, что Васильевъ почти никогда не пропускалъ случая, послѣ лирическихъ моравовъ, кончать сарказмомъ, чтобы не подумали, что онъ сантиментальничаетъ. Признакъ натуры нежданный.

Въ слѣдующемъ письмѣ, 28-го января 1873 года, онъ выражается уже такъ о себѣ: «Я съ необыкновенною быстротою лезу въ какую-то холодную и глубокую бездну, и не знаю, чѣмъ найду на днѣ ея. Опять начинаю хвора́ть; но не думаю, что это отъ меня зависитъ. Мнѣ кажется (и гораздо болѣе, чѣмъ кажется), что здоровье мое ушло куда-то, и никогда не вернется, даже на столько, чтобы не мучиться по крайней мѣрѣ. Я совершенно забылъ омушомъ здороваго человѣка».

«3-го апреля 1873 г. Какъ скучны, какъ однообразны дни, хотя они совершенно разнообразны, но не для меня; для меня существуетъ только одно разнообразіе: сегодня докторъ, завтра безъ доктора, послѣ-завтра докторъ, тамъ опять безъ доктора, и т. д.»

«9-го апреля 1873 г. Если Академія не выдастъ мнѣ паспорта, она отниметъ у меня возможность спасти свою жизнь—и только!»

Въ этомъ послѣднемъ письмѣ болѣзнь его отразилась даже на почеркѣ: изъ энергическаго, размашистаго и твердаго (хотя и нежнаго)—онъ сдѣлался разслабленнымъ, старческимъ. Въ рукахъ у него появились постоянныя судороги. Чувствуя близко развязку, я просилъ его, наконецъ, приѣхать въ Тульскую губ., гдѣ мы (я, Шинкинъ и Савицкій) думали провести лѣто; и такъ какъ своевременно Васильевъ не уѣхалъ за границу, то было уже все равно. Онъ этому очень обрадовался и писалъ, что все время только этой надеждой и живетъ, такъ какъ докторъ ему это обѣщалъ. Но 29 мая 73 года онъ написалъ: «Третьяго дня я спрашиваю у доктора, когда я могу уѣхать? «Вы раньше августа не будете на столько крѣпки, чтобы ѣхать куда бы то ни было, мнѣ неспроста разочаровывать васъ, но это нужно было сдѣлать не сегодня, такъ завтра». Это меня поразило какъ громъ, и я чувствую себя хуже... ну, чему быть, того не миновать, а только у меня на душѣ свернули предчувствія. Кромѣ мёрзости, бѣды и болѣзней,

на меня въ Крыму не упало ни одного свѣтлаго луча! Развѣ только завѣсились передъ натурою, только съ грандіозностью и красотой достигающихъ счастливыхъ минуты. Въ настоящій моментъ я нахожусь еще разъ въ отчаянномъ положеніи. Представьте себѣ, завтра нужно съѣзжать съ квартиры; безобразно набавили на лѣто, а другой квартиры, хотъ разорился, нѣтъ! Я, больной до крайности, извѣздитъ всѣ дачи,—дешевле 800 р. за лѣтніе мѣсяцы—нѣтъ! Боже мой, да что же мнѣ дѣлать? Откуда же я стану доставать деньги, больной? До настоящей минуты ни одной квартиры, ни одной дачи не знаю, и что будетъ—не понимаю... Вѣроятно придется заплатить 800 р. за три жарившихъ комнаты. Что мнѣ дѣлать съ деньгами? У меня долгу въ Ялтѣ до сегодняшняго дня 1882 р.: да вѣдь и до августа жить надо, и платить за дачу? Что же это такое наконецъ? Я просто, кажется, скоро съума сверну,—жутко, больно, да и давно ужъ это терпѣть приходится... Нанимите, пожалуйста, можно ли будетъ нѣтъ доктора черезъ каждыя два дня? Это главное условіе. Здоровье мое серьезно плохо, и мучаться, очертя голову, глупо, и еще глупѣе черезъ недѣлю вернуться назадъ».

«25-го июля 1873 г. (последнее). Еслибы вы знали, какъ худо вѣзному другу! Здоровье же мое—не знаю, кого и что благодарить—уже не плохо, а жизнь моя въ опасности, если я не отдѣлаюсь отъ всего меня гнѣзжащаго, и не уѣду за границу. Жду Боткина; онъ рѣшитъ мою участь окончательно! Непріятности постоянны, въ долгу кругомъ, жизнь дорога до невообразимаго: 250 р. долженъ приготовить въ мѣсяцъ, а не работаю уже 6 мѣсяцевъ! Да что тутъ, все можно сказать однимъ словомъ: денегъ нѣтъ и взять ихъ не откуда, и нѣтъ никакого вида, чтобы уѣхать за границу, еслибы и уняли мѣшки золота съ неба. Если у меня не будетъ денегъ и вида, зимой у меня разовьется хохотка непремѣнно, и въ самой сильной степени, потому что для этого все готово! И все-таки думаю, что судьба не убьетъ меня раньше, чѣмъ я достигну цѣли. Можетъ она сдѣлать наоборотъ... ну, что-жъ дѣлать—рано родилась! Во всякомъ случаѣ, я думаю, что помогу мнѣ человекъ, нѣтъшій возможность поночь, я наизусть выздоровѣю! Да, въ Академіи все конечно! То есть, не смотря на мои просьбы, я—почетный вольный общникъ, и конечно! Что я буду дѣлать! Видно достать я не могу ни откуда, брать же мѣщанское свидѣтельство—это исторія старая, да и на это понадобятся и адвокаты, и Богъ знаетъ сколько денегъ! Со всѣми этими дрязгами я боюсь помышлять! Да у меня уже начинаютъ являться разныя странности. Помните!.. У меня это единственная отрада; но самъ я не могу обманывать писать, какъ писалъ прежде! Я удивляюсь, какъ я столько написалъ».

8-го сентября 73 г. я получила телеграмму о томъ, что Васильевъ умеръ.

Послѣ его смерти, долговъ осталость больше 5,000 р. Все было по-крыто распродажею этюдновъ, рисунковъ, картинъ; словомъ, онъ расплатился честно.

Если помните его посмертную выставку, которая вся была распро-дана въ теченіе одной недѣли, даже до открытія ея публикѣ.

Половина матеріала изъ его писемъ еще осталась метронутомъ; но для вашей цѣли, молагаю, этого слишкомъ достаточно.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CLXXVII. Къ П. М. Третьякову.

Августъ 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что не тотчасъ от-вѣтилъ о полученіи присланныхъ 500 рублей, но я рассчиталъ, что Сер-гей Михайловичъ будетъ въ Москвѣ скорѣ моего письма, а потому... не все равно, оно мало извинительно. Я такъ принялся работать, что, нѣко-торымъ образомъ, забылъ о портретахъ, которые все еще не кончены; всѣду остались кончики:—тамъ борода и руки, тамъ фартъ, тамъ вообще голова еще не кончена, а тамъ—словомъ, вездѣ кое-что найдется. Но я оставляю до тѣхъ поръ, пока заказчики не разсердятся, и работаю въ мастерской. Видѣлъ я Рубинштейна, и согласенъ совершенно съ Сергѣемъ Михайловичемъ, что если писать, то надо моториться, иначе онъ, по-жалуй, потеряетъ глаза: уже и теперь одного почти нѣтъ, и потому я ду-маю его начать въ тѣ дни, когда я бываю у Екатерины Михайловны, въ Ораніенбаумѣ, и я думаю, что, чего добраго, будетъ толкъ, такъ какъ я его писать намѣренъ во время его работъ, въ его кабинетѣ музыкальномъ. Это вполне отвѣчаетъ тому, о чемъ мы говорили. Чтобы не забыть, Не-красовъ просилъ меня узнать отъ васъ, что бы вы сказали, еслибы онъ предложилъ намъ купить у него картину Гё: «Пушкинъ въ селѣ Михай-ловскомъ»? Однимъ словомъ, и васъ и меня, кажется, порядочно желаютъ эксплоатировать гг. литераторы: для одного я долженъ сдѣлать портретъ жены, для другого коню, и все это... даромъ!

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

А рава Верецагина, говорятъ, принимаетъ дурной оборотъ! Вотъ вѣдь человекъ! Жалко, ой-ой какъ жалко!

CLXXVIII. Къ нему же.

18-го августа 1877 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы угадали. Я все раздумываю, что же мнѣ это дѣлать? Какъ мнѣ быть съ Некрасовымъ? Гдѣ я возмужу раслатиться за нѣкоторыя вещи. Да еще дернула меня нелегкая посылать квартиру, а нельзя было ни поправить, насъ въ ней одѣлили разными наѣдомьями—клоями (извините за откровенность). Никакия волумѣры не помогали, и нужно было радикально. Всего хуже то, что унѣ домъ та-кой: наводзаетъ изъ сосѣднихъ квартиръ. Словомъ, уклониться отъ обя-занности было невозможно, а домохозяинъ никогда на себя не беретъ по-прамку. Спасибо, хоть не набавляетъ. Николай Алексѣевичъ Некрасовъ прислалъ только 350 рублей и за... обалъ очень странно, тогда какъ я сказалъ Щербатову, который копировалъ, что я думаю—не меньше 200 рублей за каждый, да я самъ возился больше недѣли. Чудесный на-родъ бывають эти литераторы. Я замѣтилъ, что они похожи на поповъ. И прислалъ только вчера. За мотвореніе портрета Императрицы раньше октября не принусь, никакихъ работъ не дѣлаю и не иринимаю, и стало быть... Если унѣ вы настолько внимательны, то иршлите... 1000 рублей. Я унѣ и не знаю, сколько же это будетъ долгу, надо сосчитать. Работа въ мастерской каторжная, нѣкоторыя передѣлки. Даже въ Ораніенбаумѣ не ѣзжу, и, стало быть, Рубинштейнъ отложень. Серека немнѣжно при-хворнулъ. Судя по дѣлу, боюсь, что въ Москвѣ не буду этотъ годъ.

И. Крамской.

CLXXIX. Къ нему же.

30-го августа 1877 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы хотѣли прѣхать въ Петер-бургъ, въ первыхъ числахъ сентября, чтобы уговориться, когда кончить портретъ Вѣры Николаевны. Не я думаю, что вы, можетъ быть, захотите увидать и картину *), а потому я хочу довести до вашего свѣдѣнія, что картину я вамъ показать въ настоящую минуту не въ состояніи, а видѣть ее можно только въ послѣднихъ числахъ сентября, или въ первыхъ сеп-тября мѣсяца. Черезъ недѣльку увидить ее первый человѣкъ—моя жена, и за-тѣмъ, никто больше. Немнѣжно въ настоящую пору у меня идетъ жаркое дѣло: изъ ночи передѣлывается утро, когда уже совсѣмъ свѣтло, и

*) Христеся на дверѣ у Пшмента.

Ред.

даже взошло солнце. Такъ необходимо. И растаялъ съ огнемъ потону, что именно эта сцена не могла происходить ночью. Да я и не жалю. Смысл картины вамъ достаточно извѣстенъ, остается сообщить названіе. Для него мною выбрано евангельское выраженіе: «Радуйся, Царю Іудейскій!»

Работаю странно, какъ еще никогда, съ 7-ми, 8-ми часовъ утра вплоть до 6-ти вечера. Такое усиленное занятіе не только не заставляетъ меня откладывать дѣло, а напротивъ. Часто отсчитываю минуты высокаго наслажденія. Можетъ быть, результатъ и не оправдаетъ моихъ ожиданій, но ужъ прощусь работѣ художественныхъ трудовъ. Уже три мѣсяца, какъ я работаю, но съ особымъ напряженіемъ и наслажденіемъ $1\frac{1}{2}$, и съ ужасомъ поминую о томъ времени, когда надо будетъ воротиться къ своимъ обычнымъ занятіямъ:—портретамъ. Я испытываю это чувство, посѣвъ первой картины, и помню, какъ мнѣ было больно приниматься за механической трудъ, но теперь на меня просто находить ужасъ. Но какъ бы то ни было, чего бы это мнѣ ни стоило, а раньше конца я не примусь ни да что. Кожегъ же наступитъ тогда, когда получится выраженіе ужаснаго хохота. Останутся археологическія детали, не имѣющія уже цѣны и не представляющія собою содержанія. Я понимаю, что многія детали очень важны, что онѣ дадутъ фязіонмію, но онѣ у меня и есть уже: я говорю просто о ремешкахъ, узорахъ и тому подобнымъ бездѣлкахъ. Портретъ Самарина для Дуны въ сентябрѣ вышло; онъ у меня почти готовъ, и какъ только въ квартирѣ устроится все, такъ я его и вытаску на свѣтъ Божій.

Глубоко уважающій васъ И. Крамскій.

Вѣрь Николаевъ! кланюсь я и жена моя, которая перебрала наконецъ съ дачи, такъ что у меня теперь и воскресенье не пропадаетъ.

CLXXX. Къ нему же.

11-го сентября 1877 г., Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. По мнѣю того, какъ двигается картина, я все больше и больше начинаю трусать. Когда она не реализовалась еще, увѣренность въ томъ, что содержаніе ей стоитъ того, чтобы работать, была несокрушима. Также точно было вѣреложно мое настрѣненіе не показывать ее никому до конца. Но теперь, когда эта рѣшимость приводитъ мною въ исполненіе, и когда вся тяжесть ответственности ложится только на одного меня (какъ будто въ другомъ случаѣ ответственность можетъ быть дѣльна!), мнѣ становится нутко. И такъ, становится необходимо хотъ кому-нибудь показать и посоветоваться. Странно. Показавъ теперь жетъ даже не могъ, все еще кажется, что подождать надо. А тутъ еще вы употребили (можетъ быть починно) выраженіе, что для васъ

видѣть мою картину будетъ событіе. Мнѣ было бы легче, еслибы вамъ слово это было употреблено безъ умысла; если же вы и въ самомъ дѣлѣ такъ думаете, то... я ужъ и не знаю, что со мной будетъ. Я поинимаю очень хорошо, что всѣ приготовленія мои къ ней носятъ на себѣ какой-то чуть не торжественный характеръ: ѣздить за границу, строить нарочно мастерскую, вѣять разгѣры въ 8 аршинъ... все это такіе атрибуты, что заставляють другихъ ждать, и вдругъ... вѣдь это ужасъ! Думаю, что я, можетъ быть, и съ этимъ слажу; т. е., убѣдившись, что это не то, что нужно, я спокойно перенесу это неудачу, при условіи, чтобы никому ее не показывать, кромѣ 2-хъ, 3-хъ лицъ, кому я довѣрять могу, и довѣрлю, и которая, точно также какъ и я, смотрять на это — то есть просто. «Вотъ, гг., что я думалъ, вы знаете, а вотъ что я сдѣлалъ—скажете: есть тутъ то, что нужно? Только (въ виду важности дѣла) безъ утайки!» Думаю, что два человѣка скажутъ это безъ утайки. Разъ найдутся такихъ два человѣка, я могу спокойно уничтожить картину, сломать мастерскую, и дѣло кончено. Я еще пока не сумасшедшій, и такое вѣщаніе не сочтутъ меня, омытъ-таки, если оно не будетъ осплавлено. Въ другомъ случаѣ мнѣ будетъ очень стыдно.

Извините, ради Бога, что я все письмо занялъ собственной персоной. Портретъ Самарина для Дуны — конечно и я все сдѣлаю, какъ вы просите: то есть, фотографіи Аксакова вышло.

Уважающій васъ И. Крамскій.

CLXXXI. Къ нему же.

21-го сентября 1877 г., Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Ваше письмо значительно помогало мнѣ возратитъ самообладаніе. Я находился, дѣйствительно, нѣкоторое время въ возбужденномъ состояніи, и этимъ (и только этимъ) можно себѣ объяснить, что я такъ принялъ ваше выраженіе: «событіе». Теперь мнѣ даже нѣсколько совѣстно, что я допустилъ себя, хотя на минуту, толковать такъ ваше выраженіе, и придавать ему такой смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ—думать такъ, какъ я думалъ, даже забавно. Теперь я спокоенъ, то есть, спокойно работаю; показывать комунибудь то, что я дѣлаю, во всякомъ случаѣ еще рано, хотя композицію (выдѣленную) показать готовъ, и показывать уже, — но такъ какъ отзывъ о ней оказался уже безъ всякой критики и замѣчаній, то я усомнился въ томъ, что дѣйствительно ли находится на лицѣ то выраженіе, которое быть должно? Словомъ, ничего особеннаго не случилось, и я работаю, какъ ни въ чемъ не бывало. Ко-

нечно, если бы сказали, что это не хорошо, то мне было бы прискорбно, но и уверенности, что это действительно родится, я не зачеркнул. Из этого видно: какое странное создание человек.

Портрет Самарина, для Дуки, я стараясь выслать к воскресенью, ящик не будет готов раньше, а с ним и фотографии Анскакова, о которых вы писали. Портреты ваши я к сожаленью, кончить не могу, прошу у вас снисхождения. Конечно только один Некрасов; Самарин же и Анскаков еще, впрямую, протянутся к зиме. Это всегда так: с добычи и снисходительными людьми поступают не меркантильн, а я не исключение. Доказательств слишком много, чтобы на них указывать. Устройство нашей выставки отодвигается на великий пост, так как теперь время очень неприличное для выставок вообще: война поглощает все общественные интересы, и мы рублин подождаем, не возмущу ли хотя Плевакин к тому времени, чтобы общество немножко отдохнуло и способно было чем-нибудь интересоваться другим.

Жалко, что своевременно не сделали свою мастерскую несколько теплее — теперь надо принимать икототы жары. Хотя и не мог бы в сущности ничего делать солидного, под страхом приказаний сломать, и не знаю и теперь, можно ли оставить до декабря. Надяны узнаю.

Уважаемый брат Н. Крамской.

Уважающий васъ И. Крамской.

CLXXXII. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб. 18-го октября 1877 г.

Дорогой мой Илья Ефимович. Хочу поделиться с вами впечатле-
ниями от портрета Кундижа, который я видел сейчас, будучи у него.
Сказать вам, что это портрет хороший—мало; сказать, что удивитель-
ный—не совсем верно, так как я, зная вас хорошо, не буду удивлен,
что бы вы ни сделали. Я просто скажу, что думаю, и что я испытываю, глядя
на него. Мне уже говорили сам Кундиж, что вы написали его, иоте-
ли с нимали от некоторых, которые видели его, и убеждаюсь, что слыш-
комъ мало людей, действительно и сознательно понимающих, что нужно
искать и желать въ живописи. (Я, значить, понимаю только!) Всё или не
доросли, не созрели, как говорить, или окрѣпли и застыли формы и
приемы их мышления, и ничего нового не выносят. Но это когда-нибудь
до другого раза. И такъ, что вы я испытываю. Этот портрет съ первого же
раза говорить, что онъ принадлежитъ къ числу далеко выдающихся за
уровень. Глаза удивительно живые; мало того, они произвели во мнѣ впе-
чатлѣніе ужаса; они шуршатъ, шевелятся, и страшно, поразительно про-
изводятъ зрители. Кундижъ имѣетъ глаза обыкновенно не такіе: у него

они то, что называют «буржалы», но настоящие его глаза именно эти—это я знаю хорошо. Потомъ, ротъ чудесный, вѣтрный, пронизывающій вместе съ глазами; любъ написанъ и выдѣленъ какъ рѣдко вообще, не между нами только. Словомъ, вся физиономія—живая и похожая. Кромѣ того, фигура—прелестная: это пальто, эта неуклюжая посадка, все, словомъ, замѣчательно передаетъ восточнаго смятучнаго человѣка. Одно, что не обходимо, по моему, вамъ посмотреть, это всю нижнюю площадку носа особенно самый кончикъ. Не думайте, что это не важно: портретъ такого сорта, что это необходимо, рѣшительно необходимо; и, наконецъ, къ вамъ пристану. И потомъ еще, весь дѣтъ волосъ, онъ и сильный и однообразный. Это, напротивъ, не все: кресло рѣшительно къ нему не идетъ, въ его уберитъ и подложите ему бревно, камень, скамейку, что хотите, только не кресло. Убѣдившись въ томъ, что вы сдѣлали чудо, я изобразилъ на стулѣ, чтобы посмотреть нунки, и... привсталъ, руки у меня опустились.

Въ первый разъ въ жизни я вознаблюдвалъ живую человѣку, но не той недостойной завистью, которая искажаетъ человѣка, а той завистью, отъ которой больно и въ то же время радостно; больно, что это не я, такъ сдѣлалъ, а радостно—что вотъ же оно существуетъ, сдѣлано, стало быть идеаль можно схватить за хвостъ. А тутъ онъ свачеетъ. Такъ написать, какъ написаны глаза и любъ, я только во снѣ вижу, что дѣлаю, но всѣмъ разъ, просыпаюсь, убѣждаюсь, что вѣтъ во мнѣ этого пера, и не мнѣ, бѣдному, выпадаетъ на долю удовольствія принадлежать къ числу новаго, живаго и свободного искусства. Ахъ, какъ хорошо! Еслибъ вы только знали, какъ хорошо! Видѣ я самъ хотѣлъ писать Кундины, и давно, и все старался себя пригнотвить, рассердить, но послѣ этого я отказываюсь. Кундинъ есть, да какой! Вотъ вамъ! Скажу еще нѣсколько мыслей—о васъ. Я до очевидности ясно понимаю (то есть, думаю, что понимаю) процессъ вашей работы: вы не хозяйств своего внутренняго я. Когда у васъ происходитъ горькое, то все, что вы дѣлаете, хващете неискрѣнно высоко: любъ, глаза. Какъ только надо пустить въ ходъ знаніе, опытъ, словомъ, ремесло—у васъ тронень понижается до... волосъ! Примите правиломъ слѣдующимъ испанцамъ—работать только тогда, когда... тогда... ну, словомъ, когда Господу Богу только угодно!

За последние мысли моя о васъ простите великодушно! А какое-то счастье Кундиджи! Вотъ, я вамъ скажу — урожд, прости Господи! Видѣли вы «Хату, въ заходящемъ солнцѣ», и садикъ, и млетень, и все такое? А? На что же это похоже? Напрасно оиъ еще и водичку хочеть сдѣлать, я рѣшительно протестовала. Ай, ай какой оиъ молодець!.. И. Красной.

СЛXXXIII. Къ нему же.

29-го октября 1877 г. Сиб.

Сердечное, искреннее спасибо вамъ за письмо, дорогой Илья Ефимовичъ, и именно за такое. Хорошее письмо, несмотря на то, что вы дѣлаете такое обидное предположеніе объ источникахъ, изъ которыхъ происходятъ мои похвалы портрету Кундики. Въ самомъ дѣлѣ, воображая на минуту, что вы правы: Кундики далъ мнѣ понять, что вы, будто, нуждаетесь въ ободреніи. Какъ я могъ бы написать свой отзывъ въ такомъ случаѣ? Неужели вы считаете меня способнымъ завѣдомо написать ложь, переписать, такъ сказать? Вѣдь еслибы я въ самомъ дѣлѣ имѣлъ недостаточное вѣсть попользованіе ободрять васъ, поощрять, или тамъ еще какое-нибудь пошлое слово вѣсть, то какъ бы я написалъ вамъ? Уже во всякомъ случаѣ нѣкоторыя мысли и выраженія въ моемъ письмѣ не имѣли бы мѣста. Нѣтъ, ваше предположеніе очень далеко отъ истины. Пожалуй я сообщу, какъ было дѣло, и вы, если пожелаете, можете проверить. Мнѣ говорили раньше о портретѣ, и говорили въ тонѣ очень сдержанномъ, что это-декать вещь хотя и хорошая, но ужъ очень «широкая». Самъ Кундика говорилъ просто: «нравится». Когда я пришелъ къ нему, и сталъ разсматривать, и долго молчалъ, то Кундика по добродушію сталъ говорить, что вѣдь это не кончено, да и болѣе былъ человѣкъ, и все такое... словомъ, хотѣлъ какъ будто защищать, еслибы я покусился на критику. А между тѣмъ я молчалъ совсѣмъ по другимъ мотивамъ: я просто увидалъ совершенно нѣчто новое, правда, не приборанное (волоса, конецъ носа, кресло), но до того обаятельное и талантливое, что я радовался только, что вотъ наконецъ-то показалось. Это первое, что я у васъ знаю, хватившее действительно высоко, то есть, именно такъ, какъ, я думаю, нужно. Вы можете относиться къ моему мнѣнію по желанію, можете ставить его во что-нибудь или ни во что не ставить, думать, что я увлекся, преувеличиваю. Все это вы въ правѣ, и это меня нисколько не обидитъ; но вѣдь думалъ же и я кое о чемъ, страдалъ же и я также надъ искусствомъ, вопрошалъ и я боговъ—что такое искусство? И, наконецъ, кое-что и я видѣлъ. Бронѣ того, вотъ уже цѣлая десятъ лѣтъ, какъ впечатлѣнія мои и мысли не измѣняются существенно (доказательство остановившагося развитія), и что мнѣ казалось хорошимъ 10 лѣтъ тому назадъ, то и теперь не терять. Словомъ, мое мнѣніе—не увлеченіе, а совершенно сознательное, и, если хотите, даже холодное умозаключеніе. Тамъ что, если я говорю вздоръ, мое мнѣніе неавѣрно, то, значитъ, я не судья въ этомъ дѣлѣ, и вы не обращайте на это вниманія, но ужъ отъ желанія ободрять васъ—увольте.

Что касается того, что вы не написали вашего мнѣнія о портретѣ Третьяковой, то его и не нужно, давно не нужно. Портретъ я и самъ увидалъ потомъ, и—ужаснулся! Ну, да что тутъ толковать, я знаю—и вы знаете, значитъ, мы оба знаемъ, стало быть о чемъ же разговаривать? Лучше кончу про Кундики.

Когда я сказалъ, что это такое—его портретъ, то онъ обрадовался, говоритъ: «Ну, вотъ я говорилъ, я говорилъ, насилу спастъ, онъ хотѣлъ стереть, ему не нравится, онъ уѣхалъ недоволенный...» И даже и этому не удивился, что совершенно естественно. Но когда вещь на меня сдѣлала такое впечатлѣніе, а я не могъ утвердить, чтобы не высказать, тѣмъ болѣе, что вы хотѣли уничтожить! Что-жъ тутъ ободрительнаго? Въ самый крупный микроскопъ нельзя открыть тѣхъ мотивовъ, о которыхъ вы пишете. Потомъ, невольте спросить, на какомъ основаніи вы думали, что «я долженъ бы былъ бранить его»? Неужели и такой педантъ, что, коли не написано, то значитъ не кончено? Что я самъ мажу и уничтожаю то, что хорошо и горячо, добиваясь выраженія сходства, и терплю живонисъ (если только есть она?), то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я не способенъ быть оцѣнить у другого творчество. И вѣдь я ужъ сколько разъ говорилъ, что это-то и есть мука моя, что я вижу, какъ другіе, позже меня вступившіе на дорогу, пошли дальше, а у меня или крылья обрѣзаны, или заглохъ меня что-то (анализъ, изученіе, или чортъ знаетъ что еще такое!). Видите: я знаю все, что вы дѣлали, но того, что есть въ портретѣ Кундики, я положительно у васъ еще не видалъ. Я предполагалъ, что вы къ этому способны, я вѣрилъ въ васъ, я ждалъ наконецъ, все ждалъ, и... дождался. Теперь это несомнѣнно совершившійся фактъ. Но въ то же время—волосъ меня нугаетъ.

Я рѣшительно не понимаю рода вашей болѣзни; а что вы болѣны—это слишкомъ ясно. Но что-жъ это съ вами? Неужели это разстройство надо отнести только къ нервамъ, которые страшно потрясены у людей, любящихъ искусство и одаренныхъ къ нему талантомъ? Я знаю хорошо, какъ человѣкъ горитъ, когда онъ не механически только водитъ кистью; но я знаю также, что Господь Богъ устроилъ природу художника все же не столько крѣпко, что если ничѣмъ другимъ, кромѣ искусства, волненіе не усложняется, то нужны только отдыхи, чтобы аниматоръ могъ дѣйствовать съ прежней силою.

Что вамъ портретъ*) вамъ принадлежить, это и говорить не стоить, я радъ вамъ его выслать (и скоро вышлю). Вамъ онъ нравится? Чудное, нусть будетъ у васъ, ну а я знаю, что объ немъ думать.

*) Портретъ съ Рѣпина, написанный Крамскимъ.

Про Льва Толстого спасибо: я знаю, что онъ изъ моихъ хорошихъ, то есть, какъ бы это выразиться?.. честныхъ. Я все такъ сдѣлалъ, что могъ и умѣлъ, но не такъ, какъ бы желалъ писать. Ну, а Шинкинъ...*) тоже ничего, я его люблю даже, только онъ... сарай! Знаете, какъ бываетъ хлѣбъ недопеченный... очень хороший хлѣбъ, и вкусъ есть, и сѣмьестъ продукта, а около корочки, знаете, такая полосочка сарого тѣста: ну, оно до желудка и не доидетъ... а, впрочемъ, всякій разъ только обрѣзать стоитъ—тогда ничего. Сознайтесь, что вы обрѣзали около корочки? то, что называютъ у насъ съ «закальцомъ»? Правда?

То, что я теперь дѣлаю, доставляетъ минутъ истиннаго наслажденія, не въ то же время, если бы вы знали, какъ и страшно-то! Ну, да объ этомъ въ другой разъ!

Вашъ И. Крамской.

CLXXXIV. Къ П. М. Третьякову.

20-го ноября 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Со времени вашего отъѣзда я заболѣлъ, и по сей день не бралъ кисти въ руки! Въ настоящую минуту я чувствую уже себя настолько сильнѣе, что, вѣроятно, скоро примусь опять за работу. Дурно только одно, что меня въ мартѣ мѣсяцѣ посылаютъ отсюда на весну, говоря, что на лѣто я могу возвратиться. Ну, да это тамъ увидимъ.

Что касается А. И. Сомова и всемирной выставки, то я рѣшился молчать по этому случаю совершенно, и потому, я уже писалъ своевременно тому же А. И. Сомову, что выбирать не мое дѣло, а лицъ, оставленныхъ свыше для этого; а такъ какъ они суть тѣ именно лица, которыхъ самими высшими начальствомъ указаны, то мы, то есть художники, и обязаны безпрекословно повиноваться. Потому что, вообразите, если бы художники, что вздумаютъ, то и пошлютъ, вѣдь тогда сія господа смисла не имѣютъ? Я не говорю, что комисси не нужно, но правила для руководства сей комисси должны быть другія. Я не буду протестовать, что бы они ни взяли и какъ бы ни распорядились. Даже дамъ подписку въ этомъ. Васъ же глубоко благодарю. Чекъ получилъ. Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

*) Портретъ 1875 г.

CLXXXV. Къ нему же.

7-го декабря 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня, что я такъ долго не отвѣчалъ на ваше письмо. Причина лежить въ томъ, что я въ послѣднее время занятъ былъ и дни и вечера одной статьей, предназначенной для печати, имѣющей появиться во вторникѣ и среду на будущей недѣлѣ въ «Новомъ Времени» объ Академіи. Безобразія, которыхъ имѣть въ настоящее время мѣсто въ Академіи, дошли до тѣхъ размѣровъ, что не замѣчать ихъ нѣтъ никакой возможности, и, каюсь, я выхожу изъ терпѣнія и настроилъ, за что на меня что-нибудь, вѣроятно, обрушится. Время, употребленное мною на писаніе упомянутой статьи, не могло быть съ пользою употреблено ни на что другое, такъ какъ тѣмъ была (и есть) крошечная, и кромѣ того картину переносили изъ мастерской въ Михайловскій дворецъ, гдѣ мнѣ дали пристанище. Сегодня только кончено все, и съ завтрашняго дня я попробую такъ работать. Со времени вашего посѣщенія я не бралъ кистей въ руки; былъ очень нездоровъ, а чѣмъ? Богъ знаетъ. Не знаю, знаютъ ли доктора, вѣроятно знаютъ, но я, конечно, послѣдній, готовый повѣрить опасности, и кому не вѣрю. Просто и сиююкно примусь за свое дѣло, а тамъ, что Богъ дастъ.

Разумѣется, вы имѣете полное основаніе быть недовольнымъ моимъ поведеніемъ, что я не уотребилъ времени на окончаніе тѣхъ портретовъ нашихъ, которые у меня на рукахъ, по сѣмъ увѣрить васъ, что я исполню всѣмъ обязательствамъ раньше какого-либо критическаго положенія, если оно наступитъ. Во всякомъ случаѣ, не браните меня очень, а простите пока (на этотъ разъ).

Искренно и глубоко уважающій васъ И. Крамской.

CLXXXVI. Къ А. С. Суворину.

7 декабря 1877 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Если въ моей статьѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ я говорю, что Академія нашла возможность приносить пользу русскому искусству и съ «этимъ негоднымъ уставомъ», зачеркнуто слово негоднымъ, то прошу его возстановить. (Это передъ концомъ). Я саравился съ печатнымъ отчетомъ 67 г., и нахожу возможнымъ оставить это слово. Оно выражаетъ точно Высочайшую волю, выраженную въ приказѣ по новоду образованія комисси для пересмотра устава Академіи. Кромѣ того, прошу васъ сдѣлать для ясности примѣчанія относительно системы

записания конкурентов на программы для сочинения эскизов, на 24 часа. Въ приписании слѣдуетъ сказать, что эта система всегда практиковалась и практикуется: въ назначенный день программисты собираются въ конференцъ-залъ, имъ объявляютъ сюжетъ, и затѣмъ записываютъ немедленно въ особые кабинеты, чтобы не выходя, были сочинены эскизы, и затѣмъ отступаютъ отъ этихъ эскизовъ не дозволяется. Все это тоже и теперь.

Еще разъ прому извинить за предлоги и сомы, съ которыми я такъ угрюмо обращаюсь.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CLXXXVII. Къ нему же.

15-го декабря 1877 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Благодаря вамъ за похищеніе статьи*). Зная глубокую ненависть ко мнѣ нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ въ Академіи, я желаю только одного: чтобы вамъ лично не было никакихъ неприятностей. Конечно, думать такъ — съ моей стороны значить придавать значеніе такому дѣлу, которое его заслуживать не можетъ. Но такъ, на всякій случай. Одна только въ статьѣ есть поправка правописанія, это когда Буальскій сообщалъ вамъ что-либо изъ анатоміи: отъ, какъ малоросъ, говорилъ часто въстѣи и—и (изъ любопитства), и не въ одномъ этомъ слогѣ, а вообще. Но это, конечно, пустяки. За всѣ другія поправки я вамъ признаюсь. Что касается Верещагина, то упомянуть его нѣ рядомъ съ тѣми, кого я называю, было бы профанацией. Я его не забылъ; а что вы о немъ вспомнили, это мудрено. Я какъ-нибудь къ вамъ ворвусь спустя нѣсколько дней, чтобы, такъ, узнать кое-что, потому что вамъ, вѣроятно придется съ кѣмъ-нибудь вести рѣчь, чего доброго, объ этихъ статьяхъ.

Уважающій васъ Н. Крамской.

CLXXXVIII. Къ И. Е. Рѣшну.

С. П. В. 15-го декабря 1877 г.

Дорогой Илья Ефимовичъ. Радуюсь, что портретъ **) доставляетъ вамъ удовольствіе, а мое здоровье плохо въ самомъ дѣлѣ. Конечно, я послѣдній, готовый вѣрить опасности, но и вѣрить вовсе будетъ неосторожно: въ мартѣ меня отсюда выслаютъ. (Это мнѣ ужъ очень не нравится, потому что картина — тью-гю!) Что касается статьи, то видите ли, я просто не-

*) Судьбы русскаго искусства, имен. въ «Нов. Времени» №№ 645—647. Ред.

**) Портретъ И. Е. Рѣшны, написанный Крамскимъ.

терять терпѣніе: все ждалъ, все надѣялся, все думалъ, не можетъ же такъ идти дальше, вѣдь за что же гибнутъ молодые люди, и я обрадовался изъ Пармы еще къ В. В. Стасову, приглашая его начать войну, такъ какъ Академія поворожденнаго младенца (русское искусство) пеленать не умѣетъ даже, — она его непремѣнно задушитъ. И вотъ, послѣдняя учебная выставка была той каней, которая выступила черезъ край, и я заговорилъ. Чѣмъ же было дѣлать? Судить сами! Прочтете, за многое не похваляете, быть можетъ, но... не могъ, ей-Богу, не могъ выносить долгие. Только чтожъ? Я все-таки знаю, что это будетъ голосомъ въ мушкетѣ, и все-таки не могъ. Я долженъ былъ доставить себѣ лично облегченіе — выругавшись.

Будьте здоровы, и вамъ это нужно, охъ какъ нужно! А вѣдь правда, что искусство (настоящее) требуетъ колоссальнаго физическаго здоровья. До свиданія.

Вамъ Н. Крамской.

CLXXXIX. Къ П. М. Третьякову.

Спб. 17-го декабря 1877 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На этихъ дняхъ мы всѣ здѣсь, члены Передвижной выставки, только что узнали нѣкоторые факты изъ дѣятельности комиссіи по устройству русскаго отдѣла живописи на всемирной выставкѣ, факты, которые, надо сказать правду, возмущали насъ порядочно. Во 1-хъ, комиссія не всѣмъ разослала даже повѣстки, а съ какими-то странными игнорированіемъ многихъ членовъ. Максимовъ, Прянишниковъ, Брайловъ, Микодомъ, Ярошенко по однимъ изъ Клодтовъ не получили даже извѣщенія. Это, положимъ, только невѣжливость, но она получаетъ болѣе серьезный характеръ, когда знаешь, что какіе-то Богачки ихъ получили. Во 2-хъ, картина Максимова «Колдунъ» даже не была назначена, а уже Сомовъ будто бы изилъ ее на свою личную ответственность и страхъ (какъ онъ самъ сказалъ). Объ Шнишкинѣ не позаботились даже узнать, что его слѣдуетъ взять, да и обо мнѣ не особенно снисходительное мнѣніе и дѣйствія были допущены. А самое главное, это невѣжественный принципъ, который комиссія руководствуется: количественное равенство для всѣхъ, по 2 произведенія отъ каждаго, прямо въ ущербъ представительности государства. И въ довершеніе всего, Якобій — единственный комиссаръ отъ художниковъ. Хотя вѣдутъ Сомовъ и Матушинскій, но голосъ между жюри вручается только Якобію, какъ художнику.

Принимая все это въ соображеніе, мы, собиравшіеся сегодня, толковали между собой и порѣшили: написать отъ имени Товарищества въ комиссію

следующее: усматривая, что комиссия незнакома съ деятельностью Товарищества, и будучи несогласна съ самымъ принципомъ общественнаго равенства, мы приняли рѣшеніе собрать сами то, что Товарищество сочтетъ нужнымъ послать, и если комиссия не отступится отъ своего рѣшенія (а это можетъ произойти, такъ какъ, говорятъ, дали мало мѣста), то мы будемъ ходатайствовать передъ министромъ финансовъ объ ассигнованіи небольшой суммы для устройства добавочнаго барака; затѣмъ, путемъ нечести разъяснимъ неправильно понятыя комиссіею свои обязанности, и подвергнемъ критику самую компетентность ея членовъ. И въ концѣ концовъ, если все это уважено не будетъ, то мы объявимъ, что беремъ всѣ свои вещи съ выставки, и веземъ на собственныя средства въ Парижъ, и строимъ добавочный баракъ. Послѣднего, разумеется, мы не говорили и не написали, и уже послѣ собранія, когда всѣ разошлись, мнѣ пришла эта идея, и я рѣшаюсь вамъ ее сообщить, и просить васъ, что еслибы дѣло дошло до такого положенія, оказали ли бы вы матеріальную поддержку? Я понимаю, что даже самая мысль и постановка вопроса вамъ не можетъ доставить удовольствія, но отвѣтите мнѣ просто, я увѣренъ, вы отвѣтите. Лучшее всего, разумеется, было бы намъ вовсе отказаться и не участвовать, а взять свои вещи — и конецъ; но теперь это будетъ уже невозможно: комиссия насъ просто не послушаетъ, а повезетъ вѣзетъ ея, а добавочный нахлѣвъ охъ мирить и опрокидываетъ аргументацію комиссіи. Международная выставка, не смотря ни на что, все же, или подымаетъ, или рождаетъ достоинство государства; переносить на всенародную площадку разногласія конечно не слѣдуетъ, но и допустить уронить себя въ глазахъ иностранцевъ, повезла не все, что можно и что слѣдуетъ, тоже не годится. По возвращеніи Соколова изъ Москвы я говорилъ (узнавъ о равенствѣ количества), что, такимъ образомъ дѣйствуя, комиссія только утвердить предположенія иностранцевъ, что намъ мѣста давать много не слѣдуетъ, и что даже и того, что отведено, много; а на будущій разъ намъ предложить еще меньше. Словомъ, дѣло на истинѣ стоитъ такъ дурно, что куда ни кинь — все клинъ. О Верецагинѣ (таинственникъ) и вовсе нѣтъ рѣчи. Но вѣдь это выходитъ уже изъ всякихъ границъ приличія. Положимъ, Верецагинъ — Юпитеръ Громовержецъ; положимъ, еслибы къ нему обратилась комиссія, онъ бы только выругался; но, мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ онъ не противился бы, еслибы я ему написалъ, что Товарищество проситъ его о возмещеніи его вещей на нашемъ особомъ отдѣлѣ, какъ члена экс-позента Товарищества. Боголюбовъ мнѣ пишетъ изъ Парижа, что онъ очень огорченъ и обижаетъ комиссіею, такъ какъ его сирамивали, что онъ желаетъ поставить; онъ назначаетъ 6 или 7 картинъ, а ему говорятъ, нѣтъ, мы возьмемъ отъ васъ только 2... И онъ укасно ругается, и хочетъ,

по прѣѣзду туда картинъ, взять и эти. Словомъ, во многихъ возмущено чувство. Что вы скажете? Уважійшій васъ глубоко И. Крамской.

СХС. Къ И. Е. Рѣшину.

26-го декабря 1877 г. Сиб.

Большое спасибо за вѣсточку, дорогой Илья Кирилловичъ, и за вниманіе къ статьямъ. Не могъ терпѣть больше! Толку изъ этого, разумеется, не произойдетъ, но вѣдь я и писать-то не для толку. Я очень хорошо знаю, съ кѣмъ я имѣю дѣло, а все же я получилъ хотя малую толку удовольствія... Суворова призывали и что-то тамъ такое ему сказали. Словомъ, муравейникъ замеселился, хотя есть причина полагать, что онъ скоро усюноится! Что насчетъ вашего желанія отвести думу въ обществѣ художниковъ, то я отсюда даже вижу, кѣмъ все это проходило. Я тамъ бывалъ — захотѣли вы! Я знаю очень хорошо это болото: хорошо оно въ Петербургѣ, ну, а ужъ въ Москвѣ еще лучше. И, конечно, общество уродовъ купцовъ гораздо почтеннѣе и живѣе, это я знаю тоже, только... только надо бы, знаете, художнику обстановочку такую придумать, чтобы даже и кунцы чего-нибудь не возмечтали. А что они способны на это, такъ вѣдь это уже въ порядкѣ вещей человѣческихъ. Я говорю объ обстановочкѣ вотъ какой: хорошо бы, еслибы былъ, знаетъ, аттѣй центръ, то есть, не центръ, куда сходится, а центръ устныйный, въ родѣ каминъ-либо очень широкихъ принципловъ, которые бы всѣ признавали, прилагать которые на практикѣ, въ творчествѣ; было бы сердечною потребностью каждаго изъ насъ, — словомъ, нѣчто въ родѣ философской системы въ искусствѣ, религіи тамъ что-ли, ясно и талантливо сформулированной какими нибудь писателями, и чтобы каждый изъ насъ, гдѣ бы ни находился, какія бы рожи его ни окружали, но чтобы онъ чувствовалъ, что гдѣ-то тамъ въ другомъ мѣстѣ, другой такой же, какъ и я, стремится къ тому же, работаетъ въ томъ же направленіи, хотя и всѣ разны. Это удостеряетъ силы человѣка и держитъ постоянно на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя одніи оправдываютъ специальность... Ну, словомъ, эта штука вамъ во мнѣ уже знакома, я на этомъ конкѣ могу забраться очень далеко, а потому... а потому, можно было бы быть благодарнымъ и остановиться.

Мясоедовъ прѣѣхалъ и привезъ картину (большую довольно) «Молитва на машинѣ о дарованіи дождя». Тема, какъ видите, не шуточная, но... и картина, пожалуй, недурная, даже очень недурная, а все-же ему двери, должно быть, закрыты. Нужно что-то не то. Не хуже «Чтенія поаженія», но только кажется хуже. Отчего это? Я ужъ и не знаю.

Что вы поддываете? Что касается меня лично, то и теперь ничто не правилось; что дальше — не знаю.

Вамъ И. Крамской.

СХСІ. Къ П. М. Третьякову.

26-го декабря 1877 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за великую любезность: поздравленіе съ праздникомъ. Выходить, что мнѣ совѣстно; я не догадался, а вы догадались; и ужъ это не въ первый разъ, какъ я вспоминаю.

Что касается Боткина, то онъ меня немножко анкураживалъ, сказать, что дѣло не такъ уже плохо; хотя запретить выходить по вечерамъ и въ сырую погоду. Ходить мнѣ можно, безъ утомленія, я это буду исполнять. Что касается комиссіи, то, такъ какъ Товарищество юридически не можетъ привязаться теперь ни къ чему (время упущено), и притомъ лишено возможности привести какую-либо свою угрозу въ исполненіе, я пустилъ пока брандера одинъ, и заявилъ комиссіи, что насколько факты касаются меня лично, и не признаю комиссію компетентною и требую, чтобы были посланы мои слѣдующія вещи: «Христовъ», портреты Гончарова, Григоровича, Шиникова, Антокольскаго (въ Парижѣ), рисунокъ — Васильева портретъ (сенія), и еще одинъ, по моему выбору, 2 этюда «Полѣсовичъ» и «Мельникъ» (у Орлова) и офортъ Цесаревича, всего 10 вещей; въ противномъ случаѣ пусть возвратятъ въ Москву и тѣ 2 вещи, которыя взяты. Затѣмъ, если комиссія откажется, то возьмутъ и другіе, а если разурьшитъ, то потребуютъ и другіе. Словомъ, происходитъ кама. Уже тамъ въ комиссіи гвалтъ! Сомовъ отказывается отъ участія, Яковлевъ поднималъ хвостъ. Чѣмъ кончится — не знаю, вѣроятно, откажутъ. Что же касается того, что вы не настолько богатый человѣкъ, какъ можете казаться, то мнѣ истинно стыдно, что мнѣ пришлось ось васъ это услышать. Если же чего больше всего боялся, такъ это именно, чтобы мнѣ не сдѣлать чего-нибудь такого, изъ чего можно было бы заключить, что я на что-либо посягаю, или думаю столь безцеремонно: что вѣдь чтожь, съ вами можно взять, «вы богатый». И вотъ, въ силу совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, когда художникамъ было брошено въ лицо такое оскорбленіе, когда я не зналъ, за что взялся, и чтобы сдѣлать, мнѣ пришлось сдѣлать и сказать нѣчто такое, чего я такъ боялся. А оскорбленіе нанесено завѣдомо, и чувствительное: комиссія адресовалась въ общество любителей въ Варшаву, прося назнaczyć, что отъ куда будетъ послано; въ Финляндію тоже, и ужъ это тамъ назначать, то комиссія и беретъ, безъ критики; ну, а свои художники... какое-то тамъ Товарищество, чего съ нимъ церемониться, и кому же — не Академіи даже,

а этому обществу, члены правленія котораго состоятъ въ самой комиссіи и дане будутъ комиссаромъ въ Парижѣ! Ну, да что случилось, то случилось. Сами сдѣлали глупость, намъ и платиться за это! Только не думайте, ради Бога, что я посягалъ (а развѣ вѣтъ?!). Знаете, ради Бога, оставьте это. Честное слово, не желалъ бы, чтобы оно такъ вышло, какъ вышло.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

СХСІІ. Къ И. Е. Рѣпину.

Сиб., 7-го января 1878 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Какое важное обстоятельство! Не спросили меня: можно ли копировать. Хорошо, что вы догадались объ этомъ оба одновременно, а то было бы плохо! Ну, ужъ такъ и быть, въ виду только того, что вы оба въ одну минуту почувствовали должный рессектъ, я намъ величественно разурьшаю, а Павлу Михайловичу снисходительно дозволяю вамъ прислать портреты.

Скажите: неужели вашъ этюдъ «Протодіаконъ» не будетъ взятъ на всемирную выставку?

Подумайте о слѣдующемъ: составляется экспедиція по Волгѣ, въ палубной лодкѣ, достаточно просторной, чтобы вмѣстѣ отъ 7 до 8 человѣкъ художниковъ, съ альбомами и мольбертами; съ 4-мя гребцами (изъ нихъ одинъ и поваръ и лакей — напрост) и одинъ лоцманомъ, да кромъ того одинъ литераторъ, въ родѣ Панинина; время отправления 1-е іюня, мѣсто — Тверь. Сколько возможно проѣхать не торопясь и изучать Волгу въ 4 мѣсяца (до 15-го сентября включительно, а то и до 1-го октября) — проѣхавъ, а затѣмъ возвращаясь, или пароходомъ, или желѣзной дорогой изъ Саратова. Впрочемъ, куда доѣхать, то и хорошо. Участники экспедиціи слѣдующіе: Шинкинъ (непрежнно), Вролозовъ, Ярошенко (непрежнно), Мясоедовъ, Савицкій (непрежнно почти), Васнецовъ (очень вѣроятно, по крайней мѣрѣ желаетъ), Крамской (тоже непрежнно бы, но боится думать, такъ какъ на весну его высылалось). Словомъ, мнѣ лично, когда я объ этомъ думаю, то не знаю, какъ ужъ и кажется! То есть такъ хорошо, что думать боюсь; и не поѣду (если не поѣду), то развѣ только по положительному запрещенію докторовъ (а иначе непрежнно). Стоимость: лодка, уланка — отъ 200 до 250 рублей (съ тѣми которыми приспособленіями). Оснастка: паруса, канаты и прочее — 150 р. Четырехъ-мѣсячное жалованье матросамъ и докиману — 250 р. Наше содержаніе, столъ и прочее, по 50 р. на человѣка — 200 р., а всего на 8 человѣкъ — 1,600 р. Вся же экспедиція, на всѣхъ, около 2,300 р., непредвидѣнные расходы — 200 р., и того — не болѣе 2,500 р.,

по 300 р. на человека. А какой результат мог бы быть? А? Что вы думаете? Вы не присоединитесь? Вамъ И. Крамской.

Разсчитать почти вѣрнѣе. Нѣкоторыхъ даявшихъ и цѣнѣть мы еще не имѣемъ, но все же разницы большой не будетъ *).

СХСШ. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 9-го января 1878 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Надѣюсь вы получите (если еще не получили) просьбу изъ комиссіи дать на всемірную выставку тѣ произведенія членовъ Товарищества, которыми мы тутъ назначили, такъ какъ комиссія (въслѣдствіе моего письма) обратилась въ Товарищество. Мнѣ писать вамъ и ходатайствовать у васъ передъ комиссіей нѣтъ надобности, возложивъ, но я только констатирую фактъ, и говорю съ своей стороны, что мы всѣ тутъ дѣйствительно назначили всѣ эти вещи, и просимъ васъ выслать въ Академію. Кому поручить это дѣло, это вопросъ. Конечно, было бы всего лучше, еслибы кто-либо изъ членовъ комиссіи соблаговолилъ прокатиться еще разъ въ Москву, но такъ какъ у меня только что былъ А. И. Соколовъ, съ просьбой принять участіе чѣмъ-нибудь отъ Товарищества и помочь комиссіи, которая теперь сбилась съ ногъ, бѣгаетъ какъ угорѣлая, и все обрушилось на Соколова, другіе не помогаютъ, да и не могутъ помочь ничѣмъ, то вотъ онъ и проситъ насъ оказать хотя какую-либо помощь. Товарищество могло бы оказать свое содѣйствіе только въ томъ случаѣ, еслибы А. Д. Чиркинъ былъ такъ любезенъ, взять на себя хлопоты по присмотру, по укуровкѣ и отправкѣ вещей; или кто-либо изъ московскихъ членовъ Товарищества. Но Чиркина адреса я не знаю, Брюлловъ уѣхалъ въ Псковъ дней на 5—6, и я не знаю, что дѣлать, а кто изъ москвичей будетъ настолько добръ, чтобы посматривать за укладкою—сказать трудно. Да кромя того, здѣсь нужно будетъ позвать еще къ тому, другому; напримѣръ, мои вещи надобно взять еще отъ Куприянова («Мальчикъ еврей») и отъ Орлова («Этюдъ мужика въ высокой шляпѣ»). Это уже хлопоты, съ потерей времени сопряженныя. Товарищество не только не уменьшило моихъ вещей, но еще и прибавило дѣл: «Барельефъ» и «Майскую ночь», всего 12 вещей.

Халатъ отъ Некрасова я получилъ 4 дня тому назадъ, больше ничего, кажется, нельзя уже прибавлять; да кромя того все уже разорено въ квартирѣ.

У меня вросли портретъ Некрасова въ постель, на одинъ вечеръ по-

*) Поѣздка эта не состоялась.

Ред.

ставитъ въ залѣ (какой, еще неизвѣстно), во время проектируемаго литературнаго вечера, на 40 день его смерти. Я отвѣтилъ, что лично я ничего не имѣю противъ, еслибы члены-распорядители вечера нашли это почему-либо полезнымъ.

Не извѣстно ли вамъ, гдѣ находится картина Кошелева «Ручей», за которую онъ получилъ, лѣтъ 8 тому назадъ, первую премію въ обществѣ поощренія художниковъ, здѣсь въ Петербургѣ? Вещь превосходная, и мы ее назначили на всемірную выставку. М. П. Воткинъ проситъ также отпустить комиссію его этюдъ «Старообрядецъ».

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

СХСIV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 16-го января 1878 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Товарищество получило тоже отзывъ комиссіи о томъ, что она съ удовольствіемъ принимаетъ услуги наши, и принимаетъ вполнѣ списокъ, но не рутается за то, что онъ останется неизмѣненнымъ, быть можетъ, по недостатку мѣста, а быть можетъ и потому, что Совѣтъ Академіи, или лично, которому Великій Князь поручитъ послѣдній просмотръ собранныхъ произведеній, можетъ сдѣлать сокращенія. Въ виду столь новой и неожиданной постановки вопроса, Товарищество сочло себя обязаннымъ устраниваться отъ всякой помощи комиссіи, чтобы не стать въ какое-либо невозможное положеніе, въ которое оно становиться не желаетъ, и чтобы избѣжать всякой путаницы. Лично я радъ за такой исходъ, и прошу, за себя лично, приостановиться отъ отправкою моихъ вещей, а также, если возможно, предупредить Орлова и Куприянова о томъ же, что я не желаю. Впрочемъ, я пишу объ этомъ немедленно къ нимъ.

Все это только что сію минуту кончилось, и собраніе разошлось, подпавъ рѣшеніе; оговорившись, что еслибы комиссія на-ново пожелала содѣйствія Товарищества, заранѣе соглашаясь на всѣ его условія, то всѣ дальнѣйшія сношенія прекратятся. Такъ что это рѣшеніе окончательное.

Уважающій васъ И. Крамской.

Было бы недурно, еслибы вы помогли мнѣ, на основаніи моего письма, истребовать изъ Академіи тѣ картины, которыя уже здѣсь. Впрочемъ, объ этомъ я напишу особю.

СХСV. Къ нему же.

Скб., 19-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Во всей исторіи ио всемірной выставкѣ идетъ такая кутерьма, что разсказать мудрено. Съ нашей стороны главнѣйшій было сдѣлано довольно. Но позволите разсказать по порядку. Дѣло, какъ извѣстно, состояло въ томъ, что комиссія обратилась въ Товарищество (по поводу моего письма), чтобы Товарищество помогло комиссіи. На собраніи я излагалъ два пути, по которымъ можетъ пойти Товарищество: или, иновать всѣ мелкіе упомы, и пойти на встрѣчу комиссіи, сдѣлать все возможное, составить списки, даже собрать вещи для него; если потребуется, кто либо изъ насъ пойдетъ и въ Москву, Кіевъ и Харьковъ; словомъ, все сдѣлать чтобы помочь, и принять, если нужно, нѣкоторые расходы, возлагая на комиссію уплату только укурокъ и пересылки, и гарантію. Или, въ виду краткости времени, совершенно отказаться и поставить комиссію лицомъ къ лицу съ самолюбіемъ Крамского, и предоставить дѣло его естественному теченію. Я, лично, стоялъ за послѣднее. Но Товарищество рѣшилось принять первый путь. Сомовъ выразилъ радостное согласіе, и говорилъ о благодарности комиссіи. Затѣмъ ми немедленно заготовили письма отъ Товарищества къ владѣльцамъ картинъ, но оставили ихъ пока, до полученія отвѣта изъ комиссіи письменнаго (вотъ почему вы получили такъ поздно письмо, адресованное къ вамъ изъ Товарищества). Между тѣмъ Брюловъ, членъ правленія, уѣзжалъ на пять дней въ Псковъ, а въ это время пришелъ изъ комиссіи напечатанный, на имя Товарищества, и 4 бумаги, на имя владѣльцевъ, не запечатанныя, которыя я возвратилъ Сомову обратно, прося ихъ послать отъ комиссіи по адресамъ; самъ же написалъ къ вамъ письмо. По возвращеніи Брюлова, было собраніе и прочитано отношеніе комиссіи, въ которомъ она ставитъ на видъ возможность исключенія нѣкоторыхъ произведеній, или со стороны Совѣта Академіи, или лица, кому будетъ порученъ Великій Князь окончательный осмотръ. Товарищество, усматривая изъ бумаги, что комиссія не есть послѣдняя инстанція, сошло долгомъ сообщить, что оно отказывается отъ дальнѣйшаго содѣйствія. А вопросъ о спискѣ (нами уже данный), за невозможностью сдѣлать тутъ что-либо, оставить и принять съ покорностью всѣ глупыя послѣдствія, нація отъ того произойти могутъ. Когда стали расходиться, я спросилъ: окончательное ли это рѣшеніе, и только послѣ этого я написалъ вамъ, въ тотъ же вечеръ (т. е. ночь) письмо, рѣшившись снять съ выставки свои картины, и телеграфировалъ вамъ. На утро, мы получили, наконецъ, отъ москвичей отвѣтъ: видите, что все, что нужно комиссіи, почти сдѣлано;

начинать на-ново, останавливать, путать, разъяснять, и, стало быть, еще болѣе путать—будетъ уже ни на что не похоже. Мы рѣшаемся оставить дѣло такъ, какъ оно есть, не притѣствуя ему, чтобы не сказали, что Товарищество было причиной того, что русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ или не состоялся, или былъ представляемъ меною. И такъ какъ для другихъ все дѣло будетъ понятно только съ этой стороны, то мы васъ и просимъ считать мое личное письмо не существующимъ, а отправить картины сюда (другимъ я никому не писалъ, чтобы приостановились). Наблюденіе же за цѣлостью ихъ здѣсь мы охотно принимаемъ. Рѣшимость нашу взять хлопоты по укупорѣ на себя можно принять только съ величайшею благодарностью.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

Срокъ послѣдній 15 февраля; ящики могутъ быть здѣсь даже не купорены, а прямо пойдутъ въ Парижъ. Это на тотъ конецъ, еслибы нельзя было успѣть раньше.

Чтобы вы не подумали, что я дѣлаю это одинъ, я просилъ подписать Мясоедова.

Гр. Мясоедовъ.

СХСVI. Къ нему же.

Скб., 21-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Картины выслать нужно всѣхъ членовъ Товарищества. Списокъ завтра будетъ высланъ, онъ у Брюлова, а списокъ московскихъ членовъ находится у В. Е. Маковского.

Ничего пока не прибавляю, такъ какъ отвѣчать нужно на много писемъ, а это не терпитъ отлагательства.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

Выставка еще не открыта, но скоро открывается, когда—я не знаю.

СХСVII. Къ И. Е. Рѣшцу.

21-го января 1878 г. Скб.

Вы удивляетесь, дорогой Илья Ефимовичъ, что я скоро отвѣчать. Я скоро отвѣчаю всегда... когда отвѣчаю. А что вы пишете о благонравіи и что нужно спрашиваться въ чужой собственности, то это хорошо, что русскіе люди это наконецъ понимаютъ. Только видите ли, такъ какъ это вы, и такъ какъ это Третьяковъ, то... то, разумеется, здѣсь не могло быть сомнѣнія. Говоря серьезно, я вѣдь все это говорю къ тому, что тѣ, кому слѣдуетъ спроситься—не спрашиваются, а кому не слѣдуетъ, тѣ—делаютъ. Словомъ, бобы разводять нечего, вы понимаете. Ахъ ты Господи,

какой этот Сомов? Ну, спасибо, не ожидал, замретать послать *)? Однакож, так как он не..., то въ такого рода выраженіях я усматриваю нѣчто другое. Что?.. Это сказать мудро. Но что оно не безъ умысла, то на сіе я нѣтъ нѣкоторые данныя. Скажу одно, жаль, очень жаль! Видѣ французамъ вовсе не конируются, и не пишутъ ничего, что мы разумеетъ «гнѣтъ». Да и не одни французы. Я того мнѣнія, что тѣмъ болѣе будетъ такихъ этюдовъ, тѣмъ интереснѣе отдѣлъ нашего художества, разумеется хорошо написанныхъ. Этого не понять могутъ только чиновники. Но какъ крѣпко сидятъ въ Россіи чиновники!

Вамъ взглядъ на «Дьякона», какъ лая духовенства, и какъ обломъ далекаго язычества — вѣрнѣе, очень вѣрнѣе, и оригинальнѣе. Не знаю, пришло ли это кому въ голову изъ ученыхъ нашихъ историковъ, и если нѣтъ, то они просмотрѣли крупный фактъ: именно остатки языческаго жреца. Жаль, что вамъ нельзя ѣхать на Волгу, очень жаль.

Теперь картинахъ. «Сельская школа» («экзамены») — картина можетъ быть и очень хороша, и обыкновенная, смотря по тому, какъ взглянуть, и я склоненъ думать, что вы возьмете интересно. «Царевна Софія» — вещь нужная, благодарная (хотя очень трудная для самаго большаго таланта), вещь, которая должна и можетъ быть хороша. Но «Несеніе чудотворной иконы на «Корень» (я знаю это выраженіе) — это вещь, впередъ говорю, что это колоссально! Прелесть! И народу видимо-невидимо, и солнце, и пыль, ахъ какъ это хорошо! И хотя въ лѣсу, но это ничего не исключаетъ, а пожалуй только увеличиваетъ. Давай вамъ Богъ! Вы намали на золотую жилу, радуюсь.

Не забудьте хоть показать свои беззачіе глаза, когда будете въ Петербургѣ.

Вашъ И. Крамской.

СХСХІІІ. Къ П. М. Третьякову.

22-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Посылаю списокъ картинъ петербургскихъ членовъ, восстановленный по памяти (за неимѣніемъ Брюллова): пропуска нѣтъ, нѣтъ и лишняго. Прому извинить меня за ключечъ бумаги, почтовая вся вышла, а кинуть поздно, ждать до завтра нельзя. Списокъ картинъ московскихъ членовъ — у В. Е. Иванова, и, слѣдовательно, писать его нѣтъ надобности.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Вопросъ объ изданіи офортовъ и художественно рѣшенъ. Издатели:

Ред.

*) «Протоѡдыкона» Рѣпинъ.

Шинкинъ, Крамской и Праховъ. Программа выработана, разрѣшеніе правительства ожидается. Мою картину «Майская ночь» предполагается дать въ первыхъ №№ и, чтобы воспользоваться ею здѣсь присутствіемъ, мы вѣсь просимъ позволить взять ко мнѣ на квартиру, чтобы воспродать. Комиссія согласна, дѣлаться будетъ подъ моимъ надзоромъ и у меня на квартирѣ, хромофотографическимъ способомъ. Позволите ли вы?

И. Крамской.

СХСІХ. Къ нему же.

27-го января 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Жаль, что нѣтъ Каминина, конечно можно замѣнить его двумя: Безсоновымъ или Степаковымъ. Голова Степанова написана ужасно одушевлено, но, какъ весь портретъ, Безсонова выше: впрочемъ, это все равно, даже если замѣнить и эти Островскихъ и хотя бы Погодинныхъ *). Словомъ, это возможно, а жаль, что не Камининъ. О Бронниковой картинѣ могу сказать, что я удивляюсь: она въ слѣсъ моемъ должна стоять, и если ей нѣтъ, то стало быть я забылъ.

Вообще, могу только сказать, что мы всѣ здѣсь глубоко вамъ благодарны.

Что касается Шифа **), то это жаль, но такъ какъ могутъ въ этомъ усмотрѣть поводъ къ исключенію, то, скрѣпя сердце, слѣдуетъ воздержаться, чтобы не доставлять торжества имъ въ честь.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

СХ. Къ В. М. Гаршину.

Сб. 16-го февраля 1878 г.

Милостивый Государь, къ сожалѣнію нѣтъ неизвѣстный ***) , что я могу вамъ отвѣчать на поставленный вопросъ! И еслибъ я даже отвѣтилъ категорически, то разрѣшить ли мой отвѣтъ возникшій споръ, чрезвычайно для меня лѣстный, то есть убѣдить ли тѣхъ, кто ясно видитъ (то есть, догадывается) возложить не то, что вы видите? И затѣмъ, кто возмается опредѣлять, что даже дѣйствительное лицо живого человѣка, не говоря о

*) Все портреты, написанные Перовымъ.

Ред.

**) Портретъ работы Н. Н. Ге.

Ред.

***) Настоящее письмо есть отвѣтъ на письмо двухъ личностей, неизвѣстныхъ Крамскому, просившихъ его письменно разрѣшить ихъ споръ объ истинномъ значеніи его картинъ: «Христосъ въ пустыни».

Ред.

картин, выражает только вот это, без приписки чего-то другого? Конечно, есть состояния, когда человек крупными буквами изображает на своем лице охватившее его чувство, но таких состояний, сколько я понимаю, относятся к категории наиболее простых. А те душевные движения, которые слишком сложны, и в то же время глубоки до того, что глаз, будучи открытым, не передает уже никаких световых впечатлений мозгу, — такие состояния определяются быть могут, по крайней мере, при настоящих наших знаниях. Вот первая и самая важная причина невозможности отвечать на вопрос.

На первый раз, получивши наше письмо, я решил было не отвечать, так как мне показалось, что в данном случае существует пар. Но, прочитав во второй и в третий раз, я уступил слабодушему соображению. Если картина возбуждает толки, и даже оживленные, значит в ней есть не что нибудь; стало быть, искусство может исполнять роль несколько более высшего порядка, чем украшение и забава жизни. Кроме того, в виду прямого вопроса зрителя, публики, обращенного к художнику, может произойти безболезненное объяснение для взаимного знакомства. Различные критические статьи несколько не помогают художнику найти дорожку к сердцу зрителя. Они могут ему быть полезны в второстепенных задачах, а в главном, художник, после чтения самых обстоятельных критик своего произведения, остается в темноте не потемках, в каких был и до чтения. И так, самое дорогое для художника знание — есть знание того, что именно происходит с публикой, виноваты, с одной стороны, художники, в момент первого взгляда на произведение. О, если бы была возможность зафиксировать впечатление зрителя, раньше того даже, как он произнесет слово, объясняется мимикой с другим, получить новые наблюдения, то есть чужие впечатления, и тем, так сказать, затуманить первичное впечатление, и такими образом утратится тот именно непосредственный факт, который всего больше мог бы раскрыть художнику таинственную область, для которой он работает! Разумеется, тот общий вывод, который останется после обмена мыслями всех зрителей между собой, есть не менее важный, но я вас спрашиваю: где же и когда он был собран, проверен и формулирован? Да и существует ли вообще идея о такой статистике? Ведь бы это когда-либо случилось, то мы все знали бы больше, что такое творчество, искусство, не было бы так много хама, пошатнувшихся и болельщиков, а главное, вредных художников. Но я отвлекаюсь, виноваты, и потому перехожу к рекомендациям.

Мне уже не первый раз приходилось слышать вопрос: «Что вы именно хотели выразить?» — Вопрос этот, по моему, возникает только по недоразумению. Художник у художника это спросить может, так как

они разумеют нечто отличное от того, с чем спрашивает зритель. Позвольте вместо ответа рассказать, как произведение является, чтобы вам не было необходимости задавать вопроса.

Художников существует две категории, редко встречающихся в чистом типе, но все же до некоторой степени различных. Одни — объективные, так сказать, наблюдающие жизненные явления и их воспроизводящие добросовестно, точно; другие — субъективные. Эти последние формулируют свои симпатии и антипатии, критико-оценки на дне человеческого сердца, под впечатлениями жизни и опыта. Вы видите, что это из другой природы даже, но это ничего. Я, впрочем, принадлежу к последним. Под влиянием ряда впечатлений, у меня часто очень тяжелое ощущение от жизни. Я вижу ясно, что есть один момент в жизни каждого человека, мало-мальски созданного по образу и подобию Божию, когда на него падают раздумье — пойти ли направо, или налево?.. Мы все знаем, чем обыкновенно кончается подобное колебание. Расширяя дальнейшие мысли, охватывая человечество вообще, я, по собственному опыту, по моему маленькому оригиналу, и только по нему одному, могу догадываться о той страшной драме, какая разыгрывалась во время исторических кризисов. И вот, у меня является страшная потребность рассказать другим то, что я думаю. Но как рассказать? Чем, какими способами я могу быть понят? По свойству натуры, язык иероглифа для меня доступен всего. И вот я, однажды, когда особенно было трудно занять, гуляя, работая, лежи и проч. и проч., вдруг увидал фигуру, сидящую в глубоком раздумьи. Я очень осторожно начал всматриваться, ходил около нея, и во все время моего наблюдения, очень долгого, она не пошевелилась, меня не замечала. Ей дуна была так серьезна и глубока, что я засталась его постоянно в одном положении. Он был так, когда солнце было еще перед ним, был уставший, измученный, сначала он проводил глазами солнце, затем не замечая ночи, и на заре уже, когда солнце должно подняться сзади его, он все продолжал сидеть неподвижно. И нельзя сказать, чтобы он вовсе был нечувствителен к ощущениям: нет, он, под влиянием наступившего утреннего холода, инстинктивно прижался затылком ближе к телу, и только впрочем; губы его как бы засохли, слипались от долгого молчания, и только, глаза выдавали внутреннюю работу, хотя ничего не видели, да брови нарядка ходили — то подымались одна, то другая. Мне стало ясно, что он занят важным для него вопросом, настолько важным, что к страшной физической усталости он нечувствителен. Он точно постарел на 10 лет, но все же я догадывался, что это такого рода характер, который, имея силу все сокрушить, одаренный талантами покорять собою весь мир, решает не сделать того, куда

влекуть его животными наклонностями. И я был угрбенъ, потому что я его видѣлъ, что, чтобы онъ ни рѣшилъ, онъ не можетъ унестъ. Кто это былъ? Я не знаю. По всей вѣроятности, это была галлюцинація; и въ дѣйствительности, надо думать, не видалъ его. Миѣ казалось, что это всего лучше подходитъ къ тому, что миѣ хотѣлось рассказать. Тутъ миѣ даже ничего не нужно было придумывать, и только старался сконспировать. И тогда кончилъ, то далъ ему дерзкое названіе. Но еслибы я могъ въ то время, когда его наблюдать, написать его, Христосъ ли это? Не знаю. Да и кто скажетъ, какой онъ былъ? Напавъ случайно на этого человѣка, всматривавшись въ него, я до такой степени почувствовалъ успокоеніе, что вопросъ личный для меня былъ рѣшенъ. Я уже зналъ и дальше: я зналъ, чѣмъ это кончится. И меня нисколько не пугала та развязка, которая его ожидала. Я нахожу уже это естественнымъ, фатальнымъ даже. А если это естественно, то не все ли равно? Да даже лучше, что оно такъ кончилось, потому что воображаете торжество: его всѣ признаютъ, слушаютъ. Онъ кобѣдился — да развѣ-жъ это не было бы въ тысячу разъ хуже? Развѣ могъ бы открыться для человечества тѣ перспективы, которыми мы полны, которые даютъ колоссальную силу людямъ стремиться впередъ? Я знаю только, что утромъ, съ восходомъ солнца, человѣкъ этотъ исчезъ. И я отдѣлался отъ постоянного его преслѣдованія.

И такъ, это не Христосъ. То есть, я не знаю, кто это. Это есть выраженіе моихъ личныхъ мыслей. Какой моментъ? Переходный. Чтѣ за этикъ слѣдуетъ? Продолженіе въ слѣдующей книгѣ.

Извините, что я наговорилъ много и ничего яснаго. Очень будетъ жалъ, если все это было названо шуткой.

И. Крамской.

ССП. Къ И. Е. Рѣшину.

17-го февраля 1878 г., Сиб.

Не могу вамъ сказать съ достаточною ясностью, дорогой Илья Ефимовичъ, до какой степени вы меня обрадовали нашимъ письмомъ, въ которомъ категорически выражаете рѣшимость пустить свою ладью по тому теченію, куда направляется Товарищество. Вотъ какъ кудриво? Это и понятно. Во всѣхъ высокосторженственныхъ случаяхъ, человѣкъ не находитъ приличнымъ говорить прозой. А потому, будемъ, не смущаясь, разговаривать прилично случаю. Когда я прочелъ ваше письмо некоторымъ членамъ, то по толпѣ пробѣжалъ одобрительный шелокъ (!). Когда я язвистыя поставилъ на видъ наше правило, что каждый шефитъ долженъ пробывать нѣкоторое время въ положеніи «оглашенныхъ», то со стороны тонкихъ

нелитковъ, юристовъ, и даже буквѣдовъ, единодушно были опровергнуты въ канцеляризмъ, ибо я упустилъ изъ виду (какъ миѣ замѣтили), что Рѣшину изводилъ давно свой строкъ оглашеннаго: онъ уже былъ нашимъ экс-ментомъ! Я, конечно, долженъ былъ посвятить главу свою неплотъ — нѣтъ, и этого оказалось мнѣ мало. Они поппан дальше, говорятъ: даже еслибы и Подъновъ изъявилъ наклонность въ нашу сторону, то и онъ, по всѣмъ формальнымъ правамъ, не долженъ былъ подвергаться «оглашенію», потому что онъ прислалъ въ Товарищество картину, и не его вина, что ее силою отъ насъ оттягали. Словомъ, единодушно было признано, что вы нашъ членъ, безъ разговоровъ. Выставка Товарищества имѣетъ быть открыта на первой недѣлѣ поста, а общее собраніе передъ открытіемъ во вторникъ, на той же нервной недѣлѣ.

Что касается всемірной выставки, то я, по полученіи письма отъ Третьякова, видѣлся съ Сомовымъ, и вель разговоръ въ томъ тонѣ, что вотъ желаніе Рѣшина: чтобы не выставлялъ для публики, если «Дьякона» не возмущу на парижскую выставку. Онъ сказалъ, что онъ не знаетъ, можно ли, и что это рѣшить Совѣтъ. Когда же будетъ Совѣтъ? На масляницѣ. Ну, хорошо, говорю, я тогда «Дьякона» и доставлю. На томъ и порѣшили. А какъ жалко, какъ жалко его отдавать, еслибы вы знали! Ну, да дѣлать нечего. Еслибы вы написали что-либо Сонову рѣшительное. Потому что великій князь Владиміръ Александровичъ, кажется, даетъ «Бурлакову», хотя они еще и не доставлены. Въ заключеніе скажу, что миѣ всѣ были бы совершенно попоны въ томъ случаѣ, еслибы вы выслали намъ для выставки Товарищества что-либо другое; тогда «Дьяконъ» нуженъ для васъ и въ Парижъ, даже при «Бурлакахъ». Жаль, что мало мѣста, а то я хотѣлъ сказать, что эту дѣлужку (присланный раньше) — превосходный, а «Дьяконъ», «Дьяконъ...» это чортъ знаетъ что такое! Ура! да и только!

Вашъ И. Крамской.

Выставка Товарищества будетъ открыта въ новомъ помѣщеніи Общества кооперенія. Подъновъ — здѣсь, и я у нихъ буду обѣдать въ воскресенье.

ССП. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1878 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. «Дьякона» я отправилъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ въ Академію; но поступить иначе я не могъ, не имѣя отъ васъ точнаго указанія. Или, лучше сказать, я имѣлъ точное указаніе относительно того, чтобы онъ былъ предложенъ на всемірную выставку, а миѣ не хотѣлось его отдавать. Съ другой же стороны, и на всемірной вы-

ставкѣ вашего бы не было. Словомъ, я колебался между добродѣтелью и порокомъ. Что здѣсь пороки и что добродѣтель—сказать трудно, но суть та, что я отправилъ наконецъ. Совѣтъ былъ и... не взять его. Нужно ли прибавлять, какъ я обрадовался! И такъ, онъ у насъ! Теперь позвольте просить васъ поторопиться прислать къ выставкѣ, которая откроется на второй недѣль, въ среду или четвергъ, еще кое-что, а именно: портретъ Забылина, портретъ Мамоновой и Чикова, или что вы найдете. Обо всемъ этомъ мнѣ наслѣдичичаль И. М., неайте на него, но примлите. Пишу столь короткое письмо, потому что некогда.

«Вулаки» ваши ѣдутъ.

Вамъ И. Крамской.

ССIII. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1878 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сейчасъ получилъ отъ Сонова извѣстие, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой согласенъ на то, чтобы портретъ его ѣхалъ въ Парижъ на выставку. Ему объ этомъ писалъ Стасовъ, а потому, вмѣсто Полонскаго, если вамъ угодно, можно послать Толстого. Переимѣй этой я очень радъ. Извините за краткость. Чувствую, что что-нибудь забуду.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

Обо всемъ вы получите уведомленіе, вѣроятно, отъ Стасова, съ документальными доказательствами.

ССIV. Къ И. Е. Рѣпину.

С.-Петербургъ, 8-го марта 1878 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Пишу къ вамъ только нѣсколько строчекъ, чтобы нецѣлая на секунду отвлечь на ваши вопросы. Все, что вы вышлете, будетъ—глубокое спасибо, и только. О фурунѣ мы поговоримъ когда-нибудь въ другое время, а теперь не до того; и только что воротился съ устройства выставки (12 часовъ ночи), и завтра въ 7 часовъ утра опять долженъ быть тамъ. Присылайте—и конецъ. Все равно, когда они поспѣютъ, такъ какъ мы должны продержаться здѣсь выставку и праздники, а потому раздумывать нечего.

Что касается Я, то... говоря по совѣсти, я начинаю думать, и серьезно думать, что у дворянъ костъ въ самомъ дѣлѣ бѣлая, а кровь голубая, тогда какъ у плебеевъ одна кличка останется навсегда: «подлый народъ». Хотя это не относится къ этому хорошему парню—онъ только слабый.

идти противъ отца и матери вещь очень трудная, такая трудная, что имъ его положенія и не можемъ даже себѣ представить, а потому, говорю рѣшительно: я его не сужу. Пусть его! Поживемъ—увидимъ, не всѣ въ 35 лѣтъ становятся въ самомъ дѣлѣ людьми серьезными; многие не дорожатъ до мнѣнія серьезнаго...

Вамъ И. Крамской.

Знаете ли вы, «О, знаете ли вы?» (какъ говорятъ поэты), какое хорошее слово вы написали: «я вамъ». Это одно слово вливаетъ въ мое измученное сердце бодрость и надежду! Впередъ!

ССV. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 10-го марта 1878 года.

Добрый мой Илья Ефимовичъ. Выставка открыта; открыта она (такъ сказать) общими собраніемъ, для засѣданій же и рѣшенія дѣлъ, а также и выбора новыхъ членовъ (4-хъ) назначенъ вторникъ. Московские же члены (исключая Маковского) не подають никакихъ признаковъ жизни и хотя мнѣ было писано, что выставка тогда-то, а общее собраніе тогда-то, но это ни къ чему не ведетъ, такъ какъ никто изъ нихъ (опять-таки кромѣ Маковского), вотъ уже 4-й годъ, не отвѣчаетъ, а потому мы обойдемся и безъ нихъ. А. П. Боголюбовъ писалъ мнѣ изъ Парижа, что Харламовъ тоже желаетъ выставить у насъ, и указавъ адресъ, гдѣ взять вещи. Я все это заговорилъ къ тому, что такъ какъ во вторникъ мы будемъ проводить выборы, а отъ васъ въ правленіи Товарищества (при дѣлахъ его) нѣтъ заявленія, то напишите немедленно въ Товарищество, на мое имя, что вы желаете быть членомъ. Это всѣхъ членовъ, вступившихъ въ Товарищество, таковыя имѣются, а потому пожалуйста черкните: «Въ Правленіе Товарищества передвижныхъ художественныхъ выставокъ. Желая быть действительнымъ членомъ Товарищества, я прошу сдѣлать соответствующія распоряженія». Или, если желаете, поручите мнѣ подать заявленіе отъ имени нашего.

Вамъ И. Крамской.

Кажется, выставка будетъ нѣтъ устѣхъ.

Первое, что будетъ на общемъ собраніи—это выборъ членовъ новыхъ, потомъ выборы правленія, и потому, на всякій случай, примлите довѣреніе кому-либо подавать за васъ голосъ, въ слѣдующихъ за избраніемъ вопросахъ.

ССVI. Къ П. М. Третьякову.

7-го апрѣля 1878 г. Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я думаю, что вы уже знаете, что Шининъ согласился. Относительно Маркова «Колізей» и рисунковъ, я узналъ, что за «Колізей» назначено 2,500 рублей, а за рисунки еще неизвестно. Завѣдустъ всѣмъ этимъ Андрей Ивановичъ Вилиннъ, его думеприкащикъ. Этотъ г. Вилиннъ живетъ на Васильевскомъ острову, уголъ 7-й линіи и Большого проспекта, собственный домъ, и желаетъ, чтобы вы, какъ онъ выразился, заявили бы ему документально свое желаніе приобрести эти вещи Маркова, тогда онъ не передастъ ихъ на аукционную продажу.

Уважающій васъ И. К. Красной.

ССVII. Къ нему же.

Сиб., 15-го апрѣля 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Канунъ Свѣтлага праздника, и потому время свободное для написанія письма, съ содержаніемъ, хорошимъ или нѣтъ—другой вопросъ, но все-таки съ содержаніемъ. Вы бросаете это письмо подъ столъ, если вы знаете цѣну разнымъ фантазіямъ, или же, время отъ времени, возвращаясь къ мыслямъ, здѣсь наложеннымъ, вы быть можетъ найдете какую-либо комбинацію, при которой идея и практическая возможность ея осуществленія могутъ слиться.

Какъ видите, письмо начинается нѣсколько странно и даже чуть ли не въ противность правиламъ риторики, но это ничего. Налагаю идею.

Русское искусство народилось: это несомѣнно. Какъ всякій новорожденный, оно требовало и требуетъ нѣкотораго ухода (говорю, нѣкотораго, потому, что я стою за суровую школу исторіи). До сихъ поръ, этотъ нѣкоторый уходъ состоялъ въ томъ, чтобы ребенокъ не умеръ съ голоду. Онъ не имѣлъ ни отца, ни матери, и потому только пропитывается сострадательными людьми. Это и было. Ребенокъ хворалъ, но ни разу еще не былъ при смерти, по крайней мѣрѣ, никто этого не думалъ. Теперь оно, искусство, уже мальчикъ, кое-что этотъ мальчикъ лепечетъ, наредка есть проблески оригинальныхъ мыслей; онъ учится самъ, то у дядька, то у родного солдата, то такъ, шаяясь по полямъ, у Господа Бога. Въ настоящую минуту, онъ задворахъ и, по моему, серьезно. Вотъ пунктъ, который, если имъ будетъ согласенъ, рѣшить дальѣйшую судьбу русскаго искусства. Что онъ, мальчикъ, хвораетъ—это вѣрно, всѣ согласны. У него глаза нѣсколько мутны, голова его горька, его слѣдовало бы уложить въ

постель, но кто дастъ эту постель заболѣвшему? Можетъ быть обойдется и такъ; но, я беру на себя роль, быть можетъ нигѣ не принадлежащую, роль доктора, и говорю: «Судя по признакамъ болѣзни, исходъ можетъ быть смертельнымъ; даже предположеніе, что мальчикъ умретъ, вѣроятнѣе, чѣмъ предположеніе—обойдется». Конечно, у Бога все возможно, но... продолжаю. Я думаю, что этотъ мальчикъ не перенесетъ болѣзни.

Можетъ родиться другой, третій, и т. д.—очень возможно, но то будутъ другіе, а не этотъ; да наконецъ можетъ и не быть вовсе.

Но довольно говорить иносказательно. Что нужно дѣлать, какіе шаги должно сдѣлать русское искусство, какія ближайшія задачи исторически на очереди?—Мастерскія и школа. И то и другое должно дать или государство, если оно русское, или общество, если оно существуетъ. Государство не дастъ теперь, потому, что оно не русское, общество не дастъ, потому, что его вообще еще нѣтъ, а если и есть нѣсколько десятковъ человѣкъ по всей Россіи, то они такъ разбросаны, и мѣста ихъ интеллектъ такъ мало извѣстны, что единственныя адреса мнѣ, да и всѣмъ, маломальскія думажники русскимъ художникамъ, извѣстный, одинъ—это: «Лагуневскій переулокъ, приходъ Николаи *»). Извините за это. Говорю вамъ, бросьте письмо, если оно, по вашему, фальшиво въ основаніи, и вѣрнѣе, что ни слова сожалѣнія и упрека не вырвется у меня за это, потому, что я глубоко вѣрю, что если вы не будете согласны, то только въ силу убѣжденія, а стало быть, вы будете правы.

Мастерскія нужны потому, что ихъ нѣтъ вовсе; школа нужна потому, что ее тоже нѣтъ вовсе, а между тѣмъ есть три, четыре, пять человѣкъ, которые уже что-нибудь знаютъ, и могутъ кое-чему научить молодыхъ людей. Но чтобы научить молодежь, нужна безусловная свобода преподаванія. Въ Академіи нельзя излагать предмета безъ оглядки, въ школѣ же, наоборотъ, въ Москвѣ—точно. Уложенія, регламенты, чиновничество сидятъ уже и тамъ. Молодежь въ Академіи теперь опять ниткается чортъ знаетъ чѣмъ, и она рѣшительно не будетъ способна продолжать традиціи народившагося русскаго искусства, а молодежь московской школы признается опять-таки въ Академію, и здѣсь поргится. Со смертью теперешнихъ представителей русскаго искусства, самостоятельное развитіе замретъ опять, и надолго. Товарищество передвинныхъ художественныхъ выставокъ, исполняя свое дѣло, можетъ только поддерживать свое собственное существованіе, но для продолженія рода у него нѣтъ условій. Чтобы были дѣти—надо жениться, желаніе естественное и самое законное, и если То-

*) Галерея русской живописи, принадлежащая К. М. Третьякову, помещается въ Москвѣ, въ Лагуневскомъ переулкѣ.

варищество не женится, т. е. не устроит школы, курсов, мастерских, оно умрет старым холостяком, самым противным типом человеческого рода. Оно будет безразличным. А к тому идет. Это я говорю на основании 7-ми летнего опыта деятельности Товарищества, деятельности, обращенной прямо ко обществу, но это обращение и убедило меня в предположении, что русского общества еще не существует. Есть лебодынные, которые поддерживают личное существование Товарищества — не больше. Доказаны ли мои мысли, или нет? Если доказаны, то необходимо следующее: дом. Чей это дом? — все равно, в этом дом — верхний этаж мастерская и выставки. Как сдѣлать, чтобы капитал не был брошен за око, а возвратился бы детально, я не знаю, но убежден, что возвращаться он будет. Конечно не так, как при коммерческих каких-либо приемах, но все же возвратится. А так, Максимов придет из деревни картину оканчивать — негод; Мясоедов придет — должен беспокоить Крамскую, и платит; Савицкий беспокоит Шинкина, и опять платит; Крамской в свою очередь платит, все платит, и никто не имеет пристанища. Потому, из Крамскому пристают уже несколько лет: нельзя ли у вас заниматься? Нельзя ли брать уроки? Нельзя ли прийти за советом, хотя раз в неделю... Къ Н. Н. Гѣ — тоже, и всюду одна пѣсня: нельзя, негод, я не могу! Времени даром пропадает пропасть у всякаго, а главное дѣло ждѣть, портится, замирает. Самое Товарищество, пройдя опасные моменты своего ронденія, увеличиваясь в числѣ, не имеет пристанища, тратит болѣе 1,000 рублей на устройство выставокъ въ Петербургѣ ежегодно, да на наемъ кладовой, и не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра. Оно обновилось новыми членами, къ нему прикнули такіе силы, какъ Рѣпинъ, у него въ средѣ выросъ такой, какъ Ярошенко, къ нему готовы прикнуть лекторы по наукамъ и истории искусства, а также художественные критики, и нѣтъ нѣста живому слову. Роста требуетъ пищи, чтобы совершенствоваться и развиваться, а нигдѣ нельзя добыть ее даже за деньги.

Вы спросите: неужели я готовъ сдѣлаться учителемъ? Я отвѣчаю: — готовъ. Но какъ? Вотъ въ чемъ весь вопросъ. Это уже мое дѣло, но только не думаю, чтобы это отнимало время, т. е. мое время. Даже необходимо, въ извѣстную пору возраста. Возьмите Шинкина. Это ли не учитель? Вамъ, можетъ быть, покажется это даже смѣшно, но я утверждаю, что Шинкинъ чудесный учитель. Онъ способенъ забрать 5—6 штукъ молодежи, уѣхать съ ними въ деревню, и ходить на этюды, т. е. работать съ ними въѣсть. Въ это только и нужно, 5—6 человекъ! Это не штука, когда подумаешь, что въ 10 летъ изъ Академіи вырвется одинъ, на ползуну искалѣченный.

Вы скажете въ концѣ концовъ: «Да по какому же праву я къ вамъ это все адресую?» Но идѣ я же поставилъ въ началѣ письма оговорку, что мнѣ пришла охота написать вамъ письмо, побесѣдовать съ вами. Вы любите русское искусство, доказали это слиткомъ ясно, и вамъ интересны его судьбы. Помните, я даже писалъ статью «Судьбы русскаго искусства», и что же получилъ въ отвѣтъ? А то, что теперь задаютъ программы даже пейзажистамъ! А какъ вы волгаете, сколько лѣтъ проживетъ начинающій? И еще больше: когда наше государство станетъ русскимъ? На горизонтѣ нѣтъ даже просвѣта. Теперь, по крайней мѣрѣ, время къ полному, но тутъ никакъ не къ утру. Последнее возраженіе: намъ не позволятъ! Да развѣ мы это сдѣлаемъ въ такой формѣ, чтобы можно не позволять? Кто въ частную квартиру придетъ и скажетъ художнику: — «Какъ вы смѣете учить?» Притомъ, Товарищество могло бы кое-что предпринять къ тому, чтобы выставки могли быть только у него. А что сдѣлаетъ Академія противъ всѣхъ художниковъ? А это возможно. Общество академическое существуетъ номинально, и имъ его завтра же водорвутъ, если будетъ нѣтъ нуповану. Куда ни возвращаю я эту идею, всюду нахожу указанія, что время настало. Единственное, можетъ быть, соображеніе, гдѣ это сдѣлать лучше: въ Москвѣ, или въ Петербургѣ? И если, по зрѣломъ размышленіи, это слѣдуетъ въ Москвѣ, то мы произведемъ эмиграцію изъ Петербурга, и будемъ устраивать передвижныя выставки прежде въ Москвѣ, и только прибавимъ въ Петербургъ, какъ на одну изъ станцій. Тутъ есть тоже своего рода канитость.

Если, по нашимъ соображеніямъ, идѣ этой надо дать ходъ, то сообщите ее Рѣпину. Я на него готовъ указывать, какъ на мессію.

Уважающій васъ И. Е. Крамской.

ССVIII. Къ И. Е. Рѣпину.

Сиб. 9-го мая 1878 г.

По настояющему, дорогой мой Илья Ефимовичъ, я нигдѣ бы право отложить отвѣтъ вамъ хотѣ бы на небольшое время, въ виду вашей несправности (вотъ вамъ!), но не могу сейчасъ же не отвѣчать вамъ, потому что считаю необходимымъ протестовать. 1) Вы считаете вещи (вѣсь) Гуга посредственными, и прибавляете, что мнѣ это, вѣроятно, покажется страннымъ? Почему страннымъ? Сдѣлайте одолженіе, еслибы вамъ вдалулось не только отнести ихъ къ вѣщамъ посредственнымъ, а даже къ такимъ, которыя такъ же мало дѣйствуютъ на зрителя, какъ бѣлая бумага, то и тогда я не возмѣдился бы. Я бы только сказалъ (въ скобкахъ, конечно), что неурно было бы, еслибы русскіе немножко болѣе уважали культуру. И только.

Да и этого, пожалуй, не нужно. Тут, вкратце, потребуется какое-то другое слово, которое теперь присказать не могу; 2) чтобы лучшей вещью была «Заключенный» Ирошенко, а не согласен, особенно с тем, что она «замечательно высока по исполнению», как вы говорите; 3) чтобы «Кочегар» его был плохо рисовать, и тяжело, и грубо нарисовать — по моему, сильно сказано. Что ему еще недостает кое-чего — согласен, но не много. А впрочем, может быть, в этом случае, разногласие между нами и не так велико, как кажется, если бы мы с вами побеседовали на словах; 4) что касается Самца, то скажу одно: я не силен, слава Богу, и понимаю, что там есть в этой картине, и чему вы радуетесь. Но не разделяю вашей жертвы: останки нашей картины. В этом случае, я просто готов горевать. Ну, да художника часто не поймешь.

Но позвольте вам изложить мою точку зрения, не с тем, чтобы ее рекомендовать, а только, чтобы объяснить вам источники моих взглядов. Дело в том, что Стасов заявляет: «Вот так выставка! Bravo! первая по значению!» и проч. и проч. Словом, им точно становится взрослыми. Я недоумывал. Объяснимся. Как вы думаете, дорогой Илья Ефимович, должен ли художник изучать непосредственная впечатлительная простота публики? Должен ли он, я говорю — сообразоваться, а принимать к сведению ее беззастенчивые и примитивные выражения, о том, что ей нравится и что нет, и почему? Или вы полагаете, как и некоторые, что эта толпа не заслуживает того, и что не к ней нужно апеллировать? Я нарочно беру слово «апеллировать». И вот почему. Слово общества, называемого образованным, имеет некоторую свою теорию об искусстве, критике и того ладу, но мы знаем и ее цену. Она, в сущности, не очень высока, не только у нас, а и там, где общество старшее. Везде критика бродит в потмах, а рядом с сибирскими мыслями, здоровыми понятиями, столько висит разных старых лохотьев, что горе художнику, если он хоть на минуту придаст им руководящее для себя значение. Что у нас, я говорю не буду: известно. Что же делать томиному жадной знанию правды художнику? Где искать этой правды, где найти для себя путеводную нить, способную дать ему в руки надежного руководителя? Вы скажете: «Напрасный труд, не нужно этого; пусть только художник будет искренним». Еще бы, я с этим совершенно согласен. Но только где он, эти художники, особенно художники, живущие вместе с обществом с одними интересами? Или, лучше сказать, мы все русские художники действительно искренни, это правда, но оттого же это им неудовлетворяет простого и безпристрастного человека? А что наша выставка не удовлетворяет публику, в этом пригласила нас убедиться. Правда, в обществе раздаются голоса, которые печально го-

ворят: «Вот так выставка!» А другие, наоборот: «Чорт знает, что это такое! Просто позор и уныние!» Я говорю не об этих, а о тех, кого мы обыкновенно игнорируем, которые обыкновенно молча входят, молча смотрят, и молча уходят, тех, кто крайне мало и искренно ставят нас убедиться, что он «ничего не понимает, что он, полюбите, ничего не может сказать, он только любит картины...» Заговорите с такими людьми вслепую куда-нибудь, когда уже и выставили нет, когда передовые наговорились и нассорились до-сита, успели забыть, и вы забыли, что они все понимают, что видели, что они о всем имеют известное мнение, крайне оригинальное, не похожее ни на одно из известных вам уже, и часто, до такой степени оригинальное и поучительное, что станет собственным и за собственным теорией, и за то, что верховную власть захватили те, кто кричат громче. Никого Господь не похоще ни на одно из известных вам уже, и не глупе, тем, что называется художественной критикой. И если была возможность фиксировать такого рода первичные впечатления, прежде, чем человек обменялся с кем-нибудь своими мыслями, мы давно, на основании только одной этой статистики, были бы здоровы (не говорю — теорию искусства) и безапелляционную критику. Я убежден, что если художник только убедился бы в том, что это существует, как то-часть же уровень его поднялся бы, и он охотно признал бы над собой подобающего деспота. Но это очень трудно, почти невозможно, а все же бросать этого дела не следует. В этом направлении не положено еще ни одного камня, но это не должно смущать тех, кому это нужно. Вот я уже несколько лет как занимаю эти, то-есть, профильные мои личные симпатии в искусстве, и тем, какое высчитывание картин производят на публику, на ту публику, о которой я говорил. Как это схватить? Я, разумеется, не могу наблюдать тогда, когда мне удобно, а должен субъективизма, со случаями, и так как я об этом помню постоянно, то всякий случай я и запоминаю. Конечно, и вы, да и всякий, делаете то же самое: но мне показалось в вашем письме, что ваши суждения слишком субъективны, и потому находятся в тесной зависимости от того состояния художественного, в котором вы находитесь в данную минуту. Я понимаю, что никто от этого в сущности и не свободен, но только чрез то приходится часто менять приговоры и мнения. Что лучше, что хуже, что верно и что более прилично художнику — я не знаю, да и не с этим целью я начал писать, а только для того, чтобы дать вам ключ к некоторым моим суждениям, с которыми вы можете быть не согласны. Но что же в моих суждениях мое собственное, и что принадлежать этому неизвестному соборному? В настоящую минуту я уже и не знаю. Лить 5 тому назад, я на это, может быть, и отв-

чалъ бы, а теперь—не знаю. Я, кажется, уже успѣлъ себя на столько дисциплинировать, что угадываю впередъ, что сдѣлаетъ действительное впечатлѣніе, и что итъ. А, впрочемъ, можетъ быть это и самогипнотизмъ! Это очень возможно съ самоучками.

Какъ жаль, что письмо длинное, а сказать того, что нужно, не сумѣлъ. Вашъ И. Крамской.

ССІХ. Къ П. М. Третьякову.

Сиб. 12-го мая 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Слѣдовало бы обстоятельнѣе отытать на наши два письма, но такъ какъ мнѣ всегда, а отвѣтъ не обходится немедленный, то я ограничивалось только существеннымъ:

Нужно ли пріобрѣсти «Заключеннаго?»*) Я не знаю. Въ этой картинѣ серьезная мысль, это правда, но до такой степени замученно написано, что я совсѣмъ теряюсь, хорошо это или дурно. Вѣроятно хорошо, когда всѣ хвалятъ. Но вы рѣшили пріобрѣсти, и потому разговоръ объ этомъ конченъ. Остается цѣна. Цѣну онъ хотѣлъ назначить больше 1,000 рублей, сначала, но я ему совѣтовалъ спустить на сколько возможно (разумѣется, частнымъ образомъ). Когда была объявлена нѣтъ цѣна 800 рублей, то всѣ были очень недовольны (такъ какъ это указывало, такъ сказать, на то, что другіе назначали выше норму). И такъ, онъ остался на 800 рублей. Когда выставка прѣікала въ Москву, на другой же день, была здѣсь телеграмма: не отдасть ли онъ за 600 рублей? (Отъ кого, не знаю, спрашивалъ Боткинъ). Онъ не согласился, сказавъ только: «Пусть останется такъ». Ваше желаніе я ему передамъ и только; настаивать не возьмусь, но особымъ причинамъ, точно также, какъ не стану и вамъ утверждать, чтобы мимо этого нельзя было бы пройти. Словомъ, я исвольно немедленно ваше желаніе.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

ССХ. Къ нему же.

Сиб., 11-го августа 1878 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ очень за письмо. Всѣ русскіе люди, въ настоящую минуту, чувствуютъ настоятельную нужду что-нибудь сказать другъ другу, хотя каждый знаетъ въ то же время, что легче отъ этого не будетъ. Молчаніе Москвы во время конгресса для меня лично не было удивительнымъ, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по

*) Картина И. А. Иреженко.

Ред.

которымъ и я молчалъ; то есть, тутъ нужно, если говорить, то заговорить всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы это не было противузаконно. Для того же, чтобы заговорить всѣмъ, еще время, должно быть, не наступило. Море не вдругъ поднимаетъ свои волны, хотя бы вѣтеръ вдругъ поднялся очень сильный; ну, да и тысяча лѣтъ что-нибудь да значатъ...

Ужасное время. Точь-въ-точь въ замертой комнатѣ, въ глухую ночь, въ крошечной тѣмъ сидятъ люди, и только время отъ времени, кто-то въ кого-то выстрѣливаетъ, кто-то кого-то зарѣзываетъ; но кто, кого, за что? никто не знаетъ. Неужели не поймутъ, что самое настоятельное—зажечь огонь? Но, вѣроятно, и въ самомъ дѣлѣ такой простой вещи никому изъ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, не приходитъ въ голову. Неужели Аксаковъ правъ, говоря въ концѣ эти ужасныя слова: «замолчите, честныя уста».....

Но сколько ни говори, легче не будетъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

Аксаковъ конченъ. Завтра ѣду въ Галсаль къ семьѣ, и по возвращеніи выплю намъ его (черезъ 2 недѣли).

ССХІ. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9-го сентября 1878 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ Аксакова я потому не посылалъ, что только что я воротился изъ Галсаля, какъ былъ у меня братъ вашъ Сергій Михайловичъ, и сказалъ, что вы должны быть надѣхъ здѣсь, проѣздомъ въ Парижъ. Я все и ждалъ, чтобы попросить у васъ 500 рублей, но 1-хъ, а во 2-хъ, показать портретъ, но теперь я удержу его до вашего возвращенія.

Что же касается до картинъ, то она немнѣжно застряла, такъ какъ и все пѣе костюмы, да разныя вооруженія: кирасы, шлемы, щиты и проч. и проч. Работалъ немного. Пишу моментально, и какъ молало, чтобы только бросить письмо, а вѣсь застану васъ въ Москвѣ еще.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

ССХІІ. В. В. Стасову.

28-го сентября 1878 г. Сиб.

Уважаемый Владиміръ Васильевичъ. Первая статья о Верещагинѣ*) мнѣ не особенно понравилась, въ ней есть противорѣчія. Вы говорите, что

*) Статьи В. В. Стасова въ «Новомъ Времени» 1878 г., №№ 926 и 928. Ред.

къ нему трудно поместить, что вы все готовы были употребить, чтобы видеть, хотя это противъ вашихъ понятій, а изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что вы съ нимъ такъ хороши, что сохраняли у себя всѣ этюды изъ Индіи. Для лицъ, не знающихъ дѣло, это не убѣдительно. Очевидно, что вы все это говорите такъ себѣ, что будто бы вы ирритируетесь. Говорятъ: «Да, Верещагинъ не пускаетъ, но не тѣхъ, кто его можетъ прославить. Французскаго критика прежде всего, а потомъ»... Словомъ, всего не перечтешь, что говорятъ! Нѣтъ надобности, я думаю, прибавлять, что я не раздѣляю это восторженіе, я говорю только, что въ 1-й статьѣ есть кое-что, къ чему можно придаться, хотя и въ ней чрезвычайно жѣтно и хорошо рассказано взаимно-глупое положеніе нубки и художника, когда мастерскія посѣщаются свободно. Но вторая статья чудесная, горячая, и очень сильная. Я радуюсь, что вы такъ нашли все то, о чемъ пишете, особенно изъ послѣдней войны, и я вѣрю, что все несомнѣнно такъ, какъ вы написали. Да, Верещагинъ одинъ; я уже давно смекнулъ, что натура его гениальная. Передъ отъѣздомъ на выставку забегу къ вамъ.

И. Крамской.

ССХІІІ. Къ И. Е. Рѣвину.

Сиб., 2-го октября 1873 г.

Дорогой мой Ілья Ефимовичъ. Я такъ былъ въ васъ увѣренъ, такъ крѣпко былъ убѣжденъ, что для васъ все дѣло Товарищества если и имѣетъ смыслъ, то только съ своей внутренней стороны, со стороны идеи! И что если есть, для чего въ жизни работать, такъ это только для того смысла, который не оплачивается рублемъ (хотя рубль и имѣетъ значеніе, охъ, какое значеніе! Я ли этого не знаю? Но потому-то онъ и имѣетъ такое роковое значеніе въ жизни человека, что не всѣ его презираютъ, и ставятъ его именно цѣлью, а не наоборотъ; ну, да это вопросъ спорный, на вѣчныя времена, и потому оставимъ). Итакъ, я зналъ, кому пишу, и очень былъ радъ отъ васъ получить отвѣтъ такого рода, что со всѣмъ, о чемъ вы говорите, я совершенно согласенъ. Уравнять повинности сообразно дивиденду, какъ вы думаете, это и есть тѣ перемѣны финансовой стороны этого дѣла, о которыхъ мы искали, это и есть тѣ частности въ идее, которыми общее собраніе займется, когда надо будетъ дать другъ другу обязательства. Но если мы не на шутку дѣлаемъ дѣло, если мы не лпкехримъ въ томъ, что идея Товарищества есть симпатичная идея, мы должны неизбежно идти по той тернистой дорожкѣ, куда насъ толкаютъ обстоятельства и условія самаго дѣла. А именно: мы должны имѣть собственное помѣщеніе. Вы говорите: отчего мы не истребуемъ въ Академіи

мѣста? Да развѣ же валь неизвѣстно, и особенно всѣмъ москвичамъ старымъ, что Товарищество изъ Академіи получило бунату такого содержанія: «чтобы Товарищество впередъ не разсчитывало никогда на отдѣльное помѣщеніе въ Академіи!» Неужели этого недостаточно? Товарищество, разумеется, готово будетъ принять, если ему помѣщеніе сама же Академія предложитъ, но достоинство Товарищества не позволитъ ему сдѣлать со своей стороны ни одного шагу, благодаря которому будущее было бы исполнено разными компромиссами, и чтобы отъ одной уступки, менѣе значительной, переходить къ другой—болѣе значительной, и такъ до безконечности. Теперь мѣста мало, не стоитъ! Да вѣдь въ этомъ зданіи будетъ ровно вдвое больше мѣста, чѣмъ въ Академіи, или въ школѣ живописи, судите сами *).

Словомъ, зданіе должно быть нѣсколько больше, чѣмъ мы имѣли нынѣ; притомъ сѣсть сверху, картины по стѣнамъ, внутренность свободна: вѣдь при такихъ условіяхъ можно помѣстить не 100 Ж.Е., а 200 и 300!! Забудьте, что мы его расписывъ, гдѣ нужно, и внутри, и снаружи, и оно, стоимостью грошъ, будетъ на столько замѣчено Петербургомъ, что репутация Товарищества сразу станетъ настолько солидною, что дастъ дохода, вѣсто 3-хъ тысячъ рублей — 6.000. Подумайте, и вы не будете сомнѣваться въ этомъ. Это и для насъ не будетъ мечтою, а возможностью. При томъ, вы всѣ такъ мало обратили вниманія на то, какъ дѣло теперь обстоитъ: во 1-хъ, если Дума даже откажется, то *** сказалъ Боголюбову: пусть, когда нужно, Крамской придетъ и скажетъ мнѣ, я и переговорю съ головою. Этого пока разглагольствовать не слѣдуетъ—вы знаете почему. А еще Громовъ: онъ даетъ на 10,000 лѣсу, на 8 лѣтъ, безъ %а, стало быть фондъ Товарищества будетъ неприкосновененъ. Сомнѣніе въ стоимости тоже не выдерживаетъ критики, вотъ почему. Спросите сто тысячъ подрядчиковъ, за что они возмущаются сдѣлать по контракту такое деревянное зданіе? Всѣ скажутъ одно: кубическая сажень деревянной мостройки стоитъ отъ 30 рублей до 45, смотря по отдаленію. Теперь, отдаленію въ сторону, ей намъ не нужно, мы ограничимся самымъ необходимымъ, а отдаленію произведемъ сами. Веремъ 35 рублей, 40 кубическихъ сажень. Считаемъ 300 кубическихъ сажень содержанія, и получаемъ 12,000 р. а такъ какъ зданіе немногое болѣе, то отъ 13 до 15 тысячъ рублей совершенно достаточно. Да оно иначе и быть не можетъ. Вѣдь каменная галлерей Трегьякова, въ 3 этажа, стояла 20,000 руб., спросите сами. Что касается Боголюбова **), то онъ только подтверждаетъ справки, добытыя

*) Здѣсь интересны нѣкоторыя изысканія того года.

**) Архитекторъ И. С. Боголюбовъ, которому Товарищество заказывало мостройку.

инимъ путемъ. Говорятъ: архитектора заманиваютъ. Да кто-же такъ будетъ дѣлать?... Тутъ дѣло ясно: дайте полъ, стѣны и стеклянную крышу — и только. Это строили миллионъ разъ, и всякій десятиникъ знаетъ, что 40 рублей кубическая сажень, при обыкновенныхъ требованіяхъ — достаточно заглаза, и всякій подрячникъ подишетъ, ни минуты не колеблясь, контрактъ на такую постройку. Этого еще мало. Вотъ уже два года, какъ устройство выставки въ Петербургѣ стоитъ ежегодно по 1,000 р., а прошлая выставка даже больше немного. Когда выставка была въ Академіи, она обходилась Товариществу отъ 300 до 400 рублей; ну, будемъ считать 500 рублей, вѣдь это ровно 500 рублей экономіи ежегодно по самому малому расчету. Не угодно ли вамъ взглянуть на дѣло съ этой стороны? Тогда постройте здание даже выгоднѣе, чѣмъ оставаться безъ него. Вотъ было бы худо, еслибы постройка было нельзя. А теперь становится ясно, что возможно. И потому, что въ этомъ страннаго? Товарищество банкротъ? Хорошо. Товарищества не существуетъ, здание осталось, оно выстроено въ долгъ, ну его и взяли, и дѣлу конецъ, никто ничѣмъ не отвѣчаетъ. А 100 рублей ежегоднаго взноса предполагалось раньше извѣстия отъ Громова; послѣ же этого всѣ расчеты правленія еще упрощаются, и общему собранію придется только найти болѣе равноправную и правильную раскладку повинности. Уже больше 10 лѣтъ, какъ я убѣждаюсь, что республика хотя и очень либеральная форма правленія, но только не съ тѣми людьми, которые имѣютъ въ извѣстнѣ качества благоразумія. Припомните польскіе сеймы: «не позволять» одного опрондлагало очень умныхъ и полезныхъ предложенія. За это сравненіе вы меня извините. Вѣрите, что я никого не имѣю въ виду, говорю такъ, и что я совершенно согласенъ, что развѣ кто-либо членъ Товарищества, онъ имѣетъ право на все вниманіе и уваженіе, хотъ бы онъ былъ и самый слабый и самый послѣдній.

Что касается вашего извиненія на лѣтнее письмо, то я долженъ былъ даже его отыскать, чтобы убѣдиться, есть ли тамъ что-нибудь такое, потому что я совершенно не заботился тогда ничего, и... признаюсь, не нашелъ ничего и на этотъ разъ. Неужели вы думаете, что ваши мысли могутъ быть приняты мною, съ желаніемъ покопаться: «А вѣтъ ли тутъ чего-нибудь, адресованнаго ко мнѣ лично?» — Въ голову не приходило. Я только увидалъ, и тогда и теперь, что кое-что я долженъ былъ бы постараться написать. И только.

Будьте здоровы. Заграницу на 2 недѣли ѣду и т. д. и т. д. Прощайте.
Вашъ И. Крамской.

ССХIV. Къ В. В. Стасову.

Paris, 15-го (27) октября 78 г.

Вы просили написать вамъ о картинѣ Вердѣ (*), когда я ее увижу; но, что сказать вамъ о ней теперь, когда у меня такая масса впечатлѣній, мыслей, вопросовъ, выводовъ, и когда въ этой массѣ совершенно нечувствительно прошло впечатлѣніе отъ картинъ Вердѣ! Нельзя сказать, чтобы я не заинтересовалъ ее, еслибы и вы не сказали; я увидалъ, конечно, сразу, что въ этой картинѣ много есть того, что теперь становится день ото дня все обязательнѣе для художника, — въ ней много реализма (только не столько въ исполненіи, сколько въ мысляхъ и намѣреніяхъ). Исполненіе же до того грубо и налевано, и такъ мало симпатично, что я почти передъ ней и не останавливался, не смотря на привѣсту: «Médaille d'or!»

Меня теперь очень занимаетъ вопросъ: гдѣ зерно настоящаго, серьезнаго искусства? Какая нація стоитъ на здоровой почвѣ? У кого мы, русскіе, должны учиться? Неправда ли, неглупые вопросы! Вы скажете: «Какъ, у кого учиться? Да ни у кого! Работайтесь сами, живите собственнымъ умомъ» и т. д. Но въ томъ-то и дѣло, что собственно намъ (я говорю о современномъ и въ нѣкогдашней) жизни совершенно испортичена: мы до такой степени забыты, такъ съ нами дурно обращались и обращаются, такъ давно держать насъ въ передней, что мы чуть не всѣ начинаемъ и сами принимать себя за лакеевъ. Странное дѣло искусство! Вѣдь вотъ, казалось бы, бери сколько хочешь, наслаждайся, вѣсь свѣтъ снесъ въ одну точку все, что гений человечества произвелъ, и какой части человечества! Самою образованной и интеллигентной! А между тѣмъ, не наслаждаешься же! Или, лучше сказать, если и наслаждаешься, то совсѣмъ не тѣмъ, что такъ щедро награждено и прославлено. Что это такое? Съ чѣй стороны ошибка? Я ли глупъ и заискиваю, и, въ качествѣ непризнаннаго таланта, или, еще лучше, русскаго человѣка, готовъ сказать: «Занадѣ гниѣтъ!», или... или и въ самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ шумѣ есть колоссальное недоразумѣніе! «Мудрый Эдигъ — развѣши!» Что это такое, какъ не намѣшка надъ потребностью человѣка въ искусствѣ, этотъ Макартъ, этотъ холстъ, равный площади какого-нибудь германскаго городка (**)? Вѣдь знаете что? Вѣдь Семпраскій и унѣе и добросовѣстнѣ!!! Я говорю это серьезно. Что это такое, всѣ эти колоссальныя картины французскаго отдѣла? Стоитъ

*) Бельгійскій художникъ, картину котораго «Варшава» В. В. Стасовъ видѣлъ на всероссійской выставкѣ того года.

**) Картина Макарта: «Видъ императора Карла V въ Антверпенѣ».

Ред.

Ред.

пройти только $1\frac{1}{2}$ часа и заглянуть въ Лувръ, гдѣ есть тѣ же самые сюжеты, трактованные 100 лѣтъ тому назадъ Давидомъ, Эженемъ (?), Грѣ, Жерико и другими. Какая тамъ, все-таки, искренность и серьезность, и какое притворство на всемірной выставкѣ! Куда же перемѣстилось истинное чувство? Въ «жанръ»? Иду, смотрю нааръ, и вижу: французъ всѣмъ счастливы, потому что никто не позволяетъ себѣ поднимать записку надъ дѣйствительностью. Къ чему? Всѣ мы знаемъ, что не такъ живемъ, не то дѣлаемъ, что говоримъ, не того дѣйствительно желаемъ, о чемъ съ наслодръ такъ краснорѣчиво расписываемся! Испанцы—еще того счастливы: тѣ только и дѣлаютъ, что бриллиантами пересыпаютъ. Итальянцы... то же самое! Словомъ, куда мы повернись, вездѣ блескъ, роскошь и веселіе! Даже тѣ немогіе, взятые изъ дѣйствительной и некрасивой жизни сюжеты, какъ будто изъ приличія, для комплекта, и подъ сурдинкой показываемыя дѣйствительными события жизни, даже и тѣ такъ мягко трогаютъ наши нервы, такъ деликатно умалчиваютъ объ извѣстныхъ вещахъ, что я, простой смертный, чувствую себя въ обществѣ, по крайней мѣрѣ, приливъ крови. Да, вотъ оно, торжество техники! И какое это торжество—сверкающая краска у Мадрадо! Глубина, гармонія и воздухъ у французовъ и бельгийцевъ, нахальный рельефъ портретовъ Вондъ и Рихтера, никому негодное чванство и деревянность Ангелы, все это торжествуетъ и раскланивается на рукоплесканія. И во всемъ этомъ гамѣ проходятъ почти незамѣченными мистическіе и глубокие глаза въ одномъ портретѣ старика—Лембаха; живая милая голова старушки (забылъ художника) въ германскомъ отдѣлѣ (за каутиной Гебгарта «Тайная вечера» около двери нальво), серьезность отношенія къ искусству нѣкоторыхъ англичанъ, моральные намеки пейзажи въ Норвегіи Мундта, Нормана. И, что всего удивительнѣе, никто какъ будто и не смотритъ на Матейко, на единственнаго человека, у котораго внутри горитъ дѣйствительный огонь, у котораго чувствуются дѣйствительное убѣжденіе. А между тѣмъ, что же такое Матейко? Видѣ у него есть много условнаго въ композиціи, много академическаго въ живописи, словомъ—это хорошая программа. Но, между тѣмъ, на сколько же голое онъ выше всѣхъ на выставкѣ—страхъ! Вотъ что дѣлаетъ настоящая вѣра и любовь къ своему дѣлу!—Словомъ, пока, я вижу полное торжество буржуазныхъ вкусовъ въ искусствѣ, и ничего больше. Вижу, что много намъ надобно работать надъ техникой и учиться у иностранцевъ, но въ главныхъ вопросахъ искусства мы безпомощны и предоставлены вполнѣ только своимъ собственнымъ силамъ, окруженные самыми неблагоприятными условіями. Потому что со всѣхъ сторонъ только и слышимъ: «Что, батюшка, каковы испанцы? А? А скульптура итальянцевъ, да и живопись тоже, а? А каковы Мункачи, а? А каковы портреты Манарта, а? То-то же!»—Рѣчь

такъ и слышится мнѣ знакомая: «Вотъ какъ вы должны бы были научиться писать, прежде чѣмъ являться на выставку!!!».

О русскомъ отдѣлѣ я ничего не скажу, по весьма понятной причинѣ, и крокъ того еще и потому, что я послѣ всего буду смотрѣть свое, родное. До сихъ поръ я еще не все видѣлъ, а то, что видѣлъ, не успѣлъ переварить и разобраться, и потому то, что я написалъ вамъ, окажется, быть можетъ, ошибочнымъ. Но оно совершенно вѣрно выражаетъ мое состояніе. При свиданіи, скажу болѣе обстоятельно, и буду вести себя благодарнымъ. Послѣ-завтра буду у Верещагина, чтобы отдохнуть головою и сердцемъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

Не могу не сказать: «Молодцы французамъ устраивать праздники». Это я говорю обо всей выставкѣ.

ССХV. Къ П. М. Третьякову.

С-Петербургъ, 14-го ноября 1875 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Начну съ того, что простите меня за рядъ небѣжливостей, или лучше за безалаберности: 1-я, получалъ деньги и молчу, 2-я, посылалъ портреты и молчу, 3-я, положилъ туда чужую вещь, и не даю объясненія вотъ уже который день, 4-я, не отвѣчаю и не пишу ничего о выставкѣ, куда уже съѣздили и давно воротились. Но... думаю, что вы догадываетесь о причинахъ, хотя и знаю, что догадываться вамъ нѣтъ никакого повода и основанія. У насъ давно назначено общее собраніе, на 12-е числа ноября, и потому, мы, съ кассиромъ напомнимъ, П. А. Брюловымъ, поработали, а потому, за недѣлю до собранія, прилеженіе вырабатывало докладъ о постройкѣ собственнаго навилюона. Ну, и вырабатало. Собраніе было въ воскресенье, въ ночь на понедѣльникъ нужно было составить протоколъ, въ которомъ были бы правильно изложены пренія, рѣшеніе и обязательства, потому что москвичи въ понедѣльникъ должны были подписать, а нѣкоторые и уѣхать, и потому вотъ только во вторникъ я могу сдѣлать то, что хотѣлъ и долженъ. Вотъ какъ длинно вышло вступленіе, совершенно, быть можетъ, ненужное.

«Весьма нужную» записку Рѣшину передалъ вчера. Сначала о портретѣ. Когда я воротился изъ заграницы, я самъ увидалъ, до какой степени было желто лицо, и потому я всевозможъ вамъ замѣтаніе, и рѣшился немедленно тронуть. Вы мнѣ напишете, хуже ли отъ этого, или лучше, или все равно? Потомъ, передъ самой отиравкой я потерялъ масляную фонъ и написалъ налку, а чтобы не пошло ничего на сырое масло на фонъ, я его, портреты, закуталъ. Хорошо ли дошелъ? Крокъ того, положила туда же «Созерцателя», чтобы не космать его въ другомъ ящикѣ, въ чемъ проишу

всем простить, так как это вам, быть может, не будет приятно, когда к вам за ним явятся (объ этом я уже написал Терещенко). Точно у вас складочное место! За деньги Сергию Михайловичу и вам великая благодарность (ох, что-то плохо дало помню — вперед забирать!) Объя Салтыковъ ежесекундно помню, и думаю, и... впрочем, я так много общался, что на этот раз уже и собственно, но помню! Теперь позвольте перейти к выставкѣ... Рѣшени и Кунинди пришли и помышали.

15-го ноября.

На всемирной выставкѣ я долженъ былъ быть, и очень радъ, что былъ. Я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ англичанахъ (современныхъ), очень мало объ испанцахъ, несколько — объ итальянцахъ и такое же о народахъ, населяющихъ такъ называемую Австрію. Стало быть, многое и очень многое я не выдалъ, а если прибавить къ этому, что я не былъ въ Вѣнѣ на выставкѣ въ 73 году, то резюмэ наберется достаточно. Начать съ того, что судить обо всѣхъ съ точки зрѣнія какой-нибудь доктрины, быть можетъ, будетъ неправильно, хотя я, въ качествѣ русскаго человѣка, не могу смотрѣть иначе. Многого и просто не пойму, и если умю я буду въ состояніи окантыть ту или другую сторону искусства, то сердечно стать не могу ни на чью сторону — кромѣ Россіи. И потому начну съ нея.

Полагаю, что слабымъ сдѣлать иной выборъ, а не тотъ, который сдѣланы, и растащить иначе, то русское искусство сдѣлало бы самое сильное впечатлѣніе на всѣхъ. Но, конечно, я это рассуждаю какъ русскій! Напримѣръ: что за счастливый народъ испанцы! Стоить только хотя мелькомъ взглянуть, чтобы не сомнѣваться въ этомъ. Даже ищцы, и тѣ дѣлаются счастливыми, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось. Что я называю счастливыми? Я разумею тотъ адъ индифферентизма къ изображаемымъ предметамъ, который вездѣ (за малымъ исключеніемъ въ Англіи) господствуетъ въ европейскомъ искусствѣ. Я говорю вообще, а объ исключеніяхъ сейчасъ упомяну. Первое и самое крупное исключеніе — Матейко. Вотъ человѣкъ, который, въ чувствуюте, не шутитъ искусствомъ, но онъ же и послѣдній. Нѣтъ другого такого же серьезнаго ума и сердца — я не говорю таланта, потому что таковыхъ видимо-невидимо, но всѣ они иррадируютъ себя за чужезначную похлебку. Кромѣ его укажу и на Мункачи. Его «Милтонъ» — вещь чарующая, хотя идея картинъ довольно безразличная. Говорить ли о Прадилла? О его «Сумасшедшей королеви», которая позитъ своего мужа въ гробъ? Картина дѣлаетъ впечатлѣніе, но, къ сожалѣнію, только, или, лучше, главнымъ образомъ — своимъ сюжетомъ. Теперь, если прибавить Кнауса и Вольфа, да дѣтъ, три вещи, разбросанныя во французскомъ отдѣлѣ, то вотъ почти всѣ исключенія. Остаются англичане, очень серьезный народъ, у которыхъ много мысли, но они, въ большин-

ствѣ случаевъ, такъ грубо мнутъ, какъ напиривъ Геркомортъ (его «Въ послѣднемъ засѣданіи»), что не знаю, какъ въ этому и отнестись. Давно я уже замѣтилъ, что новѣйшая живопись приближается къ декорациі. Но нигдѣ этого такъ ясно нельзя замѣтить, какъ на такомъ громадномъ ристалищѣ. Такой строгій приговоръ, какъ видите, совершенно подѣстать русскому человѣку, но я скажу въ оправданіе, что я говорю это со стороны принципиальной. Если же оставить эти тонкости, то придется съознаться, что много, даже слишкомъ много, есть вещей высокаго исполненія. Что, напиривъ, можетъ быть лучше (въ извѣстномъ родѣ) Альвы Талды? У кого такъ много ума и образованности? Или кто такъ вѣрно, тонко и окончательно пишетъ «жакрѣ», какъ Фирменъ-Иераръ, въ его «Снадебной процессіи», лучшей изъ перка, но аллеѣ, усыпанной осенней листвою? Эта вещь, я готовъ сказать, совершенство въ своемъ родѣ. Или, у кого, когда-нибудь, такъ сверкали краски, какъ у Мадрацо? Но за то какая же ченуха, по моему, Макаръ! Или, совершенный дуракъ Зондъ, въ его послѣднихъ произведеніяхъ!.. Впрочемъ, вы уже знаете мою личную антипатию къ этому господину, и потому, вѣроятно, я несправедливъ. По моему, лучше уже Карольше Дюранъ, хотя тоже... Гораздо лучше ихъ Жакнаръ, и-ше или и-ше, не знаю. Хорошо также Вастень Менажъ. Но лучше ихъ обоихъ, по моему, имень Мембажъ, въ его портретъ «Деллигера». Тамъ есть его же еще 3 портрета, и они мнѣ вовсе не нравятся, а этотъ старикъ, нѣкій такой умный, глубокой и нѣсколько холодный взглядъ — замѣчательно; эти глаза меня преслѣдуютъ до сихъ поръ. Господина Рихтера съ его сладкими тонами и бесовскими рельефами я совсѣмъ не перевою, онъ мнѣ противенъ. Не симпатиченъ тоже мнѣ и Ангели, хоть у него есть одинъ хорошій портретъ, какого-то, должно быть, вентерца, съ атланнскими, почти фасомъ. За то г. Биконсфильдъ ниже всякой критики. Вы видите — я лечу на почтовыхъ, а вѣдь такъ нельзя, и это я знаю; тѣмъ болѣе, что очень внимательно смотрѣлъ, и чуть не каждую картину помню. Описательно пейзажей, я долженъ сказать, что лучшіе пейзажи — у норвежцевъ. Мундтъ и Порманъ, по моему, безподобны. Потомъ есть еще маленькій бриллиантикъ у американцевъ — знаете: тихая вода, и горы горятъ въ солнцѣ, далеко, далеко. Чудесно! Скульптура — хочешь, или не хочешь, а у итальянцевъ лучшая. Монтеверде, «Освоприпнатель» — вещь серьезная, хотя и немножечко слапаная. Потомъ два бюста изъ терракотты: «Негръ» и «Негритака». Кромѣ того, два мальчишки англичанина, продающіе газеты — очень выразительно! Слѣло и недурно также: «Паразиты». Да всего не перечтешь. Позвольте отдохнуть до слѣдующаго раза. Лучше вы что-нибудь спросите.

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

CCXVI. Къ Е. М. Вѣмъ.

24-го ноября 1878.

Критиковать гораздо легче, чѣмъ дѣлать самому. Я сдѣлалъ нѣсколько набросковъ *), и убѣдился, что никакой эксцентричности не нужно. Та рука, которая къ фигурѣ пририсована, т. е. вашъ мотивъ, вѣроятно, лучше другихъ, а потому нужно ей держаться. Коизма въ самой фигурѣ достаточно.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXVII. Къ А. К. Шеллеру.

16-го декабря 1878 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Посылаю вамъ рисунокъ мой: портретъ О. А. Васильева для журнала «Живое Обозрѣніе». Стоимость его 50 р. Будьте такъ любезны, напишите слово о получении.

Примите увѣреніе моего къ вамъ уваженія. И. Крамской.

CCXVIII. Къ П. М. Третьякову.

11-го января 1879 г., Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Примите мою признательность за ваше деликатное отношеніе къ моимъ нуждамъ; но я еще думаю, и потому утверждать не буду, кое-какъ просуществовать до выставки. Денегъ всегда нужны, особенно въ томъ положеніи, въ которое я самъ себя поставилъ, но ужъ тутъ никто и не виноватъ. Я взрослый человѣкъ, и долженъ понимать, что дѣлаю. Кромѣ того, я уже и такъ чуть не кругомъ въ долгу у васъ. Если не ошибаюсь, 2,100 рублей долгу чистаго, стало быть откуда же я возьму еще храбрости забираться еще въ большій долгъ? Пока не будетъ очищенъ этотъ, мнѣ страшно идти дальше; да, наконецъ, я, какъ сказалъ уже, еще могу дышать, и потому прошу васъ не думать объ этомъ. А что я вамъ благодаренъ за заботу, такъ и говорить нечего.

Вообразите, какъ сплетаются обстоятельства. Рядомъ съ тѣмъ, что я пишу, сейчасъ же противорѣчіе, которое, надеюсь, вы не примете иначе, какъ оно есть. Помните, я вамъ рассказывалъ о г. Павловѣ, принявшемъ портретъ Софій Николаевны за портретъ Лавровской? Сей самый Павловъ

*) Крамской говоритъ про фигуру Тришки изъ иллюстрированной г-жею Вѣмъ басни Крылова: «Тришкинъ кафтанъ».

Ред.

сегодня былъ омытъ у меня, чтобы увидать портретъ Лавровской, и спрашивается, по заказу ли я его пишу? Я сказалъ: «Нѣтъ, я самъ хотѣлъ». — «А еслибы я пожелалъ его у васъ приобрести, то что онъ стоитъ?» Я говорю: «Когда будетъ конченъ, то, вѣроятно, не менѣе 2,000 рублей». — «Хорошо, я такъ и думаю». Я, видя, что онъ является покупателемъ, отклонилъ заключеніе условія до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ конченъ, и прибавилъ, что, можетъ быть, онъ будетъ приобщенъ къ коллекціи портретовъ нашихъ замѣчательныхъ людей и тогда я предпочту его помѣстить туда. На этомъ остановилось. Какъ вы думаете? Но позволите мнѣ сказать впередъ, какъ я думаю. Я думаю, что вы хорошо бы сдѣлали (хоть вы ни слова не обронили о томъ, что вы его желаете имѣть), еслибы предоставили его въ мое полное распоряженіе, потому что... ну, да словомъ, потому что вы и такъ много у меня брали.

Макса не видать все еще *), собираюсь со дня на день; не знаю — паду ли, время дорого, а если и не паду, то слишкомъ сокружусь не буду, хотя видѣть все-таки необходимо. Объ антропометрѣ я кое-что слышалъ, и что дѣло его идетъ прекрасно, благодаря 4-мъ глазамъ — и это знаю; и все-таки не завидую, въ порядкѣ вещей. Одно жалъ, нѣтъ чело-вѣка, достаточно храбраго, чтобы разъяснить публикѣ, въ чемъ тутъ дѣло. А можетъ быть — этого и не нужно. Публика такая ошца, что шерсть на всѣхъ хватить.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXIX. Къ нему же.

19-го января 1879 г., Сиб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Если откровенно поставить вопросъ (а я уже привыкъ говорить вамъ вполне откровенно), то вотъ что руководило мною, при написаніи вамъ письма о портретѣ Лавровской и г. Павловъ, который былъ такъ безпокоенъ, принявъ портретъ Софій Николаевны за Лавровскую. Если, положимъ, портретъ останется у васъ, то я не могу поставить такую цѣну, какую мнѣ заплатитъ г. Павловъ, или такъ кто бы ни былъ, а мнѣ это было бы вѣдурно. Отъ васъ не скроится (я въ этомъ увѣренъ) настоящие мотивы, руководившіе мною, даже въ томъ случаѣ, еслибы я вамъ и не сказалъ того, что сейчасъ сказалъ. Самая неприглядная сторона въ этомъ обстоятельствѣ та, что я какъ бы косвенно желаю вамъ сказать, сколько я желаю бы взять. И этого ничѣмъ

*) Говорится о выставленной, въ то время, въ Петербургѣ, «Головѣ Христа», нѣмецкаго художника Макса. Объ этой картинѣ, начекавъ Крамской статью въ «Новомъ Времени», 1878, № 1052, модъ заглавіемъ: «За отсутствіемъ критикъ». Ред.

не замашешь, а между тѣмъ это не такъ во всякомъ случаѣ: то есть и теперь, и въ первую минуту (когда я вамъ написалъ), я дѣйствительно думалъ, что если портретъ Мамуровской вы пожелаеи бы взять, и если бы не случилось г. Павлова, то цѣну за портретъ я бы не назначилъ ту, за которую я его продамъ другому. Какъ видите, я точно такъ же, какъ и всѣ смертные, не прочь поживиться, когда представится случай. Красиво это или нѣтъ, я не разсуждаю даже, а высказываю, что думаю. Пусть будетъ такъ, какъ вы желаете: оставимъ объ этомъ вопросъ, до окончания портрета. Но какъ бы я его ни кончилъ, хоти бы это вышло чудо искусства, наифренія мои отъ того не изгнаны. Я только думалъ, что этотъ портретъ не имѣетъ такого значенія, какъ другіе, то есть необходимы. Мнѣ иногда дѣлается просто совѣстно за себя и всѣхъ художниковъ, когда человѣкъ тратитъ, тратитъ, и за что подумаетъ? Объ этомъ мы съ Софьей Николаевной не разъ говорили, и она высказываетъ ту мысль, что говорить: «Мнѣ кажется, что Павелъ Михайловичъ покупаетъ просто изъ чувства состраданія».

Приходило ли вамъ когда-нибудь на мысль, что какъ было бы хорошо, если бы люди не выкладывали всего наружу, что у нихъ находится въ глубинѣ души? Что, смотря во человѣку—откровенность оставляетъ неизгладимое чувство горечи, и воздвигаетъ такіа непроходимыя стѣны, что всякое сообщеніе человѣческое становится бессмыслию и что гораздо лучше иностранцы, у которыхъ даже братья, даже отецъ съ сыномъ—на благодарной дистанціи. Не научила ли ихъ исторія, не имѣли ли и они въ началѣ тѣхъ же качествъ, какъ мы, русскіе, достаточно еще дикіе? Впрочемъ, вы все чудесно разсудите сами, о томъ, что я такъ пространно желалъ сказать, и все-таки выразилъ темно.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХХ. Къ И. Е. Рѣшину.

29-го января 1879 года.

Дорогой Илья Ефимовичъ. Посылаю вамъ рисунокъ, о которомъ вы меня просили, для какого-то изданія, предпринятаго Мамонтовымъ*), и прошу васъ распорядиться слѣдующимъ образомъ: такъ какъ (вѣроятно) рисунокъ этотъ будетъ не нуженъ по минованіи въ немъ надобности, то-есть, по выходѣ въ свѣтъ изданія, то пришлите мнѣ тогда его обратно.

*) Рисунокъ представляетъ даму съ дѣтми, потерявшую на войнѣ близкаго имъ человѣка, и глядящую черезъ окно на торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Петербургъ, у Триумфальной арки, свернувшей на Большой Морской. Ред.

Я думаю, что вамъ не будетъ стоить это особыхъ хлопотъ. Я очень бы желалъ быть исправнымъ, но именно около этого времени я былъ такъ занятъ, что рѣшительно не имѣлъ возможности исполнить данное вамъ обѣщаніе; да кромѣ того выставка на носу, и по этому случаю тоже хлопотъ не мало. Выставка, во всякомъ случаѣ, имѣетъ пристрастіе въ Академіи наукъ, но мы сочли нужнымъ помяноваться публикѣ, какъ вы увидите въ № 1049, 29 января, въ «Новомъ Времени».

Глубоко преданный и уважающій васъ. И. Крамской.

ССХХІ. Къ нему же.

3-го февраля 1879 года.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Ради Бога извините меня, дорогой мой, за недоразумѣніе. Я думалъ, что рисунокъ нуженъ только для помѣщенія его въ изданіи; а такъ какъ вамъ я обѣщаль сдѣлать, то и болѣлъ, что не успѣю къ сроку. Если онъ ужъ такъ понравился, какъ вы пишете, то и съ Богомъ, пусть его поступаетъ, куда вы желаете. Ни о какихъ особыхъ условіяхъ я знать не желаю, и будетъ обидно, если меня захотятъ выдѣлить изъ числа товарищей.

Я буду радъ, если альбомъ будетъ имѣть успѣхъ и значеніе хоть какое-нибудь, а все прочее пустяки.

А вотъ что, не найдете ли вы тамъ умѣстнымъ и не согласится ли Мамонтовъ на то, чтобы на нашей выставкѣ поставить весь альбомъ въ оригиналахъ? А? Какъ вы думаете? Я предлагаю эту идею на ваше личное обсужденіе; никому ее еще не излагалъ здѣсь. Вы знаете альбомъ, я его не знаю—и потому вамъ лучше всего рѣшить этотъ вопросъ.

Я пряхворнулъ опять. Связались недѣлю тому назадъ, и не знаю, что будетъ. Въ понедѣльникъ меня будутъ осматривать два доктора: Боткинъ и Лешанъ. Впрочемъ, я хожу. Хлопотать о выставкѣ, вѣроятно, нѣтъ придется, а этимъ займется Брюлловъ и Клодтъ. Вѣроятно же всего выставку сдѣлаемъ въ Академіи наукъ, она въ нашѣмъ распоряженіи. Когда картины выпечете, то немедленно наиниште.

Уважающій васъ, глубоко преданный И. Крамской.

Вѣръ Алексѣевичъ мой глубокой поклонъ и утѣшите ее, если возможно, сказавъ, что ничего подобнаго не было: это я все выдуналъ самъ. Горю только ликовать и радовался*).

*) Относится къ рисунку Крамского для альбома.

ССХХІІ. Къ П. М. Третьякову.

5-го февраля 1879 г.

Многоуважаемый Павел Михайлович. Посылаю вамъ удостовѣреніе отъ двухъ лицъ въ томъ, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой позволяетъ снять фотографію съ своего портрета. Вѣстѣ съ тѣмъ, передаю просьбу Суворина и Стасова вѣстѣ взять на себя трудъ велѣть снять фотографію кому-нибудь въ Москвѣ, на счетъ, разумеется, Суворина, который вамъ, впрочемъ, и самъ напишетъ объ этомъ.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

ССХХІІІ. Къ И. Е. Рѣшнину.

14-го февраля 1879 г.

Дорогой мой Ілья Ефимовичъ. Пишу вамъ два слова модъ нервнымъ впечатлѣніямъ отъ нашей картины «Царевна Софія».

Я очень былъ тронутъ вашей картинкой. Послѣ «Бурлаковъ», это наиболѣе значительное произведеніе. Даже болѣе — я думаю, что эта картина еще лучше.

Софія производитъ впечатлѣніе запертой въ желѣзную клѣтку тигрицы, что совершенно отягчаетъ исторію.

Браво, спасибо вамъ! Выставка будетъ значительная. Ваша вещь гдѣ хотите была бы первымъ, а у насъ и подавно! Вы хорошо утерли носъ всякимъ паршивцамъ. Жаль только, что ваша вещь одна, неужели не было какого-нибудь портрета? Впрочемъ, оно можетъ быть и хорошо: давать публикѣ хотя немного, но солидное. Еще разъ спасибо вамъ!

Васнецовъ, кажется, понаправляется вонюго. По крайней мѣрѣ, присланное недурно; очень жаль, что въ головѣ портрета его тѣлесная цена блинне световой.

Вамъ И. Крамской.

Константинъ Маковский ставитъ у насъ нѣсколько вещей; Харламовъ тоже, и... Леманъ! И я долженъ сказать, что на мой взглядъ Леманъ сдѣлалъ огромные успѣхи. Эта вещь положительно лучше Харламова, по моему. Выставка весьма солидная.

Что касается нашей постройки *, то она идетъ. Просьба наша принята весьма сочувственно городскимъ головою, а также и управой; въ

* Дать для передвижныхъ выставокъ, предполагавшихся въ Адмиралтейскомъ саду.

концѣ апрѣля будетъ вопросъ рѣшенъ общимъ собраніемъ Думы. Академія дѣйствительно что-то затѣваетъ, и мы уже накаливались кону слѣдуетъ въ Думѣ. Но это пока валами писано.

Картины Полѣнова были очень дурно уложены. Одну изъ нихъ «Аѳто» прорвалъ гвоздь, она оборвалась, и на вебѣ дыра въ налецѣ. Я принялъ мѣры, чтобы поправить; разумеется, ничего не будетъ замѣтно, но пожалуйста. Мы вскрыли ящикъ втроемъ: я, Литовченко и Бетровъ, видѣлъ и Шинкарь.

ССХХІV. Къ нему же.

(февраль 1879 г.)

Дорогой Ілья Ефимовичъ. «Еще есть пороховъ въ пороховницахъ! Еще не изсякла казачья сила!» Силью васъ увѣрить. Конечно, теперь центры тяжести передвинулись сравнительно съ тѣмъ, что было 5—6 лѣтъ тому назадъ. Тогда надежды были на Ге, Перова, Мисоѣдова и другихъ, а теперь гдѣ онѣ? Ну что-жъ—слава Богу, что такъ! Именно спросите другъ у друга: «А есть ли еще пороховъ въ пороховницахъ?» И хорошо, что такіе вопросы раздаются! Спасибо вамъ за него, это былъ хороший вопросъ! Коли такіе вопросы существуютъ—значитъ еще казачья сила цѣла. Выставка позавѣшалась вотъ отчего: очисти залъ, да и Куинджи еще не можете ставить, а слинковъ необходимо его нѣтъ—ужъ очень хорошихъ штукъ. Просте, я вамъ должу, духъ радуется за выставку. На 6-й недѣлѣ будетъ выставка въ Москвѣ непремѣнно; а въ Петербургѣ мы попробуемъ трезвонить во все колокола, чтобы поскорѣ или—продержимъ не долго, а хорошего много! Торонтеясь, господа!! У насъ теперь на выставкѣ много иностраннаго элемента: Харламова, Лемана, Боголюбова, Бетрова и проч. и проч. Но Боже! какой Харламовъ!! Онъ написалъ, видите ли, сюжетъ: итальянки маленькія чѣмъ-то забавляются. Ну... и... Очень хорошо написано, прекрасно, даже тазъ жѣдный есть (такъ, ни къ селу ни къ городу)—а все таки....

В. Е. Маковский прислалъ своего «Осужденнаго» и порадовать. Хорошая вещь, даже я думаю—очень хорошая, только можно ли такъ портить, какъ онъ! Голова осужденнаго противорѣчитъ перспективѣ, она—ниже, такъ, какъ будто зритель ему въ маковку смотритъ. А между тѣмъ и выраженія много, и типъ. Ну, да ничего, хорошо. А что это, позволите спросить, такой унылый, что будетъ сожалѣть, если вы будете нѣтъ успѣхъ съ «Софьей»? Скажите, если не секретъ.

И. Крамской.

Васнецовъ
е ситишь

СХХV. Къ нему же.

25-го февраля 1879 г.

Дорогой Илья Ефимовичъ. Еслибы вы знали, какъ мнѣ давно хочется написать вамъ, и подробно и обстоятельно, но я вамъ говорю, я сейчасъ голову потерялъ, такъ много работы и некогда было.

Москвичи совсѣмъ правы, написать письмо коллективное — это было необходимо, каждый изъ насъ, я увѣренъ, почувствовалъ стыдъ. Положимъ, отъ этого вамъ, москвичамъ, не многимъ легче, даже зло не на комъ сорвать, а сознание нами вины не можетъ пополнить того матеріальнаго ущерба, который будетъ нанесенъ (если впрочемъ онъ будетъ). Такъ или иначе, а выставка еще и до сихъ поръ не вся, еще нѣтъ 10 М.М., и между ними значительныхъ. Ну, да все равно, то что есть, такъ загремѣло, произвело такое впечатлѣніе, что я убѣжденъ, послѣ этой выставки, ни Академіи, ни кому слѣдуетъ — не поздоровится. Тамъ, въ Академіи, все было употреблено на то, чтобы насъ убить, если не собственными средстами, которыхъ, разумеется, недостаточно, то хотя бы съ помощью иностранцевъ, имѣя во главѣ Макарта, и... что же вы думаете, на иностранную ли выставку, «Не знаешь, куда пошлешь, въ магазинъ ли, на иностранную ли выставку», или куда-нибудь еще, только не на русскую художественную выставку». Теперь они, то есть, тамъ въ Академіи, сами сознаются, что они перехватили, ходятъ по нашей выставкѣ, и недоумиваются, — потому что выставка въ самомъ дѣлѣ провалилась. Сегодня, наконецъ, поставилъ Кундичи, и... всё просто ахнули! То есть, я вамъ говорю, выставка блестящая. Это торжъ знаетъ что такое, еще въ первый разъ я радуюсь, радуюсь всѣмъ нервами своего существа. Вотъ она настоящая-то, то есть, такая, какая она можетъ быть, если мы захотимъ.

Скажите Васнецову, что онъ молодецъ за «Преферансъ». Не знаю, общій ли торжъ выставки такъ выйдетъ, или въ самомъ дѣлѣ выставка далеко за уровень, только я хожу и люблюсь.

Вместѣ съ этимъ письмомъ я пишу и Васнецову, гдѣ ему пишу о самовольномъ поступкѣ съ моей стороны: я не поставилъ его «Голову», то-есть, даже никому не показывалъ. Она ему могла бы повредить. Казните меня, дѣлайте со мной, что хотите, но я не могу иначе поступить. Лобъ, глаза и носъ очень хорошо, но остальное — ниже возможнаго. Не знаю, что мнѣ за это будетъ, но пусть будетъ, что будетъ. Что же касается точнаго срока, то вѣдь мы же положили его, записали въ протоколъ, подписали его, и все-таки... словомъ, это равносильно желанію поддѣлать самого себя за волосы.

Полѣновъ — молодецъ, а объ Маковскомъ (Влад.) и говорить не слѣдуетъ, — передъ его картиною *) ялачутъ, передъ вашей приходятъ въ ужасъ.

Вашъ И. Крамской.

СХХVI. Къ П. М. Третьякову.

С.-Петербургъ, 1-го марта 1879 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Какъ вы сказали, такъ и хорошо: разумеется, я буду согласенъ признать С.М. точно такъ же, какъ и вы, не совсѣмъ публично. Это вопросъ рѣшенный; но когда поставлю? Вопросъ такъ просто не разрѣшается. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, я ни минуты не имѣлъ времени, постоянно устраивалъ, переделывалъ, развѣшивалъ, и до сихъ поръ еще не имѣю организованъ. Къ тому же, самъ мой Ваня цѣлую недѣлю уже при смерти, и до сихъ поръ еще между страхомъ и надеждою. Судите сами: достаточно ли я наказанъ? Полагаю, что если и есть кое-что, за что бы меня слѣдовало упрятать куда-нибудь, то я получилъ и достаточное вознагражденіе. Словомъ, дѣла изъ рукъ вонъ плохи. Что касается серьезности нашего Товарищества, равнаго серьезности «лекарскаго камня», то мнѣ остается только удивляться, почему именно въ тѣхъ М.М. газетъ, которые попадаютъ въ Москву, отсутствуютъ наши объявленія? Объявленія во всѣхъ газеткахъ (8-ми русскихъ, и 2-хъ — французской и нѣмецкой) были крику три дня до открытія, и даже на первой страницѣ, потомъ 2 раза. Товарищество помѣстило уже сообщенія также во всѣхъ газеткахъ, въ отдѣлѣ «Хроники». По открытіи выставки, Товарищество разослало опять новое объявленіе во всѣ газеты на весь мѣсяцъ впередъ. За сообщеніе, въ отдѣлѣ «Хроники» (которая и были помѣщены редакціями), мы ничего не платили, за объявленія же впередъ открытіемъ и за объявленія настояціи Товарищество заплатило уже. Кроме того, надѣясь будетъ разослано новое оплаченное объявленіе, съ перечисленіемъ картинъ и именъ авторовъ. Публика идетъ въ достаточномъ количествѣ, впечатлѣніе выставка производитъ внушительное, гулъ о качествахъ произведеній идетъ тоже довольно громкій, и почему въ Москвѣ нѣтъ о томъ никакого признака — я не понимаю и удивляюсь. Впрочемъ, нужно на объявленія, чтобы они были замѣчены всѣми, истрачивать нѣсколько тысячъ, и печатать въ одной газетѣ, и въ одной и томъ же М., на всѣхъ страницахъ: и въ началѣ, и въ срединѣ, и въ концѣ, да еще и приложить къ тѣмъ же М.М. афиши? Но ужъ на такой расходъ не хватитъ нашихъ средствъ. Мы дѣлаемъ что можемъ; или же (я согласенъ) мы не имѣемъ это сдѣлать: по-

*) «Судимый».

следнее восторжество. Кундики картины поставили, и не повортили, хотя и не удалили. Публика приветствует их восторженно, художники же (то есть пейзажисты) в первый момент еторожли (они не приготовились), долго стояли съ раскрытыми челюстями, и только теперь начинают собираться съ духомъ и, то яростно, то изъ подтупки пускаютъ разные слухи и мнѣнія; многие доходятъ до высокаго комизма въ отрицаніи его картинъ. Ну что-жъ, на здоровье! Вообще, выставка громовая, и, по моему, лучшая изъ всѣхъ, дѣйствительно. Академіи же не помогаетъ даже и Макаръ.

Къ чему намъ иностранцы? И разные мазурики? Это вопросъ сложный. Чтобы отвѣтить кратко, я скажу такъ: на бойцы. Насъ не много, правда, то есть, настоящихъ, но мы не желаемъ, чтобы тѣ, о комъ вы говорите, были бы противъ насъ. То обстоятельство, что Леманъ, Харламовъ и Маковский пришли къ намъ, произвело очень сильное впечатлѣніе, даже на такіе крѣпкіе абы, какъ * и **.

И. Крамской.

ССХХVII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 12-го марта 1879 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. На меня несчастье за несчастіемъ. Только что умеръ бѣдный мальчикъ, только что его похоронили, какъ на другой день захворала scarlatina Соя. Быть можетъ, это и было причиной, что Софія Николаевна не совсѣмъ теперь сунаседна; съ унасомъ думаю, что будетъ, если..... Но быть можетъ минуетъ нудча бѣда. И за что это? По всѣмъ этимъ причинамъ я не догрозивался (почти) до картины «Старые тополы», и, очевидно, ея не будетъ здѣсь на выставкѣ, а уже въ Москвѣ.

Теперь, вы два раза спрашивали, не нужно ли мнѣ денегъ; и я два раза волагалъ, что могу миновать это, но теперь я просилъ бы: ... *) возметь теперьшнюю картину за 2,500 рублей, то было бы не худо для меня сдѣлать слѣдующую комбинацію: выслать мнѣ 2,000 теперь — а вы получите отъ С. М. въ то время, когда картина будетъ въ Москвѣ.

Если ничего на меня не свалится въ ближайшемъ будущемъ, то я хотѣлъ бы прѣхать въ Москву, во время выставки, чтобы поправить портретъ Вѣры Николаевны, такъ на похвѣлку, пока.

Уважающій васъ И. Крамской.

Слышали? Государь былъ! А вѣдь мы и не думали. Да-съ, оно, того, пріятно.....

*) Въ оригиналѣ выражѣнъ кусокъ бумаги.

Ред.

ССХХVIII. Къ нему же.

18-го марта 1879 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Переводъ на 2,000 рублей получилъ. Портретъ Черкаскаго началъ Самарина для брата его кончать. Ничего не пишу больше, потому что очень занятъ. Тисячу благодарностей.....
Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

ССХХIX. Къ нему же.

31-го марта 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Корпусъ въ портретѣ Самарина я сдѣлалъ при братѣ его (третьемъ), который былъ у меня двѣ недѣли (или около того), здѣсь въ Петербургѣ. Этотъ, третій Самаринъ, только тогда успокоился, когда я сдѣлалъ такъ, какъ вы видите. Чтобы не ошибиться безъ натуры, я вынулъ Тулиновскую фотографію и скопировалъ, а въ вашемъ экземплярѣ, корпусъ не сдѣлалъ меньше противъ того, какъ онъ былъ, и только съ рунава убрана часть складокъ — ихъ было слишкомъ много.

Вѣстѣ съ телеграммой къ вамъ, я телеграфировалъ и Дмитрію Федоровичу Самарину о томъ, когда и гдѣ будетъ его портретъ. Я ему писалъ раньше (4 дня назадъ), что портретъ готовъ и высылалъ его къ нему, а въ моментъ отправки я его увидѣлъ, что портретъ будетъ тамъ-то, къ вамъ же телеграфировалъ на тотъ случай, чтобы вы знали, еслибы Самаринъ прислалъ за портретомъ раньше полученія вами ящика; но, какъ видно, ни письма, ни телеграммы моея отъ не получили. Адресовалъ же я по имѣющемуся у меня на его карточкѣ адресу: Поварская, собственный домъ, Дмитрію Федоровичу Самарину. Вѣрно-ли?

Портретъ Васильчикова я знаю, что хорошо, и я недоволенъ самой фактурой. Надо писать жирно, широко, и въ то же время тонко окончательно, а здѣсь жиденько красочки лежатъ, хотя хорошая краска, и липка есть. Ну, да словомъ, это все пустяки. Хорошо, и слава Богу!

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХХХ. Къ нему же.

6-го апрѣля 1879 г., Саб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я былъ убѣжденъ, что вамъ извѣстно, почему портретъ Салтыкова не прѣхалъ, такъ какъ я очень

обстоятельно написал на бумажки, приклеенной въ пустой рамѣ, что оны прѣдѣтъ вѣстѣ съ Полѣновой картиной «Яѣто», которую реставрируютъ, а портретъ Салтыкова повторяется для него самого. Чтѣ же касается критиковъ на Передвижную выставку, и въ особенности о Рѣпинѣ *), то это мнѣ служить лучшимъ подтвержденіемъ того, что они говорятъ невѣрно: Стасовъ считаетъ необходимымъ какую-то мистическую способность проникновенія старины, помимо изученія даже; но чтѣ это за проникновеніе, и какъ его отличить отъ ошибокъ и неправильнаго представленія?.. Я понять не могу, сморилъ съ ними объ этомъ даже, но бесполезно. Матушинскій же горюдитъ чистую чепуху, относительно красоты, и какой-то привлекательности, какъ слѣдствіе ея (Софіи) образованія. Ледакова же я, къ моему искреннему огорченію, даже и не читалъ. Я говорю: «къ моему огорченію» потому, что Ледаковъ, по своей колоссальной глупости, самый веселый человѣкъ. У Рѣпина есть въ свѣтѣ формальные недостатки, пожалуй, о которыхъ они говорятъ, и все-таки критики идутъ мимо находящихся его достоинствъ.

Мое мнѣніе о картинѣ Рѣпина вы знаете. Оно для меня совершенно опредѣлилось при первомъ же съ нею знакомствѣ, составилось помимо и даже вопреки слухамъ, и остается до сихъ поръ неизмѣненнымъ. Даже вообще мои мнѣнія о картинахъ другого художника довольно постоянны. Я знаю, чтѣ есть у Рѣпина и чего нѣтъ, но я молжительно говорю: укажите мнѣ другую картину изъ стариннаго нашего быта, о которой бы можно говорить серьезно и безъ смѣху? И если въ картинѣ Рѣпина много недостатковъ, то въ другихъ ни одного серьезнаго достоинства (за исключеніемъ «Петра съ Алексѣемъ» — Тѣ).

Къ картинамъ изъ русской исторіи (въ томъ-то и бѣда критики) нельзя прилагать изящной эстетики западнаго искусства. Миръ нашего народа (внутренній) такъ мало намъ, воспитаннымъ на западныхъ взглядахъ, доступенъ, что мы готовы утверждать, что это не похоже только потому, что не знаемъ, какую фязіономію имѣла эта жизнь дѣйствительно.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХХХІ. Къ И. Е. Рѣпину

29-го апрѣля 1879 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Крѣпитесь! Вы переживаете нехорошее время: чуть не вся критика противъ васъ; но это ничего. Вы правы! (по-моему).

Радуюсь за нашу выставку.

Вашъ И. Крамской.

* Картина «Царевна Софья».

ССХХХІІ. Къ П. М. Третьякову.

29-го апрѣля 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прежде всего, некогда. Портретъ Софіи Николаевны *) долженъ остаться дѣтищъ. Если они, послѣ моей смерти, его продадутъ, ихъ дѣло; а мнѣ нельзя, нѣтъ бы нужно денегъ ни было. За выставку радуюсь. Нами прѣдутъ въ Москву въ первую молодѣйшая маа.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХХХІІІ. Къ нему же.

10-го мая 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вчера у меня былъ Полѣновъ, и сообщилъ мнѣ также то, чтѣ было извѣстно уже мнѣ изъ вашего письма, что картина Кундича прорвана. Какими это образомъ случилось, они не могутъ себѣ объяснить, такъ какъ еще вечеромъ, послѣ окончательнаго закрытія выставки, Полѣновъ, Васнецовъ и еще кто-то обходили выставку, свидѣтельствовали се, и ничего не было. Это очень печально, тѣмъ болѣе, что это случилось съ вами, которому такъ много Товарищество обязано. Искренне желаю, чтобы этотъ случай не послужилъ поводомъ отказать намъ въ чемъ-либо. Кромѣ того, Полѣновъ сообщилъ мнѣ, что Рѣпина нѣтъ въ Москвѣ, а между тѣмъ, я просилъ его (Рѣпина) кое-что для меня сдѣлать, по поводу дачи, для чего послалъ 100 рублей денегъ, и не знаю, получилъ ли онъ ихъ или нѣтъ. Теперь я ужъ и не знаю, къ кому мнѣ обратиться, никто мнѣ такъ не близокъ. Попытаюсь написать къ Васнецову. Я напалъ въ Жуковскі, у Васъ Николаевича, и Софія Николаевна прѣехала бы туда къ 15-му мая (я думаю, что раньше), такъ какъ только около этого времени Соля кончить экзамены.

Что же касается портрета моей жены, то мнѣ и въ голову не могло ничего придти обиднаго, а просто, вы понимаете, что продать его нельзя.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской

ССХХХІV. Къ нему же.

14-го мая 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я слышалъ, что Рѣпинъ будетъ переписывать свою «Софію». Очень ужъ я этого боюсь. Тамъ есть кое-что, напримеръ, ноги передвинуть, стола прибавить, и сдѣлать немного

*) Жени Крамского.

правой стороны лица, но и только; это не называется переписывать, вещь историческая. Она многом не по вкусу, но это потому, что мы еще не знаем нашей старой жизни. Видь что тогда было? Какая могла быть София? Вотъ точно такая же, какъ въкоторыя наши купчихи, бабы, содержащія восточные дворы, и т. д. Это ничего, что она знала языки, переводила, правила государствомъ, она въ то же время могла собственноручно отодраť дѣвку за волосы, и проч. Одно съ другимъ исполѣ ужиналось, въ нашей старой Россіи. Благодаримъ васъ глубоко за Сопю.

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

ССХХХV. Къ И. Е. Рѣпину.

Сиб., 14-го мая 1879 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ... Я слышалъ, что вы что-то хотѣли переписывать въ своей картинѣ. Если только то, что вы мнѣ говорили, и что я находилъ, то всажалъ, а если что другое, то очень опасно. Рѣпину только и ни съ кѣмъ изъ критиковъ не согласенъ, и вы увидите еще, то есть, доживете до момента, когда публика и ваши судьи поймутъ, что ваша картина вѣрна исторіи, и потому переѣдывать вещь опасна.

Вашъ Н. Крамской.

ССХХХVI. Къ А. К. Шеллеру.

22-го мая 1879 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Извѣщаю васъ, что я вчера получилъ, наконецъ, доску отъ Полеваго, гравюры «Христа», голова и фигура, и при этомъ прому васъ не стѣснять, и оставить извѣщеніе мое безъ отвѣта, если для васъ миновала въ нихъ надобность, такъ какъ я могу помѣстить ихъ въ другое мѣсто.

Примите выраженіе моего къ вамъ уваженія. Н. Крамской.

ССХХХVII. Къ П. М. Третьякову.

1879 г. (Осень).

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Неправильность Товарищества, относительно рамы, дѣло дѣйствительно возмутительное, но дѣло вотъ какъ происходило (положимъ, намъ отъ этого знания ни тепло, ни холодно). Недѣлю тому назадъ (меньше), я узнаю, что изъ Москвы требуютъ рамы. Я говорю: чьи? Сергѣевъ отвѣчаетъ: Маковский ничего не написалъ. Какъ же мы пошлемъ, и какія мы пошлемъ? Нужно же узнать, для какихъ картинъ,

и какой выставки? Рамы въ кладовой много. Мы ихъ спрятали, чтобы не мѣшать въ путешествіи, да и тяжесть огромная. Я и говорю: напишите Маковскому, чтобы онъ написалъ, какія именно. Послѣ того молчу въ ваше письмо и Рѣпина, изъ которыхъ я узнаю только, что картинъ уже больше хвѣста дожидаются рамы, и что, будто бы, начинается исторія съ рамой Солдатенкова. Все это меня очень тревожитъ. А между тѣмъ я больше не членъ правленія. Все это я передалъ правленію, которое теперь представляетъ изъ себя одинъ Лемохъ: Ярошенко еще не воротился изъ Полтавы, а Брюловъ уѣхалъ на годъ куда-то. Ради Бога извините, сегодня же я несправно самъ все узнаю и устрою.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

ССХХХVIII. Къ А. К. Шеллеру.

15-го сентября 1879 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Посылаю вамъ рисунки изъ Пушкина. Опоздалъ, это правда, но я только что пріѣхалъ. Если поздно, т. е. рисунки уже не нужны, не стѣсняясь, возвратите ихъ обратно. Два слова въ оправданіе рисунковъ: иллюстрировать такого поэта, какъ Пушкинъ, вовсе не легко (да я уже это зналъ и раньше). Что дѣлать? Вы предоставили на мой выборъ, но видъ это значить извалить на человѣка огромную отвѣтственность. И вотъ, какъ видите, я нарисовалъ банальныя вещи, и на банальныя поэмы; впрочемъ у «Лукоморья» *) тема не банальная, но невозможная. Сомню, я понимаю отлично все, что можно сказать, но видъ кто же сдѣлаетъ такъ, какъ бы хотѣлось? И у Дорэ не всегда удается. Ну, словомъ, разговаривать безполезно. А если нужно еще, и не поздно, а главное, если рисунки мало-мальски спосны вамъ какутся, возьмите.

Я сдѣлалъ лпру послѣ Пушкина, а хотѣлъ гусли; но подъ руками не было рисунка, а на память боялся напутать. Если есть время, я переѣлаю, потому что гусли, кажется, лучше. Примите выраженіе моего уваженія. Н. Крамской.

ССХХХIX. Къ П. М. Третьякову.

Сиб., 26-го ноября 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень сожалѣю, что мое письмо къ вамъ, по возвращеніи вашемъ изъ путешествія, будетъ о

*) Тема — стихи изъ «Пророка» къ «Руслану и Людмилѣ» Пушкина. Ред.

деньгах, на которые я не имею никакого права, кроме благосклонного нашего согласия на мою просьбу. На этот раз, я прому прислать, если можно, 500 рублей.

На прошлой недѣлѣ я только что переѣхалъ мажонецъ на свою старую квартиру; въ мастерской еще ничего дѣлать нельзя: надо вытонить, и дать уйти излишнюю сырость. Работать будетъ можно, это я вижу уже и теперь: когда я проведу тамъ нѣсколько часовъ кряду, то не чувствую ни малѣйшей неохоты, запаха сырости особаго не чувствуется, словомъ, мастерская какъ будто и ничего; работать, работать и работать. Дай Богъ только, чтобы мышки остановились не было.

Шинкинъ воротился изъ Крыма съ цѣлымъ ворохомъ рисунковъ и этюдовъ, и я долженъ сказать, что онъ втянулъ на южную природу по своему, и ложительно сдѣлалъ успѣхи въ колоритѣ. Въ настоящее время, какъ вы знаете, здѣсь находится Рѣпинъ. Привезъ картину *) къ великому князю, и я долженъ сказать, что картина эта, столь ordinaria по замыслу и по прочему, кончилась у него хорошо. Середина ложительно хороша, особенно по краскамъ...

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХІ. Къ нему же.

8-го декабря 1879 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Переводъ на 500 рублей получилъ, и, конечно, слѣдуетъ прибавить, что я вамъ глубоко благодаренъ. Но вѣдь и я вотъ также запаздываю отвѣтомъ. Вы-то имѣете дѣйствительное на то право: я знаю, какъ вы работаете, ну а я, какъ бы ни оправдывался — все равно. Но вообразите же, что за это время дѣйствительно не могъ написать. Только сидю — кто-нибудь и придетъ и возмѣшаетъ. Вотъ и теперь, пишу утромъ, дѣти плутъ въ гимназію, а меня тревожатъ на верхѣ, тамъ натягиваютъ картину...

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХІІ. Къ П. М. Третьякову.

Сбѣ, 29-го декабря 79-го года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Прежде всего, въ отвѣтъ на ваше послѣднее письмо, ставлю: я вамъ глубоко благодаренъ за новое доказательство вашей любви къ искусству вообще, и сердечному отношенію

*) «Проводы неохотница».

къ концу нуждамъ въ частности. Я ставлю это впереди всего для того, чтобы, по прочтеніи всего письма, вы могли бы опять воротиться къ этой главной оговоркѣ, а не забыть какъ-нибудь ее, такъ какъ во все время она изъ виду упускать не слѣдуетъ.

Не смотря на краткость, ваше письмо меня изводило: вы желаете знать, для своихъ соображеній, зачѣмъ я беру тотъ или другой заказъ? Позвольте, Павелъ Михайловичъ. Я вѣдь могъ бы вамъ не отвѣчать. Я всегда моню одно: никто человѣку не можетъ помочь, если онъ самъ себѣ не помогаетъ; вотомъ, я человѣкъ взрослый, и долженъ понимать, куда ведетъ та дорожка, на которую давно уже я вступилъ. Положить, могутъ встрѣтиться въ жизни люди, серьезно готовые придти на помощь, въ ту минуту, когда кто-либо изнемогаетъ, подъ давленіемъ обстоятельствъ. И я говорю прямо: васъ я считаю такимъ человѣкомъ, — отсюда источникъ моего глубокаго къ вамъ уваженія. Но я таковъ ли? Я тотъ ли человѣкъ, которому надо придти на помощь? Отвѣчаю: нѣтъ. Я изъ породы Герцагинныхъ. Во мнѣ сидитъ великая гордость и самоніишіе; я думаю, и (къ сожалѣнію) продолжаю думать, что я какъ-нибудь управлюсь самъ, а не управлюсь — туда и дорога! Еще будучи ученикомъ, я не побоялся жониться, размышляя: человѣкъ выше обстоятельствъ! Человѣкъ самъ создаетъ себѣ обстоятельства! Мнѣ надо учиться, мнѣ надо еще работать какъ гимназисту, а я обзавожусь семьей, дѣтими, и еще тамъ я не знаю чѣмъ! Вы думаете, я все продѣлывалъ безсознательно, не понимая (по глупости и молодости), что можетъ встрѣтиться? Нѣтъ, я гордо мечталъ, что я все сдѣлаю, что все въ моей власти! Въ то время, когда всякій понимаетъ, что излѣпится, какъ бы онъ малъ ни былъ, отдаваемый постоянно, можетъ дать человѣку, со временемъ — устоя и избавить его отъ униженія записать, я поступаю какъ-разъ обратно. Получаю купъ за купомъ въ храмъ Христа Спасителя, и заранѣе предлагаю раздѣлить его и Артему, и товарищамъ, дѣлаю заказъ этотъ общественнымъ (а съ общественныхъ заказовъ положено было вносить 25% въ кассу), и такимъ образомъ изъ 16,000 всего на мою долю приходится 4 тысячи, за годичный трудъ. И послѣ года работы немного больше тысячи рублей въ остаткѣ. А? Хорошъ? Не глупо это? Дальше. Получаю за картину 6,000, а чтобы ее напечатать, я дѣлаю побѣдку за границу, въ Крымъ, собираюсь съ силами нѣсколько лѣтъ, чтобы освободить 4 — 5 вѣсяцевъ, необходимыхъ для переписки набѣло; наконецъ, когда дѣло кончено и деньги получены — 3 тысячи рублей долгу и, за уплатой, въ остаткѣ 3 тысячи. Семья растетъ, расходы увеличиваются, годичный бюджетъ возрастаетъ до 400 и даже больше рублей въ вѣсяцъ. На осередіи много мыслей и картинъ, а я все такой же нищій, какъ и тогда, когда жизнь начиналась. Является полученіе еще:

портрет Наследника и работа для васъ даютъ мнѣ однажды около 10,000 рублей. Что же я опять дѣлаю? Я ихъ опять употребляю для фантазій: около половины расходуется на покрытие равныхъ долговъ, очистку всего прошлаго, реставрацію жизненной обстановки, и остающіеся 6,000 рублей дѣлятся на: 4,000 (годовое содержаніе семьи, квартира заплачена), и 2,000, мое годичное проживаниеъ заграничей. Всѣ текущіе расходы въ эти 17 лѣтъ моей женатой жизни покрывались съ заказовъ, такъ что вышеупомянутыя крупныя полученія стоятъ какъ нѣкоторыя грани, эпохи. Съ разнѣжьемъ, мнѣ стало ясно, что безъ мастерской — оставаясь живописцемъ! Я дошелъ, наконецъ, до возможнаго для меня (при моей обстановкѣ) предѣла. Ясно вижу, куда и какъ надобно идти дальше, но вѣдь для этого нужны и средства другія: я рискую опять! Выходъ того, чтобы остановиться, образумиться, работать какъ всѣ, принимать заказы для храма, принимать предложенія публики, и столичной, и провинціальной (меня приглашали и въ Кіевъ, и въ другіе города), но написанію портретовъ, благо думатьъ, что я портретчикъ по призванію. Я беру обязательства на новую квартиру съ мастерской, что равное почти удваиваетъ квартирную плату, и... виллою отъ заказовъ, и какъ-то лихорадочно нечужь. Знаю, что уже больше молодость не вернется, что для дѣятельности осталось времени меньше, чѣмъ прошло, что сила физическая въ запасѣ немного, что семья остается: ни чуточки не обезбеченною, а я, какъ закусившій удила конь, направляюсь храбро въ темное будущее, безъ фуража. Ну, скажите, по совѣсти, имѣю ли я право на поддержку? (то есть виноваты, на поддержку имѣю, и отъ васъ ее частью получаю). Но на удовлетвореніе всѣхъ моихъ нуждъ, которыми, въ настоящее время, выражаются 7—8 тысячами въ годъ, — никакого! Не нужно себя обманывать. И какой можетъ быть объ этомъ разговоръ! Если бы (допускаю на минуту) мнѣ предложили на годъ, на два, эти деньги съ тѣмъ, чтобы, отказавшись отъ заказовъ, я занялся бы тѣмъ, чѣмъ долженъ и хочу, то... признаюсь вамъ, какъ это ни заманчиво было бы для меня, я откажусь. Откажусь на очень простомъ основаніи: кому-то будетъ замѣтить за меня! Я говорю вамъ: Не дай Богъ писать съ фотографій! Я ни за что не буду! Мнѣ это надобно до тонкости! Это все совершенно искренно и вѣрно, но, чтобы казнить меня такими вопросами и наоминиваніями, съ вашей стороны это... это нѣсколько жестоко! И скажу ужъ все: это показывается (не смотря на все обширность вашего сердца), что вы незнакомы съ нѣкоторыми сторонами жизни по опыту, и что вы всегда имѣли возможность не нагибать разъ принитому наизмѣру. Извините меня великодушно за это послѣднее, но если можно, станьте въ мое положеніе и скажите: могу или не могу я разсуждать такъ, какъ разсуждаю? Я уже

долженъ и безъ того — мой долгъ вамъ ястрирается сверсть 3,000 рублей, да еще оговоренные заранѣе 1,000, это и безъ того лежитъ на мнѣ тяжельмъ наплемъ. Правда, кромѣ этого долгу у меня и нѣтъ другого; но онъ (я допускаю) можетъ, какъ-нибудь, съ грѣхомъ пополамъ, покрываться еще — въ случаѣ моей смерти, но больше невозможно. Вы скажете: картина? Ну, знаете, что я самъ-то думаю? Я вѣлю ее уничтожить, если она не будетъ написана при жизни, и я знаю, что жена моя меня послушаетъ. Значитъ, на картину для меня лично надежда плоха, да кромѣ того, я всегда помню, что такіе вещи должны дѣлаться на собственнѣйшѣ страхъ. Остаются тѣ работы, которыя есть и останутся на лицо. Вотъ объ нихъ-то я и говорю, что покрыть долгъ какъ-нибудь достанетъ. А какъ же семья? Ну что-жъ? 5 человѣками нищихъ больше, ничего не значить на всю Россію! Да и то, если сосчитать, что я оставляю обществу, и что будетъ стоить прокормленіе моихъ голодныхъ, то, можетъ быть, мы и будемъ квиты. Я играю на-банкъ, но только на свои. Въ этомъ вся моя гордость. Она же не позволяетъ мнѣ и принять какое-либо предложеніе, имено потому, что мои расходы — не расходы только на искусство. Чтобы сдѣлать понятнымъ, я приведу примѣры: Иваномъ, истиннымъ и великимъ художникомъ, въ 28 лѣтъ было одинъ; его расходы можно предсказать съ ариометическою точностію. Ну, а у меня вѣдь не то: сегодня умеръ кто-нибудь (не я), завтра платежъ за квартиру и обученіе дѣтвъ, а тамъ расходъ на учителя музыки; послѣ того, пришла нужда обить диванъ на ново! и т. д., и т. д. И замѣтите, на это хотя тоже можетъ быть такса, но я на таксу не согласенъ! Повторю: можетъ ли быть какой-нибудь разговоръ серьезный о томъ, что вы затронули вашимъ письмомъ? Нѣтъ, не можетъ!

Вотъ почему я сказалъ раньше, что я могу бы вамъ и не отвѣчать. Но вѣдь я знаю, и глубоко убѣжденъ, что вы руководитѣ, въ данномъ случаѣ, не мелкое чувство любознѣтства, или неудовольствія, что я вамъ кое въ чемъ будто бы отказалъ, а отъ другихъ принимаю; нѣтъ, причины вами уважительныя, я вѣрю, и потому-то руководило слѣдующее: — «Мнѣ нуженъ такой-то и такой-то портретъ. Иванъ Николаевичъ не хочетъ, отказывается, а портреты, между тѣмъ, необходимы; надобно выяснить, чтобы заказать другому, или, словомъ, пришить нѣры къ тому; потому что обидно же, въ самомъ дѣлѣ, когда для другого рѣшается сдѣлать». Хотя я, находясь въ томъ положеніи, въ какомъ нахожусь, и могу это подуматъ, но невольно, ни на минуту на этомъ не остановился. Я привыкъ такъ васъ глубоко уважать, и до такой степени основанъ съ присутствіемъ въ васъ святой любви къ искусству, что иму причинъ въ другомъ мѣстѣ, изъ источника болѣе высокаго — состраданія къ чужому положенію. На это

указывает, между прочимъ, и вопросъ вамъ: не нужно ли мнѣ? и уговоръ быть безъ церемоній! И въ свое время я вопросу оставшіяся тѣ уговорныя деньги, о которыхъ я еще въ Москвѣ заговаривалъ. И такъ, вотъ вамъ полная исповѣдь! Надѣюсь, что вы въ душѣ сознаетесь въ правотѣ моей точки зрѣнія на себя самого, и въ моей правотѣ пониманія обстоятельствъ, то есть, что я говорю ни больше ни меньше того, что есть. А впрочемъ, можетъ быть все, что я наговорилъ, совершенно лишнее? Я принимаю мои предположенія за дѣйствительность? Видѣ предложенія мнѣ никто дѣлать не думаетъ? Тогда положеніе мое нѣсколько забавное. Во всякомъ случаѣ, я вѣрю, что вы мнѣ раскроете эту загадку.

Теперь оправдательные пункты:

Отъ портрета Иванова я и не отказался, а хочу и постараюсь его сдѣлать. Портретъ Никитина, какъ священная обязанность, можетъ подождать, какъ и всѣ священныя обязанности; нематеріальныя должны уступать, по необходимости, реальнымъ обязанностямъ, которыя на меня унали сверхъ ожиданія, при переѣздѣ. Я просчитался, сознаюсь, и отсюда необходимость портрета Васильчикова. Что же касается Корнилова, то портретъ его написалъ по особымъ обстоятельствамъ, и написалъ не за ту цѣну, которую мнѣ платитъ публика. Въ комитетѣ по устройству маятника Пушкину мы познакомились; онъ хотѣлъ портрета, но сказала, что платить мой трудъ ему не подъ-силу (онъ не богатъ). Тогда я сказала, что моя цѣна для него будетъ отъ 50 рублей до 1,000 рублей, пусть онъ выбираетъ. Ну, отсюда недалеко и до старушки, которую я также давно обещался ему сдѣлать. Это портреты такіе же, какъ Менделѣева, и много еще найдется: то есть, это моя филантропія. Какъ видите, я еще играю роль богатаго человѣка — роль, уже вовсе ко мнѣ не идущую! Единственное оправданіе мнѣ — это искреннее ко мнѣ расположеніе съ ихъ стороны, и оффиціаломъ работъ — ну, а это струнка у художника чувствительнаго! Кажется, я отвѣчаю на всѣмъ пунктамъ. Пшну къ вамъ выговоравливающій, то есть, поднявшійся съ постели, гдѣ меня удержали цѣлую недѣлю. У меня что-то случилось въ книгахъ, начиналась какая-то омухоло на одной изъ оболочекъ, четверо сутокъ лежалъ на одномъ мѣстѣ ледъ. Говорятъ, надо ѣхать лѣтомъ или въ Карлсбадъ, или въ Эссентуки. Господи! Видѣ эдакъ, и до разважи не далеко! Судите меня какъ знаете!

Глубоко уважающій васъ Н. Крапской.

СОСЛП. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 9-го января 1880 года.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что не тотчасъ отвѣчалъ, причиной книга объ Ишкковѣ. Какъ-разъ въ это время получилъ, и три дня заносомъ читалъ. Это одна изъ самыхъ сильныхъ трагедій, какихъ только мнѣ удавалось прочитывать.

Вы напрасно, совсѣмъ напрасно, утѣряете меня, что вами руководитъ любовь къ русскому искусству. Видѣ я съ этого началъ, просилъ объ этомъ поинтеръ, и есабмы я иначе думалъ — я, конечно, ничего не написалъ бы. Не знаю, есть ли другой, одинаково убѣжденный со мною относительно васъ, но во всякомъ случаѣ нѣтъ другого, такъ мало мѣнявшегося на протяжении нѣсколькихъ лѣтъ относительно сумности вашихъ отношеній къ русскому искусству.

Что касается специально вашего перваго письма, вызваваемаго во мнѣ волненію, то оно грѣшитъ только однимъ: неполнотой. Есабмы, напримѣръ, я зналъ, что у васъ есть мысль съ моею помощью достать эту въ Иванова, то развѣ-жъ я отказалъ бы? Неужели вы не убѣждены, что я для Иванова не сдѣлалъ бы дружескаго крюка. Видѣ я съ радостью бы это сдѣлалъ, и мнѣ кажется, вы должны бы это знать, осторожность тутъ лишняя. Что же касается того, что вамъ какъ будто знакомо, что я вамъ о себѣ сказалъ, хотя мы никогда объ этомъ не говорили, то и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, я не такъ закрытъ, какъ кажется.

Я всегда говорю то, что думаю, особенно вамъ. Все, что я сказалъ о себѣ, я дѣйствительно говорилъ, и не одинъ разъ, по поводу разныхъ обстоятельствъ, касавшихся другихъ, такъ что нѣтъ ни одной новой мысли; можетъ быть нѣкоторые факты новы, да и то едва ли. Относительно картинъ моей, вы говорите, васъ интересуетъ — вѣрно, но не лишнее будетъ васъ познакомить съ слѣдующимъ фактомъ. Теперь я вижу, что картина застриваетъ надолго, если не совсѣмъ. Что она медленно подвигалась — причиною не только отсутствіе мастерской (это предлогъ только благовидный): вовсе даже нѣтъ, а опять-таки одно и то же — надо было работать другое. Она не могла быть сдѣлана своевременно — почему? Богъ мнѣ судя, но не могла дѣйствительно; я утѣрялъ все отъ меня зависѣвшее, но... выше дѣла глаза не бывають!

Теперь, наконецъ, я могу, какъ видите, даже говорить объ этомъ — потому что не такъ больно; иричало уже себя къ мысли, а раньше — годъ, особенно два, я такъ болѣлъ этимъ, что когда у меня спрашивали — я приходилъ въ нервное разстройство. Теперь другое дѣло: я скоро всѣмъ и каждому скажу то же, что и вамъ. И такъ, ради Бога, не думайте, чтобы

я хотя на минуту сомневался не только въ причинахъ, вамъ руководившихъ, но и въ готовности къ помощи, гдѣ она дѣйствительно нужна; но прошу вѣрить также и тому, что я не потерялъ еще способности сразаться свои силы съ обстоятельствами. Я оспариваюсь на перелѣтѣ и во время; я не могу себѣ позволить того, въ чемъ такъ усердно осуждалъ другихъ, и потому до тѣхъ поръ, пока буду имѣть энергію для борьбы, я останусь на этомъ тяжкомъ пунктѣ, и повторю: долѣтъ въ 4,000 рублей я еще кое-какъ вынесу — а больше не могу.

Неужели вы хотѣли бы, чтобы я разсуждалъ иначе? Вы пишете, что лучше еще задолжать, чѣмъ отвѣчаться заказами, и съ вашей стороны это послѣдовательно, я понимаю; но съ моей — это непростительно. И такъ, я считаю это совсѣмъ конченными вопросамъ.

Имѣете ли вы книгу объ Иванѣ? Если имѣете, и имѣете время прочитать, то поделитесь впечатлѣніями. Тамъ есть вещи высокія! Спасибо Михаилу Петровичу*, онъ исполнилъ, наконецъ, то, что на немъ лежало какъ обязанность, и исполнилъ превосходно.

Уважающій васъ Н. Крамской.

ССХLIII. Къ В. В. Стасову.

9-го января 1890 г., Сиб.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Благодарю и васъ, и Верещина за предложеніе заказа для Америки**), но я не могу принять — ужъ очень много дѣла и безъ того — да при томъ же, я и не мастеръ на эти работы. Итакъ, надо просить Васнецова.

Если бы вы и не прислали запроса о книгѣ***), то я сегодня бы написалъ, такъ какъ только что кончилъ вчера чтеніе. Два, три вечера отнимали посылатели, да и читалъ я ее особымъ образомъ: дѣлалъ выписки и замѣтки. Ужъ очень долго я ждалъ эту книгу — справедливо ожидал, что тамъ есть нѣчто достойное самаго внимательнаго чтенія, и я не ошибся. Что касается прогрессивныхъ идей Иванова, то, разумеется, я тутъ вмѣстѣ съ вами готовъ ставить сколько угодно восклицательныхъ знаковъ, настаивать, а не изъ принципа только; тѣмъ болѣе, что я ни на минуту не забываю того, что если многіе идеи Иванова теперь почти ходячія между

лучшими художниками, то въ 30-хъ годахъ это просто — революція; не забываю и того, что какъ бы я ни былъ склоненъ понять условія, окружающія Иванова, а никогда достаточно ихъ не войну. Что это такъ, я доказалъ себя часто на мелочахъ. Напримеръ, на страницѣ 218, въ письмѣ къ сестрѣ своей онъ пишетъ: «Намъ (то есть художникамъ и людямъ умственнаго труда) нужно перевоспитывать великихъ міра сего въ томъ разумѣ, что отъ нихъ, какъ отъ лицъ нравственныхъ, будутъ зависѣть лучшіе успѣхи отечества», и потомъ прибавляетъ чрезвычайно нѣтъко: «этой работы вовсе не знаютъ иностранцы!» Важность этого я, конечно, монялъ, потому что черезъ 15 лѣтъ, тому же Иванову, Гурьевъ въ Исаакіевскомъ соборѣ говорить, что пустить на освѣщеніе съ бородой русскаго — онъ не согласенъ, и надо прибавляетъ, что французъ, конечно, пустилъ бы. И я понимаю это хорошо до сегодня (черезъ 25 лѣтъ послѣ Гурьева), опять-таки потому, что условія эти докатились, почти въ своей неприкосновенности, до моихъ особъ. Но сколько же условій, исчезнувшихъ уже? И такъ, я говорю, что во всемъ, что вы обратили бы мое вниманіе, я заранѣе согласенъ. Не поражили меня также его художественные идеалы, потому что давно уже я догадывался объ нихъ и изъ его картинъ, а еще больше изъ его этюдовъ. Я даже былъ приготовленъ отчасти къ его композиціямъ, о которыхъ вовсе не имѣлъ никакого понятія до теперешней осени. Это именно то, что я думалъ. Какъ давно я былъ приготовленъ къ пониманію Иванова, можетъ намъ дать понятіе слѣдующее. Когда въ 58 году я увидалъ картину его, то вотъ что я тогда думалъ: «Есть такіе созданія художниковъ, которыхъ можно считать совершенными портретами, лучше и похожѣе которыхъ на-красно стараться и сдѣлать. Къ числу ихъ надо отнести: Юнтера, Венеру Милосскую, голову Мадонны (Сикстинской) и Крестителя Иванова». Вы видите, что если въ группировкѣ можно уловить незрѣлость, то вы поймете только, что я хочу сказать. Мнѣ тогда не было 22-хъ лѣтъ, и ужъ, конечно, все это было, мока, на степени истинности. Но я не хотѣлъ васъ занимать собственной персоной, это только къ слову — я хочу только сказать, что многія вещи я уже зналъ безъ книги, и былъ убѣжденъ внимательнымъ изученіемъ работъ Иванова. Но вотъ какая сторона была для меня нова и особенно интересна: это его судьба. Ни одной еще трагедіи я не читалъ съ такимъ глубокимъ и захватывающимъ духъ волненіемъ. Положимъ, тутъ все связано роковыми образами: то есть, его идеи и результаты труда его неизбежно ведутъ къ трагической развязкѣ; онъ умираетъ естественно, никто лично не виноватъ въ его смерти, а между тѣмъ есть гдѣ-то виноватый! Я его чувствую. Это ужасное, безформенное, холодное животное — человѣкъ. Повторю, я съ такимъ волненіемъ читалъ эту книгу, что она положительно падала у меня изъ рукъ, и я не могъ ее

* М. П. Веткинъ, издавшій книгу объ Иванѣ на свой счетъ. *Ред.*

**) Рѣчь шла объ огромной «матеріалѣ», въ рѣзъ панорамахъ Филимова, Ившина, Делала и проч. В. В. Верещинъ отказался отъ этого предложенія, и прислалъ В. В. Стасова предложить его, отъ его имени, Крамскому. *Ред.*

***) Жизнь и переписка Иванова, издаме М. П. Веткина: въ редакціи и печати этой книги В. В. Стасовъ принималъ самое дѣятельное участіе. *Ред.*

продолжать, долженъ былъ оставаться, чтобы успокоиться. Вотъ когда я готовъ сказать: жизнь — выше Шекспира! Прожить сознательно болѣе 30-ти лѣтъ, работать, дать доказательства своей способности («Магдалина»), начало картины, массу этюдовъ (картину видѣли всѣ, кто хотѣлъ, до 48 года) и..... не встрѣтить ни одного человѣка, способнаго мыслить, что это такое — это, какъ хотите, ужасно! (Я говорю о тѣхъ, кто, или по своему положенію, или по состоянію и богатству, могъ дать средства Иванову работать). Немножко прикиньтесь къ міросозерцанію Шопенгауэра. Но, вѣроятно, исторія даромъ не проходитъ, хотя и говоритъ иногда противное.

Во мнѣ уже нѣсколько лѣтъ сидитъ гвоздемъ въ головѣ мысль: что такое Верещагинъ? Не есть ли это Ивановъ, умудренный опытомъ, что съ людьми надо поступать, какъ съ подлой толпою? Онъ какъ будто говорить: «Нѣтъ! Шалишь! Я не наміреюсь умирать на солонѣ. Я тебя (публику) поставлю сразу на свое мѣсто». И вотъ разница въ результатѣ. Ивановъ за 300—400 этюдовъ и картинъ едва наскоблѣлъ 20,000 рублей, а Верещагинъ..... Ну, да можетъ быть тутъ есть пункты разногласія?! Оговариваюсь для правильнаго пониманія меня: многія вещи въ дѣйствіяхъ Верещагина лично мнѣ не симпатичны, но я себя спрашиваю: нѣтъ ли право Верещагинъ употребляетъ силу? Я отвѣчаю: нѣтъ. Ну, а коли нѣтъ, то, слѣдовательно, и хорошо, что онъ ее употребляетъ. Генію позволено многое, даже все,—иное дѣло лягушкаться. Какъ вы полагаете?

А вашей статьи объ Ивановѣ я не видалъ, вы мнѣ обѣщали прислать ее, позвольте вамъ напомнить.

Я все еще не выхожу. Первый разъ, что выйду — зайду къ вамъ, чтобы принять возраженія — и подумать о нихъ.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

ССХЛIV. Къ П. М. Третьякову.

22-го февраля 1880 г.

Многочуважаемый Павелъ Михайловичъ. На выставкѣ въ Академіи Художествъ есть нѣсколько вещей, стоящихъ вниманія. Орловскій еще никогда не былъ такъ хорошъ; особенно «Ферма».

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

ССХLV. Къ А. К. Шеллеру.

23-го февраля 1880 г.

Милостивый государь Александръ Константиновичъ. Вслѣдствіе отъѣзда нашего Зиновьеву, что работа ему можетъ быть дана только въ томъ случаѣ, если онъ можетъ заявить о чемъ-либо согласіи изъ художниковъ, перебранной выставки на выставкѣ ихъ произведеній въ «Живописномъ Обществѣ», свидѣтельству, что пока я ручаюсь за три картины моя и Боголюбова.

Принимте выраженіе моей совершенной преданности Н. Крамской.

ССХLVI. Къ И. Е. Рѣпину.

Спб., 17-го марта 1880 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Ваше письмо даже не предупредило собѣтъ. Многіе сходятся на томъ, что вы говорите, и шагъ долженъ совершиться именно въ желаемомъ вамъ направленіи. Со времени общаго собранія, я находился въ оцѣ, чувствовалъ необходимость какой-то мѣры, но какой? Это было мучительно опредѣлить. Я лично, да мѣлагу и Товариществомъ—будущее, будетъ вамъ глубоко благодарны за ваше превосходное письмо. Оно послужитъ основой и толчкомъ быть можетъ начинающейся бурн, которая, надо полагать, очиститъ нравственную атмосферу. Конечно, ваше письмо не есть частное, что бы тамъ ни говорили, а глубоко общественное. Сожалѣю, что не могу собрать мыслей, чтобы написать что-нибудь, тороплюсь только увѣдомить васъ, что письмо ваше я получилъ, и что ваша благородность усилила я глубоко къ вамъ и радуюсь. Ахъ, Богъ дастъ, мы воротимъ членовъ художниковъ, растушимъ и развивающихся, и получимъ возможность свободы движенія отъ жертвующихъ поставленийъ и бюрократическихъ тонкостей, которыми, однакожъ, мѣшаютъ жить и дѣйствовать. Прибавлю: трудно Васнецову пробить кору рутинны художественныхъ вкусовъ. Его картина не скоро будетъ понятна. Она то нравится, то нѣтъ, а между тѣмъ вещь удивительная. Я радъ, что великій князь Владиміръ Александровичъ просилъ узнать о цѣнѣ его картины. Боже мой, мы такіе олухи, что, оказавшись, не имѣемъ объ этомъ свѣдѣній, а околесину несемъ отлично.

Какъ ни трудно мнѣ выступить активно, но если не найдется инициатора, то попробую еще разъ.

Глубоко преданный и уважающій васъ Н. Крамской.

CCXLVII. Къ нему же.

Сиб., 25-го марта 1880 г.

Дорогой мой Илья Ефимовичъ. Слѣдовало бы дать вамъ подробный отчетъ обо всемъ случившемся здѣсь, послѣ вашего отъѣзда, но это почти невозможно: такъ много было волненій, споровъ, собраній. Все это, наконецъ, выразилось въ коротенькомъ письмѣ къ Виктору Михайловичу*), которое мы и предлагаемъ вамъ подписать, прежде передачи по назначенію. Не знаю, какъ вы тамъ въ Москвѣ, одобрите ли эту редакцію, и какъ по вашему: удовлетворить ли она Васнецова?.. Я совсѣмъ мыслить не успѣю, а хотѣлъ ускользнуть Васнецова, а между тѣмъ вышло наоборотъ. Напишите пожалуйста, то есть, Брюлловъ, Леховъ и Ярошенко, отъ правленія, я вамъ поручаю, а то, пожалуй, я еще что-нибудь сдѣлаю не такъ!! Письмо ваше я сдѣлалъ извѣстнымъ и некоторымъ, точно такъ же не молчу и я, извините, считалъ себя въ правѣ, такъ какъ оно, разумеется, не частное, а глубоко общественное. Оно имѣетъ такую огромную важность, что многихъ, если не всѣхъ, заставило придатьнаться.

Уважающій васъ И. Крамской.

CCXLVIII. Къ П. М. Третьякову.

Сиб., 24-го апрѣля 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что такъ долго не отъѣзжалъ: причина весьма неуважительная — я раскисалъ по всѣмъ швамъ морально; какое-то огульное состояние, и еще, вѣроятно, не скоро приду въ себя. Въ передергати Товарищескія оставляютъ скверный осадокъ послѣ себя, поэтому задержалъ и картину. Завтра посылаю рисунки, и акварели Гуна тоже, отъ Шинкина не знаю, получили ли, впрочемъ: я пошлю къ нему записочку завтра; давно я его не видалъ.

Вережагина съ аукциона не выдалъ, а спустя недѣлю получилъ отъ него записочку, въ которой онъ объявляетъ, что не заходилъ и не зашелъ ко мнѣ къ тому, что ему было совѣстно послѣ общанія**), и послѣ того, какъ онъ не сдержалъ слова. Утѣшилъ извиняется и проситъ отложить портретъ до другого раза. Такъ и кончилось.

Дай вамъ только Богъ перенести до конца то тяжелое положеніе, которое называется «любовью къ искусству». Не о наградахъ и благодарности рѣчь — на это нѣчего растрачивать — люди неутомимы и жестоки, осо-

*) Васнецовъ.

**) Общаніе возпротвѣ Крамскому для портрета.

Ред.

Ред.

бенно люди, которыхъ судьба поставила высоко надъ толпой. Я говорю о Вережагинѣ: я ему его аукциона простить никогда не могу. Одна надежда на всесправедливое время. Но эта надежда для личности, какъ вы знаете, мало утѣшительна. Картину мою поправилъ, и какъ будто лучше; впрочемъ, вы увидите. Рисунковъ же русскихъ художниковъ, у меня, къ сожалѣнію, не валяется никакихъ, и, стало быть, этимъ служить не могу.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

CCXLIX. Къ нему же.

Сиб., 30-го сентября 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ... Въ настоящее время, вы, вѣроятно, получили уже квитанцію на картину. Къ свидѣнію вашему присовокуплю (если вы видѣли картину), что о головѣ можетъ быть еще рѣчь будетъ, кромѣ того она не въ общемъ тонѣ, немного желта: я думаю ее поправить по возвращеніи. Рисунки и акварели ваши у меня, и я уже ихъ сколько разъ забывалъ. Я писалъ вамъ, что высылаю вечеромъ, а на утро, когда закумуривали ящики, забылъ, потому хотѣлъ взять теперь съ собою въ Москву, и опять та же исторія. И. И. Шинкинъ высылаетъ на ваше имя 200 рублей, для передачи Ольгѣ Емельяновѣ, матери Васильева. Она, бѣдная, болѣла и находится въ Москвѣ, проѣздомъ въ Крымъ. И. И. Шинкинъ не имѣетъ никого въ Москвѣ, кому бы довѣрить навести Васильева, и спрашивалъ у меня, можно ли къ вамъ обратиться съ такого рода порученіемъ — я сказалъ, что я думаю. Впрочемъ, онъ вамъ самъ напишетъ. Теперь онъ пожелъ сдѣлать переводъ денегъ въ Москву, на ваше имя, а я исполню только предисловіе. Выль у Перова, видѣлъ картину «Никита пустосвятъ», и нашелъ и его самого, а главное, картину, гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ. Есть головы положительно хорошія.

Уважающій васъ И. Крамской.

SSL. Къ А. С. Суворину.

30-го октября 1880 г.

....Дальше: нынѣшніи лѣтомъ М. П. Боткинъ встрѣчаетъ совершенно неожиданно Семипрадскаго въ Москвѣ. Какими судьбами? Такъ и такъ, вызванъ по телеграфу Уваровымъ. Ну, и что же? Да ничего, пока въ цѣль не сходимся*). На другое утро, Боткинъ, возмущенный, ѣдетъ къ Уварову и налагаетъ ему все непріятное приглашенія Семипрадскаго, но ничто не беретъ. Уваровъ ссылается на то, что у Семипрадскаго все такъ археоло-

*) Рѣчь идетъ о копированіяхъ, украшающихъ стѣны Историческаго Музея. Ред.

гично. Тогда Воткинъ спрашиваетъ, видѣлъ ли Уваровъ, какъ археологично сдѣлалъ Семирадскій образа въ храмѣ Спаса? Оказалось, что графъ не собрался еще. Послѣ всего, Уваровъ успокоиваетъ Воткина, что всѣ русскіе художники получаютъ свою долю въ работахъ (каково?). Дѣйствительно, когда уже Семирадскій уѣхалъ, обдѣлавъ дѣло, Уваровъ разговаривалъ въ Москвѣ съ художникомъ Невренинымъ, который хотѣлъ за картину по 3,000 рублей, а Уваровъ предлагалъ по двѣ. Семирадскому же заплачено по 10,000 рублей, и, кажется, картины уже кончены. Это послѣднее не достоверно, то есть, я только слышалъ, а сообщенное раньше я знаю изъ верныхъ рукъ.

А Вережанинъ-то? Очень жаль одно, что банкетъ, предложенный ему здѣсь, въ Петербургѣ, отъ имени художниковъ, онъ отвергъ, а тамъ принять *). Ну, да это должно быть такъ и нужно.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССЛІ. Къ М. П. Третьякову.

30-го октября 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините, что на банкетъ. Первый листъ попался подъ руку.

Если къ вамъ принесли портретъ Чернасскаго отъ киянина Черкасской, которой я носалъ два на выборъ, то не удивляйтесь. Я прошу васъ поставить таковой гдѣ-нибудь у себя въ садикѣ до вернаго случая, и прошу васъ извинить меня за это.

Уважающій И. Крамской.

Дѣло съ выставкой, то есть съ Воткинскимъ, уладилось. Мы получили почти все, что требовали.

ССЛІІ. Къ И. Е. Рѣшину.

7-го ноября 1880 г.

...Въ настоящую минуту у васъ въ Москвѣ имѣтъ посланный г. Констатиновичъ для подписанія журнала экстреннаго общаго собранія. Случилось это потому, что товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ сегодня (напримѣръ) объявилъ намъ, что онъ дать разрѣшеніе на открытіе выставки постоянной не можетъ, а если мы будемъ просить о дополненіи къ уставу, то это весьма скоро сдѣлается—и пригласилъ насъ подать проше-

*) Нефрмный слухъ. В. В. Вережанинъ нигдѣ не принималъ предлагаемыхъ ему банкетовъ.

Ред.

ніе, въ воскресенье или понедѣльникъ, объ этомъ. То есть, я вамъ доложу, что за чиновники!

Ну что-жъ, право имѣть правъ и на постоянную выставку никогда Товариществу не иѣшается; затѣмъ, расходовъ Товариществу отъ сего никакимъ не предстоитъ, такъ какъ, если вы поинте, я просить разрѣшенія нѣтъ устройство выставки постоянной на свой рискъ и страхъ, а тамъ будетъ видно. Смиръ-боръ загорѣлся отъ того, что градоначальникъ не разрѣшилъ выѣзти.

Я думаю, что никто не откажется подписать протоколъ, такъ какъ все должно быть сдѣлано легально. Отсутствующіе: Ге, Мясоедовъ, Бронниковъ и Боголюбовъ сиромы телеграммами, и уже отвѣчали сегодня, что согласны. Стало быть, постановленіе объ измѣненіи § устава состоится единогласно.

Преданный вамъ И. Крамской.

Какую бурю восторговъ поднялъ Куиндинъ! Вы, вѣроятно, уже слышали. Этакій молодецъ—презель!

ССЛІІІ. Къ М. П. Третьякову.

23-го ноября 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Кольцова на Пушкинской выставкѣ я смотрѣлъ, и внимательно. Мнѣ тоже понравился портретъ Пушкина № 16, крипсываенный Vernet'у, но вообще портреты Пушкина нигде не годятся.

Я не знаю, говорилъ ли я вамъ раньше о памятникѣ вообще. Я утверждалъ и утверждаю, что у Опекушина все обстоитъ благополучно. Вы находите, что фигура жалкая, по моему—нѣтъ. Это не фигура поэта, это правда, но приличный статскій человѣкъ—вотъ и все. По моему, фигура Пушкина—Забѣлы, та, которую онъ привезъ изъ заграницы, въ иланѣ, шланъ въ рукахъ, одна нога приподнята о камень, и въ высокихъ сапогахъ,—она, положимъ, не Богъ знаетъ что такое, но нѣкоторое одушевление есть. Что же касается Микѣшина, то я тутъ не судилъ. Такъ какъ я не люблю Микѣшина, то и не могу быть къ нему справедливымъ. Мнѣ кажется, что все, что онъ дѣлаетъ—глупо. Бюстъ Гальберга—другое дѣло! Это, дѣйствительно, лучшая вещь, носилъ маски.

Вотъ съ нимъ, съ Куиндиномъ. Пусть его прославляется. Для меня, давно вещь рѣшенная, что всѣ выходящіе изъ ряду вонъ люди не социальны. Обыкновенные смертные нуждаются другъ въ другѣ, а не сидятъ. Когда въ Петербургѣ, но общаюся?

Уважающій васъ И. Крамской.

У М. П. Кюдта хорошая картина, очень хорошая—не ожидайтъ: «Царика посѣщаетъ терьеръ».

ССLIV. Къ А. С. Суворину.

Сиб., 29-го ноября 1880 г.

Многоуважаемый Алексей Сергѣевичъ. Вообразите, съ какой просьбою и обращаюсь къ вамъ. Не желаете ли вы купить меня, или не можете ли дать мнѣ содержание до июня мѣсяца будущаго года, т. е. до конца моей картины?

Въ состояніи вы располагаете двумя тысячами въ первыхъ числахъ декабря и по 600 р. ежемесячно, съ 1-го января моего года до июня мѣсяца? Всего, стало быть, вы израсходуете 5,000 р. сер. Въ обезпеченіе вы получаете все, что мною будетъ сдѣлано до срока московской выставки, а именно: «Музыкантъ», небольшая картина величиною около 1 1/2 арш., «Вдова» одна фигура въ натуральную величину, картина около 3-хъ арш., и большая картина «Дворъ Пылата». Первые двѣ я кончу къ очередной выставкѣ, къ великому посту, а большую картину — къ всероссійской выставкѣ, къ маю. Что прежде продастся, изъ того долгъ и вычитается.

Послѣдніе два года привели меня къ необходимости отказаться отъ портретовъ вовсе (т. е. отъ портретовъ публики), или же, въ вротинномъ случаѣ, махнуть рукой на тѣ затѣи, которыми давно уже ждутъ очереди, и упустили ихъ вовсе, предоставляя времени сдѣлать свое дѣло — доказать меня. Время уходитъ, мнѣ уже 43 года... и если я нѣмѣю время еще, то не больше 5—6 лѣтъ бодрыхъ и ясныхъ? Что вы на это скажете?

Уважающій васъ И. Кранской.

ССLV. Къ П. М. Третьякову.

12-го декабря 1880 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Къ моему искреннему сожалѣнію, злостные 1,000 рублей потребовались раньше, чѣмъ я думалъ. Не прибавлю ни одного слова. Читали ли вы книгу объ Иванѣ? Очень хорошо!

Глубоко уважающій васъ И. Кранской.

ССLVI. Къ нему же.

Сиб., 14-го февраля 1881 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините великодушно, что протрудилъ отъѣздомъ. Жизнь все сложнее, времени все меньше и меньше, положеніе мое все хуже и хуже. Нѣтъ момента свободнаго. — Къ дѣлу.

Очень жалю, что мой рассказъ о плачѣ дѣвницъ, изъ безпокойства о О. М. Достоевскомъ, какъ о живомъ, такъ васъ встревожилъ, и доставилъ вамъ такія тяжелыя минуты. Я не зналъ интимную подкладку вашей внутренней жизни, и какую роль Достоевскій игралъ въ вашемъ духовномъ мірѣ, хотя покойный игралъ роль огромную въ жизни каждого (я думаю), для кого жизнь есть глубокая трагедія, а не праздникъ. Послѣ Карамазовыхъ (и во время чтенія), нѣсколько разъ и съ ужасомъ оглядывался кругомъ и удивлялся, что все идетъ по старому, и что міръ не передвинулся на своей оси. Казалось: какъ послѣ семейнаго совѣта Карамазовыхъ, у старца Зосимы, послѣ «Великаго никанитора» есть люди, образцы близняго, есть политика, открыто исповѣдующая лицемеріе, есть архіерей, спокойно полагающіе, что дѣло Христа своимъ терпѣмъ, а практика жизни своимъ. Словомъ, это нѣчто до такой степени пророческое, огненное, апокалиптическое, что казалось невозможнымъ оставаться на томъ мѣстѣ, гдѣ мы были вчера, носить тѣ чувства, которыми мы лгали, думать о чуждѣмъ, кромѣ страшнаго для суднаго. Этимъ я, пожалуй, хочу сказать, что вы и я, вѣроятно, не одиноки, что есть много душъ и сердецъ, находящихся въ мятѣжѣ; но рассказать о томъ, что дѣвницъ беспокоило, я могъ тѣмъ болѣе спокойно (относительно), что все же мы живемъ въ такое время, когда доктора меньше ошибаются, чѣмъ прежде, что, наконецъ, это Достоевскій, и уже разумеется опредѣляетъ смерть дѣйствительнаго человѣка въ медицинѣ авторитетный. Короче, я рассказывалъ о наимности чрезвычайно трогательной, которая для меня необизательна. Для меня, къ сожалѣнію, не было сомнѣнія въ окончательной развязкѣ.

Выходитъ, точно я оправдываюсь, да оно и слѣдовало бы, еслибы мой рассказъ былъ легкомысленный, то есть, еслибы я самъ сомнѣвался, какъ и дѣвницъ.

О переходѣ портрета въ галлерею я постараюсь, какъ сумѣю, но теперь съ немъ объ этомъ говорить нельзя еще.

Что касается осужденія нами Товарищества объ обособленіи, то я увидалъ еще въ сентябрѣ (когда былъ въ Москвѣ), что многое въ жизни искусства вамъ или неясно, или чуждо. Извините за рѣзкость. Но сердце, истекающее кровью, сердце бойца, понимающаго современные вопросы вока инстинктомъ, не можетъ иначе оцѣнивать жизненные впечатлѣнія. Какъ оне оцѣниваетъ. Одно свидѣтельство вамъ: что никакой горечи нѣтъ на дѣлѣ этого сердца. Я на столько выросъ, что понимаю, уважаю и признаю права гражданства чужихъ интересовъ, хотя бы и лично и не симпатизировалъ имъ. Но это матерія длинная. Теперь 2 часа, а завтра встанать надо въ 8.

Уважающій васъ глубоко И. Кранской.

А Достоевскій дѣйствительно былъ нашею общественною совѣстью!

Неужели мы ее устранили? Но ведь есть Лиза Толстой! Она пишет комментарий на евангелие.

ССLVII. Къ И. Е. Рѣшину.

16-го февраля 1881 г., Сиб.

Что сказать бы «ангелъ Господень», дорогой Илья Ефимовичъ, дорогой Илья Ефимовичъ Рѣшину прожить бы недѣльки три — не знаю, жить можете вы и возмущили бы его вашими идеологическими (то есть, живыми), но что меня касается, то, такъ какъ я не рѣшивъ въ дѣлахъ върн, то думаю, что на меня это не подѣйствовало бы. Видъ я не выдаю, но какому обряду вы поклоняетесь Иегов? Видъ комната находится при мастерской, гдѣ я никогда не бываю, то есть, не въ мастерской не бываю, а въ комнатѣ. Совсѣмъ особая статья, общіе Суринку помѣститься съ нимъ вѣстѣ, если таковое дано уже. Но простите — тутъ есть крошечное лицемеріе: какъ это Суринковъ оказывается доброкачественнѣе не только меня — это куда ни шло — а и ангела Господня? Какъ хотите, а тутъ есть политика. Ну, Господь съ вами, а я все-таки скажу — жалъ. Да я и самъ доволенъ, что мы догадались проводить Достоевскаго. Да и какъ не проводить, когда онъ оказывалъ на всякаго русскаго человѣка такое огромное морализующее вліяніе — его еще не оцѣнили. Вообразите, я думаю, что не смотря на всю торжественность оваціи, энтузіазмъ — еще не совсѣмъ ясно понимаютъ, кто былъ Достоевскій, и что онъ сдѣлалъ!

Дѣловыя строчки:

Въ слѣдующемъ № «Художественнаго журнала», вы встрѣтите поздравленіе къ обществу отъ имени Товарищества, въ подпискѣ на памятникъ П. К. Клодта, скульптора. Уговорите москвичей не бунтовать противъ узурпаціи Петербурга. Дѣло не терпѣло промедленія. На общемъ собраніи мы объ этомъ говорили. Видите, дѣло въ томъ, что это отецъ нашего уважаемаго члена М. П. Клодта. Скульпторъ былъ изъ ряду вонъ, поставилъ памятники, прославилъ Россію, а на его могилѣ, на Смоленскомъ, деревенный крестъ, да и тотъ одинъ сплелъ, и родственники оставили другой. Товарищество, заявивъ объ этомъ и пригласивъ къ подпискѣ, дѣлаетъ хорошее гражданское дѣло.

Какъ хорошо, что вы надумались перебраться въ Петербургъ! Знаете, хотя это и болото, но пока столица тутъ — наше мѣсто тамъ здѣсь, наше, то есть, бойцовъ. Это не фраза! Радуюсь за Васнецова. Онъ, стало быть, сталъ на рельсы — давно пора.

Писать нужно еще много, а мѣста нѣтъ, да и некогда.

Вашъ И. Крамской.

ССLVIII. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Сиб., 3-го марта 1881 г.

Многоуважаемый Оедръ Оомичъ. Очень былъ радъ получить отъ васъ вѣстіе, да еще такого интереснаго содержанія. Я задержалъ отвѣтъ по нѣсколькимъ причинамъ: во-1-хъ, я, въ качествѣ члена правленія Товарищества, устраивалъ выставку (9-ю), которая въ этомъ году особенно велика и, рѣшительно можно сказать, особенно интересна. Товарищество обогатилось несомнѣнно двумя талантами новыми и вовсе неизвестными до сихъ поръ, талантами перваго разряда (то-есть, нашего русскаго разряда) Суринковымъ и Кузнецовымъ. А во-2-хъ, мнѣ нужно было собрать вѣкторія свѣдѣнія, чтобы отвѣчать на ваши вопросы, относительно редакціи, платы за статьи, и т. п., а въ-3-хъ, послѣдніе дни случились событія ужасныя. Къ моему истинному сокрушенію, свѣдѣнія по 2-й категоріи, самыя существенныя для насъ, мнѣ подробно собрать не удалось; дожидаться еще нѣсколько дней — значитъ оставлять насъ въ нѣкоторомъ промежуточномъ состояніи, что я хочу сократить, насколько это въ моей власти.

Скажу вамъ прежде всего, что я искренно и отъ всего сердца обрадовался вашему намѣренію писать и живыми. Оговорку вамъ, что ваши статьи не будутъ рѣзки и авторитетны (назвине), я считаю лишней пріятельской. Теперь у насъ недурны и нѣкоторая рѣзкость и авторитетность, чтобы установить прочныя основы. Думаю, что у васъ достанетъ какъ-разъ настолько и того и другого, насколько нужно.

Теперь отвѣчаю на вопросъ о «Художественномъ журналѣ» Александрова. Если вы прочли вышедшіе №№ (то есть, если только они дошли до васъ), то объяснять ихъ вѣтъ и значеніе мнѣ не зачѣтъ — въ это и сами увидѣли; что такое это будетъ вообще — сказать трудно. Александрова вы у меня видѣли, и, конечно, по одному разговору могли опредѣлить количество его устнвеннаго багажа, степень образованія и манеру. У него есть нѣсколько крупныхъ цѣнныхъ въ критикѣ, но онѣ висятъ въ воздухѣ, нелькаютъ отдѣльными точками и не составляютъ крѣпкой нити, привязанной къ одному какому-нибудь главному положенію или принципу. Чтобы быть сараваданымъ, прибавлю, что онъ кажется доступнымъ воздѣйствию, но это теперь, на нервныхъ моряхъ, а что будетъ впоследствии, когда онъ омерится — сказать не берусь. Изъ этого вы естественно можете заключить, что съ «Художественнымъ журналомъ» водогдѣ надо, главнымъ образомъ потому, что вамъ помѣщеніе нужно прочное, а тутъ самое существованіе журнала еще не совсѣмъ обезпечено, хотя подиска идетъ хорошо, даже

блистательно, для начала, и все еще новизна. Заплатить он, конечно, въ высшемъ для него размѣрѣ 200—250 рублей за листъ, быть можетъ, но это разъ, два, даже три, а вамъ нужно, то есть, пріятіе—постоянно. «Отечественныя записки» въ отдѣлѣ по искусству въ своемъ журналѣ относятся индифферентно; мало этого—скорѣе враждебно, я бы сказала. «Вѣстникъ Европы» — да, болѣе другихъ и солидный журналъ, и солидная редакція, и солидный разсчетъ, хотя не въ высшей мѣрѣ; но вотъ этого-то послѣдняго я еще и не знаю, но буду знать, и тогда сдѣлаю вамъ извѣстныя. Затѣмъ, что же остается? Газеты «Голосъ», «Новое Время»? Новъ «Голосъ» сидитъ весьма прочно въ Матушинскій—человѣкъ лайковыхъ перчатокъ, духовъ, помады — и противъ парфюмерныхъ принадлежностей, а «Новое Время» не нѣтъ ни начала, ни конца, хотя и охотно заплатитъ по 7 коп. за печатную строчку газетнаго столбца. Остальныхъ не знаю. Вотъ какого рода отчетъ я вамъ представляю.

Книга Гуда, сколько я слышала, интересна, но такъ какъ Рудъ акварелистъ, то и знакомство его съ колерами, находящимися въ распоряженіи художника, ограничивается неюлной областью живописи. Переводъ же его, я думаю, во всякомъ случаѣ будетъ примѣтъ и помѣнцѣтъ, гдѣ вы пожелаете, то есть, я думаю такъ. Говорю это въ такомъ неустойчивомъ томѣ (то есть лично), потому что собственно объ этомъ переводѣ я еще никому не говорила, не будучи на то уполномоченъ.

Не знаю, какія указанія дадутъ вамъ эти данныя, такъ какъ изъ этого отчета вы хотѣли знать, какъ дѣйствовать. Но мнѣ кажется, что это не самое главное: важнѣе гораздо нѣтъ въ портфель готовое по искусству; а если это есть, то органы печатные найдутся всегда.

Наконецъ, ваша уплата докторатъ въ Парижѣ. Думая о разныхъ изданіяхъ, пригодныхъ для этой цѣли, я остановился, кромѣ указываемыхъ вами, еще на одномъ: офорты Шинкина. Ихъ въ продажѣ уже не существуетъ давно, но если бы вы сочли возможнымъ остановиться на немъ, то я берусь достать альбомъ во что бы ни стало. Говорю такъ потому, что доски цѣлы и можно просить Шинкина отмѣчать нарочно, и авторъ посмотритъ за печатникомъ. Если же брѣзня, или изданіе памфлетиковъ и зданій, то прикажите исполнить.

Уважающій васъ глубоко Н. Кранской.

ССLIX. Къ В. В. Стасову.

Мартъ 1881 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Я только что прочелъ въ «Голосѣ» вашу статью и, извините, ахнулъ! Что вы со мной дѣлаете?

Вѣдь мнѣ просто нельзя будетъ показаться людямъ на глаза. Вѣдь есть свидѣтели, что я не говорилъ цѣлой рѣчи, да еще съ прибавками, которые вы вставили изъ моихъ словъ отъ себя. Воли ваша, а я долженъ сдѣлать поправки, и вѣстѣ съ этимъ посылаю въ редакцію нѣсколько строкъ, изъясняющихъ тотъ смыслъ, что я не могу отвѣчать за вашу редакцію *).

При встрѣчѣ съ вами я вамъ изложу подробности.

Уважающій васъ Н. Кранской.

ССLX. Къ П. М. Третьякову.

Сѣб., 2-го апрѣля 1881 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сегодня я отвѣтъ всѣмъ вашимъ рисункамъ и акварелямъ, чтобы уложить ихъ куда-нибудь въ ящики. Возвратился, напелъ еще отъ Ветрова на ваше имя—присоединилъ и ихъ. Вѣстѣ съ тѣмъ, положилъ туда же этюдъ Максимова, принадлежащій Рѣпину, который Рѣпинъ забылъ въ Петербургѣ у меня. Словомъ, теперь все отъ меня отправлено. Въ акварели Гуа я давно сдѣлалъ руку, то есть не сдѣлалъ, а только, такъ сказать, закрѣплъ бумагу, придерживаясь общаго характера. Относительно завертыванія рамы Писемскаго бумагой не знаю, какъ быть. Къ вечеру должны быть картины уложены, писано и сейчасъ получилъ (8 часовъ вечера), и иду къ Савинскому, тамъ всѣ соберутся, и я узнаю, уложенъ ли онъ или еще нѣтъ, и если не уложенъ еще, то я сообщу объ этомъ непремѣнно. Въ противномъ случаѣ — вамъ придется, сирѣчь сердце, проморгать насильно. Впрочемъ, если онъ уложенъ въ ящикъ механически, то и раскрыть его всего 10 минутъ.

Глубоко уважающій васъ Н. Кранской.

ССLXI. Къ нему же.

1882 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я вамъ телеграфировалъ о картинѣ Верещагина, потому что мнѣ казалось необходимо ее удержать, тѣмъ болѣе, что она относится къ Ташкенту.

Это не болѣе какъ этюдъ двухъ фигуръ, но такъ изумительно нарисованный, что мнѣ кажется, что онъ превосходитъ по технике все, что я у

*) Статья В. В. Стасова, напеч. въ «Голосѣ» 1881 г., № 85, излагала, въ какихъ послѣдствіяхъ была Кранской, увидѣвъ присланный на Передвинутую выставку портретъ Мусоргскаго, написанный Рѣпинымъ. Послѣ того, Кранской напечатала въ «Новомъ Времени», № 1827, письмо В. В. Стасову, гдѣ, въ сущности, ничего не открываетъ изъ всего высказаннаго въ статьѣ Стасова.

Верецагина видѣть. Дѣло было такъ: Верецагинъ прислалъ эту картину, чтобы продать съ аукціона, а деньги назначилъ въ помощь погорѣвшимъ въ Вѣнскомъ театрѣ, какъ бы въ признательность за радужный пріемъ. (Оно немножко безтактно, какъ вы видите). Картина только что пріѣхала, простояла день на выставкѣ. На другой день я пошелъ ее посмотреть, а выскотъ взглянуть и на Кундича, а мы говоримъ, что картина уже убожена, такъ какъ Верецагинъ утромъ въ тотъ день потребовалъ ее телеграммой, но видѣть можно, такъ какъ ящики открывали для Домидова С.-Донато, который нашелъ, что день такой темный, что онъ когда-нибудь зайдетъ посмотреть еще.

Этюдъ до такой степени поразилъ меня, что я, ни мало не медля, далъ вамъ знать, думая, что быть можетъ успѣемъ еще остановить картину, чтобы и вы могли посмотреть: но, разумеется, картина уѣхала, даже въ тотъ же день. Чтò случилось, почему Верецагинъ потребовалъ картину — не знаю. А жалъ! Очень ужъ хорошо. Извините пожалуйста за медленное отвѣтъ, но я не былъ въ Петербургѣ, а на Сиверской. Дома у меня моду-благополучно: всѣ дѣти въ колыбели.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССЛXII. Къ неизвѣстному *).

1882 г. (весна).

Ваше превосходительство милостивѣйшій государь. Я считаю себя обязаннымъ безкончить ваше превосходительство моему покорнѣйшему прособу благосклонно меня выслушать.

Прежде всего я затрудняюсь опредѣленіемъ, къ чему именно слѣдуетъ отнести ту рѣзкую форму и смыслъ, которые вамъ угодно было придать своему неудовольствію, неожиданно на меня обрушившемуся при посѣщеніи моей рабочей комнаты? Отнести все сказанное вами къ исполнению портретовъ я не могу, потому что ваше превосходительство не изволило ихъ разсматривать; отнести же къ цѣнѣ — я затрудняюсь тоже, такъ какъ я не увеличивалъ, въ поданномъ мною счетѣ, цѣнъ сравнительно съ тѣми, которые мы платимъ всѣ частіями лица за такіе же художественныя произведенія.

Посылая вашему превосходительству счетъ, мы не могли даже придти въ голову, что цѣны окажутся высокими, особенно при сравненіи ихъ съ цѣнами нѣкоторыхъ иностранныхъ художниковъ... Я занимался заказомъ исполнѣ серьезно, и не только какъ портретомъ, но и какъ картиной, упо-

*) Съ черновика отпущена.

Ред.

требилъ всѣ старанія, чтобы оправдать честь, которой я былъ удостоенъ: это было главнымъ двигателемъ при работѣ, а не цѣна, которая, какъ я уже докладывалъ, не увелечена. 8,000 рублей, если не больше, въ тотъ же промежутокъ времени, я легко бы заработалъ, смѣю увѣрить въ томъ ваше превосходительство, такъ какъ мы приходились отказываться отъ многихъ выгодныхъ предложений. Въ настоящее время главный вопросъ для меня заключается въ томъ, чтобы знать: какое бы мнѣніе выразилъ Н., осмотръ работы?

Къ счастью для меня, въ то время, когда вы уехали, вашему превосходительству пришла мысль обратиться къ ***¹, такъ какъ вы сознаете себя некомпетентнымъ судьей въ дѣлѣ искусства. Я этикъ, разумеется, ободренъ и покорнѣйше прошу ваше превосходительство дать скорѣйшій ходъ этому дѣлу, въ виду изложеннаго въ первомъ письмѣ, но при этомъ не могу не замѣтить, что, въ виду вашей некомпетентности, съ послѣдняго вашего мнѣнія слѣдовало бы начать, вѣрнѣе того, чтобы подвергать меня незаслуженному нозору и униженію, въ присутствіи стороннихъ лицъ и прислуги, на чтò я сомнѣваюсь, чтобы ваше превосходительство были уполномочены.

ССЛXIII. Къ П. М. Третьякову.

Смб., 9-го іюня 1882 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сердечно прошу простить за долгое молчаніе, но причинъ было много.

Прежде всего по поводу Александрова. Когда я получилъ ваше письмо, онъ былъ у меня въ тотъ же день съ жалобой, такъ сказалъ, на незаслуженное униженіе, какъ онъ выразился, и сказалъ, что отвѣтъ свой вамъ напечатать. Я выслушалъ отъ него и сказалъ, что это будетъ съ его стороны уже прямо умышленъ. Что все, что до сихъ поръ случилось, можетъ быть еще объяснено, но что, послѣ напечатанія отвѣта, всякое объясненіе станетъ излишнимъ и что ему, чего добраго, послѣ придется сожалѣть о своей неослѣдственности. Долго мы говорили на эту тему, и наконецъ онъ отъ меня ушелъ съ намѣреніемъ вамъ еще разъ написать, а не прямо печатать отвѣтъ. Не знаю, чтò онъ вамъ написалъ, даже не знаю, написалъ ли? Я его не выдаю съ тѣхъ поръ. Но вамъ, по этому случаю, хотѣлось бы мнѣ только выразить свое мнѣніе, что напрасно вы удержали Перова отъ возраженій: это было бы самое лучшее, чтò можно было сдѣлать. Ну, да чтò случилось, то случилось. Вѣчная ему память! Теперь наступаетъ исторія.

Послѣ этого, позвольте занять васъ однимъ планомъ, возникшимъ здѣсь,

и уже на половину осуществленным. Дело идет о «Художественном съезде» на Всероссийской выставке, в Москве, инициатором которого являются первые числа сентября. Дело стоит, или лучше — стояло, так: граф Воронцов-Дашков убежден в полезности съезда, вследствие представленных ему доказательств. Идея съезда одобрена. После этого нужно было уладить вопрос, от кого должно последовать приглашение на съезд и вообще объявления о нем. После многих комбинаций, мы наконец остановились на следующем: объявление о съезде и приглашение разослать «Общество любителей художеств в Москве».

Сначала мы думали так: если разослать приглашения Академии — не придет большая половина художников; выйдет Товарищество — тоже добра не будет. И потому мы составили записку историческую о дѣлѣ русского искусства, и вручили ее Воронцову-Дашкову, убеждая его дать толчок от министерства двора, а въ председатели съезда представить 3-х на выбор: С. М., вашего брата, Н. В. Исакова и графа Олсуфьева. Сказано было Боголюбову, что Олсуфьев молод для этого, Третьяков недостаточно силен, чтобы провести все, что нам (то есть, художникам) нужно, а Исаков как-раз. Тогда мы были у Исакова. Он принял весьма горячо это дело и стоял за то, чтобы инициативу дѣла первоначально взяло из рук Товарищество, как частное общество, и во-вторых исключить из программы все, что может прямо или косвенно задѣвать Академию. Мы это было симпатично, хотя я продолжал сомневаться въ значительности Товарищества для успеха съезда, и наконец сегодня мы, сообщая съ Исаковым, нашли выход: просить «Общество любителей», как самое симпатичное для художников, как хозяина в Москве и как самое чистое, изъ многих партий стоящее общество, взять инициативу этого дѣла въ свои руки, тѣмъ болѣе, что оно вполне и компетентно, и значительно. Остается склонить вашего председателя помочь дѣлу искусства и уговорить его действовать, еслибы онъ почему нибудь сталъ уклоняться. Если Д. П. Боткинъ согласится и возьметъ на себя председательство (что находить Исаковъ положительно необходимымъ и по отношению въ жизни къ Москвѣ, и по многимъ другимъ причинамъ), то дѣло наше выгоритъ. Наше — въ смыслъ русского искусства. Нику въ вамъ съ положительнымъ настрѣеніемъ просить васъ помочь намъ и склонить кого можно и слѣдуетъ: дѣло это хорошее. Помогите намъ. Программу вопросовъ, предлагаемыхъ къ обсужденію съезда, прилагаю вамъ. Это черновой набросокъ, настоящая же программа выработается комитетомъ вашего Общества. Въ утвержденіи ея можно быть заранѣе увѣренными.

Вотъ какое дѣло возникло. Начало оно не дурно. Хорошо было бы, еслибы вы повидались прежде всего съ Боголюбовымъ, до начала съ кѣмъ либо

объ этомъ разговорѣ; онъ многое скажетъ и подробно, о чемъ нѣтъ возможности писать.

Н. Крамской.

ПРОГРАММА.

Вопросы общіе:

- 1) О способахъ развитія любви къ искусству въ Россіи и о привлеченіи симпатій общества къ судьбамъ русскаго искусства, путемъ:
 - а) устройства художественныхъ выставокъ,
 - б) устройства провинціальныхъ музеевъ,
 - в) устройства рисовальныхъ школъ.

Вопросы юридическіе:

- 1) О правахъ художественной собственности.

Вопросы педагогическіе:

- 1) О способахъ преподаванія живописи и скульптуры и о господствующихъ, въ настоящее время, на этой предметъ взглядахъ.
- 2) Почему иностранныя школы живописи находятся на низшей степени совершенства?
- 3) Какое преподаваніе или обученіе живописи считать ведущимъ къ цѣли, съ наименьшей потерей времени, для молодыхъ художниковъ?

Вопросы спеціальные:

- 1) О техникахъ искусства живописи и скульптуры:
 - а) живопись масляными красками,
 - б) живопись на лавѣ,
 - в) мозаики.
- 2) Прикладная искусства: гравированіе, фототипія и фотографія съ картинъ и различные доклады о сравнительномъ достоинствѣ воспроизведеній выставленныхъ картинъ.

Можно бы включить еще вопросы о конкурсахъ съ иреніями: полезны ли они или нѣтъ, и если полезны, то какъ бы слѣдовало ихъ организовать? Ну, словомъ, вопросовъ много, и окончательная редакция выработается комитетомъ *).

*) «Художественный съездъ» позже не состоялся изъ 1882 г.

СССХІV. Къ нему же.

27-го іюня 1882 г., Спб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Не знаю, что вы называете вольной сѣздой вообще, и въ какомъ смыслѣ думаете, что я одушевленъ ожиданіемъ отъ сѣзды благодати. Совѣтъ идти. Пользы практической, которая бы оказалась какими-либо очевидными результатами, отъ сѣзды художественнаго я не жду, и всаго, кто будетъ ждать, готовъ просѣждать въ противоположномъ смыслѣ. Но польза вотъ какая будетъ. Когда говорятъ теперь кому-нибудь изъ высшихъ лицъ, то всегда есть возможность истолковать это какъ пронырн котерн, какъ интригу и т. д., а когда резолюція сѣзды будетъ оформлена, когда дебаты его будутъ стенографированы, когда, наконецъ, сѣзды что-либо постановить и рѣшить, хотя рѣшенія его ни для кого не обязательно, то объ этомъ нельзя уже будетъ говорить, какъ о чемъ-то темномъ и недостаточно авторитетномъ, а волей-неволей надо будетъ признать все это голосомъ общественнаго, а не единичнаго мнѣнія. Одно лишнее оружіе будетъ у врага историзма, вотъ и вся польза. Кромѣ того, въ этомъ разѣ Обществу любителей въ Москвѣ представляется случай взять въ свои руки движеніе, которое такъ или иначе придется скоро считать историческимъ. Я говорю объ образованіи въ провинціяхъ музеевъ и многого въ художестве. Какъ хотите, а первое, что необходимо въ Россіи теперь—это необходимость частнаго почина въ такомъ дѣлѣ, для котораго существуетъ официальное учрежденіе. Академія не желаетъ реформъ и движеній—пусть ее остается, никто ее не тронетъ и никто сна ее не погрозитъ. Но теперь назрѣло время, и на сѣздѣ, быть можетъ, обнаружится необходимость образованія какого-нибудь новаго и объединяющаго принципа, или общества, и, быть можетъ, наступилъ моментъ, когда Товарищество будетъ способно реформироваться. Но все это мѣка громкаго слова и фантазіи. Если Общество любителей не существуетъ, что ему будетъ честь и слава, если оно не возьметъ наше предложение и не будетъ его проводить какъ свое, то, дѣлать нечего, за это должно будетъ вѣяться Товарищество, какъ это ни сѣбно, мовидному. Какъ мы ни слабы и какъ мы мало значеніе Товарищества въ русскомъ обществѣ, но мы попытаемъ дѣло. Очень будетъ жаль, если Москва отстранится отъ такого хорошаго начала или движенія.

Теперь о Перовѣ и Александровѣ. Если я, какъ вы пишете, оказываю поддержку (нравственную) Александрову (хотя это невярно), то Перову оказывалъ ему поддержку эту въ десять разъ больше. Я ничего Алексан-

дрову не давалъ, давалъ же намѣренъ и не знаю, какъ и чѣмъ онъ отъ меня пользуется, но Перовъ ему оказывалъ дѣйствительно поддержку, и многое, что Александровъ сказалъ о Перовѣ, я приписывалъ самому Перову. Вотъ почему я сказалъ, что очень жаль, что Перовъ былъ удержанъ отъ возраженій. Потомъ, очевидно, вы знаете больше меня про Александрова, и знаете фактически, такъ какъ у васъ есть прямое указаніе на недобросовѣстность (а вы не такой человѣкъ, чтобы бросать такіе слова даромъ). И же, кромѣ нѣкоторой безтактности съ его стороны, завѣдомо недобросовѣстнаго—не знаю. Кромѣ того, долженъ еще сказать (я, думая, прибавить), что я его не знаю близко и мало мнѣ интересуюсь. Кромѣ тѣхъ отношеній, свидѣтелей которыхъ и мы бывали, то есть разговоры обихъ и куренія сигаръ въбѣст, никакихъ болѣе тѣсныхъ отношеній не существовало. Сознаюсь, но слабости характера, и иногда кое-что ему обижалъ (по частн писанія), но всегда неохотно (это онъ знаетъ), и даже первыи 2—3 іюня въ прошломъ году и несподялъ; но съ тѣхъ поръ какъ оказалось, что онъ не слушаетъ никакого голоса, и продолжаетъ грубо и безтактно иногда поступать по своему—я совершенно усталъ, и даже неохотно говорю о журналѣ. Никогда не начинаю саль, и только уступаю необходимости, высказывая свое мнѣніе—онъ его знаетъ. Онъ знаетъ, что я его не одобряю вообще, хотя не могу не признать, что, то тутъ, то тамъ—онъ говоритъ дѣло, какъ напримѣръ о 10-й передвѣжной выставкѣ. Мнѣ кажется, что эта статья вѣрная и хороша. О Перовѣ тоже много вѣрнаго вообще, но безтактно въ высшей степени тоже много, и когда онъ пришелъ ко мнѣ, какъ бы съ жалобой,—съ вашими письмомъ, то все это я ему и сказалъ. Чтобы очистить совѣсть свою передъ вами, я долженъ еще сказать, что въ вашемъ письмѣ къ Александрову есть одно нѣчто, о которомъ я очень пожалѣлъ, что оно такъ есть. Когда онъ мнѣ читалъ, то я просто былъ глубоко сокрушенъ. Послѣ нахоженія, какъ Перовъ продавалъ свои вещи и за какія нѣмы, и вообще, восстанавливалъ факты, вы пишете, что «память Перова будетъ свѣтлою», или что «образъ Перова (благодаря его безкорыстію, такъ сказать) останется свѣтлымъ въ памяти». Когда онъ прочелъ это нѣчто, я несомно подумалъ: «въ чей памяти?» Тутъ есть какая-то глубокая пеловкость, которую онъ можетъ воспользоваться, и, сколько я его знаю, онъ воспользоваться способенъ. Къ сожалѣнію, теперь прошло уже много врененіи съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ; до сихъ поръ я не встрѣчался съ нимъ и не знаю его намѣреній дальнѣйшихъ, и только изъ вашего письма я узналъ, что онъ уже вамъ написалъ (какъ онъ обижался, уходя отъ меня въ послѣдній разъ), и даже получалъ уже вашъ отвѣтъ. Увидѣть, что онъ будетъ такое, когда я его встрѣчу.

Относительно же послѣдняго вашего рѣшенія: не вѣшиваться съ нимъ

ни въ какія печатныя пререкалія, я совершенно согласенъ, и даже больше скажу: это само собою разумѣется; во, въ то же время, считаю долгомъ поставить васъ въ извѣстность, что я считаю своимъ нравственнымъ обязанностью возразить Александру всякій разъ, когда мнѣ покажется это необходимымъ.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

ССLXV. Къ нему же.

14-го ноября 1882 г., Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. У меня въ чужомъ пиру похлѣе. Вотъ въ чемъ дѣло: О. А. Терещенко недавно прислалъ ко мнѣ письмо, съ вопросомъ: нѣтъ ли чего новаго въ Петербургѣ, по части картинъ? Я ему пишу: есть — картина Савицкаго и картина Максимова^{а)}. Цѣна одной (Максимова) около 1,500 руб., а другой (Савицкаго) около 2-хъ тысячъ. Эти цѣны я написала, по соображенію своему личному, не зная на самомъ дѣлѣ. Черезъ 4 дня (вчера), получаю телеграмму: «Картина Максимова и Савицкаго купите для меня и высылайте немедленно». Видя такую стремительность, я немного струсилъ, и пошелъ прежде всего справиться о цѣнахъ, не говоря уже о томъ, что картины вславы быть не могутъ немедленно. Оказывается, что Савицкій дѣйствительно желаетъ за свою 2,000 рублей, а Максимовъ, 1,200. Въ разговорѣ съ Савицинымъ выяснилось, что надо подождать, такъ какъ онъ картину еще быть можетъ переминетъ, а Максимовъ на то, что его картину желаетъ купить Терещенко, заявилъ, что эта картина, кажется, понравилась Павлу Михайловичу! — «А! я говорю, въ такомъ случаѣ пожалуйста уведомите Павла Михайловича, что у васъ ее покупаютъ». Онъ обѣщался; а сегодня приходитъ ко мнѣ и говорить, что онъ старался, и у него не выходитъ, и что ему неково и проч. и проч. Тогда я вызвался сдѣлать это самъ, и, какъ видите — дѣлаю.

Считаю долгомъ не утаивать отъ васъ еще одного обстоятельства: Максимовъ нѣмощъ, уходя, прибавилъ, что для Терещенко для всѣхъ другихъ цѣна его картинъ 1,200 рублей, а для васъ 1,000. Исполнивъ то, что собственно до меня не касается, я буду ждать отъ васъ извѣстія, прежде чѣмъ писать Терещенкѣ. Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

^{а)} Савицкаго: «Темные люди», Максимова: «Большой мужъ».

Ред.

ССLXVI. Къ нему же.

1882 г. (ноябрь — декабрь).

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я потому вамъ предложилъ теперь эту дѣлу Гуса, что послѣдствіемъ мнѣ встрѣтится опять большая нужда въ деньгахъ, въ размѣръ 400 рублей. (Это все уплата по векселямъ за время постройки). И такъ какъ я съ васъ за эту дѣлу не могу взять болѣе, то и посылаю его къ вамъ, чтобы долгъ мой старый и большой не увеличивать.

Уважающій васъ Н. Крамской.

ССLXVII. Къ неизвѣстному *).

Сиб., 29-го ноября 1882 г.

Милостивый государь Павелъ Петровичъ. Въ настоящее время я вижу, что мнѣ слѣдовало бы еще весною отклонить съ себя честь быть членомъ комисіи по сооружеію памятника Лермонтову, и сдѣлать это при первомъ же свиданіи съ вами самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы не производить неловкаго впечатлѣнія на весь уважаемый составъ комисіи моею просьбою объ отставкѣ теперь, когда дѣйствія комисіи уже начались. Обо всемъ этомъ я глубоко сожалѣю и прошу извиненія самымъ усерднымъ образомъ. Причины, по которымъ я долженъ васъ просить объ увольненіи, кромѣ личныхъ и вамъ уже извѣстныхъ, заключаются еще и въ томъ, что если я останусь въ комисіи, то, въ добавокъ къ обнаружившемуся принципиальному противорѣчію съ большинствомъ, буду находиться въ противорѣчіи съ самимъ собой, потому что не раздѣляю основной мысли о конкурсахъ, и не думаю, чтобы черезъ нихъ достигалась лучшая художественная концепція; а также не увѣренъ и въ томъ, чтобы существованіе комисіи, какъ посредствующей инстанціи между заказчикомъ и художникомъ (индигнуемъ конкурсовъ), обезпечивало бы лучшее художественное исполненіе данной задачи^{вв)}.

Какъ видите, въ данномъ случаѣ, я отрицаю очень многое. Позвольте изложить и motivi.

Оставаясь для вернаго раза на рѣшеніи комисіи открыть конкурсъ на эскизы памятника въ моделяхъ, рисункахъ или легкихъ наброскахъ; тогда какъ въ началѣ комисіи хотѣла вызвать всячески самую идею памятника, выраженную хотя бы только словами.

Отчего случилось такое противорѣчіе?

^{а)} Съ черпачка ступаса.

^{вв)} Разумѣю твердую технику, а не грамматику.

Ред.
Н. К.

(Я не выношу здесь личных взглядов, что предпочтительнее, а только отношусь критически к существующему факту). И так, решено то, с чего начинались и начинаются все конкурсы; очевидно стало быть, что и этот конкурс кончатся по рутинной дорожке.

Решение комиссии вызвано, одобрено, совершенно основательными соображениями: что так как за промты памятника будут выданы премии, то, для того, чтобы узнать, который из промтов лучше, необходимо сравнить величины однородны. Тем не менее комиссия своим последним постановлением закрыла навсегда доступ к своему компетентности идею памятника, выраженной словами; и таким образом деятельность комиссии уже предопределена: она должна будет принять направление, вытекающее из раз принятого постановления фатально. Все это решено совершенно легально голосованием, после обоюдного обмена мыслей. Стало быть — сугубо правильно.

К сожалению, не все человеческие вопросы могут быть разрешаемы голосованием удовлетворительно.

Когда необходимо найти решение какого-нибудь юридического вопроса, законодательного, или гражданского права, где сталкиваются интересы миллионов, интересы, подлежащие точному измерению, тогда баллотировка на ифть; мало того, только непосредством голосования, и самого обширного, можно достигнуть наиболее правильного решения вопроса. И если таковое решение не будет идеально справедливо (а оно может оказаться даже в противоречии с идеалом), то во всяком случае оно будет справедливо и годно для людей в течение известного времени. Иное дело художественное творчество.

Решать какой-либо художественный вопрос баллотировкою — значит отбывать изданным. Но различия бывают в искусстве разные, как в сторону глупости, так и в сторону гениального размаха. Какая-нибудь цельность, выходящая за известные пределы, сразу очевидна для всякого большинства; драгоценная же крайность в противоположную сторону (столь важная в искусстве) должна быть тому же большинству еще доказана; а к тому времени, когда она будет наконец доказана, она сбывается общими истонь.

Отчего в храм Христа Спасителя в Москве плохи картины на стенах? Оттого, что для приема каждого произведения, и даже для надзора за исполнением, было допущено вмешательство комиссии (и очень компетентной), которая неизбежно сглаживала все неровности. Но какие? вот вопрос! Еще принять: отчего в Академии Художеств программы на золотые медали всегда так благополучно плохи? Оттого, что в на-

тинную работу художника вмешивается самая компетентная, в своем роде, комиссия!

Напишите, если это звучит злой иронией. Я говорю то, что думаю и в чем убежден, и мне будет глубоко прискорбно, если вы усмотрите из этого что-либо неприличное, а стало быть и обидное.

Далее. В последнем заседании мы высказали свой взгляд на памятник Пущкина, весьма несправедливый для его художественных достоинств. Но отчего он такой? Неужели только оттого, что тогдашняя комиссия не подумала до конкурса на идею? Вовсе нет, я могу свидетельствовать, что и у комиссии по постановке памятника Пущкину было искреннее желание вызвать идеи; но она, не довольствуясь тем, что художником Забьжило было создано в его лучшую пору, точно тем же путем, как и теперешняя комиссия, очутилась на наклонной плоскости, и фатально должна была принимать сегодня — последствия вчерашнего решения, а завтра — подчиняться неизбежно образованнейшим новым условиям, возникшим из сегодняшнего и т. д. и т. д.

Все мы знаем, что протоколы затеи и существуют на свете, чтобы дисциплинировать самые разнородные элементы и чтобы люди поступали согласно с ними, вопреки иногда внутреннему убеждению. А из эпожества протоколов образуется столь несокрушимая сила, что она своею тяжестью раздавит какое угодно личное сопротивление.

Столь мягкие мысли с моей стороны не должны, однако, давать вам права к заключению, что я враг протоколов всегда и всюду. Я только, благодаря опыту и наблюдению, знаю, что полнейший способ действий в одной области может быть вреден в другой, не больше того.

Теперь позвольте высказать соображения, почему я думаю, что конкурсы не вызывают и лучшей художественной концепции.

Откуда такая концепция может литься? Очевидно, она может выйти из головы только наиболее сильного и талантливого художника, или уже известного и определенно известного, или еще неизвестного, благодаря ранней молодости, но уже существующего.

Только в интересах таких неизвестных, но имеющих несомненную будущность, и полезно, пожалуй, делать конкурсы. Но и тут, взяв на себя решение вручить дело такой важности человеку, лишенному опыта, может скорее один человек незанятого и самодержавного положения, нежели какая комиссия; все художественные вопросы решались и доказывались массой единоличной властью таланта художника, с одной стороны, и критики — с другой.

Но появление еще неизвестной величины есть дело случая и, как та-

ковое, не может служить основанием деятельности и расчетов комиссий; оно может быть только счастливым сюрпризом. Стало быть, для правильных расчетов остаются величинами уже известными: художники уже определенно существующие. Но тут возможно даже предсказание, чьи проекты будут лучше (предполагая, конечно, что все известные художники примут участие в конкурсе).

Только что сказанное опровергается, новизною, фактами предшествующих конкурсов. Но это только новизною.

На памятник Пушкину было очень много конкурсов, и выдано много денег на премии. На всех конкурсах первыми были Онекушинъ и Забьла, Забьла и Онекушинъ. У художника Забьла раньше конкурса была уже оконченная статуя, по концепции превосходящая все бывшие на конкурсах; но комиссия не могла ее и допустить къ обсуждению, как извѣстно кому принадлежащую. Художник же, разъ реализовавший свою идею, может только на нее и ссылаться, а отъ него требуютъ новой. Естественно, что творчество не всегда подчиняется даже приказанию самого художника — и онъ даетъ вещи сравнительно блѣдныя.

Я не утверждаю, что статуи Пушкина, Забьла, такая статуя, о которой бы можно было говорить съ восторгомъ, какъ объ изображеніи поэта; но статуя эта неизбѣжно вышла (по воодушевленію), нежели та фигура, которая стоитъ на Тверскомъ бульварѣ. А вѣдь Забьла-же вовсе не лучший нашъ скульпторъ. Это только указываетъ на то, что общество имѣло бы, еслибы действительно лучшему художнику было поручено дѣло. Теперь объ Антокольскомъ. Его прозвѣтъ былъ въ глазахъ комиссій, публики и критики хуже многих, но тѣмъ? Только тѣмъ, что онъ переступилъ главныя основы и границы скульптуры и пытался расширить свои средства до получения эффекта живописнаго. Такому художнику стоить только сказать: «это не то, что нужно, а нужно вотъ это», и онъ, войдя въ берега, сдѣлаетъ бы вещь, достойную его галатея. Но если даже и то, что художникъ тогда представилъ, вообразимъ себѣ выполненнымъ съ тѣмъ талантомъ, который Антокольскій всюду обнаруживаетъ, было бы конечно интереснѣе того, что есть. Между законченъ и оконченнымъ художественнымъ произведеніемъ такая огромная разница, что правильно судить, что лучше и что хуже, рѣшительно невозможно, раньше того, пока и то, и другое, и третье не будетъ кончено. Только готовое художественное произведение даетъ художнику возможность во мнѣніи публики, и только по такимъ произведеніямъ критика опредѣляетъ мѣсто художнику.

Къ этому я прибавлю еще слѣдующее: дайте два контура совершенно тождественныхъ двумъ художникамъ разныхъ дарованій, съ условіемъ не выходить изъ линий во что бы то ни стало, и вы увидите, что у таланта

линій будутъ жить и шевелиться, а у посредственнаго художника все будетъ обстоить благополучно, но и только! Художники меня отлично поймутъ и безъ всякаго спора со мною согласятся.

Все это я веду къ тому простому положенію, что хорошій памятникъ можно получить только конкурса, адресуясь къ самому лучшему художнику: если самаго лучшаго не оказывается, а есть нѣсколько равныхъ, разнимъ большою не оказывается.

Знаю, что вамъ кажется возможнымъ органическое соединеніе идеи, принадлежащей какому-нибудь образованному челоуку, и руки, принадлежащей художнику-специалисту. Мнѣ же это возможнымъ не представляется; но такъ какъ то мое доказательство, что такого историческаго пріиры я не знаю, еще не служитъ основаниемъ отвергать ваше предположеніе, тѣмъ болѣе, что и пріиры компромисскаго исполненія художественныхъ задачъ (не нервоклассныхъ) бывали^{*)}, то я и на этотъ послѣдній пунктъ всегда отъиалъ: «надо поиробовать». Но сколько можно судить по извращенію, принятому комиссіею, именно такого опыта сдѣлано и не будетъ.

Я же лично продолжаю утверждать, что если появится такая идея памятника, которая комиссій безусловно поправится, а между тѣмъ она будетъ принадлежать не художнику, способному дать ей форму, она такъ и останется висающею въ воздухѣ, не реализованною. И сколько бы художникъ, вами признанный, ни утверждалъ, что идею онъ понялъ и усвоилъ, при дальнейшей реализаціи вы увидите, что ваши представленія и художника не тождественны.

Такъ какъ все, что мною сейчасъ сказано, относится къ области, не допускающей непосредственной проверки, а надъ самымъ памятникомъ дѣлать опыты легкомысленно, то я и оставляю вопросъ открытымъ, съ моей стороны недоказаннымъ и другому вовсе не очевиднымъ, хотя для меня все это сомнѣнію на подлѣжати. Я искренно буду радъ, если настоящей комиссій удастся столь феноменальное соединеніе; но для этого ей необходимо вернуться къ первому засѣданію и, добившись отъ конкурса идеи, выраженной словами, и непрѣтн только словами (тому же должны подчиняться и художники) и затѣмъ получивъ то, что комиссій ищетъ, объявить конкурсъ уже на реализацію.

Такимъ путемъ быть можетъ что-нибудь и выйдетъ.

Въ заключеніе скажу еще послѣднее, что думаю по этому предмету. Тѣ идеи, которыя есть у писателя, поэта или просто у умнаго образованнаго

^{*)} Надо помнить при этомъ только то, что такіа комиссія заивались людьми, близкие другъ друга знаніями; но и при этомъ неизбѣжно происходила неогласеніе «дальше» или другому.

человѣка, не суть идеи, годныя для пластическихъ изображеній. (Исключенія конечно могутъ встрѣчаться и здѣсь, какъ вездѣ).

Скажу парадоксально: если въ головахъ живущихъ теперь художниковъ не найдется никакой идеи, искать ее не въ этой группѣ я отказываюсь, потому что художественная концепція пластическая—совсѣмъ особая статья, и если является на свѣтъ Божій мозгъ, способный къ такимъ концепціямъ, то человѣкъ, обладающій такимъ мозгомъ, становится непременно художникомъ и только художникомъ!

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью пишу честь быть готовымъ къ услугамъ

М. Крамской.

ССLXVIII. Къ А. С. Суворину.

6-го января 1888 г., Сиб.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. По прочтеніи 2-й статьи В. В. Стасова «25 лѣтъ русскаго искусства», я ощущаю потребность написать вамъ кое-что, съ правомъ сдѣлать извѣстный писмо въ журналъ или въ извѣщеніи, если вы найдете его почему-либо того стоящимъ, и только теперь рѣшившись это сдѣлать.

Въ статьѣ этой говорится и о моихъ портретахъ, бывшихъ на всероссійской выставкѣ: Боткина (С. П.), Давидовскаго (Г. П.), Гуна (художника) и еще объ «одномъ литераторѣ» и къ этому добавляется слѣдующее: *(Тутъ надо оставить цитату цѣлкою, а у меня нѣтъ пера)*.

Кто этотъ «литераторъ» — я знаю. Это вы, такъ какъ больше на выставкѣ портретовъ моихъ не было. Полагая, что подобный приемъ вовсе не нуженъ въ критикѣ, и что онъ разъясненію художественныхъ достоинствъ и недостатковъ данного художественнаго произведенія не помогаетъ, а только интригуетъ публику дурного сорта, и не смотря на то, что мнѣ это въ статьѣ касается, строго говоря, только насъ двоихъ съ вами, мнѣ кажется, что тутъ есть кое-что, коснувшееся всѣхъ, кто читалъ статью: я, положимъ, обидѣлся, а другіе могли почувствовать нѣкоторый конфузъ и стѣсненіе, подобное тону, какъ бываетъ съ обществомъ, собравшимся у кого-либо въ домъ и сдѣланнымъ невольнымъ свидѣтелемъ несомнѣннаго неприличія.

Я знаю, что учить людей бѣзжалости въ мои обязанности не входитъ, а потому я ограничился только тѣмъ, на чтѣ, мнѣ казалось, я имѣлъ тогда нѣкоторое право, а именно: я зналъ В. В. Стасова за человѣка честныхъ намѣреній во всякомъ случаѣ, и потому пошелъ къ нему спросить, чтѣ заставило его не называть лицо, о портретѣ котораго идетъ рѣчь?

На мои прямые и категорическія слова, что я пришелъ выразить ему мое удивленіе, что онъ оказался доступнымъ столь мелкому личному чувству, что даже не можетъ произнести имени антипатичнаго ему человѣка, и при такомъ несомнѣнно отвлеченномъ занятіи, какъ критика художественныхъ произведеній, — я услышалъ отъ него въ отвѣтъ энергическое отрицаніе своей виновности; а изъ далѣйшаго его разсказа я могъ только заключить, что это сдѣлалъ кто-то другой, и что, когда выйдетъ, послѣ января, его статья особой брошюрой, то все будетъ восстановлено. Конечно, я могъ бы любезниствовать и далѣе: кто виновный? Цензоръ ли, редакторъ, перепечатчикъ, или наборщикъ, или кто-нибудь другой, но такъ какъ требовать отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ отчета въ этомъ я не могъ, то и оставилъ далѣйшее объясненіе.

Долго послѣ того, однакожъ, не выходилъ у меня изъ головы этотъ особый приемъ художественной критики; приемъ къ сожалѣнію, и не новый. Я припоминалъ случай съ Рѣпиннымъ, когда Стасовъ въ отвѣтъ о «Протодіаконѣ» говорилъ, что это воспроизведеніе такихъ-то и такихъ-то роющихъ наклонностей, и какъ живой человѣкъ, съ котораго писалъ Рѣпинъ, выражалъ художнику свое неудовольствіе. Тоже самое было и съ Перовымъ въ 72 г. (кажется), когда на одной изъ передвинныхъ выставокъ былъ его замѣчательный портретъ купца Камынина. Не помню, какой фельетонистъ, и въ какой газетѣ, говорилъ о портретѣ, выразился: — «вотъ (молъ) онъ, знаменитый «Титъ Титычъ» Островскаго!» Вслѣдствіе такого отзыва фельетониста, Перову были большія непріятности, да крогъ того родственники уже и послѣ смерти купца всегда отказывали въ просьбѣ дать на выставку портретъ, хотя въ немъ нѣсколько разъ нуждались, когда собирали образцы нашего искусства для всемірныхъ выставокъ. Портретъ, дѣйствительно, замѣчательный. Раздумывая обо всемъ этомъ, я прочелъ написанное Стасовымъ еще нѣсколько разъ, и мнѣ стало казаться сомнительнымъ, чтобы кто-нибудь другой рѣшился вычеркнуть ваше имя изъ статьи, помимо автора. Постройка фразы этого не допускаетъ. Сожалѣніе это я и хочу выразить громко, чтобы вызвать разъясненіе. Я слыжалъ, что въ литературныхъ нравахъ возможны обѣты не произносить, наиримѣръ, имени нечестиваго органа печати или лица, но никогда не могъ понять, какъ можетъ умный человѣкъ доходить до такого ребяческаго суевѣрія, что отгиснутое типографскими чернилами слово кого-то или что-то можетъ замазать. Или ужъ эти люди особо чистые кристаллы? Но чтѣ же они дѣлаютъ въ то время, когда имя нечестиваго возникаетъ въ ихъ мозгу и памяти?

Попутно вспоминаю я также одинъ разговоръ на тему человѣческой ненослѣдовательности: положимъ, вы слышите сегодня, что кто-нибудь

кого-нибудь хвалить, а завтра, поссорившись, тот же человек мало того, что уже не хвалит, но хваленого ругает. Один из нас сказал на это очень жёстко: — «Да, это очень странно, я самого себя ловил на этом: разошёшься с кем-нибудь, и начинаешь удивляться как это ты и не замечал прежде, что человек этот и ходит как-то противно, и улыбается глупо, и глаза ничего не выражают. Словом: чорт знает что такое!» Ближайшая причина моего мысли теперь следующая: в сегодняшнем № «Нового Времени» есть ваша статья о Перове под рубрикой «Письма к другу». Говоря о критиках, вы роняете, будто нечаянно, одно слово: «притворяться к портрету». Это показало мне только, что и вы тоже прочли это жёстко^{*)}, заломили его. После этого, я молчаливым образом не могу.

Теперь позвольте кончить.

Вы мне показали свой портрет и заглянули за него полностью, т. е., так, как мне кажется, и ту часть, какую я спрашиваю; скажите же громко, и мне, и критику, и тем, кто чувствовал конфуз от непривычного критического приёма: считаете ли вы возможным, чтобы от художника можно было требовать отчета, в данном случае, в мыслях его? Считаете ли возможным, что мне входили в голову намерения при работе, и что я занимаюсь какими-либо утилитарными целями, кроме усилия повять и представить сумму характерных признаков, к чему я всегда стремился, и к чему всегда была направлена моя наблюдательность? Как необходимо отнестись к этому обстоятельству по существу, и что нужно делать, чтобы такая критика выводилась? Я чувствую, что это есть общее, так сказать, атмосферическое утесненное давление, и что мы всё находимся под одинаковым минимумом, но и больше ничего; а как от этого избавиться — я не знаю. Уважающий вас Н. Крамской.

ССLXIX. Къ нему же.

6-го января 1883 г.

Уважаемый Алексей Сергеевич. Долго я думал, по какому поводу я напишу вам письмо о выходе Стасова, и решительно не находил мотива. Ваша статья о Перове, прекрасная в обмене и вёрная в деталях, дала мне этот предлог. Там есть одно слово: «Притворяться». Ну я почувствовал, что объяснение стимулируется натуральным.

Вам Н. Крамской.

^{*)} В статье В. В. Стасова «25 лет русского искусства» (Вести. Европы, 1882 декабря), было сказано, по поводу портрета Крамского: «Такие портреты навсегда, как звезды, прибивают человека к стене...»

Ред.

ССLXX. Къ нему же.

8-го января 1883 г. Сиб.

Уважаемый Алексей Сергеевич. В жару разговора я забыл вовсе одно обстоятельство по поводу Перова. Дело в том, что картину его «Никиту Пустосвята», благодаря стараниям Воткина, великий князь Владимир Александрович решил или обещал купить от Академии. Это было при открытии выставки в Москве.... Идея неясна, что-то тут подвигается. Теперь, когда поднялся вопрос о том, где сделать выставку Перова в Петербург (Собор^{*)}) был у Н, и тот отказал в помещении. Узнал об этом, Воткин, как ловкий человек, спас честь Академии. Поблажал сейчас же к великому князю и между прочим докладами и разговорами спросил, можно ли устроить выставку Перова в Академии? Великий князь сказал: хорошо, очень рад, тем более, что это будет помочь вдове...

А что касается непримиримости заушленного енисейца и т. п. ^{**)}, то что же делать нам с нашей мужникой историей? Мы действительно вышли из низкой среды, у нас не было между предками рыцарей Круглого стола, разных Хлодвиков и прочего декораума? Ну, словом, не оставляйте дело о Перове, благо оно тронут ваше сердце и вы признали за ним серьезное значение.

Напишите кое-что на сию тему. Уважающий вас Н. Крамской.

ССLXXI. Къ П. М. Третьякову.

Сиб., 12-го января 1883 г.

Глубокоуважаемая Навель Михайловна. Несколько лет уже как у меня мелькала мысль испробоваться ваять, да так и тянулось до сего момента. Хорошо ли, или дурно, что я прокутил столько времени, не знаю, и даже не знаю, хорошо ли и делал и теперь; но так как мне не остается другого выхода, перед тем, как погрузиться окончательно, то попробую.

Двадцать лет тому назад я женился. Когда добросовестные люди (семейство П., где я давал уроки; сын тогда только что поступил в университет и приговаривал в Академию) — так вот мать, узнав, что я женился, соблазнила обо мне и прямо в лицо говорила: «Напрас-

^{*)} Распорядитель всероссийской выставки Перова.

Ред.

^{**)} Заушенный енисейск — одно из главных действующих лиц в картине Перова.

25*

но! Художнику этого дѣлать не слѣдовало бы, вамъ еще нужно учиться! — я на это очень храбро и съ глубокимъ убѣжденіемъ (какъ теперь помню), сказала: «Если изъ меня, при тѣхъ условіяхъ, въ которыя я стала, ничего не выйдетъ, то и жалѣть о такихъ людяхъ не стоитъ». Я тогда былъ и обижень, и злость на людей. Я живо чувствовала тогда потребность нравственной жизни, чтобы нѣтъ возможность развиваться. Не знаю отчего, мнѣ тогда казалось, что, чтобы идти впередъ, нужно жениться. Кромѣ того, я и тогда понимала (хотя мнѣ было всего 25 лѣтъ), что женитба—это лотерейный билетъ (и одинъ) на выигрышъ въ 200.000, особенно художнику. Не знаю также, отчего, я угадалъ человѣка, но я угадалъ его, потому что во всѣхъ критическихъ случаяхъ жизни (когда именно человѣкъ и славивается), этотъ человѣкъ все приносилось въ жертву, если, по моему мнѣнію, мое искусство того требовало. И все-таки, не смотря на это, черезъ 20 лѣтъ напряженного состоянія, я сознаюсь, что обстоятельства выше моего характера и воли. Я сломенъ жизнью, и далеко не сдѣлалъ того, что хотѣлъ, и что былъ долженъ. Еще 6 лѣтъ тому назадъ, я смотрѣлъ бодро и хладнокровно выжидать времени, когда можно будетъ приняться за трудъ, но... время шло, а планы мои все откладывались, точно нѣтъ отвѣдаю кѣное столѣтіе. Наконецъ наступилъ моментъ, когда улускать не только годъ, а даже мѣсяца, рискъ огромный, потому что мнѣ 45 лѣтъ, волосы посѣдѣли, и глаза начинаютъ подвигаться. Сколько у меня осталось времени? Это вопросъ мучительный. Подъ вліяніемъ этого же мучительнаго вопроса и въ ужасъ, что по моей милости, пока я занимался своимъ совершенствованіемъ въ живописи, дѣти мои остаются нищими, я началъ строить домъ, чтобы хотя что-нибудь осталось имъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, простоялъ и вонелъ въ долги до 4—5 тысячъ, истративъ сликомъ 24.000. Короче,—въ настоящую минуту я банкротъ, такъ какъ дачу нужно заложить, во что бы то ни стало. Но вотъ горе: дачи въ залогъ не принимаютъ! Когда я узналъ это обстоятельство, я, сдѣлавъ человѣкъ, раскисая надъ собой самымъ безомыслимъ образомъ. Начать строить, знать, что мнѣ носятъ постройки придется закладывать, и не зная, что дачи нигдѣ въ залогъ не принимаютъ! А какъ хорошо, казалось, расчитали: деньги (несчастныя 14—15 тысячъ, да во время постройки заработалъ около 6 тысячъ), думаю себѣ, у меня все равно уйдутъ, вы ихъ проѣдите, а я лучше сдѣлаю вотъ что: 10—12.000 простою, на остальные буду писать картину, а когда не хватитъ—заложу, и кончу въ годъ набѣрно; да кромѣ того на дорогъ кое-что напишу еще, а ужъ за портреты—ни-ни...! Только всѣ подобныя дѣтскіе пріемы въ жизни оказываются нигде не годными: не намъ этими дѣлами заниматься!

Вы удивляетесь, къ чему это я подѣлжаю, рассказывая вамъ эти сказки. Вы догадываетесь, что и какіе-то нитки на васъ вьютъ; вы полагаєте, что я хочу взять денегъ у человѣка, который, по моему предположенію, ихъ имѣетъ, и основательно, быть можетъ, желаете, чтобы все поскорѣе кончилось: сказали, что нужно, и шабашъ! Да, но только я не могу не сдѣлать вамъ всего до очевидности яснымъ, прежде чѣмъ окончательно усомниться.

И такъ, вотъ моя дѣла: въ эту зиму я сдѣлалъ, съ августа сентябра, 2 портрета: Строганова и Васильчикова, и на это пока живу, отъ 2-хъ отказался (Штейнбоксъ и Полежаевъ), хотя согласны были на мои условія. Но это все не то. Тому, что за снѣгъ послѣдуетъ, будьте вы судья, потому что отъ вашего убѣжденія будетъ зависеть мое дальнѣйшее, такъ сказать, поведение.

Къ чему каянелу? Я иду впередъ, или остановился, или иду назадъ? Отъ убѣжденія вашего будетъ зависеть то или другое. Съ осени, когда для меня обнаружился мой дѣла вполнѣ, я себя продаю—кто купитъ? Съ этими предложеніемъ я новель прежде всего къ Вегрову и сказала ему: «Не желаете ли вы меня взять на аренду? Все, что я сдѣлаю, будетъ ваше (исключая картины), а вы мнѣ платите (то есть выдавайте) 1.000 рублей ежемѣсячно». Онъ говоритъ: «Что же вы намѣрены мнѣ дать?»—«Да все, что сдѣлаю!»—«Да, но это неопредѣленно. Я согласенъ вотъ на что: дайте мнѣ ваши головки ежемѣсячно, а я вамъ за нихъ буду уплачивать по уговору». (Это все тѣ же портреты). Тогда я ему предложилъ комбинацію слѣдующаго рода: я ему обязуюсь сдѣлать въ теченіе года «Школу рисованія», состоящую приблизительно изъ 60 рисунковъ, а онъ мнѣ долженъ будетъ, кромѣ 1.000 ежемѣсячныхъ, заплатить еще отъ 8 до 10 тысячъ, когда я «Школу» кончу, и «Школу» взята на вѣчныя времена себѣ, отдавать ее, и т.д. Словомъ, какъ мнѣ казалось, я ему давалъ дѣйствительно цѣнную вещь для изданія. Онъ обрадовался «Школѣ», какъ Богъ знаетъ чему, согласенъ былъ заплатить одновременно, но только поменьше. На этомъ мы разошлись. Онъ у меня купилъ 3 этюда, заплатилъ за нихъ 2.000, и еще Гуна, а потомъ, когда я получилъ отъ Строганова за портреты, а Гуна возвратилъ обратно. Но со «Школой» онъ мнѣ не даетъ теперь покою. «Школу» же эту я началъ года 4 тому назадъ, да остановился влѣдствіе занятія Прахова на общій планъ моей задачи. Съ тѣхъ поръ, я «Школу» еще разъ на-ново обдумалъ, и теперь опять приступилъ къ рисункамъ, вполнѣ увѣренный, что если я ее вышучу, то есть, кончу, то это будетъ вещь оригинальная, новая, и дѣйствительно такая, какъ надо. Если мнѣ удастся ее довести до конца, это будетъ наслѣдство дѣтямъ. «Школу» нужно, нужно и нужно. И такъ, я «Школу» дѣлаю, а картины

нон стоять, такъ какъ я не знаю, что мнѣ дѣлать, сечь ли корабли, или ирриняться за заказы и портреты, пока не прекратились еще желающіе. Или вы рѣшитесь сдѣлать съ мной такой опытъ. Я у васъ года не потребую, нѣтъ, я предлагаю срокъ короче: положимъ, съ момента договора пройдетъ 2 мѣсяца, вы даете по 1,000 рублей каждаго перваго числа, и чрезъ 2 мѣсяца я открываю вамъ картину. Это будетъ 1-е апрѣля, пологимъ, и тогда вы рѣшаете дальнѣйшее. Если я, со своими затѣями (у меня еще есть одна, кромѣ всего, извѣстнаго вамъ), погнусь еще въ строй—прекрасно, тогда я на апрѣль и май поѣду въ Палестину (денегъ увеличивать сверхъ 1000 ежемѣсячныхъ будетъ не нужно. Если же вы забракуете картину и начнете мною плыти—хорошо, я и на это согласенъ. Но тогда, быть можетъ, найдете и меня еще достаточно таланта на что, набудь другое. Вѣдь я за картину въ сущности не принимался, съ тѣхъ норъ, когда, помните, я работалъ въ кадетскомъ корпусѣ, въ своемъ достаточномъ баракѣ, и когда я писалъ вамъ объ этой работѣ. Съ тѣхъ поръ она стоитъ, и я что заработаю, то и съѣмъ—это ужасно. А вѣдь я могъ бы дать въ годъ вдвое больше, еслибы все время было мое, и я не долженъ бы былъ ходить за хлѣбомъ. Все дѣло, стало быть, теперь въ томъ: выгодно ли кому-нибудь прокормить меня годъ, что обойдется въ 12,000, и взять себѣ все, что будетъ сдѣлано. Я знаю, что 1,000 рублей въ мѣсяцъ, это огромныя деньги, но, къ сожалѣнію, только текущіе расходы ежедневные обходятся въ 500 рублей, да квартира 200, а присоединивъ еще 100 рублей учителямъ и учительницамъ, маѣтей, и плату за ученье,—выходитъ минимумъ 800 рублей въ мѣсяцъ, да 200 рублей нужно нѣтъ всегда въ запасъ, на работу мою. Но и независимо отъ этого, я понимаю, что всѣ эти вычисления страдаютъ однимъ—неизвѣстно, стоить ли моя работа 12,000 въ годъ? Не знаю. Судите вы, я только могу, въ настоящее время, страдать отъ неудавшейся жизни. У меня въ головѣ буря, а какъ найти выходъ—не понимаю. Перебравъ всю свою жизнь, выглядывая ошибки и не нахожу, но совѣсти, кромѣ женитбы, и какъ слѣдствія ея—многочисленной семьи. Но... дальнее откровенность меня возмущаетъ. Я сказалъ все.

Извините меня великодушно, если письмо мое прибавитъ вамъ новую, моральную тяжесть, какъ, вѣроятно, вамъ часто приходится. Вѣдь богатый человѣкъ—это цѣль всѣхъ голодающихъ. Но обо мнѣ вы не скажете такъ. Я честно бился всю жизнь, и усталъ вотъ только подъ конецъ, да и то потому, что не знаю, сколько Господь Богъ отпуститъ мнѣ еще времени на работу.

Я всегда думаю, что любитель искусства слѣдуетъ быть милостивымъ только до тѣхъ поръ, пока человѣкъ еще можетъ что-нибудь, а какъ только машинка испортилась—въ архивъ! Конечно! Надо повернуться къ нему

сильной и искать новаго, на котораго и обратить вниманіе. Вѣрный этой мысли, я и приглашаю васъ рѣшиться (да оно, вѣроятно, уже и рѣшено), иду ли я впередъ, или назадъ, и въ случаѣ отказа вашего, я поминатьъ со своимъ молодоженьемъ службу. Уважающій васъ Н. Крамской.

ССЛXXII. Къ нему же.

15-го января 1883 г., Сиб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ! Очевидно, вы боялись, чтобы не сдѣлать мнѣ больно. Такія сердечныя движенія нельзя не оцѣнить, и за нихъ-то вамъ я глубоко благодаренъ. Но это я, положимъ, знаю, и въ этомъ былъ увѣренъ; гораздо болѣе я боялся другого, очень естественнаго движенія съ вашей стороны, что вы отнесете меня въ число желающихъ пожнниться отъ богатаго человѣка. Извините, васъ всѣ считаютъ такимъ, кромѣ меня. Говорю это съ чувствомъ глубокаго убѣжденія, то есть, я считаю васъ человѣкомъ только со средствами, и знаю очень много людей гораздо богаче васъ, которые считаютъ васъ потому богатымъ, что если вы тратите на картины, то есть, на прихотъ (но нѣтъ мнѣнью) столько денегъ, то сколько же вы должны тратить въ такомъ случаѣ на свои нужды?! Навыные люди, и тупые люди, а главное, бѣда та, что они даже и не люди!.....

Къ счастью, я усмотрѣлъ въ вашемъ письмѣ, кромѣ особой деликатности, еще и довѣріе ко мнѣ. Вотъ за это-то уже, какъ за сверхкомплектное обстоятельство, я просто не найду и словъ для благодарности. Теперь къ дѣлу.

Я положительно удивленъ, какъ вы угадали одну несчастную черту моего характера, приведшую меня къ банкротству: это неужели и даже невозможность для моей натуры «хвататься слегка за всякое постороннее дѣло». Я «увлеклась» и отдаюсь вполне тому, за что берусь». Я давно въ себѣ это знаю; а такая черта характера, выстѣтъ съ большою семьей, обученіемъ и всякими хлопотами, задерживала меня ужасно. Господи, сколько разъ я ловилъ себя (теперь даже), на томъ, что, положивъ, какой-нибудь заказъ, вовсе не важный въ художественномъ смыслѣ, какія онъ мнѣ доставляетъ искреннія мученія! Недавно является одна знакомая дама и проситъ нарисовать, съ умершей, по фотографіи. Я говорю: «Не могу».—«Ахъ, какъ жалъ! Я рекомендую вамъ! Пожалуйста!» Хорошо, я отдаю, цѣна неважная—рисунокъ готовъ и я же долженъ быть перебивать, убивать время, мучиться, какъ будто и виноватъ! И такъ во многомъ. Потому, практичные люди говорятъ: «Позвольте, почему вы не по-

ложите два дня для публики, а в другие дни закройте и работайте, что хотите». Вь самый дѣлъ, отчего? Какъ же иначе? Какъ же весь свѣтъ дѣлаетъ? Я себя самъ сколько разъ спрашивалъ: а какъ же вотъ Павелъ Михайловичъ съ 8-ми до 12-ти часовъ въ конторѣ, потомъ ѣдетъ, дѣлаетъ дѣла, и т. д. и т. д. Въ такъ! А иностранные художники!! Ну, словомъ, это такой неоправимый недостатокъ, что я еще себя удивляюсь иногда, почему я такъ долго вертусь, и давно уже не выброшенъ жизнью за бортъ. Словомъ, это печально вѣрно. Дальше: — вы еще вѣрите въ меня, когда говорите: «Вамъ слѣдуетъ предаться только своему дѣлу, пока, бросить всякіе дебаты (какіе дебаты?!), придворные уроки, и проч.» Вотъ это именно оно и есть, да какъ же это сдѣлать? Научите! Это есть мечта всей моей жизни, особенно послѣдняго десятилѣтія, но какъ я говорилъ, это еще все откладывалось, пока была молодость — все терпѣлось, теперь терпѣть болѣе нельзя. Или продолжай то, что дѣлалъ до сихъ поръ, принимай портреты, совершенствуйся, если можешь, не отказывайся уже ни отъ одного замъа, тогда не будетъ нужды — заработаешь 25 — 30 тысячъ въ годъ, кое-что и отложишь, и такимъ образомъ, если можешь жить — живи! Или же — все прочь! Потому что я портретовъ, въ сущности, никогда не любилъ, и если дѣлалъ сносно, то только потому, что я любилъ и люблю человеческую физиономію. Но вѣдь мы понимаемъ, что человеческое лицо и фигура не суть портреты, необходимые публикѣ. Я ее слишкомъ хорошо знаю. Дѣло у меня дошло до боли, я готовъ кричать: «Помогите!» Вотъ откуда и мое письмо къ вамъ. Я прихожу и говорю вамъ: — Помогите! И при этомъ предлагаю вамъ взять себя все, что будетъ сдѣлано. Дайте мнѣ годъ жизни на пробу — и все, что будетъ сдѣлано въ этотъ годъ — вамъ! Это не значитъ — берите себя все, что я сдѣлаю. Совсе нѣтъ. Я говорю: — «это вамъ», вамъ не нужно — пусть продается, и деньги ваши, и берите ихъ себя. Я только хочу одинъ годъ художественной жизни, чтобы не быть вынужденнымъ бѣгать за хлѣбъ. Только это. Къ сожалѣнію этотъ «хлѣбъ» — равняется 12,000 въ годъ. Но, можетъ быть, вы и вернете все, что дадите чистыми деньгами — и, быть можетъ, также не будетъ убытка. Я говорю: купите меня, пока я не испортился, какъ машинка. Можетъ быть, я даже доходная машинка, и это на одинъ годъ, то есть пока. Неправится — прекрасно, будемъ продолжать; не выгодно — я первый съуюю подчиниться обстоятельствамъ. Я не самообольщаюсь на столько, чтобы чортъ зналъ что о себѣ мечтать, но знаю также и то, что я знаю и что я могу. Другіе не знаютъ, правда, и знаютъ отсюда — ну, надо попробовать. Я, конечно, предпочелъ бы войти въ службу съ кунцомъ, который мнѣ тоааренно торгуетъ, но, во 1-хъ, у насъ такого нѣтъ, а, во 2-хъ, если бы и былъ,

то все-таки у купца есть свои задачи, которыя онъ, зная публику, и будетъ стараться осуществить, ну, а это дѣло не подходящее. Мнѣ нужна молная и безусловная свобода. Къ такому человѣку, какой мнѣ нуженъ (нуженъ, сознаюсь, потому что самъ не стужѣлъ справиться съ жизнью), подходите только вы. Знаю, что вамъ трудно, знаю, что вы служите искусству дѣйствительно до истощения силъ, знаю также, что и близкіе вамъ люди даже сокрушаются объ этомъ и болѣе вашей страсти. Но что же мнѣ дѣлать? Подумайте, дѣло терпѣть, хотя я уже изнемогъ. Потому что, если я опять принусъ за портреты, то эта темеремия моя тоска будетъ уже послѣдняя вспышка сожалѣнія художника о неудавшейся жизни.

Не думайте, ради Бога, что я насъ хочу разжалобить! Я только горю откровенно.

Два слова о нашемъ непониманіи искусства: во всей вашей практикѣ, я знаю два-три случая, когда мнѣ казалось, что вы не поняли, и только; да и то я еще всѣхъ мотивовъ не знаю, почему такъ случилось. А что при жизни своей вы будете слышать только возгласъ — это ничего, это нужно знать впередъ. Вспомните, что я вамъ писалъ еще тогда, когда были исторіи съ картинами Вережагина. Какъ хорошо, что я былъ на столько остороженъ, что тогда же высказалъ и то, что такое Вережагинъ, и то, зачѣмъ нужна его коллекція. Что дѣлать? Иногда бываетъ дѣйствительно трудно разобраться въ галѣ ярмарочной жизни, въ кругу современниковъ.

За письмо и мысли ваши глубоко благодарность.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССЛXXXIII. Къ нему же.

Сиб., 20-го января 1883 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я написалъ что-то очень много прошлый разъ, но, кажется, вздоръ, или по крайней мѣрѣ много лишняго не нужнаго. Правда только въ одномъ — я усталъ нѣтъ дѣло съ публикой по заказамъ, воротиться къ юности нельзя, чтобы начать съизнова, и поставить себя такъ, какъ всѣ художники себя ставятъ, то есть, работать, что хотять, а публика покушаетъ. Для меня это благополучіе не осуществилось. Я сдѣлалъ портретистовъ по необходимости. Быть можетъ я и въ самомъ дѣлѣ ничего болѣе какъ портретистъ, но я пробовалъ раза два-три того, что называютъ творчествомъ, и вълѣдствіе того покороче: а потому не хочу умирать, не испробовавъ еще разъ того же. Вы знаете, что боитесь не понять достоинства моихъ затѣй. Вотъ это собственно и есть нутникъ, который меня ставитъ въ тупикъ въ вашемъ

пискѣ. Если перевести это нѣсто на языкъ откровенный, то это значитъ, по моему, вотъ что: «Я (то есть вы) буду поставленъ въ весьма конфузное положеніе въ томъ случаѣ, если мнѣ не понравится начатая, а тѣмъ болѣе конченная вещь написанная (то есть мои)». Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я это понимаю! И еслибы можно было передать вамъ увѣренность мою въ то, что я буду въ состояніи, безъ малѣйшей горечи, подчиниться совершившемуся факту, и признать, что вы потеряете изъ-за меня 12,000 (накъ видите, я все толкую о годичномъ срокѣ), да съ прежнимъ долгомъ составитъ болѣе 16,000. Ну, думаю, однакожъ, что все же не совѣсь потеряете, такъ какъ уже есть кое-что, что вы хотѣли кунить, и стало быть, часть, хотя и малая, обезпечена. Очень возможно, что я прѣйду на день или два въ Москву, чтобы повидаться съ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ.

И. Крайской.

ССЛXXIV. Къ П. О. Ковалевскому.

Спб., 21-го февраля 1883.

Вы себѣ не можете представить, многоуважаемый Павелъ Осиповичъ, какое удовольствіе вы мнѣ доставили вашимъ письмомъ. Это было очень пріятный сюрпризъ, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ. Письмо, во 1-хъ, очень сердечное, во 2-хъ, вызвано безыскусственно: предметъ, обсуждаемый въ немъ, вѣчно для насъ новъ и интересенъ, и наконецъ, въ 3-хъ, по моему адресу комплименты, контрибуции и контрибуции. Много комплиментовъ, такъ что я даже въ конфузъ сталъ приходить. Оставалось раскланиваться. Въ самомъ дѣлѣ, легко сказать! Ради меня потренируйте такую тяжёлую артиллерию какъ Вагъ-Дейкъ, и привяжите къ отвѣтственности Бастіенъ-Лапала и Бугеро! Во всякомъ случаѣ, если даже признать преувеличенными ваши похвалы, то все же что-нибудь останется и на мою долю дѣлательного, что-нибудь принадлежить мнѣ неотъемлемо. А это много. Очень много. Спасибо вамъ. Могу сказать только, что я уже давно работаю въ потмахъ. Возлѣ меня давно уже нѣтъ никого, кто бы, какъ говорится, совѣсти или груба архангела, оповѣщая человѣку: «Куда онъ идетъ? По настоящей ли дорогѣ, или заблуждается?» Что я дѣлаю — не знаю; какъ съмотрѣть всѣ на мои работы — не нѣтъ о томъ ни малѣйшаго представленія. Одно меня поддерживаетъ еще, это неумолимая несправедливость и клеветы, которыми на мой счетъ охотно обманываются люди, люди, которыхъ я часто даже и въ глаза не видалъ. Вотъ этотъ-то отрицательный признакъ и даетъ мнѣ надежду, что я еще не идю назадъ. Но вѣдь руководиться такимъ раздражающимъ началомъ, въ сущности, очень недорочно. И вотъ, въ такую-то минуту жизни, весьма и весьма грустную — получить

письмо, исполненное теплоты сердечной, съ тонкими и унылыми замѣчаніями о вещахъ, которыя я вдоль и поперекъ знаю, и о которыхъ я внутренне слово въ слово говорилъ себѣ то же самое! Вѣдь это что такое? Понимаете ли, какъ это должно прибавить споконьянія и увѣренности человѣку? Какъ же не послать виновнику всего этого глубокой благодарности? Зная насъ за человѣка, наклоннаго и способнаго къ опредѣленіямъ очень тонкимъ и уже, такъ сказать, находящегося на вершинахъ критики, — получить отъ такого человѣка по его свободному почину письмо, въ которомъ разсыпана бездна драгоцѣнныхъ критическихъ замѣчаній — это огромная поддержка. Вы, конечно, всего этого не думали (тѣмъ лучше!), и были за то версты отъ мыслей, какія мнѣ пришли въ голову при чтеніи вашего письма, но тѣмъ это вѣрнѣе оказывается дѣйствіе.

Вотъ какое длинное предисловіе! Но я не виноватъ. Я и половинки не выстлалъ сюда того, что, по моему, слѣдуетъ. Но такъ какъ занимать собственной особой всѣ четыре страницы по меньшей мѣрѣ неприлично (хотя бы это неприличіе и было маскировано благовидными предлогами благодарности и т. п.), то я перейду къ тому, что меня занимаетъ теперь, минуя всѣхъ, о комъ вы въ письмѣ вамъ упоминали. А меня занимаетъ вотъ что: отчего вы ни словомъ не обмолвились о себѣ? Долго ли вы тамъ будете? Словомъ, неужели вы оставили Россію совсѣмъ? Прижились въ Варшавѣ, и ее не оставите? Я воображаю, что задавать такіе вопросы посторонній не имѣетъ права, такъ какъ въ отвѣты на нихъ могутъ вылетѣть чисто личныя и интимныя обстоятельства; но я не съ этой стороны и вопросъ беру. Или, лучше сказать, если мнѣ отвѣчать, что личныя мотивы — все, я извинюсь, и только. Но я думаю, что кровъ личнаго, есть причины общаго свойства, напирѣжь: извѣстный умственный уровень общества, полнота общественной и политической жизни, чрезвычайно развитой художественный нервъ въ обществѣ и потребность въ удовлетвореніи этого нерва, товарищество и соперничество. Словомъ, все то, что даетъ городу фizioномію дѣйствительной столицы, а не промежуточнаго нѣста. Есть ли же въ Варшавѣ? Если есть, я умоляю — но буду продолжать сомнѣваться. А есть ли то же самое въ Петербургѣ? Я скажу: какъ кому. Мнѣ кажется, что есть, не все, конечно, о чемъ я упоминалъ, но многое. Потому что, что такое Варшава? Это среднѣвѣковое населеніе, сидящее на «рѣкахъ Вавилонскихъ». Быть можетъ оно (населеніе) и исполняетъ нравственно свою историческую миссію, быть можетъ оно все это и само знаетъ, но ему нужно отсѣдѣться, оно добровольно себя закупило отъ вольнаго воздуха критики, до тѣхъ поръ пока не придетъ желанная свобода, независимость и прочее, и что тогда и оно (населеніе) сброситъ съ себя среднѣвѣковья отребья, сотретъ пылъ, и кровь бодро и весело начнетъ циркулировать...

Но... все-таки до тех пор, жить в таком амбаре неудобно. Да и потому еще вопрос: хорошо ли актеру или артистке (после того, как они почему-нибудь оставили сцену и уехали вдали от театра лет 15) выступить вновь на подмостки? Я, конечно, не рѣшаю здѣсь никакого политическаго вопроса, и даже согласенъ, что съ моей стороны говорить о вопросе такой важности и такимъ образомъ легкомысленно, но я беру вотъ чтѣ. Чтѣ такое я? Родился я, когда историческія судьбы народовъ достаточно уже кристаллизовались, положенія настолько опредѣлились, что за давностью нельзя рѣшить, на которой сторонѣ больше грѣховъ. А небо и земля все обновляются; политическіе, общественные, социальные и иные идеалы измѣнились; старые настолько обветшали, что ихъ нельзя уже называть на знамени, а новые столь существенно отличаются отъ прежнихъ, что, когда Варшаву вздуваетъ напѣвъ на знаменахъ эти новые идеалы, она увидитъ, что они тамъ держаться не будутъ. Я чувствую, что не ясно выражаюсь, но все же можно понять—что, принимая вещи такъ, какъ онѣ есть, необходимо бѣжать со всякаго кладбища. Куда? А я почему знаю! Для меня можетъ быть достаточно Петербургъ, или русская деревня, а для васъ—Римъ, Парижъ, Лондонъ, Берлинъ и я не знаю еще что! Не правда ли, вопросъ неудобный? Ну, ужъ извините.

Глубоко уважающій васъ и преданный Н. Крамской.

ССLXXV. Къ нему же.

Марта 1883 г.

Два слова о репортерахъ вообще: что такое репортеръ? Это человѣкъ все знающій, обо всѣхъ могущій говорить самымъ авторитетнымъ тономъ, могущій и нагадить, и очернить человѣка, или возвести въ гени—все это въ настоящее время занесено отъ г-на репортера. Вашей газетѣ, не смотря на то, что ее ругаютъ—модражаютъ. И мелкая пресса точъ въ точъ болтаетъ тоже самое другими словами—и конечно храбро, какъ будто отъ себя. Но съ этимъ ужъ дѣлать нечего. Но вотъ, что жалъ—и у васъ въ «Новомъ Времени» стали появляться статьи, подобныя тѣмъ, которые трактовали Клеверъ и Судковскій*): это изъ что невѣроятное. Я знаю, что и художники теперь, какъ и всѣ смертные, понимаютъ, что съ репортерами слѣдуетъ быть особенно любезнымъ, предупредительнымъ, искательнымъ, иначе гордость погубитъ: води; дожидаясь, пока правда силою своей правоты проложитъ нуть къ ушкѣхъ—долго ждать, да и не будетъ этого. А потому лучше всего поступать, какъ Клеверъ: поухать къ репортеру,

*) «Новое Времѣ» 1883, № 2519.

Ред.

привести его лично на выставку, подѣ руку съ нимъ, самымъ благоговѣйнымъ образомъ, согласиться съ замѣчаніями, удивиться глубинѣ его пониманія, рассказать въ свою очередь о томъ, гдѣ, и когда, и при какихъ обстоятельствахъ обѣдила меня творческая мысль, какъ я ее потомъ ставилъ осуществлять и какой плодъ созрѣлъ наконецъ. Потомъ хорошо позавтракать и т. д.—какъ по писанному. Смотришь, и результатъ съ Божьей помощью выходитъ чудесный! Очень жаль.

Извините. Лично къ вамъ тутъ ничего не относится, надѣюсь—и потому со спокойною совѣстью посылаю письмо.

Уважающій васъ Н. Крамской.

ССLXXVI. Къ неизвѣстному*).

8-го апрѣля 1883 г.

Ваше превосходительство! Если по прочтеніи этого письма у васъ возникнетъ чувство хотя бы малѣйшаго сомнѣнія относительно правды здѣсь изложеннаго, или вамъ будетъ почему-либо нежелательно принять рѣшеніе, на которое желаю васъ вызвать, то я прошу васъ оказать мнѣ милость: забыть о существованіи этого письма вовсе, и ужъ, конечно, оставить его безъ отчета.

Я оказывался въ положеніи, требующемъ простѣйшей поддержки и вниманія къ моему художественному занятію. Говорятъ, что Брелловъ, будучи въ Италіи, охваченный жаждою сдѣлать что-либо для искусства, явился къ Демидову за поддержкой и нашелъ въ немъ столь широкое довѣріе къ талантливому, хотя еще и неизвѣстному, молодому человѣку, что плодомъ этого довѣрія явилась картина «Послѣдній день Помпеи». Оказалось, что Демидову ничего не стоило выбросить за око 10,000 р. (т. е. его состояніе отъ этого пошатнулось не могло), но онъ и не потерялъ ихъ, къ счастью, а напротивъ выигралъ. Это было, конечно, исходе совершенно случайнымъ и ничто не обязываетъ человѣка думать, что подобные опыты надобно повторить; тѣмъ не менѣе, я нахожусь въ предположеніи, въ 1-хъ, что вы способны къ благороднымъ корываньямъ, и во 2-хъ, обладаете средствами, достаточно прочными, чтобы не пошатнуться отъ потери, положимъ, 20 тысячъ въ годъ. Если хотя одно изъ моихъ предположеній неосновательно, я еще разъ прошу бросить мое письмо, не читая, и это будетъ тѣмъ болѣе справедливо, что я знаю, какую массу жалостныхъ писемъ приходится вамъ получать. Да и наконецъ мое положеніе—не положеніе пресвитера, нуждающагося въ благотворительности. Однакожъ,

*) Измѣняется съ черновика.

Ред.

кѣ дѣлу. Разница между Брюловымъ и мною, кромѣ таланта, еще слѣдующая: Брюловъ обратился за поддержкой въ началѣ поприща, а я въ концѣ; но какъ тогда, такъ, очевидно, еще и теперь, существуютъ нѣко- торыя общія условія, вызывающія одинаковыя или сходныя явленія: ему нужна была поддержка для художественнаго творчества, а художнику те- мѣе плакать (повторяю, я далекъ отъ самолюбиваго чувства уравнивать себя съ Брюловымъ). Чтобы разсѣять всея естественное изумленіе, какъ могъ извѣстный художникъ дойти до необходимости искать поддержки, и біографія. Я родился въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ Воронежской губер- нии, Острогожскѣ, отъ очень бѣдныхъ родителей. Отецъ мой былъ журна- листомъ въ Городской Думѣ и получалъ 10 руб. въ мѣсяцъ жалованья. Мнѣ было 12 л. когда онъ умеръ. 16-ти лѣтъ я покинулъ Острогожскъ и пустился въ путь безъ всякихъ связей и поддержки. 20-ти лѣтъ я до- вышелъ изъ нея, женился и началъ пробивать дорогу. Никогда, ни откуда и ни отъ кого я не имѣлъ поддержки. Изъ Академіи я вышелъ вмѣстѣ съ 14 человѣками, отказавшись отъ конкурса на большую золотую медаль, дающую право 6-ти лѣтняго пребыванія за границей. 3—4 раза я ѣздилъ уже на собственный счетъ. Семья у меня очень большая. Съ возрастаніемъ заботъ, я долженъ былъ напрягаться, чтобы удовлетворять текущія нужды, выгораживать время для картинъ; однакожъ мнѣ удалось съ большими нитералами написать 4—5 картинъ. Пока былъ молодъ, я все думалъ и все надѣялся, что мнѣ удастся быть побѣдителемъ надъ обстоятельствами, но расширяющіяся матеріальныя потребности, возрастающія въ геометри- ческой прогрессіи, довели мой ежегодный бюджетъ до 10—12 тысячъ. Нѣтъ надо было нѣтъ изъ году въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ и я нѣтъ имѣлъ; и, если обстоятельства останутся побѣдителями, то я ихъ и буду имѣть. Но для этого нужно распрощаться навсегда съ чисто художествен- ными заботами.

Два года назадъ обнаружилось, что я получилъ благопріобрѣтенную бо- лѣзнь, которая заставила меня призадуматься: сколько мнѣ отпущено Го- нитесь? Въ виду этого вопроса, я, нѣбѣ всего въ резервѣ несчастная наѣбреженіе употребить ихъ на окончаніе начатыхъ художественныхъ ра- ботъ, а вложить ихъ въ недвижимую собственность, которая бы давала семье хотя бы бѣднымъ, но все же не совершенно голоднымъ средства. Она-

заясъ, что я, конечно, не могъ сдѣлать этого очень практично, и кончить тѣмъ, что вонзалъ даже въ долги, работая усильно, еще израсходовать все, что было, и даже задолжалъ до 8 тыс. Но это дѣло поправимое, если я живъ и здоровъ. Вы недоумеваете, изъ чѣмъ же для меня затрудненіе? И какъ я еще итѣго существованнаго не сказалъ, несмотря на то, что у меня вышло изъ письма цѣлое сочиненіе?

Дѣло вотъ въ чемъ. Передо мной дилемма: или тянуть лямку присяж- наго портретиста, зарабатывая снамъ 10—12 тыс., и уже разъ навсегда отказаться отъ художественныхъ заботъ, или попытаться найти такого чу- дака на свѣтѣ, который бы повѣрилъ, что я могу что-нибудь сдѣлать для русскаго искусства, что я теперь, вооруженный опытомъ и практикой и овладѣвшій средствами мастерства, въ состояніи осуществить тѣ идеи и образы, которые частью уже начаты, а частью сверяты безпокойно го- лову. Словомъ, я ищу человѣка, который бы рѣшился на слѣдующій опытъ: Во 1-хъ, освободилъ бы меня отъ долговъ, подлежащихъ уплатѣ, чтобы я могъ спокойно немедленно сѣсть и работать картинна, а не заказъ (та- ковыхъ, какъ я сказалъ, прострается до 8 тысячъ), и во 2-хъ, устроилъ бы такъ, чтобы я получалъ каждое 1-е число 1,000 р. въ теченіи одного года. Все, что мною будетъ сдѣлано въ это время, будетъ принадлежать безъ всякихъ ограниченій тому, кто предприметъ опытъ. Слѣдовательно то, что ненужнымъ окажется, можетъ поступить на выставки и прода- жаться, и выроченныя деньги возвращаются заказавшему до полного по- жименія. Такъ какъ я раньше сказалъ, что я не знаю, сколько времени у меня въ распоряженіи въ будущемъ, то опытъ болѣе одного года я про- должать не желаю самъ, потому что этого года совершенно достаточно, чтобы оповѣнить начатое и осуществить задуманное, такъ какъ я пока живъ и владѣю еще своими силами.

Ужъ я раньше года, разучусь часть денегъ будетъ несомнѣнно утрачена. А можетъ быть опытъ удастся!

Въ заключеніе скажу, что это не есть плодъ минометнаго фантасти- ческаго настроенія, а выводъ изъ дѣйствительности. Писать только пор- треты, сегодня, завтра и т. д., изъ года въ годъ, и не видѣть выхода—это можетъ подѣйствовать удручающе на талантъ. Отъ этого положенія я усталъ и естественно во мнѣ желаніе художника хотя разъ отдалить тону, что хочется дѣлать. Встрѣчу я такого человѣка, для котораго опытъ по- добнаго рода не будетъ представлять матеріальныхъ препятствій—хо- рошо; быть можетъ и мнѣ удастся оставить Россію что-нибудь, стоющее общественнаго вниманія; не найдется—Россія, конечно, обойдется и безъ меня. Дѣлать нечего, не осудите.

Я даже просилъ бы васъ, если вамъ это письмо будетъ не нужно,

возвратить его мнѣ, такъ какъ оно должно подлежать моему собственному уничтоженію.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

И. Крамской.

ССЛХХVІІІ. Къ А. С. Суворову.

13-го апрѣля 1883 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Благодаря вамъ сердечно за сегодняшнее разясненіе, съ нашей точки зрѣнія, о заимствованіи Судковскихъ отъ Кунинджи^{*)}. Послѣ того, какъ вы уже сами видѣли картину Кунинджи, легче разговаривать.

Вы избавили меня отъ долгихъ и мучительныхъ дней (быть можетъ даже мѣсяцевъ), пока дѣло разъяснилось бы съ очевидностью для всѣхъ.

И, подписывая протоколъ (именно протоколъ), долженъ былъ извѣстить миллионы разъ, что я подписываю и что я долженъ буду, въ случаѣ надобности, показывать при разбирательствѣ дѣла и за что по совѣсти я могу отвѣчать и на чѣмъ настаивать. Дѣло это до такой степени деликатное, а главное, трудно понимаемое публикою и людьми не-специалистами, что я тысячу разъ говорилъ своимъ товарищамъ (возмущеннымъ наглѣмъ воровствомъ), что они ничего этого не въ силахъ будутъ доказать и дать понять съ очевидностью экспертамъ. Всѣ въ концѣ концовъ все-таки скажутъ: «Да, пожалуй, конечно, но все-таки у Судковского вода удивительная! Дай Богъ и Кунинджи такъ написать». А между тѣмъ, для меня, быть можетъ, болѣе, чѣмъ для всѣхъ, не исключая и Кунинджи, было возмущительно встрѣтить такого рода хищеніе. Оно столь очевидно, что даже и разговоры никакаихъ не допускаетъ. Ясно—какъ Вожій день. Возьмите картину Кунинджи и обрѣжьте снизу берега, почти до воды, и сверху воздуха, сколько нужно, чтобы получить форматъ картинъ удлиненныхъ, выбросьте молѣно дровъ и лодку съ парусомъ, а камень, который въ водѣ, чуть-чуть отодвиньте подалѣе—и затѣмъ посмотрите, что выходитъ. Картина Судковского—тотъ же тонъ берега, та же вода и даже тотъ же воздухъ (только посвѣтлѣе и потемнѣе). Раздѣлы играютъ тутъ огромную роль. Судковский 20 лѣтъ уже, или по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ, работаетъ, и только тогда, когда другіе ему указали дорогу, становится заимчивымъ (я выражаюсь мягко).

Послушайте теперь, что я думаю о картинахъ этихъ двухъ художни-

^{*)} Здѣсь говорится о статьѣ въ «Новомъ Времени» 1883, № 2559: «Нѣчто о заимствованіяхъ».

ковъ: у Кунинджи такъ все полно гармоніи, до такой степени отъ одного угла картины до другого все подчинено одному настроенію, именно монотонности огромной тишины и величавому спокойствію, что хотя вы и видите уходящее дно подъ воду и видите это на всемъ протяженіи, пока глазъ хладѣетъ, но вы этому даже на первый разъ и значенія не придадите, столь это все просто и натурально, и говорите: «Эка великая важность, что дно видно!»

Но вѣдь вы видѣли теперь картину, и понимаете, что въ ней главное—неотразимая прелесть общаго.

Послѣ луны Кунинджи—подоплалъ хищники и спекулянты, понюхали и сказали себѣ: «Ага! поняли!», и вотъ вы видите, что даже вразъ, прости Господи, стала такъ изображать дугу, что старые художники мобѣднѣли. Тоже и теперь: хищники знаютъ и очень хорошо понимаютъ, что лежало плохо и дежидъ воспроизводитъ. Никто не видѣлъ и не понималъ, забыли, словомъ. Конечно, надо уметь написать, кто говоритъ, но только не угодно ли всмотрѣться въ картину Судковского: въ ней полоса ровно въ 4 вершка во всю картину, гдѣ видны камни, удивительно, даже болѣе и лучше, чѣмъ у Кунинджи; но зато глазъ камиъ сейчасъ выше 4-хъ вершковъ ничего не чувствуетъ—точно начинается другая матерія, а ниже—берегъ и камни написаны неважно тоже, и нисколько не лучше Кунинджи. О небѣ я и не упоминая, оно совсѣмъ не важно. Публика говоритъ: «Ахъ, камни!» и ничего не хочетъ слушать. А я знаю, что, поставивъ двѣ картины рядомъ, публика будетъ недоумѣвать—неужели это такъ важно! «Да, конечно, сюжетъ, ну да, разумеется, заимствовано... кое-что-то... даже много; пожалуй, даже главный сюжетъ; по, вѣстали, прекрасно!» Теперь, когда эти двѣ картины будутъ стоять рядомъ (о чѣмъ мы и думали, когда писали протоколъ), то, прошу васъ, мысленно выбросить изъ картинъ Судковского вотъ это: «Ахъ камни въ водѣ!» и вы увидите, что картина исчезла, потому что то, что осталось—болѣе чѣмъ ordinarily. Выбросьте эту же прелесть саму но себѣ деталь изъ картины Кунинджи—и вы все-таки чувствуете какой-то величавый мотивъ во всемъ. Точно музыка.

Вы скажете: «Зачѣмъ же мы такъ строго къ Судковскому отнеслись?» А вотъ почему. Не будь возгласовъ: «Вотъ оригинально! Ахъ, какъ хорошо, да какъ же это никому до сихъ поръ не пришло въ голову!» и прочее, ямъ, несмотря на наглое воровство, прохотчались бы, какъ было ужъ много разъ и прежде. Но вѣдь знаете, если художникамъ будетъ сходить безнаказанно съ рукъ все, то немножко неудобно становится жить.

Теперь еще два слова о Рафаэлѣ и Верещагинѣ. Воля ваша, они тутъ не причѣмъ, и столь простая истинна о заимствованіи, которая вы вчера художникамъ прочитали, убѣряя васъ, имъ извѣстна, и имъ ничуть про-

тивъ этого не говорили и говорить не думали. Но вы же сами вчера сказали, что замкствовать можно все, только... чтобы было новое освящение, новые детали и т. д... Предоставляю вамъ теперь судить — есть ли въ картинѣ Судовскаго все вотъ это новое? У обоихъ художниковъ токъ берега одинъ и тотъ же, освѣщеніе солнечное съ той же стороны, линии тѣ же, предметы тѣ же, и даже небо человѣкъ обязанъ былъ сдѣлать то же самое, потому что другое небо объясняло бы новый эффектъ, ну, а это бабушка еще надвое сказала!

Въ концѣ концовъ, я не думаю отнимать у Судовскаго того, что онъ будетъ имѣть самъ своего. Дай Богъ. Я только буду радъ, но что чудное, то чудное!

Уважающій васъ И. Крамской.

ССЛXXVIII. Къ нему же.

1883 г.

Многоуважаемый Алексій Сергѣевичъ. Боюсь, чтобы не вышло недоразумѣнія. Надо прибавить что-нибудь къ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о картинѣ Шишкина, чтобы не подумали, что и она замкствовала у Куинджи, не смотря на то, что картины эти почти одновременно (Куинджи раньше, а Шишкина позже на два—на три мѣсяца). Но картина Шишкина—ни-чего общаго не имѣетъ.

И. Крамской.

ССЛXXIX. Къ Н. П. Вагнеру.

23-го июля 1883 г.

Многоуважаемый Николай Петровичъ. Не могу утвердить, чтобы не благодарить васъ за вашу вчерашнюю статью въ № 2656 «Новаго Времени»: «Желательная организація университета*»). Это одна изъ тѣхъ статей, которыя, не смотря на свою краткость, обнимаютъ вопросъ въ общемъ, въ корнѣ. Такія статьи освѣщаютъ исторію предмета, а стаю бы и его будущее (желательное только, къ сожалѣнію). Я слишкомъ мало знаю

* (Статья профессора Н. П. Вагнера указывала на несоотвѣстность нынѣшняго университетскаго курса съ его назначеніемъ и на потребность въ учащейся молодежи и нублькй дѣйствительнаго университетскаго, т. е. гуманитарнаго, универсальнаго, энциклопедическаго образованія. Она предлагала отдѣлить нынѣшній 8-й классъ гимназій и еще одинъ годъ на университетское двухгодичное образованіе, которое не давало бы никакихъ правъ и дипломовъ. Означить его, молодой человекъ могъ бы поступить въ одну изъ пяти спеціальныхъ нублькй (факультетовъ), которые, связанные нублькй имѣетъ, часть вышнннмъ образованіемъ, составляютъ такъ называемый «университетъ».

Ред.

самъ здѣсь, чтобы быть въ состояніи разобраться безъ посторонней помощи въ этомъ дѣлѣ. Но, тѣмъ не менѣе, я все же кое-что наблюдать, и жнѣ нужно было два, три главныхъ и вѣрныхъ слова, чтобы даже и я уразумѣлъ, отчего что происходить. Ваша статья для меня похожа была на молнію въ темную ночь, и я теперь знаю, гдѣ выходъ.

Не знаю, какъ будутъ смотрѣть на вашу мысль ваши коллеги по университету, и вообще люди, призванные что-либо дѣлать для молодежи. Но, судя по тому, тѣмъ люди эти заняты, какъ главнымъ (форма для студентовъ, устройство общежитій и отобраніе подписокъ отъ нублькй при вступленіи, что они, кроме слушанія лекцій, ничѣмъ другимъ увлечены не будутъ), надежды на скорое осуществленіе такихъ здоровыхъ и вѣрныхъ взглядовъ должны быть отброшены. А между тѣмъ этотъ вопросъ столь важенъ, что рѣшительно я не войму, какъ въ виду опасности можно оставаться покоиннымъ. Зная же наши нравы и уровень интереса къ настоянннмъ дѣйствительнымъ нуждамъ, можно только быть глухимъ пророкомъ, что ничего путнаго не будетъ сдѣлано—рѣшеніе слишкомъ просто, а мы простого не понимаемъ еще. А какъ было бы хорошо!

Такъ или иначе, а вопроса, поднятаго вами, не бросайте и не оставляйте заглохнуть. Рѣшеніе найдено вѣрное поразительно, надобно только вбить въ голову ночаже.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССЛXXX. Къ П. М. Третьякову.

29-го ноября 1883.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за интересъ, высказываемый вами къ моей скульптурѣ*). Къ сожалѣнію я не могу поднать тотъ трудъ, о которомъ вы говорите. Конія для меня каторга, и если и за оригиналомъ работамъ съ послѣднихъ чиселъ августа, то за копіей и того больше. Имѣть, я не могу — не могу, даже и въ томъ случаѣ, еслибы этотъ эскизъ погибъ вовсе. Непрада ли, странно? Выпастъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССЛXXXI. Къ А. С. Суворову.

1884 г. (февраль).

Многоуважаемый Алексій Сергѣевичъ. Вы спрашиваете, что со мной сдѣлалось? Ничего, произошла, къ сожалѣнію, прискорбная ошибка. Я на-

* Маленькія фигуры, выдѣленные для руководства при писаніи картинъ «Христосъ во дворѣ Пилата», числомъ около 150.

Ред.
30*

писал к вам лично несколько мыслей своих о критиках художественных. Чуть я руководился? Только не раздраженным самолюбием. (Хотя я о нем упомянул, что не буду в претензии, если вы объясните мое письмо этим несчастным самолюбием). А руководился я жалением вашей газетѣ болѣе высокого уровня на нашем художественном отѣлѣ, и только. Ради Бога, извините. За ваше письмо, только что мною полученное, большое спасибо. Оно и уное, и вѣрное. Увѣрю вас, что я о себѣ вовсе не такого мнѣнія, какъ быть можете вы подозревать. И вамъ уже говорилъ, что ваши мысли объ искусствѣ гораздо вѣрнѣе тѣхъ мыслей, какія изречаются иногда у васъ въ газетѣ! Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Ваше письмо вызываетъ собственно много мыслей, и требуетъ большаго, не то что отвѣта, а параллельнаго изложенія мыслей другого человека: но теперь я ничего лунатаго написать не могу, такъ какъ долженъ отвѣчать г. Булгакову, отъ котораго сейчасъ получилъ письмо, въ сущности ужасное. Онъ все, что я написалъ о типѣ репортера вообще, приписалъ лично къ себѣ; а я, вообразите, даже и не подозревалъ, что у васъ пишеть г. Булгаковъ, и что статья о Клеверѣ и Судковскомъ — его. И даже не зналъ о существованіи г. Булгакова. Если для васъ не трудно возвратитъ письмо это обратно, то я бы его показалъ вамъ. Чувствую, что (вполнѣ) незнакомаго мнѣ человека обидѣлъ кровно, и онъ мнѣ очевидно никогда не проститъ.

Какимъ образомъ къ нему попала моя привѣтка къ письму о репортерахъ — понять не могу.

Уважающій и преданный вамъ

И. Крамской.

ССЛXXXII. Къ Ѳ. И. Булгакову.

1-го марта 1884 г., Сиб.

Дилетантскій государь Федоръ Ильичъ. Я не изъ тѣхъ людей, которые отказываются отъ своихъ словъ, мыслей и поступковъ. Поэтому я готовъ отвѣчать на всѣ предложенные мнѣ вопросы; но при этомъ я прошу васъ самымъ убѣдительнымъ образомъ нѣтъ въ виду разницу между нашими письмами: письмо мое (вызвавшее ваше) писано къ моему хорошему знакомому и глубокоуважаемому человеку А. С. Суворину лично, а не въ редакцію. Это первое различіе уже много говоритъ. Второе: я лично васъ не знаю, какъ и вы меня, хотя по письму вашему можно судить, что вы знаете или слышали обо мнѣ гораздо больше. Увѣрю васъ, что я не зналъ даже, кто это пишеть объ искусствѣ въ «Нов. Вр.». Даже фамилію вашу

нигде не узналъ только сегодня изъ вашей карточки и письма. Согласитесь, что я, стало быть, не могъ ни выдунуть, ни распространять какія бы то ни было слезлины о васъ, или объ отзывѣ вашемъ про Клевера и Судковского: рѣчь шла не непременно объ этомъ, а о томъ, что этотъ отзывъ напоминаетъ и похожъ на нѣкоторые рекламны. Думаю, что, послѣ сдѣланнаго, вы возьмете назадъ часть тѣхъ раздражительныхъ выраженій, которыми полно ваше письмо. Говорю часть, потому что признаю за вами право на раздраженіе — разъ къ вамъ попала записка — не къ вамъ и даже не въ редакцію адресованная, и лично васъ ничтъ не трогавшая, а трактуемая о типѣ сравнительно новымъ въ литературѣ — о типѣ репортера. Вы приписали ее на свой счетъ. Очень жалко; но такъ какъ вы сочли себя обиженнымъ, и въ запискѣ есть дѣйствительно приравниваніе вашей статьи (какъ вы выражаетесь) къ тѣмъ газетнымъ сообщеніямъ, которыя называются такъ характерно «Рекламной». Я нигдѣ не зналъ, что статья о Клеверѣ и Судковскомъ есть именно сдѣланные извѣстные приемы г. Клевера, а говорилъ только о томъ, что статья эта имѣетъ сходство со статьями, происхождение которыхъ можетъ быть объяснено махинаціями, ибюкциями, къ сожалѣнію, мнѣсто въ литературѣ.

Теперь, въ виду глубокаго возмущенія, которымъ движетъ ваше письмо ко мнѣ, я охотно принимаю мое глубокое извиненіе и, разумеется, беру все сложа, на какія вы укажете, назадъ, беру тѣмъ охотнѣе, что они лично къ вамъ относятся не могли, и не относились, въ силу того простаго обстоятельства, что я не зналъ о вашемъ существованіи и не зналъ, что вы писали о Клеверѣ и Судковскомъ. Все, что мною было сказано о приемахъ и обращеніи съ критиками, было мною написано не съ чьихъ либо словъ, а самостоятельно, какъ выводъ изъ наблюденій дѣйствительности. Все, что я написалъ, я написалъ подъ впечатлѣніемъ всего мною видѣннаго въ жизни вообще, не приурочивая къ данному случаю, а только по поводу. Написалъ, такъ сказать, съѣдуя за мыслями; писалъ не къ вамъ и даже не въ редакцію, а лично своему знакомому. Какимъ образомъ мое письмо (и какъ видно не все) попало къ человѣку, мнѣ неизвѣстному и о которомъ я не могу быть ни хорошаго, ни дурнаго мнѣнія — я не знаю: это для меня загадка. Дѣлать ничего; что случилось, то случилось, и я весь переждъ вами, и въ вашихъ рукахъ.

Потому послѣдній разъ: все, что я писалъ о репортерѣ, я писалъ какъ общую свою мысль, и думаю, что и ваши собственные мысли объ этомъ предметѣ не настолько расходятся съ моими, чтобы вы стали утверждать, будто ничего подобнаго не бываетъ въ жизни. Вы возмущаетесь подобнымъ отношеніемъ къ дѣлу въ журналистикѣ: я радъ, и самымъ искреннимъ образомъ вѣрю вашему заявленію; но, не смотря на то, вы въ правѣ

весаки указать мнѣ на усмотрѣнное мною сходство вашей статьи со статьями, для журналиста возорными. Ради Бога, скажите, что же мнѣ дѣлать, если во моему личному впечатлѣнію это несчастное сходство мнѣ показалось? Съ этимъ я и не знаю, что дѣлать, и не знаю, какъ вытравить остатки сомнѣній, весьма естественныхъ съ вашей стороны. Если честное слово мое имѣетъ какое-либо для васъ значеніе и вѣроятность, то прошу васъ пріять его. Въ этомъ не ошибетесь и вѣроломства не произойдетъ.

Позвольте исправить неточности въ вашемъ письмѣ относительно двухъ критиковъ по искусству, будто бы присутствовавшихъ на обѣдѣ передвижниковъ. Я не былъ на обѣдѣ, по знаю, что изъ литераторовъ были только двое: Гаршинъ и Эртель (которыхъ я лично и не знаю: по крайней мѣрѣ Эртеля даже никогда не видалъ), которые объ искусствѣ, кажется, и не пишутъ, а если пишутъ, то и объ этомъ я слышу тоже только въ первый разъ.

Если сочтете нужнымъ или возможнымъ написать мнѣ что-либо, пишу спокойно, безъ раздраженія.

Примите выраженіе моей почтительности. И. Крамской.

ССЛXXXIII. Къ нему же.

2-го марта 1894 г., Сиб.

Милостивый государь Федоръ Ильичъ. Мнѣ приходится глубоко сожалѣть о томъ, что, доживъ до 46 лѣтъ, не умѣю воздерживаться отъ выраженія своихъ мыслей людямъ, съ которыми я когда-то дѣлился мыслями. Вы видите, какъ глубоко я униженъ тѣмъ, что мое личное и интимное письмо къ А. С. Суворину сдѣлалось общимъ достояніемъ редакціи. Между тѣмъ на конвертѣ стояло «А. С. Суворину отъ Крамского», внутри письмо въ листъ большого формата, исписанное до гда, и когда я хотѣлъ прибавить нѣсколько общихъ мыслей, то потребовалась добавочная бумага, и я продолжалъ, безъ личнаго обращенія, разувѣется, такъ какъ я только продолжалъ печатое. Утвержденіе ваше, что я писалъ въ редакцію, основано на томъ еще, что мною ясно будто бы подчеркнуто, что сказанное мною не къ нему лично относится, и что слѣдовательно... въ редакцію? Извините, какъ же можно выводить такое заключеніе? Или вы прочли не вѣрно, или я дурно редактировалъ свою мысль; но кривѣйшей этой я хотѣлъ сказать только, что такъ какъ все, что я наговаривалъ, ни до кого лично не относится, то я и зачеркивалъ письмо со спокойной совѣстью.

Вы видите, что я по необходимости долженъ вертѣться въ заколдованномъ кругу извиненій и оправданій въ несуществующей провинности съ моей стороны, очевидной для всякаго непредубѣжденного человѣка, кото-

рому стоить только убѣдиться, что письмо мое къ Суворину есть письмо частное и интимное, чтобы оно было неприкосновеннымъ, что бы тамъ ни заключалось. Алексѣй Сергѣевичъ даетъ мнѣ хороший урокъ, который, конечно, возмнѣетъ свое дѣйствіе.

Теперь лично къ вамъ. Я благодарю васъ за человѣческій шагъ по отношенію ко мнѣ: вы рассказали о своей встрѣчѣ съ Клеверомъ. Я на это васъ не вызывалъ—потому и я называю ваше сообщеніе человѣческимъ. Рассказывать не будете. Позвольте повторить вамъ на это старое: ни о какихъ машинаціяхъ, предшествовавшихъ появленію статьи о Клеверѣ и Судковскомъ, я ни отъ кого не слыхалъ; мало того, все, что вы сообщаете мнѣ о своей встрѣчѣ съ Клеверомъ, я слышу въ первый разъ. Но я знаю кое-что не въ первый разъ о Клеверѣ вообще, а если хотите знать, что именно вызвало мое замѣчаніе о репортерахъ вообще, то вотъ что было у меня передъ глазами, когда я писалъ свои строки.

Года 3 тому назадъ, однажды я, Рѣпинъ и еще кто-то были на Перевлжской выставкѣ въ залѣ Академіи наукъ, въ нашемъ кругу были и В. В. Верещагинъ (знаменитый). Въ эту минуту входилъ на выставку г. Ледаковъ. (Знаете ли вы этого художественнаго критика)? Мы стояли въ концѣ залы противъ входа; я въ эту минуту что-то началъ отвѣчать Верещагину на его вопросъ, но онъ моментально оставилъ насъ и весьма быстро бѣжать (буквально) навстрѣчу г. Ледакову, протягиваетъ обѣ руки; потомъ, все время бережно не выпуская критика, обходитъ съ нимъ выставку и провожаетъ къ выходу. Словомъ, оказывается такіе знаки вниманія, какъ будто это или величайшіе друзья, или Верещагинъ заискивалъ у всесильнаго человѣка, отъ котораго зависѣла вся его будущность. Между тѣмъ ни то, ни другое. Я могъ бы рассказать многое, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ, но лучше предоставлю вашей наблюдательности, наприкрѣ хоть г. Клевера, но именно какъ господина, а не художника. Что касается до его таланта, то никто никогда отъ меня не слышалъ другого отзыва объ немъ, какъ объ очень талантливомъ пейзажистѣ; точно также никогда и нигдѣ я не могъ сказать, что только невѣжество можетъ находить его картины хорошими. Прощу васъ протѣсть вторично мою злополучную записку, и я увѣренъ, что такого смысла вывести будетъ нельзя. Я грѣшу чаще всего неаравильнымъ построеніемъ фразы, но все же не до такой степени.

Ссылка ваша на авторитетность «Художественныхъ новостей» и специально критика А. С., извините, для меня не убѣдительна. Тутъ, впрочемъ, пришлось бы много писать, быть можетъ потревожить авторитеты дѣйствительные, тронуть системы и философію искусства, но на это у меня нѣтъ ни мѣста, ни времени.

Позвольте на этомъ кончить, такъ какъ кажется сказано все, что эту переписку вызвало.

Что же касается ваших взглядов на искусство, выражаемых вами мимоходом, то, так как это уже давно весьма деликатное и почти всегда спорное, то я скажу только следующее: если вы искусство любите действительно, то любовь эта выведет вас когда-нибудь на широкую дорогу безпристрастия, и безпристрастия истинного, которое существует, не смотря на наше сомнѣніе. Безпристрастіе, о котором я говорю, даетъ къ тысячу разъ большее наслажденіе искусствомъ, нежели увлеченіе. Между нами въ этомъ отношеніи, вѣроятно, разница огромная; но позволить мнѣ не рекомендовать, итъ, а указать на необходимость весьма зоркой наблюдательности надъ людьми, служащими искусству. Вы скажете: къ чему мнѣ это, когда я вижу похвалу, и, какъ кажется, только похвалу? То сѣю вамъ увѣрить, что послѣ нѣкотораго времени вы увидите многое, до того времени вами не подозреваемое. Оставляю весь вопросъ объ этомъ вполне открытымъ, въ одной надеждѣ, что наступитъ время и для васъ, когда вы скажете, или подумаете, что, говоря о безпристрастіи, я разувѣлъ, не флисовъ, а нѣчто реальное... чужное.

Относительно Писарева могу дать показание достоверное. Я его видел два раза в своей жизни. Один раз первый по выходе его из каторги, а второй, а был у него на Петербургской — зимой, предшествующей его смерти. Рассказал же его после того как он утонул, с фотографин, по заказу Марка-Вовчка; стало быть не съестры.

Примите выражение моей почтительности. П. Крамской.

CCCLXXXIV. Ёъ А. С. Суворину.

4-го марта 1884 г., Сиб.

Многоуважаемый Алексей Сергеевич. Я очень сожалю, что вы могли не получить от г. Бугакова как пропущенное частное письмо ко мне, и, так сказать, вздумали исправлять его моими боками. История с г. репортёрами очень интересная история, и когда-нибудь я вам её расскажу. Покажу огранчивать только вот чьи. Знаете факт, что Академия замкнула своих писателей об искусстве почти всё газеты. «Новое Время» было свободно от этого до 1883 года, но с этого времени и в него пустили корни новые растения. Все, что только может выдуть подпольная интрига, на пагубу меридиональной выставит, все это в Академии приветствуется и приводится в действие частью путём официальных изощрений, а частью иными путями. Но так как вся моя работа об этом связана человеку может показаться бредом превратною нигилию о сво-

есть значении, то, какъ это ни жалъ, я остаюлюсь, прося какъ повѣрить, что я ей-Богу не такой человѣкъ, чтобъ носиться съ воображаемыми опасностями. Чтѣо сдѣлалъ г. Булгаковъ прежде всего, когда прочелъ мое частное и злоупотребилъ письмомъ? Побѣждалъ къ *, собралъ **, *** и **** (художественнаго критика). Первые три — это душа ненависти къ Передвижнику выставкѣ, и изложилъ, что вотъ такъ и такъ. Плодомъ этого было письмо, которое я и получалъ отъ Булгакова, начинавшееся такими образами: «Не имья ни чести, ни желанія знать какъ лично, я требую съ васъ отгнѣтъ въ клеветѣ, какъ распускаемой на мой счетъ и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ такой комплиментъ: «Не смѣю спорить съ вами, какъ человѣкомъ, умудреннымъ опытомъ въ созиданіи художественной славы, и знающимъ закулисныхъ рецензій» и проч., и затѣмъ угроза: если я не возьму всѣхъ своихъ словъ, то вы и прибѣжите къ жбразъ рѣзкимъ. Письмо данное, оскорбительное и обличающее господина, которому ничего не стоить перервать человѣка пополаде; поди потомъ, отбѣлывайся отъ него. По моему снисла въ этотъ разѣ только моя невинность полийшая. Вообразите только, что я не зналъ о существованіи г. Булгакова, не зналъ, кто пишетъ въ «Нов. Времени» художественныя рецензій, и въ оба раза, которые я васъ видѣлъ въ прошломъ году, я забывалъ спросить, кто это? Мало того, я ничего не зналъ, что предшествовало появленію статей о Клеверѣ и Судковской и нѣкоторыхъ другихъ. Ну, словомъ, я, будучи невиннымъ какъ младенецъ, оказалось поналъ въ самое больное мѣсто и у Клевера, и у Булгакова, говори о репертуарѣ вообще, и не имья ихъ въ виду въ частности, а писалъ просто то, что я знаю и чему было свидѣтелемъ въ жизни. Все это я наложилъ г. Булгакову съ совершеннымъ спокойствіемъ и открытою силой. Теперь эмидетъ этотъ уже можно считать конченнымъ, но я просилъ бы васъ на будущее время не дѣлать такихъ ошнотъ, такъ какъ достаточно имѣ сказать, чтобы я не писалъ ничего, даже изъ желанія добра «Новому Времени», и я молчаюся. Извините, что такъ много времени и мѣста отомло на посторонній предметъ.

Теперь обь искусства²⁾. Я говорю тут неоднородно, что вы напишете, не зная специально предмета, гораздо лучше, чем те, кто обь этом считает себя въ правѣ писать. Въ нашей запискѣ есть то, что называютъ вѣщательнымъ, и что художнику знать гораздо болѣе важно, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Разумѣется, вѣщательныя суть только вѣщательныя, и только изъ соображенія мнѣловѣно вѣщательныя можно выводить критическія указанія и положенія; но такъ какъ наша художественная

* Остальная часть письма измечтана, почти целиком, въ «Новомъ Времени», № 2383, въ «Письмѣ къ другу». *Гед.*

критика до сих пор совершенно лишена своих собственных руководящих общих положений, а если где они и проглядывают, то, будучи взяты напрокат из-за границы (часто без разбора, от кого), не оказывают никакого действия на ум нас, художников. Во всяком случае, мы кое-что знаем об этих общих положениях, но нам нет досуга, и у нас нет умственных сил, чтобы все это формулировать; да наконец, это и не наше дело. И так, в виду отсутствия критики нашей, русской (далее быть может вы догадаетесь, что я разумею под словом: нашей), нам, художникам, чрезвычайно важно знать впечатления. Потому что это единственное, что честным русским художникам даст помощь. Мы находимся в великих потемках: что мы делаем? нужно ли это кому-нибудь; наконец, так ли мы делаем, как этого желает русский человек? Вот почему даже письма Боборыкина мы читаем с удовольствием и, прибавлю, с благодарностию; мы видим в руках этого человека не аршин, а метр; во все же это хитра, и хитра нам знакома. Его общие положения в искусстве (а они у него есть, при проглядывающих) глупы, не пригодны для русского, младенческого искусства, но все же это нечто, что, при знакомстве с историей искусства западного, может у вас вызвать иногда полезную вещь. Конечно, весьма важно знать, что в восточных случаях, впечатлениями не известно чье: человека очень много и в разное время, весьма запутанным общественными течениями, следовательно умного, много думавшего, наблюдательного, словом, для меня (т. е. собирательного русского художника) знать впечатления такого человека очень интересно. Мало что — просто необходимо.

Теперь я вам скажу, что такое русский художник. Сегодня это очень молодой юноша, избитый, однако же, со всех сторон и до такой степени загнанный, затуманный и оробевший, что становится его жалко. Вам забавно читать такое определение? Вы немалюбо вспоминаете: а Макаровский, принимающий у себя всю знать на вечерах, а Клеверт, плывущий на всьех парусах утк... и я много вам назову еще, помощи вашей памяти, наконец, даже и сам Крамской, загребавший тысячи за портреты, которые он может, говорить, написать и окончить в 4 — 5 часов, развешать это юноши загнанные и избитые? Походите, что вы фантазируете! — Но позвольте, я говорю о русском художнике. Я говорю вам об Иванове, Федотове, Перовом, частью о себе, а потом о Репине и Ярошенко, и еще о некоторых других. Чувствую, начинаю самый трудный пункт для объяснения; и боюсь, что мне не удастся его объяснить. Вот видите, в чем дело. Русский художник есть нечто неизвестное и невиданное, т. е. будущее. Люди, о которых я упоминаю, только удобовольное и, прибавлю, добровольное. Как это ни странно, но это так: именно добровольное удо-

бление. Рассказав вам кое-что из внутренних мучений искусством своих собственных, я, вероятно, вам помогу.

Вот говорят: русские художники пишут сухо, слишком детально, рука их чужд-то словам, они решительно неспособны к колориту, концепции их не соразмерны, темны, мысли их направлены все в сторону мрака, печали и всяческих отрицаний. Ну, так я-же вам говорю, что если это верно (а дай Бог, чтобы это было верно), так это голос Божий, указывающий, что юноша имеет только правды, жаждает только добра и улучшения. Вы скажете: да художника-то нет! Верно, художника нет, но есть то, из чего только и может быть художник. Легко взять готовое, открытое, добытое уже человечеством, тем более, что такие люди, как Тициан, Рибейра, Веласкес, Мурильо, Рубенс, Вандейк, Рембрандт и еще много можно найти, показали, как надо писать. Да, они показали, и я не менее вас понимаю, что они писали ужасно, но не пригоден. Не знаю, есть ли для вас тут какой-нибудь смысл, или нет? Но для русского, истинного и искреннего художника, тут смысл огромный и мучительный. Скажите откровенно и модушавши: реально ли Мурильо, Тициан? Так я оно в натуре, т. е., вы, именно вы, так ли вы видите живое тело, когда вы на него смотрите? Или Рембрандт? Случалось ли вам наблюдать нрав, где бродят только какия-то краски, пятна? Вы видите живые предметы, не думая о них и их сущности, а смотрите, как живописец, только на внешность, форму? Если же случилось вам никогда быть в своей жизни живописцем, вы меня не поймете; ну, все равно, скажу явное: когда вы смотрите на живое человеческое лицо, вспоминаете ли вы Тициана, Рубенса, Рембрандта? Я за вас отвечаю весьма храбро и развязно: «Ничего!» Вы видите нечто, нигде вам не встречаемое! Это значит, вы видите иначе. Значит, русский художник видеть не так, как художники других племен. И если от художника, то ему нет другого выхода, как создать свой собственный язык. И чужд он оригинальнее и независимее, чужд честнее и талантливее, тем ему труднее. А труднее вот почему: потому что русского художника никто не учит. У него нет учителей, и не было. Вот почему русское искусство так медленно поднимается в рост. Точно времена иерофаэлитов, времена Луи Кранаха, Мемлинга, Альбрехта Дюрера, то есть, времена, когда в чуждым столетиям были сделаны успехи и живопись в вершок величинею, а именно: долго рисовали одной желтой главною, пока не заметили, что в природе есть и другие краски. Долго рисовали плоскою, и выдвигали подробности на близком расстоянии, пока не увидели громадных движущихся тел на некотором отдалении. У ста-

рых мастеровъ, до времени великихъ творческихъ живописцевъ, все связано, сковано, мертво и сухо, и, не смотря на то, Гольбейнъ изъ Германіи, Джотто, Чинибуе, Беато Анджеліно и Перуджино изъ Італіи, считаются не только не ниже послѣдующихъ, но увлеченнѣйшими историками почитаются еще больше. И до извѣстной степени это справедливо. Такъ и Гольбейнъ, напрягивъ, заускавивъ свой мультъ до два дуинъ человѣка, этотъ ужасающій аналитикъ и философъ, далъ такіе портреты, которые и теперь останавливаютъ вниманіе всякаго наблюдательнаго человѣка. Думаю (разувѣется, бездоказательно), что люди, съ которыхъ онъ писалъ, могли желать чего-нибудь другого, но человѣческій родъ всегда будетъ ему благодаренъ за его пассивности, и всегда предпочтетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, опираться на его свидѣтельство, нежели на свидѣтельство Рубенса. Потому что Гольбейнъ — сама природа, вскрытая уму человѣка. Что тутъ художественнаго — я не знаю, но что это необыкновенно и интересно, сомнѣнію не подлежитъ.

Мы какъ разъ подошли къ портрету «Стрелетовой», Ярошенки. Вы говорите: «Это безобразно!» И я понимаю, что вы видите тутъ то, что вы видѣли иногда у Стрелетовой, дѣлающее ее не только интересной, но замѣчательно красивой и привлекательной. И, не смотря на то, я утверждаю, что портретъ самый замѣчательный у Ярошенки; это въ живописи то же, что въ литературѣ портреты, написанный Достоевскимъ. Хорошо это, или дурно — я не знаю; дурно для современниковъ, но когда мы всѣ сойдѣмъ со сцены, то я рѣшаюсь пророчествовать, что портретъ Стрелетовой будетъ останавливать всякаго. Ему не будетъ возможности и знать, вѣрно ли это и такъ ли ее знали живые, но всякій будетъ видѣть, какой глубокой трагизмъ выраженъ въ глазахъ, какое безысходное страданіе было въ жизни этого человѣка, и зритель будущаго сможетъ: «И какъ все это искусно приведено къ одному знаменателю, и какъ это мастерски написано!» Не смотря на детали, могущество общаго характера выступаетъ болѣе всего. Вы думаете, что Ярошенко не могъ бы написать иначе? Могъ бы, если бы захотѣлъ. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не сможетъ захотѣть. Ну, да это наконецъ и спору. Возвращаясь къ началу, чтобы кончить. И такъ, русскаго художника никто не учитъ, и ему учиться не у кого. Сколько разъ ему приходится стоять съ разинутыми ротомъ, отъ изумленія, передъ Ванъ Дейкомъ, Веласкесомъ и Рембрандтомъ, и чувствовать, что сошилъ со сцены и умерли уже и эти цѣльные натуры, и эти связанные характеры, что наконецъ человѣческое лицо, какинъ мы его видимъ теперь въ городахъ и вѣсуду, гдѣ есть газеты и вопросы, требуетъ другихъ прѣмовъ для выраженія. И вотъ, художникъ пробуетъ; думаетъ: вотъ какъ надобно. Попробовалъ — провалился. Всталъ, пробуетъ иначе, опять не такъ. И никакія справки

съ Эрмитажемъ не помогаютъ. И потомъ, 200 — 300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ не даромъ. Мозгъ и восприимчивость художника иные, даже краски уже не тѣ. То есть, свѣтовымъ впечатлѣніямъ теперешняго художника разнятся отъ прежнихъ. Извольте всѣмъ этимъ овладѣть собственными силами, безъ поддержки, безъ руководства и безъ атмосферы.

Написавъ все это, я чувствую, что того, что было бы нехитро испытать, я не сказалъ, а что сказалъ, до такой степени выходитъ лично, да еще и съ претензіями на обобщеніе, что и въ затрудненіи. Оказывается, что художникъ сдается все что-то сказать, да только никто его не понимаетъ ни тогда, когда онъ говоритъ словами, ни даже тогда, когда говоритъ кистью.

Уважающій васъ Н. Крамской.

ССLXXXV. Къ Ѳ. И. Вулгакову.

10-го марта 1884 г.

Милостивый государь Федоръ Ильичъ. Удовлетворите желаніе г. Клевара, но прошу васъ также показать прежде всего эту записку для того, чтобы онъ самъ прежде раздумалъ, чѣмъ приниматься за чтеніе чужихъ писемъ, не ему адресованныхъ. Если онъ потребуетъ и послѣ этого письма, чтобы удовлетворили его любознательство, то пусть читаетъ. Очевидно, что онъ все наираетъ на мою высокую чистоту: пусть онъ убѣдится въ этомъ лично разъ, такъ какъ ему моя простота начинать казаться подозрительной.

Примите выраженіе моей почтительности и готовности служить вамъ.

И. Крамской.

ССLXXXVI. Къ М. П. Третьякову.

12-го марта 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Списки подписей я передалъ пакану въ обѣда Киселеву, съ просьбою предложитъ членамъ и гостямъ, бывшимъ въ сборѣ на обѣдѣ. Самъ на обѣдѣ не былъ; куда дѣвался списокъ — не знаю, и кого спрашивать — тоже. Появлю къ Ленокъ, Савицкому, и, если окажется, то немедленно пришло въ Москву. Но теперь я нигдѣ не выхожу, а убѣжало въ чертѣ.

Глубоко уважающій васъ Н. Крамской.

ССЛXXXVII. Къ В. В. Стасову.

14-го апрѣля 1884 г., Ментона.

Благодарю васъ, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, за вторую военную брошюру о Шварцѣ. Многие изъ фактической стороны его жизни для меня были новостью, да нельзя сказать, чтобы и художественная его дѣятельность мнѣ была вполне извѣстна. Правда, я знаю почти все, что онъ сдѣлалъ, исключая «Гонца» (котораго я вовсе не видалъ и не знаю), но все же напоминать себѣ о томъ, что сдѣлано (и когда?) не худо. И вотъ какъ странно у насъ на Руси: былъ Шварцъ, началъ являть борецкую, и очень глубокую, вѣрно угаданную въ направленіи своемъ историческую; умеръ онъ, и все пошло опять, что куда. Какъ будто и не было человѣка! Заслуга его никому ни урокъ, ни руководство. Только теперь есть какой-то Яновъ, довольно блѣдный талантъ, но усердный орнаментистъ и рисовальщикъ разныхъ древностей, водчась пендучихъ къ дѣлу, да покажутъ у Сурикова какой-то древній духъ (и одишь только запахъ), въ его «Казни стрѣльцовъ», вотъ и все. Чуть не 20 лѣтъ уже, какъ Шварцъ умеръ, а русская историческая живопись все такая же глухая, какъ была и до него. Отчего это, скажите пожалуйста? Мало того, что послѣ Шварца не осталось никакихъ традицій, я сильно сомнѣваюсь, чтобы онъ (то есть, традиціи) остались бы, или образовались послѣ дѣлага пласта художниковъ русскихъ, начиная съ 30-хъ до 80-хъ годовъ включительно. Видъ это уже не одинъ человѣкъ, а, какъ нинѣ говорятъ, даже школа (хотя я всегда смотрѣлъ на такое опредѣленіе очень скептически). Я чувствую — даже больше — убѣжденъ (потому что есть признаки), что съ исчезновеніемъ со сцены послѣдняго мотикана, пойдетъ полоса дурацкаго академизма, только подъ другимъ, чѣмъ прежде, соусомъ, и когда-нибудь надо будетъ начинать письмо про бѣлаго быка сначала. Шутка сказать — сначала! Видъ что это значитъ? Это значитъ, надо будетъ появляться опять своему Федотову, Перову и другимъ, въ сущности еще несовершеннымъ художникамъ, а только носителямъ идеѣ. «Есть отчего въ отчаяніе придти!» Вы полагаете, что мой взглядъ слишкомъ мрачный? Ахъ, какъ бы я желалъ ошибаться! Но въ Академіи — дѣятель, у нея есть дѣти, то въ то въ то положитъ, они теперь растутъ, они пенсионерами заграницей, они постоянно увеличиваются численно, ихъ риди стряся уже въ колонны, и еще годика 4—5, и со стороны Академіи будетъ снѣжное войско, какого духа — это все равно, главное — войско будетъ молодое, сильное, бодрое, и, что всего важнѣе — злое, и злое за то, что временно академическое начало было осглѣно, и несостоятельность его доказана. Этого люди спеціальныя

никогда не забываютъ, а публика... но когда же наша публика, въ впросахъ художественныхъ, могла стать сознательно на сторону родного и неспитворнаго искусства, если она до сихъ поръ не можетъ разобрать, какое положеніе ей слѣдуетъ принять въ впросахъ, прямо и непосредственно ее задымающихъ. А все-таки, я такъ думаю! Не бросить ли эту матерію? Пожалуй, это только теорія! А, все-таки, я такъ думаю! И думаю потому, что имѣю причины такъ думать.

Уважающій васъ И. Крамской.

Куклу Пруткува изображаю ^{*)}, но не знаю, что выйдетъ изъ этого.

ССЛXXXVIII. Къ нему же.

Ментона, 2 (14-го) апрѣля 1884 г.

Только что отправилъ къ вамъ свое письмо, уведомлявшее васъ о полученіи 2-й половины «Біографіи Шварца», уважаемый Владиміръ Васильевичъ, какъ получилъ отъ васъ еще письмо, и письмо, нужно сказать, глубоко меня затронувшее и изволновавшее. Да, вотъ оно, начинается! Вы думаете, что начинается? А, вотъ это то самое, чего я съ такимъ страхомъ и трепетомъ жду уже нѣсколько лѣтъ. Вообразите, какой я былъ дуракъ лѣтъ 6—7 тому назадъ. Я думалъ, что все, что мы надѣлали, пройдетъ какъ даромъ. Но, тѣмъ дальше я жилъ, тѣмъ больше видѣлъ, тѣмъ все больше и больше сталъ замѣчать, что борьба черная, борьба на жизнь и на смерть — еще впереди. Ну, что-жъ: борьба, такъ борьба. Теперь отступать уже не приходится. Все равно поинтеръ. Ахъ, Владиміръ Васильевичъ, еслибы вы знали, какъ жалъ, что эта борьба застаетъ многихъ изъ насъ уже разбитыми, нѣсколько разъ прежде, собственными неуспѣхами художественными. Материально мы погибли, то есть, личнымъ существованіемъ мы будемъ болѣе или менѣе продолжительное время еще мозолить глаза противникамъ, не вдумая уже нинѣ ни страха, ни опасности... Да, тутъ, какъ во всемъ, пока налетитъ шкваль, есть нѣсколько предвѣстниковъ: беззаконныя тайны, потомъ отдѣльные норы вѣтра безъ связи и постоянства, и безпечный человѣкъ можетъ подумать въ минуту затмѣнія — тихо, не будетъ бури! Такъ вотъ оно, откуда уже нѣсколько лѣтъ шипѣніе въ газетахъ, то съ одной стороны, то съ другой — и такъ, безъ основанія: сорвать гнѣвъ, и только. Ни до картинъ, ни до выставки дѣла нѣтъ, а такъ просто! Затѣмъ ты не ликуешь, и затѣмъ не идешь на поклонъ, когда ты знаешь, что твой поклонъ только и нуженъ. Тебя нотожъ оставятъ въ покой, но понюхаютъ! А! Ты полагаешь, что у тебя достатокъ силъ и духу тигаться въ силу правоты, и что ты одинъ этни возмешь побѣду? Ну хорошо же!!!

*) Портретъ В. М. Жемчужникова, писанный въ Ментонѣ.

Извините, уважаемый Владимиръ Васильевичъ, за аллегорию, но ей-Богу я, всѣ послѣдніе года, все удивлялся, откуда эти лающие писакки берутся— либо это новые, думаю себя (потому, старикъ я знаю), а оказывается: все старые знакомые! Такъ неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ NN—это и есть самый «Художникъ»? Ну, спасибо, не ожидать. Неужели-жъ и X. уже лигается? Такъ вотъ оно какъ! Ну, что-жъ дѣлать, таковъ законъ: никто не уступаетъ поле другому безъ борьбы, а тутъ борьба не просто—честная борьба, а зашкодою предательская. Одно утѣшительно ценного для меня: я все думаю, что мы не очень огорчили противниковъ, потому что не было ненависти къ намъ до сихъ поръ, все скорѣе сочувствовали и хвалили, и если правда, что злость и интриги начинаютъ раздаваться—слава Богу! Это все-таки одинъ изъ признаковъ, что и у насъ достоинства несомнѣнны. Уже на этотъ разъ вы не идите никакого письма, потому что я не могу ни о чемъ ни думать, ни говорить, какъ только о томъ, что предстоитъ. А предстоитъ генеральное сраженіе, все-таки прежде, чѣмъ наша армія будетъ разбита. Вы видите, что я смотрю не весело, но ей-Богу между нами такихъ немного, стало быть сражаться они будутъ бодро, они и не подозреваютъ, что будутъ кануть. Я же, не смотря на это, а еще лучше, именно поэтому, буду какъ 20 лѣтъ тому назадъ. Ахъ, Боже мой, только бы не умереть, прежде чѣмъ что-нибудь будетъ приготовлено для будущей выставки! Извините—вы и не подозревали, что мы во мнѣ возбудили, и въ какое состояніе я пришелъ.

Нѣтъ письма—до другого раза.

Уважающій и преданный вамъ Н. Крамской.

ССLXXXIX. Къ Ө. Ө. Петрушевскому.

Ментона, 12-го (24) апрѣля 1884 г.

Письмо ваше, глубокоуважаемый Федоръ Овничъ, предупредило мои намеренія написать вамъ изъ этого прекраснаго далека. Получилъ я его въ первый день праздника, и не могъ отбить тотъ же часъ потому, что былъ на дорогѣ по одному нечаянному обстоятельству. Здѣсь умерла одна больная, намъ никакъ до того времени не знакомая и не близкая, но сдѣлавшаяся извѣстною вслѣдствіе того, что съ перваго же дня нашего приѣзда мы познакомились съ ея братомъ: художникомъ Пахитоновымъ. Объ этомъ человѣкѣ вы можете что-нибудь и слышали. Года четыре тому назадъ, онъ сталъ извѣстенъ въ Парижѣ. Я имѣлъ въ нему письмо изъ Парижа отъ Боголюбова. Пахитоновъ здѣсь жилъ всю зиму для больной своей

сестры, которая и умерла наконецъ. Съ нею была старушка мать, которая потеряла голову, сама Пахитоновъ тоже, и молодая его жена—тоже. Словомъ, даже мы могли оказать имъ кое-какое облегченіе и услугу, на это-то время и ушло, пока ее не похоронили. А хорошее здѣсь кладбище! Я даже нахожу, что умирать въ другомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь просто неартично: близко къ небу, хороший видъ, и... сухо (послѣднее—практическое и такъ сказать хозяйственное соображеніе). Но, оставляя въ сторонѣ практику—придется все время держаться чистой мозги. Эти кипарисы, наслни и розы, розы и розы! Чудно, особенно когда тихо и ясно. Зачасте ли вы, что я, говоря о Ментонѣ, употребляю такіе выраженія, которые крикнѣли къ Петербургу? Это оттого, что мы помани сюда во время инсталля и вслѣдствіи безобразій, а такъ какъ старожилы говорятъ, что всегда природа возьметъ свое, то вотъ она и угощаетъ всѣмъ поперемѣнно: и голодомъ, и дождемъ, и вѣтромъ въ апрѣлѣ, когда всему этому долженъ былъ быть уже конецъ въ мартѣ, но мартъ былъ очень хорошимъ, а слѣдовательно... слѣдовательно и здѣсь теперь не жарко, то есть, какъ одинакомъ не жарко? Оно тепло, но мокро, и мокро. Впрочемъ, вслѣдъ дней было здѣсь около 8-ми мокрѣтъ, со времени нашего приѣзда. Это много—третья часть, но не смотря на то, до чего усердствуютъ лягушки! И, какъ мнѣ сказалъ Пахитоновъ, въ первый же вечеръ, какъ я приѣхалъ, что это къ хероней мородѣ, а потомъ и сама стала сомнѣваться. Погода дрянь, а лягушки упражняются, такъ что мы теперь и не знаемъ: радоваться ли намъ вечеромъ или печаловаться?

Хорошо здѣсь, очень, и я не знаю, чему приписать, но только и мнѣ здѣсь хорошо, такъ что я только вспоминаю, каково было въ Петербургѣ. Нельзя сказать, чтобы камель промелькнулъ вовсе, а все-таки сравнить нельзя: показанію нежного утра въ 9-мъ часу и полудни около 4-хъ, и только: но странно, что такъ аккуратно это установилось.

Ваше письмо диметъ такой позвѣй, что мнѣ жалко не отвѣчать вамъ въ томъ же тонѣ: и хотѣлъ бы, да не могу и не ужоу, а чудесное письмо, надо бы его переложить на стихи. Съ праздничномъ насъ. Это письмо не въ счетъ!

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

ССХС. Къ П. О. Ковалевскому.

Ментона, 15-го апрѣля 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Осиповичъ. Получилъ ваше чудесное письмо уже здѣсь въ Ментонѣ, я былъ лишень возможности отвѣчать вамъ немедленно, какъ бы слѣдовало, потому что не зналъ, куда и какъ адресо-

вать. Я должен был навестить прежде справки въ Петербургъ объ этомъ, и вотъ только теперь могу сообщить вамъ кое-что о себѣ: то есть, что знаю.

Я намяю уже года 1½, и никакія средства не помогаютъ. На этотъ разъ дѣло дошло до того, что С. П. Веткинъ, докторъ, потребовалъ моего удаленія изъ Петербурга на дурное весеннее время, разрѣшивъ вернуться въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Что у меня такое? — я не знаю положительно. Находить какія-то опухоли въ верхнихъ частяхъ груди, около легкихъ и дыхательныхъ путей, и что будто это и есть причина кашля, лихорадки, упадка силъ и тому подобнаго. Скажу, на простомъ языкѣ, я думаю, объ этомъ можно выразиться такъ, что вотъ жилъ-жилъ человекъ, да и усталъ, машина стала портиться; и ему, волею или нѣтъ, а изъ строя приходится выйти, и вступить въ число каѣхъ на болѣе или менѣе продолжительное (однакожъ приличное) время, вотъ и все. Послушать я долженъ былъ, чтобы узнать, что изъ сего послушанія выйдетъ на этотъ разъ, а затѣмъ — ничего не знаю.

И такъ, я въ Ментонѣ. Мѣсто, объ которомъ столько поэтовъ писали и восторгались, такъ что прибавлять къ этому рѣшительно нечего, развѣ только личное нерасположеніе ко всѣмъ мѣстамъ, гдѣ горы слишкомъ близко къ человѣку; а остальное ничего, такъ себѣ. Все какъ слѣдуетъ, растутъ лимоны и апельсины круглый годъ, цвѣтутъ такая тѣма, что остается никуда не пойти (то есть, виновать, поспать) дороги, а больныхъ и того больше. Средиземное море то же, что и въ Италіи, казали и жменничковъ и тутъ можно найти, а что до хорошихъ людей, то они чудесами попадаются и здѣсь. Словомъ, какъ ни оберни, а Ментона такая же частіца вселившей, какъ и Васильевскій островъ.

За письмо вамъ искреннее и большое спасибо. Спасибо за все: во 1-хъ, за вашъ интересъ къ моему существованію, во 2-хъ, за мысли и замѣтки по поводу критики и художества. Очень хорошо, и все сплошь правда. Жалѣю, что не могу вамъ отвѣчать ни достаточно интересно, ни вообще отвѣчать по новоду этой богатой темѣ, частію потому, что я буду говорить наизусть то же самое, что и вы, а частію потому, что теперь (въ настоящую минуту) я написалъ уже пять писемъ, да еще нужно почти столько же.

Однакожъ, не могу не сообщить вамъ, что картина Савицкаго*), о которой вы пишете, дѣйствительно носить на себѣ слѣды нервозности, и вотъ въ причина всего этого. Онъ эту картину написалъ въ Москвѣ, на мѣстѣ, былъ свидѣтелемъ событія, похожаго на то, что онъ изображалъ. Картина была вся ровно написана прямо на солнцѣ и съ натуры, все было

*) «На войну!»

конечно одинаково тонко, какъ Савицкій очень рѣдко дѣлалъ. Но по прѣздѣ въ Петербургъ ему заглохла несчастная мысль въ голову, что сюжетъ не ясенъ, и что картина нуждается въ переделкахъ... Ну, и переделалъ! То, что вы видите тонкаго, хорошо написаннаго и т. д., все старое, ну, а другое — новое.

Какъ вы вѣрно замѣтили о картинѣ Рѣпина*), что все вѣрно и солнечно, исключая общаго впечатлѣнія солнечности! Стало быть, вѣрность впечатлѣнія лежитъ гдѣ-то за чертой отлудности. Ахъ, Богъ мой, до чего это вѣрно: въ этомъ я ежедневно и ежедневно убѣждаюсь. Вы знаете, что колоритъ можетъ быть изучаеми — какъ рисунокъ? Я не совѣмъ такъ думаю. Колоритъ, конечно, можетъ быть изучаеми, но, вѣроятно, иначе нѣсколько, нежели рисунокъ: на это указываютъ всѣ неудачи въ колоритѣ. Вотъ наша бѣда! Кто насъ выведетъ изъ этого лабиринта? Никого нѣтъ. Надобно добираться самому. А, впрочемъ, кончить надо — по необходимости.

Уважающій и преданный вамъ искренно И. Крамской.

ССХСІ. Къ П. М. Третьякову.

Ментона, 19-го апрѣля 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Получилъ я ваше хорошее письмо здѣсь, отправленное вами 10 апрѣля. Благодарю васъ за то, что не забываете моихъ и были у насъ.

Совершенно сираседливо, что картина моя «Неутѣнное горе» покупателя не встрѣтитъ, это я знаю также хорошо, даже можетъ быть лучше; но вѣдь русскій художникъ, пока остается еще на пути къ цѣли, пока онъ считается, что служеніе искусству есть его задача, пока онъ не овладѣлъ всѣмъ, — онъ еще не испорченъ, и потому способенъ еще написать вещь, не расчитывая на сбытъ. Правъ ли я или ошибаюсь, но въ данномъ случаѣ, хотѣлъ только служить искусству. Вели картина никому не будетъ нужна теперь, она не лишняя въ школѣ русской живописи вообще. Это не самообольщеніе, потому что я искренно сочувствовалъ материнскому горю, я искалъ долго чистой формы и остановился наконецъ на этой формѣ, потому что больше духъ лить эта форма не возбуждала во мнѣ критики.

Все, что я написалъ, не относится къ отъѣзду, то есть не служить отвѣтомъ, но служить мнѣ вотъ къ чему. Если картина эта не будетъ продана, я ее самъ спокойнѣе образомъ поворачиваю къ стѣнѣ, и забываю о ней, я свое дѣло сдѣлалъ. Все равно: или она вещь, и тогда она стоитъ того, но крайней мѣрѣ, чего стоитъ въ жизни кровь и нервы художника,

*) «Не ждали».

которому надобно еще родиться, расти и развиваться; или она не вещь, и тогда ее надобно покупать и пристраивать для употребления, изъ милости. Кто бы я ни былъ, въ какомъ бы положеніи ни очутился, я лично не хочу и не желаю иносценія; мало того, не приму его, когда оно ко мнѣ постучится. Но вы, лично вы, конечно, не можете быть поставлены въ заурядъ съ покупателями вообще. Это было мое мнѣніе, и всегда оно останется таковымъ, вотъ почему. Не смотря на матеріальную разницу между нами, я готовъ поступиться частью того, что я считаю себѣ принадлежащимъ, и для васъ назначаю 5,000. Повторяю при этомъ, что я совершенно убѣжденъ, что картина эта не найдетъ себѣ покупателя не только за 6,000, за 5,000, но и за 4 и за 3, и т. д., до 25 рублей включительно. Это не шутка, да наконецъ этими вещами не шутятъ. И такъ, мой отвѣтъ вы теперь имѣете. Что же касается Майкова, то это мнѣ жалъ искренно. Я знаю, что вещь эта не важная въ техническомъ отношеніи (то есть, собственно въ живописи), но въ ней есть выраженіе. Что у васъ есть уже его портретъ, и что онъ не изъ тѣхъ поэтовъ, кого надобно и можно имѣть на одинъ—мнѣ кажется причиною не убѣдительной. Ближе всего я боюсь, что на васъ повліялъ слухъ, что будто я написалъ иронію. Слухъ этотъ до меня дошелъ, и, признавъ, очень огорчилъ меня, такъ какъ я ничего не имѣлъ дурного, работая портретъ.

Уважающій васъ глубоко Н. Крамской.

ОСХСН. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

20-го апрѣля 1884 г. Мюнхена.

Многоуважаемый Федоръ Ѳомичъ. Теперь, по прошествіи полныхъ 4-хъ недѣль пребыванія нашего въ Мюнхенѣ, я могу уже сказать, что я насколько ознакомился съ мѣстомъ и съ окрестностями. Какой чудесный городокъ Вентимиль! Какая интересная дорога на Капъ-Мартенъ! А затѣмъ и долины чего-нибудь стоятъ. Очень симпатичны окрестности! До Борди горы еще не добирался, и не былъ въ Рокъ-Брвѣнъ, хотя дочь моя была уже въ послѣднемъ съ знакомыми. По рассказамъ вашихъ, помнится мнѣ, выходило такъ, что мы опоздаемъ къ расцвѣту оранжей, между тѣмъ только теперь замаяхъ отъ цвѣтовъ распространяется повсемѣстно; и у насъ дѣйствительно, вездѣ только этихъ и пахнутъ. Такая масса цвѣтовъ вообще, что рѣшительно не понимаешь, откуда это берется, и если это, какъ говорятъ, круглый годъ такъ, то, дѣйствительно, бѣдному сѣверному жителю можетъ иррди въ голову о неравенствѣ распредѣленія богатствъ даже и у такого справедливого существа, какъ Создатель. Ну, что бы стоило хотя немного уравнивать? Сегодня я дѣлалъ прогулку (кажется въ 3-й или

4-й разъ) по дорогѣ на Капъ-Мартенъ, въ оливковую рощу—что за прелесть эти оливы! И какая есть между ними старая! Говорятъ, будто нѣкоторая изъ нихъ помнитъ Цезарей Рима. Кто можетъ утверждать это съ достовѣрностью? И, не смотря на то, стволы, состоящіе изъ узловъ цѣлыхъ десятковъ отдѣльныхъ деревьевъ, ширину до сажени въ поперечникѣ, невольно наводятъ на мысль, что есть въ этихъ рассказахъ доля правды. Самый Капъ-Мартенъ, покрытый пиніями, интересенъ тоже. Особенно хороша дорога. Замаяхъ смолы такъ сильна, что меня удивляетъ, какъ это такое цѣлебное мѣсто остается не заселеннымъ, не застроеннымъ. А вода модъ лодкамъ какого изумрудно нобальтоваго цвѣта! Удивительно! Сегодня я, впрочемъ, пытался нарисовать нѣкоторые стволы оливковаго дерева у корней. Одинъ корень можетъ быть отдѣльнымъ этюдомъ, особенно освѣщенный солнцемъ. Хотѣлось бы сдѣлать хоть одинъ этюдъ, чтобы, глядя на него, вспоминать этотъ воздухъ, этотъ свѣтъ и тепло. Я ни слова не говорю уже о самыхъ морѣ; замаяхъ только мимоходомъ, что мнѣе парнисты чистые марлатанамъ, увѣряютъ, что море такое, какъ они изображаютъ! Не знаю, чему больше удивляться въ этихъ случаяхъ, невѣжеству ли, нахамству, или ограниченности? Потому что только при существованіи всѣхъ упомянутыхъ трехъ качествъ можно писать море такъ, какъ они. А впрочемъ....

Былъ въ Ниццѣ. Посѣтилъ всемірную выставку. Вы, быть можетъ, не знаете о ея существованіи? Какъ же, есть такая. Смотрѣлъ, конечно, художество, да остальнаго дѣла не было, да сколько можно судить, и нѣтъ ничего стоящаго. И въ искусствѣ нѣтъ ничего—не скажу выдающагося (этого все ищутъ русскіе критики), а нѣтъ простого, не претенціознаго и не исковерканнаго. Если бы объ искусствѣ Европы приходилось судить по этой выставкѣ, или еслибъ эта выставка была вѣрной представительницей теперешней иностранной живописи, то заключеніе можно было бы сдѣлать очень печальное, а именно: искусство въ Европѣ идетъ къ вырожденію. Такъ ли, сдѣлать ли, по вѣдъ есть же и въ этой выставкѣ родовыя черты настоящаго времени? Какая же это черты? Выказываютъ выставкѣ отсутствіе (и полное) простоты всѣческой: простоты замысла, и простоты средствъ. Все исковеркано, все вычурно, все есть на то, чтобы чѣмъ-нибудь отличиться. Ни рисунокъ, ни краска (не говоря о выраженіи) уже не преслѣдуются. Выѣсто этого — вымысли. А скульптура! Боже мой! Подожду «Салона» *). Не можетъ быть, чтобы такой радикальный новаторъ былъ господствующимъ. Я знаю, что говорить огуломъ въ такомъ тонѣ легкомысленно; я знаю, что есть и у французовъ представители иного

*) То есть ежегодной выставки въ Парижѣ.

направления, и я, конечно, их выделяю; быть может, даже, мнѣ придется еще на них и указать — все может быть; но фактъ общаго направления массы художниковъ остается фактомъ.

Скульптура (и французская съ прекрасной техникой, и особенно итальянская) до такой степени напоминаетъ «барокко», что удивительно, какъ художникамъ самимъ до сихъ поръ это въ глаза не бросается. Да чего! Если взять только и сравнить любую итальянскую статую на этой выставкѣ, ну съ чѣмъ бы, напиримъ? Подожмите, съ какою-нибудь статуей нашей Лѣтняго сада (вы думаете — я мучу?), то сходство въ приемахъ удивительное. Тѣ же глубокія дыры, чтобы больше отбѣлилось, тѣ же вывернутыя детали, чтобы, такъ сказать, придать «градю» даже кончикамъ пальцевъ ноги, тѣ же ничѣмъ неоправдываемые повороты головы, чтобы такъ сказать фигуры казались живыми. Словомъ, извращеніе художественнаго смысла полное. (Пожалуйста только никому о моихъ радикально отсталыхъ взглядахъ!) Печально.

Въ отдѣлѣ живописи господствуютъ французы, бельгийцы и голландцы. Нѣмцевъ почти нѣтъ, итальянцевъ очень мало, а о прочихъ и упоминать нельзя — днемъ съ огнемъ не найдешь. Много есть вещей, извѣстныхъ уже и по фотографіямъ, и по гравюрамъ; и нужно сознаться, что репродукціи даютъ болѣе выгодное понятіе.

Меня больше всѣхъ огорчилъ у французовъ современное свѣтло, Бастень-ле-Пажъ. Послѣ этого начинаешь удивляться, почему у насъ не признаютъ за великаго живописца Васнецова? Потому что, безъ преувеличенія, картины Бастень-ле-Пажа годятся именно Васнецовскимъ, если помните «Чтеніе телеграммъ» и «Развѣшаніе флаговъ» — бывшія на выставкѣ товарищества лѣтъ 5—6 тому назадъ. А «Аленушки» не-сравненно выше даже того, что французъ поставилъ здѣсь... А впрочемъ... Даже какъ-то страшно продолжать!

Преданный вамъ и уважающій васъ И. Крайской.

ССХСШ. Къ В. В. Стасову.

Ментона, 30-го апрѣля 1894 г.

Такъ какъ вы меня, очевидно, не совсемъ знаете, то я и не могу быть краткимъ. Говорю: очевидно, потому, что вы меня хвалите за такія, съ позволенія сказать, посредственности, что я просто удивляюсь *). Вы го-

*) Рѣчь идетъ здѣсь о письмѣ Крайской къ А. С. Суворову, страники нѣтъ которая была напечатана въ «Новомъ Времени» 1894 г., № 2883, въ «Писемъ Николки» къ другу.

ворите, напиримъ, что кто-изъ русскихъ художниковъ такъ думаетъ и пишетъ и проч. и проч.... Господи, Боже мой! Да кто же изъ русскихъ художниковъ можетъ такъ не думать, послѣ Бѣлинскаго, Гоголя, Федотова, Иванова, Чернышевскаго, Добролюбова, Перова..... Слава Богу! За то, что я кое-что понимаю — я особа! Благодаря за то, что я не тупица, а зажиточный карась между вовсе неискренни, я хорошій человекъ и умица! Побойтесь Бога, уважаемый Владиміръ Васильевичъ! Вѣдь есть рыбы куда крупнѣе карася, ей-Богу же такъ нельзя, вѣдь и я понимаю, что такое истинное человѣческое величіе. Это вещь рѣдкая, крайне рѣдкая, а послушать васъ, такъ у насъ есть эти рѣдкія явленія, и между ними я, многотысячный. Хорошо, что мнѣ скоро-скоро будетъ 47 лѣтъ, а то я бы, чего добраго, возмечталъ о себѣ. Но такъ какъ у меня тоже съда бо-рода, то и неприлично умаливать и не говорить громко нѣкоторыхъ вещей, потому что ихъ, пожалуй, и вовсе не скажешь. Повторяю только, что то, что я говорилъ, не считаю вовсе чѣмъ-нибудь особеннымъ, это просто самая простая и обыкновенная мысль, мысль, возникающая у всякаго, кто что-нибудь искренно и честно любилъ, или ненавидѣлъ. Но прежде одно объясненіе.

Вы упоминали о моей статьѣ по поводу Макса *), и говорите, что мнѣ все что-то мѣшаетъ сойтись съ собой ветхаго человека, что я вхожу въ компромиссы, что, высказывая новое, въ то же время оглядываюсь и т. д. Позвольте. Во-1-хъ, я вовсе никогда не понимаю, когда говорили о передовомъ, о новомъ, какъ о хорошемъ или лучшемъ неперенѣтно, а старое — есть неперенѣтно, ничего не стоящее и т. д. Словомъ, новое — есть желательное, но что именно новое, это обыкновенно такъ и оставалось неразобраннымъ. Я признаю, между новыми и старыми людьми (и въ дѣлахъ), тѣхъ лучшихъ, и даже хорошихъ, которые понимали окружающія обстоятельства, потребности своего времени и вѣрно формулировали эти безформенныя стремленія. Не всегда новое есть лучшее. Несомненно, что послѣдній выпускъ пенсіонеровъ Академіи есть новый, но есть ли онъ лучший? И будутъ ли изъ него истолкователи наступающаго будущаго? Вѣдь такъ Перовъ, этотъ старикъ передъ темереминни молодыни, есть представитель прогрессивнаго начала дѣйствительнаго. Я не дунаю, чтобы вы пужались въ лекціяхъ подобнаго рода, и не для того я объ этомъ заговорилъ, а только для того, чтобы оправдать свой пріемъ въ статьѣ, по поводу Макса. Вы урেকেаете меня, что я говорилъ объ Юнгерахъ, Аволонѣ и прочей ветшине? Да, я говорилъ, и теперь не отступаю

*) Статьа въ «Новомъ Времени» 1879 г., № 1052, подъ заглавіемъ: «За отсутствіемъ критики».

ни от одной мысли, тогда высказали, но только то, что я говорил, было не все, что я думаю, да всего, что я думаю, и говорить тогда было нестати. Я продолжал серьезно думать, что Юнгтер и Анлохъ суть великія олицетворенія абстрактныхъ представленийъ человечества, въ первую молодую морю жизни ума и сердца; что Юнгтеръ, Анлохъ, Милоская Венера суть действительно высокія художественныя произведенія, а что «Христосъ» Мамса не есть продуктъ творчества, подобнаго творчеству древнихъ. Такъ какъ рѣчь шла объ олицетвореніи абстракта (а кому же доступенъ и возможенъ историческій образъ Христа? Скажу больше — кому онъ нуженъ? И что этотъ образъ можетъ яснить человечеству, еслибы онъ каинимъ-либо чудомъ сталъ извѣстенъ современному художнику?!), то я былъ въ правѣ говорить въ аудиторіи, такъ какъ я говорилъ, чтобы меня поняли. Дѣлать нечего — чтобы быть понятнымъ, приходится говорить такъ, какъ-будто передъ вами гимназисты пригласительнаго класса. Не помню, гдѣ я читалъ, или нѣ кто-то рассказывалъ, что одинъ умный чиновникъ (и между ними такіе попадаются), софтверялъ чиновнику молодому, окончившему университетъ, писать форменныя бумаги къ министру такъ, какъ-будто онъ пишетъ къ унтеръ-офицеру, тогда его самыя возвышенныя мысли станутъ доступными его превосходительству. Если подумать минуту, то замѣчание это очень вѣрно!

И такъ, я говорилъ только на языкѣ понятномъ, бралъ примѣры изъ міра, всѣмъ знакомаго, и указывалъ на идеи, въ существѣ своемъ справедливыя, но сдѣлавшіяся отъ времени затасканными. Есть ли это съ моей стороны ошибка? — не знаю.

Чувствуя, что по дорогѣ я оборонилъ слово, за которое я могу быть притянутъ вами къ отвѣту. Если итъ — хорошо, а въ всякій случай объясняю: я отвергаю изображеніе историческаго «Христа»...

Но оставивъ разсужденіе объ изображеніяхъ Христа, можно говорить объ идеяхъ. Я думаю, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой оказалъ услугу своимъ современникамъ, переведя Евангеліе.

...Разсуждая и оправдываясь, я такъ далеко уклонился, что нуждаюсь въ призваніи къ морядку. Вопросъ итъ въ чемъ: что такое русское искусство? и что такое искусство иностранное? Вы говорите, что нѣмцы покачивали головами и удивлялись радикализму Верещагина. Хорошо. Я знаю, что и это было. Но мы-то съ вами подумаемъ чуточку, что это: искусство живописи или что другое? Я думаю, что итъ что другое. И оно потому худо, что когда пройдетъ умственное возбужденіе, то есть, когда человѣкъ проживетъ одну сѣбуню, не стану ли я эти холсты только памятниками извѣстнаго увлеченія, не имѣя самостоятельной живописной цѣнности? Вотъ что меня гложетъ и не даетъ покою: что искусство, для сво-

его торжества и роли, должно быть (помимо идейной подкладки) самоотверженно и безусловно хорошо и талантливо, какъ только возможно, для своего времени. Только сочетаніе формы и идеи переживаетъ свое время. Идея изжила, требуетъ новаго образа, а старый образъ, если онъ таковой, стоитъ передъ глазами вѣчно молодымъ и увлекательнымъ, вотъ гдѣ прочность искусства!

Говоря по правдѣ: итъ мы лечемъ! Вотъ старые мастера — говорили! Веласкесъ, Рембрандтъ, особенно послѣдній, воспитанный республиканскимъ обществомъ, но и мрачный въ своемъ настоящемъ; онъ, какъ всѣ тогдашніе честные граждане, носилъ въ сердцѣ какой-то ужасъ за будущее, и его ищущая первая кисть какъ будто отъѣзжала общему настроенію. А Тицианъ? Этотъ праздничный и торжествующій венеціанецъ! Чортъ знаетъ, какъ это было хорошо, и все это воскреснуть не можетъ теперь. И почему? По очень простой причинѣ: кромѣ тѣхъ, о которыхъ я упоминалъ въ письмѣ къ Суворину, есть еще одна, быть можетъ самая главная: — отсутствіе коллективныхъ усилій въ извѣстномъ направленіи. Отсутствіе общаго, обязательнаго для всѣхъ идеала. Только чувство общности даетъ силу художнику и удаетеряетъ его силы; только умственная атмосфера, родная ему, здоровая для него, можетъ поднять личность до павоса и высокаго настроенія, и только увѣренность, что трудъ художника и нуженъ, и дорогъ обществу, помогаетъ созрѣвать экзотическимъ растеніямъ, называемымъ картинами. И только такія картины будутъ составлять гордость племені и современниковъ, и потомковъ. И такъ, стало быть, не пристало теперь намъ говорить: «Осанна и лхуй!» Нуженъ другой, рѣзкій, держкій, все ниспровергающій критическій голосъ, который бы постоянно и не скучая твердилъ бы: «Шлохо, господа, ей-Богу, плохо!» А почему плохо — доказалъ бы нашему брату, какъ дважды два четыре, по отношенію къ природѣ. Нуженъ голосъ, громко, какъ труба провозглашающій, что безъ идеи итъ искусства, но въ то же время, и еще болѣе того, безъ живописи живою и разительною итъ картинъ, а есть блгага нафренія, и только. Вотъ что намъ теперь нужнѣе всего.

Теперь объ иностранномъ: я былъ въ Ниццѣ, обозрѣлъ выставку (такъ называемую «всемирную»), и... признаюсь, очень и очень не одобрилъ и не порадовался, а почему — тому слѣдуютъ пункты.

Прежде пунктовъ, однакожъ, надо сдѣлать необходимую оговорку. Такъ какъ на выставку пошло, такъ сказать, кое-что, то и судить особенно строго — легкоислленно. Но я и не о томъ говорить хочу, а вотъ о чемъ: 1-е, отражаются ли на этой выставкѣ общія, родовыя черты современнаго западнаго искусства? Я думаю, что отражаются, и если мое предположеніе вѣрно, то, говоря вообще, и долженъ заключить, что искусство

пластическое въ Европѣ идетъ къ вымиранію; 2-е, написать такое слово странно, но еще страшнѣе взрослому человѣку (воображая, что дѣлаешь), отвѣчать за такое слово, и, однакожъ, я повторяю свое: вымираетъ! Подумайте только, что въ числѣ болѣе 600 ММ, нѣтъ, не говоря выдающихся, а просто скромныхъ меншей, безъ претензій. Все вывернуто наизнанку, ничего не исковерканнаго. А скульптура! Боже мой, что это такое? Бй-Богу—это ужасно! Все вычурно, все барокко. Положите, самые болѣе и крупнее художники Европы на выставкѣ отсутствуютъ. Но въ эти художники, въ большинствѣ случаевъ, уже готовятся отойти въ область исторіи, а армія дѣйствующихъ ноголовно заражена какою-то болѣзнію, и, какъ видно, сама объ этомъ не подозрѣваетъ. Даже пресловутая французская живопись канала-то сплошь посыланная мукой. Я уже давно замѣчалъ этотъ господствующій тонъ на картинкахъ въ Европѣ (исключая испанцевъ), но только теперь съ рѣшительностью это выступило для меня.

Исторія свѣтская—банально-посредствена, жажра, болѣею частью, анекдотично-клубничная, портрета ни одного нѣтъ—просто, все ломается, а пейзажъ—совершенно невозможный. Нѣтъ ни одного холста выше самой шаблонной посредственности. Репутація перваго ранга, Бастень-ле-Пажъ—невозможный ломака, да и живописецъ не изъ завидныхъ. Если что у него выставлено въ Ниццѣ, хорошо, то удивительно, какими образомъ «Чтеніе телеграммы» и «Послѣ побѣды» Васнецова не великія произведенія? И такъ, если общій ходъ таковъ, то какъ возрадовалось бы мое сердце за Россію, гдѣ нѣтъ и признаковъ ничего подобнаго. Если мы и не достигли еще положительныхъ результатовъ, то мы, по крайней мѣрѣ, молоды и здоровы, а это по теперешнему времени важно. И все-таки я думаю, что въ Россіи наступитъ пора замерзанія и окончательности надѣло, и это многое надо будетъ начинать сначала дѣть черезъ 20—25. Къ тому времени все успѣютъ основательно забыть. Вы сами говорите, что въ Россіи или отсталость самая ужасная, или самое мерздовое изъ передовыхъ развитіи. Во всякомъ случаѣ это нездорово. Какъ часто у насъ въ мартѣ сходится снѣгъ, поднимаются росы, а въ май отъ холодовъ все замерзло! Ужъ, конечно, я предпочелъ бы ошибиться! Вотъ о «критическомъ духѣ» вы хорошо и вѣрно говорите. Оня у насъ есть дѣйствительно, и это одна изъ свѣтлыхъ точекъ, особенно потому, что онъ неумный и безъ пощады, и къ своимъ и чужимъ. Это я признаю, и съ этимъ согласенъ. Но отъ перерывовъ и слячекъ насильственныхъ и это не спасаетъ.

Оставлю дѣло до «Салона». Писну наканунѣ отъѣзда почти, и потому прому адресовать (если до разсудите) Paris, Poste-restante.

Вашъ Н. Крамской.

А все-таки мысли не вѣрно выражены, и того, что хотѣлъ сказать—не вышло!

ССХСІV. Къ нему же.

Парижъ, 19-го мая 1884 г.

Уважаемый Владиміръ Васильевичъ. Видѣлъ «Салонъ», видѣлъ Мессонье и видѣлъ Мункачи. Чтобы разобраться во всемъ этомъ, нужно нѣкоторое усиліе, главныхъ образовъ для того, чтобы быть безпристрастными, или, еще вѣрнѣе—чтобы сказать во возможности искренно. Начну съ Салона. Я не выдаю текущаго французскаго искусства около 4—5 лѣтъ, и, на мой взглядъ, оно съ тѣхъ поръ понизилось въ своемъ уровнѣ, понизилось даже въ такое короткое время. На 3½ тысячъ понеротъ, вещей такихъ, передъ которыми останавливаешься, не скажу съ удивленіемъ, а только—съ удовольствіемъ, всего какихъ-нибудь 60—70, включая сюда и пейзажи. Немного, очень немного; и главное, что особенно тяжело дѣйствуетъ—это полное отсутствіе простоты. Такъ и видно, что человѣкъ потому избирать свой пріемъ, что простымъ изображеніемъ онъ не въ силахъ достигнуть ни рисунка, ни живописи, ни рельефа. Вы видите, что я начинаю говорить уже о частностяхъ и второстепенныхъ сторонахъ искусства. Но это потому, что главное: концепція, воодушевленіе и мысль—отсутствуютъ. Но что меня поразило болѣе всего—такъ это пониженіе даже живописи, скажите это Рѣшину. Всюду преобладаетъ какою-то мучной тоной. Боюсь, что скоро французы потеряютъ и вкусъ къ простотѣ, то есть, что являе у нихъ совершенно простая и здоровая вещь, они на нее не обратятъ вниманія.

Очередь за Мессонье, ко я скажу скорѣе о Мункачи. Это человѣкъ огромнаго таланта, у него есть воодушевленіе, сила, его картины дѣйствуютъ, и которая изъ нихъ лучшая, «Христосъ передъ Пилатомъ», или «Распятіе»—я не знаю. По моему, онѣ совершенно равны, даже «Распятіе» я готовъ отдать преимущество, потому что здѣсь толпа чуть ли не лучше, то есть, она принимаетъ дѣйствительное участіе въ событіи. Въ первой картинѣ очень ужъ портитъ дѣло Христосъ, безъ бровей, тогда какъ въ «Распятіи» это не такъ замѣтно. Но, не смотря на все свое величіе и, славу, и талантъ, Мункачи все-таки не можетъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ художниковъ, которыми гордится человѣкъ. Онъ слишкомъ дурно рисуетъ детали человѣческой фигуры, голову, руки и ноги, чтобы сдѣлаться навсегда художнику нужнымъ и полезнымъ. Да и для общества онъ не долго будетъ интересенъ, такъ какъ недостатки его слишкомъ очевидны.

Теперь о Месонье. Въ настоящее время собрано на выставкѣ болѣе 200 М.Е. Это, какъ говорить, $\frac{1}{10}$ всего, что этимъ человѣкомъ создано. Солидно! Но если это и не такъ, если это и преувеличено, если даже здѣсь все, что онъ сдѣлалъ (хотя и я знаю и некоторые вещи, которыхъ здѣсь нѣтъ), то и этого достаточно, чтобы человѣку дать одно изъ первыхъ мѣстъ всѣхъ временъ и народовъ. Это истинное наслажденіе! И надо видѣть, какъ медленно, шагъ за шагомъ, онъ поднимался, начиная съ 39-го года, начиная съ вещей, въ которыхъ, кромѣ старанія, нѣтъ ни капли таланта; какъ человѣкъ этотъ развертывался, зрѣлъ, и достигалъ вершинъ къ 50-мъ годамъ. Всѣ 50-е годы и начало 60-хъ—суть лучшая его пора. Въ это время, даже рыжая краска и красноватые его тоны сходятся, почти исчезаютъ, даже вовсе исчезаютъ (если посмотреть эти картины отдѣльно отъ другихъ), и потомъ, начиная съ 65-го года, все рѣзче и грубѣе становится его канера. А теперь уже очевидно, что старость беретъ свое: вещи 83-го года почти дурны. Обозрѣвая дѣятельность столь продолжительную, почти законченную, полезно дать себѣ отчетъ, что же это за сила, такая уже отличительная черта, и вообще, чему онъ научаетъ? Сила его—терпѣніе, но, конечно, не въ простомъ и примитивномъ смыслѣ усидчивости, а терпѣніе человѣка очень умнаго, наблюдательнаго, и не лишенаго способности къ формѣ, но человѣка въ то же время совершенно обездоленнаго природою, въ смыслѣ изобрѣтательности и фантазіи; словомъ, человѣка, лишенаго таланта высшаго творческаго порядка. И вотъ, при такихъ-то данныхъ, возможно занять самое передовое мѣсто въ искусствѣ! Это ли не поучительно? Правда, для этого необходимо равнодушіе къ сдѣлавшимся движеніямъ политической, общественной и религіозной жизни общества, полное индифферентности къ окружающему. И только при такихъ условіяхъ человѣкъ можетъ сосредоточиться и сдѣлать своимъ главнымъ интересомъ складку шелковой матеріи, архитектуру, шкафы и т. д. Но все же, то, что у него изображено, изображено и умно, и интересно, а главное, съ безконечнымъ уваженіемъ къ натурѣ. Выставка Месонье дала мнѣ много и наслажденія, и пользы. Я очень, очень радъ, что былъ въ Парижѣ именно въ это время. Онъ мнѣ раскрылся и со своимъ прошлымъ, и настоящимъ и... до извѣстной степени—будущимъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

Въ июль буду въ Петербургѣ, и если вы будете тамъ, то зайду жтоловать.

ССХСХ. Къ П. М. Третьякову.

Сверская, 31-го мая 1884 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Возвратившись домой, я узналъ отъ К. В. Лемоха, что картина моя «Неутѣшное горе» объявлена принадлежащею вамъ. Такъ какъ я не получалъ отъ васъ отвѣта на мое письмо, и былъ въ неизвѣстности, принимаете ли вы ту цѣну, которую я объявляю вамъ изъ Ментона, то понятно, что я былъ обрадованъ извѣстіемъ Лемоха, сказавшаго мнѣ, что въ правленіи есть письмо Ивачева, которому вы объявили, что картина за вами. Словомъ, это можно считать конченнымъ. Долгъ мой такъ давно затаился, что для меня было большое моральное облегченіе узнать о его погашеніи. Сколько я желаю, и состоялъ вамъ должнымъ 4,700 рублей; если моя память и записки не врутъ, то благоволяете меня поправить. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, что болѣе пяти тысячъ я должнымъ состоять не могу. «Головка» Гуна была по нуждѣ продана на чистый деньги, и, стало быть, уменьшить долгъ не могла, а также не уменьшается онъ и отъ того, что портретъ Майкова остался у меня. Скорѣе долгъ можетъ увеличиться, такъ какъ за мной есть неисполненный портретъ Кольцова, въ 300 рублей, который я, однакожъ, надѣюсь осилить этимъ лѣтомъ.

Возвратившись изъ-заграницы, я нахожусь въ нервное время въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и прошилъ бы васъ, если для васъ это не будетъ непряно (очень пріятно оно во всякомъ случаѣ быть не можетъ), выслать мнѣ 1,000 рублей, то есть, задолжать вамъ, по моему счету, 700 рублей, которые рассчитываю или вернуть деньгами въ августѣ или сентябрѣ, время, когда я сдамъ образъ для Копенгагена, или предоставлю вамъ погасить долгъ этотъ, послѣдній (надѣюсь), такимъ путемъ, какими вамъ угодно.

Во всякомъ случаѣ, мнѣ было бы пріятно, еслибы вы уведомили, можно ли такъ устроить, какъ я пишу? Здоровье мое, слава Богу, поправилось, но только по возвращеніи въ Россію я омятъ немного зашамкалъ. Правда, что и погода здѣсь убійственная: постоянный ледяной вѣтеръ, такъ какъ ледожаннаго льду, въ этомъ году, по Невѣ не шло.

Уважающій васъ И. Крамской.

ССХСХІ. Къ Ѳ. Ѳ. Петрушевскому.

Сверская, 3-го іюня 1884 г.

Многочуважаемый Федоръ Осиповичъ. Я въ долгу у васъ на цѣлыхъ два письма; но вѣдь вы простите меня, если я буду кратокъ, то есть огра-

ничесь одиниць. Измѣняетъ меня отчасти то, что я то въ Петербургѣ, то на Сиверской. Я не отдыхаю, а сучусь. При моемъ отъѣздѣ у меня оставались разные хвосты отъ разныхъ дѣлъ и дѣльничекъ. Еслибы я умеръ, то, конечно, все такъ и осталось бы, а разъ я живъ — ко мнѣ живютъ право предъявлять претензіи. И такъ, я сучусь, хотя не до потери памяти. Къ концу жизни человекъ научается, наконецъ, нѣсколько эконимизировать силы.

Ваме письмо я написалъ на Сиверской, куда прѣбывалъ разъ въ недѣлю, со времени своего возвращенія, но на будущее время думаю быть болѣе здѣсь, на Сиверской, чѣмъ въ Петербургѣ. Но это все-таки какъ Богъ дастъ. Вы воображаете, что я сижу на Сиверской подъ тѣнью чего-то? Если я и сижу подъ тѣнью... то ужъ никакъ не дерева, а скорѣе навѣса, такъ какъ у насъ нѣтъ еще такихъ взрослыхъ деревьевъ: все еще молодое. Вообще, я окруженъ молодежью. Какъ кому, а я ничего, переному отсутствію сверстниковъ. О вѣздахъ моихъ на югъ даже забылъ почти, тѣмъ это было давно, точно сонъ; одно чувство реальное — это продолжительность дѣла: вотъ уже пятый мѣсяцъ, для меня все жаркое лѣто, только декорации перемѣнились. А вѣдь известно, что разъ одна декорация торчитъ передъ глазами, ужасно трудно въ то же время видѣть воображеніемъ предшествующую. Такъ что мнѣ теперь кажется, что я и не выѣзжалъ изъ Петербурга и Сиверской, а все время пребывалъ тутъ. Вотъ только скука работы недвоякой свидѣлствуетъ, что былъ какой-то перерывъ.

Намѣреніе ваше продать тисненію вѣстателіи Финляндіи — благое намѣреніе, только возникающій Александръ вовсе неподходящій сюда человекъ. Я думаю, что онъ даже и не возникаетъ, а такъ, просто пробуетъ, не найдется ли еще протакъ, который дастъ деньги и подышется. Нѣтъ, надобно поискать другого. Кто этотъ другой — я не знаю, но только не Александръ. Появляется канакъ-то «Ястотка», которая все-таки весим не сдѣлаетъ въ мірѣ литературно-иллюстрированныхъ, такъ какъ г. Дмитриевъ-Кавказскій (редакторъ) очень ужъ не развитъ и... да кажется вдобавокъ, и лицо-то подставное. Недавно встрѣтилъ Сомова, говорить въ мнорномъ тонѣ, и находить, что для серьезнаго наша публика не созрѣла; сознается, что его журналъ не имѣетъ ни малѣйшаго успѣха, и сѣтуетъ, что художники къ нему не благоволяютъ, и не помогаютъ ему трудами своими, а если и помогаютъ, то желаютъ за это содрать такіе деньги, что просто бѣда. Ни защищаться, ни навадать на него не было и нѣтъ ни малѣйшей охоты.

Что касается холеры, то я подумалъ, что какъ это хорошо вышло, что мы уѣхали отсюда заблаговременно, и только-только что унесли ноги, потому что именно зараза появилась тамъ сейчасъ носѣ нашего отъѣзда.

Но это, такъ сказать, опасеніе за другихъ и за молодежь, которая боится; а самъ я, удивительно, нисколько не боюсь, тогда какъ всѣ предшествовавшіе разы появленія холеры я трусилъ коридорно великій разъ. Теперь же, не знаю чему приписать, но только меня это не пугаетъ ни капельки. Дай вамъ Богъ всего хорошаго, а же—слава Богу. Надѣюсь, до свиданія на Сиверской.

Преданный вамъ И. Крамской.

ССХСХVII. Къ П. М. Третьякову.

1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ Литовченки будетъ у насъ, но приведеніи его въ порядокъ. Портретъ Жемчужникова у уступилъ его брату въ Москвѣ. Что же касается Ив. Фед. Горбунова, то я много разъ уже думалъ о немъ, и вамъ вопросъ только окончательно рѣшается дѣло. Къ выставкѣ (если буду задержанъ), сдѣлаю.

Уважающій васъ и преданный И. Крамской.

ССХСХVIII. Къ В. Г. Черткову.

Смб., 10 октября 1884 г.

... Теперь мое мнѣніе о вашемъ намѣреніи издавать листокъ или журналъ съ иллюстраціями для народа. Предсказаніе мое будетъ коротко: практически дѣла этого я не знаю, слѣдовательно мое участіе, или даже совѣтъ, если не слѣдуетъ отклонить вовсе, то принимать съ крайней осторожностью. А затѣмъ начинаются фалстази, т. е., «выглядъ и нѣтъ», ни для кого не обязательныя, а для меня тѣмъ удобныя, что онѣ не влекутъ за собой фактической ответственности. Если вамъ онѣ любознательны, то я ихъ излагаю.

Думать надо, что листокъ или журналъ (все равно), выходящіе въ сроки правильныя, будутъ имѣть, или должны имѣть, подписчиковъ. Народъ нашъ еще по крайній мѣрѣ цѣлое столѣтіе подписываться не будетъ; стало быть ему нужно дать хорошее нѣчто дубочнаго — даромъ (для васъ безъ барыша, съ убыткомъ), а за деньги, для народа равныя тѣмъ, которыя народъ платитъ на ярмаркахъ, т. е. 1—2 копейки. Разъ. Изданіе не срочное и не періодическое имѣетъ, быть можетъ, резонъ, и тутъ, тѣ-же самыя пріятствія, т. е., вы истратите страшно много денегъ въ одинъ годъ, такъ много, что никакое состояніе не выдержитъ, и ничего не верните, т. е., вернете копейки. Какъ же это теперь? Почему же заходятся издатели за копейку и 5 коп., максимумъ, картинка, и напиваются даже при этомъ, а вамъ нельзя?

Очень просто. Издатель дубочных картин есть кушак и кулак; он рисует деревенскими руками, которыми так бывають дешёвы, что того, что получают тысячи рисовальщиков деревенских в год, мало на один хёсять благородному художнику. Мы народ нездоровый, ро-стея на почвѣ только нездоровой, и нужим (должно быть) людям только свихнувшимся. Издавать для общества, способного оплатить труды всѣхъ участниковъ изданія, вы не захотите, потому что это дѣло недоброе; до-брое же дѣло, народное дѣло, дѣло человѣческое; требуетъ только жертвъ, жертвъ и жертвъ, и ничего кромѣ жертвъ. Надо крѣпко подунать, прежде, чѣмъ на это пойти; потому что отсутствіе всегда и обидно, и какъ будто даже въ ченъ-то будемъ виноваты. Даа.

Каковы собитія на нервяхъ же порахъ?

Однакожь, надо выслушать все, что вы думаете; надо о многомъ пере-говорить, и тогда, быть можетъ, что-нибудь и выяснится...

И. Крамской.

ССХСІХ. Къ нему же.

11-го октября 1884 г.

Я дождался отъ васъ другого письма по поводу предполагаемаго изданія.

Важу я — дѣло горить, и вы одушевлены желаніемъ. Дай намъ Богъ успѣха! При томъ, отрывокъ изъ частнаго письма (А. Н. Толстого) показы-ваетъ, что есть люди, раздѣляющіе наше увлеченіе школьн. Мало того, являлись ревностные сотрудники; но, вѣроятно, я мало знаю, о чемъ идетъ рѣчь, потому что все еще недоумѣваю, и нѣкоторымъ образомъ удивляюсь, какъ это такъ, и что это будетъ? Судя по тому, что возбуждено ходатай-ство о разрѣшеніи на изданіе, я долженъ предположить, что будетъ изданіе, быть можетъ и очень хорошее, но совершенно не практическое и на-мѣнѣе желательное съ моей точки зрѣнія, а именно, періодическое, что, по моему, для народа рѣшительно еще не пригодно. (Повторяю, я сижу все въ городѣ, и, стало быть, многое вовсе забылъ). А для изданія время отъ вре-мени, въ сроки неопредѣленные, сколько мнѣ извѣстно, разрѣшенія не нужно, а всякій разъ оно (т. е. разрѣшеніе) дается особо. Словомъ, вы видите, что я въ вѣтѣхъ, и потому не сѣяте на меня, что я остаюсь равнодушнымъ; но, въ то же время, я надѣюсь, что мое равнодушіе вамъ бу-детъ правильно истолковано, а именно: вы должны знать меня настолько, что я всегда, насколько смогу и служу, радъ быть полезнымъ, но для этого нужно все-таки отчетливо понимать вашу идею; а я еще ее не могаю, и потому о согласіи ничего сказать не могу.

И. Крамской.

ССС. Къ нему же.

27-го октября 1884 г.

Еще разъ по поводу изданія. Письмо ваше, послѣднее, 18 окт., я получилъ третьяго дня. Вы идете отвѣта на призваніе быть въ Москвѣ у Льва Николаевича Толстого, для совѣстнаго обсужденія вопроса, а я про-пускаю двое сутокъ: но тутъ опять случились обстоятельства, весьма мало уважительныя (нѣкоторые меня знакомыми), и взяли мое время. Я хотѣлъ написать обстоятельно все, что думаю, и потому отложилъ. Приѣхать въ Москву я не могу, и если не приѣду, то вовсе не потому, что я «тяжелъ на подъемъ», какъ вы меня аттестуете. Но это мелочъ. Вотъ мое мнѣніе, близкое къ окончательной редакціи, такъ какъ я успѣлъ подунать, и коесь кѣмъ поговорить, да кромѣ того нѣко три письма вашихъ и одно (очень характерное) г-на Н. Н.

Дѣло изданія чего-нибудь «для народа» — дѣло до такой степени серьез-ное и большое, что я не думаю, чтобы много было людей годныхъ для него. Но все равно, теперь дѣло идетъ о васъ. Если-бы подобная идея исходила отъ человѣка, который полагаетъ, что все на свѣтѣ можно и по-волительно сдѣлать — да еще и замибить баринъ, то и разговаривать объ этомъ не стоило бы. Отъ васъ требованія иные, у васъ есть сердеч-ная потребность сдѣлать что-нибудь для народа хорошее, по нашему (да и по моему тожъ). Важъ внутренний душевный строй требуетъ успокоенія совѣсти (находящейся въ настоящее время въ тревожномъ состояніи у всѣхъ, у кого душа человѣческая не уснула на вѣки). Вы не баринъ, да-ющий щедрую подачку, и полагающій, что такъ все отъ Бога установлено навсегда, и что если что и требуетъ поправки въ социальномъ отношеніи, такъ только самые пустяки. Словомъ, для насъ вопросъ если и не ставъ совсѣмъ ребромъ, то, быть можетъ, не сегодня, завтра стаетъ, а при та-комъ разномысленіи, полагаю, требованія и точка зрѣнія на дѣло должны быть совершенно иныя отъ обывательныхъ. Лучше всю затѣю оставить, и только прикинуть рядовымъ рабочимъ къ чему-нибудь уже существую-щему, чѣмъ что то хотѣть, что-то начать, что-то какъ будто дать, да по-томъ, при напѣнвившихся обстоятельствахъ, бросить, а броженіе между тѣмъ уже возникнетъ, и подаянія со дня души потребности должны будутъ обратно опускаться.

Но это аллегорія, или похоже на то; буду говорить прямо.

Я думаю, что такъ нельзя, какъ думатьъ г-нъ Н. Н. Я читалъ и не вѣрилъ собственными глазами. Да неужто это писать и комбинировать «задачу народа»? Что же это такое, если не Ведамъ? Помните, можно ли говорить, что «задача народнаго органа едва ли не главнымъ образомъ

должна состоять в томъ, чтобы, уловивъ, подмѣтивъ начало народной этики, и принципы формулировать и освятить, уяснить ихъ для самого народа, помочь ему усвоить ихъ вполнѣ сознательно». Какъ будто мы ихъ себѣ усвоили, обладаемъ, остается только помогать. Ничего не понимаю! Говорить, что изданіе для народа не должно походить на наши и приводить программу, взятую точъ въ точъ съ нашихъ газетъ и журналовъ — ну, не проіял ли это? Если же это не проіял, то, извините меня, я затрудняюсь назвать... Вотъ они, знатоки народа! Хотя я и художникъ, и не могу вамъ помочь ни въ чемъ, а тѣмъ менѣе комментентенъ въ дѣлѣ печати, но... (будъ, что будетъ!) позволяю себѣ предостеречь васъ, во крайней мѣрѣ, отъ положительно безумнаго дѣла, если не вовсе вреднаго дѣла.

Сколько я знаю ту часть народа, которую я знаю (а я самъ частица народа и изъ самыхъ низменныхъ слоевъ) то вотъ что народъ любитъ, и вотъ чего онъ хочетъ: героическихъ разсказовъ, и ничего болѣе. Житія святыхъ, какъ образцы для подражанія (и не обманчивы), самыя дорогія книжки для народа (если еще существуетъ народъ, потому что въ настоящую минуту образовался прослой въ деревнѣ, гдѣ есть трактиры, любители чтенія газетъ). Въ Читинъ - Минусинскъ, и вообще подобнахъ сборникахъ, народъ мечтаетъ нравственную увѣренность, что дѣло не совсемъ погнѣбло, такъ какъ существуютъ святые, или, по крайней мѣрѣ, существовали, и не очень давно. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте только даже о себѣ: что насъ болѣе всего утѣшаетъ въ чтеніи, или утѣшало? Пока я ребенокъ, я радъ тому, что есть богатыри; становясь юношей — восхищаемся рыцаремъ; въ зрѣломъ возрастѣ — доказательствами реальнаго существованія честности, прямоты характеровъ, и борюсь за торжество правды, а въ приближающейся старости чую наслажденіе и отдыхъ въ увѣренности, что есть въ мірѣ всепрощеніе, любовь, снисхожденіе къ заблужденіямъ, и... и... любовь. А такъ какъ народъ состоитъ изъ такихъ же особей, какъ вы и я, то и онъ ничего другого не любитъ.

Теперь вопросъ: кто святые, герои, рыцари и мечальники народа въ настоящее, текущее время и только что миновавшее? Вы можете указать, беретесь сказать: вотъ онъ! и вотъ его жизнь — я разскажу ее, и разскажете хорошо, увлекательно. Если итъ, не нужно, есть историческіе святые — ихъ жизнь разскажете. Дѣло будетъ не полно, но оно будетъ; дайте, пожалуй, биогграфическія картинки, это не худо, но и не Вотъ вѣсть какъ важно, можно обойтись и безъ нихъ. А потомъ, продавайте дешевле московскихъ ловкачей, если сможете и если позволите вамъ ваше состояніе...

И. Крамской.

СССІ. Къ М. Е. Салтыкову.

21-го ноября 1894 г.

Глубоко уважаемый Михаилъ Евграфовичъ. Я прочелъ въ «Сберникѣ» Литературнаго фонда сказку «Карась-идеалистъ». Вы, конечно, не будете ни въ защитѣ, ни въ поощреніи, но я, читатель, кое въ чемъ нуждаюсь. Прежде всего, впечатлѣніе громадно. Никогда еще мнѣ на столь маломъ прострѣствіи не дали современные писатели такъ много содержанія и такого глубокаго интереса; мало того, это до такой степени высоко-художественно, что я не могу придти въ себя отъ удивленія! Сказка, не болѣе, какъ сказка, а между тѣмъ — высокая трагедія! Но это, впрочемъ, не столь ново для васъ, и потому писать вамъ только для выраженія моего удовольствія и восхищенія, я, можете быть, воздержался бы, но здѣсь есть одинъ вопросъ, важный лично для меня. Вы можете, конечно, оставить его безъ отвѣта, если отвѣта дать нельзя, или вы его не имѣете.

Тотъ порядокъ вещей, который изображенъ въ вашей сказкѣ, выходя, въ сущности, нрядокъ — нормальный. Тамъ карась и щука. Двѣ породы, положимъ, рыбьихъ, но все же двѣ породы; то-есть, между ними не можетъ быть никогда сближенія. Съ перваго раза разница въ признакахъ такъ велика, что ни для кого никогда не будетъ вопроса, можетъ ли щука перестать ѣсть когда-нибудь карася. Но люди — дѣло другое: и тотъ изъ людей, кого можно удобовѣрить карасю, и тотъ, кого удобовѣряютъ щуки, имѣютъ одинаковый размахъ, строеніе тѣла, по одному плану исполненное, черты тоже одинаковы; словомъ, для человѣка не есть безплодная химера заботиться объ улучшеніи людскихъ отношеній, тогда какъ для карася заниматься идеальными построениями — дѣло, очевидно, проигранное, и проигранное навсегда; кромѣ того, проигранный карась никому не будетъ называться ужаленымъ, тогда какъ проигранный идеалистъ-человѣкъ — ужасенъ безмысленно.

А между тѣмъ, ваша параллель такъ безпомощно близка, и выводъ столь мраченъ, что мнѣ хотѣлось бы отъ васъ лично услышать мнѣніе, если возможно. Я бы былъ непремѣнно у васъ самъ, но меня нкуда не выпускаютъ, и потому приходится ограничиться мыслями. А такъ какъ вы тоже нездоровы, то, быть можетъ, сотете возможнымъ написать два слова. Я думаю о людяхъ не хорошо, даже достаточно мрачно, но чтобы рѣшить мрачно о человѣчествѣ, у меня еще недостаетъ храбрости, такъ какъ знаю, что послѣ потери этой послѣдней надежды жить не стоить. А я еще, въ качествѣ человѣка-карася, надеюсь.

Глубоко уважающій васъ И. Крамской.

СССН. Къ П. М. Третьякову.

Сиб. 29-го ноября 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Долгъ мой въ 950 рублей я готовъ погасить указанными вами работами, но позвольте мнѣ (въ моемъ теперешнемъ положеніи), по справедливости отнести и вѣсъ къ публикѣ вообще, то есть, просить вѣсъ платитъ мнѣ столько же, сколько платитъ мнѣ всѣ; а именно—за портретъ такой, какъ Литовченки, я беру теперь 1½ тысячи и даже двѣ. Принимая нѣсколько лѣтъ разницы, когда я браяъ за такой портретъ, какъ Литовченки, 1,000 рублей, я и отдаю вамъ его за эту цѣну, то есть за 1,000 рублей. Если вы согласны — я очень радъ, если нѣтъ, придется оставить погашеніе до того времени, когда можно будетъ уплатить деньгами.

Сообщаю къ свидѣнію вашему, что у меня есть портретъ В. М. Жемчужникова (Козьмы Пруткина). Сегодня я получалъ письмо отъ московскаго Жемчужникова, Я. М., съ просьбой уступить ему портретъ, и на канѣхъ условіяхъ. Отвѣчать ему я не буду, до получения вашихъ распоряженій.

Искренно и глубоко преданный Н. Крамской.

СССН. Къ П. О. Ковалевскому.

6-го декабря 1884 г., Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Осиповичъ. Мнѣ было очень пріятно узнать и видѣть лично живого человѣка отъ васъ. Кромѣ вѣстей, были и нѣкоторыя и другого рода. Вотъ г. Талма сидѣлъ передо мною и передавалъ, какой у васъ видъ изъ окна, и какъ вы много и прилежно работаете. Словомъ, и занимательно, и точно видѣшь живого человѣка. Одного не могъ восхитить: это холостовъ, которыми ваша мастерская занята. Ну, а о нихъ-то вы и спрашиваете. Что-же я вамъ могу сказать? Вѣдь я ничего не выдаю изъ вашихъ работъ за послѣдніе 3—4 года (виноватъ, меньше), я вѣдь не выхожу, и потому не выдаю вашихъ вещей у Бергмана. Ваши печальныя повѣствованія о себѣ мнѣ кажутся рѣшительно невѣриыми. Я знаю, что вы дѣлали, знаю, что вы знаете, видѣлъ почти все, что вами сдѣлано, до самаго послѣдняго времени, и рѣшительно отрицаю возможность такого превращенія, чтобы отъ превосходныхъ вещей, въ теченіе одного-двухъ годовъ, можно перейти къ нигу да годнымъ. Это не въ морядѣхъ вещей. Но это голое теоретическое отрицаніе съ моей стороны, вы же знаете, какъ говорите, отзывомъ и письмами людей вамъ близкихъ, видѣвшихъ ваши вещи. Что же я могу тутъ сдѣлать? Чѣмъ и какъ изгладить изъ вашей

памяти гнетущія мысли? Въ моемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ силъ и средствъ доказать противное. Одно очевидно: вамъ нельзя пренебрегать больше той средой, гдѣ вы ищете сбыта своимъ трудамъ. Вы должны знать лично обо всѣхъ мажѣйшихъ переѣздахъ въ теченія, которыми возни-каютъ въ этой средѣ. А среда значительно измѣнилась въ послѣдніе 3—4 года. Просто не узнать тому, кто ее звалъ 6—7 лѣтъ тому назадъ. Къ хорошему или худому переѣзда, ей-Богу не знаю, но переѣзда огромная. Доказательства хотя и есть, но они такъ мало убѣдительны, и такъ микроскопичны, что нужно большое искусство, чтобы сгруппировать ихъ наиболѣе конятыми и убѣдительными образами. Но смотря на вѣщныи шумъ и декорацию, всѣ какъ-то охладѣли къ искусству. Это значитъ только, что всѣ (то есть, очень многіе), увлеченные модою, обратились на другую нигрунку, а тѣ любители, которые истинно любятъ искусство, разубѣдятся, остались, даже, быть можетъ, число ихъ увеличилось. Десять лѣтъ тому назадъ, были, напримѣръ, такіе суаедедніе анекдоты. Къ Маковскому (Константину) является какая-то барыня изъ Сибири, или провинціи, проѣздомъ за границу, и проситъ написать портретъ съ нея, немедленно, хоть какъ-нибудь, хоть набросать одну голову, и, не говоря ни слова, кладетъ на столъ ему впередъ 5,000 рублей въ пакетъ; а тамъ, что онъ сдѣлаетъ и когда кончатъ—все равно! Что это, любительница? Тогда было то, что принято называть оживленіемъ отечественной промышленности; когда желѣзнодорожные проходимцы, банковые дѣльцы, и наши домашніе самодуры откуда-то доставали жалныя деньги, и минерали ихъ направо и налево. Теперь этому пришелъ конецъ. А что до Орловскаго и Клевера, то не дай Богъ такъ пристроивать свои картины — какъ Клеверъ; Орловскій же куда лучше, хотя и онъ не лишешъ сообразительности и знанія, гдѣ зигнуть раки. И что правда, то правда: надобно уметь пристроить свои вещи, а Орловскій уметь. Относительно Дитрихса — Оренбургскаго и его усмѣховъ, хорошему ничего не знаю, но думаю, что умѣренность и аккуратность — лучшія качества для всякаго усѣха въ обществѣ. Другое дѣло Самонинъ. Это человѣкъ дѣйствительно талантливый (на подражаніе особенно). Онъ уже и теперь усвоилъ себѣ чужія пятна, краску, и, какъ кажется, не ищетъ своего, котораго у него и нѣтъ; по крайней мѣрѣ, я ни разу не замѣтилъ, чтобы онъ трастовалъ что-нибудь оригинально, но сдѣлать своими чужие приемы, мажору композиціи, краску — на это онъ большой мастеръ. И то нужно сказать, что всякая оригинальность достается такъ медленно и трудно, такъ туго принашивается зрителю, требуютъ отъ зрителя такой мозговой работы, что нѣтъ ничего мудреата, если находится мало охотниковъ. Эту мудрость практики новѣйшая формація молодежи поняла прекрасно, и сдѣлаетъ, съ

уверенностью въ успѣхѣ, на всѣхъ нарусахъ. Мы съ вами должны будемъ посторониться. Она можетъ творить много, скоро и хорошо. Пона мы съ вами будемъ думать, что, да какъ, да съ которой стороны интереснѣе, она тутъ же, на глазахъ у всѣхъ (по готовымъ шаблонамъ), будетъ выкраивать картину за картиной, и, какъ ни въ чемъ не бывало, готова безъ отдыха на новые подвиги. Не знаю, столь ли мрачно будущее молодого Самокиша, но, къ искреннему моему сожалѣнію, онъ мнѣ не даетъ ни одного повода думать иначе; а дѣлаетъ локко, красиво и съ дарованіемъ.

Обращаясь опять къ занимающему васъ вопросу личному, не могу не сказать того, что нѣволью приходится въ голову, прежде всего: — вамъ надо чаще мѣнять мѣсто, бывать въ Петербургѣ обязательно каждый годъ, и тамъ всѣ вопросы сами собой уладутъ, сдѣлаются ясными, и вы будете бодрѣе.

Какъ видите, это не прямое рѣшеніе, но именно потому, что оно не то, котораго вы ждете, оно и будетъ полезно. Впрочемъ, чужую бѣду — руками разведу, а къ своей ума не приложу! Совѣтовать со стороны легко, а главное — за это не наказываютъ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть что-нибудь изъ вашихъ работъ, за которыя васъ ругаютъ! Первая возможность, и я постараюсь видѣть у Бегрова ваши вещи; но не знаю, принадлежатъ ли онѣ къ тѣмъ именно, въ которыхъ выразилось ваше пресловутое «паденіе». Но все равно, какъ только увижу, я напечатаю свое мнѣніе.

Одно скажу, бываютъ странныя вещи: человѣку приходится вооружиться терпѣніемъ ждать, что будетъ дальше? Часто художникъ не только не сталъ хуже, а положительно лучше, и вдругъ оказывается, что всѣ говорятъ: упадокъ, упадокъ! Но проходитъ годиковъ... десятъ... и та же публика начинаетъ опять говорить, расхваливаться, и художникъ опять попадаетъ въ честь, только большую, тѣмъ прежде. Такъ было съ Тургеневымъ, такъ было и со многими другими. Внутреннее чувство художника самый вѣрный барометръ. Это совѣсть. Вы сами должны знать: хорошо или худо, лучше или хуже врежнато, а тамъ пусть говорятъ на здоровье. Я знаю и убѣжденъ, что талантъ (разъ онъ есть) не исчезаетъ безъ причины, и его потерять или испортить очень трудно, особенно талантъ, подкованный знаменъ. Онъ можетъ быть болѣе или менѣе ярокъ, но родовыя черты не стираются такъ легко, и потому-то я не вѣрю въ ваше паденіе, а еще менѣе вѣрю въ его погребель.

Глубоко уважающей васъ и преданный вамъ Н. Крамской.
Помолчите г-ну Тальмъ. Какая грозная фамилія!

СССIV. Къ П. М. Третьякову.

5-го декабря 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вчера я получилъ 50 рублей отъ брата вашего Сергія Михайловича. Портретъ Литовченко, я называю привести въ порядокъ — значитъ выгнать пятна на пальто, и покрыть лакомъ, затѣмъ уложить въ ящикъ. Что и будетъ сдѣлано, вѣроятно, въ недѣльничъ или во вторничъ на будущей недѣлѣ.

Уважающей и преданный вамъ Н. Крамской.

СССV. Къ нему же.

6-го декабря 1884 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я совершенно понималъ ваше безпокойство относительно «приведенія въ порядокъ» портрета Литовченко. Я такъ много разъ «приводилъ въ порядокъ» и столько лѣтъ дѣлалъ этихъ пятна, что вы думаете, что и теперь будетъ то же самое. Успокойтесь, ради Бога. Теперь я, во 1-хъ, знаю, отчего происходила порча, и потому знаю, что больше пятенъ не будетъ. Словомъ, то, что нужно — то нужно (портретъ тронуть не будетъ), и вы получите безъ всякаго «улучшенія», а именно такімъ, каковыи вы портретъ знаете. А Кольцова позвольте мнѣ испробовать еще разъ.

Уважающей и преданный Н. Крамской.

СССVI. Къ П. О. Ковалевскому.

18-го декабря 1884 г.

Дорогой Павелъ Осиповичъ. Вы ужасно бѣдовый человѣкъ, и можете потревожить самаго сосредоточеннаго и ушедшаго въ себя человѣка. Почему вы такъ настойчиво желаете знать обо мнѣ, требуете, чтобы я говорилъ также и о своихъ планахъ? Почему вы подозреваете какую-то неравноправность и недовѣріе? Сейчасъ получивъ ваше письмо, и рѣшивъ немедленно отдѣлаться отъ этого вопроса, потому что завтра, быть можетъ, я бы уже не написалъ, а вы единственный человѣкъ, приступающій съ этимъ вопросомъ. О себѣ я молчу, потому что думалъ, что всѣ знаютъ то же, что и мнѣ известно. А именно, что отъ меня ждать больше уже нечего, или лучше сказать: ждали, ждали, да и ждать перестали. Вотъ это вы запомните хорошенько. Если вы кончите любого художника, и пристаете съ этими вопросами къ постороннимъ, то получите именно эти отвѣты отъ

монхъ доброжелателей и людей расположенныхъ ко мнѣ, а отъ враговъ (къ счастью, они у меня есть) и людей, меня мало, или вовсе незнающихъ, усмишите и вовсе не лестный отзывъ: «Да помирите, что же Красной ногъ сдѣлать, и чего отъ него можно было ожидать? Все, что онъ могъ, онъ уже давно сдѣлалъ, и удивительно, что хотѣть что-то, когда онъ ничего другого написать, кромѣ головы, не можетъ! Его пѣсня сѣла».

Не подумайте, ради Бога, что я на что-нибудь направляюсь, или лопасаю, по-просту говоря. Эхъ, еслибы вы знали! Въ сущности, напрасно вы со мною объ этомъ говорили. Это очень тяжелая и больная вещь. Но разъ вы ее тронули, дѣлать нечего, надобно сказать до конца, а все у васъ пропадетъ охота больше сирамижать, потому что правда обезоруживаетъ.

Я уже самъ отъ себя пересталъ ждать. Мнѣ минуло 47 лѣтъ — и это бы еще ничего, но худо то, что у меня нѣтъ больше силъ, и... я старикъ! Я говорю о силахъ физическихъ. Всею жизнью, и еще 5—6 лѣтъ тому назадъ, я все думалъ: вотъ, не сегодня, завтра, удивлю миръ — то есть, не сегодня, завтра буду имѣть возможность писать то, что нужно, то есть, то, что хочется. Но годъ за годомъ уходитъ, а я только и занятъ, какъ бы окупить квартиру, и какъ бы достало на текущую жизнь. И всю жизнь такъ, начиная съ 17 лѣтъ. Но тутъ, разумеется, вы сейчасъ: «А дача! Помирите, вы человекъ, кажется, со средствами!» Ну да, кажется! Дѣло въ томъ, что я всегда былъ непрямо гордъ, и, какъ бы мнѣ ни было худо въ матеріальномъ отношеніи, я никогда никому изъ публики не жаловался и не нылъ. А некоторые товарищи кое-что знаютъ. Отъ художниковъ (называть нечего) публики слышитъ часто жалобу: «Работъ нѣтъ, картины не продаются, дѣла плохи», и т. п. И когда спрашиваютъ у меня, то «я всегда во горло занятъ, и отъ работъ нѣтъ отбоя!» И это правда — послѣднія 8—9 лѣтъ. Но и тутъ я не желалъ брать все и валять, чтобы сдѣлать состояніе (какое-нибудь!), и вотъ почему, вы это легко поймете. Стоишь художнику, найдя какойнибудь фортель, мамерку, или просто увлечешься тѣмъ, что легко дается, и начать писать для публики, какъ лѣтъ черезъ пять, художника какъ не бывало! И духу не останется. (Надѣюсь, примѣровъ не нужно). И такъ, я въ самое лучшее свое время старался себя сохранить для своего будущаго, и для искусства, которому служить мнѣ все еще не удавалось. Да такъ всю жизнь и предаждь.

Теперь о дачѣ. Но прежде, въ поясненіе одинъ пунктъ. Съ 63—4 года я зарабатывалъ въ годъ отъ 2-хъ до 3 тысячъ (я жеманъ съ 62 г.), и, по мѣрѣ увеличенія семьи и потребностей, увеличивался и заработки. Теперь мнѣ въ годъ необходимо для текущей жизни — 10 тысячъ, и я ихъ пишу отъ портретовъ, однакожъ всегда дѣлаю не больше 6—7 въ годъ,

все потому же, чтобы не пойти ко дну. Года четыре — пять тому назадъ я заботѣлся очень серьезно — у меня сдѣлалась одна штука, отъ которой я едва умелъ, и еслибы она повторилась еще разъ-два — кануть. Лѣтъ шесть я страдалъ желудкомъ, и однажды завалъ образовался такого сорта и въ такомъ неуклазанномъ мѣстѣ, что мнѣ, какъ Некрасову, надо было бы отвести коню. Словомъ, сиверно! Я струхнулъ, и вотъ отчего: умря я, и у семьи — ничего! Какъ быть? А тутъ какъ-разъ предложеніе писать портретъ Императрицы, на рукахъ свободныхъ 7—8 тысячъ. Дай, думаю, оставлю мнѣ въ формѣ недвижной, все равно проймъ. Долго ли? Поправившись, началъ... строить, а наташамъ, какъ и слѣдовало, оказался дуракомъ, и въѣсто 8 тысячъ, дача обоилась въ три раза больше. Вспомъ въ долги, и началъ брать всякіе заказы, чтобы покрыть долги, да вотъ и до сихъ поръ еще уплачиваю хвосты. Думаю, что черезъ годъ совершенно буду чистъ отъ долговъ, да, вѣроятно, буду чистъ и отъ силъ и энергіи.

И такъ, вотъ вѣтъ, что выходитъ изъ вашихъ вопросовъ. Вы думаете, что есть что-нибудь таинственное, что-нибудь интригующее, въ родѣ гордости или самолюбія, но крайній мѣръ такого, что никто искусства не любитъ такъ, какъ я, и проч. и проч. А выходитъ и просто н... прозябанно. На повѣрку дѣло такое: значить назва російская жизнь еще не въ состояніи окупить такое экзотическое растеніе, какъ художникъ! И ей (этой жизни), художники еще не нужны! Какъ бы тамъ дѣло это ни являлось въ нѣмомъ свѣтѣ, и какіе бы блестящіе принцы ни представлялись, но я все-таки правъ, потому что принцы эти указываютъ или на рекламу, или на ухѣны художника изловчатся ловить счастье и продавать свои вещи. Да и то, впрочемъ, больше между нейзакжистами.

Не хочу оставить и еще одного пункта не разъясненнымъ. Я, лично, жаловался ни на что не могу, и тѣмъ менѣе бросать упрекъ обществу. Меня ли общество не цѣнило? Нѣтъ, общество платило и платило мнѣ то, что я спрашивалъ. Не вина общества, что я не хотѣлъ и не могъ довольствоваться ролью простого портретиста. Никто не виноватъ, что я всякое сбереженіе употреблялъ на экскурсіи въ область творчества, и никто не виноватъ, что монхъ сбереженій не хватало на обстоятельную и продолжительную экскурсію... Словомъ, кто же виноватъ, что я, уличенный мальчишпа, родился въ нищетѣ, и не вооруженный ни знаніемъ, ни средствами, поплылъ въ такое море. Подумавъ серьезно, приходится сказать о себѣ, что я куда счастливѣе многихъ, и рѣшительно счастливѣе всѣхъ, у кого были или могли быть равные шансы со мною.

Эхъ, еслибы вы знали, какъ трудно все это трогать и рассказывать!

И вѣдь, я думаю, этого и не нужно было. И такъ, у меня больше нѣтъ плановъ.
Преданный вамъ Н. Крамской.

СССVII. Къ П. М. Третьякову.

Сиб. 1-го января 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Извините меня великодушно, что задержалъ отправку портрета Литовченко, но меня задержалъ, въ свою очередь, Сидоровъ *). Вы увидите, что ничего на портретъ не тронуто, сравнительно съ тѣмъ, какъ вы его жоните. Остается покрыть его лакомъ, чрезъ 3—4 недели нослъ получения.

Уважающій и преданный

Вашъ Н. Крамской.

СССVIII. Къ П. О. Ковалевскому.

С.-Петербургъ, 1-го января 1885 года.

Многоуважаемый Павелъ Осиповичъ. Сегодня всѣ поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ, какъ будто Богъ вѣсть какая находка; а нѣтъ этихъ новыхъ 84—85—86 и т. д. годовъ приходится весьма жутко. А впрочемъ, что-жъ, дай Богъ, чтобы вамъ этотъ новый годъ былъ тѣмъ нибудь приятенъ!

Извините меня за предшествовавшее письмо. Что дѣлать, слабъ человѣкъ, какъ темеръ, да воротитъ не въ мою власть. Не смотря на то, что вы находите во мнѣ простую хандру, я не могу взять ни одного слова изъ того, что говорилъ, и это не есть моментальная вспышка, а очень опредѣленный и хладнокровный выводъ изъ послѣднихъ 4—5 лѣтъ. Стало быть, не хандра. Или, если и хандра, то она имѣетъ такія же серьезные неудобства, какъ и болѣзнь, или стеченіе неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыя привыкли люди называть болѣе возвышеннымъ словомъ. И такъ, это все равно. Совершенно согласенъ съ вами, что «неоспоримо тяжело такое необеспеченное положеніе художника», какъ вы выразились. А я-то что же говорилъ? Все письмо мое есть только пространное формулированіе вашей же мысли. Да, необеспеченное положеніе художника тяжело; болѣе того, я готовъ сказать, что бѣдный человѣкъ не имѣетъ права быть художникомъ (то есть, я говорю о теперешнемъ строѣ общества. Быть можетъ, будетъ иначе).

Я долго недоумѣвалъ, кому я обязанъ за любезную присланку статей о

*) Реставраторъ Эрмитажа.

Ред.

выставкѣ, вамъ ли, или Тальмъ? Оказывается—это вы. Ну, что-жъ, спасибо вамъ. Но, сказать прямо, читать такіе вещи нѣсколько скучновато въ моемъ возрастѣ, когда знаешь одно: что, если все написанное искренно—оно, стало быть, зелено, а если есть доля (хотя самая незначительная) искусственнаго возбужденія, то тогда и совѣтъ обидно.

Вы желаете знать, можно ли ему (Тальмъ) продолжать писать объ искусствѣ?.. Какой это вопросъ? Кровный, на вопросъ любознѣтства? Если кровный, то надо прежде весьма сурово взглянуть на дѣло. У критика одна нѣрка—идеалъ, и идеалъ, захватывающій дальше всего, куда художникъ достигалъ когда-либо. И потомъ, приложитъ этотъ разнѣръ къ нашимъ дѣланикамъ, и посмотритъ, что выходитъ. И, что выходитъ по сравнению, то и слѣдуетъ сказать рѣко, сурово и безъ крѣтости. Оно немножко похотѣе на холодный думъ, но здорово для художника. И потомъ, о разныхъ художникахъ можно и слѣдуетъ говорить различно. Чѣмъ выше художникъ, тѣмъ суровѣе тонъ, тѣмъ безопаснѣе критика. А, впрочемъ, можетъ и не такъ! Можетъ быть художникъ нуждается не въ такой критикѣ. Не знаю, я говорю о себѣ, или, лучше, я говорю не вполнѣ все, что думаю. Мнѣ бы хотѣлось (да, вѣроятно, и вамъ тоже), чтобы критика понимала художника и любила бы его. Обладая двумя этими качествами, критика будетъ имѣть въ виду только пользу, и одну пользу искусства. И тогда—знаніе и пониманіе дѣла не позволятъ спускать уровень требованій, а любовь смягчитъ суровость, оправдаетъ художника и найдетъ постоянную причину недостатковъ. Но гдѣ такая критика? Г. же Тальма выказываетъ пока только не то, что любовь, а съ нашего (и его) позволенія, нѣкоторое обожаніе! А это граничитъ съ той областью, гдѣ о критикѣ еще рѣчи нѣтъ. Обожаніе—значитъ не видѣть недостатковъ; любить же только трезво. Впрочемъ, и этотъ вопросъ спорный. Опять это мое личное мнѣніе. Я думаю, что на любовь настоящую способны не многіе, какъ весьма немногіе заслуживаютъ свободы. Пишетъ же онъ складно, и вообще владѣетъ своимъ образомъ выраженія мыслей, такъ что съ этой стороны нѣтъ ничего возразительнаго. Пусть попробуетъ поднять діапазонъ.

Что такое выставка? Не знаю, и никто не знаетъ. То есть, мы сами до послѣдняго момента не знаемъ никогда—что за выставка будетъ у насъ

Но объ одномъ можно сказать—это о Рѣпинѣ. Онъ написалъ картину большую, какъ Иванъ Грозный убилъ своего сына. Она еще не кончена, но то, что есть, дѣйствуетъ до такой степени неотразимо, что люди съ теоріями, съ системами, и вообще умные люди, чувствуютъ себя нѣсколько неловко. Рѣпинъ поступилъ, по моему, даже неединственно, потому что, только что я, наприимѣръ, успокоился благополучно на такой теоріи: что историческую картину слѣдуетъ писать только тогда, когда она даетъ

камю, так сказать, для узорья, но моводу современности, когда исторической картиной, можно сказать, — затронувается животрепещущий интерес нашего времени, и вдруг... чорт знает что такое! Никакой теории!

Изображень просто какой-то, не то зибря, не то идють, — это лицо, глазинки образонь, и не кончено, — который воетъ отъ ужаса, что убилъ несталино своего собственного друга, любимого человека, сына... А сынъ, этотъ симпатичный молодой человекъ, истекаетъ кровью и безпомощно гаснетъ. Отецъ схватилъ его, закрылъ раны наискрѣжно, крикну, крикну, а кровь все хлещетъ, и отецъ только въ ужасѣ, цѣлуетъ сына въ голову и воетъ, воетъ, воетъ. Страшно. Ай, да Рипинъ!

Вамъ И. Крамской.

СССІХ. Къ А. С. Суворину.

21-го января 1886 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Предметъ моего письма — взглядъ и нѣчто. Такъ какъ я болѣе и нигдѣ не бываю, а между тѣмъ — я еще живой и меня живое трогаетъ, то и пишу... къ вамъ, не для тисненія, а для вашего свидѣнія, и, кромѣ того, мнѣ хочется вамъ сказать спасибо за Савину, т. е. за статью о ней, и о песнѣ «Анюта» *).

То, что я нигдѣ не бываю, не волнуетъ мнѣ явиться къ вамъ въ свое время, т. е. въ мое время. Я помню очень хорошо, только не махайте на меня рукой въ безмощности, несмотря на то, что все это похоже на испытаніе вашего долготерпѣнія. Пусть эта оговорка не будетъ лишней — она потребность моя личная.

И такъ, спасибо за Савину. Это ничего, что моя благодарность сминается на благодарность великой особы: я, дескать, доволенъ. Итъ, я, вѣроятно, тысячная частица изъ огромной массы людей, точно также вамъ благодарныхъ. А вотъ и причины, почему я благодаренъ, т. е., я могу къ изложить нѣкому, что у васъ критическое чутье театра — удивительное. Вы, можете быть, и это слышите не въ первый разъ? Это ничего. Послушайте еще. Всѣ ваши статьи о пьесахъ и игрѣ актеровъ это доказываютъ, но чтобы на что-нибудь опираться, я укажу на рецензію (коротенькую) пьесы Боборыкина «Докторъ Мошкова», оскрещенную вами: «Кудая». Не знаю, какъ другіе, а я возложительно никогда, нигдѣ и ни у кого не встрѣчалъ такого яснаго, принципиальнаго, точнаго и (при краткости) такого обобщающаго критическаго взгляда. Точно кристаллъ, образовавшійся самъ собою, на конкх глазахъ, въ безкоричневыхъ грани, феноменальной плот-

ности, и такой стуженой матеріи, что если растворить его въ обыкновенной водѣ, то изъ одного атома можно получить бутылку такого крипкаго раствора, какой не часто встрѣчается на литературномъ рынкѣ въ продажѣ. Покончивъ съ этимъ, я и повторю благодарность. И Савина должна быть вамъ глубоко благодарна, если у нея есть хотя частица, не таланта (его нѣтъ у нея не отнимаешь), итъ, а того, что иногда сопровождается талантомъ: искренное, сердечное и sincere желание правды, и если она, при этомъ еще, достаточно умна. Въ вашей статьѣ о ней и о песнѣ, есть такое тонкое безпристрастіе, что она положительно ограниченный человекъ, если этого не усмотрѣть. Но это только предисловіе. Къ чему? А вотъ къ нижеслѣдующимъ lamentаціямъ. «Какъ жалъ, что итъ равнаго чутія у художественныхъ и литературныхъ критиковъ!» Вотъ я куда хвлятъ! По какому праву я приплетаю сюда литературу? Что я тутъ смыслю?

Да и по художеству-то, не пахнеть ли самолюбіемъ непринятого гениа? Не знаю, а вотъ о литературѣ — дѣлаю.

Но прежде два слова о вашихъ рецензіяхъ, которые и вы (чего добраго), и другіе, пожалуй, такъ и думаютъ, что это не болѣе, какъ отчеты минувшей ежедневной прессы! Ну, итъ, извините, это критика. Просвѣтите васъ въ этомъ — иду дальше.

Вы знаете (конечно!) Печерскаго «Въ дѣсахъ». Что критика объ этомъ говорила? Она говорила, что хорошо, правда, но это «хорошо» было похоже собственно на вѣдливость благовоосинтасности; въ то же время критика («Отч. Зап.») разводила бобы, что вотъ-дескать длинный и почтенный трудъ выиелъ отдѣльнымъ изданіемъ, и авторъ очевидно хорошо знакомъ съ бытовой стороной, и что вообще этнографическаго интереса много и т. д... Какъ вы это находите? Не похожа ли нудобная критика на Юмуда, или туркмена, который въ одинъ прекрасный день, у своего каравай-сарая, встрѣтилъ бронзовую статую высокаго художественнаго качества и, помещаясь пальцемъ то тутъ, то тамъ, сказалъ: нѣтъ искусства, и пошелъ дальше, рѣшительно не подозревая, что онъ видѣлъ. А отзывъ французскъ теперь о «Войнѣ и Мирѣ» Толстого? Сравненіе съ Шекспиромъ, замѣчаніе, что это есть чуть ли не самое великое созданіе XIX вѣка? Кто смѣлъ бы у насъ такъ опредѣлять? Не набросились ли бы на такого смѣльчака лакеи? Правда, о «Войнѣ и Мирѣ» были отзывы, гдѣ употреблялись слова «великій», «замѣчательный», но все-таки я думаю, что я правъ, утверждая, что и лестные отзывы нѣкимъ въ серьезъ не приравнивались къ великимъ вѣковымъ. Дальше, «Вратъя Карамазовы» Достоевскаго были оценены приблизительно вѣрно однимъ Вуренинымъ; но я, все-таки, скажу, когда я читалъ Карамазовыхъ, то были моменты, когда казалось: «Ну, если и послѣ этого миръ не перевернется на осмъ тудъ, куда желаетъ художникъ,

*) «Новое Время». 20 января 1886, № 3196, статья «Фаминина пьеса». Ред.

Вашъ И. Крамской.

СССІХ. Къ А. С. Суворину.

21-го января 1885 г.

И так, спасибо за Самуиу. Это ничего, что моя благодарность сминается на благодарность великой особи: я, дескать, доволен. Нетя, я, фертно, тысячная чистина из огромной массы людей, точно такие же благодарных. А вот и причины, почему я благодарен, т. е., я могу их изложить потоу, что у вас критическое чутье театра—удивительное. Вы, можете быть, и это слышите не в первый раз? Это ничего. Послушайте еще. Всё ваша статья о пьесах и нгрё антеров это доказывает, но чтобы на что-нибудь опираться, я укажу на реинию (короткую) пьесу Боборыкина «Доктор Момшков», окрещенную вами: «Кудая». Не знаю, как другие, а я положительно никогда, нгрё и ни у кого не встречал такого ясного, пронизательного, точного и (при краткости) такого обобщающего критического взгляда. Точно кристалл, образованнейший сам, собою, на моих глазах, в безграничной грани, феноменальной плот-

Вы знаете (конечно!) Печерского «Въ лѣсахъ»

Вы знаете (конечно!) Персегова «Взблеск» говорила? Она говорила, что хорошо, правда, но все собственно на внешность благовопителности («Отч. Зал.») развешивала бобы, что вот—дескать—длиннее отданных издание, и автору очевидной стороной, и что вообще топографического. Как вы это находите? Не воююла ли подобная турнина, который в один прекрасный день, у стрелитри бронзовую статуу высокога художественка вь маленечко то подуть, то тать, сказали: нипсе обрительнаю не подговривал, что об видьла. А от «Войны и Миря» Толстого? Сравнение с Шеня это есть чуль ли не самое великое создание XIX насть так предельть? Не набросились ли вы Паша. Правда, о «Войны и Миря» были отзывы, где уи кий», «замечательный», но все-таки я думаю, что и лучшие отзывы пикль вь серьезе но при нать вькомыи. Дальше, «Братья Карамазовы» меня приблизительно вьрою одинъ Вуренинны, когда я читала Карамазовых, то были моменты, и послэ этого мьре не переворется на сам туд, а

*) «Новое Время» 20 января 1885, № 3196, статья «Фальшивая мьеса». *Ред.*

каву, так сказать, для узорья, но поводу современности, когда исторической картиной, можно сказать, — затрогивается животрепещущий интерес нашего времени, и вдруг... чорт знает что такое! Никакой теории!

Изображен просто какой-то, не то звирь, не то идіот, — это лицо, главными образом, и не конечно, — который воет от ужаса, что убил нечаянно своего собственного друга, любимого человека, сына... А сын, этот симпатичный молодой человек, истекает кровью и безмолвно гаснет. Отец схватил его, закрыв рану на виске крѣпо, крѣпко, рукою, а пром все хлещет, и отец только во ужасѣ, цѣлует сына въ голову и воет, воет, воет. Страшно. Ай, да Ривинг!

Вашъ Н. Крамской.

СССІХ. Къ А. С. Суворину.

21-го января 1885 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Предметъ моего письма — взглядъ и нѣчто. Такъ какъ я болѣзнь и нигдѣ не бываю, а мнѣду тѣмъ — я еще живой и меня живое трогаетъ, то и пишу... въ вамъ, не для тисненія, а для важнаго свѣдѣнія, и, кромя того, мнѣ хочется вамъ сказать спасибо за Савину, т. е. за статью о ней, и о пьесѣ «Анѣта» *).

То, что нигдѣ не бываю, не понимается мнѣ явиться въ вамъ въ свое время, т. е. въ мое время. Я помню очень хорошо, только не махайте на меня рукой въ безнадежности, несмотря на то, что все это похоже на испытаніе вашего долготерпѣнія. Пусть эта оговорка не будетъ лишней — она потребность моя личная.

И такъ, спасибо за Савину. Это ничего, что моя благодарность смахиваетъ на благодарность великой особы: я, дескать, доволенъ. Нѣтъ, я, вѣроятно, тысячная частица изъ огромной массы людей, точно также вамъ благодарныхъ. А вотъ и причина, почему я благодаренъ, т. е., я могу ихъ назвать потому, что у васъ критическое чутье театра — удивительное. Вы, можете быть, и это слышите не въ первый разъ? Это ничего. Послушайте еще. Всѣ ваши статьи о пьесахъ и игрѣ актеровъ это доказываютъ, но чтобы на что-нибудь опираться, я укажу на рецензію (коротенькую) пьесы Боборыкина «Докторъ Мошковъ», окрещенную вами: «Кука». Не знаю, какъ другіе, а я положительно никогда, нигдѣ и ни у кого не встрѣчалъ такого яснаго, пронзительнаго, точнаго и (при краткости) такого обобщающаго критическаго взгляда. Точно кристаллы, образовавшіеся самъ собою, на моихъ глазахъ, въ безукоризненные грани, феноменальной плот-

ности, и такой сжатой матеріи, что если растворять его въ обыкновенной водѣ, то изъ одного атома можно получить бутылку такого крѣпкого раствора, какой не часто встрѣчается на литературномъ рынкѣ въ продажѣ. Покочивъ съ этимъ, я и повторю благодарность. И Савина должна быть вамъ глубоко благодарна, если у нея есть хотя частичка, не таланта (его никто у нея не отнимаетъ), нѣтъ, а того, что иногда сопровождается талантомъ: искреннее, сердечное и смиренное желаніе правды, и если она, при этомъ еще, достаточно умна. Въ нашей статьѣ о ней и о пьесѣ, есть такое тонкое безпристрастіе, что она положительно ограниченный человекъ, если этого не усмотритъ. Но это только предисловіе. Къ чему? А вотъ въ нижеслѣдующихъ замѣткахъ: «Какъ жалъ, что нѣтъ равнаго чутья у художественныхъ и литературныхъ критиковъ!» Вотъ я куда хваталъ! По какому праву я прилетаю сюда литературу? Что я тутъ смыслю?

Да и по художеству-то, не пахнетъ ли самонадѣянъ непризнаннаго гения? Не знаю, а вотъ о литературѣ — дѣлаю.

Но прежде два слова о вашихъ рецензіяхъ, которыми и вы (чего добраго), и другіе, пожалуй, такъ и думаютъ, что это не болѣе, какъ отчеты многолетней ежедневной прессы! Ну, нѣтъ, извините, это критика. Просѣивъ васъ въ этомъ — иду дальше.

Вы знаете (конечно!) Печерскаго «Въ лѣсахъ». Что критика объ этомъ говорила? Она говорила, что хорошо, правда, но это «хорошо» было похоже собственно на вѣдливость благорасположенности; въ то же время критика («Отч. Зап.») разводила бобы, что вотъ-дескать длинный и потчанный трудъ вымелъ отдѣльнымъ изданіемъ, и авторъ очевидно хорошо знакомъ съ бытовой стороной, и что вообще этнографическаго интереса много и т. д... Какъ вы это находите? Не похожа ли подобная критика на юмуда, или туркмена, который въ одинъ прекрасный день, у своего караванъ-сарая, встрѣтивъ бронзовую статую высокаго художественнаго качества и, пощелкавъ пальцемъ то тутъ, то тамъ, сказалъ: нѣтъ, искусство, и пошелъ дальше, рѣшительно не подозревая, что онъ видѣлъ. А отзывъ французскій теперь о «Войнѣ и Мирѣ» Толстого? Сравненіе съ Шекспиромъ, замѣчаніе, что это есть чуть ли не самое великое созданіе XIX вѣка? Кто смѣлъ бы у насъ такъ опредѣлять? Не набросились ли бы на такого смѣльчака лакеи? Правда, о «Войнѣ и Мирѣ» были отзывы, гдѣ употреблялись слова «великій», «замѣчательный», но все-таки я думаю, что я правъ, утверждая, что и лестные отзывы нѣмцамъ въ сравненіи не приравнивались къ величинамъ въковымъ. Дальше, «Братья Карамазовы» Достоевскаго были отъ-вѣнены приблизительно вѣрно однимъ Буренинымъ; но я, все-таки, скажу, когда я читалъ Карамазовыхъ, то были моменты, когда казалось: «Ну, если и послѣ этого миръ не перевернется на оси туда, куда желаетъ художникъ,

*) «Новое Время» 20 января 1885, № 3196, статья «Фальшивая пьеса». Ред.

то унизил человеческое сердце! Наступают всеобщия беззастыдлиа сумерки перед страшными судом Божиим!..» Теперь, калибры поменьше, но все же калибры: «Задачи Этики» Кавелина. Положите, ни в коем случае не правится слог, периоды, некоторая сухость и трудно-понимаемость того, что он хочет сказать; но все же это и то, что не каждый день встретишь. Больше того, в такой сравнительно небольшой брошюре так много разставлено, обследовано, и донесено (о свободной воле) в таких серьезных материалах, что вполне можно (по моему) считать эту статью событием, и не только у нас, но... воздержусь, впрочем, утверждать, где еще. Ограничусь нами. Лично я кое-что имхо сказать г. Кавелину на его выводы, но это ни для кого особенно не интересно. Факты того, что критика не стоит выше предмета, подлежащего ее обсуждению, а ведь она должна быть выше — непреклонно, или, по крайней мере, в уровень понимания.

У нас там в «Новом Времени» есть какой-то «Житель», написавший фелетончик недавно: «Бронзовая голова». Он частично дает интересные указания, но его «Бронзовая голова» есть действительно серьезный, социальный и психологический этюд, даже странно становится.

Теперь, подбавляя так долго, заговорю и о живописи. Вы действительно должны войти к Рёйну, и видеть его картину: «Иван Грозный убил своего сына». (Воле мой, какая избитая тема, и избитый эффект! Да это было: Шварц и проч! Словом, странно!). Нет, действительно позвжайте, если незнакомы, познакомиться. Видеть необходимо! Необходимо убедиться лично (так сказать вложить персты), что русское искусство наконец созрело. Вы не можете себя представить, какое это отрадное убеждение. Видь было же нам накануне 4 года тому назад о Куинджи на передовом листе: «Отини! это имя замянуто!», по поводу «Ночи на Девире». И не рассказывайте: вы были правы, тысячу раз правы, гораздо больше правы, чем все критики! Позвжайте и посмотрите. Это нечего, что вы в прошлом году взяли фальшивую ноту о Маковского «Волосы ир». Для нас это область несколько мало знакомая, и не мудрено, что вы замечаете скорее всего украшения и их богатство. Дьло вот в чем. Рёйну поступил, во отношению к огромному числу и художников и прочих умных людей, даже неделикатно. А именно: умные люди всегда имьют теория и теория иногда столь же разрываемая, что это удивительно! Странно, конечно, только одно, что плоды теория всегда том, но это теоретиком ни на волос не смущает. Паприниру, скажу о себе. Я был очень благополучен, иридумываю теорию, что историческая картина постольку интересна, нужна и должна останавливать современного художника, но сколько она параллельна, так сказать, современности, и насколько можно предложить зрителю намотать себя что-нибудь на ус!

Серьезно говори, чьм не теория? В ней есть и глубина и... ну, словом, только умный человек может дойти до таких выводов, а потому: что такое убийство, совершенное злостью и психоматом, хотя бы и собственного сына?! Рёйну не понимаю, зачем? Да еще, говорить, он наступил крови! Боже мой, Боже мой! Иду смотреть и думаю: еще бы! Конечно Рёйну талант, а тут поразить можно... но только нервы! И что же я нашел? Прежде всего, меня охватило чувство совершенного удвоения за Рёйну. Вот она, вещь, в уровень таланту! Судите сами. Выражено и выпукло выданного на первый план — нечаянность убийства! Это такая феноменальная черта, чрезвычайно трудная, и ршенная только двумя фигурами. Отец ударил своего сына жезлом в висок, да так, что сын кокатился, и тут же стал истекать кровью! Минута, и отец в ужасе закричал, бросился к сыну, схватил его, присял на пол, приподнял его к себе на колени, и зажал крепко, крепко, одною рукою рану на виске (а кровь так и хлещет между шевел пальцев), другую поперег за талию принимает к себе, и крепко, крепко цдуется в голову своего бдана (необыкновенно симпатичного) сына, а сам орет (положительно орет) от ужаса, в безомощном положении. Бросаясь, схватываясь и за свою голову, отец выначкал голову (верную) лица в кровь. Подробность менспровского комизма. Этот злостью, воющий от ужаса, и этот милый и дорогой сын, безропотно утасоющий, этот глаз, этот поразительной привлекательности рот, это шумное дыхание, эти безомощные руки! Ах, Боже мой, нельзя ли поскорее, поскорее помочь! Что за дьло, что в картин! на полу уже дьлая луна крови на том месте, куда упал на пол сын виском, что за дьло, что еще будет дьлым тазом — обыкновенная вещь! Человек смертельно раненный, конечно, много его потеряет, и это вовсе не действует на нервы! И как написано, Боже, как написано! В самом дьле, воображите, крови тма, а вы о ней и не думаете, и она на вас не действует, потому что в картин! есть страшно, шумно-выраженное отповское горе, и его громкий крик, а в руках у него сын, сын, которого он убил, а он... вот уже не может новелать зрительно, тяжело дышит, чувствуете горе отца, его ужас, крик и плач, он, как ребенок, хочет ему улыбаются: «Ничего, дескать, папа, не бойся!» Ах Боже мой! Вы рёйну должны видеть!!!! Ну, хорошо! Успокойся. Довольно. Поговорить спокойно. Что же из этого слдуется? Видь искусство (серьезное, о котором можно говорить) должно возмывать, влить в человека силу податься, высоко держать душевный строй. И, так сказать, идти в ногу с реалией. Да, конечно, да! Ну, а эта картина возмывает?.. Не знаю. К чорту полетели все теория!.. Впрочем, позвольте... кажется, возм-

шасть, не знаю наизусть, как и сказать. Но только кажется, что человек, видящий хотя раз внимательно эту картину, навсегда застрахован от равнодушия к зверю, который, говоря, в нем сидит. Но может быть и не так, а только... вот он зрительный плод.

Преданный и уважающий И. Крамской.

СССХ. Къ нему же.

25-го января 1885 г., Сиб.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Вы злоязычны — это хорошо. Значитъ, вы помните, что я говорю, и, стало быть, иногда думаете, — правда ли, что я говорю? Это уже лотно. И это чрезъ годъ. Тѣмъ лучше! Но идѣ и я помню, что говорю (по крайней мѣрѣ въ области, гдѣ я имѣю кое-что прочно сложившееся). И потому знаю, почему считаю портретъ Стрелетовой все-таки серьезнымъ художественнымъ этюдомъ; не смотря на то, что вы правы тоже, говоря о портретѣ. Мнѣ бы слѣдовало свою мысль яснѣе сказать въ то время, или, лучше, мнѣ надобно научиться точно вообще выражаться. Я хотѣла сказать, что когда всѣ тѣ, кто видѣли живую Стрелетову, сойдутъ со сцены, то зритель будущаго оцѣнитъ трагизмъ (слово нѣсколько громкое, въ данномъ случаѣ) въ этомъ этюдѣ, оцѣнитъ исполнительную сторону, — всѣ детали подчинены общему.

Конечно, портретистъ обязанъ ничего не вносить своего въ концепцію портрета, а долженъ, какъ строгій ученый, объективно, спокойно и точно наблюдать и принимать выводы изъ данныхъ, каковы бы они ни были. Словомъ, мы оба правы (что вы правы, это несомнѣнно, я признаю; но что и въ моей идѣ есть доля резона — это мнѣ кажется). Какъ портретъ, вещь Ярошюки исполняетъ много желать, а какъ мысль художника, написанная по поводу Стрелетовой — почти безъ критики.

Если вы осуществите свое намерѣніе поспѣть ко мнѣ вечеромъ, я буду вамъ очень радъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

СССХІ. Къ графу Д. Н. Толетому.

29-го января 1885 г., Сиб.

Глубокоуважаемый Левъ Николаевичъ. Прошло полныхъ десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ и говорилъ съ вами. Времени прошло много не для одного человѣка, и я думаю, что еслибы мы встрѣтились, то, пожалуй, старое впечатлѣніе не узнали бы.

О себѣ судить трудно (все кажется такой же), но, что касается васъ,

то, какъ, еслибы мнѣ кто-либо тогда сказалъ, какого рода идеи васъ будутъ занимать и мучить, то я ринулся бы тѣмъ хотѣе, что именно съ вами этого не случится. Для столь крѣпкой увѣренности я имѣю основанія. Вы были тогда уже человѣкомъ съ характеромъ сложившимся, съ прочнымъ и широкимъ образованіемъ, большимъ опытомъ (талантъ врожденъ, какъ величину всѣмъ извѣстную и опредѣленную), съ умомъ и мѣросообразіемъ совершенно самостоятельнымъ и оригинальнымъ: до такой степени самостоятельнымъ, что я помню очень хорошо, какое впечатлѣніе вы дѣлали на меня, и помню удовольствіе въ первый разъ отъ встрѣчи съ человѣкомъ, у котораго всѣ детальныя сужденія крѣпко связаны съ общими положеніями, какъ радусы съ центромъ. О чемъ бы рѣчь ни шла, ваше сужденіе поражало своеобразиемъ точкою зрѣнія. Сначала это производило впечатлѣніе парадокса, но тѣмъ долѣе я знакомился, тѣмъ все больше и больше открывалъ центральныя нитки, и подъ конецъ я передъ собою видѣлъ въ первый разъ рѣдкое явленіе: развитіе, культуру и цѣльный характеръ, безъ рефлексовъ. Такъ казалось. Одинъ пунктъ оказался для меня за чертой вашего круга. Въ разговорѣ, однажды, вы обнаружили слѣдующій взглядъ на «Христа», что «Его ученіе и Онъ Самъ есть не болѣе какъ историческій моментъ общаго развитія человѣчества». Очевидно, для васъ личный вопросъ былъ портретъ. Много разъ мнѣ приходилось слышать подобное сужденіе и прежде, но никогда оно не казалось мнѣ столь безнадежнымъ, а между тѣмъ, вѣдь это совершенно точное опредѣленіе христіанства; точнѣе сказать нельзя, только жаль мнѣ было одного: что въ этомъ мнѣніи чулось отчужденіе отъ народа, будто всѣ нити порваны и навсегда. Съ этимъ я не былъ согласенъ; кромѣ того, въ такомъ опредѣленіи подразумевалось (какъ бы само собою), что мы уже переросли это ученіе, и что нашъ умственный уровень выше его.

На этомъ оставилось личное знакомство. Но съ тѣхъ поръ произошло нѣчто. Давно и много разъ я помыслилъ писать вамъ и послѣ «Исходъ», и послѣ перевода Евангелія, и послѣ 2—3 словъ вашихъ на судъ; словъ, много разъ, но меня останавливала трудность формулированія моихъ мыслей, особенно въ короткой формѣ письма. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ дать понятіе о той бурѣ, которую вы во мнѣ поднимали, хотя бы, напримеръ, переводомъ Евангелія. Я зналъ и знаю, что смыслъ этой книги, не смотря на постоянное чтеніе, совершенно утраченъ, и вдругъ, есть новый переводъ, понятный каждому. Я былъ пораженъ и искутатъ, искутатъ тѣмъ, что теперь сдѣлалось возможнымъ новое расшатаніе проповѣдника, что современный человѣкъ (какъ и древній) готовъ будетъ расшатать Христа съ тѣмъ же самымъ убѣжденіемъ, какъ и свѣтъ Іерусалима, кричащій совершенно сознательно: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!» Это ужасно

ная книга для человечества, и в то же время единственно спасительная. После этого модника казалось дѣло кончено: сдѣлано все, что отъ человека можно желать. Но вотъ является: «Такъ что-жь намъ дѣлать?» Является разъясненіе, разсужденіе, доказательства, наслѣдованія..... чего? Что намъ нужно дѣлать? Да это уже указано. Вы сами приводите въ эпиграфѣхъ отвѣтъ Іоанна Крестителя именно на этотъ вопросъ: «У кого есть дѣй одежды, тотъ отдай другую толчу, кто не имѣетъ ни одной!» Коротко и ясно, во всѣ времена ничего другого сказать нельзя. Вблизи времени, а можетъ быть оно уже и наступило, когда долженъ быть послѣдній человекъ отъ Бога». Эти люди всегда начинали не съ доказательства и разсужденій, а прямо, съ авторитетомъ, какъ власть имѣющая, громко заявляли: «Нѣтъ! уми слышати, да слышати!» Я не знаю, какъ и въ какой формѣ возможенъ необходимый пророкъ во время телеграфа, печати, желѣзныхъ дорогъ и всеобщаго могущества науки, но онъ долженъ остаться вѣрнымъ характеру пророка, иначе дѣло его проиграно, разсужденія, а тѣмъ болѣе доказательства, ослабляютъ впечатлѣніе, а главное — низводятъ его на степень спорящаго. Всякому свое. Если вы хотите возбудить въ человѣческомъ сердцѣ «милосердіе», не доказывайте, что оно нужно и что безъ него худо (особенно оно не можетъ быть доказуемо), а просто приказывайте, если вы учитель. Если же вы не учитель, а человѣкъ, замѣтый и глубоко волнующій личными нерѣшенными нравственными вопросами, подождите, пока остолбѣетъ, и молча формулируйте въ образѣхъ. Поэтъ тотъ же дѣлатель Божій. Мнѣ жаль, что это банально, жаль, что это похоже, какъ говорить, на смыслъ письма Тургенева, и повторяется съ чужого голоса, но у меня свои собственныя основанія и вотъ они:

Въ «Литературномъ Сборникѣ» помѣщено нѣсколько главъ «Декабристовъ». Я не могу вамъ дать точное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое эта вещь производитъ. Вы конечно это слышали, но въ то же время, въ статьѣ «Такъ что-жь намъ дѣлать?» и, раньше, въ «Исповѣди», о своихъ художественныхъ произведеніяхъ отзываетесь очень неуважительно; мало того, вы какъ бы раскаяваетесь, что такіа соблазнительныя и вредныя вещи существуютъ. Вотъ этого я никакъ не могу. Объясните это. Передъ вами искренній человекъ — свидѣтельствуешь, что такіа вещи, какъ «Декабристы», «Война и Миръ», «Казани», и т. д. и т. д., дѣлають меня лично гораздо болѣе человѣкомъ, чѣмъ разсужденія. Что болѣе Христосъ сдѣлалъ? — далъ образецъ. Тѣмъ, что Онъ былъ, онъ доказалъ возможность конкретнаго явленія, считавшагося до него невозможнымъ. Послѣ Него я, если я не глупъ, отпираться уже не могу, хотя бы у меня натура и была свиная, а если у меня есть человѣческаго болѣе свиного, то я утѣшенъ, радъ и счастливъ, что Христосъ не мнѣ и не созданіе поэта, а ре-

альный человекъ. Художникъ даетъ образы, живые, дѣйствительные, и этимъ путемъ обогащаетъ людей. Онъ не мучаетъ дидактически, а... впрочемъ, извините меня великодушно, что это все я пишу, и кому же? — вамъ! Вамъ, который сто тысячъ разъ это уже знаете... Но все же, объясните мнѣ, въ чемъ дурное въ искусствѣ? Если вы усматриваете въ своихъ произведеніяхъ отсутствіе настоящаго морализующаго настроенія, которое величайшимъ путемъ сообщается читателю, если оно одушевляло автора (какъ, напримеръ, это сильно замѣтно у Достоевскаго), то, Боже мой, что можетъ мѣшать ему теперь войти красной ниткой въ общую ткань?.. Или искусство есть раздѣленіе людей, баловство, аристократизмъ, или въ самомъ дѣлѣ собственность есть кража? Какъ и что вы понимаете подъ собственностью? Есть ли она, или ея нѣтъ, т. е. должна и можетъ она быть или не можетъ? Креститель сказалъ: «Кто имѣетъ — иудѣе!» Но не сказалъ: «Не имѣй!» Въ ту минуту, въ минуту общественаго бѣдствія, люди въ страхѣ спрашивали: что дѣлать? Но развитое христіанское чувство могло дальше, оно не можетъ быть спокойно, пока хоть одинъ нуждается. Но отрицаетъ ли оно собственность? Если собственность будетъ опредѣлена? (теперь она не опредѣлена), и можетъ ли вообще быть собственность? Не знаю, на сколько воздуха, вода, земля и моря могутъ быть чьею-либо личною собственностью, какъ это есть теперь на практикѣ, но ясно несомнѣнно, что «Декабристы» и «Война и Миръ» всегда будутъ принадлежать вамъ лично. Положимъ, что вы сами лично невиновны въ томъ, что Богъ далъ вамъ таланты, и, слѣдовательно, гордитесь вами и вообще поднимать носъ не годится, но нѣтъ и всѣмъ миліонамъ вашихъ братьевъ доподлинно извѣстно, что вы были избраны Богомъ для проявленія Его вѣлій, и если вы пролили свой талантъ, работали надъ нимъ, съ пользою и желаніемъ добра употребили его, то вы и имѣете права, т. е. мы ихъ признаемъ. Все равно, отказываетесь вы, или нѣтъ, отъ этой своей, въ настоящемъ смыслѣ, собственности! Если есть собственность, то есть и цѣнность, а слѣдовательно остается только правильно установитъ понятія о собственности. Хорошіе социалисты (а такіе есть, надѣюсь) заняты теперь этимъ вопросомъ. Когда я начиналъ писать, казалось: есть очень опредѣленное желаніе; когда же оно кончается, не знаю, что сказать, а послать все-таки посылаю!

Глубоко уважающій и преданный И. Крамской.

Вы, пожалуй, скажете, что всѣ такіа понятія естественны въ этомъ темереннѣмъ порядкѣ, но въ грядущемъ царствіи это не будетъ имѣть мѣста?..

Я вѣрю и спираюсь вотъ передъ чѣмъ: передъ фактомъ! Если онъ есть, да еще на протяженіи тысячелѣтій, куда не хватаетъ воли самаго мумнаго

гения, те онъ есть но волѣ вышней моеи, следовательно его отбросить нѣтъ основанія. Жаль, что столь интересная матерія помалась на концѣ.

ССОСН. Къ А. С. Суворину.

12-го февраля 1885 г., Спб.

Большое, огромное вамъ спасибо, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, за сегодняшнюю статью о Рѣпинѣ. Вы увидите потомъ, какъ много вы сдѣлали для Передвижной выставки. Когда я вамъ объ этой картинѣ писалъ въ первый разъ, я былъ за это вѣрять отъ вѣроятности услышать о ней такіе отзывы, какіе пришлось слышать въ первый же день открытія. Напримѣръ: «Что это такое? Какъ можно это выставить? Какъ позволять! Вѣдь это царевубійство!» Вамъ дико, вамъ можетъ быть сѣшно, и вы готовы сказать, что подобное усердіе не найдетъ пріята; но какъ много оказывается въ унисонъ мнѣнію! Ничѣй время дикое, и особенно оно дико въ обществѣ.... Но въ обществѣ — бѣда. «Бронзовыя головы» всюду; а такъ какъ ихъ много, очень много, гораздо больше, чѣмъ думаешь, то... конечно неудобно, оглушаютъ своимъ ревомъ, и ничего не поймешь. А потому, спасибо вамъ; вы, такъ сказать, какъ будто предупредили разговоры и съ особой силой ихъ устранили. Ну, и потомъ изъ статьи вашей я замѣтилъ, что картина и на васъ произвела впечатлѣніе, помимо того, что я писалъ. Великимъ вы мнѣ только похвалили, то оно бы сказалося иначе. Ну, словомъ, я очень радъ.... Одаю, что теперь, въ виду возникающей бѣды, вѣдурно поддерживать, это то, что художникъ въ картинѣ своей оправдываетъ отца и убійцу. Мы приближительно это и говоримъ; но, въ случаѣ нужды, аргументъ этотъ можно поставить еще болѣе ребромъ. Сейчасъ получилъ ваше любезное письмо. Какъ вострились! Еще болѣе убеждаюсь, что вы интересуетесь искусствомъ и думаете о нашей бѣдной русской живописи.

Теченіе мыслей отвлечено вашимъ письмомъ. Я не думаю писать отзывъ, или своихъ мнѣній о товарищахъ, когда они дѣлаютъ свое обыденное дѣло, текущее, когда они не возмущаютъ сна и покоя. Напримѣръ: вы упоминаете о Бронниковѣ, вѣроятно потому, что онъ извѣстенъ, но о немъ серьезно давно уже говорить не приходится. Что дѣлать, всѣ мы старѣемся! Когда наша теперешняя выставка составилась, вотъ что я живо и болѣзненно почувствовалъ, и что мнѣ пришло на память неожиданно, негаданно. Это было въ 1860 г. (видите, какъ и кое-что помню). Профессоръ живописи А. Т. Марковъ, однажды, рассматривая въ классѣ живописи этюды, взятыя въ оригиналы за много лѣтъ, долго и внимательно смотрѣлъ одинъ этюдъ теперешняго профессора Академіи В. П. Верещагина, и уходя произнесъ: «Да, ушла школа впередъ!» Это я слышалъ собственными ушами. Я тогда

еще и не писалъ красками, но понималъ все-таки, что у Маркова есть чувство сиравадливости, и что онъ груститъ о томъ... ну, что словомъ его личное дѣло плохо. Есть ли тутъ сходство и аналогія, не къ тому рѣчь, а рѣчь вотъ въ чемъ. Школа дѣйствительно ушла впередъ. Единственно несомнѣннымъ выводомъ. Но въ чемъ? Во 1-хъ, Рѣпинъ, какъ талантъ изъ ряда вонъ, сюда въ расчетъ входить не долженъ, а какъ живописецъ, онъ одинъ изъ первыхъ, которыми открывается новая школа. Во 2-хъ, если вы будете еще на выставкѣ, то рекомендую прогнѣть слѣдующія мои мысли.

Посмотрите В. Маковского маленькія, маленькія картинки. Тамъ есть: «Вавы сидятъ на землѣ» — много ихъ, потомъ есть деревенки съ фигурами, «Пашня» (на возахъ), словомъ штукъ 7. Объ этихъ вещахъ уже можно сказать (не боясь вызвать сѣхъ), что это совершеннѣйшее Месонье. Шутка это? Четыре года тому назадъ у насъ была на выставкѣ одна его картинка; на берегу круда цѣлая семья ловитъ рыбу удочками, и я у васъ въ кабинетѣ сказала, что это уже смахиваетъ на Месонье; въ кабинетѣ была тогда, не мою фамилію, что-то въ родѣ Соколовскаго, такъ онъ такъ недумасмысленно улыбнулся, что мнѣ оставалось замолчать. Послѣ я прочелъ объ этомъ, мнѣ преподанъ былъ урокъ, не называя меня, но такъ какъ насъ было только трое — то понятно, какъ критикъ думалъ о моихъ отзывахъ. Положимъ, у Маковского въ этихъ картинахъ нѣтъ, такъ сказать, содержания, но вѣдь и у Месонье его не Богъ вѣсть какъ часто встрѣчаешь, и главная его слава основана не на глубинѣ содержанія, а на вѣрности солнца, воздуха, изумительной жизненности исполненія неумудрыхъ сюжетовъ. Этихъ французовъ особенно гордятся. Чѣмъ больше картина у Маковского, тѣмъ дѣло хуже, но и тутъ талантъ такъ и тремещетъ. Самая же его великая сила лежитъ въ бытовыхъ картинахъ. Его «Свидѣтели», «Поляники», «Урокъ танцевъ», «Сцена на кладбищѣ» — вотъ гдѣ Маковский наша гордость. Смѣло можно сказать, что въ Европѣ такого художника нѣтъ, да если все сказать, то думается, то и быть не можетъ. Русская живопись также существенно отличается отъ европейской, какъ и литература. Точка зрѣнія нашихъ художниковъ, все равно литераторовъ или живописцевъ, на міръ — тенденціозна по преимуществу. Онъ смотритъ съ добродушной ироніей на маленькихъ людей, выставляетъ все сѣшное, т. е. челоуѣкъ-то, съ котораго художникъ работаетъ, дѣлаетъ свое дѣло серьезно, а художникъ какъ-то такъ уѣбѣтъ распорядиться, что зритель все чувствуетъ: пустяки! Но никогда талантливый художникъ русскій не сжился еще надъ вещами серьезными: рожденіемъ, смертью, любовью. Посмотрите сцену «На кладбищѣ» Маковского, и вы почувствуете глубокое умиленіе. Простые люди разговариваютъ на могилкахъ въ сѣбѣ тайны праздники. Дальше, Маковский въ болѣе чемъ количествѣ, а Прилипикино — въ меньшемъ но

оба обладают изумительным искусством тенденциозную картину схватить нетенденциозно. Все наши большие писатели тенденциозны, и все художники тоже. Разница в большем и меньшем таланте. Обратите внимание на картину Прянишникова «Церковный староста»: в этой картине если есть что, так это чуть-чуть излишек черной краски; но жизнь, типы, интерес — чудесно. Чтобы перейти к пейзажу, надо сказать о «Черном соборе» (Милорадовича) непременно: эта картина глубоко национальна и типична. Конечно, Неврева вещь лучше нарисована, и практичнее написана, но у Неврева пятъ и пошляка о животрепещущей правде. Обратите внимание в «Черном соборе» на лица слушающих, и вы невольно начинаете принимать участие в том, что здесь происходит. Картины этой предать незнающему рисунку и решительное непонимание техники дала. Но ведь и то сказать: Милорадович в первый раз дебютирует (он очень молодой человек), а Неврева старшие меня жить на 10. Между этими Полдинова есть штука 10 превосходных, в специальном смысле, а вообще мы, русские люди, не склонны придавать значения этим вещам; это только Верещагин (знаменитый) сумел заставить взглянуть на эту с той точки зрения, с какой ему хотелось, а потому мимо.

Пейзажи. Собственно пейзажи и теперь не хуже, чем прежде, но кажутся бледнее только потому, что другие роды стали сильнее. Шишкина «Сосновый лес» (недалеко от портрета Жемчужникова) вещь превосходная, «Туманное утро» тоже очень хорошо (а у Шишкина яркости открыты несколько слабее лесных вообще), но так как Шишкин уже 10 лет вперед не дигается, то по нему можно и можно судить, что и насколько переменилось. Брюллова «Утро в Гурзуфе» вещь по-настоящему хорошая. В ней недостает непосредственности, только (только! Да ведь это — все!). Также и Мисюлов. Но у него есть между маленькими — отличные вещи, например: крайняя к окну на правой стене и «Угол двора» № 117. Волкова «Начало зимы», № 25 — вещь отличная во всех отношениях, но дальше и нос-что собираюсь сказать о том, куда «ушла школа», и вещь Волкова возьму еще.

Лучший же пейзаж надобно искать между работами Киселева: вещь небольшая (стоит она в последней зал, не доходя сикъ-таки Жемчужникова), солнечная. Какая-то постройка вдали, и деревца, а поближе фигуры, много фигур. Что касается Мещерского «Зимы» (о другой говорить нехотю), то ведь этакая, как «Зима», можно уже схватить теперь обоим. Но это ничего, что она нам понравилась, она и нам всем нравится, без прома, но только все-таки это обоим. Ведь нравится же нам гравюры с Шопена, и я объясню, почему это не может не нравиться, если смотреть на вещь широко. В таких вещах, как «Зима» Мещерского, взяты только одни

основные массы, тоны и их пропорции, с изумительной математической вѣрностью. Было время, когда этого не знали, и это было великим открытием Калама, и нужно было великим талантом, чтобы извлечь из натуры эти законы, которые обыкновенный глаз, сморивший тысячу лет, не замечал. Но теперь нужно быть лишенным вовсе живого непосредственного чутья натуры и таланта, чтобы сидеть перед натурой и не видеть, что законы эти никогда собственно и не выступают голыми, как у Калама, а всегда замаскированы, и в глаза не бросаются. Не знаю, понятно ли вам, что я пытаюсь сказать. Итак, следовательно, для всех, у кого на искусство взгляды школьные, т. е. те, которые у образованного человека лежат в том виде, в каком были получены в гимназии и университете, а таких миллионы — все, для тех вещи Мещерского должны нравиться, а для тех специалистов, которые ломают себя тем, вещи Мещерского противны. Но между последними есть более спокойные, эти способны оценить иногда высоко Мещерского картины, но ничего не ждут и не интересуются самим автором.

Теперь о горьком личном чувстве — что «школа ушла вперед!» На выставку стоит вещь Водаревского (кажется «Сирота») — большая картина. Посмотрите вот на что (только внимательно), как там написаны деревья, листья, стволы и самая голова и вся фигура. Не смущайтесь, пожалуйста, что там около носа и около губ есть несколько более глубоких впадин, чем нужно: Водаревский не мудрящий рисовальщик и не.... и потому не ищите у него того, чем художник трогает. Я промаш посмотрите на школу, на то, как он пишет. Посмотрите внимательно на голову у Водаревского, перейдите к Харламову, благо есть тут близко его головки итальянские. У Водаревского тело — настоящее тело, в тех условиях, в каких оно находится. Телесной краски нет вовсе, все написано какими-то совершенно новыми, платными непосредственно у натуры тонами, не то коричневыми, не то сировато-розовыми, и на этом налет загар, на тѣх, на волосах, на рукъ скользящий тон неб, на платьи, на бѣлѣ, и ниже, словом, живая действительность. У Харламова же все выдуманно, очень мило, очень красиво, словом, тоже, что у Мещерского. Один смотрит на натуру непосредственно, другой взял на прокат все, и натуру, и краски. Что лучше — не знаю, пожалуй, дело пока вкуса; говорю: пока, до совершеннолетия, а тогда видно будет. Впрочем, и теперь уже видно. Обратите внимание на портрет Елены Стасовой. Посмотрите, ради Бога, какая оригинальность во всем: все лицо сверкает по отклоняющимся плоскостям настоящими живыми тонами, а руны! Отсюда перейдите к портрету моему Л. Г. Г.: «Девушка с норвежской цветовой», и вы ясно увидите, что это только художник притворяется,

что будто бы он написал это на берегах Средиземного моря, среди моря и роз, а из сущности все это сделано в комнатах и в Петербурге, и главное в комнатах; да и то не верно в красках, а так, как, наконец, по рутинѣ выходить. Вот что значить писать 20 лѣтъ для публики. Это не конец. Посмотрите «Ремонтера» Кузнецова. Каковъ гусаръ? Его свине сукно на солици! Каковъ барышникъ, его голова и самъ помѣщикъ; а такъ дальше: свинья, заборъ, ворота! Словами, и земля, и небо. Еще шагъ, и въ русской живописи появится сверкающая краска! Его же «Поле» такъ только теперь начинаютъ писать. Вотъ элементы, которые указываютъ, что колоритъ начинаетъ пробиваться все сильнѣе и сильнѣе.

Ну, а что касается Рѣпина «Ивана Грознаго», то этакой живописи современное искусство въ Европѣ даетъ не много. Какъ это странно: написавъ много, а доказавъ весьма мало, чувствую. Вотъ, еслибы вѣстѣ пройти, я доказала бы больше. Да Волкова-то и забылъ притянуть сюда. Его «Начало зимы» именно тѣмъ и виновато, что начинается отставать: написано на память и въ мастерской. Ну, да это до другого раза.

Преданный вамъ И. Крамской.

О вашемъ портретѣ я много, много думалъ и думаю, и о многихъ и самъ жалѣю. Ну, да коли не умру — дѣло поправлю.

СССХІІІ. Къ нему же.

Сиб., 13-го февраля 1885 г.

Если годно для васъ, многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, все, что я вчера написалъ, я очень радъ. Боюсь только, чтобы вы не придали какому-нибудь значенію моимъ чисто техническимъ возраженіямъ. Это называется только для васъ, и то только, какъ мнѣніе специалиста, съ которыми Боже сохрани знакомиться на мою вину. Это хуже всего. Вы сильны, когда берете общія положенія, одинаковыя для всѣхъ родовъ искусства, и тѣмъ-то статья о Рѣпинѣ и хороша, что она все специальное кипитъ, а между тѣмъ я еще не слышалъ, чтобы кто-либо изъ художниковъ отозвался о статьѣ неодобрительно. Рѣшительно всѣ въ одинъ голосъ говорятъ: «Вотъ это такъ, это дѣло». Намъ именно не нужны ученые критики, которыхъ мы уже такъ много слышали. Что же касается ***, то его мнѣніе (особенно поправка Рѣпинской композиціи и совѣтъ переставить фигуры) указываетъ, что онъ хлебнулъ когда-то изъ спеціального кушнечика, и, несмотря на сиромность и добросовѣстность, онъ все-таки считаетъ свои мнѣнія очень вѣрными... для себя. Притомъ, такъ какъ онъ хлебнулъ

очень немного, то я утверждаю, что онъ знаетъ не то, что нужно. Замѣчаніе, что Иванъ Грозный малъ, кажется вѣрнымъ для людей, знающихъ рисунокъ чуть-чуть, а также и для людей, вовсе не знающихъ рисунка. Первые неспособны убѣдиться, что они ошибаются, вторые же часто исправляютъ свои ошибки безъ труда, если станутъ наблюдать. Какой бы величій человекъ ни былъ, онъ можетъ, при исключительныхъ случаяхъ, съжиться, такъ что въсѣмъ онъ покажется несоразмѣрно малымъ, кромѣ людей, хорошо знающихъ рисунокъ и механику человека. Относительно обязанности искусства: производить усюконительное дѣйствіе, я уже высказался еще тогда, когда рекомендовалъ вамъ поѣхать къ Рѣпину. Я бы сказалъ такъ, что нужно разбирать теперь не мнѣніе, а человека. Это мнѣнью на-выворотъ съ общепринятыми правилами, но такъ какъ теперь всѣ умны и свѣдущи одинаково, то надо винительно осмѣиваться, это говорятъ. Если человекъ оригинально умный, въ иѣкоторомъ родѣ Тяпкинъ-Ляпинъ, его мнѣнія надо принимать къ свѣдѣнію. Впрочемъ, что-жъ это я? Какия прелесть рассказываю! Одно оправданіе—ваша впечатлительность: и такъ говорить, и такъ! И такъ выходить вѣрно, и такъ есть доля правды! Особенно, когда собственное чувство склоняется на чью-либо сторону. Но собственное чувство (что? вотъ вопросъ?) ошибается только тамъ, гдѣ не достасть знакомства съ явленіями рѣдкими; въ остальныхъ же случаяхъ ему надо отдать предпочтеніе.

Великому князю картина Рѣпина понравилась чрезвычайно — онъ былъ пораженъ, что и высказалъ, выходя съ выставки, встрѣтившемуся своему секретарю. Впрочемъ настъ оставить въ покоѣ.

Преданный вамъ И. Крамской.

СССХІV. Къ нему же.

Сиб., 14-го февраля 1885 г.

Въ виду вашей рѣшимости, многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, написать о выставкѣ, я считаю, что я не все вамъ далъ, что долженъ былъ дать. А именно: о «Татьянѣ» Клодта. Во все не потому говорить объ ней необходимо, чтобы она сама по себѣ была замѣчательное, изъ породы творческихъ, художественное произведеніе, а по отношенію къ вопросу о нѣколѣ. Но прежде о ней самой. Картина простая и низкая. Голова не оригинальная и не очень жизненная, но все-таки съ настроеніемъ, и вся фигура вообще симпатичная. Но что всего лучше — это эюта. Казалось бы, трудно на прострѣствѣ по 2, по 3 вершка вокругъ фигуры, показать время, однакожъ онъ сумѣлъ распорядиться, а главное — знать, каковъ именно

вещи были тогда. Эти подзоры на окнах, этот диванъ, наиделябры и т. д., словомъ — немного, но вѣрно и хорошо, и все переносить ко временамъ нашихъ бабунекъ. Но... Но, больше такъ писать нельзя — это очевидно. Именно на немъ и на Шинкинѣ это очевидно. Упрекаютъ и того, и другого въ томъ, что это раскрашенные олеографіи, и что они будто бы копировались въ живописи; вотъ это-то последнее и вѣрно. Отдѣлите картину Шинкина «Сосновый лѣсъ» отъ сосѣдства съ настоящею живописью, и вы увидите, какъ картина выростетъ. Вѣдь какъ мы всѣ, старые живописцы, пишемъ, или по крайней мѣрѣ писали (кстати что теперь даже и мы старѣемся). Напримѣръ Шинкинъ: пишемъ, положимъ, небо, ишемъ, пишемъ — недостало краски домазать уголь, онъ, ничтоже сумяся, беретъ масляна, разбавляетъ краску, и ее хватаетъ докрасить и т. д. Между тѣмъ, въ небесахъ у пейзажистовъ-живописцевъ нѣтъ вершка одного тона, даже въ бѣломъ простомъ небѣ. Потому что, какъ только одна краска идетъ долго, такъ и выходитъ выкрашено, а не написано. И Клодтъ, и Шинкинъ — оба не стали хуже, а только другіе ушли дальше. Но вѣдь есть же что-нибудь, за что они, особенно Шинкинъ, знамениты. Былъ бы! Конечно, до Шинкина въ Россіи были пейзажи выдуманные, такіе, какихъ нигдѣ и никогда не существовало (исключая Щедрина и Лебедева, при Александрѣ I-мъ); этого мало: Шинкинъ остается единственнымъ и до сихъ поръ, какъ знаютъ и рисовальщики дерева вообще, и хвойнаго лѣса въ особенности. Когда Шинкина не будетъ, тогда только поймутъ, что преемникъ ему не скоро сыщется. Одну минуту, лѣтъ 8—10 тому назадъ, Шинкинъ сталъ какъ будто искать краску, да, вѣроятно, привычка думать линиями и формой не легко оставляетъ мозгъ.

Вотъ живописи — фонъ въ картинѣ Рѣпина. Вотъ онъ — оркестръ настоящій. Эта стѣна дѣйствительно молна сурака и какого-то натурального трагизма, который въ природѣ встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ живописцы его замѣчаютъ.

Вамъ Н. Кранской.

Еслибы вы знали — сколько вамъ благодарныхъ за статью о выставкѣ. Забыли: вещь Боголюбова очень хороша, особенно низъ, тѣни, народъ, лошади. Вообще вѣрно. Сурикова «Карнавалъ», такъ называемая на мѣстѣ Прѣточная баталія, была бы можетъ быть неудруной, еслибы у человека (автора) были бы внутри ноты беззаботности, веселья, а главное, умѣнье сдѣлать молодое смѣющееся лицо молодцомъ и смѣющимся. Краски же — колоритъ сильный, не бездарный. Но уже очень подражаетъ Рѣпину, по крайней мѣрѣ, кажется.

Прилагаю при семъ вырѣзку изъ газетки одной — «Петербургской Газеты», помѣщенный 11-го февраля 85, № 40. Прочтите — можетъ быть не худо сказать кое-что въ отдѣлѣ «Среди газетъ». Заподозрѣваніи,

киванія, утвержденіе, что ничего нѣтъ, а смотрите: даже и въ его иваніи что-нибудь и окажется. Но главное все таки въ томъ, что онъ говоритъ въ началѣ. Называется имена, которыя никогда и не были въ числѣ членовъ, никогда и не выставляли своихъ картинъ на передвижной выставкѣ и всегда относились съ недоброжелательствомъ, или, по крайней мѣрѣ, равнодушіемъ. И потомъ, не худо киваніе, что кто-то хранитъ ревниво этюды Подъякова подъ замками (а онъ видакъ), тогда какъ они только утромъ въ воскресенье, въ день открытія, пришли изъ Москвы. Да и насчетъ иностранцевъ не худо. Словомъ, за плечу не ругался, а горячо будетъ! И кто это ластъ? Очевидно, близко знающій кого-либо изъ міра художниковъ.

Какъ жаль Аксанова, какъ жаль! Во всякомъ случаѣ, это единственный авторитетный голосъ, неумитно высказывавшій правду сильными міра сего.

СССХV. Къ неизвѣстному *).

16-го февраля 1886 г.

Вчера *** выразилъ свое мнѣніе о картинѣ Рѣпина, и тѣмъ подыалъ вопросъ о значеніи этой картины.

Прому вамъ — ство меня великодушно простить, что я позволяю себѣ утруждать васъ прочтеніемъ нижеприведеннаго личнаго моего мнѣнія.

Буду говорить коротко и рѣзко.

Царь убилъ своего сына. Фактъ историческій. Можно ли показывать такую картину народу? И да, и нѣтъ. Да — когда въ картинѣ все сказано, что истинчески за поступкомъ слѣдуетъ. Нѣтъ — когда картина односторонняя. Картина Рѣпина односторонняя. Подробности событія можно прочесть всякій грамотный въ Русской исторіи. Но это вовсе не то, что картина. Картину убійства, даже будь она изображена вѣрно исторически, нельзя показывать, если въ ней нѣтъ чего-то, чего въ исторіи могло и не быть, а именно: выводу, дѣла.

Говорятъ: «ужасно!» Убийство всегда ужасно. Но нѣкоторая часть преступленій совершается и потому еще, что убійцы въ спокойномъ и нормальномъ теченіи своей жизни ищутъ мало зла, въ получить ясное предствленіе о фактѣ. Я чувствую, что это объясненіе можетъ показаться шаткимъ, лекарство вѣскольکو фалгастическимъ. Но вамъ — ство, я слишкомъ глубоко люблю искусство, слишкомъ дорожу его высокимъ воспитательнымъ значеніемъ, чтобы легкомысленно относиться съ одобреніемъ къ

*) Съ чернилаго отгуска.

картинам направо и налево. Кроме того, я слишком различаю по своим художественным инстинктам от Рёбина, — и, не смотря на то, я утверждаю, что его картина, в концѣ концов, имѣетъ честное воспитательное значеніе. Въ чемъ очевидная тенденція картины? Ужасъ послѣдняго градуса отня, и параллельно — краткое любовное чувство сына. Иначе картину никто не прочелъ, иначе и прочесть ее нельзя. Чтѣ же тутъ дурного?.. Говорятъ, погрѣшность противъ эстетики? Извините, но это послѣднее мнѣе уважительно, нежели то рѣшеніе, которое даетъ Рёбину своей картиной. Не знаете, кого больше жаль въ картинѣ. По рѣшенію Рёбина, этотъ Иванъ Грозный, это ужасное психологическое существо становится мнѣ близкимъ, дорогимъ, и я все прощаю, прощаю все; для меня очевидно, что послѣ этой картины — число преступленій должно уменьшиться, а не увеличиться, потому что, кто разъ видѣлъ, въ такой высокой Шекспировской правдѣ — кровавое событіе, тотъ застрахованъ отъ пробужденія въ человѣкѣ злорадіе...

Съ глубокой почтительностью и совершенною преданностью мнѣю честь быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Н. Крамской.

СССХVI. Къ А. С. Суворову.

16-го февраля 1885 г.

Подписываясь съ удовольствіемъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, обнимаю руками подъ вашей статьей. Это хорошо и вѣрно.

Поправки же, которыя я могу предложить, заключаются только въ вѣсѣ. У васъ сказано: «Первоначальные итальянскіе художники писали нѣсколькими красками. Шли поколѣнія и явились яркій блестящій колоритъ венеціанцевъ». Слово «нѣсколькими» употреблять нельзя, потому что колоритность не зависитъ отъ большаго или меньшаго количества красокъ; можно имѣть на палитрѣ всѣ краски, какія есть, и писать одно-тонно; и обратно, немногими красками можно получить множество разнообразныхъ нюансовъ, все равно какъ въ математикѣ, въ перестановкѣ цифръ. Чтобы было безспорно, надо сказать просто: «однотонно», и «шли поколѣнія, прежде чѣмъ» и т. д.

Передъ именемъ Кунджи, мнѣ кажется, надобно осторожно и точно сказать: что у насъ изъ Россіи, въ отдалѣ небажа, до Кунджи никто не былъ такъ чувствителенъ къ весьма тонкой разницѣ близкимъ между собою тоновъ, и, кроме того, никто не различалъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, какіе цвѣта дополняютъ и усиливаютъ другъ друга.

«Влагодаря этой способности, зеркальность воды у него доходила до

обмана и лунный свѣтъ до очарованія. Отъ это нашеть» и т. д..., какъ у васъ.

Вотъ и все. Превосходно, вѣрно, хорошо. Увѣряю васъ, что такъ еще никто у васъ не говорилъ о живописи. Это вы увидите и услышите.

Вашъ Н. Крамской.

СССХVII. Къ нему же.

16-го февраля 1885 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Невѣрное или не совсѣмъ точное сравненіе, разумеется, не хорошо, и даетъ много поводовъ къ возраженіямъ, но неточное сравненіе — преступленіе вовсе неважное, сравнительно съ предвзятымъ и зазѣдно нагѣреннымъ нежеланіемъ отнестись къ вопросу безпристрастно. Достаточно одного имени Григорянца, чтобы понять, что ему именно статьи ваши не понравились, и почему.

Но это не важно, и весьма мало интересно. Важно уметь возразить и отвѣтить по существу. Я изложу здѣсь, что художники разумеютъ подъ извѣстными терминами (да и то не все; и у нихъ бываютъ безконечные споры), для того, чтобы вамъ было удобнѣе переводить на литературный языкъ. Повторяю чрезвычайно удачную параллель.

Колоритъ въ тѣсномъ смыслѣ — это то, что вы говорите о крышѣ, покрытой снѣгомъ.

Колоритъ, въ болѣе обширномъ смыслѣ — общая гармонія цѣлаго полотна, гармонія не выдуманная, а отицавшая законанъ сочетанія дополнительныхъ цвѣтовъ. Но колоритомъ называютъ иногда также и способность подбирать цвѣта, какъ букетъ (Маковский, Константинычъ) — это низшая степенъ чувства колорита. Чаше всего слово «колоритъ» Д. В. Григорянцъ употребляетъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. Онъ полагаетъ, что Маковский припродженный колористъ; по общепринятому же мнѣнію художниковъ, Маковский — красоченъ.

Художникъ-колористъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, будетъ тотъ человѣкъ, который находитъ на палитрѣ именно тотъ тонъ и цвѣтъ, какой въ дѣйствительности есть, или какой онъ большому числу людей кажется. Объективный колоритъ также рѣдко встрѣчается, какъ и безпристрастіе. Подъ тономъ въ живописи разумеютъ или цвѣтность, или силу (т. е. пропорціональное отношеніе свѣта къ тѣлотонамъ и тѣнямъ); чаще же всего модъ тональностью подразумѣваютъ и то, и другое вмѣстѣ.

Рисунокъ въ тѣсномъ смыслѣ — черта, линия, вѣщенный абрисъ; въ настоящемъ же смыслѣ это есть не только граница, но и та мѣра скульптурной лѣпки формъ, которая отвѣчаетъ дѣйствительности. Слишкомъ

углубленные впадины, или излишне выдвинутая возвышенности суть погрешности противъ рисунка. Совершеннѣйшій рисунокъ будетъ тотъ, въ которомъ плоскости и уклоненія формъ вѣрно поставлены другъ къ другу, и величайшій рисовальщикъ будетъ тотъ, кто особенность всякой формы передаетъ столь полно, что знакомый предметъ узнается весь по одной части. Рисунокъ чаще достигаетъ объективности, нежели красна.

И, наконецъ, сочиненіе, композиція.

Слово композиція—слово бессмысленное въ настоящее время. Композиція именно нельзя и не должно учить, и даже нельзя научиться до тѣхъ поръ, пока художникъ не научится наблюдать, и самъ замѣчать интересное и важное. Съ этого только момента начинается для него возможность выраженія, подмѣченного по существу; и когда онъ пойметъ, гдѣ узелъ идеи, тогда ему остается формулировать, и композиція является сама собою, фатально и неизбѣжно, именно такою, а не другою. Словомъ, въ этой послѣдней части, произволь менѣе всего терминъ въ настоящее время. Теперь—есть ли правда въ нашемъ сравненіи колорита въ живописи со слогомъ въ литературѣ? Безспорно есть, и огромная. Но какъ всякое сравненіе, оно кое-гдѣ и не совпадаетъ. Оговоривъ кое что, можно было продолжать въ начатомъ тонѣ. Я желалъ бы знать, синовитъ ли въ литературѣ слова: слогъ и стиль? Они часто употребляются какъ однозначущіе, и вы сами въ письмѣ (настоящемъ) ихъ употребили въ этомъ же смыслѣ, и между тѣмъ мнѣ кажется, они не совсѣмъ однозначущіе. Стиль (неро) есть манера выражаться; слогъ же, включая въ себя манеру, обнимаетъ и общій характеръ мыслей автора о вѣншихъ мірѣ. Это, стало быть, и будетъ то самое, чѣмъ полотно останавливаетъ на себѣ глазъ зрителя прежде всего, прежде, чѣмъ человѣкъ успеетъ, такъ сказать, опоничиться. То, что я сказалъ, разъясняетъ ли вамъ что-нибудь въ занимающей васъ вопросъ? Вы видите, что я не слѣдую Вагнеру, и не беру подобій изъ области литературы параллелью съ живописью: это вы лучше моего сдѣлаете, когда отдадите себѣ ясный отчетъ, что именно извѣстное слово выражаетъ.

То же, что вами статьи имѣютъ вредное вліяніе и на самихъ художниковъ, есть не болѣе, какъ приливъ къ главной вѣсѣ, о вредномъ вліяніи статей на учениковъ Академіи. Это я уже слышалъ. Тамъ такъ больно почувствовали ударъ (о лекціяхъ профессоромъ передъ картинами на передвижной выставкѣ), что идетъ буря. По крайней мѣрѣ—возмущаются.

Всѣ, кромѣ Григоровича, вамъ говорятъ, что колоритъ нельзя угодить слогот? Хорошо, поправьте для нихъ, приослабните рисунокъ, но которому, какъ по кавъ-узоры, наложены тоны и краски. Рисунокъ, такъ сказать, никто не видитъ (это скрытый факторъ), а вѣншность картины—всѣ. Слово «техника» тутъ ничего не можетъ, потому что это есть только

манипуляція. Слово же «колоритъ»—помогаетъ. Особенно, если колоритъ взять въ смыслѣ общей гармоніи и эффекта, дѣствующихъ на глазъ. Мы теперь исправляемся, пока, въ лѣтнемъ колоритѣ, но это ступень къ общему. Поправка полезна для успокоенія огромнаго числа чистосердечныхъ и совѣстныхъ тупицъ, но она, конечно, излишня для лицейцевъ, какъ знаете.

Уважающій васъ И. Крамской.

СССХVIII. Къ нему же.

С.-Петербургъ, 18-го февраля 1885 года.

Сейчасъ, послѣ отправления къ вамъ письма, имѣлъ разговоръ съ Брюловымъ, Мясоедовымъ, Куняжскимъ, Лемохомъ и многими другими. Шла рѣчь о томъ, хорошо ли вы сдѣлали, проведя параллель, и сравняя слогъ съ колоритомъ, и вообще, удачная ли это параллель или нѣтъ? Рѣшительно всѣ находили это сравненіе удачнымъ. Несогласные съ этимъ литераторы обвиняютъ въ этомъ, конечно, односторонность художниковъ, какъ, въ свою очередь, и художники могутъ отнестись раздраженно на счетъ ихъ односторонности. Но сущность разговора нашего заключалась въ слѣдующемъ. Говорить съ точки зрѣнія художественнаго критика, какъ такового, и употребить это сравненіе, будетъ лишнее, потому что всякая область искусства, кромѣ главныхъ общихъ положеній и законовъ творчества, одинаковыхъ для всѣхъ родовъ, въ своихъ деталяхъ будетъ по существу различна. И потому, говоря о живописи, нельзя брать терминъ изъ другой области, потому что каждая область богата своими.

Но съ точки зрѣнія литератора на живописи, точки зрѣнія для насъ чрезвычайно интересной и поучительной, удобовѣрное, сдѣланное вами, не только удачно, но и помогаетъ болѣе вѣрному пониманію общихъ сторонъ. Затѣмъ, было высказано тутъ же опасеніе, что какъ бы вы не ослабили дальнѣе значительность содержанія своихъ статей повтореніями и поправками (это говорилъ Куняжскій, который находилъ, что «послѣ первой статьи о Рѣвнѣ» возвращаться къ нему не слѣдовало. Тамъ какъ вторая написана, очевидно, уже послѣ разговора съ кѣмъ-то, который «оказался съ вами не согласнымъ»). Прозорливая мысль!).

Раздѣляя, до извѣстной степени, его мнѣнія, и я хотѣлъ послать сіе, авось и это пригодится. Возраженія, оправданія и разъясненія можно сдѣлать и послѣ всего, если число печатныхъ возраженій будетъ того стоить, а убѣждать печатными разъясненіями тѣхъ, кто говоритъ только съ вами, опасно. Возраженіи и не согласные всегда имѣютъ возможность исчезнуть какъ дымъ, и вы ихъ не достаете. Вамъ И. Крамской.

СССХІХ. Къ нему же.

19-го февраля 1885 г., Сиб.

То, что вы сегодня написали объ историческихъ картинахъ, уважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, рѣшительно прекрасно, и намъ, художникамъ, необходимо. Я положительно оказываюсь правъ, желая, чтобъ писали не присяжные критики, если ихъ нѣтъ. Это чудесно! Вотъ онъ разборъ идей, безъ вторженія въ область узкой специальности. Объ этомъ уже было довольно на сказано; — различія тамъ прозрачности воздуха, легкость кисти, и т. д., и т. д., словомъ, ченуху и мы умѣемъ городить, а вотъ вывернуть наизусть человѣческую намыщенность, показать до очевидности глупость сочиненія, развязать уму руки и потребовать отъ него, чтобы онъ не морочилъ людей — вотъ это хорошо. Спасибо вамъ, что за прелесть разборъ картины Неврева, Литовченко, Милорадовича и Янова. Милорадовичъ молодъ, и не безъ таланта (хотя его талантъ и безъ тонкости), ему это послужитъ въ прокъ. Янова одна могла испугать, хотя и онъ молодъ — но виновать тѣмъ, что..., а остальное очень поучительно для всѣхъ художниковъ, и то, что о немъ сказано, очень наматываетъ себѣ на усь всѣ художники. И какъ, въ сущности, оказывается легко (для челоѣка, смекающаго, что такое творчество, и что такое идеи) разобрать критически драму, картину, игру актера... Положительно и правъ, и потому лую. Только не спускайте тонъ, не влийте нереда знакомымъ нменемъ: убѣдью насъ, хорошо будетъ, и поучительно.

Уважающій васъ Н. Крамской.

Видѣлъ я и мейнвингскую труппу; и видѣлъ «Цезаря» въ послѣдній разъ, и радъ, что удалось достать билетъ. Вотъ доказательство того, что тема должна быть сама по себѣ поразительна и имѣть общій смѣсль, а не отдѣльныя роли, а также указаніе на возможность обходиться безъ солистовъ, которые такъ привыкли къ болѣе яркому освѣщенію своей особы, что часто въращается смѣсль нѣсемъ, благодаря имъ. Что это за восторгъ сцена форума! Эти рѣчи, особенно Марка Антонія! Какъ поразительно дѣйствуютъ настаніе народнаго волненія; и какъ очевидно становится изъ пьесы, что дѣло Юлія Цезаря было дѣломъ прогрессивное, а этихъ республиканцевъ — негодное, хотя они и употребляли съ большимъ чувствомъ, искрення, слова: «отечество, Римъ, народъ»... Итъ, дѣло Цезаря было дѣломъ дѣйствительно народа, и на его сторонѣ исторія. А вѣдь какъ скверно играютъ актеры въ сущности, даже Варман! А въ результатѣ художественнаго наслажденія самаго высокаго порядка! Точно у Господа Бога въ исторіи... Хорошо сыграть отдѣльное лицо, или дурно, это не нѣмаетъ общаго впечатлѣнія исторіи. Чудесно! Хотѣлось бы еще, да выходить по

нечего опасна. Камель усиливается. Интересно, будетъ ли это событие имѣть вліяніе на ходъ постановки пьесъ на нашихъ сценахъ? А какъ вы думаете, можно ли, даже при желаніи, безъ особо талантливаго режиссера, достигнуть такихъ же результатовъ?

Какая гадость напечатала, кажется вчера, въ «Минутѣ». Говорить, что Рѣшнъ упралъ сюжетъ у какого-то... вы думаете: художника? Нѣтъ, у студента! И этотъ студентъ теперь объ этомъ заявляетъ. Чортъ знаетъ, что такое!

СССХХ. Къ нему же.

20-го февраля 1885 г., Сиб.

Какія вы интересныя вещи говорите, Алексѣй Сергѣевичъ, и какіе жгучіе вопросы для художника поднимаете, еслибы вы знали! Вѣдь я хочу я писать вамъ спасибо, и почему я сказалъ: не спускайте тона? Я сказалъ это потому, что обрадовался, встрѣтивъ въ первый разъ рѣчь, обращенную къ художнику, какъ къ взрослому: «Что это ты, милый челоѣкъ, дѣлаешь ксилатину вмѣсто Никона? Эдакъ не годится. Пачкать не полагается. Или, коли ты глупъ, сиди смирно и не смущай людей». Вѣдь вы же удостоили Неврева, отдавъ ему похвалу, что онъ взялъ, или утѣлъ взять, сюжетъ; и будетъ съ него. Но, что до сихъ поръ сходило за историческую живопись! Это ужасъ! Жаль, что вы не знаете исторіи русской живописи, не то бы вы еще сказали. Давно пора съ русскими художниками повести рѣчь о томъ, что искусство не бѣловство. Запѣчатаетъ, что я самъ же напирался на критику, тогда какъ въ прошломъ году, нослъ статьи Вулганова, жаловался на высоконѣрный тонъ. Но тамъ было, кромѣ высоконѣрія, еще и вранье. Напримеръ, общій обзоръ сводился къ тому, что картины задворковъ съ курами и пѣтухами преобладаютъ! Тогда какъ, вотъ вамъ Христофъ, ни одного пѣтуха и ни одной курицы даже и на выставкѣ не было!

Это вы вѣрно замѣтили, что у Рѣшннн есть что-то родственное съ Рембрандтомъ. Пріятно было также узнать, что вы были въ Эрмитажѣ. Вы удивляетесь, куда дѣвалась эта удивительная живопись? Я вотъ тоже всю жизнь стою дуракомъ передъ этой живописью и тоже вопрошаю! Это очень жгучее и большое чувство. Ужасно обидно, что мало того, что далеко, а хуже — дорожка туда совсѣмъ потеряна. Далеко, далеко еще до зрѣлости. Конечно, и наша зрѣлость наступитъ въ свое время. Ну, вотъ я и порадовался въ этомъ году. Вѣдь я же писалъ вамъ о Рѣшннѣ (въ первый разъ), что русское искусство въ немъ, и то въ этой картинѣ, созрѣваетъ. Это не болѣе того, какъ нервы зрѣлый плодъ.

Къ старой живописи воротиться рѣшительно невозможно. Почему невозможно? Должно быть потому же, почему молодость бываетъ только однажды, почему невинность, потерянная разъ, не восстанавливается. Но вѣдь Господь Богъ устроилъ такъ, что кромя благоухающей поэзіи есть, и остается всю жизнь, мысль, чувство, благородные порывы и негодование къ злу. Ну, что же, удовольствуемся этикъ. Ничь бы не терялъ художникъ чутья.

Что касается напечатанныхъ нами сюжетовъ изъ исторіи, борьбы двухъ началъ и деспотій, то это очень вѣрно и хорошо, только это еще далеко. Скажите, много людей въ образованномъ русскомъ обществѣ, которые бы имѣли ясное представление о смыслѣ совершавшихся событій въ до-Петровской Руси? Если много, на каждомъ шагу — то близко время историческихъ картинъ, въ томъ смыслѣ, какъ вы пишете; а если ихъ немного, то..... «пождать надо!» Придется довольствоваться спорадическими явлениями. Прескверности, традиціи и начала еще нѣтъ. Только въ одной области живописи было нѣкоторое ея подобіе (говорю: было, увидите почему). Федотовъ, Перовъ, Маковский Владиміръ и..... больше нѣтъ, да, кажется, и не будетъ. Почему? Да потому, что Академія имѣетъ гораздо большее влияние на русское искусство, чѣмъ думаютъ. Федотовъ явился отраженіемъ литературы Гоголя^{*)}, былъ явленіемъ наивнымъ, неопытнымъ и единымъ. Въ то время изъ официального міра никто не давалъ значенія этому явленію; когда же Федотовъ сталъ слишкомъ живо интересоваться, настолько живо, что сталъ угрожать чистотѣ стили, отъ него была отнята поддержка, на него возстали, и онъ былъ раздавленъ. Перовъ проскользнулъ по недоразумѣнію, имѣлъ правительственную поддержку тоже по ошибкѣ, и только Маковский (В.) удержался еще, и держится до сихъ поръ, благодаря тому, что два предшественника укатали дорогу до извѣстной степени. Да и потому еще, что онъ мимовольно возве Академію. Но ужъ теперь шабамъ — въ школу не можетъ выйти ни одинъ наблюдатель жизни, его охолостятъ еще при посвященіи. Такъ что, къ тому времени, когда человѣкъ обыкновенно созрѣваетъ, такъ къ 30-ти годамъ, у него и признаковъ живого отношенія къ действительности не останется. Ну, да это старая пѣсня! А поповѣе вотъ въ чемъ заключается: въ томъ, что направленіе Федотова, Перова и Маковского, въ значительной мѣрѣ не живописное, а литературное. Художники же (говоря вообще) развиваются умственно, и развиваются въ художественности. Этого, положимъ, еще на дѣлѣ не видно, но надо ждать средѣ, чтобы со-

гласиться съ этикъ. Теперь каждый молодой и талантливый художникъ, во 1-хъ, старается поскорѣ отдѣлаться отъ Академіи, и начинаетъ уже ломать себѣ голову, который изъ сюжетовъ можетъ быть истерманъ живописью, и который нѣтъ? Разъ толчекъ данъ, очевидно поворотъ близокъ. Вы, быть можетъ, замѣтили на выставкѣ у насъ картину Костанди: «Въ люди» — деревенская дѣвка ѣдетъ въ вагонѣ 3-го класса и смотритъ въ раскрытое окно. Объ этой картинкѣ можно говорить по многимъ причинамъ: во 1-хъ, написана она удивительно колоритно, въ смыслѣ вѣрности красокъ, и потѣжъ — мотивъ довольно тонкій. Въ немъ есть національная черта: литературно-художественность, но въ такой безобидной для обидѣ стороны пропорціи, что можно было бы эту вещь назвать картиной, будь тамъיותר рисункъ головы, а главное, еслибы типъ былъ бы изъ тѣхъ, которыми можно называть задумчивость о будущемъ; а то она ужъ очень Афинька или Акулина.

Нѣтъ спора, въ жизни и съ такимъ носомъ можно глубоко чувствовать и задумываться, но для картинъ — подозрительно. А написана прекрасно. Сѣсть въ окнахъ до облака, сѣрые тоны вагона легки, синія рубашка — прекрасно!

Если вы познакомились съ Рѣпиннымъ, приобретите его подвигивать въ пользу Никона, Филиппа, Грознаго и т. д. Насколько я его знаю, у него (кажется) нѣтъ определенныхъ воззрѣній. А, впрочемъ, что скажете будущее? У меня, лично, много разъ вертѣлся въ головѣ тенденціонный сюжетъ (но моему). Это, когда Филиппъ въ соборѣ говоритъ Ивану съ опричниками: «Попелъ вонъ, не дамъ тебѣ креста цѣловать! Ты весь въ крови!» Это Грозному-то! И напелъ же случай, когда возвысится голосъ, при народѣ..... Ну, конечно, ему потомъ досталось, но это былъ положительно гражданскій подвигъ. Гдѣ хотѣлъ писать картину «Алексѣй Михайловичъ извиняется за Грознаго передъ модами Филиппа и кланяется за себя, что будетъ нелюдскимъ». И когда онъ, будучи въ Москвѣ, былъ въ разницѣ Успенскаго собора, и разговаривалъ съ монахами о сюжетѣ, то они его облобызали!..... Можно подумать, что они Никона помнятъ! Но всѣ такіе моменты только экскурсіи въ область курьезовъ, а не возращеніе долой.

Про себя могу сказать, что я мало или вовсе не занимался этики сюжетами, но понимать, очень хорошо понимаю ихъ интересъ и значеніе.

Преданный вамъ И. Крамской.

*) И. Н. Крамскому было, повидимому, неизвѣстенъ тотъ фактъ, что Федотовъ не любилъ Гоголя, и даже мало зналъ его.
Ред.

СССХХІ. Къ нему же.

Сиб., 21-го февраля 1885 г.

Чѣмъ дальше читаю, уважаемый Алексій Сергѣевичъ, тѣмъ лучше. О Клодѣ и его Татьянѣ—неожиданно хорошо. И какой же я дуракъ, что повѣрилъ на одну минуту, что вы будто бы въ затрудненіи нослѣ разговора съ Д. В. Григоровичемъ! Но въ нѣскѣлкихъ намѣтъ стояло одно слово: «Помогите». Ничего не нужно помогать, вотъ именно это-то и нужно художникамъ, что вы пишете. Еще ни разу съ художниками не говорили такимъ тономъ и съ такой точки зрѣнія. Вы признали за художникомъ права на творчество, въ такой же мѣрѣ, какъ и за писателемъ, и отсюда неистощимыя нослѣдствія. Художественные же критики критиковали самый холстъ, да еще высококѣрно. Вы разбираете идеи художника, его голову—вотъ что важно и, повторю, нужно.

Вашъ И. Крамской.

СССХХІІ. Къ нему же.

Сиб., 26-го февраля 1885 г.

Если обо мнѣ вы отозвались, уважаемый Алексій Сергѣевичъ, какъ и о прочихъ, безпристрастно, то мнѣ остается только радоваться за общій результатъ. Статьи ваши дѣйствуютъ, какъ хорошей, освѣжающей душѣ, какъ на тѣхъ, кому, что говорится, досталось, такъ и на тѣхъ, кого погладили по головкѣ. Не распространяясь о нослѣдней статьѣ, какъ меня касающейся, я все-таки считаю нужнымъ оговорить то, что у васъ или не вылилось какъ слѣдуетъ, или, быть можетъ, въ этой области вы не все разобрали. Я говорю о тенденціозности въ искусствѣ. Можетъ быть, тутъ надо взять другое слово, но вотъ гдѣ нунтъ нашихъ разногласій. Я говорю, что русское искусство тенденціозно; при этомъ я разумѣю слѣдующее отношеніе художника къ дѣйствительности. Художникъ, какъ гражданинъ и человѣкъ, кромѣ того, что онъ художникъ, принадлежитъ извѣстному времени, неумѣнно что-нибудь любить и что-нибудь ненавидѣть. Предполагается, что онъ любитъ то, что достойно, и ненавидѣтъ то, что того заслуживаетъ. Любовь и ненависть не суть логическіе выводы, а чувства. Ему остается быть только искреннимъ, чтобы быть тенденціознымъ. Затѣмъ, русскій художникъ, всакий разъ, когда ему приходится формулировать свою любовь, или ненависть, не лжеть, на форму: онъ до сихъ поръ всегда умѣлъ быть объективнымъ въ этой области. Если же форма иногда не удовлетворяетъ, то вовсе не изъ тенденціозности, а потому просто, что художникъ не складывается, и только. Мнѣ не совсѣмъ нра-

вится, что вы взяли слово «отдохновеніе», говоря о роли искусства среди каторжной современной жизни. Искусство имѣть самостоятельную роль, и канона бы ни была современная жизнь, каторжная или нѣтъ, задачи искусства могутъ и не совпадать съ успокоеніемъ. Несомнѣнно, впрочемъ, что творческое искусство (канона бы его самостоятельная роль ни была и что бы я ему ни называлъ) должно обладать силой гармонично настраивать человѣка. Если этого качества въ искусствѣ нѣтъ, оно, несомнѣнно, дурно исполняетъ свою задачу.

Чтобы освѣтить окончательно мое главное положеніе въ философіи искусства, я долженъ сказать, что искусство гренотъ было тенденціозно, но-ному. И когда оно было тенденціозно, оно шло въ гору; когда же оно перестало руководиться высшими мотивами религіи, оно, сохраняя высокую форму еще нѣкоторое время, быстро выродилось въ забаву, роскошное украшеніе, а затѣмъ не замедлило сдѣлаться манернымъ, и умереть. Тотъ-въ-тотъ то же повторилось и во времена Возрожденія въ Италіи, и позднѣе, въ Нидерландахъ. Но это весьма длинная матерія. Я только этихъ поясняю, что я разумѣю подъ тенденціозностью.

О портретахъ же тенденціозныхъ я, признаюсь, вовсе не слышалъ, и вы правы (спасибо вамъ), говоря, что то, что кажется тенденціознымъ, есть только неудачное. Два слова вотъ о чемъ. Я все настаиваю на необходимости тенденціи въ искусствѣ, какъ я ее понимаю. Но вотъ мое горе—и я долженъ сказать, горе всего современного искусства: бѣ мнѣ чего искусство должно дѣлать (т. е. обязано) поднимать? Что за идеаль, къ которому необходимо стремиться? Есть ли у современного человѣка этотъ идеаль, который бы для него былъ столь же святъ, какъ Богъ для Давида? И не потому ли хочется что-нибудь найти ласковое въ искусствѣ, что родной матери нѣтъ, нѣтъ того Бога, около котораго могла бы собираться семья? Нѣтъ той нѣсни, при звукахъ которой забывались бы восторгомъ всѣ сердца слушателей. О да, трудно теперь художнику! Клянусь, не легче и ему противъ тѣхъ, у кого ежедневная каторжная работа нервовъ, поэга и мускуловъ.

Преданный и уважающій васъ И. Крамской.

СССХХІІІ. Къ нему же.

Сиб., 27-го февраля 1885 г.

Я не писалъ, уважаемый Алексій Сергѣевичъ, о статьяхъ вашихъ, касающихся портретовъ, потому, что послѣ первой—о тенденціозности, нечего было сказать, а такъ сказать «подождалъ было надо»; нослѣ же вчерашняго немедленно написалъ, и вы, вѣроятно, получили уже мое довольно подробное изсказаніе.

Послѣ сегодняшняго вашего письма, гдѣ вы упоминаете о женскомъ портретѣ, маленькомъ, я, еслибы меня спрашивали, указалъ бы на портретъ, о которомъ никто не заикается. Это портретъ молодого Кларка. Изъ этого можно судить: насколько отдастъ отчетъ самъ себѣ художникъ. И въ то же время ошибается, быть можетъ. По-моему, это самая простая и правдивая голова. Конечно, портретъ Толстого разительнѣе, и еслибы вы его видѣли хотя разъ, то вамъ бы было даже съжиться; притомъ онъ изъятъ энергично, и написанъ скоро, съ отчетомъ, такъ сказать—если выкинуть въ технику: это, конечно, и подкупаетъ. Но портретъ молодого человека до того труденъ, фазіономъ такая тонкая, что съ наслоу ничего не схватываешь. И потому мнѣ самому этотъ портретъ дороже всякихъ остальныхъ. Конечно, женская голова тоже трудная вещь, но если взять результатъ, окажется, что именно на этой головѣ критикъ долженъ бы былъ остановиться.

Но все это не важно, въ сущности. Человекъ умереть, дѣла останутся, послѣ разберутъ. Много, очень много въ успѣхѣ художественномъ играетъ роли матеріалъ, изъ котораго художникъ свободно избираетъ. Въ статьѣ о портретѣ то хорошо, что вы поставили это дѣло въ рядъ самыхъ трудныхъ въ искусствѣ. Говоря о Татьянѣ, вы очень тонко замѣтили, что Клодту стоило взять какую-нибудь сцену, чтобы вышла вещь болѣе интересная, а то написать портретъ гораздо труднѣе, чѣмъ молчаливать. Это очень вѣрно. И я не думаю, чтобы я, какъ глупый куликъ, свое болото хвалилъ бы потому, что оно свое.

Выставка закроется 17-го марта. Буду надеяться, что вы не очень серьезно захворали.

И кто это вамъ сообщаетъ такіе негнѣности о цѣнахъ за картины художниковъ? Мецкерскій продаетъ свой пейзажъ за 1,500 р., а Волковъ «Первозимье» за цѣну нѣсколько вышше. Сначала онъ хотѣлъ 2,000, но такъ какъ долго и упорно торговались, то онъ и уступилъ, сколько—не знаю, но уступилъ.

Мецкерскій, положимъ, очень много ищетъ картинъ и продаетъ; его любятъ публики, ну, а Волковъ только разъ въ годъ и продаетъ. Если продать за 5 тысячъ, то и слава Богу! Живи до слѣдующей выставки. Вообще, я вижу, досужихъ людей очень много на свѣтѣ!

А что, не надобно еще вамъ писать о выставкѣ? Мнѣ кажется, что вы и сами не ожидали, что такъ разгорется!

Уважающій и преданный И. Крамской.

Спб., 27-го февраля 1885 г.

Алексѣй Сергѣевичъ. Вы какъ бы съ недовѣріемъ ставите вопросы: правда ли, что художники интересуются тѣмъ, что вы ищете? Ну, знаете, я не думаю, что вы до такой степени далеки вообще отъ этого міра. Да и теперь пока не думаю, не смотря на нѣкоторые наивности, наприимѣръ божья «всей мысли». Это очень характерно. Да когда же вся мысль не нужна? Удивительно, до чего вѣрно было написано у васъ въ фельетонѣ «О бронзовыхъ головахъ». Вы уже во 2-й разъ говорите о томъ, что и я, какъ и вы, самоучка во многомъ (это скромно: я думаю, что я самоучка во всемъ, кромѣ грамотности), и говорите, что я войму васъ и то затруднение, въ которомъ вы очутились, заговоривъ храбро о живописи; что въ незнакомой области приходится ходить ощупью, и бояться всей мысли. И потому эти споры, очевидно направляющіе на васъ со всѣхъ сторонъ, это-то и есть напоръ (смыслъ говорю) «бронзовыхъ головъ». Куда отъ нихъ дѣваться? Неполное знание нехорошо, и даже, говорить, опасно. Можетъ быть, даже навѣрно. Но отнеситесь непосредственного чувства ко сто разъ хуже; мало того, это конь — это бронзовая голова! Она все знаетъ, она знакома со всѣми теоріями и теченіями въ каной либо специальности... Напримѣръ Чайковъ? Вы конечно его знаете, но знаете ли его сущности? Онъ занимался специально живописью, слушалъ въ Парижѣ Тэна, онъ знаетъ все, и что значитъ композиція, и кто въ ней какія усовершенствованія сдѣлалъ, и кто и когда, и гдѣ именно были настоящими выразителями задачъ живописи, ну, словомъ — мнѣ въ его присутствіи страшно; потому что я (ей-Богу) многого не знаю:—напримѣръ, какіе художники принадлежать школѣ болонской и какіе флорентинской, но все же онъ — бронзовая голова, и больше ничего.

Какъ я радъ, что вы пришли къ неизбежному выводу, послѣ оглушающаго васъ скоро, и выводу, какъ вы говорите, твердо: «Всѣ ходятъ въ потемкахъ, и всѣ выжидаютъ на эстетикѣ, которая къ тому же всѣмъ мало извѣстна». Это чудесно. Именно приближеніе — эстетика! Тутъ можно наговорить съ три короба, и положительно нѣтъ никакой возможности никому выложить ничего существеннаго, прочнаго, а главное, столь очевиднаго, какъ дважды два четыре. Да и наваръ на Гегеля, Лессинга, Винкельмана безнаказанно можно.

Вотъ вамъ эстетика. Она бываетъ всякая: нѣмецкая, русская, французская и т. д. Не угодно ли убѣдиться?

Кваузъ — нѣмецкій великій человекъ. Онъ написалъ «Художника на этюдѣ». Не помню, какое животное, во время работы художника, подошло

со стороны холста (так что его не было видно) и опрокинуло мольберт, холсты, краски и кроч... Обоюдное изумление и художника и животного. Онъ написалъ: «Игру въ карты рабочихъ въ тавернѣ». Онъ написалъ: «Крестины», «Похороны», «Еврейчика съ карбованцемъ» и т. д., все вещи эстетическія. Русский Перовъ написалъ «Учитель рисованія». Французскій Тулумъшъ—«Въ библиотекѣ четыре барышни разсматриваютъ книжки съ картинками». Месонъ — вещь приличная до-нельзя.

Гоголь, Достоевскій (даже Тургеневъ) брали и смѣли брать вещи, о которыхъ въ гостиницахъ говорить неприлично.

Нѣмцкій, англійскій и французскій художники предпочитаютъ обходить эти вопросы. Чтѣ правильно и чтѣ нѣтъ? Въ какихъ случаяхъ эстетика страдаетъ? Кто это развѣнитъ? Жаль, что я о такомъ вопросѣ взялся увѣрять въ коренной записочкѣ. А ужъ эта нѣтъ эстетика! Она и мнѣ въ послѣднее время дала себя знать тоже! Только разговоры у меня объ эстетикѣ все были не съ художниками, а съ... генералами! Можете себѣ представить, какъ это было плодотворно? Я, впрочемъ, предлагаю всякому подать голосъ за уничтоженіе картины. Храбрыхъ до конца при этомъ останетса собственно нѣмного.

Только не скучайте до конца; а можете, позвольте мнѣ подвести итоги—что вы сказали новаго, и чтѣ художники слышали въ первый разъ.

Валъ М. Кранской.

СССХХV. Къ нему же.

7-го марта 1885 г.

...Академія ирриготовилась открыть выставку, пригласила Государя Императора, и, какъ говорятъ, мотивировала просьбу желаніемъ, чтобы Государь благоволилъ указать, не нужно ли что-нибудь исключить... Совѣтъ же, раніе, собственной властью, удалилъ съ выставки одну картину своего заграничнаго пенсионера, кажется, Горскаго: «Смерть жены Кудель-хана», и мало того, что удалилъ картину, но и постановилъ: «Лично автора пенсіонерства за то, что онъ взялъ такой сюжетъ». (Пенсіонеръ пробылъ 1½ года за границей и ему остается еще 3½ года)... Выставка, вмѣсто объявленнаго срока 5-го марта, открылась 7-го, тоже вѣрно. Академія художествъ, какъ и Академія наукъ, имѣетъ привилегію безцензурныхъ изданій, выставокъ, словомъ всего, чтѣ до искусства относилса. Чтѣ же изъ всего этого пользоваться можно?.. Академическая власть желаетъ скрыть картину и отъ Москвы, не желая знать, что будетъ горный скандалъ, а именно: не видя картины на выставкѣ, Москва будетъ ломиться къ Третьякову. Поступить же прямо и честно запретить, какъ будто не

хотятъ... Но досихъ мы ничего не знаемъ. Вотъ какое длинное повѣствованіе о мелочахъ, а между тѣмъ нѣтъ нужное еще мѣсто для нѣкоторыхъ соображеній. Спрашиваю: чтѣ значить, что оказалось много людей, которые падаютъ себя такъ, какъ будто Рѣнинъ нанесъ имъ лично жестокую обиду? По вопросу одной эстетики никогда дѣло не могло бы дойти до такого ошесточенія? Неужели одно появленіе вещи, далеко за уровнемъ выходящей, способно поднѣять столько страстей? Какая тенденція картины Рѣнина? Самая мирная: ужасъ, доведенный до послѣдняго грауса въ убійцѣ и отицѣ, и, параллельно съ этимъ, кроткое прошлое чувство смертельно раненаго сына! Я спрашиваю у генераловъ, ругающихъ картину: полагаютъ ли они, что зритель восполненіемъ желанія пойти убивать?.. словомъ, увеличить ли эта картина число преступленій по ихъ мнѣнію, или нѣтъ?.. А нѣтъ, согласимъ... такъ зачѣмъ же запрещать? Прямая польза нравственная (это приблизительно я писалъ и X) требуетъ широкаго распространенія извѣстности этой картинѣ. Это гадость!!!—Чмъ?—Иванъ зѣры!—Хорошо, да вѣдь вынъ даже его, этого зѣры, жалко?—Да, конечно, но... оно не кѣрно!—Въ чемъ?—Да такъ вообще, и кровь-то не туда течетъ, и запачкаться-то Иванъ голову свою не могъ, вѣдь этотъ жестъ (хватаніе за голову), говорятъ они, предполагаетъ сознательное желаніе собраться съ мыслями, а Иванъ этого сдѣлать не могъ бы, онъ слишкомъ потерялся! Словомъ, кѣмъ рядъ умныхъ соображеній! А забываютъ, что при разговорѣ по телефону, особенно въ первое время (когда не привыкли) кланяются, когда говорятъ другъ другу: «прощайте!» Вотъ сообразительные критики. Спрашиваю дальне. Говорятъ: все-таки «тенденція!» Прекрасно, пусть тенденція; а почему же никому въ голову не приходитъ волноваться, когда сталкиваются съ дѣйствительной тенденціей. На выставкѣ картина Неврева «Судъ надъ патриархомъ Никономъ». Царь Алексѣй, при несообразномъ добродуміи, изображенъ такимъ сѣжимымъ... И ничего, никто не ображаетъ вниманія! Потому: того же Неврева была картина, два года тому назадъ «Иванъ Грозный убилъ боярина Гвоздева», Иванъ Грозный, при многихъ свидѣтеляхъ, убилъ; убитого тащатъ, а Грозный царь зѣрски сѣжится! Это ли еще не тенденція? А между тѣмъ, ничего, всѣ видѣли, никто не возмущался тенденціей, и только находила, что сцена не совсѣмъ живая, и что слабыя немножко больше естественности (разумѣй таланта), такъ и хорошо бы... Никто не занюхалъ ни единымъ словомъ, что-жъ тенденція-то у художника того—разрушительная... Картина благополучно ѣздила и въ провинцію, и никому ничего не пришло въ голову. Но вотъ является картина, въ которой, кроетъ жизни настоящей, восторжене и безпристрастно рѣшающей труднѣйшій психологическій мотивъ, отъ которой зритель отходитъ то просто

страшно пораженным смехом убийства, то глубоко тронутым чьм-то большим чьм кровью... и во всяком случае более серьезным, чьм до знакомства с картиною... Гвалты! Неужто придется выводить одно: не сий бы талантливый! Это уж очень печально! Seriously принять возражения о неестественности и неяркости нельзя, въ сожалѣніи, потому—рядомъ прорываются другія нотки!

Вѣдь приходится повторять рассказавъ, что будто бы Я сказалъ, что онъ не проститъ никогда передвигавшаго словъ, сказанныхъ ему: «Рекомендую вамъ картину Рѣпина!» И вотомъ этотъ народъ, который такъ и валитъ на выставку, этотъ усѣхъ, —вѣтъ, это выше нашего терпѣнія! И такъ, мы съ женой. Дождались. И какъ это происходитъ до глупости. Вашъ И. Крамской.

Я все это написалъ къ тому, что мало ли что нужно будетъ говорить и имѣть въ виду въ будущемъ.

СССХХVI. Къ Н. А. Вѣлоголовому.

7-го марта 1885 г., Спб.

Глубоко уважаемый Николай Андреевичъ. Благодарю васъ сердечно за ваше любезное письмо. По вопросу, возбужденному вами, о маленькомъ портретѣ моемъ съ дочерью, я совѣтывался съ женою и домашними, и, по зрѣломъ и восторженномъ разсмотрѣніи дѣла, на совѣтъ постановили: признать мысль вашей супруги не только осужденною, но даже полезною лично для меня, такъ какъ я, оставаясь въ маленькомъ видѣ, въ Ментонѣ, на постоянныхъ глазахъ вашихъ, несомнѣнно отдѣляюсь отъ всѣхъ своихъ болѣзней. Оно, можетъ быть, не совсѣмъ остроумно, и во всякомъ случаѣ болѣзней. Оно, можетъ быть, не чудеса даже вами, людьми науки, допускаются... И такъ фантастично, но чудеса даже вами, людьми науки, допускаются... И такъ я остаюсь (въ изображеніи) подлѣ плѣнительнаго свѣтомъ юга и въ готовомъ солнечномъ отомлѣніи, не требуя особаго помѣщенія и никого не тревожа.

Если я писалъ о портретѣ своемъ, то только въ виду того, чтобы онъ не вошелъ въ чьи-нибудь руки, мнѣ постороннія, и, заговоривъ съ братомъ покойнаго Владиміра Михайловича *), Львовъ, я высказалъ это, а онъ уже вѣроятно и писалъ. Все устроилось прекрасно, и если вамъ пріятно удерживать этотъ кусочекъ картона, я радъ доказать вамъ мою глубокую благодарность. Мнѣ было жаль узнать, что годъ этотъ былъ для васъ въ Ментонѣ скучнымъ; да добавокъ графъ Протасовъ измѣнялъ... и отъ чего бы это русскимъ было мало въ Ментонѣ? Неужели мы поправлялись здоровьемъ?

Ред.

*) В. М. Жемчужниковъ.

Кстати о здоровьѣ. Мое здоровье все то же... впрочемъ—не совсѣмъ. Глубокой осенью я опять началъ кашлять и уныло. Первую половину зимы мнѣ было очень нехорошо; но съ поворотомъ солнца я сталъ какъ-будто оживать. Около того же времени я сталъ употреблять коньякъ, и онъ моментально останавливалъ самый упорный нахоризмъ кашля (такъ сказать, на всемъ скаку) часа на три. Кашель начинается—и опять коньякъ, и такимъ образомъ воевалъ, съ переменнымъ счастьемъ, какъ говорятъ боевые люди, и продержался до сегодня. Волей, вѣстныхъ вамъ, около сердца и у ключицы, невозможности; приступы грудной жабы были часты (въ мѣсяцъ разъ, а иногда и два раза). Притупленіе въ верхней части праваго легкаго все въ одномъ положеніи—районъ не увеличился и звукъ безъ перерыва (?). Иодформъ принималъ въ ноябрѣ и октябрѣ, безъ видимаго результата. Потомъ всю зиму только палиативъ (коньякъ), и вотъ живъ, даже не возбуждаютъ вопроса о необходимости выѣзда. Впрочемъ, на апрѣль и часть мая, я самъ думаю выѣхать въ Крымъ. А впрочемъ!... Сегодня у меня сидѣлъ генералъ Гурко, и въ разговорѣ коснулось моей воячки въ Ментонъ (по поводу портрета Жемчужникова, который теперь на выставкѣ). Я упомянулъ вамъ нѣ... и Гурко очень оживился и вспомнилъ о васъ съ чувствомъ. Что я какъ и передаю (по страсти моей къ сплетничанью).

Уважающій, благодарный и преданный И. Крамской.

СССХХVII. Къ В. В. Стасову.

16-го марта 1885 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Сообщите мнѣ, пожалуйста, вѣтъ что: говорить ли что-нибудь Улѣасъ Макаенъ, въ своей книгѣ «Россия», о галлерей картинъ Третьякова. Я совершенно забылъ это обстоятельство.

А затѣмъ, какъ зовутъ того француза, который писалъ о русской школѣ живописи (по поводу всемірной выставки 1878 г.), называя ее «школою Третьякова». Ничего не помню. Только кажется не Шербиоль.

Уважающій васъ И. Крамской.

СССХХVIII. Къ А. С. Суворину.

19-го марта 1885 г., Спб.

Посылаю вамъ, глубокоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ, справки: кто изъ иностранцевъ отзывался о русской школѣ живописи, какъ несомнѣнно

существующей: во-1-х, Вогюэ въ «Revue des deux mondes» (1882 г., ноябрь), и галлерей Третьякова названа тутъ богатой; во-2-хъ, «Берлинское Археологическое общество въ Римѣ», въ предисловіи къ альбому Иванова, а въ 3-хъ, кажется англичанинъ Аризонъ *), а не Уэльсъ Макензи. Но послѣднiй подлиннаго отъиска отыскать не могъ; хотя твердо помню, что еще французъ какой-то во время всемирной выставки въ Парижѣ, въ 1878 г., именно говорилъ о Третьяковѣ, или, виновато, о русской школѣ, назвала ее «Третьяковскою». Название, какъ видите, нѣжное и оно именно характерно, какъ доказательство несомнѣнно обозначающагося факта: народолюбивія живописи, какъ школы, очевиднаго для наблюдающихъ иностранцевъ. Поэтому я не знаю, какъ быть съ этикетомъ: помѣстить въ изображеніи или нѣтъ? Сдѣлайте, какъ найдете лучше.

Я полагаю, что въ моемъ перечнѣ фактовъ о Третьяковѣ можно и слѣдуетъ выбросить добрую половину—все, что покажется вамъ несущественнымъ или повтореніемъ—все это выбросьте. Вамъ послѣдній отыскъ о выставкѣ—по-моему, прекрасенъ. Только забыть (и совершенно несправедливо, даже больше—необходимо вспомнить) Коналевскій на академической выставкѣ. Его «Тройки» и «На станціи»—чудесныя вещи, особенно «Тройки». Онѣ тамъ жажутся изъ другой оперы. Хороши также Дюкеры.

Уважающій и преданный Н. Крамской.

СССХХХХ. Къ П. М. Третьякову.

28-го марта 1885 г., Спб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Если содержаніе сего письма вамъ покажется чего нибудь стоящимъ, то сдѣлайте что-нибудь въ мою пользу у генералъ-губернатора.

Дѣло въ томъ, что сюда (теперь уже въ Москву) прѣхалъ Антокольскій, и привезъ проектъ памятника Александру II. Показывалъ Государю и Императрицѣ, и, какъ онъ говоритъ, его проектъ Государь одобрилъ и отослалъ его къ Владимиру Андреевичу Долгорукову, съ моделью. Содержаніе его я знаю, онъ мнѣ самъ рассказывалъ, несмотря на то, что я ему сказалъ, что вѣдь и я имѣю проектъ.—«Это, говоритъ, ничего! тѣмъ болѣе, что я уже свое дѣло сдѣлалъ». Въ чемъ его проектъ состоитъ, вы увидите, такъ какъ онъ повезъ самую модель въ Москву. Очевидно, памятникъ этотъ не шутка. Оборвавъ своихъ пріятелей, я прямо переходу къ тому, что и я имѣю проектъ, не только такъ, иденный, но и рисунки, и,

слѣдовательно, предполагаю, какъ видите, что мой проектъ преферанснѣе. Каждому автору свойственно ошибаться.

Идея моя не выдуманна. Я этотъ памятникъ видѣлъ въ натурѣ, во время коронаціи. Когда я увидалъ все, то я былъ просто пораженъ:—вотъ онъ памятникъ, его искать нечего!

Вотъ каковъ долженъ быть памятникъ, если хотять, чтобы онъ выражалъ смыслъ царствованія, удовлетворялъ бы чувство развитаго человѣка и былъ бы понятенъ народу, безъ объясненій.

На указанную изюмидъ я выношу Тронный залъ, лишая его стѣнъ и потолка, и оставляю только мозаичный полъ. На полу, къ короткой стѣнѣ, устраиваю Тронную площадку, на которую ведутъ 3—6 ступеней, и уже на эту площадку ставлю «Тронное мѣсто», а на него ставлю тронъ. Устраиваю нѣчто въ родѣ того, что было устроено въ Успенскомъ соборѣ, при коронаціи, и тамъ ставлю Императора, во всемъ величій самодержавія, въ коронѣ и порфирѣ, въ молитвенной позѣ. Онуценыя руки чуть-чуть выдвинуты впередъ, ладонями къверху, лицо смотритъ смиренно въ небо, и вся фигура какъ бы говоритъ:—«Ты видишь, Господи, что я все сдѣлалъ, что могъ! Вотъ я, и народъ Твой, вѣрнѣйшій мнѣ Тобою, передъ лицомъ Твоимъ здѣсь!» Отъ трона идутъ 12 ступеней, прерканныя двумя площадками. На верхней два савонника держатъ: одинъ Государственное знамя, другой Государственный мечъ; пониже два кавалергарда, съ саблями наголо. Со всѣхъ же другихъ ступеней сошли исполнители Высочайшей воли, и остановились у водвожія трона въ рядъ, лицомъ къ предполагаемому народу, а впереди ихъ, на самомъ краю тронной площадки, митрополитъ Филаретъ читаетъ народу манифестъ 19-го февраля. Протоіакоу мерещимъ держитъ самый пергаментъ, а возлѣ митрополита, у лѣвой руки, мальчикъ въ стихарѣ держитъ посохъ. Митрополитъ стоитъ на орликѣ. Между савонниками нѣкоторые держатъ еще акты, нѣкоторые быть прочитанными послѣ мернаго. На сторонѣ манифеста (который читаютъ), обращенной къ народу, написаны тѣ слова, которые въ эту минуту произноситъ митрополитъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, русскій народъ!» Пока совершается эта церемонія, боковыя площадки (узкія), возлѣ трона, наполняются: съ одной стороны къ ногамъ главнокомандующихъ кладутъ свои сабли Шамилъ и среднеазиатцы, а съ другой—къ оберъ-церемоніямейстеру собираются представители народа русскаго и крестьяне польскіе съ хлѣбомъ съ солью (надѣленіе ихъ землею), а въ концѣ болгары съ образомъ. Въ концѣ Троннаго мѣста, у спинки, но обѣимъ сторонамъ, два герольда (то есть по одному) и, наконецъ, чтобы кончить, я ставлю въ спинку Троннаго мѣста, то есть на задній сторонѣ памятника, мозаичную картину: Петропавловскій соборъ внутри, когда тамъ въ Вѣсѣ почившій принялъ

Ред.

*) Аткинсонъ.

последняя почта от своего народа. Катафалк и покровъ весь усыпаны цвѣтами, а на первомъ планѣ большой кѣнонь съ лентами, съ надписью: «Парю и Мученику». Вотъ и все. Я не знаю, памятникъ ли это, или не памятникъ, но знаю, что всякому будетъ интересно и понятно, и въ то же время величественно. Нигдѣ, кромѣ Москвы, нельзя видѣть ничего подобнаго.

Надняхъ я свой проектъ попробую представить Государю, а до того времени я написалъ два письма: графу Воронцову-Дашкову и князю Вл. Андр. Долгорукому въ Москву, проси ихъ подождать съ утвержденіемъ проекта, до того, пока они увидятъ мой. Долгорукій еще передъ праздникомъ отвѣчалъ мнѣ, что коммисіи уже не существуетъ, а потому и разсматривать будетъ некому. Антокольскій здѣсь уже болѣе 4-хъ недѣль, одинъ разъ онъ уже ѣздилъ въ Москву и былъ у Долгорукаго и у Каткова. Теперь побѣжалъ опять работать.

Содержаніе моего проекта еще пока никому неизвѣстно, и вамъ пишу о немъ только для того, чтобы вы могли судить, есть ли тутъ что-нибудь, и если есть, то не убѣждение сказать, чтобы подождали, всего какую-нибудь недѣлю, двѣ. Вотъ планъ *). Если же я выдумалъ нудности, то оставьте безъ отвѣта и безъ дѣйствія — но конечно, и безъ огласки..... Неужто-жъ не найдется русской головы, которая бы сдѣлала что-нибудь лучшее?

Уважающій васъ Н. Краевскій.

СССXXX. Къ нему же.

19-го ноября 1885 года.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ за письмо и за фотографіи съ Верещагина; очень сожалѣю только, что эти фотографіи не останутся у меня. Что такое сдѣлалъ Верещагинъ, я только предпологалъ, но теперь я и убѣдился. Очень хорошо, что вы приложили разборы картинкамъ: это многое объясняетъ. Не смотря, однакоже, и на это, я все-таки не теряю надежды самому видѣть выставку, если я до ея окончанія очну себя деньги.

Жаль, глубоко жаль, что Верещагинъ вынулъ изъ рукъ роль и роль великую въ искусствѣ, для которой у него были на лицо всѣ средства, кромѣ, впрочемъ, одного — искренняго и сердечнаго чувства. Конечно, и теперь знаніе его значительно для современниковъ, такъ какъ онъ разрушаетъ и разрушилъ много предразсудковъ, но это дѣятельность публицистическая и разсудочная, а картинъ какъ картинъ (можно пре-

мени и пространства) и самихъ по себѣ, по своей внутренней доброкачественности, и нужныхъ людямъ вообще — мало, даже слишкомъ мало.

Хотѣлъ что-то сказать, да кажется начинаю отъѣкаться и вижу, что необходимо было бы написать специальное письмо. Ну, когда-нибудь, въ другой разъ.

Уважающій васъ И. Краевскій.

СССXXXI. Къ П. М. Ковалевскому.

27-го ноября 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Всегда такъ — уйдемъ изъ дому, непременно случится что-нибудь, о чемъ очень жалѣешь, что безъ меня. Я все время дома и нигде не выхожу, а давно было нужно — все выбиралъ день, въ какой можно (по предписанію врача). Но какъ бы то ни было, очень жаль, что не застали, вѣдь разстояніе ой-ой какое.

Что же касается нашего любезнаго намѣренія написать свой портретъ, то ей-Богу не знаю, потому что я просто калѣка, не работаю, да и не работаетъ, все больше лежу... а между тѣмъ, если кому я хотѣлъ бы быть пріятнымъ и полезнымъ, то, разумеется, намъ во всякомъ случаѣ. Я ничего не дѣлаю, отказываюсь, и потому вы можете разсчитывать, когда угодно — обозначить заранѣе день и дать знать мнѣ по городской почтѣ.

Уважающій и готовый служить И. Краевскій.

СССXXXII. Къ П. М. Третьякову

2-го декабря 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Мнѣ давно хотѣлось вамъ написать о картинѣ «Неутѣнное горе» слѣдующее: она въ такомъ указаніи видѣ, что ее необходимо промыть (и хорошо и долго), потому что она была передъ путешествіемъ покрыта бѣлками съ сахаромъ; и потомъ, послѣ промывки, хорошо бы покрыть ее лакомъ. Кромѣ того, я просилъ бы васъ выслать сюда портретъ Льва Николаевича Толстого къ Сидорову въ Эрмитажъ, чтобы онъ сдѣлалъ (на мой счетъ) дублировку и смѣлъ бы пятна на фонѣ. Я вамъ объ этомъ какъ-то говорилъ, но вы чего-то боятесь, я же теперь такъ увѣренъ въ томъ, что это сдѣлать необходимо, и такъ увѣренъ, что будетъ хорошо и ничего не испортится, что я не знаю, тѣмъ-то отвѣчать.

Уважающій и преданный вамъ И. Краевскій.

*) Набросокъ плана въ текстѣ.

СССХХХІІІ. Къ П. М. Ковалевскому.

5-го декабря 1885 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я остаюсь при прежнемъ моемъ заявленіи, предоставляя вамъ самимъ назначить день*), вамъ удобнѣе, потому что это для меня легче. Я все равно ничего не дѣлаю и отказываюсь отъ всякихъ предложеній, слѣдовательно для меня выбора не существуетъ. У меня можетъ быть только одно желаніе, Господь Богъ очень скупъ на это, то конечно лучше будетъ, когда дни будутъ длиннѣе.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

И. Крамской.

СССХХХІV. Къ А. С. Суворину.

С.-Петербургъ, 11-го декабря 1885 г.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Давно уже я чувствую потребность надать вамъ признаки моего существованія; но такъ случилось, что, не смотря на волю, это все откладывается. 18-го декабря празднуемъ 25-ти лѣтъ К. Е. Маковского. Что-жъ, это хорошо и даже, быть можетъ, необходимо; но, что необходимо, безъ всякаго сомнѣнія, то это почтеніе дѣятельности Н. К. Айвазовскаго, который выступилъ въ первый разъ передъ публикой 50 лѣтъ тому назадъ. Къ сожалѣнію, я не знаю точнаго числа и мѣсяца, но знаю, что скоро (въ теченіе этой зимы) должно выступить его пятидесятилѣтіе. Не коиффеску изъ вашихъ заслугъ, я все-таки полагалъ бы, что о юбилей Айвазовскаго похитить вѣроятно слѣдовало бы; и такъ какъ молчать объ этомъ всѣмъ и, сколько я знаю, нигдѣ въ печати не было объ этомъ упомянуто, то будьте добры, помѣстите въ этомъ смыслѣ у себя записку и пригласите тѣхъ, кто помнитъ и можетъ съ точностію указать время, откликнуться. (Только безъ упоминанія моего имени — причинъ уважительныя, ноубрьте). Айвазовскій, кто бы и что ни говорилъ, есть звѣзда первой величины во всякомъ случаѣ; и не только у насъ, а и въ исторіи искусства вообще. Между 3—4 тысячами ММ, выпущенныхъ Айвазовскимъ въ свѣтъ, есть вещи феноменальныя, и навсегда таковыми останутся, наиримѣръ «Море» у Третьякова, написанное 4 года тому назадъ (т. е. когда человѣку было уже болѣе 70-ти лѣтъ); всѣ помнятъ эту картину, бывшую на послѣдней его (Айвазовскаго) выставкѣ въ Академіи. На ней ничего нѣтъ, кромя неба и водъ, но вода — это океанъ безпредѣль-

*) Для начала писанія портрета П. М. Ковалевскаго.

Ред.

ный, не бурный, но колышущійся, суровый, безконечный, а небо, если возможно, еще безконечнѣе. Это одна изъ самыхъ грандіозныхъ картинъ, какія я только знаю. Къ ней именно приложимо выраженіе библейское: «Духъ Божій носился надъ бездною». Въ началѣ октября многіе изъ художниковъ были въ Москвѣ и мы всѣ были въ галлерей Третьякова; и вотъ здѣсь-то, въ такомъ собраніи, мы были поражены смысломъ и высокою поэзіей этой картины. Все это, впрочемъ, только мимоходомъ. Айвазовскій и кромя того имѣетъ права на вниманіе къ себѣ со стороны исторіи.

Какъ жаль, что Верещагинъ выпустилъ изъ рукъ роль, самую завидную, какая только выпадаетъ когда-либо художнику. Теперь уже нѣтъ всякаго спора, что такое Верещагинъ? Видали ли вы фотографіи съ картинъ, производившихъ сенсацию? Я видѣлъ — это очень печально. И какая честь для художника! Потребованъ вѣнскій архіепископъ. Жаль, что картины этихъ не будетъ въ Россіи, потому что, по-моему, только въ Россіи онъ былъ бы правильно понятъ и оцѣненъ.

Уважающій васъ И. Крамской.

СССХХХV. Къ нему же.

11-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ, какъ у васъ повернулась рука и изъ какого центра въ мозгу вышло повелѣніе написать ваши строки: «Вы меня не любите, какъ человѣка, и, быть можетъ, вы правы». Что это такое? Ничего не понимаю; дожили ли вы до этого собственнымъ умомъ, или вамъ кто-либо объ этомъ пропѣлъ, и вы повѣрили. Только воля ваша, это на меня какъ грохъ. За что? Ужъ если на то можно, то на меня возможно извести все, что хотите, только не то, что вы пишете: «какъ человѣка». Протестую всѣми силами моей души.

Что вы за человѣкъ? Я слышалъ, какъ васъ много и горячо осуждаютъ, но за что?... Что вы чему-то измѣнили, кого-то поддерживаете изъ тѣхъ, на кого често когда-то нападали... и т. д., словомъ, не человѣка, а принципъ... Я этого не знаю, клянусь, ничего не знаю!.. И потому для меня это все равно, что бѣлая бумага... Для меня же вы, кромя таланта (котораго никто никогда не отрицалъ у васъ), есть то, что я вижу и что на меня непосредственно дѣйствуетъ: голосъ, глаза, улыбка, смѣхъ... и если меня разобрать хорошенько, то всѣ мои притворы о людяхъ и всѣ приважности, всѣ мнѣнія складываются вотъ только изъ этихъ не мудрыхъ элементовъ: голосъ, смѣхъ, походка, манера молчать... Словомъ, видное — есть тѣ данныя, по которымъ я крѣпко и всегда составлялъ о

людях мнѣнія, и всегда держался только ихъ. Нельзя сказать, чтобы я не вѣрилъ вовсе разсказамъ, но разъ я увидѣлъ человѣка — конечно, я уже имѣю свое собственное о немъ мнѣніе, совершенно независимое отъ слуховъ... Не вѣрите? ваша воля; но это такъ. Это самонадѣянно?.. не знаю. До сихъ поръ я не раскаявался, когда слушался впечатлѣнія. Когда же случилось разсуждать о гражданскихъ мотивахъ и гдѣ гражданамъ вѣтъ какую позицію: укажите мнѣ, какая газета лучше? и гдѣ гражданамъ склѣбность? Разъ. А потомъ второе: вѣтъ, напримеръ, В. П. Буренинъ, когда-то онъ самъ сѣлся надъ Страховымъ, а теперь имѣетъ благородство и мужество сознаться, что не могъ Страхова одѣлать... Это только выигрывать и вымысливать. Вѣтъ я думаю, что и у насъ провозглашались перенѣженія точекъ зрѣнія, откуда тѣ же предметы, да не тѣ... Ну, словомъ, хочу, и думаю хорошо... Говорятъ еще: да «онъ продалъ себя»... Позвольте... позвольте... кончу? Вы знаете? Докажите... Ну, извѣстно, пониженіе тона и киваніе на кого-то, кто все это совершенно знаетъ, но котораго я такъ еще и не знаю... И потомъ, развѣ-жъ тутъ человѣкъ? Вѣдь это что: война! Полѣно подоруживало — валай подоруживало, другое что? — этики! Ну, а когда все это кончилось и человѣкъ, отдышавшись, начинаетъ разговоры, смотритъ мнѣ въ глаза... вѣтъ тутъ человѣкъ — и я его знаю... и затѣмъ не сказать? — Этого человѣка я люблю, я его помню, и очень сожалѣю только, что обстоятельства такъ сложились, что мы не близки и... не друзья (пониманию). А причина, почему я (относительно болѣе свободный человѣкъ) рѣдко къ нимъ заглядываю, это, по софисту, вѣтъ что, въ двухъ словахъ... Вы знаете, изреченіе: хочешь разойтись съ человѣкомъ — дай денегъ ему... Видите, исторія длинная, и вы въ половину не догадаетесь: что? куда? отчего? Но это и не важно, важно одно: напрасно ваша рука написала эти странная слова. Я ни чуточки не обижаясь... но сожалѣю, что вы не эластическій художникъ: тогда бы и вы вѣрили только собственному личному впечатлѣнію. А впрочемъ... вѣтъ это выходитъ уже дѣйствительно самообольщеніе... полагаю, что я провозглашу впечатлѣніе, сообразное мнѣ (предполагается — возвышеннымъ) качествамъ!

Что касается сравненія Маковского (К.) со мною, то я долженъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь. Маковский на годъ моложе меня, а выступилъ на сценѣ публичной раньше — это несомнѣнно. Я пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1857 г., въ натуральную классъ перешелъ въ 1858 г., а Маковский еще не было, правда, но въ концѣ 59 или въ самомъ началѣ 60 г. сего пріѣхалъ изъ Московскаго училища вмѣстѣ со многими другими: Шимановъ, Леможко, и т. д.; въ это время Маковский уже имѣлъ 2 серебряныя, Леможко, и т. д.; въ это время Маковский уже имѣлъ 2 серебряныя и одного достоинства медали, полученія имъ еще въ Москвѣ, такъ что онъ пріѣхалъ, такъ сказать, готовымъ, и пріѣхалъ работать на зо-

лотая. Но его заставили получать еще 2 серебряныя медали перваго достоинства. За живопись онъ получилъ очень скоро (кажется, въ годъ пріѣзда), а за рисункъ такъ и не получилъ. Но въ то время можно было работать на золотыя медали и не имѣя 4-хъ медалей серебряныхъ. Маковский и работалъ. Въ 1860 г. онъ писалъ (и не кончилъ): «Христосъ всѣмъ являеться на площади сѣдыхъ, хромыхъ и прочихъ увѣчныхъ». За это ему разрѣшили конкурировать на золотую. Въ 1861 г. работалъ вмѣстѣ съ другими: «Харонъ перевозитъ мертвыя души черезъ рѣку Стикса», и не получилъ; наконецъ, въ 1862 году онъ писалъ по собственному эскизу: «Убіеніе сына Бориса Годунова, Федора». За эту картину онъ и получилъ золотую медаль малаго достоинства. И же кончилъ классъ въ 1861 году, въ концѣ, то есть въ это время я имѣлъ всѣ серебряныя медали, а въ 62 г. могъ писать на малую золотую медаль, и былъ на конкурсѣ. Эскизъ мой: «Походъ Олега на Царьградъ» (переходъ черезъ Днѣпровскіе пороги собственно) былъ утвержденъ. Я получилъ мастерскую, но заболѣлъ, уѣхалъ въ Москву, и ни въ конкурсѣ на слѣдующій годъ, но моему прошенію. Въ 1863 г. я писалъ на малую золотую медаль: «Моисей изъ камня извлекаетъ воду», и получилъ ее (сентябрь). Такимъ образомъ, мы сравнялись... а черезъ 2 — 3 мѣсяца послѣ того экзамена, когда я получилъ свою малую золотую медаль, долженъ былъ состояться конкурсъ изъ 14 человѣкъ на большую золотую медаль (ноябрь 1863), къ столѣтію Академіи (въ 64 году), отъ котораго мы и отказались. И такъ, какъ считать 25-лѣтіе? Отъ какого знаменательнаго событія? До сихъ поръ всѣ убіенія художниковъ (какіе были) считались съ полученія большой золотой медали, т. е. съ момента окончанія Академіи и молуценія пенсіонерства заграничей. У насъ этого термина нѣтъ. Стало быть, надо взять, должно быть, болѣе важную эпоху: появленіе художника передъ публичкою... то и тутъ ни я, ни Маковский прѣтъ, кажется, не имѣемъ (пока), потому что «Харонъ перевозитъ души» Маковского былъ на выставкѣ 61 г. осенью (сентябрь, октябрь). Подождать надо немного... а впрочемъ, что-жъ я за другого считаю?.. Кончить долженъ лучше знать. Кромѣ того, вы, кажется, не имѣли моего выраженія: не упоминать моего имени; это никакъ не относится къ обидѣ чему бы то ни было, а только я просилъ бы васъ не упоминать, кто сообщилъ мнѣ объ Айвазовскомъ! Вѣтъ о чемъ. Да, кстати, и вообще мое имя возбудитъ только нѣтъ неудовольствія между художниками. А я нездоровъ: вѣтъ три года, доктора все разсказывали и то, и другое, и третье, а на повѣрку вѣтъ что нѣтъ сомнѣнія. Съ мѣсяцъ обнаружилось: аорта и артерія такъ расширены, что столкнули правое легкое съ стороны; и теперь у меня модъ 2-мъ ребромъ, у ключицы, справа, бьется сердце, т. е. сердца не слышно почти, сравнительно. Въ одну прекрасную

минуту—прощайте. Значит, шалить сердце, аорта и давила легкое, отсюда и кашель, а теперь боль, боль и боль.

Преданный вам Н. Крамской.

СССХХХVI. Къ нему же.

12-го декабря 1885 г., Сиб.

Я было написал тут кое-что о Верещагинѣ, какъ только получилъ изъ Вѣны письмо и фотографію, да бросилъ, потому что вышло и specially, и для многихъ было бы не убѣдительно, особенно при отсутствіи картинъ. Меня вотъ что удивляетъ немало во всемъ этомъ шумѣ: это полное игнорированіе достоинства самихъ картинъ. Какъ будто оно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, тогда какъ все, что Верещагинъ написалъ, распадается на два рѣзкихъ отдѣла: вся мертвая, неподвижная натура написана удивительно, все живое слабѣе, и тѣмъ труднѣе живописная задача, т. е. лицо, тѣмъ не менѣе оно что-нибудь значить. Верещагинъ предпочиталъ всегда (за исключеніемъ первыхъ его 22-хъ картинъ, бывшихъ на выставкѣ этнографической, въ 1868 г., въ зданіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, послѣ покоренія Ташкента—тогда были его «Опійкоиды», лучшая картина) перенести выраженіе съ головы на всю фигуру, а еще лучше на нѣсколько фигуръ, соединенныхъ вмѣстѣ, благодаря только какому-нибудь забористому событію. Такихъ образомъ, съ одной стороны, онъ отводилъ глаза на живыхъ, поражая ихъ или сюжетомъ, или отдѣлкой архитектуры; людей же болѣе требовательныхъ онъ манилъ, что все это еще не то, что онъ что-то сдѣлаетъ, потому что вотъ какъ онъ хорошо пишетъ. Съ другой: выступая наборникомъ самыхъ высокихъ идеалистическихъ требованій въ своихъ каталогахъ и тенденціознымъ подборомъ сюжетовъ, ему довольно долго удавалось отвергнуться отъ предъявленія чисто-художественныхъ документовъ: человѣческой головы, написанной, разработанной и конченной такъ, какъ теперь много пишутъ. Но этого-то онъ и не можетъ: для меня это давно ясно, да и не мнѣ одному. Я убѣжденъ, что Верещагинъ не приметъ вызова снизу съ мировыхъ задачъ, съ философій, политикъ, социальныхъ доктринъ, и написать просто картину, самую заурядную картину, гдѣ было бы человѣческое лицо, въ величину обыкновенную, чтобы лицо это носило на себѣ слѣды чего-нибудь пережитаго, чтобы оно, наконецъ, само по себѣ было интересно. Отъ этого онъ очень давно отказался; и ужъ теперь, конечно, не въ силахъ вернуться.

Я помню, какъ онъ разъ отозвался о такихъ людяхъ, которые пишутъ головы, и только головы, иѣшая въ ихъ число и Рембрандта и дру-

гихъ: «Ну, что вы тамъ говорите—голова, голова,—да вѣдь если двадцать лѣтъ писать все только одинъ носъ, какъ Рембрандтъ такъ, конечно, можно набить руку и можно дойти до отличныхъ результатовъ. Но вѣдь это не главное!»

Меня, собственно, въ Верещагинѣ болѣе всего интересуетъ внутренний міръ этого человѣка: что онъ такое самъ по себѣ? Я его знаю, т. е. думаю, что знаю, я долго его наблюдалъ и онъ производитъ печальное впечатлѣніе въ концѣ концовъ, мало того—ужасное! Вообразите себѣ только такого человѣка, который не чувствуетъ потребности въ комъ-либо изъ людей вообще! То есть: онъ нуждается въ людяхъ, какъ орудіяхъ, и только. Прибавьте къ этому совершенную эманипацию отъ такъ-называемыхъ апіорныхъ идей (въ Кантовскомъ смыслѣ) и въ практикѣ жизни необычайную жестокость: что можно схватить и присовѣсть. Что это такое? Воже-ство ли свободное, или демонъ? Притомъ какая гениальная наивность обращенія, сиппатичность, простота, дѣтская довѣрчивость, и..... чуть только человѣкъ все это принялъ за чистую монету, такъ сейчасъ же онъ будетъ поставленъ на благородную дистанцію. Какъ хотите, а это люди послѣдней формации.

Преданный Н. Крамской.

СССХХХVII. Къ нему же.

Сиб., 16-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ. Три дня не могъ написать вамъ строчку въ отвѣтъ на послѣднее письмо. Начну писать—болно въ груди; начну работать—болно тамъ же; начну потихоньку ходить—черезъ 10 минутъ тоже. Словомъ—чортъ знаетъ что такое...

О васъ я знаю болѣе, чѣмъ вы думаете, и это потому, что вы соприкасаетесь съ большимъ количествомъ народу. Напримѣръ: я уже давно знаю, какъ вы обходитесь и какъ вы оплачиваете вашихъ служащихъ и тѣхъ, чьи сочиненія издаете. Это и для меня не секретъ, какъ и для многихъ. Человѣческое сердце штука, въ сущности, весьма мало изслѣдованная. Вы пишете, что никогда не смотрѣли на деньги какъ на что-то стоящее вниманія. Я это такъ хорошо понимаю и вѣрю, что еслибы вы и не написали объ этомъ, то я все равно знаю—и знаю давно на омыгѣ. Я сдѣлалъ ошибку (и крупную), когда къ вамъ обратился за деньгами; но не потому, что этого дѣлать не слѣдовало, а потому, что я васъ тогда еще не зналъ съ этой стороны. Я думалъ, что вы, какъ и другіе, при увеличеніи средствъ, вкредѣ всего позаботитесь, чтобы гдѣ-нибудь лежалъ запасъ. Оказалось, что вы были гораздо болѣе человѣкъ идеи и дѣятельности, чѣмъ являлись, и я это увидалъ очень скоро; мнѣ стало ужасно со-

вѣстно, и я не могъ прийти къ вамъ просто какъ прежде, пока не очиню себя. Но вѣдь и мое мѣложеніе было (да есть и теперь) изъ рукъ пошлѣ. Въ моментъ, когда я къ вамъ обратился, я былъ усталымъ моральною отъ почтовой гонимы на портретахъ, но еще довольно сильный и жалуяцій что-нибудь сдѣлать путное (картину, памирнѣе). Видя, что время уходитъ, а prospectsъ къ свободѣ труда (нѣтъ — я рѣшился. Вы искренно и сердечно отнеслись ко мнѣ. За это вамъ мое искреннее и глубокое спасибо. Но... какъ-разъ тутъ-то и случилось со мной обстоятельство: я увидалъ, что смерть недалеко. Я заболѣлъ одной штучкой (изъ лѣвомъ боку паха жавалъ, который въ 8-мъ дней чуть не унесъ меня вовесть) въ родѣ заворота кишки. Доктора сказали, что если повторится это, то мнѣ уже дѣлать будетъ нечего. Поднявшись на ноги, я съ ужасомъ окинулъ свое положеніе — уму, дѣти и семья нинѣ въ буквальной смѣслѣ слова! Что дѣлать? Я самымъ лихорадочнымъ образомъ метался; нечего раздумывать: беру всѣ заказы, которые предлагаютъ, и ничего путнаго не могъ выдунуть, какъ жостроить дачу въ пользу дочерп. Смыслъ уже подымались на ноги: гимназія оканчивалась, а дочь... ну хоть что-нибудь, потому что деньги, еслѣмъ оставалось какихъ-нибудь 5 — 6 тысячъ, очень скоро будутъ съѣдены, а это все-таки хотя малый, но всегдашній доходъ. Началась постройка, а тамъ, несмотря на каторжный трудъ, долги новыи... и такъ до сихъ поръ. Только промѣнявъ лѣтомъ я всѣ долги погасилъ, исключая ванаго. Но это потому, что вы лучше всѣхъ. А уже исторія извѣстная — хороший всегда подождетъ; и въ эти отношенія мнѣ къ вамъ, внутренняго, не закрадывалось ни разу сомнѣніе, и слава Богу, — доказательство, что какъ я въ васъ былъ увѣренъ, такъ и вы, несмотря ни на что, не могли меня отнестъ къ числу тѣхъ, о которыхъ говорить: «чортъ съ ними!» И такъ, за желаніе (и страстное) свободѣ труда я наназанъ довольно. Теперь я могаю, что пусть ужъ будетъ все такъ, какъ угодно судьбѣ: буду жить — что-нибудь сдѣлаю, мѣтъ — лично мнѣ будетъ жаль, потому что мнѣ (по моему) лишится недурной картины. Но вѣдь этого провѣрить нельзя, и потому — это мое личное дѣло.

Теперь о портретѣ. Опять? Позвольте и мнѣ — въ послѣдній разъ. Я встрѣчаюсь вотъ уже во второй разъ (на пространствѣ 3-хъ лѣтъ, стало быть) съ твердымъ убѣжденіемъ, съ тѣмъ, что «я сдѣлалъ портретъ такъ, какъ хотѣлъ сдѣлать». Никакого сомнѣнія ни у кого нѣтъ, что я бы могъ ошибиться, обмануться, не понять, мало того — просто не смѣть. Почему? Это, положимъ, съ одной стороны лѣсно, что меня считать даже какъ будто всемогущимъ; однакожъ, подобное всемогущество обходится нѣсколько дорого. Я хотѣлъ сдѣлать вашъ портретъ, разъ вы выразили желаніе, и я серьезно и съ удовольствіемъ его работать и наблюдать, — мнѣ

казалось, что положеніе, которое я выбралъ, было самымъ обыкновеннымъ положеніемъ журналиста, чрезъ кабинетъ котораго протекаетъ ежедневно толпа народу всякаго. Чтѣ же я сдѣлалъ? Однакожъ, когда сдѣлалъ, то оказалось не совсѣмъ ладно. Но почему-жъ никто раньше ни намека, ни звука не издалъ, что портретъ неібрѣнъ? Напротивъ, ваши близкіе, дочь и жена, когда были, сказали, что онѣ не знаютъ, гдѣ живѣй и гдѣ нарисованный Алексѣй Сергѣевичъ. Если это были только фразы, то жаль, что помалось эти фразы, а не другія, которыя можно было бы отличить... Но и это все еще не бѣда. Вѣда началась съ выставки. Тамъ, на выставкѣ, я слышалъ столько похвалъ, что будъ я немножко глубѣе, я бы вамъ утверждать, что портретъ единственный, превосходный, и лучше никто никогда не напишетъ, словомъ, былъ бы развѣянъ; но такъ какъ я всеобъемъ слушать, и всегда отыскиваю причину, почему что говорится, и всегда старался удовлетворить справедливое желаніе и истинность. то и въ этомъ случаѣ я жадно винкалъ, что мнѣ сказали. По совѣсти я чистъ. Никакой, даже отдаленной тѣни, задней мысли у меня не было, когда я работалъ, и ничего дурного о васъ, какъ о человѣкѣ, у меня не мевалось никогда ни до этого, ни послѣ, до сего момента. Если же тамъ, въ портретѣ, есть что-нибудь, то это просто недостатокъ мой, какъ живописца, а не какъ человѣка, нѣмногого какія бы то ни было намеренія. Этихъ намереній нѣтъ, ихъ не было, и я ихъ рѣшительно отрицаю. Но вотъ что было въ моей драмѣ: портретъ Д. В. Григоровича ирнесъ мнѣ не мало огорчений, да, въ послѣднее время, портретъ Майкова. А между тѣмъ у меня не было и тѣни сдѣлать что-нибудь свѣтлое, промѣ совершенно естественнаго увеленія художника видной характерной формой, безъ подчеркиванія. Въ васъ же портретъ нѣтъ и этой черты. Но, разумеется, я понимаю, что при каждомъ взглядѣ нашенъ и близкіхъ вашихъ на портретъ, воспоминается милый поступокъ Маняна Зисацова*). Чтѣбы вытратить это, насколько въ моихъ силахъ, я предлагаю бы вымъ слѣдующее: позвольте мнѣ портретъ обратно, а я напичу другой, напичу съ истиннымъ удовольствіемъ, готовностію, и нисколько это для меня не будетъ отягощеніемъ. Если вы исполните мое желаніе — я буду вамъ благодаренъ.

Между прочимъ, я просилъ бы васъ, при случаѣ, обратить вниманіе на нѣкоторыхъ вамъ близкихъ знакомыхъ — кто и какъ обо мнѣ отзывается. У меня есть нѣсколько такихъ непринимныхъ, которые, не зная меня хорошо, будутъ очень рады всякому злу, какое можно мнѣ сдѣлать. Случай представится, впрочемъ, скоро. Я не буду на юбилейномъ обѣдѣ Ма-

*) Такъ называлъ В. В. Стасовъ въ стихотвореніи В. П. Вуремна, напечатанномъ въ «Новомъ Времени».

ковскаго, да полагаю, что никто не будет и из передвижников. Он такую штуку ураль с товарищами 2 года тому назад, что просто прелестно. Я очень резко говорю, но надо знать, чтобы оцнить. Подписать адрес — другое дело, я не желаю быть несправедливым, но прислуживать там, где есть Маковский Константин — добровольно не буду.

Преданный вам Н. Крамской.

СССХХХVIII. Къ нему же.

18-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ. Долгъ мой еще не погашенъ. Это вы мнѣ сообщили. Я у васъ взялъ 5,000 р., изъ которыхъ возвращено въ три срока 3,000 р.: 900 р. чрезъ В. П. Буренина. Чрезъ годъ послѣ того я извѣсь 1,100 р. вамъ лично, и потому, еще чрезъ годъ, тоже 1,000 руб. По моему счету остается еще 1,000 руб. извести вамъ, а потому я хотѣлъ съ вами имѣть разговоръ о портретѣ. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оплаченъ дороже того, что мнѣ тогда платили: а публика мнѣ платила 1,000 руб. Теперь она платитъ дороже, а тогда была такая цѣна. Следовательно, это ни переоцѣнкѣ, ни спору пусть не подлежитъ. Что же касается тѣнѣйшей моей затѣи, написать портретъ Александры Алексѣевны, то вы во всемъ этомъ не причѣтѣ, и этого въ расчетъ я принять не могу, потому что я дѣлаю это, удовлетворяя своей внутренней потребности... Кому портретъ нуженъ, я не знаю, но полагаю, что ея дѣтямъ, когда они вырастутъ, будетъ приятно его имѣть.

Что касается моей картины, то участь ея и моя вѣсть очень странная. Я сказалъ о ней и о томъ, что мнѣ ея не увидѣть и лишится, проиницируя. Да и вамъ иначе говорить объ этомъ, когда я самъ не видалъ своей картины (которая только начата) вотъ уже 6-й годъ. Помните, разъ я вамъ это уже сказалъ однажды, когда вы точно такъ же, какъ и теперь, сказали, что я ее долго пишу. Въ томъ-то и дѣло, что я ужасно долго не пишу, а почему? Въ послѣднемъ письмѣ достаточно тому высказано основанія, и удивительно, сколько бы и что я ни написалъ другого чего, все-таки говорю, что я долго работаю надъ чѣмъ-то, хотя бы по расчету самому придирчивому и времени у меня не осталось бы для новаго труда. Вотъ какъ иногда слава, разъ нуценная въ ходъ, не сворачиваетъ съ дороги.

Что до передвижной выставки и Маковского, то нужно знать, что и какъ произошло, чтобы обвинять художниковъ, и сказать, что если бы мы пришли, то ему было бы совѣстно.

Глубоко уважающій и преданный вамъ Н. Крамской.

СССХХХIX. Къ нему же.

22-го декабря 1885 г.

Дорогой Алексѣй Сергѣевичъ... Рѣчь вашу*) я, конечно, читалъ, и даже хотѣлъ написать по поводу ея, да хорошо, что воздержался. Потому что на первое впечатлѣніе она показала нѣсколько обидной для Маковского, мало того, не только для него, но даже и для тѣхъ дамъ, съ которыми онъ писалъ портреты. Но я хотѣлъ подумалъ, прочелъ второй разъ, послушалъ другихъ и успокоился. Насчетъ юбилея вы вѣрно говорите: 50-ти лѣтній можетъ быть общественнымъ и неже бы пристрастнымъ. Если новое поколѣніе, нѣтъ не связанное съ предшествовавшимъ, признаетъ заслуги, то, значитъ, вліяніе захватываетъ нѣкоторымъ образомъ исторію. Такой Айвазовскій. Время, съ котораго слѣдуетъ считать начало дѣятельности художника, неопредѣлено, какъ кажется. Всѣ юбилеи художественные, бывшіе до сихъ поръ, всѣ только 50-ти л., и официальные: Бруни, Уткинъ, Толстой и другіе считались со времени получения большой золотой медали, т. е. окончанія Академіи и получения заграничнаго пенсионерства. Маковский первый, которому выпала честь быть почетнымъ не официально; хотя по новости дѣла усердные люди пропустили нѣкоторыхъ, нѣвшихъ не же бы правъ, чѣмъ Маковский, напримеръ: Перовъ и Шнигинъ. Обойти уже давно миновало, Перову еще при жизни. Какъ бы то ни было, но хорошо и то, что общество начинаетъ признавать хотя какое-нибудь участіе; авось наступитъ время и болѣе теплая.

Глубоко преданный и уважающій васъ Н. Крамской.

СССХХI. Къ Н. А. Вѣлгоголовому.

Сиб., декабря 31-го 1885 г.

Глубокоуважаемый Николай Андреевичъ. Недавно узналъ я отъ графа Протасова вамъ адресъ, и хочу засвидѣтельствовать, что я часто съ удовольствіемъ и благодарностію вспоминаю Ментону, вспоминаю вамъ дорогую заботливость обо мнѣ, грѣшномъ. А я все еще на свѣтѣ! Все сопротавляю; и уже настолько привыкъ къ своему положенію, что наблюдаю даже какъ это оно тамъ перебивается. А что перебивъ значительный, то это безъ всякаго сомнѣнія. Говорить ли вамъ о моихъ невожахъ? Лучше не надо, да и боюсь превратъ. Скажу только, что камель прекратился (т. е.

*) Рѣчь А. С. Суворина на юбилей К. Е. Маковского, напечатанная въ «Новомъ Времени».

почти прекратился), и это въ ноябрѣ-го мѣсяцѣ, и въ Петербургѣ, и какъ-то разомъ, такъ же разомъ, какъ и передвиженіе впередъ аорты. Она теперь меня стучитъ сирава во второе ребро, да такъ иногда страшно, что бѣда. Было очень больно, но С. П. Воткинъ съ Головиннымъ что-то такое дали, да налили на меня глянцую медаль, и я становлюсь почти молодцомъ. Вторая недѣля, какъ идетъ къ лучшему. Одно жаль—лишили меня питья и всякой мизкости. Подумайте только, на все про все 3 чашекъ въ сутки. Тутъ и вода, и супъ, и чай, и молоко. Возьмемъ одного, другого не получивъ—и это при усвоенной привычкѣ пить и много, и чего хочешь. Огорченіе! Сначала мучила жажда, а теперь начинаю привыкать.

Картину «Парица Александра» я, наконецъ, укладываю, и она скоро пойдетъ туда—на берега Средиземнаго моря. Хорошо тамъ, жаль, что не увижу ни часовни, ни тѣхъ перожитъ, о которыхъ мнѣ рассказывалъ Николай Алексѣевичъ, то-есть новой аллеи къ кладбищу... А какой чудесный видъ оттуда долженъ быть теперь!

Во Флоренціи я былъ 10 лѣтъ тому назадъ, и былъ недолго—сѣдлательно не знаю города, но кое-что все-таки помню. Помню галлерей, соборы. Вотъ, я думаю, вы изучили теперь все это.

Прому васъ передать мой искренній и сердечный привѣтъ Софѣ Петровнѣ; да къ концу похваляюсь, что дочка моя, известная вамъ вѣтреница, начинаетъ подавать мнѣ серьезные надежды, что уже есть иѣкоторый живописный талантъ.

Примите выраженіе моего глубокаго уваженія отъ благодарнаго
И. Крамского.

СССХЛІ. Къ А. С. Суворину.

3-го января 1886 г., Сиб.

Съ новымъ годомъ, дорогой Алексѣй Сергѣевичъ! Первые дни праздника я не имѣлъ момента свободнаго... И вотъ случай самъ собою представился: это вамъ сегодняшній фельетонъ о Грибѣдовѣ и его «Горѣ отъ ума».

Что касается этюда о «Горѣ отъ ума», то мнѣ, признаюсь, лишний разъ удивительно, неужели и до сихъ поръ есть литераторы, которые объ «Горѣ отъ ума» такъ думаютъ, какъ вы пишете? Благодаря, не ожидая. О Вѣликомъ я не говорю—его теперь читать уже невозможно. Года два тому назадъ попробовалъ, и бросить—не могъ. Господи Твои воли, да въѣдь и ей-Богу же никогда не могъ достаточно наизумляться, какъ это въ 20-хъ годахъ написана такая комедія! Я знаю, что Пушкинъ говорилъ о Чац-

комъ, и удивлялся тоже, но написать такую комедію болѣе 50-ти лѣтъ тому назадъ—воля ваша, изумительно! А Чацкій одинъ изъ самыхъ живыхъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи. Онъ молочно-точно въ уровень (если еще не выше) и Фамусову, и Скалозубу, и Лизѣ. Скажемъ, если есть иѣбія, несогласныя съ этимъ, то замуровывайте меня послѣ этого въ склепъ: я знаю ничего не хочу, или я ровно-таки ничего уже не понимаю. Но я всегда думалъ, что мы, русскіе, въ «Горѣ отъ ума» имѣемъ самое великое въ мірѣ произведеніе литературы, что эта комедія не уступаетъ ни одному соавому прославленному и великому. Что-жъ есть еще болѣе Шекспира? Ну, такъ Шекспиръ потому только и болѣе Грибѣдова, что написалъ не одного «Гамзета», какъ Грибѣдовъ, а еще «Отелло», «Лира» и много другихъ. Превосходство количественное, но не качественное. Нѣтъ, это вы хорошо начали. И по поводу чего это написано? Или просто такъ, даivo хотѣлось?

Уважающій и преданный И. Крамской.

СССХЛІІ. Къ П. М. Третьякову.

Сиб., 10-го января 1886 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Вы говорите: не пишите. А мнѣ нужно! Рисунокъ Васнецова я вамъ вышлю, хотя съ нимъ-то мнѣ разстаться будетъ всего менѣе пріятно. Но это все равно. Въ рамѣ или безъ рамы? Вотъ о чемъ я хотѣлъ васъ просить: навести сиртаки въ моиъ письмахъ, которыя касаются погашенія моиъ долговъ. Это относится, кажется, ко времени моего арѣбыванія въ Ментонѣ. Въ то время, сколько мнѣ помнится, я старался погасить все на столько, что, напригнѣвъ, еслибы я умеръ, не сдѣлавши конін съ Кольцова вторично, то и тѣ долженъ бы не былъ. Я хотѣлъ включить въ долгъ и взятые мною за Кольцова, когда-то, 300 рублей, именно не надѣясь тогда оправдаться въ этомъ, но не помню, выключилъ ли? Изъ моиъ писемъ можно бы извлечь указанія. Мнѣ что-то помнится, но утверждать не берусь, а потому, будьте такъ добры, помогите съ ясностью возстановить цифры, какъ долга, такъ и погашенія. Боюсь что-либо напутать. Напригнѣвъ, пишу къ вамъ, кажется, увѣренно, а между тѣмъ сомнѣваюсь: погасить долгъ, или не совѣстн?

Исполненіемъ просьбы оное обѣжете.

Уважающій васъ глубоко И. Крамской.

17-го января 1886 г., Сиб.

Глубокоуважаемый Николай Андреевич, дочь моя (какъ вамъ памятно вѣроятно) еще въ Ментовѣ огорчала меня тѣмъ, что выводила на сѣтяную воду многія обстоятельства моей домашней воспитаніи; или, лучше сказать, лишивъ ее того распространяемаго воспитанія, по которому узнается человѣкъ хорошаго тона. Не сдѣлавъ я такой крупной ошибки сначала, вы бы не знали, что я заглядываю въ медицинскія книжки. Все было бы мило и криво, и я слязъ бы себѣ отъ удовольствія, не конфузясь. Теперь дѣло иное: получивъ отъ васъ ренциандъ, я нѣмелъ разсмѣивать виновныхъ, и только тутъ открылось, что это мнѣ удружилъ. Но вѣдь позволяете же вамъ сказать, какъ все это было. Я заглянула действительно, и заглянула (о ужасъ!) на дачѣ у Сергія Петровича. По возвращеніи изъ Митовки, лѣтомъ, я похвѣла къ нему показаться, остался ночевать, и на сонъ грядущій попался мнѣ медицинскій журналъ, гдѣ я и прочелъ одинъ рефератъ о грудной жабѣ. Читаю, и глазами невѣрю — все какъ по писанному, что со мной бывало (и есть иногда теперь) въ теченіе 7—8 лѣтъ. Это тѣ припадки, о которыхъ я и вамъ рассказывала, что около сердца развивается какъ будто теплота, дыханіе захватывается, я катаюсь отъ паническаго страха, и боли въ лѣвую руку, до оконечностей пальцевъ. Такъ бываетъ 10—15 минутъ, и даже больше, а затѣмъ проходитъ, и я, какъ ни въ чемъ не бывало, хожу, работаю, и проч., двѣнадцать и два. Вотъ и все. Только тутъ я узнала, что эта болѣзнь называется грудной жабой. Не вѣдь къ ней я успѣла уже привыкнуть, и знаю, что моя форма чисто нервная (говорить). Однажды да обѣдомъ я и рассказала, какъ я узнала, что у меня, напримеръ, грудная жаба. Соня слышала все, и слышала также сдѣланное замѣчаніе тѣмъ-то: что вотъ какъ нехорошо заглядывать въ медицинскія книжки, и что вотъ я все и думаю, да познала и додумалась, и т. д. ... Словомъ, что говорится въ такихъ случаяхъ и что я сама часто говорю своему близкому. Но, такъ или иначе, а я ей-Богу упрека не заслуживаю ни въ хандры, ни въ прислушиваніи къ разнымъ внутреннимъ ощущеніямъ. Т. е., послѣднее пожалуй ирри — но вѣдь какъ же прикажете быть, когда я не ирросто чувствую что-то такое, что трудно уловить, и надо вниательно подстергать въ себѣ, а положительныя боли: все ирроное легкое, т. е. это мѣсто, отъ грудной кости до лопатки, внутри болитъ, и я не могу лежать больше 10 минутъ ни на правую, ни на лѣвую сторону, ни на груди, и только могу на спину? Что я катаюсь цѣлыя ночи какъ кубарь, что у меня стѣсѣна и рвущая боль отъ грудной кости и начала втораго ребра въ

правую руку до локтя — какъ я этого не замѣчу, когда я въ это время не могу сидѣть и не нахожу мѣста? Воля ваша, а я живой человѣкъ! И такъ какъ этого со мной не было до осени (кромѣ тупой боли въ груди), а съ тѣхъ поръ это продолжается упорно, съ маленькими перерывами, и иногда цѣлыя дни безпрестанно, то я объ этомъ и говорю. Если же это называется мнительностью, то Богу съ нено. Лишь бы только она оставила меня въ покоѣ, а ужъ я объ ней заботиться не стану.

Голубое небо и вѣчная весна — средства несомнѣнно испытанныя, и если я что понимаю и въ чемъ убѣждена, такъ именно въ томъ, что стоитъ мнѣ все бросить и уѣхать изъ Петербурга на югъ, и я буду похожа на человѣка опять. Но... ей-Богу же есть помѣхи, и серьезныя. Впрочемъ, на весну я вѣроятно поѣду куда-нибудь.

О Флоренціи знаю мало. Проѣзжалъ весною, было чудесно, а зима бываетъ иногда капризная: такъ напримѣръ, лѣтъ шесть тому назадъ, тамъ жили наши знакомые; ну тамъ они видѣли и снѣгъ и морозъ. Правда, чрезъ недѣлю все опять иновало, но тѣмъ не менѣе!

Ну, скажите ради Бога, развѣ я могу не рождать на дочь? Вѣдь ея выходка совершенно испортила письмо — цѣлый листъ занятъ былъ никому неинтересными объясненіями.

Айвазовскій теперь здѣсь. Я видѣла его вчера. Вотъ человѣкъ — молодецъ! И какой онъ молодецъ! Конечно, онъ много пишетъ некажнаго, но радуюсь, тутъ же иногда дасть вещи, чудесныя въ полномъ смыслѣ слова. Завидная организаци!

Спасибо вамъ за теплое слово о талантѣ дочери. Да, я бы не сталъ говорить, еслибы это было такое, что мнѣ уже давно знакомо по разнымъ примѣрамъ въ барышняхъ; но тутъ, я васъ увѣряю — я становлюсь иногда въ туинк. Положимъ, это не противорѣчитъ моимъ теоріямъ о талантахъ, т. е. что они (таланты) берутъ все сразу — какъ будто такъ и надо; но все-таки, знаете — то все были мужчины, а это... извольте — на что похоже? Дѣточка, и такъ сильно, какъ будто уже мастеръ. Подумаю иногда, да и станеть страшно: ну, какъ это пустоцѣтъ? Вѣдь, говорятъ, бываетъ иногда, что очень талантливыя дѣти глупѣютъ: чертъ сродается, что ли? Или же, если и этого не случится, то опять личная жизнь проантъ превратиться въ трагедію! Вѣдь это же женщина! И вдругъ — художникъ, да чего добраго — настоящій! Не уехали на трагедію? Вы говорите: «талантъ — это величайшій ресурсъ въ нашей избалованной жизни». Конечно да, но только не въ женщинѣ. По крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ достаточно много опыта, и еще не сформировалось отношеніе общества къ таланту женщины — кромѣ талантовъ сценическихъ. Ну: а тѣ отношенія не изъ желательныхъ. Извѣстите, что распространялся о бликомъ мнѣ предметъ.

Николай Александрович просил меня написать портрет дочери Теляковой, Валентины Петровны. Скоро будет кончено.

А за семь, быть может еще до свидания, конечно въ Петербургъ.

Глубоко уважающий и преданный Н. Крамской.

СССХLIV. Къ В. В. Стасову.

Сиб., 28-го января 1886 г.

Многоуважаемый Владимиръ Васильевичъ. Въ субботу, на концертъ Рубинштейна, я основательно простудился и слегъ; только сегодня могу немного подняться и отбѣваю вамъ относительно фотографій Верещагина *). Отвѣчаю, но пока не отсылаю, а почему, тому слѣдуютъ нунки: во 1-хъ, это вещи крайне поучительныя, имѣть ихъ мнѣ очень хочется; во 2-хъ, не послать вамъ эти фотографіи тогда же, немедленно по ихъ получеіи отъ Третьякова, потому, что слышалъ (не помню отъ кого), что у васъ онъ такіа же уже выдалъ; и въ 3-хъ, въ субботу вы мнѣ сами говорили, что имѣете тоже маленькія, а эти маленькія — въ форматѣ альбомныхъ карточекъ.

Теперь, если, не смотря на то, что у васъ уже есть такіа же фотографіи—эти экземпляры, которые у меня, вамъ нужны, то я, хотя и съ сожалѣніемъ, но расстанусь съ ними, и немедленно иринулю.

Что меня больше всего удивляетъ во всемъ этомъ шумѣ Верещагинскомъ, такъ это то, что обѣ стороны совершенно забываютъ о самихъ холстахъ, какъ будто достоинство ихъ вѣ вѣснаго спора и сомнѣнія. А между тѣмъ, это-то и есть главное, что человечество сохранить, и тѣмъ оно дорожитъ. Хорошіи холсты—остаются, другой—забудутъ. А нащренія и идеи Верещагина могли бы съ одинаковымъ удобствомъ быть выраженными другимъ путемъ. Какъ вамъ кажется, правильно я думаю? Вѣдь нельзя же думать, что «Воскресеніе», будучи величюю ариина въ 1 1/2, и гдѣ голова Христа около вершка и нащрена только кляксами, и два сѣтшіные китайскіе солдатика, можетъ быть причислена къ картинамъ евангельскимъ, или антеевангельскимъ—все-равно. Вѣдь это же не картина. О чемъ же рѣчь? И почему шумъ? Что случилось? Неужто религія пала, потому что художникъ выставилъ плохой холстъ? Странно и непостижимо. Сосѣтъ особый мастеръ—этотъ Верещагинъ!

Уважающий васъ Н. Крамской.

СССХLIV. Къ нему же.

Сиб., 4-го февраля 1886 г.

Многоуважаемый Владимиръ Васильевичъ. Дѣлать нечего—необходимо разстаться съ фотографіями. Вижу, что мнѣ не суждено ихъ имѣть. Если я писалъ вамъ о разнѣрахъ картинъ Верещагина на евангельскіе рассказы, то вовсе не потому, чтобы не могъ сообразить, что бываетъ и маленькая картинка выше и значительнѣе большой. Но вотъ чего не бываетъ, чтобы маленькая картинка, небрежно трактованная, набросанная необходимо, какъ понало, кляксами, да еще на большое историческое событіе, или по крайней мѣрѣ на событіе, которое чтить почему-нибудь человѣчество, чтобы такая картинка была бы выше большой и серьезно исполненной. И мнѣ картины Верещагина не нравятся не изъ-за пошлостныхъ взглядовъ, какъ вы выражаетесь, и не потому, почему вы указываете: неспособности буд-то бы Верещагина къ «историческому роду» (вы это говорите о русскихъ художникахъ не въ первый разъ), а потому, что картины Верещагина плоски и... въ самомъ простомъ и обыкновенномъ смыслѣ; да еще потому, что это даже и не картины, а такъ, какіе-то наброски, быть можетъ и колоритные. И я продолжаю удивляться, какъ это изъ-за спорныхъ и шума никто не сказалъ, что самымъ-то холсты плохи! И еще удивительно въ Верещагинѣ: событіе не важное, какой-нибудь взвѣдъ принца Уэльскаго—картина въ площадь, а 30-е августа—такъ себѣ, пустяки. Я говорю о внутреннемъ чувствіи художника, о его чувствіи разбра: для одной идеи довольно листа, а для другой мало двадцати. Другое дѣло, что выдѣтъ у художника, уже, такъ сказать, помимо его воли: маленькое удастся гораздо лучше большому; но это не лишаетъ художника правоспособности оживлять идеи и событія. А вы на меня набросались, какъ будто я Вотъ, знаете что сказалъ. Что же касается до способности или неспособности русскихъ художниковъ къ историческому роду, то, на мой взглядъ, русскіе, какъ и другихъ племенъ художники, одинаково неспособны. Такіахъ картинахъ историческихъ, чтобы онѣ переносили въ эпоху, вездѣ очень мало, но одного этого недостаточно. Какъ ни переноси въ эпоху (например Альфа-Тадема), а нужно еще что-то, чтобы тронуть душу. Вотъ почему картина, иногда лишенная колорита эпохи, въ историческомъ родѣ, трогаетъ современниковъ, и тѣмъ болѣе трогаетъ, тѣмъ болѣе въ ней вѣчныхъ человѣческихъ страданій или радостей. Но это вопросъ такой важности, что я напрасно его коснулся здѣсь,—такъ какъ имѣть ничего легче, какъ возбудить такіахъ образомъ недоумѣніе и споръ.

Уважающий васъ Н. Крамской.

*) Фотографіи съ картинъ Верещагина на Висской выставкѣ того года. Ред.

СССХLVI. Къ П. М. Третьякову.

4-го февраля 1886 г., Сиб.

Многоуважаемый Павел Михайлович. Извините, что я не отвѣчалъ на одно ваше письмо, по поводу Горбунова, Ивана Федоровича. Я становлюсь очень неаккуратенъ на письма. Не знаю, будетъ ли ошибкой изобразить Горбунова рассказчикомъ, или итъ, но думаю, что оно будетъ типично. Онъ и писатель, правда — но будь онъ только авторъ иъкоторыхъ рассказовъ, я не знаю — нуженъ ли былъ бы его портретъ. Вся Россія его знаетъ такъ, какъ я хотѣлъ его нарисовать. А, впрочемъ, кто-жъ его знаетъ, быть можетъ, я и ошибаюсь. Мнѣ кажется, однако же, что въ портретахъ извѣстныхъ людей слѣдуетъ держаться изображенія такого, какъ и чѣмъ онъ заслужилъ свою извѣстность.

Какой ударъ и потеря смерти. Из. Серг. Ансаконъ! Вотъ ужъ действительно! И въ какое тяжелое время! Именно тогда, когда онъ скоро будетъ нуженъ особенно! Богъ знаетъ, что будетъ нужно весной.

Не привезъ ли чего новаго Н. Н. Гѣ? Вы не пишете. И почему онъ иръѣзъ въ Москву?

Здоровье мое все то же, то есть не важно и весьма.

Уважающій васъ Н. Крамской.

PS. А все-таки мнѣ жаль, что вы уклонились нове отъ отвѣта по поводу портрета моего Ан. Ник. Майкова. Право это любопытно. Считаете ли вы портретъ, съ моей стороны, недостойной шуткой? Или просто предполагаете, что будетъ много вѣтъ два портрета такого поэта? Или самый холстъ очень важенъ? Просто интересно мнѣ лично. Конечно, вы не обязаны удовлетворить любопытства, но тутъ статья особая, и какъ бы вы ни думали, я очень огорченъ не буду. Конечно, жаль, если это очень плохо — но все остальное, я докажу, не имѣетъ основанія.

СССХLVII. Къ П. М. Ковалевскому.

10-го февраля 1886 г.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Если вамъ удобно пожаловать ко мнѣ въ среду, въ 2 часа послудимъ, то я ногъ бы начать. Въ среду будетъ сеансъ небольшой.

Примите выраженіе моего къ вамъ глубокаго уваженія и преданности.
И. Крамской.

СССХLVIII. Къ нему же.

11-го марта 1886 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Портретъ вашъ мнѣ окончательно не удается теперь. Это мнѣ стало ясно уже давно, и я показывалъ только, что дѣло обойдется безъ радикаловъ. Ошибка лежала въ началѣ. Я сдѣлалъ больше натуръ. Почему такъ — другой вопросъ. На четвертый разъ голова была готова и кончена въ своемъ родѣ, но... такъ какъ оставить его въ томъ видѣ не было возможно (хотя и была горячая и сильная живопись), а необходимо было ввести въ границы нормальныя, то и началась путаница, мелочи, палитрины, энергія первичная потухла, и осталось на холстѣ нѣчто плоское, хилое и крайне ordinарное. Когда я сегодня узналъ, что будетъ Анна Федоровна*), я былъ глубоко сконфуженъ, что она увидитъ, и что я долженъ буду показать совсѣтъ не то, на что я надѣялся. Дѣтъ 10 тому назадъ уже со мной не случилось ничего подобнаго, и нужно же было мнѣ оборваться именно на вашемъ портретѣ, который я такъ хотѣлъ нарисовать! Теперь я прошу васъ извинить меня, если можете, что вы потеряли такъ много времени, и позвольте мнѣ забыть о томъ, что я писалъ вамъ портретъ, на время неопредѣленное. Когда отдохну, и когда пораженіе мое забудется мною самимъ, я, конечно, съ новымъ духомъ и радикально извѣтню живопись. Теперь же, еслибы я и ногъ продолжать или приступить къ извлеченію радикаловъ, сама живопись устала и замучена, ей надобно высохнуть, такъ, какъ только это возможно. Ради Бога, прошу васъ взглянуть на это обстоятельство моими глазами, и тогда вамъ легче будетъ со мной согласиться, и вы мнѣ поможете забыть неудачу.

Прому извиненія и у милой дочери вашей, что такъ позорно обмануль ея ожиданія. Носила только она будетъ итъ терпѣнне, надѣясь оправдаться.

Глубоко преданный и уважающій васъ Н. Крамской.

СССХLIX. Къ нему же.

23-го апрѣля 1886 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благодарю васъ отъ всего моего сердца, за любезную присылку книжечки «Русской Мысли». Читалъ съ величайшимъ удовольствіемъ**), особенно приятно дѣйствуетъ техника пись-

*) Ковалевская.

**) Статьи М. П. Ковалевскаго о художественныхъ выставкахъ и проч. *Ред.*

на: такъ легко, остроумно, живо, и такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тонко, что рѣшительно можно изумляться. Напримеръ: руки у Мечникова *) дѣйствительно сжать что-то новое въ живописи, это именно и мнѣ самому пришлось въ голову, когда я сажурилъ его въ первый разъ. Но я думаю, что все же это только доступно намъ, какъ поварамъ своего дѣла. И потому, какъ остро и вѣрно оцѣняетъ Маковский Константинъ—его Девойдохъ и дама въ красномъ—верхушки колорита, и здорового. Очень вѣрно. И слабымъ, напримеръ, тамъ не было обо мнѣ вовсе, я еще больше въ васъ удивлялся бы. А то о себѣ какъ-то все думаешь, что пишутъ по... должны, что ли, ужъ не знаю, какъ сказать.

Нѣдѣльки черезъ дѣтъ, я думаю, что начну исправлять свой грѣхъ. Приниме выраженіе моего глубокаго уваженія и преданности.
И. Крамской.

ОССЛ. Къ В. В. Стасову.

Сверская, 16-го Іюля 1896 г.

Благодарю васъ, многорукасыи Владимиръ Васильевичъ, за мнѣ. Письмо и статьи **) получилъ и прочелъ. О статьяхъ я уже слышалъ. Не скрою, что я былъ нѣсколько удивленъ, получивъ посланку, и удивленъ пріятно. Въ послѣднія пять лѣтъ вокругъ меня начала образовываться пустота. Очевидно, становится не интересно знать: что скажетъ Крамской. А онъ такъ много и такъ назойливо высказывался въ своемъ кругу, что уже знаютъ впередъ, что онъ скажетъ. Но, впрочемъ, объ этомъ рѣчь еще впереди. О статьяхъ я напишу немного. Слишкомъ много накопилось другіхъ горючихъ матеріаловъ, и слишкомъ глубоко я начинаю расходиться съ близкими. Кто изъ насъ правъ, и чей голосъ не противорѣчитъ исторіи—вотъ что для меня важнѣе всего.

Приговоръ вашъ роману Золѣ не расходится ни съ моимъ собственнымъ, ни съ большинствомъ мнѣшій, которыя я слышалъ. Всѣ единогласно указываютъ, что превосходно изображенъ художественный міръ вообще, фонъ такъ сказать, и очень странно главные фигуры. Какой въ самомъ дѣлѣ это новый художникъ? Но какаѣ внутреннія причины появленія вашей статьи о романѣ Золѣ? И почему вы многія явленія, которыя, по моему мнѣнію, заслуживали большаго вниманія и немедленнаго обсужденія, проходите молчаливо? Напримеръ, хотя бы тоже учрежденіе въ Римѣ худо-

жественнаго «завѣденія». Или передвижныя академическія выставки? Во всякомъ случаѣ, это нѣмѣ домашнее дѣло, дѣло кровное. Я понимаю, что то, что совершается на всемірной сценѣ, имѣетъ другой, болѣе крупный масштабъ, и потому обращаетъ на себя вниманіе большаго количества людей, но по своей внутренней значительности и содержанию, оно не заслуживаетъ съ нашей стороны исключительнаго вниманія. Тѣмъ болѣе, что вы нѣсколько разъ говорите: «новое искусство, новые художники». Но въ чемъ же состоитъ это новое? Для меня совершенно понятны и тѣ немногія мысли, которыя вы высказываете, но я уже вамъ говорилъ однажды, что этого совершенно недостаточно для вразумленія всей аудиторіи, для которой вы читаете. Мало того, аудиторія эта фатально заблуждается своего профессора—(и, сдѣлавъ прибавки, заблуждается незаслуженно, потому что мысли и положенія профессора исполнены серьезныи и имѣютъ огромное содержаніе). И все-таки, лекторъ во многомъ самъ виноватъ. Вы, служа искусству, любя его и понимая его нужды, обязаны были употребить и пріемы разъясненія, то есть поступать, какъ Вѣлискій въ свое время. Не сказать, а проплатить и медленно, шагъ за шагомъ, выдвигать старые предразсудки изъ ихъ позицій. Недостаточно сказать: «Рутинное, лѣтостое и подлое, старое искусство», а тутъ логикѣ неизбѣжно привести читателя къ тому, чтобы онъ воскликнулъ: «Да, академическое искусство—дѣйствительно мертвое искусство!» Это обязанность критика. Это, наконецъ, въ данномъ случаѣ, ваша обязанность личная, по отношенію къ тѣмъ, кто еще борется и выдвигается изъ силъ. Вы только теперь, наконецъ, увидали, что «консерваторство» начинаетъ свое наступленіе по всей линіи, со всей своей тяжелой артиллеріей давленія и гашенія. А я давно вижу это и говорю. Я имѣю съ вами воскликну: «Слава! есть на что полюбоваться!», только не считаю возможнымъ дать вамъ право, какъ невинному, продолжать такъ, какъ вы продолжаете: «Теперь посмотримъ, какъ-то вамъ братъ выдержитъ натискъ, и какъ-то съ нимъ справится!» Кто это «вашъ братъ»? Почему лѣ и не вашъ? Вы чисты и невинны, вы всегда являлись во время, когда вы были нужны? Вы всегда помогали? И вы помогали такъ, какъ нужно? Дѣтъ, дорогой Владимиръ Васильевичъ, вы не оказали всей помощи, которую могли; болѣе того, вы увеличивали тяжесть положенія неуильмѣмъ вѣрнѣе, впрочемъ, нежеланіемъ долго вразумлять тупыхъ, но... искреннихъ. А этихъ искреннихъ такое огромное количество, что вы себѣ и представить не можете. Именно изъ этихъ-то искреннихъ, но далекихъ отъ искусства, но обстоятельствамъ, людей, и состоитъ та масса, которая задвигаетъ и васъ, и меня, и прочіхъ! Ею-то и надобно овладѣть прежде всего, а не аристократами мысли, которые съ полуслова все понимаютъ, и которыхъ всегда очень мало. Я не могу доу-

*) Портретъ профессора Мечникова, написанный Кузнецовымъ. Ред.

**) Статьи о романѣ Золѣ «Лоскутъ» и о статьяхъ В. В. Верещагина въ «Revue Nouvelle». Ред.

стить мысли, чтобы всё, пишущие в защиту Академии, были немыми сознательными, чтобы они за очевидное вознаграждение писали в духе, убийственном живому искусству, чтобы они за деньги поддерживали Академию; быть, они в самом деле так и думают, как пишут, только думать-то они неизбежно. Это одна сторона. Теперь другая: «новое искусство». Что-ж это за штука такая, объясните пожалуйста! Хотя и не сказал раньше, что я вас понимаю вполне, но, быть может, и не понимаю? Быть может, когда вы высказываете возможно пространно и терпеливо, то мы и разошлись? И почему именно новое и есть настоящее? И не есть ли новейшее, вчерашнее, еще более настоящее? Нет, конечно, и очевидно нет! Потому что тогда пришлось бы допустить абсурд. И так, какое же искусство настоящее? Вы видите, что я предпочел бы, не нитесать дела, выбросить из нашего лексикона слово «новое искусство», и заменить его словом «настоящее», в отличие от фальшивого. Как только перестановка эта произойдет, так сейчас же наступит и большая ясность понимания. Настоящее могло быть и сто лет назад, а фальшивое произрастать в 60-х годах. Словом, необходимо до очевидности различать вот что: при таких-то и таких-то условиях (климата, почвы, администрации) искусство растет хорошо, и бывает наиболее искренно, а стало быть и настоящим; при других же—неизбежно растет одна фальшь. Вы скажете: «Я это говорил и указывал». А я вам отвечал: «Нет, не говорил, то есть не написал на эту тему сочинения, а это необходимо». Это нельзя только сказать, необходимо доказать. Ну, а доказательства всегда по необходимости пространны, потому что, во что человек раз поверит, то входит во всё тончайшее изгибы его мозга и связывается со всеми психическими отправлениями. Все равно, ложное убеждение, или истинное, оно одинаково проникает всё фибры существа: поэтому необходимо встраивать ошибки из всех закоулков. Вы только что сказали враную мысль, но она столь нова, что об этом никто, по-ложив, не думал еще. Попробуйте проникнуть всё фибры существа: поэтому необходимо встраивать ошибки из всех закоулков. Вы только что сказали враную мысль, но она столь нова, что об этом никто, по-ложив, не думал еще. Попробуйте проникнуть всё фибры существа: поэтому необходимо встраивать ошибки из всех закоулков. Вы только что сказали враную мысль, но она столь нова, что об этом никто, по-ложив, не думал еще. Попробуйте проникнуть всё фибры существа: поэтому необходимо встраивать ошибки из всех закоулков.

Если вы помните, я писал вам еще когда-то из Парижа, ровно 10 лет тому назад, писал об Академии и о том, что все внимание должно быть обращено на то, чтобы свалить старую систему образования

художника, что академическая система есть главное зло; но вы мне тогда отвечали, что я увлекаюсь и впадаю в лиризм, много говорю о пустяках, и мало о главном, об идеях. А между тем, прошло 10 лет, и теперь, как тогда, главный враг—воспитание молодых художников, остается во всей силе, и стоит прочно и непоколебимо..... Теперь о нас, так называемых «новых». Причисляю себя к ним только потому, что вы ко мне обращаетесь,—как к таковому. Я думаю, что для человечества дорога не столько идея художника, сколько холсты, в самом презабавном смысле слова. Хорош холст—человечество его сохранит и будет помнить имя автора; не хорош сам по себе—конечно, имя дорожить не будут. А так, хоть Бог знает пусть будут каня новые идеи—всё же одна пыль! Если вы согласны с тем, что главный критерий который только был, есть и будет, есть именно тот, что суть есть картина сама по себе, тогда мы во многом, быть может, во всем, согласны; нет, значит нам идти в ногу нельзя, и мы не поймем друг друга.

Напрямик, я решительно не понимаю вашей последней статьи о Верещагине*). Почему я должен преклоняться, когда прекрасная идея и сюжет дурно исполнены? Выньте картину из коллекции, поставьте у себя в кабинет, и не пройдет 3-х недель, как вам станет обидно, что голова отсутствует, рука дурно исполнена, и вся картина слишком эскизно и без любви сработана. Надо любить искусство слишком головой и теоретически, чтобы прощать художнику небрежное исполнение—ради идеи. Потому, идеи искренны, пока они новы, но раз им прошло одно два поколения, они теряют свою остроту и интерес, и если их холсты, кроме идей, не кажутся чисто живописных качеств, картина отправляется на чердак. Разубедите меня, если и не прав. Понимаю также очень хорошо и то, что только подъем идей и качество содержания поднимают самое искусство, но все-таки история искусства знает не того, кто изобрел, а того, кто сумел пустить в оборот изобретенное. Худо это или хорошо—не мое дело. Я знаю только то, что художник должен с этим ввязаться, заручить это себя на носу и раз навсегда сделать главным своим догматом. Я говорю это как лицо, как художник. Обходя эти вопросы и туманно выражаясь, критика только дело портит. Ведь всё не глупые люди увидят, что есть превращение, а раз что-нибудь неуверенно воспринимается—является законное желание побавить саши.....

*) Статья, напечатанная в «Новостях» по поводу статьи В. В. Верещагина, на французском языке, в «Revue Nouvelle» 1886

Отъ васъ хотѣлъ бы я услышать, что вы разувѣете подъ «примененіемъ», и подъ словомъ: «спасуете». Услышать желалъ бы не отрывочными фразами, а обстоятельными указаніемъ предмета и лицъ, обозначая и то и другое полными именами. А такіе не худо, если вы объясните, при какихъ подвигахъ съ нашей стороны, вы воскликнете: «живи курлика!» И что значить — «живи курлика!» Я вотъ, напримеръ, искренно и глубоко ненавижу главную причину зла въ русскомъ искусствѣ, воспитаніе въ Академіи, и могу только утверждать, что ненависть къ нему не можетъ остынуть даже и въ послѣдній вздохъ мой (какая ужъ тутъ рѣчь о примиреніи!), а между тѣмъ — живи ли курлика? Твердить одно и то же, не сопровождая молитву дѣлами общественнаго служенія — безплодное занятіе. Жаль мнѣ очень и глубоко огорчительно, что въ печати русской нѣтъ голоса, который бы раздавался въ пользу настоящаго искусства, но раздавался бы такъ, чтобы мы, его слабые адепты, чувствовали, что горизонты говорящаго за насъ гораздо шире нашихъ собственныхъ, и что сознаніе у нашего вождя и защитника зорко слѣдитъ и ничего не упуститъ безнаказанно, что должно быть наказано; что главныя положенія, служившія основаніемъ движенію, будутъ разъяснены съ должною полнотою, и споръ станетъ невозможнымъ. Не было этого прежде, теперь онъ идетъ безразсудно. Приходится терпѣть и молча вывести ликующую занкаллію, которая утвердилась въ художественной критикѣ. Писать самимъ художникамъ небезопасно, по многимъ причинамъ: какъ-разъ художникъ договорится до того, до чего договорился Вережагинъ. Это во всякомъ случаѣ не можетъ служить въ пользу искусства вообще. Гораздо лучше, когда за это дѣло берутся люди посторонніе. Ну, что-жъ дѣлать, я живу въ дурную полосу, но совѣсть меня пока не упрекаетъ!!!

Вашъ И. Кранской.

СССЛІ. Къ нему же.

Сверскск., 21-го іюля 1886 г.

Продолжаю отвѣчать..... Является первичная форма «Артели». Я понималъ отлично въ тогда, что то, что возникаетъ, не даетъ художнику возможности развитія. Но тогда необходимо было прежде всего жѣсть, пилаться, такъ какъ у всѣхъ 14 человѣкъ было два стула и одинъ трезюгій столъ. Тѣ, у кого хотя что-нибудь было, сейчасъ же отнали. Когда мы получили возможность найдаться до-сыта, не въ праздники только, а и въ будни, явилась у нѣкоторыхъ жажда духа, а у другихъ полное довольство и оживленіе. Въ эту минуту возникаетъ идея Товарищества передвижныхъ выставокъ. Забудьте: Академія еще и къ этому времени, въ 70-мъ

годамъ, не оправилась отъ потери крови въ 63-мъ году *). Никого не было изъ молодыхъ людей, который бы стоялъ на ея сторонѣ. Главное, во всемъ этомъ было слѣдующее: Въ 41-мъ году, правительство какъ бы сказало: пора перестать помогать, будьте сами по себѣ. И вотъ, уничтожили казенно-коштныхъ и приняли всѣ, кто хотѣлъ, и дѣлалъ въ Академіи тоже, что хотѣлъ. Академія и была, и не была. Профессора заняты Неаакіемъ, а ученики пинутъ: чиновниковъ, охтинокъ, мужиковъ, рынки, задворки, что что пошло. Ватага хотя и была негнѣбственина, а дѣлала то, что въ сущности было пужо. Вотъ изъ этого-то времени — времени недосмотра профессоровъ, и возникло то, что потожъ себя заявили, и тогда же образовалась тотъ контингентъ, который что-нибудь сдѣлалъ для національнаго искусства. Отъ этого недоразумѣнія были такіа послѣдствія, что ключество той жизни до сихъ поръ еще отапывается. Марія Николаевна и Гагаринъ увидали, что художники негнѣбственины. Забудьте, всего два человѣка, и нѣмѣе власти, но что надѣлали! Надо поставить Академію на высоту. И поставили. Прозвѣшавъ же молодежи говорить: «Попробую сама, если вы не позволите». Послѣ 70-го года, — иные люди, иные пѣсни. Всѣ, кто вышелъ изъ Академіи послѣ этого времени, иначе окрашенъ, и къ сегодняшнему времени набралось ихъ уже столько, что Академія можетъ устраивать выставки, и въ самомъ дѣлѣ можетъ. Что-жъ публика? Да ничего, она въ нынѣшнемъ году посылала Академію художествъ въ количествѣ 20,000 посѣтителей, а Академію наукъ **) — въ количествѣ 15 тысячъ. Вотъ вамъ и отвѣтъ публики..... Лѣтъ черезъ 30 или больше, конечно, возникнетъ вновь народное движенье (и то, если переимѣнится административный режимъ!), а до тѣхъ моръ — спите и поивайте, соратники! Теперь же ниня времена и ниня пѣсни! Неужели же вы не видите, что родъ живописи Вакаловска, Семирадскаго и прочіихъ — теперь самый желательный? Его наиболѣе всего склонна признать и печатъ...

Вашъ И. Кранской.

СССЛІІ. Къ нему же.

1-го августа 1886 г., Сверскск.

Уважаемый Владиміръ Васильевичъ. 18-го іюля я получилъ отъ васъ письмо съ недоуздѣнными и съ вызовомъ на перениску. Тѣмъ же было нѣ-

*) Рѣчь идетъ о 13-ти товарищахъ, отказавшихся въ 1863 г. отъ конкурса на большую золотую медаль и вставившихъ Академію.

**) Въ залахъ Академіи наукъ происходила тогда выставка передвижниковъ.

сколько тенных строкъ къ моему угнетенному состоянію духа и выраженіе симпатій ко мнѣ...

Я былъ благодаренъ вамъ, но не менѣе удивленъ, что вы не кончили моего письма, и приписали мнѣ такія мнѣнія и такіе взгляды, отъ которыхъ я былъ всегда далекъ.

Я написалъ вамъ тогда же немедленно одно очень длинное письмо, съ объясненіями, и отправилъ его 20-го числа, другое—въ продолженіе перваго, покорооче, но тоже пространное, и пустилъ ихъ по адресу къ вамъ, въ Публичную Библиотеку. Чтобы дать вамъ понятіе о разлѣлахъ писемъ, сообщаю, что на одномъ было 3 марки, а на другомъ 2. Но вотъ уже 10 дней, отъ васъ нѣтъ отвѣта.

Я не обижаясь (еще менѣе), но меня удивляетъ, что вы не отвѣчаете, въ то время, когда сами же вызывали на переписку.

Могу думать также, что у васъ, во ироченіи конхъ посланий, пропала охота разговаривать со мной, но и въ этомъ случаѣ простое утѣшденіе, что письма получены вами, конечно было дѣло довольно ясно, а то я недоумываю, что бы это значило?

Неужели письма не дошли?—Это было бы и удивительно и жалъ, потому что написать ихъ опять нѣтъ ни силъ, ни охоты.

Преданный вамъ Н. Крайской.

СССІІІ. Къ нему же.

2-го августа 1886 г. Сиверскан.

Сейчасъ получилъ ваше письмо, уважаемый Владиміръ Васильевичъ, и очень радъ, что есть причина вашему молчанію, а то я боялся, что письма пропали, не вѣтому, чтобы они что-нибудь значили сами по себѣ, а потому, что на нихъ потрачено мною много труда, хотя и напраснаго, какъ я вижу. Въ самомъ дѣлѣ, серьезно, оказывается, что чѣмъ дальше въ дѣлѣ,—тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ я стараюсь больше, тѣмъ меньше вы понимаете... и тѣмъ все съ болѣющимъ жаромъ убѣждаете меня, что я не тотъ уже, какъ прежде, и что я опускаюсь на дно. Что-жъ я могу тутъ сдѣлать? Могу только свидѣтельствовать, что, значить вы меня ни камельки и не знали. Я всегда былъ именно то, что теперь, и вы напрасно такъ храбро утверждаете, что я будто бы «отказываюсь отъ того, что прежде думалъ, и что прежде находилъ хорошихъ, то сталъ находить худыхъ». Это ужъ, извините, я готовъ назвать это клеветой. Этого нѣтъ и не было!

Обращаюсь къ вашему послѣднему письму но существу. Буду по воз-

можности для меня яснимъ, чтобы нельзя было перетолковать моихъ словъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

Ну скажите, по совѣсти: неужели вы хоти на минуту могли серьезно подумать, что я извѣрю успѣхъ художественный—но численоститителей? А между тѣмъ, я это написалъ, да, написалъ; и еще напину. Неужто я такой дуракъ, что вотъ такъ просто и думаю? Вѣдь кому я пишу? Я пишу человеку, который знаетъ дѣло не хуже моего, и онъ, услышавъ отъ меня о цифрѣ, войнеть моментально, что эта цифра, въ связи со всѣмъ, что было въ эти 14—15 лѣтъ, «кое-что» поясняетъ. Именно «кое-что», къ чему не слѣдуетъ относиться свмсока и фыркать. Это есть симптомъ, указывающій, какъ барометръ, на сколько публика чувствительно задѣта. Примеръ «Намъ» сюда не идетъ, потому что то былъ скандалъ, а тутъ дѣла текуція, къ которымъ публика привыкла, и ностунаетъ болѣе или менѣе «хладнокровно»—а это много значить! Да наконецъ вы сами, когда-то, говоря о Верещагинѣ и его выставкѣ, ссылались на то, что у него было такъ много посѣтителей, какъ никогда на выставкахъ. Что бы вы сказали, если бы я, придравшись къ этому, закричалъ: «Понимаете, вы оцениваете художественный успѣхъ числомъ посѣтителей!!!» Воля ваша, такъ нельзя. Какъ нельзя взымать на меня и «канцелярскую бумагу...»

Теперь два слова вообще о нашемъ недоразумѣніи. Не употреби вы въ первой своей запискѣ фразы, что вотъ-дескать наступленіе по всей линіи, «посмотримъ, какъ-то вамъ брать выдержитъ», я не написалъ бы своего письма и не было бы ни втораго, ни третьяго... И такъ помню, а тутъ еще вы: «Посмотримъ на вашего брата!!!» Тогда какъ вы, именно вы, не все сдѣлали, что могли, а можетъ быть и не могли. Всѣ мои требованія отъ критики, всѣ мои требованія, объясненія, относились только именно и лично къ вамъ, а не къ тѣмъ, кто кроетъ васъ опредѣляя и писалъ о новомъ искусствѣ. Тѣ сдѣлали свое дѣло, а вы передъ русскимъ обществомъ не сдѣлали. Что же касается «Тормазовъ русскаго искусства»), то я когда-нибудь изложу вамъ мои взгляды на это лично, по самой статьѣ. Но повторяю: мало сказать, надо доказывать.

Вамъ Н. Крайской.

СССІІІІ. Къ нему же.

8-го августа 1886 г., Сиверскан.

Я-было кончилъ съ вами переписку, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, потому что усталъ, и физически, и нравственно. Въ самомъ

*) Статя В. В. Стасова въ «Вѣстникѣ Европы».

дѣлѣ, вамъ говорю про Ому, а вы (извините) — про Брему. Я вамъ пишу, что ваши писанія и статьи грѣшатъ тѣмъ, что не убѣждаютъ читателя, хотя полны вѣрныхъ положеній и новы, и что именно, въ силу ихъ новизны, необходимо убѣждать, убеждать, разжигать и вдалбливать... А вы мнѣ о слабыхъ, хромыхъ и Силоанской купели, и кончили такъ, какъ я и не ожидалъ: что я васъ считаю критикомъ ничего нестоющимъ и даже вреднымъ. Да въ моихъ послѣднихъ даже письмахъ вы найдете указаніе, противорѣчащее этому. Я всегда говорилъ, что во всякомъ случаѣ вы единственный человѣкъ, который съ 60-хъ годовъ говорилъ то, что исторически было нужно. Теперь, по опредѣленіи вашей дѣятельности, я могу прибавить: какъ жаль, что этотъ единственный человѣкъ такъ халатно относится къ своему дѣлу, и не хотѣлъ никогда узнать, изъ кого состоитъ его аудиторія. Потому что у него на лекціи, кромѣ меня и еще 5—6 художниковъ, которымъ жевать нечего, собирается слушателей два — три десятка тысячъ, которые во только не мѣшаютъ въ себѣ ничего враждебнаго лектору, но искренно хотѣли бы узнать, что это за движеніе въ искусствѣ, и что это за новое искусство, и какъ это понимать надобно... Но лекторъ бросаетъ себя отрывочныя положенія бездоказательно, которыми такъ и остаются висѣть въ воздухѣ, а ловкіе шарни все это потомъ наизмыгаютъ на ниточку и высѣкаютъ мереди публикой, въ другихъ аудиторіяхъ. Изъ вашихъ истинныхъ и прекрасныхъ положеній и мыслей ничего не остается. То-есть, остаются крупницы у слушателей, которые собственно и безъ васъ много понимаютъ и видятъ. Мнѣ обидно, что ваша критическая дѣятельность, въ области живописи, привела не въ торжеству тѣхъ истинныхъ положеній, за которыми вы стояли, а къ поумаленію, и даже болѣе, къ осужденію. Потому что, стоишь зайти рѣчи о статьяхъ Стасова, какъ со всѣхъ сторонъ раздаются возгласы: «Ну что Стасовъ, вѣдь ужъ это известно!» и т. д. И такъ, слѣдовательно, я васъ не только признаю, и признавалъ, но говорю — вы единственный. А что я пишу о вашихъ недостаткахъ, какъ критика, то это мнѣ не мѣшаетъ понимать то здравое и истинное воззрѣніе на искусство, которое лежитъ базисомъ въ вашихъ статьяхъ.

..... Не могу не вернуться еще къ тому, какъ вы поняли мою критику о васъ, какъ писателѣ. Вы обидѣлись, хотя скрываете это. Вы пишете, что хотѣли мнѣ предложить даже не читать вашихъ статей. «Чортъ съ ними», пишете вы. «Вы, Крамской, легко найдете столько другихъ статей, которыя будутъ вамъ симпатичны, пріятны, будутъ удовлетворять васъ... Вотъ этого я не могу оставить вамъ и подарить, то-есть пройти безъ отвѣта. Что это, какъ не горечь обиды и обиды авторской! До сихъ поръ мы хорошо маскировали себя передо мной. Я все думалъ: Вотъ человѣкъ,

который о себѣ способенъ выслушать правду и не обидѣться! (то-есть правду мою личную). Я глубоко васъ за эту черту уважалъ. Это было указателемъ недолжнаго личнаго характера. И вдругъ, вы такъ же, какъ и первый вѣтринный, говорите: «Возьмите читать другого, о! вы много найдете такого, что васъ будетъ удовлетворять!!!» Да за кого-жъ вы меня принимаете? Какъ будто я не знаю, кто что пишетъ объ искусствѣ! Какъ будто вы дѣйствительно знаете, что меня удовлетворитъ! И какое обидное и униженное предположеніе! Вы меня не удовлетворяете, стало быть люди противоположнаго вамъ направленія меня удовлетворятъ! Не ожидалъ я, что вы такъ обидчивы — буду знать впередъ. Меня обманула кажущаяся ваша невозмутимость.

Дальше: вы пишете, что я въ какой-то «робости» и мѣшаю «отчаянію» за русское искусство. Извините, этого я никогда не высказывалъ. За все русское искусство я спокоенъ, и знаю, что оно себѣ, рано или поздно, а завоеуетъ уваженіе, и уваженіе широкое, начиная даже съ правыхъ и направляющихъ его судьбами и кончая улицей. Искусство національное (какое только и мѣшаетъ настоящую цѣну) должно быть уважаемо и должно пользоваться подобающей честью, но... только долго и далеко до торжества. Я думаю, даже, что благодаря «атакѣ» по всей линіи, какъ вы картинно выразились, національное искусство вступаетъ въ полосу гоненія сознательнаго. Прежде — при Федотовѣ и на зарѣ Перова и молодой плеяды, гоненіе было спорадическое, безсознательное, припадками, а наступаетъ время систематическаго вытравливанія. Молодежь, которая монополизуетъ всегда кадры, не на стороне національнаго искусства, а это указываетъ на наступающее затмѣніе — и надолго. Кто этого не видитъ — благо ему, пусть ликуетъ, что русское искусство точно слонъ! Обо всѣхъ такихъ напастяхъ я одновременно былъ въ набабѣ, говорилъ, а кончилъ тѣмъ, что вижу: мнѣ надо сидѣть тихо и не вмешиваться; другіе лучше меня видятъ и понимаютъ и время, и обстоятельства. Прогнѣвъ этого послѣдняго я ничего не мѣню, но дожить до признанія того, что я не совсѣмъ ошибался, мнѣ бы хотѣлось.

Экъ, много чего еще слѣдовало бы поговорить, но я усталъ. Извините, больше писать не буду. Если хотите, можемъ встрѣтиться въ городѣ, въ воскресенье въ 6 часовъ. Я буду обѣдать въ саду, бывшемъ Денути, и останусь ночь въ городѣ. Въ понедѣльникъ долженъ уѣхать назадъ.

Вашъ И. Крамской.

Объ Рафаэлѣ — устно.

СССЛV. Къ П. М. Ковалевскому.

21-го сентября 1886 г., Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Возвращаю вамъ книгу Толстого, и глубоко благодарю васъ. Говорить о «Смерти Ивана Ильича», а темъ паче восхищаться, будетъ по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Это нѣчто такое, что перестаетъ уже быть искусствомъ, а является просто творчествомъ. Рассказъ этотъ прямо облепленъ, и я чувствую глубокое волнение при мысли, что такое произведение снова появилось въ русской литературѣ. Слова Вогу, и русскіе внесли кое-что и увеличили и безъ того великое собраніе человѣческихъ произведеній. Удивительно въ этомъ рассказѣ отсутствіе, полное, украшеній, безъ чего, кажется, нѣтъ ни одного произведенія человѣческаго.

Извините меня, что я все еще не могу указать точно дня, когда я примусь за окончаніе портрета. Одно скажу, что должно быть скоро.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

Н. Крамской.

СССЛVI. Къ нему же.

30-го сентября 1886 г., Сиб.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Со 2-го октября я ноябрьскую работай. Ежедневно къ вашимъ услугамъ. Выберите день, и дайте знать телеграммой.

Примите выраженіе моей глубокой почтительности и уваженія.

Н. Крамской.

СССЛVII. Къ В. В. Стасову.

Сиб., 30-го сентября 1886 г.

Принишу мою благодарность, многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, за память о моей просьбѣ — прислать статью вамъ по поводу академіи въ Римѣ.

Совершенно согласенъ, что академія въ Римѣ не только безполезна но... вредна! Это одинъ изъ оскорбительнѣйшихъ помысловъ академической клики. Прибавлю только, что въ статьѣ недостаетъ нѣкоторыхъ соображеній, извѣстныхъ, впрочемъ, только художникамъ. Если здоровье позволитъ, я дополню отъ себя въ печати, что, по моему мнѣнію, необходимо поставить на видъ охотникамъ сочинять оклады и должности. Быть можетъ, здравый смыслъ восторжествуетъ и академіи не заведутъ!

Что касается разныхъ перипетическихъ вопросовъ, то я не знаю, какъ быть — я почти не могу выходить, боленъ, а самъ я дома постоянно и радъ васъ видѣть всегда.

Вамъ И. Крамской.

СССЛVIII. Къ П. М. Ковалевскому.

20-го октября 1886 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Христа ради, объясните всѣмъ, что на фонѣ пятенъ нѣтъ, а это жужженье. Конторку я когда-нибудь сдѣлаю у васъ. Портретъ въ невозможномъ видѣ!!

Н. Крамской.

СССЛIX. Къ И. Н. Вожерянову *).

(Редактору-издателю «Художественнаго Хроникера»).

9-го декабря 1886 г.

Извините меня великодушно, что я такъ долго не могъ вамъ отвѣчать, но мнѣ не легко было исправить списки, такъ какъ подлинныхъ не имѣю, а отыскать можно было только въ Архивѣ Товарищества, для чего я все тревожилъ письмами членовъ правленія Товарищества. Я переставлялъ, какъ вы увидите, года, потому что выставки сначала все запаздывали, пока не пережилъ въ другой годъ, т. е. первая была въ сентябрѣ и октябрѣ 1871 г., вторая въ ноябрѣ и декабрѣ 1872 г., а третья въ январѣ и февралѣ 1874 г., и только съ этой выставки установились правильные сроки.

Н. Крамской.

СССЛX. Къ Е. М. Вѣмъ.

Сиб., 25-го декабря 1886 г.

Многоуважаемая Елизавета Меркурьевна. Благодарю васъ за трогательную внимательность, которую вы мнѣ постоянно выпытываете. Литстики менѣ (**)—забавная прелесть.

Уважающій и преданный И. Крамской.

*) Это письмо, съ приложеніемъ списка (впрочемъ не полного) работъ Крамского, было напечатано въ «Художественномъ Хроникерѣ» 1887, №13—14. Ред.

**) Тетрадка слугуетъ съ «дѣтскими мнѣніями», композицій г-жи Вѣмъ. Ред.

СССЛXI. Къ П. О. Ковалевскому.

12-го января 1887 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Сердечно благодарю васъ за вашу о насъ, бѣдныхъ (дѣйствительно бѣдныхъ), заботливость. Но пощенице это *) намъ знакомо, его осматривали. Это обыкновенная квартира, не очень большая, кѣшащая двѣ комнаты большихъ и... только.

Примите выраженіе благодарности и уваженія. И. Крамской.

СССЛXII. Къ П. М. Третьякову.

15-го января 1887 года, Сиб.

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Я очень радъ, что не ошибся. Мнѣ помнилось только, что я такъ серьезно (будучи больнымъ) сожалѣлъ, что не сдѣлалъ этотъ несчастный портретъ. Полагая также, что мнѣ въ будущемъ времени не представится его сдѣлать, я хотѣлъ, когда представился случай, очистить долгъ, очистить его совѣсть. А потому, какъ мнѣ казалось, включилъ его въ счетъ, и писалъ объ этомъ. Но точно также, безгранично вамъ вѣря и приемыкнувъ къ вашей точности, которая превосходить мою въ значительной мѣрѣ, я сомнѣвался. Радуюсь, что дѣло разъяснилось. Что же касается уплаты, то это все равно—время терпѣть; придете на маслянику, тогда отдадите за оба. Не знаю только, не покажется ли вамъ дорого за Васнецова 3000? Но вѣдь я становлюсь все дороже, по мѣрѣ приближенія къ... Впрочемъ, вы скажете мнѣ тогда, еслибы вы нашли цѣну дорожю. Что же касается ***, то я постараюсь возбудить эту въ вопросъ, разъяснить его окончательно, и сообщу вамъ.

Пшму такъ неутѣрено вотъ почему: г-жа эта на меня очень, оказывается зла, именно зла, и она, къ сожалѣнію, такова и есть, да еще и... женщина. Когда я узналъ отъ друга ея (бывшаго), женщины писательницы, объ этомъ обстоятельстве, и безгранично былъ удивленъ, и долго не могъ добиться причины. Но наконецъ мнѣ удалось узнать слѣдующее: она на меня разсердилась за то, что я не показалъ ей своей картины (большой), которая 7 лѣтъ тому назадъ стояла однажды въ Петербургѣ, въ мастерской. Дѣло было такъ. По возвращеніи моемъ изъ-заграницы, я съ *** не выдался съ тѣхъ жоръ, какъ писалъ ее въ... Однажды она прѣхала въ Петербургъ и была у меня съ двумя своими друзьями и пріятельницами (и моими знакомыми), которымъ она сказала раньше, что вѣдетъ ко мнѣ смотрѣть мою картину. Тѣ ей сказали, что я никому ее еще не

*) Для Передвижной выставки въ Петербургѣ.

Ред.

показываю, но она имъ отвѣчала: «Все равно—мнѣ покажетъ, пойдете». Дѣло было вечеромъ. За часъ она говоритъ: «Ну, Иванъ Николаевичъ, войдите посмотреть картину—я за тѣмъ и прѣхала». Я извинился и сказалъ, что не могу показать. Она стала обижаться. Чтобы оправдать отказать, я сказалъ, что даже жена моя (показываю на Софію Николаевну) не выдала ее!.. Вотъ я только! И вообразите, это, говорятъ, истинная причина, да другой и быть не можетъ, такъ какъ я съ нею никогда не выдался.

Уважающій васъ И. Крамской.

СССЛXIII. Къ В. В. Стасову.

15-го января 1887 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ. Радуюсь видѣть Марка Матвѣевича Антокольскаго, а также радуюсь, что онъ на меня не деринтъ зла. Я всегда дона. Двинуться самъ къ нему не могу, но еслибы онъ ко мнѣ не зашелъ, то дѣлать нечего, я постарался бы его увидать, чтобы снять съ себя тяжесть.

Преданный вамъ И. Крамской.

СССЛXIV. Къ И. П. Ропетту.

30-го января 1887 г., Сиб.

Многоуважаемый Иванъ Павловичъ. Находясь еще подъ впечатлѣніемъ видѣннаго мною вчера «Троннаго мѣста» *), хочется сказать вамъ, что думается.

Во-первыхъ, прошу васъ: не троньте типа и характера общаго, и даже детальныя вещи не очень позволяйте себѣ трогать.

Вы нашли чрезвычайно удачную форму, форму, которая не приходитъ часто художнику. Скажу вамъ, что я не то, чтобы былъ неограниченный критикъ, но утверждаю о себѣ, что если мнѣ что понравится и засядетъ, въ томъ есть что-нибудь. На этотъ разъ, «Тронное мѣсто» ваше—это новизна, оригинальность и необыкновенная красота, хотя и своеобразная.

Во-вторыхъ, не думайте пожалуйста, что вы можете легко улучшить, поправить, и, перекомпоновывая, получить еще болѣе интересное. Увѣрю васъ—заблужденіе. Почему заблужденіе, когда вы чувствуете себя въ силѣ сдѣлать еще болѣе красивое? Я знаю изъ наблюденій многихъ годовъ надъ композиторами, живописцами и архитекторами,—общее за-

*) Для проекта памятника Александру II въ Москвѣ, самого Крамского. Ред.

блужденіе: что когда достигнуть смыслъ, выраженіе, то обыкновенно думаютъ, что можно еще это удлинить. Вотъ эта-то мысль и есть заблужденіе. Психологическій законъ тотъ, что если данная форма разъ выражаетъ задачу, всякая другая только будетъ хуже. Въ вашей формѣ совершенствованіе можетъ идти въ сторону миниатюрныхъ украшеній на данныхъ теперь шаблонахъ. И еще, что можетъ быть не хуже того, что есть, это только величина, размѣръ. Если, при вырисовываніи и детальной обработкѣ, общее станетъ чуть-чуть (замѣтьте: чуть-чуть!) меньше, будетъ не хуже, а больше—Боже избави!

Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

Украшайте и отдѣлывайте, если найдете нужнымъ, но не передѣлывайте, ради Бога.

Дѣло рѣшено. Задача кончена. Я очень радъ и благодаренъ вамъ.

Вашъ И. Крамской.

Нельзя ли чертежъ этотъ оставить неприкосновеннымъ? Каждую, даже малую поправку, лучше сдѣлать на другомъ рисункѣ, а то этотъ рисунокъ при вырисовываніи измѣнится и возстановить его будетъ уже невозможно.

СССЛXV. Къ П. М. Ковалевскому.

Февраль 1887 г.

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ. Благоволите отпустить портретъ для выставки. Говорятъ, что выставка обѣщаетъ быть интересной. Съ воскресенья будемъ ждать Государа.

Глубокопрестанный и уважающій васъ И. Крамской.

СССЛXVI. Къ Е. М. Вѣмъ.

14-го марта 1887 г., Сиб.

Глубокоуважаемая Елизавета Меркурьевна. Мнѣ встрѣтилась надобность въ рисункахъ цвѣтовъ, грибовъ и насекомыхъ; а такъ какъ вы и сестра ваша имѣете превосходные рисунки, то не благоволите ли прислать мнѣ, съ посланнымъ, на одну недѣлю. Ручаюсь, что буду обходиться очень бережно, и возвращу съ величайшею благодарностью и въ совершенной исправности. Если можете, не откажите. Исполненіемъ просьбы обяжете очень глубоко уважающаго васъ и преданнаго

И. Крамского.

PS. Дочь моя возвратитъ вамъ ихъ.

III

СТАТЬИ

I. Взгляд на историческую живопись *).

Миръ праху твоему, святой, великій и послѣдній потомокъ Рафаэля! Съ твоею смертью, благородный Ивановъ, окончилось существованіе исторической религіозной живописи въ томъ смыслѣ, какъ ее понималъ и которому жила Рафаэль. Ты стоишь послѣднимъ и заповѣдающимъ ее представителемъ, и въ этой-то замкнутости причина твоей смерти и судьба картины между твоими современниками. Но твое позднее появленіе въ мирѣ не случайное, а составляющее рубежъ и связь съ будущими историческими художниками, которые будутъ трудиться на пути, тобою указанномъ, проявляя то же въ другихъ образахъ. Твоя картина будетъ школой, въ которой окрѣпнутъ иные дѣтели, и она же укажетъ многимъ изъ молодого поколѣнія ихъ назначеніе. Часъ старой исторической живописи пробѣжалъ, и предъ твоею картиною не одинъ изъ юныхъ художниковъ искренно молился и искренно задумалъ въ глубинѣ духа объ утратѣ вѣры въ людей, и не одного изъ нихъ вылетѣлъ ужасающій вопль о пустотѣ и безплодности человѣческаго сердца, и не одинъ изъ нихъ почувствуетъ исподлинскую силу для представленія всего безобразнаго и пустынности человѣческаго рода, и всего того, къ чему пришло человечество съ своимъ эгоизмомъ, безвѣріемъ и званіемъ. Да, твоя картина — для художниковъ!.. Что такое понимается въ настоящее время подъ словомъ «историческая живопись» — представителями искусства? Или они и сами не выкажутся въ смыслѣ,

*) Статья эта осталась неизмѣченной. Въ своихъ статьяхъ «Судьбы русскаго искусства» (1877) Крамской, говоря о смерти Иванова въ 1858 г., прибавляетъ: «25 лѣтъ работать, думать, страдать, добиваться, прѣлечь домой, къ своимъ, крикнуть этотъ подарокъ (картину), что такъ долго и съ такой любовью къ роднѣй готовилъ, и вотъ тебѣ! Мы даже не сумѣли пощадить бѣлагого челоуѣка. Мнѣ просто стало странно. И, конно, я даже что-то такое написалъ по поводу смерти Иванова».

а трактуют о ней по известным наружным признакам, как-то: тогам, сандалиям, драпировкам и археологической вѣрности утвари; или же ничего не подозреваютъ, а оставляютъ развитие молодыхъ людей на произволъ заведеннаго порядка. И того и другого слѣдствіемъ бываетъ смерть талантовъ, недостаточно сильныхъ уничтожить увыковенные порядки, какъ по неправильному направленію, полученному въ ранней молодости, такъ и по недостатку средствъ къ развитію. И вотъ является картина, великая по идеѣ, замѣчательная по исполненію и истинно-историческая по духу, и что же? Руководители искусства не нашли въ ней творчества, композиціи, и объявили вещь плохой и несогласной съ законами исторической живописи! А публика? А публика живетъ другой жизнью, жизнью Фауста, и въ ней нѣтъ уже тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ вышла эта картина,—она утратила вѣру, она погружена въ свои ученые результаты, она гордится своимъ знаніемъ, она поклоняется ниному богу и ей ли слушать слова пророковъ, когда она имъ уже не вѣритъ, ей ли вслушиваться въ слова Спасителя, когда она уже ихъ извѣстила и отвела мѣсто Ему между гениями земли? Нѣтъ, она уже не можетъ увлекаться этикой, она переросла этотъ періодъ! И вотъ участь этого произведенія рѣшена, а съ нею вышѣ и участь художника—творца ея. И онъ умеръ. Да онъ и не могъ жить одной головою, безъ участія сердца,—ему надобна жизнь полная, человѣческая. А чѣмъ же онъ будетъ дышать, когда элементъ питанія сердца былъ отнятъ у него, какъ только онъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью?.. И наль онъ, великій, и ни въ концѣ въ публикѣ не дрогнуло сердце,—только художники почувствовали себя оскорбленными, и только у нихъ вырвался болѣзненный стонъ.

Да, миръ твоему праху, великій Иванов! Другого Иванова не будетъ, потому что художникъ настоящій и художникъ будущій, вѣрный своему идеалу, станетъ подслушивать бѣшенъ пульса человѣческой жизни теперь, для того, чтобы уразумѣть и опредѣлить, какъ доктору, родъ бо-
лѣзни...

До этой роковой минуты художникъ привыкъ думать, что историческая живопись Рафаэли, Леонардо-Винчи, Корреджіо, Мурильо и др. существуетъ и живетъ, а что нѣтъ только великаго таланта, чтобы заставить увлечься публику, и онъ скорѣе готовъ клеветать на себя, чѣмъ на общество; но фактъ такой яркій, потрясавшій, совершившійся на его глазахъ, вывелъ его изъ этого ложнаго убѣжденія, и онъ остался съ разбитымъ сердцемъ и съ недоумѣніемъ, ни къ чему его не приводящимъ, какъ только къ тому, что историческая живопись пала. Но забылъ онъ, бѣдный, вторыхъ, что онъ живетъ и что живетъ еще и родъ людской, а нека живутъ люди, живетъ исторія! Развѣ-жъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣкъ ге-

мершій не есть достояніе исторіи, развѣ онъ будетъ пробѣлкомъ въ ней и мы не будемъ жить въ потемкахъ? Нѣтъ, онъ будетъ принадлежать исторіи, хоть бы ей пришлось сказать о насъ, что мы ничего не сдѣлали и ничего не прибавили въ сокровищницу Бога, къ оправданію себя предъ Нимъ за жизнь свою, и что мы только были довольны тѣмъ, что уже все знаемъ. И такъ, настоящему художнику предстоитъ громадный трудъ закричать міру громко, во всеуслышаніе, все то, что скажете о немъ исторія, поставить предъ лицомъ людей зеркало, отъ котораго бы сердце ихъ заболѣло тревогою, и заставить каждого сказать, что онъ увидитъ тамъ свой портретъ, и тотъ только будетъ истиннымъ историческимъ художникомъ, кто, оставшись вѣрнымъ своему идеалу и началу всего яснаго въ природѣ, покажетъ расставаніе, отдѣляющее начало отъ его проявленія. Хотя и жалъ, и грустно расстаться съ образцами древнихъ,—художникъ долженъ пожертвовать своею любовью для любви къ людямъ. Онъ долженъ расстаться съ ними и потому, что вѣчная красота, которой поклонялись древніе художники, невидна между людьми и что съ этой вѣчной красоты дерзкая пылкость и самопоклонение сорвали покрывало, подъ которымъ она жила между нами; сорвали покрывало съ религии, багнъ міра сего и не нашли подъ нимъ ничего.

И вотъ, раздвѣся хохотъ искусства, торжествовавшего свою послѣднюю побѣду надъ бѣднымъ человечествомъ, и къ нему присоединились дерзкіе хулители вѣчной правды, и міръ увидалъ, что дѣйствительно не достать опустѣлъ,—забывъ забыть Бога и собственныхъ убѣжденій, что не можетъ красота вѣчная и божественная быть явлена очамъ неправедныхъ, лукавыхъ и искушающихъ...

Но въ самомъ ли дѣлѣ идеала нѣтъ нигдѣ, если его нѣтъ на передѣсталѣ?.. На вопросъ этотъ отвѣтитъ художникъ, вѣрный идеалу и живущій полною жизнью, художникъ, который заговоритъ съ міромъ на языкѣ, понятномъ всѣмъ народамъ, художникъ, подслушавшій послѣднее, предсмертное бѣшеніе сердца зла, художникъ, который угадаетъ историческій моментъ въ темернейшей жизни людей, въ темернейшемъ поворотѣ и послѣднемъ возрастѣ міра, — въ возрастѣ званія и убѣжденія... И обо всемъ этомъ скажетъ въ свое время историческій художникъ!...

1888 г.

награду, должна быть немощна, насколько это возможно, и обезнечивать усилъхъ достойнѣшему. Но вотъ Академія, съ своей системой, о которой идетъ рѣчь, уже сто лѣтъ (въ будущемъ году) какъ ежегодно посылаетъ по нѣскольку человѣкъ, а мы все-таки не имѣемъ изъ нихъ художниковъ. Даже какъ будто въ насѣлку надъ усилями Академіи, болѣе или менѣе лучшихъ и даровитѣйшихъ представителей искусства вышла изъ молодежи, непризнанной Академіей. Хотите ли примѣровъ? Извольте. Шебуевъ и Второвъ не получили золотыхъ медалей, Брюлловъ не былъ удостоенъ первой золотой медаліи*), Врунъ также—вотъ имена громкія изъ нихъ. Давно уже выражено было желаніе и литературною соимѣнъ въ дѣйствительной пользѣ такихъ задачъ и такихъ знаменовъ, результатами которыхъ угощаются посѣтители Академической выставки ежегодно. Молодые художники, чувствуя на себѣ всю тяжесть и несправедливость этого порядка, давно уже норовились отдѣльными единицами освободиться отъ этой подавляющей зависимости и старались перейти на родъ живописи, называемый «жанръ», гдѣ давалась свобода выбора сюжетовъ и возможно высказаться личнымъ наклонностямъ художника, что въ большей части случаевъ вело къ успѣху.

Но, въ ряду многихъ нововведеній, относительно образовательнаго положенія учащихся, было недавно постановлено Совѣтомъ Академіи новое правило о конкурсѣ на первую золотую медаль. А именно, предполагалось задать къ предстоящему конкурсу столѣтія Академіи, въ видѣ опыта, и, если опытъ выйдетъ удаченъ, то установить всѣмѣшнымъ правиломъ—не сюжеты, какъ прежде было, а тему, напримеръ: печаль, радость, гнѣвъ Божій и т. д., предоставляя уже самому ученику характеризовать ее сообразно роду живописи, и дѣлать выборъ сюжета, какой пожелаетъ, ставя въ непремѣнное условіе, чтобы сюжетъ выражалъ заданную тему.

Образованные этимъ постановленіемъ, молодые люди находили въ этомъ постановленіи только одну неудобовѣроятность, а именно: исполненіе эскиза по этой задачѣ не можетъ состояться въ 24 часа, что возможно было при прежнихъ, очень опредѣленныхъ, но рѣшительно, въ большей массѣ случаевъ, расходящихся съ симпатіями молодыхъ людей задачахъ. А такъ какъ это постановленіе Совѣта рѣшительно обнаруживало намереніе дать большую свободу чувству художника, а также воспитаніи на выраженномъ со стороны профессорства мнѣніи, что 1-я золотая медаль дается въ томъ случаѣ, когда ученикъ исполнитъ вѣстѣ съ технической стороной и нравственную сторону задачи, они вошли въ Совѣтъ съ просьбою о доз-

воленія свободнаго выбора сюжетовъ, въ случаѣ, если тема или сюжетъ не будетъ совпадать съ напращеніемъ ученика. Прошеніе не было уважено, и даже было выражено недоумѣніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ, чтобы дѣйствительно состоялось упомянутое постановленіе Совѣта о темахъ. Оно, какъ невозможное, и было отклонено, а рѣшено было задать по старому—сюжетъ всѣмъ одинъ. Испуганные ученики-просители рѣшились войти въ Совѣтъ съ просьбой о томъ же, напослѣдствіи Совѣтъ, что половина изъ 14 избѣжавшихъ конкуррировать на 1-ю золотую медаль до сихъ поръ исполняли картины по эскизамъ свободно избраннымъ, и что, следовательно, справедливость требуетъ оставить за ними это право. Изъ откликовъ вторично, но просителямъ объ этомъ объявлено не было. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, молодые люди рѣшились ждать дня конкурса, чтобы узнать рѣшеніе Совѣта лично, не сѣбя не доверять слухамъ о такомъ невыгодномъ для нихъ рѣшеніи.

Наконецъ, въ день конкурса, имъ было прочтано слѣдующій сюжетъ: «Пиръ въ Вальгаллѣ», изъ скандинавской мифологии. По окончаніи чтенія, видя, что дѣло ихъ скончательно проиграно, и на прошеніе ихъ не было никакой уступки и исключенія, а даже введена новость, о которой никто не помянулъ изъ бывшихъ здѣсь, относительно капризовъ, которымъ рѣшено было задать тотъ же сюжетъ, они сказали Совѣту слѣдующее: «Просимъ Совѣтъ позволить сказать нѣсколько словъ: мы подавали два раза прошеніе, но Совѣтъ не нашелъ возможнымъ исполнить нашу просьбу. Поэтому мы, не считая себя въ правѣ болѣе настаивать, и не сѣбя думать объ извѣщеніи Академіей постановленій, просимъ покорнѣе освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ, и выдать намъ дипломы на званіе художниковъ». «Вѣ?» — былъ вопросъ. «Вѣ!» — отрывали молодые люди, и вышли. «Прекрасно! прекрасно!» — провожали ихъ восклицанія.

«Прекрасно!» Какъ много говоритъ это слово при такихъ условіяхъ! Какъ много въ немъ тѣноты и участія къ этимъ остающимся Академію молодымъ людямъ, напущеннымъ своими наставниками при началѣ другаго новаго поприща. А видъ между ними есть, можетъ быть, люди, стоящіе иной участія и иного напущеннаго слова. Даже трудно повѣрить въ дѣйствительность такого обстоятельства, а между тѣмъ это сущая правда. А къ довершенію всего, тутъ же составлено постановленіе: объявить приказаніе—очистить мастерскія.

Вотъ голый фактъ съ причинами, вызвавшими его, и съ неизвѣстными послѣдствіями, но признаками самого упрямнаго поддержанія порядка, ни въ какомъ случаѣ не могущаго служить залогомъ здороваго развитія искусства. Но рождается вопросъ: какими соображеніями Совѣтъ Академіи руководится, безусловно отвергая свободу выбора? Вѣдь говоритъ же

*) Относительно Карла Брюллова показаніе Крамского неправо: К. Брюлловъ не получивъ 1-ю золотую медаль въ 1821 году, за картину: «Явленіе Аврааму трехъ ангеловъ», впрочемъ на счетъ Общества поощренія художниковъ.

онъ что-нибудь? Говорить-то говорить, только ученикамъ не считается нужнымъ доказывать своимъ положеніемъ, основаннымъ во-первыхъ на томъ, что ни въ одной Академіи въ Европѣ не нѣбется такихъ нравствъ, какихъ яросли молодые люди; а во-вторыхъ, что экзаменъ, при равносужденности—затруднителенъ, и не такъ очевидно превосходство ученика одного надъ своимъ соискателями!!!!

Ноябрь 1863.

IV. С.-Петербургская Академія Художествъ въ 1867 г. *).

Академія Художествъ съ половины 1859 года была свидѣтельницею нѣсколькихъ передѣлокъ устава, дарованнаго ей еще Екатериною. Правда, Екатерининскій уставъ до 1859 г. далеко не былъ сохраненъ въ чистотѣ, а подвергался болѣе или менѣе также значительнымъ измѣненіямъ, но въ основныхъ своихъ чертахъ (ставилъ Академію) учрежденіемъ не только образовательнымъ, специально техническимъ, но въ высшій и высшимъ корпоративнымъ, имѣющимъ власть произносить приговоры въ дѣлѣ искусства и раздавать степени лицамъ удостоеннымъ, и вообще имѣющимъ самый сильный авторитетъ въ области изящнаго. Въ 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, это учрежденіе достигло своего развитія и имѣло такой блескъ, что все лучшее въ нашемъ обществѣ, въ науку и литературу, было близко знакомо ему и интересовалось имъ.

Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ начинается нѣкоторый упадокъ, выразившійся тѣмъ особенно, что интересъ, возбужденный искусствомъ, не поддерживался болѣе со стороны Академіи, а прорывавшіяся новыя потребности заставляли общественнымъ вниманіемъ, и Академія была забыта. Въ 1859 г. были предприняты мѣры къ улучшенію положенія. Недостатки явные были тѣмъ, что, по уничтоженіи казеннокоштныхъ учениковъ, наполнились классы Академіи молодымъ людомъ, сбродомъ всякаго рода безграмотныхъ и плохо развитыхъ: отсюда совершенная неспособность выпускаемыхъ техниковъ. Это отсутствіе всякаго образованія въ ученикахъ Академіи сдѣлало ихъ неспособными удовлетворить художественныя потребности народа и общества.

Здѣсь кстати будетъ замѣтить слѣдующее. У насъ есть, однакожъ, картины, писанныя русскими художниками! Есть лучшее и обильнѣйшее собраніе, находящееся у Пряхинникова. Другія такія галлерей не представляютъ систематическаго собранія художественныхъ произведеній, но

есть галлерей, состоящихъ, болѣею частью, только изъ произведеній иностранныхъ художниковъ. Когда вы рассмотрите русскія собранія и иностранныя, то невольно замѣчаете слѣдующее различіе между ними: у насъ, русская галлерей, за очень небольшими исключеніями, поражаетъ глазъ и очень мало сердце, еще рѣже умъ; иностранная почти всегда—три органа разомъ. Дальнѣйшій разсказъ объяснитъ до нѣкоторой степени сказанное.

И такъ, въ 1859 году было задумано улучшеніе. Всѣ мѣры состояли въ томъ, что было введено чтеніе лекцій изъ наукъ, обязательное для вновь поступающихъ въ ученики, и вступительный экзаменъ, равный гимназическому курсу 4-го класса. Но такъ какъ пріобрѣтеніе техники беретъ много времени, лекціи тоже, а масса учащихся по прежнему бѣдна, казеннокоштныхъ воспитанниковъ не полагается, то скоро сдѣлалась ясна невозможность и то и другое вести рядомъ съ успѣхомъ. А потому появилось много незнающихъ ни того, ни другого, а Академія, въ силу устава, строго требовала исполненія его, и получившихъ медали задерживала выдачею свидѣтельствъ и аттестатовъ на знанія и степени, если они не сдавали словесныхъ экзаменовъ. Количество учащихся быстро стало уменьшаться, и изъ 600 учениковъ снутилось, въ теченіе 5 лѣтъ, съ 1862 по 1867 г., почти до 200. Убыль произошла оттого, что изъ всѣхъ концовъ Россіи перестали, какъ прежде, тѣнуться въ Петербургъ, и Академія сдѣлалась учебнымъ заведеніемъ для одного Петербурга, и такъ уже первоначальнаго художника. Такъ что, напримѣръ, въ Петербургѣ 3,000 рисующихъ и пишущихъ картины (образа) и портреты, а во всей Россіи едва ли будетъ 500, не считая провинціальнаго живописцевъ, да и то кое-какъ съ грубою попомалъ работающими.

Въ виду такихъ результатовъ, въ настоящее время задумали еще разъ перенѣвить уставъ и, какъ слышно, на слѣдующихъ основаніяхъ: принажить въ Академію только окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, чтобы не вознѣлся съ нихъ образованіемъ; кромѣ того, поставить Академію исключительно на дорожку только рѣшительнымъ въ художественныхъ вопросахъ, и устранить, по возможности, первоначальные технические классы рнованія съ гипсовъ. Однимъ словомъ, стремлѣніе замѣченный недостатокъ образованія въ молодыхъ художникахъ искоренить всѣми силами, чтобы съ чести русское искусство поднять, дать ему силу, интересъ и значеніе. Стремленіе бесспорно прекрасное, ему нельзя отказать въ сочувствіи; недостатокъ былъ замѣченъ, дѣйствительно, главный, но на этомъ пока только и можно остановиться: содѣйствовать въ этомъ направленіи ихъ усиленію будетъ напраснымъ трудомъ. Черезъ перестройку академическаго устава невозможно дойти до исковыхъ результатовъ. Болѣе лежитъ гораздо глубже,

*) Статей этой написано было только начало.

чѣмъ обыкновенно полагаютъ, и средства для исцѣленія прописываются не тѣ.

Уставъ, дарованный Екатериною II, если вникнуть въ духъ его и если понять главнаго двигателя, обстоятельства, при которыхъ онъ составлялся, поражаетъ умъ замѣчательною логикою. Онъ такъ внятно говоритъ, что ему нужно и какъ надо сдѣлать, чтобы достигнуть того, что дѣйствительно стоило только исполнять его разумно, чтобы результаты были можетъ быть еще лучше, такіе, какіе мы видѣли въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, а въ самомъ дѣлѣ я докажу это сейчасъ на основаніи данныхъ. По программѣ устава, Академія посещалась свободнымъ художествомъ, что стоить девизомъ на главномъ портъ-бизъ академическаго зданія внутри круглаго двора. Надъ четырьмя воротами надписи: живопись, скульптура, архитектура, музыка. Что изъ нихъ въ зданіи учѣлось — известно, и то, что учѣлось, предоставляетъ всякому судить по годичнымъ выставкамъ въ залахъ, насколько оно соотвѣтствуетъ сущности самаго слова. Въ это вновь открываемое учрежденіе принимались мальчики отъ 8 до 12 и 14 лѣтъ на казенный счетъ, мальчики помѣщались, какъ въ конюшняхъ, павильонахъ и другихъ заведеніяхъ, въ большихъ залахъ или дортуарахъ, вставали и молились, завтракали и учились, рисовали и пѣли, разыгрывали театральныя пьесы и обѣдали, опять учились, и ложились спать всѣмъ вѣкъ, подъ надзоромъ гувернеровъ, инспектора и учителей. Они должны были всѣ заниматься рисованіемъ, архитектурою, скульптурою и музыкою, и если кто не оказывалъ къ чему либо способностей, тѣхъ заставляли заниматься изысканными даже ремеслами, какъ-то: ювелирными. Всѣ они раздѣлялись на 3 возраста: 1-й, 2-й и 3-й, и, утѣсь, они получали за живопись, скульптуру и архитектуру; медали: серебряныя — малыя и большія за рисунки, этюды и эскизы, и золотыя — уже за картины, задаваемые по конкурсу претендентамъ. Затѣмъ, получивши большія золотыя медали государь посылалъ за границу, на казенный счетъ, на шесть лѣтъ. Отличившіе своими дальнѣйшими усиліями Академіи награждались различными званіями: художниковъ, академиковъ и профессоровъ, которые тѣмъ образомъ становились впереди движенія, вели искусство дальше и должны были стремиться къ славіи личной, а черезъ то и къ славіи своего отечества. Профессора составляли собою Академію совершенно молочноую въ художественныхъ вопросахъ, руководили преподаваніемъ, не стѣняясь уставомъ, такъ какъ тамъ былъ также §, дававшій имъ и на это власть.

Такимъ образомъ, въ концѣ, когда мерсаженое дерево не засохло, а принялось, Россія стала считать десятками художественныя дарованія изъ своего народа. Изъ послѣднихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ вышли лучшіе люди, заставившіе замѣрсоваться общество, литературу и науку

намъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Первый чувствительный ударъ дѣйствовавшему уставу былъ нанесенъ уничтоженіемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, которыхъ замѣнила толпа, малограмотная, бѣдная, но все-таки даровитая. Въ произведеніяхъ этихъ новыхъ воспитанниковъ уже не было того блеска, какъ въ прежнихъ: это публика замѣтила. Разсмотрѣвъ ихъ ближе, она затворила отъ нихъ свои двери, потому что они не учѣлись говорить, не учѣлись держаться, не были настолько образованными, чтобы не краснѣть за нихъ обществу, кредитъ морвантъ, искусствѣ меньше стали заниматься. На него не ображали вниманія и забыли, то есть забыли своихъ, по хорошему совершенно поняли и понизить старыхъ, а еще лучше, по справедливости, историческихъ. На первый разъ очевидно, стало быть, какъ будто, что стоить только возобновить Екатерининскій уставъ, чтобы поправить дѣло; но Академія теперешняя, ближе понная дѣло, не захочетъ уже сама къ нему вернуться. Другое время, и новыми задачами: рѣшить ихъ гораздо труднѣе, да и нѣтъ еще, пока, вопросъ этотъ не рѣшенъ хорошо. За границей тоже существуютъ академіи, такія же какъ и наша, но тамъ давно уже помимо академій образовались художественныя кружки и центры, вліяніе которыхъ настолько уже велико, что оно прикрываетъ отчасти совершенно нигде негодныя развалины. Тамъ и академія выработалась, а у насъ пересажена. Тамъ возникаетъ новое и быть можетъ близко великое будущее, а мы не знаемъ еще, что у насъ такое. Но жизнь взяла свое, и у насъ какъ будто что-то всходитъ. (Далѣе въ черновомъ наброскѣ слѣдуютъ отрывочныя фразы: «Слѣдовательно, надо разобрать уставъ Батерина, его необходимость въ свое время. Современная негодность теперь, должная система экзаменовъ и т. д.»)...

1867.

V. Вечеръ между художниками *).

(Пятница, 27-го сентября 1874 г.).

Шумъ, говоръ, крики, волненіе; въ кончатъ около 10 человекъ; всѣ разбѣлились на группы, спорятъ.

— Однакожъ, позвольте. Все, что вы мнѣ говорите такъ долго, рѣшительно не убѣждаетъ меня, и я остаюсь при моемъ мнѣніи: Вережницинъ поступилъ несправедливо, отказавшись черезъ газету отъ званія профессора. да еще въ такой формѣ. По-моему, это просто грубо.

— И только?

— И только.

*) Статья эта не была напечатана.

Ред.

— Стало быть, вы морщитесь только манеру?

— Стало быть.

Къ смирившимъ подходитъ еще одинъ, и при послѣднихъ словахъ вѣшвается:

— Ну, вѣтъ! я не согласенъ съ Верещагинымъ еще въ томъ, что будто бы чины и отличія въ искусствахъ вредны, потому что и заграницей, коли на то пошло, нѣтъ ни одного извѣстнаго художника, который бы, не состоя въ какихъ-либо чинахъ, не носилъ какого-либо отличія, или не пристроился бы къ какой-либо академіи, и это не мѣшаетъ имъ быть хорошими художниками.

Голосъ изъ угла: — Мы этого не знаемъ; поискать, такъ, можетъ быть, найдется; а если и въ самомъ дѣлѣ такого не оказалось бы, тѣмъ лучше, значить, опередили...

Нѣсколько человѣкъ разомъ: — Опередили? да вѣдь это чортъ знаетъ что такое? неужели вы не видите, что Верещагинъ не признаетъ...

— Господа, позвольте слово!..

— Что вы все кричите, что это ужасъ, оскорбленіе, какая-то дерзость и чуть-ли не пощечина Академіи! Постарайтесь сохранить хладнокровіе и разберите дѣло безъ лишняго испуга. Всмотритесь въ эти страшныя слова: «начисто отказываюсь». Не было ли заявлено когда-нибудь и кѣмъ-нибудь сомнѣнія въ необходимости знаній для художниковъ и не только знаній, но даже большаго: полезна ли сама Академія и ея система для развитія искусства вообще? Не подвергались ли критикѣ основы этихъ учрежденій? Не говоря объ иностранцахъ, которые въ лицѣ лучшихъ критиковъ искусства и ученыхъ другой специальности давно порѣшили въ принципѣ этотъ вопросъ...

— Ну да, знаемъ! Вы говорите о Прудонѣ, который превозвѣстъ Курбѣ?

— Это совсѣмъ другое дѣло, коге онъ превозвѣстъ; я говорю о его философской части сочиненія...

— Да развѣ можно дѣлать сравненіе? Заграницей, говорить, можно, не заглядывая въ академію, сдѣлаться художникомъ...

— Догодались! Я что хочу сказать? Я говорю, что это дѣло не новое, даже у насъ въ печати... впрочемъ, зачѣмъ печатъ? Говорять, въ Союзѣ однажды разсуждали объ этомъ, и были мнѣнія, что это, пожалуй, не дурно, еслибы только взглянули на это...

— Что вы басы разсказываете! вы отгѣчайте прямо! Какъ по вашему: нужна Академія, или не нужна?

— Да что вы ко мнѣ пристаи?

— Да вѣтъ, нужна Академія?

— Выпейте стаканъ воды.

— Что-жъ вы, нужна Академія?

Разсуждавшій посмотрѣлъ нѣсколько минутъ молча, и очень спокойно сказалъ:

— Я вижу, что нужна.

Въ эту минуту вбѣгаетъ новое лицо съ крикомъ: Господа, открытіе!

Всѣ: — Что случилось?

— Удивительное открытіе! Чудесное открытіе! Невозможное открытіе! Только позвольте, дайте духъ перенести; бѣжать какъ угорѣлый. Сейчасъ молучить газету, самъ авторъ принесъ!

Голоса: — Ну!!

— Сейчасъ, сейчасъ.

Внимаетъ изъ кармана газету. Всѣ смолкаютъ, только одинъ голосъ полнотонотомъ заканчиваетъ фразу къ сосѣду:

— Академія этого не перенесетъ.

— Тсс...

— Вниманіе!

Читаютъ: «Нѣсколько словъ касательно отреченія г. Верещагина отъ званія профессора живописи». Настаетъ невообразимая тишина. Слѣдуетъ чтеніе извѣстной статьи академика Тютюмова *).

При словахъ: «Какъ міръ существуетъ,—это, вѣроятно, единственный принципъ», кто-то състрѣлъ: «Ой, ой, какая же Академія старая!», а при словахъ: «деньги, деньги и деньги, которымъ онъ ухлѣлъ ловко и вымучать», тотъ же голосъ уже совсѣмъ нехотомъ замѣтилъ: «что-жъ, деньги — вещь существенная!» Читаетъ: «...и переходила изъ устъ въ уста легенда объ англичанинѣ, предлагавшемъ 200 тысячъ». Нѣсколько голосовъ одновременно: «Да вѣдь это же, говорятъ, правда!» — «Не перебивайте, господа, господа! дайте читать!» Читаетъ: «...но когда мало по малу поразъяснилось, что такъ въ знойной Азіи сдѣланы только этюды, а картины писались въ Мюнхенѣ и компанейскимъ способомъ, то послѣ этого ему, пожалуй, и невольно было признать себя профессоромъ». Чтецъ остановился и посмотрѣлъ на всѣхъ: «Компанейскимъ способомъ, господа, напечатано крупнымъ шрифтомъ, какъ въ объявленіяхъ». Общее изумленіе. Голосъ: «Вотъ тебѣ раз!»

Всѣ было заговорили, но чтецъ сталъ продолжать статью и, окончивъ слѣдующія слова: «...что разные недочеты въ картинахъ, пожалуй, повредили бы продажѣ, а ему надо было распатиться во что бы то ни стало со своими сотрудниками», — чтецъ рѣшительно останавливается, внимаетъ микрофону и закуриваетъ. Всѣ молча дѣлаютъ тоже; кто-то посматривалъ, а голосъ изъ угла добавилъ, какъ бы въ поясненіе: «Скандалъ!»

*) «Русскій Міръ», 1874 г., № 263.

— Позвольте, слушайте дальше. Читает: «Каталог, по объему стоящий не менее 25 коп. в печати, продавался по 5 к.». (Сосчиталъ вѣдь!)... «За сохранение платя ушачено г. Верещагинимъ». (Смѣхъ)... «Къ усиленію дѣйствій такихъ благодѣяній, двѣ картины истребилъ собственными руками...» Голосъ изъ угла: Какъ же такъ, а компания Верещагина была въ Петербургъ въ это время?

— Да не перебивайте же пожалуйста! Читаетъ: «...профессорство обязываетъ быть строгимъ въ своихъ твореніяхъ». Тотъ же голосъ: Еще бы, разучится! — «...Фигуры зачистую длинноваты»...

Кто-то опять полумономотомъ сосѣду: — Это совершенно справедливо, нарисована скверно, да и колоритъ противный.

Голосъ изъ угла: — Чтѣ вы тамъ бормочете? Вѣдь странно говорить, разбирая картины Верещагина, что фигуры длинноваты.

Чтеніе продолжается: «...Но какъ бы то ни было, подъ влияніемъ огромной массы картинъ и убѣжденія въ трудностяхъ совершеннаго Верещагинимъ путешествія, большинство членовъ Совѣта Академіи Художествъ пересидило противную сторону и присудило ему званіе профессора»...

Голосъ: — Позвольте, позвольте, господа, ктѣ же это пишетъ? Вѣдь Тютюмовъ въ Совѣтѣ не засѣдаетъ, откуда же онъ могъ узнать, какъ было дѣло? Вѣдь какъ происходила пренія, никто никогда не знаетъ; Академія своихъ протоколовъ не печатаетъ, и даже члены Совѣта никогда не позволяютъ себѣ разглашать, кто и чтѣ говорилъ. Это странно!

Голосъ изъ угла проницательски: — Вы бы хотѣли, чтобы Академія печатала свои протоколы?

— Признаюсь...

— Ну и признавайтесь.

— Господа, да не перебивайте же!

Читаетъ: «...Мы бы ничего не сказали, если бы Академія внесла г. Верещагина въ списокъ ея почетныхъ членовъ; это было бы, по нашему мнѣнію, таимъ шагомъ, котораго...»

Голосъ изъ угла: — Это выходитъ, чѣмъ тебя я огорчила! Семь лѣтъ жизни профессора и не даютъ, а тутъ прохвостъ какой-нибудь говорить: не надо!

— Да молчите же, господа, это чортъ знаетъ что такое!

Читаетъ: «...Верещагину слѣдовало бы отказаться въ письмѣ къ Академіи приличномъ по формѣ и содержанію». Тотъ же голосъ добавляетъ: — Такъ; а любезноту, чтѣ было бы, еслибы Верещагинъ посѣдовалъ этому совѣту?

Послѣ этого чтеніе оканчивается уже безъ прерывовъ. Нѣсколько минутъ всѣ поглядываютъ другъ на друга, одни улыбаясь, другіе только

разводятъ руками. Наконецъ, нѣсколько рукъ протягиваются одновременно: — Дайте сюда, пожалуйста! Какая это газета? — «Русскій міръ». Голоса со всѣхъ сторонъ: И редакция пофлиртовала?

— Да ей-то что? Не она отвѣчаетъ.

— Послушайте, а осторожность...

— А почему вы знаете, можетъ быть у нея и есть авторитетное руководство.

— Однакожь, это чортъ знаетъ что такое!

— Позвольте, а чтѣ, если это правда?

Господинъ, говорившій полумономотомъ, возвышаетъ голосъ, нѣсколько гнусаво объявляетъ: — Да вѣдь вы же слышали, что невозможно написать такую массу картинъ въ 4—5 лѣтъ. Физически невозможно! И я слышалъ за вѣрное, что все писано другимъ.

— Будто невозможно? А Рубенсъ, Айвазовскій?

— Ну, да, толкуйте тутъ.

Затѣмъ всѣ поднимаются съ своихъ мѣстъ; начинаются споры, защита, опроверженія, и уже скоро нельзя было бы разобрать ничего, еслибы те-ловѣкъ, сидѣвшій въ самомъ углу и оказавшійся высокаго роста, не поднялся съ мѣста и не заговорилъ такъ громко, что рѣшительно осилилъ всѣхъ: — Гр., такіе вещи, какъ обвиненіе въ подлогѣ, да еще такое, который имѣлъ своимъ слѣдствіемъ получение 90,000 р. за художественныя произведенія сомнительнаго качества, слишкомъ серьезны, чтобы не обратиться на это инакаго вниманія.

— Ну, что-жъ вы сдѣлаете?

— Какъ чтѣ сдѣлаю! Скажу, что это мерзость.

— Чтѣ мерзость?

— Какъ чтѣ мерзость? Печатаютъ такіе вещи.

— Ну, а если Тютюмовъ докажетъ?

— Чѣмъ?

Гнусливый голосъ: — Да физически невозможно.

— Чортъ знаетъ, что вы гордите! Во-1-хъ, вѣдь это видно, что писала одна рука, а потомъ, одинъ вошь пять строитъ сочиняетъ три дна, да такъ и броситъ, а другой чѣмъ сочиненіе обрабатываетъ.

— А техника?

— Техника? Не мусольте сто разъ одно мѣсто.

— Ну, а затѣмъ онъ не взялъ 200,000, если ему ихъ давали? Патрютъ.

— Да вѣдь онъ же получалъ пособіе отъ правительства, войните!

— Какъ хотіте, а физически невозможно все одному сдѣлать.

— Хромой совѣтъ не ходитъ.

— Мнѣ говорили.

— Вот человек! Ему говорили, и он захотел поверить. Да образите одно обстоятельство: положим, Верецагину написали другие. Кто же другие? Видь одно из трех: или компания была хуже его (тогда о чем же речь?), писала по этюдам, а он все это переделал; или компания должна состоять из таких художников, которые сами могли бы написать «Хорь дувановъ», «Продажа мальчика», а такие художники извѣстны, он вѣсь намеречетъ, и я сомѣняюсь, чтобы они стали писать Верецагину (но положимъ, за деньги чего нельзя сдѣлать?); или же, послѣднее, Верецагинъ заказалъ картины художникамъ гораздо лучше его! Но видь это уже нелѣзность! Вамъ и этого мало? Прекрасно, пусть будетъ по вашему. Верецагинъ такой пройдоха, что все могъ сдѣлать. Ему написали другие. Что же дѣлаетъ Верецагинъ? Заплатилъ, не бойсь, деньги. А вотъ Тютрюмовъ съ компаниею знаетъ, что онъ еще не заплатилъ и, несмотря на то, везетъ всю коллекцію, годъ тому назадъ, войните это, въ Лондонъ, показывается картины, выдаетъ за свои, а компания все идетъ и молчитъ; а онъ себѣ катается по Европѣ, забывши все изъ Мюнхена. И это можно было сдѣлать по-вашему съ нѣмцами? Одумайтесь! Да еще на придату Тютрюмовъ говорить, что Верецагинъ, чтобы оказать публикѣ особое благожеланіе, уничтожаетъ двѣ картины, быть можетъ лучшія, которыя, надо полагать, при продажѣ вѣдь не даромъ же пошли бы? Компания и это позволяла сдѣлать? Эхъ, вы!!!

Общій неудержимый смѣхъ.

Голосъ Господа, ирричины, побудившія г. академика Тютрюмова огласить такіе криминальные обстоятельства, сколько можно понять изъ статьи, были уважительны: онъ хотѣлъ въ интересахъ публики раскрыть истину.

— Еще бы! Только вотъ что странно: зачѣмъ онъ даетъ совѣтъ Верецагину, лучше написать вѣжливый отказъ въ самую Академію? Можно подумать, что...

Голосъ послышѣе, перебивая:

— Нѣтъ, хорошо: за что, онъ говоритъ, дали профессора? За массу и за путешествіе... Вотъ такъ одолжилъ Академію!

— Знаете что? Мнѣ только что сейчасъ пришелъ въ голову одинъ вопросъ: рѣшился бы г. Тютрюмовъ разоблачить Верецагина въ его прѣлкахъ, еслибы онъ, положимъ, не отказался отъ званія, а принялъ бы его? Или, еслибы Академія не была нужнымъ разсуждать о Верецагинѣ? Видь то обстоятельство, что Верецагинъ не самъ писалъ картины, Тютрюмовъ все равно своевременно узналъ бы? Въ своей статьѣ онъ обнаружилъ талантъ положительный: такъ ловко переплелись разсужденія съ указаніями на факты, будто бы случившіеся, и въ то же время такъ сильно

сквозить негодованіе за нарушеніе всѣхъ ирричины и порядочности, что на первый разъ не удивилъ, даже не смотря на заглавіе, что здѣсь главное — то ли, что картины Верецагина далеко не такъ хороши, какъ о нихъ прокричали, или то, что отказъ его отъ званія профессора есть возмутительный поступокъ, или же, наконецъ, подлогъ? Исключая послѣдняго обстоятельства, о которомъ въ статьѣ говорится утвердительно, обо всемъ остальномъ повѣствуется въ какомъ-то неопредѣленномъ тонѣ? Какъ будто что-то утверждается — и въ то же время нѣтъ. Кромѣ того, Тютрюмову извѣстно, какъ даже происходили пренія въ Совѣтъ, который никогда не оглашается, а въ него, можно было сказать, появляется въ первый разъ. Я не думаю, чтобы Академія была благодарна Тютрюмову за эту неосторожность. Мы вѣдь положительно хорошо дѣло знаемъ, а у людей постороннихъ можетъ возникнуть, пожалуй, странное обличіе.

— То-то и есть, вотъ съ вашими краснорѣчіемъ всегда такъ, — не даете договорить. Развѣ вы забыли? Тютрюмовъ же самъ говоритъ: «Мы бы ничего не сказали, еслибы ему дали почетнаго члена, а то...»

Голосъ хозяйна: «Господа, первый часъ ночи; пожалуйста закусить». Вѣсь поднимаются со своихъ мѣстъ и уходятъ въ другую комнату, столовую, изъ которой слышится возгласъ: «Кто его уполномочилъ говорить: мы, русскіе художники?»

Но звуки ножей и тарелокъ заглушаютъ разговоръ окончательно, а жалъ...

1874.

IV. Судьбы русскаго искусства*).

I.

Нигдѣ въ Европѣ искусство не находится въ такой тѣсной зависимости отъ академій, какъ у насъ, и нигдѣ академій не нѣбуютъ возможности направлять его сообразно своимъ традиціоннымъ законамъ; нигдѣ оно повинуется вновь возникающимъ потребностямъ общества и отжившія свое время академій, въ сущности, очень мало стѣсняютъ развитіе національныхъ школъ живописи. Здѣсь не мѣсто доказывать, отчего это и почему; я ограничиваюсь только указаніемъ признака и неоспариваемаго факта.

*) Первые три статьи были напечатаны въ «Новомъ Времени» 1877 г., №№ 645—647, послѣднія двѣ (IV и V) не появились въ печати.

Не будь въ Россіи этой тѣсной запертости, нельзя было бы и отнестись серьезно къ разным ненормальнымъ явленіямъ, вѣявшимъ отъ времени выходящимъ изъ стѣнъ Академіи на свѣтъ Божій. Скажу болѣе: если бы исторія Академіи состояла вся изъ ряда вопиющихъ фактовъ, то и тогда можно было бы только пожалѣть о личной судьбѣ тѣхъ, до кого они касались, не безпокоясь за самое искусство и его развитіе; но, при относительномъ равнодушіи нашего общества къ живописи, имѣющему свои законныя основанія, вопросъ становится уже болѣе тревожнымъ. Кромѣ того, я вѣрю, что огромное число образованныхъ русскихъ людей и сейчас остается спокойно съ этой стороны, такъ только въ томъ предположеніи, что дѣло искусства, въ сущности своемъ смиренное, преслѣдующее цѣли, такъ сказать, идеальныя, и не требуетъ спеціальныхъ, предполагаемыхъ любящими свое дѣло, поддерживаемое государствомъ матеріально, снабженное прекрасными помѣщеніемъ, музеемъ, библиотекой, не можетъ же идти до такой степени дурно, чтобы общество терпѣло отъ того какой либо нравственный ущербъ. Если же встрѣчаются время отъ времени отзывы въ газетахъ, осуждающіе Академію и ея систему, то, во-первыхъ, никто, все-таки, не скажетъ обстоятельно публикѣ, что это за система, а во-вторыхъ, многие, не безъ основанія, думаютъ, что въ газетахъ пишутъ люди все болѣе недобрые, или случайные, и вѣдь случайными впечатлѣніямъ.

Возникшіе и возникающіе протесты изъ среды самихъ художниковъ, въ родѣ образованія разныхъ обществъ, кружковъ, товариществъ, за отсутствіемъ полного освѣщенія всѣхъ сторонъ этого явленія, могутъ быть пожалуй истолкованы со стороны публики предположеніемъ, что не играютъ ли и тутъ роли обожженнаго самолюбія, какъ и во многихъ другихъ явленіяхъ русской жизни?

Но какія бы ни были предположенія въ публикѣ на этотъ счетъ, я далеко отъ мысли вѣнчиваться въ полемикѣ и ратовать за тотъ или другой лагерь. Да это, наконецъ, и не мое дѣло. Публикѣ нѣтъ надобности знать домашнія дѣла художниковъ, и если что можетъ интересовать ее, такъ это только результатъ дѣятельности всѣхъ художниковъ, вышедшій въ свѣтъ на выставкахъ. Къ социальнѣ, публикѣ и здѣсь приходится разбираться при обстоятельствехъ неудобныхъ: выставокъ стало устраиваться въ послѣдніе года такъ много: то передвижная выставка, то какого-то общества при Академіи, то ежегодныя выставки программъ учениковъ и пенсионеровъ, то наконецъ еще выставки какой-то ученической кассы, и пенсюеровъ, то наконецъ еще выставки одного какого-либо художественнаго сѣтъ въ довершеніе всего, выставки одного какого-либо художественнаго сѣтъ. А между тѣмъ, ни одно изъ явленій въ художественномъ мірѣ само по себѣ не настолько сильно до сихъ поръ, чтобы рѣшить вопросъ въ свою пользу безспорно, на основаніи своей внутренней силы и значенія.

Очевидно только, что что-то заѣдаетъ и подтачиваетъ наше молодое и только-что становящееся на ноги искусство; но что именно? вотъ вопросъ. Я не настолько самообольщенъ, чтобы считать себя способнымъ рѣшить въплоть поставленные вопросы; но такъ какъ они занимали меня давно, и я близко знаю внутренний міръ Академіи, силу ея влияния на русское искусство вообще, исчисляя на собственной особѣ влияние тѣхъ началъ, которыя положены въ основу ея дѣятельности, многое видѣлъ и у себя дома, и за границей, и пришелъ, наконецъ, къ нѣкоторымъ выводамъ, то и рѣшаюсь занять общественное вниманіе вопросами объ искусствѣ, въ связи съ Академіей, тѣмъ болѣе, что появляются опасныя признаки какой-то серьезной болѣзни въ академической системѣ воспитанія молодыхъ художниковъ, достаточно внушительные, чтобы интересоваться ими поближе.

Для начала, позрѣвъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства, которыя намъ нужно будетъ въслѣдствіи припомнить: 1) нѣтъ другого учебнаго заведенія въ Россіи, гдѣ бы прохожденіе полного курса было столь крокодиально^{*)}, и ни обь одной спеціальной нельзя сказать съ большимъ правомъ, что она требуетъ постоянного изученія. Въ дѣлѣ искусства, и старые и молодые — всегда ученики; одни усвоившіе больше, другіе — меньше; 2) въ живописи несправильные или вѣтренные приемы и взгляды, разъ привыкшись, никогда безнаказанно не проходятъ. Только замѣтательный умъ, сильный характеръ и огромное гениальное дарованіе, соединенныя въ одномъ человѣкѣ, не подчиняются постороннимъ влияніямъ въ такой мѣрѣ, чтобы на немъ не было никакихъ царапинъ. Натуры же обыкновенныя и даже далеко недолжныя силою и рядомъ ломаются окончательно.

Въ исторіи нашей Академіи представляются три, рѣзко опредѣленные, періода: нервный, самый крокодиальный и, по своему, благотворный, тянувшись отъ основанія Академіи до уничтоженія казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ 1832 году^{**)}. Поступали тогда въ Академію просто мальчуганы 10—12 лѣтъ, которыхъ учили сначала болѣе научна, потомъ болѣе искусству. Окончаніе курса тогда было вообще ранѣе 24—25 лѣтъ. Этотъ періодъ въ своему концу далъ результаты подражательнаго искусства настолько яркіе и высокоталантливые, что любили тогда, если не

^{*)} Изъ наблюденій, сдѣланныхъ на огромномъ промежуткѣ времени отъ основанія Академіи, средняя продолжительность прохожденія академическаго курса равна 8 годамъ. Были случаи, когда болѣе талантливые окончивали курсъ въ 6 и, какъ феноменальными явленія, говорятъ, бывали нѣдѣры прохожденія курса даже въ 5 лѣтъ.

^{**)} Пслѣдніе же казеннокоштные воспитанники вышли, если не ошибаюсь, въ 1841 г.

И. К.

И. К.

вѣнны, они были приняты за настоящее, самостоятельное и национальное искусство. (Изъ этого заблужденія вывела насъ только первая всемирная выставка въ Лондонѣ). Второй періодъ, отъ уничтоженія казеннокомитныхъ воспитанниковъ до 1859 года. Въ промежутокъ этого времени, отъ вновь вступающихъ уже не требовались никакіе экзамены научные, и возрастъ для вступленія принять былъ самый ранній: 16—18 лѣтъ. Лекцій не читалось никакихъ, кромѣ всемогательныхъ наукъ. Этотъ періодъ обозначается нервыми новытками въ самостоятельномъ и национальномъ творчествѣ, тѣмъ далѣе, тѣмъ больше усиливаясь и числомъ и качествомъ поинтовъ, впервые замѣченныхъ уже на послѣдующихъ всемирныхъ выставкахъ, какъ нѣчто оригинальное. Третій періодъ—съ 1859 г. по сегодня. Въ 1859 г. самый уставъ Академіи потерялъ существенныя перемѣны въ нѣкоторыхъ параграфахъ. Является чрезвычайное попеченіе, чтобы Россія имѣла художниковъ образованныхъ, и потому снова вводятся лекціи и вступительный приемный экзаменъ изъ наукъ. Въ настоящую минуту мы стоимъ какъ-разъ лицомъ къ лицу съ результатами дѣятельности этого новаго устава, и этого новаго поименію о русскомъ искусствѣ, и въ преддверіи результатовъ будущаго, а потому позволю себѣ подвести итоги.

Нельзя отрицать, что желаніе дать Россіи образованныхъ, столичныхъ по развитію въ уровень съ обществомъ, художниковъ, прекрасное желаніе; нельзя также отрицать, что для достиженія этой цѣли должны были приняты новыя мѣропріятія. Но не слѣдуетъ, въ то же время, упускать изъ виду ни одного изъ обстоятельствъ, могущихъ задержать достиженіе цѣли, а тѣмъ болѣе не упустить и не понять условий, могущихъ совершенно опровергнуть всѣ благія намѣренія и привести къ результатамъ обратно противоположнымъ. Я не думаю, чтобы столь протія положенія не были вызваны кѣмъ слѣдуетъ заранѣе, но само утверждать, въ то же время, что еще ни разу Академіи не удалось исполнить возложенныя правила; что, въ огромномъ количествѣ случаевъ, Академія была поставлена въ необходимость уступать давленію обстоятельствъ, одинаково далеко лежащихъ какъ внѣ ея собственной власти, такъ и внѣ доброй воли воспитанниковъ. Напримѣръ, по § 110 правилъ ни одинъ изъ учениковъ не допускается до конкурсовъ на золотыя медали ранѣе окончанія полнаго научнаго курса (архитекторовъ я не касаюсь вовсе), а между тѣмъ на конкурсы постоянно допускались не только не сдавшие полнаго научнаго курса, но даже и части его. Я не думаю обвинять Академію въ этомъ послабленіи, такъ какъ знаю, что примѣнія неуклонно свои правила, Академія должна была бы исклѣчить всѣхъ своихъ учениковъ до послѣдняго. Я только заявляю фактъ. Мало того, возмунуя невозможности вступить иначе, Академія должна была давать болѣе золотыя медали и даже во-

сылать за границу людей, не сдавшихъ полнаго научнаго экзамена, въри ихъ добросовѣстности, что они когда-нибудь пожелаютъ сдать его внослѣдствіи. Точно также, безъ экзамена, признавались художниками нѣхъ степеней ученики Академіи и выдавались дипломы. Оляты-таки я не думаю обвинять Академію и въ этой, уже болѣе серьезной, уступкѣ: я хочу только сказать, что все это надобно имѣть въ виду. Назвать мои сообщенія невѣрными Академія, я надѣюсь, не рѣшится потому, что существуютъ живыя свидѣтельства, а видѣть въ сообщеніи такихъ фактовъ съ моей стороны недобросовѣстность она, я думаю, откажется, потому что увѣрена въ моемъ искреннемъ желаніи привести пользу тому дѣлу, которому служить Академія призвана. Разъ оговорившись, буду спокойно продолжать, увѣренный съ своей стороны въ благосклонномъ терпѣніи со стороны Академіи. Уставъ 1859 года поставилъ учениковъ въ слѣдующее положеніе: слушаніе лекцій обязательно для нихъ (§ 30) ежедневно отъ 8^{1/2} до 11^{1/2} час. утра, а также сдача полугодовыхъ ренетцій или годичнаго экзамена. Научный курсъ растянутъ на 6 лѣтъ, да и нельзя иначе, потому что нужно же уступить время и для занятій художественныхъ. Въ натурныхъ классахъ живописи положено заниматься отъ 11 час. утра до 2 час. пополудни, а въ рисовальныхъ отъ 5 до 7 час. вечера ежедневно. Кромѣ того, ученики къ еженѣсячнымъ экзаменамъ обязаны непременно сдѣлать рисунокъ въ мажорномъ классѣ, да представить эскизы сочиненія на заданную тему.

Всякій, вступающій въ Академію, возмунуется влеченію и любви къ искусству, и, естественно, желаетъ болѣе всего рисовать и писать красками; и стоитъ ему въ этомъ отношеніи понять хотя крупину, какъ ему становится свойственно увлеченіе. Разъ онъ позволилъ себѣ увлечься, отъ немеремно упустилъ что-либо въ лекціяхъ, за упущенія въ лекціяхъ его ожидаютъ разныя карательныя мѣры. Дѣлать нечего, живописецъ отодвигается въ сторону, на неопредѣленное время, подгоняются науки, наступаютъ время сдачи ренетцій или экзаменовъ; понятое и усвоенное въ искусствѣ не двигается впередъ и даже забывается; но если (§ 61) въ теченіе двухъ третей года ученикъ не представитъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ работъ (классныхъ по художеству) на экзамены, то считается выившимъ изъ числа учениковъ. И такъ идетъ все время скачками и колебаніями. Не забудемъ, что большинство учениковъ люди бѣдные, живущіе своими трудомъ, и что для добычанія средствъ къ жизни имъ необходимо тоже время; число же стипендій въ Академіи столь незначительно, что ихъ нельзя и принимать въ расчетъ.

И вотъ, самими обстоятельствами создается молоденіе, которое и безъ того трудный курсъ искусства растягиваетъ на ужасную продол-

жительность 10, 12 и более лет. Академия, не желая ронять своего достоинства и авторитетности, создает целью сотни правил, не только не уступающих в энергии правилам любого общеобразовательного заведения, но значительно их превосходящих.

Здравый смысл все же заявляет иногда, что главное дело Академии лежать в развитии по художеству, и так как успехи в рисовании и живописи не соответствуют желанию, то, чтобы поощрить дело хоть сколько-нибудь, устанавливается много разных правил, из которых я приведу буквально пока одно, поясняющее затруднительное положение Академии лучше всяких рассуждений. § 57 говорит: «Ученики, приготовляющие себя к конкурсам на золотые медали, должны подавать каждую треть года, в промежутке от получения последней большой серебряной медали до вступления в конкурс на малую золотую медаль, один рисунок, или этюд; за каковыя работы поощряются разными художественными принадлежностями и денежными премиями. Невосполнившие этих требований лишаются права конкуррировать на золотую медаль*»). В этом §, как вы видите, каждая строка противоречит одна другой: сначала ученики обязаны, должны; если они не исполняют то, что обязаны—его награждать, не захочет награды—его исключают».

Я бы никогда не кончил, если бы издумал разбирать всю массу правил и поставил бы себя целью их критику. Но не могу пройти молчаливо некоторых курьезов, в роде привлечения гг. профессоров в Академию к отбыванию разных повинностей, по поводу все тех же правил. Например, параграфы 170, 171 и т. д. до 182 включительно, касаются специально порядка выдачи принадлежностей и материалов, необходимых при рисовании и живописи учениками, как-то: карандашей, бумаги, красок, холста, кистей, масла и прочего; для чего дежурный профессор, «убедившись» в необходимости просимого учеником, отдает в надлежащей книге, удостоверяет свое ходящее и выдает под росписку ученика, с условием для профессора не превышать 40 руб. на ежеквартальную выдачу материалов в 2-х этюдных классах и 100 р. в год для пейзажистов. Некоторые вещи выдаются периодически, другие по особой надобности, а третьи, наконец, однажды (т. е. на всю жизнь?) и по особым представлениям профессора. Как мало понимаются действительные нужды художественного развития учеников, видно из того, что ученики обязаны возратить казенный холст с подраком, как бы ни нужен был ему этюд для соображения и проверки своих успехов. Для всего этого заведены соответствующие отделы и книги у профессо-

* Т. е. исключаются.

ров и «установленная бедности» в правлении, так что ни ученики, ни уклоненные от взысканий быть не могут. Разумеется, отпускаемой суммы недостаточно, но надо полагать, что разные конфискации помогают сокращению расходов, и это дается с учениками, обязанными жить на свои собственные средства!

Посмотрим же теперь, чего достигает Академия своими нравственными и материальными усилиями, так как в настоящую минуту выставленные работы учеников дают возможность судить об этом наглядно. Несомненно, что все выставленное бывает самое лучшее, что только сделано чьими силами, в течение всего академического года, потому что каждая работа ученика имеет какую-либо выгоду на полках: или перевод из одного класса в другой, или награду медалями. Разсматривая рисунки гипсовых классов и натурального, некогда замечали, что лучшие рисунки—в гипсовом головном классе, в фигурном уже хуже, а самые плохие—с натур. Точно ученики не совершенствуются, а, напротив, разучиваются. Давно уже замечено, что выставленные рисунки и этюды становятся год от году хуже. Смотря на рисунки и этюды, удостоенные большой серебряной медали, приходишь к положительному заключению, до чего понизился уровень требований в главном предмете и как можно было признать этих молодых людей основательно знающими рисунок и живопись, или, выражаясь языком правил § 55, «окончившими свое художественное образование»? Амаллюирую к простому и непосредственному чувству каждого зрителя и спрашиваю: удовлетворяет ли это даже немыслительных? Но если, сверх ожидания, непосредственное чувство зрителя не было в силах решить вопрос по впечатлению, то предлагаю сравнение: в натуральных классах должны находиться рисунки и этюды учеников прежнего времени: 50-х и начала 60-х годов, точно такие же, как и выставленные—то есть ученические упражнения. Не угодно ли сравнить и поставить их рядом с теперешними? Взгляду, самому не критическому, громадная разница должна броситься в глаза сама собою. Переходя к эскизам, которыми, сколько мне известно, Академия гордится в настоящее время, и оставая пока в стороне разбор по существу самого вопроса об них, целесообразности и полезности упражнений в сочинении на задания темы, я должен сказать об них то же, что и о рисунках, т. е., что относительно стороны технической и вообще вышних качеств надобно отдать преимущество прежним ученическим работам, а чтобы быть вполне справедливым, прибавлю, что относительно внутренних достоинств, как те, так и другие одинаково несостоятельны.

Самая же красноречивая страница в отчете Академии этого года—

этой программы. Мы видели, какие предосторожности приняты Академией, чтобы воспитанники стояли на высоте задачи; теперь я скажу, через какие препятствия должен пройти ученик, пока достигнет наконец конкурсов. Каждый из них должен получить по два серебряных медали, малую и большую, в порядке постепенности в каждом натурном классе, рисовальном и этюдном (живописном), того четыре серебряных медали; упражняться ежедневно в сочинении эскизов, за что также существуют награды медалями и денежными премиями. Вообще, денежные выдачи играют теперь огромную роль. §§ 53, 54, 55, 56 и 57 определяют все эти обязанности. Я должен засвидетельствовать, в интересах беспристрастия, что все эти правила действительно исполняются: все программисты имеют установленное число медалей, по только те работы, за которые они их получают, находятся в прямом противоречии со смыслом самых правил. Судите сами: по смыслу академических традиций, так хорошо нам известных, сюжеты на малую золотую медаль изыскиваются только такие, в которых бы ученик мог выказать блистательным образом свои познания в изображении натурщиков и натурщиц. Повторяю, не будем спорить, пока, о том, насколько это рационально, а примем это так же серьезно, как принимается сама Академия: спрашивается, кому придет в голову, что природа создала когда-нибудь нечто подобное тому, каковы «Адам и Ева перед трупом Авеля» в шестнадцатом году, как они изображены на программисте г-на Данилевского? Чего-либо, изобразив четыре серебряных медали, незнакомых с самыми первоначальными элементами того, чему его учили так долго и столь усердно! Два другие его конкурсанта оказываются не много больше сведущими. Но быть может они бедарны? Тогда зачем же их так долго оставляют в заблуждении и относительно их положения, и, чего доброго, пожалуй оставить еще несколько лет?... Словом, масса вопросов невольно толпится и настойчиво требует разрешения, если принять все так же серьезно, как принимает Академия. Къ счастью для молодых людей, можно вливать академическую точку зрения, и тогда вывод будет гораздо более для них благоприятный: окажется, что программы никогда не служили надежным руководителем в определении: кто из них талантлив, и кто нет.

Перейдем теперь къ последнему отделу, программам на большую золотую медаль: «Бракъ въ Канѣ Галилейской». Всѣхъ программистовъ изъ нихъ одному, и далеко не лучшему, дали большую золотую медаль и право выезда за границу на казенный счетъ, — за прежнія заслуги и прилежание, какъ было читано на актѣ. Разбирать представляемая произведение труда изливший, достаточно только прочесть § 132 устава, который

гласитъ: что «для получения большой золотой медали недостаточно, чтобы представленное на конкурс произведение было только лучшее между другими, но должно само по себе заключать все условия, заслуживающей высшей награды». Достаточно, говорю я, только знать этот параграфъ, чтобы безъ разсуждений понять, насколько усилия Академии скомпрометированы. Чтобы, наконецъ, покончить съ этимъ совершенно, я приведу еще одинъ § правилъ, 134, касающийся неукосновенныхъ по конкурсу золотыхъ медалей, который говоритъ, что они могутъ быть награждаемы знаниями классныхъ художниковъ въ томъ только случаѣ «если представленные работы на конкурсъ будутъ заслуживать особаго вниманія Совѣта». Очевидно, остальные программы особаго вниманія Совѣта заслуживаютъ, такъ какъ всѣ четверо получили званіе классныхъ художниковъ и по 150 руб. утѣительныхъ. Тяжелая и непріятная обязанность коснуться достоинствъ ученическихъ работъ выпала мнѣ на долю, — тяжелая потому, что молодые люди менѣе другихъ отзывчивы на результаты ихъ успѣй, а также и за то, что ихъ не такъ и не тому учатъ. Все сказанное до сихъ поръ касается внешней, формальной стороны дѣла, очевидной для всякаго, но было бы очень интересно узнать рядъ ощущеній ученика Академіи, желающаго стать художникомъ. Очень мучительно было бы выслушать кого-либо изъ теперешнихъ молодыхъ людей, какъ на его внутренней жизни отзывается эта система, и что ему приходится пережить. Чтобы восполнить этотъ недостатокъ хотя отчасти и выснить вопроса, по отношенію къ настоящему времени, я прошу позволенія привести нѣсколько личныхъ воспоминаній, тѣмъ болѣе уместныхъ, что многое, почти все, осталось въ томъ же видѣ и теперь. Кое-что только успѣло по одному и тому же (вредному) направлению, напирившись упражненія въ сочиненіи, а нѣтъ появилось уже послѣдствій, и только въ настоящую минуту начинаетъ приносить осязательные плоды.

Я вступилъ въ Академію въ 1857 году, въ классъ гипсовыхъ головъ. Никакихъ словесныхъ экзаменовъ (со времени уничтоженія казеннокомунныхъ воспитанниковъ) не требовалось. Нужно сказать, что, до вступленія моего въ Академію, я читалъ разныхъ книжекъ по художеству; біографій великихъ художниковъ, разныхъ легендарныхъ сказаній объ ихъ подвигахъ, и тому подобное, и вступилъ въ Академію какъ въ нѣкій храмъ, волагая найти въ ея стѣнахъ тѣхъ же самыхъ вдохновенныхъ учителей и великихъ живописцевъ, о которыхъ я читалъ, изучающихъ огненными рѣчами благородно въсвѣщающихъ имъ юность. Словомъ, я подлагалъ встрѣтить что-то похожее на тѣ мастерскія итальянскихъ художниковъ, какія дѣйствительно существовали. Разсказы товарищей о томъ, что такой-то

профессоры замечательный теоретик, а вот этот великий композитор, только разжигали мое воображение. В натурные классы я нигде уже право избрать себя профессора из постоянные руководители *), которому я уже и должен был показывать свои классные и неклассные работы и выслушивать замечания и советы. Как видите, это правило было быдным отголоском когда-то живого общения между учителем и учениками, и нигде место за этими столбами до возникновения самих Академий. На первых же порах я встретил, вместо общения и любви, так сказать, об искусстве, одни голые и сухие замечания: что вот это длинно или коротко, а вот это надо постараться посмотреть на антиках, Германник, Лаокоон... Видеть, как и что работает замечательный теоретик, или творить великий композитор, мне (да и никому почти) не удавалось никогда. Одно за другим стали разлетаться создания моей собственной фантазии об Академии и прокрадываться охлаждение к мертвому и педагогическому механизму в преподавании, но привязанность к вечерним рисовальным классам оставалась во мне очень долго. В то время это были чрезвычайно оживленные собрания молодежи: до 120 человек и больше рисовало постоянно. Рисунки после классов брались домой. Обычай этот имел свои вредные стороны, так как приучал (никогда до фанатизма) предаваться излишней отдалке, но нигде также и хороших: постоянное рассмотрение его на досуге помогало развитию памяти, проливалось впечатлений, а через то, каждый рисунок был, так сказать, изучен до конца, насколько хватало сил и способностей. В классы живописи наступили для меня настоящие муки: я не мог понять, что такое живопись и что значить «краски»? Самые колоритные вещи здесь, при натуре, казались мне неестественными; замечания же профессора отличались и в этом случае тем же лаконозмом: «Плоско, колбика дурно нарисована, и чулок вместо сфинкса»; на другой день другой с равнозначущими замечаниями, но с новыми вариациями: «Не худо, но худо!... Э... Это не так, да и это не так! Все не так!!» Оставалось товарищество — единственное, что дарило всю массу вперед, давало хоть какие-нибудь знания, вырабатывало хоть какие-нибудь приемы и помогало справляться со своими задачами. А так как тогда и в классы живописи позволялось заниматься после положенных трех часов и пользоваться натурой по найму (что на всех составляло безделье), то и здесь ученики нигде время вдуматься, выработать свой этюд — полагать его. В конце каждого месяца, с приближением экзаменов, усиливалась лихорадочная деятельность; а последняя ночь часто просаживалась напролет за оконча-

*) В настоящее время этого правила не существует.

нием рисунков и приготовлением эскизов. С расставом для экзамена, Академия полна, все сотни рисующих и вынужденных на лице: развешивают и развешивают работы, потом, целыми толпами обходят, судят, чьи рисунки или этюды лучше всех; кому следует медаль, или другая награда. Но вот приближаются роковые 10 часов утра, когда нас выгоняют, так как собирается уже ареопаг профессоров. Начинаются торжественные часы экзамена. Каждый с лихорадочным сердцем старается не пропустить выхода Совета, чтобы поскорее узнать свою судьбу, так как немедленно после того нас выпускали для обсервации. Но проходит обыкновенный срок, профессора вышли давно, а нас все еще не выпускают... Откуда-то вдруг начинают носиться слухи, что медаль или 1-й 2-й получил такой-то!.. Как? Почему?.. Не может быть! Наконец, и собственными глазами удостоверяешься, что определенно товарищ и свое собственное далеко расходит с приговором Совета! Нужно самому пережить эти минуты, чтобы понять муку неотвратимых вопросов: почему это лучше того? зачем такому-то дали медаль, когда у него натурщик не похож не только лицом (эта роскошь никогда в Академии не уважалась и не требовалась), а хотя бы корпусом? Что же это такое? и чего они требуют?.. Никогда, никакого разъяснения, точно сохранять элевинские таинства! Такую странность экзамену нельзя было всегда приписывать какой-либо несправедливости; напротив, им все как-то мутно чувствовали, что существует какая-то система, но какая? этого, в целом, рядному из нас удавалось уяснить себе; да и уяснение не все могли с ним примириться, потому что грамматика: столько-то голов в рост человека, такая-то плечи, такой-то длины ноги, затеи колбика и сфинкса по возможности ближе к антикам, удовлетворяла не всякого. Правда, когда ученики, после многих родов, усвоят, наконец, пропорции человека, поймет механику движений и те таланты передадут верно натурщика, с его лицом, руками, корпусом, со всеми индивидуальными особенностями, то не было примра, чтобы такой рисунок, или этюд, не казал бы временно перевеса над рутинной и схоластической, но господствующей в Совете неизменно оставались на стороне антики и схоластики. Но сколько крови будет испорчено, сколько жизни исклещено без надобностей, прежде, чьим кому либо удастся пробиться! Нельзя сказать, чтобы мы не пытались вовсе найти выхода, и я возмужавший рече товарищ ораторов, что следует попросить Совет, чтобы нас допустили присутствовать на экзаменах, разумеется без права голоса, и только в качестве самых почтительных слушателей. Вряд, говорить оратор, воображаете, какое обесчещение крови, здоровья, времени! а главное: чтобы мы узнали, и как это было бы для нас полезно и инте-

расно!.. Один профессор говорит, другой профессор говорит, третий говорить!.. и о чем? О рисунках, о живописи, о композиции! А? Как все это нас может двигать вперед!.. Только... только этого не состоялось... мы не просили. Иногда, впрочем, натурация разъясняли нам кое-что, так как они были единственными счастливыми слушателями этих лекций. Бывало, кристает: ну, Тарась, голубчик, скажи пожалуйста, что они там такое говорят? Как это происходит? «Да как? Сначала все так тихо по иностранному разговаривают между собою, а потом засно-рять и почнуть уже по-русски». Конечно, при таком порядке пустят слушателей хотя бы и учеников Академии — неудобно.

Итак, результаты экзаменов, наполнив сердца нами тревогой, а головы недоумением, не могли быть орудием образовательным. Оставалось, кому нравилось, ловить отрывки профессорских советов в родъ вышесприведенных.

Мало того, что в область техническую вносились схоластика, существовал, да существует и теперь, чрезвычайно вредный предрассудок относительно сочинений. Я знаю, что вопрос этот один из самых неясных, что он не решен положительно ни для одного учебного заведения; но нигдѣ он не приносит таких гибельных плодов, как в Академии художеств, потому что в томъ возрастѣ, когда всякія сочинения по задачамъ в учебных заведенияхъ прекращаются, и у мальчиковъ остается какое-то смутное представление в памяти о какихъ-то классических упражнениях и задачах, когда, наконец, ни сторона институтская, ни институтские не смотря на это, какъ на творчество — в этомъ-то именно возрастѣ юноши только становятся учениками Академии. Это уже не дѣти: рѣдкій вступаетъ моложе 20 лѣтъ, а сочинять начинаютъ еще поздѣе. И въ то время, когда у него в головѣ начинаютъ появляться свои собственные фантазіи, часто не глупыя и оригинальныя, еще чаще, разумеется, незрѣлыя и, быть можетъ, смѣшныя, ихъ, однакожъ, никто не тревожитъ и не вымываетъ на свѣтъ Волюн, до нихъ никому и никогда нѣтъ никакого дѣла. Напротивъ, все стараніе употребляется на то, чтобы вынуть, что сочинять слѣдуетъ, какъ «Иосифъ толкуетъ сямъ хлебодару и виночерпію», или онъ же, «продаваемый братьями», словомъ, то же, что всегда и вездѣ отъ сотворения міра задается. Говорили, что у профессоровъ были даже книги съ сюжетами, откуда они и заимствовали. Сколько я себя помню, эта пренудность мнѣ не понравилась съ первого же шагу и я никогда не могъ къ ней приспособиться и съ нею принириться. Мнѣ уже въ то время казалось, что сдѣлать эскизъ можно только тогда, когда въ головѣ сидитъ какая-либо идея, которая получитъ и не даетъ покоя, идея, нѣмая стать въослѣдствіи картинной, что нельзя по заказу сочинять,

когда угодно и что угодно. Но ихъ все-таки требовали, хотя и не въ строгомъ, чѣмъ теперь, когда не экзаменуютъ даже рисунковъ безъ эскиза: тогда еще экзаменовали. Помню, какъ теперь, одинъ сострадательный совѣтъ моего товарища, желавшаго принести мнѣ пользу, открывъ секретъ своего съособа композиции. Я говорю, беру листъ бумаги и пачкаю его во всевозможныхъ направиленіяхъ углемъ, карандашомъ; потомъ растираю тряпкою, ладонью, пальцами; вѣшаю его на стѣну, самъ ложусь на диванъ, и долго, долго, смотрю: на что эти пятна похожи, до тѣхъ поръ, пока эти пятна не покажутся мнѣ людьми; тогда я поспѣе, стараясь не забыть, начинаю ловить красками, карандашомъ, чѣмъ палало, и это такъ хорошо выходитъ, что я часто получаю первые М.М., какъ ты знаешь!.. Другой практиковалъ творчество нѣсколько иначе: онъ старался провести на чистой бумагѣ красивую кривую линію (чувству, какъ это мало понятно читателю) и когда ему удалось найти, по его понятію, эту хорошую кривую, или нѣсколько кривыхъ, онъ старался расположить уже фигуры непременно по этой кривой, во что бы то ни стало. Вотъ каковы виртуозовы выработала Академія *). Эти способы творчества были не безъ основанія: они вытеканы изъ совѣтовъ профессоровъ, такъ какъ мнѣ самому неоднократно приходилось слышать слѣдующія замѣчанія: «Старайтесь располагать группы пирамидально; не становите фигуры задомъ; главная фигура въ картинѣ никогда не должна быть профилемъ. Посмотрите, да покопируйте съ эстамповъ: Пуссена, Рафаэля!..» и странно, Пуссена рекомендовали непременно прежде Рафаэля. Или: «Мы, изволите видѣть, всегда воображаемъ собѣ прежде всего пятно, пятно прежде всего и потомъ уже въ этомъ пятнѣ люди...». Одинъ разъ мнѣ удалось проникнуть къ профессору дальне первой комнаты, по случаю его нездоровья, и тутъ мнѣ, въ этомъ святѣйшемъ, представили эскизъ несостоявшейся картины, о которомъ ходили слухи, что это удивительное сочиненіе. Я жадно вникъ глазами, и весь ирерватился въ зрѣніе. Замѣча дѣйствіе своего созданія, профессоръ началъ мнѣ объяснять его достоинство; упомянулъ о какихъ-то чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, помѣшавшихъ картинѣ увидѣть свѣтъ Волий, и кончилъ такъ: «Да, вообще я много работалъ за этигъ и много прочелъ трактатовъ о сочиненіи и постарался располагать свои группы такъ, чтобы рядомъ съ величественнымъ и прекраснымъ было ужасное, рядомъ съ спокойствіемъ — движеніе, рядомъ съ трагическимъ — смѣшное. Славъ Карлъ Павловичъ (Врюлловъ), глядя на этотъ эскизъ, сказалъ: «Да это все неважно и пережевано». Вотъ что составляло сущность наставленій въ интереснѣйшемъ отдѣлѣ искусства **). Кроме того, существовали еще лек-

*) Все это осталось безъ измѣненія.

**) Все это осталось въ томъ же видѣ.

мн из наук вспомогательных: персептивна, анатоміи и теоріи изящных искусств. Персептивна въ то время не читалась (кажется, за отсутствием лектора, послѣ смерти Воробьева). Лекція анатоміи я прослушала, и на нѣхъ узнала, кромѣ того, что мнѣ знать было необходимо, кое-что и изъ «любопытства», какъ выражался покойный старичокъ Буяльский, который читалъ анатомію, приспособляясь къ невѣжеству слушателей, точъ-въ-точъ дають груднымъ дѣтямъ булку или кашницу: въ неважномъ видѣ. «Тутъ вотъ есть осановидная косточка, которой вы рисовать не будете, но для любопытства я вамъ расскажу»... и рассказывать. О лекціяхъ же теоріи изящнаго удержалось въ памяти такое смутное представление, что я многого сказать не могу: правда, я и была-то на нѣхъ всего два раза, но изъ этихъ двухъ разъ мною только, что на одной шла рѣчь о К. П. Брюлловѣ, какъ онъ однажды замерся, и какъ объ этомъ пошла молва по академическимъ корридорамъ, и какое онъ потомъ совершилъ чудо; да еще объ личномъ сожалѣніи самого лектора, что злая судьба лишила его удовольствія видѣть великаго художника въ его собственномъ сынѣ, умершемъ безвременно для искусства и доказавшемъ возлагаемымъ на него надежды коней съ Тикциана, которую мы и можемъ видѣть въ академическихъ залахъ. Въ другой же разъ лекторъ говорилъ о томъ, что древніе великіе итальянскіе художники были не только художниками, но рѣдкіи изъ нихъ въ то же время не были жеманъ или музыкантомъ, и что все это были люди очень образованные, не то что нынѣшніе художники, леути и невѣжи, ни о чемъ, кромѣ красокъ и кистей, не имѣющие понятія, и что развѣ только одинъ нашъ уважаемый ректоръ, кромѣ того, что онъ великій художникъ, въ то же время и музыкантъ. (Къ сожалѣнію, память моя не удержала названія инструмента, на которомъ игралъ покойный ректоръ). Рѣчь на эту тему тянулась довольно долго, и я поплю черные глаза изъ-подъ густыхъ черныхъ бровей, устремленные на всѣхъ насъ, такъ глубоко поининыхъ въ потолокнѣ невѣжествъ. Тутъ, на этой лекціи, я почувствовала себя до такой степени кругомъ виноватымъ въ томъ, что я не поэтъ и не музыкантъ, а просто невѣжда и неуча, что хотя и чувствовала смутно, что юноша, строго говоря, виноватымъ въ невѣжествѣ быть не можетъ, но все же это было какой-то тяжело давящей правдой; хотя нѣтъ и казалось, что упрени эти надобно было адресовать кому-то другому, мол... пойдти на третью лекцію я уже не дерзала, и потому рѣшительно не просвѣтился въ теоріи искусства, и даже не знаю того, насколько эти лекціи касаются самой теоріи.

II.

Въ то время, когда мое молодое стремленіе къ искусству было такъ странно смущено, и я все больше и больше залутывался въ вопросы первостепенной для меня важности, — прѣехала картина Иванова «Явленіе Христа народу». Въ первое время, когда я ее увидѣла, и рѣшительно не могъ составить себѣ о ней никакого отчетливаго понятія. Поднявшея въ нашъ низменномъ муравейникѣ толпа о искривленіи правилъ композиціи (отсутствіе пирамидальности токъ), объ оскорбительномъ и неизящномъ старикѣ налѣво, о зеленомъ рабѣ, о некрасивости Христа, еще больше довергли меня въ уныніе. Не смотря на то, что фигура Іоанна Крестителя на меня произвела впечатлѣніе чего-то страшнаго, я видѣлъ, однакъ, что она, противъ всякихъ правилъ, поставлена профилемъ; что Христосъ некрасивъ дѣйствительно... но отчего фигура Его выражаетъ твердость и смелость, какъ будто Онъ знаетъ, куда идетъ и зачѣмъ? — было для меня вопросомъ неразрѣшимымъ. И нужно было такъ случиться, что, выйдя съ выставки, я наткнулся на одного изъ товарищей, котораго я до тѣхъ моръ уважалъ и за способности, и за умъ. Первое его слово было: «Что, какова картина? А? Какъ нарисованы ноги-то у Іоанна и колѣнки, всѣ кости, мышечки?..» Удивительно, я это замѣтилъ тоже, и еще подумалъ: а вѣдь это хорошо нарисовано... Только тутъ мнѣ мой товарищъ почему-то не понравился. Всю дорогу я думалъ, что вѣдь это глупо, наконецъ, въ такой картинѣ видѣть ноги, да колѣнки. И какъ это странно: вѣрно, а глупо! Словомъ, молодежню мое было безпомощное. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ я отзывомъ печати: что-то скажутъ? И вотъ, появляется одна статья, не помню уже чья: не то какого-то Пашкина, не то какого-то Толбина, гдѣ картина была названа китайскимъ покровомъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и я опять подумалъ: вѣрно, а не умѣе моего товарища! Но были отзывы и сочувственные: между ними, помню, я съ удовольствіемъ читалъ брошюрку какого-то архимандрита, если не ошибаюсь, и совершенно соглашался съ нимъ, что библейскій пророкъ Іоаннъ такъ и долженъ былъ быть: съ всклокоченными волосами и съ воследенными глазами отъ безсонницы!... Но вѣдь это пишетъ архимандритъ, стало быть не авторитетъ въ искусствѣ, а мнѣ нужно было тогда именно авторитета!.. Какъ вдругъ разослается страшная вѣсть: Ивановъ умеръ! Вотъ тебѣ разъ!.. Съ тѣхъ поръ я такъ испугался, что картина сама по себѣ перестала быть предметомъ изученія и интереса, и даже, хороша ли она или дурна, стало для меня безразлично, а главное: человѣкъ, художникъ, его положеніе, его судьба, стали меня занимать больше всего.

25 лет работать, думать, страдать, добиваться, прескаться деюю, к своим, привести им наконец этот подарок, что так долго и с такой любовью к родине готовил—и вот тебе! Мы даже не съужили пощадить большого человека. Мне просто стало страшно. И помню, я даже что-то такое манисал по поводу смерти Ивалова. К Академии с этих пор я стал охлаждать совершенно, и хотя пробовался в ней еще несколько лет, но уже немного, так сказать, проинизировал.

Летом 1859 года я не был в Петербурге, а когда воротился, то застал новость: новых начальников, новый устав, новые порядки, и... какой-то новый дух. На первый раз все было по старому: профессора все те же почтенные старцы, рбчи их с учениками те же. Но были и новости, касавшие нас: рисунков вечерних классов домы не брать, и в класс живописи, кроме молодых часов, не заниматься; для вновь же вступающих полагался экзамен из наук и обязательное слушание лекций. Кроме того, мы все как-то скоро почувствовали, что в Академию новая должность—конференц-секретаря, тогда как прежде, не знаю почему, мы и не подозревали о его существовании, хотя он-то и читал лекции теории изящного. Теперь же, малыйша бедняк века к столкновеню (не в смысле враждебности) с этою властью: точно радусм из любой точки окружности идти к одному центру, так и здбсь, чего бы ни коснулось, разршнить это может все тот же всемогущий конференц-секретарь. (Справедливость требует сказать, что, несмотря на постоянное столкновение, никто из нас не имел повода серьезно жаловаться на него. Правда, был какой-то ровот, но он был где-то там, в высших сферах, так сказать, между профессорами, о чем до нас доходили едва слышимые слухи. Сколько могу узнать тогдашния мои впечатления, это была какая-то борьба либерального движения против остоящих и неподвижных профессорских привычек: профессора и были, главным образом, недовольны; а так как вся масса учеников была на старых правах, то нас все это как-то касалось мало. Один раз только конференц-секретарь, явившись в одно многолюдное собрание учеников, бывшее по поводу нашествия одному из товарищей оскорбления профессоров, прикрикнул и потребовал, чтобы мы разошлись немедленно, но, после возражений с нашей стороны, как-то стушевался, и митинг наш благополучно кончился, не причинив никаких вредных последствий.

Раньше, говоря о наших недоумках по поводу экзаменов, я упомянул о существовании системы у профессоров, мало нами понимаемой. В сущности, у них ничего не было кроме привычек и вкусов, в которых они выросли. Все они, за немногими исключениями, не были спо-

собны сознательно, во имя идеи, давить проявления молодой жизни (это вышло уже впоследствии). Например, они всякий раз очень охотно и настойчиво снабжали событиями записывать у Пуссена и Рафаэля, а между тем не могли утерпеть, чтобы не наградили первое появление Перова с картинною, плою и сбро написанною: «Прйезд станového на следствие», в которой так хорошо был г. становой, так глубоко комичен его писководитель с подвизанною цескою, с полными юмора понятиями, ириведшими подсмудного, со всею глубокою правдою, выхваченною молодым художником прямо из жизни. В то время это были наги прогесса в нашем искусстве, первые входы которого относятся еще ко времени Федотова. Были и раньше люди, порывавшиеся войти в народную жизнь и брать оттуда сюжеты для своих картинок. Но что это не было серьезно и сознательно, можно судить из того, что сам Велецков, например, никогда не дерзал считать того, что он дблал, равным по значению произведениям наших классиков. Совет же Академии и подавно. Для него это было не больше, как едва терпимая уступка вкусу публики; но ирять же такое направление—недостойно такого серьезного стража чистоты стиля, какова Академия, особенно когда, с свободным допущением молодых людей всех слоев общества заниматься искусством, да еще без научного экзамена, возникло проявление простонародных наклонностей, с каждым годом все усиливавшееся. Даже содержание и внутренний смысл картин Федотова, в глазах строгих классиков, не многим выше ставило его исследователей. И застал Академию еще в то время, когда недоразумение Совета относительно нарождающейся силы национального искусства было в священный состоянии, и когда еще существовала большая золотая медаль за картины жанра. Мало того, это стастное недоразумение было настолько велико, что все медали, даже серебряные, можно было получить за такие картинки, можно классовать. Появился, например, талантливый мальчик, дойдет до натурального класса, попробует, порисует, да на лето куда-нибудь и исчезнет, а к осени привезет что-нибудь в род «Поздравления молодых», «Прйезда станového», или «Продажа апельсини» (Якобия). Все видят ясно, что есть юмор, талант, ну и дадут маленькую серебряную медаль, так, для поощрения; а молодой человек на будущий год привозит уже что-нибудь получше: «Продавец халатов» (Якобий) или «Первое число»; профессора опять сбывают и, по недоразумению, дают большую серебряную медаль, да рядом, да четкими советами, чтобы не обижать очень историков, и поставляют: не допускать на золотую медаль не имеющих серебряных за классны работы; а на выставк встречаются уже с такого рода картинками: как

«Первый чин» Перова, «Святый празднии нига» Якобія, «Отдых на снѣжосѣ» Морозова, «Возвращение нѣлаго отца» Корзухина, «Святоство чиновника» Петрова. Постановленіе забыто, и золотая медаль 2-го достоинства награждает ламти да сержаги. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дров! На слѣдующій годъ уже являются «Послѣдняя весна» Клодта, «Привалъ арестантовъ» Якобія, «Промѣна сѣнскаго священника» Перова. Какъ не увлечься, хотя бы и профессорамъ? И большая золотая медаль летитъ, по недоразумѣнію, молодымъ художникамъ! Глядя на то, что дѣлается, завязтые рисовальщики натурнаго класса, или такъ называемые «историки», у которыхъ еще осталась живая искра таланта, заявляютъ Совѣту о своемъ желаніи перейти на жанръ, предъявляютъ свои эскизы къ утвержденію (Кожантанъ Макоскій, Песковъ, Шустовъ), имъ дозволяютъ—проскакиваютъ и эти. А между тѣмъ Совѣтъ чувствуетъ, что пора что-то сдѣлать. Но либеральный конференцъ-секретарь, какъ это часто случается съ людьми, недовольно знающими то дѣло, за поправки котораго берутся, идетъ на компромиссъ въ такихъ вопросахъ, которые собственно и составляютъ самый живой нервъ дѣла. Такъ и въ этомъ случаѣ: вышло нѣчто уродливое.

Въ 1863 году я состоялъ конкурентомъ и писалъ программу. За три-четыре мѣсяца до годичнаго экзамена по всѣмъ мастерскимъ конкурентовъ было разослано печатное объявленіе о новомъ постановленіи Совѣта, касавшемся программистовъ на золотыя медали. Къ сожалѣнію, этого документа я не сохранилъ тогда, но смыслъ его помню очень хорошо. Въ немъ было около 4 или 5 пунктовъ, приблизительно, слѣдующаго содержанія, что «отнѣтъ разлітіе между родами живописи жанра и исторической унѣтожается; что на малую золотую медаль будетъ, какъ и прежде, задаваться всѣмъ одинъ сюжетъ, а на большую, въ виду нѣющаго наступитъ столѣтія Академіи и въ видѣ опыта, будутъ даны не сюжеты, какъ прежде, а темы, наприимѣръ: гнѣвъ, радость, любовь въ отчизнѣ и т. п., съ тѣмъ, чтобы каждый ученикъ, сообразно своимъ наклонностямъ, реализировать бы тему, какъ онъ хочетъ и откуда хочетъ: изъ жизни ли современной, или давно прошедшей, изъ исторіи ли библейской, или евангельской—все равно: что конкурировать на большую золотую медаль можно будетъ только одинъ разъ, и, наконецъ, на всѣхъ конкурентовъ полагается одна золотая медаль 1-го достоинства». Начались собранія и толки программистовъ о вновь издаваемыхъ правилахъ. За годъ до этого былъ введенъ, въ первый разъ, промежуточный годъ между малой и большою золотыми медалями. Около 10 человѣкъ имѣли уже малую золотую медаль и ждали годъ, утѣшаясь въ сочиненіи эскизовъ по упомянутому образу, на третіе экзамены, а съ только-что получившими, на годичномъ экзаменѣ, ма-

лая золотыя медали, въ этомъ 1863 г. составилось 14 чел. Собранія наши были очень часты, разсужденія шумны и рѣшенія довольно единодушны.

Мы положили войти въ Совѣтъ съ прошеніемъ предвѣстельно слѣдующаго содержанія: «Въ виду того, что Совѣтъ Академіи дѣлаетъ какъ бы первый шагъ къ свободѣ выбора сюжетовъ, въ виду того, что итра эта принимается въ видѣ опыта къ предстоящему столѣтію Академіи, въ виду, наконецъ, того, что конкурировать на большую золотую медаль отнѣтъ полагается только однажды и только одному изъ насъ достанется золотая медаль, дающая право побѣды иностранцу, мы просимъ покорнѣйше Совѣтъ дозволить намъ, хотя бы тоже въ видѣ опыта, полную свободу выбора сюжетовъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, только такой путь исмѣтанія—наименѣе ошибочный, и неможемъ доказать, кто изъ насъ наиболѣе талантливый и достойный этой высшей награды; а также разъяснить, какъ будетъ съ нами поступлено при заданіи темъ: будутъ ли насъ заирать на 24 часа*) для изготовленія эскизовъ, что имѣло смыслъ, когда дается сюжетъ, гдѣ характеръ лицъ и ихъ положенія готовымъ, остается изобразить,—или нѣтъ? При задачѣ же темъ, наприимѣръ, гнѣвъ, заирание становится неудобнымъ, такъ какъ самая тема требуетъ, чтобы человекъ дали возможность одуматься*). Словомъ, мы какъ бы хотѣли сказать Академіи: мы хотѣли строгостей, одинъ разъ конкурировать, одна медаль на 14 чел.! Два рода живописи сливаются въ одинъ! Хорошо, но дайте же и намъ гарантію, что большая золотая медаль достанется дѣйствительно достойнѣйшему изъ насъ. Мы слишкомъ насмотрѣлись на конкурсы, при которыхъ бездарность проходитъ гораздо легче и скорѣе; мы слишкомъ хорошо знали примѣры, какъ самый талантливый проваливается на этомъ ристалищѣ. Между нами еще были люди, помнившие, что Гёдда получилъ большую золотую медаль, и то послѣ второго и чрезвычайно бурнаго засѣданія Совѣта, тогда какъ Ксенофонтонъ, Ионовъ, Годунъ, Кабановъ, Мартиневъ прошли благополучно; помнили, что Келлеръ, провалившись, потѣхалъ на свой счетъ иностранцу. Словомъ, мы слишкомъ хорошо понимали, чего мы хотѣли и почему это было нужно. Всѣ 14 человѣкъ подписались подъ прошеніемъ и подали его. (Вотъ-то мы были хорошіе юристы!). Совѣтъ миновалъ, а отвѣтъ на наше прошеніе не послѣдовало. Проглотить ведѣля, другая, справляемся въ правленіи, говорить: ничего нѣтъ, не знаемъ. Думаемъ, что дѣлать? До насъ дошелъ слухъ, между тѣмъ, что одинъ изъ профессоровъ выразился слѣдующимъ образомъ о намѣстѣ прошеніи:

*) Конкуренты на золотыя медали заираются на 24 часа, въ течение которыхъ они должны сочинить эскизы, и затѣмъ уже не отступать отъ нихъ въ картинѣ.

«Ну, что-ж! Разсуждают! Нужно пригласить их сюда и дать присла!», а затѣмъ поднялся возгласъ: «Кѣто это выдумалъ темъ!» Въ самомъ дѣлѣ, эскизовъ нельзя сдѣлать въ 24 часа! Долой темъ! Возстановить ирѣжнія правила и задать всѣмъ одна сюжетъ!» И, говорить, въ этотъ смыслъ и было сдѣлано постановленіе!

Понимая, чѣмъ это можетъ разрѣшиться для насъ, мы изготавили и подали другое прошеніе, въ такомъ уже смыслѣ: «Что такъ какъ между нами половина жанристовъ, имѣющихъ малую золотую медаль, полученную ими за картины по свободно избраннымъ сюжетамъ, и что несправедливо подвергать ихъ конкурсу наравнѣ съ историками, то просимъ Совѣтъ или оставить за нами наши старыя права, или дозволить всѣмъ намъ свободу выбора сюжетовъ». На этотъ разъ мы такъ разсудили: если оставить насъ на старомъ положеніи (а законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ), то мы можемъ заявить о переходѣ на жанръ и, стало быть, представить свои сюжеты, что практиковалось. Опять нѣтъ отвѣта.

Тогда мы выбрали депутацію для личныхъ объясненій съ членами Совѣта, и я былъ въ качествѣ депутата, а стало быть объяснялся, и очень живо помню нами визиты. Приходимъ къ одному, имѣвшему репутацію застря*). Принимаютъ полюбольной, лежа на огромной постелѣ. Излагаемъ. Выслушаютъ. «Не согласенъ, говорить, и никогда не согласусь. Конкурсы должны быть, они необходимы, и я вамъ теперь же заявляю, что я не согласенъ, и буду говорить противъ этого»... Затѣмъ прибавить: «Еслибы это случилось прежде, то васъ бы всѣхъ въ солдаты. Прощайте!» Вышли, думаешь это, по крайней мѣрѣ, прямо, и мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Пришли къ другому, предлагаемому дать намъ кресла въ Совѣтъ**), излагаемъ опять. Въ отвѣтъ получаемъ: «Вы говорите глупости и ничего не понимаете, я и разсуждать съ вами не хочу». Тутъ тоже ясно. Пошли къ третьему, горячему и талантливому скульптору***). Слышимъ: «Нигдѣ въ Европѣ этого нѣтъ, во всѣхъ академіяхъ конкурсы существуютъ, другого способа для экзамена Европы не выработала. Да, наконецъ, и неудобно: какъ вы станете экзаменовывать разнородныя вещи. Нѣтъ, этого нельзя!» Ушли; возназалося неубѣдительно. Стоимъ, раздумываемъ: однако, самого важнаго и вліятельнаго****) приберегли вѣдь комедъ. Приходимъ, вриваемся, просимъ въ кабинетъ, даже садимся! Мы по порядку начинаемъ оялтъ свою пѣсню сына. Прочли ее, и просимъ заступиться. Онъ соглашается; говорить, что все сказанное нами принимается близко къ сердцу, и сдѣлаетъ всевозможное. Намъ какъ будто

*) К. А. Топъ.

**) П. В. Васниъ.

*** Н. С. Пименовъ.

****) О. А. Бруни.

Ред.

Ред.

Ред.

Ред.

стало москокойше. Не помню, въ какихъ именно выраженіяхъ, но только слышимъ, нотекла тихая рѣчь, нѣсколько внушительная, правда, но осторожная, на такую тему, что «Академія призвала развивать искусство высшаго жорядка, что слишкомъ много уже торгается низменными элементами въ искусство, что историческая живопись все больше и больше падаетъ, что...» Въ это время одинъ изъ депутатовъ, Песковъ, талантливый жанристъ, къ сожалѣнію давно умершій, получивъ порицаніе, хотя и косвенное, своей святини, такъ сказать, не вытерпѣлъ: «Да что же, говорить, по нашему, Федоръ Антоновичъ, — развѣ уже жанристы и не художники?» (Пауза)... Я пробую поправить дѣло, и сказать что-то въ родѣ того, что «художники, дескать, того высшаго жорядка, о которомъ вы изволите говорить, вообще слишкомъ рѣдки, что если и есть въ настоящее время, то они войдутъ добровольно и сознательно по тому пути, на который вы указываете; что мы, наконецъ, просимъ принять мѣры, по измѣненію мнѣнія, обезпечивающія только справедливость»... и, чувствуя необходимость кончить объясненіе, мы встали. Профессоръ насъ провожаетъ, и такъ это хорошо говорить намъ на прощанье: что онъ вполне понимаетъ наше положеніе (еще бы! да мы-то его не понимали!), сочувствуетъ намъ, и что онъ самъ на нашемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы то же самое, и, что потому, онъ обязанъ сдѣлать все, отъ него зависящее. Выйдя отъ него уже всесмѣя, мы даже повеселѣли. Но, странно, на послѣдовавшемъ затѣмъ вечернемъ собраніи всѣ почувствовали, что надо приготовиться затѣмъ послѣ... и къ выходу даме. Потому что послѣ всѣхъ объясненій, самый важный вопросъ: что именно рѣшено Совѣтомъ относительно насъ — остался еще болѣе таинственнымъ; да мы, какъ видите, не сумѣли и добиться его разрѣшенія. Быть можетъ, оно и хорошо, что такъ вышло: Богъ знаетъ, что бы случилось, еслибы мы узнали рѣшеніе Совѣта раньше для конкурса.

Нѣсколько дней спустя, мы получили повѣстки изъ правленія: явиться на 9-е ноября 1863 года въ конференцъ-залу Академіи, на конкурсъ. Наканунѣ, долго, чуть не всю ночь, мы толковали. Узнавъ, въ променитокъ этого времени, что подача коллективнаго прошенія о выходѣ изъ Академіи на этотъ разъ нѣтъ для насъ весьма и весьма непредвидѣнная послѣдствія, мы запаслись тутъ же, на всякій случай, прошеніями: что по домашнимъ, или тамъ инымъ, причинамъ, я, такой-то, не могу продолжать курсъ въ Академіи и прошу Совѣтъ выдать мнѣ дипломъ, соотвѣтствующій тѣмъ медалямъ, которыми я награжденъ. (Подписъ). Одинъ изъ насъ заявилъ, что онъ такого прошенія не подастъ, и вышелъ. За то оказался скульпторъ, желавшій раздѣлить съ нами одинаковую участь*). Рѣшено

*) Крейтманъ.

Ред.

было, в случае неблагоприятного для нас решения Совета, одному из нас сказать, от имени всех, несколько слов к Совету*). Впрочем дурно было провести остаток ночи вслями, но крайней мерѣ я все думалъ, все думалъ.

Наступило утро. Мы собираемся все въ мастерской, и ждемъ роковыхъ 10 часовъ. Наконецъ, спускаемся въ правление и остаемся въ преддверіи конференцъ-залы, откуда поминутно выходятъ инспекторъ и требуютъ у чиновниковъ разныхъ какихъ-то справокъ. Наконецъ, дошла очередь и до насъ. Подходитъ инспекторъ и спрашиваетъ: «Кто изъ насъ жанристы и кто историки?» Не смотря на всю простоту этого вопроса, онъ былъ неожиданностью для насъ, привыкшихъ въ короткое время не дѣлать различія между собою. Имя необходимость разъяснить въ Советѣ, какъ вообще отнеслись къ нашимъ промѣнамъ, мы тотчасъ сказали: все историки! Да и что можно было сказать въ послѣднюю секунду предъ дверьми конференцъ-залы, которая въ это время уже распылилась чинными и невинными руками, и въ нихъ, такъ въ перспективѣ, въ глубинѣ: мундиры, звѣзды, ленты; въ центрѣ, полный генеральскій мундиръ съ эполетами и экибандантами, большой овальный столъ, крытый зеленымъ сукномъ, съ кистями. Тихо мы вошли, скромно поклонились и стали вправо, въ углу. Также неслышно захлопнулась за нами дверь и мы остались глазъ на глазъ. Секунду я ждалъ, что теперь уже весь Советъ, вѣсть инспектора, поставитъ намъ вопросъ: кто изъ насъ жанристы и кто историки? Но случилось безмовное и завѣдомо несправедливое признаніе всехъ насъ историками. Вопроса поставить намъ въ эту минуту изъбѣгли. Вице-президентъ поднялся со своего мѣста, съ бумагою въ рукѣ, и прочелъ, довольно громко и мало внятно: «Советъ Императорской Академіи художествъ, къ предстоящему въ будущемъ году столѣтію Академіи, для конкурса на большую золотую медаль по исторической живописи, избралъ сюжетъ изъ скандинавскихъ сагъ: «Пиръ въ Вальгаллѣ». На тронѣ богъ Одинъ, окруженный богами и героями; на плечахъ у него два ворона; въ небесахъ, сквозь арки дворца Вальгалли, въ облакахъ видна луна, за которую гонятся волки, и проч. и проч. и проч...» Чтеніе кончилось; послѣдовало обычное прѣслованіе: «Какъ велика и богата даваемая вамъ тема, насколько она позволяетъ человѣку съ талантомъ выказать себя въ ней и, наконецъ, какіе и гдѣ взять матеріалы, объяснить вамъ нашъ уважаемый ректоръ, Федоръ Антоновичъ Бруннъ». Тихо, съ правой стороны отъ вице-президента, подымается фигура ректора, съ многозначительнымъ, задумчивымъ лицомъ, украшенная, какъ все, лентами и звѣздами, и направляется неслышными ша-

гами въ нашу сторону. Вотъ уже осталось не болѣе сажени... сердце бьется... еще моментъ, и отъ компактной массы учениковъ отдѣлается фигура уполномоченнаго, по направленію стола и намерѣній пути ректора. Бруннъ остановился. Вице-президентъ поднялся снова, съдвигая головы профессорствъ повернулись въ нашу сторону, косматая голова скульптора Пименова рѣшительно всехъ выражала ожиданіе, конференцъ-секретарь Львовъ стоялъ у кресла вице-президента, и смотрѣлъ спокойно и холодно. Уполномоченный заговорилъ:

— Просить позволенія сказать передъ Советомъ нѣсколько словъ... Мы подавали два раза прошеніе, но Советъ не имѣлъ возможности исполнить нашу просьбу; то мы, не считая себя въ правѣ болѣе настаивать и не сѣя думать объ измѣненіи академическихъ постановленій, просимъ покорнѣйше Советъ освободить насъ отъ участія въ конкурсѣ и выдать намъ дипломы на званія художниковъ.

— Все? раздается откуда-то изъ за стола вопросъ.

— Все, отвѣчаетъ уполномоченный, кланяясь; и затѣмъ компактная масса мелькнула, и стала выходить изъ конференцъ-залы.

«Прекрасно!» «Прекрасно!» провожали насъ восклицанія Пименова. Прекрасно! вотъ тѣмъ, молумалъ я, насъ провожаютъ!

Одинъ по одному изъ конференцъ-залы Академіи выходили ученики, и каждый вынималъ изъ бокового кармана своего сюртука въ четверо сложенную просьбу и клалъ передъ дѣлопроизводителемъ, сидѣвшимъ за особымъ столомъ. Когда дошла моя очередь, я замѣтилъ, что была уже гряда въ 4 вершка вышиною. Тутъ же кто-то шепчетъ: одинъ остался*). Кто? Прошло не болѣе минуты: узнаемъ, что когда зала отъ насъ очистилась, въ самомъ углу оказался одинъ историкъ.

— А намъ что угодно? спрашиваютъ.

— Я желаю конкурировать.

— Развѣ вы не знаете, что конкурсъ изъ одного состояться не можетъ, подождите до будущаго года.

Отказъ отъ конкурса въ этомъ случаѣ я даже не знаю тѣмъ объяснить, такъ какъ и до этого случая, и послѣ, единоличныя конкурсы практиковались въ Академіи.

Когда все прошенія были уже отданы, мы вышли изъ правленія, затѣмъ и изъ стѣн Академіи, и я почувствовалъ себя, наконецъ, на этой страшной свободѣ, къ которой мы все такъ жадно стремились. Дальше вспоминать нечего. Началась дѣятельность, а не фантазія, и потому перейти къ дѣятельности.

*) Этого дежуать былъ сажъ Кражей. См. его письмо къ М. В. Тудиневу 13 ноября 1863 г.

*) Теперь уже умершій.

III.

Академія съ своимъ постановленіемъ осталась, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе крѣпчало у нея желаніе вырваться съ кормищемъ направленіе, въ сущности своемъ такъ глубоко расходящееся съ академическими традиціями. Сколько можно судить по послѣдующимъ фактамъ, Академія дѣйствительно достигла своей цѣли: самостоятельное творчество не имѣетъ уже мѣста въ ея стѣнахъ. Составъ художниковъ 50-хъ годовъ, дѣйствующій еще и въ настоящее время, постепенно сокращается, суживается и потемнѣло скончилось со сцены. Движенія между молодежью въ какомъ-либо ясно опредѣленномъ направленіи, въ смыслѣ содержанія — незначительны. Ученики же Академіи, рядомъ разныхъ карательныхъ мѣръ противъ неукоренныхъ и денежными выдѣлами послушными, приведенные къ совершенному равнодушію въ вопросахъ о самостоятельномъ творчествѣ; мало того, я имѣю основаніе думать, что еслибы теперь, сейчасъ, попытаться приложить къ нимъ свободу выбора сюжетовъ, то они оказались бы даже враждебно къ ней настроеными, и въ лучшемъ случаѣ — неизбѣжными представленіи, куда себя направить. Ихъ такъ долго и такъ тщательно оберегали отъ ереси, что въ настоящее время они равно свободно готовы исполнять какія угодно задачи, лишь бы достигнута матеріальная обезпеченія. Быть можетъ, я преувеличиваю, быть можетъ, умственное движеніе существуетъ, быть можетъ, убѣжденія и взгляды темерней молодежи глубже и шире прежнихъ (я сочту себя счастливымъ — если я заблуждаюсь), все это можетъ быть — я лично никого изъ молодежи темерней не знаю (т. е. не знаю съ этой стороны), но на поверхности этого не видно; не видно этого и изъ тѣхъ ученическихъ работъ, которыя выставляетъ Академія для публики. Правда, года 4 тому назадъ, я наткнулся на нѣкоторые поминки къ самостоятельности на одной изъ выставокъ ученической кассы, но съ тѣхъ поръ эти молодые люди были или исключены изъ Академіи, или оказались недостойными, съ академической точки зрѣнія, награды за программы, и, стало быть, исключились по всѣмъ правиламъ и по уставу. Куда они канули — не знаю. Удастся ли имъ когда-нибудь появиться снова на поверхности, сказать не берусь. То же, что такъ ревностно и примѣрно награждаетъ Академія въ настоящую минуту, у всѣхъ на глазахъ, и находится въ залахъ Академіи. Чтобы вполне представить себѣ, что это такое, и понять, какъ понизился уровень требованій самого Совѣта, приглашаю желающаго сдѣлать 30 шаговъ, пройти по заламъ Академіи такъ называемымъ циркулемъ, и вѣсомъ трѣтьи: «Янѣ Усмановичъ» Сорокина, «Геркулесъ» Келлера, еще «Геркулесъ» бросающій Лихаса въ море» Крюкова, или даже «Олимпийскія игры» Чив-

лева, на тѣ же самыя малыя золотыя медали, и еще множество другихъ, въ которыхъ всѣ качества, требуемыя Академіей: рисунокъ и живопись, находится налицо. Правда, ихъ нельзя ни минуты считать дѣйствительно художественными произведеніями, но въ нихъ есть тѣ знанія, которыя Академія дать обязана. Видя, къ чему привели 19-ти лѣтнія усилія Академіи, невольно спрашиваешь: Да что же это такое? Кого приготавливаетъ Академія? Просто ли молодыхъ людей въ общеобразовательномъ смыслѣ, или спеціалистовъ? Если она думаетъ серьезно, что выпускаетъ образованныхъ молодыхъ людей, нѣсколько приносящихъ къ искусству, то я попрошу позволенія разъяснить мнѣ: знаютъ ли конкуренты на большую золотую медаль, и особенно г. Кившенко, удостоенный этой медали, что-либо изъ исторіи искусства? Гдѣ онъ помѣстилъ своихъ виртуозныхъ на брань: въ проходѣ ли пылннато гостиннаго двора, или въ обстоновѣхъ, возможной исторически? И, кромѣ того, попрошу Академію принять отзывъ г. министра народнаго просвѣщенія, что учителя рисованія, выпускаемые Академіей, оказались безъ всякаго дидактическаго образованія, что и было причиною упадка изученія этого предмета въ училищахъ и гимназіяхъ министерства *). Стало быть, Академія, въѣсто распространенія любви и почитанія искусства, гаситъ и ту свѣдущую искру желанія учиться рисованію, которая была; и, смѣю утверждать, что еслибы министерство народнаго просвѣщенія было такъ же компетентно по вопросамъ техническимъ, какъ по научнымъ, то отзывы его были бы еще менѣе лестными. Что касается подготовки спеціалистовъ (я не говорю художниковъ, это вообще не коды слуху Академіи), т. е. людей, умѣющихъ сносно нарисовать портреты, въ чемъ иногда наша публика нуждается, образъ (на что есть еще большое требованіе), то выставленныя работы не даютъ надежды, чтобы хотя эти скромныя требованія были выполнены удовлетворительно. Но, быть можетъ, это годъ такой неурожайный? На это можно замѣтить, что, во-первыхъ, рисунки и этюды суть результаты цѣлаго ряда годовъ, а во-вторыхъ, программы и въ прошлый годъ, и въ позашроломъ, все были плохи, и, восходя далѣе, мы все будемъ наталкиваться только на неурожайные годы.

Гдѣ же это остановится? Да и остановится ли еще?

Укажу же на четырехъ молодыхъ людей, выпившихъ изъ Академіи при новомъ порядкѣ вещей: Ковалевскаго, Рѣпина, Полѣнова и Семирадскаго, вотъ почему нельзя. Семирадскій пришелъ въ Академію изъ университета, во-первыхъ, и во-вторыхъ, къ изученію избранной имъ эпохи онъ былъ надаренъ опять-таки раньше вступленія въ Академію. Хотя это и не важно, но не слѣдуетъ забывать, что тѣ научныя знанія, которыя

*) Отчетъ Академіи за 1875—1876 г.

выказал этот молодой художник, далеко превосходящий знания всех исторических профессоров Академии настоящего времени, имѣсть вѣтъ. Очевидно, стало быть, что Академія ему ничего дать не могла. То же, что она должна была ему дать, рисункъ — самая слабая его сторона. Рѣшитель выдвинулся и занялъ свое мѣсто работами, какъ-разъ противоположными тому, чему его Академія учила, и, какъ извѣстно, не молзается ея благосклонностію, и даже получалъ выговоры. Ковалевскій, давно выработавшійся и прекрасный художникъ, только благодаря тому обстоятельству, что въ Академіи есть обособленный отдѣлъ, баталическій, и такъ какъ онъ пришель уже прямо съ любовью къ изученію лошадей, то въ этомъ случаѣ совнали цѣли и средства; и если кто, такъ именно Ковалевскій блистательно подтверждаетъ все, что я старался доказывать. Онъ уже давно развился и созрѣлъ, переломовъ и переучиванія у него быть не можетъ, тогда какъ, напримѣръ, Полѣновъ, находится только теперь въ періодѣ пробы: и многое еще остается для него самого проблемой, хотя итъ сомнѣнія, что, благодаря образованію (не академическому, а университетскому), его работа внутрення развѣтствилась. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, усилія Академіи или въпрямь, или повредили на нѣсколько лѣтъ; но все же это только четыре человѣка. Я въсп спрашиваю, куда дѣвался тотъ процентъ талантливыхъ молодыхъ людей, который долженъ быть въ Академіи, такъ какъ чрезъ ея стѣны, въ теченіе этихъ 19 лѣтъ, должно было пройти не меньше нѣтъ 1,500 человѣкъ? Тотъ 6—7-лѣтній періодъ, о которомъ я упоминалъ, далъ нынѣшній составъ художниковъ; и этотъ процентъ еще не нормальный, потому что рядомъ съ счастливыми недоразумѣніемъ была и система, ослаблявшая процентное отношеніе. На этотъ вопросъ, если онъ будетъ кончатъ, — ждателью бы получить отвѣтъ.

Правда, есть еще нѣсколько талантливыхъ молодыхъ людей, извѣстныхъ публикѣ (Куинджи, Васнецовъ, В. Маковскій, Клеверъ), но они или сами вышли изъ Академіи, или исключены ею, или же никогда въ ней не были.

Безталантность, съ которою Академія идетъ по пути разрушенія ставившихъ условій для искусства, данныхъ самой природою, по-истинѣ изумительна; и, что всего... да, всего ужаснѣе, такъ это то, что ни одинъ молодой человѣкъ не оканчиваетъ курса ранее 30-ти лѣтъ! Подумайте, ради Бога: человѣку 30 лѣтъ, а онъ не умѣетъ написать ни лица, ни руки, ни фигуры, а «сочиненіе» находится у него въ зародкѣ. Что онъ такое? никто не знаетъ. Академія не знаетъ, потому что знать не жаляется, а испытанный, потому что все время, и самое дорогое, ушло на поддержаніе чистоты стиля, и что только по выходѣ изъ Академіи для него наступитъ періодъ самостоятельныхъ пробъ. А когда онъ кончатъ эти пробы?

И не придется ли ему (въ случаѣ, еслибы не лотерейной случайности онъ оказался имѣющимъ талантъ) переучиваться вновь, пробывать и отыскивать свою дорогу и, быть можетъ, опоздать къ дѣятельности? (и такихъ я знаю!) Къ чему же такіе дорого стоющіе омыты? Дорого стоющіе не только въ матеріальномъ смыслѣ*), а — что гораздо важнѣе — въ нравственномъ исключиваніи молодыхъ людей. И кто же, наконецъ, несетъ за это отвѣтственность?

Не знаю, приходитъ ли въ голову что-либо подобное обыкновенной публикѣ, или итъ, но что это давно уже начинаетъ приходитъ въ голову людямъ, интересующимся судьбами русскаго искусства, — это вѣрно.

О внутренней жизни Академіи, со стороны художественной, было говорено слышному достаточно, и добавлять еще что-нибудь — надобности не предстоитъ. Но, кромѣ этой, чѣсто, такъ сказать, педагогической стороны, въ несовершенствахъ которой виновны главнымъ образомъ профессора, резниво отстаивающіе такіа традиціи, которыа задерживаютъ естественное развитіе искусства, не желающіе дѣлать никакихъ уступокъ времени, есть еще другая, не менѣе гибельная, тѣмъ особенно, что она вводитъ постороннія искусство, не понимающія уже вовсе ни прежнихъ, ни теперешнихъ, да и вообще никакихъ требованій и условій, въ которыхъ искусство можетъ дигаться и развиваться, а между тѣмъ, по своему центральному положенію и объему вліянія, даетъ окраску, такъ сказать, какъ внутренней, такъ и внѣшней политикѣ Академіи. Я говорю о чиновничествѣ, нустившемъ глубокіе корни въ Академіи, коренившиеся въ статьяхъ и §§ устава 1859 г., который до сихъ моръ дѣйствуетъ. Конференція-секретарь Львовъ, имѣвшій, какъ надо думать, большое вліяніе при составленіи этого устава, создалъ особое исключительное положеніе для себя, съ большинствомъ, противъ устава Екаторины II, ноллюмоціями. Желая произвести реформы, но не обладаа необходимыми для настоящаго реформатора качествами, онъ наль въ борьбѣ съ Совѣтомъ и его примычками, будучи обвиненъ въ превышеніи своей власти, и безъ того довольно обширной. Но все же ему нельзя было отказать въ нѣкоторой долѣ пониманія и прикосновенности къ жизни. Преемникъ его, Ребзевъ, будучи человѣкомъ вовсе постороннимъ искусству, имѣлъ настолько скромности, что не позволялъ себѣ заѣмиваться въ дѣла чисто художественныа, хотя и могъ бы вліять, по своему положенію. Въ его время уже выяснилась, съ достаточною очевидностію, непригодность устава 1859 г., и присутствованіе на актѣ Академіи 1867 года нѣтъ удовольствіе слышать въ отчетѣ, прочитанномъ публикѣ, что Академіа чи-

*) Правительство ежегодно отпускаетъ около 180,000 рублей на Академію.

тасть невозможным исполнять свои задачи, руководясь уставом 1859 г., и заявляет, что по Высочайшему повелению была составлена комиссия для пересмотра сего устава, выразив только платоническое сожаление, что означенная комиссия составлена без всякого вѣдома и участия въ ней Академій художеств. Независимо, почему комиссия пренебрегла своим дѣйствием, не придя ни къ какимъ положительнымъ заключеніямъ. Не смотря, однакожъ, на сожалѣніе самой Академіи, что съ уставомъ 59 г. она не можетъ исполнять своей задачи, уставъ этотъ продолжаетъ дѣйствовать до сихъ поръ. И, сколько можно судить по спокойствію и увѣренности Академіи въ настоящее время, она нашла возможность приносить пользу русскому искусству и съ этимъ негоднымъ уставомъ.

Настоящій конференцъ-секретарь, находящійся въ должноти около 10 лѣтъ, чуждый искусству, если возможно, еще болѣе своего предвѣстника, но обладающій неизмѣримо болѣшими талантами чиновника, чрезвычайно одушевленъ желаніемъ принести пользу русскому искусству и, конечно, менѣе своего предшественника склоненъ отказываться отъ той доли значенія, которая предоставлена ему уставомъ. Чѣмъ другимъ можно объяснить себѣ эти сотни правилъ, между которыми есть исходящія, какъ говорится на оберткѣ изданія, по распоряженію начальства? Серьезности тона этихъ правилъ доказываетъ увѣренность въ томъ, что дѣло искусства отъ того движется. Я согласенъ, что можно не сомнѣваться въ благонаправленности этихъ правилъ и желаніи привести ими пользу, но можно сильно сомнѣваться, чтобы они приносили ее дѣйствительно, и именно въ силу своей чиновничьей предусмотрительности. Людямъ, знающимъ дѣло, стало очевидно давно, что въ Академію перенесены приемы департамента.

Извѣстно, что бюрократическій мордокъ для своего движенія требуетъ, чтобы низшіе органы власти и самыя послѣднія изъ подчиненныхъ знали съ точностію предѣлы, въ которыхъ они могутъ и должны двигаться, и чѣмъ яснѣе, опредѣленнѣе и, такъ сказать, медикантѣ будутъ намѣчены эти предѣлы, тѣмъ легче движется самая машина. Въ дѣлѣ же искусства, которое все держится на свободѣ развитія индивидуума *), наоборотъ, тѣмъ болѣеши просторъ получаетъ самый скромный по своимъ способностямъ и значенію его служитель, тѣмъ богаче будетъ жатва. И трудъ Совѣта Академіи, или, если намъ угодно, начальства, будетъ весь состоятъ изъ легкой и пріятной сортировки всего уродившагося. Приготовленіе же почти (извините за сравненіе) для посѣва на нивѣ искусства хотя и имѣетъ значеніе, но, за отсутствіемъ всякихъ достовѣрныхъ указаній науки въ этой области,

*) По даромъ Евстратія Волына вѣлѣли комитетъ на Академіи надписи: «Слава бѣднѣмъ художествамъ».

Н. К.

химическое ея приготовленіе надобно, пока, предоставить совершенной свободѣ; тѣмъ болѣе, что исторія искусства и, вообще, творчества въ другихъ областяхъ изыскаго убѣждаетъ безпристрастнаго наблюдателя, что въ человѣческомъ духѣ самой природой заключенъ неизсякаемый источникъ приспосабливаться къ условіямъ времени, находить совершенно новыя формы, незнакомыя до тѣхъ поръ міру, и воплощать въ нихъ новыя идеи. Положеніе это до того изобилое, что доказывать его имѣть надобности. Къ сожалѣнію, столь элементарныя понятія чужды и, я готовъ сказать, враждебны человеку, ищущему въ силу параграфовъ и правилъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время открытъ и утвердился въ Академіи чрезвычайно ревностный глазъ, слѣдившій за тѣмъ, чтобы противъ правилъ и разъ установленнаго порядка ничего не дѣлалось. И нужно удивляться его зоркости: въ правила такъ притяганы, что, кажется, не остается уже ни одной лазейки, откуда могла бы попытаться молодая сила выглянуть на свѣтъ Божій. Но однакожъ, не смотря ни на что, сила жизни бываетъ столь велика, потребность издохнуть стѣжкимъ воздухомъ такъ настоятельна, что, не смотря ни на что, вдругъ усматривается что-нибудь на свободѣ. Сейчас же дѣлается соответствующее распоряженіе — и жель закононачинается. Работа эта продолжается вотъ уже цѣлыя 10 лѣтъ съ неослабной энергіей; и есть надежда, что недалече уже то время, когда всѣ желы дѣйствительно будутъ закононачены, и промѣненъ жизни, а тѣмъ значе новаго оригинальнаго таланта въ стѣнахъ Академіи — сдѣлается немисленнымъ. Этотъ необычайно зоркій глазъ Академіи усмотрѣлъ еще недавно, что (какъ картинно выражается отчетъ 1876 г.) остались еще записки учениковъ «на домъ»: это — изготовленіе эскизовъ, сочиненіе. Чтобы лишить художниковъ всѣхъ неудобствъ этого занятія: бѣдности, тѣсоты конфекціи и, главное, я думаю, сосредоточенности, устроено особый спеціальный классъ композицій, подъ руководствомъ профессора (какого?) и преподавателя перспективъ. Сидите, молъ, всѣ на глазахъ и — сочиняйте!

Я знаю, есть люди, которые на все это говорятъ: Прекрасно! Пусть Академія будетъ предоставляема собственной судьбѣ, пусть дѣлаетъ все, что хочетъ, — искусство отъ того только и выиграетъ. Искусство разовьется въ стѣнѣ ея, какъ это нигдѣ мѣсто ведѣтъ заграницей.

Я прикинулъ бы безъ разсужденій къ говорившимъ подобныи образомъ, но меня отъ этого удерживаютъ два обстоятельства. Во-первыхъ, система, которой стала держаться Академія съ молодыми людьми, вовсе не такъ проста, какъ это кажется съ перваго раза, то есть она перестала быть даже традиціонной: нѣсколько десятковъ правилъ можно найти, гдѣ награды деньгами за прилежаніе играютъ чуть ли не единственную принаику. Этого мало: усматривая (и основательно), что для молодого чело-

вѣка когда-нибудь да наступитъ же минута свободы и что она ему можетъ сдѣлаться дорога, что онъ можетъ проснуться и пойти не по тому пути, по которому его вела до сихъ поръ Академія, то, чтобы возмѣнить этому и въ будущемъ, Академія дѣлаетъ довольно цѣлесообразное постановленіе: «пенсіонеры, кончившіе срокъ своего пребыванія за границей, будутъ получать ежегодно по 500 р. впродѣ до получения профессорской кафедръ» (Отчетъ 1876 г.). А такъ какъ большинство художниковъ люди бѣдные, то расчитать не можешь не попасть въ цѣль. Предоставляю судить, что изъ этого можетъ образоваться? Въ ту минуту, когда часть художниковъ, чувствуя свое несовсѣмъ нормальное положеніе среди общества, старается стать къ нему, по возможности, въ правильныя отношенія, когда они заявляютъ, что пора прекратить насильственное привлеченіе общества къ филантропическимъ и меценатскимъ приемамъ вспоможенія, въ эту минуту Академія старается неформальный и неестественный порядокъ вещей сдѣлать еще болѣе неформальнымъ и еще болѣе неестественнымъ. И по-вторымъ, несмотря на это даже, я бы не сказалъ ни слова вообще, еслибы усматривалъ въ обществѣ русскомъ то живое сознаніе необходимости прійти на помощь художникамъ, какое было въ свое время вездѣ за границей. Къ сожалѣнію, нигдѣ нѣтъ ручательствъ за то, что и въ будущемъ, довольно отдаленномъ, пробудилось бы желаніе необходимой поддержки и сочувствія, и по весьма уважительнымъ и вѣснымъ причинамъ.

Все русское общество въ настоящую минуту чувствуетъ, что самое ближайшее время въ будущемъ потребуетъ, быть можетъ, еще большаго напряженія силъ общественныхъ, чѣмъ то имѣло мѣсто 25 лѣтъ тому назадъ. Слишкомъ много накопилось вопросовъ первостепенной государственной важности, въ сравненіи съ которыми вопросы объ искусствѣ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстны. Вотъ почему я полагаю необходимымъ, до времени, обратить вниманіе на устраненіе хотя бы только того, что можительнѣе не даетъ дышать людямъ, любящимъ искусство и желающимъ учиться ему. Благо, существуетъ учрежденіе и средства, которыя, при болѣе правильной постановкѣ вопроса и болѣе цѣлесообразномъ употребленіи, дадутъ искусству возможность меркнать до той поры спокойствія, когда позволятъ время и обстоятельства самому обществу заняться разборомъ вопроса по существу, устройству судьбы искусства, если оно ему окажется необходимымъ.

Продолжать прерванную рѣчь послѣ трехлѣтняго промежутка*) очень неудобно, и потому надѣюсь, что мнѣ простятъ нѣкоторыя, весьма малыя и необходимыя, впрочемъ, повторенія—люди, которымъ дѣло искусства было и есть близко и которые хоти въ общемъ понимаютъ, о чемъ была рѣчь; для постороннихъ же повторенія будутъ только связующими звеномъ излагаемыхъ мыслей.

Въ предыдущихъ статьяхъ я много говорилъ объ отрицательныхъ сторонахъ officialнаго, академическаго воспитанія (образованія) молодыхъ художниковъ, учениковъ Академіи, да и заговорилъ потому собственно, что въ Россіи вліяніе Академіи, какъ школы, на самое искусство такъ велико, какъ нигдѣ въ Европѣ. Въ концѣ третьей статьи я подошелъ вплотную къ тому моменту, когда обыкновенно у читателей и безпристрастныхъ, и заинтересованныхъ, невольно рождается одинъ и тотъ же вопросъ: «Ну, положимъ, вы правы, да выходъ гдѣ? Вы скажите теперь, что дѣлать надобно? Критиковать, указывать ошибки легче, чѣмъ дать положительные указанія». Такой вопросъ меня не удивлялъ, и къ отвѣту я приготовленъ. Но прежде всего маленькое замѣчаніе: во 1-хъ, изъ предыдущихъ статей ясно, чего дѣлать не слѣдуетъ, и это уже кое-что; во 2-хъ, для того, чтобы сказать, что дѣлать слѣдуетъ, необходимо сдѣлать совсѣмъ особенное предисловіе, болѣе или менѣе длинное, тѣмъ болѣе, что предисловіе иногда даже дѣлаетъ ненужнымъ и самую программу.

Всякое предисловіе по существу есть обнаруженіе принципа. Согласіе въ принципѣ необходимо должно повлечь за собой согласіе и въ теоріи, а изложеніе принципа и теоріи начинается съ Адама.

Что такое искусство? или поближе: что такое художники? Часть націи, свободно и по влеченію поставившая себѣ задачу удовлетворенія эстетическихъ потребностей своего народа. Прекрасно. Сколько ихъ нужно? Я не знаю, да и никто не знаетъ и никогда не возьметъ на себя безмозглую задачу высчитывать ихъ. Нужно какъ-разъ столько..... сколько нужно, а чтобы ихъ было ни больше, ни меньше (въ чемъ всѣ, надо полагать, положительно заинтересованы и согласны), то никому не слѣдуетъ давать возможности увеличивать или уменьшать количество ихъ по произволу. Это дѣло историческаго развитія и роста самой націи. Кто вѣрять въ разумъ, создавшій природу и людей, и для кого законы, управляющіе жизнью, не пустое слово, тотъ убѣжденъ въ безомыслности расчетовъ разума. Если жизнь не задерживается вышнательствомъ полузнанія, — она, при возник-

*) Настоящая статья написана въ 1880 г. и осталась неизмѣненной. *Ред.*

новения потребности, всегда находит у себя средства к удовлетворению. Это как-то будто смахивает на что-то из политической экономии; но это же бред. Я пытаюсь пока установить точку зрения.

«Но позвольте, скажут мне, это... это, так сказать, касается, чего доброго, основ». Видь этак, пожалуй, придется повести речь об Академии по существу; а так как Академия есть учреждение государственное, то не лучше ли эту материю оставить? Оставить, так оставить. Я впрочем не скажу против; только думаю, что все, что служить к крепости роста и здоровья искусства, не стоит в противоречии с основами. Оно может обучиться в жестоком и непримиримом противоречии с некоторыми людьми, которые хорошо при настоящем порядке — это верно. Но при чем же тут интерес искусства? И зачем я буду лицензировать и портить дело уполномоченным, тем более, что я вовсе и не жестоко настолько, чтобы лишать людей теплого угла. Я понимаю, что они несколько не виноваты; я только как-раз настолько жесток, насколько позволять дело. Я бы не советовал продолжать этот порок до безкомочности потому, что рано или поздно, а прекращение его существования будет прямо в интересах государства. Уже теперь есть много людей из художников, которые живут или благотворительностью (под благодарным названием покровительства, поощрения и других филантропических тонностей) и которые, что были говорили, составляют обузу людей богатых, — или прямо помощью государства, к то время, когда их услуги, собственно говоря, ему серьезно не нужны: значить, чрезвычайно важно, чтобы художников было не больше того, сколько их нужно.

По-моему, будет справедливо оставить пожизненное пропитание уже присосавшимся к месту паразитам, но новых, кое-как приспособившихся к жизни в ожидании — там и в этом приятном ожидании и оставить. Это необходимо. Думаю, что так рассуждать с этой стороны не особенно жестоко. Дальше. Я думаю, что я никак и никогда права, пишу не меньшим, чем у официального, приставленного к искусству человека, судить об искусстве, понимать его действительные потребности, понимать природу художника и искусства и, наконец, я никак за собою право действительной любви к нему, право родственное, а не по найму. Видь, если не захотят знать правды, но этого быть не может, — я не вверю этому. Гораздо возможнее другое: что все, что я собираюсь сказать, будет неубедительно, — мало того, покажется невыносимым, — вот это действительно вещь непоправимая и тяжелая, потому что я глубоко убежден, что теперь наступило время предоставлять художников их собственной дальнейшей судьбе, что их пора лишить поддержки государ-

ства и оставить их самим впадать с обществом. Я готов даже предсказывать, что если не решится сделать это сегодня, — нужно будет сделать это непременно завтра; только завтра это обойдется дороже, чем сегодня, без пользы, а ко вреду для самого искусства. Впрочем, я замечаю, что я говорю как-то будто не совсем в порядке чужеземности, и потому сейчас же не исправляюсь, чтобы не было недоразумений. Государство должно переместить центры поддержки искусства. До сих пор Академия поглощала все суммы, для образования молодых художников назначенные, не давая им образования к то же время, да она и дать не могла и не может. Пусть она не общается — вот почему. Я говорил раньше, что образование художников не дело Академии, а дело жизни, а между тем Академия старается совершенно безлюдно, механически, вложить в душу художника содержание, не подозревая, что так, в дух каждого мальчика, оно уже лежит и положено самой природой; оно уже есть, невидимое, неизвещное, оригинальное, как индивидуальное, интересное, как одна из сторон истины.

Какая необходимость в повторении того содержания, которое уже было когда-то высказано, горло, с талантом и не убивающим? Что за скупота, что за ограниченность — враждовать с тем, что еще не написано и не родилось, а только пишет родиться? Перенесется мысленно в другую сферу, где этого не практикуется, и всякие станут ясно жестокость и неискренность.

Когда заходит речь о радикальных мерах в какой-либо области, то обыкновенно выставляют опасность утратить и то малое хорошее, что достигнуто. Но во-1-х, что мы имеем действительно своего национального и хорошего в искусстве? Разберем спокойно и безпристрастно... Но прежде объявлю, за какое искусство я стою. Я стою за национальное искусство, я думаю, что искусство и не может быть никаким иным, как национальным. Нигде и никогда другого искусства не было, а если существует так называемое общечеловеческое искусство, то только в силу того, что оно выразилось нацией, стоявшей впереди общечеловеческого развития. И если когда-нибудь, в отдаленном будущем, России суждено занять такое положение между народами, то и русское искусство, будучи глубоко национальным, станет общечеловеческим. Неужели такие простые положения нуждаются еще в доказательствах? Видь скучно, наконец, все вертеться в азбучных истинах.

Если это главное мое положение как-нибудь будет оспариваться, — а оно и так оспаривается, — то я не намерен терять время на безнадельные прения, а пойду дальше, и начну с указания на историю развития живописи в России.

Съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ, у насъ не было своихъ художниковъ, а были только иностранцы, а между тѣмъ Россія вступала въ первый фазисъ гражданственности. Правительство, стоявшее неизмѣримо выше общества, сочло своевременнымъ принять любовь къ искусству въ русское общество. При тѣхъ условіяхъ было совершенно цѣлесообразно дать нѣкоторымъ привилегіямъ людямъ, которые бы согласились себя посвятить свободнымъ художествамъ. Помянуто, закономерно и необходимо даже было особенное верховное попечительство. Особый и, такъ сказать, тѣсный уходъ за нѣжными заморскими растеніемъ былъ какъ нельзя болѣе у мѣста. Правительство очень скоро убѣдилось, что русскій человѣкъ имѣетъ способности и даже недюжинныя дарованія къ живописи (Лосенко, Лавицкий и Боровиковскій). И вотъ, учреждается Академія и сочиняется уставъ, въ своемъ родѣ образцовый. И не мудрено; во всѣхъ дѣлахъ челоѣческихъ замѣчено слѣдующее интересное явленіе. Когда сочиняется что-либо безъ принаравливанія къ существующимъ уже людямъ съ тѣсно связанными съ ними интересами, то предметъ обнимается, разсматривается и обсуждается по существу, природа предмета заботливо обслѣдуется сама по себѣ; все вниманіе обращено главнымъ образомъ на идею, и такъ какъ никому пока нѣтъ интереса давать направленіе, несообразное съ существомъ самаго предмета, то даже люди средняго ума способны построить логическую систему. При этомъ неизбѣжны, конечно, и тотъ недостатокъ, что при практическомъ приложеніи многое, и самое лучшее, тотчасъ же окажется безъ движенія.

Все сказанное буква въ букву повторилось въ исторіи нашей Академіи. Одно изъ главныхъ и возмименныхъ положеній устава Екатерины и самыхъ для искусства жизненныхъ, по существу, было истовановленіе, что, по разсмотрѣніи какого-либо художественнаго произведенія Совѣтомъ Академіи и признанія имъ (Совѣтомъ) заслуживающаго какой-либо художественной степени, утвержденіе въ этомъ званіи претендента предоставляется общему собранію всѣхъ членовъ Академіи, т. е. лицамъ и не состоящимъ на службѣ. Но вѣдь нѣсколько десятковъ лѣтъ съ начала основанія Академіи, всѣ сколько-нибудь извѣстные и значительные художники были на службѣ; слѣдовательно общее собраніе ничѣмъ не разнилось въ своемъ составѣ отъ Совѣта. Съ теченіемъ времени, для практики, этотъ § устава былъ жертвой буквой. Званіе даналось Совѣтомъ, а утверждать въ немъ тотъ же Совѣтъ, черезъ годъ. Что сей сонъ значить? Вещь простую, не интересную: смыслъ устава требовалъ, чтобы надъ Совѣтомъ былъ контроль всѣхъ художниковъ! Въ этомъ году Совѣтъ объявлялъ, что онъ признаетъ такого-то, полезнаго, Академикомъ; но этотъ такой-то не становится имъ, пока не произойдетъ общаго голосованія всѣхъ членовъ Академіи, и ху-

дожниковъ, и мечетныхъ любителей, что должно произойти въ будущемъ году.

Этотъ § исчезъ вовсе изъ устава 1859 г., нинѣ дѣйствующаго, и, сколько я знаю, въ силу того соображенія, что такъ какъ § оставался мертвой буквой, то сокращеніе его—вещь либеральная, даже. Очевидно, это—недоразумѣніе. Уставъ Екатерины, какъ я сказалъ раньше, есть въ своемъ родѣ уставъ идеальный, разсчитанный на потребности искусства по существу: онъ, такъ сказать, былъ хорошо сшитымъ платьемъ на взрослого человѣка, а щеголялъ въ немъ ребенокъ. Разумѣется, ребенку мундиръ былъ широкъ,—вотъ заломки и были образцы; но когда операція была произведена, мальчикъ успѣлъ подрасти настолько, что онъ ему оказался узокъ: ему въ немъ тѣсно, и онъ задыхался. Продолжая это, быть можетъ и не всѣмъ удатное, сравненіе, скажемъ такъ: мундиръ совершенно испорченъ, его уже не существуетъ, и даже коего его жалѣть, такъ какъ все равно онъ могъ не быть годенъ. Благоразумный отецъ и не шьетъ своему сыну раннее вѣчное платье. Для каждаго нужно сшить по особой ширкѣ. Да и почему непременно мундиръ? Быть можетъ онъ окажется вовсе никуда не служащимъ, и ему позволено будетъ ходить въ партикулярномъ платьѣ? Это ниненно я и хочу сказать; къ доказательству именно я веду рѣчь. Именно мундиръ неуживо—это для меня совершенно ясно.—«Ну-съ, какъ же по-вашему, скажутъ нинѣ,—значить уничтожить Академію? По-вашему, она болѣе не нужна, и поддержка искусству отъ государства болѣе не требуется?» Отвѣчаю: Да, Академія не нужна, и поддержка искусству, въ родѣ уже сдѣланной, не требуется; но необходимо нѣчто другое. Будемъ продолжать сравненіемъ и аллегоріей, впрочемъ совершенно прозрачной. Когда какое-либо дерево привилось,—мало того, уже акклиматизировалось, т. е. переноситъ всѣ четыре времени года своей широты безъ труда и не умираетъ,—что дѣлаетъ садовникъ? Это дерево онъ оставляетъ въ покой, и если дерево оказывается и полезнымъ, и красивымъ, онъ не только не ищетъ произрастанія новыхъ, подымающихся отъ сѣмянъ уже акклиматизированнаго родителя, но и прилагаетъ свое вниманіе къ молодымъ особямъ.

Тутъ сравненіе должно быть оборвано, и сдѣлана оговорка. Садовникъ съ деревьями можетъ дѣлать что онъ хочетъ, или что требуетъ хозяйникъ, но жизнь народная сообразуется съ своими существенными потребностями, а правительство, кѣрное себѣ и своему народу, не найдетъ ничего ужаснаго въ томъ, чтобы его средства, употребляемые на искусство, были истрачены на тѣ же нужды, только друмиъ способами, сообразно необходимости роста и внутренней потребности предмета. И потому не будетъ ничего противорѣчнаго общественной пользѣ, если Академія,

изъ лабораторій, въ которой приготовляются художники для государства, станетъ простой школой рисованія и живописи, т. е. одной техники искусства, безъ всякой попытки на высшую роль. Но за то учить нужно действительно, а не такъ, какъ въ послѣдніе три десятилѣтія. Это, во-первыхъ, значительно сократить бюджетъ и, во-вторыхъ, возмолить завести еще другія школы; а если что действительно необходимо, такъ это школы рисованія. Въ настоящее время, т. е. въ послѣдній десятокъ лѣтъ, образовались, мнѣ кажется, усиленными лѣтъ, совершенно частными образомъ, нѣсколько школъ: въ Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Вильно, но все это безъ дѣйствительной поддержки центрального учрежденія—Академіи; или, если и была оказана поддержка, то послѣ большого ходатайства, въ видѣ снабженія ненужными Академіи рисунками. Развитие любви къ искусству въ народѣ—одна изъ главныхъ дѣлъ Академіи, по уставу Екатерины,—до сихъ поръ ею вовсе не исполнялась. Я говорю о необходимости направить дѣятельность Академіи въ эту сторону, не потому, что школы сами по себѣ будутъ канакшей всеобщей, а потому, что необходимо сократить художественное образованіе молодого человѣка до натуральныхъ разнѣровъ, а не такъ, какъ это практикуется теперь, когда курсъ едва-едва оканчивается къ 30 годамъ, да еще дѣло осложняется для каждаго, прошедшаго Академію, необходимостью въ концѣ концовъ переучиваться снова. Это не фразы и не придирка, а указаніе нечеловѣческаго факта. Разумѣется, офиціальный человѣкъ этого уразумѣть не въ состояніи, и для него это не больше, какъ клевета; но я пишу и не для убѣжденія офиціального человѣка. Я пишу потому, что на меня налагается обязанность, вовсе мнѣ несвойственная: донашивать, какъ и чему нужно учить художника, вѣрно того, чтобы стать въ правильные отношенія къ молодежи, чему я искренно, отъ души готовъ служить, но чему не могу служить при существующемъ порядкѣ. А порядокъ этотъ достаточно уже выясненъ мною въ предыдущихъ статьяхъ и теперь, тогда какъ желательнѣе порядокъ слѣдующій.

Прежде всего уничтоженіе чиновъ и привилегій, какихъ бы то ни было, для художниковъ. Поэтъ, романистъ и вообще литераторъ, ничуть ни больше, ни меньше отъ того, что онъ особа не чиновная, а простой человѣкъ. Затѣмъ, уничтоженіе присвоенныхъ медалей, правъ служебныхъ и связанныхъ съ ними художественныхъ степеней. Необходимо, чтобы въ художники шли только люди, действительно призванные, которые бы не рассчитывали ни на льготу по воинской повинности, ни на занятіе какого-либо чиновнаго мѣста: тогда-то художниковъ какъ-разъ будетъ столько, сколько ихъ нужно обществу. Затѣмъ, центральное положеніе Академіи должно быть уничтожено! нужно сдѣлать такъ, чтобы мальчикъ тамъ, на мѣстѣ родины, находилъ возможность правильно развиваться въ тех-

никѣ, прежде чѣмъ онъ станетъ конкурировать на художника настоящаго.

Техника искусства—вѣдь и трудная, и жить, смотря потому, когда, т. е. въ какомъ возрастѣ, ее человѣкъ себѣ усваиваетъ. А усвоеніе—то же, что усвоеніе элементарныхъ знаній, приобретаемыхъ памятью, главнымъ образомъ. Въ 25 лѣтъ человѣку очень трудно одолѣть грамматику и арифметическія аксіомы, а въ 12—легко. Точно также и въ искусствѣ. Я не говорю о высшей technic, technic художественной: она подымается вмѣстѣ съ развитіемъ таланта; я разумю ту первоначальную технику, которая только воспитываетъ глаза и руку. При теперешнемъ порядкѣ, этой низшей technic начинаютъ учиться въ 20 лѣтъ и старіе, что положительно нераціонально; къ этимъ годамъ всякій талантливый мальчикъ можетъ усвоить технику настолько, что будетъ рисовать и писать съ натуры совершенно свободно, если начать съ 14—15 лѣтъ, не раньше, и потому именно, что рисованіе и живопись—предметъ столь серьезный, что онъ требуетъ извѣстной умственной зрѣлости, для того, чтобы занятіе не было скучнымъ—предполагая, что рядомъ съ гимназіями и университетами вездѣ есть правильно организованныя рисовальныя школы съ натурными классами, въ которыхъ занятія могутъ быть распределены въ другіе часы и главнымъ образомъ вечеромъ. Молодой человѣкъ послѣднихъ классовъ гимназіи будетъ настолько рисовать, что ему очень немного останется доложить элементарныхъ познаній technic, и прямо въ состояніи перейти въ мастерскую, будетъ называться «профессоромъ», для окончательнаго формированія изъ себя художника.

Я считаю единственнымъ дѣйствительнымъ путемъ сдѣлаться художникомъ—тотъ, который былъ въ употребленіи когда-то до возникновенія академій. Молодой человѣкъ, юноша, питающій влеченіе къ искусству, идетъ обыкновенно искать себѣ учителя; найдя такого, онъ начинаетъ съ азбукъ, проходитъ весь путь technic, и по мѣрѣ способностей усваиваетъ. Не иррационально ли ему одинъ учитель, имѣть другого и т. д.

Прогрессъ нашего времени въ томъ, что мы можемъ съ большимъ удобствомъ и пользою раздѣлить развитіе художника на два большихъ періода: первоначальный—рисовальныя школы, и окончательный—мастерскія художниковъ. Всѣ второстепенныя художественныя силы, которые теперь томятся и гибнутъ въ Петербургѣ и Москвѣ, составляя обузу государства и общества, найдутъ себѣ исходъ; они съ готовностію уже контингента учителей и директоровъ рисовальныхъ школъ, и съ успѣхомъ могутъ вести дѣло преподаванія съ натуры, неподвижной и живой.

Они знаютъ персpective, знаютъ анатомию, по крайней мѣрѣ должны знать. При каждой школѣ должны быть бібліотеки по исторіи искусствъ.

Окончивший гимназический курс и студент университета, к концу своих научных занятий будут обладать знанием рисунка и живописи русского, чтобы понимать, о чем будет идти речь в мастерской избранного профессора. Говорить о том, как это организовать, я считаю совершенно излишним: дело до того простое и ясное, что регламентации не требуется. Искусство в существе своем — дело чрезвычайно интимное, и одновременное вышестательство нескольких профессоров в развитие молодого человека решительно вредно. Как все дороги ведут в Рим, так и все системы в искусстве хороши, если учитель знает свое дело. Ошибка большого теперешнего вояки заключается в том, что ученик не имеет своего профессора, т. е. не имеет человека, который бы знал его силы и внутреннее содержание.

Кто при таком порядке тернет что-либо?

Правительство положительно вь выигрывает, упраздняя лишней денартамент, потерявший всякую связь съ жизнью делом.

Молодые люди приобретают элементарны сдѣлнія въ искусствѣ, не выходя, такъ сказать, изъ своей семьи, и будутъ обладать яснымъ пониманіемъ того: нужно ли и слѣдуетъ ли имъ набирать карьеру художника, — какъ-разъ въ то время, которое при существующихъ условіяхъ становится роковымъ для большинства. Кто же тернетъ? Неужели нужно считать потерей исчезновеніе миражъ, да еще и вредныхъ? А что миражи академическіе дѣйствительно вредны, въ этомъ свидѣтель — совѣтъ всѣхъ искреннихъ и дѣйствительныхъ художниковъ.

1880.

V *).

Предлагаемая записка есть окончаніе статьи моей: «Судьбы русского искусства». Окончаніе это заключаетъ въ себѣ указаніе, какія измѣненія необходимы въ уставѣ Академіи. Въ свое время это не было напечатано — по недоразумѣнію.

Причина, побуждающая меня такъ настойчиво возвращаться къ этому вопросу, лежитъ въ глубокомъ моемъ убѣжденіи въ томъ, что Академія, въ теперешнемъ ея видѣ, приноситъ искусству вредъ вѣсто пользы. Если мнѣ удастся съ убѣдительною это положеніе доказать, я почувствую себя счастливымъ. Все дело, стало быть, въ доказательствахъ. Къ сожалѣнію, въ вопросахъ такого рода не можеть быть опытовъ въ родѣ физико-химическихъ, допускающихъ всегда пробирку въ скоромъ времени. Дока-

зательства здѣсь все основаны на логикѣ, и хотя ходъ мышленія критики, вѣроятныхъ теорій, и основанъ на историческихъ данныхъ, но историческія данныя эти могутъ быть истолкованы различно при скептическомъ отношеніи къ толкователямъ. А при отсутствіи глубокаго спеціальнаго практическаго и непосредственнаго знанія, а также при отсутствіи нѣкоторой доли фанатизма къ искусству, многія доказательства будутъ казаться просто фантастическими.

Остается, стало быть, область присущаго образованному человѣку пониманія предметовъ умственныхъ вообще, и области творчества въ частности, хотя бы и другого какого искусства.

Права мои на вышестательство основаны, во 1-хъ, на искренней моей любви къ искусству, во 2-хъ, на добровольномъ ему служеніи, а не на наймѣ, въ 3-хъ, на нѣкоторомъ значеніи въ этой области, а, слѣдовательно, и на вѣроятномъ моемъ пониманіи природы искусства и его нуждъ, и, наконецъ, въ 4-хъ, послѣднее это, быть можеть, близкое удаленіе мое со сцены вообще, такъ что личныя интересы у меня уже быть не можеть. Для начала считаю нужнымъ сдѣлать выставку волеизъявленія характера. Общія положенія потомъ.

Я не принадлежу къ числу людей, непоколебимо вѣрующихъ, что стоить написать и обнародовать какую-нибудь конституцію, чтобы общее теченіе дѣлъ измѣнилось. Я очень уже давно понимаю и убѣжденъ, что все дело въ людяхъ, въ ихъ способности и добродѣтельности. По какимъ признакамъ опредѣляется эта добродѣтельность, а главное, продолжительность ея при перемѣнѣ положенія, вліанія, силы и т. д. — никто опредѣлить не возьмется, при нѣистой человѣческой скромности, конечно. Это почти такое же дарованіе, какъ и любой талантъ: одинъ ужьеть выбирать людей, другой нѣтъ. Но чтобы вовсе уже не было никакого критерія выбирать людей — это, конечно, тоже крайность. Итакъ, критерій есть и признаки существуютъ: для всѣхъ очевидное превосходство однихъ предъ другими, это и есть критерій. Желательно, чтобы во главѣ учащихся живописи стояли лучшія силы по каждой спеціальности. Это желательно всегда, какъ общее правило. Къ этому постоянно и неуклонно вездѣ стремился. Почему въ нашей Академіи преподаватели не лучшіе изъ русскихъ художники? Почему, напримѣръ, Х. можеть считаться правоспособнымъ учить живописи, рисованію и даже композиціи? Тотъ Х., котораго я помню при моемъ вступленіи въ Академію въ 1857 г., рисующимъ съ гипсовыхъ фигуръ, и который на одного рисунка не сдѣлалъ въ натурѣ. — по крайней мѣрѣ, не подавъ на экзаменѣ; Х., который и теперь не можеть нате рисовать, какъ черезъ камеру-лунду; Х., у котораго живопись также плоска, какъ у китайца! Чему онъ можеть научить? Его живопис-

* Настоящая статья написана въ 1882 г. и осталась неопубликованною, но была представлена, въ видѣ «Записки», одному высшему должностному лицу. Ред.

ния идеи, собрания в одно целое, сомершентная арлекинада. Другой—У. Отъ этого человека некоторая часть молодежи безъ ума. Онъ строгъ и обремененъ ко всему; но если есть человекъ въ Академіи, который не имѣетъ права говорить объ искусствѣ, такъ это именно онъ. Мало того, онъ вредитъ всему именно своими туманными красноречіемъ и бездѣлничаньемъ. Впереди молодежи должны быть люди труда. Тутъ важны не столько слова, сколько дѣло и примѣры. Не говорю о другихъ преподавателяхъ, потому что они, во крайней мѣрѣ, когда-то много учились и кое-что знаютъ. Труды ихъ мало назидательны для учащихся, но въ нихъ нѣтъ, во крайней мѣрѣ, положительнаго вреда. Я не думаю, чтобы стоить простое и очевидное, къ выгодѣ Академіи касающееся, молчание, т. е. нѣтъ самый лучший составъ преподавателей, не сомнавалось всѣмъ, до кого это касается. Я думаю, что это отсутствіе лучшихъ надо приписать чему-нибудь другому, а не доброй волѣ управляющихъ; но чему? Если есть отказавшіеся, то интересно бы знать причину отказа. Это вовсе не столь ничтожное обстоятельство, какъ кажется по наружности; а иные, я думаю, не были, вѣроятно, и приглашаемы. Напримѣръ, братья Маковские: Константинъ и Владимиръ. Константинъ рѣшительно лучший виртуозъ въ живописи, чѣмъ Шамининъ, Венигъ, Верещагинъ, Келлеръ; а Владимиръ—единственный въ своемъ родѣ и, очевидно, очень уменъ и наблюдателенъ. Конечно, можно предполагать, что «родъ» его живописи (какъ бы вѣрнѣе выразиться) противорѣчитъ ортодоксальнымъ наклонностямъ Академіи; но въ такомъ случаѣ это вопросъ не существу, къ которому давно уже пора и перейти.

Главное положеніе, которое необходимо впереди всего отстоять и о которомъ никогда достаточно нельзя сказать, это слѣдующее положеніе.

Искусство можетъ быть только національно, наврѣянно національно, и никакъ другимъ быть не можетъ. Мысль, формулированная такимъ образомъ, повидимому, разделяется многими, а между тѣмъ практика расходится съ теоріей въ значительной степени.

Чтобы быть въ искусствѣ национальнымъ, объ этомъ заботиться не нужно,—необходимо только предоставить полную свободу творчеству. При полной свободѣ творчества, національность, какъ стихійная сила, естественно (какъ вода по уклону) будетъ насквозь пронизывать все произведеніе художниковъ даннаго племени, хотя бы художники, по личнымъ своимъ симпатіямъ, и были далеки отъ чисто-народныхъ мотивовъ.

Скажутъ нѣкоторые: «Можно ли давать полную свободу творчеству? Въ настоящее время, время всеобщей умственной анархіи?»—Необходимо и обязательно, потому что только одна полная свобода въ этой сферѣ и излечиваетъ уродливости.

Что такое творчество? Возникновеніе въ душѣ художника немыслимъ путемъ яркаго образа, постигающаго въ себѣ какую-нибудь идею или отбѣивающаго какой-либо опредѣленной человеческой наклонности. Если такое представленіе действительно возникло въ душѣ художника, то оно революціоннымъ быть не можетъ, потому что художникъ есть слуга истины, путемъ красоты. Это есть его назначеніе, и никогда еще ни одинъ художникъ, какъ пророкъ, не уклонился отъ этихъ великихъ внутреннихъ. Если дѣятельность художника, поэта, пророка, не встрѣчала симпатій въ современникахъ—это признакъ, что общество нездорово; художники же только направляютъ испортившіеся нравственный порядки вещей.

Говоря такъ, я, конечно, жду одного возраженія: да, это, можетъ быть, и вѣрно, но, во-первыхъ, это слишкомъ высокий строй, и потому, оно вѣрно только при условіи, чтобы всѣ художники были действительными художниками, но призванію. А какъ этого достигнуть? Кто и по какимъ признакамъ будетъ опредѣлять, что вотъ этотъ помазанныкъ, а этотъ спекулянтъ?

Вообще не нужно опредѣлять, и никого для этого ставить не нужно. Это дѣло таинственное, дѣло духа человѣческаго, дѣло истинныхъ отношеній творца къ произведенію. Художника толкать и выводить на дорогу истинныя, и дѣлаетъ это еще въ такое время, когда ни одинъ мудрецъ не могъ бы опредѣлить, есть ли зарожденіе таланта, или нѣтъ. Тутъ, въ этой таинственной лабораторіи человеческой души, несмысленно и невиданно накаплиются въ извѣстную сторону атомы, но закупаютъ тяготѣнія, до тѣхъ поръ, пока тѣло не покажется само собою и не выйдетъ изъ инертнаго состоянія и не проявится для всѣхъ съ очевидностью. Такъ возникали всѣ великія школы искусства. Сначала одинъ дѣлался художникомъ, неважнымъ, положимъ, но кое-чѣмъ все-таки успѣвшимъ овладѣть. Къ нему прижималъ юный, и очень скоро шелъ дальше, а тамъ еще дальше, пока не наступалъ полный расцвѣтъ—и все это безъ академій и штатовъ, безъ официальности. Это все кажется банально и ужъ до того избито, что становится скучно, но вѣдь если это избитая истина, то истина, то тѣмъ она легче ее нарушать. Не пытаемся же мы измѣнить законы физики, разъ мы узнали, что они суть законы; почему же тутъ мы желаемъ новыхъ путей, заводимъ академіи, даемъ субсидіи, имеемъ регламенты, раздаемъ ордена, словомъ, стараемся? Мое мнѣніе, что стараться-то именно и не нужно.

О, еслибы мнѣ удалось доказать, что государство выиграетъ именно тогда, когда оно не будетъ поддерживать академію, а создастъ только условія для процвѣтанія искусства, уничтоживъ именно то, что называется академіей. Никакихъ не надо искусственныхъ официальностей, какъ правило, потому что теперешній порядокъ все увеличиваетъ притокъ людей къ официаль-

ному искусству, и создает класс людей, об участи которых необходимо потом заботиться тому же государству, так как многие из описанных жалуются, что нет работы, картины не продаются, т. е. другими словами, они обществу не нужны. Т. е. художники, которые обществу действительно нужны, т. е. обществом же и поддерживаются (ошачиваются), а излишек ложится на государство, и они становятся теми лицами, которых содержат разные вешности, не только под благовидной декорацией чиноу, мист, пенсий и т. д. Необходимо уравнивать спрос и предложение. Как этого достигнуть? Необходимо лишить Академию, прежде всего, привилегированного положения, относительно каких бы то ни было ярав, чтобы в здании, где учат рисовать и писать, не было никаких привилегий, в роду льгот по воинской повинности, медалей, наград и поощрений. Все подобная вещи уже отпала свой века. Со времени Екатерины прошло времени довольно, и теперь пора пересаживать из других кипеть дерево предоставить самому себе; оно даже до некоторой степени акклиматизировалось. Попечения меценатов время возрождения об искусстве и художниках не могут быть приравнены к тому попечению, какое оказывает теперь правительство искусству, потому что то, что теперь не больше, как официальность, тогда было живое и сердечное дело. Меценаты сами увлекались искусством не менее художников, да и понимали как-будто больше теперешних.

Но, при уничтожении Академии, у людей, преданных искусству и любящих его, но не знающих глубоко его природу, может возникнуть серьезное опасение, как бы не понизилось само искусство, и как бы задачи его не утратились: когда не будет Академии, кто станет поддерживать «высокое», монументальное искусство? Кто будет заботиться о высоком стиле и т. д. Вопросы, выходящие из сердца столь любящих искусство, должны быть серьезные, и потому без ответа оставлять их не следует, — они имеют свою важность. Но важными и чрезвычайно они могут казаться только тем, кто не знает, какова природа искусства. Что мы видим теперь? Больше ста лет, как Академия прилагает заботы о насаждении этого высокого искусства, и все, что выходило из ее стей лучшаго, не мало далее подражательного рода и не могло возвыситься надю в мннии тех народов, которые имеют свое собственное искусство. Все, что было действительно высокого в искусстве, в национальном искусстве, выходило не из Академии и не теми путями, какие она рекомендует, а именно вопреки ее советам и пожеланиям (Имять и Васнецов напичь дией). Когда у какого народа есть данные к тому Богом стремления, высокое будет само собою, и неграмотно само собою, потому что никто никогда не может сказать, какого рода это высокое бу-

дет. «Ад» Данте несомненно высокое в поэзии, но ведь и «Мертвые Души» Гоголя не низкое. Теперь это уже вид спорта. Если же у народа нет стремления решать задачи высшего порядка, ничто не создается и не выжидает этих задач. Голландцы довольно внушительный тому пример, и они именно подтверждают мои положения: не смотря на отсутствие высокого в искусстве, в смысле итальянцев, голландские художники никогда не будут забыты народами. Необходимо строго определять, в какой сфере искусства усилие правительства, сочувствие любителей и знание учителей могут увеличиться усилием, и какую сторону необходимо предоставить тому порядку вещей, который установлен от века, и действует всегда и безошибочно, действует одинаково хорошо и во времена невежества, и во времена развития цивилизации. И если кто может способствовать развитию или упадку, то только сам человек, в труде которого быется художественное чувство. Т. е. тут же же, что и в религии: дело таинственное и инстинктивное. Об нем можно приятно разговаривать, и тем чаще будет возбуждаться вопрос о творчестве между учащими и учащимися, тем лучше, но из программы обучения он должен быть устранен совершенно.

Чему можно научить другого в искусстве? Ничему решительно. Чему может юноша научиться в искусстве от художника, которого он избрал себе в учителя? Всему тому, что знает и умеет учитель. Возьмем рисунок. Можно ли научить рисунку? И да, и нет, смотря по тону, что разуметь под словом рисунок. Можно усвоить размеры, пропорции, механику движений, и то до известной степени; но нельзя ни научить, ни научиться чувствовать форму, т. е. то, что составляет душу рисунка. Минимальное отклонение плоскостей, степеней их выпуклости, взаимодвижение их на глазах, когда он подтверждены освещению — все это можно только чувствовать, и с этим чудесным чувством художник прямо рождается. У кого есть это чувство, тому дайте только условия: натуре, свету и тишине — и он без учителя найдет дорогу, — при хорошем мастерстве своего дела скорее, а при его отсутствии медленнее, но и в том, и в другом случае, все равно — поймет и схватит.

Чему можно научить в живописи, как умные передавать краски натуре? Весьма немногому: напечатать, некоторым манипуляциям, некоторым второстепенное значение, способу наложения красок и способу управления ими кистью, но ни сочетание красок, ни пропорции смешения, ни чему, что называют колоритом. Это совершенно субъективная способность, данная опять-таки природою, вместе с физиологическим составом, и данная в такой мере, что она, как и чувство формы, имеет раз-

вита у достигших зрѣлости возраста. Такъ какъ я твердо убѣжденъ въ томъ, что сейчасъ сказалъ, и для меня это аксіома, то надо удивляться тому, отчего такъ долго плохо рисуютъ и плохо пишутъ тѣ, кто учится въ Академіи. Говорю не обвиняю: оттого, что ихъ слишкомъ много учить, но не тому, чему нужно, и разномъ много учителей одному и тому же. Въ Академіи нарушенъ самый элементарный законъ всѣческого обученія. Нигдѣ и никогда, ни въ одномъ предметѣ образованія и ни въ одномъ мастерствѣ, не бываетъ учителей много, или нѣсколько: одинъ, и неизмѣнно только одинъ. Когда учитель не удовлетворяетъ ученика болѣе, ученикъ можетъ искать другого — это его право и самое священное. Послать на него, а тѣмъ болѣе преслѣдовать за это — преступно. Исканіе ученикомъ лучшаго учителя похоже на инстинктъ въ птицѣ. Лучшіе доктора теперь склоняются къ тому мнѣнію, что разъ есть отвращеніе физиологическое къ чему-нибудь у большого или здороваго, причина уважительна нафѣрно, хотя и неизвѣстна. И, что удивительнѣе всего, всѣ академіи, какъ будто съ самымъ элитнымъ намереніемъ исключать художника, усердно стараются сдѣлать наперекоръ здравому смыслу: въ то время, когда юноша требуетъ особой осторожности, терпѣнія и однороднаго режима для укрѣпленія, его подвергаютъ всѣческимъ экспериментамъ; въ это время у него особенно много различныхъ учителей по одному и тому же классу, или по одному и тому же предмету; а когда онъ, хотя и испорченный и попорченный, благополучно проливаетъ всѣ академическія заставы и получить то, что называютъ пенсионерствомъ, ему рекомендуютъ, или онъ самъ избираетъ, одного накого-либо мастера и старается пристроиться къ нему. Слѣдуетъ же поступать какъ-разъ обратно. Какъ бы ни былъ плохъ профессоръ, но онъ одинъ, это все же лучше, чѣмъ многіе, которые всѣ говорятъ разное. Отличить, кто изъ профессоровъ правъ, ученикъ еще не въ состояніи; да если бы и всѣ были правы (что бываетъ часто, и очень вѣроятно), но у каждого своя манера или уклонъ говорить, или всѣ говорятъ объ одномъ, но съ разныхъ точекъ зрѣнія — то опять-таки ученикъ не можетъ еще подводить итоговъ, путается, все принимается за противорѣчія, и сбивается съ толку окончательно.

Тамъ, гдѣ искусство выросло изъ почвы, гдѣ оно было свое и натуральное, всегда были мастерскія, т. е. около мастера — ученики. И въ настоящее время въ странахъ, гдѣ существуетъ болѣе живое и сердечное отношеніе общества къ искусству, несмотря на академіи (сохраняемыя какъ пожеланныя руины), возникла опять древняя форма мастерскихъ съ учениками.

Нужно ли опровергать еще дальшее столь очевидное и вредное нелѣпство, какъ внутреннее устройство нашей Академіи Художествъ, съ

этими распределеніемъ дежурства профессоровъ по мѣсяцамъ въ рисовальныхъ классахъ, а въ классѣ живописи ежедневное сѣанное профессоръ: сегодня А, завтра Б, послѣ завтра Г — и все это къ одному и тому же юному живописцу, который пишетъ свой этюдъ въ теченіе трехъ недѣль или мѣсяца? Какой получается въ головѣ ученика сумбуръ — этимъ, къ сожалѣнію, никто не интересуется. За то подобный порядокъ очень удобенъ для службы и прохода чиновъ, да и совсѣтъ спокойна. Каждый можетъ думать: не при мнѣ такъ началось, и не я виноватъ въ такомъ порядкѣ. Но тотъ, кто думаетъ объ этомъ, любитъ свое дѣло и знаетъ, какой порядокъ болѣе нормаленъ, долженъ глубоко страдать, не встрѣчая поддержки своимъ столь яснымъ и простымъ истинамъ.

Итакъ, на первый разъ необходимо точно разграничить, чему можно учить и чему нельзя, не рискуя принести влѣсто пользы — вредъ. Рисованіе и живопись съ натуры, т. е. упражненіе въ этюдахъ, можетъ и должно наполнять все время занятій въ школѣ. Выпускать ученика на самостоятельную дорогу не слѣдуетъ раньше, пока не будетъ на него усвоено дѣйствительное знаніе пропорцій человѣческаго тѣла, механика его движеній, словомъ, то, что теперь разучивать въ Академіи подъ словомъ рисунокъ.

1882.

VII. За отсутствіемъ критики *).

Когда какое либо явленіе въ области искусства настолько овладѣваетъ общественнымъ вниманіемъ, что всякій старается увидѣть его лично, чтобы убѣдиться въ справедливости молвы, и когда, къ тому же, художественному произведенію предшествуетъ слава самого автора, тогда естественно ожидать, что критика скажетъ о немъ свое трезвое слово, объяснитъ его достоинства и причину успѣха и тѣмъ сдѣлаетъ наслажденіе болѣе осмысленнымъ (какъ оно и должно быть въ обществахъ цивилизованныхъ); или же, наоборотъ, въ случаѣ недоразумѣній со стороны публики, объяснитъ явленіе отрицательнымъ путемъ, и такимъ образомъ поставитъ на свое мѣсто обѣ стороны.

Въ послѣднее время петербургское общество очень много говорило и еще продолжаетъ говорить о двухъ художественныхъ новостяхъ: о картинѣ миланскаго художника Габріэля Макса «Иисусъ Христосъ», и о ху-

*) Статья эта была напечатана въ «Новомъ Времени» 1879 г. № 1052. Ред.

дожидая мировизаторъ г. Карло, исполняющем картины въ присутствіи публики въ течение 45 минутъ. Успѣхъ и того и другого, особенно картинъ Макса, въ нашемъ обществѣ былъ настолько значителенъ, что, казалось, критикъ невозможно было бы его игнорировать, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, такъ именно случилось. Критика нисколько не коснулась вопроса по существу и не объяснила: чѣмъ въ самомъ дѣлѣ успѣхъ этотъ обуславливается? Допустимъ, на минуту, что успѣхъ картины «Исусъ Христосъ» объясняется отчасти громкою извѣстностію имени художника, но чѣмъ обуславливается успѣхъ Карло? Кто зналъ у насъ о существованіи его до сего дня? Очевидно, что въ обоихъ случаяхъ надобно искать элементовъ, объясняющихъ успѣхъ, или въ самыхъ явленіяхъ, или въ степени пониманія искусства публикою.

Выступать самому художнику въ роли критика мѣшало, и всегда будетъ мѣшать, чувство приличія, или, лучше сказать, смущенія, благодаря которому всегда есть вѣроятіе быть заподозрѣннымъ въ пристрастіи, зависти и другихъ болѣе или менѣе немонахальныхъ качествахъ; но бывають моменты, когда эти соображенія устраниваются, и человекъ, ноюно своей воли, не можетъ не сказать чего-нибудь въ защиту тѣхъ принциповъ, которые онъ считаетъ справедливыми, и на «отсутствіемъ критики» не можетъ не попытаться отстоять эти принципы, или, при неудачѣ, по крайней мѣрѣ вызвать болѣе глубокое объясненіе, которое бы оказало услугу тѣмъ, кто считаетъ вопросы искусства вопросами серьезными. И такъ, по моему — между обоими художественными новинками нѣтъ внутренней связи, крокъ случайнаго и одновременнаго ихъ появленія, но успѣхъ и того и другого указываетъ, что причина лежитъ въ самомъ пониманіи нашимъ обществомъ искусства вообще. Ради одного г. Карло было бы счастіемъ и признаніемъ за перо; но по дорогѣ, до извѣстной степени, позволительно.

Трудъ, исполняемый г. Карло, не имѣетъ въ себѣ въ сущности ничего предосудительнаго, только жалъ, что удиленіе публики къ его таланту объясняется мотивами немудрыми: простымъ незнакомствомъ того, что и въ жизни, какъ и во всемъ прочемъ, сексуальнаго дарованіе можетъ, дающую уже художественную комбинацію, составляющую продуктъ оригинальнаго творчества, разложить на составные тоны, и механически изъ перемѣщая (чтобы не знали подлинника), очень быстро дать такое подобіе картины, которое легко ввести въ заблужденіе людей, имѣющихъ смутное представленіе о живописи, какъ серьезномъ искусствѣ. Публикѣ не приходится въ голову, что машина, выполняющая омеографіи, обои и тому подобное, есть то же самое, что г. Карло! Въ силу такого заблужденія и возможны были разсужденія подобнаго рода: «Вотъ что значитъ вдохновеніе, вотъ въ самомъ дѣлѣ творчество! Что

ни въ томъ художникъ, который сидитъ гдѣ-то тамъ цѣлый годъ и что-то клентъ, вымучиваетъ изъ себя, и еле-еле, наконецъ, скропаетъ! Здѣсь же я вижу, какъ вдохновеніе сплоскаться на артиста и онъ у меня на глазахъ производитъ картины, которыя...» Чтобы отвѣтить разомъ на подобными разсужденіями, я скажу, что никогда подобныя картины не составляли галлерей, да вѣроятно и никогда составлять не будутъ; точно такъ же, какъ стихотворныя мировизаціи, бывшія одно время въ Италіи въ такой модѣ, не составляли поэзіи, литературы. Что касается болѣе или менѣе скорости исполненія, то никогда ни одинъ талантливый художникъ не удивлялся, когда ему говорили, что то или другое сдѣлано въ столько-то времени. Между художниками это — заурядное явленіе, и многие наши пейзажисты, если не всѣ, могли бы давать представленія, еслибы они немножечко поменьше уважали и себя, и публикѣ! Чтобы не быть въ долгу, я рѣшусь на нескромность: К. Е. Мановскій (да проститъ онъ мнѣ, что я упоминаю здѣсь его имя) нарисовалъ однажды чрезвычайную жизненную голову въ ... 27 минутъ! не по задачѣ, правда, а потому что наступали сумерки, а ему хотѣлось схватить одно впечатлѣніе; и никто объ этомъ никогда не говорилъ, потому что это составляетъ, такъ сказать, кухню художниковъ, и показывать ее публикѣ, какъ нѣчто особенное, можетъ рѣшиться только тотъ, кто не наипшетъ дѣйствительной картины, сколько бы времени ему ни дали. Несмотря на это, я все-таки полагаю, что клбъ художниковъ отнесся нѣсколько сурово въ г. Карло, отказавъ ему въ поощреніи, потому что теперь г. Карло похожъ на гонимаго и непризнаннаго гения.

Совсѣмъ иного порядка художникъ Габріэль Максъ. Между его произведеніями есть высокосопотическій; его имя упоминается на ряду съ самыми уважаемыми именами заграничной; его теверенная картина объясала значительную часть Европы; а потому возбужденіе любопытства къ его картинѣ очень естественно, и послушать, какое впечатлѣніе она производитъ на зрителя, стоитъ во всякомъ случаѣ. Мнѣ приходилось встрѣчать людей, даже высокообразованныхъ, которые много говорили о сильномъ впечатлѣніи, сдѣланномъ на нихъ этою картиною. Я не сомнѣваюсь ни на минуту, что это могло быть дѣйствительно; только, къ сожалѣнію, нельзя было извлечь изъ этихъ отрывковъ точныхъ указаній, къ какому порядку слѣдовало отнести эти впечатлѣнія: къ унственному ли и духовному, или только къ категоріи нервныхъ раздраженій. Правда, были и вонятныя толкованія; говорилось, наиримѣръ, что въ этомъ изображеніи есть какое-то чудо: глаза его то смотрятъ на насъ, то кажутся закрытыми; нѣкоторые или еще дальше и говорили: «Для вѣрующихъ — онъ смотритъ, онъ живъ, для невѣрующихъ — взоръ его потухъ, онъ мертвъ». По-

добную причину восторгов можно было бы вовсе игнорировать, если бы не было так много людей, для которых она достояние, а потому об этом я скажу впоследствии. Но публика, воложити, и не обязана давать разъяснения, интересующая кого-либо: в большинстве случаев, она и сдѣлать этого не может: иное дѣло печатать. Тут, казалось бы, слѣдовало ожидать интересныхъ разъяснений, однакожь и печатные отзывы оставили главный вопросъ нетронутымъ. Такъ что можно подумать, что наконецъ-то явился художникъ, который, въ предѣлахъ своей специальности, вполне удовлетворилъ эстетической потребности образованнаго общества въ самомъ возвышенномъ смыслѣ.

Чтобы признать за какимъ-нибудь художественнымъ произведеніемъ, и въ данномъ случаѣ за головой, право на наше особое вниманіе, мы должны предположить, что картина сама въ себѣ носитъ печать высшаго творчества, т. е. что въ ней находится на лицо выражение какого-либо глубокаго волненія, доступнаго человѣческому пониманію, и что сила выраженія достигнута простыми и естественными средствами, и я бы сказалъ: безъ нарушенія законовъ природы (это изъ азбуки искусства). Признавая прежде всего необходимымъ именно эти условія, я и попробую подойти къ картинѣ Макса съ этой стороны. Пусть антрепренеръ не смущается моимъ приѣмомъ: какое бы мнѣніе ни составилось о картинѣ, его дѣло во всякомъ случаѣ уже сдѣлано. Итакъ, попробуемъ въ время удали то чудесное въ глазахъ, передъ которымъ всѣ останавливаются и приходятъ въ изумленіе, а взглянемъ на остальные части лица отдѣльно, и выйдемъ на всю голову (подобнаго рода операцію выдерживаютъ, обыкновенно, всѣ великія произведенія; а судя по моимъ, это произведеніе должно быть великое), и спросимъ: что это такое?

Прежде всего, вниманіе наше неярнито поражаетъ тонкія, приданные, золотистый носъ, выгнутыя губы, нѣсколько припухлыя, и такія же щеки, такъ что общее впечатлѣніе нижней половины лица по выраженію напоминаетъ немножко утошенника. Вѣрно ли это? Если вѣрно, то я говорю: подобная конструкция лица никогда не можетъ быть принадлежностью головы, выражающей величіе и умъ. Послѣ тѣхъ попытокъ, которыя Вярона уже имѣлъ въ этомъ родѣ, напр.: головы Христа съ диваріемъ Тиціана въ Дрезденѣ, или Христа въ картинѣ Иванова, «Моленіе о чашѣ» Вруни, въ Эрмитажѣ, — о головѣ Макса, какъ головѣ, сказать и говорить; по-моему, Нерукотворенный образъ, находящійся въ домикѣ Петра Великаго — великій маръ, говорятъ, очень любилъ этотъ образъ — несомнѣнно превосходитъ эту голову. Но, устраняя сравненіе, а говоря безотносительно, придется признать голову «Христа» Макса самую обыкновенную и даже слабую голову.

Теперь обратимся къ глазамъ, и посмотримъ, что въ нихъ заключается такое особенное. Если смотрѣть на картину издали, откуда нельзя видѣть деталей, голова остается такой же обыкновенной, по мѣрѣ же приближенія вы открываете действительно что-то: глаза то смотрятъ изъ своихъ впадинъ, то кажутся закрытыми, и я убѣдился, что, не смотря на утѣреніе экзальтированныхъ и вѣрующаго, даже скептику, при известной ловкости глазъ, доступно увидать по произволу то смотрящіе глаза, то закрытые. Но при этомъ происходитъ слѣдующій непріятный эффектъ: при открытыхъ глазахъ вамъ нѣмало закрытыя вѣки съ сильными рѣсницами, очень дурно нарисованными, а при закрытыхъ — въ свою очередь нѣмало зрачки, нарисованные на наружной сторонѣ верхнихъ вѣкъ. Неужели при такомъ условіи можно говорить о выраженіи? И какъ вы это сдѣлаете, когда и отнестъ его дѣлается невозможно?

Мнѣ остается только удивляться, какъ могли называть выраженіемъ чередующееся переиждѣніе различныхъ слѣдственныхъ впечатлѣній въ глазу зрителя! Вотъ почему я желалъ бы встрѣтить человѣка, который бы мнѣ объяснилъ точно, къ какому порядку надобно отнести впечатлѣнія, получаемыя отъ этой картины: къ числу ли внутреннихъ, душевныхъ или же къ числу нервныхъ раздраженій, непроникающихъ въ глубину, или, лучше сказать, проникающихъ въ той же двойственности, и тамъ, внутри, производящихъ чувство простого удивленія? По-моему, къ числу послѣднихъ. Теперь, если мы къ этому прибавимъ, что всякій членовѣкъ кое-что знаетъ о тѣхъ атрибутахъ, которые находятся въ картинѣ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, что вамъ будто бы познаныя драму челоѣческаго сердца, то не сдѣлаетъ ли тогда ясенъ, въ какомъ положеніи находился зритель до той поры? При всемъ моемъ уваженіи къ таланту Макса, я долженъ выразить свое удивленіе, какъ подобный художникъ сунулся до такого — говорю прямо — недостойнаго фокуса! Правда, внимательно наблюдая все, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, можно было ожидать у него и некоторыхъ странностей, въ родѣ: «Воскресенія дощери Іагра», «Луды» и нѣкоторыхъ другихъ, но все же эта картина — неожиданность даже для внимательныхъ. Нужно сказать (нижеслѣдуетъ въпрочемъ), что уже давно въ европейскомъ искусствѣ замѣчается стремленіе захватить настоящее и глубокое убѣжденіе тѣмъ-то чертами, какъ камень, въ предметахъ особаго челоѣческаго почитанія, но это къ дѣлу не относится, а потому продолжу.

Нѣкоторые ставятъ въ особую заслугу художнику именно то, что онъ сумѣлъ найдти столь остроумно тамъ, гдѣ, казалось бы, рѣшительно ужъ не было возможности возразить зрителя чѣмъ-либо новымъ. Но позвольте мнѣ сослаться на всѣхъ художниковъ, нашихъ и иностранныхъ,

прошедших и настоящих, которые много и внимательно рисовали, не случалось ли им устремлять все свое внимание и искусство на то, чтобы изгнать впечатлительные четыре глаза из той же падающей тени? При этом всегда наблюдалось одно и то же явление, именно, что наиболее сильная тень ложится на место закрытого зрачка? В этом случае нужна особая тонкость исполнения, чтобы глаза казались действительно закрытыми глазами. Не берусь решать, каким путем Манкэ остановился на этом: было ли это только следствием невозможности сначала отделиться от недостатка, или же он решил воспользоваться этим, конечно извещением ему, законом, с заранею обдуманным намерением — не знаю. В обоих случаях, кроме странности, нет другого выражения, которое можно было бы отнести к заслуге художника. Дальше я скажу, что такое выражение из картин; но до сих пор оказывается пока самым удивительным именно это кажущееся закрытие и открытие глаз: изображение из искусств действительно характерное для нашего времени, не менее характерное, как и явления спиритических с их туманными четырьмя изобретениями. Чтобы быть справедливым, следует сказать, что если бы даже наше общество двинулось в критическую область искусства и дальше, где оно находится, то и тогда эта картина могла бы быть предметом увлечения, потому что это не есть грубая подделка, а, напротив, тут путь в ход весь арсенал живописных мистических вооружений.

Теперь я должен перейти к определению того, что такое, по моему, выражение. Для облегчения себя этой задачи, а главное, чтобы быть правильно понятным, я позволяю себе обратиться к различным образцам, всем хорошо известным. Понимаю, что отсюда, быть может, произойдет коренное различие в понимании основных положений искусства между мною и теми, кто считает, что в картинах Манкэ есть выражение.

Везде, куда бы мы ни обратились, какие бы художественные произведения, разумеется значительные, ни стали мы разбирать, везде мы находим здоровое отношение к искусству. То есть великие художники все время и стран, изображая человеческое лицо, добивались его выражения, схватывали его и усвоивали, при помощи глубокого, пристального изучения того, что дает действительность. Только на этом единственно прочном фундаменте были достигнуты замечательные результаты. Переберем мысленно некоторые известия, книг самая высокая, до сих пор, человеческие головы, созданные талантом художников. От греков осталось не особенно много, но и это немного нам будет очень выгодно, потому, что никогда еще не были так многочисленны, как в то время, попытки одностороннего абстрагирования. Первая голова — Аполлона Вельведер-

ского в Ватикане, одна из самых, если можно так выразиться, божественных голов. В этой голове такая неперевариваемая сила выражения, что становится понятным рассказы о том, что когда статуя была найдена, то перед ней служили мессы? Куда идти дальше? Как велика, стало быть, сила выражения? И чем же это достигнуто? Только близостью к действительности: очевидно, художник много наблюдал, заметил, как формы наиболее выражают возвышенность мысли, силу, благородство, энергию, словом, те высшие человеческие свойства, которыми мы без святотатства наделяем божественное: мало того, он должен был еще понять, как изменения происходят с формами в моменты одушевления; после того ему оставалось только передать образ, сам собою сложившийся из его души, из этих данных; и для разрешения своей задачи он не издал ничего, тем было так богато воображение жителей Востока: за то же этот образ и через 2,000 лет так же дорог нам, как был он дорог и грекам. А голова Юпитера Олимпийского? Изучения ее не миновать и теперь никому из художников, кому нужно будет решать подобную же задачу, потому что державное выражение тут в самом деле находится на лице, и совершенно становится понятным слова Платона, что от одного движения бровей этого Зевса «потряса Олимп многохолмный!» Или ни одной неестественной черты! Венера Милосская из Лувра: тем достиг художник нового выражения величия, спокойствия, свободы, которыми обладали боги, могшие себе позволить все, но по существу своей натуры не позволявшие себе ничего унижающего?.. Но это было давно! Однако, есть примеры поближе к нам и попопуще: Кто не знает Сикстинской Мадонны Рафаэля? Голова Мадонны выражает такую тонкую черту глубочайшей скорби, доходящей до ужаса, за судьбу своего маленького сына, что зритель как бы чувствует где-то, там, куда она смотрит, скопую подобную толпу людей, между которыми придется совершить свое дело Емму... и я вас спрашиваю, чем же это достигнуто? Чем, как не поразительно вдуманным расположением частей лица, сообразно состоянию души. Нужно было видеть в действительности, несколько раз, благороднейшие головы человеческой породы, и притом в моменты, когда они бывали охвачены состоянием, аналогичным, по крайней мере, с тем, о котором думает художник. А Моисей Микель-Анджело! Но, чтобы кончить, наконец, смену два слова о Тициановском Христе с динарием. Из всех изображений Христа прошлого времени, это наиболее удачное и возвышенное; и хотя Христос изображает тут скорее томимый аристократом времени венецианской республики, нежели Христос нашего времени, но все же это превосходная голова. Чем же, я вас спрашиваю еще раз, все эти разнообразия выражения достигнуты?

Ни въ одномъ изъ указанныхъ произведеній нѣтъ ни одной нестройной, или мистической черты, все просто, ясно и отвѣчаетъ действительности, скучно больше: за исключеніемъ древней Индіи, Китая и прочихъ азиатскихъ странъ — ни одно настоящее искусство не представляетъ отступленія отъ этого общаго правила. И всѣ эти образцы мы счужали позабытъ при первомъ появленіи такого... патентованнаго иностраннаго произведенія.

Мнѣ могутъ возразить, что я наговорилъ много ненужныхъ къ дѣлу вещей, что Манксъ вовсе и не думалъ писать такую голову, которая бы заключала въ себѣ характеръ и выраженіе Христа, какъ имъ его теперь поклоняемъ; а что онъ просто захотѣлъ изобразить чудесную легенду объ убруствѣ и оставшемся на немъ изображеніи, и только. Прекрасно, если это действительно такъ. Тогда зачѣмъ же онъ не пошелъ исполнѣ по этому пути и, наливши такъ холстъ, сдѣлалъ изображеніе материально? Вѣдь то, что осталось на холстѣ послѣ чуда, было такъ тонко, такъ легко, вѣроятно, что нитки и водъ изображеніемъ должны были видны... Или живописецъ не можетъ передать этого? Бѣда ли. И еще: зачѣмъ тутъ, въ такомъ случаѣ, терновый вѣнокъ? Вѣдь это было раньше страданій? Въ послѣдній разъ: зачѣмъ нужны были эти четыре глаза? Вѣдь и безъ нихъ, съ сохраненіемъ всѣхъ предыдущихъ условий, картина была бы оригинальна? Въ томъ же видѣ, какъ она теперь, картина эта легитъ за предѣлами искусства, и я бы сказалъ, что самое подходящее ей мѣсто — между чудотворными иконами, еслиби меня не смущала ordinaria голова и ея дурное устройство въ цѣломъ и въ частяхъ. По-моему, вотъ какъ можно конять мысль автора изъ того, что находится въ картинѣ. Остроумная деталь съ закрытыми глазами, для жевѣрующихъ, и смотрящихъ мистическихъ глаза — для вѣрующихъ, и вѣсть съ кровью и терновымъ вѣнкомъ, должна подбавлять известнымъ образомъ на... нервы, не глубже. Если мы прибавимъ къ этому изумительно написанный холстъ, которому точно въ самомъ дѣлѣ болѣе 1,000 лѣтъ, который притомъ такъ умно прибитъ гвоздями, въ немъ такъ естественно растянулись нитки, винувшись неравномерному натягиванию, то мы исчерпаемъ все, чѣмъ объясняется успѣхъ этой картины. Къ сожалѣнію, я не могу отгаться полному удовольствію даже въ этой чисто вѣзшей сторонѣ дѣла, такъ какъ вижу, что Манксъ не воспользовался остроумною мыслью наложенія натурального холста съ краскою на свое живопись и не провѣлъ обманъ глаза до монна: нитокъ водъ изображеніемъ голыи не усматривается, и даже около головы кое-гдѣ во контурамъ холстъ отсутствуетъ. Очевидно, операція сдѣлана послѣ окончанія головы и... не подумавши. Говоря такъ, я не жалю ставить художнику въ упрекъ такой прѣсъ въ живописи, и хочу сказать только, что, помогая себѣ всѣми остроумными способами, для достиженія извѣстнаго эффекта, художникъ не дол-

женъ былъ бы забывать кое-какія мелочи, чтобы не видно было тѣхъ бѣлыхъ нитокъ, которыми само произведеніе шито. А еще — всегда, за отсутствіемъ главнаго, говорить о мелочахъ!

Итакъ, я отказываюсь признавать за этимъ произведеніемъ то значеніе, которое ему желаютъ приписать, и сожалю, что агитренера, приводя отзывы объ этой картинѣ иностранныхъ газетъ (и тѣмъ поставивъ насъ сразу на потитительное разстоаніе), ограничился сообщеніемъ только того, что европейская критика усматриваетъ въ этой картинѣ сильную и чрезвычайно удачную попытку соединенія двухъ естественъ: божескаго и челоѣческаго (какъ будто кому-нибудь досконально извѣстны оба?), а не привѣтъ другихъ отзывовъ, тѣмъ и лишняя насъ возможности сразу правильно понять (хотя бы съ поможіемъ иностранцевъ, какъ имъ привыкли до сихъ норъ) представшее передъ нами явленіе, и заставилъ насъ самихъ разбираться въ такомъ трудномъ дѣлѣ.

1879.

VIII. Объ Ивановѣ *).

Для сужденія о художникѣ Ивановѣ прибавились новые материалы: вышла его перениска, изданная М. П. Вотикинымъ, и издаются выписками его композицій на сюжеты изъ Ветхаго и Новаго Заѣта. Сколько можно судить, ни то ни другое изданіе не получаютъ очень широкаго распространенія не только въ публикѣ, но, къ сожалѣнію, и между художниками, а между тѣмъ послѣдніе материалы самые «вразумительные».

О значеніи Иванова въ исторіи русской живописи было говорено хотя и очень много, но нельзя сказать, чтобы довольно. Человѣку этому очевидно суждено обращать на себя вниманіе. Въ свое время, казалось, что дѣло его было проиграно безповоротно, а между тѣмъ теперь приходится заниматься чуть не на-ново разборъ: что такое Ивановъ, и какое его значеніе въ искусствѣ?

На этотъ вопросъ, въ разное время, большинствомъ писавшихъ отвѣчало въ томъ смыслѣ, что значеніе Иванова въ искусствѣ большое, хотя и не всегда можно было конять, какое же именно; а одинъ вопросъ нерешенной важности: относительное равноудіе массы публики къ его картинѣ «Явленіе Христа народу», съ момента ея появленія до сего дня, или

*) Эта статья была напечатана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года, т. V, стр. 806—820, но съ нѣкоторыми измѣненіями. Здѣсь она печатается съ оригинальной рукописи Крамского.

Ред.

обходился вовсе, или объяснялся неудовлетворительно. Сказать что-либо новое об Иванове очень трудно, и я не это пишу в виду. Мнѣ хотѣлось бы попытаться объяснить, почему успѣх картины Иванова не отвѣчалъ ей достоинствамъ, опредѣлить эти достоинства со спеціально художественной точки зрѣнія, и указать, что именно внесено имъ новаго въ искусство.

Въ русскомъ искусствѣ можно указать нѣсколько громкихъ именъ. Правильно это, или нѣтъ, это вопросъ другой, но несомнѣнно, что исторія русской живописи не можетъ обходиться именъ: Врунг, Брюллова, Федотова, Иванова... Въ какой мѣрѣ каждое изъ этихъ именъ принадлежитъ национальному искусству? За отсутствиемъ самой исторіи русской живописи, имъ положительнаго отвѣта на это не имѣемъ; однакожъ, слѣдуетъ признать за фактъ, что въ настоящую минуту не осталось никакихъ слѣдовъ вліянія на наше искусство, не только чуждаго намъ по духу Врунга, но даже и Брюллова. Вліяніе Федотова приходится считать также оконченнымъ, тогда какъ значеніе Иванова возрастаетъ, и можно съ увѣренностью pronosticировать еще большее возрастаніе въ будущемъ. Какъ скоро наступитъ время, когда результаты этого вліянія должны сказаться съ очевидностію, опредѣлить, разубѣдиться, нельзя, но тѣ, кто могъ близко наблюдать дѣло нашего художественнаго развитія, свидѣтельствуютъ, что глухая внутренняя работа, возбужденная Ивановымъ въ умахъ русскихъ художниковъ, ни на минуту не прекращалась.

По отношенію къ Иванову, начнемъ съ того факта, что даже теперь, то есть когда, кажется, угасли страсти, есть еще много людей, которые несогласны не только съ тѣмъ, чтобы работы Иванова превосходили все, что имѣетъ Россія, но даже и съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этого чело-вѣка было плодотворна и знаменательна. Мало того, можно слышать, что Ивановъ и его картина — нѣчто неудавшееся, а масса наивно и искренно свидѣтельствуетъ о своемъ равнодушіи къ произведеніямъ этого художника.

При встрѣчѣ же картинъ, масса эта такъ была велика, что ей равнодушіе заслуживало серьезнаго вниманія, и разъясненіе этого факта необходимо, особенно въ виду того высокаго значенія, которое нѣкоторые придаютъ картинѣ Иванова.

До сихъ поръ, въѣхавъ 22 года, русское общество должно было составлять себѣ понятіе объ Ивановѣ только на основаніи его картинъ. Положимъ, что для сужденія о живописцѣ, строго говоря, другихъ данныхъ и не требуется, или почти: — при рѣшеніи вопроса, эти другія данныя не имѣютъ первенствующаго значенія; но въ томъ-то и дѣло, что значеніе Иванова въ русскомъ искусствѣ, по особымъ къ тому причинамъ, не можетъ быть выяснено одними нѣмыми свидѣтелями. Природа его произведеній, уровень художественнаго развитія, а также и художественные вкусы

руководящей части нашего общества, въ моменты появленія его картинъ, находились такъ далеко одно отъ другого, что недоумѣніе должно было произойти неизбежно. Казалось бы, съ тѣхъ поръ прошло достаточно времени для того, чтобы объяснить ошибочныя обихъ стороны (если таковыя были), но къ сожалѣнію этого не сдѣлано и по самое послѣднее время, и лежитъ очевидно на отвѣтственности будущаго.

Нельзя сказать, чтобы такой крупный фактъ, какъ равнодушіе публики, не останавливало на себѣ ничего вниманія раньше. Многие объ этомъ писали, но, какъ я сказалъ уже, объясняли неудовлетворительно, потому что свалили отвѣтственность на неразвитіе публики, наприимѣръ, по-моему, значить констатировать только фактъ, не больше. Даже Стасовъ, въ обстоятельной своей статьѣ объ Ивановѣ («Вѣстникъ Европы» — 1880 г.), говорить по этому поводу немного: «Большинство публики было недовольно само по себѣ, собственными средствами и вкусом!» Очевидно, и здѣсь признается только фактъ; дальнѣйшая его прибавка: «что его занутило и утомило въ гробъ общественное мнѣніе, не иначе, какъ во имя Брюллова», только отчасти поясняетъ дѣло. Положимъ вѣрно, что вкусъ, развитый Брюлловымъ, при опредѣленіи достоинствъ Иванова, могъ значительно вліять на ту часть публики, которая почему-либо интересовалась искусствомъ, или считалась къ нему прикосновенной. Но таковыхъ, сравнительно, было немного между десятками тысячъ, видѣвшихъ картину. А почему эти тысячи остались равнодушными и недоумѣвающими, и даже, какъ говоритъ Стасовъ, «охотно переселившимися на сторону смѣльчакова, порицавшихъ картину» — все-таки остается неразъясненнымъ. Видъ въ этой толпѣ всегда было и будетъ многое множество людей, остающихся въ сторонѣ отъ сѣтвы направленийъ художественнаго вкуса, и носимыхъ въ себѣ, въ натуральномъ видѣ, ту долю художественнаго чутья, которая присужда человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія, и которая художнику наиболѣе драгоценна! Купить увлеченія нельзя, и съ фактомъ равнодушія зрителя считаться нужно, особенно когда просто и наивно говорить: «не понимаю!» Между произведеніями живописи, одни не требуютъ отъ зрителя никакой мозговой работы, а просто ласкаютъ глазъ и нравятся, не жеселя ни ума, ни сердца, и, стало быть, не давая болѣе глубокаго наслажденія; другія требуютъ отъ зрителя серьезной мозговой работы, прежде чѣмъ дать художественное наслажденіе; третьи, наконецъ, для своей оцѣнки и пониманія требуютъ отъ зрителя большой исторической подготовки. И, однакожъ, всѣ эти свойства художественныхъ произведеній не мѣняютъ обыкновенному, наивному зрителю простоты съ истиннымъ удовольствіемъ даже передъ картиной послѣдней категоріи, если въ ней будетъ сказываться исполнительный талантъ художника.

Господствующий предрассудок въ сужденіяхъ объ искусствѣ, по-моему, заключается въ томъ именно, что для правоспособности, такъ сказать, голосованія, по поводу какого-либо художественнаго произведенія, спеціальная подготовка считается необходимою, но это нлохо согласуется съ тѣмъ неопровержимымъ фактомъ, что высшаю судебною инстанціею для художника всегда было и будетъ то впечатлѣніе, которое выносятся тысячи зрителей отъ картинъ.

Несомнѣнно, что талантливые художники, какъ, напримеръ, Брюлловъ, воспитываютъ цѣлое общество въ извѣстномъ направленіи; несомнѣнно, что художественные вкусы и привычки, вслѣдствіе этого, образуются въ массѣ; но несомнѣнно также и то, что всякій разъ, для образованія новыхъ вкусовъ и привычекъ, въ дѣлѣ живописи, необходимо, чтобы новое произведеніе понравилось, притянуло глазъ и оставило на себѣ такимъ образомъ вниманіе зрителя. Если этого не случается, начинаются разные уклончивыя восклицанія, въ родѣ того, что «я ничего не понимаю въ живописи!»

Задолго до своего появленія, картина Иванова возбуждала весьма большія ожиданія, а когда она появилась, то огромное большинство просто сказала: «не понимаю». И дѣйствительно, картину его надобно прежде всего понимать. Въ этомъ и лежитъ все рѣшеніе вопроса.

Если это положеніе правильно, то не мѣняе правильно и другое еще азбучное положеніе, что дѣло не совсѣмъ, стало быть, въ порядкѣ, если для современниковъ необходимы комментаріи къ художественнымъ произведеніямъ, потому что то, что во многихъ другихъ сферахъ умственного труда естественно, въ дѣлѣ искусства должно быть признано излишнимъ. Если эти произведенія вдохновенныя, творческія. Современники могутъ не понять всю глубину и значеніе художественнаго произведенія, по отношенію къ будущему, къ школѣ, во всегда поймутъ и оцѣнятъ жизненность и талантъ, то есть именно тѣ качества, безъ которыхъ художественныхъ произведеній вовсе не существовать для публики и къ которымъ зритель оставаться равнодушнымъ не можетъ.

Все, что я сказала до сихъ поръ, до такой степени извѣстно и перепознано, что оно выходило бы банально въ другихъ областяхъ: только въ дѣлѣ живописи, къ сожалѣнію, я вижу необходимость за повтореніемъ.

Человѣкъ получаетъ впечатлѣніе отъ художественнаго произведенія живописи только черезъ глаза. Для того, чтобы остановить глазъ зрителя и привлечь его вниманіе, необходима обворожительная вишность, и затѣмъ уже, если есть что вѣское въ картинѣ, оно, только благодаря вишности, проникаетъ до человѣческаго сердца; иначе живопись никогда не

сдѣлается общедоступнымъ искусствомъ, и всегда останется на стѣнѣ пенсіонера немногихъ любителей и знатоковъ, и разговоръ о какой-либо общественной роли искусства сдѣлается празднымъ.

Успѣхъ спекуляціи основанъ именно на тонкомъ изученіи человѣческихъ свойствъ, или, если хотите, слабостей; но это-то и объясняется борьбою съ злоупотребленіемъ равнымъ оружіемъ.

Если, вообще, немного людей, понимающихъ всю значеніе искусства, то развитіе, путемъ наслажденія, можетъ и должно быть доступно всѣмъ; и привлекательность художественныхъ произведеній требуетъ правдивой чистоты нашей духовной природы.

Будь произведеніе глубокимъ, новымъ, нѣтъ оно первокласснаго достоинства ума, и не нѣтъ оно этого популярнаго качества, оно не будетъ принято съ распростертыми объятіями. Одна свобода исполненія и, такъ сказать, легкость труда, не говоря уже о богатствѣ колорита, есть и составная часть обворожительности, и необходимое качество для приковыванія глаза. Присутствіе свободы исполненія моментально сказывается каждому зрителю, и нельзя даже сказать — чѣмъ. Стало быть, художникъ обязанъ скрыть отъ публики тѣ усилія, которыхъ ему стоитъ произведеніе. Грустно въ этомъ сознаться, но это такъ. Къ несчастію для художниковъ, живописи, кромѣ того, еще тѣмъ опасна, что равнолѣіе между содержаніемъ, если таковое есть у художника, и исполненіемъ, какъ слѣдствіемъ таланта, не всегда совпадаютъ, и даже не всегда записать отъ личныхъ усилій художника. (Нижѣ я намѣчу тѣ положенія, при которыхъ этотъ разладъ можетъ случиться).

Художникъ, не совсѣмъ ограниченный, рѣдко бываетъ на розахъ при своей жизни. Если для немедленнаго, сегодняшняго успѣха, онъ пожертвуетъ содержаніемъ и чувствомъ, онъ очутится въ необходимости безъ отдыха развлекать публику, и ежеминутно ей о себѣ докладывать, чтобы она не забыла. Состояніе которагоже для унинаго человѣка, потому что, несмотря на лауровые вѣнки, рукоплесканія, медали, славу и деньги, его постоянно будетъ безпокоить то сдержанное, скептическое и равнодушное положеніе, которое къ такому человѣку сейчасъ же займетъ настоящая интеллигенція, и никакіе вѣнки не залечатъ ему этихъ ранъ. Попробуетъ художникъ уйти весь въ содержаніе: онъ рискуетъ потерять единственный доступный путь къ человѣческому сердцу, и, быть можетъ, никогда не дождаться справедливой оцѣнки. Единственный компасъ въ этомъ лабиринтѣ, разувѣется — глубочайшая увѣренность, сидящая внутри каждаго серьезнаго дарованія, увѣренность въ себѣ и въ своемъ дѣлѣ, дающая ему силу перенести это мучительное испытаніе, называемое творчествомъ. У Ивана эта увѣренность была. Умъ его отъ природы былъ глубоко, талант-

томъ онъ одаренъ былъ первокласснымъ, а между тѣмъ обворожительной виѣшности на лицо нѣтъ, и даже, что самое ошаное, трудъ не скрытъ, а извѣстно, какое мучительное чувство мы испытываемъ передъ пѣвцомъ, которому трудно управлять своими голосомъ, декламировать, едва разбирающимся рукописи, передъ акробатомъ и гимнастомъ, которые употребляютъ очевидное напряженіе. Словомъ, наслажденіе подорвано, и искусство не достигаетъ цѣли, если отсутствуетъ виртуозность и высокая техника, играющая чуть не нервеющую роль въ искусствѣ. Тотчасъ сказать, для того, чтобы искусство произвело свою долю вліянія, внутреннее его содержаніе должно быть выражено просто, легко и свободно; надо того, обворожительно. Новый вопросъ: отъ чего такъ случился съ Ивановымъ, если не подвергать сомнѣнію самое существованіе его таланта? Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, я долженъ сдѣлать еще разъ маленькое отступление въ область азбуки.

Привлекательная виѣшность въ картинѣ выходитъ только въ то время, когда художникъ сразу охватываетъ свою задачу, когда внутренний его міръ находится въ полновѣчъ и совершенномъ равновѣсіи, когда въ его міросозерцаніи не прокрадывается ни одна капля сомнѣнія въ достоинствахъ его идеаловъ, во все время работы; словомъ, когда онъ человѣкъ вполнѣ цѣльный, и, кромѣ того, когда онъ почему бы то ни было не расходится съ обществомъ, а слыша со всѣхъ сторонъ поддержку, поощреніе и пониманіе, приобретаетъ, вслѣдствіе этого, неколебимую увѣренность, что дѣлаетъ именно то, что нужно; однимъ словомъ, когда есть извѣстная однородность уственной атмосферы между художникомъ и обществомъ, для котораго онъ работаетъ. Стало быть, появленіе талантливыхъ произведеній, возможныхъ изъ сферы общественной уственной однородности, возможно, такъ сказать, всегда. Но въ исторической жизни общества бывають моменты извѣстной уственной анархія, когда, съ одной стороны, нѣкоторые проникательные умы чувствуютъ, что руководящіе основы ветшаютъ и что необходимо замѣнить ихъ новыми. Наступаетъ неотложная надобность, именно такія умы, явиться за сознательную, черную, историческую работу; съ другой стороны, законы психической дѣятельности (какъ доказываетъ наука рядомъ наблюденій надъ этой темной областью и вѣроятными теоріями, выведенными изъ этихъ наблюденій) состоятъ въ томъ, что многіе душевные процессы, происходящіе въ насъ безсознательно, такъ сказать механически, стоили когда-то огромныхъ усилій сознанія и воли. Творчество художественное безсознательно; но подѣ приѣмами его проявленія лежитъ огромный пластъ упорнаго научнаго и сознательнаго труда. Ивановъ жилъ на зарѣ нашей уственной анархія, но и теперь да-

леко еще то время для русскаго искусства, когда должны наступить высшій моментъ его развитія.

Изъ исторіи сошедшихъ со сцены народовъ намъ знакомы такіе счастливыя кульминаціонныя эпохи, когда нарождающіеся таланты находятъ готовыми, разработанными и доказанными многія главныя основы для творчества въ своей специализации. Никто о нихъ уже не споритъ, идеалы понимаются всѣми одинаково, и коллективные усилія умовъ и талантовъ эпохи направляются согласно въ одну сторону. Въ такіе счастливые исторические моменты, художникъ работаетъ быстро, съ огнемъ и талантомъ, проявленіе котораго уже нѣтъ не задерживается. Въ такіе моменты позволительно предсказывать появленіе высокихъ художественныхъ произведеній, какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Иванову такого лотерейнаго билета на долю не выпало. Но талантъ, какъ талантъ, остается всегда разъ онъ есть. Имѣлъ ли Ивановъ этотъ талантъ, то есть этотъ, въ смыслѣ вышесказанной виртуозности, придающей обворожительную виѣшность произведенію? Я говорю — нѣтъ. Для меня это ясно, хотя сомнительно, чтобы мнѣ удалось доказать это съ очевидностью другимъ. Но я надѣюсь, что на предстоящей всероссійской выставкѣ въ Москвѣ (1882) работы самого Иванова докажутъ это, и краснорѣчивѣе, и убѣдительнѣе меня.

Я не знаю, впрочемъ, арлично ли, говоря объ Ивановѣ, ставить этотъ вопросъ серьезно? Вѣдь онъ отнюденію къ нему всѣ согласны, что картинныя его необыкновенно основательны, и казалось бы, не зачѣмъ беспокоиться вопросомъ почти роскоши, если и безъ яркаго таланта мы имѣемъ художественное произведеніе высокой пробы? Но, во 1-хъ, мы занимаемся здѣсь разъясненіемъ равнодушія публики и опредѣленіемъ того, кто и насколько ошибался, а во 2-хъ, человѣку свойственно стремиться къ ясности и опредѣленности пониманія того, что уважаешь и чему поклоняешься. Чтобы понимать другъ друга, въ спорѣхъ важно установить терминологию, и поэтому я говорю здѣсь же, что я разумію подъ словомъ «талантъ».

Подъ словомъ «талантъ» въ живописи я разумію природенную подражательную способность, то есть умѣнье сразу понять и вѣрно передать живую форму природы, и только. Эта способность можетъ сказаться весьма рано. Это у Иванова было въ высокой степени. Но отсюда далеко еще, какъ видите, до художника. Чтобы стать имъ, надо одного таланта, мало ума, мало общаго образованія и развитія, мало, наконецъ, счастливыхъ матеріальныхъ условій: необходимъ еще и темпераментъ, то есть, чтобы человѣкъ по натурѣ своей ничего бы не любилъ болѣе искусства, чтобы ни одна страсть не перетянула человѣка въ сторону. Только совокупность всѣхъ этихъ условій и создаетъ художника.

У Иванова условія эти были налицо, особенно въ началѣ его карьеры,

за исключением условий исторических; но за то эти обстоятельства и суть единственные, которые могут действовать роковыми образом, как те подчиняющиеся личной воле и находящиеся вне сферы этого влияния.

Талант Иванава, в связи с его общим развитием, давал некоторым приготовительным его работам ту особую окраску привлекательности и легкости исполнения, даже колоритности, и такой неподражаемой талантливости, какую встретишь только у самых больших художников и виртуозов в одно и то же время.

Было несколько этюдов голов и пейзажей, исполненных с действительным огнем, так что очевидно, что талант его был первоклассным, но его ум был еще более талантлив. Этот ум, созидавший и был причиной выхода из узкой устесненной атмосферы, его окружавшей. Благодаря ему, он и разошелся с господствовавшими воззрениями в живописи того времени, его ум натолкнул его на необходимость черновой исторической работы. Заниматься здесь исследованием, почему ум и талант Иванава приняли совершенно новое направление в искусстве, неизвестное до тех пор — бесполезно. На лицо тот факт, что в его мозгу появилось оригинальное представление о картинах, в которой бы все было основано, так сказать, на законах. По условиям времени, поданных образцов в то время еще нигде не появилось; стало быть, приходилось начинать сначала во всем. Иवानов принимается за труд, который был под силу только такому уму и характеру. Историческая заслуга Иванава та, что он сдвинул для всех нас, русских художников, огромную иرسку в непроходимых до того дебрях, и именно в том направлении, в котором была нужна большая столбовая дорога, и открыл таким образом новые горизонты. Убрать срубленные деревья и ищешь, а там более укатать и шоссировать самую дорогу — ему не пришлось, потому что к концу своей работы, когда для его радостного взора стали, наконец, открываться новые виды, талант его оказался раздвоенным его умом — и это ясно повлечет его картина. Словом, он оказался жертвой за русское искусство, его потупилась вытесненность против своей воли фатально и по необходимости. Вот почему его картина популярно быть не могла при своем появлении, да едва ли будет и впоследствии, но она останется надолго, если не на всегда, предметом удивления и изучения для специалистов.

Вначале я упоминал о природе его произведений, или, как сам Иवानов характерно о ней выразился: «натура для моего». Подойдем теперь к ней поближе, и посмотрим, в чем она заключалась. Для этого лучше всего сдвигать несколько выписок из его переписки. Я ограничусь только теми, которые покажут его собственными воззрения на свое дело

и объяснять нам, почему «натура» его дала держала талант его в такой тисной от себя зависимости и лишила его свободы пролания. В самом начале своей большой картины, он уже должен был оправдываться в медленности работы, следующим образом: «Напрасно думать, что моя метода: слабо сличения и сравнения этюдов подвигает вперед труд — доведет меня до отчаяния. Способ сей согласен и с выбором предмета, и с именем русского, и с любовью к искусству. Я бы мог очень скоро работать, если бы имел целью деньги. Другое (?) все остается в пробных этюдах, из которых одно лучшее (?) вносится в настоящую картину».

Приведенная выписка была мало убедительна для тех, кому она предназначалась; упреки в медленности не ослабляли, спорящих стороны продолжали думать по старому; но Иवानов доставало это не легко, особенно когда кругом не было ни одного голоса в пользу его метода, и он должен был переживать мучительную работу ума в одиночестве.

«Я грустен потому, что при всей моей ежедневной деятельности, люди приближаются ко мне, видят во мне безделье, даже покушаются придумывать способы, чтобы возбудить меня к деятельности — это обидно насильства невольственного властелина — вытягивать глубокую тайну из души моей в оправдание — значило бы истощать силы и только на короткое время заставлять их, то есть людей, убиваться».

Очевидно, люди близкие, сочувствующие, добродетельные, заходя в студию, год, два сидят и видя картину на том же месте, в недоумении спрашивают: «Да что же он думает?» А он наивно показывать то несколько этюдов голов, то купавшихся, то камни, деревья, то говорить, что нужно съездить куда-то, чтобы присмотреться к выражению и манере держаться каких-то евреев, больше свободных и обезличенных, чем те, которые были в Риме. В таких бесплодных объяснениях прошли года; глубокая борода недоразумений обозначалась; Иवानов начал уставать. 1847 год, год нравственных бурь, был особенно тяжел для него: он записался от людей, «но ни на волю не сворачивая с своей дороги», и если писать, то писать уже таким образом:

«При последнем свидании я выпросил у вас год времени (для окончания картины), и точно — делая что могу, но натура для коего весьма медленна; всякая быстрота и торопливость помешали бы моему полному совершенству», и потому, изнемогая в неравной борьбе, не имея возможности вразумить окружающих, он говорит упавшим голосом: «Мне, как последнему, во времени, деланию в пути образования, нужно самое близкое спокойствие, чтобы вести вдалека. Вылеч период».

въ моей жизни, когда, подъ защитою неизвестности, создалось у меня все любовью къ искусству; теперь нужно ждать другого—милосердія и терпѣнія общества». Говорить такими образами можетъ только человекъ раненый весьма серьезно.

Мало-по-малу его оставили, наконецъ, въ покоѣ, и онъ года три, четыре просидѣлъ одинъ и отдохнуть. Между прочимъ, въ это время киповали и политическія волненія 48-го года; и въ 1851-мъ году раздаются слова, показывающія, что Иванова начинаютъ выдирать и оправлять отъ ударовъ:

«Я уже начинаю чувствовать какія-то права на художническую самостоятельность—и можетъ ли быть что справедливѣе этого? Вѣдь мы уже подходимъ мало-по-малу къ послѣднему вопросу: быть ли живописи, или не быть?»

Въ это время портфели Иванова стали наполняться композиціями изъ Библии и Новаго Завета. Картина же его была уже съ 1848-года почти такая же, какою мы ее теперь видимъ, и почему она простояла почти 10 лѣтъ не открытою—трудно догадываться, и надобно отнести это обстоятельство къ области психологіи. Наконецъ, сдѣленіе обстоятельствъ вырываетъ Иванова насильно опять къ людямъ; онъ и картина дѣлаются предметомъ пристального любопытства толпы. А онъ, вышедшій наконецъ на большую дорогу, спокойно говоритъ себѣ слѣдующее:

«Картина моя не есть послѣдняя станція, за которую надобно драться. Я за нее стоялъ крѣпко въ свое время и выдерживалъ всѣ бури, работая посреди нихъ, и сдѣлалъ все, что требовала школа, но школа—только основаніе дѣлу живописному, языку, который мы выражаемъ. Нужно учинить другую станцію искусства—его могущество приспособить къ требованіямъ времени и настоящаго возмуженія Россіи. Цѣль жизни искусства теперь другого уже требуетъ». И прибавляетъ, какъ вѣсть имѣющій:

«Вѣдь надобно же, наконецъ, выяснить, что трафаретные академическіе сюжетамъ съ картинками составляютъ гниль нашего времени и служатъ къ истребленію способностей, въ особенности русскихъ! Еслибы мнѣ удалось только наметнуть на высокій и новый путь, стремленіе къ нему показало бы, что онъ существуетъ впереди».

На этотъ можно остановиться.

Сдѣланныя выписки достаточно, кажется, ознакомили насъ съ приподомъ его произведеній, и изъ нихъ же видно, что онъ остался до конца увѣреннымъ, не смотря на неудачу. Въ послѣднюю минуту, онъ какъ будто все простилъ, потому что все пошло. Онъ помялъ и уважилъ вначалѣмъ массы, когда писалъ изъ Петербурга брату въ Римъ: «Взмаскательный взглядъ, по большей части полный здравыхъ разсужденій, ее, то есть пуб-

лику, отличаютъ». Его картина—дѣло прошлое. Онъ спокоенъ. Передъ нимъ лежали впереди новыя задачи, о сущности которыхъ мы можемъ теперь судить по изданію его альбомовъ. Онъ надѣялся на будущее, на возможность драться за слѣдующую станцію, но судьба рѣшила иначе—кто-то другіе будутъ призваны къ окончанію начатаго дѣла. Изъ того, что сказано, можно вывести неувеличенное заключеніе, что ни одинъ художникъ не сдѣлалъ для русскаго искусства больше его; мало того, наступитъ время, когда иностранцы пожелаютъ съ нимъ коротко познакомиться—по моему, это не пророчество, а просто ариометическая истина. Определите идеалы искусства теперешняго времени, и вы увидите, что Иванова уже 50 лѣтъ тому назадъ понялъ ихъ, опредѣлилъ для себя, и стремился къ осуществленію. Чего бы вы ни коснулись: композиціи, рисунка, содержанія, вы найдете, что Иванова удовлетворялъ имъ въ своихъ работахъ сознательно. Но вотъ это-то сознание—великое въ художникѣ его времени, и было тѣмъ тормазомъ, который лишаетъ талантъ свободы исполненія, пока не усвоены приемы до механической безсознательности. Это сознание идетъ, разложившись на элементы художника на составныя его части. Всѣ изъ издающихся людей его времени были на сторожѣ его труда и его ночина; они только не могли понять необходимости избраннаго Ивановой пути. Ошибка весьма понятная: кому могъ быть понятенъ этотъ путь, въ то время, когда господствовало мнѣніе, что художнику, съ талантомъ Иванова, стоитъ только писать поспѣше, чтобы потрясать зрителей, а онъ измучаетъ себя на этюдахъ, когда выводы науки, въ то время уже обозначившіеся, лежали, казалось, такъ далеко отъ искусства. Но теперь ясно, что избранный имъ путь—былъ путь научный, который одинъ способенъ привести къ благотворнымъ результатамъ, если мы пожелаемъ изучить и вывести на сцену дѣйствительный, а не призрачный характеръ. Стоитъ при-
смириться къ тому, папримѣру, какъ онъ доходилъ до изображенія ка-кого-нибудь типа, знакомаго намъ въ картинѣ. Этюдовъ для каждой такой головы имѣется много; каждый этюдъ есть, очевидно, и портретъ дѣйствительно живаго человѣка; онъ похожъ и на того, который въ картинѣ, но, въ то же время, въ этюдѣ только части годятся въ выраженію задуманнаго характера. Вотъ другой портретъ—другого человѣка, опять похожаго. Все разные люди, и каждый чѣмъ-то напоминаетъ послѣднюю редакцію. Несомнѣнно, что каждая голова, въ картинѣ, по замыслу характера выше и глубже этюда, но въ то же время и слабѣе по живописи. Иванова былъ реалистъ самый послѣдовательный и добросовѣстный: такого человѣка, какому ему было нужно, онъ не нашелъ, да и не могъ бы найти никогда. Оставалось перенести въ картину, такъ сказать, ступирванный этюдъ, что никогда не замѣтитъ живую, дѣйствительную форму:

начинающий ученик, хотя и великий художник. Картину свою он начал еще в то время, когда был молотъ уважения къ авторитетам, но только давно сошедшимъ уже со сцены, но и къ тѣмъ, на кого современники смотрѣли какъ на такихъ — къ Корнелиусу, Овербеку, Торвальдсену и даже (о ужасъ!) къ Камутчини. Не имѣя ни одной черты изъ своей духовной натуры, сродной названнымъ господамъ, онъ вынужденъ слушается знаменитостей и портитъ свою вещь разными аллегорическими бездѣлками, и только мучительно медленно освобождается отъ персодного и терзающаго академизма. Однакожъ, слава Богу, онъ вышелъ необходимъ.

Достоинство его ума и таланта именно тѣмъ и доказывается, что, не смотря на то, что онъ росъ въ четырехъ стѣнахъ Академіи, онъ напитывался уваженіемъ безъ разбора и безъ всякаго вниманія къ жизни действительно молодой человѣкомъ онъ ѣдетъ за границу, прямо въ Римъ, и сидитъ почти безвыѣздно въ Италіи 28 лѣтъ, но ни къ одному достойному вниманія жизненному движенію и ни къ одной действительно оригинальной идѣй онъ не останется глухъ. Напротивъ, вложу новую мысль онъ встрѣчаетъ съ самымъ искреннимъ и горячимъ сочувствіемъ, серьезно ею занимается, старается понять, мало того — ежеминутно готовъ перестроить свой внутренний міръ, сообразно новому приобритію. Это драгоценное качество ни на одну юту не убывало въ энергіи съ возрастомъ, и къ чему оказался готовъ человѣкъ въ послѣднее десятилѣтіе своей жизни, свидѣтельствуютъ его «Апостолы», составляющіе огромный шагъ впередъ отъ знаменитыхъ итальянцевъ XVI вѣка, его рѣшительное невиданнѣе тѣмъ Христу, его монументальный Крестиль, и, наконецъ, его эскизы изъ Вѣдѣи и Евангелія. Эти композиции такъ далеко захватили будущее, что и теперь, черезъ 20 слишкомъ лѣтъ послѣ его смерти, ни одна европейскій художникъ еще не смѣетъ трагиковать Евангеліе такъ серьезно — просто, такъ реально, безъ профанакціи, въ уровень предмету. Теперь это можно сказать положительно: послѣднія европейскіе художники въ этомъ отношеніи доказала бѣдность европейскіхъ художниковъ въ этомъ отдѣлѣ. Пока дѣло касается изображеній современной намъ жизни, еще встрѣчаются художники, рисующіе людей, каждое изъ ихъ оригинальныхъ анатомическихъ складовъ лица, а иногда и фигуры. Дѣло уже значительно хуже при изображеніи сюжетовъ историческихъ: тутъ обыкновенно нарисованы однообразные люди. А въ сюжетѣхъ библейскихъ и евангельскихъ — силовитая пошлость, и рѣшится, отчего это замечать, болѣе отъ инокрѣи ли художниковъ, или отъ предразсудковъ, распространенныхъ академіями,

хотѣлось трудно. Будетъ думать, что палились бы смѣльчаки, подобные Иванову, слабымъ внутри у нихъ горѣло настоящее чувство.

Рядомъ съ ложной въ своемъ собственномъ дѣлѣ, у Иванова идеть работа ума, ученія одиночества, тѣмъ болѣе тяжелая, что выдающиеся люди, съ которыми онъ обдѣлился, стояли передъ нимъ, какъ передъ загадкой. Многие, если не всѣ, сострадали ему, видя его искреннее исканіе чего-то — но чего? Это было для нихъ недоступно, потому что чуждо. Изъ тѣхъ споръ, которые происходили у Иванова съ Гоголемъ и другими, ясно, что смыслъ самаго дѣла былъ имъ положительно непонятенъ. Это сильное непониманіе особенно и поражаетъ читателя книги объ Ивановѣ. Отсюда чрезвычайно трагическое впечатлѣніе отъ судьбы, сопровождавшей Иванова до его смерти. Цѣлая книга новѣстуетъ одно: какъ Ивановъ, тепло и прощанный, ѣдетъ за границу, какъ онъ долго работалъ въ времени и пространства, стараясь сравняться съ избранными образцами, какъ, наконецъ, онъ проснулся на мѣртъ своего развитія, и сталъ замѣчать, что въ возводимомъ имъ зданіи оказались нигде негодные матеріалы, и, такимъ образомъ — вплоть до 48 года, когда онъ, оказался выбитымъ изъ колеи. Новымъ идемъ толпой врываются къ нему за его монастырскую ограду, и онъ сначала фактически не можетъ работать, уважаетъ изъ Рима, а возмущается другимъ членомъ. Нужно время, чтобы собраться съ силами на-ново, и привести въ порядокъ багажъ. А время шло, и когда, наконецъ, онъ насильно воротился въ Россію — и онъ, и Россія были уже новыя. У насъ дѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ. Послѣ Пушкина возникъ и умеръ Лермонтовъ, русское общество познакомилось, черезъ Кольцова, съ народомъ, съ народомъ, а съ частью самого себя черезъ Федотова; давно уже кончалъ Гоголь, работали Гончаровъ и Тургеневъ, появились Толстой, и проч. и проч., волна національнаго сознанія поднималась чрезвычайную высоко, надрѣли вопросомъ первостепенной важности, и Ивановъ, вырванный изъ міра тихой, художественной дѣятельности на шумное собраніе, давно и многое перепаривавшій въ своей специальности, вышедшій, наконецъ, на большую художественную дорогу съ новыми горизонтами, смѣрившій разсудочно и холодно на прошлое въ своей дѣятельности, долженъ былъ предстать на судъ своихъ соотечественниковъ съ картиною, которую онъ и самъ называлъ «прошедшей станціей», вѣстой имъ когда-то съ боя, но все же съ картиной, въ которой заключалась дорогая часть его собственной жизни, и огромный художественный идейный переломъ.

Понятно, что, несмотря на скромность и природную застѣнчивость, онъ сознавалъ, что сдѣлалъ, и какое мѣсто должно ему принадлежать въ средѣ русскихъ художниковъ! Но понималъ этого все-таки онъ одинъ, а онъ

*) Всемирная парижская выставка 1878 года.

Х. Изображения из Свящ. Исторіи оставленныхъ эскизовъ (?) Александра Иванова. Выпускъ I и П. °).

Подъ такимъ названіемъ съ 1879 г. Германскій Археологическій Институтъ приступилъ къ изданію композицій нашего знаменитаго художника. О существованіи этихъ композицій было извѣстно давно, видѣли же ихъ весьма немногіе; но всѣ, кто видѣлъ, отзывались о нихъ въ особенную похвалу.

Первые два выпуска теперь передъ русской публикой, и каждый интересующійся можетъ судить самостоятельно, насколько слухи были справедливы. Къ изданію приложено маленькое предисловіе, въ которомъ отъ лица Института говорится слѣдующее:

«По глубинѣ содержанія, по силѣ выраженія, Иванова можно сравнить съ самыми замѣчательными мастерами нашего вѣка. Кромѣ всего этого, композиціи его, не смотря на ихъ художественную цѣнность, еще въ другомъ отношеніи способны возбудить самый живой интересъ, такъ какъ онѣ проникнуты духомъ совершенно самобытнымъ, не изыщущимъ ничего общаго съ произведеніями нѣмецкихъ, французскихъ и итальянскихъ художниковъ. Духъ этотъ, мы полагаемъ, можно назвать «чисто русскимъ».

И такъ, за композиціями Иванова Европа, въ лицѣ Германскаго Археологическаго Института, признаетъ, кромѣ общаго высокаго художественнаго значенія, въ частности—оригинальность чисто русскую.

Интересно, какъ самъ нашъ, русскій, правится эта русская оригинальность? Чтобы дать хоть какое-нибудь понятіе о впечатлѣніи, произведенномъ эскизами, мы позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее сравненіе. Что сказалъ бы о своемъ портретѣ человекъ, никогда не нѣмѣвшій зеркала? Какое впечатлѣніе сдѣлало бы на него его собственное изображеніе? Мы думаемъ, что онъ не узналъ бы себя и раскраснѣвалъ бы портретъ съ недоумѣвающимъ любопытствомъ. Вопросъ о томъ—правится ли ему изображенное лицо или нѣтъ, и что оно выражаетъ, его занималъ бы вначалѣ весьма мало. Вниманіе было бы поглочено новизною впечатлѣнія: «такъ вотъ я какой! Да вѣдь я себя такимъ никогда не могъ бы представить! Ужасно странно!» И долго, долго такого человѣка надо было бы удерживать постороннимъ, что это онъ. Ему все думалось бы: не сбѣются ли? Повторяемъ, что вопросъ о выраженіи лица, его красотѣ и другихъ качествахъ

вначалѣ не занималъ бы его, и это весьма естественно: никогда не видать себя, и вдругъ услышать, какъ посторонніе изъ одинъ голосъ говорятъ: смотри, вотъ портретъ русскаго!?

Колѣбаться ли намъ? Повѣрить ли свидѣтельству иностранцевъ, что вотъ оно—настоящее русское творчество? Невольно спрашиваешь, неужели иностранцы больше насъ самихъ знаютъ нашу фязіономію? А почему бы имъ и не знать ее? Вѣдь они насъ знаютъ уже не одно столѣтіе! Было время (до Петра), когда мы, появляясь въ Европѣ, вели себя по-своему. Хороши ли мы были, или дуримъ, это вопросъ другой, но мы были сами по себѣ. Вотъ уже два столѣтія, какъ въ Европѣ мы усиленно стараемся, чтобы насъ не отличили отъ иностранцевъ. Раса, однако, насъ всегда выдавала и выдаетъ. Европѣйцы, видя нами для нихъ комическія усилія: подправлять свой носъ, упирать скулы, сгущать свое лицо и т. д., только съ сожалѣніемъ смотрѣли на насъ, а за собственное наше презрѣніе къ своей фязіономіи презирали насъ вдвойнѣ. Но къ чести нашей надобно сказать: мы въ это же время учились у нихъ; и слава Богу, что природа оказалась прочтѣе. Благодаря ей, намъ теперь говорятъ: вотъ что сдѣлалъ одинъ изъ вашихъ сыновей!

Надобно повѣрить въ этотъ вѣщамъ, потому что какой же нѣтъ интересъ скрывать правду? Не скажутъ они—скажутъ французамъ, скажутъ англичанамъ, турки, наконецъ! Всѣ знаютъ насъ въ лицо, одни мы никогда себя не выдали.

Посмотримъ же, что заключается въ эскизахъ Иванова, столь полныхъ, какъ говорятъ, «чисто русскаго духа».

И для насъ, пока, какъ и для иностранцевъ, это столь же ново и исключительно оригинально. Мы все подмечали, и до такой степени къ этому привыкли, что намъ странно видѣть что-либо хорошее и, въ то же время, ни на что европейское не похожее. Передъ нами, дѣйствительно, что-то невиданное; мы въ недоумѣніи—какому народу приписать созданіе этихъ эскизовъ? Съ своей стороны, мы готовы предположить, что эти рисунки современны Библіи и Евангелію; потому что въ каждомъ изъ нихъ до такой степени наивно, просто изображены сцены, фигуры до того типичны, бытовая обстановка при своей цѣлесообразности кажется до такой степени древнею, что это рѣшительно рисунки съ натуры того времени. Всего же больше насъ убѣждаетъ въ томъ, что передъ нами двухтысячелѣтняя древность, это—смысь изображеній сверхъестественныхъ съ дѣйствительными: ангелы и видѣнія такіе странные, какіе только и могли присниться и явиться такому простому старцу, какъ Іосифъ, или такому вѣрующему, какъ первосвященникъ Захарія. Эти ангелы, при реальности формъ, и прозрачнымъ, и сияютъ на манеръ изображеній солнца у египтянъ, или ассирій-

*) Эта статья была напечатана въ «Художественномъ Журналѣ» 1881, январь, безъ подписи автора. Ред.

ских божествъ, знакомыхъ намъ по уцѣлѣвшимъ памятникамъ. Въ то же время, сверхъестественныя явленія до такой степени переплѣтены съ дѣйствительными, что, глядя на рисунки, чувствуешь себя современникомъ далекаго дѣтства человечества—полнаго мистическаго вѣчнаго страха, и чудесь, и реализма сверхъающаго солнечнаго дня. Современный взрослый человекъ рѣшительно не можетъ вообразить себѣ ничего подобнаго. Только хороший рисунокъ, сдѣланный омытой рукой, и заставляетъ насъ иредюлагать, что это дѣйствительно современная поддѣлка; но, въ такомъ случаѣ—это гениально.

1881.

XI. Фотографія съ картинъ В. В. Верещагина. (Турецкая война 1877—1878 года*).

Объ этихъ картинахъ въ свое время было много и писано, и говорено, и потому мы ограничимся нѣсколькими словами общаго характера. Какъ крупный талантъ, какъ оригинальный умъ, Верещагинъ возбуждаетъ ожесточенные споры. Его характерная черта та, что всякій разъ, во время его выставокъ, общество и даже художники волнуются, не столько по поводу художественныхъ качествъ его картинъ, сколько по поводу ихъ смысла.

Онъ, очевидно, слишкомъ живой человекъ, чтобы разсуждать о немъ хладнокровно. Въ немъ есть нѣчто, кромѣ художника; его произведенія, помимо живописныхъ достоинствъ, заключаютъ въ себѣ мысли, съ которыми мы не привыкли встрѣчаться въ картинахъ; и нѣтъ картинъ, которыя бы были самостоятельными творческими организмами.

Вѣрнее сказать такъ: каждое его произведение заключаетъ въ себѣ идею, достойную картины; каждая идея высказана твердо, коротко и ясно, но исполнена такъ, что хотя и виденъ великій мастеръ, но картина одна, безъ поддержки цѣлой серіи другихъ картинъ, не имѣетъ настоящаго самостоятельнаго значенія: только всѣ картины вмѣстѣ и мощны, и интересны, и дороги. Это тоже черта новая—но утверждаетъ ли она въ искусствѣ что-либо прочное, до сихъ поръ не имѣвшее въ обращеніи, это вопросъ будущаго.

Цѣлая же серія картинъ Верещагина, взятая вмѣстѣ, составляетъ живой организмъ, очень симпатичный, часто глубокий. Но въ то же время не-

* Эта статья была напечатана въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г., январь, безъ подписи автора.

Ред.

волью хочется сказать, что такъ какъ человечество никогда не будетъ въ состояніи вѣсто картины довольствоваться философскими положеніями, то, по отношенію къ искусству, дѣло Верещагина стоитъ такъ: не смотри на интересъ его картинныхъ собраній, самъ авторъ во сто разъ интереснѣе и мощнѣе; и мы полагаемъ, что для вѣрности того значенія, которое Верещагинъ поддѣля въ искусствѣ, необходимо дать одну ли картину, много ли картинъ, но картину, которая бы пережила не одно то поколѣніе, которое его теперь такъ сердечно приветствуетъ.

Объ этомъ человекѣ иностранцы отзывались тоже, какъ имѣющаго какія-то особенности, незнакомаго имъ у себя дома. Какая-то русская оригинальность сказалась и тутъ.

1881.

ХII. О портретахъ Государя Императора Александра II*).

Есть ли хорошій портретъ въ Вѣхъ почившаго Императора? Вопросъ этотъ можетъ показаться страннымъ, въ виду огромнаго множества оставшихся намъ изображеній покойнаго Государя; но мы задаемъ вопросъ о портретѣ, какъ о художественномъ произведеніи. Пересмотрѣвъ все, что имѣемъ, приходится отвѣчать отрицательно. Лучшими изображеніями остаются фотографическія. Покойный Государь снимался часто, въ послѣднее десятилѣтіе, у фотографовъ Левникова, и между визитными карточками есть прелестныя; нѣсколько хорошихъ портретовъ снято ранние фотографы Денберомъ, но живописнаго портрета не было ни одного, не только высокаго художественнаго достоинства, но даже просто вполне удовлетворительнаго, въ родѣ, напримѣръ, портрета Николая I-го, написаннаго Крюгеромъ, или Александра I-го — Дау; а между тѣмъ къ рѣшенію вопроса были призваны первыя художественныя силы Европы, или считающіяся таковыми, но крайней мѣрѣ. Портреты Государя Императора съ натуры писали: Крюгеръ, Винтергальтеръ, Рихтеръ и Анжели; изъ русскихъ же — Харламовъ, а въ самое послѣднее время — К. Маковский. Крюгеръ написалъ недурной портретъ покойнаго Императора, когда онъ былъ еще мальчикомъ, въ костюмѣ атамана казачьихъ войскъ. Портретъ Винтергальтера весьма неважный, написанъ въ первые моменты зрѣлаго возраста (мы говоримъ по памяти). Остальные портреты написаны сравнительно въ близ-

* Эта статья была напечатана въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г., мартъ, безъ подписи автора.

Ред.

кое къ намъ время, и, наконецъ, К. Маковский писалъ, въ прошломъ году, въ Крыму, тѣмъ, и портретъ, кажется, остался не совсѣмъ оконченнымъ. Оставляя сужденіе о немъ до того времени, когда всѣ будутъ имѣть возможность его видѣть, скажемъ нѣсколько словъ о другихъ. Портретъ Харламова неудаченъ вообще, Рихтера тоже, но такъ какъ портреты эти не большіе, и безъ особыхъ претензій, то и распространяться о нихъ не стоитъ, но объ Анисѣи стоитъ сказать побольше. Этотъ вѣнскій художникъ, приглашенный въ Ливадію написать спеціально портретъ Государя Императора, написалъ ихъ нѣсколько, а одинъ даже большой, въ ростъ, для марширующихъ кокошей Зимняго дворца.

Изъ одинъ изъ нихъ неудовлетворителенъ; мало того: портреты положительно дурны. Думаемъ, что будетъ справедливо сказать о нихъ, что они совершенно чужды нашему пониманію. Еслибы мы не знали оригинала, то и были бы практикой и мастерство, которыя очевидны, и, быть можетъ, нашли бы тамъ даже художественныя достоинства; но, зная хорошо оригиналъ, испытываемъ то же самое чувство, которое такъ знакомо каждому русскому, когда онъ встрѣчаетъ русскія фигуры, нарисованныя французами, ильцами и вообще иностранцами. Не смотря на то, что все кажется вѣрно, изображеніе поражаетъ чѣмъ-то незнакомымъ, смѣшнымъ, то есть — точь французскія изображенія русскихъ незнакомъ, и потому-то приходится дорожить фотографіями гораздо больше, нежели изображеніями живописными. Мы думаемъ, впрочемъ, что неудача живописи въ задачахъ подобнаго рода фатальна. Коронованнымъ особамъ какъ будто суждено получать портреты низшаго качества, въ силу отсутствія условій, при которыхъ художественное произведеніе можетъ явиться. А именно: спокойствіе, необходимое художнику — отсутствовать, время — не въ его власти, предварительное, хотя бы поверхностное изученіе человѣка — точно также; кромѣ того предполагается, что каждый художникъ, призванный для исполненія портрета, настолько талантливъ и наблюдателенъ, настолько владѣетъ средствами своего искусства, что долженъ справиться со всѣми трудностями, а между тѣмъ это не такъ; вдобавокъ, ему дается въ распоряженіе весьма мало времени. Понятно, следовательно, что хорошее художественное произведеніе при этихъ условіяхъ невозможно. А очень жалъ, потому что лицо покойнаго Императора въ нѣкоторые историческіе моменты было полно глубокаго интереса.

1881.

XIII. О портретѣ О. М. Достоевскаго *).

Послѣ О. М. Достоевскаго осталось два портрета, о которыхъ говорить стоитъ. Первый портретъ — живописный, написанный Перовымъ 10—12 лѣтъ назадъ, и находится въ галлерей П. М. Третьякова. Портретъ этотъ не только лучший портретъ Перова, но и одинъ изъ лучшихъ портретовъ русской школы вообще. Въ немъ всѣ сильныя стороны художника на лицо: характеръ, сила выраженія, огромный рельефъ и, что особенно рѣдко, и даже, можно сказать, единственный разъ встрѣтился у Перова — это колоритъ. Его краски всегда были свѣжи и сильны, всѣ его произведенія этимъ отличаются, во сильныя краски не есть еще колоритъ. Рѣшительность тѣни и нѣкоторая какъ бы рѣзкость и энергія контуровъ, всегда являющіяся его картинамъ, въ этомъ портретѣ смягчены удивительнымъ колоритомъ и гармоніею тоновъ; смотря на него, положительно не знаешь, чему болѣе удивляться; но главнымъ достоинствомъ остается, разумеется, выраженіе характера знаменитаго писателя и человѣка. Онъ такъ стастливо посаженъ, такъ сильно взято положеніе головы, такъ много выраженія въ глазахъ и во рту, и такое полное сходство, что остается только радоваться. Одно, что можно сказать намъ, современникамъ, это то, что съ Достоевскаго одного портрета мало. Онъ прожилъ послѣ портрета еще много, не въ смыслѣ времени, а въ смыслѣ творческой жизни. Въ послѣдніе года, его лицо сдѣлалось еще знаменательнѣе, еще глубже и трагичнѣе, и очень жалъ, что нѣтъ портрета послѣдняго времени, равнаго Перовскому по художественнымъ достоинствамъ. Недостатокъ этотъ, къ счастью, совершенно случайно, восполненъ фотографіею. Московскій фотографъ Пановъ сдѣлалъ именно эту фотографію. Портретъ, въ смыслѣ фотографической техники, быть можетъ неважный, у Панова есть портреты, въ этомъ отношеніи, гораздо лучше Достоевскаго, но что въ немъ примѣтательно — это выраженіе. По этой фотографіи можно судить, насколько прибавилось въ лицѣ Достоевскаго значенія и глубины мысли. Фотографіи рѣдко даютъ сумму всего, что лицо человѣческое въ себѣ заключаетъ: въ фотографіи Панова явилось счастливое и рѣдкое исключеніе. Можно догадываться, что въ данный случай въ помощь фотографіи явился такой моментъ въ жизни Достоевскаго, какъ Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ: портретъ этотъ снятъ послѣ его знаменитой рѣчи о значеніи Пушкина.

1881.

*) Статья эта напечатана въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г., мартъ, безъ подписи автора.
Ред.

XIV. Открытое письмо къ В. В. Стасову*).

Позвольте просить г-ста въ вашей уважаемой газетѣ мою открытому письму къ В. В. Стасову.

Мил. Гос. Владимиръ Васильевичъ. Прочитавъ въ «Голосѣ» (№ 85) вашу статью о портретѣ Мусоргскаго, написанномъ Рѣпиннымъ, въ которой вы приводите мои слова, я считаю себя обязаннымъ сдѣлать нѣкоторые поправки. Вы приписываете мнѣ слѣдующія слова по поводу портрета Писемскаго, что это «что-то такое, и Рембрандтъ и Веласкесъ вмѣстѣ», тогда какъ я выразилъ только мысль, что если поставить этотъ портретъ даже между такими большими художниками, то и тамъ онъ будетъ вѣнору, и мѣсто ему какъ разъ между ними; и, наконецъ, я говорилъ не рѣчь, которую стоило-бы печатать, а принималъ лишь участіе въ общемъ разговорѣ, и хотя есть нѣкоторые слова, которыхъ я вовсе не произносилъ, а между тѣмъ, они, къ сожалѣнію, стоятъ, по недосмотру, тоже въ кавычкахъ.

Примите и проч. И. Крамской.

1881.

* Это «Открытое письмо» было напечатано въ «Новомъ Времени» 1881 г., № 1827 (сравни выше письмо Крамского № СМХ).—Статья В. В. Стасова въ «Голосѣ» (1881, № 85), про которую говорится въ настоящихъ письмахъ, содержала слѣдующіи строки про Крамского: «Когда я пришелъ портретъ Мусоргскаго на Передвижницкую выставку, я была свидетелемъ восхищенія, радости многихъ лучшихъ нашихъ художниковъ, товарищей и друзей, но мнѣ въ этотъ день не удалось присутствовать, видѣть эту сцену; одинъ изъ самыхъ кружныхъ между всѣми нами, а какъ портретистъ, безспорно непревзойденный, И. И. Крамской, увидѣвъ этотъ портретъ, просто ахнулъ отъ удивленія. Послѣ первыхъ секундъ общаго восторга, онъ всталъ стулъ, уйдя изъ залы передъ портретомъ, прямо къ устью въ лѣвую, и долго, долго не отходилъ. Что это? Рѣпинъ нынче дѣлаетъ, сказалъ онъ—просто непостижимо! Въонъ посмотрѣте его портретъ Писемскаго—какой шефъ д'ювюге! Что-то такое и Рембрандтъ и Веласкесъ вмѣстѣ! Но этотъ, этотъ портретъ—будетъ, пожалуй, еще изумительнѣе. Тутъ у него нѣкое неслыханное пріемъ, отъ роду нѣмѣе не пробованное—самъ онъ я, и него больше. Этотъ портретъ писанъ Богъ знаетъ какъ быстро, огненно—всѣмъ это видятъ. Не какъ нарочно все, нѣкое рукою мастера, нѣкъ вытѣшено, какъ написано! Посмотрѣте эти глаза: они глядятъ, какъ живые, они задумались, въ нихъ написана вся внутренняя, душевная работа той минуты—а много-ли на свѣтѣ портретовъ съ подобнымъ выраженіемъ! А тѣло, шея, лобъ, носъ, ротъ—живое, совсемъ живое лицо, да еще все въ свѣту; отъ первой и до послѣдней черточки, все въ солнцѣ, безъ одной тѣни—какое созданіе!.. И. И. Крамской много еще высказывалъ въ тѣхъ же мысляхъ, радуюсь и любя на бывшего художника, товарища. Не, чтобы все это было возможно, и эта радость на товарища, и это художественное торжество отъ того, что свѣтъ не искусству идетъ въ гору—для этого много надо: надо самому нести внутри себя большой талантъ и большое сердце...»

Ред.

XV. Портреты Государя Императора Александра III*).

(Необходимый отвѣтъ на запросы разныхъ земствъ).

Теперь идетъ горячка на царскіе портреты: земства, дворянства, присутственных мѣстъ, учебныя заведенія и разныя общества — всѣ ищутъ приобрести портреты или царствующаго Императора и Императрицы.

Но прежде, чѣмъ оказалась потребности, даже прежде, кажется, чѣмъ тѣло въ Воюй починнаго Императора предаю было землѣ, явились объявления, предлагающія изготовлять портреты масляными красками: поясные, въ овалѣ, безъ овала, во весь ростъ, въ натуральную величину, въ полроста, цѣною въ 25, 50, 100 и до 1,000 рублей.

Одни объявления шли изъ Императорской Академіи Художествъ (и это кажется перья), отъ хранителя музея христіанскихъ и русскихъ древностей въ Академіи, г. Прохорова, другіе — изъ Караванной улицы, съ какии-то рекомендаціями отъ какого-то г. Пето, третьи — отъ обшлаго магазина на Невскомъ, г. Виноградова, и т. д.

Портреты всѣхъ величинъ, размѣровъ и видовъ выставлены теперь на окнахъ въ разныхъ магазинахъ: эстампныхъ, ислечубажныхъ, обшлыхъ, даже въ Обществѣ взаимнаго вспомошествованія русскихъ художниковъ, что на Палестеймоновской улицѣ. Торговля идетъ на-лицо, — каждый видятъ, что покупать. Единственное исключеніе составляетъ въ этомъ случаѣ г. Прохоровъ, который, скупа и нѣмѣ квартиру въ Академіи Художествъ, публичной выставкѣ сдѣлать не можетъ. Онъ ограничился одними объявленіями, а объявленія эти слѣдующаго характера: «Портреты Государя Императора Александра III масляными красками изготовляются для присутственныхъ и другихъ мѣстъ въ редакціи «Христіанскихъ и Русскихъ Древностей», въ Императорской Академіи Художествъ. Желаніе (!) и новгородные могутъ обратиться съ требованіями въ С.-Петербургъ, на имя редактора Василія Ал. Прохорова, кв. № 15. Цѣна портрета по достоинству изъ работы: поясные 25, 50, 75 и 100 рублей; во весь ростъ, въ натуральную величину, 150, 200, 250 и 300 руб.

Г. Прохоровъ не художникъ; онъ редакторъ «Христіанскихъ Древностей» и хранитель академическаго музея. Какимъ же образомъ онъ изготовляетъ портреты масляными красками и разныхъ достоинствъ: на 25, на 50 р. и т. д.? Онъ, стало быть, заказываетъ портреты художникамъ, а самъ не больше, какъ торгуетъ ихъ произведеніями?.. Но кто же такіе эти

* Эта статья была напечатана въ «Художественномъ Журналѣ» 1881, сентябрь, безъ подписи автора.

Ред.

художники, и кого из них г. Прохоровъ цѣнитъ въ 25 руб., и кого въ 300?.. Выставки произведений нѣтъ, имена художниковъ неизвестны; чѣмъ же тутъ можно руководствоваться заказчикъ, особенно инородцы, какъ не однимъ объявленіемъ, гдѣ говорится, что портреты изготовляются «въ Императорской Академіи Художествъ», т. е. якобы изъ изготовленіе исходить изъ компетентныхъ рукъ Академіи?.. Но объявленіе это — не больше, конечно, какъ мистификація.

Еслибы портреты изготовлялись въ Академіи, то дѣломъ бы заведѣвали профессоры Академіи, занимающіеся портретною живописью: гг. Келлеръ, Верещагинъ и Яковій; еслибы также профессора принимали въ этомъ дѣлѣ какое либо участіе, то нѣтъ сомнѣній, что г. Прохоровъ не преминулъ бы случая указать публикѣ на ихъ имена, и тогда бы не могли явиться цѣны въ 25 и даже 300 рублей. Нѣтъ, — изготовленіе г. Прохоровымъ портретовъ не имѣетъ ничего общаго съ Академіей; редакторъ «Христіанскихъ Древностей» только составилъ такое мистифирующее публику объявленіе; на дѣлѣ же не портреты изготовляются въ Академіи, а квартира г. Прохорова находится въ Академіи.

Нѣкоторые изъ земствъ просили насъ разъяснить это обстоятельство, что мы охотно и дѣлаемъ; на другіе же запросы земствъ и частныхъ лицъ: «какіе портреты выписывать, къ кому обращаться съ заказами, и какіе изъ изданныхъ печатныхъ портретовъ лучше?» считаемъ необходимымъ отвѣтить цѣлымъ рядомъ свѣдѣній и указаній, добытыхъ нами какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Мы пересмотрѣли всѣ существующія до сихъ поръ литографіи, олеографіи и фотографіи, перебивали во всѣхъ магазинахъ, были и въ академической квартирѣ г. Прохорова, а также и въ мастерскихъ нѣкоторыхъ художниковъ.

Въ обойной лавкѣ г. Виноградова, среди кусковъ обоевъ, карнизовъ, розетокъ и другихъ обойныхъ принадлежностей, стоялъ портретъ Государя Императора, написанный художникомъ, академикомъ Вуринымъ. Вокругъ этого портрета, на прилавкахъ, на столахъ, стульяхъ, стѣнахъ и даже прямо на полу, лежали, стояли, висѣли, въ молъ-раста, въ ростъ величинной, въ бюстѣ, въ формѣ овала, въ формѣ четырехъ-угольной, въ рамкахъ и безъ рамъ, портреты, писанные масляными красками, и олеографіи, рекомендованныя г. Петѣ. Какъ портреты, писанные масляными красками, за исключеніемъ произведенія г. Вурина, такъ и олеографіи, казались намъ невозможными: они не могли бы, на нашъ взглядъ, удовлетворить самого невзыскательнаго покупателя; но торговля шла видимо бойко: за однимъ прилавкомъ портреты заштыковали въ бумагу для отправки, за другимъ — вѣшывали ихъ въ рамы, въ трѣпчепъ хвѣстъ къ олеографіямъ, которые

были заданы, когда Государь Императоръ былъ еще Государемъ Наслѣдникомъ, прикладывались бороды и т. д.

Въ естествомъ магазинѣ г. Фельтена выставлены портреты художника Шильдера — специалиста царскихъ портретовъ; въ магазинѣ г. Беггрова — акаварный портретъ художника Александровскаго и прекрасно раскрашенная фотография г. Прохорова, живущаго въ Академіи, мы встрѣтили то же, что и въ обойной лавкѣ г. Виноградова; тутъ также цѣлыми дюжинами, въ равныхъ углахъ кончатъ, на стульяхъ, стѣнахъ, столахъ, стояли и висѣли портреты, писанные то одной краской краской, то синей, то зеленой, то радужные; то Государь Императоръ былъ изображенъ во весь ростъ, на голубомъ небѣ, то въ облакахъ; но кто или чья клѣпка изощрилась надъ этими произведеніями — неизвестно. Въ обойной лавкѣ мы встрѣтили, какъ ужъ и замѣчено выше, портретъ г. Вурина, у Фельтена — г. Шильдера, у Беггрова — г. Александровскаго; тутъ же всѣ произведенія были безыменныя и общій уровень достоинства работы былъ ниже, чѣмъ работы художниковъ обойной лавки. Но оно и понятно: какой же портретъ масляными красками можно сдѣлать за 25 рублей, или — во весь ростъ, въ натуральную величину — за 150 рублей? Маленькій подрамникъ съ холстомъ стоитъ около 5 рублей, краски — столько же, гешейфъ г. Прохорова, за комиссію, долженъ равняться, по крайней мѣрѣ, 10 рубль, и того, на долю художника хорошо, если за полной портретъ, надъ которымъ онъ долженъ просидѣть день, или два, придется 5 рублей, а за портретъ во весь ростъ, требующій работы мѣсяца — рубль 25.

Намъ странно, отчего сама Академія не организовала эти заказы для учениковъ, подъ надзоромъ профессоровъ? Вѣдь понятно, что, живя въ Академіи, г. Прохоровъ пользуется именно этими источниками: ему работаютъ ученики, на долю которыхъ, при посредствѣ Академіи, негдѣ бы, можетъ быть, и гешейфъ, принадлежакій теперь за торговлю г. Прохорову, и которые, нѣтъ сомнѣнія, при контролѣ профессоровъ, сдавали бы работы несравненно лучше. Странно, какъ даже Академія дозволяла г. Прохорову такое, мистифирующее публику, объявленіе, и какимъ образомъ она не подумаетъ до сихъ поръ о томъ, какъ рекомендовать ее по Россіи г. Прохорову?.. Всѣ такіе изготовленія, какъ г. Прохорова, мы должны причислить къ любочиннымъ издѣліямъ, и, вмѣсто такого рода масляныхъ изготовленій, можемъ рекомендовать публикѣ прекрасныя, какъ раскрашенныя, такъ въ особенности нераскрашенные фотографіи, сдѣланныя съ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ г. Левинскаго. Это лучше, чѣмъ до сихъ поръ нѣтъся въ ядрахъ и что, при стоимости въ 5 и 15 р., по качеству, въ художественномъ отношеніи, несравненно выше сотенныхъ

и даже двухстенных произведений масляными красками. Приличнее и осмысленнее иметь художественную фототравюру, нежели лубочное произведение масляными красками.

За художественным же произведением масляной живописи необходимо адресоваться к художникам, имена которых известны. Ни один из художников с именьем не выпустит из своей мастерской не художественного произведения. Правда, тут не может быть цѣны — 150 или 300 рублей; но лучше затратить 1,000 рублей на дѣло, чѣм 300 рублей счесть.

Мы видѣли портреты, написанные В. Перовымъ для владимирскаго дворянства и земства; видѣли также портретъ К. Савицкаго, написанный для воровскаго дворянства. Портреты В. Перова, по живописи, по колориту, по симпатичности общаго тона и общаго характера — это рѣдкія и весьма изящныя художественныя произведенія. Тутъ все покойно, красиво, написано свѣжо, сочно; обстановка незамѣлительная, простая, но величественная и привлекательная. Портретъ В. Перова мы не пройдемъ, какъ официальное изображение Государя Императора. Нѣтъ, онъ васъ ослѣпляетъ, вы будете имъ любоваться, и, чѣмъ больше всматриваетесь, тѣмъ становится онъ для васъ пріятельнѣе и интереснѣе. Такихъ портретовъ не много. Портретъ К. Савицкаго обладаетъ своего рода достоинствами. Въ мастерской молодого художника Загорскаго мы встрѣтили цѣлый рядъ хорошихъ портретовъ, написанныхъ, по заказу, одной краской, но въ цѣль фотографіи. Вообще, что касается работъ, которыя намъ приходилось встрѣчать въ мастерскихъ художниковъ, то только такого рода работы и мыслимы для публичныхъ мѣстъ, гдѣ должны висѣть царскіе портреты.

Дворянства, земства и большіе присутственные мѣста, вторично еще разъ, мы предлагаемъ обращаться къ художникамъ; лучшими же портретами для выставокъ, камеръ мировыхъ судей и другихъ такого рода учрежденій мы считаемъ во всѣхъ отношеніяхъ незамѣлительной — фототравюру, стоящую 5 рублей, и раскрашенную, стоящую 15. Фототравюра эта, какъ по сходству, такъ и по изяществу работы, вполне можетъ быть названа художественнымъ произведеніемъ. Приобрѣсть ее можно въ эстампныхъ магазинахъ: Бетрова, Фальтена, Даміаро и другихъ.

1881.

XVI. Школа рисованія въ Солляномъ Городѣ*).

Такъ называемое «Центральное училище технического рисованія барона Штиглица» помѣщено теперь, съ музеемъ, въ нарочно устроенномъ для него зданіи, на средства, пожертвованныя барономъ. Помѣщеніе просторное и свѣтлое: музей и школы отданы лучшей залы.

Говорить о зарождающемся музее при школахъ мы предоставляемъ специалистамъ-археологамъ; сами же ограничимся однимъ замѣчаніемъ: какой бы ни былъ музей, но извлечь изъ него пользу можетъ только человѣкъ свѣдущій, и къ тому же обладающій большимъ педагогическимъ дарованіемъ.

Для школы съ музеемъ пожертвовано миллионъ рублей. Такое крупное пожертвованіе вполне обезпечиваетъ судьбу училища, а также и развитіе музея; но для насъ главный интересъ представляетъ сама школа и то, какъ ведется въ ней преподаваніе.

Вести какое-нибудь дѣло, имѣющее общественный характеръ, вести его неслабно, это дѣло въ дѣмъ, и знать, куда слѣдуетъ направить главное усиліе, чтобы выйти изъ напѣченной цѣли — способность весьма рѣдкая. Говорить въ настоящее время о томъ, что Центральное училище исполнитъ навѣрное свою задачу — нѣсколько преждевременно, тѣмъ болѣе, что еще не открыты и всѣ классы; но что необходимыя къ тому элементы на лицо — объ этомъ упомянуть обязательно.

Вопросъ: какъ учить рисованію у насъ въ Россіи? Вопросъ этотъ на столько скорный, что трудно встрѣтить двухъ художниковъ, одинаково объ этомъ думающихъ; что же касается какого-либо твердо установленнаго метода, — то, разумеется, что о немъ не можетъ быть и рѣчи. Дѣло обученія рисованію приходится вращать людямъ случайно охочимъ, что равняется достоинству главнаго выигрыша на лотоніи: въ единственномъ лотерейномъ билетѣ. Вслѣдствіе этого, волею-неволею приходится брать готовые приемы за моремъ. Въ «Центральной школѣ» методъ хотя и заимствованъ изъ Германіи, но представляеть нѣкоторыя отступленія. Само собою разумеется, что и при заимствованіи метода, результатъ можетъ быть все также сомнителенъ, если преподающій явится педагогическаго такта и дарованія. Стало быть, все сводится, какъ и вездѣ, впрочемъ, въ дѣлѣ обученія, къ личнымъ способностямъ. Эта способность есть просто талантъ, а не методъ. Этимъ мы не хотимъ отрицать значенія (и даже, если хотите, большого) метода; но мы утверждаемъ, что не онъ

* Эта статья была напечатана въ «Художественномъ Журналѣ» 1882 г., номеръ, безъ подписи автора.

играет главную роль в преподавании. В «Центральной школе», сколько можно судить по выставкам, устроенной 29-го декабря, к дню посвящения училища, счастье, если можно так выразиться, рѣшительно на сторонѣ новой школы. Очевидно, что администрація училища пригласила настоящего директора школы, выигравшего счастливый лотерейный билетъ. Люди, впрочемъ, сѣдущіе и раньше, при самомъ зарожденіи школы, года три назадъ, пророчили успѣхъ и одобрили выборъ директора.

Внимательно осматривая школьные рисунки, выставленные 29-го декабря, прежде всего слѣдуетъ признать, что въ преподаваніи есть очень исследовательный и рациональный общій планъ и порядокъ: видна твердая воля и ясно намѣченный мѣли. Не смотря на то, что учителей много, или нѣсколько, но всѣ они идутъ въ ногу, а это послѣднее качество отсутствуетъ, не только въ такъ называемой Академіи, но даже и въ школахъ Общества поощренія художниковъ. Къ чему это отнести: къ носталии или къ періодическимъ конференціямъ преподавателей, или всецѣло къ распоряженіямъ директора—не знаемъ; но, при нашихъ русскихъ порядкахъ, мы склонны приписать это инициативѣ одного директора. Кроме того, въ «Центральной школѣ» насъ поразила еще одна особенность, также указывающая на талантливость общаго характера преподаванія. Эта особенность заключается въ томъ, что всѣ ученики и ученицы кажутся одинаково способными, по разубѣденію, при первомъ общеніи, такъ сказать, обзоръ; въ действительности же, конечно, не можетъ этого быть. Это указываетъ только на то, что ученики «Центральной школы» знакомятся прежде всего съ первичными законами рисованія, какъ съ предметомъ общеобразовательнымъ. Что же касается того, что первичные законы преслѣдуютъ рисованію наравнѣ и съ точными науками—въ этомъ свѣдѣніи художники не сомнѣваются. Главныхъ основныхъ законовъ немного; всѣ они входятъ въ самый первичный и несложный рисунокъ, и пониманіе ихъ доступно какъ среднему уму, такъ и среднимъ способностямъ.

Въ заключеніе нашей бѣглой замѣтки о выставкѣ «Центральной училища рисованія», выскажемъ наше мнѣніе до конца: скажемъ, что не только учащіяся, но даже и многими изъ художниковъ не мѣшало бы взглянуть во все то, что мы видѣли на выставкѣ; нѣкоторые изъ выставленныхъ рисунковъ прямо наводятъ на мысль—какъ и чему слѣдуетъ учиться.

Школу рисованія барона Штиглица поощряемъ съ блестящимъ началомъ.

1882

XVII. Русскіе художественные критики.

(Письмо къ Н. А. Александрову*).

Вы желаете знать мое мнѣніе о художественныхъ критикахъ теперешняго времени, т. е. сегодняшняго дня? Но согласитесь, что это желаніе съ нашей стороны не только нескромное, но даже рискованное. Вообразите себѣ только, что мнѣ пришла бы въ голову охота вскопнить ваше желаніе серьезно, вѣдь я напишусь бы чего добраго и о васъ, такъ какъ вы считаетесь въ числѣ художественныхъ критиковъ тоже.

Положимъ, вы имѣли осторожность не прислать мнѣ своихъ собственныхъ статей по искусству, а ограничиться газетными, но вѣдь это плохая защита. Я ваши статьи знаю.

Такъ или иначе, а получивъ приглашеніе сотрудничать и на первый разъ высказать мнѣніе о художественныхъ критикахъ, я порѣшилъ оставить вашу просьбу безъ вниманія, какъ бы ни была нужна вамъ моя помощь. Я отъ этого уже отстаю.

Но, какъ видите, случилось иначе. Однажды я пересматривалъ присланные вамъ МХ газетъ и искалъ одну знакомую мнѣ подпись: «П. П.», желая возобновить въ памяти своей испытанное мною когда-то отъ чтенія его статей удовольствіе. Это было всегда дѣло что до неувѣренности, и, благодаря серьезности автора, истинно-комическіе періоды у него были построены всегда такъ забавно, что для меня читать статьи этого критика было настоящимъ наслажденіемъ. Конечно, много читать этого почтеннаго художественнаго критика было невозможно, потому что я всегда былъ нахвачиваемъ головною болью, если воспринималъ его періоды въ слишкомъ большомъ количествѣ, напирѣвъ въ объѣмъ даже хотя бы одного фельетона. Но, къ сожалѣнію, любимого моего критика статей не оказалось, да и другихъ изъ старыхъ знакомыхъ встрѣтилъ весьма немногихъ: собственно говоря, одного—это Эть^{*)}. Этотъ прилично выложенный и необыкновенно осторожный критикъ сталъ, если возможно, еще осторожнѣе, безцѣлнѣе и приличнѣе. Нѣтъ также нислослазкаго Кистина^{**)}, котораго, впрочемъ, читать бы я не сталъ, но, для порядка, его статьи должны были, какъ мнѣ казалось, находиться, его замѣнилъ какой-то никогдѣ въ «Новомъ Времени». Даже нѣтъ самаго шумнаго и вѣтерливѣваго критика: Стасова. Въ это этихъ старыхъ знакомцевъ, все какіе-то, должно быть, новые.

Одинъ молодецъ меня даже заинтересовалъ: это критикъ «Петербург-

*) Статья эта не была намечена, но называлась для «Художественнаго Журнала».

**) Здѣсь говорится о критикѣ Матушинскомъ, писавшемъ въ «Голосѣ».

*** Критикъ, писавшій въ «СПБ. Вѣдомостяхъ».

Ред.

Ред.

Ред.

снихъ Вѣдомъ», «г. Худ. А. Ледъ». Признаюсь, я не понималъ, что значить появленіе такого господина въ литературѣ: я ли перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Петербурга, вы ли тамъ переродились, но только, не мѣръ моего знакомства съ статьями г. Худ. А. Ледъ, я приходилъ все въ большее и большее изумленіе. И долженъ сознаться, что фигура эта производитъ впечатлѣніе: какого сорта—это другой вопросъ! Но только появленіе его, по-моему, не къ добру. То обстоятельство, что онъ непрялично и грубо стучитъ каблучками въ обществѣ, и передъ каждымъ сильно жестикуютъ, еще куда бы не шло, но вѣдь онъ изрекаетъ при этомъ невозможныя вещи. Какъ же, помилуйте, онъ говоритъ, что картина Кошелева «Погребеніе Христа» равна картинѣ Исаакова! Хорошо, что я видѣлъ самую картину Кошелева, въ Москвѣ, въ противномъ случаѣ я бы пошмыгалъ и обрадовался появленію новаго великаго таланта, и такимъ образомъ былъ бы въ дуракахъ. А между тѣмъ, онъ понинутно говоритъ: мы то-то говорили, мы того-то не одобряемъ, искусство гибнетъ, художники русскіе—алтынники, а вотъ заграничныя художники чудесныя, нравственныя, а еще лучше были Фидіасъ и Праксители, никакъ не побороть съ народа не дѣлаемые, а наши-то художники, ратуяшіе въ пользу меньшей братіи, захлопываютъ передъ музикою плотно двери выставокъ. И, нагородивши чепухи съ три короба, наконецъ восклицаетъ съ пафосомъ: «Спрашивается, какая цѣль писать картины обличительнаго свойства и отнять возможность ихъ видѣть у тѣхъ, ради кого ихъ пишутъ?» Знаете, воля ваша, а когда встрѣтишь помѣщеніемъ въ одной головѣ столь удивительныя логическія востроенія, то съ неудержимымъ любопытствомъ захочется узнать подробности механику головы подобнаго господина, потому что глупость въ огромномъ количествѣ такъ же рѣдка, какъ узнъ и таланты. И потому, бывають времена не особенно благоприятныя для развитія, или по крайней мѣрѣ, поощренія... Намъ быка общественная ихъ убиваетъ въ зародкѣхъ, и... бывають трудно развиться до замѣчательной высоты. Препяніе... оставались какъ бы приприслуженны и служили только для увеселенія, теневериннымъ же, должно быть, есть ходъ, и вотъ является та-кая вершитель вопросовъ искусства, какъ г. Худ. А. Ледъ. Что онъ ограничѣнъ, это не порокъ ихъ личный, но что онъ гадитъ, это порокъ за-правителей печати; отбирать то, что можно назвать правдой въ статьяхъ подобнаго господина, а она и у него есть укасна! не стѣбитъ, потому что все это перемусолено, верепачкало и такъ загрязнено ложью, злобою, ограниченностью и какимъ-то допотопитымъ ханжествомъ давно исчезнувшихъ съ лица земли идолопоклонниковъ искусства, что даже вступаться за уваженіе имени, который онъ волочитъ за грязью, не хватаетъ рѣшимости, потому что... очевидно до того почувствовалъ свою силу, его такъ

долго оставляли вы на свободѣ, что я положительно чувствую, что всякій кто вздунастъ заступиться—получитъ только потокъ ругательствъ, и въ результатѣ произойдетъ уличный скандалъ. На это у меня нѣтъ храбрости, сознаюсь.

Отыскивать, разъяснять и указывать противорѣчія въ статьяхъ, которыя всѣ сплошь въдолъ, и поперекъ—противорѣчія, я тоже не буду, потому что для этого надо пересчитывать всѣ его статьи цѣликомъ, и къ каждой строкѣ дѣлать приписки. Слишкомъ много чести: онъ подумаетъ, что и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ можно заниматься въ серьезъ. Лучшее, что можно было бы сдѣлать—это извлечь элементы коняческіе: есть и такіе въ его статьяхъ! Это, по крайней мѣрѣ, утѣшительно, потому что не дѣлай онъ смѣшныя рожи, не обнаруживай... панибратства съ техникой искусства, явленіе такого критика было бы отвратительнымъ, го я и на это не чувствую себя расположеннымъ. И ко всему-то этому онъ еще и либераль! Господи Боже—часъ отъ часу не легче! Онъ даже грозитъ Академію художествъ! Ну, и воображаетъ же себѣ, если случится такой пошоръ, что Академія проснется отъ шума... погрешуешь г. Худ. А. Ледъ? Каково это? Вѣдь Академію будятъ чуть не 20 лѣтъ, и не могли разбудить отъ летаргическаго сна не только логическія и громкія рѣчи свѣдущихъ людей, а даже колокола Стасова, а тутъ пробужденіе отъ возни, съ позволенія сказать, Худ. А. Ледъ?! «Бѣтъ отъ чего въ отчаяніе придти!»

Какъ я ни желалъ бы очищенія воздуха въ области искусства, но буду молить боговъ, чтобы мнѣ не дожить до торжества и ликованія глупости надъ здравымъ смысломъ. И такъ, констатирую фактъ—онъ ко всему прочему еще и храбрый человекъ! Сначала мнѣ попалась статья, гдѣ онъ напустился на Академію: я было зашпандорывалъ даже, когда онъ началъ отбѣивать ея чиновниковъ, и хотя я самъ лично не знаю, какіе проступки по должности совершили чиновники, но былъ увѣренъ, что ихъ предадутъ суду наѣрное, послѣ оглашенія критикомъ ихъ преступныхъ дѣйствій. Теперь только, послѣ болѣе близкаго знакомства съ характеромъ статей г. Худ. А. Ледъ (и когда мнѣ стало ясно, какая онъ важная особа, и почему онъ позволяетъ себѣ покривлять на всю художественную братію одинаково, а догадываюсь, что это вѣроятно не болѣе, какъ маневръ съ его стороны. Наѣрное), я начинаю думать, что если Академія и проснется, то не для чего другого, какъ только, чтобы помянуть художественнаго притика къ себѣ. Ахъ, это было бы прекрасно! Потому что во 1-хъ, Академіи нужны рѣшительные люди, а этотъ господинъ очевидно рѣшительный. Во 2-хъ, получить по горло дѣла въ Академіи, Худ. А. Ледъ, версталь бы писать столь пространные фельетоны, а если и не утвердилъ бы, то, я думаю, ограничивался бы только короткими угрозами: за-

что художники берут за вход на выставки четвертаки и тридцати-копеечники, а не дѣлаютъ мольбу народу вступѣ—такъ какъ это ихъ малая обязанность, ибо Екатерина Великая возложила это дѣло на Академію, но какъ всѣ художники были ея питомцами, то и должны объ этомъ стараться. Это не логично, но въ духѣ критика. И наконецъ, 3-е (ахъ, это самое желательное!): онъ, Худ. А. Лед. такъ, повидиному, искренно ненавидитъ гг. Якоби, Орловскаго, Клевера, что еслибы его приставили къ тамошнему дѣлу, то онъ бы съ ними по... помирился!! (Но нѣтъ, это было бы слишкомъ!) Хорошо! Воюю, что Академія не догадается! А что онъ тогда помирился бы навѣрное—это я даже знаю. (Слышалъ рассказы легендарные объ удивительной способности таизъ живущихъ укрощать строитныхъ). Конечно—я отъ васъ не скрою, что необудительная причина желать этого, это боязнь, чтобы честь дѣйствительнаго пробужденія Академіи не вывала на долю паяку, но если вѣрныя Алаха такковы, то... пусть это и случится. Только бы поскорѣй, потому что, воля ваша, а читать еще фельетоны Худ. А. Лед.—это будетъ наказаніе свыше гѣры нашей грѣховности.

Расскажу, въ заключеніе, курьезъ, который со мной случился, благодаря чтенію статей Худ. А. Лед. Перечитавъ ихъ нѣсколько и наткнувшись на какія-то неомыслимыя мнѣ техническія слова, я догадывался, что критикъ, должно быть, знатокъ маларнаго дѣла: онъ, какъ свой человѣкъ, такъ и сыплетъ словами: блики, тѣни, подтопы, лѣпка и проч. и проч., что хотя и очень рѣдко, но все-таки встрѣчалось, сколько помнится, въ статьяхъ прежнихъ критиковъ, и потому я еще держался на уровнѣ послѣдняго просвѣщенія, но въ послѣднемъ его фельетонѣ, по поводу 10-й нерединной выставки, я наткнулся на одно такое выраженіе, которое воистину, собственными усиліями, къ сожалѣнію, не могъ, и долженъ былъ отправиться въ Москву къ знакому художнику*).

Говоря о какой-то картинѣ Бодаревскаго (кстати, что это за Бодаревскій?), который написалъ пейзажъ лучше Куинджи, и тотъ же самый, который изображенъ извѣстнымъ художникомъ, критикъ говоритъ, что Куинджи свою картину «залесировалъ бѣлками съ брамротомъ». Я просто, признаюсь, ротъ разинулъ отъ удивленія: что это за штука такая?! Пожмижъ, бѣлка—краска, но что такое за брамротъ? Неужели тоже краска? Ну, а залесировалъ? Приизнаюсь, я подумалъ прежде всего, что это какое-нибудь новое слово въ литературѣ, и, значитъ, кѣмъ же я отсталъ! Я чувствовалъ, что въ этомъ узлѣ разгадка паденія Куинджи, и что не сдѣлавъ онъ этого непростительнаго проступка, его картина была бы хороша. Дѣлать нечего,

поѣхалъ въ Москву. Когда я художнику задать вопросъ: хорошо ли намъ худо залесировать бѣлками съ брамротомъ картину, то онъ до такой степени посмотрѣлъ на меня удивленно, что я подумалъ, что ну, конечно, и онъ не знаетъ: очевидно, въ Москвѣ всѣ отстали отъ искусства. Понемногу, однакожъ, мы столкновались, и я кое-что узналъ, хотя не вполнѣ (ради Бога, вѣдь это интересная вещь,—узнайте тамъ, у себя, поподробнѣе эту интересную штуку), потому что—я узналъ только, что слово «залесировать» означаетъ какую-то манипуляцію, а «брамротъ» дѣйствительно краска, но почему отъ смѣшенія этихъ двухъ злостныхъ красокъ портятся картины художниками, даже спеціалистъ не могъ съ достаточною убѣдительною мнѣ объяснить. Узнайте тамъ, въ Петербургѣ, пожалуйста, объ этомъ досконально, и сообщите мнѣ. Это штука, должно быть, интересная! Да-съ, это не то, что прежде. Прежде, бывало, критики выныли къ общему закону изначнаго и старались дѣйствовать на убѣжденія: теперь эти иереміи бросили, теперь выступили свой человѣкъ, и знаютъ, о чемъ онъ говоритъ, а съ публикой, и вообще съ людьми несогласными, не разговариваетъ, какъ съ людьми образованными, а прямо изрекаетъ, что всѣ паяжники и писавшіе объ искусствѣ иначе чѣмъ онъ, Худ. А. Лед., суть глубокіе невіжды! Храбро! Вы знаете, что у меня была слабость всегда къ храбрецамъ всякаго рода, но храбрецъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» особый. Онъ, очевидно, считаетъ себя настоящимъ художественнымъ критикомъ. Сколько онъ раздаетъ совѣтовъ художникамъ, въ родѣ бликовъ и тѣней! Онъ полагаетъ себя тѣмъ смѣлѣе, что его до сихъ поръ не моймали еще никто за шиворотъ и не выбрасывалъ изъ литературы.

Настоящая причина моего письма только та и есть, чтобы выразить передъ вами мое изумленіе по этому поводу. Я знаю, что художественнымъ критикомъ быть не легко, тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ нуженъ своего рода Вѣлискій, но все-таки писали же когда-то люди кое-что понимающіе: Ковалевскій, Стасовъ, Праховъ наконецъ, и куда же они дѣвались, чтобы уступить мѣсто г. Худ. А. Лед.? Положимъ, время такое—но все же...?

1882.

XVIII. Выставка Айвазовскаго *).

Нѣсколько времени тому назадъ, въ Академіи художествъ была выставка Айвазовскаго. Не то чтобы мы были въ долгу передъ читателями по поводу этой выставки, но мы въ долгу передъ Айвазовскимъ

* Настоящая статья должна была печататься безъ подписи Крамного, и имѣть видъ, какъ будто писана имъ все же мнѣ. Ред.

* (Статья эта не была написана, а называлась для «Худож. Журнала». Ред.

вообще. Сорочка летя уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ имя Айвазовскаго сдѣлалось извѣстно. Талантъ его слишкомъ давно оцѣненъ во достоинство, и печатью, и обществомъ, и потому пускаться вновь въ критическіе разговоры дѣло излишнее. Что могъ бы позволить себѣ критикъ — это подводить итоги, но въ виду новыхъ подвиговъ оказывается и это не совсемъ удобно. Никто не можетъ сказать, тѣмъ можетъ раздѣлиться въ будущемъ Н. К. Айвазовскій. Одно время, летъ 10 назадъ, казалось, что талантъ его неиссякаемъ, изсилъ, и что онъ только повторяетъ себя, и тѣмъ дальше, тѣмъ слабѣе, но въ послѣднее время онъ далъ опять доказательства своей огромной живучести. Въ прошломъ году было 4—5 картинъ замѣчательныхъ, а въ этомъ году одна, называемая «Передъ Бурей», была такого высокаго художественнаго содержанія, что величіе океана и небесъ, этихъ двухъ стихій, подавляющихъ человѣка, было передано съ небывалою у самого Айвазовскаго силою. Много на своемъ языкѣ онъ написалъ хорошихъ морей, бурь и проч., но такого, намъ кажется, еще не было. Картина его была на выставкѣ не одна, ее сопровождали нѣсколько другихъ, всѣхъ около 10-ти. Между ними были, какъ всегда, три—четыре вещи обыкновеннаго уровня. Говорятъ—обыкновеннаго уровня, надо разуть уровень такого высокаго художника, какъ Н. К. Айвазовскій. Кромѣ этихъ, какъ всегда, впрочемъ, были и увлеченія, надрингъ «Переправа черезъ Востокъ» древняго персидскаго войска на греческую сторону», гдѣ эффектъ персидскихъ золотыхъ кораблей на солнцѣ долженъ былъ играть важную роль, но какъ Айвазовскій—художникъ личныхъ впечатлѣній по вѣроуверенію, притомъ такой школы, которая не углубляла свое дѣло этюдными, а ктому онъ носить чередатъ, и даже съ поразительною вѣрностью, тѣ предметы, которые онъ когда-либо видѣлъ и наблюдалъ, а кораблей, силосъ залитыхъ золотомъ, онъ въ своей жизни навѣрное никогда не видѣлъ, да еще въ такой массѣ, потому-то и эффектъ вышелъ блѣдный, и, скажемъ прямо—претенціозный. То же можно сказать и о его страсти писать фигуры, да еще въ большомъ размырѣ. Кромѣ того, есть еще сторона уязвимая въ пейзажахъ Айвазовскаго: это закаты. Желто-красные тоны заходящаго солнца рѣшительно никогда не находились въ гармоніи съ синими тонами неба и тѣней. Что-нибудь одно изъ двухъ—если признать вѣрными желто-красные, то синіе тоны невірны, если же признать вѣрными синіе, то, обратно, не годятся красноватые. Тоны же солнечныхъ тумановъ полуденнаго солнца и всѣхъ отблѣсковъ свѣта для всегда и безусловно вѣрны и правдивы, и почти всѣ картины, написанныя въ послѣднихъ тонахъ—безумнодобны.

1882.

XIX. Замѣтки объ Артѣли художниковъ и Товариществѣ Передвижныхъ выставокъ*).

...Художественная Артѣли возникла сама собою. Обстоятельства такъ сложились, что форма взаимной помощи сама собою навазымалась. Кто первый сказалъ слово? Кому принадлежитъ мочина—право не знаю. Въ нашихъ собраніяхъ, послѣ выхода изъ Академіи въ 1863 году, забота другъ о другѣ была самымъ выдающимся заботою. Это былъ чудесный моментъ въ жизни насъ всѣхъ... Для нашего искусства пришелъ чудесный моментъ... Конечно, составъ Артѣли былъ случайный. Конкуренты, отказавшіеся отъ права вѣздки на казенный счетъ за границу и очутившіеся въ необходимости держаться другъ за друга, не всѣ были люди убѣжденных. Малая стойкость, недостаточная сила нравственная обнаружилась у нѣкоторыхъ между ними. И оттого Артѣли просуществовала недолго, всего только летъ 5—6... Перестала существовать Артѣли, но на ея мѣсто вступило новое сообщество художниковъ. Зимною 1868—1869 года, Мясоедовъ, возвратившись изъ Италіи, бросилъ въ Артѣли мысль объ устройствѣ выставки нашихъ-либо кружкомъ самихъ художниковъ. Артѣли съ большимъ сочувствіемъ приняла новую мысль. Это былъ не только настоящий выходъ изъ тогдашняго отчаяннаго положенія Артѣли, но еще громадный шагъ впередъ.

До 1859 года, выставки въ Академіи художествъ были безплатны. Въ 1858 году, въ первый разъ пустили публику на выставку за деньги. Это было и нехорошо, и несправедливо. Академія—учрежденіе государственное. Своими выставками она отдаетъ отчетъ и государству, и обществу, въ веденіи вѣреннаго ей дѣла. На выставки она ничего не затрачиваетъ. Противъ впуска на выставку въ Академію, за деньги, раздалось голоса отовсюду. Какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ средѣ художниковъ, сильно заговорили о томъ: куда дѣваются деньги, собранныя съ выставокъ...

Однако же предложеніе Мясоедова** не точно такъ осуществилось. Но, проживая въ 1869 году въ Москвѣ, Мясоедовъ возобновилъ такъ свою пропаганду. Московскіе художники: Перовъ, В. Маковский, Принци-

*) Эти замѣтки написаны Крамскимъ по просьбѣ В. В. Стасова, какъ матеріалъ для его статьи: «25 лѣтъ русскаго искусства» и вошли въ составъ ея («Вѣстникъ Европы», 1882, декабрь, стр. 635—637).

Ред.

**) Предложеніе образовать Товарищество, которое само заботилось бы своими художественными дѣлами и вѣзело бы свои выставки по Россіи.

Ред.

никовъ, Саврасовъ, съ жаромъ принявъ мысль его, и въ концѣ 1869 года предложили петербургской Артели соединиться всѣмъ въѣсть и образовать новое общество. Когда на одномъ изъ тогдашнихъ четверговыхъ собраний Артели, гдѣ много бывало и постороннихъ, предложили на обсужденіе эту идею, какихъ коммитаментовъ насладушались мы, какія восторженные рѣчи были произнесены, и, наконецъ, какія подписи были даны тутъ же, и какими личностями! Тутъ уже дѣло загорѣлось и можно было быстрыми шагами впередъ. Я призывалъ товарищей разстаться съ душной курной избой, и построятъ новый домъ, свѣтлый и просторный. Всѣ росли, всѣмъ становилось уже тѣсно. Около того же времени, возвратился изъ Италіи Гѣ, и заговорилъ о Товариществѣ, какъ о дѣлѣ, ему уже известномъ... Черезъ годъ «Товарищество», уже утвержденное правительствомъ, начинало свою дѣятельность...

1882.

XX. Выставка Верещагина въ Вѣнѣ.

(Письмо къ А. С. Суворину *).

30-го ноября 1885 года, С.-Петербурга.

Многоуважаемый Алексѣй Сергѣевичъ. Только что получилъ письмо изъ Вѣны отъ очевидца выставки Верещагина. При письмѣ приложены нѣкоторыя фотографіи и каталогъ. Фотографіи именно съ тѣхъ картинъ, которыя производить наибольшую сенсацию и интересовали даже вѣнскаго артезианскаго. Честъ во всякомъ случаѣ исключительная для художника! Теперь уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такое Верещагинъ. Къ сожалѣнію, человекъ этотъ выпустилъ изъ рукъ самую завидную роль, которая когда-либо доставалась или напрашивалась художнику. Въ немъ соединились почти всѣ условія для такой роли: большой талантъ, огромный умъ, весьма разностороннее образованіе, насльдственные денежные средства (для художника довольно солидные) и неареклонный характеръ. Чего-жъ ему не доставало, чтобы выполнить задачу? А что задача художественная нѣмъ не выполнена, это теперь уже вѣтъ спора и сомнѣній. Нѣмскій критикъ (Пехтъ?), отзывъ котораго былъ приведенъ въ «Новомъ Времени», въ общемъ недоволенъ Верещагинымъ, и за многое его осуждаетъ, къ сожалѣнію, только, насколько не убѣдительно, потому что съ той среднѣйшней точки зрѣнія, на которой стоитъ нѣмскій критикъ, позиція

Верещагина неуязвима, и Верещагинъ можетъ отвѣчать на обвиненія съ олимпійскимъ спокойствіемъ: «Покароно благодарю! Вы полагаете, что приемы Рафаэля или Рубенса обязательны и теперь? Ну и прекрасно, продолжайте себѣ полагать на здоровье!» (Уже одно соединеніе такихъ двухъ именъ крайне неудачно). Одно замѣчаніе тамъ есть вѣрное: это несоответствіе развѣровъ холста съ содержаниемъ картины, что очень часто встрѣчается у художниковъ вообще, но что у Верещагина быть не должно. Между тѣмъ, ничтожѣйшее содержаніе помѣщено на огромномъ полотнѣ и, наоборотъ, серьезный и глубокий мотивъ на маленькомъ, да въдобавокъ и исполненъ кое-какъ, эскизно и на-скоро. Кромѣ этого, все остальное въ статьѣ нѣмецкаго критика — профессорская болтовня, не больше. Нѣтъ; Верещагина необходимо судить на нихъ основаніяхъ: во-1-хъ, на основаніи тѣхъ цѣлей и задачъ, которыя художникъ самъ себѣ поставилъ, и которыя онъ столь громко пропалагандируетъ своими каталогами, и которыя я готовъ принять въ серьезъ; во-2-хъ, на основаніи того простого здраваго смысла, который надѣлено, къ счастью, большинствомъ людей, и въ 3-хъ, на основаніи теорій, нигдѣ еще не записанной систематически, но такой, которая, одна-конецъ, проходитъ красной нитью по всѣмъ художественнымъ произведеніямъ второй половины XIX столѣтія. Въ чемъ эта послѣдняя теорія состоитъ — и формулировать не берусь, но путемъ вопросовъ по существу надѣюсь хотя нѣсколько ее обнаружить и наизвѣстѣ общее расположеніе.

Вопросъ первый: что такое картина? Такое изображеніе дѣйствительнаго факта или вымысла художника, въ которомъ въ одномъ заключается все для того, чтобы зритель извѣлъ въ чемъ дѣло; чтобы было начало и конецъ, и чтобы для объясненія одного холста не надобно было бы другого, во что бы то ни стало. Верещагинъ сплошь и рядомъ нарушаетъ это основное положеніе, напр. солдаты на часахъ на высотахъ Шинки, заспанной свѣтлѣ, расположенный по-дѣтски на 3-хъ холстахъ: на одномъ онъ еще виденъ, на другомъ до половины засыпая свѣтлѣмъ, а на третьемъ что-то уже безформенное; всѣ три мѣтъ однимъ названіемъ: «На Шинкѣ все спокойно!», и въ припискѣ сказано: «донесеніе генерала Радецкаго тогда-то». Положимъ, что у Верещагина есть и кромѣ этихъ кое-что поважѣе, есть коллекція картинъ (ташкентскихъ), которыя, будучъ взяты въ вѣсть, производятъ извѣстное впечатлѣніе, но и въ ней дѣло положено, правда, независимая одна отъ другой, изъ которыхъ одна этнографическая (лучшая), другая же, посвящая названіе «Поэмы въ 9-ти картинахъ» (2-хъ картинъ же доставало, и онѣ такъ и не были написаны). Вотъ эта-то половина и состоитъ не изъ картинъ въ тѣсномъ смыслѣ, а, такъ сказать, изъ главъ какой-то книги, въ которой, между прочимъ, есть пирамида черемовъ, посвященная всѣмъ великимъ завоевателямъ промед-

* Эта статья не была напечатана, и даже осталась неосвоенною, потому что самъ авторъ намѣтилъ, что она «вышла и сдѣлалась, и дѣлается неубѣдительно» (см. выше, письмо къ А. С. Суворину, отъ 12 декабря 1885, № XXXXXVI).

жаго, настоящего и будущего времени, так что каждая картина должна быть разсматриваема в связи с другими: тогда только можно понять, что, собственно, хочет сказать автор. И так как поэма осталась неоконченной, то и понять вполне, что сказано, невозможно, а потому невозможно и критиковать его идеи. Между теми картинами, сами по себе взятые отдельно, не настолько разработаны, чтобы сделаться драгоценными для зрителя, не смотря на свой часто блестящий колорит. О картинах из последней турецкой войны приходится сказать тоже самое, что и о поэме в 9-ти картинах. Будучи собранными вместе, они навоят зрителя на извѣстные мысли. Здѣсь и художник достигает намеренной им цѣли, только, из сожалѣнія, въ ущерб своей художественной репутаціи. Такъ какъ ни одна картина не кончена, какъ картина, то у зрителя возникаетъ неудовольствіе: зачѣмъ эта книга написана на такихъ грошевыхъ листахъ? Было бы и цѣлесообразнѣе, и лучше, если бы мысли художника были распространены посредствомъ литературы въ одной маленькой книжечкѣ.

Рядомъ съ картинами войны были выставлены этюды и нѣсколько картинъ изъ путешествія въ Индію. Этюды — большинство, превосходные, и нѣкоторые выше всякой похвалы. Скажутъ: все-таки, стало быть, средства живописи ярче слова въ извѣстномъ случаѣ и въ извѣстномъ настроеніи, и что живопись сильнѣе литературы въ своей сферѣ. Это правда, но въ такомъ случаѣ пусть кто-нибудь докажетъ, что такіе холсты Верещагина, какъ «Взѣздъ принца Уэльскаго въ Джайпуръ», или «Бѣлая нечѣсть», или еще бѣлая стѣна съ бѣлыми фигурами индусовъ (послѣдняя выставка въ Петербургѣ), или видъ Кремля — суть картины.

Вопросъ второй. При какихъ условіяхъ картина становится художественнымъ произведеніемъ? Художественное произведение, возникающее душой художника органически, возбуждаетъ (и должно возбуждать) въ себѣ такую любовь художника, что онъ не можетъ оторваться отъ картины до тѣхъ поръ, пока не утолитъ всѣхъ своихъ силъ для ея исполненія; онъ не можетъ успокоиться на однихъ намѣнкахъ, онъ считаетъ себя обязаннымъ все обработать до той ясности, съ какою предметъ возникъ въ его душѣ. И когда его дѣло сдѣлано, то зритель, привлекаемый къ картинѣ сначала чисто-притягательною живишностью, чѣмъ больше смотритъ на эту живишность, тѣмъ болѣе наслаждается, тѣмъ болѣе замѣчаетъ деталей, а если художественное произведение живописи имѣетъ еще идею, содержаніе, то удовольствіе возрастаетъ и переходитъ наконецъ въ убѣжденіе, что та сторона жизни, какую показываетъ художникъ, никакими иными средствами, кромѣ живописи, и не могла быть передана съ болѣею убѣдительною. Такого рода картину вы можете вынуть изъ общей кол-

лекціи, составить ее отдѣльно, и въ этомъ случаѣ она не только не проиграетъ, а, напротивъ, выиграетъ. Въ ней, какъ въ драмѣ, есть начало и конецъ, а исполненіе характерно, отдѣлка предметовъ всякій разъ будутъ давать новую пищу человѣческому вниманію. Поэтому-то и въ достаточнаго предѣла въ исполненіи, и художникъ всегда будетъ жалеть еще болѣе выпукло реализовать людей и природу. Намеки же годятся только для иллюстрацій, на что никто и не тратитъ вниманія болѣе 5 минутъ, совершенно достаточныхъ для уразумѣнія изображенія. Если у художника нѣтъ стремленія оканчивать картину, то, или художникъ самъ не любитъ свое произведение, или оно есть плодъ одной холодной мысли и предвзятыхъ намѣреній. Въ обоихъ случаяхъ нѣтъ живописца — не картина сама по себѣ, а что-то другое. Люди, знакомые хорошо съ произведеніями живописи практически и теоретически, знаютъ также, что слишкомъ долгое и кропотливое оканчиваніе часто есть смерть картинѣ; но большой талантъ тѣмъ и отличается отъ малаго, что очень скоро научается и останавливается въ равновѣсіи. Могутъ быть случаи, заставляющіе и великій талантъ торопиться окончаніемъ своихъ произведеній, но это не имѣаетъ ему производить все-таки свое дѣйствіе. Достоевскій въ литературѣ очень природный здѣсь примѣръ; Тургеневъ, не имѣвшій нужды торопиться, можетъ быть обратнымъ примѣромъ. Верещагинъ между художниками поставленъ почти такъ же, какъ Тургеневъ между литераторами. Эта оговорка необходима для устраненія недоразумѣній относительно причины извѣстной неоконченности исполненія Верещагинскихъ картинъ. Возникаетъ вопросъ: есть ли у Верещагина картинъ въ вышеуказанномъ смыслѣ? Есть, и довольно порядочное количество. Въ 1868 году, въ зданіи министерства государственныхъ имуществъ, была этнографическая тапшкентская выставка, послѣ покоренія этой страны, на которой и были выставлены тогда первыя 22 картины Верещагина. Выставку эту я помню слишкомъ хорошо, былъ на ней много разъ, и все съ большимъ удивленіемъ и удовольствіемъ любовался его картинками, сознаніемъ, какая великая сила заключена въ неизвѣстномъ тогда имени. Недостатки его и тогда были для меня очевидны: рыжеватый-черный колоритъ и нѣкоторая деревянность чертъ и формъ. Оба недостатка можно было отнести къ неопытности и, такъ сказать, молодости; и, дѣйствительно, отъ рыжеватого-чернаго колорита онъ очень скоро и блистательно освободился. Второй же недостатокъ: не достаточно тонкое и недостаточно гибкое чуткое чувство, заставляло тревожно и съ сомнѣніемъ смотреть на будущее, потому что этотъ недостатокъ очень серьезный. Но какъ бы то ни было, а только на той выставкѣ была картина «Опіумъ-бѣды», самая великая и замѣчательная вещь, когда-либо написанная Верещагинскимъ. Выставка 1874 г. (тшкентская)

была несомненным шагом вперед во многих отношениях и особенно в смысле колорита, свободы и умения распоряжаться массами, но рисунок обнаружил неоправданный и органический недостаток художника. (Это и было мною в свое время высказано в письмах, по обязанности). Говоря о рисунке, я должен сдѣлать тщательное его определение и указать, почему он имѣет такую роковую связь съ внутренним миром художника.

Рисунок — это не есть только видныя черты, или очертаніе предмета. Вь смыслѣ грамматики, Верещагинъ рисуетъ вѣрно и даже прекрасно, но черта его права и угловата, не поддается движенію и не передаетъ всѣхъ изгибовъ тѣла или матеріи. Тушевка и свѣтотѣнь не подражаетъ природѣ въ переходахъ и едва уловимыхъ поворотахъ плоскостей. Все тонкое отброшено, но не потому, что этого не нужно, а потому, что художникъ этого не можетъ сдѣлать, а не можетъ онъ сдѣлать потому, что онъ этого не чувствуетъ, а такъ какъ онъ этого не чувствуетъ, то его прямой расчетъ это игнорировать. Пока онъ былъ молодъ, учился, мучился, наблюдалъ, онъ старался и хотѣлъ сдѣлать, и, не смотря на хотѣніе, не могъ. Это и было ясно въ первый же моментъ его появленія. И хотя былъ тутъ же рядомъ другой недочетъ колорита, но недостатокъ колорита поддается болѣе культурѣ, а если и не поддается, то и безъ него главныя свойства живописи могутъ дать все, что нужно. Недостатокъ колорита, собственно говоря — видный недостатокъ, недостатокъ наряда перьевъ для привлеченія къ себѣ вниманія; тогда какъ недостаточное чутье формы лишаетъ человѣка владѣть выраженіемъ лица. У тѣхъ, кто призванъ къ живописи, какъ искусству передавать внутренний міръ человѣка видными формами — чувство волнующееся и движущееся линіи и формы ужасно развиты. Человѣкъ, такъ сказать, съ этимъ рождается, и этому не учатся. Учатся общими размѣрами, отношеніямъ, пропорціямъ человеческого тѣла, до нѣкоторой степени учатся взаимодѣйствию формъ, т. е. механикъ движеній, но никто не можетъ научить другого почувствовать, на сколько минимальныхъ линій одна плоскость выше или ниже другой, или подъ какимъ угломъ (до нѣизвестной степени) одна плоскость наклонна къ другой. Начинающему (если онъ самъ не увидитъ и не почувствуетъ) можно указать, объяснить, и онъ восприметъ умомъ, до нѣизвестной степени; но все его усилія практически приложить къ дѣлу не увѣличаются успѣхомъ, и никогда этимъ онъ не овладѣетъ, если чувство къ тону въ немъ отсутствуетъ. Повторю, съ этимъ рождался. И если этимъ качествомъ кто обладаетъ, онъ, стало быть, обладаетъ самымъ могущественнымъ средствомъ живописи, и только тому можетъ быть доступно рѣшеніе высшихъ живописныхъ задачъ. Верещагинъ никогда, за

исключеніемъ первыхъ его вещей, не ставилъ себѣ задачей выраженіе человеческого лица самого по себѣ, — онъ всегда предпочиталъ перенести выраженіе на всю фигуру, или, еще лучше, на много людей, на фонтъ, на пейзажъ и т. п., уклоняться отъ рѣшенія настоящей художественной задачи и замѣнить все это живописью, блескомъ, сюжетомъ... «Позвольте, останавливаю васъ, вы обмолвились словомъ «сюжетъ»; развѣ это не важно? И не обличаетъ сюжетъ богатства воображенія и наблюдательности художника?..» — Еще бы, конечно, обличаетъ, и у Верещагина есть сюжеты, напримеръ «Переодѣваніе», или, какъ она была названа: «Побѣдители», гдѣ турецкіе солдаты примѣряютъ русскіе мундиры и саблѣи. Эта картина одна изъ лучшихъ послѣ первыхъ картинъ. Но не угодно ли теперь взять эту картину изъ коллекціи и поставитъ ее поближе къ интимной жизни человѣка, выдержитъ ли она пробу продолжительнаго разсматриванія: что въ ней остается, за исключеніемъ сюжета, такого, что дало бы ницу уму и чувству надолго? Не надобно, впрочемъ, унижать достоинства дѣйствительныхъ, гдѣ они есть, и надобно оговориться, что картина эта, кромѣ сюжета, интересна со стороны живописи. Въ ней необыкновенно вѣрно трактованы массы: люди къ пригорку и общему фону; отношеніе всего этого къ небу, и какъ вѣрно на всемъ этомъ лежитъ свѣтъ! Но человеческія лица отсутствуютъ: выраженіе на нихъ намѣчено слишкомъ общими массами; понять выраженіе можно, но увидеть живую душу человѣка нельзя. Все слишкомъ — эскизъ и намекъ. Достаточно ли этого всего для торжества новаго искусства передъ прежнимъ — не знаю, но что оно не удовлетворяетъ присущаго всѣмъ чувства зрѣнія — это вѣрно. Человѣчество всегда дорожило тѣми художественными произведеніями, гдѣ съ возможной полнотой выражена драма человеческого сердца, или, просто, внутренний характеръ человѣка. Часто изображенія одного только характера бывають достаточно, чтобы имя художника осталось въ исторіи искусства. Однажды, дѣло это, говорить, минувшее; подобная задача падла осломину, — пора вывести хоры, заставить говорить исторію (т. е. ту среднюю, которая складается изъ взаимодѣйствія миллионовъ единицъ?)). Нечего копаться въ малостяхъ съ микроскопомъ. — Прекрасно, применитъ это провозглашеніе всерьезъ, и посмотритъ, насколько Верещагинъ выше своихъ современниковъ, бравшихся за подобныя же задачи.

Онъ, какъ художникъ самой послѣдней формации, дѣйствительно, послѣ 22-хъ картинъ и этюдовъ, круто повернулъ на новую дорогу. Выше я ска-

*) Намекъ на слова Н. В. Стасова («25 лѣтъ русскаго искусства»): Верещагинъ есть, но вренуществу, живописецъ лишь, хороше, точно такіе, какъ и Рѣпинъ... Они и не думаютъ о рѣшенихъ задачъ и преміахъ; у нихъ впередъ глаза — видныя «народъ»... и т. д.

Ред.

заял причину этого поворота, и теперь прибавлю, что пройденный Верещагинский путь сдѣлалъ его уже неспособнымъ возвратиться къ началу: поваробовать написать годовую приблизительно такъ, какъ живутъ и теперь дѣшнѣ художники. Положимъ, не порокъ, когда человекъ чего-нибудь сдѣлать не можетъ; но Верещагинъ, исполненіемъ своихъ картинъ даетъ понять, что этого и не нужно. И вотъ, это-то положеніе, выдвигаемое впередъ для отвода, и не состоятельно. Новое искусство, выдвигаемое впередъ для отвода, не отвергаетъ индивидуальности, — напротивъ, затрогивая и занимаясь по преимуществу массами, оно старается о томъ, чтобы толпа состояла изъ живыхъ людей, съ ихъ разнообразными анатомическими и характерными особенностями. Верещагинъ же придерживается того мнѣнія, что живопись, и покинувъ этотъ путь, въ состояніи исполнить свое назначеніе; но вотъ, въ опредѣленіи-то этого конечнаго назначенія живописи онъ и ошибается. Онъ, очевидно, полагаетъ, что живопись можетъ быть публицистическою, не переставая быть творческою искусствомъ, и что будто при этомъ не произойдетъ перерожденія: изъ самостоятельнаго дѣятеля оно не выродится въ служителя проповѣдниковъ политическихъ, социальных и историческихъ доктринъ, т. е. искусство не станетъ дѣломъ просто разсудочнымъ. Что будетъ результатомъ такой дѣятельности — не знаю, но очевидно одно, что картинъ, какъ самостоятельныхъ художественныхъ произведеній, не останется, т. е. останется, да немного, да и то не тѣ, на которыхъ художникъ расчитывалъ. Потому что всѣ картины Верещагина стѣсняются, какъ я сказалъ уже, такою сѣбиюстью, что при вторичномъ обзорѣ теряютъ и ту долю интереса, которую имѣли вслѣдствіе своей новизны. Если же вынуть изъ коллекции картину и лишить ее той обстановки, при которой публика смотрѣла ее, и помѣстить между произведеніями другихъ художниковъ, то эссенцію уже станетъ просто обидною. А между тѣмъ, есть тутъ же рядомъ всегда превосходно написанная какая-нибудь стѣна, или внутренности дворцовъ и мечетей; но такъ какъ Верещагинъ занимается живописью очевидно не для этого, а простираетъ свои претензіи гораздо дальше, — а именно онъ философствуетъ, опредѣляетъ и истолковываетъ значеніе историческихъ фактовъ и, такъ сказать, подводитъ итоги, изображаетъ людей, — то чрезвычайно важно, наконецъ, и подвести итоги его успѣхамъ въ этомъ направленіи.

Первая его выставка 22-хъ картинъ, въ 1868 г., по своему внутреннему достоинству самая серьезная. Вторая, 1874 г., тапшепская, съ иривавленіемъ живописной поэмы, самая блестящая и поразительная. Эта выставка завоевала ему самыя горячія симпатіи русскихъ художниковъ и общества, хотя въ то же время оставила вопросъ живописи, какъ творческаго искусства по существу, открытымъ. Тогда же можно было слышать, что пока это

только этнографія; что даже бытовая сторона покореннаго народа отсутствуетъ; что тѣ нѣсколько сценъ, которые происходятъ на базарѣ и площадяхъ, суть только парады, а самый духъ народа и нравы его не показаны и художниковъ не публичались, — почему? неизвѣстно, но можно было въ оправданіе сказать, что проникнуть въ интимную жизнь жителя Средней Азии есть вещь невозможная для европейца, и что подвѣтъ художника и безъ того слишкомъ обширенъ и т. д. Я привожу все это къ тому, чтобы указать, какой высокой зѣмростъ былъ предъявленъ къ художнику и на что того тогда считали способнымъ. Выставка 1878 года: война Болгарская и этюды Индіи, а также и нѣкоторыя картины изъ исторій Индіи (которые, такъ тогда говорили, были наматы съ цѣлью показать нѣкоторую духовную связь во всеобщей исторіи народовъ и т. д.), не уронили художника, какъ живописца, открывающаго огромное поле для возраженій и не столько съ патріотической точки зрѣнія, сколько по существу, и со стороны идеи, и со стороны исполненія. Почему, напримеръ, самая значительная сюжетъ у него: «Осада Плевны 30-го августа» (гдѣ Государь Императоръ со свитомъ) трактованъ такъ небрежно и въ такихъ низменныхъ размѣрахъ, а «Дорога въ Плевну», чистый пейзажъ, занимаетъ огромное пространство? Почему омятъ «Панихида» до того небрежно исполнена, что и солдатъ (за исключеніемъ), и священникъ — оба написаны съ одной и той же натуры, а поле, усылное трунами, до того безформенно, что рѣшительно невозможно понять, что это на землѣ: разсыпанная ли капуста, или человѣческія головы и тѣла? И тѣмъ интоксикъ задача, тѣмъ лучше исполненіе? Въ этюдахъ Индіи всѣ неодуманные предметы рѣшительные недѣлы живописи; чуть же только дѣло касается фигуры и головы, то или онъ исполнены кое-какъ («Переодѣванье», о которомъ выше было говорено), или же повернуты затылкомъ. Нельзя не указать также на одинъ сюжетъ, который по разсчету художника долженъ бы производить потрясающее впечатлѣніе: это, найденный, послѣ вліянія Плевны, турецкій госпиталь; въ каталогѣ было даже описано, что это такое за ужасъ. И вотъ ужъ тутъ-то, казалось (разъ художникъ ничѣмъ не стѣсняется), мастеръ и большой живописецъ прямо на мѣстѣ, потому что ни этихъ ужасныхъ лицъ, ни фигуръ, ни этихъ прачныхъ красокъ, ни всего хаоса живыхъ и мертвыхъ, никакія слова не перескажутъ. Казалось, одна живопись своими средствами могла убѣдить въ дѣйствительности, и произвести, хотя ужасное, но за то вѣвѣтъ незабываемое впечатлѣніе. И что же? Всѣ помнятъ только одно, что ровно ничего нельзя было понять въ картинѣ, да и просто не было въ ней ни одного ни мертвого, ни живого лица. Нельзя не вспомнить и не показать также еще объ одномъ сюжетѣ, который художникъ видѣлъ: это геройскій народный подвигъ, простое исполненіе

долга: въ горахъ, во льду, траншеи и часовые. Для такой картины необходимо было употребить столько времени, сколько только возможно. Сдержаніе во всякомъ случаѣ искоуило бы всю затрату, и сберегло бы эту картину на вѣки вѣчные, а темеръ сама по себѣ она рѣшительно ни для кого не нужна. Довольно, что на нее взглянули и могли понять, что солдату приходилось переносить. Но художнику-то? Неужели ему этого достаточно? А ковра и ажурный маноръ, росписные купола и оружіе съ дорогими нашивками—неужели это значительно? Къ чему же тогда весь этотъ шумъ? Къ чему эта игра въ идейность, когда она только на языкѣ человека, а не выходитъ изъ сострадающаго человѣческаго сердца? Зачѣмъ этотъ холодный и голый умъ, такъ развѣзано и слегка размыгивающій трагическія и ужасныя вещи для человека? И почему это, такое событіе, какъ «Въездъ принца Узальскаго», потребовало такихъ размыгивъ, какъ будто дѣло идетъ не о меньшей мѣрѣ о всемирномъ востаніи, тогда какъ самому даже наивному человѣку очевидно виденъ былъ расцѣтъ художника.

Послѣдняя выставка Верещагина въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1882 г. уже вовсе не имѣла успѣха, и художникъ, кажется, обидѣлся... на Россію! Да, удивительный городъ Петербургъ и удивительное русское общество. Совершенные невѣжи: приняли въ серъезъ когда-то данною общаго художника и стали настоятельно требовать выношенія выношенной миссіи отъ него, когда онъ вовсе не былъ мѣлѣнъ ее исполнять.

Вольно же ему (т. е. обществу) было быть столь наивнымъ и несвѣдущимъ, что оно не могло отличить настоящій драгоцѣнный металлъ отъ копированія.

Послѣдняя сенсация, которую производитъ нашъ художникъ въ Вѣнѣ, къ сожалѣнію, такого сорта, что если этотъ гордый духъ не поверженъ психически, то его должно мучить глубокое раскаяніе. До сихъ поръ художникъ нашъ проповѣдывалъ, что писать можно только то, что видѣлъ собственными глазами, и вдругъ окуда-то у него возникла потребность изобразить... евангельскіе расказы! Можете себѣ представить! Въдѣ это Верещагинъ, —наиболѣе оригинальный и правдивый живописецъ! Въдѣ это не можетъ быть сирота. Еще бы, конечно, не сирота! Жаль, что этихъ картинъ не увидитъ русская публика (какъ говорить), искренне жаль! Потому что онѣ, вѣроятно, нигдѣ не будутъ оценены по своему настоящему достоинству, и рѣшительно и серьезно утверждаю, что если гдѣ ихъ слѣдовало бы выставить, для того, чтобы художникъ узналъ о себѣ правду, то именно въ Россіи; потому что очитительная обидѣя вѣнскаго архіепископа и его окружное посланіе—стѣ только пущій туманъ и убѣжденіе только самого Верещагина, что онъ есть альфа и омега искусства.

Вотъ что сообщаютъ мнѣ очевидцы выставки: «Казнь англичанами сипаевъ» и «Казнь нашихъ царевубицъ» — картины большого размѣра; неромантисныя фигуры въ натуральную величину. Обѣ картины живо передаютъ событія, но написаны какъ бы для палатъ; послѣдней вѣдѣтъ неудачно написанный падающій сибѣгъ. Къ этому не лишнее прибавить, что, судя по фотографіи съ картины, на послѣдней толпа, да и жандармы конные—не совсѣмъ русскіе, точно писалъ иностранецъ.

«Картины религіознаго содержанія трактованы эскизно, и чтобы дать о нихъ ясное понятіе, необходимо прибавить, что, наиримѣръ, «Исусъ въ пустынѣ» — фигура 4 вершка, «Пророчество» — голова Христа (затылокъ) 1 вершокъ, «Исусъ у Іоанна въ пустынѣ» —размѣры тѣ же самыя; и такъ всѣ. «Христосъ на озерѣ Тиверидскомъ» — совершенно пейзажная картина, и вся фигура Христа — 2 вершка; тоже самое и его «Св. Семейство», «Воскресеніе» и прочее. Послѣднія двѣ несомнѣнно замѣчательны, только не въ художественномъ смыслѣ. Послѣдняя написана при дневномъ свѣтѣ, такъ что совершенно неомытно, какъ могла днѣтъ испугаться и бѣжать исполнѣ вооруженныя воины.

«Потомъ, на всѣхъ прочихъ заграничныхъ выставкахъ Верещагинъ объявляетъ, что не продаетъ; на этой все продается, каждой вещи назначена цѣна. Большая часть этюднѣвъ маленькія, въ отличныхъ рамкахъ, назначены въ 100—150—200—400—600 гульденовъ, или, на рубль, 80—120—160 и т. д. Досего времени (18-го ноября) не продано ничего»...

Судя по фотографіямъ, точка зрѣнія у Верещагина на евангельскія событія дѣйствительно оригинальна: до сихъ поръ никто еще не писалъ Христа со синимъ и съ затылка...

XXI. Нужна ли русская Академія художествъ въ Римѣ *).

А. Первый набросокъ.

Нѣсколько времени тому назадъ, въ газетѣ «Новое Время» **) проскользнула извѣстіе, что идея учрежденія въ Римѣ Академіи художествъ для русскихъ пенсионеровъ близка къ осуществленію, и что на рекомендованный для того старшій дочь есть покупатель, а на выручку — то сумму

*) Эта статья не была напечатана и заключается въ двухъ черновыхъ наброскахъ, печатанныхъ здѣсь цѣлкомъ.

**) «Новое Время» 1886, № 3717.

можно постронть новый, на хорошемъ мѣстѣ. «Художественныя Новости (официальный журналъ нашей Императорской Академіи Художествъ)»^{*)}, сказали объ этомъ сообщеніи, что оно не точно; при этомъ замѣтили, что раньше всѣхъ мѣстѣ слухъ этотъ — французская газета «Temps», которая даже назвала будущаго директора. «Новое Время» не оставило замѣтки официального журнала безъ вниманія, а очень ревниво и авторитетно сообщило слѣдующее^{**)}:

«Мы можемъ смѣло сказать почтенной редакціи «Художественныхъ Новостей», что Академія художествъ стала серьезно думать объ открытіи отдѣленія въ Римѣ только послѣ того, какъ этотъ вопросъ серьезно и впервые обсуждался на столбцахъ нашей газеты (въ письмахъ изъ Италіи г. М-е), гдѣ и были между прочимъ указаны первоначальныя средства на устройство Академіи — именнo, иродажа дома, принадлежащаго Россіи въ Via dei Polacchi, дома, гдѣ такъ широко и безъ всякаго основанія развѣстались мелкіе служашіе при посольствѣ. Прежде не объ Академіи въ Римѣ у насъ только кое-когда заговаривали, но серьезно о ней не думали. Лучшаго доказательства, что именнo дѣло было начато на основаніи нашихъ сообщеній, нѣчего и представлять какъ обращеніе къ средствамъ, указаннымъ нашими корреспондентами, именнo продажи дома, о существованіи котораго янко не зналъ. Затѣмъ наше сообщеніе безусловно точно во всѣхъ подробностяхъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, говорятъ «Художественныя Новости», еще не дало официального согласія на уступку дома: это не мѣняетъ дѣла, какъ намринѣть не мѣнялъъ его и ния будущаго директора Римской Академіи. Во всякомъ случаѣ желающихъ этого мѣста есть не мало, даже и помимо лицъ, именнo которымъ появились въ газетахъ. Въ дополненіе къ сообщеннымъ свѣдѣніямъ, можемъ добавить, что теперь есть другой покупатель, предлагающій за уступаемый въ Римѣ домъ уже 700 тысячъ франковъ».

И такъ, стало быть, дѣло рѣшено: корреспондентъ «Новаго Времени» знаетъ гораздо больше редакціи официального Академическаго журнала. Что за туманъ такой? Въ Римѣ учреждается Академія Художествъ для пессонеровъ Петербургской Академіи, а лица, интересующіяся дѣломъ искусства, весьма мало объ этомъ знаютъ; дѣло такой важности проходить подъ сурдинкой, безъ обсуждения вопроса не только обществомъ, или печатью, но даже и Совѣтомъ Императорской Академіи художествъ, иначе официальная редакція знала бы больше корреспондента газетъ. Удивительное время! Вѣщи подобнаго рода возможны и осуществляются съ та-

кою простотою и легкостью. Но какія же причины побуждаютъ учредить въ Римѣ русскую Академію художествъ? Нельзя же серьезно думать, чтобы для этого было достаточно одного желанія кого-либо жить въ Италіи за хорошее жалованье; точно также мало резона и въ томъ, что у нашего министерства иностранныхъ дѣлъ есть домъ въ Римѣ, посольству почти не нужннй! Въ послѣдней замѣткѣ «Новаго Времени» говорится еще о статьѣ г. М-е, въ которой этотъ вопросъ серьезно обсуждался — я не знаю, кто это г-нъ М-е и какія его заслуги передъ русскими искусствомъ, чтобы Академія могла обратить столь серьезное вниманіе на его статью: остается предположить, что въ самой статьѣ и въ доводахъ г. М-е въ пользу его идеи было такъ много убѣдительности, что его совѣты рѣшились осуществить.

Я очень хорошо помню, что болѣе года тому назадъ въ «Новомъ Времени» были напечатаны одиы фельетонъ, гдѣ говорилось, что хорошо бы намъ устроить Академію; объ этомъ вопросѣ обсуждался дѣйствительно, но я подумалъ, что, какъ мнѣ тогда показалось, доводы были вовсе не убѣдительны, то есть доводы именнo не существованію предмета. Указанія на средства нельзя считать доводами. Необходимо доказать, что Академія нужна, а какія средства — все равно. Очень сожалѣю, что не имѣю самой статьи подъ руками, и потому буду передавать ея суть своими словами, но я очень хорошо помню все содержаніе статьи, все, что говорилось тамъ, и думаю, что и самъ авторъ не найдетъ искаженій, а ошибки, если нужно, исправитъ и восстановитъ.

Статья начиналась съ сѣтованія на исключительное пристрастіе русскихъ художниковъ, особенно молодежи, къ Паризу; что пристрастіе это ошибочно, даже губительно, и что считать Паризъ серьезнымъ художественнымъ центромъ — есть непростительное увлеченіе, и что, напротивъ, забытые теперь Италія и Римъ (бывшіе когда-то обѣтованною землею для всѣхъ художниковъ), должны быть снова главнымъ предметомъ вниманія, и должны возвратитъ себѣ прежнее первенствующее положеніе по части искусствъ, — эта мысль, какъ мысль, можетъ итти въ свою пользу много голосовъ. Но чтобы она была исключительно справедливою, съ этимъ согласиться нельзя, потому что нослѣ смерти двухъ великихъ школъ живописи — италійской и голландской, во Франціи сдѣлано болѣе всего для живописи. Тамъ зародилось новое современное намъ и живое искусство, не подражательное, а оригинальное. Изучать необходимо и то и другое. Еще менѣе можно считать эту мысль достаточной для того вывода, который дѣлается, то есть необходимости учрежденія Академіи...

^{*)} «Худож. Новости» 1886, № 64.

^{**)} «Новое Время» 1886, № 3729.

(Этот набросок начинается кратким изложением, в немногих строках, содержанием первого отрывка, а далее идет следующий текст):

...Но достаточна ли эта мысль, сама по себе, для того, чтобы отсюда можно было прийти к необходимости учреждения Академии? Въ одном сопоставлении только ужасно много странного. Чтось следует из того, что молодые пенсионеры увлекаются Пиринкель? И какъ ихъ отъ этого увлечения отрезвить? Недостаточно ли простой рекомендаціи Совѣта Академіи каждому пенсионеру? Вѣдь пенсионерамъ дается отъ Академіи инструкция, какъ заниматься живописью, на что обращать наибольшее внимание и т. д. Прежде бывали и указанія: гдѣ жить. Если все дѣло въ увлечении, то, мнѣ кажется, достаточно выбора; а непослушныхъ вѣдь можно и лишить пенсіона, если ужъ считать пребываніе въ Римѣ необходимымъ для правильнаго развитія молодого таланта. Не правда ли, что это рѣшеніе самое рациональное?

Но въ статьѣ, кромѣ этого главнаго довода, есть и другіе. Напримѣръ: такъ говорится, что тѣ молодые люди, которые попадаютъ въ Римъ, не имѣя оффиціальнаго приставника, долго не могутъ устроиться ни въ мастерской, ни съ другими жизненными задачами, ни разобраться въ художественныхъ напечаткахъ, и безъ руководителя долго не могутъ уяснить себѣ, какія сокровища художественныя заслуживаютъ наиболѣе пристальнаго изученія, и какія вѣтъ, словомъ, теряютъ много дорогаго времени, которое пропадаетъ, такъ сказать, непроизводительно. Разберемъ это.

Первое безпомощное положеніе русскаго пенсионера состоитъ въ томъ, что молодой человѣкъ, попадавъ въ незнакомый городъ, первые недѣли приходится въ ябсу. Но неужели это серьезная причина заводить въ каждомъ такомъ городѣ отъ правительства приставника съ наставниками и провожатыми? Второе же безпомощное положеніе русскихъ художниковъ—въ неумѣньи ихъ разобраться въ художественныхъ напечаткахъ—серьезнѣе, конечно, но за то оно рѣшительно не заслуживаетъ такого исключительнаго вниманія, и поправлять это надо не въ Римѣ, а въ Петербургѣ. Чтò же это за неумѣнные молодые люди? И что же это за пенсионеры, которые безъ руководства не могутъ ступить шагу? Занятые, пенсионеры (русскіе) моложе 30 лѣтъ теперь не бывають. Для таковыхъ, мнѣ кажется, достаточно было бы и книгъ: гидовъ, критическихъ изслѣдованій, описаній и прочаго, и оны-таки инструкции. И наконецъ тѣ пенсионеры, которые знаютъ, зачѣмъ они ѣдутъ за границу, въ этомъ никогда не нуждались, ступивъ всегда разобраться. Потеря же времени, при этой утѣшительной работѣ, скорѣе полезна, такъ какъ разборъ самостоятельный ишту-

дированіе мастеровъ и напечатковъ прочіе заисаетъ и въ памяти, и въ сознаніи.

Идейныхъ причинъ, промѣ приведенныхъ мною, въ статьѣ больше не находится. Но такъ есть много другихъ практическихъ причинъ, въ сущности весьма интересныхъ и любопытныхъ. Высказавъ мысли, изложенныя мною выше, г. М-е продолжаетъ: «Франція и Испанія имѣютъ свои академіи, а Россія нѣтъ! Какъ было бы хорошо, если бы и мы завели свою въ Римѣ: для этого правительству даже и расходовъ дѣлать не нужно. Тутъ въ Римѣ есть домъ, принадлежащій министерству иностранныхъ дѣлъ, и такъ Богъ знаетъ кто живетъ, кто и права-то никакого не имѣетъ! Мало того, люди, съ фиктивными правами на казенную квартиру, отдають ихъ за деньги какому-то итальянцу! Какая жалость! А бѣднымъ пенсионерамъ приходится брать мастерскія, и плохія, и маленькія—лишь бы подешевѣ. Что же касается директора Академіи, то вотъ здѣсь есть въ Римѣ два старожилы, уважаемые художники такіе-то...» О жалованьи директору благоразумно умалчивается: это разубѣдетъ само собою. Господи, чтò за туланы такой! Если нужна Академія, ну докажывай, что она именно нужна, во всякомъ случаѣ! Нужна сама по себѣ, и не изъ подражанія Франціи, а потому, что потребности русскаго искусства вынуждаютъ эту необходимость. А такъ, по дорогѣ, что вотъ, дескать донѣ слѣдовало бы отнять отъ одного министерства и присоединить Академію, тѣмъ болѣе, что есть кто-то, кому можетъ быть клинать Петербурга нездоровь, и жить ему пріятно было бы въ Италіи—это имѣетъ за себя весьма мало резоновъ. Если пенсионерамъ мало содержаніе (а оно дѣйствительно недостаточное)—увеличьте его. Это не составитъ болѣе 3-хъ тысячъ въ годъ; во всякомъ случаѣ, расходъ этотъ, на дѣла 25 лѣтъ, будетъ менше заведенія казенной Академіи, гдѣ необходимъ директоръ, совѣтники, канцелярія и еще штатъ..... Впрочемъ, я думаю, что авторъ обмолвился нечаянно такими странными словами, какъ Академія. Вѣдь это значитъ: классы, мастерскія, регламентъ..... для 3—4-хъ пенсионеровъ!! И это-то послѣ десятилѣтняго ученія въ Петербургѣ? Повторяю, подумайте только серьезно, что ученикъ петербургской Академіи художествъ раньше 20 лѣтъ рѣдко когда можетъ кончить курсъ по живописи!! Шутите вы эти! Въ 30 лѣтъ онъ можетъ еще ученикомъ въ Римѣ..... на сколько лѣтъ?.... На шесть (пенсионерскій срокъ для историческаго живописца). Да что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Кто же это рѣшаетъ такимъ образомъ судьбу русскаго художника и русскаго искусства?

IV

ДОКУМЕНТЫ

I. Въ Сѣвѣтъ Императорской Академіи художествъ конкурентовъ на первую золотую медаль

Променіе *).

Узнавъ официально предположеніе Сѣвѣта Академіи художествъ задать намъ на будущіе конкурсы одну тему всѣмъ безраздѣльно, изображающую какое-нибудь движеніе души человѣческой, какъ, напримѣръ, тоску по родицѣ, гнѣвъ и т. д., мы рѣшились обратиться къ Сѣвѣту Академіи съ нижеслѣдующею просьбою и на слѣдующемъ основаніи:

Мы всѣ, постоянно слита отъ нашихъ профессоровъ, о сущности экзаменовъ на золотыя медали — такого рода мнѣніе, что малая золотая медаль опредѣляетъ способности къ технической сторонѣ художества, то есть знаніе рисованія, толкъ въ живописи и нѣкоторое умѣнье связывать отдѣльныя части (этюды) въ цѣлое (картину), а большая золотая медаль опредѣляетъ способности къ моральной (если можно такъ выразиться) сторонѣ художества, то есть способности творчества, достоинство сочиненія и индивидуальнаго значенія художественныхъ силъ каждаго конкуррирующаго, мы, въ настоящемъ нашемъ положеніи, невольно принужденные, во-первыхъ, задумать поглубже въ самихъ себя отдѣльно, и хотѣвъ сравнить насъ всѣхъ вмѣстѣ, увидали всю громадную между всѣми нами разницу нашихъ художественныхъ наклонностей. Для примѣра мы приведемъ хотя двѣ разности наклонностей: напр. одни изъ насъ люди спокойные, сочувствующіе всему тихому, грустному, другіе изъ насъ люди живые, страстные, художественное творчество которыхъ можетъ достойно проявляться только въ выраженіи сильныхъ, крутыхъ движеній души человѣческой. При темѣ «грусть по родицѣ», способности первыхъ людей, тихаго харак-

*) Съ чернилаго, писаннаго рукою Крамского.

тера, еще могут высказаться из своей силѣ; за то вторые положительно продаются. При темѣ «гнѣвъ», наоборотъ, первые пропадають, не будучи въ силахъ представить то, къ чему они неспособны, вторые (натуры живныя и страстныя) выигрываютъ, понаехъ на тему въ ихъ родѣ. Скажемъ болѣе: люди, одаренные сильною фантазіею, продаются при темѣ реальной; реалисты — при темѣ фантастической; люди веселые, съ способностями саркастическими и комическими, гибнутъ при темѣ грустной, люди съ меланхолическими способностями оказываются бездарными при темѣ веселой. Поэтому, одна какая бы то ни была тема, заданная вѣтъ безраздѣльно, вывоза людей, способности которыхъ соответствуютъ этой темѣ, губить другихъ, которые могли бы высказаться при свободномъ выборѣ сюжетовъ. И такъ, экзаменъ терять свой равно для всѣхъ объективный характеръ и принимаетъ характеръ зрительный. Стястье тому, чьи художественныя наклонности соответствуютъ заданной темѣ — и несчастье остальных! Дойдя до такого убѣжденія, мы рѣшились обратиться съ покорнѣйшей просьбой въ Совѣтъ Академіи: дозволить намъ свободный выборъ сюжетовъ, каждому по своимъ наклонностямъ, дать двухдѣльный срокъ.

Р. С. Намъ могутъ возразить, что, при уничтоженіи записки, уничтожается возможность повѣрки конкурирующихъ, то есть самъ ли конкурентъ сочинялъ и рисовалъ, но на это мы просимъ позволенія напомнить Совѣту, что каждый изъ насъ около 10 лѣтъ знакомъ нашимъ профессорами. Мы думаемъ, что и конкурсъ останется во всей своей силѣ, ибо, по истеченіи двухдѣльного срока, конкурируютъ эскизы, а потомъ на экзаменѣ конкурируютъ произведенія, обдуманные и прочувствованные въ продолженіе цѣлаго года. Возможность же экзамена при разновременности имъ видимъ, на таковыхъ экзаменахъ, на всѣхъ знаніяхъ, именно: профессоровъ Академіи, вольныхъ общниковъ, классныхъ и неклассныхъ художниковъ, и на полученіе серебряныхъ медалей, раздаваемыхъ на выставкахъ.

Октябрь 1863 г.

II. Письмо Артели художниковъ къ А. Е. Байдману *).

Милостивый Государь Александръ Игоричъ, единодушно выражаемъ вамъ нашу глубокую благодарность за участіе къ усониему любимому и

*) Считается съ черноваго отписки, писаннаго рукой Крамского. Писковъ (Их.), родомъ изъ Якутска, молодой живописецъ, умиривъ отъ чакети въ Ялтѣ. 1 августа 1864 г. Онъ былъ единъ изъ членовъ Художественной Артели, и обратилъ на себя вниманіе сѣдующими таинственными картинками: «Возстаніе Минина въ ижечеродаль» (2-я зол. медаль въ 1861 г.), «Кузнецъ бой мри Іоаннѣ Грозномъ» (золотая медаль за живопись въ 1862 г.), «Сыпные-железники» (1863). Ред.

уважаемому нашему товарищу М. Н. Пескову. Нерадостное начало нашего поприща, но зашѣпаніе его намъ — будетъ нами выполнено. Просьба наша обща къ вамъ: будьте до конца терпѣливы. На присланныя деньги распрорядитесь поставить на его дорогой намъ могилѣ, именниый крестъ, съ приложенною надписью *). Извиняемся въ томъ, что безлоконнѣ вѣтъ, но вѣтъ намъ больше ничего не остается, а мы были такъ добры, что оставили дѣло, требовавшее вашего присутствія, и все для того, чтобы проводить его въ вѣчность. Это ничѣмъ съ нашей стороны не можетъ быть вознаграждено, кромѣ благодарности. Кстати просимъ вѣтъ еще, будьте до конца терпѣливы, сообщите намъ подробности о его кончинѣ, что онъ говорилъ, и не выразилъ ли какой-нибудь воли своей, не было ли, что мы должны сдѣлать или распрорядиться его оставившими вѣщами. А также сообщите, какими образомъ мы могли бы, еслибы кому изъ насъ случилось быть въ Ялтѣ, отскать его могилку и поклониться ему? Жаль его крѣпко, но все-таки лучше передъ прощаніемъ съ жизнью видѣть знакомое лицо, и не умереть такъ спротивно, какъ это могло бы случиться.

1864 (августа).

III. Условіе **).

1865 года октября днѣ, мы нижеподписавшіеся, профессоръ Императорской Академіи Художествъ во исторической живописи, Алексѣй Тарасовичъ Марковъ, и классный художникъ Иванъ Николаевичъ Крамской, заключили между собою сле условіе въ томъ, что и Крамской, обязуюсь ему, профессору Маркову, продолжать и впредъ окончить живописное изображеніе Тріипностнаго Господа Савваа со всѣми аксессуарами, находящагося въ куволѣ храма Христа Спасителя въ Москвѣ, по эскизу, рисунку, картонамъ, а также и указаніямъ самого проф. Маркова. Всѣ эти матеріалы и руководство со стороны проф. Маркова я признаю совершенно достаточными для дальнѣйшаго производства работы, а по жѣрѣ необходимости долженъ приготовить новыя рисунки, этюды и картины, вносящія въ успѣху дѣла. Означенную работу я, Крамской, обязуюсь кончить къ апрѣлю мѣсяцу будущаго 1866 года, за 10,000 рублей серебромъ. Означенныя деньги, мнѣ, Крамскому, получать съ проф. Маркова

*) Надпись эта была: «Одинъ изъ 13-ти».

**) Съ черноваго, писаннаго рукой Крамского.

Ред.

Ред.

но мѣръ исполненія работы, распредѣляя слѣдующимъ образомъ: при началѣ труда, мѣръ Крамскому, получить впередъ 2,000 рублей серебромъ, каковыми средствами я обязуюсь исполнить, къ 15-му числу декабря текущаго года, фигуру Господа Саввааса съ Предѣльнымъ Младенцемъ, окончательно, а прилагающія по сторонамъ группы ангеловъ привести въ надлежащій, хотя и неокончательный морядокъ; послѣ чего мѣръ Крамскому, съ него проф. Маркова, по одобреніи моей работы мѣръ, проф. Марковымъ и комиссію по художественной части, получить еще 3,000 рублей серебромъ. За тѣмъ, во время дальнѣйшаго производства работъ, въ неопредѣленные сроки, во мѣръ успѣха работы, мѣръ Крамскому, получить съ него, проф. Маркова, не свыше 2,000 рублей серебромъ. Остальнымъ же 3,000 рублей, проф. Марковъ уплатитъ мѣръ Крамскому, по окончаніи нинѣ работъ, совершенно удовлетворяющей его, проф. Маркова, и по явленіи оной, какъ совершенно оконченной комиссію, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ будующаго 1866 года. Если же затѣмъ будутъ признаны означенною комиссію нужными изысканія съ проф. Марковымъ, какія-либо поправки, то и Крамской, обязуюсь сдѣлать ихъ уже безплатно, если поправки эти не будутъ превышать двухъ-мѣсячнаго моего труда. Сіе наше условіе мы обязуемся хранить свято и ненарушимо, которое и хранить ему, проф. Маркову у себя, а мѣръ Крамскому, имѣть съ него точную копию.

IV. Записка по поводу пересмотра Устава Академіи художеств*).

Чтобы основательно судить о какомъ-нибудь предметѣ, нужно его знать, а чтобы знать—надобно изучать его, а изученіе будетъ неполнымъ безъ исторіи этого предмета. Когда же требуется чему-нибудь мочокъ, то-нибудь переписать или передѣлать, то знакомство съ первоначальнымъ устройствомъ разсматриваемаго предмета дѣлается до того необходимымъ, что отъ этого зависитъ не только правильное его пониманіе, но и возможность разумной поправки, а также, если состояніе предмета того требуетъ, и успѣхъ совершенной передѣлки. Особенной осторожности требуетъ отъ людей уполномоченныхъ измѣнять и передѣлывать какія-нибудь общественныя учрежденія, съ которыми всегда бывають связанны многіе

*) Записка эта была выдана Крамскимъ, въ 1866 году, графу С. Г. Строганову, кредителю комиссіи, назначенной для пересмотра устава Академіи художествъ. Печатается съ черновой.

Ред.

серьезные нравственные интересы. Къ числу такихъ сложныхъ вопросовъ надобно отнести и вопросъ объ Академіи художествъ.

Къ сожалѣнію, литература, обстоятельно обсуждавшая многіе вопросы, ни къ чему, кажется, такъ легко не относилась, какъ къ вопросу объ Академіи. По нашему мнѣнію, эта легкость сужденій объясняется съ одной стороны тѣмъ, что на очередь стояли болѣе насущные вопросы, но съ другой—свидѣтельствомъ и о неуминаніи предмета.

Всѣ замѣчаютъ нечеловѣческое положеніе искусства и неспособность Академіи помочь дѣлу, а между тѣмъ считаютъ достаточнымъ бросить два-три поверхностныхъ слова, да нѣсколько громкихъ фразъ о невѣжествѣ художниковъ, о необходимости, для нихъ, гуманнаго развитія, и дѣло, по ихъ мнѣнію, считается покоявшимся.

Мы убѣждены, вѣсть съ другими, въ настоятельной надобности принять мѣры къ тому, чтобы искусство заняло принадлежащее ему мѣсто; мы убѣждены, что искусство, въ своемъ истинномъ смыслѣ, должно быть истолкователемъ скрытаго смысла въ реальныхъ предметахъ, съ которыми оно имѣетъ дѣло; мы убѣждены вообще, наконецъ, въ развивающей способности искусства, но не убѣждены въ пользѣ и практичности мѣръ предпринимаемыхъ для того, чтобы дать искусству силу, интересъ и значеніе. Сдѣлать пріятнымъ въ этому академическимъ мѣрамъ будетъ напраснымъ трудомъ: черезъ перестройку Академіи и передѣлку устава, въ родѣ бывшихъ уже, невозможно дойти до исковыхъ результатовъ. Сколько намъ извѣстно, всѣ истинно сочувствующіе успѣхамъ искусства и близко знакомые съ дѣломъ предлагать какія-нибудь мѣры къ улучшенію, стремятся искоренить недостатки и, особенно, пополнить пробѣлы въ образованіи художниковъ, хлопочутъ, чтобы общее образованіе шло параллельно со спеціальнымъ. Безспорно, художникъ не долженъ быть ниже того уровня образованія, который существуетъ въ обществѣ въ данный моментъ, но, повторяемъ, что мѣры, въ родѣ уже приведенныхъ въ исполненіе, не могутъ способствовать прочному развитію искусства. Волѣны искать гораздо глубже, тѣмъ обыкновенно полагаютъ, и средства для исклѣненія прописываются не тѣ. Переносимые на собственные плечи всѣ противорѣчія академической системы, мы рѣшаемся сдѣлать попытку положить мѣру, которая, по нашему мнѣнію, подвинетъ дѣло въ томъ и менѣе направленіи, которое желательное.

Для ясности доказательствъ въ пользу нашего мнѣнія, мы считаемъ нужнымъ коснуться, хотя въ главныхъ чертахъ, историческаго хода Академіи, и тѣмъ перевернуть въ ея составленіяхъ, которая вліяли на него, чтобы такимъ образомъ наметь на слѣдѣ, оставленный самой жизнью, и, ида по немъ, такъ сказать, самимъ догадаться, каковыя мѣры можно

удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя поставили обстоятельства и время. Этотъ путь менѣе рискованъ, заблудиться на немъ труднѣе, чѣмъ на другомъ камнѣ-нибудѣ, да, наконецъ, если мы гдѣ-нибудь и заблудимся, то всякому, даже совершенно незнакомому съ академическимъ вопросомъ, будетъ легко вывести заключение, и опредѣлить, гдѣ мы говоримъ дѣло, а гдѣ находимся въ области фантазій.

Такъ какъ въ Россіи до 1764 г. были исключительно только иностранные художники, то, для развитія у насъ искусства, требовалось завести первоначально учрежденіе, въ которомъ бы совмѣщалось специальное образованіе, съ самыхъ даже низшихъ ступеней, съ образованіемъ общимъ. И вотъ, по мысли Великой Екатерины, возникла Академія художествъ, которой и данъ былъ уставъ, поражающій всякаго внимательнаго читателя величіемъ плана и замѣчательною логикой. Если вникнуть въ духъ его и понять обстоятельства, при которыхъ онъ составлялся, то станетъ понятно, что стоило только исполнить его почти буквально, чтобы результаты были удовлетворительны для своего времени. Академія носилась свободнымъ художествамъ, что и доказываетъ надпись на главномъ подъѣздѣ академическаго зданія. Внутри круглаго двора, надъ четырьмя воротами также находится надпись: живопись, скульптура, архитектура, воспитаніе. Что изъ этого уцѣлѣло въ Академіи, извѣстно всѣмъ, а на сколько уцѣлѣвшее соответствуетъ своей сущности—предоставляется каждому судить по годичнымъ выставкамъ. Въ это вновь открытое учрежденіе принимались мальчики всѣхъ сословій, отъ 8 до 14 лѣтъ, на казенный счетъ. Помѣщались они, какъ въ корпусѣхъ, пансіонахъ и другихъ заведеніяхъ, въ общихъ большихъ комнатахъ, раздѣляясь по лѣтамъ и уступкамъ на три возраста. Самые маленькіе начинали въ наукахъ и искусствѣ почти съ азбучи. Всѣ они въ одно время вставали по утру, молились Богу и завтракали, учились и слушали лекціи, рисовали и занимались музыкой, шили и разыгрывали театральныя пьесы, могли обѣдать и опять учились и т. д. При нихъ всегда находились инспекторы, гувернеры и учителя, и если кто не оказывалъ къ изысканнѣйшему искусству наклонностей и способности, того даже учили ремесламъ, наир. ювелирному, орнаментному, литейному дѣлу и часовому мастерству. Порядокъ въ занятіяхъ рисованіемъ, живописью и другими искусствами, и порядкомъ въ раздачѣ медалей оказавшимъ особые успѣхи въ искусствахъ, былъ тотъ же, что и теперь. Окончившіе курсъ наукъ и получившіе большую золотую медаль въ какой-нибудь отрасли художества, точно такъ же, какъ и теперь, посылались за границу на 6 лѣтъ, для усовершенствованія, съ казеннымъ содержаніемъ по 300 золотыхъ въ годъ. Отличившихся своими дальнѣйшими успѣхами, по возвращеніи ихъ изъ-заграницы, Ака-

демія награждала степенями академикомъ и профессоромъ: они, такимъ образомъ, становились во главѣ движенія, вели искусство дальше, стремились къ славѣ личной, а черезъ то—и Академіи. Профессора составляли Совѣтъ, совершенно молочночный во всѣхъ художественныхъ вопросахъ, руководили преподаваніемъ, не стѣсняясь параграфами устава, такъ какъ, по смыслу того же устава, они имѣли полное право добавитъ, что сотрутъ необходимыми, или сократятъ признаваемое уже несвоевременнымъ. И такимъ образомъ, когда пересаживное дерево не засохло, а принялось, Россія стала считать десятками художественныя дарованія изъ среды своего народа, а изъ послѣднихъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ вышли люди, которые своею дѣятельностью придали такой блескъ учрежденію въ 30-хъ и 40-хъ годахъ текущаго столѣтія, что все лучшее въ нашемъ обществѣ, наукѣ и литературѣ было близко знакомо ему и интересовалось имъ.

Первый чувствительный ударъ Екатерининскому уставу былъ нанесенъ уничтоженіемъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ 31-мъ году; одновременно съ этимъ уничтожено и преподаваніе изъ наукъ, а оставлено только чтеніе лекцій изъ вспомогательныхъ предметовъ, какъ-то: анатоміи, перспективы и строительнаго искусства. Пріемъ въ ученики Академіи не сопровождался никакимъ экзаменомъ, кромѣ начальнаго рисованія съ оригиналовъ, да взноса, за посѣщеніе классовъ рисованія по 9 рублей въ годъ. Слѣдствіемъ этого было то, что прежнихъ воспитанниковъ замѣнила толпа малограмотная, бѣдная, но все-таки даровитая. Произведенія этихъ новыхъ учениковъ Академіи были уже бѣднѣе предыдущихъ, поражали болѣею частью глаза, и рѣдко сердце, а еще рѣже—умъ. Вниманіе публики, нѣмѣе не поддерживаемое со стороны художниковъ, стало ослабѣвать; къ тому же, проснувшіяся новыя потребности и вопросы, непосредственно касающіеся существованія сторонки жизни, отвлекли совершенно общественное вниманіе отъ Академіи, и она была легко забыта.

Изъ этого краткаго очерка исторіи Академіи художествъ какъ нельзя болѣе логично слѣдуетъ, что вначалѣ правительство приняло на себя заботу дать русскому обществу многіе объ искусствѣ. Когда же общество поняло, что искусства полезны и необходимы для него, то матеріальная поддержка со стороны правительства сдѣлалась излишнею, и прежняя обязанность его должна была перейти уже къ обществу (именно около этого времени), а оно, какъ мы сказали раньше, сдѣлалось равнодушнымъ къ искусству по причинѣмъ, изложеннымъ уже нами. Академія же линилась казеннокоштныхъ воспитанниковъ и преподаванія наукъ, стала только заведеніемъ специально техническимъ, исполненнымъ массою учащихся, лишенныхъ всякаго образованія. Лучшіе изъ этой массы стояли все-таки

ниже уровня общественного развития и, стало быть, были неспособны произвести что-нибудь настолько замечательное, чтобы снова заинтересовать внимание. Унадохъ Академіи сдѣлался явнымъ; отъ времени нельзя было ничего ожидать, и вотъ, въ 1859 году, были приняты мѣры къ улучшенію положенія Академіи. Начали, конечно, съ устава. И такъ какъ недостатокъ образованія былъ слишкомъ явный, чтобы его не замѣтить, то, чтобы поднять образованіе художниковъ, положено было вступительнымъ экзаменъ, равный гимназическому курсу 4-го класса, и обязательное слушаніе лекцій изъ введенныхъ въ преподаваніе наукъ. Весь курсъ научнаго образованія нѣтъ быть пройдетъ въ 6 лѣтъ. Выше 20 лѣтъ въ ученики не принимали, за немногими исключеніями. Принятый такимъ образомъ ученикъ ничего не платилъ за посѣщеніе Академіи, а вольнослушавшіе, на которыхъ права учениковъ не простирались, должны были платить по 25 р. въ годъ. Затѣмъ послѣдовали перемены и въ специальныхъ занятіяхъ: уничтожено два класса рисованія съ оригиналовъ, такъ какъ въ это время въ Петербургѣ существовала уже на Биржѣ школа рисованія для вольноприходящихъ, да, кромѣ того, училище живописи и ваянія въ Москвѣ. По рисованію экзаменъ также былъ возвышенъ: требовалось отъ поступающаго ученика умѣнье рисовать съ глиняной головы. Порядкомъ награды медалями остался во всей силѣ. Въ концѣ того же года, уставъ, передѣланный такимъ образомъ, введенъ былъ въ дѣйствіе только для вновь поступающихъ, прежніе же ученики Академіи оставлены на старыхъ правахъ. Важнѣйшія послѣдствія этого были слѣдующія. Такъ какъ пріобрѣтеніе техники беретъ отъ учениковъ пять часовъ въ сутки, обязательное слушаніе лекцій тоже много времени, а масса учащихся попрежнему бѣдна и немощна, занята постоянною заботою о ежедневномъ пропитаніи, казеннокомитетныхъ воспитанниковъ не полагается, — то учащимся скоро сдѣлалась ясна невозможность обѣ стороны вести рядомъ съ успѣхомъ. Попылокъ много незнающихъ ни того, ни другого. Академія же, въ силу устава, должна была строго требовать и то и другое, а потому, получившимъ медали задерживала выдачу аттестатовъ на званія и степени, если они не сдавали словеснаго экзамена. Цифра учениковъ быстро стала понижаться, и, въ теченіе 5—6 лѣтъ послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава, почти изъ 700 учащихся упала въ настоящее время до 300. Это указываетъ прежде всего на то, что если и есть возможность продолжать дѣло такимъ образомъ, то Академія скоро будетъ истощена, гдѣ могутъ учиться только дѣти достаточныхъ родителей и, по преимуществу, восточныхъ петербургскихъ жителей.

Итакъ, вотъ въ какомъ печальномъ положеніи Академія и зависящее отъ нея будущее нашего искусства. При всѣхъ усиліяхъ и жѣзбѣ

строгости, практика жизни все громче и громче заявляетъ о необходимости совершенно новаго пути для искусства, — пути, на которомъ бы могли быть согласны всѣ противорѣчія, и чтобы при согласеніи ни одно необходимое качество искусства не было утрачено. Печальнѣе всего, въ этомъ положеніи, признаніе самой Академіи въ своей неспособности найти исходъ. Отчетъ, читанный конференціи-секретаремъ Академіи, на актѣ нынѣшняго года, доказываетъ это. Здѣсь упоминается, что составленіе новаго устава и придумываніе нѣмъ, отличныхъ отъ нынѣ дѣствующихихъ, мѣръ возможно на особый комитетъ, составленный изъ Академіи и безъ ея участія. Впрочемъ, вопросъ объ Академіяхъ художествъ нигдѣ въ Европѣ, сколько намъ извѣстно, не рѣшенъ еще удовлетворительнымъ образомъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы дожидались, какъ это часто у насъ дѣлается, пока тамъ придутъ къ какому-нибудь рѣшенію. Вѣрнѣе всего, что мы и не дождемся, потому что тамъ, помимо академіи, образовались кружки около какого-нибудь художественнаго свѣтила, которые учатся и совершенствуются, не заглянувъ даже ни разу въ академію. Гдѣ же есть у насъ что-нибудь подобное, и, наконецъ, когда мы дождемся этого? Наши лучшіе художники дѣйствуютъ поодиначки, умираютъ рано, или живо свихнуть съ пути задолго до смерти, потому что въ нравственномъ и умственномъ мѣрѣ у насъ царствуютъ хаосъ и отсутствіе прочной и просвѣщенной критики.

Прежде всего, для исправленія дѣла, по нашему мнѣнію, надобно начать со специальныхъ школъ рисованія въ провинціяхъ людныхъ и въ то же время наиболѣе удаленныхъ отъ художественныхъ центровъ Петербурга и Москвы. Здѣшняя рисовальная школа есть хорошее приготовительное заведеніе для Академіи, и ученики, основательно прошедшіе школу, поступающія изъ нея въ Академію, рисуютъ лучше и ищутъ успѣшнѣе въ специальныхъ классахъ. Чѣмъ болѣе будетъ устроено такихъ школъ, тѣмъ лучше. Техническій курсъ рисованія въ Петербургской школѣ настолько обилитенъ, что на первый разъ можетъ удовлетворить совершенно и, стало быть, ее можно взять за образецъ. Относительно экономической стороны этого вопроса мы считаемъ умѣстнымъ здѣсь обратить вниманіе читателей на слѣдующее.

Въ настоящее время по всей Россіи находится не мало гимназій, кадетскихъ корпусовъ, уѣздныхъ училищъ, при которыхъ находятся учителя рисованія, съ оладомъ жалованья изъ государственныхъ суммъ, простиромыхся до порядочной цифры. До какой степени предметъ этотъ заботливъ при упомянутыхъ заведеніяхъ, извѣстно всѣмъ. Учителя рисованія пребываютъ рѣшительно въ невѣдѣи относительно своего предмета. При экзаменахъ, баллы изъ рисованія не имѣютъ никакого значенія, да и сами

воспитанники никогда ни не занимаются, за немногими исключениями, а если и занимаются, то из этого ничего не выходит. Очевидно, предмет этот там совершенно лишний. А между тем, знание рисованія, правильное понимание живописи и развитие художественнаго чувства — не лишнее въ жизни.

Правда, что учитель рисованія — въ то же время и учитель чистописанія и черченія, но черченіе можетъ быть приобретено совершенно основательно при изученіи геометріи, а о чистописаніи, какъ объ особой наукѣ, и говорить какъ-то странно: оно приобретается всѣми, кому это особенно нужно, и практикой. Стало быть, мѣсто учителя рисованія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ таковое находится, можетъ быть, безъ ущерба для общаго образованія, уничтожено, и это свободное время послужить воспитанникамъ къ чему-нибудь другому. И вотъ, уже открывается возможность устроить спеціальныя школы, чтобы дать возможность любящимъ рисование свободно и необязательно заниматься этимъ. Тѣ же самыя гимназисты, рядомъ съ общими образованіемъ, будутъ посѣщать рисовальные классы, которые обыкновенно устраиваются вечеромъ при ламповомъ освѣщеніи. Выгода при этомъ въ томъ еще, что приобретіе техники и развитіе правильнаго взгляда на искусство будутъ усвоены въ раннемъ возрастѣ. Когда же придетъ время и охота повернуть кому-нибудь изъ рисующихъ на художественную дорожку, то, во-1-хъ, тотъ будетъ уже обладать достаточными для того свѣдѣніями, во-2-хъ, будетъ меньше ошибокъ въ опредѣленіи своего призванія, а потому въ Академіи будутъ люди скорѣе даровитые, чѣмъ бездарные. Потомъ, при устройствѣ школы, безъ всякихъ попытокъ сдѣлать художниковъ образованными, мы получимъ въ результатъ — молодыхъ людей, приобретающихъ техническія свѣдѣнія въ рисованіи и живописи, и въ то же время прошедшихъ курсъ наукъ въ общеобразовательныхъ заведеніяхъ. Не получившіе же никакого образованія перестанутъ тягаться въ Петербургъ въ такомъ количествѣ, какъ то было до сихъ поръ, мерзополія Академію для того только, чтобы, ничего не сдѣлавши, погнѣбнуть съ голоду. Хорошая школа рисовальная, тамъ на мѣстѣ, опять-таки безъ всякихъ усилій съ своей стороны, будетъ оказывать немалое на это свое вліяніе, не говори уже о томъ, что устройствомъ годичныхъ выставокъ она повліяетъ и на развитіе вкуса въ обществѣ; наконецъ, лучшія вещи такихъ школъ будутъ имѣть мѣсто на академическихъ выставкахъ. И если, съ теченіемъ времени, такія школы, при стѣслныхъ условіяхъ, потребуютъ большаго курса техники, то, стало быть, будетъ нужда въ этомъ, и, быть можетъ, возникнетъ сама собой такая школа, какъ Московская, которая и теперь почти ничѣмъ не разнится отъ Академіи. Учителя рисованія, понимающіе свой предметъ, могутъ быть

помѣщены преподавателями въ низшихъ классахъ школы, а многое множество бывшихъ учениковъ Академіи, хорошихъ техниковъ, могущающихъ здѣсь въ Петербургѣ, найдутъ исходъ изъ своего положенія и будутъ полезны своими знаніями. Несомнѣнно, что ученики русской Академіи художествъ, по общему отаву людей авторитетныхъ въ этомъ отношеніи, рисуютъ, сравнительно, строже и лучше многихъ художниковъ заграничныхъ академій. Много найдется людей, не отличающихся болѣе талантами, но совершенно владѣющихъ техническою стороною искусства. Въ настоящее время они предпочитають голодать, но лишь бы находились вблизи художественной дѣятельности другихъ, учиться художниковъ. Для нихъ, попасть въ провинцію — значитъ быть одному, потерять всѣ связи съ искусствомъ, стать современнѣмъ глухимъ и слѣпымъ и, перелабавъ все, пройти безъ свѣда и пользы для себя и другихъ. При устройствѣ школы, живая связь съ искусствомъ для него не прекращается: онъ не одинъ находится при дѣлѣ и, поддерживаемый небольшимъ жалованьемъ, будетъ имѣть возможность даже совершенствоваться. Устройство такой школы обойдется, на первый разъ, не болѣе 5,000 рублей. Вознагражденіе учителей въ таковой школѣ можетъ быть устроено точно такъ же, какъ и въ здѣшней рисовальной школѣ; расходы по хозяйственной части могутъ быть покрыты взносами учениковъ за билеты на право посѣщенія классовъ, и, само собою разумѣется, что годичная цѣна такому билету должна быть доступна возможно большому числу желающихъ. Впрочемъ, намъ нѣтъ нужды пускаться здѣсь въ подробности и обстоятельное разсмотрѣніе этой стороны, — намъ прежде всего важно доказать только возможность и полезность такихъ заведеній. Приведенныя нами соображенія мы считаемъ пока достаточными. Другія доказательства пользы этой мѣры будутъ ниже.

Переходя отсюда къ опредѣленію, чѣмъ должна быть Академія художествъ при существованіи упомянутыхъ школъ, мы должны сдѣлать отступленіе, чтобы коснуться нѣкоторыхъ общихъ разсужденій объ искусствѣ, не имѣющихъ прямого отношенія къ занимаемому насъ вопросу. Но изъ убѣжденій и взглядовъ нашихъ на этотъ предметъ вытекаетъ и развитіе дальнѣйшаго плана тѣхъ преобразованій, которыя, по нашему мнѣнію, принесутъ пользу, а потому мы не сдѣлаемъ вопросъ темнѣе, если ближе познакомимся съ существующими теперь взглядами на искусство и его творчество, чтобы рассмотреть время и обстоятельства, въ которыя оно поставлено, и по возможности обстоятельнѣе и полнѣе (на сколько позволяютъ намъ размѣры статьи) уяснить себѣ отношеніе искусства къ обществу.

Художественное творчество, со времени Возрожденія, признавалось

долгое время абсолютно свободным от всяких предписаний с какой бы то ни было стороны, то есть, что оно может заниматься всем, чем угодно, думать и поступать, т. е. рисовать картины, как имжелается, — и все это называлось свободой творчества. Всякое нитье, противоречащее этому, считалось посягательством на эту свободу. Нькоторые полагали, что так было всегда и разны. Но достаточно бросить бйглый взгляд на произведенія, например, греческаго искусства, чтобы замѣтить, что все они созданы по одному общему плану, хотя и исполнялись художниками, раздѣленными другъ от друга иногда цѣлыми столѣтіями. У них, такъ сказать, есть одна общая точка исхода, какъ-будто обязательная даже. Эта точка исхода — былъ нхъ идеалъ истиннаго и прекраснаго, распавшійся на множество олицетвореній, выражающихъ какую-нибудь одну изъ сторонъ общаго, по нхъ понятіямъ, божественнаго. Воспроизвести этотъ идеалъ въ олицетвореніяхъ и стремиться художникъ свободно и непринужденно, — они какъ-будто даже рождались съ этимъ. Все воспитаніе ихъ клонилось къ усвоенію и развитію стремленія къ идеалу, а критика зрѣлаго возраста убѣждала ихъ еще больше въ разумности и необходимости общаго для всѣхъ центра, къ которому стремиться каждый изъ нихъ считалъ потребностію своей натуры. И, надо полагать, что безъ этого, искусство грековъ не достигло бы той высоты, на которой теперь мы его видимъ. Оно такъ и было въ действительности. Для всѣхъ народовъ, во всѣ времена, лучшіе люди говорили именно это самое, то есть, что искусство, какъ и наука, каждое своимъ путемъ, служатъ развитію истинны, добра и красоты. Если для человѣческаго ума въ природѣ нтъ ничего дороже этого, то, стало быть, стремленіе къ тому есть естественный законъ притяженія въ нравственномъ мірѣ, и художникъ, подвѣсившій собственную смерть, не долженъ уклоняться отъ послѣдшаго съ своей стороны развѣсненія, гдѣ именно надобно искать истину, добро и красоту. Такое отношеніе художника къ своему призванію мы назовемъ обязательнымъ и, такъ сказать, несвободнымъ, и если онъ уклоняется отъ своей обязанности по непониманію, мы сожалѣемъ о немъ; если же сознательно — отказываемъ въ уваженіи. Когда же жѣлая эпоха заражается этимъ отсутствіемъ, мы говоримъ: искусство вредно, не нужно, пустая забава пугливыхъ людей и паразитовъ, и содѣйствовать уничтоженію такого направленія въ искусствѣ — есть прямая обязанность всякаго честнаго человѣка.

Теперь посмотримъ на индивидуальную свободу каждаго художника относительно формъ, сюжета. Если художникъ честно служить своему дѣлу, то, стремясь къ развѣсненію истинны, добра и красоты, онъ можетъ расходиться съ снмнатіями общества, въ которомъ живетъ, частью въ силу убѣжденій, частью и потому еще, что онъ не можетъ отрѣшиться отъ сво-

его, такъ сказать, физиологическаго состава, темперамента, и отъ суммы впечатлѣній, сдѣланныхъ жизнью на него. Отсюда взглядъ спокойный и возвышенный, или желчный и раздражительный, легкій юморъ, или открытое, доходящая до высѣйшей степени реализма. Разумѣется, у кого шире способности и наблюденіе, кто постоянно стремится только къ усиленію мысли, безъ желанія затронуть личности, и передать ее такою формою, которая самымъ точнымъ образомъ выражаетъ сущность мысли, тотъ ближе всѣхъ подойдетъ къ идеалу, и черезъ то произведетъ на зрителя впечатлѣніе чарующее, т. е. нполнѣ художественное, заставитъ задуматься надъ изображенными предметомъ, и въ концѣ даже согласится съ художникомъ относительно взгляда на ту или другую сторону челоѣческой жизни. Разсужденію о формѣ и сюжетѣ здѣсь, разумѣется, нтъ мѣста. Къ этому надо прибавить еще, что бываютъ времена въ жизни челоѣческихъ обществъ, когда преобладаетъ или усиливается которая нбудь нтъ сторона: утѣшительная, или темная. Въ такое время истинные нсты и художники, за немногими исключеніями, по особой впечатлительности своей натуры, невольно начинаютъ смотрѣть на окружающее ихъ, сообразно производимому впечатлѣнію, и становятся, смотря по времени, пророками грядущихъ бѣдствій, или же рисуютъ величественныя и симпатичныя личности. Стало быть, каждый художникъ смотритъ на жизнь, нкоторымъ образомъ, черезъ окрашенное стекло; отнлъ его — значитъ отнлъ личность художника. Попробуйте отнлъ у Байрона, Гейне, Гогарта и Гюгоя ихъ стекла — и вы потеряете художественныя произведенія, изъ которыхъ вы получаете. Самая чистая стекла нльн Гюмеръ и Шекспиръ, потому-то они и объективны. Въ области живописи мы не имѣемъ ни одного таланта до такой степени объективнаго, какъ Шекспиръ въ поэзіи, но все же, по нашему мнѣнію, можно указать на нкоторыхъ. Именно: на англійскаго мажиста Вильяма, портретиста Ванъ-Дейка (которому, впрочемъ, помогалъ въ этомъ — родъ его живописи) и Рафаэля въ одномъ изъ его произведеній — въ Сикстинской Мадоннѣ. Все же остальные великіе художники Италіи и другихъ странъ совершенно субъективны, что однакожъ не нмѣаетъ нтъ бѣды иногда образцовыми. Впрочемъ, объективность въ живописи, какъ желаемое качество, только въ послѣднее время составляетъ предметъ стремленія лучшихъ художниковъ, какъ и вообще людей, подвизавшихся во всѣхъ отрасляхъ челоѣческой дѣятельности нашего времени.

Перейдемте теперь отъ этихъ отвѣтственныхъ разсужденій, и посмотримъ, насколько въ страхъ какая бы то ни было академія очнщать стекла, не говорю создавать таланты — это нѣльзя. Если мы допустимъ, что академія, въ своемъ составѣ, есть собраніе гениальныхъ людей въ нредполагаемомъ родѣ, то мы согласимся, конечно, что нмѣнать, до нкоторой

степени, окраску стекол для талантов — дѣло хотя и мудреное, но возможное; совершенно же очинять — не въ нашей власти, а во власти всемогущества жизни и ея исторій. Притомъ дѣло это мы считаемъ совершенно излишнимъ даже, потому что мы не должны и не можемъ на себя брать нравственной отвѣтственности, изъ опасенія сдѣлать стекло не прозрачнымъ, а матовымъ. Гораздо поучительнѣе, намъ кажется, знать всѣ натурально-человѣческія точки зрѣнія на истину, чтобы, при помощи ихъ, развить въ самихъ себѣ возможно полный и доступный намъ взглядъ на нее. Поэтому, намъ кажется, академіи надобно отказаться отъ которой нибудь изъ своихъ претензій. Для достиженія цѣлей, несравненно важнѣе не задаваться этими общими задачами, а преслѣдовать болѣе частныя. Дойдя до этого заключенія, близкая наша задача будетъ состоять въ разсмотрѣніи обстоятельствъ и времени, въ которыхъ теперь искусство поставлено, чтобы сказать потомъ, какаѣ игры будутъ болѣе всего способствовать нормальному развитію искусства и вѣрной оцѣнкѣ великаго таланта. Дѣло въ томъ, что такъ какъ ни одинъ художникъ не освобожденъ отъ природы вещей и, если, окончивъ школьную подготовку, онъ хочетъ честно служить своему призванію, то со стороны школы и академіи не должно быть посягательства на то, чтобы отвлекать его отъ его точки зрѣнія: это есть его право, то есть, иначе сказать, намъ надо научиться понимать это право каждого, и сознать свою собственную выгоду, которая заключается въ томъ, чтобы художникъ былъ правдивъ и откровененъ передъ нами какъ можно болѣе.

Выше, разсматривая историческій ходъ нашей Академіи, мы остановились на томъ, что она сама чувствуетъ невозможность дальше идти по избранной дорогѣ, и что работа о составленіи новаго устава перешла въ другія руки. Какую дорогу она приметъ въ будущемъ, мы предсказать, конечно, не можемъ, но предсказаніе возможно относительно будущаго для искусства вообще. Обстоятельства теперь сдѣлающія. Мнѣнія и взгляды общества начинаютъ склоняться къ тому, что задаваніе сюжетовъ и программъ для опредѣленія таланта ведетъ совсѣмъ не къ тому, для чего оно употребляется, а иногда даже къ заблужденію относительно опредѣленія болѣе или меньшей степени таланта. Что взгляды дѣлаются дѣйствительно таковыми, доказываетъ Общество поощренія художниковъ, принявшее за правило не стѣснять выборомъ сюжета художниковъ, желающихъ принять участіе въ конкурсѣ, и назначать только родъ живописи. Быть можетъ, близко уже время, когда задаваніе сюжетовъ историческимъ живописцамъ будетъ такое же саканное дѣло, какъ и задаваніе программъ живописцамъ пейзажей; а между тѣмъ обычный этотъ существовалъ не далѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Любопытно: задавалось, напиримѣръ, изобразить

озеро, на берегу планъ стадо коровъ, вдали группу деревьевъ и облака, освѣщенные заходящимъ солнцемъ. Мы не говоримъ, чтобы пейзажъ такого содержанія не могъ имѣть интереса, но подобное задаваніе не знаетъ къ чему вѣдетъ. Будто, если пейзажистъ изобразитъ не то, что ему рекомендуютъ, то невозможно уже и судить о его пониманіи природы и углубленіи передавать ее? Задача программъ совпала, какъ съ сожалѣніемъ, съ томъ: обратиться къ пейзажамъ Клодъ-Лоррена — художника, конечно, замѣчательнаго, но для насъ интереснаго развѣ въ томъ отношеніи, что какъ это великіе люди не могли совершенно отрѣшиться отъ понятій своего времени!

Когда мы хотимъ кого-нибудь понять и оцѣнить, то, по здравому смыслу, мы только слѣдимъ за нимъ, что онъ дѣлаетъ и какъ онъ это дѣлаетъ; изъ этого мы безконечно можемъ отличить болѣе способнаго, болѣе умнаго и болѣе развитаго, наконецъ. Пріемъ этотъ съ успѣхомъ можетъ быть примененъ къ опредѣленію степени таланта въ искусствѣ, и намъ кажется, что этимъ путемъ всего менѣе можно ошибаться. Предоставьте каждому самому выбрать для картины, — передъ вами сейчасъ скажется весь человѣкъ: что онъ знаетъ, какъ думать, къ чему лежитъ его симпатія, и, наконецъ, чего можно ждать отъ него въ будущемъ. Если въ литературѣ и случается ошибаться въ надеждахъ, возлагаемыхъ на какой-нибудь молодой талантъ, за то тамъ всѣ совершенно спокойны и увѣрены, что бездарность передъ лицомъ общества не получитъ одобренія и сочувствія, и ей невозможно маскироваться общепринятыми приемами: стало быть, она, послѣ перваго омыта, волю-неволю сама сходитъ со сцены.

Академія должна быть школою — и ничего болѣе, со всѣми пособіями современнаго состоянія науки: библіотекъ, совершенно доступной нуждающимся, музеевъ, лекцій, необязательными, изъ всемогательныхъ наукъ: исторіи искусствъ, исторіи народовъ, но преимуществу съ археологической ея стороны, особенно частной ихъ жизни, нравовъ, обычаевъ, однимъ словомъ, въ примѣсоченіи къ искусству; всѣ эти лекціи не должны быть обязательными. Потребовать экзамена отъ претендующаго на какую-нибудь художественную степень, при выходѣ изъ школы, совершенно законно, такъ какъ это требуется отъ всѣхъ вообще, получающихъ привилегіи, присвоенныя чину, а затѣмъ — ежегодные конкурсы для такихъ учениковъ, съ свободнымъ выборомъ сюжета на золотыя медали. Стало быть, общій итогъ нашъ таковъ: спеціальныя школы рисованія и живописи, безъ попытокъ вводить лекціи — и высшая школа, Академія, — но только какъ школа, со всѣми пособіями современнаго состоянія науки, библіотекъ, музеевъ, лекціями изъ предметовъ необязательныхъ, и не-

томъ избираемые жюри для рѣшенія вопросовъ искусства и для приговора надъ картинами и художественными произведеніями вообще.

Послѣ всего сказаннаго, возьмемте намъ Академію художествъ, какъ она есть, и посмотримъ, какими образомъ она поступаетъ, когда ей приходится рѣшать какой-нибудь изъ разбираемыхъ нами вопросовъ. Пока Академія—школа для учащихся относительно рисунка и живописи, она дѣлаетъ свое дѣло удовлетворительно, и то потому, что въ ней находятся многія пособія для этого, т. е. гипсы, натура и освѣщеніе; совѣты же профессоровъ, по правдѣ сказать, почти не вліяютъ на усѣхи учащихся: все, что знаютъ художники въ этомъ отношеніи, надобно отнести къ ихъ энергіи, любви, прилежанію и конкурренціи въихъ между собою, т. е. что они учатся одинъ у другого. Это не голословно, спросите мертваго попавшагося объ этомъ—онъ скажетъ то же самое.

Двери мастерскихъ нашихъ корифеевъ искусства для нихъ закрыты, и едва ли найдется десятокъ изъ всего числа учащихся, который бы хоть одинъ разъ увидалъ, какъ пишетъ мастеръ; и это по той простой причинѣ, что эти мастера сами ничего не пишутъ. Но эта часть все-таки сравнительно идетъ удовлетворительно.

Гораздо хуже относительно высшихъ задачъ искусства: эстетическаго развитія художника и сочиненій. Какъ извѣстно, Академія до сихъ поръ еще имѣетъ претензію на изготовленіе, если можно такъ выразиться, художниковъ, и признаемые лучшими—посылаются за границу для усовершенствованія. Чтобы достигнуть этой высшей задачи въ искусствѣ, Академія, задолго до конкурса, подготавливаетъ учениковъ въ этомъ, задавая ежесѣкдно сюжеты для эскизовъ и, въ послѣднее время, заботливостъ свою простираетъ до того, что не экзаменуетъ ни рисунка, ни этюда, если не будетъ къмъ представлено заданнаго эскиза. Худъ онъ или хорошъ, это въ расчетъ не принимается,—эскизъ долженъ быть: это для того, чтобы приучить ученика къ сочиненію, композиціи, однимъ словомъ, развить голову. Затѣмъ, когда учащійся достигнетъ известной степени совершенства въ технику, которая опредѣляется получениемъ за рисованіе и живопись четырехъ серебряныхъ медалей, тогда приступаютъ къ высшему испытанію и задаютъ на золотую медаль второго достоинства сюжеты для картинъ уже. Картина должна быть исполнена въ теченіе года. Представленныя произведенія конкурентовъ обсуждаются общимъ собраніемъ профессоровъ и за лучшія присуждаются малая золотая медаль. Тѣмъ же порядкомъ задаютъ получившимъ такую—еще сюжеты, тоже на годъ; за исполненныя программы по этой послѣдней задачѣ удостоиваютъ одержавшаго верхъ—послѣдней и самой высшей награды для ученика: золотой

медали 1-го достоинства, или большой, которая и даетъ уже право побѣди за границу, на шесть лѣтъ, съ казеннымъ содержаніемъ.

Высказанный выше взглядъ нашъ расходится со взглядомъ Академіи объ этомъ предметѣ. Мы признаемъ, что система экзаменовъ, принятая академіями художествъ вообще, не удовлетворительна, и не можетъ служить гарантіею для человека талантливаго. Это легко доказывается тѣмъ, что Россія, расходуя значительныя суммы для содержанія посланныхъ за границу, все-таки не имѣетъ художниковъ. Имена яркія въ нашемъ искусствѣ образовались, за немногими исключеніями, помимо Академіи и въ свое время не были признаны Академіей: напримеръ, Брюлловъ*) и Бруни не получили большой золотой медали; изъ болѣе современныхъ нашъ художниковъ—Худяковъ и Келлеръ тоже. Остаются Ге, Флавицкій и Вронниковъ, бывшіе пенсионеры; но изъ нихъ надобно считать Флавицкаго и Вронникова, потому что Ге удостоенъ быть уже послѣ экзамена, благодаря только настояніямъ одного изъ членовъ Совѣта; общее же мнѣніе было противъ его программы. Одновременно же съ этими упомянутыми художниками, и раньше и позже, посылались цѣлыя десятки молодыхъ людей, признанныхъ Академіей достойными, которые не только не оправдали надеждъ ея, но еще убѣдили самымъ краспорѣчнымъ образомъ, что именно ихъ-то посылать и не слѣдовало. Перечислять имена ихъ и неудобно, да и не нужно,—всѣмъ и безъ того извѣстно, что посылаютъ очень много, а искусство все-таки остается безъ притока свѣжихъ силъ, которыя бы поднимали его и оживляли. Исключеніе составляетъ одинъ жанристъ Перовъ, талантъ хотя и очень сильный, но односторонній.

Чтобы понять всю важность послѣдствій ошибокъ академической системы, надо имѣть въ виду, что посылаемые за границу суть самые избранные изъ нѣсколькихъ сотенъ молодежи, стремящейся сдѣлаться художниками. Неудели же, въ самомъ дѣлѣ, русское племя такъ бѣдно дарованіями къ живописи? Чтобы отвѣчать на это, прошу каждаго, видимаго выставки, вспомнить, что онъ видѣлъ интереснаго и достойнаго вниманія на нихъ: по большей части, это будутъ вещи, принадлежащія именамъ совершенно неизвѣстнымъ, начинающимъ, которыя такъ и сходятъ безъ слѣда со сцены, благодаря принятой Академіей системѣ въ развитіи таланта, и потомъ въ опредѣленіи большей или меньшей степени его, и стало быть, въ его поощреніи. Если угадъ разъ необходимо еще, чтобы Академія была не только школою рисованія и живописи, но высшимъ образовательнымъ заведеніемъ для художниковъ, то рѣшительно нужно, чтобы

*) Брюлловъ получилъ медаль на счетъ Общества поощренія художниковъ.
Ред.

Академія стала во главѣ движенія, т. е. чтобы все, что может составлять сущность искусства современнаго, могло быть усвоено учащимися задолго до ихъ выхода изъ заведенія, а не узнавали бы они объ этомъ вѣсть Академіи. А потому, мы не только отрицаемъ пользу задаванія сюжетовъ на золотыя медали, а отрицаемъ пользу таковыхъ даже для ежегодныхъ эскизовъ, задаваемыхъ какъ упражненіе грамматическое. По нашему мнѣнію, необходимо не только хорошо рисовать и писать, но ясно и выразительно въ образахъ провести мысль, безъ малѣйшаго слѣда тенденцій и правдоученія, чтобы выводъ представлялся самъ собою уму зрителя, и чтобы это было не только урно, но и симпатично, не только поучительно, но и прекрасно.

Это же не достигается по желанію, моментально; стало быть, надо заботиться, чтобы учащіеся развивались и въ этомъ направленіи, раньше, даже по преимуществу въ этомъ. И потому, требовать эскизовъ отъ каждаго, желающаго быть художникомъ, посылать и необходимо, но только не задавать ему сюжета, а пусть онъ самъ сочиняетъ, что хочетъ. Академія же съ своей стороны должна только ограничиться критикою этихъ эскизовъ, для чего и нѣтъ спеціального профессора, положивъ даже не художника, но человѣка просвѣщеннаго и художника въ другомъ смыслѣ, — въ родѣ, напримѣръ, Гервинуса, или хотя Виллинскаго, т. е. художественнаго критика, который бы разбиралъ данный эскизъ, какъ сочиненіе, не касаясь, технической стороны и не заботясь о линіяхъ и устарѣлыхъ понятіяхъ о композиціи, а указавъ бы, напримѣръ, на ту особенность хорошаго художественнаго произведенія, что вышность въ картинѣ не нѣбѣ сама по себѣ никакой цѣны и должна всецѣло зависѣть отъ идеи, и что картина будетъ только тогда хорошо сочинена, когда совершенно выражаетъ мысль безъ комментариевъ, а что композиція тѣмъ лучше, чѣмъ меньше ее замѣчаешь; мало того — нужно еще указать на достоинство идеи, или совершенную ея негодность. Такого рода спеціальный профессоръ будетъ для учебныхъ опытовъ то, что критика для художниковъ, уже дѣйствующихъ на поприщѣ искусства. Затѣмъ уже, когда техническое образованіе будетъ пропущено, пусть каждый избираетъ по желанію самъ по себѣ сюжеты: отъ этого не пострадаетъ ни одна сторона, и опредѣленіе болѣе даровитаго не представитъ затрудненій и будетъ болѣе безошибочно.

Отправленіе же за границу мы признаемъ совершенно излишнимъ, особенно на теперешнихъ условіяхъ. Какъ можно давать 6-тилѣтнее обученіе за одну, хотя бы даже и хорошую, вещь? Это, быть можетъ, было возможно когда-то, въ настоящее же время можно обходиться и безъ этого: при свободныхъ конкурсахъ, устраиваемыхъ Академіею, положивъ ежегодно, произносящими приговоръ надъ представленными произве-

деніями должны быть не учителя техники въ Академіи, а художники, литераторы и ученые, дѣйствительно работающіе, признанные лучшими и избираемые на годъ, на два, или не болѣе, какъ на три года (спеціально только для разсмотрѣнія вещей, представленныхъ на конкурсъ, или на какую-нибудь художественную степені), и не игнорирующіе никакого штатнаго мѣста. Художникамъ, особенно отличившимся, пусть такое выбранное жюри назначитъ преміи, и пусть въдобавокъ купятъ такіа картины, составятъ изъ нихъ или отдѣленіе Эрмитажа, или музей въ Академіи, или просто особую галлерею, какъ собирается бібліотека — это все равно; но только пусть не жатакаютъ челоуѣческой дѣли, потому что на дѣятельность художника надобно смотрѣть, какъ на служеніе серьезному дѣлу: стало быть, здѣсь нѣтъ мѣста поощренію непроницаемости, а еще меньше — бездарности. При такомъ порядкѣ, въ барынахъ будутъ, прежде всего, правительство и общество, а потомъ и художники; поддержка же и поощреніе наѣрное будутъ доставлены тому, кто этого больше всего заслуживаетъ. Мы можемъ въ будущемъ встрѣтиться съ такими отпадными явленіями въ художественномъ мірѣ, о которыхъ въ настоящее время не можетъ быть еще и рѣчи, а именно: художники, поставленные въ лучшія условія для своего развитія, неаренѣнно станутъ въ ближайшее сношеніе съ окружающею ихъ жизнью; значеніе явленій этой жизни будетъ имъ понятно и, стало быть, въ твореніяхъ своихъ они дѣйствительно высказуютъ взгляды и идеи, для всѣхъ интересны и живые, сдѣлаются людьми чуткими и полезными, и не будутъ лежать бременемъ очень тяжелымъ для благотворителей, поощряющихъ теперь ихъ занятіе, и всякая искусственная поддержка станетъ не нужна.

Всѣмъ согласится, конечно, что будущее, только что нарисованное нами, желательно и что оно лучше порядка, существующаго теперь. Нельзя, однакожъ, не вспомнить истину словъ, сказанныхъ Прудоновъ со свойственной ему рѣзкою откровенностью, относительно художниковъ, и не почувствовать нѣтъ, — до такой степени они отыпаются истинною симпатіей не къ художникамъ дѣйствующимъ, а къ искусству. Позволимъ себѣ напомнить ихъ. Вотъ они: «Что за дѣло этого (т. е. искусства) нашей наукѣ общественнаго и экономическаго устройства, нашему правительству? Какая связь всего этого съ нашими правами? Что прибавляетъ все это къ нашему благосостоянію, къ нашему совершенствованію? Прилично ли мыслящимъ людямъ заниматься этими драгоценными бездѣлушками? Есть ли, наконецъ, у насъ для этого довольно времени и денегъ?» — а въ другомъ мѣстѣ: «Отчего не предоставить артистамъ свои средства и не перестать объ нихъ заботиться, какъ не заботятся объ акробатахъ и на-

натных илассах? Может быть, это было бы лучшим средством, для узнания какъ того, что они такое, такъ и того, чего они стоятъ?»

Въ этихъ словахъ до такой степени рельефно высказано ненормальное положеніе искусства среди общества, что становится страшно и болѣно за униженіе великой силы художественнаго творчества въ человѣкѣ, которая, изъ сущности, назначена играть не послѣднюю роль въ нашемъ нравственномъ совершенствованіи. Въ самомъ дѣлѣ, заставляя ее служить прихоти и фантазіи празднаго богатства, мы ничего не получаемъ отъ искусства, кромѣ вреда и раздраженія.

Если образованное и развитое общество не въ состояніи дать другія, лучшія условія для развитія искусства, то пусть лучше погибнетъ оно, чѣмъ играть роль, профанирующую достоинство человѣческаго духа въ его самомъ важномъ и возвышенномъ стремленіи къ совершенствованію и прогрессу.

1865.

V. Условіе*).

1868 г. февраля для мы, нижеподписавшіеся, профессора Императорской Академіи, Петръ Васильевичъ Васинъ и классный художникъ Иванъ Николаевичъ Крамской, заключили между собою сіе домашнее условіе въ нижеслѣдующемъ: Я, Крамской, обязуюсь исполнить для проф. П. В. Васина живописную работу на стѣнахъ, въ Москвѣ, состоящую изъ изображеній: Христа Спасителя на тронѣ, и престоющихъ: Богоматери, Іоанна Крестителя, пророцвъ, патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, всего въ числѣ 31 фигуры, въ срокъ, сентябрю мѣсяцу будущаго 1869 года, въ теченіе 2-хъ лѣтъ, за 12,000 рублей серебромъ, строго придерживаясь Высочайше утвержденнымъ эскизамъ его проф. П. В. Васина, и картонамъ, одобреннымъ комиссіею; краски и другіе матеріалы должны быть отнесены на мой, Крамского, счетъ, а также и помощники, если я, Крамской, найду это для себя необходимымъ. Получать деньги за свою работу, мнѣ, Крамскому, слѣдующимъ образомъ: 3.000 руб. сер. получить мнѣ отъ П. В. Васина передъ выѣздомъ моимъ изъ Петербурга на мѣсто произведенія работъ, съ которыми деньгами мнѣ и начать живопись на стѣнѣ, на которой предварительно должны быть восстановлены перпендикуляры; по

*) Работа, предположавшаяся по этому условію, писанною рукой Крамского, не осуществлялась на дѣлѣ для Крамского.

Ред.

окончаніи подмазкою и по осмотру оныхъ комиссіею, получить мнѣ, Крамскому, еще 2,000 руб. сер. При дальнѣйшемъ же производствѣ работъ, по мѣрѣ окончанія изображеній и по одобреніи всего написаннаго профессоромъ П. В. Васинимъ, получить мнѣ, Крамскому, въ разные сроки, еще 3,000 рублей серебромъ, и затѣмъ, по совершенномъ окончаніи всѣхъ изображеній и по одобреніи написаннаго мнѣ, П. В. Васинимъ, получить мнѣ, Крамскому, 1,000 рублей. Остальные же 3,000 рублей серебромъ П. В. Васинъ долженъ уплатить мнѣ, Крамскому, когда комиссія осмотритъ работы, одобрить ихъ и признаетъ конченными. Условіе сіе должно наводиться у проф. П. В. Васина, а мнѣ, Крамскому, имѣть съ него копію, въ чистѣ и подлинномъ.

VI. Въ Общее Собраніе членовъ Слѣб. Артели художниковъ члена ея Ивана Крамского

Заявленіе*).

Артели извѣстно, что я нѣсколько разъ настаивалъ, чтобы Артель, въ важныхъ случаяхъ, если она себя уважаетъ, выражала свое мнѣніе опредѣленно и рѣшительно. Мое мнѣніе, еслибы это было, то многое, что уже случилось вреднаго для Артели, не могло бы случиться, развитіе ея было бы правильнѣе и положеніе прочнѣе. Въ настоящее время есть такой важности вопросъ, на которомъ я желаю остановить вниманіе Артели, съ цѣлью добиться прямого и яснаго отвѣта.

Въ прошлое Общее Собраніе, Х., рядомъ послѣдовательныхъ вопросовъ съ моей стороны, доведенъ былъ до необходимости сознаться, что онъ хлопотетъ въ Академію о томъ, чтобы его послали за границу на казенный счетъ. Я спрашиваю у Артели: что она думаетъ объ этомъ? Х. протестовалъ противъ рассмотрѣнія этого вопроса Общимъ Собраніемъ, полагая, что это его личное дѣло, но я поворобу доказать, что онъ ошибается, и что поступокъ его серьезно затрываетъ нравственное значеніе Артели (если она желаетъ его имѣть). Требовать, чтобы Артель признала мою точку зрѣнія для себя обязательною, и конечно не буду и не могу, но въ стѣнахъ, я полагаю, она мнѣ не откажетъ. Прежде всего рассмотримъ самъ фактъ отпавленія за границу на казенный счетъ. Признаюсь, мнѣ

*) Съ черновика, писаннаго рукой Крамского.

*

Ред.

46

немного странно мать о упоминать, но въ виду той путаницы понятій, которая очевидно существует на этот счет, я это сдѣлаю.

Почти 7 лѣтъ тому назадъ, мы отказались отъ этой мѣдальки, имѣя всѣ одинаковыя шансы на успѣхъ, и отказались безповоротно; когда же одинъ оказался, не желавшій отказываться, то его жеступокъ оказался намъ тогда дурнымъ поступкомъ. Въ какихъ бы благоприятныхъ формахъ для Х. ни представало это дѣло, то есть самъ ли онъ просилъ, или ему предложили, во всякомъ случаѣ, и прежде всего, самъ собою встаетъ въ умъ вопросъ: въ правѣ ли я принять представляющуюся возможность? Видѣ и мои товарищи имѣли ее когда-то, но мы всѣ тогда отказались и рѣшились принять равную долю, такъ какъ академическая система не обезпечивала успѣха достойнѣйшему изъ насъ. Словомъ, въ совѣсти есть сомнѣніе, которое могло быть разсѣяно только товарищами. Поступая по самой простой справедливости, никто изъ насъ не можетъ рѣшать этого самолично, но мы не разошлись въ разныхъ сторонахъ, пока мы формально одно цѣлое. Почему Х. утаилъ объ этомъ—дѣло его совѣсти, но тѣмъ, что онъ утаилъ, и самъ рѣшается, что ѣхать слѣдуетъ ему, онъ наноситъ товарищамъ оскорбленіе самое глубокое и незаслуженное, и если вы заботитесь быть послѣдовательными, то согласитесь, что все, что я говорю, можете сказать и каждый изъ насъ, такъ какъ мы всѣ до сихъ поръ сохраняемъ право на пощадку въ полной неприкосновенности, или иначе мы всѣ одинаково должны быть лишены этого права. Въ противномъ случаѣ мы принесены въ жертву одному, и тогда выходитъ намъ изъ Академіи становится предметомъ сожалѣній. Оскорбленіе остается въ той же силѣ, еслибы Х. и не поѣхалъ за границу, потому что фактъ его просьбы и есть то оскорбленіе, о которомъ я такъ долго распространяюсь.

Семь лѣтъ тому назадъ мы глумились поступкомъ Заболонца *); какая же разница между этими двумя поступками, кромѣ того, что одинъ былъ раньше, другой позже? Допускаю на минуту самое счастливое стеченіе обстоятельствъ для Х., то есть, что ему была пощадка предложена, онъ самъ бы ей не думалъ, не искалъ, словомъ, искушеніе представало ему со стороны и подкупило свою кажущуюся безобидностью: я не видалъ бы ничего геройскаго, еслибы онъ изложилъ все это передъ товарищами. Видѣ онъ знаетъ, что ему Артель повторила бы, и я полагаю, съумѣла бы распутать это дѣло безъ ущерба для него. Къ сожалѣнію, Х.

*) Ученикъ Академіи, одинъ изъ 14, въ послѣднюю минуту измѣнившій товарищамъ и согласившійся принять заданную тему для конкурса. Онъ уже дано умеръ.

Пред.

скрылся, и тѣмъ только усилилъ въ невыгодную сторону и жеступокъ. Чтобы онъ передо мной особенно скрывался, я пожаловаться не могу, потому что онъ и намъ сказалъ недобровольно, потому что прощенье было уже подано имъ, и слухъ объ этомъ сталъ проникать въ Артель уже съ уязвы. Причина скрытности до такой степени ясна, что я могу пропустить ее, и не дѣлать предположеній, обидныхъ для Х. Продолжаю доказывать, что его жеступокъ имѣетъ связь съ внутреннею жизнью Артели и что, слѣдовательно, имѣю право касаться его и просить Артель выслушать мои соображенія до конца. Я не сталъ бы этого дѣлать, еслибы наши имена не были тѣсно связаны и еслибы связь эта не давала права постороннимъ людямъ третировать въ глазахъ моихъ Артель, но по поводу его жеступка, крайне неуважительно и обидно. А я не могу остановить ихъ даже и сказать, что это до меня не касается, потому что если это не касается, другое не касается, третье, и т. д., то я и другіе могу спросить: что же до насъ касается и что же остается въ Артели прочнаго, если все ничего, и никому ни до чего нѣтъ дѣла? Тогда, я полагаю, и Артели не существуетъ.

Имъ могутъ, пожалуй, сказать, что та Артель, къ которой я измѣнаю и постоянно обращаюсь, давно умерла, или, еще хуже, все это есть только плодъ моего воображенія, что я создаю дѣтскія и несуществующія въ дѣйствительности обязанности, причусъ и навязываю такіе взгляды, которые всѣ осуждаютъ. Но, господа, я еще разъ обращаюсь къ нашему прошлому и на этотъ разъ, въ послѣдній. Несмотря на многія наиповѣбли и внутреннія потрясенія, оставалась еще область неприкосновенная, составлявшая для насъ источникъ гордости: это пора молодого и честнаго жеступка—выхода изъ Академіи. Это давало намъ право на сочувствіе и уваженіе къ нашему характеру, и когда намъ это говорили, мы принимали ихъ возражаніе. Но вотъ и это послѣднее уничтожено однимъ ударомъ, тихо и незамѣтно. Значеніе наше, какъ кружка, подрывается въ самомъ чувствительномъ его мѣстѣ, въ его корнѣ, и наше лучшее преданіе не существуетъ. Никто еще не оскорблялъ такъ Артели и никто не наносилъ ей болѣе чувствительнаго удара. Неужели же и это не существовало, неужели и это создано моимъ воображеніемъ? Въ такомъ случаѣ, господа, прому васъ, заставьте меня одуматься, убѣдите меня, и заставьте замолчать передъ вами; обличите мнѣ, что вы совершенно отказываетесь отъ своего промаха, что вы сожалѣете о немъ, что все прошлое не болѣе какъ ошибка, будьте искренни. Вы видите, что для меня все это не шутка.

Я вѣдался въ подробный разборъ этого обстоятельства для того, чтобы ярче обрисовать ту точку зрѣнія, на которую я сейчасъ стану, и отъ вопроса личнаго переиду къ общему. Въ прошлый понедѣльникъ Х. ска-

заль при всѣхъ, что «два года тому назадъ онъ бы пожадуй и поступилъ такъ, какъ, я думаю, ему слѣдовало бы поступить теперь». И такъ, Артель уже 2 года есть нѣчто такое, съ чѣмъ и церемониться уже перестали окончательно, а она и не замѣчаетъ этого! Чувствуется ли Артель въ этомъ наипомнѣ признаніи, до какой степени положеніе ея шатко, гнило и какъ легко въ самомъ дѣлѣ сдѣлать съ нею все, что только пожелается? Если я такъ горячо вступился теперь, то потому только, что я желалъ бы, чтобы мы хотя настолько сохранили нравственнаго чутія, чтобы, когда кто-либо захочетъ криговѣнѣть Артели сиримизъ, то по возможности сдѣлали бы его безъ несправедливостей другини. Если Артель устранить отъ себя выраженіе своего мнѣнія въ данномъ случаѣ, то каждый изъ насъ еженеинутно будетъ думать: «А чортъ его знаетъ, что мой сочленъ и соговарищъ думаетъ, не лучше ли мнѣ предупредить его?» И вотъ, съ принципомъ нашего неучастива нмъ предстоитъ перспектива въ ближайшемъ будущемъ представлять изъ себя горсть людей, отчаянно другъ друга надуваяющихъ, другъ съ другомъ лицемерящихъ и поворно толкующихся, неизвѣстно для чего, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Не сердитесь, пожалуйста, мы не далеки отъ этого: то, что уже случилось, дасть кстороннимъ лицамъ право думать о насъ такъ, какъ я сказала сейчасъ. Я думаю, вы не станете мнѣ возражать, если я скажу, что невозможно сохранять спокойствіе и оставаться членомъ какого-нибудь общества въ томъ случаѣ, когда личныя убѣжденія и правила становятся въ противорѣчіе съ правилами этого общества. До тѣхъ поръ, пока не уничтожены наши старыя преданія, не пересмотрѣны основанія, на которыхъ мы держимся, я считаю себя правымъ до послѣдняго слога. Мое настоящее мнѣніе, быть можетъ, таково, что я рискую остаться съ нимъ одинъ — ну пусть Артель мнѣ это и объявитъ.

Я кончилъ, и прошу Артель въ общемъ составѣ отвѣтить мнѣ на слѣдующіе вопросы:

1-й. Одобряетъ ли Артель фактъ возздки X. за границу на казенныя счеты?

2-й. Одобряетъ ли Артель поведеніе X. въ данномъ случаѣ?

3-й. Признаетъ ли Артель, въ принципѣ, необходимость высказываться коллективно по всѣмъ возникающимъ щеголнымъ случаямъ?

4-й. Имѣли ли я уважительныя причины касаться обсужденія поступковъ X. въ данномъ случаѣ?

И такъ какъ въ прошлый разъ X. сказали, что я веду себя до такой степени заносчиво, рисуясь, играю роль и дѣйствую назойливо, то становится невозможнымъ быть членомъ Артели (обращаю капе вниманіе на

совпаденіе показаній: Венитъ *) обо мнѣ говорилъ то же самое), то прошу отвѣтить еще на послѣдній:

5-й вопросъ. Какъ смотритъ Артель на мою дѣятельность въ ней, въ качествѣ члена?

Въ заключеніе повторю, что на таковой вызовъ къ Артели я рѣшился въ виду тѣхъ противорѣчій, о которыхъ я упоминалъ уже и которыхъ требовать меня еженеинутно. Прому это заявленіе приобщить къ журналу.

19-го октябрия 1870.

VII. Письмо къ X. *).

Въ послѣднемъ намѣстѣ разговорѣ вы сказали что-то о примиреніи. Полагаю, что вы, какъ и я, много думали о томъ, что случилось въ послѣднее время. Я здѣсь не стану повторять, что я думаю о нашей возздки: я вамъ сказала уже лично и высказала товарищамъ. Вы истолковали мой поступокъ завистью: утѣшеніемъ мнѣ можетъ служить только то, что никто изъ товарищей не истолковывалъ въ принятомъ вами смыслѣ. Но все равно, такъ или иначе, а о нашихъ съ вами поступкахъ будутъ вѣроятно составлены понятія въ умахъ людей не заинтересованныхъ лично, а слѣдовательно и безпристрастныхъ. И ихъ мнѣніе вѣроятно когда-нибудь дойдетъ и до насъ, только тогда можно будетъ и намъ съ вами обсуждать наши теперешнія отношенія спокойно, и слѣдовательно прдти къ соглашенію, и можетъ быть даже примиренію. Въ настоящее же время вы считаете себя слишкомъ мною оскорбленнымъ, чтобы вы могли забыть: по крайней мѣрѣ я сомнѣваюсь въ этомъ, а потому какъ мнѣ ни жалъ, но дѣлать ничего, пусть развѣжится какъ началось. Я не могу, въ силу убѣжденій, поступить иначе. Здѣсь, конечно, я говорю не о формѣ, о ней можно, пожалуй, сожалѣть, а объ общемъ смыслѣ моего протеста; я не могу уступить шагу изъ того, что я сказала. Говорить: зачѣмъ же мы вышли изъ Академіи, если потомъ опять приближаемся къ ней? Къ чему было огорождать городъ? И такъ какъ я именно такъ понималъ свои отношенія къ Академіи и товарищамъ, то понятно, что я и дѣйствую въ этомъ духѣ. Три мѣсяца

*) В. В. Венитъ, одинъ изъ членовъ Артели (нигѣ давно умершій), имѣлъ несправедливости съ Крамскимъ во дѣламъ касамъ Артели, когда Кр. былъ «старшой». Ред.

**) Это письмо адресовано къ тому члену Артели, котораго Крамской выставилъ на судъ товарищей, по поводу предположаемой его возздки за границу, на издѣшныя Академіи художествъ. Ред.

тому назад, как у меня мелькнуло подозрение по поводу ласк, которыми осыпает нас NN., затѣмъ все болѣе и болѣе, и теперь итъ уже для меня сомнѣнн въ этомъ, и если ни не остережемся, онъ насъ утопнт окончательно въ мнѣнн общества. Можетъ быть, что онъ и не такъ думаетъ, какъ я говорю, но для насъ-то это все равно. Мы терпѣмъ одинаково, жее-заетъ ли онъ насъ утопнт, или сдѣлаетъ намъ добро.

Мы въ мнѣнн людей честныхъ все равно погибнемъ. Я болѣе дру-гихъ сожалѣю объ ошибкахъ, которыя я самъ надѣлалъ лично (напримѣръ взялъ мастерскую), но это еще не даетъ права NN. сказать про меня, что я ему чѣмъ-нибудь обязанъ. Слѣдовательно, я могу еще уйти. Важа же ошибка заключается въ томъ, что вы увидали какое-то личное съ моей стороны намъ противодействие. Это самое крупное недоразумѣнн. Я вижу, вы отъ него не можете отдѣлаться; слѣдовательно, какъ я ни увѣряю, я для васъ человѣкъ завидующн — личный вамъ недоброжелатель и врагъ. Это-то, конечно, и даетъ намъ силы не видѣть въ своемъ поступкѣ ничего достойнаго порицанн. Но вѣдь наступитъ время иди насъ убьднтся, что я дѣйствовалъ, забывая даже, что я обвиняю васъ, а не другого. Съ кѣмъ бы такая вещь ни случилась, я точно также былъ бы возмущенъ: тутъ не я одинъ говорю, а говорятъ чувства остальныхъ товарищей, вѣскольно впрочемъ трусливыхъ для того, чтобы послѣдовательно до конца сказать то, что думается. Я считаю наши отношенн (въ силу особыхъ обстоятельствъ — выхода изъ Академн) такими, которыя прямо ведутъ къ такого рода дѣйствнямъ, какъ мои: то-есть, если связались жизнь и карьера, то этимъ уже дается право рыться въ душѣ другого такъ, какъ не принято въ общиновенныхъ житейскихъ сношенняхъ. Оскорбительнаго здѣсь ничего нтъ. Я, напримѣръ, скажу про себя, что во все семь лѣтъ чувствовалъ сениннуто, что если я поступалъ въ ущербъ товарищу, то ужъ и долженъ ждать, что мнѣ скажутъ горькое слово. Это есть особенность нашихъ отношенн. Чтобы не упрекать, мы бы должны были со своими преданнми кончить при выѣздѣ изъ дома Штейнбоксъ, т. е. тогда, когда кончилось общее сердечное согласне между нами, расцвѣтъ двери и устроить Артель на основанн устава. Мы предпочли лицендрн.

Меня нечего увѣрять, что уставъ для насъ что-нибудь значитъ, потому что не онъ насъ связалъ. Когда намъ предстаа опасность быть разонан-ными, такъ какъ полищя насъ беззаконна, то мы втихомолку старались объ уставѣ (черезъ Второва), и притомъ о такомъ уставѣ, который бы былъ растяжнн и не мѣшалъ бы намъ дѣйствовать по правиламъ неписанныхъ. Этого обстоятелства никогда не нужно забывать при обсужденн моихъ по-стунковъ. Я, конечно, могу явиться въ настоящее время однимъ въ своемъ мнѣнн, но вѣдь это уже не моя вина, что я способенъ дольше другихъ къ вѣрности; притомъ же я и не одинъ. Вы это узнаете когда-нибудь. Я только

самый крайнн въ своихъ выводахъ. Если вы признаете хотя въ слабой сте-пени за мной право видѣть въ нашей поѣздкѣ, такой, какаа есть теперь, по-водъ, съ моей стороны, къ сожалѣнню, что мы вообще когда-то поѣздили другъ другу, то этимъ значительно облегчается возможность примиренн. Но вѣдь это-то и есть самое трудное. Съ этой частью я кончилъ. Я не думаю, чтобы мы здѣсь были близки къ рѣшенню спора.

Другая же часть нашихъ недоразумѣнн — менѣе опасна, хотя и болѣе остра, и, по моему мнѣнню, ближе стоящая къ согласенню — это квар-тира. Тутъ не можетъ быть такого глубокаго несогласн и разннцы, какъ въ 1-й, хотя одно и является отъ другого. Мнѣ, напримѣръ, было больно, когда вы рѣшили, чтобы квартира никому изъ насъ не досталась: это не-нужная жестокоств. Вѣдь не можете же вы думать серьезно, чтобы я дѣй-ствительно способенъ былъ говорить о васъ, что вы мнѣ навязали квар-тиру, въ томъ случаѣ, когда я прошу васъ лично мнѣ ее уступить. Если же вы дѣйствительно такъ обо мнѣ думаете, то это меня удивляетъ несказанно, потому что я, напримѣръ, несмотрн на наши разногласн, ни на минуту не могу думать о васъ, чтобы вы были способны къ такимъ низкимъ про-дѣлкамъ. Въ противномъ случаѣ, семь лѣтъ тѣснаго знакомства не при-дѣлалъ насъ ни къ какому знакомству между собой. И если мы дѣйствительно такъ думаемъ, какъ говоримъ, то едва ли возможно теперь какое-либо со-глашенне. Если вы найдете нужнымъ продолжать объясненн — я готова.

Октября 1870 г.

VIII. Въ Общемъ Собранн членовъ Спб. Артели художниковъ члена ея Ивана Крамского

Промежене *).

Считалъ себя неудовлетвореннымъ отвѣтомъ Общаго Собранн на мое заявленне отъ 19 октября, въ томъ смыслѣ, что постановленне членовъ Артели не дало отвѣта на мои вопросы, и относн это къ тому, что вѣро-ятно я недостаточно ясно выразился, и я прощу покорнѣе Артель еще разъ высунуть меня и дать отвѣтъ на мои вопросы. Въ концѣ моего за-явленн я указалъ причину вызова къ Артели. Прочитавъ постановленне Общаго собранн, я остался въ томъ же положенн недоумѣнн и тревоги. Во 1-хъ, я не требовалъ отъ Артели подтвержденн моего заявленн,

*) Съ черновика, писаннаго рукой Крамского.

а выражал свое мнение и точку зрения, на которой я нахожусь, стараясь только доказать свое право (как члена Артели) касаться обсуждения данного случая. Я совершенно понимаю, что ответы Артели могут не совпадать с моими желаниями, но ведь мне только нужно было знать ответы Артели на вопросы.

Во 2-х, заявление мое, как оказывается, привело в недоумение Артель, какими образом я решился написать его? до того оно не логично. Что же это такое? Обидѣла ли я Артель, написавши его? Не имѣла ли я права дѣлать заявления, или Артель увидела в моем поступкѣ признакъ умышленнаго разстройства? Все это одинаково, какъ мнѣ кажется, можетъ быть выведено изъ приведеннаго мною мѣста журнальнаго постановленія, и есть самое сильное запутывающее меня выраженіе.

3) Артель считаетъ просьбу Х. о снятій его за границу и занятіе мною мастерской въ Академіи равнозначущими. Здѣсь существуетъ недоумѣніе, и, мнѣ кажется, Артель приравниваетъ двѣ неравныя величины. Что такое просьба Х., я уже говорилъ въ заявленіи, и доказывалъ, что онъ не имѣетъ права рѣшить, не оскорбляя другихъ, что дѣлать на казенный счетъ за границу слѣдуетъ ему. А занятіе мастерской мною основано на правѣ, точно такомъ же, какъ и право Артели занять мастерскую въ Академіи. Печатныя правила Академіи, которыя я прочелъ, находясь безъ пристанища въ мастерской Маркова (въ то время и Артель еще не имѣла своего устроеннаго помѣщенія, а я былъ и вовсе безъ квартиры), даютъ право на мастерскую всякому художнику, имѣющему заказъ казенный или общественный, а я имѣлъ заказъ для Московскаго музея. Слѣдовательно, я вошелъ и взялъ, чѣмъ мнѣ принадлежало уже, такъ сказать. Пусть Х. укажетъ разное право, и я буду молчать. Я, напримѣръ, полагаю, что Артели было бы приличнѣе, еслибы она не взяла мастерской въ Академіи: то же самое и мнѣ, но Артели больше; но я не дѣлаю изъ этого вопроса, по крайней мѣрѣ теперь. Съ своей стороны я 9-го октябріи заявилъ конференціи-секретарю, что мнѣ мастерская болѣе не нужна. Мы отказывались въ Академіи не отъ мастерской, и не это былъ жизненный вопросъ, а взаимная помощь, въ замятій той потери, которой мы лишились, отказываясь отъ конкурса. Вѣдь я повторилъ Х., и расположилъ свое извѣстѣ такимъ образомъ, что вся карьера художественная и совершенствованіе въ искусствѣ стали отъ того въ зависимости. Я думаю, что разница существуетъ.

4) Артель рѣшила не дѣлать никакихъ запросовъ Х., «такъ какъ онъ не отсутствовалъ отъ устава ни въ чемъ»; но я не желалъ, чтобы Х. былъ сдѣланъ запросъ, то въ чемъ касается до устава, то въ моемъ заявленіи я ни разу на него и не сослался, понималъ, что уставъ тутъ не при чемъ. Уставъ не-

явился на свѣтъ болѣе 1½ года спустя послѣ нашего выхода. Я только ссылался на тѣ главныя начала, которыя лежатъ въ основаніе нашей связи и довѣрія, а эти основанія для меня и до сихъ поръ такъ же дороги, какъ и въ первую минуту выхода. А такъ какъ мы гласно отъ нихъ ни разу не оторкались еще, то я и считалъ себя въ правѣ обсуждать воступокъ Х.

Наконецъ, послѣднее: скрытность Х. заслуживаетъ полнаго неуваженія, стоитъ въ постановленіи. Что-нибудь одно: или Артель въ воступкѣ Х. не видитъ и тѣни какого-либо нарушенія договора, а дѣйствіе такое же законное, какъ занятіе мною и Артелью мастерской—тогда какъ же онъ можетъ заслуживать полнаго неуваженія? и мнѣ токъ онъ одинъ? если онъ, то и я заслуживаю неуваженія, а потомъ и Артель? Очевидно тутъ вѣнослѣдовательность, и я ей-Богу не могу помѣять. Если же это есть отвѣтъ на мой вопросъ: «какъ смотрѣть Артель на поведеніе Х.»—то, стало быть, просьба Х. не одобряется? Дальѣйшее выраженіе постановленія какъ будто это и говорить, но такъ, что понять мнѣ, жаждущему отвѣтовъ яснѣе, невозможно, тѣмъ болѣе, что это мѣсто стоитъ въ формѣ отнесеннаго разсужденія, и инакъ не можетъ быть отнесено ни къ осужденію, ни къ оправданію. Я былъ радъ встрѣтить въ концѣ постановленія выраженіе желанія Артели сохранить уваженіе ко мнѣ, равно какъ и къ Х., если мы не будемъ стараться своими поведеніемъ раздѣлять. Вотъ только это послѣднее добавленіе заставляетъ меня опасаться, чтобы мое заявленіе и настоящая просьба не были приняты за раздѣляющую поступокъ. Но послушайте же, наконецъ, справедливо ли вы меня обвиняете, если я вынужденъ чѣстѣю это сдѣлать? Я говорю вамъ, что я такъ понимаю, а вы мнѣ отвѣчаете: не оскорбляй насъ! Я прошу сказать вамъ, какъ вы думаете, а вынуждаюсь къ тому внутренней тревогой и сожалѣніями, а вы, мѣсто того, чтобы сказать мнѣ, что я ошибаюсь, что вы такъ, какъ я, не думаете и не думали—грознете.

Неужели же не существуетъ у насъ права выражать свое мнѣніе?

И такъ, воля ваша, но я еще разъ прошу васъ отвѣчать мнѣ на 4 вопроса, поставленные въ заявленіи. Послѣдній, пятый, я опускаю, потому что отвѣтъ на него будетъ заключаться въ отвѣтѣ на четвертый. Въ виду же словесныхъ возраженій на 5-й вопросъ, я позволю себѣ только прибавить: что я вполне сознаю неумѣстность формы его, потому что я хотѣлъ сказать не то, что вы поняли, а только то, что мнѣ было тяжело во второй разъ въ Обществѣ Собраніи уламывать отъ членовъ Артели (поступки которыхъ я обсуждалъ), что такъ вести себя нельзя, что если я буду такъ себя вести, то станеть невозможно быть членомъ Артели, а вѣдь я считалъ себя въ правѣ такъ поступать. Вотъ и въ постановленіи напередъ дается мнѣ предостереженіе, о которомъ я говорилъ выше: согласитесь, что я, ду-

мая, что поступая хорошо, и получая въ отвѣтъ едакое заявленіе, могу же задаться вопросомъ: если я честный человекъ, итѣ ли и тутъ недоразумѣнія, которое мнѣ важно разъяснить? Я выразился неудачно, ну я и опускаю его совсѣмъ, тѣмъ болѣе, что онъ по смыслу принимается отчасти къ 4-му вопросу.

Итѣ также заявить, что въ Общихъ Собраніяхъ я не могу быть до тѣхъ поръ, пока не получу отъ васъ отвѣтъ. Мнѣ очень тяжело, и я такъ долго жду. Такое состояніе парализуетъ мои занятія.

Ноябрь 1870.

IX. Въ Общее Собраніе членовъ Сиб. Артели художниковъ Ивана Крамского

Заявленіе *).

Такъ какъ Общее Собраніе уклонилось отвѣчать на мои вопросы, а товарищи въ личныхъ разговорахъ выразили, большинствомъ, осужденіе моего поступка вообще, а нѣкоторые даже сами себя сочли оскорбленными въ лицѣ Х., я же считаю себя совершенно правымъ, и по соейсти такъ долженъ былъ поступить, въ виду такихъ обстоятельствъ—то, послѣ этого, находя свое положеніе между членами извинившимися до того, что, оставаясь между вами, я долженъ буду лицемерить, я вынужденъ нахожусь выйти изъ Артели. О чемъ и довожу до вашего свѣдѣнія и проку меня не считать членомъ Артели съ сего числа 24.

И. Крамской.

24-го ноября 1870.

X. Заявленіе Товарищества Передвижныхъ выставокъ **).

Въ № 252 газеты «Русскій Міръ», г. Тютрюмовъ съ изумительнѣйшею свѣдѣностью обвиняетъ художника В. В. Верещагина въ томъ, что картины изъ туркестанскаго края, имѣющія извѣстность загранично и у насъ, пи-

*) Съ черникова, писанного рукой Крамского.

Ред.

**) Съ черникова, писанного рукой Крамского. Эта форма «Заявленія» не была одобрена Товариществомъ, а напечатана въ «Голосѣ» (1874 № 275) «Заявленіе» въ изысканной извѣстной формѣ, предложенной Г. Г. Мясоедовымъ. См. выше, письмо къ В. В. Стасову отъ 5 октября 1874, № СХУ.

Ред.

сами не нѣтъ, и тутъ же, отъ лица русскихъ художниковъ, позволяетъ себѣ отстранить Верещагина отъ ихъ семьи.

Болѣе тяжелаго и возмутительнаго обвиненія никому еще изъ русскихъ художниковъ не было сдѣлано въ печатномъ словѣ.

Вполнѣ убѣжденнымъ, что дѣло обвиненія въ подлогѣ Верещагина не можетъ кончиться ничѣмъ кромѣ суда, мы оставляемъ эту часть его статьи на его личной отвѣтственности и касаться не будемъ; все, что мы имѣемъ сказать теперь, заключается пока въ слѣдующемъ: кто далъ полномочіе г-ну Тютрюмову говорить отъ лица русскихъ художниковъ? Критическія замѣчанія его о картинахъ Верещагина настолько безграмотны, въ смыслѣ искусства, что нижеподписавшіеся не могутъ признать за ними никакого значенія и отказываются считать ихъ принадлежащими какому-нибудь серьезному и уважаемому себя, не только художнику, но даже просто развѣтному диллетанту. Исключать же г. Верещагина изъ семьи русскихъ художниковъ г. Тютрюмовъ, или его доверители, если таковые есть на самомъ дѣлѣ, имѣютъ еще меньше оснований.

Что касается В. В. Верещагина, какъ художника, то мы заявляемъ, что значеніе его въ искусствѣ настолько серьезно, что не только семья русскихъ художниковъ, но и художники иностранные сочли бы за особое удовольствіе и гордость считать его въ числѣ своихъ представителей.

Октябрь 1874.

XI. Памятная записка *).

Уставъ Академіи художествъ, дарованный ей императрицею Екатериною II, съ небольшими измѣненіями дѣйствовалъ до 1841 г., когда были уничтожены казеннокомитетные воспитанники. По измѣненіи устава, съ 1841 г. вступленіе въ Академію сдѣлалось открытымъ для людей великаго знанія и безъ всякаго научнаго экзамена.

Въ 1859 г. уставъ Академіи былъ измѣненъ опять, и на этотъ разъ въ немъ были расширены права и власть конференцъ-секретаря.

Въ 1864 г. было слѣдствіе надъ конференцъ-секретаремъ Академіи, который и признанъ виновнымъ въ превышеніи власти.

*) Эта записка предназначалась для подачи министру двора, въ 1882 году, въ виду предстоявшагося «Художественнаго съѣзда» во время Всероссийской выставки того года, въ Москвѣ. Печатается съ черновой рукописи.

Ред.

В 1865 и 1866 г. по Высочайшему повелѣнію была образована комиссия для пересмотра устава Академіи художествъ, подъ председательствомъ графа Сергія Григорьевича Строганова. Въ числѣ ея членовъ были также и тогдашній вице-президентъ Академіи, князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ, авторъ устава Академіи художествъ 1859 г. Къ сожалѣнію, результаты засѣданій Высочайше утвержденной комиссіи неизвѣстны, не смотря на то, что введенныя измѣненія въ уставъ 59 г. не были оправданы жизнью, въ чемъ сама Академія, въ 1867 году, на годичномъ актѣ четвертаго ноября въ рѣчи, читанной конференціи-секретаремъ, сознавалась торжественно, что съ уставомъ Академіи 1859 г. она приноситъ пользы искусству не можетъ.

(Чтобы проверить достоверность здѣсь сообщаемого, надобно обратиться къ подлинной тетради рѣчи, читанной на актѣ, а не къ печатному отчету).

Въ 1868 году должностной вице-президента уразднелся, и Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, при вступленіи своемъ въ должность товарища президента Академіи художествъ, поручилъ сочиненіе проекта новаго устава Академіи конференціи-секретарю, который и былъ имъ изготовленъ къ 1874 г. Въ этомъ году, по волѣ Его Высочества была назначена новая комиссия изъ художниковъ, для разсмотрѣнія сочиненнаго конференціи-секретаремъ устава Академіи художествъ. Предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ самъ авторъ проекта, сложившій, впрочемъ, очень скоро съ себя предсѣдательство за болѣзнію, и комиссія окончила возложенное на нее порученіе при новомъ предсѣдателѣ — ректорѣ Академіи.

Результаты ея занятій не получили практическаго примѣненія. Около того же времени, Его Императорское Высочество соизволило на то, чтобы возникшее уже въ это время Товарищество передвижныхъ художественныхъ выставокъ занялось обсужденіемъ вопроса о сліяніи двухъ художественныхъ центровъ: официального и частнаго, «безъ нарушенія правъ и интересовъ Товарищества». Члены Товарищества, представлявшіе письменное заключеніе Общаго Собранія Товарищества, имѣли счастье слышать одобреніе Его Императорскаго Высочества, съ присовокупленіемъ словъ: «на будущее время имъ такъ и попробуемъ»; а чрезъ нѣсколько времени правленіемъ Товарищества было получено официальное извѣщеніе чрезъ конференціи-секретаря, чтобы Товарищество впредь не расчитывало на помѣщеніе своихъ выставокъ въ Академіи.

Въ 1876—77 годахъ возникаетъ при Академіи общество, которому дается покровительство, поддержка, и даже болѣе того — монополія распорядяться залами Академіи художествъ, по личному усмотрѣнію комитета

общества. Къ счастью, такая привиллегія, дискредитирующая государственное учрежденіе, была уничтожена въ 80-омъ году, какъ возбуждавшая справедливыя жалобы со всѣхъ сторонъ. Тамъ не мѣняе, вопросы о сліяніи остаются нетронутыми, а еще болѣе серьезный — вопросъ о пересмотрѣ устава Академіи художествъ, Высочайше признанный необходимымъ еще въ 1866—1867 годахъ, до сихъ поръ не поступаетъ на очередь.

Вотъ причины, по которымъ художественный съѣздъ можетъ быть признанъ необходимымъ и полезнымъ, тѣмъ болѣе, что нутемъ печати объ уставѣ Академіи касаются всокрещено.

1882.

ДОПОЛНЕНИЕ.

ХІХ а. Письмо въ редакцію „Новаго Времени“ *).

М. г. Позвольте просить васъ дать мѣсто въ вашей газетѣ нижеслѣдующимъ строкамъ:

Г. Аверкиевъ въ III-мъ № своего «Дневника Писателя» помѣстилъ статью: «Нѣчто о головахъ» нашихъ живописцевъ. Развивая въ ней свои мнѣнія о русской живописи, онъ касается, между прочимъ, нѣкоторыхъ обстоятельствъ и событий въ художественномъ мірѣ, не обладавъ знакомствомъ съ фактами, и говоритъ о московскихъ любителяхъ живописи, не зная ихъ. Въ предисловіи къ читателю, г. Аверкиевъ воть какъ объясняетъ причину появленія своей статьи (обстоятельство это только, впрочемъ, усугубляетъ отвѣтственность опытнаго писателя): «Есть вещи, о которыхъ думаю много и долго, но для выраженія надуманнаго либо не представляется достаточнаго повода, либо не находится подходящаго журнала. Къ числу такихъ наболѣвшихъ у меня на душѣ вопросовъ принадлежатъ и вопросъ о русской живописи. Думаю, что теперь самое время высказать свои соображенія. Есть заблужденія, которыя требуютъ опровергать, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, особенно когда за защиту ихъ берутся люди даровитые, умные и заставляютъ читать себя. А статья по поводу Тургеневскихъ писемъ пусть се выложится. Она отъ того ничего не потеряетъ».

Казалось бы, статья Аверкіева, въ силу того, что онъ «много и долго» думалъ о предметѣ статьи, не должна быть плодомъ мыслишки и раздраженія, а между тѣмъ она именно носитъ на себѣ всѣ признаки велишмики и

раздраженія, и потому очень жаль, что авторъ и эту статью не оставилъ лежать въ портфель. Она оттого, несомнѣнно, только бы выиграла. Въ настоящемъ же своемъ видѣ она представляетъ невозможную смѣсь вѣрныхъ положеній, извѣстныхъ всѣмъ изъ книгъ; разбросанныхъ и не ясно сформулированныхъ собственныхъ мыслей автора, почти сплошь изобрѣнныхъ; совершенныхъ вымысловъ, навязываемыхъ кому-то и потому побѣдоносно разбиваемыхъ, и, наконецъ, невѣрныхъ сужденій о людяхъ, о которыхъ онъ не имѣетъ ни понятія.

Личныя мнѣнія г. Аверкіева о русской живописи я оставляю безъ всякаго возраженія, потому что онъ судитъ по мѣрѣ силъ и способностей, какими надѣлила его природа. Тутъ ничего нельзя поставить въ вину человѣку. Иное дѣло факты. Знаніе ихъ обязательно для того, кто ихъ излагаетъ. Аверкиевъ же считаетъ возможнымъ заимствовать вымыслъ то, чего онъ не знаетъ. Такъ, напримѣръ, причины возникновенія Товарищества ему неизвѣстны, и онъ сочиняетъ свое. Спрашивая: откуда взялись «эти передвинутыя», самъ же и отвѣчаетъ:

«Нѣсколько лѣтъ назадъ, юные художники, даже ученики, повздорили съ академическимъ начальствомъ, оставили Академію и образовали свое общество для выставокъ. Они думали, что учинили родъ революціи, хотя просто сдѣлали скандалъ».

Ни одного слова правды. Образованію Товарищества не предшествовало ничего шумнаго. Его образовали вовсе не юные художники, а тѣмъ менѣе ученики Академіи. Г. Аверкиевъ, очевидно, что-то перепуталъ.

Въ ноябрѣ 1868 года въ Академіи художествъ произошелъ отказъ 14 человѣкъ конкурентовъ на большую золотую медаль. Еслибъ г. Аверкіеву было извѣстно, какъ и что именно произошло, то онъ, при желаніи быть справедливымъ, не употребилъ бы въ примѣненіи къ этому случаю словъ: «повздорили» и «сдѣлали скандалъ». Выходъ изъ Академіи 14 человѣкъ ничего общаго съ образованіемъ Товарищества не имѣетъ, и рѣшительно ничѣмъ съ нимъ не связанъ. Товарищество возникло въ 1870 г. Идея его родилась въ кружкѣ молодыхъ людей, и даже прикнули къ Товариществу, въ числѣ 14, только пять, и то номинально. Теперь изъ нихъ въ Товариществѣ — трое.

Такихъ образцовъ, г. Аверкиевъ разсказалъ возникновеніе не Товарищества, а какого-то фантастическаго общества, членомъ котораго онъ, вѣроятно затѣмъ, аттестуетъ уже вотъ какъ:

«Учинивъ скандалъ, «передвинутыя» вздумали разорвать не только съ Академіей, но и съ искусствомъ вообще. Они бросились въ Италію единственно для того, кажется, чтобы имѣть право бранить, въ качествѣ очевидца, великихъ мастеровъ. И то были не единичныя исключенія (?) —

* Эта статья была напечатана въ «Новомъ Времени» 1895 года, № 3254.

ить, таково было общее стремление. Мы своими глазами видели «передвижников» (?) в Ватикане пред «Преображеніем» Рафаэля, и своими ушами слышали, как они съ туюющимъ высокомеріемъ восклицали: «Можетъ быть это и искусство, но я не видалъ летающихъ мужиковъ». Они думали поразить насъ, полагая, что невѣжество умя Богъ знаетъ какаго невидаль».

Къ сожалѣнію, г. Аверкиевъ, сочинилъ клевету на передвижниковъ, что они были охвачены общимъ стремленіемъ ругать великихъ мастеровъ, просматривая обстоятельство ничтожное, но предательское для него. Онъ своими ушами слышалъ, какъ передвижники восклицали (множественное число), а цитата обличаетъ я — число единственное. Что-нибудь одно, г. Аверкиевъ, или вы утверждаете завѣдомо ложь, или же... должны быть осмотрительнѣе, и точно обозначить, сколько ихъ было, и всѣ ли восклицали, и, наконецъ, кто не это были: пенсіонеры ли Академіи, ученики, опытные художники?.. Да и когда г. Аверкиевъ былъ въ Италіи?..

Оканчиваетъ г. Аверкиевъ свои приговоры «передвижникамъ» тоже довольно самонадѣянно:

«Указанія на то, что въ русской живописи завелось что-то неладное, дѣлалось раньше насъ; мы выразились только съ большою откровенностью, и, надѣемся, съ большою доказательностью».

Надежда совершенно напрасная.

Вслѣдствіе дѣло только эти и ограничивалось, то художники, вѣроятно, смолчали бы: одинъ разъ больше или меньше его обработаютъ — не все ли равно? Но человекъ смолчать не можетъ, когда г. Аверкиевъ расточаетъ грубые ругательства лицамъ, которыхъ онъ не знаетъ, а считаетъ достояніемъ основаніемъ для отыска слятню, распусканію, какъ онъ говоритъ: «наиболѣе скромными и талантливыми художниками».

Я рѣшительно не понимаю, какъ могъ «никого и долго» думавшій литераторъ написать нижеприведенной строки (стр. 92): «Наконецъ, наиболѣе скромные и талантливые художники, непритворно любящіе свое искусство, утверждаютъ, что вся гибель въ непомирной жадности извѣстности и денегъ».

«Чтобы сбыть картину, рассказывали они намъ, надо, чтобы она какъ можно болѣе намутила. А чѣмъ намутишь? Либо сюжетомъ позаборнѣе, который не нравился бы самымъ глупымъ газетамъ, либо кухней того го-голевскаго повара, который въ мерѣ видѣлъ всю суть. Намъ московскіе меценаты ни уха, ни рыла не понимали въ искусствѣ; они покупали картины изъ тиеславія, чтобы о нихъ писали въ газетахъ. На картину, которая не намутишь, они и глазомъ не взглянутъ». «Мы весьма вѣримъ, что наши меценаты именно таковы, какими ихъ описываютъ художники».

Последними словами г. Аверкиевъ, такимъ образомъ, росписался въ томъ, что онъ беретъ всю отвѣтственность чужихъ словъ на себя. Удивительно, до чего въ настоящее время легкомысленно и нагло-осторожно бросаютъ клевету и бранью направо и налево. Г. Аверкиевъ долженъ бы, кажется, понимать, какую обиду онъ наноситъ людямъ, ему неизвѣстнымъ. Вынужденное молчаніе и невозможность отбѣга со стороны оскорбленныхъ не должно, да и не можетъ, дать ему надежду считать себя правымъ. Г. Аверкиевъ долженъ понять, что послѣ его выходки, съ нимъ если еще и могутъ говорить, то именно третьи лица, и притомъ такіа, которыя бы знали что-нибудь достоверно. Въ нашей газетѣ уже и было возраженіе г. Аверкиеву одного возмущеннаго третьяго лица, совершенно посторонняго, но такъ какъ лицу этому дѣло тоже не близко знакомо, судя по возраженію, то я считаю своимъ личнымъ долгомъ нечисто сказать нѣсколько словъ. Пойметъ-ли г. Аверкиевъ правильно мотивы, которые я привелъ въ этомъ руководствѣ, или онъ будетъ объяснять ихъ по-своему — все равно: оскорбленіе вчужѣ такъ глубоко чувствуется, что молчаніе знающихъ третихъ лицъ будетъ сообщничествомъ съ оскорбителями. Въ нашей газетѣ былъ названъ П. М. Третьяковъ, московскій собиратель картинъ. Разъ онъ уже былъ названъ, я буду говорить о немъ же.

Сообщать я буду только факты, вѣстные всѣмъ художникамъ, кому приходилось имѣть съ нимъ достаточное знакомство. Третьяковъ собираетъ картины русскихъ художниковъ чуть ли уже же 30 лѣтъ. Я знаю его давно, и давно убѣдился, что на Третьякова никто не имѣетъ вліянія, какъ въ выборѣ картинъ, такъ и въ его личныхъ мнѣніяхъ. То же самое говорилъ мнѣ и Перовъ, знавшій его гораздо больше и ближе моего. Если и были художники, полагавшіе, что на него можно было вліять, они должны были ютотъ отказаться отъ своего заблужденія. Третьяковъ никогда не посягаетъ мастерскія художниковъ въ сопровожденіи лицъ, которыхъ можно было бы принять за сфлероновъ: онъ всегда оди. Манера его держаться въ мастерской и на выставкахъ — величайшая скромность и молчаливость. Никто никогда не можетъ сказать впередъ, какаа картина имѣетъ вѣроятіе быть имъ купленной. Картины онъ никогда не покупаетъ по началу, а тѣмъ болѣе по концу. Только когда картина кончена всѣмъ, она можетъ стать предметомъ переговоровъ.

У каждаго художника, что-нибудь работающаго, Третьяковъ бывалъ нѣсколько разъ въ году, и всегда знаетъ, что у кого дѣдается, и какъ. Когда еще никто не зналъ о томъ, что В. В. Верещагинъ готовитъ коллекцію картинъ изъ врененіи покореніи Ташкента, за 1½ года до выставки 1874 г., Третьяковъ былъ у него въ мастерской въ Мюнхенѣ и тогда же указалъ, какия картины онъ желалъ бы пріобрѣсти. Картинамъ

Третьяковъ приобѣтывалъ прежде въ мастерской, когда еще никакого мума и отъѣзды не существовало; но дѣтъ семь тому назадъ онъ измѣнилъ свой обычай, и теперь приобѣтываетъ на выставкахъ, а въ мастерской только у очень хорошо известныхъ ему художниковъ. Намѣнилъ онъ свой обычный тому, что однажды не знавшій его хорошо пейзажистъ, полагавшій, что у Третьякова есть сфелеры, позволилъ себѣ сдѣлать ему такое замѣчаніе, что не хорошо покупать въ мастерской, что художникъ при этомъ рискуетъ ошибиться, и что слѣдуетъ покупать на выставкѣ. Съ тѣхъ поръ Третьяковъ всегда и на всѣ выставки долженъ являться первымъ, чтобы имѣть возможность не упустить намѣченнаго. Во время аукциона верещагинскихъ картинъ изъ Ниди, Третьякова укоряли, что онъ надбавлялъ своимъ кѣм, не глядя даже на картину. Между тѣмъ, у него по каталогу раньше было отпечено 54 номера, которые онъ «долженъ былъ приобѣтсти» (какъ онъ выражался), и упустилъ изъ нихъ только 3 или 4, да и тѣ въ настоящее время уже въ его галлерей.

И такъ, послѣ фактовъ, которые обязательно должны быть поминаны, остается мнѣніе Аверкіева, что любители все-таки ничего не понимаютъ, а въ одномъ мѣстѣ статьи онъ говоритъ, что желалъ бы встрѣтить нѣмца, вѣрующаго въ существованіе русской школы живописи, для того, чтобы его просвѣтить. Онъ можетъ найти многихъ нѣмцевъ, писавшихъ о картинахъ Верещагина и о русской живописи на всемірной выставкѣ 1878 года. Я могъ-бы ему назвать французова и англичана, которые отзываются о русской живописи съ уваженіемъ (наприм. Богу въ «Revue des deux Mondes» 1882 г.), но такъ какъ г. Аверкіевъ непремѣнно хотѣтъ нѣмцевъ, то я укажу ему на Берлинское Археологическое Общество въ Римѣ, издающее «Альбомъ рисунковъ Иванова». Въ предисловіи къ этому изданію говорится объ особенностяхъ русскаго гени въ живописи.

Примите и проч.

И. Крамской.

1885.

АЛФАВИТЪ ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ.

А.

Аверкіевъ (Д. В.): 734.

Автографъ художественной выставки: 68.

Адлербергъ (графъ): 83.

Айвазовскій (И. К.): Его картина: 270, 271.—Упом.: 344, 544—547, 553, 557, 593, 681, 692.

Академія художествъ: 29, 43, 49—50, 126, 150, 182—183, 193, 240—242, 306, 310—311, 367—368, 375—376, 383, 478, 536, 563, 565—567, 572, 583, 586—589, 595—607, 610—633, 636—639, 693—697, 701—702, 704—720.

Александръ (С. Т.): 334, 361—362, 393.

Александръ (И. С.): 393, 523, 560.

Александръ І: 522, 667.

Александръ ІІ: 33, 540—542, 575, 667—668.

Александръ ІІІ. Портреты Его, раб. Крамского и другихъ: 131, 136, 213, 250, 253, 258, 259, 260—263, 288, 289, 292, 372, 671—674.

Аленскій Михайловичъ, царь: 531.

Александровъ-Дольниковъ: 32.

Александровскій (С. О.): 330, 331, 673.

Александровъ (Н. А.). Письма къ нему: 323, 677.—Отъ него: 224, 238, 251, 271, 433, 434, 437, 440—442.

Аленинъ: 223.

Альма-Тадомъ: 401, 559.

Ангелъ: 398, 401, 667—668.

Антокольскій (М. М.). Портреты его:

258, 259, 372.—Его произведенія: Писаръ Грозный: 68—69, 282.—Петръ І: 101, 130.—Христосъ: 177, 198, 222, 228, 230, 231, 277, 283, 296, Смерть Сократа: 277, 280, 283, 288, 296, 325, 327, 328.—Его прозвѣтъ камиллина Пушкину: 247, 257, 258, 446.—Его прозвѣтъ камиллина Ним. Александру ІІ: 540, 542.—Упом.: 70, 86, 87, 131, 184, 232, 233, 317, 320, 327, 542, 575.

Аполлѣвъ Бальведерскій въ Ватиканѣ: 487—488, 644, 646.

Артель художниковъ (въ С.-П.-бурѣ): 43, 50—51, 54—55, 57, 80—81, 566—567, 683.—Ходайство одного изъ членовъ ея о послѣдствіяхъ его Академіи художествъ загранику: 721—730.—Выходъ Крамского изъ Артели: 730.—Отдѣленіе Артели въ Москвѣ: 58.

Архитектура въ Европѣ: 278—280.

Атмосфера (въ писемѣ Крамского по ошибкѣ: Арсенъ): 540.

Ахенбахъ (А.): 158.

Б.

Байрейнъ: 713.

Баклановъ: 567.

Барнаи: 528.

Басинъ (И. В.): 614, 720—721.

Бастень Леопольдъ: 401, 458, 459, 490.

Бато Анджелино: 476.

Богровъ (А. И.): 69, 71, 93, 222,

250, 453, 500, 673.

Богровъ (А. К.): 407, 435.

Безсоновъ (В. К.): 76, 379.

Бѣтъ (Е. М.). Письма къ ней: 245, 409, 573, 576. — Ея силуэт: 245.

Бейдманъ (А. Е.): 40, 42, 702.

Бернес: 117.

Берлин: 62.

Бионсильда (граф): 401.

Бисмарк (князь): 316.

Бобарыкинъ (П. А.): 474, 508.

Богачикъ (Н. Т.): 369.

Боголюбовъ (А. П.). Его картины: „Устье Нема“: 115, 119, 121, 225, 339; „Лесоходъ“; и „Петровский юбилей“: 225. — Уном.: 79, 108, 125, 183, 196, 202, 223, 241, 244, 248, 250, 252, 288, 289, 292, 321, 329, 370, 385, 407, 429, 483, 480, 496, 522.

Богомоловъ (Н. С.): 395.

Бодаревскій (Н. К.): Его картина „Смута“: 519. — Уном.: 680.

Бодис: 252.

Божериковъ (Н. Н.). Письмо къ нему: 573.

Бонд. Его портреты г-жи Полыноной и картина „Ворота Иакова съ Богомъ“: 287, 291. — Уном.: 398, 401.

Бортовъ: 104, 132, 152, 196.

Борыковский (В. Л.). Его картина „Поляны Богословъ“: 198. — Уном.: 26, 197, 628.

Ботинъ (Х. П.): 253, 255, 458.

Ботинъ (М. П.). Этюды Старообрядка: 375. — Уном.: 83, 190, 277, 392, 427, 451.

Ботинъ (С. П.). Портреты его, раб. Крамского: 448. — Уном.: 87, 96, 99, 152, 167, 184, 333, 345, 357, 372, 408, 483, 488, 554, 556.

Бравый (П.): 26, 27.

Бреусова (Н. Н.), воеводѣвъ Крамскихъ: 25.

Бретгов: 298.

Брежневъ (О. А.). Его картина: „Осажденіе Гермеса“: 333. — Уном.: 429, 516, 717.

Брунъ (О. А.). Его картина: „Молеліе о Чили“: 642. — Уном.: 33, 48, 49, 50, 179, 193, 553, 584, 614, 616, 648, 717.

Брыгаловъ: 239.

Брыловъ (К. П.). Портреты его: 176. Его картины: „Прометей“: 198; „Сладкая вода въ Константинополь“ (альпурель): 270; „Послѣдній день Помпеи“: 461—462. — Уном.: 5, 147, 151, 197, 340, 341, 584, 607, 608, 648, 649, 650, 717.

Булловъ (П. А.). Его произведенія: портреты Кавалана и „Сиверная ночь“: 275; „Утро въ Туркестанѣ“: 518. — Уном.: 245, 252, 259, 363, 373—374, 376, 377, 378, 399, 405, 416, 426, 527.

Бугеро: 453.

Булгановъ (О. И.). Письма къ нему: 468, 470, 477. — Уном.: 469, 529.

Буренинъ (В. П.): 509, 546, 552.

Буржуазіа. Отношенія къ искусству: 264—265.

Буровъ (О. Е.). Его работы: 672, 673.

Бутвичевъ: 280, 283, 293.

Булсинъ (В. Г.): 204, 239, 254, 487, 504, 553, 718.

Булголюбовъ (Н. А.). Письма къ нему: 538, 553, 556.

В.

Валгерь (Н. П.). Письмо къ нему: 405. — Его статьи: „Меланхолическая организация Университета“: 460—467.

Валь-Деймъ: 65, 229, 458, 475, 476, 718.

Васильевъ (А. А.). Письма къ нему: 71, 72, 74, 75, 78, 80, 81, 87, 90, 92, 94, 95, 98, 101, 103, 108, 115, 121, 122, 123, 131, 132, 137, 146, 149, 152, 155, 157, 161, 164. — Его произведенія: „Зима“: 84, 88; „Волна“: 90; картина для Государыни Императрицы Маріи Александровны: 116; „Болото“: 116, 128; „Варни“, „Внутренности лѣса“, „Пчелыники“: 196, 197. — Другія произведенія его: 167—169, 173, 175, 176. — Портреты его, раб. Крамского: 258, 259, 372, 402. — Уном.: 32—87, 109, 117, 121, 123, 129, 132, 135, 140—144, 149, 158—161, 160, 188—189, 190—191, 195, 260, 269—270, 326, 329, 341, 350—358.

Васнецовъ (В. М.). Его картины: „За часомъ“: 184; „Ученіе телеграммъ“: 274, 486, 490; „Витисъ“ и „Акробаты“: 374; „Развѣивающіе флажки“ и „Аленушка“: 486; „Префрантъ“: 408. — Рисунокъ съ картиной Вережанина: 300. — Уном.: 203, 225, 252, 373, 406, 418, 422, 425, 426, 432, 620, 636.

Валенсъ. Его работы: портреты Папы въ жаландо Дорія: 287, 294. — Уном.: 194, 214, 298, 299, 302, 303, 475—476, 489, 670.

Величневскій: 4, 26.

Велера Милосская: 172, 645.

Венеціановъ (А. Г.): 611.

Венигъ (В. В.): 39, 56, 725.

Венигъ (К. В.): 126, 634.

Вережанинъ (В. В.). Его картины и выставки: 209—213, 216, 220—221, 609, 393—394, 435—436, 505, 533—550, 666—607, 684, 693. — Начатый съ него портреты, раб. Крамского: 436. — Уном.: 187, 216, 218, 223, 224, 233, 235, 235, 239, 245, 257, 317, 321, 322, 343, 358, 370, 399, 424, 425, 457, 463, 471, 488, 518, 542, 545, 549, 566, 569, 589—590, 592, 595, 730—731.

Верещагинъ (В. И.). Его картина, Подполковникъ Новонича съ Туркестаномъ: 222. — Уном.: 126, 516, 634, 672.

Вердъ. Его картина „Варрала“: 397.

Вернъ (О.): 429.

Верещае (Палло): 309.

Вильми: 713.

Винкельманъ: 535.

Винтергальтеръ: 667.

Винчи (Леонардо): 580, 650.

Владиміръ Александровичъ, Великій Князь: 108, 110, 149, 205, 350, 375, 376, 383, 422, 451, 732.

Вогъ: 540.

Волженинъ: 95, 104.

Волженинъ (Е. К.). Его картины: „Начало зимы“: 118, 529; „Червоныя“: 534. — Уном.: 143.

Воронцовъ (М. П.): 608.

Воронцовъ-Давидовъ (графъ Н. И.): 458, 542.

Вотъ: 400.

Второвъ (Н. Н.): 28, 32.

Выставна Академическая (1872, 1874 и 1879 г.): 87, 222, 408.

Выставна Всемирная въ Парижѣ (1878): 369, 372, 374, 375, 376.

Выставка Всемирная въ Ниццѣ (1884): 485, 486, 489.

Выставка художественной Артели, въ Имперіи Новгородѣ (1865): 38.

Выставы передвижныя: 119, 145, 182, 183, 272, 275, 403, 409, 573.

Выставы художественныя, предъ нхъ: 304, 307, 308. — Уном.: 596.

Вьюжниковъ (Н. А.): 25.

Г.

Гадаринъ (князь Г. Г.): 50, 567, 732.

Галлерей Вагнера и Рачинскаго въ Берлинѣ: 62.

Галлерей Редиская: 63, 193.

Гартбергъ (С. Н.): 439.

Гартманъ (В. А.). Предложенная выставка его произведеній въ Москвѣ: 220, 223. — Уном.: 204, 205, 220, 223.

Гаршинъ (В. М.). Письмо къ нему: 379. — Уном.: 470.

Гашковъ: 266.

Гаузеръ (Э. К.): 42.

Гиде-Ремъ: 305, 319.

Го (Н. П.). Его картины: „Тайная вечеря“: 38; „Петръ Г.“: 74—76, 39, 412; „Пунжикъ въ селѣ Михайловскомъ“: 358; портреты Шафа: 379. — Участіе его въ проектахъ устройствъ передвижныхъ выставокъ: 183. — Уном.: 76, 78, 79, 83, 98, 96, 108, 114, 145, 149, 151, 174, 184, 202, 225, 244, 245, 340, 247, 388, 407, 429, 531, 560, 613, 684, 717.

Гебгардтъ: 398, 554.

Гегель: 535.

Гейне: 117, 713.

Гейсхъ (А. К.): 212, 217, 218, 219, 224, 229, 215.

Гензельманъ и французы: 311, 312, 318, 319.

Герингъ: 718.

Геринскій. Его картина: „Итальянская таверна“: 253. — Уном.: 256.

Гермюеръ: 401.

Гиндбургъ (Х. Г.). Портреты его, раб. Крамского: 519, 520.

Гогартъ: 713.

Гоголь (Н. В.). Его произведенія: „Мертвые души“: 637; „Ссора Иванъ Ивановича съ Иваномъ Ивановичемъ“: 17. — Уном.: 24, 497, 590, 593, 582, 601, 713.

Годуи (К. В.): 619.

Гольдбергъ: 309, 476.

Головинъ: 554.

Гоноръ: 713.

Гончаровъ (П. А.). Портреты его, раб. Крамского: 372. — Уном.: 331, 601.

Горенъ (К. Н.). Его картина: „Смерть жемчужинъ Кудрякова-хана“: 536.

Грѣвъ: 305, 319.

Грибцовъ (А. С.). Портреты его, раб. Крамского: 70, 145, 154, 171, 176. — Его „Поре отъ ума“: 554, 555.

Григорьевъ (Д. В.). Статьи его о картинахъ Васильева и Шинякина: 83. — Статьи о помѣ Крамского: 90, 92. — Переговоры съ нхъ о носилкахъ Васильева: 133, 134, 135, 141, 142, 143,

146, 147, 148, 151, 152, 158. — Отношение его к Васильеву: 78, 347, 348, 350, 351. — Портреты его, раб. Крамского: 271, 329, 372, 551. — Упом.: 67, 74, 77, 78, 81, 89, 94, 99, 103, 104, 109, 110, 118, 115, 116, 119, 124, 128, 132, 146, 147, 175, 190, 196, 197, 525, 526, 532. Грб: 398.

Грэмме (В. Т.): 149.
Гримова: 395, 396.
Гротт (А. Е.): 399.
Гуевич: 249, 269.
Гуч (К. О.). Его произведения: „Полоса земли“: 250; „Перевоз через Самарку“: 252 — 253; „Отдых“: 250, 443, 453; „Голова“: 493. — Выставка его произведений: 333. — Портреты его, раб. Крамского: 272, 448. — Упом.: 66, 108, 149, 179, 183, 202, 221, 269, 270, 272, 273, 281, 282, 426, 435.
Гурис: 539.
Гурьев: 423.

Д.

Давид: 398.
Давыд (илятина). Портреты анна-реаль, нарисованный с нею Крамским: 52.

Джотто: 476.
Даль (Р. П.): 114.
Давилевский (А. Я.): 19.
Давилевский (П. П.). Портреты его, раб. Крамского: 448.
Давилевский (И. П.): 18, 20 — 21, 23, 27 — 29.

Давилевский. Его программа: „Адам и Ева перед грузом Авеля“: 602.
Данте. Его поэма: „Ада“: 637.
Дашков (В. А.): 72, 73.
Делакруа: 214, 318, 319.
Делараш: 193, 214, 254.
Демидов (А.): 461.

Демидов, князь Сант-Донат (П.): 438.
Денвер: 30, 52, 53, 54, 37, 667.
Державин (Г. Р.): 250, 269.

Делатант (Автор статьи о Крамском на „Живописном Обозрении“ 1880 г.): 4.

Диккенс: 128.
Дмитриев-Кавказский (Л. Е.): 494.
Дмитриев-Оренбургский (П. Д.): 31, 56, 62, 501.

Доббин: 318, 319.
Добролюбов (Н. А.): 497.
Долгоруков (князь В. А.): 540, 542.

Даль (Карло): 306, 319.

Дерв: 415.

Достоевский (Ф. М.). Отношение его к картинам: 307. — Роман его „Братья Карамазовы“: 509. — Портреты его, раб. Перова: 114, и Крамского: 431. — Статья Крамского об его портретах: 669. — Упом.: 431, 432, 476, 536, 575, 687.

Дыгаченко: 224, 240, 336.

Дыженков (М. В.): 42, 43.

Дюрер (Карлос): 286, 291.

Диксарт (Е. З.): 540.

Дервер (Альбрехт): 475.

Е.

Егоров (А. Е.): 198, 584.

Екатерина I: 586, 588, 631, 628, 630, 706.

Екатерина Михайловна, Великая Княгиня. Уроки Крамского Ея дочери: 59. — Портреты ея сына, раб. Крамского: 59, 62. — Упом.: 59, 60, 61.

Ж.

Жанмар: 401.

Жанмар. Требования от него у французов и у русских: 297, 298.

Жемчужников (В. М.). Портреты его, раб. Крамского: 495, 500, 518, 538, 539. — Упом.: 183, 217.

Жемчужников (А. М.): 500, 538.

Жерико: 393.

Нермис: 306.

Живопись французская: 290, 295, 299 — 299.

Журавлев (Ф. С.). Его картина „Встреча лева“. 86. — Упом.: 51, 204.

Журналы. Отношение их к искусству: 454.

З.

Заболотный (Н. П.): 732.

Заблунт (Н. Е.): 394.

Заблунт (Н. П.): 247, 248, 249, 445, 446.

Загорский (Н. П.): 674.

Зарлин (С. К.): 35.

Заваров (А. Н.): 269.

Зеленский (М. М.): 76.

Зиньков: 425.

Золд (Э.): 306, 307, 308, 314, 319, 320, 562.

И.

Иванов (А. А.). Его „Изображения из священной истории“: 664 — 666. — Его картина „Явление Мессии народу“: 34 — 35, 609 — 610, 642, 647 — 662, 678. — Предположенный портреты его, работы Крамского: 420. — Его письма: 421 — 422, 430. — Упом.: 419, 422, 424, 474, 487, 636.

Иван Грозный: 531.

Ивачев (В. Я.): 413.

Ивачев (П. А.): 493.

Издания для народа: 495 — 498.

Иков (Ш. П.): 613.

Иконников (Е. И.): 85, 127.

Иконников (И. М.): 91, 129.

Индивидуальность из искусства: 622.

Импрессионизм: 298, 311 — 313.

Исмаев (Н. Б.): 438.

Искусство. Главные положения и законы его: 266. — Отличие его от науки, требования от него и мода на него: 293 — 294. — Подчиненность и независимость его: 307. — Спекулятивное направление его: 328. — Влияние внешних обстоятельств на него и на художников: 229 — 230. — Отношение к нему публики и печати в России и за границей: 254 — 255. — Борьба за него русских художников: 479. — Взгляд на него графа Льва Толстого: 515.

Искусство греческое: 309.

Искусство европейское. Его индивидуальность: 490. — Искусство европейское на западной выставке в Париже: 486. — Искусство западное, его несомнительность: 490. — Искусство новое: 563 — 564. — Искусство новое и старое: 473, 474, 488, 489. — Искусство итальянское: 309. — Искусство французское: 320; его понижение: 491. — Искусство русское; краткий обзор его: 628. — Зависимость его от Академии художеств: 595 — 639. — Присутствие его на западной выставке в Париже: 400. — Взгляд на него, его настоящее и будущее: 386 — 387. — Искусство пространное и русское: 397 — 398.

Исмаев (П. О.): 69, 72, 93, 95, 103, 125, 126, 127, 155, 151, 158.

К.

Курдун (О. П.): 108, 158, 232, 234, 308, 310.

К.

Кабанов: 618.

Кавелин (К. Л.): 275, 510.

Калаш: 519.

Каменин (Л. Л.). Его картина „Ласт“: 114 — 115.

Каменин (Ф. Ф.): 177.

Камушкин: 810, 860.

Камушкин (Н. С.): 114, 379, 449.

Каратыгин (П. А.): 154, 171.

Карав: 540 — 541.

Карстов: 319.

Катков (М. Н.): 542.

Кауфман (М. П.): 212.

Келлер (Н. П.). Его картина: „Геркулес“: 618. — Упом.: 40, 42, 136, 151, 613, 634, 672, 717.

Кисленко (А. Д.): 619.

Киселев (А. А.): 477, 518.

Кистин (псевдоним критика): 677.

Кларк (О. А.). Портреты его, раб. Крамского: 534.

Клевер (Ю. Ю.). Его картина: „Скитание половецкое“: 143. — Упом.: 460 — 461, 468, 469, 471, 474, 477, 501, 620, 650.

Клеверин: (П. А.): 75, 110, 119, 157, 161, 163, 165, 167.

Клодт (барон М. К.). Его картины: „Павлов“: 87, 95; „Утро“: 225; „Финляндский вид“: „Малороссийский вид“, „Грязная дорога“, „Стадо коров“: 340; „Вид его картины“: 235. — Упом.: 79, 182, 183, 202, 249.

Клодт (барон П. К.). Его картины: „Промель перед отъездом“: 274; „Париж востает к туркам“: 429; „Татьяны“: 521 — 522, 532 — 534; „Последний весна“: 612. — Упом.: 42 — 43, 202, 271, 369, 405, 432.

Клодт (барон П. К.): 432.

Клодт художником: 532.

Князь: 342, 400, 535 — 6.

Ковалевский (Н. М.). Письма на тему: 543, 544, 560, 561, 572, 573, 576. — Портреты его, раб. Крамского: 543, 544, 560, 561, 572, 573, 576. Упом.: 681.

Ковалевский (П. О.). Письма на тему: 458, 481, 500, 503, 506, 574. — Произведения его: „Раскопки в Риме“: 217; „Встреча двух саней на дороге“: 529; „Тройка“, „На станции“: 540. — Упом.: 76, 253, 256, 293, 619 — 620.

Колерит в современной русской живописи: 520, 524, 525, 526, 537, 637, 638, 688.

Кольцовъ (А. В.). Портреты его, раб. Крамской: 70, 71, 78, 86, 87, 95, 122, 143, 154, 160, 250, 381, 333, 335, 429, 493, 503, 555. — Упом.: 661.

Композиция из художественных произведений: 526.

Котурсы: 444—448.

Коракунъ (А. П.). Картины его: «Надеть перед отпразднением в коруны»: 86, 339; «Возвращение ямского отряда домой»: 339, 612. — Упом.: 4, 20, 31, 42—43.

Корнелиусъ: 600.

Корниловъ (Н. П.). Портреты его, раб. Крамской: 420.

Корб: 263, 311, 318, 319.

Корнеице: 680.

Коршъ (В. Ф.): 233.

Костанди. Его картина: «Въ люди»: 531.

Котловъ: 295.

Ковалевъ (Н. А.): 39, 56. — Его картины: «Ручей»: 375; «Посеребрие Христа»: 678.

Крамская, мать художника: 8, 9, 14, 25, 26, 28.

Крамская, старшая сестра художника: 9.

Крамская (С. Н.), жена художника. Письма къ ней: 59, 63, 65, 280, 283, 291. — Портреты ея, раб. Крамской: 413. — Упом.: 71, 72, 164, 402, 403, 410, 575.

Крамская (С. И.), дочь художника: 413, 414, 554, 555, 556, 557, 576.

Крамской (Н. Н.). Автопортреты и дневники его: 3, 7, 402. — А. Картины его: «Смерть Ивана Сусянина»: 18; «Молесей носилъ шерохова теленъ Черного моря»: 33; «Молесей»: 48; «Олень переправлялся черезъ Дикую реку короты»: 35—36; картины его на сюжеты изъ бытостей Голландии: 40; изъ жизни Христа: 40; «Христосъ въ мусульмъ»: 40, 77, 89, 97, 98, 102, 103, 105, 106, 107, 115, 185, 188, 195, 208, 209, 239, 380—382, 414; «Майская ночь»: 75, 77, 78, 79, 87, 107, 115, 132, 145, 379; «Охотники»: 74, 77; «Христосъ на дворѣ Пилата»: 112, 124, 188, 195, 263, 311, 359, 360, 430, 552; «Божій человекъ» и «Осмотръ стараго дома»: 124, 161, 162; «Старикъ на мчеленикъ»: 190, 291; «Проходивше»: 250, 251; «Созерцатель»: 332, 339; «Старое топило»: 410; «Мушкетеры», «Вдова»: 430; «Неутѣное горе»: 433—434, 439, 543; «Царина Александра»: 554—563. Рисуны: съ «Иакоима»: 30; иллю-

страция къ Пушкину: 415. — «Школа рисования»: 453. — Рисунки для издания Мамонтова: 404, 406. — В. Скульптура: Голова Христа, вылепленная изъ глины и воска: 40; фигуры для картин «Христосъ во дворѣ у Пилата»: 467; идея памятника Императору Александру II: 541—542, 575. Г. Портреты: знаменитыхъ русскихъ людей, для Руликовскаго музея: 71, 72; илл. для Давидова: 32; М. В. Чулковъ: 40, 56; Хомутковъ, отецъ и сына: 58; Н. А. Гончарова: 58, 59, 175, 208—209, 212, 213, 224, 225—226, 234, 238, 246; Печенинъ: 69, 70; Фонъ-Визина: 70; Кольцова: 70, 78, 86, 87, 95, 122, 143, 154, 160, 250, 331, 333, 335, 493, 503, 555; Грабова: 70, 145, 154, 171, 176; Наседкина Цесаревича, князя Государя Императора Александра Александровича: 131, 136, 224, 253, 258, 259, 260, 261, 262, 283, 288, 289, 292; графа Бобринскаго: 131; гр. П. А. Валуева: 131, 136; графа Л. Н. Толстого: 160, 161, 163, 166, 178, 197, 207, 366, 394, 406, 534, 543; П. С. Тургенева: 226; В. Н. Третьякова: 252, 260, 261, 272, 329, 331, 335, 359, 365; М. М. Антокольскаго: 258—259; Д. В. Григорьевъ: 271, 329, 551; К. Ф. Лука: 271, 448; Я. П. Погодина: 271—272, 384; Хвощинской: 271; И. Е. Рылкина: 299, 300, 301, 355, 368; Н. А. Некрасова: 331, 332, 333, 334, 335, 359, 363, 374, 375; Н. Г. Рубинчикова: 331, 335, 358, 359; Ю. О. Саларины: 333, 334, 335, 411; С. Т. Алкасова: 335; Е. А. Карловской: 402, 403, 404; О. А. Васильева: 402; ин. Васильичева: 411, 420, 453; ин. Черкаскаго: 411, 428; С. Н. Крамской: 413; М. Е. Салтыкова: 333, 334, 335, 413; Н. П. Корнилова: 420; Д. Н. Менделѣева: 420; О. М. Достоевскаго: 431; П. П. Дюма: 448; Лескова: 448; С. П. Юнгина: 448; С. А. Онуфриева: 448—450, 550, 551, 552; Д. Н. Паскарева: 472; В. М. Жемчужникова: 473, 495, 500, 518, 558, 589; А. Н. Майкова: 484, 493, 551, 560; А. Д. Игнатовича: 495, 500, 503, 506; баронесса Л. Г. Гинцбургъ: 519, 520; Кларка: 534; П. М. Ковалевскаго: 543, 544, 560, 561, 572, 573, 576; В. М. Васильева: 555, 574; В. П. Тополькова: 558; И. Н. Шинкина: 258, 259, 366. Д. Статьи его: 367 и слѣд.

Крамской (Н. Н.), сестра художника: 409, 410.

Крамской (М. И.), сестра художника: 250, 292, 325, 326.

Крамской (М. Н.), старший братъ художника: 4, 14, 25.

Крамской (Н. О.), отецъ художника: 3, 14, 25.

Крамской (О. Н.), старший братъ художника: 5, 14, 25.

Крамской (О.), дѣдъ художника: 3.

Краняхъ (Лука): 475.

Крейтанъ (В. О.): 615.

Критика художественная: 239, 349, 390, 391, 412, 430, 490, 507, 508—510, 528—529, 563, 565, 677—681.

Кригеръ: 667.

Кривошъ (П. К.). Его картина: «Геркулесъ, бросающій Лихаса въ море»: 618. Несомнѣнно: 618.

Кудрявцевъ (М. А.): 76.

Кузнецовъ (Н. Д.): 433. — Его картины: «Ремонтъ» и «Поленные дѣти»: 520. — Портреты Метликова: 562.

Кузидинъ (А. И.). Его картины: «Забитая деревня»: 201, 233, 234, 235, 239; «Чумацкій трактъ»: 245—246, 251—252; «Степь»: 249; «Пѣсь» и «Заходящее солнышко»: 273—274, 363; «Ночь на Дятлѣ»: 510, 662—663. — Упом.: 143, 182, 208, 232, 259, 262, 266, 275, 344, 362—363, 413, 429, 436, 527, 620, 630.

Курбё: 311, 590.

Л.

Лавровская (Е. А.). Портреты ея, раб. Крамской: 402—404.

Ламин: 250—251.

Лебедевъ (М. И.): 522.

Левинъ (Л. Г.): 249, 628.

Левинъ (С. Л.): 33, 667, 673.

Левинъ (А. Л.): 413, 471, 678—679, 680—681.

Леманъ (Ю. И.): 66, 173, 406, 407, 410.

Лембахъ: 398, 401.

Лемохъ (К. В.): 31, 52, 204, 253, 415, 426, 477, 493, 527, 546.

Леонидъ, преселенный: 72.

Лермонтовъ (М. Ю.): 18, 443, 661.

Лесковъ: 535.

Лидогалъ: 123.

Литовченко (А. Д.). Портреты его, раб. Крамской: 493, 500, 503, 506. — Упом.: 30, 253, 407, 528.

Лорренъ (Илья): 715.

Лосенко (А. П.): 198, 628.

Львовъ (Ф. О.): 50, 617, 621.

М.

Мадрара: 398, 401.

Майковъ (А. Н.). Портреты его, раб. Крамской: 484, 493, 551, 560. — Упом.: 114, 370.

Манаповъ (Е. К.): 75, 76, 89.

Манаповъ (Н. К.): 37, 38, 39, 40.

Манаповъ: 395, 398, 401, 408.

Мавзинъ (Удаль): 539—540.

Мавсинъ (В. К.). Его картины: «Охотники»: 223; «56 ангеловъ»: 274; «Осужденный»: 407, 409. — Упом.: 202, 233, 239, 240, 377, 378, 385, 410, 414, 415, 517, 530, 620, 634, 683.

Маковский (К. Е.). Картины его, 0064: «Историческая картина»: 85; «Крестьянская похороны»: 86; «Урокъ вряни»: 225; «Песенные ковра»: 286; «Боярский истре»: 510. — Портреты: Девочкой и дамы изъ красной кляты: 562; Александра II: 667, 668. — Упом.: 406, 474, 501, 525, 544, 546—547, 552—553, 612, 634, 641.

Маковский (Н. Е.): 143.

Маминъ (В. М.). Его картины: «Мальчикъ у ручья» и «Дѣвочки»: 225; «Приходъ колдуна на свадьбу»: 246, 251, 369; «Призрака ризы»: 274—276; «Тюль»: 435; «Болная муча»: 442. — Упом.: 136, 336, 338.

Мансъ (Габриель): 403, 437, 438, 689—647.

Мая: 311, 312.

Марковъ (А. Т.): 6, 33, 36—40, 47—49, 56, 179, 308, 310, 386, 516—517, 703—704, 728.

Мартьяновъ (А. Н.): 613.

Марья Александровна, Великая Княгиня: 139.

Марья Николаевна, Великая Княгиня: 103, 370, 567.

Мастерская для художниковъ: 357, 638.

Матвей: 256, 268, 398, 400.

Матушинскій (А. М.): 349, 369, 412, 434, 677.

Мельниковъ (Петерскій): 32, 569.

Меллеръ: 475.

Менделѣвъ (Д. Н.). Портреты его, раб. Крамской: 420. — Упом.: 289.

Ментона: 481, 482, 484.

Месонъ: 491, 492, 517, 536.

Месенаты: 399, 310, 636.

Мечников: 562.
 Мещеряков (А. И.). Его картина: „Зима“ 518—519.—Упом.: 554.
 М—в. Статья его в „Новом Времени“ о русской Академии художеств в Рязань: 694—697.
 Мильер-Андре: 214, 294, 309, 328, 645.
 Миньшин (М. О.). Его картина: „Холлуна с ребенком и лодкой“: 180.—Проект его памятника Пушкину: 429.
 Милань, князь Сербский: 316.
 Милорадович. Его картина: „Черный Собор“: 518.—Упом.: 528.
 Миняев (Д. Н.): 336.
 „Миритон“, общество художников в Париже: 329.
 Михайлова (Е. П.). Ее воспоминания о Крамском: 40.
 Моллер (О. А.). Его картина: „Юанг на острове Патмос“: 34.
 Монтегги (Н. А.): 135, 189, 196, 197.
 Монтверде. Его произведения: „Осложнитель“: 401.—Упом.: 215.
 Морелли: 215, 283.
 Морозов (А. Н.). Его картина: „Отдых на склонах“: 612.—Упом.: 42, 53.
 Музей Румянцевский и Публичный в Москве. Портреты знаменитых русских людей для него: 58.
 Мунат: 393, 401.
 Мукаич. Картина его „Миньтон“: 400.—Упом.: 398, 491.
 Мурьяло: 475, 580.
 Мурзенгин (М. П.). Портрет его: 435, 670.
 Маслов (Г. Г.). Картина его: „Земское уездное собрание в свободное время“: 114; „Чтение молодежи мужикам про волю“: 174, 184, 204; этюды: 225; „Засуха“ или „Могила на папи о даровании дождя“: 274, 371; „Уголь дрова“: 518.—Упом.: 87, 107, 191, 200, 202, 219, 220, 222, 282, 261, 347, 369, 373, 577, 586, 407, 429, 527, 683, 780.
 И.
 Национальность в искусстве: 264, 265, 327, 654.
 Испова: 251, 262.
 Илья: 265, 267.
 Ивев (П. В.): 428, 518, 528, 557.

Ивев (П. А.). Портрет его, раб Крамского: 331—334, 358, 359, 374, 375.
 Ивев: 77, 78, 95.
 Ивев (А. В.): 32, 154, 176, 271, 420.
 Николай Александрович, наследник Царевич: 33.
 Николай Е. 667.
 Нинов, картина: 531.
 Норман: 393, 401.

О.

Облавление (книга): 336.
 Образование художественное: 631, 632.
 „Общество выставок“ при Академии художеств: 240—244.
 Общество любителей художеств в Москве: 438, 440.
 Общество поощрения художников: 91, 92, 109—113, 141—143, 151, 152, 382.
 Оверберг: 660.
 Овчинков (А. А.): 38.
 Опекушин (А. М.): 252, 253, 429, 446.
 Орловский (В. А.). Его картина: „Среднее море“: 143; „Ферма“: 424.—Упом.: 183, 253, 501, 650.
 Основание (Грицко): 19.
 Островский (А. Н.): 252, 379, 449.

П.

Панев (М. М.): 31, 32, 48, 121, 669.
 Панов (Н. М.): 27.
 Панов: 26—28.
 Парик: 65—66.
 Пенсониер Академии художеств: 184, 286, 624.
 Перев (В. Г.). Письмо к нему: 114.—Его картины: „Выгул извести на Двирь“: 114; „Расправа Пугачева“: 174; „Никита Пустовоз“: 427, 451; „Приезд гвардии“: 252; „Первый чин“: 310, 612; „Учитель рисования“: 536; „Приезд слепого на слепоту“: 611; „Проводы сельского священника“: 612.—Портреты: А. Н. Майкова, Дала, Тургенева: 114; О. М. Достоевского: 114, 669; Каминина: 114, 379, 449; Погодина: 114, 379; Беззубова: 379; Островского: 379; Степанова: 379; Императора Александра III: 674.—Упом.: 76, 79, 95, 108, 115, 143, 145, 202, 204, 308, 225, 233, 239, 259, 409.

Р.

437, 440, 442, 450, 474, 478, 487, 511, 530, 553, 683.
 Порукино: 476.
 Песков (М. Н.): 53, 612, 615, 703.
 Петров (Н. П.). Его картина: „Смелость чиновника“: 612.
 Петров (Н. Н.): 677.
 Петрушевский (В. О.). Письма к нему: 288, 289, 433, 480, 484, 493.
 Пехт (Фр.): 684.
 Пилинов (Н. С.): 33, 49, 614, 617.
 Писаров (Х. Н.). Портрет его, раб Крамского: 472.
 Писемский (А. О.): 58, 435, 670.
 Погодин (М. П.): 114, 379.
 Пономарев (Н. П.): 173, 176—177, 184, 200, 307.
 Полесов (П. Н.): 224, 414.
 Поленаев: 453.
 Воловец (А. А.): 287.
 Полонский (И. П.). Портрет его, раб Крамского: 269, 271—272, 384.
 Полнов (В. А.). Его картина „Ито“: 412.—Упом.: 75—76, 172—173, 254, 256, 286, 291, 292, 383, 407, 409, 413, 518, 523, 619—620.
 Померанцев (К. П.). Его картина „Подъезд в острок“ из „Мертвого дома“, Достоевского: 47—48.
 Помев: 283—284.
 Пономарев (М. П.): 254, 235.
 Пестников (С. П.): 83.
 Пестиков: 480, 481.
 Прудилла. Его картина: „Сумасшедшая королева“: 400.
 Праскитель: 678.
 Пряхов (А. В.). Его статьи: 177, 256, 257, 324.—Отец его невесты: 184, 205—206, 218—219, 300, 379, 453, 681.
 Прерафалиты: 475.
 Протасов (Фр.): 553, 558.
 Прохоров (В. А.): 671—673.
 Прудон: 307, 308, 590, 719.
 Пружинников (Н. М.). Его картины: „Патриарх француз в 1812 году“: 200, 225; „Червоный Старост“: 518.—Упом.: 202, 369, 683.
 Пружинников (О. М.): 586.
 Пусев: 607, 611.
 Пушкин (А. С.). Проекты памятника ему: 222, 247, 257, 258, 420, 445.—Иллюстрация Крамского к его произведениям: 415.—Упом.: 429, 554, 661.
 Пупин (А. Н.): 254, 373.

Раманов (Н. А.): 35, 53, 57.
 Растрелли: 26.
 Рафаэл: 63, 65, 106, 248, 465, 571, 573, 580, 607, 611, 645, 685, 713.
 Ребев (Д. Н.): 621.
 Резанов (А. Н.): 108, 143, 158.
 Рембрандт: 65, 215, 299, 303, 309, 313, 475, 476, 489, 529, 548, 670.
 Рень: 214, 299.
 Рембрандт газетные: 460, 461.
 Рибейра: 283, 287, 294, 478.
 Рибейра: 65.
 Рим: 278—277, 280.
 Русинев: 525, 526, 637.
 Рихтер: 393, 401, 667, 668.
 Рихтер (Н. П.). Письмо к нему: 575.
 Рубин (А. Г.): 558.
 Рубин: 475, 476, 593, 685.
 Рубинштейн (А. Г.). Портрет его, раб Крамского: 331, 335, 558, 559.
 Руд: 434.
 Русские. Их будущее и искусство: 266.—Отношения их к славянам: 324.
 Русс: 318—319.
 Рубин (Н. Е.). Письма к нему: 168, 171, 176, 180, 191, 198, 201, 220, 227, 239, 240, 242, 243, 245, 254, 262, 263, 272, 362, 364, 365, 371, 373, 377, 382, 383, 384, 385, 389, 394, 404, 405, 406, 407, 408, 412, 414, 425, 426, 428, 432.—Его картины: „Враки на Волге“: 134, 136, 192, 195, 207, 383; „Монахи“: 198—200; „Юж“: 202; „Варшавский мост“: 264, 268; „Диконя“: 273, 275, 373, 378, 389, 449; „Сельская школа“ и „Песня чудотворной иконы на Корень“: 378; „Из робких“: 275; „Садко“: 300, 317, 518; „Параша Софья“: 378, 406, 407, 409, 412, 413, 414; „Проводы комманданта“: 416; „Не дали“: 483; „Илья Грозный“: 507, 508, 510, 511, 516—517, 521, 522, 523, 524, 536, 537, 538.—Портреты его работы: В. В. Сосова: 199—200; женский акварельный: 199—200, 206—207; гр. Алексея Толстого: 207; Н. С. Тургенева: 226, 286; Мамонтова: 275, 384; А. П. Кундича: 382, 383, 384, 385; Заблудина и Чижова: 384; М. П. Мусорского: 435, 670; Писемского: 435, 670; Н. В. Стасовой: 519.—Портрет Рубина, раб Крамского:

го: 299, 300, 301, 365, 368. — Упом.: 75—76, 89, 127, 132, 136, 147, 191, 199, 209, 248, 392, 320, 343, 382—383, 388, 399, 400, 418, 471, 474, 491, 527, 529, 531, 619, 620.

С.

Савина (М. Г.): 508—509.
Савицкий (К. А.): Его картины: программа на золотую медаль: 75—76; «Землекоп на желтой дороге»: 161, 184, 239; «Работы»: 233, 234—235; «Томские люди»: 442; «На войну»: 483; портреты Императора Александра III: 674. — Упом.: 83, 69, 93, 96, 100, 127, 143, 156, 158, 178, 180, 196, 200, 201, 203, 207, 209, 220, 223, 228, 242, 244, 246, 248, 254, 263, 274, 286, 292, 356, 373, 388, 390, 425, 477.
Свердлов (А. К.): Его картины: «Ученик кризиса»: 79, 310; «Печерский монастырь»: 191. — Упом.: 219, 684.
Саломея лавинский: 287, 296—297, 304—307, 491.
Салтыков (М. Е.): Письмо к нему: 493. — Его скан: «Карас-идеалист»: 493. — Портрет его, раб. Крамского: 333—334, 412. — Упом.: 331, 400.
Самарин (Д. О.): 411.
Самарин (Ю. О.): Портрет его, раб. Крамского: 333—336, 360, 361, 362, 411.
Самойлович (Н. С.): 501—502.
Семидороцкий (Г. И.): Его картины: «Гришанин»: 136, 147, 148, 253, 256; «Христианская святость»: 277, 280, 282, 288; работы его для Исторического музея в Москве: 437—438. — Упом.: 179, 180, 193, 221, 300, 334, 397, 567, 619—620.
Сидоров (А. В.): 506, 543.
Скульптура ирландия и ювал: 234, 486; скульптура в Италии: 309.
Соболев (Н. П.): 451.
Соловьев (А. П.): 33.
Соловьев (К. Т.): Письмо к нему: 139. — Упом.: 99, 122, 125, 175, 189, 196, 308, 391, 292, 415.
Сонев (А. П.): 366, 369, 370, 372, 374, 378, 383, 471, 494, 694.
Сорин (К. С.): Его картина «Изгнание»: 618. — Упом.: 38.
Стасов (В. В.): Письма к нему: 167, 191, 197, 208, 212, 214, 232, 234, 278, 296, 300, 306, 318, 393, 397, 422, 434, 478, 479, 486, 491, 539, 558, 559, 560, 562, 567, 568, 569, 572, 575, 670, 683. — Статьи его: 80, 213, 232, 258, 278, 393—394, 448—450, 478, 551, 649. — Упом.: 196, 200, 204—205, 224, 226, 228, 230, 231, 238, 243, 247, 272, 299, 369, 390, 384, 412, 677, 679—681, 730.
Столяки и ирониками: 268.
Страхов (Н. И.): 546.
Строганов (П. А.): 476, 512.
Строганов (Г. С. Г.): Портрет его, раб. Крамского: 246, 453. — Упом.: 81, 197, 234, 704, 732.
Суворин (А. А.): Портрет его, раб. Крамского: 552.
Суворин (А. С.): Письма к нему: 7, 246, 323, 367, 368, 427, 490, 448, 450, 451, 460, 464, 466, 467, 472, 508, 512, 516, 520, 521, 524, 525, 527, 528, 529, 532, 533, 535, 536, 539, 544, 543, 548, 549, 552, 553, 554, 662, 684. — Портрет его, раб. Крамского: 550—551. — Статьи его: 319, 450, 508, 516, 524, 529, 528—536, 540, 558—554. — Упом.: 319—320, 371, 463, 470, 471, 486, 489.
Судков (П. П.): 460, 464—471.
Сурков (В. И.): Его картины: «Кань срубленная»: 478; «Карнавал»: 522. — Упом.: 482—483.
Сыда художественный на всероссийской выставке в Москве: 438—440.
Скворцов (Г. С.): Орудие его: «Русская женщина»: 96.

Т.

Талити на искусство: 635, 687.
Талма (А. О.): 500, 502, 507.
Товарищество: 634—635, 652.
Тенденциозность в литературе и искусстве: 518, 532—533, 537.
Теплюкова (В. И.): Портрет ее, раб. Крамского: 558.
Терещенко (О. А.): 400, 442.
Техника на искусство: 304, 313.
Тезисы: 235.
Тихомиров (С. И.): 225.
Тихонов: 137, 193, 194, 309, 475, 489, 606, 642, 645.
Товарищество передвижных выставок: 342, 374, 376, 384—399, 409, 428—431, 566—567, 683, 732, 734.
Товарищество Восковых статуэток его работ: 86.
Толстой (Г. А. К.): 207, 209, 277.
Толстой (Г. Д. А.): 271.
Толстой (Г. И. Н.): Письмо к нему: 512. — Его Комментарии на Библию:

13: 432. — Его переводы Библии: 488, 513—514. — Его произведения: «Калани»: 514; «Война и мир»: 509, 514; «Смерть Ивана Ильича»: 572; «Декабристы»: 574. — Портрет его, раб. Крамского: 160, 161, 163, 166, 175, 197, 207, 360, 384, 406, 534, 543. — Упом.: 227, 261, 453, 496, 497, 601.
Толстой (Г. О. И.): 563.
Томас: Его картина: «Игра на карты жакотто»: 128.
Том (К. А.): 48—50, 614.
Теральден: 660.
Третьяков (В. И.): Портрет его, раб. Крамского: 252, 260, 261, 272, 329, 331, 335, 359, 365.
Третьяков (П. М.): Письма к нему: 58, 59, 67, 69, 70, 71, 78, 80, 85, 86, 94, 107, 114, 121, 122, 143, 184, 159, 160, 163, 166, 171, 175, 188, 191, 196, 197, 198, 207, 209, 211, 213, 217, 218, 219, 223, 224, 225, 228, 233, 238, 239, 243, 245, 249, 250, 252, 258, 259, 260, 261, 268, 270, 271, 275, 276, 282, 285, 286, 288, 314, 315, 321, 322, 323, 328, 329, 330, 331, 338, 334, 335, 337, 356, 359, 360, 361, 366, 367, 369, 372, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 384, 386, 392, 393, 399, 402, 403, 406, 409, 410, 411, 413, 414, 415, 421, 424, 426, 427, 428, 429, 480, 435, 437, 440, 442, 443, 451, 455, 457, 467, 477, 483, 493, 495, 500, 503, 506, 540, 542, 543, 555, 560, 574. — Его галерея русской живописи: 539—540. — Понятия из коллекции картин: Верещагина: 216, 217, 218. — Упом.: 74, 85, 94, 99, 92, 93, 99, 113, 125, 126, 128, 140—141, 144, 153, 161, 162, 207, 234, 251, 339, 377, 383, 395, 536, 544, 689, 737.
Третьяков (С. М.): 243, 258, 336, 338, 339, 409, 438, 503.
Третьяков (В. А.): 290.
Трунов (М. Б.): Его воспоминания о Крамском: 25. — Письма к нему: 47—57, 68, 208. — Портрет его, раб. Крамского: 40, 56. — Упом.: 33, 34, 35, 36, 38, 39, 224, 382.
Трунов (Г.): 16—17, 26, 27, 28.
Трунов (Н. С.): 87, 94, 114, 160, 224, 226, 238, 242, 286, 291, 320, 502, 514, 536, 661, 687. — Его портреты, работы Крамского: 226.
Там: 535.

Третьяков (П. И.): 232, 235, 239, 591, 593—595, 730.
Третьяков: 330—331.
У.
Уваров (Г. А. С.): 427, 428.
Угрюмов (И. И.): 198.
Угрюмов (Е. О.): 75—76.
Угрюмов (Н. Н.): 33, 555.
Ф.
Фальмон: 257.
Фиди: 678.
Филипп, митрополит: 531.
Фермер-Мерар: 401.
Флавиус (К. А.): Его картины: «Христианские мученики» и «Жизнь Тараканова»: 310. — Упом.: 717.
Филипп-Васильев: Портрет его, раб. Крамского: 70.
Фортис: 214, 253—255, 263, 264, 267—268.
Француз: Их заслуги в деле искусств: 298, 517.
Х.
Харламов (А. А.): Его картины: «Урок музыки», «Морская»: 202; «Итальянец»: 231, 222; «Забавлившийся итальянец»: 406—407. — Портрет его, раб. Туренева: 226, 238, 286; Навестя Александра П.: 667—668. — Упом.: 66, 173, 255, 319, 320, 383, 386, 406, 410.
Хлопицкий: Портрет его, раб. Крамского: 271.
Хомутова-Шилова (Л. В.): 56, 70.
Хомуты, каменный аламан, и смел его. Портрет их, раб. Крамского: 58.
Храм Св. Спаса. Работы на нем Крамского: 36—40, 120, 444.
Художник: Их образование: 635, 636. Соединение в них таланта с умом: 301—302. — Их категории: 381—«Отношения к миру публики и критики: 390—391. — Стремление к самостоятельности: 530—531, 618. — Необходимость предоставления художникам свободы: 625, 627, 631. — Вещи у русских художников: 589—595. — Художники русские в Риме: 277. — Параллель между русскими современными и старыми иностранными художниками:

XV. Къ ней же. 19-го ноября	63
XVI. Къ ней же. 4-го декабря	65
XVII. Къ П. М. Третьякову. Декабря	67

1870.

XVIII. Къ нему же. 12-го марта	67
XIX. Къ М. В. Тузикову. 6-го октября	68
XX. Къ нему же. 11-го октября	—

1871.

XXI. Къ П. М. Третьякову. 21-го февраля	69
XXII. Къ нему же. 21-го марта	—
XXIII. Къ нему же. 30-го марта	—
XXIV. Къ нему же. 4-го мая	—
XXV. Къ нему же. 9-го мая	70
XXVI. Къ О. А. Васильеву. 11-го июня	—
XXVII. Къ П. М. Третьякову. 19-го июня	71
XXVIII. Къ О. А. Васильеву. 1-го августа	—
XXIX. Къ нему же. 21-го октября	72
XXX. Къ нему же. 8-го ноября	74
XXXI. Къ П. М. Третьякову. 19-го ноября	75
XXXII. Къ О. А. Васильеву. 6-го декабря	78
XXXIII. Къ П. М. Третьякову. 6-го декабря	80

1872.

XXXIV. Къ О. А. Васильеву. 1-го января	80
XXXV. Къ нему же. 22-го февраля	81
XXXVI. Къ П. М. Третьякову. 1-го марта	85
XXXVII. Къ нему же. 8-го марта	86
XXXVIII. Къ нему же. 10-го апреля	—
XXXIX. Къ О. А. Васильеву. 15-го марта	87
XL. Къ нему же. 20-го апреля	90
XLI. Къ нему же. 25-го апреля	92
XLII. Къ П. М. Третьякову. 25-го апреля	94
XLIII. Къ О. А. Васильеву. 5-го июля	95
XLIV. Къ нему же. 20-го августа	98
XLV. Къ нему же. 29-го августа	101
XLVI. Къ нему же. 10-го октября	103
XLVII. Къ П. М. Третьякову. 23-го октября	107
XLVIII. Къ нему же. 25-го ноября	—
XLIX. Къ О. А. Васильеву. 30-го ноября	108
L. Къ В. Г. Перову. 23-го декабря	114
LI. Къ П. М. Третьякову. 23-го декабря	—

1873.

LII. Къ О. А. Васильеву. 1-го января	115
LIII. Къ П. М. Третьякову. 11-го января	121
LIV. Къ О. А. Васильеву. 15-го января	—
LV. Къ П. М. Третьякову. 16-го января	122
LVI. Къ О. А. Васильеву. 27-го января	—
LVII. Къ нему же. 13-го февраля	125
LVIII. Къ нему же. 25-го февраля	131
LIX. Къ нему же. 27-го марта	132
LX. Къ нему же. 28-го марта	137
LXI. Къ П. М. Третьякову. 3-го апреля	145

LXII. Къ О. А. Васильеву. 10-го апреля	146
LXIII. Къ нему же. 19-го апреля	149
LXIV. Къ нему же. 15-го мая	154
LXV. Къ П. М. Третьякову. 21-го мая	155
LXVI. Къ О. А. Васильеву. 2-го июля	157
LXVII. Къ нему же. 1-го августа	159
LXVIII. Къ П. М. Третьякову. 1-го августа	160
LXIX. Къ нему же. 11-го августа	161
LXX. Къ О. А. Васильеву. 13-го августа	163
LXXI. Къ П. М. Третьякову. 5-го сентября	164
LXXII. Къ О. А. Васильеву. 10-го сентября	166
LXXIII. Къ П. М. Третьякову. 15-го сентября	167
LXXIV. Къ В. В. Стасову. 25-го сентября	168
LXXV. Къ И. Е. Рынину. 8-го октября	171
LXXVI. Къ П. М. Третьякову. 26-го октября	—
LXXVII. Къ И. Е. Рынину. 15-го ноября	175
LXXVIII. Къ П. М. Третьякову. 15-го ноября	176
LXXIX. Къ И. Е. Рынину. 6-го декабря	180
LXXX. Къ нему же. 25-го декабря	185
LXXXI. Къ А. Д. Чиркину. 27-го декабря	188
LXXXII. Къ П. М. Третьякову. 30-го декабря	—

1874.

LXXXIII. Къ К. Т. Солдатенкову. января	189
LXXXIV. Къ В. В. Стасову. 5-го января	191
LXXXV. Къ П. М. Третьякову. 6-го января	—
LXXXVI. Къ И. Е. Рынину. 6-го января	196
LXXXVII. Къ П. М. Третьякову. 8-го января	197
LXXXVIII. Къ нему же. 11-го января	—
LXXXIX. Къ В. В. Стасову. 20-го января	198
XC. Къ П. М. Третьякову. 26-го января	—
XCI. Къ И. Е. Рынину. 20-го января	201
XCI. Къ П. М. Третьякову. 23-го февраля	207
XCV. Къ В. В. Стасову. 4-го марта	208
XCVI. Къ М. В. Тузикову. 5-го марта	—
XCVII. Къ П. М. Третьякову. 6-го марта	209
XCVIII. Къ нему же. 12-го марта	211
XCIX. Къ В. В. Стасову. 15-го марта	212
C. Къ П. М. Третьякову. 20-го марта	214
CI. Къ В. В. Стасову. 23-го марта	217
CII. Къ П. М. Третьякову. 5-го апреля	218
CIII. Къ нему же. 13-го апреля	219
CIV. Къ А. Д. Чиркину. 28-го апреля	—
CV. Къ П. М. Третьякову. 4-го мая	220
CVI. Къ И. Е. Рынину. 7-го мая	223
CVII. Къ П. М. Третьякову. 21-го мая	224
CVIII. Къ нему же. 9-го июня	—
CIX. Къ нему же. 26-го июня	225
CX. Къ А. Д. Чиркину. Августа	—
CXI. Къ П. М. Третьякову. 13-го августа	227
CXII. Къ И. Е. Рынину. 26-го августа	228
CXIII. Къ П. М. Третьякову. 6-го сентября	229
CXIV. Къ И. Е. Рынину. 28-го сентября	—

CXV. Къ В. В. Стасову. 5-го октября	стр.	232
CXVII. Къ П. М. Третьякову. 5-го октября	232	233
CXVIII. Къ А. Д. Чирину. 5-го октября	234	—
CXIX. Къ В. В. Стасову. 7-го октября	—	235
CXX. Къ А. Д. Чирину. 20-го октября	235	236
CXXI. Къ П. М. Третьякову. 9-го ноября	236	238
CXXII. Къ нему же. 16-го ноября	238	239
CXXIII. Къ П. Е. Рѣшину. 16-го ноября	240	242
CXXIV. Къ нему же. 21-го ноября	242	243
CXXV. Къ П. М. Третьякову. 10-го декабря	243	—

1875.

CXXVI. Къ П. Е. Рѣшину. 1-го января	245	—
CXXVII. Къ П. М. Третьякову. 14-го января	245	—
CXXVIII. Къ Е. М. Бекъ. 9-го марта	—	246
CXXIX. Къ П. М. Третьякову. 13-го марта	246	248
CXXX. Къ А. С. Суворину. 18-го марта	248	249
CXXXI. Къ Н. Е. Рѣшину. 5-го апреля	249	250
CXXXII. Къ П. М. Третьякову. 5-го апреля	250	252
CXXXIII. Къ нему же. 19-го апреля	252	—
CXXXIV. Къ нему же. 18-го мая	—	254
CXXXV. Къ нему же. 16-го мая	254	256
CXXXVI. Къ П. М. Третьякову. 27-го мая	256	259
CXXXVII. Къ нему же. 20-го июля	259	260
CXXXVIII. Къ нему же. 10-го августа	260	261
CXXXIX. Къ Н. Е. Рѣшину. 20-го августа	261	262
CXL. Къ нему же. 10-го сентября	262	265
CXLI. Къ П. М. Третьякову. 2-го ноября	265	269
CXLII. Къ нему же. 19-го ноября	269	—
CXLIII. Къ П. М. Третьякову. 10-го декабря	—	270
CXLIV. Къ нему же. 17-го декабря	270	271

1876.

CXLVII. Къ Н. Е. Рѣшину. 26-го марта	272	—
CXLVIII. Къ П. М. Третьякову. 7-го апреля	272	276
CXLIX. Къ нему же. 23-го апреля	276	278
CL. Къ В. В. Стасову. 4-го мая	278	282
CLI. Къ П. М. Третьякову. 7-го мая	282	283
CLII. Къ С. Н. Крамской. 15-го мая	283	285
CLIII. Къ П. М. Третьякову. 28-го мая	285	286
CLIV. Къ нему же. 6-го июня	286	288
CLV. Къ О. О. Петрушевскому. 9-го июня	288	289
CLVI. Къ П. М. Третьякову. 13-го июня	289	291
CLVII. Къ С. Н. Крамской. 14-го июня	291	293
CLVIII. Къ О. О. Петрушевскому. 17-го июня	293	296
CLIX. Къ В. В. Стасову. 9-го июля	296	300
CLX. Къ нему же. 19-го июля	300	306
CLXI. Къ нему же. 21-го июля	306	—

*) Цифры XX CLIV — CLXI не ошибкой напечатаны въ текстѣ два раза (см. Предисловіе), а потому вторая ихъ серия отбѣчена здѣсь маленькимъ буковомъ *a*. *Ред.*

CLV a. Къ П. М. Третьякову. 24-го июля	стр.	314
CLVI a. Къ нему же. 20-го августа	314	315
CLVII a. Къ В. В. Стасову. 28-го августа	315	318
CLVIII a. Къ П. М. Третьякову. 14-го сентября	318	321
CLIX a. Къ нему же. 17-го октября	321	322
CLX a. Къ А. С. Суворину. 24-го октября	322	323
CLXI a. Къ П. М. Третьякову. 30-го октября	323	325
CLXII a. Къ нему же. 10-го ноября	325	—
CLXIII. Къ нему же. 24-го ноября	—	328
CLXIV. Къ нему же. 10-го декабря	328	329
CLXV. Къ нему же. 25-го декабря	329	330

1877.

CLXVI. Къ нему же. 22-го января	330	331
CLXVII. Къ нему же. 16-го февраля	331	333
CLXVIII. Къ нему же. 4-го марта	333	—
CLXIX. Къ нему же. марта	—	334
CLXX. Къ нему же. 29-го марта	334	335
CLXXI. Къ нему же. 11-го апреля	335	336
CLXXII. Къ нему же. 21-го мая	336	—
CLXXIII. Къ нему же. 3-го июня	—	337
CLXXIV. Къ нему же. 17-го июля	337	338
CLXXV. Къ нему же. 29-го июля	338	358
CLXXVI. Къ П. А. Александрову. 11-го августа	358	359
CLXXVII. Къ П. М. Третьякову. Августа	359	—
CLXXVIII. Къ нему же. 13-го августа	—	360
CLXXIX. Къ нему же. 30-го августа	360	361
CLXXX. Къ нему же. 11-го сентября	361	362
CLXXXI. Къ нему же. 21-го сентября	362	364
CLXXXII. Къ Н. Е. Рѣшину. 18-го октября	364	366
CLXXXIII. Къ нему же. 29-го октября	366	367
CLXXXIV. Къ П. М. Третьякову. 20-го ноября	367	—
CLXXXV. Къ нему же. 7-го декабря	—	368
CLXXXVI. Къ А. С. Суворину. 7-го декабря	368	—
CLXXXVII. Къ нему же. 15-го декабря	—	369
CLXXXVIII. Къ Н. Е. Рѣшину. 15-го декабря	369	371
CLXXXIX. Къ П. М. Третьякову. 17-го декабря	371	372
CXC. Къ Н. Е. Рѣшину. 26-го декабря	372	—
CXCI. Къ П. М. Третьякову. 26-го декабря	—	373

1878.

CXCII. Къ Н. Е. Рѣшину. 7-го января	стр.	373
CXCIII. Къ П. М. Третьякову. 9-го января	373	374
CXCIV. Къ нему же. 16-го января	374	375
CXCV. Къ нему же. 19-го января	375	377
CXCVI. Къ нему же. 21-го января	377	—
CXCVII. Къ Н. Е. Рѣшину. 21-го января	—	378
CXCVIII. Къ П. М. Третьякову. 22-го января	378	379
CXCIX. Къ нему же. 27 января	379	—
CC. Къ В. М. Гаршину. 16 февраля	—	382
CCI. Къ Н. Е. Рѣшину. 17 февраля	382	383
CCII. Къ нему же. 1-го марта	383	384
CCIII. Къ П. М. Третьякову. 1-го марта	384	—

ССIV. Къ Н. Е. Рѣшину. 8-го марта	стр.
ССV. Къ нему же. 10-го марта	384
ССVI. Къ П. М. Третьякову. 7-го апрѣля	386
ССVII. Къ нему же. 15-го апрѣля	—
ССVIII. Къ Н. Е. Рѣшину. 9-го мая	389
ССIX. Къ П. М. Третьякову. 12-го мая	392
ССX. Къ нему же. 11-го августа	—
ССXI. Къ нему же. 9-го сентября	393
ССXII. Къ В. В. Стасову. 28-го сентября	—
ССXIII. Къ Н. Е. Рѣшину. 2-го октября	394
ССXIV. Къ В. В. Стасову. 15-го октября	397
ССXV. Къ П. М. Третьякову. 14-го ноября	399
ССXVI. Къ Е. М. Вась. 24-го ноября	402
ССXVII. Къ А. К. Шеллеру. 16-го декабря	—

1879.

ССXVIII. Къ П. М. Третьякову. 11-го января	402
ССXIX. Къ нему же. 19-го января	403
ССXX. Къ П. Е. Рѣшину. 29-го января	404
ССXXI. Къ нему же. 8-го февраля	405
ССXXII. Къ П. М. Третьякову. 5-го февраля	406
ССXXIII. Къ Н. Е. Рѣшину. 14-го февраля	—
ССXXIV. Къ нему же. февраля	407
ССXXV. Къ нему же. 25-го февраля	408
ССXXVI. Къ П. М. Третьякову. 1-го марта	409
ССXXVII. Къ нему же. 12-го марта	410
ССXXVIII. Къ нему же. 18-го марта	411
ССXXIX. Къ нему же. 31-го марта	—
ССXXX. Къ нему же. 6-го апрѣля	—
ССXXXI. Къ Н. Е. Рѣшину. 29-го апрѣля	412
ССXXXII. Къ П. М. Третьякову. 29-го апрѣля	413
ССXXXIII. Къ нему же. 10-го мая	—
ССXXXIV. Къ нему же. 14-го мая	—
ССXXXV. Къ Н. Е. Рѣшину. 14-го мая	414
ССXXXVI. Къ А. К. Шеллеру. 22-го мая	—
ССXXXVII. Къ П. М. Третьякову. Осень	—
ССXXXVIII. Къ А. К. Шеллеру. 15-го сентября	415
ССXXXIX. Къ П. М. Третьякову. 26-го ноября	—
ССXL. Къ нему же. 8-го декабря	416
ССXLI. Къ П. М. Третьякову. 29-го декабря	—

1880.

ССXLII. Къ нему же. 9-го января	421
ССXLIII. Къ В. В. Стасову. 9-го января	422
ССXLIV. Къ П. М. Третьякову. 22-го февраля	424
ССXLV. Къ А. К. Шеллеру. 23-го февраля	425
ССXLVI. Къ Н. Е. Рѣшину. 17-го марта	—
ССXLVII. Къ нему же. 25-го марта	426
ССXLVIII. Къ П. М. Третьякову. 24-го апрѣля	—
ССXLIX. Къ нему же. 20-го сентября	427
ССL. Къ А. С. Суворину. 30-го октября	—
ССLI. Къ П. М. Третьякову. 30-го октября	428
ССLII. Къ Н. Е. Рѣшину. 7-го ноября	—
ССLIII. Къ П. М. Третьякову. 23-го ноября	429

ССLIV. Къ А. С. Суворину. 29-го ноября	стр.
ССLV. Къ П. М. Третьякову. 12-го декабря	430

1881.

ССLVI. Къ нему же. 14-го февраля	430
ССLVII. Къ Н. Е. Рѣшину. 16-го февраля	432
ССLVIII. Къ О. О. Петрушевскому. 3-го марта	433
ССLIX. Къ В. В. Стасову. Март	434
ССLX. Къ П. М. Третьякову. 2 апрѣля	435

1882.

ССLXI. Къ нему же.	435
ССLXII. Къ неизвѣстному: (Весна)	436
ССLXIII. Къ П. М. Третьякову. 9-го июня	437
ССLXIV. Къ нему же. 27-го июня	440
ССLXV. Къ нему же. 14-го ноября	442
ССLXVI. Къ нему же. Ноябрь-декабрь	443
ССLXVII. Къ неизвѣстному. 29-го ноября	445

1883.

ССLXVIII. Къ А. С. Суворину. 6-го января	448
ССLXIX. Къ нему же. 6-го января	450
ССLXX. Къ нему же. 8-го января	451
ССLXXI. Къ П. М. Третьякову. 12-го января	—
ССLXXII. Къ нему же. 15-го января	455
ССLXXIII. Къ нему же. 20-го января	457
ССLXXIV. Къ П. О. Ковалевскому. 21-го февраля	458
ССLXXV. Къ А. С. Суворину: Март	460
ССLXXVI. Къ неизвѣстному. 8-го апрѣля	461
ССLXXVII. Къ А. С. Суворину. 13-го апрѣля	464
ССLXXVIII. Къ нему же	466
ССLXXIX. Къ Н. П. Вагнеру. 23-го июля	—
ССLXXX. Къ П. М. Третьякову. 29-го ноября	467

1884.

ССLXXXI. Къ А. С. Суворину. февраль	467
ССLXXXII. Къ О. И. Бутлакову. 1-го марта	468
ССLXXXIII. Къ нему же. 2-го марта	470
ССLXXXIV. Къ А. С. Суворину. 4-го марта	472
ССLXXXV. Къ О. И. Бутлакову. 10-го марта	477
ССLXXXVI. Къ П. М. Третьякову. 12-го марта	—
ССLXXXVII. Къ В. В. Стасову. 14-го апрѣля	476
ССLXXXVIII. Къ нему же. 2-го апрѣля	479
ССLXXXIX. Къ О. О. Петрушевскому. 12-го апрѣля	481
СXC. Къ П. О. Ковалевскому. 15-го апрѣля	481
СXC. Къ П. М. Третьякову. 19-го апрѣля	483
СXCII. Къ О. О. Петрушевскому. 20-го апрѣля	484
СXCIII. Къ В. В. Стасову. 30-го апрѣля	486
СXCIV. Къ нему же. 19-го мая	491
СXCV. Къ П. М. Третьякову. 31-го мая	493
СXCVI. Къ О. О. Петрушевскому. 3-го июня	—
СXCVII. Къ П. М. Третьякову.	495

*) Въ текстѣ ошибочно напечатано: „Къ нему же“ (т. е. къ П. О. Ковалевскому).
Ред.

ССХVУШ. К3. В. Г. Чертугоу. 10-го октября	СТР.
ССХVIX. К3. нему же. 11-го октября	493
ССС. К3. нему же. 27-го октября	495
СССЛ. К3. М. Е. Салтыкову. 21-го ноября	497
СССЛ. К3. П. М. Третьякову. 29-го ноября	500
СССЛ. К3. П. О. Коваленскому. 5-го декабря	497
СССIV. К3. П. М. Третьякову. 5-го декабря	503
СССV. К3. нему же. 6-го декабря	
СССVI. К3. П. О. Коваленскому. 18-го декабря	

1885.

СССVII.	Кз	П. М. Третьякову.	1-го января	506
СССVIII.	Кз	П. М. Ковалевскому.	1 января.	—
СССIX.	Кз	А. С. Суворину.	21-го января.	508
СССХ.	Кз	нему же.	25-го января	512
СССXI.	Кз	графу Л. Н. Толстому.	29-го ноября	512
СССXII.	Кз	А. С. Суворину.	12-го февраля	516
СССXIII.	Кз	нему же.	13-го февраля	520
СССXIV.	Кз	нему же.	14-го февраля	521
СССXV.	Кз	неизвистому.	16-го февраля	523
СССXVI.	Кз	А. С. Суворину.	16-го февраля.	524
СССXVII.	Кз	нему же.	18 февраля.	525
СССXVIII.	Кз	нему же.	18-го февраля.	527
СССXIX.	Кз	нему же.	19-го февраля.	528
СССXX.	Кз	нему же.	20-го февраля	529
СССXXI.	Кз	нему же.	21-го февраля	532
СССXXII.	Кз	нему же.	26-го февраля	—
СССXXIII.	Кз	нему же.	27-го февраля	533
СССXXIV.	Кз	нему же.	27-го февраля	535
СССXXV.	Кз	нему же.	7-го марта	536
СССXXVI.	Кз	Н. А. Благолютому.	7-го марта	538
СССXXVII.	Кз	В. В. Стасову.	16-го марта	539
СССXXVIII.	Кз	А. С. Суворину.	19-го марта	—
СССXXIX.	Кз	П. М. Третьякову.	23-го марта	540
СССXXX.	Кз	нему же.	19-го ноября	542
СССXXXI.	Кз	П. М. Ковалевскому.	27-го ноября.	543
СССXXXII.	Кз	П. М. Третьякову.	2-го декабря	—
СССXXXIII.	Кз	П. М. Ковалевскому.	5-го декабря	544
СССXXXIV.	Кз	А. С. Суворину.	11-го декабря	—
СССXXXV.	Кз	нему же.	11-го декабря	545
СССXXXVI.	Кз	нему же.	13-го декабря	548
СССXXXVII.	Кз	нему же.	16-го декабря	549
СССXXXVIII.	Кз	нему же.	18-го декабря	552
СССXXXIX.	Кз	нему же.	22-го декабря	553
СССXL.	Кз	Н. А. Благолютому.	31-го декабря.	—

1886.

СССХLXI.	К.з.	А. С. Суворину.	8-го января	554
СССХLXII.	К.з.	П. М. Третьякову.	10-го января	555
СССХLXIII.	К.з.	Н. А. Вязовскому.	17-го января	556
СССХLXIV.	К.з.	В. В. Стасову.	28-го января	557
СССХLXV.	К.з.	мему же.	4-го февраля	558
СССХLXVI.	К.з.	П. М. Третьякову.	4-го февраля	560
СССХLXVII.	К.з.	П. М. Ковалевскому.	10-го февраля	561
СССХLXVIII.	К.з.	мему же.	11-го марта	561

СССХLIX.	Къ нему же. 23-го апрѣля	561
СССЛ.	Къ В. В. Стасову. 16-го юля	562
СССЛII.	Къ нему же. 21-го юля	566
СССЛIII.	Къ нему же. 1-го августа	567
СССЛIII.	Къ нему же. 3-го августа	568
СССЛIV.	Къ нему же. 8-го августа	569
СССЛV.	Къ П. М. Ковалевскому. 21-го сентября	572
СССЛVI.	Къ нему же. 30-го сентября	—
СССЛVII.	Къ В. В. Стасову. 30-го сентября	—
СССЛVIII.	Къ П. М. Ковалевскому. 20-го октября	573
СССЛIX.	Къ Н. Н. Жовнерлюму. 9-го декабря	—
СССЛX.	Къ Е. М. Беазг. 25-го декабря	—

1887.

СССЛXI.	К. П. О. Козаевскому.	12-го января	574
СССЛXII.	К. П. М. Третькову.	15-го января	—
СССЛXIII.	К. В. В. Стасову.	15-го января	575
СССЛXIV.	К. П. П. Ронетту.	30-го января	—
СССЛXV.	К. П. М. Козаевскому.	Февраль	576
СССЛXVI*.)	К. Е. М. Боме.	14-го марта	—

III. Статьи.

I.	Воспльдъ на историческую живопись. (1858)	579
II.	Наслаждение природою. (1862—63)	582
III.	Событiе въ Академической художествѣ. (1863)	583
IV.	С.-Петербургская Академія художествъ въ 1867 (1867)	586
V.	Вечеръ между художниками. (1874)	588
VI.	Узлы русскаго искусства. I. (1877)	596
"	" " II. (" ")	609
"	" " III. (" ")	618
"	" " IV. (1880)	635
"	" " V. (1882)	632
VII.	За отсутствіемъ критики. (1879)	639
VIII.	Объ Иванѣхъ (1880)	647
IX.	Картина Кунякина (1880)	662
X.	Детскія лица изъ Св. Никиты, Ал. Иванова (1881)	666
XI.	Фотографія съ картиной В. В. Верещагина (1881)	664
XII.	О портретахъ Императора Александра II. (1881).	667
XIII.	О портретѣ Ф. М. Достоевскаго (1881)	669
XIV.	Открытое письмо къ В. В. Стасову (1881)	670
XV.	Портреты Императора Александра III (1881)	671
XVI.	Школа рисованія въ Солдатнхъ Городкѣ (1882)	675
XVII.	Русскіе художественные критики (1882)	677
XVIII.	Выставка Айвазовскаго (1882)	681
XIX.	Знакомство съ Артеміемъ художникомъ и Товариществомъ передви- жнцехъ выставкою (1883)	683
XIX	а. Письмо къ Редакціи „Новаго Времени“ (о статьѣ г. Авер- киевъ) (1883)	794

*) Вследствие указанной выше ошибки в нумерации, общее количество напечатанных в настоящем томе писем П. П. Крамского не 366, а 374. *Ред.*

XX. Выставка Вережагина въ Вѣнѣ (1835)	стр.
	684
XXI. Нужна ли Русская Академія художествъ въ Римѣ? (1836)	693

IV. Документы.

I. Прошеніе учениковъ въ Академію художествъ (1863)	701
II. Письмо Артели художниковъ къ А. Е. Бейдеману (1864)	702
III. Условіе Крамского съ проф. Марковымъ (1865)	703
IV. Записка, поданная гр. С. Г. Строганову (1865)	704
V. Условіе Крамского съ проф. Басинимъ (1868)	720
VI. Представленіе И. Н. Крамского въ Общее собраніе Артели художниковъ (1870)	721
VII. Письмо И. Н. Крамского къ члену Артели художниковъ Х. (1870)	725
VIII. Прошеніе И. Н. Крамского въ Общее собраніе Артели художниковъ (1870)	727
IX. Заявленіе И. Н. Крамского въ Общее собраніе Артели художниковъ (1870)	730
X. Проектъ заявленія Товарищества передвижныхъ выставокъ противъ акад. Тютрюмова (1874)	—
XI. Памятная записка о художественномъ съѣздѣ въ Москвѣ (1892)	731
Указателя имени.	739

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я глубоко счастливъ, получивъ возможность издать въ свѣтъ письма и статьи Крамского: по моему убѣжденію, Крамской великій писатель объ искусствѣ, а такимъ до сихъ поръ никто не зналъ его. Сдѣлать извѣстными для всѣхъ мысли Крамского—эту возможность далъ мнѣ А. С. Суворинъ, и моя благодарность ему за это — безпредѣльна. Не согласись онъ издать эту книгу на свой счетъ, вѣроятно, я на своемъ вѣку не нашелъ бы уже никакого другого человека, который взялъ бы на себя эту тяжкую и „неблагодарную“ задачу. Восемь лѣтъ тому назадъ, въ 1880 году, я радовался на то, что наконецъ напечаталась, отчасти вслѣдствіе моихъ усердныхъ настояній, „Переписка Иванова“ и что я даже участвовалъ въ этомъ изданіи очень дѣятельнымъ образомъ. Но тамъ были особенныя причины, условившія появленіе книги Иванова: издатель, М. П. Боткинъ, былъ самъ художникъ, долго жилъ въ Римѣ, вмѣстѣ съ Ивановымъ, и былъ съ нимъ въ отношеніяхъ самой интимной дружбы. Онъ глубоко зналъ, любилъ и даже, можно сказать, обожалъ Иванова, а послѣ его смерти получилъ отъ его брата, Сергѣя Иванова, всю его переписку, въ видѣ черновыхъ набросковъ самого художника. Подобныя условія не было на лицо нынче, въ отношеніи къ Крамскому. Но А. С. Суворинъ зналъ Крамского въ продол-

женіе многихъ лѣтъ и цѣнилъ его очень высоко, какъ чловека и какъ художника—такъ высоко, какъ быть можетъ рѣдкіе люди. Поэтому я и рѣшился предложить ему изданіе. Онъ принялъ мое предложеніе съ такою горячею готовностію, какой я даже и не ожидалъ. Я вѣдь былъ совершенно чужой и далекій для него чловекомъ, а онъ долженъ былъ вдругъ вѣрить тому, что я ему говорилъ о великомъ художественно-критическомъ значеніи Крамской! Къ величайшему моему изумленію, однакоже, осуществленіе моихъ мыслей сдѣлалось возможно мгновенно, безъ всякихъ затрудненій. Я не могу разсказать всей мой радости и благодарности.

Я давно зналъ Крамского и глубоко уважалъ его, но никогда онъ не представлялъ мнѣ такую крупную историческую личность, какою я увидалъ его съ тѣхъ поръ, какъ у меня собралась вся громадная масса его писемъ и всѣ критическія статьи его (изъ которыхъ большая часть никогда раньше того не появлялась въ печати). Только тогда мнѣ стало ясно, что Крамской былъ не только высокая интеллигенція, но что это — величайшій художественный критикъ нашего вѣка. Прежде меня глубоко поражалъ нашъ Ивановъ, который—не только творецъ великой картины „Явленіе Христа народу“, но вмѣстѣ и великій и глубокий мыслитель въ дѣлѣ искусства. Онъ никогда не написалъ никакой книги, и даже ни одной статьи, да, вѣроятно, никогда не посмѣлъ бы даже и подумать о подобной задачѣ, конечно, считая себя совершенно далекимъ отъ всякаго писанія, а пожалуй и малограмотнымъ. Не взирая на это, я находилъ всегда въ письмахъ Иванова безчисленное множество такихъ глубокихъ взглядовъ на искусство, такихъ глубокихъ оцѣнокъ художниковъ, такую независимость и смѣлость мысли, какихъ я нигдѣ болѣе, раньше его, не встрѣчалъ, во всей художественно-критической литературѣ Запада, не взирая на всю общепризнанную авторитетность, умъ и талантливость лучшихъ авторовъ. Но, узнавъ Крамского вполне, я пришелъ къ тому убѣжденію, что въ дѣлѣ художественной

критики Крамской еще значительнѣе Иванова: онъ разностороннѣе и гибче его, онъ не ограничивается, какъ тотъ, однимъ религіознымъ, историческимъ, по преимуществу идеальнымъ искусствомъ, но глубоко понимаетъ и то бытовое, жизненное, національное и реальное искусство, которое выдвинулось во всей своей силѣ и цвѣтѣ лишь послѣ смерти Иванова, и не было еще ему знакомо, но составляетъ главную задачу нашего вѣка. У Крамского соединились и великая сила взгляда на общія условія существованія искусства, и глубокое пониманіе всѣхъ частныхъ его, эстетическихъ и техническихъ. Въ статьяхъ и письмахъ своихъ онъ идетъ до глубины вопроса объ отношеніи современнаго художника къ современной публикѣ, указываетъ на несчастную его зависимость на Западѣ и на то, какъ мы еще свободны, покуда, въ Россіи, отъ чумы художественнаго пролетаріата и подчиненія капризу потребителя; онъ указываетъ, при всей симпатіи къ истинно значительнымъ европейскимъ талантамъ, также и на зловерный, исключительно „виртуозный“ поворотъ большинства дѣятелей современнаго западнаго искусства, и полнѣе тамъ часто презрѣніе къ „содержанію“. Но вмѣстѣ онъ становится безпощаднымъ анатомомъ молодого русскаго нарождающаго искусства и, указывая его великія, неоцѣнныя, свѣжія качества, не боится разбирать и осуждать всѣ его худшія, незрѣлыя или далеко еще несовершенныя стороны,—и все это съ такою безпощадною строгостію, правдивостію, но вмѣстѣ и любовью, какихъ до сихъ поръ не выказывалъ, въ отношеніи къ искусству своей страны, ни одинъ европейскій критикъ. Старое европейское искусство временъ Возрожденія и послѣдующихъ за нимъ эпохъ, Крамской также подвергаетъ такой глубокой и вѣрной критикѣ, какой напрасно было бы искать у другихъ писателей.

Конечно, у Крамского есть и недостатки, заблужденія, у него встрѣчаются тоже иногда и невѣрные сужденія о художникахъ и художественныхъ произведеніяхъ, но ихъ

мало, и всё такого рода недочеты — ничто в сравнении с остальной массой правды и света.

Поэтому я считаю, что письма и статьи Крамского — необыкновенно крупный факт в истории нашего художественного развития, и что они будут иметь громадное влияние на рост и формирование нашего искусства.

Я принялся за собираніе писемъ и статей Крамского скоро послѣ его смерти, въ прошломъ году. Небольшую долю писемъ я получилъ тотчасъ-же отъ семейства покойнаго художника, въ видѣ черновыхъ его набросковъ; но несравненно большую часть писемъ я получилъ изъ разныхъ концовъ Россіи, отъ прежнихъ корреспондентовъ Крамского. Со всѣхъ сторонъ я встрѣтилъ крайнюю обязательность и готовность послужить общему дѣлу сообщеніемъ имѣющихся на лицо многочисленныхъ писемъ. Никто не отказалъ мнѣ въ томъ, чего я просилъ. Такимъ образомъ составилъ огромный матеріалъ настоящаго изданія. Къ сожалѣнію, нѣкоторая часть переписки Крамского исчезла безслѣдно: такъ, наприм., не существуютъ болѣе письма, писанныя имъ въ разное время къ М. М. Антокольскому и Н. А. Ярошенко; письма же Крамского къ Перову сожжены этимъ послѣднимъ, за нѣсколько времени до смерти, вмѣстѣ со всею остальною имѣвшеюся у него въ рукахъ разнообразнѣйшею перепискою. Лишь одно письмо Крамского къ Перову случайно уцѣлѣло въ бумагахъ П. М. Третьякова.

Оригиналы статей Крамского, кромѣ уже напечатанныхъ, я получилъ отъ семейства Крамского и отъ Н. А. Александрова, редактора „Художественнаго Журнала“.

Всѣ статьи и письма Крамского печатаются въ настоящемъ изданіи цѣлкомъ, за исключеніемъ того, что не могло появляться въ свѣтъ по условіямъ цензурнымъ или по соображеніямъ личнымъ, въ отношеніи къ нѣкоторымъ еще живымъ людямъ. Впрочемъ, послѣдняя категорія пропусковъ въ настоящемъ изданіи очень невелика, потому что большинство тѣхъ даже личностей, къ которымъ Крамской иногда

относился въ своихъ отзывахъ недружелюбно, дали согласіе на напечатаніе цѣлкомъ, безъ малѣйшихъ пропусковъ, всего, что о нихъ говорится у Крамского. Я съ радостью вслѣдъ воспользовался этимъ великодушнымъ разрѣшеніемъ, но долженъ указать читателю на то, что, не смотря на всегдашнюю высокую свою честность и безпристрастіе къ людямъ и событіямъ, Крамской иногда (хотя и очень рѣдко) увлекался и бывалъ несправедливъ къ инымъ людямъ, съ которыми сталкивала его жизнь. Наибольшую несправедливость его я встрѣтилъ въ отношеніяхъ его къ Д. В. Григоровичу: онъ одно время отзывался о немъ даже съ величайшею несимпатичностью и враждебностью, и это именно тогда, когда дѣло шло о посылкѣ за границу, на счетъ Общества поощренія художниковъ, тяжело больного молодого пейзажиста Васильева. Крамской точно будто влюбленъ былъ въ его талантъ и натуру, видѣлъ быстрое приближеніе неминуемой его смерти, и только одною былъ наполненъ мыслью: какъ бы облегчить его страданія, устроить для него что-нибудь полезное. Его раздражало малѣйшее сопротивленіе его планамъ, его выводилъ изъ себя малѣйшій отказъ или отсрочка. И вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ, Д. В. Григоровичъ сталъ ему казаться какимъ-то врагомъ или недоброжелателемъ Васильева, и такимъ онъ его и старается выставить во многихъ письмахъ своихъ къ этому послѣднему. Но стѣбитъ прочитать въ этихъ же письмахъ рассказы самого Крамского о Д. В. Григоровичѣ, приведенные тутъ отрывы этого послѣдняго, его разговоры, наконецъ, стѣбитъ сообразить все сдѣланное этимъ послѣднимъ для Васильева, чтобы увидѣть, что никто не былъ такъ доброжелателенъ къ Васильеву, какъ именно Д. В. Григоровичъ, и никто столько для него не сдѣлалъ, какъ онъ, иногда даже какъ бы вопреки интересамъ Общества, котораго онъ былъ тогда секретаремъ. Такіе печальные примѣры несправедливости Крамского встрѣчаются въ перепискѣ его; но счастливо, ихъ было очень мало. Но я не счелъ себя въ правѣ ихъ скрыть или измѣнить, особенно

когда тѣ, кого дѣло касалось, давали мнѣ полное разрѣшеніе печатать то, что о нихъ говорилъ Крамской.

Я старался сдѣлать изданіе какъ можно болѣе точнымъ, вѣрнымъ и аккуратнымъ, къ сожалѣнію мнѣ не удалось избѣжать вполне неточностей, невѣрностей и 'неаккуратностей'. Изъ нихъ главныхъ двѣ: первая та, что письмо Крамского № CCLXXV, отъ начала марта 1883, озаглавлено: „Къ нему же“, т. е. къ П. О. Ковалевскому (къ которому адресовано предыдущее письмо № CCLXXIV), но это невѣрно, письмо № CCLXXV адресовано Крамскимъ въ дѣйствительности къ А. С. Суворину. Другая крупная невѣрность та, что нумера писемъ отъ CLIV до CLXI включительно, напечатаны два раза, послѣдовательно, такъ что отъ этого общее число издаваемыхъ писемъ Крамского вышло 366, вмѣсто 374. Эта ошибка была замѣчена уже слишкомъ поздно, и ее можно было до нѣкоторой степени исправить только тѣмъ, что въ „Оглавленіи“ у второй серии этихъ нумеровъ поставлена маленькая буква *a*. Извиненіемъ этой погрѣшности можетъ служить то, что даже во время печатанія текста много разъ получались новыя и новыя письма Крамского, и потому много разъ приходилось переверстывать одну и ту же работу, и все это съ большимъ слѣхомъ.

Въ заключеніе всего, я скажу, что, по моему мнѣнію, издатель, рѣшившійся издать на свой страхъ, а можетъ быть, при равнодушіи публики, и убытокъ, такую капитальную книгу, какъ „Письма и статьи Крамского“, сдѣлалъ для своего отечества и для памяти великаго усопшаго, своего пріятеля—большое и навсегда важное дѣло.

В. Стасовъ.

